

Cassandra Claire

Draco Veritas

Это произведение является продолжением Draco Dormiens и Draco Sinister.

Автор: Кассандра Клер (Cassandra Claire), cassandraclaire73@yahoo.com

Перевод на русский язык: Анастасия Старынина, starinina@mail.ru.

Редакторы: Сохатый, Free Spirit, Корова рыжая, Евгений М., Sanya Rubinshtain, Критик, Helianthus, Frodo Bagins, Дамби

Cassandra Claire

Draco Veritas. — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2007. — 443с.
Версия 1.0. 09.04.2007

ISBN not allocated

© **Cassandra Claire**, cassandraclaire73@yahoo.com, 2003-2006.

© Перевод на русский язык **Анастасия Старынина** aka **Stasy**, starinina@mail.ru, 2003-2006.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2007.
Впервые опубликовано онлайн в 2003-2006 году.
Компьютерная вёрстка: Б. Нейтрон

Народный перевод Гарри Поттера
www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)
Электронная почта: admin@yarik.com

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series.

English title: Draco Veritas.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 18 лет.

Глава 1. Сквозь стекло и серебро.

*Ушел твой отец на охоту
А лес дремуч и далек
Жену он не смог позвать с собой
Ребенка он взять не смог.*

*Ушел твой отец на охоту
Сквозь глину, песок — не вернуть
Не сможет жена пойти за ним,
Хотя она знает путь*

*Ушел твой отец на охоту,
Проник сквозь зеркальную гладь.
И алчность зовет вперед его,
А дух не в силах призвать.*

*Ушел твой отец на охоту,
На зверя, что нам не связать.
С отцовской молитвой ребенок
Остался в кроватке дремать.*

*Ушел твой отец на охоту,
Удачу свою потеряв
И ангел-хранитель свой лик отвернул,
Защиту не обещав.*

*Ушел твой отец на охоту
Велев передать всем «прости»
И очень просил не держать его
Но я б и не встал на пути.*

Леонард Козн

Стоял декабрь, и в снежковом подземелье было смертельно холодно, однако Снейпа это совершенно

— Кто мне скажет, что это такое? — поинтересовался он, поднимая вверх прозрачный сосуд с булькающей зеленой жидкостью и критически оглядывая класс. — Лонгботтом?...

Невил, безуспешно пытавшийся согреть над котлом посиневшие от холода руки, как всегда перепугался:

— Я не знаю, профессор...

— А разве вы не прочли заданное накануне? Десять страниц из учебника Либера — Штоллера.

— Да, я знаю, профессор, но моя жаба... Мой Тревор потерялся, и я...

— Десять очков с Гриффиндора! — рявкнул Снейп в лучших традициях.

А у него совершенно незамерзший вид, — размышлял про себя Драко. — Похоже, перед уроком он глотнул Согревающего зелья...

Черные глаза Снейпа буравили класс.

— Поттер? — наконец вызвал он.

Краем глаза Драко заметил, что Гарри замер и побледнел. Гермиона, сидевшая рядом с ним, напротив, покраснела: каждый раз, когда она знала ответ (а Гарри его не знал), Драко чувствовал, как она разрывается, пытаясь передать знания в направлении Гарри.

...Это зелье Imperceptus, — лениво подумал Драко. — Делает тебя невидимым.

Гарри выпрямился.

— Это зелье Imperceptus, — произнес он. — Делает невидимым принявшего его.

Снейп потускнел от разочарования.

— И каковы же его ингредиенты?

...Полынь, — перечислял Драко, — толченая кость дракона, сушеная кровь кобры, пижма, перечная мята...

— Полынь, толченая кость дракона, сушеная кровь кобры, пижма, перечная мята... — послушно повторял Гарри.

не волновало:

...и пара моих трусов с рисунком из снитчей, — добавил Драко.

— ...И пара... — начал было Гарри, остолбенело осекся, покраснел, побелел и зашелся в приступе кашля. Гермиона встревоженно взглянула на него. Драко с невинным видом крутил в пальцах перо.

— Да, Поттер? — брови Снейпа подползли прямо к его волосам. — Пара чего?

— Жуков? — слабо вякнул Гарри, наконец-то прокашлявшись.

— Нет, Поттер, — раздраженно заявил Снейп. — Шестым ингредиентом является не пара жуков. И тем не менее, названо пять из шести — вы не опозорились... Я не буду снимать очки с Гриффиндора, — и он со слабым звуком опустил сосуд на стол перед собой. — Ну, есть желающие подойти ко мне и испытать зелье, став невидимыми?

Драко усмехнулся и покосился на Гарри.

...Никогда, — даже телепатический голос Гарри звучал раздраженно. — Ты мне уже помог, спасибочки.

...Да ладно, сказано же — Гриффиндор больше очков не теряет.

...Зато я потеряю десять лет жизни. Отвали, Малфой. Иди и становись невидимым, делай, что хочешь. Смотри только, не очокурься, проведя десять минут без своего драгоценного отражения.

Драко пожал плечами, чувствуя, что Гермиона сидит, раздраженно покусывая губу, и переводит взгляд с одного юноши на другого. Рон вызвался опробовать зелье перед классом, с подозрением поглядел на пенящуюся зеленую жидкость, выдохнул, словно в последний раз, и выпил.

Внимание Драко привлекло шуршание бумаги. Повернувшись, он увидел, как Гермиона показывает ему записку, сложенную так, чтобы больше никто не мог ее прочитать: «Я же просила тебя не болтать с Гарри во время урока!»

Драко виновато пожал плечами, но Гермиона все равно осуждающе смотрела на него, пока Рон вдруг не исчез в пурпурной вспышке.

— Уизли лучше всего выглядит именно так, — пропел чей-то шелковистый голос у локтя Драко. Он обернулся — из-под длинных темных ресниц серовато-зелеными глазами на него смотрела Блез Забини.

— Именно то, что я собирался сказать, — искренне согласился Драко.

Она коснулась двумя пальцами его рукава, и ее лицо осветилось:

— Какой ты умный...

Драко самодовольно улыбнулся и откинулся на спинку стула, не видя, но прекрасно чувствуя тот полный отвращения взгляд, который бросила в их сторону Гермиона. Он уже к этому привык.

Что-то хлопнуло, и Рон снова появился.

— Не повезло, — негромко констатировал Драко, и Блез с Пенси захихикали, глядя, как Рон, слегка зеленый, пробирается к столу. Гермиона потянула его за рукав на стул и ободряюще хлопнула по плечу.

— Так, а теперь другое зелье, — объявил Снейп и указал на пузырек с красной жидкостью. — Оно называется *Soporosus*... и что оно делает?... Да, мисс Грейнджер?

Гермиона опустила руку:

— Оно восстанавливает в памяти ваши сны.

Добавить Снейпу было нечего:

— Прекрасно, — он кашлянул. — Драко Малфой, попрошу сюда.

Мастер Зелий крайне редко вызывал его, предпочитая измываться над Гриффиндорцами, а не над Слизеринцами. Драко медленно поднялся, вышел и встал перед классом, вопросительно поглядывая на Снейпа. Тот раскупорил флакон с красной жидкостью, напоминающей кровь, и протянул его Драко. Тот с сомнением заглянул внутрь:

— Оно поможет мне вспомнить мои сны?

— Только самые последние, — уточнил Снейп с непроницаемым лицом. — Давайте же.

Напоследок еще раз с сомнением покосившись на него, Драко выпил зелье.

Ничего не произошло. Драко взглянул на класс: десятки пар глаз выжидающе уставились на него в ответ.

Гермиона с любопытством склонила на бок голову, Рон смотрел с затаенной надеждой, что Драко сейчас разнесет в мелкие клочки, Гарри приподнял бровь, Блез и Пенси поразевали рты, Невилл, казалось, утонул в мрачных размышлениях о судьбе своей жабы... Драко было собрался сообщить профессору Зельеделия, что ничего не получилось, когда вдруг увидел, что дальняя стена класса словно закружилась и волной понеслась на него. Темнота охватила его, и он утонул в ней.

* * *

Сон омывал его лихорадочным жаром, ослеплял, тащил вперед: вокруг выросли каменные стены, мраморный пол заскользил под ногами. Он находился где-то — и нигде.

Подняв голову, Драко огляделся: казалось, что он смотрит сквозь закопченное стекло, мир казался дымным, отчужденным, темным, словно свет в нем был придушен какой-то тяжелой тканью. присмотревшись, он удостоверился, что стоит в комнате какой-то цилиндрической формы, словно бы она являлась вершиной какой-то башни. В стенах были прорезаны узкие, древние окна, вдоль одной из стен бежал длинный дубовый стол, уставленный бутылками и серебряными фиалами, украшенными, судя по всему, драгоценными камнями. Помимо них повсюду лежали и другие, отчасти знакомые вещи: костяной ключ, Рука Славы, какой-то неприятный на вид кинжал... Одна из стен была почти полностью завешена гобеленом: расчерченный на четыре части круг, в каждом из секторов которого

были начертаны какие-то символы, которых Драко разобрать на сумел, а под кругом красовался девиз: «*Domina Nocturne Illuminate Meo*».

В центре возвышался каменный котел совершенно невиданных размеров: огромный, толстостенный — в нем вполне мог бы поместиться человек. А около котла стояли двое.

Одного из них Драко сию же секунду узнал: светловолосый мужчина в мантии холодного темно-зеленого цвета прищурил глаза и сжал руки в черных перчатках. Это был его отец, Люциус Малфой.

Лицо второго был скрыто капюшоном черной мантии, хотя воображение Драко тут же нарисовало ему два сияющих, словно угли, красных глаза. Его правая рука... такая узнаваемая белая кожа и красные ногти... Однажды эта рука уже заставила его корчиться в мучительной агонии. Он шевельнул второй рукой — в ней что-то тускло блеснуло, снова... снова... Перчатка из материала, напоминавшего чешую, а в пальцах он сжимал что-то извивающееся — змею.

— Я скучаю по Нагини, — произнес Вольдемо́рт, — другой такой нет...

— Нет... — тихо повторил Люциус Малфой. — Господин, тот вопрос, который я хотел обсудить с вами... он все еще не решен.

— Мальчик? — зашипел Темный Лорд.

Люциус закивал:

— Мальчик ненадежен, мой Господин.

— Ну, это уже была твоя задача, смотреть за ним...

— Этим летом земля ушла у нас из-под ног, что было неизбежным, принимая во внимание последние неприятности...

— Что ж, самая пора все вернуть на свои места, — решительно произнес Темный Лорд. — Ты уже связался с ним? Сообщил ему, что жив?

— Да, у нас практически постоянный контакт. Он, конечно, в курсе, хотя я не стал сообщать ему всего...

— Делай то, что считаешь нужным Люциус. Все под твою ответственность.

Резким движением Темный Лорд перехватил змею и стиснул ее за голову. Когда он бросил ее, она, по-видимому, была мертва. Выражение лица Люциуса потемнело, когда он наблюдал за тем, как Вольдемо́рт поднял ее и швырнул в котел.

— Ты знаешь, что случится, если ты не добьешься успеха на этом поприще...

— Он ребенок, а дети ненадежны, — заметил Люциус. — Есть определенный риск...

— Я говорил тебе, что не хочу, чтобы он был в это вовлечен...

Повисла холодная тишина. Люциус немного побледнел. Наконец Темный Лорд снова заговорил:

— Не стоит полагать, что ты знаешь, как лучше, Люциус, — тихо произнес он. — Я научил тебя всему, что сейчас знаешь ты. Однако я не научил тебя всему, что знаю я...

Люциус облизнул пересохшие губы.

— Да, Господин... Конечно...

Что-то мелькнуло и голова змеи показалась над краем котла, видимо, она все же не умерла. Вольдемо́рт протянул руку, и змея браслетом обвилась вокруг запястья.

— А от Червехвоста есть что-нибудь?

— Он все еще занят сбором материалов, — произнес Люциус так тихо, что Драко едва расслышал его. — Он еще не вернулся из...

Бесполезно: слова канули в темноту, за ними пропало и видение, закрылось, как цветок, унося с собой в кружащуюся тьму и котел, и драгоценные сосуды, и двух мужчин... С бьющимся где-то в горле сердцем Драко выпрямился, распахнул глаза и уперся взглядом в Снейпа, в оцепенении наблюдавшего за ним.

— Малфой, что с вами было?

Комната медленно приобретала отчетливость. Драко ощутил, что стоит, прислонившись к стене, плечи болями, словно он здорово расшибся, глаза жгло. Он оглядел класс — все смотрели на него в состоянии,

близком к шоку.

Гарри приподнялся, готовый сорваться с места, Гермиона с Роном силой усадили его обратно.

— Ничего, — ответил Драко. — Со мной все хорошо.

— Что-то случилось? — понизил голос Снейп, чтобы его мог услышать только Драко. — Ты что-нибудь видел?

Змею, котел, Темного Лорда, замок...

Драко покачал головой:

— Ничего. У меня просто голова закружилась...

— То есть вы ничего не видели? — прищурился Снейп.

Драко слишком поздно сообразил, что должен ответить хоть что-нибудь. Надо было сказать, что я был долькой лимона, плававшей в огромной порции джина с тоником... Придумать что-нибудь, что угодно...

— Нет, ничего.

— Замечательно, — Драко мог поклясться, что Снейп разочарован. И взволнован. — Пройдите на ваше место, мистер Малфой.

* * *

— Что, еще одно письмо от Моники? — подходя к столу, поддразнила Гермиона Рона. Тот выжидающе наблюдал за черной совой, садящейся ему на его левое плечо — имя ей было Нефертити, и она была подарком от родителей в день, когда они узнали, что его сделали старостой среди юношей (Свинригель отошел Джинни). Сейчас она поклевывала Рона в ухо, выпустив из лап письмо прямо ему в руки: отпечатанное золотом на белом, оно источало сильный жасминовый аромат.

— Что я могу сказать, — Рон развернул свиток и пробежал его глазами. — Ей просто меня не хватает.

— Ой, да ты просто связал ее по рукам и ногам, — Джинни с улыбочкой потянулась к тыквенному соку. — У тебя же с ней не серьезно...

— Увы, да, — безо всякого раскаяния в голосе ответил Рон. — Я все еще жду, когда придет Правильная Леди и приберет меня к рукам.

— Для начала ей придется выбраться из своей смиренной рубашки, — заметил Гарри и подхватил брошенный Роном в ответ пергамент. — Что?

— Я полагаю, это все из-за моих денег, — вслух заметил Рон, безуспешно пытаясь превратить письмо Моники в бумажную метлу.

Джинни приподняла бровь:

— А что — она не в курсе, что их не так уж и много?

Найденный под Норой тайник со средневековыми сокровищами пока не принес никакой пользы семье Уизли: колледж по подготовке Авроров забрал их себе для исследований и изучения; все, что осталось, — подаренный Гарри на день рождения гриффиндорский галлеон да несколько оловянных безделушек. А от назначения мистера Уизли министром Магии не приходилось ждать золотого дождя: несколько министерских чинов сидели в долгах, и министр не был исключением, особенно с учетом того, что у него было семь детей. Хорошо еще, что дела в хохмазине Фреда и Джорджа шли вполне удачно.

— Вы это видели? — перебила Гермиона, сосредоточенно склонившаяся над свежепринесенным номером Ежедневного Пророка. — Закончено расследование обстоятельств смерти Люциуса Малфоя, — прочитала она. — Министерство установило, что причиной ее стал суицид.

Взгляд Рона наполнился отвращением:

— И им потребовалось полгода, что выяснить, что он наложил на себя руки? Гении...

Гарри покачал головой:

— Он не сам себя убил. Мне Сириус говорил...

— Ну, он вызвал что-то мерзкое, — сказал Рон. — И оно его сожрало. Может, он и не ставил это целью — кто знает? Что до меня, то я сочувствую этой вызванной дряни: заполучить на ланч Люциуса Малфоя...

от этого кто угодно бы взбесился и разнес все вдребезги...

— Рон, веди себя прилично, — напомнила Гермиона.

Рон на мгновение потерял дар речи:

— Это ты про Люциуса Малфоя?

— Ну, просто представь, что может чувствовать Драко...

— Ла-а-адно, — протянул Рон, — он ведь выглядит таким огорченным...

Вопреки своим принципам Джинни взглянула на Слизеринский стол. Как всегда, там все вращалось вокруг Драко, он был в центре внимания. Вокруг него уже не торчали Крэбб с Гойлом (они вылетели из школы после того, как на С.О.В. набрали только по баллу), теперь его повсюду сопровождали Декс Флинт, слизеринский вратарь, и Малькольм Беддок, худенький темноволосый мальчик, ставшим загонщиком вместо Гойла. Позади, обняв Драко за плечи и положив голову ему на плечо, пристроилась Блез Забини. На ленте, повязанной на ее шее, красовался амулетик в виде серебряной змейки — подарок Драко, ее блестящие огненно-рыжие волосы стекали ему на плечи... Джинни сразу припомнила слова Драко, сказанные на дне рождения у Гарри: «Не могу перед ними устоять...»

Джинни смутно расслышала оправдания Гермионы:

— Ну хорошо, может, он скрывает, что огорчен...

Рон отвернулся и подергал Джинни за рукав:

— Не смотри туда. Это тебя расстроит.

— Я вовсе не расстроена, — она с трудом отцепила взгляд от Драко и, уставясь на зажатую в руке вилку, начала возить ей в тарелке, едва что-либо различая перед собой. — Всё прекрасно.

— Может, это из-за урока по Зельям? — предположила Гермиона.

— Нет, — Гарри отложил свою вилку. — Я так не думаю.

При упоминании о Зельеделии Джинни машинально подняла глаза на преподавательский стол, однако Снейпа там не было. Равно как и Дамблдора. Вместо них она увидела своего брата Чарли, увлеченно размахивавшего вилкой в пылу беседы с профессором Люпиным — он был так забавен, что Джинни заулыбалась. Она была потрясена, когда он согласился принять должность преподавателя по уходу за магическими существами. Словно ощутив ее взгляд, Чарли повернулся и махнул ей рукой.

— Ты что — ешь из моей тарелки? — раздался голос слева от нее. Это был Невилл. Опустив глаза, Джинни обнаружила, что тычет свою вилку в его кусок жареной индейки.

— Ой, прости, дорогой, — фыркнула она.

— Ничего-ничего, ты только скажи, если хочешь, — удрученно пробормотал он.

— Ага, ты совсем не расстроена, — шепнул ей на ухо Рон.

Джинни смущенно выронила вилку.

— У нас сейчас тренировка, да? — с затаенной надеждой, что Драко взглянет на нее через комнату, произнесла она в сторону Гарри.

— Ага, — улыбнулся тот.

Джинни встала и взяла свою метлу, обрадовавшись, что нашелся повод уйти.

— Увидимся внизу, — и она убежала.

* * *

Гарри, Рон и Гермиона направлялись к столпившимся на лужайке у квиддичного поля остальным членам команды. Дин Томас и его младшая сестра Элизабет, стоявшие в этом году Загонщиками, стояли рядом с Джинни, а чуть в стороне топтались братья Криви. Гермиона подозревала, что в назначении их Отбивалами была определенная доля суеверия: считалось, что братья — отбивалы в команде приносят удачу. Увидев Гарри, все приветственно подняли мет-

лы.

Гермиона, зажав экземпляр «Квиддич Сквозь Века» под мышкой, — на случай, если Гарри понадобится какой-нибудь вспомогательный материал, — отправилась к стендам.

Он никогда ими не пользовался. Конечно, он волновался, всё-таки он стал капитаном команды, однако, оказываясь в воздухе, становился великодушным стратегом. Гермионе казалось, что в голове у него подробная карта квиддичного поля, к которой он и обращался по мере необходимости.

— Так-с, отлично, — произнес Гарри, сверяясь со своими заметками, — думаю, сначала мы отработаем совместные действия и постараемся снизить количество лишних перемещений. Симус, тебе надо быть побыстрее на поворотах, Элизабет, мне пришла в голову идея...

— И ведь в самом деле, — мне пришла в голову идея, — перебил его чуть протяжный голос. Во-первых, почему бы всей вашей честной компании не отвалить отсюда подальше?

Разумеется, это был Драко, вокруг него переминались остальные игроки слизеринской команды: нападающие Блез Забини, Грэхэм Причард и Малькольм Бэддок по бокам, из-за спины угрожающе хмурились Отбивалы Тэсс Хэмонд и Миллисент Булстроуд — самые здоровенные школьные уродины. В тылу топтался Декс Флинт — остроморденький симпатичный пятикурсник, играющий на позиции вратаря.

Драко лениво вытянул пергамент из рук Гарри, равнодушно взглянул на него и разжал пальцы — тот опустился в снег.

— Мы забронировали себе поле для тренировки на это время, — голос Драко разливался сиропом по битому стеклу. — Я, конечно, понимаю, что от Гриффиндорцев много ждать не приходится, однако мне казалось, что разобраться со временем вы всё-таки сумеете...

Гарри бесстрастно смотрел на Драко:

— Мы записались на эту тренировку неделю назад, — отрезал он. — Ступай и проверь.

— Да я уже видел, — Драко лениво крутил свою метлу. Будь у него усы, он бы, наверное, тоже сейчас их крутил бы, — подумала Гермиона. — Чарли дал мне книгу. Глянь, мадам Хуч никогда не доверяла мне собственноручно записываться в ней, но твой друг Уизли здесь еще не так долго, так что он не в курсе. Он даже не заметил, что я вписал себя прямо над тобой. Знаешь, Поттер, у тебя совершенно девчачья роспись. Тебе стоит над этим поработать.

— Ты — нечестная скотина, — у Элизабет даже кошечки дрожали от ярости.

— Я — слизеринец, — Драко послал ей улыбку, способную расплавить сталь, но на Элизабет она не произвела должного эффекта. — Это в порядке вещей.

— Этот номер все равно больше не пройдет, — прищурился на Малфоя Гарри. — В другой раз Чарли тебе не поверит.

— А мне только раз и нужен, — тряхнул головой Драко. — Поттер, иногда ты меня просто поражаешь: где ты был, когда раздавали мозги?

— Понятия не имею, — ядовито парировал Гарри. — Боюсь, я стоял в очереди за капелькой совести.

— Да, по-видимому, очередь была длинновата, — заметил Драко. — Похоже, ты стоял последним и за приличным видом, и за чувством стиля, и за остроумием.

Рон дернулся вперед, Гарри ухватил его за шиворот и потянул обратно.

— А ты видимо слишком долго просидел взаперти в тех темницах, — Рон затрепыхался, пытаясь сбросить с плеча руку Гарри. — От недостатка естественного освещения у тебя мозги стухли.

— Ах, да, ты — то ведь у нас живешь в башне... — Драко пустил в ход тяжелую артиллерию своего сарказма. — Такой высокой, большой, остроконечной

башне — самом подходящем месте для мальчиков с... этой, как ее... задержкой развития. Реабилитируемся, да?

И Гарри ему врезал. Драко театрально зашатался и рухнул на руки своим сотоварищам. Потом резко выпрямился и двинулся на Гарри, засучивая рукава...

Гермиона раздраженно захлопнула книгу и устало вздохнула.

Ой, ну ради Бога, ну не надо опять!...

* * *

Дверь в кабинет Дамблдора была закрыта. Чарли вздохнул. Он специально ушел пораньше с ланча, чтобы перехватить Директора, однако лишь напрасно потерял время. Чарли пытался поделиться с директором своим предложением все-таки разрешить ограниченной группе студентов заняться изучением драконов. Разумеется, с родительского разрешения и все такое... В конце-то концов, — раздраженно подумал Чарли, — какой же был смысл приглашать в учителя человека, специализирующегося на драконах, и при этом не давать ему вести его предмет?

— Драконы зловы, — заметил Снейп на последнем педсовете, — и весьма капризны. И любят сжигать все, что видят.

— Но ведь они так величественны... — примирительно заметил Чарли.

— Не вижу ничего величественного в корчащихся в огне студентах, — холодно подчеркнула профессор Макгонагал.

— Тут все зависит от студента, — уронила преподаватель астрономии профессор Синистра.

Чарли, признаться, думал, что профессор Синистра ему симпатизирует: она ходила следом за ним по коридорам, восхищаясь его драконоборческими штанами. Люпин в этих дебатах тоже был на его стороне, но помогало это несильно. Однако, в конце концов Макгонагал сдалась и разрешила обсудить этот вопрос с директором. Ха, это было легче сказать, чем сделать, — за исключением трапез, когда Дамблдор наотрез отказывался обсуждать что-то, связанное с работой, было совершенно невозможно установить его местонахождение...

Чарли собрался уже развернуться и уйти, как вдруг из ведущего к кабинету Дамблдора коридора раздались голоса, в одном из которых он немедленно опознал неприятный голос Снейпа.

— Я вам точно говорю — подобной реакции я не видел ни разу! Признаки очень тревожные...

— Но он вернулся обратно? Он мог логично рассуждать, отвечать?

— Да, он был вполне адекватен. Сказал, что у него кружится голова и он ничего не видел. Возможно, так оно и есть.

— Возможно. Но не забывайте — мы говорим о Драко Малфое. Если он чего и видел, он не из тех, кто заявит об этом перед всем классом.

Чарли отступил в тень. Те семь лет, которые он крался по хогвартским коридорам, победили пять недолгих месяцев его профессорства. Он застыл, где стоял, и наострил уши.

— Думаю, я вызову его к себе в кабинет, — произнес Дамблдор.

— Ему это не понравится.

— Согласен. Однако ситуация ухудшается. Риск предательства...

— Мы не знаем наверняка, существует ли этот риск!

— Он существует, Северус. Вы, все остальные...

— Возможно, вместо него вам стоит вызвать к себе Поттера?

— Мы закончили с этим, — голос директора звучал устало. — Если мы заговорим с ним, то увеличим вероятность беспрецедентной трагедии... возможно, бесполезной. И я...

Дамблдор осекся, они со Снейпом вывернули из-за

угла и встретились взглядом с Чарли. Глаза директора вспыхнули, и он улыбнулся:

— Привет, Чарли!

— О... добрый день, Уизли, — бросил на Чарли неприязненный взгляд Снейп, от которого у Чарли появилось ощущение, будто Снейп знает, что он их подслушивал.

Дамблдор засиял:

— Могу тебе чем-нибудь помочь?...

Чарли опустил глаза на зажатый в руке пергамент — его заявление об уроках с драконами. Неожиданно все это показалось ему таким далеким... Он протянул пергамент директору, бессвязно бормоча «драконы!», «разрешение!», «вряд ли они кого-нибудь съедят!...» и ушел, оборачиваясь на каждом шагу.

Риск. Предательство. Трагедия. Да что же такое происходит?...

* * *

— Все это уже становится нелепым, — осуждающе заявила Гермиона. Сырой губкой она промокивала только что переставший кровоточить свежесподбитый левый глаз Гарри. — Неужели демонстрация вашей обоюдной ненависти настолько важна?

— Да, — в унисон ответили Драко с Гарри. И в унисон же усмехнулись, правда, Драко чуть сморщившись от боли: на скуле у него красовался синеватый кровоподтек.

— Думаю, что вы очень скоро дойдете до того рубежа, за которым мадам Помфри не только откажется лечить ваши боевые раны, но и мне запретит это делать! — в отчаянии махнула на них руками Гермиона. — Вы могли бы хотя бы не лупить друг друга с такой силой?

Гарри с трудом мог сдержать веселье:

— Ага, Малфой, держи свои лапы подальше.

— Я?! А при чем тут я?! Ты сам пнул меня в голень!

— Да я просто на льду поскользнулся и налетел на нее!

— Ага, и так — два раза подряд!

В дверь кто-то постучал, она распахнулась, и в появившуюся щель протиснулась голова Рона. Он внимательно огляделся и проскользнул в чулан с метлами, используемый в качестве походного лазарета, чтобы никто не увидел, как Гермиона лечит Драко и Гарри.

— Успешно, — сообщил он. — Все поверили вашей драке и спокойны за вас обоих. Совпавшие по времени тренировки сделали свое дело, отлично сработано. — Рон мотнул головой в сторону Гарри. — А тебе стоит вернуться на поле, тебя все ждут.

— Угу, — пробурчал Гарри, осторожно прикасаясь к разбитому глазу. — А ты не хотел бы побыть капитаном — хотя бы разок?

— Нет, — твердо отказался Рон. — Не хочу, чтобы они решили, что Малфой вывел тебя из строя. Кроме того, эти слизеринцы все еще там околачиваются, словно собираются продолжить драку...

— Так и будет, — довольно заметил Драко.

— А Блез Забини — просто ходячая угроза, — добавил Рон.

Все усталились на Драко, который демонстративно поднял глаза к потолку с самым безразличным выражением.

— Ясное дело, она ведь моя подружка.

— Благодарю за напоминание, — произнес Гарри. — А то я мог бы пропустить тот миг, когда она набросилась бы на меня с воплем «Ненавижу! Ты стукнул моего парня!»

— Ага, — невнятно произнес Драко. Все смотрели на него. Он смотрел в потолок.

Никто не мог понять, когда он закрутил с Блез, серьезно ли это было, нравилась ли она ему на самом деле. А разговаривать с Драко о чем-то, о чем он говорить не хотел, было столь же информативно, как и разговаривать со стенкой.

— Отлично, — наконец сказал Гарри и поднялся на ноги. — Похоже, мне пора, — он кивнул Драко. — В следующий раз ты выиграешь. Мы должны держать паритет.

— Отлично, — Драко коснулся пальцами виска, насмешливо отсалютовав, и Гарри направился к двери.

— Подожди минутку, — задержала его Гермиона. — Ты уверен, что ничего не забыл? — и она подставила ему лицо для поцелуя.

— Точно, — и Гарри потянулся ей за спину, где стоял его Всполох. — Спасибо, — и он вышел, а следом Рон. Гермиона, не в силах поверить в случившееся, вытаращила им вслед глаза:

— Я... — начала она, потом осеклась, нахмурилась и швырнула в стенку губку, которой она только что омывала его раны. — Ух, дорогуша...

Драко нагнулся за губкой и сочувственно посмотрел на Гермиону — как мог сочувственно, во всяком случае, на ухмылку это не было похоже:

— Он так этим и занимается?

— Все время, — на лице Гермионы появилось самое разнесчастное выражение. — Он ведет себя так, что я просто не выдерживаю. Уже и не помню, когда последний раз он провожал меня в класс или... — ее голос оборвался. — А когда я пытаюсь с ним об этом поговорить, он говорит, что мне все померещилось, что он очень занят... Я знаю, что занят: капитан команды... специализация на Аврора... он отказался из-за этого стать старостой среди юношей, но...

— Но тебе это не примерещилось, — закончил за нее Драко.

— Я так не думаю.

— Так оно и есть, — тихо ответил он.

Она взглянула на него и покусала губу. Она понимала, что он имеет в виду. Он никогда не врал.

— В чем же дело? — спросила она. — Или, может, в ком?

— Я не знаю... — ответил Драко. — Я не уверен.

— И что же? — её голос дрогнул. — Не можешь спросить его?

Драко взглянул на свои руки, потом снова посмотрел на нее, и по его лицу она прочитала ответ. Они понимали друг друга без слов — та связь, что появилась между ними после возрождения Слизерина, осталась, хотя сейчас было трудно определить, что же это было... Она понимала, что он сейчас чувствует, — он хотел это сделать для нее, мечтал, чтобы она не была столь несчастна, боялся, что его ответ ранит ее, знал, что, как бы она этого ни хотела, он не мог вытаскивать информацию из ни о чем не подозревающего Гарри, чтобы предать ее огласке... Да скорее он полетит без метлы.

Да, быть Драко куда сложнее, чем он это показывал...

— Прости, — качнула она головой. — Я не должна была спрашивать.

— Он любит тебя, — отстраненно, глядя в сторону, ответил Драко. Темная зелень его квиддичной мантии делала его лицо чуть желтоватым, хотя на самом деле кожа его была снежно-белой, на ней зеркалами серебрились глаза, опущенные черными ресницами... Он был похож на сделанного из слоновой кости и серебра ангела, хотя..., наверное, все-таки из разряда падших... впрочем, она ни в чем не была сейчас уверена.

Она вспомнила, как в Имении он потянулся к ее щеке, как застегивал ожерелье. ... Я так долго ждал, чтобы ты сказала мне... если бы было по-другому...

Она покачала головой, прогоняя эти мысли. Нет, нет, все это потому, что я сейчас такая несчастная... потому что Гарри холоден, как Дурмштрангский ледник...

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Думаю, я бы узнал, если он перестал, — просто ответил Драко. — Он всегда любил тебя... случись это, он бы весь изменился... — потянувшись, он кончиками пальцев коснулся ее щеки. — Ты же лучше других знаешь, через что ему пришлось пройти... Просто попытай-

ся поговорить с ним... — он вздохнул и убрал руку. — Забудь. Это против моих правил давать любовные рекомендации. Спроси кого-нибудь, более преуспевающего на романтическом поприще.

— Но у тебя есть подружка...

— Точно, — Драко откинулся назад, его губы искривила то ли улыбка, то ли гримаса. — Так и есть.

* * *

Солнечный свет уходящего дня лился в комнату через маленькое окошко прямо на кровать, где в его теплом золотистом квадрате устроилась Джинни, наблюдая, как Гермиона перекладывает свои книги. В этом году Гермиона стала старостой среди девушек, и ей была положена отдельная комната, однако Гермиона не была бы собой, если бы занималась ее убранством и украшением: все ее убранство составляли кровать с пестрым цветочным покрывалом, три битком забитые книжные полки, письменный стол, туалетный столик с зеркалом, за раму которого были заткнуты фотографии Гарри, Рона и других друзей. Еще одна фотография на прикроватной тумбочке — Гарри и Гермиона вместе. И ни одной фотографии Драко.

Хотя, — Джинни безжалостно отмела зародившуюся было надежду, — может, он просто не фотографируется...

— Ну, я думаю, — подперла Джинни подбородок рукой, — коль скоро все вокруг так плохо, самое время заняться Успокоительными примерками.

Гермиона, устало переставлявшая книги на комод, встревоженно покосилась на нее:

— Успокоительными примерками? — вздрогнула она, здорово накрутившая себя предварительным долгим обсуждением Проблемы Гарри.

— Ага, — с серьезным видом кивнула Джинни. — Юбочка покороче. Облегающий топик. Ну, и все такое...

Гермиона посмотрела на нее еще более встревоженно:

— Ты думаешь, проблема в то, что я ему не нравлюсь?...

— Да нет же, — запротестовала Джинни. — Конечно нет! — Она поднялась и встала рядом с подругой. — Просто мне показалось, что он все время на взводе и занят своими проблемами, так что его внимание сейчас привлечь куда труднее. Да и ты тоже занята — ты теперь староста, и у тебя Бог знает сколько уроков... Ты вспомни, когда вы с Гарри делали вместе что-нибудь просто так, для развлечения?

Гермиона прикрыла глаза — ее веки были чуть голубоватые, это насторожило Джинни: похоже, Гермиона здорово переживает по этому поводу. Вот и круги под глазами появились... да, она устала...

— В октябре, — с ноткой сомнения в голосе произнесла Гермиона. — Мы вместе ходили в музей в Стоунхендже.

— И все?... — тихо сказала Джинни. Гермиона кивнула с самым несчастным видом. Сейчас, когда на ней не было мантии, она была одета как обычно: светло-голубой кашемировый свитерок, плиссированная серо-синяя юбка. Волосы, забранные в хвостик — несмотря на этот вполне современный вид, она напонила Джинни изображение Ровены Равенкло в книге История Основателей. Такая же, как и у нее, светящаяся изнутри красота Гермионы не имела ничего общего с формой лица или с правильностью черт: нет, ее красота светилась в ее делах. То, что Гарри увидел и полюбил ее за это, говорит само за себя. Его это неплохо характеризует, — подумала Джинни. — Да и Драко тоже влюблен в Гермиону... Так, я не должна думать о Драко.

— Ты и вправду считаешь... — Гермиона опустила взгляд на свои школьные туфельки со шнурками, серую юбку... — Я должна переодеться?

Джинни кивнула:

— Ну, он же мужчина....

— Мужчина?

— А разве ты не заметила: брюки, низкий голос и

все такое...

Гермиона слабо улыбнулась:

— Ну, он же просто... просто Гарри...

— Я знаю, — кивнула Джинни, — просто герой все-го волшебного мира, просто твой лучший друг и тра-та-та, и все такое, но он ведь еще просто парень, и я думаю, ему понравится, если ты наденешь это, — она выдвинула ящик комода и что-то кинула Гермионе.

У Гермионы подогнулись колени и она опустилась на кровать:

— Джинни, я не надену это!

— Это ему понравится куда больше!

— Но это же ночная рубашка!

— Ой... Я подумала, что это платье...

— Джинни, ну помоги же!

— Ладно-ладно...

Наконец Джинни откопала в чемодане черный свитер с глубоким вырезом и узкую черную юбку, на которую аккуратно наложив Укорачивающее Заклятье (несколько раз).

— Чувствую себя по-дурачки, — заметила Гермиона, критически рассматривая свое отражение. — Это не я.

— Ты совершенно восхитительна, — Джинни вскочила и кинулась Гермионе на шею.

За окном сыпались хлопья снега.

— Все будет отлично. Гарри любит тебя.

— Я знаю, — тихо ответила Гермиона. — Но в последнее время он словно удаляется куда-то, куда я не могу за ним пойти... Он временами совершенно отстраненный...

Джинни промолчала, понимая, что та имеет в виду: иногда Гарри был просто Гарри, а временами в нем появлялось что-то пугающее, мощное и чужое... Она вспомнила свое пробуждение в Тайной Комнате: над ней, весь в грязи и крови, стоял Гарри, сжимая в руке изукрашенный рубинами серебристый меч... а ведь тогда ему было только двенадцать... Ну, естественно — Гарри же герой, а герои — они совершенно другие...

— Джинни, — тихо позвала ее Гермиона. Она прислонилась к стене у окна и отвернулась к стеклу, серый зимний свет прикоснулся к ее волосам. — Ты любила Драко?

Джинни отшатнулась, не сразу найдя слова для ответа, потом потянулась к своей школьной сумке, прислоненной к чемодану.

— Мне пора. Я собиралась встретиться в библиотеке с Элизабет...

Гермиона повернулась. За окном все так же тихо падал снег, замирая пушистой искрящейся дымкой на стекле...

— Джинни...

— Удачи, — Джинни забросила сумку себе на плечо. — Все будет отлично, вот увидишь.

Гермиона кивнула. Они помолчали.

— Я просто чувствую себя виноватой, — тихо проворкотала она — так тихо, что Джинни едва ее слышала и уставилась в совершеннейшем недоумении.

— Господи, о чем это ты?

— Неважно, — устало ответила Гермиона.

* * *

В слизеринской гостиной было пусто, все были на обеде, кроме Драко — ему не хотелось есть, он остался здесь, хотя, признаться, гостиная не была его самым любимым местом. В этой холодной комнате с низким потолком всегда было зябко, даже сейчас, когда в затейливом мраморном камине дрожало пламя. Низкие зеленые лампы окрашивали все и всех в болезненно-зеленый цвет. Драко опустился в глубокое бархатное кресло, подъехал к огню и погрузился в размышления.

Его все тревожило видение, посетившее его на уроке Зельеделания, он твердо знал, что это видение не было простым — он этом свидетельствовала боль

в руке... а Гарри столько раз говорил ему о пророческих снах, пробуждаясь после которых он чувствовал боль в своем шраме... Да и сам он видел в сновидениях отрывки из жизни Слизерина... Определенно — простые сны — это совсем другое, тут было что-то еще: все выглядело такими реальным, таким настоящим... Драко попробовал прикинуть, где могли бы находиться его отец и Темный Лорд — однако эта комната... Она могла находиться где угодно.

И голос отца — такой знакомый... Та же чуть протяжная речь, которую унаследовал сам Драко...

Мальчик не надежен, Господин...

Драко запрокинул голову и посмотрел в потолок — чередующиеся полосы мрамора и малахита. Как там сказал отец на втором курсе?... — склони голову и позволь Наследнику Слизерина делать свое дело. Школе необходимо очиститься от грязнокровок.

Уж ему-то наверняка было известно, что это я — Наследник Слизерина, все эти слова были нужны только для того, чтобы скрыть то, что действительно происходило...

Драко потянулся и опустил глаза на лежащую на коленях книгу по Трансфигурации. Превращение предметов друг в друга. *Aqua ad pulvis transmuta. Saxum ad viscerum...* — превратить воду в пыль, камень в плоть... У него не было сил сконцентрироваться на задании, буквы приплясывали перед глазами.

В коридоре послышался шум многочисленных шагов — студенты возвращались с обеда, Вздрогнув, он вспомнил, что Блэз и Пенси собирались позаниматься в библиотеке. Ему туда не хотелось. Не сейчас.

— Эй, Малfoy! — темноволосый загонщик Малькольм Бэддок смутно напоминал ему Гарри в том же возрасте. Если, конечно, Гарри бы хитрым, как хорек и подлый, как змея. — Тебе письмо.

Он кинул Драко на колени скрепленный пергамент, мгновенно раскрывшийся от прикосновения руки Драко — и Драко тут же развернулся, чтобы не дать Малькольму заглянуть в послание. Так и есть — Драко подозревал это: четко и уверенно нарисованная карта, показывающая путь прямо от главного входа в замок к месту встречи, под которым было указано: встретится здесь.

Драко со вздохом скомкал пергамент и отправился за плащом.

* * *

Гермиона взглянула на Гарри. Они «занимались» в гриффиндорской гостиной: Гарри уже битых два часа сидел перед камином с раскрытой на коленях книгой «Поражение Гриндевальда». Он не читал. За все это время он не перевернул ни одной страницы, он сидел, склонив голову, и невидящим взглядом смотрел в огонь. Шапка взъерошенных волос упала ему на глаза. За то время, когда он позвал ее вместе позаниматься, они и пары слов толком не сказали, ей показалось, что он вообще не замечает, как она сегодня выглядит.

Ох уж мне эта теория Джинни, — мрачно вздохнула она. — Я могла бы нацепить на себя живого барсука — он все равно бы не заметил.

Она наконец решила нарушить тишину:

— Гарри... Ты еще читаешь?

— Нет, — Гарри нетерпеливо откинул со лба волосы. Яркий свет золотом стрельнул на его часах, тех самых, что она подарила ему на день рождения: карманных часах, которые он прицепил на ремешок, чтобы носить их, как отец, на запястье. — Не могу сосредоточиться.

Он снова откинул упрямые волосы. Они отросли почти до воротничка и теперь, когда он наклонял голову, все время падали вниз. Гермиону осенило:

— Я знаю, что тебе нужно! — заявила она. Гарри вопросительно приподнял бровь. — Стрижка!

Он почти заулыбался:

— Стрижка?

— Точно! — Она встала и подошла к нему, коснулась пальцами его лица и наклонилась. Нежно откинула волосы с его глаз, чувствуя как прядки скользят у нее между пальцами. Его волосы куда жестче и непослушнее, чем у Драко...

— А может, это повод, чтобы поиграть с моими волосами, а? — поинтересовался он, теперь уже точно улыбаясь. Она почувствовала, что «попала в фокус» — он внезапно все осознал: и глубину выреза ее свитера, и близость ее ножек под короткой юбкой. Он развернулся на стуле:

— Гермиона... ты одета по-новому?...

Она улыбнулась:

— Может быть... — и подняла палочку. — Ассии ножницы! — ножницы для рукоделия в тот же миг покинули чемодан и оказались у нее в руках. Убрав с колен Гарри книгу и водрузив ее вместе с палочкой на стол, она поинтересовалась напоследок:

— Готов?

— Я не... — но ножницы щелкнули, и он послушно замолчал. Гермиона пыталась стричь его как можно ровнее, но, честно говоря, она совершенно не умела это делать, так что единственное, о чем она мечтала, — не открутить ему ухо и не выстричь плешь.

Гарри был подозрительно тих: то ли замер от удовольствия, то ли оцепенел от скуки. Но она-то уж точно не скучала. Все эти прикосновения к нему... Одна рука под его подбородком, вторая — в волосах, его ноги меж ее колен, которыми она касается его бедер... И этот легкий запах от него — мыльный запах мальчишк-чистюли... Он поднял глаза — эти зеленые глаза с темными ресницами, которые она просто обожала.

— Сюда... — его голос был чуть хриловат, она взяла ее за талию и притянул к себе — она почти усеялась на него верхом, его глаза находились на одном уровне с ее грудью...

О, дорогой... Получается?... Хм, похоже, получается...

Гарри снова завозился на своем стуле.

— Сиди тихо, — велела она, но ее голос предательски сорвался. Он отпустил ее талию и поймал ее запястье. Ножницы выпали из руки и тихо упали на ковер.

— Гермиона... — он потянул ее к себе.

Она поцеловала его — так настойчиво и сильно, что ей стало немного больно — и к ее удивлению, он открыл свой рот, встречая ее поцелуй, ожидая ее прикосновений. Ее руки спустились ему на плечи, сомкнулись за его шеей. Она опустила руку на колени, обвив свои ноги вокруг его, прижалась к нему грудью — и почувствовала, как стучит сердце под его тонкой майкой.

— Гермиона, — хрипло повторил он ей в ухо, стискивая руками ее спину. Вот его губы коснулись ее щеки... уха... и скользнули к такой нежной и чувствительной шее... Его ногти почти царапали ее — руки скользнули к талии, нырнули под рубашку... добрались до лифчика и прочертили линию вдоль его края...

Гермиону затрясло. И от удивления тоже: кто бы мог подумать, что Гарри вдруг окажется таким резвым! Но наконец-то он здесь, по-настоящему здесь — его пальцы оставляли на ее коже раскаленные круги... она была поражена: что же с ним случилось, если в момент все словно перевернулось?... Это был просто Гарри — и его десять пальцев писали на ней эти десять огненных нот, он хватал ртом ее губы, словно задыхался, а она была чистым кислородом... она откинула его голову назад... и опрокинулась. Вскрикнув, она все же успела вывернуться из-под него и вместе со стулом полетела на пол.

Они шлепнулись на ковер — смех, вздохи, перепутанные руки-ноги — лишь мгновение спустя Гермиона осознала, что смеялась только она одна, Гарри даже не улыбался, он вытаращил глаза с выражением такого неподдельного ужаса на лице, в них полыхало такое пламя боли, что смех замер у нее в горле.

— Гарри?... — вздохнула она, пытаясь сесть. —

Гарри, что не так?...

Он затряс головой и отодвинулся от нее.

— Что мы делаем? Что ты делаешь?!

— Я? Целую своего парня, — Гарри закрыл лицо руками. — Моего парня, — в ее голосе зазвучал гнев, — который со мной почти не говорит, почти не замечает...

— Неправда, — Гарри убрал руки от лица, нащупал на столе очки и надел их, — я просто ужасно занят, вот и все.

— А я, значит, не занята! Между прочим, я староста, Гарри, у меня куча факультативов и групповых занятий — но всегда есть время для тебя! Однако ты, похоже, вовсе не желаешь проводить это время со мной!

— Гермiona, — голос Гарри стал резким и твердым, глаза за стеклами — холодными и отчужденными, а подбородок упрямо выдвинулся вперед. Он никогда так не смотрел и не разговаривал с ней.

Да мы ругаемся? — оцепенев, подумала она. — Это еще что такое?... Все ругаются... Но, кажется, тут дело совсем в другом...

— Гермiona, оставь...

— Это все из-за лета, да? — спросила она дрогнувшим голосом. — Я знаю — мы все прошли через этот ад, это было просто ужасно...

— Гермiona, ты не знаешь, — перебил он, и голос его был холоден, как иней на оконном стекле.

— Ну так расскажи мне.

Гарри колебался. Он сидел, прислонившись к креслу, отодвинувшись от нее, весь растрепанный и распаленный — поцелуями и гневом. Их глаза на мгновение встретились — и старая связь между ними ожила и снова затрепетала... но Гарри отвел глаза, и все исчезло.

— Оставь, Гермiona, — попросил он. — Пожалуйста...

— Нет, я этого не оставлю.

— Нам не о чем разговаривать, — Гарри поднялся на ноги, провожаемый остолбенелым взглядом Гермiony.

— Но Гарри...

— Оставь меня в покое! — рявкнул он, и ужас от того, что Гарри заорал — по-настоящему заорал на нее — поверг ее в ступор. Она не проронила ни звука, не шевельнулась, когда он закинул себе за спину свой красный плащ и вышел через портрет.

* * *

Гарри едва соображал, куда он мчится по ступенькам — полутемные коридоры, холл, двери школы — его захлестывала безрассудная, беспричинная ярость, родившаяся из этой неясной, ослепляющей боли, — он ощущал ее физически. На кончиках его пальцев все еще жило ощущение нежной кожи Гермiony, во рту все еще был вкус ее губ, перед глазами все еще стояло выражение ее лица, когда он рванулся к двери...

Ну так расскажи мне...

Нет, я этого не сделаю...

Холод блаженным ударил в него, лишь только он сделал шаг на улицу; Гарри поплотнее запахнул мантию — не помогло, мороз обжигал губы, глаза... Вот лестница позади — под ногами закрипел снег. Куда он шел? Он не имел ни малейшего представления.

Замерзший мир вокруг был прекрасен в этой сверкающей серебром черноте, стальное небо искрилось. Вдали зубчатой стеной виднелась опушка Запретного Леса. Гарри захотелось раствориться в этом холоде, в этой темноте, ему хотелось одиночества — чтобы не думать ни о ком, ни с кем не говорить...

С ним прежде этого никогда не случалось, присутствие Рона и Гермiony никогда раньше не казалось ему проблемой, он не мог понять, когда с ним произошел этот странный сдвиг — теперь он едва выдерживал общество Рона, не отвечая на его вопросы, а рядом с Гермiony испытывал вину, боль и стыд...

Он брел по снегу. Снег шел с обеда и укрыл всю землю, спрятав все пути-дорожки, оставив только тени... Наверное, он единственный живой человек, чертивший сейчас свою дорожку по белой коже снежной пустыни...

И вот он уже у края Запретного леса... Он вспомнил, как на первом курсе — дрожащий от ужаса, с плетущимся позади разозленным Драко Малфоем — был здесь впервые. Ему было одиннадцать. Кажется, что это было сто лет назад...

Подняв руку, Гарри коснулся ствола ближайшего дерева — и в лунный свет зацепился и заиграл на часах, обхвативших его запястье. Гарри замер, глядя на эти бегущие по золотому овалу черные цифры... отец носил эти часы до самой смерти, Сириус снял их уже с мертвого... А Гермiona снова заставила их работать — для него... Он знал, чувствовал сердцем эти выгравированные на корпусе слова... Гарри от Гермiony... лучший друг...

Гермiona.

Ужас и смятение стрелой пронзили его. Что же я наделал? Он остановился, как вкопанный, и развернулся к замку, но ноги запутались в корнях, он споткнулся и рухнул в снег.

* * *

Карта привела Драко к пустоши на опушке Запретного леса, в центре которой возвышалась каменная стена, сквозь которую, оплетая корнями камни, росли деревья. Драко прислонился к стволу в редкой тени голых ветвей и взглянул на вмерзший в пространство пейзаж: на кобальтовом небе кляксами чернели облака, повсюду искрящийся белый снег, подернутый корочкой наста, синеватое озеро застыло под алмазным покрывалом, а в отдалении поднимался замок — темный, древний, выглядящий, наверное, так же, как и в те времена, когда Салазар Слизерин и Годрик Гриффиндор были детьми...

Иногда, когда он смотрел на замок, к нему снова возвращались эти воспоминания — легкие и невесомые, как сновидения: вот двое молодых мужчин пришли сюда, чтобы построить его... Они юны, они почти дети — они мчатся верхом бок о бок сквозь синее летнее море васильков...

Одно прикосновение к камню — и в голове Драко эхом отозвался тот давний разговор:

— Да слезь же со стены, Салазар, ты что — хочешь себе шею сломать?

— Почему бы и нет?

— Перестань, ты сам знаешь, почему.

— Ты что, настолько меня любишь?

— Ну, не достаточно, чтобы оплатить твои похороны. Да и Ровена будет плакать...

Драко открыл глаза: будь жива Ровена, заплакала бы она, узнав, что Слизерин, ее первая любовь, обречен на вечные адские муки?...

Ад... каков он?... Геена огненная — как его обычно рисуют?... Или замороженная равнина из снега и льда — без тепла и света, залитая лишь мрачным светом бесконечного заката...

Эти размышления прервал странных хруст ломающихся ветвей и свалившаяся невесть откуда (с дерева, если уж быть точным) прямо ему на голову девушка. Драко даже не успел вынуть руки из карманов, чтобы подхватить ее, он сделал шаг назад — без толку: она шлепнулась прямо на него, и они кубарем покатались прямо в сугроб, где и притормозили.

Драко лежал, придавленный ей, — она полулежала у него на груди, прижав коленями ему руки, так что он не мог и пошевелиться. Ее серые глаза сияли весельем.

— Салютик, Драко! — она села. — Ты в порядке?

Драко захлопал глазами: ох уж мне этот ее наряд... Сегодня под зеленым бархатным плащом было красное шерстяное платье с глубоким декольте.

Плащ, удерживаемый застежкой в форме мака, эти

драгоценности в волосах — изумруды, гранаты... лунный свет делал ее похожей на рождественскую елку... Он вздохнул.

— Рисенн. Да. К счастью, я нашел применение своей спине и успел ее подставить.

— Это звучит так, словно ты не рад видеть меня.

— Я вообще удивлен, что говорю. Я и дышать-то не могу.

Это было сущей правдой: Рисенн сидела аккуратно у него на ребрах, и хотя она была легкой, как перышко, Драко не мог перевести дух. Она не смутилась, а надула губки.

Она всегда напоминала ему изящный музыкальный инструмент — что-то типа скрипки... Утонченная и вся трепещущая.

— Мне тут в голову пришло что-то такое умное... — задумчиво произнес Драко. — А ты свалилась мне аккуратно на нее, и я тут же все забыл.

— Все равно скажи...

— Ладно, дело прошлое. Проехали.

Рисенн наклонила голову, и украшения заискрились в ее волосах:

— Ты так много думаешь...

Снег начал забиваться Драко под плащ. Он почувствовал, чтобы его пробирает дрожь.

— Мужчины так опасны, — заметил он.

Рисенн промолчала, в ее серые глаза снова запрыгали веселые чертики.

— Так ты хочешь получить послание, что я доставила, — поинтересовалась она, — или как?

Драко зевнул, и снег посыпался ему в рот — он едва удержался от желания плюнуть.

— А у меня есть выбор?

— На самом деле нет, — усмехнулась Рисенн. Это была ее любимая часть программы: поиски спрятанного пергамента в ее обширных одеяниях. Обычно Драко наигрывался в эти прятки досыта, но сегодня он был слишком раздражен, потому, крепко обхватив ее за талию одной рукой, засунул другую ей под платье и заскользил вдоль бедра, где под резинкой чулка и обнаружил рулончик. Вытащив, он помахал пергаментом перед носом Рисенн:

— Есть.

— Как ты догадался? — рассерженно спросила она.

— Ты женщина, а потому совершенно предсказуема.

Рисенн издала совершенно девчачий раздосадованный вопль и слезла Драко с груди, воздвигнувшись над ним в таком ракурсе, что, чуть приподними он голову, ему бы открылся совершенно восхитительный вид на ее юбку... ну, и все остальное. Он решил показать себя джентльменом и не позволил себе ничего подобного, просто поднялся и отряхнул с себя снег.

Она стояла и смотрела на него, в этом взгляде не было ничего женственного или девичьего: это был холодный, пронзительный, расчетливый взгляд человека без возраста...

Он никак не мог угадать, сколько же ей лет — спрашивать он и не пытался, все равно она бы ни за что не сказала.

— Ты ужасен.

— Ничего подобного, — Драко пергаментом стряхивал снег с рукавов, — не изображай, что тебя вообще волнует, чем я занимаюсь.

Рисенн усмехнулась, продемонстрировал острые белые зубы.

— Ты прав.

Она качнулась вперед, впечатала ему в щеку поцелуй — он вздрогнул: ему показалось, что кожи коснулась раскаленная зола.

— С Рождеством, — произнесла она. — Увидимся перед твоим днем рождения!

— Не сомневаюсь. С учетом того, что день рождения у меня в июле...

— Это ты так думаешь, — и она исчезла. Драко ту-по тарашился туда, где она только что стояла: сколько раз он ни говорил ей о том, что на землях Хогвартса

аппарировать нельзя, ее это совершенно не заботило.

Драко мрачно покосился на зажатое в руке письмо и начал его рассматривать. Аккуратно скрученный пергамент, перевязанный черной ленточкой и скрепленной печатью в виде мертвой головы. Это была не личная печать Малфоев, после всего того, что случилось, отец не пользовался ей, теперь она смотрела на Драко с его левой руки... Перстень, надетый поверх тонких кожаных перчаток...

Мрачно вздохнув, он собрался с силами и начал распечатывать письмо, но в этот миг хруст наста заставил его вздрогнуть. В полумраке снежной поляны, на снегу, лицом вниз растянулся Гарри Поттер.

* * *

— Батюшки, Поттер! — зазвучал у Гарри над головой полный задора голос. — Делаешь снежного ангела или же просто очень-очень устал?

— Заткнись, Малфой.

Гарри перевернулся на спину и уставился на силуэт Драко — черный на фоне сапфирово-синего неба. Снежинки серебрились в его светлых волосах, глаза поблескивали серыми замерзшими озерами.

— Я упал.

— Заметно, — Драко протянул ему тонкую затянутую в черную перчатку руку. — Давай вставай.

— Не хочу, — упрямо ответил Гарри.

— Замерзнешь.

— И чего?

— И правильно. Замечательная позиция, — и Драко хлопнулся в снег рядом с Гарри, который раздраженно повернулся к нему.

И почему он не хочет оставить меня в покое, что не соображает, что я хочу пострадать в одиночестве?...

— Порвешь свои затейливые перчаточки, — произнес Гарри.

— У меня дома еще шесть пар, — в тон ему ответил Драко. — А что с тобой такое? У тебя вид, будто кто-то подстроил тебе свидание со Снейпом.

Гарри похоронно рассмеялся.

— О, узнаю этот мрачный смех, — заметил Драко. — Никак проблемы с девушками?

Драко говорил очень осторожно, и Гарри приподнял голову и взглянул на него, пытаясь что-нибудь понять по выражению его лица. Все это время они старались не поднимать тему Гермионы в своих разговорах, Драко всегда был вежлив и почтителен в выражениях, если речь заходила о ней. Гарри понимал, что все это значит — Драко по-прежнему хранит внутри все эти чувства к Гермионе... Гарри подозревал, что именно это и стояло за тем, что Драко и Джинни разошлись. Так или иначе, Блез, по-видимому, не обращала на это внимания, ну, или же убедила себя, что все это пустяки.

— Ага, — Гарри сам удивился, услышав свой голос. — Можно и так сказать.

Драко вопросительно приподнял брови.

— Мы разругались, — добавил Гарри.

Драко по-прежнему молчал.

— Гермиона и я, — уточнил Гарри.

— Понятно, я и не думал, что ты имеешь в виду Буклю.

Гарри мрачно усмехнулся, — по-видимому, это навело Драко на какую-то мысль, он поднялся и снова протянул руку Гарри.

— Поднимайся. Прогуляемся.

На этот раз Гарри принял руку и встал на ноги.

— И куда?

— В Хогсмид.

— В Хогсмид? — Гарри попытался было вырвать руку, но Драко потянул его прямо к Запретному лесу. — Зачем?

— Нам надо напиться.

— Но в «Трёх метлах» только сливочное пиво. А я тебе не домашний эльф!...

— Слушай, Поттер, просто заткнись и доверься

мне.

* * *

Солнце соскользнуло за горы, окружающие Хогсмид, подсвечивая идиллическую деревенскую картинку в розоватым светом. Снег пушился сахарными перинами на крышах домов, украшенных волшебными Рождественскими огоньками. Они сверкали изумрудными и гранатовыми каплями сквозь искрящийся снегопадом воздух. Из труб вился дымок, расчерчивая вечернее небо тонкими полосками-перышками.

— Потрясающе, — Драко замер на дороге, ведущей к деревне. Золотой знак «Вы входите в Хогсмид» на границе деревеньки был тоже увит танцующими красно-зелеными искорками. — Да, в этом месте не надо бояться, что забудешь про Рождество...

— Рождество, — самым мрачным тоном повторил Гарри, словно говоря о недавно постигшем его совершенно жутком несчастье. — А я еще никому не купил подарков...

Драко покосился на него:

— То есть ты хочешь сказать, что я не получу тот заводной паровозик?...

— А тут еще свадьба, — все тем же похоронным тоном продолжал Гарри. — Она сразу после Нового года, а у меня им нечего подарить...

Драко захлопал ресницами, на которые налипли снежинки:

— Есть что-нибудь от Сириуса?

Гарри покачал головой.

— Да нет... Я думаю, он весь в приготовлениях.

— А как там насчет волюнок?

Слабая улыбка чуть тронула губы Гарри.

— Полагаю, что воз и ныне там.

— Это ненадолго, уж я-то свою матушку знаю, — но Гарри уже не слушал его. Он смотрел на деревню — глаза его потемнели, он весь погрузился в себя... Зима укутала его, сделав эти черные волосы и красную мантию такими драматическими, окрасила щеки здоровым ярким румянцем... Все только опущенные уголки губ делали лицо несчастным, портя всю картину.

— Держись, Поттер, — посоветовал Драко. — А то ты выглядишь так, словно у тебя только что сова сдохла.

— Гермиона меня ненавидит, — признался Гарри, нервно теребя браслет на руке. Драко давно заметил его, но ни разу не спросил у Гарри, что это за штука. Впрочем, что бы это ни было, похоже, Гарри она здорово нравится, — Драко с сентября ни разу не видел, чтобы Гарри ее снимал.

— Ненавидит тебя? — тряхнул головой Драко. — Что-то я сомневаюсь...

— Да кого волнует, в чем ты там сомневаешься, — монотонно отрезал Гарри.

— Еще одна чудесная позиция, — произнес Драко. — Прекрасно. Конечно, кроме тебя в этом мире никого просто не существует, — он подошел и сгреб Гарри за мантию. — Пошли.

Он потянул его за собой, и Гарри не стал особенно упираться. С трудом пробираясь по занесенной снегом дороге, они вошли в деревню и пошли мимо теплых огоньков окон, от которых доносились запахи пряников и корицы. Наконец они очутились в торговой части Хогсмида с магазином Зонко — уже закрытым — в одном конце и «Тремя метлами» — еще открытыми — в другом.

Едва они вошли, на них обрушилось тепло, гул голосов, шум. Драко быстро шепнул заклинание, благодаря которому снег исчез с их одежды, не оставляя луже.

Будь вдумчив всегда — мой девиз.

За стойкой бара им заулыбалась мадам Розмерта.

— Привет, Драко, — кивнула она, — Гарри...

— Мы мимоходом, — со значением произнес Драко. Она выгнула бровь.

— Ну, желаю повеселиться.

Гарри в замешательстве взглянул на Драко:

— Малфой, что все это...

— Иди давай, — Драко отпустил шиворот Гарри и потянул его вперед за руку через полупустой зал, где волшебники и волшебницы в тишине выпивали за длинными дубовыми столами, мимо огромной украшенной Рождественской елки и нырнули под лестницу, упершись в стену, совершенно пустую, если не считать картины в золотой раме с изображением юной красотки, отдаленно напоминающей мадам Розмерту. Она кокетливо им подмигнула.

— Привет, симпатяги, пришли навестить меня?

Драко мотнул головой, слегка улыбнувшись:

— Лютик.

— Да сколько можно, — раздраженно пробормотала девушка на картине, однако портрет отодвинулся, открыв в стене проход. Драко шагнул первым, следом двинулся слегка озадаченный Гарри.

Перед ними открылся огромный зал с элегантным убранством — тиковая мебель, темный дуб, сияющая медь. Вдоль одной стены тянулась барная стойка, а позади возвышались заставленные бутылками полки: джин Кровь Дракона, черное вино гигантов, густое зеленое пиво троллей... Сбоку стояла высокая — в рост человека — водочная бутылка, в которой кружились крошечные метлы. На пробке красовалась надпись: Квиддич Абсолют.

За стойкой высокая ведьма в серебристом топики лила что-то розовое в протянутый стакан пузатому волшебнику в оранжевой мантии. Когда глаза Гарри привыкли к полумраку, он уяснил две вещи: первое — кроме барменши по залу, заполненному исключительно колдунами, — волшебниц видно не было — мелькали несколько официанток. Второе — девушка за стойкой бара была одета не в серебристый топик. Топика на ней вообще не было: только длинные блестящие волосы и золотистые трусики.

— Добро пожаловать в Порочную Ласку, — Драко жестом пригласил Гарри к бару.

— Ах... — пробормотал Гарри, делая шаг назад, — я никогда раньше... не видел...

— Ну так смотри, — Драко снова ухватил Гарри за мантию и решительно подтолкнул к бару. Обнаружив пару свободных табуретов рядом с толстым волшебником, потягивающим розовый коктейль, Драко пихнул Гарри вниз и перегнулся через столешницу.

— Эй! Выпивку сюда.

Полуобнаженная официантка развернулась к ним:

— Драко! — с явной радостью воскликнула она и, перегнувшись через стойку, чмокнула его в щеку. — Тысячу лет тебя не видела.

Гарри издал нечленораздельный булькающий звук:

— Так ты здесь часто бываешь?

— Веришь — нет, но тут мой отец обычно проводил деловые встречи и заключал сделки, — ответил Драко, принимая как должно посылаемые ему воздушные поцелуи. Его глаза проинспектировали содержание бара. — Так, к делу. Один Май Тай. С зонтиком. Зеленым. И одну... — он покосился на Гарри.

— Кровавую Мэри с двойной порцией Драконьей крови.

Девушка заулыбалась:

— С зонтиком?

— А то как же. Красным.

Он подмигнула:

— Для вас — все, что угодно. Вы поступили весьма умно, придя сюда до шоу.

Драко улыбнулся.

Шоу? — подумал Гарри. Он стрельнул глазами в сторону небольшой сцены в полутемном дальнем углу зала с несколькими шестами и небольшим оркестром чуть позади. Только мужчины. А кларнетист ужасно похож на Снейпа.

Гарри видел достаточно плохих фильмов, чтобы сообразить, зачем нужны эти шесты — он медленно повернулся в сторону Драко, равнодушно шарящего в карманах своего плаща.

— Малфой, — скрипнул он, не в силах поверить в происходящее, — ты что — приволок меня в волшебный стрип-клуб?

— Ессесно, — Малфой кинул кассиру пригоршню галлеонов. — Так, этого должно хватить на несколько кругов...

Гарри покачал головой:

— В аду за это из тебя сделают тост.

— Тогда, может, ты скажешь тост?

Светловолосая девушка за стойкой (наверное, вейла, — мелькнуло у Гарри) протянула им напитки — дымящийся красный и кружащийся зеленый, уселась перед ними и заулыбалась.

— Может, тост за двух симпатичных парней из Хогвартса?

Неожиданно для себя самого Гарри вдруг ощутил, что за воротник ему поползли мурашки. Он никогда не мог устоять против чар вейл, даже сейчас. Драко же только ухмылялся.

— Анджелика, — пояснил он, — никогда не видела других парней из Хогвартса.

Вейла улыбнулась в ответ:

— Я просто жду чаевых.

Драко дал ей галлеон. Она аккуратно пристроила его... о... Гарри, чуть не свалился с табурета. Придя в себя, он ухватил стакан и залпом осушил его — коктейль скользнул вниз легко, как пинта бензина, но, даже закашлявшись и задохнувшись, Гарри почувствовал, что вены зажались кипучей энергией и слабо махнул в сторону стакана:

— Повторите. Пожалуйста.

* * *

Перед каждым стояло уже по четыре стакана, а обещанное шоу все не начиналось. Не то, чтобы Гарри был сильно в нем заинтересован, — вовсе нет, он сгорбился над четвертым стаканом коктейля Кровь Дракона, уставясь в него, будто там скрывались все секреты вселенной.

Драко тихонько ткнул его в плечо:

— Не падай духом, Поттер. Ночь только началась, и в наших стаканах зонтики.

Гарри поднял на него расфокусированные зеленые глаза.

— А что тебя связывает с зонтиками в выпивке?

— О, это была занимательная история... Вернее, не столько занимательная, сколько длинная, давай-ка лучше побеседуем о тебе. И как ты дошел до жизни такой, что валялся у Запретного леса физиономией в сугробе?

— Я же говорил тебе... я поругался с Гермионой.

— И она треснула тебя по голове лопатой, приволокла к Запретному лесу и бросила там?

Гарри раздраженно вздохнул:

— Нет. Я... некоторым образом... это... убежал. Все стало как-то... напряженно... — вы что — никогда не ругаетесь с Блез?

— Вот еще, — фыркнул Драко.

— В смысле?

— Не желаю о ней говорить.

— Но ведь она твоя подруга...

Драко не удалось сдержать дрожь:

— И не напоминай...

Гарри открыл рот:

— Тебе она что — не нравится?

— Она никому не нравится, — подвел черту Драко.

— Почему?

— Ха! С чего же мне начать? «Подари мне подарок», «Возьми меня в Хогсмид», «Купи браслетик», «Займемся любовью прямо на полу», «Нет, не так, а вот так», «Не теряй время и снимай штаны»...

— И что ты хочешь, чтобы я сделал сначала? — поинтересовался Гарри, тыча красным зонтиком в четвертый (или уже пятый?) по счету коктейль.

Драко фыркнул.

— Да нет же, я про то, что ей нравится. Хуже ее,

наверное, никого во всем Доме нет — если ты, конечно, в силах представить такое очаровательное соревнование.

— Не повезло тебе, Малфой...

— Это все потому, что в Слизеринском подземелье плохое освещение.

— А что произошло между тобой и Джинни? Вы были так великолепны рядом...

— Мы были... что?... Так, ладно, мой слезливый друг, мы сюда пришли не для того, чтобы обсуждать меня. Предполагалось, что мы будем беседовать о тебе.

Гарри с некоторым трудом сел ровно и постарался сфокусировать глаза на Драко — взгляд был пронзительный, резкий, тяжелый и вовсе не пьяный.

— Отлично, — произнес он. — Давай поговорим обо мне.

Драко обвел пальцем холодный ободок его бокала.

— Ну так из-за чего вы с Гермионой поругались? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более нейтрально.

— А почему ты мне этого не скажешь? — поинтересовался Гарри.

— А? — захлопал глазами Драко.

— Она же с тобой говорила, — холодно сказал Гарри. — Я знаю, она все тебе рассказала.

Драко поднял глаза и встретил взгляд Гарри:

— А тебя это заботит?

— Коль скоро это ей помогает — нет.

Драко плюнул на все окольные пути и пошел напролом:

— Она сказала, что ты ее игнорируешь. Сказала, что ты с ней едва говоришь.

Краска медленно поползла Гарри на лицо вверх от ключиц.

— Это неправда.

Драко промолчал.

— Черт, это — неправда! — скулы Гарри зарделись от ярости.

— Прекрасно, — кивнул Драко. — Тогда скажи-ка мне, сколько у нее предметов в этом году?

Гарри захлопал глазами и открыл рот от неожиданности:

— Что?

— Я говорю — сколько у Гермионы в этом году уроков?

— Ну... Зелья, — медленно начал перечислять он, — потом еще продвинутый уровень Темных искусств с Люпиным...

— А уроки, на которых вы не вместе?

Гарри уперся взглядом в барную стойку.

— Арифмантика. Медицинская магия. Охрана и Защита...

— ...Она его бросила, — резким голосом перебил его Драко. — Еще в октябре. Сейчас вместо этого она занимается рунами.

Гарри отвел глаза и стиснул зубы:

— И что скажешь?

— Ты избегаешь и не замечаешь ее. Почему?

— Я не...

— Да прекрати, Поттер, — раздосадованно закричал Драко. — У тебя что — есть кто-то еще?

Гарри шарахнул по стойке кулаком с такой силой, что зазвенели стаканы. Драко заметил краем глаза, что пузатый волшебник справа покосился на них с опаской. Он прекрасно понял, что последний вопрос мог вполне быть истолкован неправильно, если не знать того, что ему предшествовало. Ну, и пожалуйста.

— Да нету больше никого! — заорал в ответ Гарри. — И не будет — у меня — никогда!

Толстый волшебник ткнул Драко палочкой под ребра:

— Полагаю, он и правда так думает, — прошептал он Драко на ухо. — Ты бы дал ему еще один шанс.

— Ох, да заткните, — не поворачиваясь, ответил Драко. Он смотрел на Гарри — багряный оттенок схо-

дил с его лица, кожа стала бледной, почти белой.

— Прости, ты не виноват.

— Черт, это уж точно, — согласился Драко. — Только не думай, что мне нравится быть посредником между тобой и Гермионой — мне это НЕ нравится.

— Тогда почему?

— Потому что я не хочу видеть ее несчастной.

Гарри затаил, уставясь в длинный ряд бутылок на противоположной стене. Волшебные ликеры внутри кружились и переливались разными цветами — лаванда, бирюза, золото, лимон...

— Наверное, я эгоист, — нарушил он наконец молчание, — но все это потому, что я люблю ее и не хочу потерять, даже если я не... я не могу... — он остановился, но Драко ждал, понимая, что сейчас не лучшее время для собственных комментариев и предположений. — Даже если я не могу дать ей что-то прямо сейчас, — закончил Гарри.

— Ты оттолкнешь ее и прогонишь прочь.

Гарри уставился в пустой стакан. Факел бросил золотистую искру на его черные пряди и затрепетал на шее яркой вспышкой. Эпициклическое Заклятье.

— Может, для нее так будет лучше...

— Хрен два, — отрезал Драко. — Она тебя любит.

— Любит... — без всякой интонации повторил Гарри. — Возможно...

— Не будь идиотом — конечно любит!

Придвинутый заботливой рукой барменши, перед Гарри возник еще один полный стакан, и тот уставился в его содержимое мутными глазами. Драко мысленно попытался прикинуть, какой по уже счету этот стакан — у него было подозрение, что счет пошел на двузначные числа.

— Вольдеморт идет за мной... — произнес Гарри. — Ты знаешь.

Драко откинулся назад.

— Я не знаю ничего подобного, — ответил он, хотя воспоминание отозвалось резкой болью, пронзившей шрам на ладони. ... Мальчик ненадежен, Господин...

— Идет... Он снова попытается добраться до меня... С чего бы ему останавливаться: Слизерин ушел с его пути, а я куда младше и куда менее опытный...

— Поттер, — собственный голос донесся до Драко словно издалека. — Ты не знаешь...

— Нет, я знаю.

— Ты боишься?

— Нет. Я рад.

Драко оторопел:

— Его возвращению?

— Я рад, — в голосе Гарри прорвалась первобытная дикость, он стиснул стакан, — я так рад... Я все время думал об этом, Малfoy, о противостоянии, о моем шансе отомстить, освободить моих родителей... Я сплю и вижу, как убиваю его. Я просыпаюсь с разбитыми кулаками — все потому, что во сне я бью ими в стену... Да, я часто злился, но никогда не знал такой вот ненависти — постоянной и яростной, она никогда меня не покидает... Как я могу быть рядом с Гермионой, чувствуя все это?... Если она узнает, каков я... что я полон яда и ненависти... Она считает меня выше всего этого, лучше... я бы я хотел, чтобы так оно и было... — он затряс головой, разгоняя все эти мысли, и его волосы взлетели вокруг лица.

Гермиона была права. Ему надо подстричься.

— ...Но нет, все не так... — Драко молча сидел и в упор смотрел на Гарри. — Я не знаю, — дыхание Гарри сбилось, — я все думаю про своих родителей... там... в том месте...

Драко с трудом заговорил, слова прорывались сквозь сведенное горло:

— Так ты был в Думотворе, что я тебе дал?

— Нет, — мотнул головой Гарри. — Я не смог. От спирта его голос стал грубым и наполнился каким-то диким отчаянием. — Я не смогу этого вынести, не смогу... — он рухнул лицом в руки.

Драко похолодел. Это его вина, его ошибка — это же он рассказал Гарри про родителей, про те мерт-

вые земли, именно благодаря ему у Гарри в руках появилось средство, при помощи которого он отточил все эти чувства — ярость, отчаяние — сделал их совершенно невыносимыми... Даря Думотвор, он считал, что это поможет, — нет, Гарри не смог использовать его. Какой же он был дурак, что затеял все это...

Драко протянул руку и потрепал Гарри по плечу.

— Поттер... — Гарри не двинулся. — Поттер, прости...

Гарри свалился со стула и тряпкой расстелился на полу.

— О, черт, — Гарри соскочил со стула, присел рядом и перевернул его: совершенно невредимый на вид Гарри сонно захлопал на Драко полуоткрытыми глазами. — Гарри? Гарри, ты как?

— Спасибо, профессор, хорошо, — улыбнувшись, Гарри снова закрыл глаза.

— Придет день, когда я вспомню, почему я позволил тебе так надаться... — Драко вздохнул и присел на пятки, только теперь заметив, что все — весь бар, даже эти весьма скудно одетые официантки — тарачатся на них с удивлением и любопытством. — Так, Гарри, ну-ка вставай... Ни-ни, обратно падать не надо... Понимаю, гравитация — штука суровая... Мы сейчас с ней подружимся... Так, теперь пошли — пошли — пошли...

* * *

— Слушай, он вернется, — Джинни с тревогой посмотрела на Гермиону и успокоительно сжала ее руку. Девушки, кутаясь в зимние плащи, — Джинни в светло-золотистый, Гермиона в темно-синий — сидели за дверями Хогвартса, на верхней площадке огромной каменной лестницы. Несколько снежинок уселись на огненные прядки Джинни.

— Я знаю, — сдавленно ответила Гермиона. — Это и делает все таким ужасным.

— Ругаться постоянно — куда хуже, уж поверь, — Джинни закатила глаза, — вот мы с Драко... — она осеклась.

Несмотря на уныние, Гермиона заинтересовалась:

— Драко и ты — что?

— Нет, ничего, — Джинни изящно повела плечиком. Гермиона незаметно покосилась в ее сторону. Когда студенты спорили, кто же является самой красивой девушкой школы, мнения обычно разделялись между Джинни и Блез Забини. Гермионе казалось, что Джинни куда симпатичнее, только она не тратила на это столько сил, столько Блез — она была хорошей своей природной, естественной красотой, со всеми этими веснушками, пухлыми губами, медно-рыжими волосами — без всяких косметических причуд и заклинаний... В сотый раз Гермиона подивилась, что же стало причиной их разрыва с Драко — они были так близки, когда вернулись в сентябре в школу, и вдруг, ни с того ни с сего, перестали разговаривать. За исключением квиддичных матчей, они старались держаться друг от друга по меньшей мере в сотне ярдов.

Рон был в восторге.

Гермиона, хотя и тщательно это скрывала, — тоже. А Гарри вообще едва обратил внимание на произошедшее.

Гарри. Сердце снова кувыркнулось у Гермионы в груди. Она подняла глаза к темнеющей вдалеке полоске леса... в поисках этой знакомой темную головы и красной мантии... Джинни увидела их первая.

— Гляди! — она вскочила на ноги, золотистый плащ взлетел в воздух от ее порыва. Гермиона прищурилась — но у Джинни зрение было лучше, сама же она видела только смутные далекие очертания. Джинни фыркнула. — Они возвращаются... О, похоже я знаю, кого сюда несет... — Она развернулась. — Я пошла отсюда.

Гермиона поймала ее руку.

— Не надо. Подожди.

Джинни осталась, всем своим видом показывая не-

довольство.

Фигурка приблизилась и приобрела совершенно отчетливые очертания, теперь Гермiona отчетливо видела Драко — его голова была не покрыта, и светлые волосы выделялись на темном фоне горизонта. Но... он был не один — он тащил Гарри, чей плащ волочился по земле кровавым языком. За считанные секунды Гермiona слетела по лестнице вниз, в этом гробовой промерзшей тишине казалось, что она бежала не по насту, а по битому стеклу — и в своем стремлении очутиться рядом с Гарри как можно быстрее едва не несла Драко с ног.

— Что случилось? Что с ним?

— Ничего, — глаза Драко были подернуты тенью, лишь веки слегка светились в лунном свете. — Просто перебрал, только и всего.

— Ох, — всплеснула руками Гермiona. У нее не было сил взглянуть на Гарри — он спал, и лицо его в этом призрачном холодном свете казалось каким-то ужасно детским и беззащитным... Вместо этого она посмотрела на Драко. — Так он что — в отключке?

— Ну, я пробовал его растолкать, но он назвал меня профессором, а потом потребовал, чтобы его провели к картофельному королю, чтобы молить его об освобождении... словом, все было отлично, кроме того, что он настаивал, чтобы мы захватили с собой дорожный знак... так что я просто вырубил его. И вот — мы здесь.

Гермiona покачала головой:

— Да уж, с таким другом, как ты, и сотрясения мозга не нужны... Поверить не могу, что ты позволил ему столько выпить... — Драко округлил глаза. Она вздохнула. — Хотя, с другой стороны, ты ведь нес его всю дорогу...

Драко пожал плечами.

— Ну не мог же я оставить его на полу в... гм... «Трех метлах»! К тому же, я применил заклинание *Legerus*, чтобы сделать его полегче.

— Теперь-то все? — Джинни, стоявшая за спиной у Гермiony, указала палочкой на бессознательного Гарри. — *Finite incantatem*.

Сверкнула яркая вспышка, и Драко едва удержался на ногах, когда его ноша приняла свой нормальный вес. Гермiona дернулась вперед и подхватила Гарри, вместе с Драко они осторожно опустили его на заснеженную землю. Гарри сонно вздохнул, перевернулся и подложил руку под голову.

Драко выпрямился и разъяренно взглянул на Джинни:

— Это было глупо, Уизли. Я мог его уронить.

— Как тебе угодно, — Джинни откинула назад густые рыжие локоны. — Мог бы применить заклинание *Mobilicorpus* и доставить его сюда, не было никакой необходимости его тащить — ты устроил все это шоу, чтобы впечатлить Гермionу.

Гермiona фыркнула от неожиданности. Какая муха укусила Джинни?... Она взглянула на Драко, почему-то затрепетав от предчувствия того, что она может увидеть. Он смотрел на Джинни, и его рот был сжат в тонкую линию, глаза прищурены:

— Какую богатую жизнь ты ведешь в своих фантазиях, Уизли! Могу предположить, что причина в том, что твоя настоящая жизнь скучна и бесцветна.

— По крайней мере, она у меня есть, — отрезала Джинни.

— Точно, и состоит она в утреннем ожидании чужих парней за неимением собственного.

— Не стоит еще раз доказывать, какой ты отвратительный, — холодно произнесла Джинни. — Я и так это знаю.

Она развернулась, поднялась вверх по лестнице, с яростью дернула тяжелые дубовые двери и исчезла внутри.

Гермiona повернулась и воззрилась на Драко — с его лица уже ушел этот бешеный взгляд, и теперь глаза светились каким-то странным светом. Не глядя на нее, он предупредил:

— Если ты начнешь спрашивать меня, что случилось между мной и Джинни, и какой замечательной парой мы были, я тебя по уши в снег закопаю.

— А могу я тебя спросить, как вместо нее ты можешь встречаться с Блез Забини?

— Я тебе когда-нибудь отвечал на этот вопрос?

— Нет, но я тут подумала — вдруг сегодня что-нибудь изменилось?

— Может, и изменилось, только твой парень сейчас замерзнет до смерти, если не внести его внутрь.

Драко бросил взгляд на Гарри, спящего на земле с ладонями под щекой. Гермiona сомневалась, что он находится в опасности: он лежал на своем плаще, к которому она еще в Октябре применила Утепляющее заклятье.

— Он так классно выглядит... — заметила она.

— Я бы поспорил, — Драко шагнул прочь. — Но теперь он весь в твоей власти. Спокойной вам ночи и смотри, как бы он на тебя... гм, не стошнился.

— Так ты что — не поможешь мне внести его внутрь?

— Нет. Попроси Уизли, он поможет.

Она поняла, что он имеет в виду Рона; хотя он и называл Джинни тоже просто «Уизли», но существовала определенная разница в интонациях между тем, как он звал ее и ее брата.

— Но я не знаю, где он! — завопила она.

— Уверен, ты сумеешь его найти, — Драко, пере скакивая через ступеньки, побежал по лестнице вверх, и лунный свет заиграл на серебряной вышивке его развевающегося плаща.

Похоже, он хочет догнать Джинни... — с легким удивлением догадалась она.

Однако, судя по Джинни, ей вовсе не хотелось, чтобы ее догоняли... Да ну их, этих двоих — вечно у них все криво — косо, не разберешься...

* * *

Джинни поднималась по лестнице к Гриффиндорскую башню, когда позади раздался голос:

— Уизли. Подожди.

Она недовольно обернулась: у подножья лестницы, завернувшись в черный плащ, стоял Драко. Снег таял на его волосах и ручейками стекал за воротник. Позади него в окно заглядывало усыпанное серебристыми — под цвет его глаз — звездами небо.

— Чего тебе надо?

— Я подумал, что было бы лучше, чтобы ты никому не брякнула про сегодняшний вечер. Особенно Гарри.

Джинни прищурилась:

— Я уже обещала никому не упоминать, что вы теперь друзья.

— Я знаю.

В воздухе повисла произнесенная фраза: «но ведь это было раньше».

— Я насчет того, что он здорово надрался. Учителями это не приветствуется, это может повлиять на разрешение играть. У него и так были в этом году проблемы со всякими празднованиями. Ну, ты в курсе.

— Ты вообще кроме Гарри еще о ком-нибудь заботишься? — в ее голосе зазвучал такой лед, что она сама поразилась: и от кого я научилась так разговаривать? Ответ был очевиден: от него, конечно. — Ах, да, естественно — о Гермione. О, кажется мы договорились не говорить об этом.

— Я не просил тебя обещать что-то мне лично, — сказал Драко. — Но Гарри вроде бы и твой друг...

Джинни почувствовала, как ее мышцы на спине и в плечах напряглись:

— Ты же не держишь свои обещания. Так с чего бы мне их держать?

— Я ничего тебе не обещал, — твердо возразил Драко, откидывая с лица волосы. Свет факела поймал его кольцо и засверкал на нем.

— Ты намекал, что...

— Ты вольна интерпретировать мои намеки, как тебе хочется, — Драко прищурил глаза так, что они превратились в две серебристые щелочки. — Моей вины тут нет.

Джинни почувствовала, как сердце будто холодным обручем стянули. Она знала, что все не так: да, Драко никогда не притворялся, что полон к ней чувств... впрочем, подобный разговор уже состоялся, вряд ли она услышит что-то новое... И все же она возвращалась в мыслях к дню рождения Гарри... они рука об руку спускаются по лестнице... его глаза, когда он смотрел на нее... эти письма, что она писала ему лето напролет... — все это вспыхнуло в ней с такой силой, что она ощутила боль.

— Ты ублюдок, — выдохнула она первое, что пришло ей в голову, — такой же, как и твой отец.

Драко окоченел.

В его глазах вспыхнуло какое-то чувство — то ли ярость, то ли боль... хотя, может, это было простое удивление. Потом оно исчезло.

— На самом деле, — произнес он голосом, полным горечи, — я ублюдок сам по себе.

Джинни было нечего сказать — она повернулась и побежала вверх по лестнице. Драко остался внизу.

* * *

В этот предрассветный час солнце уже начинало

посылать на землю свои первые лучи-предвестники.

— Солнце встает, — сказала она, перевернувшись и придвинувшись к нему, их обнаженные плечи соприкоснулись. — Нам пора возвращаться.

— Нет... — его голос был сонным и отдаленным. — Давай останемся... Пусть нас найдут... Кому какое дело?...

— О, Рон... — она приподнялась на локтях и взглянула на него. Он лежал, запутавшись в простынях, волосы прилипли к взмокшему лбу. Это была одна из немногих в Хогвартсе комнат, где зимой не было сквозняков. В сероватом утреннем свете, лившемся сквозь высокое окно, на его лбу слабо серебрился отпечаток поцелуя Ровены Равенкло.

— Ты же знаешь, мы не можем это сделать...

— Знаю... — он потянул ее на себя и поцеловал.

— Никто не должен знать про нас, — решительно сказала она. — Никто.

— Ага... Я знаю... его губы спустились к ее шее. — Просто я не люблю врать...

— Это временно, — ее голос чуть захрипел, она обмякла и склонилась к нему, откликнувшись на его поцелуи. Когда он остановился, она разочарованно вздохнула и умоляюще взглянула на него. Его голубые глаза смеялись:

— Говоришь, мы должны уходить?...

— Ну, — шепнула она ему, — может быть, не прямо сейчас... — и она нырнула ему в объятия.

Глава 2. Старые песни на новый лад.

*И ночью я поджег любимый дом
Он вспыхнул восхитительным пожаром
Лишь горсточка камней осталась в нем
Да пара сорняков, спаленных жаром.*

*Воздушные создания ночи,
Напуганные мраком беспросветным,
Примчались к племени гигантскому свечи
Взглянуть — и умереть в горячем ветре.*

*Из неба в небо улываю я,
Внимая песням, что поются темнотою
А лодка, что вперед несет меня,
Из рваных крыльев сделанная мною.*

Леонард Коэн

Драко сидел на узком подоконнике в своей спальне и смотрел, как над Запретным лесом поднимается солнце. Перламутровое влажное небо уже обожгли показавшиеся над кронами деревьев лучи, кристальный зимний воздух был чист и прозрачен, на небе ни облачка. Кроваво — розовый свет лился сквозь сводчатое окно, и от него лицо Драко приобрело оттенок, которого отродясь у него не было.

Света теперь было достаточно, чтобы без факела или свечи прочитать тот свиток, что передала ему накануне Рисенн. Он был девственно чист, на нем чернело единственное незнакомое слово: *Venio*.

Драко разжал пальцы, письмо медленно выскользнуло из его руки и вспыхнуло, горстка золы тут же просочилась сквозь камни... Словно этого пергамента никогда и не существовало...

* * *

В комнате с каменными стенами было ужасно холодно. Насквозь промокшие под дождем, они стояли перед зеркалом, Черные волосы налипли Гарри на лоб и казались вздувшимися венами, ресницы слиплись, капли воды слезами текли по лицу... Единственным ярким пятном на его бледном лице были эти зеленые глаза...

— Ну же, Гермиона, что ты видишь?

Она взглянула в зеркало, поверхность его дрогну-

ла и стала серебристо-синей... Гермиона шагнула вперед, и навстречу ей, словно выныривая из-под воды, качнулось изображение: она увидела себя в сухой одежде... глаза широко распахнуты и спокойно — безоблачны... и она была не одна...

Она рванулась к Гарри:

— Это неправда! — потянулась к нему, но он уже ушел, и не было ни смеха, ни песни феникса, ни птиц, ни падающего снега — бесконечная, абсолютная тишина, нарушаемая лишь шумом дождя...

Гермиона подскочила и раскрыла глаза. Веки были тяжелы и сухи от напряжения. Она перевернулась, стараясь не разбудить спящего рядом поверх покрывала Гарри, мертвой хваткой вцепившегося в свой красный плащ... Впрочем, в комнате было достаточно тепло, она не боялась, что он замерзнет.

Повернувшись на бок, она взглянула на него — он спал тяжелым беспробудным сном, стиснув рукой подушку. Этот доверчивый, какой-то беззащитный жест напомнил ей ребенка. Вторая рука, стиснутая в кулак, покоилась у него на животе. Черные прядки лучиками раскидались по подушке, веки чуть поглубели от усталости, а небритый подбородок — он проклюнувшейся щетины. Гермиону почувствовала укол боли от этой смешанной со страхом любви. Она смотрела на его спящее, открытое лицо, видя за ним, как за стеклом, того мальчишку в одежде мешком, с упрямо торчащими волосами, упорного, упрямого, смелого и

доверчивого... Она вспомнила, как впервые обняла его...

— ...Гарри, знаешь, ты — великий волшебник...

— Ну, не такой, как ты... — тряхнул он головой.

— Что я... Книги, знания, сообразительность... Существуют куда более важные вещи — дружба... смелость и... ох, Гарри, будь осторожен...

Она вспомнила, как увидела его в лазарете... Она была совершенно уверена, что он погиб и, увидев его живым, ужаснулась — ужаснулась тому, что, не потеряв его в этот раз, теперь всегда будет бояться потерять его...

Она тихонько придвинулась к нему поближе, теперь ее рука вздымалась и опускалась в такт его дыханию. Кажется, он напрягся от этого прикосновения... его веки дрогнули и медленно приоткрылись — без очков его глаза напоминали зеленое стекло, обремененное чернотой ресниц.

Затаив дыхание, она ждала. Рассердится ли он?... Он должен помнить, что было вчера, — что они поссорились... что было потом, как она привела его к себе... Хотя единственное, что он сделал — это рухнул и, отпихнув ее руки, когда она хотела ему помочь с ботинками и мокрой одеждой, немедленно уснул...

Но его глаза были туманны и все еще полны сном, он улыбнулся ей — устало и без всякого удивления, словно ожидал, проснувшись, увидеть ее рядом. Заворочался, повернулся и протянул к ней руки, она нырнула в них, почувствовав волглость его плаща под своими пальцами и его теплое дыхание, щекочущее ей шею и шевелящее волосы... Они замерли и молча лежали так, пока наконец она не почувствовала, что руки его ослабли, он выпустил ее и коснулся пальцами ее лица.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросила она.

Он кашлянул и сморщился.

— В ботинках... в кровати?... Словно кто-то взял клин, привесил на него пару тонн и с размаху вбил мне в голову. За исключением этого — все хорошо, — он улыбнулся. — Кроме того — ты рядом, а это прекрасно нейтрализует все неприятности... — его улыбка исчезла, взгляд стал озадаченным. — Слушай, а мы... ничего ночью не делали?

Она постаралась улыбнуться ему самой сладкой улыбкой:

— Как, разве ты не запомнил наш первый раз?...

Гарри подбросило на кровати, он схватился за голову и застонал:

— О-о-о... — он умоляюще воззрился на нее, — ну скажи мне, скажи, что ничего не было...

Гермиона скрестила на груди руки и прищурилась:

— А что, разве в этом есть что-то ужасное?

— Я ничего не помню — вот что ужасно!

Гермиона тряхнула головой, отбросив назад волосы, и пожала плечами:

— Ты был более чем далек от этого и все, на что тебя хватило — это рухнуть на кровать. После того, как тебе было... гм... дурно и ты уделал все книги в Общей гостиной... — да, не забудь извиниться перед Невиллом.

— А на тебя я не... меня не тошнило?...

Гермиона заулыбалась:

— Ах, как романтично. Нет. На меня тебя не тошнило. И на Драко тоже — думаю, тебя это разочарует. Не могу представить, как ему удалось этого избежать.

— Подозреваю, что с трудом... — Гарри сжал виски. — Еле помню прошлую ночь после того, как... — неожиданно он побледнел. — После того, как...

Она смотрела, как на его лице отражается этот всплеск памяти — потрясение... ужас...

— О Боже... Боже... — еле шевеля онемевшими губами пробормотал он. — Вчера вечером... Что ты должна была про меня подумать... Я не знаю, что в меня вселилось...

— Что-то около кварты водки, судя по всему.

— Кажется, это был джин, — рассеянно поправил

он и уставился на нее полным раскаяния взглядом. — Гермиона, я был...

— ...в стрип-клубе. Я знаю.

Гарри едва не свалился с кровати:

— Знаешь? Откуда?

— От тебя, — она ткнула его пальцем. — Ты говорил во сне.

— Ох, — Гарри покраснел. Ей это всегда нравилось, он становился ужасно милым и забавным, вот и сейчас — его уши покраснели, он прикусил губу. — Я... ммм...

— А кто такая Анжелика?

— Анжелика?... — Гарри неуклюже замялся. — Она... ну, это... она барменша...

— Барменша? Топлесс?

— Д-да... Но у нее целая грива волос...

— Да ну? — голос Гермионы источал презрение. — А что, — Снейп действительно играет там на кларнете?

— Гермиона, — Гарри в отчаянии отпихнул подушку. — Ну — я не знаю, не знаю, как меня занесло в эту Порочную Ласку! Давай с тобой помиримся... хочешь — я куплю вам с Джинни по Ведьмополитену с большим настенным календарем...

— О, я слышала, что Чарли был парнем месяца в феврале, — заинтригованно произнесла Гермиона.

— ...только прости меня!...

Гермиона раздосадованно вздохнула:

— Ой, Гарри, да ради Бога! Меня это совершенно не волнует. Ну, напился ты и был в этой, как ее... Порочной ласке, — какое дурацкое название, — мне все равно. Я прекрасно понимаю, что вина за все это лежит на Драко. Хотя нет, я не виню его: он просто пытался тебе взбодрить, и если бы это у него вышло — клянусь небесами — я бы первая поблагодарила его. Я так волновалась...

— Я не только в этом виноват... — он встал, взял ее за руки и потянул вверх, она поднялась с кровати и подняла к нему голову. Она еще помнила те времена, когда была выше его. — То, что произошло в общей гостиной... Мне так стыдно... Я был свиньей. Прости меня.

Гермиона заколебалась. Вдруг она почувствовала, что его хватка на ее запястьях стала крепче, она подняла глаза, пытаясь найти в его лице причину — в его глазах нарастала паника. Он чего-то боялся, что она не простит его? Почему? Потому что он знает, что скрывает от меня что-то очень важное... а если я это знаю, то я должна сердиться. Здорово сердиться.

— Конечно же, я тебя прощаю, — словно со стороны услышала она свой отчужденно — холодный голос. — Существует очень немного вещей, которые я не смогу тебе простить — ты их знаешь.

Испуг ушел из его глаз, но ярким солнечным пятном под закрытыми веками остался отпечаток волнения и беспокойства. Эта вечная тень в его глазах — Гермионе казалось, что её невозможно выгнать оттуда, как невозможно выгнать темноту из чулана для метел.

— И что теперь...

— Я не знаю, что тебя не дает покоя, Гарри. Но это так. Думаешь, я буду молчать?

Она осторожно вывернула из его рук, взяла его ладони и перевернула их: все ребро правой ладони было разбито в ужасающий синяк, ладони испещрены запекшимися отпечатками полумесяцев ногтей.

— Ты себя буквально рвешь и терзаешь из-за чего-то, Гарри. И если ты не скажешь мне, в чем дело, то выроешь между нами пропасть. И если однажды я не смогу через нее перебраться — то вина за это ляжет только на тебя.

Она подняла глаза к его лицу, и на мгновение ей показалось, что пелена спала и перед ней снова тот Гарри, которого она всегда знала, — смущенный, смятенный, ранимый, отчаянно влюбленный... Но его глаза сразу же скользнули в сторону:

— Дай мне немного времени...

Она вздохнула. Боже, как она устала — она едва сомкнула глаза этой ночью...

— Делай, что нужно, Гарри...
 — Я люблю тебя... — произнес он с упрямой надеждой.

Она потянулась к нему и тихонько поцеловала, почувствовав эти колющие прикосновения его небритых щек и подбородка. Он обнял ее, притянул к себе и ткнулся лицом ей в волосы... Но даже сейчас, когда они стояли так близко — близко, что, наверное, ближе было уже невозможно, Гермиона чувствовала разделяющую их преграду и знала, что она никуда не денется.

* * *

Завтрак. Джинни угрюмо ковырялась в своей тарелке. Яичница и тост. Она не могла понять, отчего ей так плохо, — то ли нервничает из-за сегодняшнего матча... то ли из-за того, что так и не смогла заснуть этой ночью... Она лежала и все вспоминала Драко, когда он произнес «Я никогда ничего тебе не обещал...» — с совершенно непроницаемым лицом, без всякой интонации... о, это было даже хуже его обычной холодности — она хотя бы демонстрировала ну хоть какое-то чувство, а это безразличие... Оно просто сводило с ума. Иногда ей казалось, что в него легко влюблялись именно за эту непроницаемость, как в красивый фасад пустого здания, за этими стенами можно было нафантазировать себе все, что угодно. Интересно, Блез может понять его... кто-нибудь вообще может? Гарри. Наверное. Если постарается. Уф...

Джинни проглотила еще кусок яичницы и удержалась от того, чтобы бросить взгляд на Слизеринский стол. Драко невозможен. Совершенно невыносим. В школе ведь полно симпатичных парней — Симус Финниган, например... Вот, сидит напротив и ест вилкой овсянку. Обаяшка — русский, голубоглазый... Этот ирландский акцент... И, к слову, неплохой игрок в Квиддич. Почему, спрашивается, он ей не нравится?

— Джинни? — с подозрением уставился на нее Симус. — У меня что-то с лицом?

Джинни сообразила, что сидит и в упор пялится на него.

— Ой, э-э... нет-нет.

— Конечно, — подхватил Дин, — чертовая куча веснушек.

— Ничего подобного, — дружелюбно отмахнулся Симус. Это было правдой: уж кто-то, а Джинни Уизли знала, что такое куча веснушек. У Симуса их было совсем немного — только на переносице.

— Есть-есть.

— Нету.

На этом месте Джинни оставила Дина и Симуса, они могли так препираться бесконечно, и с надеждой еще раз оглядела стол, словно Гарри, Рон и Гермиона могли бы неожиданно появиться... но нет, они опаздывали. Рядом над своими тарелками хихикали Лавендер и Парвати, сквозь смех Джинни уловила обрывки фраз — «Драко»... «так что» и «клевый». Бросив вилку, она повернулась к ним и обнаружила, что они смотрят, как за Слизеринским столом Драко беседует с Малькольмом Бэдкоком. Джинни вздохнула: как не разумно со стороны Гермионы было сообщить Лавендер и Парвати что Драко вовсе не так уж и плох... Это наконец-то позволило им не прятать свое истинное отношение к нему, теперь они не сводили с него глаз, воспринимая как целое представление даже его уход из-за Слизеринского стола.

— Как все-таки удачно, что он слизеринец, — мечтательно произнесла Парвати. — Зеленый цвет так ему к лицу...

— Ради Бога! — Джинни закатила глаза. — Вы только прислушайтесь, о чем вы говорите: «О, вот идет Драко Малfoy! Давайте в припадке безумной страсти закидаем его трусиками!» А как же гордость Гриффиндора и...

— Нет никакого смысла бросаться в него трусиками, — перебила ее Лавендер. — Он встречается с Блез. Джинни грохнула об стол стаканом с молоком:

— Шутки не понимаешь?

Уже не в первый раз она подумала о том, что бы они сказали, узнай, что летом они с Драко неоднократно припадали друг к другу в страстных поцелуях... — впрочем, во-первых, они ей не поверят, а во-вторых... это было не совсем правдой.

— И тем не менее, с каких это пор вы сблизились с Блез?...

Парвати пожала плечами:

— Ты не можешь вторгаться на территорию другой девушки, даже если она слизеринка. Девичий кодекс поведения.

Джинни приподняла бровь:

— Девичий кодекс поведения?

— Ну, это что-то вроде Кодекса поведения волшебников, — произнес знакомый голос ей прямо в ухо, — только с большим бюстом...

Джинни обернулась: рядом присаживался старший брат.

— Рон, ты выглядишь просто ужасно, — удивленно заметила она.

Он и вправду выглядел неважно, похоже, не спал всю ночь: спутанные волосы, почти черные круги под глазами. И широкая добрая улыбка.

— Спасибо, Джинни, я в курсе, что всегда могу на тебя рассчитывать, чтобы взбодрить мое «я».

Он протянул руку:

— Яичницу.

Джинни положила ему завтрак.

— Ты вообще не спал или как?

Рон набил полный рот едой и промолчал. Через мгновение к ним присоединились Гарри с Гермионой, тоже не самые свежие на вид, хотя это как раз Джинни и не удивило: последний раз, когда она видела Гарри, он без сознания валялся на снегу, и она подозревала, что Гермиона провозилась с ним всю ночь напролет.

— Салют! — радостно пропела Джинни. Гарри сморщился. Гермиона, с почти прозрачным от усталости лицом, вяло улыбнулась. — Я так рада, что именно сегодня игра со Слизерином, — оживленно продолжила она. — Гарри с Роном выглядят так, будто готовы их по полю раскатать. Слушай, Гарри, у меня есть предложение: давай, когда Малfoy попытается схватить снитч, тебя на него вырвет?

Гарри позеленел и застонал.

— Мы будем в порядке, — произнес Рон, предусмотрительно пододвигая к Гарри кувшин с водой. — Давай-ка, восстанови водный баланс.

Пока Гарри покорно пил, Гермиона взволнованно смотрела на него:

— Ох, Гарри а не сходить ли тебе к мадам Помфри? — наконец предложила она. — У нее точно где-нибудь должно быть Похмельное Зелье, а я не успею сделать его до игры: на это нужен по крайней мере день.

— Ладно — вяло махнул рукой Гарри. — Я схожу. Перед Историей Магии...

— Это дело, — одобительно кивнула Джинни, — потому что сейчас ты сможешь взлететь, только если тобой выстрелят из пушки.

— Ты злишься просто из-за того, что я напился с Драко, а он тебе не нравится, — раздражение всегда делало Гарри прямолинейным.

— Тише, — зашипела Джинни, едва не опрокинув свой стакан с молоком, — рядом его фан-клуб.

— У Драко есть фан-клуб? — изумленно переспросил Гарри.

Джинни мотнула головой в сторону Лавендер и Парвати, хихикающих в компании с несколькими шестнадцатилетними девушками.

— Да, и у них сейчас собрание.

Рон фыркнул:

— У них что — какая-то проблема с мостом, под которым они обычно собираются?

Гермиона захлебнулась своим тыквенным соком и засмеялась:

— Рон...

— Да?

Гермиона смотрела на него подозрительно невинным взглядом:

— Нет, ничего, — она опустила стакан на стол и добавила. — Я просто тут подумала, что у меня есть немного Перечного Зелья, если тебе нужно. А то у тебя вид какой-то слегка усталый...

— Я не устал, — отказался Рон, не сумев сдержать широкий зевок. — Все отлично.

Гермиона приподняла бровь:

— Ты не забыл, что в два у нас собрание старост?

— Отлично, — кивнул Рон. — Только никакого зелья: было бы слишком жестоко лишить меня возможности вздремнуть во время него.

— Для меня все больше и больше становится загадкой, почему же тебя выбрали старостой среди юношей, — укоризненно покачала головой Гермиона. — С каких это пор ты взял пример с Фреда и Джорджа и занялся шантажом?

Рон оскорбился:

— Представляю, что ты говоришь обо мне, когда меня рядом нет...

Гарри хлопнул Рона по спине:

— У Рона обнаружилось обилие потрясающих лидерских качеств.

— Да, — согласилась Гермиона. — Он сейчас у нас в лидерах по факультету по невыполнению домашних заданий, зато по количеству выпитого сливочного пива и писем, полученных от французских резвухек с глупыми именами, за ним не угнаться.

— Точно, — кивнул Рон. — Ведь «Гермиона» — это вовсе не глупое имя.

— Дело тут не в моем имени, — она начала завидеть, но вдруг подскочила и возмущенно сверкнула глазами. — Ой! Рон! Поверить не могу, что ты пнул меня под столом! Ты что — впал в детство?

Рон улыбнулся ей в ответ самой приятнейшей улыбкой. Джинни вспомнила, как однажды кто-то — она, признаться, подозревала, что это был Драко, — изменил надпись на его значке с «Рон Уизли, Староста Юношей» на «Рон Уизли, Самодовольный Ублюдок». Рон тогда совсем не веселился, хотя пару лет назад, когда Фред с Джорджем проделали такую же штуку со значком Перси, он находил это ужасно смешным.

Может быть, — размышляла она, — Гарри поступил вовсе не глупо, все-таки отказавшись от должности Старосты?...

* * *

Крыша Зала Старост терялась в темноте. В центре зала красовался круглый старый стол, за которым сидело не одно поколение старост, весь покрытый свидетельствами пройденных лет — царапинами от перьев, вырезанными инициалами и чернильными кляксами. В центре стола находился десятидюймовый серебряный круг.

Окна на северной стене были золотым и синим, на южной — красным и зеленым. У стола стоял Рон, морозный рисунок на окне позади него напоминал длинный белый палец, за стеклом было белым-бело: шапки снега на ветвях, искрящиеся прозрачные сосульки — на этом фоне огненная шевелюра и красный свитер Рона реяли пламенеющим стягом.

— Собрание объявляется открытым, — он хлопнул ладонью по столу и усмехнулся. — Ладно, все садитесь, — он мотнул головой в сторону стоявшего в дверях Драко. — Малфой, проходи, садись. Ты опоздал.

Остальные старосты (по два старосты с каждого курса, начиная с пятого — всего двадцать четыре человека) повернулись к нему. Пенси Паркинсон, тоже представительница Слизерина, округлила глаза и призывно выдвинула стул — с эмблемкой в виде серебряной змейки, чтобы он мог сесть:

— Присаживайся.

Однако он не двинулся с места, его глаза скольз-

нули по сидящим за столом и вернулись к Рону:

— А где Гермиона?

— Она не смогла прийти, — раздраженно ответил Рон, — собрание будет коротким, она уполномочила меня представлять наш факультет.

— Да ну?... — Драко медленно обошел стол и плюхнулся в кресло рядом с Пенси, слева от Рона. — Ты ведь не знаешь, где она, да?

Рон, переключаясь на столе пергаменты, сделал вид, что не слышит его.

— Она бы не пропустила собрание, не будь у нее серьезной причины. Она собрания любит даже больше, чем меня.

— Да она и сифилитиков любит больше, чем тебя, Малфой, — прошипел Рон.

Джастин Финч-Флетчли, сидевший рядом, удивленно приподнял брови:

— Кто тут что говорит про сифилитиков?

— Просто я сказал Рону, что от одной мази все его симптомы сойдут на нет, — не моргнув глазом, ответил Драко.

— Что-то я не припомню, чтобы сифилис был среди тем, подлежащих обсуждению, — Пенси тряхнула головой так, что звякнули ее серьги.

— Точно, — согласился Драко. — У нас есть куда более интересные темы для обсуждения — пора в конце концов перестать делать вид, что Астрономическая Башня используется для наблюдений, хотя всем давно-давно известно, что все туда таскаются, чтобы тискаться до полной потери сознания.

— Я, например, использую Астрономическую Башню для астрономии, — сердито возразил Джастин.

— Естественно, ведь ты несчастный бедняга, которому ничего не светит, правда, Финч-Флетчли?

— Поздравляю, Малфой! — перекричал Рон гул возмущенных голосов. — Прошло всего пять минут, а у нас тут уже сумасшедший дом. И после этого ты удивляешься, почему тебя все терпеть не могут.

— Я просто подумал, что это могло сэкономить время, — пожал плечами Драко, приподняв руки и примирительно улыбаясь — вежливо и равнодушно, одними губами. — Ладно, я готов говорить о делах.

— Нет, ты готов заткнуться и слушать. Скажи только слово — и Слизерин не досчитается двадцати очков, — Рон поднял палочку и указал в центр стола, на серебряный круг с эмблемой Хогвартса в центре.

— *Ascensus orbis*, — круг медленно поднялся в воздух и начал лениво вращаться, пока не завис примерно в футе над столом. — Так, теперь начали. Итак, первый пункт для обсуждения... предложение всем школьным старостам присоединиться к поискам Тревожа — единогласно отклонить. Прости, Невилл.

Невилл, не являющийся старостой, но присутствующий на собрании, покорно опустил голову.

Так, что там дальше... Паб для семикурсников «На бровях», — продолжил шуршать бумагами Рон. — В прошлом году был просто какой-то ужас: по крайней мере шестеро использовали Старящее зелье, чтобы надуть охранные барьеры... А два шестиклассника выпили целую бутылку вина гигантов и обложили друг друга проклятиями... У одного до сих пор на голове антенны... В этом году мы не можем позволить ничего подобного.

— И что же мы можем сделать? — поинтересовалась Падма Патил, и вертящийся круг окрасился в синий цвет Равенкло.

— Думаю, стоит продумать несколько специальных правил, — заговорил Джастин Финч-Флетчли. — Ну, типа, что все горячительные напитки должны употребляться только в помещении...

Раздались смехи: никто из присутствующих в прошлом году не входил в Паб «На бровях», однако все были наслышаны про то, как семикурсник Эрик Соренсон завис на уровне шпиль Хогсмидской церкви, и горожанам пришлось сесть на метлы, чтобы вернуть его на землю.

— Хорошо, какие еще заведения заявлены на этот

год?

— Фред и Джордж развернули свое производство спиртного...

— Удивительные Укатайки Уизли? — поинтересовался Драко, и круг окрасился зеленым.

— Угу, — кивнул Рон. — Ну, конечно, Три метлы, Сорви-Голова и Шустрый Лемур... плюс еще Флориан Фортескью создает новое мороженое на основе сливочного пива... У Медвяного Герцога будут бесплатные конфеты, а в Книжном Уголке будут подавать чай для любителей трезвого образа жизни.

— М-да, — прокомментировал Драко.

— ...и еще будет открыта лавочка. Так, ну с этим все ясно. Так, теперь все должны взять по пергаменту и предложить что-то новое... и, разумеется, совершенно сногшибательное. Кто будет раздавать пергаменты?

Все тут же завозились, но, в конце концов вызвалась Пенси, — и то, как полагал Драко, только потому, что пары на вечер у нее не было.

— Теперь основной вопрос: как удержать студентов младших курсов от пролезания во всякие неположенные им места. Шестикурсники почему-то считают, что они уже переросли Святочный Бал, — добавил он, стрельнув глазами в сторону тихо ворчащих старост — шестикурсников. — Так, решение этой проблемы...

Слова Рона начали ускользать от сознания не спавшего почти всю ночь Драко, он едва мог держать открытыми глаза. Прикрыв глаза рукой, Драко опустил голову, надеясь, что его поза будет истолкована как глубокая задумчивость по поводу всего услышанного, и закрыл глаза. Налетела волна совсем других голосов, и над ним сомкнулась темнота.

* * *

— Так где же мой слуга?

— Он в другой комнате, мой Лорд. Он принес то, что мы искали, и испрашивает вашего прощения...

Резкий, свистящий вздох:

— Введи его.

Комната была все та же, хотя мебели заметно прибавилось. На столе громоздились горы разных магических предметов — серебряные флаконы и фиалы, нефритовые ступки, перегонные устройства, котлы, чье холодное содержимое таинственно переливалось голубовато-зеленым светом. Теперь Драко видел комнату с нового ракурса — двое мужчин стояли к нему лицом и изучали пентаграмму, начертанную на полу. Стену позади них закрывали полки картами небес, тиглями, мини — домнами, урнами, с банками, в которых лежало что-то, напоминающее мумифицированные тряпки; там же были связки свечей и стоял атанор — алхимическая печь. Со стены на стол стекал гобелен: череп с проросшими в глазницах цветами и словами: «Убиваю тех, кого не удержать силой».

— Возможно, выйдет неправильное зеркало, мой Господин, — нетерпеливо произнес Люциус Малфой, искоса поглядывая на хозяина. Сегодня на нем была багровая с черным мантия — как и тогда, когда он ходил с Драко на охоту: «Этот цвет скрывает кровь», — говорил он.

— Зеркало будет правильным, — отрезал Вольдемор.

Распахнулась дверь, и в комнату вошел Червехвост, неся небольшое серебряное зеркало удивительно красивой работы. Бронзовые витые ручки, рама, украшенная стилизованными изображениями вихрей и птиц, — все это напомнило Драко рисунок на узорчатых гриффиндорских ножнах.

Червехвост преклонил колени и, опустив голову, подполз к Темному Лорду, тот вытянул вперед бледную руку и принял у него зеркало. Со своего места Драко видел, как Вольдемор поднял его и взглянул на свое злобное отражение. Потом разжал руку, и зеркало медленно приподнялось и повисло в воздухе прямо перед Темным Лордом, словно примагниченное.

— *Speculum, speculum, Dei gratia,* — произнес Вольдемор, и оно откликнулось:

— *Volente deo. Audio.*

Темный Лорд был явно доволен:

— Найди Наследника.

Отражение исчезло, поверхность помутнела, словно синие вихри вырвались из его неведомых глубин, а когда туман рассеялся, Драко увидел узкий коридор, а в нем — себя. С этого угла видеть свое отражение было до невозможности странно. Тот Драко завернул за угол, прошел через незнакомые двери и очутился на крепостной стене, украшенной какой-то до боли знакомой каменной резьбой.

— Господин, — нарушил тишину Люциус, — что вы видите?

— Я смотрю на твоего сына, — голос Вольдеморта был холоден и струился, как змеиное тело. — Я слежу за ним в зеркале. Оно настроено на его поиск. Я его сейчас вижу. Он несет Оружие Истинной Смерти. Ты знаешь, что это?

— Да, знаю. *Terminus Est.* — Оно у него с лета.

— Он может его использовать?

— Да, — в голове Люциуса зазвучало удовлетворение. — Я дал ему указания.

Вольдемор поднял зеркало повыше:

— А он красивый, твой сын...

— Вы же сами велели сделать его таким, Господин, — встревоженно заметил Люциус.

— Да... С такой красотой и харизмой получают отличные лидеры... Люди мечтают следовать за ними, смотреть на мир их глазами. Я тоже был когда-то красив...

— Да, конечно, — еще более встревоженно произнес Люциус.

— А Люцифер был самым красивым господним ангелом...

Люциус молчал. Бледный Червехвост с отсутствующим видом смотрел в пол. Вольдемор медленно опустил зеркало.

— Ты читал Библию, Люциус?

— Мастер я был бы...

— Скорее всего нет... Это было необходимым занятием в том маггловском приюте, где я вырос... — Темный Лорд поднял руку и коснулся лица Драко в зеркале. — И Бог так ненавидел своего сына, что отдал его этому миру.

— Любил, — неожиданно произнес Червехвост.

— Что это?

— Цитата... — взволнованно и невнятно объяснил Червехвост. — И Господь так любил этот мир, что отдал ему своего сына...

— Ты считаешь, что можешь поправлять меня, Червехвост?...

— Н-нет... нет, мой Хозяин...

— Я тоже так думаю...

* * *

— Малфой! Эй, Малфой!

Драко словно облили ледяной водой. Продрав глаза, он убедился, что находится все в той же комнате, и первое, что он увидел, было раздосадованное лицо Рона Уизли. — Малфой, ты что — не слушаешь?

— Ты же сам заявил, что если я что-нибудь скажу, то снимешь двадцать очков со Слизерина, — смиренно напомнил Драко.

— Конечно, но только если я не буду обращаться непосредственно к тебе! — казалось, Рон сейчас перескочит через стол и вытрясет из Драко душу.

— Ну, разумеется, я согласен, — произнес Драко, нимало не представляя, на что он сейчас подписался. Комната все еще покачивалась, в ушах еще звучали голоса, а глаза болели.

— Ладно, с этим все — удивленно поглядев на Драко, произнес Рон. — Дальше... — Он опустил пергамент и усмехнулся. — Так, с пабом для семикурсников «На бровях» вроде разобрались...

Если сработает новая система присмотра и контроля, то мы можем войти в бессмертную историю как первый год, обошедший без проблем с толпами пьяных пятикурсников, — Рон усмехнулся. — Даже Малфой с этим не стал спорить.

— Ну, это несколько мешает моим личным планам достигнуть бессмертия за счет вечной жизни... — начал Драко но, взглянув на Рона, тут же добавил, — однако я могу передумать.

— Есть что-нибудь еще? — спросил Рон. Ответом была тишина. Рон поднял палочку и пробормотал, — *orbis deceleratus*.

Вращающийся серебряный круг вернулся на своё место в центре стола и замер.

— Собрание закрыто, — объявил Рон, опуская палочку. Старосты потянулись к дверям.

Драко почувствовал на плече чью-то руку, он обернулся и встретился взглядом с полным любопытства и удивления курносым лицом Пенси Паркинсон.

— У меня в голове не укладывается, что ты согласился стоять за пабом и следить, чтобы никто не пытался прокрасться в Хогсмид? Что на тебя нашло, Драко?

Драко замер:

— Я сделал... ну, в смысле... я вовсе не уверен...

— А Блез думает, что ты собираешься пойти с ней — она будет в ярости! — покачивая головой, с трепетающими в упругих локонах розовыми ленточками, Пенси отправилась по своим делам.

— Ах, в ярости?... — пробормотал Драко. — Ну-ну... Во всем есть свои положительные стороны...

* * *

— Эй, Уизли! А ну стой!

Рон повернулся на знакомый голос со смутным дурным предчувствием. По коридору вслед за ним торопился Драко — удивленно приподняв брови, Рон притормозил, решив, что, что бы Драко ни хотел, в этом точно нет ничего хорошего: даже пара фраз с Драко превращалась в какие-то бесконечные саркастические гонки. Независимо от того, что с ними произошло не так давно, отношение Рона к Малфою так и не потеплело, даже тогда, когда они не были на людях.

Чуть склонив голову, Рон попытался прикинуть, что же его так раздражало в Малфое — то ли эта манера носить школьную мантию, словно это не обычная черная мантия, а что-то необыкновенно крутое. Как обычно в нарушение всех правил она была нараспашку, демонстрируя дорогой серый свитер, серо-зеленый галстук и черные брюки. Драко был пониже Рона, однако благодаря своей стройности, а также чему-то еще, совершенно неуловимому, казался куда выше.

— На тебе нет значка старосты Слизерина. Формально я могу снять очки со Слизерина.

— Формально я ношу свой значок. Просто там, где ты его не можешь увидеть, — Драко послал Рону очаровательную улыбку, вызвав у того неудержимое желание ударить его.

— Чего тебе надо, Малфой? У меня времени мало.

— Я хочу знать, где Гермиона, — напрямик заявил Драко.

— Я не знаю, — отрезал Рон. — Может, спросишь у Гарри? Или где он ты тоже не знаешь?

На мгновение глаза Драко словно подернулись пеленой.

— Он идет вверх по пятому пролету северной лестницы.

Рон тряхнул головой:

— Прекрати подсматривать, это непорядочно.

Глаза Драко посветлели и он вопросительно уставился на Рона.

— Ладно, я забыл... Тебе не надо искать Гарри и спрашивать его...

— Потому что он не знает, — закончил за него Драко. — Он не может с уверенностью утверждать, где сам-то проводит время... Ладно, ему сейчас

не нужны лишние волнения...

— А мне нужны?

— Да ты по-моему вполне справляешься, — Драко мог любую фразу превратить в оскорбление благодаря особому тону.

Рон вздохнул.

— Я не знаю, где Гермиона... Она не сказала мне, что не придет на собрание — просто взяла и не явилась, так что, коль найдешь ее, передай ей от меня, что я не оценил то, что она бросила меня разбираться со всеми вами.

— О, я сформулирую несколько мощных заявлений от твоего имени, — торжественно пообещал Драко.

— Ты вообще хоть что-то можешь сказать без сарказма? — поинтересовался Рон.

— Не-а, — широко улыбнулся Драко. — Чесслово, нет.

— Слушай, а тебе вообще-то зачем знать, куда девалась Гермиона?

— Я беспокоюсь за нее, — ровным голосом ответил Драко. — Мне нужно с ней кое о чем переговорить.

— Ту так она днем будет на матче, они не пропускает игр Гарри, разве ты не знаешь?

— Мне там будет некогда, я буду слишком поглощен своей победой.

— Как бы не так, Малфой, — с удовлетворением хмыкнул Рон. — Ты не сможешь у нас выиграть: Гарри придумал несколько новых способов, от которых ты свалишься со своего Всполоха.

— Правда? — Драко приподнял брови с вежливым интересом. — Что ж, тогда у тебя будет еще одна возможность сделать мне искусственное дыхание, благо, опыт у тебя уже имеется.

— Шшшш! — зашипел Рон, как безумный, вертеться, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает. — Так, кто обещал, что «никогда больше об этом ни полслова»?

— Ах, да, — равнодушно кивнул Драко. — Оп-с!...

Рон всплеснул руками:

— Ох, вали-ка ты отсюда, Малфой! И если уж тебе действительно так приспичило найти Гермиону, загляни туда, где мы всегда ее находим. Наверное, она в библиотеке.

* * *

Библиотека почти пустовала — за длинными столами Джинни увидела всего несколько студентов: слизеринского загонщика Малькольма Бэдкока, Ханну Эббот, склонившуюся над томом Четких и Точных Пророчеств ведьмы Агнес Нуттер, и посапывающую в уголке Парвати Патил. Отсутствовала даже коршуноподобная мадам Пинс — наверное, притаилась за углом, карауля нерадивых студентов, осмелившихся загибать уголки страничек в учебниках. Джинни метнула взгляд на часы над дверью: на них в четыре пополудни сегодня фигурировал матч по квиддичу между Гриффиндором и Слизеринем, в связи с чем часы были украшены красными и зелеными огоньками и весьма сочетались со стоящей в углу рождественской елкой.

С облегчением убедившись, что до приготовления к матчу у нее есть еще полтора часа, а значит, есть еще куча времени, чтобы почитать еще одну главку из приложения к Ведьмовскому еженедельнику: серия романтических новелл «Нежное сердце дракона». Джинни запала на них после того, как обнаружила у матери настоящий книжный склад в тайничке под кипой кухонных полотенец. Прекрасно осознавая, что вся эта литература — просто хлам, она ничего не могла с собой поделаться. От последнего — озаглавленного «Брюки, полные огня» — она просто была не в силах оторваться:

...Черный огромный океан вздымал свои волны и бился о скалы; соленые брызги взлетали до самого балкона, где стояла белоликая рыжеволосая ведьма. Слезы на ее лице смешивались с океанской водой, когда она смотрела

на Тристана де Малькурта — волшебника, полюбившего ее так, как только может мужчина полюбить женщину, но оставившему ее из-за жестокой судьбы.

Увидев его теперь, Риэнн безрадостно рассмеялась:

— Тристан, ты думал, я теперь не отыщу тебя?

— Отнюдь, — его серые глаза вспыхнули, — настойчивая ты, колдунья.

Он развернулся прочь:

— От этого добра тебе не будет, Риэнн, найти должна другого ты... Я не могу любить тебя...

— Нет! — кинулась она к нему, и ее едва не отбросило от этой широкой мускулистой груди — так широка и мускулиста она была. — С тобой я быть должна — с тобою лишь!

— Зачем ты это говоришь? — он обернулся, и мантия обвила вокруг его крепкого мускулистого тела. — Ты знаешь, мне свобода дорога...

— О поздно, поздно, мой Тристан! Ребенок будет у меня!...

Он оцепенел, потрясенно взирая на нее.

— О, да, — повторила она. — Ребенок!

Слова эти повисли в соленом воздухе, как переспелые персики. Она смотрела на него, ее огромные темные глаза наполнились слезами, и тут он кинулся к ней, прижал к широкой мужественной груди и осыпал градом горячих поцелуев ее напоминавшие бутоны губы.

— Риэнн! — воскликнул он. — Ведь это все меняет, дорогая! Мой ангел! Свет мой! Жизнь моя!

Без оглядки и до самого конца она отдалась его ласковым, нежным мужским пальцам, справившимся с застесками ее корсажа куда быстрее, чем обычно применяемое Раздевающее Заклятье.

Прислонившись к балюстраде, она позволила ему утолить его желания; она чувствовала, как его руки скользнули ей под юбки и коснулись нежной кремовой кожи ее бедер, и попыталась отогнать от себя мысль, что, наверное, ей надо было сообщить ему о том, что ребенок, которого она носила в своем чреве, мог быть вовсе не его, а его злейшего врага

— Темного Мага Моргана...

— Ей бы стоило рассказать ему, — раздался чей-то голос у Джинни над ухом. — В противном случае, как я подозреваю, впоследствии шума будет куда больше, чем от схода лавины.

Джинни дернулась так стремительно, что уронила книгу себе под ноги, и почувствовала, что багровеет. Ей до сих пор и в голову не приходило, насколько выразительно может звучать заглавие этой серии: «Серия Нежное сердце Дракона, где от страсти вздымаются груди!» — это сообщалось сияющими буквами аккуратно над иллюстрацией с полубесчуживенной ведьмой, падающей в объятья светловолосого волшебника без рубашки; бархат его брюк был заметно встревожен.

Когда Джинни посмотрела на него, волшебник оторвался от своего занятия и послал ей воздушный поцелуй. Это все ее ужасно смутило, потому что стоящий рядом Драко Малфой был тоже высоким идеально сложенным блондином. Когда она подняла на него взгляд, его глаза вспыхнули, а губы дрогнули в улыбке.

— А, — неприязненно пробормотала она. — Это ты...

Он наклонился и поднял «Брюки, полные огня» — то ли для того, чтобы рассмотреть получше, то ли, чтобы отдать ей — Джинни так и не поняла, она судорожно выхватила книгу у него из рук и затолкала ее под трактат по Астрономии.

— Мне понравилось, — произнес он оскорбительным тоном. — Особенно то место, где она чувствует, как осязаемое доказательство его безудержной страсти прижалось ей к...

— Свинья! — зашипела она на него.

— Ничего подобного, голову даю на отсечение, что это не так. Риэнн вовсе не похожа на тот сорт ведьм,

которые общаются со свиньями... ну, или с другими обитателями хлева.

— Если не считать Тристана, да? — раздраженно огрызнулась Джинни.

— Ну что ты, мне Тристан нравится, — он вытащил книгу, перебрал ее из правой руки в левую и выразительно помахал. — Он похож на волшебника с правильным складом ума.

Джинни фыркнула.

— Он бессердечно кинул Риэнн в лапы ее злобного дяди Родриго!

— Однако, — заметил Драко, — он же не знал, что дядюшка мерзавец. Он-то думал, что для нее так будет лучше, не мог же он ей сказать, что бежит от Колдовского Совета.

— Это не было лучшим для нее, — горячилась Джинни, чувствуя, как кровь бросилась ей в лицо, и она краснеет от досады. — Она любила его, и жизнь без него не имела для нее смысла.

— Но это же лучше, чем не иметь жизни вообще, — прохладно заметил Драко. — И куда лучше, чем если бы к твоей душе присосались всякие приспешники дьявола.

— Да что ты об этом знаешь, Драко Малфой?

— Слушай, Уизли...

— И вообще — сколько ты стоял и читал у меня за плечом?

— Я...

Их прервал резкий голос:

— Мисс Уизли! Мистер Малфой! Что за шум? — ядовито поинтересовалась мадам Пинс. — Поверить не могу, что вы нарушаете тишину у меня в библиотеке!

Джинни покраснела:

— Прошу прощения, мадам Пинс...

— Видимо, причина был весьма серьезна, если вы так громко кричали.

— Это была просто приватная дискуссия, — невинно округлил глаза Драко, но мадам Пинс была непоколебима.

— Продолжайте ваши любовные перебранки в другом месте.

— Любовная перебранка? — задыхнулась от возмущения Джинни.

— Да, мисс Уизли?... — вскинула глаза мадам Пинс.

— Это не было любовной перебранкой! — решительно запротестовала Джинни. — В ней не было ни капли любви!

Мадам Пинс покачала головой. Драко веселился.

— Да мне он даже не нравится, — махнула Джинни рукой в его сторону.

— Меня это не интересует, — отрезала мадам Пинс. — Десять очков с Гриффиндора, десять очков со Слизерина, — она бросила взгляд на Драко. — А еще староста, — и она, укоризненно фыркнув, пошла прочь.

— Блез будет разочарована, — ядовито заметила Джинни, поворачиваясь к Драко, но тот уже подходил к дверям из библиотеки. С досадой и разочарованием она смотрела ему вслед, и лишь мгновение спустя до нее дошло, что «Брюки, полные огня» он унес с собой...

* * *

Войдя в небольшую комнату, где проходило тестирование на ЖАБА по Защите от темных искусств, Драко очень удивился, застав там Гермиону. Она сидела за столом, углубившись в рунический алфавит, собранные в пучок волосы были заколоты пером.

Поскольку эти занятия посещало только семь человек (Гарри, Гермиона, Элиза Миджен, Терри Бут, Невилл Лонгботтом, Падма Патил и сам Драко), то они все вместе просто усаживались вокруг старого деревянного стола, беседуя и консультируясь с профессором Люпином как со старым другом.

Скользнув на стул рядом с Гермионой, он тихонько

шепнул:

— Поверить не могу, что ты прогуляла собрание старост.

Она не взглянула на него, но начала краснеть:

— Я знаю. Я забыла.

— Ты забыла? Как ты могла об этом забыть?

В этом же весь смысл твоей жизни!

— Я просто забыла.

— Я волновался за тебя.

Теперь она подняла на него взгляд:

— Волновался? А что такое могло со мной случиться?

Ее темные глаза переполнились любопытством. Какое-то мгновение он засомневался, сможет ли он объяснить это туманное, необъяснимое, беспричинное и страшное предчувствие. Возможно, она ощутила это или же увидела в его глазах, а может, увидела в них еще что-то — она снова заговорила, быстро и взволнованно:

— Почему ты так на меня смотришь?

— Потому что ты говоришь на латыни.

— Как и все учителя.

— Знаю.

Драко откинулся на спинку и закинул ноги на стол, глядя, как Гермиона едва удерживается от желания сказать ему, что так делать нельзя, хотя, признаться, сам он в этом проблемы не видел: у него были просто отличные ботинки из темно-коричневой кожи, такие мягкие, что на них можно было спать.

Гермиона никогда не ценила подобных тонкостей...

— Гермиона, что бы ты сказала, скажи я тебе «*Venio*»?

— Я бы спросила, не хотел бы ты, чтобы я привела в порядок запасную спальню?

— Что?

Гермиона улыбнулась:

— Это значит «я приду» или же «я иду» — причем в смысле, что это случится в ближайшее время.

— А, — Драко пристально изучал носы своих ботинок, — и это все?

— Все.

— Как впечатляюще...

Гермиона удивленно приподняла брови:

— И зачем это тебе?

— Да так, не за чем... — отмахнулся Драко.

— Да ладно, расскажи...

— Не раньше, чем ты расскажешь мне, почему прогуляла собрание.

— Рон здорово злился? — виновато поинтересовалась Гермиона.

— Злился? Да нет, честно говоря, не очень. Сердился и беспокоился — это да... — Драко пожал плечами. — Мне кажется, в последнее время Уизли вообще стал каким-то странным...

Гермиона положила книжку на стол:

— Ага. Я понимаю, о чем ты. Иногда мне кажется, что...

— Что?

— Что он встречается с девушкой.

— Я полагаю, только если закроет глаза и как следует сосредоточится.

Гермиона рассердилась:

— Я, конечно, понимаю, что ты так думаешь, но ведь Рон...

— И что же Рон? — поинтересовался голос у них за спиной.

Драко поднял глаза, уже понимая, кому он принадлежит: если бы его внимание не было бы приковано к Гермионе, он бы услышал, как Гарри вошел в комнату и теперь стоял, глядя на Гермиону, и между ними сразу же повисла какая-то странная напряженность и недоговоренность. Драко теперь знал, что именно поэтому Гарри отталкивает от себя Гермиону, и подозревал, что она отталкивает его от себя в ответ. Постороннему человеку заметить это было сложно.

— Рон занят, — опустила глаза Гермиона, — очень занят.

— О, — Гарри опустился на стул рядом с Гермионой, оказавшись через стол напротив Драко, — на то он и староста.

— Знаю, — кивнула Гермиона и в упор посмотрела на Гарри. — Ты выглядишь лучше. Ходил в лазарет?

Гарри успел кивнуть, но едва он открыл рот, как в кабинет вошел Люпин, за которым следовали Падма и Элиза, мгновение спустя к ним присоединились Терри и Невилл — ведь класс был в сборе.

Люпин сел на свое место:

— Пришло время поговорить о ваших курсовых работах, — сообщил он, быстро переключаясь с переплетения пергаментов. По комнате пронесся тихий стон, Люпин поднял взгляд и улыбнулся.

— Всё будет не так плохо. Для начала я поделю вас на группы, — он быстро пробежал глазами пергамент. — Невилл и Терри, Падма и Элизой, Гарри с Драко. Гермиона — сама по себе.

Гермиона кивнула, и у Драко мелькнуло подозрение, что они с Люпиным обо всем договорились заранее. Признаться, его удивило, что Люпин поставил их в пару с Гарри, хотя, с другой стороны, он прекрасно знал, что вряд ли сумеет сработаться или ужиться с кем-то другим.

— Каждая команда до конца года будет работать над своим проектом, — продолжал Люпин. — Далее: я постарался, чтобы тематика проектов была максимально гибкой, тогда вы сможете максимально использовать свое воображение и творческие способности — успешность деятельности Аврора во многом зависит от умения быстро мыслить и мгновенно приспосабливаться. Кроме того, оно требует креативности...

— Я собираюсь сделать диораму, — с торжеством в голосе сообщил Драко.

— Нет, — терпеливо возразил Люпин, — я имел в виду другой тип креативности.

— Это будет такая... дьявольская диорама. А потом Гарри ее сломает.

— Драко... — в голосе Люпина зазвучали предупреждающие нотки.

Драко затих, но плечи сидящего рядом с ним Гарри содрогались от безмолвного хохота. Гермиона сделала им страшные глаза.

— Итак, задачи разделяются на три категории: чисто исследовательская работа, сопротивление проклятьям и темные создания, — Люпин протянул студентам пергаменты. Драко мельком глянул: «Описать методы, с помощью которых можно разрушить Заклятье *Medusa*. Тренинг с целью развить в себе устойчивость к Заклятью *Imperius* (кроме Гарри). История Азкабана: обзор. Опишите, как можно избежать Заклятья *Tracking*. История Основателей Хогвартса, включая десятилетнюю войну и основание гильдии Авроров».

Следующий пункт вызвал улыбку Драко: «Продумайте план обезвреживания мантикоры (кроме Гарри и Драко)».

— Итого — тридцать, — подвел итог Люпин. — Итак, каждая пара выбирает три темы, по одной из каждого раздела. Гермиона, поскольку ты работаешь самостоятельно, то у тебя две темы. И к первой мая будьте любезны представить ваши работы, от которых будет зависеть ваша итоговая оценка. Вопросы?

Невилл медленно приподнял руку:

— Могу ли я заняться изучением проклятья, не внесенного в этот список?

Глаза Люпина потемнели:

— Обсудим это после урока.

— А нам разрешат пользоваться литературой из Запретной Секции? — поинтересовалась Падма.

Люпин кивнул:

— Просто дайте мне список необходимых вам книг, и я его подпишу.

Драко слушал вполуха, его внимание рассеялось: он бросил взгляд на Гарри — тот вернул на лицо серьезное выражение и был полностью погружен в изучение списка. Сосредоточенный и ни капли

не усталый. В общем-то, это неплохо: сегодня матч, им летать друг против друга, либо они должны быть оба вымотанные, либо силы будут неравны. Даже усталый Гарри был практически непобедимым ловцом, ничто не могло ему помешать: ни боль, ни страх, ни усталость — вообще ничего.

Из под ресниц Драко перевел пристальный взгляд на Гермиону. Она делала какие-то заметки. Как всегда. Прикусила нижнюю губу... — она всегда так делает, когда думает... Он отвел глаза, скользнул взглядом по Падме (хороша, но не в его вкусе), Невиллу (как всегда напряжен), Терри (ужасно скучный, Драко с ним никогда не разговаривал), Элизе (на пятом курсе они какое-то время встречались с Крэббом, даже целовались... По мнению Драко, это противоречило всем биологическим законам), к Люпину, который, к его удивлению, наблюдал за ним.

— Драко, — заметил Люпин, — у вас отсутствующий вид.

— Просто возбужден моим предстоящим проектом, профессор, — ответил Драко с самым невинным видом.

Люпин послал ему взгляд из серии «хорошая попытка, малыш»:

— Задержитесь после урока, мистер Малфой.

...Опаньки! — пропел голос Гарри у Драко в голове. Драко бросил на своего почти-что-сводного-брата раздраженный взгляд, но вид у Гарри был невинен, как у ребенка. А ведь совсем недавно Гарри практически не мог скрыть свои чувства. Пожалуй хватит: Драко решил, что впредь будет следить, чтобы Гарри не обзаводился вредными привычками.

Урок закончился. Осталось пять минут до начала матча — в обрез, чтобы добраться до квиддичного поля. Гарри засунул пергамент с темами курсовых работ в сумку.

— Увидимся на поле, — бросил он через плечо Драко и ушел в обнимку с Гермионой.

Драко слабо кивнул в ответ и обернулся к преподавателю, обнаружив, что Люпин уже собрал все свои бумаги в кожаный портфель с золотыми застежками. Впрочем, золото никогда не действовало на Драко — оно так неестественно... В конце концов, будь они серебряные, они что — стали бы от этого хуже?

— Было весьма утешительно услышать, что ты уже размышляешь над вашей работой, особенно с учетом того, что после Рождества вы должны уже определиться со своим выбором, — Люпин улыбнулся. — Я потому и поставил вас с Гарри, что знаю о том, что праздники вы проведете вместе.

— И вместе с Гермионой. Так что не было никакой необходимости делать из нас пару.

— Она вполне может справиться одна. Ты — нет.

— Я могу...

— С Гарри у вас получится лучше, — перебил его Люпин, дав понять, что его решение окончательно. — Или существуют какие-то проблемы?

— Нет... гм... нет, — пошел на попятный Драко. На самом деле ему хотелось работать с Гарри, все дело было в том, что он купился на сообщение об этом таинственном проекте Гермионы.

Драко плохой, — сказал он себе в качестве эксперимента, однако ничего не произошло: самокритика явно не была его коньком.

— Я ничего не имею против.

— Вот и прекрасно, потому что Дамблдор и я это обсуждали, и нам бы хотелось, чтобы вы поработали вместе.

— Вы нас обсуждали?

— Мы это делаем довольно часто, улыбнулся Люпин и поднял свой портфель. — Удивлен?

— Думаю, нет, — Драко придержал дверь, пропуская Люпина, и пошел за ним по коридору. — Просто не могу понять — хорошо это или плохо?

— Никак, — дружелюбно ответил Люпин.

— А зачем вы меня задержали после урока?

Люпин остановился и с самым серьезным видом

взглянул на Драко:

— Чтобы сказать тебе, что, в случае, если вы с Гарри столкнетесь с каким-либо проблемами, я бы хотел, чтобы вы обращались непосредственно ко мне. На Рождество я тоже буду в Имени — так что весь к вашим услугам.

— О... ну, ладно, — Драко не знал, что еще сказать, он в жизни не обращался к учителям за дополнительными консультациями. Кроме того он имел совершенно четкое представление, что думает Гарри по поводу обращения к педагогу. Все равно, зачем, — это был пунктик Гарри: он всего хотел достичь сам. Впрочем, как подозревал Драко, его самого это тоже касалось.

— Так мы и поступим.

— У тебя уже есть соображения, каким материалами мы могли бы воспользоваться?

Драко кивнул:

— Разберемся и решим, спасибо.

— Прекрасно, — кивнул Люпин. — Удачной игры, — добавил он и, к удивлению Драко, пожал ему руку. — Пусть победит лучший.

— А я думал вы фанат Гриффиндора, профессор, — удивленно произнес Драко. — Я думал, что вы все гриффиндорцы — и вы, и папа Гарри, и Сириус, и...

— И что ты еще думал? — мягко сказал Люпин и зашагал прочь, оставив Драко потрясенно смотреть ему вслед — что же он такое имел в виду? — пока он наконец не рванулся на квиддичное поле с единственным желанием не явиться последним.

* * *

Джинни с трудом сдерживала зевоту. Она сидела в раздевалке между Элизабет и Симусом на жесткой и неудобной деревянной лавке. Гарри произносил речь, пытаясь взбодрить их перед игрой, казалось, что все в нее полностью погрузились, даже Рон, который никак не мог справиться со своим наколенником. Гарри на редкость удавались такие предметные речи, что немало удивляло Джинни: в обычных разговорах он совершенно не проявлял энтузиазма. Но квиддич, как и Гермиона, являлся предметом его страсти: он размахивал руками, волосы взлетали у него над головой, глаза горели. А как шла ему форма — этот полосатый бордово-золотистый свитер, светлые штаны, протекторы на ногах... Налокотники Гарри обычно не надевал, утверждая, что они тормозят движение во время ловли снитча, но всегда надевал черные кожаные перчатки без пальцев. Во всяком случае, зимой — всегда.

Раньше, когда она сходила по нему с ума, эта форма лишала ее дара речи, да и сейчас она почувствовала, как засосало под ложечкой; хотя, чего там говорить, он не был единственным парнем, который отлично смотрелся в квиддичном обмундировании.

Будь честна сама с собой.

Когда все неожиданно поднялись, она захлопала глазами — видимо, установка на игру закончилась, а она не уловила из нее ни полсловечка. Симус, Колин, Элизабет и Деннис построились позади нее, Рон тихо чертыхался, склонившись над своей сломавшейся застежкой. Гарри остановился, но Рон махнул рукой:

— Идите, — произнес он и взялся за палочку.

Гарри кивнул и подхватил свой Всполох, вслед за ним Джинни пошла по коридору на квиддичное поле.

Сиял яркий и веселый зимний день, такой холодный, что у Джинни закололо глаза. Она подняла голову, мороз ушипнул ее за кончик носа и пощекотал уши. Волосы были связаны узлом и убраны под шерстяную черную шапочку, а заколдованные теплые перчатки без пальцев все равно не согревали. Она осмотрелась: поле было очищено от снега, светило и сияло полосатым ледяным катком в предзакатных золотых лучах солнца, за полем поднимался Запретный лес — огромный, черно-зимний. Голые ветви, засыпанные снегом, навевали мысли о средневековье.

От трибун неслись приветственные вопли, у многих зрителей в руках были Горячие Картошки — новая штука от Удивительных Укатаек Уизли: по окончании игры они взрывались цветами факультета-победителя. Джинни увидела Гермиону — та сидела на трибуне, из под белоснежной шапочки выбивались упрямые локоны. Рядом с ней устроились Джордж и его подружка Яна, специально пришедшие на игру из Хогсмида. Близнецы обожали смотреть за полетами своей сестренки и младшего брата, поэтому традиционно приходили на игру, если были не слишком загружены работой в магазине. Джинни махнула Гермионе, та ответила. Ее щеки покраснелись от мороза — вкупе с белой шапочкой и каштановыми волосами это делало ее удивительно красивой.

Сидевший рядом с ней Джордж сделал неприличный жест, изрядно удивив Джинни, пока она не поняла, что он адресован вышедшей с противоположной стороны команде Слизерина.

Она почувствовала напряжение. Матчи Гриффиндор — Слизерин всегда были ужасными, и на это было несколько причин: она терпеть не могла эту ярость и бескомпромиссность, и знала, как непросты они для Гарри. Он еще в сентябре рассказал, что они с Драко объявили мораторий на использование телепатии в игре — во-первых, это здорово отвлекало обоих, а во-вторых, было нечестным. Она прекрасно знала, что Драко был лучшим летуном в школе после Гарри, — он единственный мог составить ему конкуренцию в его воздушной стихии; она знала, что Гарри терпеть не может играть против него, хотя это никогда не проявлялось на качестве его игры. Во всем, что касалось квиддича, Гарри был профессионалом.

Словно почувствовав, что Джинни думает о нем, Гарри тронул ее за плечо:

— Ты в порядке?

Она понимала, о чём он говорит — он всегда спрашивал ее об этом, когда поблизости находился Драко. Она покосилась на подразумевавшегося субъекта и увидела, что, как всегда перед матчем, он стоит со скрещенными на груди руками, с метлой у ног и топчущейся командой за спиной, словно готовясь к выходу на сцену.

Как драматично, — раздраженно подумала она.

Все продумано до мелочей: наверное, он не один час выбирал, как и где именно встать, чтобы солнечные лучи серебрили его голову и превращали его серебристо-полосатый свитер в сияющие доспехи. А травянисто-зеленая мантия четко облегла его фигуру — от плеч до начищенных черных ботинок.

Так же, как и Гарри, он не носил налокотников — только обрезанные перчатки, однако у него они блестящие, словно новенькие, да что там говорить — вся слизеринская команда сияла, как свеженачищенная: от нового Астероида-2000 Малькольма Бэддока до красно-золотых волос Блез, которые не были спрятаны под черной шапочкой, как у Джинни, а огненной рекой струились по ее спине до самой талии.

В обмундировании тоже были нововведения: вместо светлых брюк они носили черные, вместо кроссовок на всех были кожаные ботинки на шнуровке, а на изумрудных мантиях сияли отполированные серебряные пряжки.

Они напомнили Джинни упряжку лошадей, доставивших карету Шармбатона, — холеных, чертовски породистых, идеально подобранных.

— Я в порядке, — произнесла Джинни, и Гарри кивнул.

Это было почти правдой.

Мадам Хуч дала свисток.

— Капитаны обмениваются приветствиями! — крикнула она, и два капитана вышли на поле: сначала Драко, потом Гарри. Встретившись в центре поля, они тряхнули друг другу руки.

Щеки Гарри горели от холода, лицо Драко было бледным — но, несмотря на это, и на разное обмундирование, Джинни, как всегда, поразились их сходству:

оба высокие и худощавые (однако не тощие), идеально сложенные, чтобы быть отличными ловцами. Чуть кивнув друг другу, они обменялись рукопожатием; умирающее солнце напоследок вспыхнуло и потускнело, и она подивилась этой странной картине: пожимающие друг другу руки Гарри Поттер и Драко Малфой.

Еще год назад это представлялось ей совершенно невозможным, сейчас ее поражала их способность держать себя на публике столь холодно, сдержанно и скрытно. Совсем недавно плечом к плечу они смотрели в лицо смерти, однако сейчас, разомкнув руки, они развернулись и направились к своим командам с видом, словно они знают друг друга не знают.

Толпа на трибунах редела и свистела. Блез, как всегда перед игрой, приподнявшись на цыпочки, чмокнула Драко в губы — как говорится, «на удачу». Он принял это как должное, чем в немалой степени разозлил Джинни, поскольку она знала, что все это было рассчитано на публику. Впрочем, все его поступки всегда были рассчитаны на публику.

— Любят же некоторые поиграть, — заметила она, обращаясь к Гарри, — Драко предпочитает пьесы в трех частях.

Свисток мадам Хуч вырвал Джинни из ее размышлений. Вслед за остальными игроками она стиснула метлу и взмыла вверх — в темнеющем небе реяли четырнадцать игроков. Гарри тут же взлетел над всеми в поисках снитча. Драко также маячил сверху, Джинни видела серебристо — зеленое мельтешенье уголка глаза. Впрочем, сама она довольно скоро переключила свое внимание на несшийся в её сторону огромный черный бладжер, направленный рукой Тесс Хэммонд. Джинни поднырнула под ним, и Колин, реявший позади нее, сильным ударом отправил бладжер в сторону Блез.

Та изящно увернулась, послав в сторону Колина свой классический разозленно-порочный взгляд, от которого Колин испуганно отпрянул — кто-то, а уж Блез была экспертом в области гнусных взглядов.

— Джинни, сверху! — это была Элизабет Томас, сжавшая в руках квафл. Она швырнула его Джинни, та поймала и помчалась на другой конец поля. Холодный воздух резал ей лицо и жег глаза. У слизеринских колец перед ней выросли три фигуры: Блез, Грэхэм и Малькольм. Как Охотники они не имели права ее касаться, однако вполне могли блокировать ей дорогу. Колин метко отправил в их сторону бладжер, но драгоценные секунды были утеряны, Тесс и Миллисент, лишь только она дернулась вперед, рванулись к ней и развернули бладжер в ее сторону. Джинни пришлось перепасовать мяч Симусу, но Блез перехватила его, перекинула Малькольму — и Слизерин повел в счете: Малькольм отправил квафл сквозь кольца таким мощным броском, что едва не снес голову пытавшемуся воспрепятствовать этому Рону.

По трибунам пронёсся ропот недовольства — кроме самих слизеринцев никто никогда не радовался их успехам.

Джинни прикусила губу и лишь только квафл вернули в игру яростно метнулась за ним. Она задела Блез (которой не доставило это никакого удовольствия), разогнувшись, обогнула поле и перекинула квафл Симусу, он поймал и метнулся вперед — Джинни проводила его взглядом и вдруг увидела под собой что-то блестящее... Снитч.

Он вспыхнул у нее под ногами, и Драко с Гарри, словно ими выстрелили из пушки, метнулись за ним — ноздря в ноздю, две молнии — зеленая и красная. Джинни обернулась — и в этот момент что-то вспыхнуло рядом и обожгло ей глаза — обожгло не светом, а темнотой. Боль, мучительная и жестокая, ударила ее куда-то между глаз. Джинни почувствовала, что руки и ноги коченеют, холод острыми ножами впился в нее, проникая глубоко внутрь, замерзшие пальцы не слушались... Она не удержалась на метле — небо опрокинулось и оказалось у нее под ногами, сверкающий лед мчался ей навстречу. Она успела только

вскрикнуть — и все погрузилось во тьму.

* * *

В погоне за Гарри и снитчем Драко отгородился от всего мира: только цель — маленький золотой шарик, до которого оставалось всего несколько футов. В ушах свистел ветер, гулко стучало сердце — и вдруг он услышал крик. Крик Джинни.

Он рванул метлу вбок, едва не вывихнув себе плечо и смутно слыша в стороне яростные чертыхания Гарри. Развернувшись, он увидел фигурку в красной мантии, пытающуюся удержаться на пьяно раскачивающейся и взбрыкивающей метле — Джинни боролась со своим Нимбусом-2000, но безуспешно. Потеряв контроль, она беззвучно рухнула вниз и распласталась на земле без движения.

С трибун раздался крики, Чарли с Джорджем пробились себе путь сквозь толпу, где-то что-то выкрикивала профессор Макгонагалл, команды Гриффиндора и Слизерина были в смятении, Гарри вскрикнул... Драко решил, что должен, наверное, каким-то образом собрать и сплотить свою команду, однако все это было так мелко и нелепо... да и в любом случае, сейчас уже поздно — он почти вертикально направил метлу к земле, мчась вниз с такой скоростью, что сам Вронский умер бы от зависти.

Музыка ветра звучала в ушах, он в жизни не летал так быстро — ударившись об землю руками и коленями и едва не переломав себе кости, он с трудом поднялся на ноги и побежал к алеющему на снеге пятну. Красными и зелеными падающими звездами с неба сыпались игроки, с каким-то отсутствующим удивлением Драко отметил хаос на трибунах, до него донеслись вопли и крики, и, наконец, он опустился в снег рядом с ней и увидел, что алела не только ее квиддичная мантия. Кровь.

Он склонился к ней, ее веки дрогнули и приподнялись, она подняла на него темные глаза, в которых мелькнуло какое-то удивление и сразу же — готовность принять как неизбежное то, что он очутился рядом:

— Драко? — удивительно ровным голосом уточнила она.

— Ага, — его голос сорвался на шепот, — это я...

Он протянул к ней руку, но в этот миг кто-то с силой ухватил его за мантию и дернул назад. Лицо Гриффиндорского охотника Симуса Финнигана было белым от ярости:

— Ты... ты что делаешь, слизеринец?! — выплюнул он, словно самое грязное оскорбление. — Отойди от нее!

Гриффиндорская команда была уже на земле — братья Криви оттащили назад Симуса, Элизабет бросилась вперед, бледный, как полотно, Рон, распахивал всех, пробираясь к сестре.

Тесс и Декс еще были в воздухе, но другие слизеринцы уже тоже приземлились и топтались чуть в стороне, удивленно глядя на Драко. Он почувствовал, что Блез тоже смотрит на него, но плюнул на это и повернулся к Симусу:

— Уйди с дороги, — произнес он, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Зачем? Чтобы ты мог позлорадствовать? В чем дело, Малфой? Мы не желаем тебя здесь видеть!

— Уйди с дороги, — повторил Драко, слыша себя словно со стороны. — Уйди с моей дороги или я тебя убью, Финниган, — я переломаю каждую косточку твоего долбаного тела, не думай, что у меня не получится.

Симус побледнел, но стоял на своем:

— Я никуда не уйду.

Драко поднял левую руку, еще не зная, что сделает — ударит Симуса или метнет в его проклятье — впрочем, это было не так уж и важно. Неожиданно чья-то крепкая рука ухватила его запястье и решительно опустила его руку. Уже зная, кто бы это мог быть, Дра-

ко обернулся.

Гарри. Бледный, но собранный, глаза темны и серьезные.

...Не могу допустить, чтобы ты это сделал, Малфой.

* * *

Драко вскинул взгляд, словно Гарри его ударил:

...Что?

Гарри еще крепче стиснул запястье Драко, чувствуя, как под его пальцами быстро и ровно бьется пульс. Он знал, что, скорее всего, Драко было больно, однако тот не подавал никаких признаков — ни о том, что ему больно, ни о том, что он осознает происходящее вокруг него. Краем глаза Гарри заметил, как Симус с видимым облегчением двинулся к толпящимся около Джинни гриффиндорцам. Мадам Помфри уже бежала по полю с волшебными носилками, у края поля несколько профессоров — в том числе и Снейп — удерживали Чарли и Джорджа.

...Пусти меня, Поттер, — ясность в голосе Драко настораживала. — Ты не имеешь права...

...Еще как имею. Это моя команда, мой товарищ. Следи за своими игроками.

В глазах Драко полыхнуло дикое бешенство:

...Не учи меня, что делать, Поттер!...

...Напротив. У нас ведь был уговор, Малфой. Когда мы с тобой вот так стоим, мы с каждой секундой становимся все более и более подозрительными для окружающих. К тому же ты все равно ничего для нее сделать не можешь...

...Не говори о том, чего не знаешь!

...Если ты подойдешь к ней, моя команда тебя просто порвет.

...Не порвет, если ты их остановишь.

...Если ты меня не послушаешь, я палец о палец не ударю, чтобы тебе помочь.

...Гарри...

...Нет. Я не смогу тебе помочь, если ты сам себе не сможешь.

Драко бледнел на глазах:

...Пусти меня, — следующие фразы хлыстом щелкнули у Гарри в голове, — пусти меня, Поттер, пусти меня!

Переполненный опасениями, Гарри все же разжал свою руку — Драко, споткнувшись, шагнул назад — еще и еще, грудь его часто вздымалась, словно он бежал, глаза потемнели от ярости и чего-то еще. Он выглядел так, словно хотел ударить Гарри, словно хотел причинить ему боль — но сделать ничего не мог.

...Я скажу тебе, что случилось, — подумал Гарри. — А теперь — иди. Пожалуйста, иди.

Драко прищурился, собираясь что-то сказать, но вдруг резко повернулся спиной и прочь побежал по полю напрямик по сверкающему насту, который хрустел и трещал у него под ногами так, словно ломались кости.

Гарри взглянул ему вслед и повернулся к трибунам, пытаясь найти глазами Гермиону — она, как и все, стояла, в ужасе зажав рот рукой. В миг, когда Гарри увидел ее, она шагнула назад и бросилась к школе, вслед за Драко.

* * *

Ноги Гермионы заскользили и разъехали на льду у подножья ведущей в замок каменной лестницы. Она сама не знала, зачем и куда бежала: просто увидела лицо Драко — свирепое, взбешенное, отчаянное — и испугалась за него.

В холле было холодно и безлюдно, она метнулась налево, в коридор, ведущий к Слизеринским подземельям. Зеленые гобелены по стенам (в Гриффиндорских коридорах, ведущих в Гриффиндорскую Башню, они были красными с золотом и серебром — уже полинявшие за долгие-долгие годы), призраки шарахались и вжимались в стены, когда она мчалась мимо. Она

пробежала мимо гобелена с гербом и девизом Хогвартса и на мгновение замедлила шаг, бросив еще один взгляд на эти яркие цвета и символы. На мгновение ей показалось, что слизеринская змея дернулась, нападая на гриффиндорского льва, а ворон Равенкло встал между ними.

Гермиона остановилась и прикрыла глаза руками. В ее голове снова тихо зазвучали эти голоса:

— Ты женился? Женился? Но... но ведь она — не человек, Салазар!

— Это не твоё дело. У тебя есть Годрик.

— Все, что касается тебя, — мое дело. Ты думал об этом? Брак — вовсе не игра, Господь соединяет нас, а смерть разлучает. Вступив в воду, ты должен плыть, пока не пойдешь ко дну.

— Коль скоро ты не со мной, — отрезал он, — мне все равно, кто будет рядом. Мне вообще — на все наплевать.

Голоса притихли и затем снова появились — куда громче и четче:

— Не смей уходить, когда я разговариваю с тобой! И не думай об этом!

Гермиона отскочила и отдернула ладони от глаз. Последний голос явно прозвучал не у нее в голове, он шел откуда-то из коридора, и был совсем другим, более далеким. Она шагнула вперед и повернула за угол. Впереди была каменная лестница, голос доносился откуда-то снизу. На полдороге вниз по ступенькам Гермиона поняла, что один из голосов принадлежит Драко. А второй — девушке.

Она перегнулась через резные каменные перила и в свете факела рассмотрела внизу Драко и стоявшую перед ним взбешенную Блез Забини.

— Не смей уходить от меня, Драко Малфой, — произнесла она ледяным тоном, — и думать об этом не смей!

В полумраке поблескивали ее драгоценности — она носила их куда больше, чем остальные Хогвартские девушки: разноцветные кольца в ушах и на тонких пальцах, блестящие заколки в пламенеющих волосах. Ее глаза в полумраке казались огромными — ну просто какие-то темные глянцевые листья подводного растения.

— Я требую объяснений.

— Объяснений? — голос Драко был холоден и остр, как кинжал. Гермиона видела темные мокрые пятна на его локтях и коленях — следы растаявшего снега. Мокрые волосы налипли ему на лоб и сползли в глаза — Драко нетерпеливым жестом откинул их назад — перстень на его руке блеснул, как чей-то злобный глаз.

— Блез, дорогая, — он выплюнул это слово, как оскорбление, — ты бежала вслед за мной только затем, чтобы потребовать объяснений? — он положил руки ей на плечи и мягко припер её к стенке, не давая ей уйти. — Ты же сама все знаешь.

Гермиона была уверена, что Блез не отступит. И действительно, та вздернула подбородок и яростно взглянула на Драко:

— Мало того, что ты постоянно тарачишься на подружку Поттера, — что у тебя с этой гриффиндоркой?

— Да ты ревнуешь, — заметил Драко. — Забавно, правда?

Он выглядел так, словно вовсе так не считал, выражение его лица было спокойным, даже равнодушным, он сжал руки и теперь упирался в стену кулаками. Гермиона могла только догадываться, чего это ему стоило — сейчас разговаривать с Блез и каково ему было вернуться и уйти с квиддичного поля.

— Это мое право — ревновать, — колко заметила Блез. — Я ведь твоя подруга. Даже не пытайся сказать мне, что я не имею на это права, — она оттолкнула его руки, их яростные взгляды скрестились. — Да что с тобой происходит, Драко? — голос ее лился ледяным шелком. — Я желаю знать.

— Ничего со мной не происходит, — отрезал Драко.

— Тогда зачем ты все это делал?

— И на что же это было похоже?

— Это похоже на то, что у тебя припадок страсти к некоторым гриффиндорцам, и все только потому, что какая-то маленькая идиотка не смогла удержаться на метле. И потом — ты позволил Поттеру выгнать тебя с поля! С каких это пор ты его слушаешься?

Драко пожал плечами:

— Я поступил по-спортивному. Не могли же мы продолжить игру, когда у соперников игрок упал с метлы.

— Драко, мы — слизеринцы, и продолжаем играть, даже если соперников испепелит молния.

— Ну, и сильно нам это в прошлом помогало, а, Блез? Мы же проигрывали кубок все пять последних лет Гриффиндору — разве не знаешь? Кроме того, профессора ополчатся на нас, а Равенкло с Хаффлпаффом намеренно продуют Гриффиндору, чтобы только мы не взяли кубок.

— И ты думаешь, что этот прекрасенький подход что-нибудь изменит?

Драко убрал руки и прислонился к стене с усталым — удовлетворенным видом.

— Да, я так думаю.

Блез на мгновение задумалась, на ее щеках еще пламенили красные пятна, но гнев начал затухать. В конце концов она была все-таки слизеринкой: скорее расчетливо-хладнокровной, нежели страстной.

— А ты изменился, — наконец произнесла она, — и я не уверена, что мне это нравится.

— Все меняются, — возразил он, опустил руки и, склонив голову, взглянул на нее. В каждой черточке его тела сквозило напряжение и едва сдерживаемый гнев, однако губы улыбались. Это была холодная, напряженная улыбка, ничего приятного не обещающая. — Ты ведь тоже изменилась с тех пор, как нам было по пять лет и мы играли вместе. Скажешь, нет?

— Возможно, — слизеринка прогнула спину и уперлась руками в бедра. Ее вызывающая поза — развернутые плечи, высоко поднятая грудь — словно сошли со страниц еженедельника для юных ведьм, но Блез совершенно не выглядела по-дурачки. На ее губах появилась слабая улыбка:

— Нравится?

— Ну, как тебе сказать... — Драко нежно коснулся ее волос, — ты на меня все еще сердишься?

Блез опустила ресницы:

— Не знаю.

— На самом деле все удивительно просто, — и Драко согнутыми пальцами тихонько прикоснулся к ее лицу, пробежал костяшками по щеке, губам, опустился к ключице, — даже для тебя... — его руки скользнули ей на талию и притянули ее поближе. — Или нет?...

Она в ответ подняла лицо, сомкнула глаза и приоткрыла губы — и он поцеловал ее. Это был медленный, спокойный, неторопливый поцелуй, он просто целовал ее так, как целовал всегда — так, как ей нравилось, судя по тому, что она выгнулась в его руках и обняла его за талию.

Гермиона ощутила, что подсмотрела что-то, вовсе не предназначенное для ее глаз, и покраснела. Что было самым ужасным, она помнила, каково это — целоваться с Драко. Раньше у нее не возникало возражений по поводу его взаимоотношений с Блез. Теперь же она вдруг ощутила, что у нее просто масса возражений. И тут же устыдилась этих мыслей.

Она зажмурилась, а когда снова открыла глаза, Драко и Блез уже отстранились друг от друга — хотя и не так, чтобы очень далеко. Блез улыбалась ему, и в темноте коридора их волосы — его светлые и ее алые, — сияли, как маяк. Это могли быть Драко и Джинни. Но Джинни бы никогда не улыбнулась ему так, как сейчас это сделала Блез.

— Похоже, нет, — от голоса Драко у Гермионы подкосились колени. О Боже... — Можешь злиться дальше...

— Не сейчас, однако, если я когда-нибудь поймать тебя так же целующимся с другой девушкой, Драко Малфой... — задыхаясь, прошептала Блез.

Драко оборвал ее со смехом:

— Этого не произойдет.

Блез посмотрела на него томным взором. Её зеленые глаза под темными ресницами светились, как у кошки. Каким-то образом ей удалось спуститься с одного плеча квиддичную мантию, демонстрируя свое сиреневое negligé. Гермиона понять не могла, как она ухитрилась это сделать. Вот что значит все хорошо продумать и рассчитать.

— Иногда мне кажется, что я совсем тебя не знаю.

Он отпустил ее, и она отступила от него, приводя себя в порядок.

— Думаю, нам пора уходить отсюда, — произнесла она и добавила, — если я внезапно тебе понадобится, я буду в Гостиной, — в ее устах это прозвучало пригласением к чему-то непристойному, но ужасно приятному. Что б тебя...

Гермиона взглянула ей вслед: Блез уходила, заворачивающе покачивая бедрами. Как она умудряется так двигаться? Уму непостижимо...

Блез исчезла зелено-красным вихрем, Гермиона перевела глаза и увидела, что Драко смотрит на нее.

Их глаза встретились, и она почувствовала, что снова краснеет. Он стоял и смотрел на нее, не двигаясь, отблески пламени факела играли бликами на его светлых волосах. Под глазами синяками залегли тени, губы тоже казались разбитыми — возможно, это из-за поцелуев. Он утратил свою летнюю хрупкость, под одеждой угадывались мускулы — крепкие плечи, руки... Он сделал шаг назад, поднял к ней голову, и неровный свет факела заиграл на его волосах и лице, и на мгновение ей показалось, что на его лицо наложилось изображение другого лица.

— Драко, — позвала она.

Он улыбнулся, но улыбка эта не коснулась его глаз, в них царил какое-то темное, первобытное отчаяние.

— Что?

— Ты ее любишь? — это было вовсе не то, что она хотела сказать.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, ты не знаешь.

— О, ты меня переоцениваешь, — хмыкнул Драко, — слушай, если я кое-что тебе дам, ты передашь это Джинни от меня?

Она отрицательно покачала головой:

— Передай ей это сам.

— Ты не должна говорить ей, что это от меня.

— Драко, — вырвался у нее то ли вопль, то ли обвинение, — почему ты так себя ведешь?

— Я не веду себя. Я такой есть, — он еще выше вздернул подбородок, став таким высокомерным и гордым, каким она его еще не видела; факел вспыхнул, бросив на его волосы яркий отблеск — и померк. Она видела в этой полутьме его глаза, холодные, как вода, его грудь часто вздымалась — то ли от ярости, то ли от поцелуев, и она знала, что он вложил в те поцелуи: лютую ярость и свирепую страсть, которую он чувствовал к кому-то. Не к Блез.

— Ты ведь можешь любить не одного человека, знаешь?...

Его глаза вспыхнули.

— Не корми меня банальностями, Гермиона. Думаешь, я этого не знаю?

— Ты не любишь ее, — произнесла она, на этот раз утвердительно. — Ты целовал ее так, будто пытался кому-то отомстить.

— Отомстить? Кому? — сдавленным — то ли от раздражения, то ли от чего-то еще — голосом поинтересовался Драко.

Гермиона качнула головой:

— Я не знаю...

— Что ж, — пожал плечами Драко, — пришлешь сову, когда узнаешь, ладно? Может, в библиотеке най-

дется подходящая книжка.

— Если ты думаешь...

— Просто оставь меня одного, — Драко развернулся на пятках и пошел прочь. Гермиона смотрела ему вслед, чувствуя, что напряжение в груди становится просто невыносимым. Все шло хуже не придумаешь. И некому об этом рассказать. Ни Гарри. Ни Рону. Ни Драко. Некому. Как она подозревала, Гермиона Грейнджер, самая сообразительная ведьма Хогвартса, всех потеряла и осталась ни с чем.

* * *

Совершенно обессиленный, Гарри брел по длинному коридору, ведущему в заброшенный арсенал. Он ходил сюда каждую пятницу в шесть часов, за час до обеда. Дамблдор показал ему эту дорогу в первый день учебы. Ему и Драко. Пыльные стены — ни gobelенов, ни украшений. Шаги гулко отражались от каменных стен, и это эхо заставляло Гарри чувствовать себя удивительно одиноким. Он со всеми остальными проторчал у лазарета почти полчаса, пока мадам Помфри не отправила гриффиндорскую команду восвояси. Он пробежался по замку, но Гермиону так и не нашел, а потом пришло время, когда им с Драко нужно было идти, и теперь в груди Гарри ныло из-за того, что он не встретился с ней. Ему так хотелось, чтобы она была рядом, — особенно после всех этих событий... Но он понимал, что не имеет права требовать от нее компании — после того, как он начал так себя вести. Ему ужасно хотелось дать ей понять, как много она для него значит.... — но он не мог; он чувствовал, что она отдаляется от него, и казалось, не было ничего, что он должен или мог бы сделать, чтобы избежать этого. Тоска неизбежной потери парализовала все его чувства.

И вот он уже добрался до деревянной двери — старой, растрескавшейся. Он толкнул ее, она распахнулась и Гарри вошел внутрь и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Он стоял в овальной комнате с высокими окнами и решеткой футах в двадцати над головой — в совершенно пустой комнате, если не считать длинного стола вдоль одной из стен. На стенах в стеклянных футлярах висели мечи и щиты, топоры и копыя, всевозможное магическое оружие. Сейчас им никто не пользовался. В сумрачном свете уходящего зимнего дня, лившегося сквозь зарешеченные окна, плясали пылинки.

В луче голубоватого света, прислонившись к столу, склонив голову, стоял Драко — то ли погруженный в мрачные размышления, то ли просто усталый. *Terminus Est* во всей своей серебрищей красе лежал на столе у него за спиной, рисунки и надпись на клинке горели подобно огненным письмам. Тусклый робкий свет, касаясь волос Драко, превращал их в перламутр.

Он все еще не переоделся, его зеленая квиддичная мантия казалась почти черной.

— Здорово, Малфой, — приветственно произнес Гарри.

Драко поднял голову. По обе стороны его рта залегли тени, глаза темно поблескивали.

— Давай сюда, Поттер.

— С ней все в порядке. Ты вроде хотел знать...

— Она очнулась?

— Нет. Пока нет, — Гарри прошел в середину комнаты. — Слушай, начесть того, что случилось на поле...

— Ах, да... — бесцветным голосом произнес Драко. — Я извиняюсь...

— Малфой, — Гарри протянул руку и кончиками пальцев, — я тут подумал... нам надо остановиться.

— Что? — Гарри почувствовал, что глаза Драко метнулись к лежащему мечу. — Остановить тренировки? Почему?

— Нет, я не об этом, — Гарри убрал руку с плеча и коснулся эфеса висящего у него на поясе меча. Ощутил

эту приятную тяжесть. — Я про вражду. Надо кончать с этой показной ненавистью. Если бы это произошло на поле... если бы мне пришлось бы тебя толкнуть, а ты бы все равно стоял на своем, я бы не знаю, что бы я делал...

— Мы не можем, — возразил Драко, — не можем остановить вражду, ведь Дамблдор сказал...

— Да я знаю, знаю... Но мы можем пойти к нему и все объяснить.

— Объяснить? Что объяснить? Что нам больше не смешно и не прикольно? — в голосе Драко слышалась горечь. — Что там мы себе думаем — не имеет никакого значения. От тех, кому многое дано, многого и ждут, — кажется, он сказал что-то в этом роде?

— Что-то я не чувствую у себя этого «многого», — заметил Гарри с внезапно вспыхнувшей горечью, и Драко впервые поднял на него взгляд — темные серые глаза в обрамлении черных ресниц. У него был почти рассерженный вид.

Гарри взял себя в руки:

— Да, это правда, у меня есть многое... Гермиона... и Сириус, и Рон.

— А я было подумал, — богатство, известность, слава...

— Еще бы ты о другом подумал.

Драко улыбнулся — слабо, но искренне:

— Боже, оскорбления!... ты же всегда знаешь, что тебе это не по плечу...

Гарри пожал плечами:

— Ну, так что — будем тренироваться или займемся заданием Люпина? Выбирай.

— Хочу тренироваться, — Драко вытащил из-за спины меч. Слабый свет скатился по клинку и скользнул на позолоченную рукоятку, инкрустированную черными камнями, замерев на надписи вдоль эфеса: *Terminus Est*.

Линия раздела.

Раздела чего? От чего? — не в первый раз удивился Гарри. — Добра от зла, света от тьмы, свободного выбора от предназначенной судьбы? Или он слишком загружается по поводу этих слов, и все дело только в том, что клинок остро заточен?...

И тут он как раз и сверкнул над ним — и Гарри выхватил свой меч, чтобы остановить удар, как Драко его научил.

Иди вперед, не отступай, таким образом ты окажешься вне зоны поражения.

Мечи колокольчиками звенели в тишине комнаты. Гарри нападал, Драко оборонялся; они кружились по комнате словно в медленном танце — ритмично, не ускоряясь и не замедляя движение.

Гарри нравились эти занятия — в этом мире ему не нужно было думать, он просто двигался, подчиняясь каким-то неведомым инстинктам. Удар... отражение... выпад... меч крутились над головами, как искрящиеся серебряные колеса. Он позволял Драко наступать — шесть шагов, семь — пока не почувствовал, что уперся в стенку спиной. Оттолкнуться от нее с силой — и вперед. Мечи сшиблись, клацнули, посыпались искры.

Драко сделал шаг назад:

— Хорошо, — одобрил он, — отличное использование стены.

Гарри не ответил, он снова нападал. Драко отразил его удар, сделал выпад, Гарри выполнил финт и снова кинулся в атаку: длинный шаг назад, перемещение... скользнул вперед, выпад — меч отскочил от меча Драко и ударил юношу по плечу — шорох разрезаемой ткани, и на рукаве Драко появилась внушительная дыра.

Гарри оцепенел:

— Прости, — быстро произнес он.

Драко удивленно замер:

— Да нет, ничего.

Гарри почувствовал, что пальцы, стискивающие эфес меча, побелели:

— Я мог тебя ранить.

Драко покачал головой:

— Только если бы я это допустил. Отличный ход, но твои движения можно предугадать. В чем дело, Поттер?

— Похоже, все дело в том, что я не о том думаю.

— Гермиона? — спросил Драко и Гарри невольно кивнул. — Слушай, почему бы тебе просто не рассказать ей то же, что ты рассказал мне прошлой ночью? Она поймет.

Гарри опустил глаза к мечу:

— Тут есть одна проблема...

— И какая же?

— Я не помню, что говорил тебе прошлой ночью.

Губы Драко дрогнули:

— Не уверен, что ты поверишь, если я напомним тебе, что ты поделился страшным секретом о том, что у тебя бурный роман с профессором Спраут и ты обмениваешься с ней фотографиями, на которых ты обряжен в гигантского сурка.

— Бред, — ответил Гарри.

— Ничего подобного.

— Никогда не нарядился бы сурком.

— Ну, конечно...

— Ну, разве что лемуром. Даже, может, мартышкой. Но сурком? С какими-то зубищами?

— Теперь ты меня уже пугаешь...

Гарри рассмеялся — впервые за день.

— Ладно, это же Хогвартс... Все обо всем знают, всем до всего есть дело: о каких безумных секретах может идти речь?

* * *

— Мне послышалось, что кто-то идет, — она вернулась из объятий Рона и встала. Он запрокинул голову, он чувствовала, как его голубые глаза буквально жгут ее спину, когда, подойдя к дверям, она сквозь зарешеченное окошечко взглянула в коридор. Он был пуст в обе стороны.

— Ты слишком беспокоишься, — произнес Рон. Он сидел на полу, без рубашки, только в джинсах и кроссовках, гриффиндорская мантия служила им ложем. Глаза его потемнели.

— Наверное, мне пора уходить... Джинни...

— Ты же сказал, что они тебя даже на порог лазарета не пустили. Наверное, она пошла на поправку?...

— Я знаю. Но я чувствую ответственность...

— Ну конечно, — она вернулась и села у него за спиной, обвив его руками. — Я тоже волнуясь.

Он повернулся к ней и взглянул ей в глаза:

— Я если нас поймают... Если бы нас кто-нибудь нашел — что бы ты сделала?

— Рон, я...

— Ну, скажи, что бы ты выбрала?

— Думаю, если нас застукают, для тебя это будет очень плохо. Как и для меня.

— Хуже, — мрачно уронил он. Она почувствовала, что он уязвлен и пытается поддеть и её.

Она потянулась к его лицу и положила руки ему на щеки:

— Я люблю тебя...

Он растерянно захлопал глазами: она никогда ему этого не говорила.

— Ты?...

Она кивнула:

— Думаю, тебе стоит это знать.

Он мгновение просто смотрел на нее, потом его лицо вспыхнуло, и он потянулся к ней:

— Я думал, ты никогда...

— Т-ш-ш... — она поцеловала его.

— Я...

— Я знаю, — она коснулась пальчиком его губ, — не говори. Я знаю, что ты тоже...

* * *

— Хм, полагаю, ты прав. Если, конечно, ты не желаешь по субботам торчать в очереди

у Астрономической Башни, куда таскаются те, кому хочется потискаться в единении.

— А ты-то на что жалуешься, а, Малфой? У тебя же есть собственная комната как у старосты, разве нет?

— И удивительно просторная. Я называю ее «комнатой» только потому, что мне лень произносить «чулан для метел, в котором есть освещение».

— Мы можем продавать сюда билеты, — Гарри скользнул взглядом по пустой комнате и усмехнулся. — Особенно если принять во внимание, что здесь прекрасная звукоизоляция...

— Отличная мысль, Поттер. Я-то думал, у вас с Гермионой одни мозги на двоих и все принадлежат ей. Рад что и тебе чуток перепало, — Драко склонил голову на бок, — ты выглядишь даже бодрым...

— Ага, — Гарри поднял меч и отсалютовал Драко. — Спасибо за тренировку. Она помогла.

— Хорошо, — Драко помедлил и серьезно взглянул на Гарри. — Поттер, я никогда раньше тебя не спрашивал об этом, но...

— Но что?

Драко поколебался и с видом, словно делает шаг в пропасть, спросил:

— Где похоронены твои родители?

Гарри замер и затих. Перед глазами что-то болезненно замельтешило. Наконец он ответил:

— Понятия не имею.

Драко удивился, но вида не показал. Осторожным голосом, словно он передумал продолжать расспросы, он заметил:

— Ну, может, кто-нибудь знает...

Гарри отстраненно кивнул:

— Да. Наверное, кто-нибудь знает...

Почему же никто не упоминал об этом, не показал мне, где это?... Дамблдор, Сириус, Люпин, они никогда... А я? Почему же я никогда не спрашивал их об этом?

— Поттер, — донесся до него резкий голос Драко. — Стой на ногах. Ты в порядке?

— Угу, — перед глазами у Гарри снова все прояснилось, он увидел перед собой с тревогой смотрящего на него Драко. — Сириус уж точно должен знать.

— Ну, или Люпин, — предположил Драко.

— Я, пожалуй, спрошу Сириуса. Все равно мы сегодня вечером соберемся с ним поговорить...

— Прекрасно, — Драко изящно пожал плечами. — Я тут просто подумал... Это могло бы помочь... Ну, ты знаешь: могила... Ты можешь почувствовать себя... э... ну, ближе к ним.

— Ближе?

— Временами на них нужно посмотреть... Посмотреть самому, — тихо произнес Драко. — Взглянуть, чтобы понять, что они и вправду существуют...

— Я знаю, что они мертвы, — отрезал Гарри. — Я всегда это знал.

— Понимаю, — кивнул Драко. — Но временами мне кажется, что ты сам не веришь в то, что еще жив.

Гарри опустил глаза. Он снова почувствовал эту отчужденность, что не покидала его в последнее время — от Драко, от себя самого; он словно смотрел на свое тело со стороны — на это худощавое тело в джинсах и свитере... Оно казалось чужим — чьим угодно, только не его собственным.

Шнурок на левом ботинке порвался — когда он успел связать обрывки? Он не помнил.

— Я раньше ходил к Зеркалу Джедан, чтобы взглянуть на родителей, — тихо произнес он. — Я больше не могу этого делать...

На лице Драко промелькнуло недоумение:

— Из-за того, что ты не знаешь, где оно?

— Из-за того, что не хочу смотреть туда. Я боюсь того, что могу увидеть в нем.

* * *

Прыгающие розовые циферки на часах у кровати сообщили Джинни, что сейчас два часа утра. Она ле-

жала, ожидая, когда глаза приспособятся к темноте комнаты. Все тело ломило от боли, но рука, про которую мадам Помфри сказала «сломанная пополам», снова двигалась, да и болела не особо сильно.

Совсем недавно в комнате было полно народа. Она помнила, как мадам Помфри выставила за дверь команду Гриффиндора, как Гарри положил руку Рону на плечо — у бедного брата был совершенно убитый вид... Джинни бы даже расчувствовалась, не находишь она в это время под Противоболевым заклятьем. Потом приходил Чарли, посидел у кровати, держа ее за руку — он принес на себе снега, снежинки падали ей на руку и таяли. Вроде в это время в комнате были и другие люди... — но она запомнила только Чарли.

— Что случилось? — спросил он. — Что там с ней произошло?

— Мы не знаем, — ответил ему другой голос, — уже несколько лет с метел никто не падал... Не считая Гарри Поттера, сорвавшегося на третьем курсе.

— Но тогда были дементоры. Джинни прекрасно летает, она всегда прекрасно летала. Она не могла просто потерять управление...

— Метла проверяется на предмет наложенных проклятий и заклятий, профессор Уизли. Пожалуйста, перестаньте себя накручивать.

— Она — моя сестра, — сдавленно произнес Чарли, и что-то в его голосе вызвало вдруг у Джинни воспоминания о раннем детстве, когда Чарли был ее самым любимым братом. Она вспомнила, как он приезжал из Хогвартса на Рождество, вбегал в комнату в своей черной школьной мантии, подбрасывал ее в воздух и качал, пока она не начинала хохотать во весь голос. Чарли был ее любимцем, а потом все немного изменилось, и теперь Рон ей был гораздо ближе. Собственно, иначе и быть не могло — после проведенного вместе лета.

— Моя единственная сестра, — подчеркнул Чарли.

— Да, я знаю, что она ваша сестра. Мы все ее очень любим, мы узнаем, что случилось... Вам надо отдохнуть.

Голова начала кружиться от боли, — заклинание прекращало действовать, и Джинни снова впала в какое-то плавающее мутное состояние, все предметы снова закачались у нее перед глазами... Она попыталась сосредоточиться... Вроде бы она слышала голоса Фреда и Джорджа... потом, кажется, Рона или нет... похоже, это был Гарри... Ей даже показалось, что говорили Снейп и Дамблдор... Определенно, она слышала, мадам Помфри на кого-то закричала... До этого кто-то наклонился над ней и поцеловал в щеку. Джинни надеялась, что это был не Снейп.

Она повернулась и снова взглянула на часы. Шагающие по ним цифры сообщили ей, что уже полтретьего, но она совершенно не хотела спать. На столике громоздились книги — их наверняка положила Гермиона, чтобы она не отстала от занятий. Ей было интересно, нет ли в Кратком курсе проклятий (Гарри здорово западал на него на втором курсе, пока не обнаружил, что там ничего особенного-то и нет) объяснения причины того, почему она сорвалась со своей метлы. Вытянув свою многотрадальную руку, она порылась в книгах и едва не подскочила от удивления, когда ей на колени упала тонкая книжка в бумажной обложке. Это были «Брюки, полные огня».

* * *

Завернувшись в мантию-невидимку Гарри и стараясь ступать как можно тише, Гермиона шла по коридору. Она прекрасно осознавала всю комичность и парадоксальность ситуации: староста, отвечающая за то, чтобы студенты не нарушали правила, крадется по школе после отбоя. Она прекрасно об этом знала, но ей сейчас было не до этого.

Она сверилась с планом этажа и подошла к двери в стене. Толкнув дверь рукой, она вошла внутрь.

В комнате было темно. Одно из окон, выходящее

на поля, тускло поблескивало — в него виднелись покрытые снегом верхушки Запретного леса, месяц лил свое молоко на черно-белый мир. От стены напротив окна исходило мерцание — так поблескивает и играет на воде солнечный луч. Она пошла ему навстречу этому притягивающему знакомому сиянию обрамленного в золото зеркала.

Я покажу тебе желания твоего сердца...

Желания твоего сердца...

Я так думаю, — произнес в её памяти голос Гарри, — что желания человека могут меняться.

Она вспомнила его голос, его лицо — на нем сме-

шались ужас и надежда...

Нет, — сердито ответила она. — Мои чувства к тебе никогда не изменятся. Я всегда буду любить тебя. Что бы я ни делала, что бы ни говорила, все было и будет только для тебя.

Резким решительным движением она скинула мантию, вскинула голову и посмотрела в зеркало. Сердце замерло в груди, шли секунды — вторая, третья... На пятой у нее подогнулись колени, она опустилась на холодный мраморный пол и закрыла лицо руками.

— О, Гарри... Да что же случилось со мной?

Глава 3. Потоп и темнота.

*Жена моя, цыганка, где ночью этой бродишь?
Все сплетники и сплетни не могут быть правы,
Что в танцах этих диких на том току находишь?
Тень рук чьих по тебе скользит, и тень чьей головы?
Жена моя, цыганка, где ночью этой бродишь?*

*Жена моя, цыганка, где ночью этой бродишь?
Серебряные вспышки в кафе усталом, старом
Шагнул невесты призрак на стол среди ножей,
Швыряет мне букет свой, и, обдавая жаром,
Светить мне обещает — вести, светить, зажечь.
Жена моя, цыганка, где ночью этой бродишь?*

*Для радуги не время и рано для голубки,
Пришел наш день последний — потоп и темнота.
Коснись мужчин и женщин, и протяни к ним руки,
Но встанешь между ними — и будешь проклята.
Жена моя, цыганка, где ночью этой бродишь?*

Леонард Козн

Худшим из всей этой лазаретной жизни, как быстро осознала Джинни, было то, что нескончаемым потоком шли люди, пытавшиеся ее взбодрить. Если против Гарри, Рона и Гермионы она ничего не имела, да и визит Элизабет был тоже кстати, то посещение гриффиндорской команды вызвало у нее головную боль, а Чарли своим беспокойством добавил нервозности. Она уже чувствовала себя куда лучше и надеялась, что ее все-таки отпустят из лазарета, однако мадам Помфри на стояла на «наблюдении». Джинни полагала, что все эти предосторожности ради того, чтобы все случившееся не повторилось снова.

На другой день к ней в больничное крыло пришли Парвати с Лавендер. Джинни, подремывая, вполуха слушала их хихиканье, последние сплетни (Элиза Миджен рассталась с Джастином Финч-Флетчли, заявив, что он недостаточно горяч и настойчив), новости из мира модных штучек (Пенси Паркинсон явилась на Историю Магии в каких-то совершенно безумных заплатах), и размышления по поводу ближайшей вылазки в паб (Парвати собиралась туда с Дином Томасом, а Лавендер с Марком Ноттом).

— Но Марк ведь слизеринец, — удивленно запротестовала Джинни, на мгновение вырвавшись из полудремы.

— И что? — невозмутимо поинтересовалась Лавендер. — Все эти антислизеринские настроения давно канули в прошлое, Джинни.

— Ну, не считая Симуса, — хихикнула Парвати.

— О чем это ты? — с недоумением спросила Джинни.

Парвати не скрывала своего удовольствия от выпавшего ей права все рассказать:

— Когда ты упала со своей метлы, Симус едва не убил Малфоя, не подпуская его к тебе. О, это было так круто...

Джинни была озадачена и смущена:

— Ты хочешь сказать, что Малфой казался... в смысле, он пытался... с чего бы это он?...

Лавендер покачала головой:

— Я не знаю, мы не слышали ничего из того, что они там говорили. Мы только видели, как кое-кто рванул к тебе, а Симус встал у него на пути и стоял до тех пор, пока не подбежал Гарри и не вытолкнул кое-кого с поля.

— Гарри выгнал Малфоя с поля?

— Мне кажется, да... — задумчиво сказала Парвати. — Он вроде бы схватил его за запястье, потом Драко где-то с минуту на него таращился и рванул прочь, как дикий зверь. Было трудно понять, что там случилось на самом деле, может, Драко побежал прочь, потому что подошел Дамблдор. А с ним твой старший брат — у него был такой рассерженный вид, словно он собирался плевать гвоздями...

— Как бы я хотела, чтобы профессор Уизли пошел со мной в паб ... — с тоской в голосе произнесла Лавендер.

— Лавендер, что за глупости: он учитель и, к тому же, он ужасно старый! — решительно отmelda эту фразу Парвати, пока Джинни сдерживалась, чтобы не захохотать. — Так или иначе, у нас появилась одна мысль...

— Что за мысль? — спросила Джинни.

— Мысль о том, что Симус запал на тебя, — пояснила Парвати.

— Не может быть, — не поверила Джинни.

— Может, может, — подтвердила гулявшая с Симусом на пятом курсе Лавендер, хотя, признаться, Джинни не была уверена в том, что она действительно знает, о чем говорит. — Зачем нам это сочинять?

«Затем, что вы — безмозглые курицы, которые обожают устраивать всякие неприятности», — вертелось на языке у Джинни, но она удержалась от того, чтобы это сказать, — какими бы они ни были, что бы они ни делали, в этом не было злого умысла. Поэтому нечего срываться на них, ссылаясь на свою брюзгливость и нервозность.

— Слушайте, я так устала... — начала она, но было

уже поздно: Лавендер и Парвати уже затеяли свою любимую игру, эти отвратительные упражнения под названием «С кем бы ты?...». Они парами называли хогвартских парней и выбирали из них того, с кем не отказались бы переспать.

— Терри Бут или Эрни МакМиллан? — спросила Парвати подружку.

— Терри, — решила Лавендер.

— Драко Малфой или Малькольм Бэддок?

Лавендер на секунду задумалась, потом захихикала:

— Драко Малфой.

— Джастин Финч-Флеттли или Рон Уизли?

— Рон.

— Гарри или Рон?

— Хм... Я думаю, все-таки Рон.

Джинни осуждающе наблюдала за ними, напряженно ожидая, когда Лавендер повернется к ней:

— Джастин Финч-Флеттли или Эрни МакМиллан?

— Думаю, Джастин, — ответила Джинни, одинаково равнодушная к ним обоим.

— Симус или Дин?

— Симус.

— Драко или Малькольм?

— Малькольм, — соврала Джинни.

— Гарри или Рон?

Джинни с отвращением посмотрела на Лавендер.

— Это просто... омерзительно.

— Что? — с недоумением переспросила Лавендер, не в силах сообразить, что она сказала. — Ой, правда... Вся эта история с Гарри. Прости...

— Угу, — прорычала Джинни, закрылась подушкой и отказалась убирать ее до тех пор, пока Лавендер и Парвати не ушли.

* * *

Гриффиндорская гостиная вечная, в ней ничего не меняется, — подумал Сириус. Все действительно было точно так же, как и в те времена, когда он сам был студентом. Осмотревшись в камине, он бросил влюбленный взгляд на эти тяжелые мягкие диваны и кресла с бархатной, залоснившейся от времени обивкой, на эти подушки с золотыми кистями, на эти низкие исчерканные столы и развешенные по стенам портреты в золотых рамах. Гарри, скрестив ноги, ждал его, где и положено, — на полу у огня.

На нем были черные брюки, темно-синий джемпер и кроссовки на босу ногу. Он выглядел лет на двенадцать — такой худенький, усталый... настолько усталый и худой, что Сириус едва подавил удивленный взглас.

— А, Сириус... — тихо произнес Гарри. — Рад, что ты пришел...

Прошел примерно месяц с тех пор, как они беседовали в последний раз. Сириус помнил, что Гарри тогда тоже выглядел на взводе, но он списал это на тревожения перед предстоящим матчем.

— Гарри, ты как-то... гм... похудел... И у тебя усталый вид, — стараясь говорить как можно более нейтральней, заметил Сириус.

— Просто сейчас поздно, — отрезал Гарри, откидываясь к изножию огромного тяжелого кресла.

Он действительно здорово похудел, — встревожился Сириус, — вон как шея торчит из рубашки...

На снежно-бледном лице под глазами залегли синеватые тени... Что же случилось? Сириус помнил, каким румяным и загорелым Гарри ступил на подножку увозящего его в Хогвартс поезда...

— Сегодня был матч. Я здорово устал.

От этой фразы беспокойство Сириуса не стало меньше.

— Да-да, я знаю, Люпин рассказал мне о случившемся. Я рад, что с Джинни все обошлось... Гарри, а ты нормально питаешься?

Гарри задумался, словно пытаясь вспомнить, когда же он ел в последний раз, потом равнодушно по-

жал плечами:

— Да, я ем нормально... Как там ваши свадебные планы?

— Прекрасно. И вопрос с усыновлением уже почти на подходе, — добавил Сириус. — Надо будет разобратся с кучей бумаг, когда ты приедешь на Рождество. Нарцисса ждет вас всех. Рон с Джинни придут с вами?

— Нет, они будут на следующий день, — рассеянно ответил Гарри, явно занятый другими мыслями.

— Ты с одеждой уже разобрался?

— Угу...

— Кстати, ты в курсе, что я передумал жениться на Нарциссе и выбрал себе в спутники жизни Люпина?

— Это замечательно...

— Гарри, — мрачно поинтересовался Сириус, — да что с тобой?

— Нет-нет, ничего, — встрепенулся Гарри, словно вырвавшись из паутины. — Честное слово, я удивился...

— Да уж, я вижу...

Гарри обхватил руками колени:

— Это насчет моих родителей...

Сириус бросил пытливый взгляд на своего крестника, но выражение лица Гарри было трудно разобрать из-за падавших на него длинных черных волос.

— И что?

— Где они похоронены?

У Сириуса екнуло сердце:

— Почему ты хочешь это знать?

— Не отвечай вопросом на вопрос.

— Прости, Гарри, но мне хотелось бы знать, почему ты решил вдруг спросить об этом. Что ты собираешься сделать?

Гарри фыркнул:

— Заняться некромантией. Поднимем мертвецов, совершим человеческое жертвоприношение... От души подурачимся...

— Гарри...

— Слушай, это Драко предложил. Он подумал, что это поможет мне как-то приблизиться к ним...

— Что-то это не похоже на то, что мог бы сказать Драко...

— Ну, так он это сказал, понятно? — лицо Гарри вспыхнуло раздражением. — Ты хочешь сказать, что мне не веришь?

Ох уж это мне этот переходный возраст, — беспомощно подумал Сириус.

— Верю-верю, Гарри, просто я беспокоился о тебе.

— Это мои родители, — взял себя в руки Гарри. — Я имею право знать, где они похоронены.

Сириус медленно зажмурился и снова открыл глаза.

— В Дунсхилле, — произнес он, и увидел внутренним взором бесконечное серо-зеленое поле и поблекшие от бесконечных дождей надгробия. Несколько человек в мантиях с опущенными капюшонами у сдвоенной могилы, волшебник, бормочущий слова прощальной молитвы: «*Venite, benedicti patris mei, percipite regnum, quod paratum est vobis ab origine mundi...*»

Сириус видел это удивительно отчетливо, хотя понимал, что все это лишь плод его фантазии, — он не присутствовал на похоронах Джеймса и Лили. Но зато он был на бесконечном количестве других похорон...

— Они на волшебном кладбище...

— Ты был там когда-нибудь? — ровным и твердым голосом спросил Гарри.

— Однажды.

— И какое оно?

Сириус затруднился, как ответить: хорошее? Красивое? Такое, что во второй раз туда не тянет?

— Это кладбище, Гарри...

— И где же оно?

— Недалеко от Годриковой Лощины... если ты захочешь посетить его, я возьму тебя с собой. После С.О.В.

— Но ведь это будет только через месяц!

— Гарри, я все понимаю, я понимаю, почему ты хочешь отправиться туда, но пойми — это будет нелегко и непросто. И причина того, что ты там до сих пор не был...

— В чем? — глаза Гарри засветились в темноте комнаты, волосы сливались с окружающим его полумраком. Его лицо было настолько бледно, что казалось каким-то прозрачным отпечатком в полутьме.

— В том, что это небезопасно. Насколько мне кажется, для тебя куда безопасней находиться сейчас в школе или же дома, рядом со мной. Я даже не уверен теперь в Норе... Я очень люблю тебя, Гарри, однако я тебе не кровный родственник, а магия Дамблдора не может тебя защитить. Если ты отправишься туда, придется захватить Дурслей...

— Нет! Нет! — вскочил на ноги Гарри. — Это словно... Я не хочу идти туда с ними! Как у тебя даже...

— Но Гарри...

— Как же ты не понимаешь... — и горе, прозвучавшее в его голосе, заставило Сириуса остановиться. Все это прозвучало так, словно Гарри не рассердился, а пришел к каким-то мрачным умозаключениям. — Ты не понимаешь, и понять не хочешь. Тебя не волнует... Я думал, с тобой будет лучше, чем с Дурслями, но на самом деле ты такой же, как они, — ты тоже все время врешь мне.

— Да что ты говоришь, Гарри? Ты что — хочешь вернуться и жить с Дурслями?

Гарри охнул, словно Сириус ударил его, и тот немедленно пожалел, что эти слова сорвались у него с языка, но раньше, чем он успел бы извиниться или хоть что-то сказать, Гарри развернулся и выбежал из комнаты. Сириус слышал его шаги на лестнице, потом распахнулась дверь в спальню мальчиков — и наступила тишина. Он подождал еще несколько минут, уверенный, что Гарри одумается и вернется. Но этого не произошло.

* * *

...Сердце в ее груди разбивалось от мыслей о Тристане. Когда она видела его в последний раз, его бесчувственное тело, переброшенное через седло, уносил скакун леди Стэйси, кузины темного мага Моргана. Ходили слухи, что в ее чулане не счесть зачарованных кожаных корсетов, с помощью которых она принуждала несчастных волшебников исполнять все свои коварные желания. А, иссушив их жизненные силы, леди Стэйси сбрасывала их в бездонную пропасть, над которой долгие годы трудились ее верные слуги.

Риэнн залилась безутешными слезами, и ее сдвинутые рывками привлекли внимание капитана пиратов, рослого темноволосого мужчины. Он стоял на носу — мужественный, с обнаженным торсом, несмотря на то, что волосы на его груди покрылись инеем.

Она слышала, как другие пираты обращались к нему «Свен», а потому была уверена, что это и является его именем (Риэнн была прекрасна, но не слишком смыслена).

Он шагнул к ней. Гневные беспощадные волны хлестали и перекатывались через палубу, и Риэнн безуспешно попыталась устоять под их напором, потеряв в этой борьбе почти всю свою одежду.

Его зеленые глаза обожгли ее.

— Взгляни на родину свою в последний раз, о пленница прекрасная моя, — прорычал он, бросая завороченно-алчущий взгляд на ее полубнаженное тело...

— Эй, Джинни! Ты не спишь? — окликнул ее голос из-за занавески, отгораживающей кровать.

— Нет-нет, — пискнула она, быстро заталкивая «Брюки, полные огня», под одеяло и натягивая его повыше. Это был голос юноши — немного приглушенный. Может, Рон? Для Чарли этот голос слишком юный... — Можешь войти.

Занавеска отодвинулась, и Джинни с удивлением

убедилась, что ее посетитель вовсе не Рон, а Симус Финниган. Она захлопала глазами, но определенно — это был Симус: от светлых волос до разорванных кроссовок. Зачем он явился?...

Он, спотыкаясь, вошел. За плечом у него висела сумка, в руке были перья — судя по всему, он пришел прямо с учебы. Переминаясь и явно чувствуя себя неловко, он остановился у ее кровати. Джинни смотрела на него со все возрастающим удивлением: чтобы Симус — да вдруг мялся! Обычно он был слишком занят разными мерзкими шуточками.

— О, салют, Симус! — как можно любезней поприветствовала его она, надеясь, что это поможет ему немного расслабиться.

Не помогло. Симус застеснялся еще больше. В этот момент ей в голову пришла еще одна мысль:

— Ты здесь, потому что заболел?

Симус покрутил зажатое между пальцев перо:

— Нет... не совсем.

— Не совсем?

— В смысле, совсем нет, — Симус опустил перо и добавил, — я тут подумал... может, ты пойдешь со мной на Святочный Бал?

От удивления Джинни на миг лишилась дара речи — просто уставилась на бедного Симуса, от чего тот начал медленно, но верно краснеть.

— Но, — быстро спохватилась она, — ты же семикурсник, и уже можешь ходить в паб! А я — я еще нет...

— Я знаю, — терпеливо кивнул Симус, — потому и спрашиваю тебя о Святочном Бале.

— А зачем тебе проводить вечер с толпой шестикурсников, когда ты можешь пойти в паб?

— Я не хочу проводить вечер с толпой шестикурсников, — возразил Симус. — Я хочу провести вечер с тобой.

— О... — произнесла Джинни. И повторила. — О... Хорошо.

Симус взглянул на нее. С его лица уже пропали красные пятна, и теперь он смотрел на нее с некоторым недоумением и даже задором, хотя все еще немного взволнованно.

Вот Драко — тот никогда не волновался. Она попыталась представить, как бы Драко пригласил ее на Святочный Бал, — и потерпела полный крах. Даже если бы они встречались — он бы все равно этого не сделал. Он бы просто посчитал, что они должны пойти вместе и ждал бы ее внизу Гриффиндорской башни — как всегда невероятно выглядя и нисколько не сомневаясь, в том, что она будет вне себя от радости, увидев его. Словом, он был бы, как всегда, в своем репертуаре — и это в нем даже немного раздражало.

Но зато он, без сомнения, мог сделать для нее что-то романтическое и удивительное — вроде пары стеклянных тупелек из пары носков. И, когда Драко совершал что-то в этом роде, это никогда не казалось неуклюжим, неловким или заранее подготовленным; он просто делал то, что чувствовал, — как всегда, изящно и искренне.

Джинни захлопала глазами.

Сейчас причин размышлять о Драко нет и быть не должно: это ведь не он пригласил ее на Святочный Бал, да и вообще — у него есть подружка. А Симус симпатичный, милый и очень классный.

Она наконец оторвала взгляд от простыней и посмотрела на него:

— Парвати рассказала мне, что ты сделал на квиддичном поле. Это очень мило с твоей стороны.

Симус улыбнулся.

У него веснушки. Совсем чуть-чуть. На переносице.

— Да ну, не за что. Готов на все, чтобы взбесить Малфоя.

— Право, ты не должен был так поступать. Это было очень смело.

— С тех пор делал я и более смелые вещи, — заметил он, — и Джинни почувствовала, что краснеет. Да уж, для него это было явно волнующе — прийти сюда и

пригласить ее на бал, они ведь не были достаточно близко знакомы. Какой же он милый.

Она подняла голову и произнесла:

— Ну, конечно же, я с удовольствием пойду на Бал с тобой, Симус.

На лице Симуса засияла солнечная улыбка.

— Замечательно! Ты можешь сообщить Рону, что я верну тебя после полуночи. Знаешь, это немного пугает — просить старосту отпустить его младшую сестренку.

— Рон будет в пабе «На бровях», — ответила Джинни. — Он выдует галлон сливочного пива и к полуночи свалится с ног. Он бы не заметил, если бы ты вместо меня принес бы в Гриффиндорскую башню тыкву.

— Думаю, что наутро он все же разберется. А значок старосты достаточно остр, и мне бы хотелось сохранить свою шкуру целой, — улыбнулся Симус, обошел вокруг кровати и, к немалому удивлению Джинни, поцеловал ее в щеку. — Мне пора на тренировку. Надеюсь, что вскоре они все-таки выпустят тебя из этого чертового местечка.

— Надеюсь, — рассеянно кивнула Джинни. Теперь ее занимала другая мысль — поцелуй в щеку прошлой ночью. — Симус, — неожиданно для самой себя окликнула она его.

Он уже отодвигал занавеску, но остановился:

— Что?

— Ты... ты был здесь прошлой ночью? — с колотящимся сердцем спросила она. — Ты не заходил ко мне?

Он покачал головой, немного смущенный этим вопросом:

— Нет... не заходил. А почему?...

— О, — Джинни упала на подушки с чувством невероятного облегчения и странной вины. — Нет, ничего...

* * *

— Симус пригласил тебя пойти с ним на Святочный Бал? Да это же замечательно! — засияв, воскликнула Гермиона, глядя на уплетавшую яичницу с тостом Джинни. Ее наконец-то выписали из лазарета, и, хотя она чувствовала себя просто прекрасно, она все же не могла отделаться от странного ощущения нависшей над ней тьмы.

— Ш-ш! — зашипела Джинни, но, по счастью, Симус сидел на противоположном конце Гриффиндорского стола и вряд ли мог что-либо услышать.

— И ты сказала «да»? — поинтересовался Рон, гоня ложкой по тарелке кусок хлеба. Похоже, он не слишком-то голоден.

— Ну, конечно же она сказала «да», — быстро произнесла Гермиона. — Симус такой классный, симпатичный, очень милый, талантливый и забавный.

Рон опешил.

— Какая потеря! Гермиона, может, это тебе стоит с ним встречаться?

Гермиона покраснела:

— Я имела в виду...

— Я сказала «да», — отрезала Джинни.

— Великолепно! — Гермиона радостно заулыбалась. — Это так чудесно, Джин...

— Спасибо, — кивнула Джинни, не в силах избавиться от ощущения, что Гермиона как-то чересчур за нее рада.

— Всем привет, — Джинни подняла глаза и увидела Гарри, занимавшего припасенное ему свободное место между Роном и Гермионой. Он по-прежнему выглядел немного усталым, но уже куда лучше, чем раньше.

— Симус позвал Джинни на Святочный Бал, — сообщила ему Гермиона, едва он успел взяться за вилок.

— Чудесно, — Гарри рассеянно потыкал сосиску и поднял взгляд на Гермиону. — Это ведь хорошо, правда? Ты не говорила мне этого, потому что думала, что я вознегодую или еще что?

— Нет, — тряхнула головой Гермиона, — это действительно хорошо.

— С другой стороны, Симус не будет в пабе — а это плохо, — Рон потянулся к молочнику и плеснул себе сливок в кашу. Когда он поднял голову, на его лице было задумчивое выражение.

— Эй, Гарри, у тебя сейчас «окно», да? — Гарри кивнул. — Пойдем со мной в Хогсмид? — предложил Рон. — Только надо заглянуть на фабрику к Фреду и Джорджу. Надо разобраться с документами по поводу последних приготовлений у вечеринке в пабе. А разрешение на отлучку из школы у меня есть, — и Рон похлопал себя по карману с торчащими оттуда свитками пергамента.

— Я пойду с тобой, — пожал плечами Гарри. — Конечно. Почему бы нет?

— А вы успеете вернуться до Ухода за магическими существами? — встревожено спросила Гермиона.

— Ну, не успею, так не успею, — равнодушно пожал плечами Гарри.

— Но... Чарли обещал нам что-то особенное...

— Ну, так и расскажешь мне об этом потом, — подвел черту разговору Гарри.

Казалось, Гермиона хотела что-то сказать. Джинни была уверена, что, сделай она это, Гарри взорвался бы не хуже Флибустьерского фейерверка. У этой парочки отношения явно накалялись, на это можно было смело поставить галлеон.

— Все еще любишь Чарли? — поспешно встряла она. Гермиона с трудом оторвала взгляд от Гарри.

— Он отличный учитель, — кивнула она. — Он все-все знает. На прошлой неделе он целых два часа рассказывал о додо.

— Никогда бы не подумал, что это могло быть столь сексуально, Гермиона, — заметил Рон.

— Я не сказала, что это было сексуально, — раздраженно заметила Гермиона, и уже в следующую минуту они с Роном предавались своему привычному занятию, споря друг с другом. Гарри тихо сидел между ними, глядя куда-то в пространство. Какое-то странное, знакомое ощущение мелькнуло у Джинни, когда она взглянула на него. Он явно напоминал ей кого-то: и тем, как он сидел, и этими сменяющимися друг друга выражениями лица, и этими глазами, кажущиеся слишком взрослыми на этом юном лице... И в миг, когда он поднял руку и откинул с глаз волосы, она поняла, что все это она уже видела.

У Тома.

* * *

— Ну, быстрее же, Гарри. Весна на носу. Ну, пошли же! Я сказал Фреду с Джорджем, что мы будем до полудня.

— А, да, хорошо, — Гарри оторвал взгляд от свисающей с ветки сосульки. На бледном лице полыхали румянцем скулы, руки тоже покраснелись от мороза — перчатки он не надел. Он вздохнул, и продолжил путь. — Весна на носу?... Ты говоришь, как Малфой.

— Не дай Бог, — Рон терпеливо ждал, пока Гарри его нагонит. По счастью, декабрьский день был просто великолепен, небо напоминало опрокинутую синюю чашу, расписанную бледными полосками облаков. Дорога, ведущая в Хогсмид, поблескивала и мерцала, голые ветви деревьев тянулись к небу черными трещинами. На фоне всей этой яркости и красоты мрачное настроение Гарри смотрелось омрачающей прекрасной пейзаж кляксой.

— И вправду, Поттер, — протяжно произнес Рон в лучших традициях Драко, — если б я знал, что ты будешь тащиться, как нагруженная покупками улитка, я бы, во-первых, тебя не позвал.

— Ха-ха. Очень смешно, — Гарри, наконец, догнал Рона, и дальше они пошли вместе. — Даже он не всегда так говорит, — улыбка Рона увяла. — Ну и ладно. От тебя это звучит еще хуже, — Гарри подумал

и добавил. — И гаже.

— Ты просто пользуешься моим добродушием.

— Возможно, — искоса взглянул на него Гарри. — Давай-ка лучше побеседуем о другом. Ты уже пригласил кого-нибудь в паб?

Рот споткнулся об валяющуюся на земле сломанную ветку:

— Ох... На самом деле — нет...

— А что так? — удивленно поинтересовался Гарри.

Рон медлил с ответом. Признаться, он был удивлен тем, что Гарри, судя по всему, избавился от своего погребального настроения настолько, чтобы обратить внимание на то, встречается с кем-нибудь Рон или нет.

— Да тут столько работы... сам понимаешь — староста, и все такое... Некогда глаз на кого-нибудь положить. Девушкам это не по вкусу.

— Ну, коль ты так говоришь...

— А ты уже пригласил Гермиону?

Гарри замялся.

— Ну... нет. Я тут подумал... А почему ты спросил? — на душе заскреблись встревоженные кошки. — Она не говорила тебе часом, что собирается пойти с кем-то другим?

— Нет, идиот. Но, думаю, тебе не добавит положительных очков, если ты ее не позовешь. Никому не приятно чувствовать себя чем-то само собой разумеющимся.

Губы Гарри дрогнули — Рон догадался, что тот вспомнил их четвертый курс.

... В другой раз позови меня пораньше, а не оставляй в качестве запасного варианта!

Тогда Рон впервые увидел по-настоящему сердитую Гермиону, ну, не считая, пожалуй, того раза, когда она дала Малфоя пощечину. Это воспоминание — оба воспоминания — вызвали сейчас у него только улыбку.

— Ну, так я позову ее, — пожал плечами Гарри, мрачно взяв по снегу ботинком (черным водонепроницаемым ботинком из драконьей кожи). Рон не мог не заметить, что по мере ухудшения настроения гардероб Гарри явно становится все лучше и лучше. Все эти драные свитера, рубашки не в размер, из рукавов которых торчали его запястья, обшарпанные кроссовки ушли в прошлое. Рон не мог прийти к однозначному заключению: было ли это влияние Драко или же у Гарри была подруга, которой было не все равно, что на нем надето.

— Рон?...

— Что?

Гарри открыл рот, но передумал говорить. Рон проследил за его взглядом и обнаружил спускающуюся по тропинке навстречу им Пенси Паркинсон с охапкой свитков в руках.

Увидев их, она усмехнулась:

— Гарри, Рон, привет, а почему это вы не на Уходе за магическими существами?

Рона она всегда раздражала. Неудивительно, что ей не с кем пойти в паб, — обладая такими же начальственными задатками, что и Гермиона, Пенси была начисто лишена доброты, благородства и великодушия. Кроме того, хотя Рон совершенно не разбирался в девчачьих тряпках, что-то ему подсказывало, что у Пенси были проблемы со вкусом: иначе как можно было объяснить присутствие в ее одежде одновременно оранжевого, желтого, ярко-синего и зеленого цветов? Это сочетание придавало ей даже более желтушный вид, чем обычно. Возможно, и были парни, которые западали на такой впечатляющий типаж, — Рон к ним не относился.

— А ты куда, Пенси?

— Ходила за разрешением посетить Хогсмид и несую объявления о намечающейся вечеринке в пабе, — снисходительно ответила она. — А вы?

— Нет, мы — прогуливаем, — неожиданно зло ответил ей Гарри. — Можешь бежать обратно и всем подряд об этом рассказывать.

— Мы по делам, Пенси, — пояснил Рон. — Мы направляемся на фабрику Уизли. Дамблдор нас отпустил,

так что повода для визгов нет.

— Словно бы я этим собиралась заниматься, — негодующе ответила Пенси.

— Еще бы не собиралась. Если бы просто думала, что это даст тебе малюсенькую ослепительную выгоду... — произнес Гарри тоном, удивившим Рона своей резкостью. — Пока, Пенси.

Гарри развернулся и зашагал прочь, и Рону пришлось припустить со всех ног, чтобы нагнать его:

— Ты что, Гарри? Что все это значит?

— Мне она не нравится, — поджал губы Гарри. — У меня от нее мурашки по коже бегают.

— Вроде это ты у нас из тех, кто всех душой со Слизерином? — фыркнул Рон.

Гарри шагал вперед, пиная и раскидывая снег ботинками.

— Ага, конечно. Я и не думал, что ты поймешь.

— Гарри, — раздраженно начал Рон, но по напрягшейся спине Гарри понял, что все слова все равно будут бесполезны. Замедлив шаг, он глянул через плечо: Пенси все стояла там, где они оставили ее, глядя им вслед, и на мгновение Рону показалось, что ее лицо вспыхнуло бешеной злобой. Она развернулась и продолжила свой путь, через несколько мгновений скрывшись за деревьями.

* * *

Едва не уснув на Истории Магии, Драко последним пришел на Уход за магическими существами. Все уже были на месте, но Чарли еще не появился. Когда Драко подошел к условленному месту на снежном поле, то увидел одиноко стоящую в стороне от других гриффиндорцев Гермиону, которая с отсутствующим выражением лица смотрела куда-то в сторону Запретного леса. Без обычно подпирающих ее с обеих сторон Рона и Гарри она смотрелась совсем маленькой и хрупкой. Кстати, странно, что их до сих пор нет — судя по времени, урок уже начался. Проходя мимо Гермионы к группе студентов своего факультета, Драко чуть замедлил шаг, чертыхнулся и, присев, сделал вид, что возится со шнурком на ботинке.

— Где Гарри? Где Уизли? В чем дело? — прошипел он углоном рта.

Гермиона вздрогнула и занялась якобы выбившимся локоном, старательно заправляя его за ухо:

— Они пошли в Хогсмид с каким-то бумажками по поводу Паба. Дамблдор отпустил Рона.

— Но не Гарри?...

— Думаю, да.

— То есть он просто прогуливает.

У Гермионы был весьма несчастный вид:

— Похоже на то.

— Похоже, — Драко прекратил возню с ботинком, выпрямился и направился к остальным слизеринцам. Блез тут же ухватила его за руку и кинулась на шею в знак приветствия.

— Ты припозднился, — улыбаясь ему, заметила она.

— Задержался в кабинете мадам Хуч по поводу переигровки вчерашнего матча, — пояснил Драко.

— Но мы же выиграли, — возмущенно вскинулся Малькольм Бэдкок, откинув челку со своего бледного, заостренного лица. — В честной и равной игре.

— Мы никогда не выигрываем у кого-то честно и прямо, — указал ему Драко. — Позволь тебе напомнить: мы слизеринцы, а не хаффлпаффы. Мы выигрываем за счет хитрости.

— И при помощи обмана, — добавила Блез.

— И при помощи обмана, — согласился Драко.

— Гляди-ка! — воскликнула Блез. Ее глаза стали похожи на огромные блюдца. Драко повернулся: к ним по полю приближался закутанный в темный зимний плащ Чарли, толкая перед собой что-то вроде тачки или тележки, накрытой брезентом. Из-под брезента вырывались клубы пара.

— Что это он сюда несет?... — заинтересовался

Малькольм Бэдкок.

— Думаю, я знаю, — с уверенностью заявил Драко. Существовала всего одна вещь, способная облегчить Чарли этот путь. — Это должно быть...

— Драконы, — громко объявил Чарли, остановившись между группами студентов и ставя тележку, от которой шел пар, — одни из самых увлекательных существующих магических существ.

Класс согласно закивал. Чарли все просто обожа-ли. Даже холодные слизеринцы таяли в лучах исхо-дившего от него обаяния, а некоторые слизеринские девушки просто заходились от хихиканья, когда он на-ходился поблизости. Он был достаточно молод, чтобы стать одним из тех учителей, по которым сохли сту-дентки, — и, говоря по правде, довольно много семи-курсниц из всех домов стали его поклонниками. Скажи он, что тролли весьма увлекательные собеседники или же корнуэльские пикси могут стать прекрасными товарищами по учебе — они бы и тогда бы радостно с ним согласились.

— Я шесть лет работаю с драконами, — начал Чар-ли, — могу сказать, что нет другого животного, суть которого толковалась в волшебном мире настолько превратно. Тому, который у меня под покрывалом, все-го неделя от роду, — он осмотрел класс и, заметив от-сутствие Гарри, сдвинул брови. — Итак, кто хочет взглянуть на настоящего дракончика?

Дружный вздох свидетельствовал о неумном же-лании всего класса. Даже обычно сдержанные слизе-ринцы издали звук, близкий к утвердительно-одобрительному бормотанию. Радостно улыбаясь, Чар-ли снял что-то с тележки — пару толстых огнеупорных перчаток — и скинул с себя плащ, продемонстрировав свой старый драконустойчивый наряд — кожаную куртку и штаны. Несколько представительниц прекрас-ного пола издали полный счастливого томленья вздох, на который Чарли либо не обратил внимания, либо просто не показал, что заметил его.

— Оох, — выдохнула Блез, — судя по всему, это будет лучшим предметом...

Драко фыркнул от смеха.

Блез метнула в него колющий взгляд:

— Ты ведь возражаешь, что я разглядываю Чарли, неправда ли, дорогой?

— Сколько угодно, — беззаботно кивнул Драко. — Можешь смотреть на него влажным взглядом.

Глаза Блез сузились, но Драко отнесся к этому с полнейшим равнодушием. Его взгляд опять вернулся к Гермионе, которая, как он предчувствовал, разделя-ла его внутреннее веселье. И точно, она явно стара-лась удержаться от смеха, что выделяло ее среди ос-тальных девушек, выглядящих так, словно они решали, кинуться на Чарли всем косяком или немного подождать.

— Признаться, этот урок является в некотором ро-де результатом неожиданной аварии, — все также бо-дро продолжал Чарли, натянув перчатки и занявшись застежками, удерживающими брезент поверх тележ-ки. — В этом году я занимался драконьим яйцом..., он не должен был вылупиться до праздников, но разве об этом можно говорить наверняка? Ну, так или иначе, он появился во вторник, совершенно неожиданно, и только теперь готов встретиться лицом к лицу с внешним миром.

Последняя застежка была побеждена, и Чарли ски-нул брезент с тележки. Раздался дружный вздох. На тележке стояла большая стальная клетка, а внутри нее, свернувшись в клубочек, крепко спал дракончик, темно-зеленый, с маленькими золотыми рождками на голове. Чарли взглянул на него с выражением глу-бочайшей нежности и любви и снова повернулся к классу:

— Кто может мне сказать, какой именно это дра-кон?

Тут же взметнулась рука Гермионы:

— Румынский Длиннорог, — как всегда, отчетливо и ясно произнесла она. Однако Драко мог бы безоши-

бочно сказать, хотя сам не понимал, откуда у него это ощущение, что ее что-то явно беспокоило. Когда она опустила руку, на ее лице промелькнуло выражение горя.

— Верно, — кивнул Чарли. — А что он ест?

Гермиона снова вскинула руку, но Чарли вызвал Невилла, который рискнул предположить, что дракон питается козами и прочей скотиной, и добавил, что рог этого дракона является компонентом многих зелий. Чарли наградил Гриффиндор пятью очками. Драко предположил, что исключительно из любви к Невиллу, нежели по какой-то другой причине. Понять это Драко не мог: по его мнению, Невилл был совершенно беспо-лезным... Хотя когда он как-то поделился этой мыслью с Гарри, тот в ответ ему чуть голову не оторвал.

— Вот ведь беда-то, — голос Чарли оторвал Драко от его размышлений.

С недовольным выражением лица Чарли сидел в снегу около тележки.

— Я забыл ему корм! Двое добровольцев — сбегай-те ко мне в кабинет и принесите его. В синем ведре у меня над столом — справа... Ну... Малфой и Грейнд-жер.

Драко вздрогнул от удивления — он не поднимал руки. Блез рядом с ним просто излучала ярость: она всегда ревновала его к Гермионе — еще с прошлого года. Не взглянув в ее сторону, он подошел к Чарли и принял у него из рук большой золотой ключ.

— Вторая дверь после кабинета Снейпа. И поторо-питесь, — произнес Чарли подошедшей с несчастным выражением на лице Гермионе. Драко был почти оби-жен: она же должна изобразить, что ей отвратительна сама мысль о том, что ей придется провести с ним хоть сколько-нибудь времени, а по ней этого совершенно не скажешь... — Хорошо бы дракон не проснулся го-лодным: они тогда имеют тенденцию пронзительно орать.

Драко кивнул, сунул ключ в карман и пошел в направлении замка, чувствуя, что Гермиона следует за ним, под ее маленькими ботиночками похрустывал наст. Лишь только они удалились из зоны слышимости, Гермиона заявила безо всяких преамбул:

— Драко, я хочу с тобой кое о чем поговорить.

— Великолепно, но для паба у меня уже есть пара.

— Ха. Очень смешно. Хотя это имеет некоторое от-ношение к тому, что я тебе сейчас скажу.

— И что же?

Гермиона глубоко вздохнула:

— Джинни идет на Святочный Бал с Симусом.

Драко замер, как вкопанный. На мгновение он вдруг ощутил и ледяной ветер вокруг, и просачиваю-щийся сквозь ботинки холод мерзлой земли, и болез-ненную яркость зимнего неба.

Потом он пожал плечами:

— Рад за нее.

Гермиона затаила дыхание:

— Прекрасно. А теперь еще раз, с меньшим чувст-вом.

— Я же сказал — рад за нее, — Драко снова дви-нулся вперед, Гермиона зашагала рядом. Вот они уже у дверей в замок. — Джинни и я?... — произнес Дра-ко. — Нет, это несерьезно... Да мы никогда и не были вместе. У меня есть подруга. Да и не будь ее...

— ... не будь ее?

— ... я все равно не был бы с Джинни, — тихо про-изнес он. — По другим причинам.

Гермиона молчала. Драко знал — она ждала, уточ-нит ли он эти причины. Он не стал. Они вошли в замок, который приветствовал их прикосновением теплого воздуха.

Дверь позади них закрылась.

Гермиона покачала головой:

— Ну, раз так... Тогда прими это как судьбу.

В смехе Драко не было ни капли настоящего весе-лья:

— Мой отец говорил, что о судьбе говорят в случае, когда ты не знаешь имени того, кто тебя име-

ет...

— В отношении тебя это можешь быть только ты сам.

— Как там дела с Гарри? — резко спросил он.

Гермиона покраснела, поняв, что неожиданность этого вопроса была связана с тем, что он не собирался сейчас продолжать беседу о Джинни и Симусе. Он отложил это на дальнюю полочку, чтобы обдумать позже.

— Так себе, — ответила она. — Я волнуюсь.

Внезапно Драко понял, что этот разговор ему тоже неприятен.

— Волнуешься?

Гермиона пожала плечами. Сейчас они шли по длинному коридору мимо других студентов, периодически удивленно оглядывающимся им вслед. Гермиона понизила голос.

— У него несчастный вид, он мало на что обращает внимание... Вчера вот они допоздна беседовали с Сириусом, и он не захотел рассказать мне, о чем... А сейчас он прогуливает урок — это конечно, не конец света, но на него не похоже.

Они подошли к двери в кабинет Чарли, Дракоковырялся с замком, Гермиона наблюдала за ним с самым несчастным видом.

— Ты тоже думаешь, что у него депрессия, да?

— Да, пожалуй, в последнее время он что-то часто одевается в черное, — Драко отомкнул замок, открыл дверь и прошел в кабинет, Гермиона последовала за ним. — Возможно, это все из серии «воин облачается к близящемуся апокалипсису» — что само по себе очень печально — или у него ухудшилось зрение и он боится, как бы ему случайно не надеть не сочетающиеся цвета...

— Не надо, — остановила его Гермиона. — Ты же знаешь, у меня нет чувства юмора, когда речь идет о Гарри и апокалипсисах.

— Слушай, что же это за жизнь мы ведем, коль скоро даже слово «апокалипсис» используем во множественном числе.

Гермиона улыбнулась.

— Да, что-то неважную в последнее время, правда? Прости, Драко. Я знаю, что ты тоже...

Драко не ответил, удивленно оглядываясь по сторонам. Поскольку Чарли был самым младшим членом преподавательской команды, кабинет его был невелик, если не сказать мал, зато настолько одомашнен, что все остальное просто не имело значения. Изображения машущего и улыбающегося клана Уизли занимали все мыслимые места. Маленькие обшарпанные письменные столы были накрыты пестрыми румынскими тканями, а стена у двери была украшена радужно переливающейся драконьей чешуей. На дальней стене висело зеркало в деревянной раме, которое Драко тут же опознал: оно прибыло вместе с Чарли из его драконьего лагеря. Столик, рядом с письменным был завален книгами с золотыми корешками: Разумеется, Фантастические звери (у кого такой нет). Настоящая книга охотника на драконов. «Истории о Драконах: сборник» маленькая книжка, прожженная в нескольких местах, и роман «Грезы о драконах» в красочной матерчатой обложке.

Драко обернулся. Пока он занимался изучением кабинета Чарли, Гермиона обнаружила нужную корзину: она действительно стояла высоко на полке над столом. Теперь Гермиона присматривалась, на что можно было бы влезть, чтобы до нее добраться.

— Гермиона, что ты слышала об ониромантиках?

— Каких-каких романтиках?

— Ониромантиках, — поправил ее Драко.

— А, — она слегка покраснела. — Волшебниках, путешествующих во снах?

— Точно.

— Ну, я знаю, что их обучение весьма длительное и трудное, — Гермиона обнаружила высокий табурет и понесла его к полке. — Я знаю, что это такое направление есть в Гильдии Авроров. И еще я знаю, что если

что-то сделать неправильно, то можно раздвоиться — не в физическом смысле, а в психическом.

— Звучит неприятно...

— Ты никогда не станешь прежним, — мрачно заметила она, взбираясь на табуретку и неожиданно покачнувшись на ней.

— Вот, держись за руку, — воскликнул стоящий позади нее Драко, и она с благодарностью воспользовалась его предложением. Драко старался абстрагироваться от того, что теперь его глаза находились на одном уровне с ее изящными икрами в черных чулочках. Даже когда он Гермиону терпеть не мог, у него возникала мысль о несовершенстве вселенной, коль скоро этот отвратительный Рон Уизли встречается с девчонкой с такими классными ножками...

— Есть! — радостно произнесла она, и передала ему ведро, которое он осторожно поставил на стол. — Фу, — добавила она, сморщив нос от отвращения, когда рассмотрела его содержимое. — Там какое-то месиво...

— Ну, по-твоему, что должны есть драконы? — усмехнулся Драко. — Вафли?

— Сухой корм? — предположила Гермиона, балансируя на своем табурете. — Уверена, Чарли что-то говорил про сухой корм...

— Ни один уважающий себя дракон не станет жить на сухом корме. Именно поэтому в сказках они пожирают юных прекрасных девиц, а не поглощают миски салата. Я бы на твоём месте стоял от дракона подальше, что бы там ни говорил Чарли... — Драко осекся, поймав весьма специфический взгляд Гермионы, и быстро добавил:

— Я не в смысле, что ты девица... — ее брови поползли вверх. — И не то, чтобы нет, — еще более поспешно брякнул он, внезапно осознав, что этот аспект ее отношений с Гарри как-то не приходил ему в голову. Они ведь?... или нет?... — Нет, не то, чтобы я это знал... Да и вообще — откуда бы я это узнал? Гарри никогда и ничего мне о тебе не говорил... Ой, не то, что он не говорит о тебе — он говорит о тебе постоянно, но... — Драко почувствовал, что его понесло, и с трудом остановил весь этот словесный потоп. Гермиона смотрела на него с выражением, которое он мог интерпретировать только как тотальное бешенство. — Я тут подумал, если я съем содержимое этого ведра, ты согласишься забыть все, что я тут только что сказал?

Гермиона молчала. И вдруг, к его изумлению, рассыпалась дробным смехом — она хохотала, прикрыв рукой рот, пока не потеряла равновесие, соскользнув вперед и едва не свалившись с табурета: он подхватил ее за талию и, все еще хохочущую, поставил на ноги.

— Ох, — наконец произнесла она, повернув к нему лицо, — ты бы видел себя... Ты что — действительно бы съел то, что в ведре?

— Не знаю, — признался Драко. Одна проблема полностью занимала его ум и руки. Он не был уверен, что Гермиона осознавала, насколько близко к нему она сейчас стоит. Войди сейчас в дверь Гарри, он бы схватился за меч отнюдь не ради тренировки. — Может быть, если бы тоже меня захотела.

Ну, и кто тебя потянул за язык!? Черт! — разъяренно подумал он. — Черт, черт, черт!!!

Ее глаза расширились и вспыхнули, губы дрогнули в улыбке и приоткрылись, чтобы что-то произнести, — и вдруг она замерла. Краска залила ее лицо, словно ее сунули в кипяток, и она быстро отстранилась от него.

— Что-то мы припозднились, — торопливо произнесла она, дрожащей рукой потянулась к стоящему на столе ведру, схватила его и почти опрометью кинулась к дверям. — Пошли быстрее, а то Чарли удивится, где мы столько ходим, — выдохнула она и выскочила в коридор.

Драко озадаченно смотрел ей вслед, но тут его внимание привлекло нечто иное: за раму зеркала, висевшего у двери, было заткнуто фото Джинни в белом летнем платье с убранными в узел волосами. Она махала рукой и посылала воздушные поцелуи. Он взгля-

нул на нее и тут же отвернувшись, поспешил к двери, за которой исчезла Гермиона.

И как за такое короткое время жизнь могла так усложниться? Он сам этому удивлялся. Но, как бы и куда бы все ни шло, он подозревал, что ему лично ничего хорошего это не предвещает. Однако поделаться с этим он ничего не мог.

* * *

— Хей, Рон! Отлично выглядишь! Гарри, а ты похож на сырые и мрачные выходные. Что не так? Все переживаешь по поводу вчерашней игры? Если уж говорить о ней... — Фред понизил голос. — Как Джинни?

— В полном порядке. Как всегда — заносчивая, нахальная и противная, — Рон погрузился в одно из огромных лимонно-зеленых кресел аппетитной формы, украшавшее офис Фреда и Джорджа. — И разумеется — никакого уважения к старшим.

Сквозь огромное окно во всю стену фабрика Уизли была видна, как на ладони. Огромные — заводского размера — котлы с булькающим и дымящимся диковинным варевом, перегонные кубы — размером со взрослого волшебника — с разными ингредиентами для зелий, целый бассейн горячего шоколада, — для Пингвиньей мятной резинки, — сообразил Гарри.

Потолок в офисе над ними тоже был заколдован, однако вовсе не так, как в Большом Зале Хогвартса. Тот показывал настоящее небо за пределами замка. А этот сейчас напоминал небо в пустыне: пронзительно-синее, с золотистыми облачками. Гарри решил, что таким как раз и бывает небо в Египте. Там как раз находился Билл (ну, уж точно не ньюкастлское небо, где сейчас был Перси).

— Новые поставки от «Слизня и Рюмашек», — радостно сообщил Джордж, входя в кабинет, пригнувшись под тяжестью большой картонной коробки. Он кинул ее к ногам Фреда и утер лицо подолом майки. — Эй, дети, — кивнул он Гарри и Рону, едва ли не взвизывая от возмущения: что за обращение: в конце концов, близнецам было только девятнадцать. — Каким ветром вас сюда занесло?

— Бумажным, — Рон кинул пергаменты Джорджу. Тот поймал их и устроился на края стола изучать контракты.

— Что ж, выглядит прекрасно... — кивнул он. — Я могу это подписать... А почему ты просто не отправил это совой?

— Я хотел взглянуть на весь этот завод, — Рон поднялся на ноги и подошел к стоящему у окна Гарри... — Я думаю, неплохо было бы перетащить паб сюда. Я просто хотел бы убедиться, что места будет достаточно. Достаточно много.

Фред и Джордж, уже подумывавшие про организацию своего паба, заухмылялись.

— Смотри все, что хочешь, — разрешил Фред. — Я как раз собирался отправить вниз Взрывающиеся сигареты от Бенсона и Гексов — хотите взглянуть?

Рон закивал, но Гарри, чувствуя себя вымотанным, покачал головой:

— Я постою здесь.

Фред внимательно и дружелюбно взглянул на него:

— Ты себя нормально чувствуешь?

Вместо Гарри ответил Рон:

— Да он просто все еще напрягается из-за урока по Истории Магии: каждый должен опросить человека, участвовавшего в падении Вольдеморта. И Гарри достался Снейп.

Гарри удивленно покосился на Рона: это конечно, было правдой, но кто-то, а Рон должен знать, что это вовсе не причина для того, чтобы об этом кручиниться. А может, и не должен?... Гарри предположил, что Рон пытается предотвратить расспросы, что было непростом — он в его сторону даже не смотрел.

— О, сочувствую, Гарри, — фыркнул Фред. — Когда выяснишь, чем является его нежелание мыть голову — концепцией борьбы со злом или просто ленью — дай

мне знать.

Подхватив с двух сторон коробку, Фред и Рон ушли, оставив Гарри с Джорджем, сидящем на столе и задумчиво болтающего ногами.

— Не думаю, чтобы ты настолько поглощен мыслями о Снейпе, — удивленно заметил Джордж. — В конце концов, он же был на твоём дне рождения. А его исполнение партии Эдмунда Фитцджеральда было просто мастерским. Гарри пожал плечами:

— А я о нем и не думаю.

— Тогда что тебя так напрягает?

— Ничего, — и Гарри уставился на свои ботинки.

— Если бы тебя сейчас увидела мама, она бы закачалась, — произнес Джордж. — Я тут подумываю, не сказать ли ей об этом?...

— У меня есть родители, — возразил Гарри. — У меня есть Сириус.

— Который провел двенадцать лет в Азкабане. Он настолько эксцентричный человек, что может и не заметить, какой ты худой и измученный.

— Сириус заботится обо мне, — возразил Гарри, умышленно опуская момент предыдущей ночи, когда он обвинил Сириуса в том, что тот невнимательная и эгоистичная скотина.

— Ладно-ладно, — пошел на попятный Джордж. — Не обращай внимания. Ты выглядишь просто потрясающе. Цветуще. Я слышал, круги под глазами будут пиком весенней моды.

— Спасибо, — невнимательно поблагодарил Гарри. Он снова погрузился в размышления о том, как добраться до могил родителей, если Сириус не захочет его взять с собой. Кроме того, ему не давала покоя какая-то мелочь, засевшая в подсознании.

— Да что с тобой, Гарри? Сердечные проблемы? — раздосадовано поинтересовался Джордж, не умеющий деликатно и тактично помолчать больше одной минуты. — Гермиона? Она в кого-то влюбилась? Или это ты в кого-то влюбился и не знаешь, как порвать с ней? У тебя роман с ее сестрой?

— Гермиона — единственный ребенок у своих родителей, — хмуро ответил Гарри.

— Это хорошо, а то эти ситуации всегда такие неловкие... О, привет, Яна! — Джордж со слегка нервным видом соскочил со стола, когда его темноволосяя, миниатюрная подружка с планшетом в руке появилась в дверях.

— Как же хорошо, что у меня есть только братья, — сухо заметила она. — Крепкие, взрослые и здоровенные. Джордж, милый, тут для тебя сова. Она не хочет улетать, пока ей не заплатят. У тебя есть сикли?

Джордж кивнул Гарри.

— Скоро вернемся, — произнес он, и поспешил за дверь, Яна следовала за ним.

Гарри проводил их взглядом и счастливый, что наконец-то остался один, прислонился к стене. Он не хотел сейчас никаких расспросов о Гермионе или о «сердечных проблемах». Он знал, что не был достаточно любезен с Фредом, и с Джорджем... И с Роном, коль на то пошло — в последнее время. И кое-что в глубине его мозга подсказывало ему причину, почему он так повел себя по отношению к Гермионе — если не подло, то, во всяком случае, неуважительно. Он хотел бы справиться с этим — но не мог.

Он чувствовал, что все больше и больше закликивается на одном предмете, а все остальное — обычная жизнь — уходит все дальше и дальше, отшелушивается, словно старая кожа. Если бы он сделал то, что должен был сделать, его не отвлекли и не сбили бы с пути эгоистичные мысли. Он не мог беспокоиться о чувствах других людей, он не мог почувствовать их реакцию на то, чего он хотел, на то, кем он становился.

Только ненависть и навязчивое желание отомстить, только ожидание, отвращение, боль и отчаяние — только эти ужасные и темные эмоции существовали здесь, в этом просвете между тьмой и тьмой.

Он повернулся к окну и посмотрел на фабрику,

взгляд скользнул по фальшивому небу далекой чужой страны. В голове возникли произнесенные месяцы назад слова. Произнесенные в каменном подземелье, когда он впервые поцеловал Гермину.

— Ты любишь его? — спросил он ее тогда, имея в виду, естественно, Драко.

— Я могу полюбить его, — ответила она.

Он не хотел ревновать, это претило его натуре. Но это смутное ощущение вдруг выросло и заморозило его — не потому, что она сказала, что могла вдруг полюбить именно Драко, нет... Потому, что она могла вдруг полюбить кого-нибудь еще. Говоря о себе, он был совершенно уверен, что не смог бы — для него не существовало и не могло существовать больше никого. Потому-то он и не хотел любить ее: он был слишком опасен, его любовь — слишком яростна, однажды отдав себя всего кому-то, он не мог изменить себя или уничтожить ее.

И снова в голове зазвучал голос Гермину.

«Шесть лет я думала, что ты предназначен мне. Теперь я знаю, что это не так».

Она вовсе не это имела в виду, — сказал он себе. — Она просто была рассержена, она не подразумевала это... Но вдруг наступит такой день, когда она подумает именно это?... Но знай она, что он на самом деле... что происходит внутри него... — она бы именно это и подумала. И что бы было потом?

Когда он был ребенком, все те, кого он любил, умирали и оставляли его. Если бы это произошло сейчас, он бы, наверное, умер бы.

Если бы не ушел от нее сам.

* * *

Симус Финниган сидел за длинным дубовым столом в конце библиотечного зала, читал иллюстрированное пособие по Квиддичу и думал, что все с этим миром в полном порядке: Джинни согласилась быть его парой на вечер, вчерашний матч будет переигран, что означало, что Гриффиндор не выбывает из состязания за Кубок Домов. И вообще, жизнь налаживается. В тот миг, когда он занимался переворачиванием страницы, на книгу упала тень. Он поднял глаза и увидел над собой Драко Малфоя.

С тихим удивленным восклицанием Симус подался назад и выжидательно взглянул на юношу. В последний раз он видел его на квиддичном поле, с побледневшим от ярости лицом Драко выглядел, как черт-знает-что, сейчас же он был собран и даже улыбался, скрестив на груди руки (надо заметить, джемпер был просто потрясающим).

— Финниган, — произнес он. — Хочу сказать тебе пару слов.

Симус откинулся на спинку стула, стремясь придать лицу как можно более равнодушное выражение. Это удавалось с большим трудом: в холодной собранности и спокойствии Малфоя, в жесткой линии его рта было что-то тревожное. Нет, вряд ли он стал бы что-то делать прямо здесь... но ведь он вполне может и вызвать Симуса на дуэль... Он бы не мог ударить — только при помощи магии, хотя вполне возможно, что и в кулачном бою, он бы весьма успешно испортил ему весь внешний вид.

— Да? И что? — спросил Симус.

— Я слышал, ты пригласил Джинни Уизли на Святочный бал, — спокойно произнес Драко.

Симус на мгновение онемел.

— И что с того? — придя в себя, поинтересовался он. — Тебе-то какое дело?

— Такое, — Драко наклонился так, что его лицо оказалось в считанных дюймах от лица Симуса. — Если ты обидишь ее, я тебя забью до смерти. Лопатой. Уловил?

Симус потерял дар речи и лишь хлопал глазами.

— А если ты кому-нибудь расскажешь о том, что я только что тебе сказал, я тоже забью тебя лопатой до смерти — надеюсь, мне удалось до тебя это донести,

Финниган. Ты меня понял?

Симус наконец-то отыскал свой голос — правда, он был куда слабее, чем обычно.

— Лопатой?...

— Да, именно. Заруби себе на носу — я сделаю так, как сказал. Имей это в виду, — Драко шагнул назад и, не оборачиваясь, ушел.

* * *

Гермину решила вместо ужина посидеть над учебниками в общей комнате и устроилась в уголочке, обложившись книгами и подушками. Гарри рассеянно махнул ей рукой по пути в Главный Зал, что отвлекло ее от раскрытой перед ней «Грезы: фантазия или память? Руководство по ониромантике ответит вам».

Рон затормозил около нее и взглянул на то, чем она занималась:

— Учиться?! Сейчас?! Ты что — не проголодалась?

Гермину покачала головой:

— Нет. Передай мне зеленую книгу, будь любезен.

Рон протянул ей специально выписанный из Флориш и Блоттс «Рунический алфавит».

— Не пора ли поговорить с Гарри?

— Я разговариваю с ним постоянно.

— Ты знаешь, о чем я — поговорить с ним о вас.

Гермину вздохнула:

— Я понимаю... Обещаю — я поговорю. Прости, наверное, тебе все это ужасно неприятно. Как ваш вояж в Хогсмид?

— А что — Гарри разве тебе не рассказал?

В голосе Гермину зазвучала легкая горечь.

— Мы сегодня еще не разговаривали. Думаю, он считает, что я все еще сержусь на него за то, что он прогулял Уход за магическими существами.

— А ты?... — приподнял брови Рон.

— Нет! — всплеснула руками Гермину, и Рунический алфавит соскользнул с ее колен. — Я скучала по вам, по вам обоим — Чарли принес на урок дракончика, я вспоминала Норберта и ужасно хотела, чтобы вы были рядом... Вовсе даже я не злилась...

Рон покачал головой:

— Ты должна со всем этим разобраться. Я больше не могу с этим Бедным Мальчиком. Лучше просто...

— Я не думаю, что он бедный из-за меня, — тихо заметила Гермину. — Тут дело в чем-то другом. Именно поэтому-то я и волнуюсь, и потому-то пока ничего ему не сказала...

— Ну, так и что теперь? — подняв с пола Рунический алфавит, Рон вернул его Гермине, однако успел бросить взгляд на пергамент, который она засунула между страницами. Он был испещрен непонятными символами и загогулинами. — А это еще зачем тебе? — засмеялся он.

— Я просто пыталась перевести немного, — с отчаянным выражением лица ответила Гермину. — Хотя и не смогла найти ключ... Эти руны не этрусские, не египетские...

— Думаю, это норвежские, — предположил Рон.

— Правда? — распрямилась Гермину.

— Ага, — мрачно кивнул Рон. — Честно говоря, это звучит так: «Ты так рад меня видеть или у тебя в кармане морская корабль?»

Гермину ткнула его кулаком так, что Рон вскрикнул.

— Ненавижу тебя! Отдай мне мое домашнее задание!

— Забудь об этом, — Рон поднял пергамент высоко над головой, обстановка была на грани членовредительства, но в этот миг в общей гостиной появилась Джинни. Она бросила взгляд на них и захохотала.

— Может быть, старосты прекратят друг друга бить и прервутся на ужин? — поинтересовалась она, перестав смеяться.

Гермину вернула себе пергамент и показала Рону язык.

— Иди уж, — велела она, он покорно поднялся и поприветствовал сестру. Гермiona чуть задумчиво проводила их взглядом, размышляя, что за все время трапезы Гарри не сказал ей ни слова. Загрустив, она поудобнее устроилась в подушках, и снова взялась за книги. Но едва она раскрыла Рунический алфавит, как какой-то странный звук заставил ее замереть. Какой-то сдавленный всхлип... Кто-то плачет?

Она встала, скинула с себя клетчатый плед, в который была завернута, и отправилась на поиски. Звук явно шел из спальни мальчиков, она удивленно замерла, но все же вошла — в конце концов, она тоже была старостой, и благополучие студентов входило в ее компетенцию. Она же не из любопытства так поступала, правда? Ну, хорошо, пусть из любопытства — но из совсем-совсем маленького любопытства, и вообще — об этом вовсе никто не обязан знать.

Дверь раскрылась, Гермiona замерла на входе, привыкая к полумраку. На полу у кровати, сжимая в руке открытую коробку из-под Шоколадных лягушек, сидел Невилл.

— Невилл, — с беспокойством поинтересовалась она. — С тобой все хорошо?

Невилл убрал руки от лица и увидел ее:

— Ой, Гермiona... — голос его был очень тих. — Почему ты не на обеде?

— Я осталась позаниматься. Невилл, что случилось?

Он не ответил. Она прошла через комнату и присела рядом с ним. Он снова опустил взгляд к коробочке, лежащей у него на коленях. Она тоже посмотрела на нее, и у нее оборвалось сердце:

— О, Невилл...

На опилках в коробке, свернувшись, лежал Тревор. Он не пытался убежать. Он вообще не двигался. Глаза его были открыты. Гермiona мгновенно осознала, что он мертв.

— Невилл... Мне так жаль... Когда он умер? Ты собираешься его похоронить?

— Похоронить? — отрывисто рассмеялся Невилл. — Ящик просто оказался у ножки моей кровати, когда я вернулся с урока по Уходу за магическими существами. Я понятия не имею, что с ним произошло... — он поднял взгляд на Гермionу, — ты думаешь, что кто-то мог убить его?

— О, ну зачем, кому это было нужно? Это было бы просто очень злым поступком. Может, кто-то нашел его и не набрался смелости сказать тебе? Как долго ты не мог отыскать его?

— Почти две недели, — все также почти беззвучно ответил Невилл. — Тревор был у моего отца, пока он учился в школе... Бабушка вырастила его из головастика... Он собирался жить еще сотню лет...

Гермiona похлопала Невилла по руке. Он был куда хуже, чем ей почему-то думалось, Невилл уже не был круглолицым одиннадцатилетним ребенком, он вырос в долговязого высокого юношу. Однако грусть в глазах была прежней.

— Ну же, Невилл... Похорони его в снегу за хижинкой Хагрида. А когда вернется Чарли, может, он даст тебе глотнуть Огневиски — мне кажется, тебе сейчас это бы помогло.

— Наверное, ты считаешь меня дураком. Сiju и плачу над жабой, — тихо произнес Невилл. — Ты ведь никому не расскажешь, правда?

— Нет, я не считаю тебя дураком. И никому не скажу.

* * *

Драко с трудом заснул в эту ночь. Их краткий разговор с Гермioniой все крутился и крутился у него в голове, словно новостной репортаж; он снова видел выражение лица Блез во время урока Чарли и, сидящую рядом с Симусом в Большом Зале Джинни.

Ему хотелось поговорить с Гарри, но у того был совершенно отсутствующий вид, а больше ему говорить

было не с кем. Даже воспоминание об ужасе, проскользнувшем по лицу Финнигана, не помогало.

Но едва он забылся тревожным сном, как приглушенный стук в дверь его комнаты опять его разбудил. С трудом сев на кровати, Драко откинул назад упавшие на глаза волосы, ткнул пальцем в свечу у кровати, чтобы зажечь ее. Свесив ногу, он содрогнулся от идущего от пола холода.

В дверь снова постучали — на этот раз громче.

— Ладно, ладно, иду, подумаешь, аж из штанов выпрыгивают от спешки, — бормотал он себе под нос, идя к двери.

Там никого не было. Некоторое время Драко таращился в пустоту, потом до него дошло:

— Гарри?

Раздался тихий шорох, и голова Гарри, еще более всклокоченная, чем обычно, вынырнула из ниоткуда и зависла прямо перед ним. Драко вспомнил, что впервые увидел этот номер с мантией-невидимкой на задворках Визжащей Хижины — это испугало его так, что у него буквально в глазах потемнело. Теперь же это не произвело на него никакого впечатления.

— Прости, — покаялся Гарри. — Просто не хотел, чтобы меня кто-нибудь увидел.

— Ага, и очевидно, я тоже, — кивнул Драко, прислоняясь к косяку. — Как ты прошел сквозь дверь гостиной? Как узнал пароль?

— »Честь Слизерина«, да? — произнес Гарри. — Из тех паролей, которые ты бы придумал.

— Что ж, очень умно.

— Так что — пропустишь меня внутрь или по-прежнему будешь красоваться здесь в своей шелковой пижаме, как большой, жирный и претенциозный болван? В этом случае, я ухожу.

— Это я-то жирный? — обиделся Драко.

— Впусти меня, Малfoy.

Драко опустил руку, и Гарри прошел внутрь, швырнув мантию-невидимку на комод, стоящую в изножье кровати Драко. Под мантией на нем оказалась синяя хлопчатобумажная пижама с продранном рукавом и желтой каемочкой на горловине и манжетах — из тех, что Драко в последний раз надевал, когда ему было лет семь. Гарри удивленно огляделся:

— Не так уж и тесно. Странный потолок, однако...

Драко глянул вверх. Потолок его спальни не был ровным, а круто наклонялся к дальнему концу комнаты, так что Драко всегда приходилось скорчиваться в три погибели

чтобы добраться до кресла у окна. Над его кроватью тоже были окна, но они сужались к внешней стороне стены, создавая неприятное ощущение замкнутого пространства. Зато в комнате имелся исправный камин, что его несказанно радовало.

Драко прикрыл дверь. Потом, чуть подумав, запер ее во избежание непрошенных визитов.

— Ага. Это архитектурный стиль я называю «Ранний Маниак». Раньше это было одной из камер темницы — разве забыл?

Драко махнул рукой на камин, и за решеткой замерцало тихое пламя.

— К делу, Поттер: что тебя сюда привело? Что случилось?

— Мне нужно потолковать с тобой насчет нашей домашней работы.

— Что? — вытаращил глаза Драко.

— Защита от Темных Искусств, — пояснил Гарри. — Курсовик.

— А до завтра это подождать не могло?

Гарри на мгновение озадачился, потом смутился:

— Я подзревал, что поздновато, — он опустил глаза к своим голым ногам, запачканным пылью коридоров. — Я тут прошлой ночью говорил с Сириусом, и у меня возникла идея...

Драко сообразил, что дело будет долгим. Он подтащил к кровати стул, развернул его и уселся верхом, сложив руки на спинке.

— Ты говорил с Сириусом? Спросил его насчет родителей?

Гарри кивнул:

— Ага. Он сказал, что они похоронены в месте под названием Дунсхилл. Тебе при этом названии ничего в голову не приходит?

— Нет, — покачал головой Драко.

Гарри потянулся к нагрудному карману пижамы и вытащил оттуда сложенный пергамент, Драко тут же узнал в нем их домашнее задание. Взмахом развернул его, Гарри прочел вслух:

— «Выберите одно из нижеследующего: Запретный лес, Равенкил, Дряналля, Дунсхилл, Чиппинг-Содбери, Шептон Маллет». Понимаешь?

Драко бросил взгляд вниз и снова посмотрел на Гарри: тот ждал, прикусив нижнюю губу, буравя его своими зелеными глазами. Безотчетные дурные предчувствия накатили на Драко. Что бы все это ни значило для Гарри, это было не просто значительным, а чем-то таким, что он ждал от Драко, что тот немедленно уловит суть. Драко искушало желание съязвить, но мысль о том, что, пожалуй, сейчас вид у Гарри куда живее, активнее и заинтересованней, чем за весь прошедший месяц, остановила его язык.

— Ладно, — осторожно согласился он. — Коль скоро это в нашей домашней работе...

— Хочу отправиться в Дунсхилл, — сказал Гарри. — Мы можем получить разрешение на использование портключа, если выберем этот проект. А очутившись там, мы отправимся на кладбище.

— Угу, — кивнул Драко. — А Сириус не хотел бы тебя взять?

— Я не хочу с Сириусом. Хочу с тобой.

Драко почувствовал, что брови сами собой взлетели вверх:

— Почему?

— Потому, — взмахнул руками Гарри. — У Сириуса на носу свадьба, а потом медовый месяц, так что если он меня и возьмет, то это будет не в ближайшее время... Он сказал — когда я закончу учиться. А я хочу попасть туда как можно скорее. В любом случае — он проводит все время, следя за мной, словно я с ума схожу — мне это не нужно. Ты чего это так на меня смотришь?...

— Я вот думаю, откуда у меня такое чувство, словно ты чего-то мне не договариваешь?

Гарри вздохнул:

— Наверное, потому что так оно и есть.

— И что же?

— Не скажу, — твердо заявил Гарри. — Ты должен довериться мне.

Во время короткой паузы Гарри сидел, уставясь себе на руки. Темные волосы упали на лицо, о чем он думает, что чувствует — понять было невозможно. Худые плечи поникли. Когда он поднял голову, в этих зеленых глазах невозможно было что-либо прочитать. Драко вспомнил того паренька, что просунул ему руку сквозь световые прутья клетки, как смешалась их кровь, безвозвратно изменив их обоих... Он никогда никого не знал так, как Гарри. И не будет знать.

— Хорошо, — пожал плечами Драко. — Я доверяю тебе.

Гарри с облегчением выдохнул.

— Ну, ладно, — он поднялся и сунул пергамент обратно в карман. — Извини, что разбудил тебя.

— Пустяки. Значение сна явно переоценивают.

Драко тоже встал на ноги и неловко замялся. Он сомневался, чтобы Гарри и Рон вели себя друг с другом так, когда были вдвоем. У него был некий образ — вот они сидят, обсуждают квиддич, девчонок, дружески похлопывают друг друга по спине...

Сам он с Гарри никогда не обсуждал и то, ни другое — ну, разве что в безобразно пьяном состоянии. Все их беседы неизменно вращались вокруг фехтования и неминуемой смертельной опасности.

Драко на мгновение поколебался — может, спросить Гарри что-то просто так, задать какой-нибудь

дружеский, ничего не значащий вопрос — что собираешься делать после С.О.В. или... купил ли подарок Сириусу с Нарциссой или...

...купил ли подарок Сириусу с Нарциссой...

— С тобой все нормально, Малфой? У тебя глаза бегают, — стоя в дверях, Гарри склонил голову и с беспокойством смотрел на Драко. — Спишь на ходу?

— Что-то вроде того, — Драко протянул Гарри его скомканную мантию. — Не забудь ее, а то, увидев тебя выскальзывающим из моей спальни в два ночи, люди могут прийти к неправильным выводам.

— Спасибо, — Гарри принял мантию из его рук.

— С другой стороны, это бы только укрепило мою репутацию мачо, — жизнерадостно добавил Драко.

Гарри приподнял бровь.

— Это во мне говорит голос сарказма.

— Он звучит так же, как и твой обычный голос, — сухо заметил Гарри.

— Ага. Я всегда это говорил.

— Увидимся завтра на уроке, — повернулся, чтобы уйти, но замер. Наклонившись, он что-то поднял с пола — в руке его Драко увидел свернутый пергамент, скрепленный знакомой серебряной печатью.

— Похоже на то, что кто-то подсунул его тебе под дверь, Малфой.

— Точно. Спасибо, — Драко взял записку. — Ну, пока, — решительно добавил он и захлопнул дверь перед удивленно взирающим на него Гарри.

Опустив глаза к записке, Драко поколебался и все-таки, преодолев сопротивление, развернул ее. Там, как он и ожидал, была начертана карта. Стремительным почерком Рисенн было указано место, поверх которого было написано «встретишь меня здесь». К нему вели сложные извилистые пути, которыми он должен был пробираться из замка.

Драко понурил голову — его захлестнуло столь редкое для него чувство полного истощения и уныния.

Это никогда не кончится. Никогда. Никогда.

Как много секретов можно держать при себе, чтобы не свихнуться окончательно? Вот теперь еще один: секрет Гарри о родителях. С другой стороны, это значит, что Гарри доверяет ему — доверяет так, как никому больше. Он вспомнил демонов, сказавших ему, что за что-то одно расплачиваешься чем-то другим, равным по цене. За последние восемь месяцев была только одно, что давало ему что-то кроме боли и смутения, — его друзья. Никогда раньше у него не было их — таких, как Гарри и Гермiona, Сириус и Джинни. Это было по-настоящему стоящим. Это стоило всего остального.

Расправив плечи, он начал одеваться.

* * *

Свет, струящийся сквозь высокое разноцветное окно, рассыпался на полу красно-золотыми пятнами. В одном из них они и лежали, повернувшись лицом друг к другу. Его рука медленно соскользнула с ее лица и, подобравшись к пижаме, начала медленно — одну за другой — расстегивать жемчужные пуговики.

— Рон... — нежно произнесла она.

— Да?

Он встретился с ней взглядом. Даже в темноте ее глаза были голубыми.

— А ты думаешь обо мне, когда мы не... не здесь?

Половина пуговиц была уже им побеждена:

— Я думаю о тебе постоянно.

Она вздохнула:

— Ты так хорошо притворяешься...

Он разобрался с пуговками, и теперь его руки заскользили по ее обнаженной коже — нежно и бережно... Она еще помнила, каким неуклюжим он был вначале, сейчас все было иначе.

— Так же, как и ты... — он потянулся к ней с поцелуем, нежно коснулся ее губ, потом скользнул к ее шее, щеке — она откинула голову, и тут дверь распахнулась, и они услышали чей-то полный удивле-

ния возглас.

Она отпрыгнула от Рона, взмахнула руками, чтобы прикрыться. Вытаращив глаза, в полном оцепенении от увиденного, Малькольм Бэддок, слизеринский загонщик, стоял в дверях, одной рукой держась за щеколду, а другой маша в их сторону.

Она запахла одной рукой расстегнутую пижаму и попыталась спрятаться за Рона — тот, по крайней мере, был в трусах, — но бесполезно, Малькольм наверняка увидел и разглядел их. В полном шоке, открыв рот, он стоял в дверях, его темные глаза стали совершенно невероятного размера.

Придя, наконец, в себя, он произнес с глубоким восхищением:

— Черт, Уизли. Ты и вправду парень не промах!

Эти слова привели всех в чувство и нарушили живописную картину. Рон сгреб свою одежду, и Малькольм, почувствовав серьезность ситуации, попятился в дверь.

— Малькольм... — резко начал Рон.

— ... я никому не скажу, — перебил его Малькольм, глаза его метнулись к палочке, лежавшей у руки Рона. — Это не уйдет никуда дальше меня...

Он повернулся и метнулся прочь, Рон, чертыхаясь, вскочил, застегнул молнию на джинсах:

— Подожди здесь, — попросил он ее. На ходу застегивая рубашку, он побежал к двери — босиком и забыв про палочку.

Какое-то мгновение она поколебалась, еще не придя в себя, потом вскочила и, подхватив палочку и ботинки Рона, рванулась за ним, громко захлопнув за собой дверь. Выбежав в холл, она увидела вспышку где-то слева, метнулась туда... поворот, еще один — ее вел инстинкт — вверх по ступенькам, резко влево — она почти врезалась в Рона. Тот, оцепенев, стоял в холле, уперев руки в бока.

— Рон, — выдохнула она, почти задыхаясь от слез, — где он? Где Малькольм?

— Здесь, — каким-то странным, неестественно сдавленным голосом ответил Рон.

Она взглянула, куда он указывал, и ботинки и палочка выскользнули из ее рук и грохнулись на пол.

— Что... что случилось? Что с ним случилось?

— Не знаю, — все тем же натянутым голосом ответил Рон, глядя на неподвижно лежащего Малькольма. Тот лежал, словно окоченев, разметав руки. Взгляд открытых глаз был пуст и неподвижен.

— Я завернул за угол и нашел его здесь — таким...

— Ты не... ничего не сделал ему?...

— Нет! — отрезал Рон, поворачиваясь к ней. — У меня даже палочки-то не было, как бы я что-нибудь сделал?

— Я знаю... Прости. И что нам теперь делать? Может, позовем преподавателей?

— Чтобы они нас тут застучали вдвоем? — поинтересовался Рон. — Однако не можем же мы его тут бросить... Давай, уходи. Быстро возвращайся назад, и смотри, чтобы тебя никто не заметил.

— Что скажешь, когда они придут сюда?

— Скажу, что налетел на него, когда... не знаю... Ну, ладно, я что-нибудь скажу, хорошо? Скажу, что шел в ванную старост и обнаружил его здесь в таком состоянии. Ладно, все это не имеет значения. Что-нибудь да придумаю.

Не в состоянии сдвинуться с места, она в панике смотрела на него. Он нежно коснулся ее лица — так любяще и нежно, что она едва снова не заплакала.

— Иди, — повторил он, и она ушла.

* * *

Карта вела Драко — наружный балкон, вверх по ступенькам, потом широкая мощеная дорога, на которую он прежде не обращал внимания — она вела вдоль края замка высоко над землей. Когда он шел мимо крепостных стен, чистый и прозрачный ночной воздух кольнул его кожу ледяными брызгами. Ледяной

мир под ним и вокруг — вплоть до Запретного леса — был совершенно неподвижен, словно застывшее море молока. Хрупкая зимняя луна показывала свои тоненькие краешки на темном бархате неба, освещая шестигранные плиты у него под ногами. От этой свежести и холода воздуха Драко оживился, забыв о том, что не хотел никуда выходить этой ночью.

Длинный путь закончился круглой площадкой с зубчатой оградой наверху башни, где его и ждала Рисенн — черные волосы, черные глаза, черная развевающаяся мантия на фоне лунного неба....

— Ты опоздал, — заметила она вместо приветствия. Из-под бархатной мантии мелькнуло платье (красное, с золотом и индиго). На пальцах поблескивали камни в цвет — нежно-золотистые, кроваво-красные, иссиня-черные. — Я едва тебя дождалась.

— А ты не боялась до смерти замерзнуть? — спросил он. — Почему ты не могла встретиться со мной внутри?

Рисенн только усмехнулась:

— Свежий воздух тебе полезен.

— Слушай...

— Внутри я вовсе не желанный гость.

— Почему же?

— О, это длинная история. И в ней есть вещи, о которых мне бы не хотелось упоминать, она прикрыла глаза, и он понял, что об этом предмете не вытянет из нее больше ни словечка. Это его ужасно бесило. Его вообще все в ней ужасно бесило. Зачем она выполняет эту роль персонального курьера его отца, если, конечно, она действительно это делает? Во имя чего она все это делает? Денег? Удовольствия?

На вид ей лет двадцать, но, судя по поведению, она куда старше.

— У меня для тебя письмо, Драко.

— Какой ужас. А я-то думал, что ты пригласила меня, чтобы вручить мой рождественский подарок.

— До Рождества еще больше, чем дюжина дней, — жестко возразила Рисенн. Она все понимала буквально. И вдруг, к его вящему удивлению, она сунула руку куда-то в складку плаща и вытащила оттуда светлый рулон пергамента, который и протянула ему. Он удивленно взялся за него — Рисенн ни разу до этого не отдавала ему пергамент просто так, не настаивая, чтобы он для начала хорошенько поискал его. — Ночью прочтешь.

— Скажи «пожалуйста».

— Знаешь, — произнесла она, — твоя индивидуальность была бы куда приятнее, родись ты безобразным.

— Зато насколько хуже была бы жизнь тех, кто меня окружает, — парировал Драко и потянул пергамент из ее рук, преодолевая ее сопротивление. — Ничего приятного, на чем мог бы остановиться взгляд во время этой бесконечной скуки на Истории Магии.

Рисенн снова усмехнулась.

— Ты бы повнимательнее слушал на уроках истории.

— Спасибо, мамочка, — пергамент был очень холодным, от него руки Драко замерзли. Ему хотелось развернуть и прочесть его, но не перед Рисенн же... Ее холодное любопытство нервировало его.

— Те, кто не понимает историю, — она повернулась и бросила взгляд на замерзшие землю вокруг, — обречены на ее повторение...

Драко глубоко вздохнул, и ледяной воздух обжег ему легкие.

— Ты что-то знаешь, Рисенн?

Она не повернулась:

— Не понимаю, о чем это ты?

— Ты что-то знаешь, но не говоришь мне.

Теперь она повернулась к нему, и ее палец скользнул сквозь выбившуюся прядку:

— Я много чего знаю...

— Я и не спорю. Но лишь кое-что из этого имеет отношение ко мне. Кто тебя подослал? Мой отец — или он? Они научили тебя, что сказать? Что делать? Все это

кокетство, жеманство — все это ради того, чтобы подловить меня?... Я не дурак, я все понял. Но — зачем?

— Да кто же ты, — повторила она изменившимся голосом, — если думаешь, я стану отвечать тебе на этот вопрос?

— И кто же на него ответит? — но она уже пошла прочь, отмахнувшись от него рукой, и к его собственному удивлению, он поймал ее за запястье и, раздраженно дернув, развернул ее к себе лицом. — И что, ты — лучшее, что они могли сделать? — прорычал он. — Мне кажется, что силы тьмы не очень постарались.

— Отпусти меня, — холодно произнесла она.

— Сначала ответь, — отрезал он.

— Отпусти меня или я заставлю тебя об этом пожалеть, — резко произнесла она. Ее черные глаза вспыхнули, она развернулась к нему. Он почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом, словно кто-то прошел над его могилой. — И мой Хозяин, который правит миром, — тоже.

Он отпустил ее, и она пошла прочь, ее черный плащ распахнулся, открыв подкладку с разноцветным пестрым орнаментом.

— Мой отец... — начал он.

— Твой отец, — перебила она, источая отвращение, — карманный песик Вольдеморта. Он мне не указ. Никакое, самое сильное заклинание из тех, что он может выполнить, не заставило бы меня пойти наперекор своей воле.

Она осеклась и взглянула на него. Он почувствовал, что улыбается:

— Ну, давай же. Скажи мне больше.

Она сделала движение назад, отодвигаясь от него. Взгляд у нее был обеспокоенный — он видел это впервые.

— Я больше ничего не скажу.

— Вольдеморт, — произнес он. — Ты служишь Вольдеморту. Это он наложил на тебя Знак Мрака.

Он взглянула на него и покачала головой, сжав губы.

— Это больно, правда? — продолжил он. — Знак... Он жжет. Но ты вовсе не обязана подчиняться ему. Существуют возможности... Я могу помочь тебе: есть такое зелье...

— Зелье? — переспросила она ледяным голосом. — Ты не имеешь ни малейшего представления, ты даже близко не знаешь, кто я и кому служу. Ты не можешь мне помочь, как не могут помочь мне муравей или улитка. И для меня ты не больше, чем они. Ты — со своей слабой магией и жизнью, короткой, как удар сердца...

— Значит, твоя жизнь не коротка?... О... — Драко замаялся, почувствовав себя глупо. — Ты не... Кто ты? Вампир?

— Как примитивно, — снисходительно ответила Рисенн. — Можешь убрать руку от своей шеи. Я не собираюсь тебя кусать. Во всяком случае, здесь.

Драко нехотя убрал руку.

— Так ты бессмертна или просто твоя жизнь очень длинна?

— Бессмертие есть лучшая месть, — изучая свои длинные красные ногти, заметила Рисенн.

— Мне уже предлагали вечную жизнь, — резко сказал Драко. — Я весьма доволен, что отказался от нее.

— В таком случае, ты глуп, — заметила она, — а также упрям, высокомерен...

— Еще что? — поинтересовался Драко. — У меня дурной вкус и манера одеваться, а также дурацкая прическа?

Она отвела взгляд, ее черные волосы вились вдоль ее лица. Он снова подивился — так сколько же ей лет?...

— Я могла бы тебе показать... — медленно начала она, сделала шаг назад, и в этот миг ее плащ взвился в сторону, и Драко увидел позади нее резные крепостные стены с повторяющимся рисунком: зеркало, кубок,

кинжал, меч. Они были такие знакомые, словно он уже видел их. И он тут же сообразил, что так оно и было: это то, что приснилось ему днем, когда он задремал на собрании старост. Он видел себя, стоящего напротив этих крепостных стен, позади него была залитая лунным светом резная стена...

Драко резко повернулся, его полностью охватило предчувствие того, что он увидит прямо сейчас. Он бросил свой взгляд за крепостные стены — там он увидел что-то темное и сгорбившееся, вжавшееся в стену башни, что возвышалась сейчас над ним с Рисенн.

Ужас, который он чувствовал во время своих видений, разросся внутри него, стал куда сильнее и огромней. Полыхнула серебристая вспышка, выхватившая из темноты сгорбленную фигуру, Драко повернулся и с силой оттолкнул Рисенн, стоявшей у него на пути.

Она вскрикнула и упала, он услышал какой-то свист, он тут же узнал этот звук, он много раз слышал его на охоте — вот только что он делает тут, в Хогвартсе?... Было слишком поздно, чтобы отскочить — что-то с силой ударило его в плечо, потом еще раз... Боль белым огнем пронзила его, он увидел, как кувыркнулась прочь луна, мир упал отцветшим цветом... Откуда-то издали до него еще доносился крик Рисенн, а потом тьма накрыла его, и боль пропала.

* * *

Невыспавшись, Джинни опоздала на завтрак. В результате она обнаружила, что все погружены в бурное и горячее обсуждение факта обнаружения Роном Уизли, шедшим в ванную старост, пятикурсника Малькольма Бэдкока — в состоянии магической комы. Проскальзывали слухи, что это была какая-то шалость или неудачная дуэль — все слизеринцы были мрачными и раздраженными — за исключением Драко, которого на завтраке вообще не было. Несколько пятикурсников явно нервничали, а те немногие, кто еще помнил нападения василиска несколько лет назад, откровенно чувствовали себя не в своей тарелке.

— Я был в магической коме, — радостно распинался Колин Криви перед теми, кто был готов ему внимать, — вовсе и не плохо!

У Невилла был озабоченный вид.

— Думаешь, появился еще один василиск?

— Нет, — устало и раздраженно отрезал Рон. У него под глазами залегли тени; добродушие, которое он излучал в последнее время, испарилось. — Вокруг него не было воды, не было ни единой отражающей поверхности. Появись там василиск, он был бы мертв. Как Плакса Миртл.

— Слушайте, я совершенно уверен, что Миртл подглядывает за мной в ванной, — произнес Джон Уолтон, староста с шестого курса.

— Ерунда, — резко возразил Рон. — Конечно же, нет.

Джинни была рада, что разговор ушел от темы василиска и волшебной комы. Первый год ее обучения в Хогвартсе не относился к предметам, которые она любила вспоминать. Она попробовала сосредоточить свое внимание на сидевших напротив нее Гарри и Гермионе, однако те беседовали, и Джинни решила, что это тоже ни к чему.

— Гарри, — тихо, но настойчиво произнесла Гермиона, — мне нужно поговорить с тобой.

— Только не сейчас, — Гарри потянулся и налил себе в стакан тыквенного сока. — Мы можем это сделать потом?

Гермиона вспыхнула:

— Когда потом? Это важно. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить... сказать тебе.

— Завтра, — Гарри налил сока в стакан и шумно опустил кувшин на стол. — Когда мне не надо будет идти на встречу со Снейпом.

— У тебя постоянно что-то... — начала Гермиона.

— Не сейчас, — резко подвел черту Гарри, не взглянув на нее.

Гермиона замерла и замолчала. Джинни даже казалось, что она собирается заплакать — на ее памяти Гарри еще ни разу так не разговаривал с Гермионой. И никогда не смотрел на нее так. Когда она была ему другом, он смотрел на нее с какой-то нежной досадой, когда она стала его подружкой, он смотрел на нее, как на маленькое, но совершенно невероятное чудо. Теперь же он совсем на нее не поднял взгляда.

Гермиона медленно выпрямилась. Потом еще медленнее встала, держа в руке стакан с тыквенным соком. И вдруг, без всякого предупреждения, с силой хлопнула стаканом об стол. Он раскололся с грохотом взорвавшейся бомбы, осколки и брызги сока разлетелись в разные стороны.

Оглушенный, Гарри дернулся назад. За столом воцарилась мертвая тишина. Все вытаращили глаза.

— ГАРРИ ДЖЕЙМС ПОТТЕР, — во весь голос прокричала Гермиона. — Ты будешь разговаривать со мной. ПРЯМО СЕЙЧАС.

Гарри оцепенел от изумления. Рон, сидевший позади Гарри, благоразумно помалкивал. По нему тек тыквенный сок. Гермиона стояла, воинственно упершись руками в бедра, ее щеки полыхали, глаза подозрительно горели.

— Гермиона... — Гарри развернулся, накрыл ее руку своей. Выражение лица у него было удивленным и вопросительным, но без той отстраненности и холодности, к которой они уже успели привыкнуть. — Гермиона, может мы просто...

Дверь в Большой Зал с грохотом распахнулась.

Все повернулись взглянуть на мчащуюся по залу студентку — ей было лет четырнадцать, на ней был шарф Хаффлпафа — черный с золотом. Или же там все-таки был красный — гриффиндорский — цвет? Мантия была насквозь мокрой, волосы тоже, по лицу лились слезы. Удивленный тихий шелест облетел весь зал, Джинни дернулась, дурное предчувствие резко ударило ее под лопатки — девочка бежала мимо столов студентов к преподавательскому столу.

Чарли уже был на ногах, он сбегал вниз и подхватил девочку, поймал ее, и Джинни увидела, что что-то красное на ее шарфе было кровью.

Теперь и другие преподаватели повскакивали, Чарли держал девочку за плечи, она что-то лепетала сквозь слезы, размахивая руками.

Все вокруг затихли и потянулись вперед, и в этой тишине ее чуть истеричный голос стал звонким и ясным:

— ... на снегу, — сбивчиво бормотала она, задыхаясь. — У Северной Башни... там везде кровь... Я думаю — наверное, он уже мертв... Вы должны пойти... Мадам Помфри — и вы...

Даже с того места, где она была, Джинни увидела выражение шока на лице Чарли. Когда он заговорил, его голос дрожал от напряжения:

— Вы совершенно точно уверены, что это Драко Малфой?

Девочка с отчаянием и ужасом закивала головой.

— Да. Так столько крови, везде кровь, но это точно он, — она снова взорвалась рыданиями, — Я еще никогда не видела мертвых, — всхлипнула она, но Джинни уже ничего не слышала. Мир вокруг нее окрасился в тошнотворные серые тона, и, чтобы удержаться на ногах, ей пришлось вцепиться в край стола. Слева от нее раздался какой-то грохот: Гарри оттолкнул свой стул с такой силой, что тот с шумом опрокинулся на каменный пол. Гермиона в ужасе смотрела на него: он был абсолютно бел, в руке он сжимал висящее на шее Эпициклическое Заклятье.

— Он не умер, — произнес Гарри. — Нет... Я знаю...

— Гарри, — прошептала Гермиона, но Гарри кинулся ко все еще распахнутым дверям и выбежал вон из Большого Зала. Гермиона с совершенно пепельным лицом окинула взглядом стол с притихшими, оглушенными гриффиндорцами и кинулась следом за ним.

По Залу пронеслось удивленное жужжание. Джинни машинально повернулась к брату — Рон обошел стол и присел рядом с ней, взяв и крепко стиснув ее руку. Она опустила взгляд. Все вокруг нее пришло в движение: Чарли бежал к дверям, следом за ним — мадам Помфри с волшебными носилками под мышкой. Главы домов быстро шли к столам со своими студентами, несколько девушек бились в истерике и заливались слезами (среди них и Блез Забини). Джинни опустила на свое место. Рон по-прежнему крепко держал ее за руку.

— Ты не можешь, — тихо произнес он, чтобы никто больше не мог его услышать. — Не можешь, — сдерживая рвущиеся на волю слезы, она кивнула, понимая, что так оно и есть.

Глава 4. Девушка в клетке.

*Любовь и ненависть твои еще со мной,
У этих чувств не может быть предела.*

*Люби, чтоб стала легкой смерть моя,
И ненавидь, коль скоро ты так любишь.
Или пускай они умрут — не я,
Пусть я не победил — но ты со мною будешь.*

*Дозволь мне жить и заверши благое дело,
Любовь и ненависть твои еще со мной*

Джон Доунн

Гарри и Гермиона уже стояли у лазарета, когда прибежала Джинни. Ей пришлось провести несколько мучительных минут, ожидая, пока хаос в Большом зале разрастется настолько, что ее исчезновения никто не заметит. Она помчалась напрямик к больничному крылу, а Рон с недовольством последовал за ней.

Неважно, в какой там форме Драко, в конце концов, они должны принести его именно туда. Даже если он... — но нет, об этом даже и помыслить было невозможно.

Дверь лазарета была закрыта, Гарри и Гермиона стояли в коридоре, погруженные в какой-то напряженный разговор. Приблизившись, Джинни поняла, что темные пятна на одежде Гарри были не следами растаявшего снега, а кровью. Он был весь залит кровью.

— Что произошло? — спросил Рон, переводя взгляд с одного бледного лица на другое. — Что с Малфоем?

Гермиона понуро пожала плечами:

— Мы ничего не знаем наверняка...

— Они нам ни черта не сказали, — ответил Гарри и, как рассудила Джинни, в приступе бессмысленной подростковой агрессивности, пнул ногой стену, уселся на пол и уткнулся головой в колени. Судя по его виду, он вовсе не желал, чтобы кто-нибудь сейчас находился рядом. Джинни бы уж точно не рискнула это сделать. Она взглянула на Гермиону:

— Ты его видела? — тихо спросила она. — Действительно все так плохо?

Гермиона покачала головой:

— Очень плохо, — понизив голос, словно желая,

чтобы Гарри ее не услышал, она взяла Джинни под локоть и потянула к Рону. — Мы видели его, — все так же тихо продолжила она, и Джинни услышала в её голосе странное напряжение. — Он лежал на снегу, все вокруг было в крови. Ужас, сколько крови. Думаю, это натекло из его плеча — рубашка там была разодрана, кровь была в основном там... Гарри пытался остановить её и... — Гермиона прикусила губу. — Прибежали Люпин, Чарли, другие учителя и оттащили его прочь, мы не видели, что там они делали с Драко. Гарри пытался прорваться к нему, боролся с Люпиным, который держал его... Но Люпин очень силен. Чарли поднял Драко и положил его на носилки, а мадам Помфри отправила их в замок, все отправились туда же — и мы тоже, но нас оставили перед закрытыми дверями: они сказали, что мы будем только мешаться.

Рон тихонько коснулся ее плеча:

— И что они там делают?

Гермиона покачала головой:

— Не знаю.

Рон хотел сказать что-то еще, но в этот миг дверь лазарета открылась, и вышел Чарли. Шагнув в коридор, он тут же плотно закрыл за собой дверь. Вид у него был очень усталый, мантии не было, а вся его рубашка была в крови — и спереди, и на рукавах — он весь испачкался, пока держал Драко. Взглянув на них — на сидящего на полу Гарри и сбившуюся в кучку троицу, он произнес:

— С ним все будет хорошо.

Джинни вздохнула, испытав невероятное облегчение, словно несколько часов ей что-то не давало дышать.

— Точно?

— Да, я уверен. Он будет в полном порядке. Он потерял много крови, понимаю, это выглядело кошмарно, но так оно и есть. Он ранен в плечо, жизненно важные органы не повреждены.

Гермиона шагнула вперед:

— Мы можем его увидеть?

Чарли покачал головой:

— Не сейчас. Он весь холодный. Он едва не замерз до смерти, да еще столько крови потерял — похоже, он там пролежал не один час, — Чарли попытался улыбнуться, но вместо этого зевнул. — Простите. Вам стоит отправиться на уроки, все равно прямо сейчас вы ничем помочь не сможете.

— Еще один вопрос, — раздался тихий голос. Джинни обернулась: это был Гарри. Никто не заметил, как он встал на ноги и тихо подошел к ним сзади. В свете факела глаза его были темными. — Так что же с ним действительно произошло?

Чарли качнул головой:

— Представления не имею.

— Тогда на что это похоже? Несчастный случай?

— Нет, — чуть помедлив, ответил Чарли. — Это не несчастный случай.

Гарри упрямо вздернул подбородок:

— Почему ты не говоришь? Это было магическое нападение? Заклинание? Или какое-нибудь... существо?

— Гарри, — резко перебил его Чарли, — ступай на урок.

— Нет.

— Гарри... — начал Чарли умиротворяющим тоном.

— Чарли, я хочу знать, кто или что в ответе за это, и я хочу знать это прямо сейчас.

— Что происходит?

Профессор Люпин стоял в дверях лазарета позади Чарли. Он бросил взгляд на усталое лицо Чарли и упрямое и бледное — Гарри.

— Ты сказал им, что с Драко все будет хорошо?

— Нет, — раздраженно огрызнулся Чарли. — Я решил попридержать это известие, чтобы сделать им по-настоящему грандиозный сюрприз.

Люпин прикрыл за собой дверь и повернулся к Гарри:

— Так в чем же тогда проблема?

— Я хочу знать, что случилось, — повторил Гар-

ри. — Хочу знать, кто в ответе за... за это, — он махнул рукой на дверь в больничное крыло. — Я его родственник. Я имею право знать.

— Да, конечно, — кивнул Люпин. — И как только мы сами все узнаем, мы сразу же тебе скажем.

— Дайте мне увидеть его. Он расскажет мне, что произошло.

— Он без сознания, Гарри. Он ничего тебе не сможет сказать.

Гарри посмотрел на Гермиону. Она ответила ему испуганным взглядом широко распахнутых глаз, позади нее Рон буквально отшатнулся под напором излучаемого Гарри гнева.

— Гарри, — мягко позвала его Гермиона, — пойдем на уроки и вернемся позже, может, тогда будет известно что-то еще...

— Нет, — покачал головой Люпин, — если мы что-нибудь узнаем, мы сами тебя найдем, Гарри. Нет ничего хорошего в том, что ты будешь торчать здесь в коридоре. Идите учиться, не надо сюда возвращаться.

Рон потянулся к руке Гарри, но тот стряхнул ее, яростно сверкая глазами.

— Вы что-то скрываете от меня, — пристально глядя на Люпина, уверенно заявил он. — Все вы... да, впрочем, какая разница? Что бы это ни было, я тот, кто должен положить этому конец. В результате, именно мне придется иметь дело с этим. Самому. В одиночку. Как обычно.

— Мы ничего от тебя не скрываем, — резко заметил Люпин. — Ты знаешь столько же, сколько и мы.

Гарри собрался что-то сказать, но Люпин тут же перебил его:

— Драко идет на поправку, но он все еще очень слаб. И ему больно. Мы должны позаботиться о нем, а вместо этого тратим время на вас. Подумайте об этом.

Гермиона взяла Гарри за руку:

— Мы уходим, — она махнула головой Джинни и Рону, призывая их следовать за ней. Гарри подчинился с большой неохотой, все оглядываясь через плечо на Люпина и Чарли, пока те, наконец, не скрылись за поворотом коридора. Как только они снова остались вчетвером, Гермиона остановилась и, все еще держа Гарри за руку, начала:

— Не стоило разговаривать вот так с Чарли...

Гарри выдернул свою руку и с яростью взглянул на Гермиону:

— А тебе не стоит обращаться со мной так, словно я ребенок-дебил.

Гермиона устало уронила руку:

— Тогда прекращай себя вести подобным образом, — отрезала она.

Гарри взглянул на нее с каким-то мрачным удовлетворением, словно ставил себе цель спровоцировать Гермиону и добился-таки своего:

— Прекращу, если ты перестанешь себя вести как властная всезнайка.

Она на мгновение остолбенела, потом уперла руки в боки:

— Гарри Поттер, — в ее голосе закипала ярость, — ты — эгоистичный, черствый, упрямый...

Джинни почувствовала, как ей на плечо легла чья-то рука. Рон.

— Нам надо идти, — очень громко произнес он, однако эти двое даже не обратили на него никакого внимания. — Мы должны... ну, все это... нам надо сделать. Срочно. Сейчас.

— Ага, — слабым голосом поддакнула Джинни. — Надо сделать это прямо сейчас.

И она рванула следом за Роном, успев перехватить яростные взгляды, которыми обменивались Гарри с Гермионой. Гарри стиснул кулаки в карманах, Гермиона побледнела и сжала губы.

Джинни была рада, что не окажется свидетелем этой ссоры — с Роном Гермиона препирались довольно часто и утомительно, однако с Гарри она ругалась чрезвычайно редко. И уж если это случалось, то могло

поспорить

с извержением вулкана.

Джинни догнала брата за углом, на подходе к классу, в котором проводилась История Магии. Тот качал головой:

— Невероятно...

— Что невероятно.

Тот коротко хмыкнул в ответ:

— Эти двое. И их отношения. Просто какой-то Карнавал Боли.

— Да ладно тебе. Все не так плохо.

— В последнее время находиться рядом с ними — все равно, что бить себя молотком по голове. Одна радость в жизни — когда останавливаешься.

— Рон! — взъярилась на брата Джинни. — У них сейчас просто трудный период.

Рон пожал плечами:

— Может быть.

Джинни устремила на брата твердый и решительный взгляд. У Рона был такой вид, словно он был здорово сердит.

— Ты бы завел себе для начала подружку, а уж потом делал такие заявления, — строго произнесла она.

Рон опять пожал плечами:

— А с чего ты взяла, что у меня её нет?

Джинни остолбенела:

— Рон, ведь нет, да? Да? Нет?

Рон замер, потом, словно с удивлением, взглянул на нее и натянуто засмеялся:

— Нет, разумеется, нет.

Однако она не сводила с него глаз, и Рон начал медленно краснеть:

— Кому какое дело до того, что я делаю...

— Неправда! Да что с тобой происходит?

Рон открыл рот, чтобы ответить, и захлопнул его, глядя куда-то ей за плечо. Повернувшись, она увидела, что чуть дальше, рядом с кабинетом Истории, кто-то стоит — через мгновение она поняла, что это Симус. Он ждал у дверей — ждал её.

— Эй, Джинни, — встретившись с ней взглядом, дернулся он.

— Симус?... Ты почему не на уроке? — удивленно спросил Рон.

Симус кивнул, его взгляд был по-прежнему прикован к Джинни:

— Пожалуйста, могу я переговорить с тобой? Секундочку? — он перевел взгляд на Рона. — Наедине.

Рон пожал плечами:

— Пожалуйста. Все равно мне пора на Зелья.

Рон зашагал по коридору и, учитывая его длинные ноги, быстро скрылся из вида. Джинни взяла себя в руки и повернулась к Симусу.

— Хорошо, что такого важного случилось, если ты пропустил урок?

Он прислонился к стене и в упор посмотрел на нее. Его голубые глаза в полумраке казались цвета индиго:

— Это насчет Малфоя.

* * *

— Гарри Поттер, — Гермиона почувствовала, что утратила контроль над своим голосом, — ты — эгоистичный, черствый, упрямый, самовлюбленный тролль!

Гарри скусающе взглянул на нее:

— Так ты еще не закончила?

— Нет! — отрезала она, теряя от ярости мысль. Она заметила, что Джинни и Рон ретировались, и это ее обрадовало. — Еще и не начинала.

Гарри, не двигаясь, смотрел на нее, его глаза казались почти черными, однако лицо ничего не выражало.

— Прекрасно. Пошлешь мне сову, когда прекратишь всю эту бессмысленную ругань, — и он пошел прочь.

Раньше чем она сама успела что-то осознать, Гермиона выхватила из рукава палочку:

— Petrificus partialitus! — закричала она, и Гарри

замер на месте в трех шагах от нее, его ноги приросли к каменному полу.

— О, как по-взрослому, Гермиона! — развернувшись, сверкнул он глазами.

Гермиона засунула палочку обратно в рукав и окинула его мрачным взглядом:

— По-взрослому? Да от тебя это звучит просто смешно.

— Не говори о вещах, в которых ты не смыслишь, — произнес Гарри уничижительным тоном.

— О, нет, я очень даже смыслю, — возразила Гермиона, — уж куда больше, чем ты думаешь.

Гарри скрестил руки на груди:

— Ну, так просвети меня, — саркастично предложил он.

Гермиона ткнула в него пальцем и голосом, дрожащим от напряжения, произнесла:

— Может, я и не знаю, что так тревожит тебя. Однако что-то определенно существует. И что бы это ни было, оно отравляет тебя изнутри и превращает в кого-то, кто мне незнаком, Гарри. И, возможно, даже в кого-то, кто мне совсем не нравится.

Она подняла взгляд к его лицу и оцепенела. Он стоял в совершеннейшем потрясении. Она абсолютно этого не ожидала и пошла на попятный. Ей и в голову не могло прийти, насколько важно ему её доброе отношение, насколько зависело его отношение к самому себе оттого, что он видел в ее глазах. Он тут же опустил голову, упрямо выставил челюсть, спрятал боль в глазах — но она успела это заметить.

Гермиона продолжила, уже не так резко:

— Я всегда восхищалась тобой, Гарри. Насколько любила, настолько и восхищалась. Не потому что ты смел — нет — потому что ты добр, и потому что всегда стараешься соответствовать выбранному высокому стандарту. И он куда выше, чем кому-нибудь даже в голову может прийти. Ты никогда не жалел себя, даже когда имел на это полное право. И когда я вижу, что ты, пользуясь тем, кто ты есть, пытаешься заставить кого-то почувствовать себя плохим или виноватым — так, как ты сегодня поступил с Люпином — я понимаю: это не ты, Гарри.

Гарри не двигался. Он стоял, глядя в пол. Плечи его были напряжены. Гнев, совсем недавно обуревавший Гермиону, исчезал буквально на глазах. Она была ужасно измучена: все внутри протестовало против этого сознательного причинения ему боли, она разрывалась между ним и тем, что ей приходилось делать. Она даже потянулась к палочке, чтобы снять с него заклятье, но прежде чем она успела это сделать, он произнес:

— Да, я не должен был говорить это Люпину. Но ты все равно не понимаешь.

— Ну, так объясни мне.

Гарри прикрыл глаза:

— Я всегда знал, что рано или поздно наступит день, когда Вольдеморт ударит по тем, кто мне дороже и ближе всех. И всегда пытался подготовиться к этому. Будь ты на моем месте, и тебе пришлось бы делать выбор: либо ты решаешь никого не любить и спрятаться ото всех перед лицом этой постоянной угрозы. Или же ты клянешься защищать тех, кого любишь, не зависимо оттого, что может случиться. Я выбрал второе — в основном, благодаря тебе... — он открыл глаза и в упор взглянул на нее. Передо мной выбор: любить или потерять тебя... я не переживу, если потеряю тебя.

— А может, ты обижаешься на меня за это? — мягко спросила Гермиона.

— Может быть, — медленно ответил Гарри. Его руки были сжаты, словно он нервничал. Ей хотелось подойти к нему, однако она удерживала себя от этого. Он так давно не разговаривал с ней, не открывался перед ней — наверное, уже месяцы. — Да, наверное... я обвиняю тебя в том, что ты научила меня уязвимости. Да ты и сама знаешь, что это так. Давно. Это все — пути, по которым Вольдеморт может добраться до меня. Рон,

Сириус. Драко...

— А что заставляет тебя предположить, что случившееся с Драко имеет какое-либо отношение к тебе?

Гарри захлопал глазами:

— А что еще это может быть?

— Я совершенно точно заверяю тебя, что люди, желающие убить Драко, делают это из побуждений, не имеющих к тебе никакого отношения, — проникновенно заметила Гермиона. — Поверь мне.

Судя по виду, Гарри не был готов согласиться с этим:

— Но...

— Ты эгоцентричен, не находишь? — мягко спросила Гермиона. — Не все в этом мире связано с тобой, Гарри.

Гарри не улыбнулся. Он стоял, потупив взгляд.

— Смотри, — он протянул руку и отдернул рукав, — смотри, у меня кровь на руках — это все кровь...

Гермиона присмотрелась и наморщила носик:

— Это не кровь, — авторитетно заявила она. — Это тыквенный сок.

— Ничего подобного, это кровь.

— Это тыквенный сок. Тот, который я расплескала сегодня утром. Гарри, дорогой, взгляни — он же оранжевый.

— Это кровь, — надулся Гарри.

Гермиона решительно взяла Гарри за руку, внимательно изучила пятно и потом, к его вящему изумлению, осторожно лизнула.

— Тыквенный сок.

Гарри взглянул на нее, его губы дрогнули:

— Поверить не могу, что ты это сделала.

— Ты не находишь, что теперь все эти стоны про кровь на твоих руках выглядят несколько чрезмерными и неестественными?

— Хм, — задумался Гарри. — Знаешь, я тут немного поразмыслил... Кажется, ты попала тыквенным соком куда-то сюда, — и он указал на свою шею.

— Правда? — улыбнулась Гермиона. — Что ж, в таком случае... — она подошла и коснулась — очень нежно — губами шеи Гарри. Кожа его была солоноватой и отдавала мылом.

— Определенно — тыквенный сок, — произнесла она.

— А здесь?... — попросил он, указав на лицо. Она коснулась его щеки губами — кожа была мягкая и нежная, как тогда когда им было по четырнадцать и они целовались в первый раз. — И здесь, — указал он на губы, она поднялась на цыпочки, обняла его за шею и прикоснулась губами к его рту.

Он обнял ее, прижал к себе так крепко, что она едва могла дышать, и стиснул кулаки у нее за ее спиной.

— Ой, Гарри, — пробормотала она. — Прости меня за все...

— Не надо, — он чуть отстранился, чтобы взглянуть на нее. — Не извиняйся, ты не сделала ничего такого, за что тебе надо было извиняться.

У нее перехватило дыхание. Он сосредоточенно смотрел на нее, его глаза были живыми и одухотворенными. Сейчас он точно был здесь. В последнее время, касаясь его, она словно касалась пустой оболочки — чего-то, возможно, живого, однако совершенно незнакомого. Но сейчас рядом с ней, в ее объятиях снова был Гарри — крепкий, гибкий и чуть-чуть неуклюжий. Он замерз, его мантия все еще была влажной от растаявшего снега, его кожа холодила, однако определенно — это был он, ее Гарри, которого она обожала.

Он отпустил ее, и она шагнула назад, все еще держа его за запястья и чувствуя, как в них пульсирует кровь. Она улыбнулась ему, он улыбнулся в ответ.

— Надо идти на урок, — тихо сказала она.

— И, правда, давай поторопись, — ответил он.

Она захлопала глазами:

— А ты не пойдешь?

— Я бы пошел, — терпеливо объяснил он, — одна-

ко кое-кто приклеил мои ноги к полу.

— Ой, — вспыхнула Гермиона. — Я... я забыла. Прости, дорогой, — но он уже смеялся и, взмахнув палочкой и сняв с него заклятье, она поняла, что тоже смеется.

* * *

Они прошли чуть дальше по коридору, Симус впереди. Джинни следовала за ним, неотрывно глядя ему в затылок и испытывая беспричинное и странное чувство вины.

С чего бы это? — мелькнуло у нее. — Я ничего такого не сделала.

В тот момент, когда Симус наконец-то повернулся к ней, внутри у нее уже все закипало.

— Я хотел поговорить с тобой о Малфое, — произнес он, откинув левой рукой с глаз соломенную прядь. Она раньше не замечала, чтобы Симус был левшой... Хотя в нем была куча всего, чего она раньше не замечала.

— И что Малфой? — недружелюбно поинтересовалась Джинни ровным голосом.

— Ты не знаешь, у него есть лопата?

— Что?! — захлопала глазами Джинни.

— Ну — заступ там... или лопата?

— Почему-то у меня такое ощущение, что все это не имеет никакого отношения к Гербологии...

Симус улыбнулся, но глаза его оставались по-прежнему серьезными.

— Я вообще-то не собирался ничего говорить — все больше потому, что Малфой угрожал выпустить мне кишки, однако, кажется, сейчас он не в той форме, чтобы это делать, так что...

— Так что — что?

— Между вами что-то есть?

— Между нами ничего нет, — честно ответила Джинни. Ведь безответные чувства нельзя отнести к разряду «между», правда?

— И что дальше?

Это был весьма мудреный и каверзный вопрос. Джинни решила нахально увернуться от ответа:

— Это ты к чему? Сам решил за ним приударить?

Симус приподнял бровь:

— Не думаю, чтобы я настолько нравился Малфой в ЭТОМ смысле. Во всяком случае, он своих чувств не выдает.

Не в силах сдержаться, Джинни захихикала.

— Прости, я просто хотела подразнить тебя. Симус, ты ведь его не знаешь.

— Ничего подобного, — возразил Симус. — До поступления в школу мы играли в противоборствующих юниорских командах по квиддичу. Он был тем еще плутом, одним из тех, кто ради победы готов на всё что угодно. Когда он был Отбивалой, каждый раз кто-то уходил с поля с окровавленным носом или разбитым локтем.

— Но сейчас, — слабым голосом возразила Джинни, — он изменился...

— Слушай, я знаю, что его мама выходит за Сириуса, так что, может, Гарри и думает, что им надо будет как-то ужиться вместе, однако я тебя заверяю — он вовсе не надежный и уж тем более не милый человек. Он из тех, кто улыбается тебе в лицо и бьет тебя в спину. Джинни... — он протянул к ней руку, однако она отступила назад:

— Что-то я не могу понять, зачем ты мне это говоришь? Или Драко... Малфой сказал тебе что-то насчет того, что у нас происходит?

— Нет, просто он сказал, что забьет меня до смерти лопатой, если я обижу тебя.

Джинни ахнула, но тут же взяла себя в руки.

— О... Это странно... Очень странно.

Симус покачал головой:

— Наверное, ты думаешь, что я дурак.

— Нет! Нет. Слушай... — Джинни сжала руки. — Симус, если ты думаешь, что я была нечестна с тобой...

Я... прости, наверное, мне не надо было соглашаться идти с тобой на Святочный бал...

По лицу Симуса скользнуло удивление, потом он заулыбался. Определенно, у него все-таки не синие глаза. В них есть какая-то зеленая нотка — они похожи на синюю воду за зеленым стеклом.

— Расслабься, — произнес он. — Я ведь просто пригласил тебя на Святочный бал, мы ведь не под венец собираемся. Я на тебя не сержусь. Я просто хотел...

— ... предупредить меня?

Симус пожал плечами.

— Ну, может быть... чуть-чуть. Драко Малфой — неприятный человек. Он похож на взбунтовавшегося ребенка, и лично я не видел никаких свидетельств того, что он изменился.

— Это не так, он изменился, он сильно изменился за прошедший год. Он стал другим.

— Другим, нежели раньше? Сомнительная похвала. Слушай, — быстро добавил он, увидев скользнувшее по ее лицу выражение упрямого протеста, — все в порядке. Я хочу пойти с тобой на Святочный бал. Слышать больше ничего не хочу про тебя и Малфоя, даже если у вас что-либо когда-либо и было.

— Договорились, — решительно подтвердила Джинни.

— Вот и хорошо, — Симус закинул за спину свой рюкзак. — Мне пора на Историю Магии — может, пройдешься со мной?

— Конечно.

В этот раз она позволила ему взять себя за руку, и они пошли по коридору.

* * *

— Ты уверен, что с ним все будет в порядке?

— Убежден, — Люпин старался говорить как можно более успокаивающе, глядя на ужасно взволнованного Сириуса, казалось, даже тепло, идущее от камина, было результатом не пламени, а этого беспокойства и волнения. — С ним уже все в порядке. Все замечательно. Просто он совершенно обессилен. А плечо у него уже заживает.

— Ты уверен, что нам не надо приехать в школу? — вокруг глаз Сириуса виднелись напряженные морщинки. У него был усталый вид, казалось, что в маггловской одежде (судя по плечам, видневшимся из камина, на нем была белая рубашка и не завязанный темный галстук) он чувствует себя неловко. Люпин собрался спросить его, чем тот занимается, однако Сириус опередил его:

— Аврорские дела. Скукотища.

— Уверен, Сириус, в этом нет никакой необходимости. С Драко все в порядке, если вы сюда приедете, это только ввергнет в панику и его, и его друзей. Они еще подумают, что происходит что-то серьезное...

— Серьезное? Да ведь он же чуть не умер!

— Да, я знаю. А мы-то сами? Да с нами же это дюжину раз случалось. Не припомнишь, сколько раз ты приземлялся в больничном крыле?

— Просто мы были дураками. Был бы это Гарри... Но Драко — он не совершает опрометчивых поступков, для этого он слишком осторожен. Что бы там ни произошло — он этого не ожидал.

Люпин, вздохнув, привалился к ножке стула, который он пододвинул к камину.

— Это была рана как от стрелы. Или ножа. Что бы это ни было, его вытащили. Существует масса заклинаний, которыми все это можно было бы проделать. Возможно, дело в дуэли... или даже в заклинании, при помощи которого Драко случайно сам себя едва не сжег... Откуда ж нам знать?

— То есть ты полагаешь, что таким образом можешь меня успокоить?

— Если тебя это может утешить — Драко не кажется особо взволнованным.

— Это вовсе не утешение, — Сириус провел по волосам растопыренной пятерней — они все еще

были черные, а не седые, хотя Люпин подозревал, что, если Драко и Гарри продолжат свои игры со смертью, это быстро изменится. — Так ты уверен, что нам не стоит приезжать?

— Дамблдор подчеркнул, что нет, — Люпин помялся. — Как Нарцисса?

Глаза Сириуса потемнели:

— Не так, чтобы очень хорошо. Она прилегла — ей пришлось выпить полфлакона Успокоительного Зелья.

Люпин вздохнул:

— Сочувствую. Ей должно быть сейчас особенно тяжело. Я в том смысле — ты еще помнишь свою дуэль со Снейпом? — Сириус хмыкнул. — Он бросил в тебя проклятьем, едва не оторвав тебе руку.

— Я едва не выиграл этот поединок, пока ты не вмешался!

— Сириус! У тебя рука отваливалась!

— Мадам Помфри приделала ее на место, — жизнерадостно заметил Сириус. — Джеймс всегда был лучшим секундантом, чем ты: он никогда не встревал, — он снова нахмурил брови. — Слушай, мне тут пришлось в голову... может, ты попросишь Снейпа взглянуть, не похоже ли его ранение на ранение от заклятья?

— Уже, — ответил Люпин. — Он уже осмотрел его.

— И что — Драко совсем не кажется испуганным?

— Нет, — качнул головой Люпин. — Этим вместо него успешно занимается Гарри.

Вместо того, чтобы улыбнуться, Сириус сжал губы.

— Гарри... Как он все это воспринял?

— Плохо. Устроил сцену — обвинил меня, что я что-то утаиваю, не говорю, что произошло, — короче говоря, обвинил меня во лжи.

Сириус тихо чертыхнулся.

— Так ты не удивлен?

— Нет, — уныло покачал головой Сириус. — Я тут попытался поговорить с ним на днях, я волновался — он такой бледный и худой... Я было подумал — может, какие-нибудь проблемы с Гермионой? Или, может, переживает из-за свадьбы, боится, что после нее я не смогу проводить с ним столько же времени, что и раньше? Но он меня просто заткнул. Сказал, что я лгун, между прочим.

— Сириус, да что же с ним такое произошло не так давно, что подорвало его веру? У меня такое ощущение, что все именно так: словно бы он хочет верить, но боится этого — и, как результат, обижается. И, в конце концов, он начинает чувствовать, словно его все... — Люпин хотел сказать «бросили», но в этот момент кто-то постучал в дверь его кабинета.

Он подошел и открыл ее, на всякий случай, встав так, чтобы отгородить торчащего в камине Сириуса от того, кто стоит в дверях. К его удивлению, это был Гарри.

— Здравствуйте, профессор Люпин. Могу я с вами поговорить?

Люпин взглянул на стоявшего на пороге мальчика. Да, Сириус был прав: куда более худой, бледный и усталый, чем раньше. Тени под глазами, словно синяки. Странно: теперь, когда Гарри вырос, сходство с отцом пропадало в моменты усталости или тревоги, и на его лице отчетливо проступали черты Лили.

В ней не было красоты в классическом понимании, но зато она обладала силой духа, чувством собственного достоинства, отвагой. Гарри тоже унаследовал это в полной мере — вместе со своими изумрудно-зелеными глазами, про которые мерзкий Ежедневный Пророк как-то написал «глаза, спрятанные за старомодными очками, — самое прекрасное, что есть в этом ничем более непримечательном лице».

— Профессор, — вежливо повторил Гарри. — Я могу войти?

— Тебе стоит знать, что я не один, — начал Люпин, но Гарри уже взглянул ему за спину и увидел в камине Сириуса. Руки его сжались — и только.

— Сириус, — тихо произнес Гарри, — как дела?

Сириус кивнул:

— Хорошо, Гарри, — его глаза метнулись

к Люпину, — ты нам позволишь?

Тот без раздумий кивнул и покинул кабинет, прикрыв за собой дверь, и только потом сообразил, что не стоит, выходя, оставлять в кабинете студента. Пожалуй, это не лучшая практика, Сириусу надо не спускать с Гарри глаз.

Он прислонился к стене и вздохнул. Он успел бросить взгляд на лицо Сириуса, когда вошел Гарри, — безумный коктейль из надежды и любви, беспокойства и гордости. И страха.

Определенно: именно так взглянул на него самого отец, когда пришло послание из Хогвартса. Он еще помнил доносящиеся той ночью из-за стены спальни голоса родителей: он не может поехать, он такой маленький для своего возраста... что сделают другие студенты? как будут с ним обращаться? а что если он поранит кого-то или же ранят его самого? Но как мы можем удержать его — разве у него нет права на нормальную жизнь?

С тех-то пор Люпин и затвердил, что его жизнь не будет иметь ничего общего с нормальной жизнью нормальных людей. Как и жизнь Гарри. Он был заклеен этим волчьим укусом, Гарри же — чем-то куда более темным и серьезным. Это столь же явно виднелось у него в глазах, как и шрам на лбу.

Дверь в кабинет приоткрылась, оттуда выглянул Гарри:

— Возвращайтесь, профессор.

Он не улыбался, однако на его лице явственно читалось облегчение — Люпин предположил, что они с Сириусом покончили со своими ссорами.

— Простите, что выгнал вас из вашего кабинета.

Войдя вслед за Гарри в кабинет, Люпин распрощался с Сириусом, который теперь выглядел куда как жизнерадостней:

— Ну, ладно, пошлешь мне сову... Завтра.

— Решено, — и Сириус исчез во всплеске синезеленых искр.

Люпин обернулся к Гарри:

— Так зачем ты хотел меня увидеть?

— А... — Гарри мгновение поколебался, и все же решился, — это насчет домашнего задания по Защите.

Признаться, Люпин был удивлен: как правило, появление Гарри в кабинете учителя было редко связано с домашними заданиями. Вот с угрожающими жизни ситуациями — сколько угодно.

— И что же?...

— Ну, я знаю, что к сегодняшнему дню нам надо выбрать хотя бы одну тему...

— Я же понимаю, что теперь вам с Драко нужно немного времени. Думаю, недели хватит, чтобы...

— Нет-нет, мы уже все выбрали, — Гарри протянул Люпину пергамент, который тот взял не без удивления. — Мы хотим провести исследование Темных мест и отправиться в Шептон Маллет.

Люпин смотрел на Гарри со смятением и недоумением. Гарри ответил чистым и ясным взором своих зеленых глаз, снова заставив Люпина вспомнить о Лили, — когда та хулиганила или пыталась что-нибудь скрыть. А может, все дело в том, что он просто стал слишком подозрителен? Так или иначе, с учетом того состояния, в каком сейчас находился Драко, им с Гарри вряд ли бы удалось что-либо проверить.

— Ну, что ж — хорошо.

— Я, собственно, хотел, чтобы вы знали об этом и могли заняться подготовкой Портключу, — с мальчишеской непосредственностью пояснил Гарри. — Я знаю, что на это нужно время.

— Ладно, — растерянно взглянул на Гарри Люпин.

Да что происходит с этим мальчиком? К несчастью, никто не мог сказать это наверняка.

— Я подготовлю его для вас, Гарри. Кстати, пока Драко в больнице, ему не стоит беспокоиться о домашнем задании, пусть отдыхает.

Гарри кивнул:

— Конечно, я ему передам; мы можем все это сделать прямо перед Рождеством, если Вы подготовите

для нас Портключ. Мы бы занялись этим в праздники, но вы знаете эти правила — никакой магии во время праздников, свадеб...

— Да-да, — закивал Люпин. — И что насчет свадьбы?

Гарри удивленно вскинул глаза и пожал плечами:

— Честно говоря, я об этом еще не думал. Мы все были так заняты уроками, подготовкой к С.О.В. Я еще ничего не купил Сириусу и Нарциссе...

— Ну, так завтра вечером магазин в Хогсмиде будет открыт.

— Завтра? — захлопал глазами Гарри.

— Вылазка в паб, Гарри.

— А, точно, — тряхнул головой Гарри, — придумаю что-нибудь, — он взглянул на поблескивающие на его запястье золотые карманные часы. И как всегда, когда Люпин видел их, у него свело горло. Сейчас, в этом полумраке, со склоненной над знакомыми часами темной взъерошенной головой мальчик выглядел, словно Джеймс.

Джеймс, нервничая, тоже стискивал руки... Тоже гордился часами, подаренными ему любимой девушкой. Джеймс так ожидал своей первой вечеринки в пабе...

— Мне надо идти, профессор. У меня уроки.

— Конечно, — Люпин коротко взмахнул палочкой в сторону двери, и та распахнулась. Выходя, Гарри замер в дверях:

— А вы будете в пабе, профессор?

— Постой... Понимаешь, Гарри...

Гарри вопросительно взглянул на него.

— Что?

— Я вовсе не хочу, чтобы ты думал, что я на тебя сержусь. Я был резок с тобой сегодня — прости меня. Ты волновался за своего друга — и это тебя извиняет. Ты всегда ведешь себя в таких ситуациях так же, как твой отец...

Глаза Гарри вспыхнули:

— Спасибо, профессор.

— Это действительно так, — пожал плечами Люпин. — Я в последнее время частенько думаю о твоём отце. Я бы хотел, чтобы он тоже был на этой свадьбе.

— Все в порядке, — произнес Гарри, — он будет там. Со мной, — он поддернул повыше рюкзак на плече и шагнул в дверь. — Спасибо, что разрешили мне воспользоваться вашим кабинетом и поговорить с Сириусом, профессор.

Люпин только кивнул в ответ, ему не хотелось говорить: ощущение комка, стоящего в горле, так и не пропало. Он посмотрел Гарри вслед — тот завернул за угол и ушел.

Люпин вернулся в кабинет, закрыл дверь и сел за стол, неотрывно глядя в огонь. Впервые в жизни он почувствовал себя стариком.

* * *

Драко проснулся с ноющей болью — грудь сдавило так, что у него было ощущение, будто на ней кто-то сидит. С трудом подняв тяжелые веки, он увидел над собой сводчатый каменный потолок и белые занавеси по бокам: лазарет. Он медленно сел и осмотрел себя: кто-то передел его в сине-белую полосатую пижаму и завалил одеялами. Уф. Хотелось бы знать, как он сюда попал. Кто его сюда принес, кто одел. Определенно — кто-то из тех, кто не знал, что Малфои не признают фланель.

Он прикрыл глаза и перебрал в уме последние картинки, которые ему запомнились: Рисенн закричала... он оттолкнул ее... мир опрокинулся, и серебро обратилось чернотой...

Так что же случилось? Что же ранило его? Он расстегнул пижамную куртку и пошевелил плечами — но повязка была слишком тугая, чтобы понять, в чем дело. Рана еще ныла, и даже легкое прикосновение к бинтам заставило его поморщиться. Медленно и осторожно он снова прилег и углубился в воспоминания.

Странный звук. Боль в плече. Звук, похожий ... на лук и стрелу? Но кому могло понадобиться постреливать в студентов из лука? Да и зачем все это, если Непростительное заклятье куда быстрее? Он знал, зачем пользовался луком и стрелами отец: из спортивного интереса. Это воспоминание повергло его в дрожь.

Он закрыл лицо руками и на мгновение погрузился в успокоительную темноту. В голове крутилась масса вопросов, не последним из которых был, как долго он провалялся в лазарете. Кто укутал его, и что случилось с Рисенн? Он убрал руки и закрыл глаза, словно медленно выпуская мысли наружу и пробуя делать то, что он делал крайне редко: он мысленно обшаривал замок, пытаясь обнаружить присутствие — знакомое ощущение присутствия того, кто даже во сне был связан с ним неразрывной нитью телепатии и магии.

Он нашел его — это была словно крохотная вспышка света в полной темноте: Гарри. Он, конечно, не мог наверняка сказать, о чем именно думал Гарри, однако сама форма его мыслей была ему также знакома, как и черты его лица.

«... Гарри, — прошептал он в темноту. — Гарри, ты не спишь?»

Через мгновение изумленного молчания последовал ответ:

«... Нет. Ты как? Ты где — все еще в больнице?»

«... Да».

«... Будь там, я сейчас».

«... Уж поверь, я никуда и не собираюсь».

Ответа не было — видимо, Гарри отвлекся. Драко занялся застегиванием пижамы, при этом ему было достаточно больно для того, чтобы наслаждаться этим процессом. Кроме того, в нем шевелился маленький холодный страх — он помнил, как Люпин рассказывал им о магических ядах... но нет, он наверняка бы уже умер, будь он отравлен подобным ядом.

С тихим шорохом занавеска вокруг кровати Драко отодвинулась назад. Драко сел — мантия-невидимка скользнула вниз, и перед ним показался Гарри. Да, судя по всему, он здорово торопился, когда одевался: зеленый свитер шиворот-навыворот, а на голове было еще большее стихийное бедствие, чем всегда.

— Малфой... — глаза Гарри расширились за стеклами очков. — Ты что-то совсем бледный...

Драко приподнял бровь:

«... Бюллетень департамента констатации очевидного? Спасибо, Поттер. Как известно, большая кровопотеря, как правило, заканчивается некоторой бледностью. Так что — ты присядешь или так и будешь стоять и тарашиться на меня, как выловленная форель?»

Все еще не в силах отвести от Драко взгляда, Гарри устроился на стуле рядом с кроватью.

— Но ты и вправду себя нормально чувствуешь?

Драко постарался выкинуть из головы мысли о смертельном яде:

— Я в порядке. А ты думал, что нет?

Гарри потянул за висящую на шее цепочку, и опустил глаза на тускло блеснувшее в полумраке Эпициклическое Заклятье.

— Я знал, что ты не умер, — тихо пояснил он. — Однако не знал, что все обойдется...

Он снова опустил амулет за рубашку. — Драко, так все-таки: что случилось? Куда тебя понесло в этот снег в шесть утра?

Драко заметил, что тот назвал его по имени, и сам не зная, чему, обрадовался.

— Скажу, погоди. Дотянись до тумбочки и дай мне одежду, ладно?

— Это еще зачем? — прищурился Гарри.

— Затем, что у меня там есть кое-что в кармане... Так, мне нужна вообще-то только рубашка... Спасибо, — Драко подхватил брошенную ему аккуратно сложенную рубашку, развернул ее и обомлел: рубашка была вся изорвана, что и не удивительно — вся правая сторона представляла собой застывшую корку из лохмотьев ткани и запекшейся крови. А в том месте,

где у Драко была рана, на рубашке зияла разрез.

— Сколько кровищи, — пробормотал Гарри, сдерживая легкую тошноту.

— Ага, — кивнул Драко, исследуя взглядом рубашку. — Черт, она была такая дорогая... Из осенней коллекции Донны Каран.

— Малфой, — нетерпеливо поторопил Гарри. — Так что произошло?

— Я вышел, чтобы кое с кем встретиться, — медленно начал Драко. — И вовсе я не бродил по снегу. Я был наверху, на башне.

— На Астрономической башне? — заинтересовался Гарри. — Ты же сам мне говорил, что народ бежит туда только затем, чтобы заняться сексом, — его глаза расширились. — Так ты там этим и занимался?

— У меня есть собственная спальня, Поттер, зачем мне ради этого таскаться на Астрономическую башню?

— Ну, так и кого ты там повстречал?

— Свою кузину, Рисенн.

Гарри недоуменно уставился на Драко.

— Ну, ту темноволосую девицу, что явилась на твой день рождения вместе с Чарли.

— Так вы с ней занимались сексом?... — Гарри бросил взгляд на остатки рубашки Драко. — Слушай, она, наверное, совершенно дикая и неукротимая.

— Поттер, если ты немедленно не заткнешься насчет секса, я оторву тебя голову, и буду пользоваться ей вместо кваффа.

— Ладно-ладно, — притих Гарри, глаза которого зажглись безмолвным весельем. У Драко появилось навязчивое ощущение, что все это поддразнивание было умышленным. — Так расскажи, что же вы делали.

Драко вздохнул и пустился в объяснения: и про Рисенн, и про письма от отца, про карты, ведущие к разным тайным местам, про таинственные шифрованные сообщения и, наконец, про то нападение на них обоих.

— Я понятия не имею, кто она на самом деле, — закончил он, — что там она хочет, кто стрелял в нас и кого он хотел убить — её или меня? Понятия не имею, как я оказался у подножия башни — наверное, свалился. Удивительно, что не убили при этом насмерть.

Гарри не мог отвести от Драко огромных, как чайные блюдца, глаз:

— Так твой отец жив?

Драко кивнул.

— Он жив, а ты ничего мне не сказал?

Драко уставился на свои руки:

— Дамблдор заставил меня дать слово, что я ничего тебе не скажу. Я... Прости. Я хотел, —

он старался не двигаться. Гарри был едва видимой тенью за серебристой завесой его собственных волос. — Кому бы я еще сказал, если бы не тебе.

— Но ты ведь все же не сказал мне.

— Я же поклялся, — Драко помолчал и добавил, — можно подумать, что ты мне все рассказываешь.

— Верно, — со вздохом согласился Гарри. Потом, поколебавшись, поинтересовался:

— Так почему же ты сейчас мне все рассказал? Нарушаешь свое обещание?

— Я мог умереть, — пояснил Драко. — А коли так, ты имеешь право знать, почему и отчего.

Подняв глаза, Драко увидел напряжение на лице не сводящего с него глаз Гарри.

— Я обязан Дамблдору, — добавил Драко. — Но тебе я обязан большим.

Гарри еще сомневался, но уже через миг его лицо расслабилось в улыбке:

— Благодарю.

Драко почувствовал, что достиг цели. Признаться, его здорово раздражала в Гарри эта манера искать нечто значительное в самом малом и несерьезном жесте. Хотя, с другой стороны, это делало его лидером — за ним хотелось идти, его хотелось защищать, вставать между ним и темнотой — какой бы она ни была.

Именно поэтому он и был героем. Разумеется, тогда, когда не был задницей.

— Малфой, — поинтересовался Гарри, — и что там было в этих письмах?

— Что приносила Рисенн? Ничего стоящего. Последнее как раз в кармане моей рубашки — потому-то я её и просил.

Драко вытащил абсолютно не пострадавший пергамент из кармана рубашки и развернул его.

— «Драко, — вслух начал он, — приветик. Все эти долгие годы мы — ты и я — ожидали, когда же придет рассвет твоего истинного дня рождения. Запомни: чтобы кого-то спасти, кем-то придется пожертвовать. Истинная покорность не нуждается в иллюзиях. Скоро ты все узнаешь».

Драко пожал плечами:

— Ну вот.

Гарри пожевал нижнюю губу, потом протянул руку:

— Дай-ка мне на него взглянуть.

— Я же прочитал все, что в нем было.

— Я все равно хочу взглянуть на него. Может, там есть какие-то ключи, чтобы разгадать.

— О, конечно, ведь все плохие парни просто обожают подбрасывать разгадки к своим загадкам. На самом деле это просто отчаянный вопль о помощи.

— Дай сюда, Малфой, — повторил Гарри.

Драко пожал плечами и передал письмо:

— Ну, если ты так настаиваешь на этой игре в юного Аврора, полагаю, я не в праве тебя останавливать.

Гарри пропустил этот пассаж мимо ушей.

— Писавший пользовался зелеными чернилами, марки Вередиан. Только официальные министерские чины используют такие чернила, — сосредоточенно начал он.

— Да ну? — впечатлился Драко.

— Да нет, это я на ходу придумал. На, забери свое дурацкое письмо, — Гарри кинул письмо назад, проводив его взглядом, полным отвращения. — Что за идиотское выражение «приветик»?

— Не более идиотское, чем «официальные министерские чины».

Ответить на это Гарри не успел, потому что тут письмо в руке Драко охватил огонь. Драко, чертыхаясь, отбросил его, и пергамент обратился в золу раньше, чем коснулся каменного пола.

— Вот так всегда, — хмуро пробормотал Драко, обсасывая обожженный большой палец. — Подозреваю, что это чтобы я не мог предъявить их в качестве вещественного доказательства.

— «Твой истинный день рождения»... Что бы это значило?

— Понятия не имею.

— Тебе не приходит в голову, кто мог бы поискать, что бы это могло означать?

— Как?

— Ну, — судя по всему, Гарри считал это очевидным. — Попроси Гермиону. Если она не знает, она могла бы узнать это для тебя.

— Я никого больше не собирался в это посвящать.

— Гермиона — не «кто-нибудь еще», — подчеркнул Гарри. — Она — Гермиона. Ты можешь ей все рассказать.

— Так значит именно поэтому, ты ей все поведал о нашей предстоящей небольшой экскурсии на кладбище?

Гарри открыл было рот, но тут же его захлопнул.

— Это совсем другое дело.

— И почему же? Потому что это твой большой секрет?

— Потому что меня никто не пытался убить.

— Ха!

— И что значит это «ха»? — бросил резкий взгляд Гарри.

Драко немного подумал:

— Ну, такое смущенное и растерянное «да ну?».

— И что ты имел в виду?...

Драко зевнул во весь рот, чувствуя, что на него все больше и больше наваливается усталость.

— Кое-кто постоянно пытается тебя убить, Поттер. Ты не был бы собой, если бы все обстояло иначе. И вообще — кто знает наверняка: меня ли они пытались убить или просто промахнулись в Рисенн?

Гарри помолчал, теребя правой рукой застёжку браслета — странного на вид старого браслета, который Гарри никогда не снимал.

— Не думаю, что тебе стоит ей доверять, — наконец произнес он.

— Спасибо, я и не доверяю, — Драко снова зевнул. — Слушай, Поттер, я тут подумал...

— Что?

— Если ты попросил у Люпина портключ, который отправит тебя в Дунсхилл, что же он не догадается, почему ты попросил это сделать? Честно говоря, я вообще удивлен, что это оказалось в домашнем задании.

— Ага. Поэтому я подошел к нему и сказал, что вместо него мы хотим отправиться в Шептон Маллет.

— Но мы же не хотим туда отправиться... о...

— Да ладно тебе, Малфой, — что там было насчет коварных планов — не помнишь? Самое главное — выбраться со школьных земель, учитывая то, что мы не можем аппарировать и летать, а на прогулки у нас нет достаточного количества времени.

— И как ты себе представляешь наше путешествие из Шептон Маллет в Дунсхилл?

— Оставь это мне, — Гарри улыбнулся и прикусил губу. — Но... ты и правду уверен, что хочешь туда поехать?

— Желание могло бы быть и посильнее. День-два, и я буду совершенно уверен.

— Мы может ждать столько, сколько ты хочешь, — заметил Гарри.

— Нет, все в порядке, — Драко откинулся на подушки и прикрыл глаза. — Ты вообще — понимаешь, что все это значит?... — засыпая, пробормотал он. — Мы собираемся выполнить то, что должны... Целый доклад о Шептон Маллет без всякой на то самой завалящей причины... — он снова зевнул. — И все благодаря тебе...

Драко не услышал, что ответил Гарри: он уже спал.

* * *

Он спал и видел сон: опять он в башне, там же находились отец и Темный Лорд. Теперь Драко смотрел на происходящее с другого угла, и мог видеть высокие и узкие окна, за которыми простирался незнакомый пейзаж: долины, убегавшие к далеким лесам. Над ними склонилось высокое ночное небо, звезды ухмылялись, словно обнаженные клинки. На стене висело зеркало, которое он уже видел в прошлый раз. Сейчас его поверхность ничего не показывала.

Темный Лорд что-то говорил Люциусу. Они стояла в дверях, и Драко не мог слышать слов. Слово призрака, он последовал за ними в соседнее помещение — каменную залу, стены которой были завешены золотыми и серебряными гобеленами. Она была огромна, стены вздымались вверх, крыши все же не было видно, несмотря на пылающие факелы, пол был инкрустирован золотом и драгоценными камнями — это была самая кричащая и безвкусная комната из всех, что доводилось видеть Драко, но центральное украшение доводило это безвкусицу до немыслимых высот: это была огромная золотая клетка, в которой можно было бы держать тигра или льва. Но там находилась женщина. Изящная женщина, прикрытая только своими собственными волосами, в которых, как в дыму, исчезало ее тело. Она подняла лицо, и он узнал ее.

Рисенн.

— Мой Лорд, — произнесла она, — зачем вы снова вызвали меня?

Люциус шагнул в сторону, уступая дорогу, и Темный Лорд оказался лицом к лицу с узницей.

— Я могу это сделать, потому что ты моя пленница, — ответил он. — Ты знаешь об этом?

— Да, я знаю.
 — И я твой господин?
 Ее глаза вспыхнули.
 — Для моей плоти, возможно, и да. Но над сутью моей вы не властны.

— Все это слова, — отрезал он. — Ты должна мне подчиниться или же буду пытаться тебя этой клеткой из крови, плоти и костей до самой смерти, я не выпущу тебя. Хочешь?

Она скрипнула зубами и промолчала.

— Где Наследник Слизерина, почему ты его оставила?

— Он с Гарри Поттером, — ответила она, — вы же знаете, я не могу находиться с ним, если рядом юный Поттер. И в замок не могу войти.

— Но ты говорила с ним? Ты вручила ему оба послания?

— Да.

— И каков был его ответ?

Она опустила глаза:

— Нас прервали. Он не дал мне никакого ответа. Я отправлюсь за ним снова — не в эту ночь, а в следующую.

— Прервали? И как же прервали? — Люциус оторвался от окна и развернулся к девушке в клетке.

— Кто-то пытался напасть на нас, — пояснила Рисенн. — В нас дважды выстрелили из темноты. Одна стрела попала в плечо твоему сыну, но я видела, что он остался в живых.

Вольдемоут кровожадно улыбнулся.

— Маловероятно, чтобы это был ангел милосердия, — заметил он. — Или же тебя тронуло то, что с ним произошло?

— Милосердие, — возразила Рисенн, по-кошачьи сверкнув глазами, — не имеет к этому никакого отношения. Я охраняла — и только.

— Восхитительно, — усмехнулся Вольдемоут, — это просто исключительный пример бесчувственности. Хотя, кажется, ты все еще веселишься.

— Как и вы, мой Лорд.

— Я никогда и не претендовал на бесчувственность, — произнес Темный Лорд, — речь шла только о благородстве и мягкости, которые я презираю.

— Вы ненавидите, — заметила она, — значит, должны и любить.

— Я люблю силу, — ответил Темный Лорд, — люблю ее, как музыкант любит свою скрипку. Извлекать звуки, аккорды, гармонии — это счастье.

Девушка в клетке внезапно вскинула голову, словно что-то учуяв:

— Встает солнце, мой Лорд, — объявила она, — отпустите меня. Вы же знаете, я ненавижу день.

Темный Лорд заулыбался.

— Я знаю. Что ж, иди. Вернешься, когда я позову тебя.

— Вернусь, — пообещала девушка и исчезла, и лишь только это случилось, как солнечный луч ворвался в окно, ярким золотом залив темноту комнаты, осветив лицо Темного Лорда и стоящего рядом Люциуса — он повернулся и взглянул через комнату. И Драко показалось, что отец смотрит прямо на него.

Люциус улыбнулся и заговорил:

— Я должен был знать, что найду тебя именно здесь.

* * *

— Я должен был знать, что найду тебя именно здесь.

Глаза Драко распахнулись, он почувствовал, что сердце вот-вот вырвется из груди. Какое-то мгновение темнота башни еще плавала у него перед глазами; он с трудом сел, пытаясь справиться с головокружением, вцепившись в него, как руки утопающего.

Наступило утро, и лазарет был залит светом. Драко потребовалось время, чтобы понять, кто с ним гово-

рил — это было не во сне. В ногах его кровати с растерянным видом стоял Чарли Уизли. Судя по его виду — мантия была запачкана копотью — он пришел прямо после кормления своего крошки-дракона.

Драко осторожно устроился в подушках, обнаружив, что движение уже не причиняет ему мучительной боли; плечо еще немного ныло, но и только.

— Ну, — рассудительно заметил он, — а где бы я мог еще находиться?

— Да не ты, — Чарли ткнул куда-то в район своих ног. Приподнявшись на колени, Драко взглянул на пол: там, на сложенной мантии-невидимке спал Гарри, свернувшись клубочком и подложив себе руку под щеку.

— Отвали... — пробормотал во сне Гарри и сжался в комок.

— Поднимайся, Гарри, — скомандовал Чарли, — через секунду здесь будет Дамблдор.

— Не приставай... — пробормотал Гарри, закрывая лицо руками. — С-скотина.... Хм...

— Что это было? — казалось, Чарли с трудом сдерживает смех.

— Он велел оставить его в покое, — перевел Драко. — Ему снится профессор Синистра.

— Да ну? — заинтересовался Чарли. — Да, конечно, она весьма...

— Ничего подобного, — запротестовал Гарри, садясь. Волосы его торчали дыбом, словно у казненного на электрическом стуле, все лицо было в отпечатках складок мантии. — Малфой, ты отъявленный врун.

— Ага, проснулся, — бесстрастно заметил Драко, — а теперь выметайся отсюда, пока сюда не пришел Дамблдор, и ты не нажил себе проблем. Или нет, — быстро добавил он: занавеска отодвинулась, и в сопровождении мадам Помфри вошли профессор Дамблдор и глава Дома Слизерина профессор Снейп. Драко уселся поудобнее и уныло потер плечо. — Я просто хотел, чтобы все не забывали, что я потерял много крови и вполне могу бредить.

— Все в порядке, Драко, — мягкий и серьезный взгляд Дамблдора остановился на Драко, потом скользнул к Гарри. — Мы могли бы выразить свое недовольство студентам, которые врываются среди ночи в запертую больничную палату, однако, настойчивое желание быть с другом в минуты невзгод вполне понимаемо, и заслуживает только уважения и восхищения. С ваших факультетов не будут сняты очки. А теперь поднимайся, Гарри. У меня от одного взгляда на тебя кости ломит.

Гарри быстро поднялся, чтобы быстрее прийти в себя, он тер глаза рукой.

— Спасибо, профессор.

Дамблдор взмахнул рукой, и вокруг кровати появились четыре стула с высокими спинками, на которых расселись преподаватели и мадам Помфри. Гарри, с трудом сдерживая зевоту, уселся в ногах кровати. К вящему удивлению Драко ему никто не пытался воспрепятствовать.

— Прежде, чем вы сообщите нам все, что знаете, мистер Малфой, — начал Дамблдор, — почему бы ни рассказать вам, что известно нам? Итак: мы узнали о вашем положении, когда вчера утром в Большой зал с криком вбежала одна из первокурсников Хаффлапфа и сообщила, что обнаружила Драко Малфоя в сугробе, совершенного мертвого. Как вы понимаете, это известие вызвало некоторое возбуждение.

— Полагаю, групповое самоубийство среди пятикурсниц, — жизнерадостно предположил Драко.

— Нет, траур не дошел до таких границ, — произнес Дамблдор, — хотя стол Слизерина был изрядно взволнован, а некоторые гриффиндорцы устроили весьма примечательные сцены, — на этом месте Гарри сделал вид, что очень заинтересовался своими шнурками. — Как вы понимаете, все очень спешили добраться до вас. Как и было сказано, вы лежали в сугробе — неподвижный и весь с крови. На самом деле, просто удивительно, что такая кровопотеря

не убила вас, особенно с учетом холода. Вы едва не замерзли, когда девушка, идущая в теплицы, обнаружила вас. Прежде, чем бежать за помощью, она прижалась к вам всем телом.

— И кто обвинит ее в этом? — пробормотал Драко.

— Она сделала это, чтобы согреть тебя, Драко, — указал Чарли, — она прошла курсы первой маггловской помощи. К счастью для тебя.

— Конечно, — устраиваясь в подушках, кивнул Драко. — Это она так говорит.

— Перенеся тебя сюда, мы обнаружили, что причина всего этого — ранение в правое плечо. Причина его была не магической, так что ваша кровопотеря и гипотермия были быстро излечены. Можете поблагодарить профессора Снейпа за то, что снабдил нас зельем, обычно используемым для восстановления крови при нападениях вампиров...

— Нападениях вампиров? — эхом откликнулся Драко, которому снова пришли на ум красные губы и бледная кожа Рисенн. Она говорила, что не вампир, но...

— Вы не были покусаны вампиром, Драко, — произнесла мадам Помфри, — на вас нет этих отметин. Однако нам бы хотелось узнать, как все случилось: вы видели того, кто напал на вас?

Воцарилась тишина. Драко посмотрел на Гарри — тот был бледен и серьезен. Однако вид был, пожалуй, получше, во всяком случае, под глазами уже не было этих синих ям.

— Я был снаружи, — неторопливо начал Драко, — шел к Квиддичному полю, чтобы кое с кем... гм... познакомиться.

— С кем? — вопрос Снейпа был подобен молниеносной атаке кобры.

— Со мной, — тут же подхватил Гарри. — просто мы собирались...э...

Драко смеялся, потом живо продолжил:

— ...заняться домашней работой — делать курсовик по Защите...

— ...и это надо было делать ночью, потому что...

— ...Потому что для приготовления Заклятья Locator необходима карта звезд, — слабым голосом закончил Драко.

— А почему же вы не воспользовались Астрономической Башней? — строго поинтересовался Чарли.

— Слишком много озабоченных парочек, — решительно отмел Драко. — Совершенно невозможно работать.

— Но я опоздал, — снова пустился в объяснения Гарри, — я ... это... проспал, и...

— И я немного позанимался магией сам, — сел на любимого конька Драко, — чтобы э... подготовить проект, и...

— И использовал заклинание, которое отдачей ударило его в плечо, — со вкусом закончил Гарри.

— Ничего подобного, — фыркнул Драко.

— Так и было, — возразил Гарри.

— Я думаю, ты помнишь, что я говорил тебе, что ты не прав, Поттер?

— Тогда почему ты не скажешь нам, откуда у тебя дыра в плече, а, Малфой?

Драко скрипнул зубами:

— Я швырнул проклятье, а оно отдачей ударило меня в плечо, — пробормотал он.

— Какая неосторожность с твоей стороны, — с явным наслаждением попенял ему Гарри.

— Может быть, *Priori Incantatum* здесь было бы уместно?... — шелковым голосом заметил Снейп.

— Драко не пользовался своей палочкой, — тут же откликнулся Гарри. — Я так полагаю...

Драко поднял левую руку:

— Никакой палочки, — подтвердил он.

— Заклинания магилов, — мрачно произнес Снейп. — Выбираются из кроватей, куда-то крадутся в темноте, потом еще используют проклятья. Определенно: Филч должен подвесить вас за большие пальцы. В темнице.

На лице Гарри появилось выражение ужаса.

— Могу ли я напомнить вам, — заметил Драко, — что оскверненной веками формой наказания является арест?

— Так тому и быть, — подвел черту Дамблдор. — Лишь только вы вернетесь из дома с Рождественских каникул. А также по двадцать очков с каждого дома. Я буду рассматривать повреждения — физические у Драко и умственные у Гарри — как результат этой выходки и, соответственно, еще одну часть наказания.

Оба юноши усталились в пол. Наконец Драко открыл рот:

— Директор... — медленно начал он, — а другие студенты... он не удивится, что... они не удивятся из-за...

— Меня? — пояснил Гарри.

Глаза Дамблдора вспыхнули и тут же погасли:

— Я думаю, вы вдвоем вполне способны придумать достоверную историю. Я верю в ваши силы.

— Спасибо, профессор, — сам не зная за что, поблагодарил его Драко, тем не менее, испытывая чувство признательности. Наверное, за доверие. — И... мы извиняемся.

Снейп и Чарли взглянули на Дамблдора — тот лишь пожал плечами и, побряхтывая, поднялся со стула.

— Хорошо. Я бы хотел позже видеть вас у меня в кабинете, мистер Малфой. Когда вы полностью придете в себя, — он перевел взгляд на Гарри, снова на Драко и добавил, — одного.

Драко почувствовал, что краснеет:

— Конечно, профессор.

Чарли и Снейп тоже поднялись, Чарли выжидательно взглянул на не сводящего глаз с Дамблдора Гарри.

— Я бы хотел остаться, — произнес Гарри, — если все в порядке.

— Существует правило: только в отведенное для визитов время. В иные часы только члены семей...

— Я член семьи, — заявил Гарри.

Дамблдор кивнул:

— Да, действительно. Можешь оставаться.

Возвращаясь с Гербологии, Джинни повстречала явно поджидавших ее Рона и Гермиону. Они были погружены в очередную беседу, склонившись друг к другу, — рыжая голова Рона, каштановая Гермионы — так что Джинни, чтобы привлечь их внимание, пришлось кашлянуть. Они вздрогнули и обернулись.

— Привет, Джинни, — румяная Гермиона сжимала в кулаке лист пергамента. — Я решила пропустить ланч и сходить в больничное крыло повидать Драко. Вот, подумала, что ты тоже бы не отказалась...

— А что, к нему уже можно? — удивилась Джинни. — Он уже пришел в себя?

— Да, он уже проснулся, — кивнула Гермиона, — и с ним Гарри, — она махнула рукой в красной варежке с зажатой в ней пергаментом. — Он послал мне сову — мы можем прийти.

— Каким это образом Гарри оказался там так рано? — зашагала с ними к больничному крылу Джинни.

— Да он провел там ночь. На полу, — со смешком ответила Гермиона. — Ты же знаешь, каким он становится, когда волнуется. Вспомни-ка, как в прошлом году Рона ударил бладжер, и Гарри расположился в лазарете лагерем и приволок туда все свои домашние задания?

— Верно, — кивнул Рон, протягивая Гермионе руку, чтобы помочь пройти по льду, — однако я не думаю, чтобы он спал на полу.

— Ну, Драко ведь совсем другое дело, — начала Джинни, собираясь сказать, что тут, похоже, все выглядит не как несчастный случай, а как покушение на убийство, но Рон не дал ей это сделать:

— Ага, конечно, ведь если Гарри не будет рядом с ним безотлучно, Малфой просто перестанет дышать.

— Рон, не говори так, — мягко попробовала переубедить его Гермиона, — просто Гарри — хороший друг, он поступил бы так и ради тебя.

Наконец они поднялись наверх, и она отпустила руку Рона.

— Честно говоря, нам бы неплохо всем его навесить. И тебе, Рон, тоже.

— Нееееет, — негодованием взвыл Рон, — можно я сделаю вместо этого что-нибудь веселенькое? Например, вымою ванную старост?

— Он однажды спас твою жизнь.

— Я спасал его жизнь дважды. Так что я веду в счете.

— Разве ты не можешь хотя бы притвориться, что он тебе нравится? Хотя бы ради меня? — попросила Гермиона.

Возмущение Рона лопнуло, как воздушный шарик.

— Ну, ладно...

Гермиона лучезарно заулыбалась:

— Ну, скорее, пошли же! — она поманила их обоих рукой, распахивая дверь замка. — И ты тоже, Джинни.

— Ой, я не знаю... — заколебалась та.

— Уж, коль я должен пойти, то ты тоже, — Рон схватил сестру за руку и потащил за собой — она шла, и сердце ее колотилось от волнения. Огромное счастье, что с Драко все в порядке, смешивалось с волнением оттого, что она сейчас его увидит. Особенно с учетом того, что она была убеждена, что это именно он поцеловал ее, спящую. Если, конечно, это не был Снейп. Но это было бы как-то очень... фу...

Мадам Помфри бросила небрежный взгляд и дозволила им войти в лазарет. Там было тепло и светло. В дальнем конце огромной комнаты Джинни могла увидеть маленькую неподвижную фигурку, лежащую на кровати у стены, — это был Малькольм Бэдкок. Быстро отведя глаза, она уставилась на кровать, отгороженную белыми занавесками, висевшими прямо в воздухе. Они были полупрозрачными, и за ними виднелись две тени: одна сидела на кровати, вторая устроилась на стуле рядом.

Она узнала Гарри по взъерошенным очертаниям головы и улыбнулась. Они прошли вперед, и теперь до них доносились голоса: Гарри что-то спрашивал, Драко отвечал:

— Финт Вронского не лучше, чем параллельное скольжение Лажкина! Ты что — белены объелся, Поттер?

Гермиона замерла в футе от кровати, потом отдернула занавеску:

— Вы двое — вы говорите о квиддиче? — пораженно спросила она. — Поверить не могу, что вы действительно говорите о квиддиче...

Джинни и Рон подошли вслед за ней и увидели Гарри: тот удивленно вскинул глаза и рассмеялся:

— Эй, откуда вы все взялись?

Джинни с удивлением смотрела, как он поднялся на ноги: он был такой оживленный, глаза буквально горели — словно что-то, наконец, вырвало его из добровольного заточения. Он стиснул в объятьях Гермиону и отпустил её весьма неохотно:

— Я не думаю, чтобы вы захватили что-нибудь поесть...

Гермиона рассмеялась и протянула ему завернутый в салфетку сверток:

— Налет на кухню, — пояснила она и повернулась к Драко, сидевшему в окружении такого количества подушек, что они, видимо, были собраны со всех пустых кроватей. Взглянув на него, Джинни вознесла небу краткую благодарственную молитву: он выглядел совершенно здоровым, разве что немного уставшим, однако лицо имело здоровый цвет, а перевязанное плечо на вид было вполне целым. В этой полосатенькой больничной пижамке он казался лет на шесть младше.

— Ну, как ты? — неожиданно мягко обратилась к Драко Гермиона. — Я бы и для тебя что-нибудь захватила, но я не знала...

— Да все в порядке, — голос Драко был ровным.

Нормальным. Сложно было поверить, что совсем недавно его жизнь висела на волоске. Она отогнала от себя воспоминание об окровавленном снеге. — Я не голоден, — его глаза метнулись к Рону и Джинни. — Привет, Уизли, — он помедлил. — Джинни.

— Рад, что с тобой все о'кей, — кивнул ему Рон.

— Я тоже, — быстро добавила Джинни.

Гермиона присела у Драко в ногах:

— Они не сказали, когда отпустят тебя?

— Возможно завтра.

— Ты будешь готов к вылазке в паб? — поинтересовалась она.

Драко пожал плечами:

— Я никуда не собирался идти, Уизли поручил мне зудеть и придирааться к шестикурсникам. Да?

Рон, у которого все еще был такой вид, словно он хотел бы очутиться в другом месте, неловко поежился:

— Ну, ты же сам вызвался.

— Но это же не займет всю ночь! — озабоченно заметила Гермиона. — Верно? Нет, ты определенно должен пойти — всего-то один поход в паб... — она крутанулась к Рону:

— Он ведь не обязан всю ночь находиться в школе, правда?

Вид у Рона стал еще более неловким:

— Ну...

Драко с жалобным видом пожал плечами:

— Посмотрю, все зависит от того, как буду себя чувствовать. Вообще-то я уже согласился... но вполне может быть, что я буду чувствовать себя слабым и больным, что совсем не располагает к...

— Малфой! — устало перебил его Рон. — Если тебе и этого мало, то можешь сидеть в Большом Зале и смотреть на дверь.

Драко приобрел еще более жалобный вид. Джинни с трудом сдержала позыв обнять его.

— Но я не хочу, — ответил он.

Рон лучезарно улыбнулся:

— Малфой, разве ты никогда не слышал выражение: «Когда жизнь предлагает вам лимон, сделай лимонад»?

— Нет, я слушал другое выражение: «Когда жизнь предлагает вам лимон, сделай лимонад и плесни им в физиономию того, кто дал тебе этот лимон, — и так до тех пор, пока тебе не дадут наконец апельсин, который ты и требовал».

Гарри захохотал, Рон сердито зыркнул на него глазами. Но прежде чем он успел что-либо сказать, занавеска отодвинулась и появилась мадам Помфри с легкой улыбкой на лице.

— К тебе кое-кто пришел, Драко.

Это была Блез. По мере того, как она приближалась, сияя своими зелеными глазами, с племенем волос на плечах, Джинни инстинктивно пятилась. Гермиона соскочила с кровати и подалась назад, когда Блез предстала перед не на шутку встревоженным Драко:

— Блез?... — начал он.

— Дорогой! — кинулась она на его кровать, судорожно сжав его в объятьях, так что Драко взвыл от боли. Гарри вскочил, давая ей дорогу, и теперь, забавляясь сценой, стоял рядом с Гермионой. — Я пришла, как только смогла, я перепугалась до смерти!

Драко неловко похлопал ее по спине:

— Ну-ну, — ответил он — во всяком случае, так показалось Джинни, потому что его голос буквально утонул в Блез. — Со мной все в порядке. Ничего страшного.

— Ничего страшного? Да ты чуть не был убит! Ты дрался на дуэли? — откинулась назад Блез. — И, если так, почему ты не взял меня своим секундантом? Ты же знаешь, что в школе нет никого лучше меня в Режущих заклятиях и Мучительных пронзаниях.

Рон кашлянул:

— Будем считать, что я этого не слышал.

Блез в объятьях Драко развернулась, взглянула на него и как-то очень по-кошачьи улыбнулась, скользнув взглядом по его значку старосты:

— О, прости, Рон, я не заметила, что ты здесь.
Ее глаза метнулись к Гарри, потом к Гермионе — и потемнели. На Джинни она и вовсе не взглянула.

— А это еще что за гриффиндорское вторжение? Пришли выяснять, не сможете ли вы его доконать?

— Во-во, — ядовито ответил Гарри, — мы подумали, что, если ввалимся сюда всей толпой, то никто и при свете дня не заметит, если мы его прикончим.

— Это звучит как типичный гриффиндорский план, — фыркнула Блез. — И все же — что вы все тут делаете?

— По долгу службы, — начал Рон, но его заглушил страшный грохот и лязг, словно кто-то уронил на пол целую стопку тарелок. Джинни подскочила и отогнула одну из окружающих кровать простыней. В стороне, в небольшой амбулатории мадам Помфри занималась тем, что начинала пакетики заклятьями, теперь она развернулась и во все глаза смотрела на кровать, где совсем еще недавно неподвижно покоился Малькольм Бэдкок. Только теперь все уже было совсем по-другому: он возился, судя по всему, пытаясь сесть. Пол у кровати был засыпан осколками от упавшего и разбившегося вдрызг стакана с водой. С криком «Хвала небесам!» мадам Помфри поспешила к нему.

Джинни повернулась к остальным, взиравшим на нее с некоторым удивлением, и объявила:

— Малькольм Бэдкок — он очнулся.

Блез приоткрыла рот:

— Правда? Пришел в себя?

Джинни кивнула:

— Похоже на то.

Драко нежно похлопал Блез по плечу:

— Сходи взглянуть, как он там, ладно?

Блез была из тех, кому не нужно было повторять дважды: бросив чуть взволнованный взгляд на Драко, она соскользнула с кровати и отодвинула с дороги Рона. Джинни скользнула взглядом по брату, и оторопело уставилась на него — он был совершенно бледен и вцепился в спинку стула так, словно боялся упасть.

— Рон! — потрясенно окликнула она. — С тобой все хорошо?

Рон кивнул:

— Я что-то неважно себя чувствую, — сдавленным голосом произнес он.

— Что ж, тогда ты пришел в нужное место, — сообщил Драко.

— Заткнись, Малфой, — оборвал его Рон, и в голосе и словах его не было ни грамма юмора или поддразнивания. Драко удивился.

Джинни беспокойно наблюдала за братом:

— Давай я дам тебе воды? — предложила она, и он кивнул. Она призвала пустой стакан и, чтобы наполнить его, пошла к небольшой больничной раковине у кровати Малькольма. Тот сидел, белый и удивленный, рядом с ним заботливо кружились мадам Помфри и Блез.

— Что со мной случилось? — спросил он. — Как я здесь очутился?

— Мы не знаем, что произошло, Малькольм, — ответила ему мадам Помфри, вокруг головы которой, как маленькие птички, порхали призванные из шкафов пакетики с заклинаниями.

— Скажи нам, что из случившегося ты помнишь?

— Я?... Я шел в ванную старост, пергамент по Истории Магии я оставил в конференц-зале... Помню, я остановился, открыл дверь и... — Малькольм замолчал, на лице у него появилось сосредоточенное выражение, на лбу залегла морщинка. — Я...

— Что — ты? — не вытерпела Блез и была вознаграждена резким взглядом мадам Помфри.

— Я не помню, — с отчаянием в голосе заявил Малькольм. — Не помню ничего, после... — он умоляюще взглянул на мадам Помфри. — Сколько я уже здесь? Я пропустил Святочный Бал? Матч с Гриффиндором уже переигран? Скажите мне, что выиграли не они — эти самодовольные ублюдки...

Со стаканом воды Джинни поспешила обратно. От-

кинув занавеску, она застала суетящихся вокруг Рона Гарри и Гермиону. Он, насколько хватало сил, сопротивлялся. Драко безмолвно сидел на кровати, сворачивая из пергамента, данного ему Роном, непристойную, но смешную фигурку.

— Все верно, Малькольм очнулся, — сообщила она и протянула стакан совершенно позеленевшему Рону. — Кто-то наложил на него что-то вроде временного коматозного заклятья.

— Ну и кто же? — заинтересовался Драко. В конце концов, Малькольм был одним из его Загонщиков. — Он знает?

— Он ничегошеньки не помнит, — покачала головой Джинни.

Рон залпом осушил стакан с водой и поставил его на тумбочку.

— Как же это плохо, — заметил он. Цвет начал возвращаться на его лицо, похоже, вода все-таки помогла. — Что — совсем-совсем ничего?

— Ну, он так говорит, — Джинни устроилась в нижней части кровати. — И что же могло с ним случиться?

— Странные вещи происходят в Школе Хогвартс, — нараспев продекламировал Гарри.

Гермиона покачала головой:

— Да, в последнее время все как-то необычно. Я так рада, что близится Рождество, и мы наконец-то вернемся в Имение.

— Ага, — кивнул Рон. — Ведь там-то сроду ничего странного не происходило.

Драко строил ему рожу, но Рон ничего не замечал, он взглянул на Гарри:

— У нас сейчас должна быть тренировка — хочешь, я побуду за капитана вместо тебя?

— Ну... э... — замялся Гарри.

— На самом деле я устал, — заявил Драко. — Иди, Гарри.

Казалось, Гарри хотел ответить, но под взглядом Драко он закрыл рот. Джинни была совершенно уверена, что они разговаривали — как обычно, чтобы их никто не слышал. Интересно, — подумала она, — на что похож телепатический разговор? Это пугает и раздражает, или, наоборот, успокаивает и кажется чем-то естественным?

Впрочем, похоже, это не мешало ни Драко, ни Гарри, который повернулся к Рону и кивнул:

— Ладно. Готова, Джинни?

— Конечно, — она бросила последний взгляд на Драко, который разглядывал свои руки. — Я...

— Дорогой! — отшвырнув занавеску, вернулась Блез. — С Малькольмом все в порядке — ну разве не чудо? Естественно, он ума не может приложить, что с ним случилось — конечно, это ужасно, но мадам Помфри пообещала, что со временем память к нему вернется. Кстати, она сказала, что в субботу он не сможет принять участие в переигровке и... А что они до сих пор тут делают? — бросила она полный негодования взгляд на гриффиндорцев. — Я совершенно уверена, что где-то на дереве застрял котенок, почему бы вам не заняться его спасением? Ведь это же ваше любимое дело.

— Мы просто зашли, и это вообще не твоё дело, — отрезал Рон.

— Блез, возлюбленная, — веселым голосом начал Драко, и Джинни с трудом сдержалась, чтобы не прыснуть: надо же, Драко кого-то назвал «возлюбленной»! Гермиону же, напротив, это ужаснуло. — Не могла бы ты сделать мне одолжение?

Блез присела на краешек кровати:

— Конечно, какое угодно.

— Не могла бы ты пойти и спросить Марка Нотта, не сыграет ли он с нами в субботу? Он прекрасный летун и мог бы нам действительно пригодиться. Я бы и сам это сделал, но... — Драко обвел рукой лазарет.

— Ну, конечно же, — она потянулась, поцеловала его и быстро поднялась. — Сейчас вернусь, — напоследок она метнула убийственный взгляд

в гриффиндорцев. — В самом деле, — громко заметила она, — я понимаю, что ты, Гарри, должен был навесить Драко, чтобы передать его маме, однако зачем ты привел с собой своих телохранителей?

Гарри и ухом не повел.

— Ничего не могу сделать, — он перевел взгляд с Гермиону на Рона и Джинни. — Они такие классные, благослови Господь их носочки...

— Ну, беги же, Блез, — поторопил ее Рон. — Или ты хочешь лишиться дом Слизерина очков?

Слизеринка прищурилась:

— Думаешь, значок старосты делает тебя важной персоной, Рон? — промурлыкала она и, протянув руку, нежно погладила его поверх его значка. Рон оцепенел с видом кролика, попавшего в свет фар. — Это не так... милый...

Она отдернула руку, улыбнулась, порывисто зашагала прочь, цокая каблучками по каменному полу палаты, и захлопнула за собой дверь.

— У тебя отличная подружка, Малфой, — кисло заметил Рон.

— Спасибо, — кивнул Драко, — сам сделал.

— Ладно, увидимся, — Гарри махнул Драко и взял за руку Рона. — Нам пора на тренировку.

— Мне тоже пора, — Гермиона потянулась к рюкзаку.

— Слушай, — быстро произнес Драко, — не могла бы ты задержаться на секунду? Мне нужно кое о чем тебя спросить.

— Ну, — выпрямилась Гермиона, — я... — она взглянула на Гарри, тот решительно кивнул. — Конечно, — и она присела на стул у кровати. — И о чем ты хотел меня спросить?

Джинни навестила уши, пытаясь разобрать ответ Драко, но Рон и Гарри уходили, и у нее не было другого выбора, как последовать за ними.

Обернувшись, она сквозь занавеску увидела тени Гермионы и Драко.

* * *

— Отлично, — лишь только Гарри и остальные вышли из зоны слышимости, Драко безо всяких преамбул перешел прямо к делу. — Теперь, когда они все ушли, почему бы тебе не рассказать, что, черт побери, происходит с Уизли?

— С Роном? — удивленно захлопала глазами Гермиона. — А что с ним?

Губы Драко искривила недоверчивая улыбка:

— То есть ты и вправду хочешь сказать, что не заметила сейчас в его поведении ничего странного?

Гермиона покачала головой, пытаясь сосредоточиться. Она слишком волновалась о Драко и думала о нем и, конечно, о Гарри — какой же он все-таки легкомысленный, вот остался без нормального завтрака... Рон?...

— Нет, — произнесла она. — Но, думаю, ты мне расскажешь.

— Расскажу тебе что? Что твой рыжеволосый приятель ведет себя несколько эксцентрично? А что — ты сама этого не заметила? Похоже, что увлекшись игрой под названием «Черт, да что же происходит с Гарри?», ты прозевала куда более интересный сиквел «Эх ты, да и с Роном та же ерунда!»

— Да что же с ним не так? — раздраженно поинтересовалась Гермиона.

Драко принял равнодушно-самодовольный вид:

— Откуда мне знать? Это твое дело. Это же твой друг.

— И как же тебе удалось сказать это так, словно это оскорбление?

— Я не виноват, что ты подружилась с рыжим увальнем-переростком, который по мозгам уступает чучелу игуаны.

— Ты думаешь, что я тебя не нашла только потому, что ты в больнице? — спокойно спросила Гермиона. — Подумай еще раз.

Она с удовлетворением констатировала, что Драко сразу подался назад.

— Я понятия не имею, что за муха укусила Уизли, — пояснил Драко. — Однако я знаю, что ему явно что-то не дает покоя. Я не слишком удивлен, что он ничего тебе не говорит.

— Рон мне все говорит, — отрезала Гермиона.

Драко слегка прищурил глаза:

— Он когда-нибудь говорил тебе, что его возмущает то, что Гарри достается все внимание и слава?

— Нет, но я это знаю. Кстати, я не думаю, что сейчас все обстоит так же.

— А он говорил тебе, что возмущен тем, что ты ушла от него к Гарри?

— Нет, — удивленно вскинула на Драко взгляд Гермиона.

— А тебе не приходило в голову, что его это может возмущать? Ну, хотя бы чуть-чуть?

— Нет, не приходило. И знаешь, почему?

Драко отрицательно помотал головой.

— Потому что я не уходила от него. Это он ушел от меня.

Драко сел на кровати так резко, что та подпрыгнула под Гермионой.

— Не может быть. Не может быть, чтобы это он поврал с тобой.

— Так оно и было, — ответила Гермиона, мысленно вернувшись к тому зимнему вечеру пятого курса. Рон стоял перед камином в гриффиндорской гостиной. Тень падала на его волосы, они казались черными... Я не думаю, что нам стоит продолжать это. Мне кажется, что это ошибка. Я думал, что мы чувствуем одно и то же друг к другу — но это не так. — Это сделал он, это была его идея.

— Что сделал он? — Драко совершенно не знал, что и подумать. Волосы вокруг его головы стояли дыбом, словно ее охватило серебряное пламя. На вид ему вряд ли можно было дать больше десяти лет.

— Я заплакала — я думала, что мы будем вместе. Все вместе. И Гарри тоже. Мне казалось, что все вполне складывается: я с Роном, Джинни с Гарри — а потом мы все поженимся, и будем вместе встречать Рождество. Из года в год.

— Гадость какая, — прокомментировал Драко.

— Да, и основной проблемой было то, что Гарри не любил Джинни, а я на самом деле, не любила Рона — и, как мне кажется, он меня тоже. Мы просто старались как-то приспособиться и делать то, что от нас ждали окружающие. Так вот — Рон бросил меня, я заплакала, но почувствовала облегчение: я уже начала побаиваться, что все это может разрушить нашу дружбу, — но этого не случилось. У меня просто гора с плеч свалилась. Мы попробовали — у нас не вышло. Больше это не довело над нами. Хотя миссис Уизли была не слишком рада мне в тот год — думаю, это потому, что она не поверила словам Рона, что именно он ушел от меня.

— Ты боялась, что встречаясь с Роном, разрушишь вашу дружбу? — удивленно переспросил Драко.

Она искоса взглянула на него — он был не из кушечек-болтушек и раньше никогда не интересовался этой древней историей с Роном. Но его интерес казался вполне искренним.

— А с Гарри тебя это не беспокоит?

— Нет, — она почувствовала, что краснеет. — Но я думаю, что именно поэтому у нас с тобой все было безнадежно.

Воспоминания снова перенесли ее в тот день: вот они стоят перед зеркалом. Совершенно мокрый и говорящий ей что-то невообразимое Гарри. Она с трудом ему поверила, даже тогда, когда он поцеловал ее, даже когда она ощутила вкус его губ — вкус дождя... В ту ночь она снова рыдала в своей кровати — безутешно, отчаянно, не в силах остановиться. Боль этой любви к нему, которую она пыталась прогнать или не замечать, исчезла, как выдернутый из плоти нож. И она ревела из-за того, что лишилась ее. Эта боль стала

ее частью, и она сама не знала, смогла бы прожить без нее. Но это было не единственной причиной ее слез — просто все остальное было настолько глубоко, что она едва ли могла понять это сама.

— Если только ты не нашла бы решение этой проблемы чуть раньше, — равнодушно произнес Драко. — Тогда это бы избавило тебя от кучи проблем с Роном.

... и со мной, — добавил его взгляд.

— Я не воспринимаю это как проблему, — возразила Гермиона. — Просто что-то, что я должна была сделать. Хотя, конечно, я бы хотела, чтобы мы во всем разобрались раньше.

Драко покачал головой:

— С трудом могу себе представить двух настолько слепых людей. Признаться, я думал, что то бессмысленное упражнение чему-то тебя научило: но, очевидно, нет.

Гермиона уязвленно вскинула глаза:

— Что это ты имеешь в виду?

— Да просто временами не могу сказать наверняка, то ли вы оба беспросветно глупы, то ли просто ты не желаешь замечать очевидных вещей.

— Что ж, теперь мы уже все решили, спасибо, — Гермиона бросила на Драко рассерженный взгляд.

— Не сомневаюсь.

— И это мне говорит парень, собственная любовная жизнь которого весьма впечатляет, — резко заметила Гермиона. — Что, думаешь, Блез не замечает, что тебя разве что не тошнит каждый раз, когда она тебя касается?

— Нет, но вот тебя-то определенно от этого тошнит, — парировал Драко.

— Это трудно не заметить!

— Точно, — от раздражения его щеки покраснелись, а глаза вспыхнули. — Особенно, если ты смотришь!

— Я не... — начала Гермиона, но в этот момент из-за занавеса появилась голова мадам Помфри.

Она бросила на Гермиону рассерженный взгляд:

— Не возбуждайте пациента, — строго велела она и, ворча, удалилась.

Драко что-то пробормотал.

— Что? — резко переспросила Гермиона.

Драко метнул в нее рассерженный взгляд.

— Я сказал, что я не за тем просил тебя остаться.

— Я не напрашивалась. И более того — я не уверена, что еще захочу выслушивать что-то о твоих проблемах! — бросила она и поднялась.

— Подожди, — поймал ее за руку Драко. Огонь в его глазах погас, теперь он казался испуганным, словно осознав, что сказал куда больше, чем хотел. — Гарри сказал, что мне нужно попросить у тебя помощи, — быстро произнес он. — Он прав, я должен был это сделать раньше. Я бы не попросил тебя об этом сейчас, если бы это не было так важно.

Со слегка встревоженным видом она опустилась обратно на стул, и Драко выпустил ее руку.

— В чем дело? Что-то, связанное с Гарри?

— В этот раз нет. Со мной, — Драко обнаружил на рукаве своей пижамы какую-то постороннюю нитку и начал ее тереть. Она знала, что он ненавидит просить кого-либо о помощи, ненавидит куда больше, чем Гарри. — У меня... сновидения.

— Нет, — она пошатнулась и едва не упала на него, в последний момент удержавшись за подушку. — Не те, которые были раньше?

— Нет, — он так и не мог оторвать глаз от манжеты пижамной куртки. — Там нет никаких прошлых жизней, все в них происходит именно в тот момент, когда я вижу их. Теперь я в этом уверен, — он поднял глаза. — Словно я открываю окошко в место, где никогда не был. Однако оно существует на самом деле, Гермиона...

Она вздрогнула, когда он произнес ее имя. В голосе его звучало напряжение, которого она давно уже не слышала.

— И ты узнал это место?

Он отрицательно помотал головой.

— Нет, но я могу его детально описать. Там кругом Темная Магия, я уверен. Может, ты могла бы найти упоминание о нем в Le Grand Grimoire или в Словаре Неприятных Мест... Или...

— Я знаю Запретную секцию так же, как и ты, — улыбнулась ему Гермиона. — Ну, может, и не так хорошо, но вполне достаточно. Если ты мне подробно опишешь все, что ты видел, мы сможем с этого начать. Кроме того, — она начала перечислять, загибая пальцы и видя краем глаза, что у него на лице появилось удивленное выражение, — я хочу знать, просто ли ты засыпаешь и оказываешься в том месте или же ты должен приказывать своему разуму перенести тебя туда. Есть ли в твоих снах люди и могут ли они тебя видеть. Я хочу знать, что это — просто прогулки во сне или же реальные видения.

Он кивнул:

— Хорошо. Тебе нужны перо и пергамент?

— Сейчас возьму.

Он проводил ее взглядом, когда она поднялась и откинула в сторону занавеску.

— И еще одно, — добавил он. — Не забыть бы сказать тебе — это девушка.

Гермиона замерла, держась за спинку кровати.

— Девушка? — переспросила она ровным голосом. — Кто же она?

Слабый свет посеребрил глаза Драко, когда он снова опустил взгляд к простыням.

— Мне хочется, чтоб именно это ты и выяснила. Ее зовут Рисенн. Рисенн Малфой. Однако я не думаю, что бы она была человеком...

* * *

— Он же солгал нам, директор, да? — спросил Чарли.

— Кто солгал, Чарли? — вскинул глаза на молодого человека сидящий за столом Дамблдор. Его глаза за очками-полумесяцами были мрачными и внимательными.

— Драко, — пояснил Чарли, поднимаясь со своего места. Его снададо безотчетное беспокойство. Подойдя к северной стене, он устоялся в окно, выходящее на земли Хогвартса. Да, иногда на этом месте было окно: кабинет Дамблдора, как и движущиеся лестницы, имел тенденцию меняться изо дня в день.

— Происшествие на дуэли не могло привести к таким ранениям, — Чарли положил руку на оконное стекло. Тяжелое свинцовое небо, жемчужно-серый зимний пейзаж... Вдалеке отчетливо виднелось квиддичное поле, устремленные в небо кольца напоминали голые ветви деревьев. У входа на него толпились какие-то фигурки... но до них было слишком далеко, чтобы можно было что-то увидеть.

— Совершенно уверен, — кивнул Дамблдор. — По правде говоря, они оба врут.

— Что, Гарри тоже? Я так и думал...

— Ну конечно, — глаза Дамблдора потемнели, когда он взглянул на Чарли. — И вот о чем я хочу тебя спросить, Чарли. Ведь ты же был первым учителем, который добежал до Драко, верно?

Чарли кивнул.

— И сколько пар следов было вокруг него?

— М-м... — Чарли задумался, погружившись в воспоминания. — Мне так показалось, профессор, что он вовсе не ходил там, где лежал. Около него было всего две пары следов: Гарри и той девочки из Хаффлпафа. Я бы сказал, что он упал откуда-то, а не пришел туда.

— Уверен, что так оно и было. Вот, возьми-ка, — и Дамблдор протянул Чарли потрепанный омниокль, которым, судя по всему, часто пользовались. Вообще его стол был просто завален разнообразными магическими объектами — серебряная Гасилка, Макроскоп и, судя по всему, прототип нового Интегратора Грез, находящийся в опасной близости к открытой банке с медом.

Взяв омнинокль, Чарли повернулся к окну и навел его на то место, где утром он обнаружил Драко.

— Это было прямо под Северной Башней. Она является запрещенной, так?

— Ты говоришь, словно это слово что-то значит для большинства здешних студентов. Особенно для Гарри и Драко.

— Но с чего их туда понесло?

— И, правда, почему? — пожал плечами Дамблдор. — Вот если бы это была Астрономическая Башня, я бы позволил себе выдвинуть предположение.

Чарли подавил смех. Как приятно знать, что ничего не изменилось с его школьных лет, и Астрономическая Башня все так же популярна у тех, целью которых является отнюдь не астрономия.

— Может, я схожу к Северной Башне и все как следует осмотрю, профессор?

— Несомненно, это бы очень помогло, Чарли.

— И тем не менее... — Чарли направил омнинокль на фигурки у квиддичного поля, и немедленно узнал две ярко-рыжие головы: Рон и Джинни. Симус Финниган, Элизабет Томас тоже, конечно, тут. И братья Криви. У гриффиндорской команды тренировка. Все смотрели на дальний конец поля, где стоял Гарри. Он указывал рукой на кольца — должно быть, пояснял какие-то игровые моменты. Все ему внимали, за исключением Рона, который развлекался тем, что старался завязать в узел длинные косы Джинни. — Что же нам делать с Драко? Защитные заклинания? А может, просто отправить его домой? Или?

— Нет, — перебил его Дамблдор. — Мы ничего не будем делать.

Чарли в изумлении опустил омнинокль:

— Ничего? Разве это не опасно?

— Помочь я не могу, однако чувствую, — медленно начал Дамблдор, — что все дополнительные усилия, направленные на то, чтобы защитить Гарри или Драко, бесполезны и могут дать совершенно обратный эффект. Ни один мальчик не согласится с охотой, чтобы его защищали. Ты сам видел, как отреагировал Гарри, когда у него возникло предположение, что ему что-то не сказали, хотя все было совсем не так. Если мы начнем им что-то запрещать, они просто взбунтуются, и мы потеряем их окончательно и бесповоротно.

Помолчав, Чарли снова поднес омнинокль к глазам и снова взглянул в окно, на этот раз увидев, как Гарри взлетает на метле, скользя в воздухе над головами игроков. Чарли не был уверен, что это продолжение объяснения игровой стратегии, — возможно, юноше просто надоело находиться на земле. Чарли всегда нравилось наблюдать за полетами Гарри — тот напоминал его самого в этом же возрасте. Его так же захватывала радость полета и, взлетая, он точно так же оставлял на земле все свои беды и неприятности. Он мчался, как стрела, прямо и четко, черные волосы хлестали ему по лицу. Он никогда не был столь же красив, как Драко, однако полет просто преображал его.

— Но если они попросят нас о помощи, мы поможем им? — спросил Чарли, пытаясь уловить смысл только что произнесенной Дамблдором фразы. Он её понял но, по некоторым причинам, не хотел принимать. — Я имею в виду...

— Ну, конечно, если Драко попросит у меня Защитных Заклинаний, я дам ему их.

— Но они не захотят просить помощи. Гарри уж точно.

— Совершенно верно, — кивнул Дамблдор. — Подумай о первых одиннадцати годах его жизни. Он вырос, зная, что, заплачав он ночью от страшного сна, никто не придет успокоить его. Никто не поможет и не пожалеет его, если ему больно, не бросится на его поиски, если он потеряется, не заплачет над ним в случае его смерти... Выросший при таком воспитании вряд ли бросится за помощью, попадая в беду.

— Директор, при всем моем уважении...

— Да?

— Вы выбрали для него место, где он провел свое

детство.

— Да, — кивнул Дамблдор, — совершенно верно.

* * *

Драко выпустили из больницы только через два дня. Мадам Помфри провожала его, стиснув руки, словно была уверена, что в следующий раз его доставят в лазарет по частям. Она даже спросила, не нужно ли его проводить, но он ответил, что предпочитает вернуться в одиночестве. Идя через коридоры к Слизеринским подземельям, он видел развешенные повсюду украшения к Святочному Балу и с острой болью сообразил, что вылазка в паб тоже была намечена именно на этот вечер. И, конечно, он не мог туда пойти.

Он зря волновался, что по возвращении слизеринцы будут относиться к нему прохладнее. Рассказанная Блез под большим секретом история (которую, естественно тут же узнала вся школа) гласила, что Драко был ранен, готовясь к дуэли с Гарри, и именно поэтому-то Гарри и сбежал из Большого зала: он почувствовал себя виноватым и испугался Нарциссы. Все более и более видоизменяясь, слух пронёсся по школе, и хотя Драко возмущался домыслу, что в результате неумелого применения заклинания он едва не лишился руки, это все же стоило чуточки душевного покоя.

Вечер перед обещанными развлечениями в пабе Драко провел в одиночестве в своей комнате, задумчиво разглядывая свое голое по пояс отражение в висащем над комодом зеркале. Бледнокожий (неудивительно, зима ведь!), с похожим на серебристую звездочку шрамом в том месте, куда вонзилась стрела. Такой юный, а сколько отметин на теле! Вот и под правым глазом светлая полоска — это от отскочившего осколка бутылочки чернил, которой Гарри случайно его порезал.

Светлый зигзагообразный шрам на ладони, а если придвинуться поближе к зеркалу, то становился виден и тонкий белый шрам на нижней губе — он прокусил ее во время пытки.

Он любил свои шрамы. Они были слабым узором на карте его жизни, отмечающим наиболее значимые события. Однако больше всего он был привязан к шраму на своей руке, приобретенному по доброй воле.

Драко потянулся к своим вещам и, не торопясь оделся, хотя в подземелье было холодно. Даже если он решил провести вечер в одиночестве, это не причина, чтобы отказываться от возможности хорошо выглядеть. Он выбрал черные брюки, сшитые из дорогого тяжелого материала, темно-зеленый свитер и черную мантию, украшенную витым серебристым узором и окаймленную созвездиями, выполненными из стекла. Крупная серебряная застежка на горловине его мантии тоже была в форме созвездия: Драко — Дракон. И в миг, когда он застегнул ее, плечо прострелила вспышка огненной боли.

Когда он вышел из комнаты, в коридорах было уже полно людей, девушки спешили из ванн в комнаты с наполовину законченными прическами, юноши в выходных мантиях бросали на себя в зеркало последний взгляд. Драко миновал их и вошел в гостиную, за каминной решеткой которой полыхало пламя. Перед камином в новой синей мантии поверх темного костюма стоял Малькольм Бэдкок, а рядом — Блез. Она заняла такую позицию, что отблески пламени превращали ее волосы в пожар, а сквозь длинную серую мантию угадывались очертания ее тела. Увидев его, она улыбнулась и протянула к нему руки:

— Драко!...

Он шагнул к ней, и какая-то часть внутри него обрадовалась тому, что она не сердится. Хотя, с другой стороны, все знали, что Дамблдор запретил ему покидать пределы Хогвартса до Рождества, и ей вряд ли могло прийти в голову, что он может не подчиниться этому запрету. Иначе бы он ни за что не сказал ей, что

уже решил не ходить в паб, что было приятной неожиданностью (если только можно приятной неожиданностью считать едва не приведшее к смерти кровотечение). Он ненавидел ругаться с Блез — скорее всего потому, что она обладала чрезвычайно острым умом и частенько говорила ему то, что он отнюдь не хотел бы слышать.

— О, ты великолепен, — заметила она.

— Как и ты, — в тон ей восхитился он. Блез действительно, как всегда, выглядела просто потрясающе — от своей обтягивающей мантии цвета меди до шестидюймовых шпилек от Мундунгуса Бланикса. Волосы ее, собранные в низкий узел на затылке, искрились и переливались волшебными огоньками. Он коснулся губами ее подставленной щеки. Малькольм, улыбаясь, взглянул на них, прищурив свои так сочетающиеся с этой черно-синей мантией глаза, однако раньше, чем он успел поприветствовать Драко, к ним присоединились выглядящая кирпичной стеной в своей красной мантии Тэсс Хэммонд и одетая, как обычно, Пенси Паркинсон: джинсы, шерстяная шапочка и мантия.

— Пенси, — нараспев протянула Блез, — ты же пойдешь не в таком виде, правда?

— Я вообще не пойду, — холодно ответила Пенси. — Я останусь здесь и буду выдавать пропуска, как и обещала.

— Не понимаю, зачем, — пожалла плечами Блез, вздергивая носик и беря Драко за руку. — Это же ужасно скучно.

Она порывисто зашагала к выходу из подземелий, таща его за собой на буксире. Драко позволил ей провести себя вверх и дальше — по коридору, к Большому Залу Хогвартса.

— Не могу себе представить, чтобы кто-то пошел с Пенси, — шепнула Блез на ухо Драко, когда они вышли в холл замка с распахнутыми дверями. — Чтобы собраться, ей надо не один час, а косметики в одном из дурацких папочкиных магазинов — о, ты бы видел эти горы лосьонов и зелий! — явно ей недостаточно. Когда она наконец-то выходит, то выглядит, как кошачья блевотина на ковре. Эй, ты меня слышишь!

— Как увлекательно, — фальшиво согласился Драко, но, по счастью, в этот момент Блез замолчала и начала разглядывать все вокруг. В этот раз Хогвартс превзошел сам себя: огромные искрящиеся сосульки, обвитые сияющей мишурой, плавали в воздухе. Четыре громадных елки — в каждом углу — сверкали огоньками и разноцветными сладостями. Тяжелые столы, обычно стоявшие в зале, были превращены в дружелюбных северных оленей, хотя, к сожалению, ума у них было явно не больше, чем у тех же столов — они занимались тем, что били и бодали стены.

Драко пришлось выпустить руку Блез и отскочить в сторону, чтобы избежать удара рогами.

Блез обиженно фыркнула и сверкнула глазами:

— Такие глупости не должны допускаться. Убирайся! — махнула она рукой на существо, и олень с подозрительным звуком исчез. Драко усмехнулся: Блез когдо угодно могла напугать, даже мебель.

Блез улыбнулась ему в ответ, но почти сразу ее лицо приобрело озабоченное выражение.

— С тобой все будет хорошо, да, милый? — спросила она. — Я бы осталась тут с тобой, но...

— Нет, что ты, ты не должна пропускать вылазку в паб, — решительно заявил Драко. — Развлекайся.

Он взглянул на стоящего с Тэсс Малькольма Бэдтока, (Пенси исчезла, наверное, раздавала пергаменты) — у того был весьма надменный вид, когда он разглядывал холл.

— Позаботься о ней, Малькольм, — попросил Драко, слегка прикоснувшись губами к нежной бархатистой щечке Блез, пахнувшей жасмином, и проводил ее к дверям. Он посмотрел, как она спускается вниз с Малькольмом и Тэсс, чувствуя одновременно сожаление и облегчение. Вероятно, он мог бы попросить ее остаться и провести вечер в подземелье, с ним, зани-

маясь теми вещами, про которые она говорила «я никогда не скажу об этом папочке, потому что он думает, что я хорошая девочка». Это всегда отлично помогало избавиться от беспокойных мыслей. Однако на самом деле он вовсе этого не хотел. Это требовало слишком много скрытой энергии, а он сейчас был чересчур измотан.

«... Малфой, ты как — держишься?»

В его голове зазвучал голос Гарри, ясный и звонкий, — судя по всему, тот был где-то рядом. Драко медленно развернулся, внимательно осматривая комнату и сначала увидел Рона — благодаря его высоченному росту и рыжей голове, маячившей над толпой хохочущих и болтающих гриффиндорцев. Теперь, когда у Уизли было чуток побольше денег, Рон всегда выглядел безукоризненно. Драко подозревал, что это следствие тех лет, когда он носил исключительно обтрепанные обноски. Синяя мантия поверх черного костюма и серебряный значок старосты на груди. Рон разговаривал с угрюмым Невиллом Лонгботтомом — печальная физиономия, оранжевая мантия, а рядом, спиной к Драко, стоял Гарри, обнимая Гермиону.

«... Нормально, Поттер. А ты?»

«... Отлично, — Гарри развернулся сам и развернул Гермиону. — Для того, кто не собирается на вечеринку, ты выглядишь весьма представительно, — заметил Гарри и улыбнулся».

«... Да и ты тоже не ужасаешь, — ответил Драко. Это было правдой. Гарри мог выглядеть совершенно по-разному: по-мальчишески невыразительно или, напротив, сногшибательно. Сейчас он выглядел просто потрясающе: черный с темно-синим плащ, голубая рубашка, черные брюки... и — определенно, он что-то сделал, чтобы усмирить свои волосы. — Как тебе удалось?»

«... Гермиона немного помогла», — ответил Гарри, и Драко увидел, как он непроизвольно сжал ее руку. Она вскинула глаза и улыбнулась, Драко тут же отвел взгляд, однако ее образ все равно стоял у него перед глазами. Он не видел, во что именно она была одета — она завернулась в теплый светлый плащ, но он увидел ее волосы — ее темно-каштановые волосы, удерживаемые заколками в виде белых цветов, стекали ей на плечи... Ей было четырнадцать, когда он впервые увидел ее такой — он все помнил. Он никогда до этого не воспринимал ее как девушку — тем более как симпатичную девушку. Как красавицу...

«... Малфой, с тобой все в порядке?»

«... Как же я хочу, чтобы меня перестали об этом спрашивать! — огрызнулся Драко куда резче, чем ему хотелось. — Это же всего-навсего дурацкая вечеринка в пабе, а не Кубок Мира по Квиддичу».

Гарри приподнял брови (Драко всегда испытывал превосходство над Гарри из-за того, что мог приподнять только одну бровь) и собрался что-то ответить, но в этот момент толпа гриффиндорцев, похоже, пришла к совместному решению и потекла — темные фигуры юношей и разноцветное конфетти девушек. Гермиона в своем белом плаще выделялась среди них бледным цветом среди россыпи ярких роз. Проходя мимо, она бросила на Драко быстрый пытливый взгляд и улыбнулась. Он не ответил ей улыбкой. Привалившись к косяку огромной двери, он смотрел, как все двигались вниз — парочками и группами, громко переговариваясь и хохоча. Рон, Гарри и Гермиона шли в арьергарде, все вместе — как всегда. Неожиданно, уже спустившись, они замедлили шаг; Гарри и Рон повернулись к нетерпеливо взмахнувшей рукой Гермионе. Драко увидел, как Гарри кивнул, она чмокнула его в щеку, повернулась и взбежала вверх по ступенькам. Ее капюшон съехал назад, и волосы тут же подхватил ветер, плащ вздулся и отлетел назад, и Драко увидел, что на ней было надето — что-то белоснежное, как и плащ. Какое-то мгновение он оценивал эту картинку эстетически: темные волосы и бледная кожа на фоне еще более бледного платья и мантии, сияющие глаза и разбурявшиеся щеки. Словно она укутала свою яр-

кую красоту в снежную пелену. Через мгновение он осознал, что она бежит к нему — замерев от удивления, он смотрел, как она подбегает и хватается за руку — он почувствовал прикосновение мягкой шерсти ее перчаток к своей руке.

— Пожалуйста, приходи в Хогсмид. Мы хотим, чтобы ты был с нами. Гарри сказал, что он может дать тебе свою мантию — так что никто не узнает, — помедлив, она добавила. — Это наше первое Рождество вместе...

— У нас уже было шесть.

— Нет, не было. Не вместе.

Драко опустил взгляд на их сцепленные руки — ее были в белых перчатках, его — в черных, их переплетающиеся пальцы напоминали клавиатуру пианино. Он бросил взгляд ей за спину — нам на ступенях ее ждали Гарри и Рон. Гарри задрал голову, ветер трепал его волосы и бросал ему их в глаза, Рон позади него казался чернильным пятном на снегу — даже его огненные волосы потемнели в сумраке. Он смотрел в сторону Хогсмиды.

— Да все в порядке, — произнес Драко. — Я остаюсь.

Она взволнованно взглянула на него. В ее ушах поблескивали звездочки бриллиантов — подарок Гарри на день рождения в сентябре.

— Ты уверен? Плащ лежит в ногах кровати Гарри, пароль...

— Уверен.

Она прикусила губу.

— Счастливого Рождества, Гермиона, — произнес Драко и выпустил ее руку. Она шагнула от него, с полуулыбкой, полной сожаления, повернулась и начала спускаться к Гарри. Он поймал ее за руку, прощально взмахнул Драко, и в лунном свете троица затопилась по утоптанной блестящей тропинке между деревьями и растворилась в темноте.

* * *

*Увы, любовь, ты жестока со мной,
Бросая безжалостно так меня,
Любовь свою дал тебе одной,
С тобою одною был счастлив я.*

— Итак, я добился, чтобы они запели, — сообщил Гарри, глядя на галдящий набор зеленых стопочек на столе в Доме Заколдованных Удивлялок Келли и Пинг. — И что мне теперь нужно сделать, чтобы они заткнулись?

Глядя на его растерянное лицо, Гермиона захихикала:

— Ой, они запели «Зеленые рукава», — воскликнула она, подходя и становясь позади него. — Гарри, это замечательный подарок для Нарциссы и Сириуса.

— Немного сиюминутно, не находишь? — спросил Гарри, клядя свою руку поверх её. Она чувствовала тепло и удовольствие: магазин пропах корицей и яблоками, снаружи был совершенно волшебный Хогсмид, каждое окошко которого светилось золотыми и серебряными свечами. Студенты в разноцветных мантиях сновали по обледеневшим улицам, ныряя и выныривая из магазинчиков и таверн. Рон устроился поблизости, придирчиво изучая волшебное зеркальце, которое он решил подарить Джинни на ее день рождения, в феврале. Все было великолепно — ну, или почти все.

— «Зеленые рукава» — вовсе даже не Рождественская песня, — возразила Гермиона. — Это песенка о любви.

И, словно по команде, заколдованные стаканчики запели второй куплет:

*Теперь презрительно гонишь прочь,
Не зная, что этим ты манишь меня,
Не сможешь любви моей превозмочь,
Не в силах забыть я тебя.*

Гермиона тронула своей палочкой ближайший стаканчик, и музыка прекратилась.

— Ну вот, только мне начало это нравится, — слабо запротестовал Гарри.

— Это отличный подарок, Гарри, — решительно заявила она. — Берем.

— Ага, — поднял взгляд Рон. — Меня от этой беготни по магазинам уже тошнит. — Я хочу отправиться в Винодельню и посмотреть, что же там приготовили Фред и Джордж.

У Гарри вспыхнули глаза:

— О, и я тоже, — он задумчиво покосился на стаканчики и решил, — так, я возьму их. Жаль только, что они не играют «Я мог бы быть малюткой-трубочистом...»

Условившись, что совиная почта доставит подарок в Имение в строго определенное время, троица отправилась к Фреду и Джорджу. Близнецы превзошли сами себя при украшении своего заводика: заклинивание Illusion превратил огромную залу в джунгли с высказунчиками, ревунами, гномами и раскисающимися раздражателями. Вино било из фонтанов, шоколад стоял целыми озерами, кисти зеленого винограда при ближайшем рассмотрении оказывались лакицей. Листочки у деревьев были мятыми (и превращали неосторожного дегустатора в сверчка минут на пять. Комната буквально звенела от раздраженного чириканья). По воздуху плавали наполненные сладостями серебряные блюда. Гермиона предусмотрительно пропустила Поцелуйные Ягодки, решив перенести поцелуи на окончание вечера.

Терри Бут и Падма Патил по очереди прыгали на тарзанке во взятую напрокат Бездонную Пропасть. Рон тоже захотел попробовать, но Гарри покачал головой, признавшись, что одного раза с него вполне достаточно.

Главной достопримечательностью ко всеобщему удивлению стал Оливер Вуд, вратарь команды Дружная Лулу, который на время каникул взял отпуск. Оливер был одним из самых молодых и известных в стране игроков, что, собственно, совсем не удивляло тех, кто хоть однажды видел его игру. Дело было даже не в таланте — это само собой, а в его жуткой целеустремленности.

Рон присвистнул при виде собравшейся вокруг Оливера и близнецов огромной толпы хихикающих девчонок и взволнованных парней. Те устроились в плавающем павильоне с огненными занавесями. Разумеется, рядом с ними были раскрасневшиеся от смеха Яна с Анджелиной, и нельзя сказать, что присутствие Оливера их совершенно не трогало. А Фред и Джордж, поедавшие большие леденцы, то и дело менявшие цвет, растерянно наблюдали за своими девушками.

— Кто бы мог подумать, что Вуд будет действовать на девчонок так же, как на кошек — валерианка? — усмехнулся Рон, беря с плавающего подноса чашку горячего маслянистого шоколада. — Фред и Джордж сказали, что единственная девушка, перед которой он не сумеет устоять, будет с огромными ушами и длинными худыми ногами — чтобы убедить его, что она — Мировой Кубок по квиддичу.

Гарри покосился на Гермиону:

— А ты бы ушла от меня к нему?

— Никогда, — ответила Гермиона. — Однако я могла бы уйти от тебя вон к тому столу с шоколадом.

Встав на цыпочки, она пристально оглядела ломящиеся от яств и сладостей столы вдоль стен. Там были и снежки из белого шоколада, и Поцелуйные Ягодки, и витые сахарные прозрачные сосульки, и Мятные Пингвины подушечки. Она почувствовала, как в животе у нее тихонько заурчало.

— Думаю, тебе стоит сходить и поздороваться с Вудом — он всегда так тебя обожал...

— Но вся эта толпища вокруг него, — смущенно

пробормотал Гарри.

Гермиона фыркнула и легонько подтолкнула его в спину:

— С тобой он поговорит. Ну, иди же!...

А сама направилась к столу — и как раз вовремя, чтобы ухватить с золотого блюда последний нетающий леденец, успев вперед Лавендер Браун, уже съевшей три штуки. Рон последовал ее примеру и занялся засахаренной сардинкой. Увидев это, Гермиона сморщилась:

— И как ты только можешь это есть?

— Практика, — сообщил Рон, отправляя в рот половину сардины.

— Бе-е, — передернулась Гермиона.

— М-м-м... Вкуснятина, — ухмыльнулся Рон, не выпуская сардину изо рта. — Не хочешь отведать штучку?

— Фу, никогда.

— Давай же, — он протянул ей сардинку, Гермиона расхохоталась и оттолкнула его руку. — Ты же не съел тот чертов леденец, который я предложила тебе, когда мы были на третьем курсе.

— Но я хотя бы лизнул, — содрогнулся от воспоминания Рон. — Совершенно уверен, что то, чем кормят в аду, имеет такой же вкус.

— Слушай, не буду я лизать твою сардинку.

— Точно, — вклинилась, очевидно прислушивавшаяся к разговору, Лавендер. — Гарри бы это не понравилось, правда?

Рон поперхнулся своей конфетой.

— Лавендер! — воскликнула Гермиона, но Лавендер со злобной усмешкой уже ускользнула прочь. Гермиона вздохнула и перевела взгляд на Рона. — Не думаю, что он когда-нибудь тебе простит тот комментарий Урана, — заметила она.

Рон смотрел куда-то ей за спину, на павильон, плавающий в мятном озере:

— Гарри выглядит по-другому. Лучше.

Гермиона последовала его примеру и обернувшись, увидела, что Оливер заключает Гарри в товарищеские объятия. С каким-то болезненным уколом она заметила, что теперь Гарри был уже выше Оливера.

— Да, в последние дни он получше, — согласилась она. — Надеюсь, что это будет продолжаться.

— Не знаешь, почему? — заинтересованно взглянул на нее Рон. — Ты что-то ему сказала?

— Ну, разве что совсем немного, однако я не думаю, что причина во мне. Я думаю, тут не обошлось без Драко — перед тем, как его чуть не убили. Мне кажется, Гарри все пытался и пытался отвлечься оттого, что его здорово беспокоило, — видимо, это наконец-то получилось. Ну, ты же знаешь, каков он — ему нравится делать что-то такое, что позволяет ему чувствовать себя нужным. Иначе...

— ... у него сразу крышу сносит, — закончил Рон.

— Точно.

— Ну, я рад, что его крыша вернулась обратно. Я просто надеюсь, что все так и останется.

— Что-то не похоже, чтобы ты был очень счастлив.

— Ну, я, — медленно начал Рон, и Гермиона заметила, что он тщательно подбирает слова, — конечно, счастлив, однако с учетом того, что он полгода отказывался ответить мне на вопрос, что же все-таки не так, отмалчивался, когда я его об этом спрашивал, нагонял на меня тоску, когда я слышал о том, что проблема решится сама собой. Возможно, сейчас он ее спихнул, однако рано или поздно она все равно вернется.

Гермиона прикусила губу и снова взглянула на павильон — Гарри уже пробирался обратно сквозь толпу, она сразу заметила его по черным волосам и синему плащу. Она вообще была уверена, что они с Гарри смогут найти друг друга в любом столпотворении, и даже во время костюмированного бала они без труда друг друга узнают: по прикосновению, звуку или же инстинктивно. Она развернулась к Рону.

— Это же несправедливо, — тихим голосом, полным ярости, произнесла она.

В его синих глазах мелькнуло сочувствие.

— Знаю, — кивнул он. — Но ты не позволишь, чтобы твоя жизнь пошла по этой дорожке, Гермиона. Гарри бы этого не захотел.

Не захотел бы? — подумала она в тот миг, когда он подошел, встал позади нее и сжал ее руку. — Думаешь, не захотел бы?...

* * *

Драко стоял у парадных дверей замка, наблюдая исход семикурсников. Наконец все опустело, и стало слышно завывание ветра. Он повернулся и вошел внутрь.

Мрачное безлюдье не сглаживало даже праздничные украшения. Единственная, кто еще осталась, была Пенси Паркинсон, сжимающая большую зеленую коробку, перевязанную красной ленточкой. Сверкнув глазами в сторону Драко, она побежала по лестнице, ведущей вниз к Слизеринским подземельям, хрустя ногами по засыпанной пол мишуре и конфетти.

Драко взглянул ей вслед, пожал плечами и пошел к двойным дверям — они распахнулись перед ним, и он наконец-то очутился в Главном Зале.

Святочный Бал начался раньше выхода в паб, заключил Драко, увидев, что с угощением уже было покончено, и начались танцы. Зал из года в год украшали одинаково: блестящие огоньки, пылающие свечи, ряды грушевых деревьев, на ветках которых кудхтали, распустив бледные крылья, куропатки. Разноцветные птарды плавали в воздухе футы в шести над землей (Уизли точно бы получил одной из них по голове, — подумал Драко), студенты время от времени их взрывали, засыпая все вокруг цветочными лепестками, сладостями или ливнем игрушек.

Драко бросил взгляд на танцплощадку, выискивая против своей воли огненно-рыжую шевелюру: это был Чарли, танцующий с весьма хищно смотрящей на его лицо профессором Синистрой. Люпин сидел за преподавательским столом и беседовал — судя по лицу, о чем-то неприятном — со Снейпом, Дамблдор погрузился в беседу с мадам Помфри. Драко скользнул взглядом по толпе. Это были студенты младших курсов, которых он в большинстве не знал — и вот танцоры расступились, как вода — и показались они.

Он первым увидел Джинни. Ее зеленое атласное платье делало ее похожей на тонкий стебелек, увенчанный цветком с огненными лепестками. Обнаженные изящные плечи, светлая кожа золотилась в пламени свечей. Симус, светловолосый и вполне симпатичный в своей темно-синей мантии, кружил ее в танце, она смеялась и качала головой. Она выглядела счастливой. Как просто. Совершенно неожиданно для себя самого Драко почувствовал грусть.

Они кружились в танце. Драко вспомнил, как танцевал с Джинни сам. Она танцевала, как и подобало ей с ее сияющей шевелюрой, кружащейся вокруг нее — как огонь, яркий и яростный. Симус споткнулся, ведя ее.

Драко испытал какую-то мелочную радость. Нет, он вовсе не удивлялся тому, что Симус не может попасть с ней в такт — невозможно танцевать с огнем. Она снова выскользнула — он, засмеявшись, просто за руку потянул ее к себе и обнял, его пальцы сомкнулись на ее спине, она безропотно скользнула в его объятия. Ее руки вскинулись и сомкнулись за его шеей.

Драко отвернулся, почувствовав себя уайеристом. Все это было ужасно неуместно. Он развернулся и молча пошел на выход, вспомнив, как Гермиона держала его за руку, уговаривая пойти с ними в Хогсмид. Однако этого ему тоже не хотелось — быть рядом с Гарри, Роном и Гермионой сейчас: у них свой круг, своя компания. Там не было место чужакам, не стоило даже пытаться проникнуть в нее. Толкнув дверь, он вышел, не подозревая, что Джинни, развернувшись в объятиях Симуса, смотрит ему вслед.

Драко вышел из замка, спустился по лестнице и

направился к розарию.

Кругом было тихо и удивительно красиво: припорошенная снегом, словно сахаром, земля искрилась и переливалась под звездным небом. Драко шел по узкой тропке между увитых сверкающими гирляндами кустов: было еще достаточно рано, а потому — пустынно, влюбленные парочки еще не оккупировали окрестные заросли.

Он был один, совсем один.

Вокруг пахло розами и лесом, в сумрачном небе искрилась звездная пыль. Он почувствовал себя таким... одиноким. Это было странное, необычное для него чувство: он всегда был самостоятельным и замкнутым ребенком — и вырос в столь же закрытого молодого человека, и другие люди, как правило, казались ему странными, неестественными марионетками, которыми кто-то управляет из темноты.

Ведь вплоть до совсем недавних времен ему больше никто не был нужен, он ничего и никого не хотел. Открытие, что другие люди столь же реальные и живые, как и он сам, стало для него настоящим шоком, но еще более странным стало осознание, что они, пожалуй, еще более настоящие, чем он сам. Гарри, Джинни, Гермиона — они излучали какое-то общее сияние, их объединял общий дух, которого он никогда не понимал и частью которого не был.

И снова образ Джинни встал перед его внутренним взором. Вот она кружится и кружится по танцплощадке вместе с Симусом. Такая счастливая... Он бы никогда не сумел сделать ее настолько же счастливой... Возможно, он все-таки сделал правильный выбор.

Он шел и шел, пока его ботинок не наткнулся на что-то очень твердое, и Драко неожиданно осознал, что по рассеянности сбился с тропинки и зашел в сад камней. Развернувшись обратно, он понял, что окрестности уже не так пустынные. Обнаженные плечи, переливающийся зеленый атлас, лицо, обрамленное каскадом огненных волос. Кто-то смотрел на него. Так же пристально, как совсем недавно он смотрел на нее.

— Джинни, — пробормотал он.

* * *

Перевалило полночь, и «Три метлы» гудели от хохота и громких голосов. Гермиона, уставшая и сомлевшая от тепла, сидела перед огнем за длинным столом, держа в ладонях pintу теплого сливочного пива. Парвати Патил и ее сестра Падма устроились напротив, Лавендер испарилась, чтобы уединиться с Марком Ноттом, ее симпатичным дружком-слизеринцем.

Зевнув, Гермиона перевела взгляд на Рона и Гарри, стоящих в дальнем углу зала и хохочущих над Невиллом, только что налетевшем на стену во время игры в Искрожмурки с Джастином и Дином. Она увидела, как Гарри протянул руку и развернул Невилла в нужном направлении, и улыбнулась себе под нос. Невилл пошел вперед, Рон, Джастин и Дин с хохотом отпрянули назад, Гарри с задумчивым видом остался на месте. Она заметила, что комната как-то изменилась вокруг Гарри — так, что он очутился в центре внимания. Впрочем, возможно, ей это казалось — потому, что для нее-то он всегда был в центре внимания.

Мгновение спустя она вдруг поняла, что кто-то подошел и встал с ней рядом, и подняла глаза.

Блез Забини с легкой блуждающей на губах улыбкой с задумчивым видом обгрызала вишнево-мараскиновую бомбочку, подбираясь к взрывающейся сердцевинке. Глаза ее — тоже зеленые, но не такие, как у Гарри, а темные, густого цвета лесной зелени — были полуприкрыты густыми ресницами.

— Знаешь, — доверительно произнесла она, — хочу тебя поздравить: ты весьма преуспела на пути приведения Гарри в порядок. Мне всегда казалось, что у него кошмарно смешной вид, однако тебе действительно удалось с этим частично справиться.

— Спасибо, — ответила Гермиона. — Благодарю

тебя за это завуалированное оскорбление.

— О, нет-нет, не подумай ничего такого, — сладко пропела Блез, — он сейчас просто великолепен. Так бы и съела его, — и она откусила еще один кусочек от конфеты.

— Если собираешься коситься на моего парня, делай это где-нибудь в другом месте, — посоветовала Гермиона.

— О, я не то имела в виду, — отмахнулась Блез. — В конце-то концов, я просто заметила, что ты посмотрела на меня, — она развернулась и с гордым видом вступила в толпу. Гермиона проводила ее взглядом, полным неприязни, и почувствовала неприятный холодок внутри. Повернувшись к Парвати, она обнаружила, что та сидит в полном изумлении:

— Я и не знала, что вы знакомы.

— А мы и не знакомы, — отрезала Гермиона.

— А вот Гарри и Рон определенно... — со смешком заметила Парвати.

— Определенно — что? — Гермиона развернулась и увидела, что теперь Блез стоит рядом с Роном и Гарри, откидывает назад свои сияющие волосы и смеется, а оба юноши таращатся на нее в совершеннейшем остолбенении. — Что она им говорит? — воскликнула, приподнимаясь, Гермиона.

— Откуда ж мне знать! — фыркнула Парвати. — Я не разговариваю с девицами легкого поведения. Нет, ты только взгляни на это!

Гермиона поднялась и увидела, как Блез, судя по всему, положила руку Гарри на плечо, придвинулась к нему ближе и... Через мгновение Гермиона уже стояла между Блез и обоими юношами. Гарри удивленно захолопал на нее глазами:

— Гермиона, ты тоже решила поиграть в Искрожмурки?

— Нет, — Гермиона не обращала внимания на Блез, поглядывающую на нее с усмешечкой. — Я хочу прогуляться.

— Не одна?

— Нет, не одна, — взяла его за руку Гермиона. — С тобой. — Она посмотрела на Рона, с удивлением переводящего взгляд с нее на Блез и обратно. — Сумеешь продержаться без него в течение минуты?

— Естественно, коль это так важно, — несколько странно взглянул на нее Рон.

— Важно, — подтвердила Гермиона и дернула Гарри за собой с такой силой, что тот он неожиданности выронил стакан, который, как она заметила краем глаза, Рон ухитрился подхватить в воздухе. Блез что-то пробормотала им вслед про мальчишек, обстреливающих снежками влюбленные парочки, но Гермиона пропустила это мимо ушей. Распахнув двери «Трех метел», она потянула за собой Гарри и не остановилась, пока не спустилась с лестницы.

— Ну, — сказал Гарри, когда она наконец-то замерла. Гермиона взглянула на него: у Гарри был совершенно растерянный вид. — Это было отличное подражание вылетевшей из ада летучей мыши. В чем дело?

Она собралась было ответить, но почувствовала, что у нее перехватило дыхание. От холодного ветра у него чуть зарумянились щеки, слабый свет, идущий от «Трех метел», делал его глаза совершенно зелеными.

— Э... — промямлила она, — мне просто захотелось побыть с тобой наедине.

— Ну, — повторил Гарри, — и что?

Гермиона не успела ответить — ее перебили пробежавшие мимо них по ступенькам несколько девушек из Равенкло. Вздыхнув, Гермиона посмотрела по сторонам, чтобы найти местечко, где бы им никто не мог помешать. Год назад они с Роном, чтобы потолковать наедине, обычно шли в переулочек за «Тремя метлами», однако, бросив взгляд налево, она обнаружила небольшую железную калитку. Жестом призвав Гарри следовать за собой, она поспешила к ней и распахнула при помощи Алохоморы. Они вошли, и Гарри

прикрыл дверцу.

Теперь они оказались в узком тупичке, освещаемом лишь огнями «Трех метел»; булыжная мостовая под ногами блестела замерзшей ледяной корочкой. Рядом валялась пустая бутылка от сливочного пива, у стены громоздились коробки из-под водки «Кровь Дракона».

Гарри смущенно осмотрелся: голые каменные стены, темнота, узкая полоска звездного неба над головой...

— И о чем ты хотела поговорить? — повернулся он к ней. Ветер дунул ему в лицо, взлохматив его волосы, в резком и ярком лунном свете она могла увидеть собственное отражение в его глазах.

Она стояла, не зная, что ему ответить: она выбежала из таверны, только чтобы побыть с ним — теперь они стояли снаружи, на этом жгучем холодном воздухе, под засыпанным звездами небом. И ей нечего было ему сказать. А ночь была так прекрасна. Все вокруг было словно припудрено алмазной крошкой, даже узкие грязные задворки со сваленными у стены коробками. Свет звезд посеребрил макушку Гарри, полоска шеи над воротником рубашки приобрела платиновый оттенок, ресницы поблескивали. Она вдруг ощутила, что трепещет всем телом, когда смотрит на него, словно ее тело знало что-то неведомое ее разуму.

Он взглянул на неё — полу удивленно, полу зазорно, и увидел в ее глазах что-то, отчего лицо его приобрело совсем иное выражение; у него сбилось дыхание, она увидела, что на его шее запульсировала жилка, словно кровь все быстрее и быстрее бежала по его венам.

— Гермiona, — начал он, и в этот миг вопреки всем своим дурным предчувствиям и опасениям она с силой притянула его к себе и поцеловала.

* * *

Драко смотрел на нее безо всякого удивления, словно ожидал там ее увидеть:

— Привет, Джинни. Собираешься прокрасться в Хогсмид? Боюсь, мне придется об этом сообщить.

Она не смогла сдержать улыбку.

Он был так хорош в этом полумраке под звездами — даже прекрасней, чем обычно: серебристые волосы зеркально поблескивали, тени подчеркивали тонкие черты его лица. Нет, Симус, конечно, был хорош, но... впрочем, сейчас не время думать о Симусе, — решила она и неловким жестом ткнула в сторону Драко чашку, которую она держала в руке.

— Я вот принесла тебе горячего чая, мне подумалось, что ты можешь тут замерзнуть.

Драко подошел и вежливо принял у нее чашку:

— Спасибо, это очень мило с твоей стороны — помнить обо мне, особенно в тот миг, когда ты так занята, — ну, твой парень и все такое...

— Я...

— Или ты заскучала? — его светлые глаза внимательно скользнули по ее лицу, она увидела в них странное веселье. — Что — танцы с Картонным Капитаном не свели тебя с ума?

— Не надо. Симус отличный парень, и...

— Знаешь, однажды я стукнул его чайником, и он расплакался, как ребенок.

— Драко, он тогда и был ребенком. Ему было четыре года. Прекрати.

— А я и прекратил, все прошло. Слушай, если ты счастлива, я рад за тебя. Мы теперь можем... встречаться парами, — Драко опустил взгляд на чашку и залпом выпил горячий чай, словно надеясь, что это мог бы оказаться спирт. (Не оказалось). Скомкав пустую чашку, он отшвырнул ее в кусты ежевики, спугнув маленькую цветочную фею, осуждающе взглянувшую на Драко и исчезнувшую с чашкой в руке.

— Спасибо, что желаешь мне счастья, — произнесла Джинни. — Без шуток.

— Да не за что.

— Теперь, когда у меня есть Симус, мы можем снова быть друзьями и не думать насчет Блез, — предложила она, заправляя за ухо выбившуюся непослушную прядку. Она прекрасно понимала, что провоцирует его, но остановиться уже не могла, и на то были причины. — Разве это не чудесно?

— Прекрасно, — с непроницаемым выражением своих удлинненных глаз, кивнул он, — друзьями.

— Ведь проблема-то была некоторым образом в этом, да? Блез. Я ей не нравилась.

— Я вообще не уверен, что существует кто-то, кто ей нравится, — уклончиво ответил он.

— Ну, ты-то уж ей точно нравишься.

— Я бы не стал биться об заклад, — скорчил рожу Драко и присел на ближайшую каменную скамейку, опершись на нее руками. Вытянув ноги, он мрачно уставился на носы своих черных начищенных ботинок, отсвечивающих в лунном свете. — Думаю, что одна из причин, что она гуляет со мной, — ее родители. Это как бы часть работы, — он вздохнул. — Признаться, мне бы не особенно хотелось о ней говорить.

— Ты расстраиваешься, что пропустил вечеринку в пабе? — поинтересовалась Джинни.

— Да не особенно, — пожал плечами Драко. — Мне и в самом деле хотелось побыть одному, — он покосился на нее и продолжил. — Все в порядке. Капелька одиночества. Присаживайся...

Джинни прикусила губу. Она понимала, что ей надо возвращаться обратно, ведь она сказала Симусу, что замерзла и просто сбегает наверх за другой мантией; она не знала наверняка, насколько хватит этого объяснения.

— Хорошо, но только на минутку, — она села как можно дальше от него, что было весьма затруднительно при такой маленькой скамеечке. — Я рада, что тебе уже лучше, — добавила она, пытаясь продолжить разговор. Он заулыбался, и она тут же присовокупила, — Гарри так ужасно волновался, он вообще в последнее время весьма расстроенный...

— Ну... Ты не находишь, что сейчас он, кажется, стал получше?

— Я так думаю... Ведь ты, если захочешь, можешь заглянуть внутрь его головы, правда? Расскажи мне.

— Могу, — согласился Драко. — Но не заглядываю.

— И почему?

Драко пожал плечами:

— Уважаю его право на частную жизнь, — он откинул голову и задумчиво уставился в небо. На серебристые пряди пролился звездный свет. — Ну, или просто не желаю знать, о чем он там себе думает.

— Ты не веришь ему?

— Ну, конечно же, верю. Однако же ты не всегда можешь управлять своими мыслями. Своими сновидениями, грезами, желаниями... Коль скоро ты бы это умела, у тебя не было проблем с такой вещью, как самообладание.

Джинни вздрогнула, и Драко машинально пододвинулся к ней поближе, ей показалось, что он вряд ли осознает, насколько близко они сейчас сидят.

— У Гарри с самообладанием все в порядке, — то-неньким голоском заметила она.

— Ничего подобного, — словно удивившись, возразил Драко.

— Нет, в порядке! Ты только подумай, что он делал: представляешь, какое самообладание надо иметь, что вернуть в школу тело Седрика, хотя он знал, чему смотрит в лицо. А когда он был в Тайной комнате со мной...

— Чудесно, — слегка раздраженно перебил ее Драко, — избавь меня от своих интерпретаций Величайших Хитов Гарри Поттера.

Джинни смолкла и бросила на него недовольный взгляд.

— Я вовсе не умаляю его заслуги, — чуть отчужденным голосом продолжил Драко. — И вправду нет никого храбрее и целеустремленней — но это в некотором смысле путь Гриффиндора. Но не надо

толковать это как разновидность самоконтроля. Он не прячет свои чувства, и никогда не был способен это сделать. Тебе не понять — ведь ты никогда даже не пыталась управлять его эмоциями, подобраться к нему. А я — да. Я провел годы, пытаюсь его достать. Позволь мне заверить тебя, что по Гарри всегда видно, когда твой удар достиг цели. У него все лицо перекашивается, съезживается, словно его ударили везде и сразу. Это...

— ... разбивает его сердце, — перебила его Джинни.

Драко, прищурившись, взглянул на нее.

— Нет, я больше в него не влюблена, — ответила она на его немой вопрос. — Признаться, я не уверена, что вообще любила его, просто я провела кучу времени, наблюдая за ним. Я совершенно точно знаю, о чем ты говоришь.

Драко пинал ботинком гравий.

— Может, это и так, — кивнул он, — в общем, ты поняла, о чем я. Гарри не умеет прятать вещи вроде этого, он прозрачен, как стекло. Слушай, а когда ты сообразила, что он влюблен в Гермиону?

Джинни почувствовала, что краснеет.

— Когда училась на четвертом курсе, — тихо ответила она. — Ну, может на пятом, — меня в тот год здесь не было, но я видела его в Норе на Рождественских каникулах. Помню, Гермиона учила Гарри наряжать волшебную рождественскую елку, и он смотрел на нее, когда она опутывала ветки паутинкой с огоньками. Я увидела, с каким выражением лица он смотрит на нее. И все.

У нее свело горло, когда она вспомнила боль, которую ощутила тогда. И эта боль была не только ее — но и ее брата. Позже, когда они переговаривали об этом, он заявил, что всегда об этом знал, однако она могла бы поспорить, что это было не так. Её тогда еще потрясло, как спокойно он все это воспринял. Может, даже слишком спокойно.

— А ты? — задала она встречный вопрос Драко.

— В прошлом году, — непроизвольно передернулся Драко. — Это должно было случиться раньше, но меня сбивала с толку мысль, что она все еще встречается с Уизли... ох, прости, — с твоим братом.

В темноте сверкнула его улыбка.

— Во время Зелый Гарри смотрел на нее, когда думал, что она не видит, таращился на нее так, словно она была водой в пустыне. Все было очевидно. Я еще перехватил этот взгляд и подумал: «Ага, он от нее совершенно ошалевший, да при этом еще такой дурак, что не понимает этого. Как бы мне это использовать?...»

Джинни тряхнула головой:

— Ну, это же абсурд. И как бы ты это сделал?

— Что сделал?

— Ну, использовал это?

— А я и не использовал: раньше, чем мне это удалось, началась вся эта история с Многосущным зельем.

— Закон жанра, — заметила Джинни.

— Что?

— Ты меня слышал. Ты собрался использовать против Гарри то, что он влюблен в Гермиону. И потом... — ее голос оборвался, она сообразила, что ступает на зыбкую и опасную почву. Они договорились это не обсуждать. — Наверняка ты бы сделал что-нибудь ужасное.

— Согласен, — голос Драко был ясен и тверд, как стекло. — Кстати, тут есть еще кое-что.

— И что?

— Я не был единственным, кому пришла в голову эта мысль.

— Эта мысль?

— Использовать её против него. Ну же, Джинни! У каждого есть своя слабость. Он отовсюду защищен — кроме нее.

— Что ж, коль скоро ты воспринимаешь любовь к кому-то как слабость... — резко начала она.

— Ну, естественно, — ответил Драко, словно она

брызнула какую-то глупость.

— Мне кажется, ты начал говорить, как твой отец, — тихо заметила она.

— Думаю, что я вообще как-то много говорю, — перебил он, — не обращай внимания.

— Ты недооцениваешь Гарри. Он никогда бы не допустил, чтобы кому-то, о ком он беспокоится и заботится, нанесли вред. Если это называть слабостью, то у него их не меньше дюжины. Мой брат. Сириус. Хагрид. Ты, — Джинни положила руку ему на плечо, и его мягкие прядки скользнули по ее кисти. — Получается, что с твоей стороны он тоже не защищен.

— О, нет, — отчужденно бросил Драко. — Думаю, он бы пожертвовал мной вместе со всеми остальными.

— Драко...

— Он же герой, правда? Именно так они и поступают: приносят что-то в жертву ради всеобщего блага.

— Ты нужен ему, — возразила Джинни, и Драко поднял к ней глаза — ясного, серебристого цвета, незамутненного ни зеленым, ни голубым, ни серым оттенком.

— Гарри не нуждается ни в одном из нас по сравнению с тем, как он нужен нам; все дело именно в том, кто он и что он. Он — герой, а мы — его соратники, его спутники — мы вращаемся вокруг того, что делает он.

— Ты думаешь, мы не нужны ему? А как же Гермиона?

— Он влюблен в неё, — произнес Драко. — И даже более... Ты знаешь, что во время распределения он чуть было не попал в Слизерин? И это, и многое другое — он все время, каждый день ощущает себя обманщиком, это у него накрепко засело в подсознании. А потому он всегда пытается победить, оправдать себя, потому он никогда не идет на попятный, потому он должен быть не просто хорош, а чертовски великолепен. Он боится того, чего мог бы достичь, не удержав себя тогда. Но Гермиона... — однажды он сказал мне, что она видит его не таким, каков он есть, а таким, каким мечтает, чтобы он стал. И мир для неё куда лучше того, в каком мы живем, и Гарри в нем тоже куда лучше реального Гарри. Думаю, она осознает себя хранительницей всего того лучшего, что есть в нем. Она защищает его — не от мира, а от него самого... Я понимаю говорю?

Джинни неожиданно осознала, что сидит и не сводит с Драко глаз.

— Боюсь, что да, — кивнула она.

— Но это как обоюдоострый меч, — продолжил Драко и взглянул на нее, их взгляды встретились. — Поскольку чем больше он чувствует, что не является тем человеком, каким она его считает, тем больше боится, что никогда таким не станет, и однажды она поймет это и бросит его. И заберет у него не только себя — что само по себе почти убьет его — но и это свое видение «лучшего Гарри», каким он всегда хотел быть. А это сделает то, на что не способен даже Вольдеморт.

— И что же?

— Уничтожит его, — он рассеянно поправил выбившуюся из ее прически прядку. — Он думает, что может быть совершенным — только совершенным. Или никаким. И не понимает, что все мы должны преодолевать что-то плохое внутри себя, чтобы стать такими, какими хотим, от чего-то отказываться — и мы разочаровываем тех, кого любим. Ведь все зависит только от меры твоей любви, и иногда это может и не случиться — ты должен осознать, что без этих людей ты пустое место, и...

— Мы все еще говорим о Гарри? — тихо спросила Джинни.

Како-то мгновение Драко сидел молча и смотрел на нее — нежно, ласково, но тут же его глаза стали прежними, спокойными, словно кто-то захлопнул ставни, и он отшатнулся от нее.

— Прости. Я бредил. Сама понимаешь — кровопотеря. Ну, или еще что-то...

— Нет, — возразила она и потянулась ладонью

к его руке, однако на полпути передумала и уронила ее на свое колено, — ты вовсе не бредил, твои слова вполне осмысленны, и я рада — я так волновалась о Гарри и Гермионе и...

— Тебе не стоит беспокоиться. Это твой Святочный Бал, и ты должна получать удовольствие от этой ночи.

Ей хотелось сказать, что она очень даже довольна, и эти несколько мгновений с ним в этой холодной ночи, наполненной горечью и ароматом роз, — лучшие за последние месяцы; ей хотелось сказать, что любит, когда он говорит с ней — как никто другой: словно не существует вопроса, перед которым бы она дрогнула, отказавшись докопаться до истины. В его словах никогда не было ни лести, ни покровительства — никогда, даже если он хотел напакостить.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет, но ты должна, — он смотрел в сторону, — Иди и красуйся с Симусом. Я от этого не умру.

Она поколебалась, глядя на него. Мгновение стало кристально-прозрачным и острым, как алмаз.

— Ты считаешь меня красивой?

Он опустил взгляд. Потом снова посмотрел на нее и заговорил — спокойным голосом, звучавшим куда искреннее, чем всякие восклицания:

— Ты так прекрасна, что на тебя невозможно долго смотреть.

Повисла длинная, бесконечно длинная, острая и напряженная тишина — она взглянула ему в глаза — в них отражалась луна... Она вспомнила прикосновения его губ, вкус его рта — и сделала то, чего никогда не делала доселе: поцеловала его.

Сейчас, когда они сидели, они были почти одной высоты, ей не надо было тянуться вверх, чтобы поцеловать его — она просто наклонилась вперед. Она раньше никогда не целовала кого-нибудь первая, всегда целовали ее. Она поцеловала его, сама не в силах поверить, что сделала это. Но все так и было: его губы дрогнули, напряглись, и вдруг стали мягкими; он обнял и притянул ее к себе, так крепко, что застежка его плаща впиалась ей в шею. Его пальцы скользнули по ее платью и коснулись ее кожи, обжигая ее огнем, от которого кровь запела в венах.

И все тут же кончилось. Он отпрянул назад так же быстро, как и прильнул к ней. Руки на ее плечах оттолкнули ее прочь так же решительно, как минуту назад привлекли к его груди.

— Нет, — произнес он дрожащим голосом и повторил, куда тверже и решительнее, — нет.

Он отпустил ее, он чувствовала, что лицо ее горит огнем унижения, а в глазах вскипают слезы.

— Какого черта, Драко? — спросила она дрожащим голосом. — В какие игры ты играешь?

Он поднял голову, и лунный свет посеребрил его скулы и тени под глазами.

— Ты спросила меня. Я сказал, что ты прекрасна. Только и всего.

— Ты не можешь говорить мне ничего подобного. Даже думать не можешь.

— Что я имел в виду, то и сказал. Это мой главный порок.

— Но почему? — слова сами срывались с ее губ. — Если я нравлюсь тебе, если ты говоришь, что я красива, — тогда почему?

Конечно же, он понимал, к чему она клонит. И отвел взгляд.

— Гарри ты тоже нравишься, он тоже находит тебя прекрасной. Почему же ты ему не задаешь этот вопрос?

— Потому что у него все по-другому, он влюблен, — начала она и прикусила язык. — Да ведь и ты тоже, правда?

Драко промолчал, с отчаянной яростью исследуя свои ладони, словно с трудом удерживая себя от того, чтобы стукнуть ее.

— Блез, — продолжила она. — Как ты можешь?... Она просто кошмарное создание. Драко по-прежнему смотрел в сторону. — Или не в нее? — шепнула Джин-

ни. — Ну, конечно же, не в нее... — Она чувствовала, что без ножа себя режет. — Ты...

— Я не желаю говорить об этом, — отрывисто и резко перебил ее Драко. Его лицо снова стало непроницаемым. Он ведь захотел ее. Она не дуручка и не слепая, она знала, что он её захотел — однако он все равно оттолкнул ее от себя, да еще сделал это так спокойно... — Это бессмысленно.

Джинни присмотрелась к нему, и в ее голове неожиданно зазвучал голос Гермионы. Она сказала это много месяцев назад, когда Джинни призналась, что что-то чувствует к Драко, и пожаловалась на то, что он не отвечает ей взаимностью. Так что же сказала тогда Гермиона? «Это значит, что ты нравишься ему настолько, что он не хочет, чтобы ты строила в отношении него несбыточных планов. Ты должна это понять. Он не станет лгать, особенно о чувствах. Он болезненно честен». В конце концов, Джинни поняла, почему Гермиона охарактеризовала его именно так. Ей всегда казалось, что она чувствует всю боль, которую только может, огорчая Драко. Похоже, нет.

— Отсутствие смысла позволяет вложить туда любой смысл... — тихо сказала она.

— Нет, — твердо повторил он. — Нет, — он снова отвернулся к саду, залитому лунным светом, ярким, как кровь единорога. — Если мы не остановимся, ты меня возненавидишь.

— Я бы не смогла возненавидеть тебя, Драко.

— Ну, конечно же, смогла бы, — его голос был наполнен утомленной уверенностью. — И возненавидела бы. Ведь ты такая же, как я: секунды радости или половинка желаемого не приносят тебе счастья, мы бы начали бороться за него — ты и я — но все закончилось бы тем, что мы стали бы бороться друг с другом. Когда речь идет о ком-то вроде нас, на то, что идет неправильно, не машется рукой. Мы бы буквально порвали друг друга на части, чтобы добиться своего. Мы не можем просто взять и забыть.

В повисшей тишине Джинни из всех сил старалась взять себя в руки и не разрыдаться. Наконец она почувствовала, что может говорить.

— Ты не прав.

— Не прав? И в чем же?

— Я могу забыть про тебя. И забуду. Прямо сейчас.

Он поднял к ней глаза, пытаясь противостоять этой брошенной ему фразе, но, видимо, у него внутри что-то надломилось, и в глазах сверкнула давняя вызывающая злость.

— Что ж — попробуй.

Она молча повернулась и пошла прочь, чувствуя, то он провожает ее взглядом.

* * *

Гермиона не чувствовала времени — они все целовались и целовались, словно пытаясь построить мост, соединяющий их с теми давними неделями и месяцами, слиться в одно целое.

Когда она поцеловала его, Гарри сперва окаменел, ей на мгновение даже показалось — и она обмерла от страха от этого ощущения — что он сейчас оттолкнет ее, но руки его притянули ее за талию, он поднял ее, понес, распахивая пустые коробки, и вжал в стену «Трех метел» с такой силой, что камни впились ей в спину. И поцеловал ее так, словно от этого сейчас зависела их жизнь. Это взрыв неуправляемой страсти сначала ошеломил ее, а потом зажег в ней ответный огонь, опаляющий ее нервы и испепеляющий последние остатки разума.

Нет, они, конечно, целовались раньше — нежно, мягко, иногда страстно — но ничего подобного тому, что происходило сейчас, между ними не было. В том, с какой силой он стиснул ее руки, была беззащитность и смятение отчаяния (наутро на каждом запястье распустились фиолетовыми цветами синяки), словно эта их встреча могла стать последней.

У нее было ощущение, словно она скользит

по какому-то бесконечному склону. Она вспомнила, как впервые поцеловала его, ощутив, что произошло какое-то удивительное чудо. А потом она изучала эту знакомую страну на ощупь: его рот, легкую шершавость его кожи, его вкус...

Никогда, никогда не было ничего подобного: они стучались зубами, толкались языками, поцелуи казались укусами, она отчаянно теребила застёжки его плаща, ее собственный уже давно валялся на земле, и Гарри отпихнул одежду в сторону, прижимая Гермиону к стене уже всем телом — руки были слишком заняты застёжками и пуговицами. Ее собственные руки метнулись к его свитеру, она рванула его вверх и сдернула с головы так, что у Гарри слетели очки — она ткнула их на ближайшую пустую коробку. Под свитером на Гарри оказалась лишь рубашка...

Для такого хрупкого на вид сложения Гарри был очень силен, и когда он еще сильнее навалился и прижал ее к стене, она почувствовала, что под ее руками на его спине заходили мускулы. Его всего трясло, руки у него дрожали, когда он касался ее лица, ее шеи, ласкал поверх платья ее грудь.

— Ты замерз? — прошептала ему она между поцелуями. — Как ты?

Он не ответил.

— Гарри, — позвала она, но он накрыл ее рот своим.

Она закрыла глаза, веля себе не волноваться, но когда холод неожиданно лизнул ее кожу, она снова распахнула их: Гарри удалось добраться до корсажа ее платья и расстегнуть его; ледяной воздух пробежал по ее обнаженной коже пузырьками холодного шампанского.

— Гарри, — уже тверже произнесла она и захлебнулась от беспокойства, когда его руки скользнули ей под платье. Упоительное чувство скольжения исчезло, она снова увидела и переулочек, и его окрестности: эти светящиеся окна, ворота и улица за ними. — Гарри нам нужно остановиться: кто-нибудь может прийти и увидеть нас...

— И что с того? — его губы двигались вниз по ее шее, ее передернуло от удовольствия и напряжения, внутри росла паника — она не могла понять, в чем дело, почему она боится Гарри?

— Но нельзя же вот так вот, Гарри! — он сорвал платье у нее с плеч, и она осознала это, когда была уже почти полностью раздета: она мысленно восхищалась той ловкостью, с которой он справился со шнуровкой ее корсажа (ей потребовался почти час, чтобы одеться — с противоположным процессом он справился едва ли не за минуту), однако сейчас в ней нарастал страх, что кто-то — возможно, Рон — может их увидеть. — Гарри, не сейчас!...

Похоже, он не слышал ее:

— Я соскучился по тебе, — шептал он в ответ, — я так соскучился по тебе... — Он снова закрыл ей рот поцелуем, и она вся затрепетала. Его руки опустились к ее юбке, пальцы начали перебирать ткань, поднимая ее выше и выше — и вот холод обжег ее щиколотки, икры — теперь ее затрясло и от холода.

Гарри еще никогда не ласкал ее так, и внезапно она почувствовала странное ощущение неправильности происходящего. Оно пронзило ее, как выстрел, испугав своей силой. Целуя его, прикасаясь к нему, она всегда чувствовала, будто возвращалась в родной дом; сейчас же у нее было ощущение, будто, открыв в него дверь, она обнаружила в нем чужаков.

Даже не подумав, что она собирается сделать, она уперлась руками ему в плечи и с силой оттолкнула его от себя.

Гарри был потрясен.

Мгновение он тарасился на нее, и его глаза постепенно тускнели: ей вспомнилось, что именно таким же он был после побед в квиддиче, ему требовалось время, что вернуться с небес на землю, даже если он на ней уже стоял. Судя по всему, сейчас он чувствовал то же самое — словно он летал — вот только она

не летала вместе с ним...

— Гермиона, — спросил он, — что не так?

Что — он не знает? В самом деле, не знает?

Она поняла, что у нее не повернется язык объяснить ему. Вместо этого она бухнула первую приемлемо звучащую фразу, пришедшую ей в голову:

— Соскучился по мне? Как же это могло случиться? Я ведь все время была рядом...

— Ты и правда была рядом, — он начал натягивать свитер на голову. Ей показалось, что он просто пытался чем-то занять свои руки и найти повод не смотреть на нее. Его щеки горели — и, как она подозревала, во все не от холода. — А вот меня не было.

— А теперь? — спросила она, прикрываясь руками, но не в силах согреться. — Или ты просто пьян?

Гарри наклонился, поднял с земли ее белый плащ, лежащий поверх его черного, и протянул ей. Она немедленно завернулась в него по самый подбородок.

— Ну, может, немножко и пьян, — тихо согласился он. — Но я не хотел... я хотел быть с тобой вовсе не потому, что выпил. Я люблю тебя, это просто... в последнее время... нет, я не могу говорить об этом.

Она покачала головой и начала дрожащими руками натягивать на себя платье.

— Так почему ты не можешь сказать это? Ты поменил свое мнение? Что-то изменилось? Ты... ты стесняешься меня?

— Стесняюсь тебя? — напряженно рассмеялся Гарри. — Я — и стесняюсь тебя. Смешно.

Он потянулся за своими очками, поблескивающими от налипшего снега, и начал протирать их полую рубашки. Без них он совсем другой. Старше. Его лицо сразу как-то утоньшалось, становилось красивее и жестче. Мягкость и детскость исчезали. — Как ты могла такое сказать?

— Ты никогда не целуешь и не касаешься меня на людях, но тут, в подворотне, ты меня едва не... О чем это говорит, Гарри? Я ведь всегда говорила тебе, что хочу подождать, чтобы, когда это случится, и мы по-настоящему будем вместе, это стало действительно чем-то особенным... А ты, похоже, был бы вполне счастлив, если бы сделал это пьяным, прижав меня к стене.

— Эй, — резко воскликнул Гарри, надевая очки, — это ведь ты меня сюда привела, и ты поцеловала — о чем я, по твоему, должен был подумать? Ведь ты же моя девушка! Конечно, я хочу — и ты это знаешь. И — и со мной сейчас все в порядке.

Его щеки все еще горели. Гермионе стало немного смешно: у нее было ощущение, что Дурсли были весьма специфичны в плане сексуального образования.

— Да, но это не значит, что... — она осеклась. Она знала, что хочет сказать, эти слова звучали у нее в голове: тебе хорошо, потому что ты выпил. Тебе хорошо, когда ты летаешь. И если бы мы сейчас занялись сексом, тебе бы тоже было хорошо, потому что это лучше любых таблеток убило бы ту боль, что не дает тебе покоя. Но я не хочу этого — ведь это не в последний раз; разреши я тебе пойти до конца, этого все равно было недостаточно.

Конечно, она не могла сказать этого.

— Ну, может, тебе хотелось бы вернуться? — смущенно поинтересовался Гарри.

Гермиона прикрыла лицо руками:

— Ты заигрывал с Блез, и я...

— Заигрывал? — изумился Гарри. — Я не заигрывал!

— Определенно заигрывал.

— С ней?! Она же слизеринка! Кроме того, она подруга Драко и наверняка меня презирает.

— Ничего подобного, она сказала, что ты великолепен и что так бы тебя и съела... господи, зачем я тебе все это говорю? Это и слушать-то было отвратительно.

Гарри удивленно смотрел на нее:

— Ты шутишь.

— Нет.

— Держу пари, что шутишь.

Гермиона вздохнула.

— Гарри, ты идиот — половина девчонок школы влюблена в тебя.

— Что, только половина? — расхохотался Гарри.

— Полагаю, что сердца оставшейся половины принадлежат Драко. Но в любом случае, это в основном слизеринки, — она покачала головой. — Поверить не могу, что ты не замечал, впрочем, ничего удивительного. Ты очень классный, и то, что ты об этом не догадываешься, — самое классное. Девчонки от тебя просто млеют... Да, думаю, что я сказала слишком много.

— А, так это совершенно секретная информация, которую надо скрывать от всех парней?

— Ага, и теперь мне придется убить тебя до того, как ты расскажешь это Рону или — прости господи — Драко.

— Я так полагаю, они тоже не в курсе, насколько они классные?

— Ну, Рон, возможно, и нет, но вот Драко? Ненавижу себя за то, что разочарую тебя, — однако думаю, что Драко как раз знает.

— Разве это не отвратительно, а?

— Ну, «отвратительно» — это не подходящее слово.

— Хорошо, — фыркнул Гарри, — тогда так и скажи «вау»!

— Гарри, что? — подскочила Гермиона.

Но Гарри уже отошел и стряхивал снег со своего плаща:

— Кто-то швырнул в меня снежком... Рон! — закричал он и расхохотался. Повернувшись, Гермиона увидела, стоявшего в воротцах Рона, поднявшего руки с видом оскорбленной невинности, словно хотел сказать «кто — я!?» Но он лишь смеялся.

Позади него виднелись другие мечущиеся темные фигуры: Блез подговорила парней-семикурсников закидывать снежками милующиеся парочки.

— У меня не было выбора! — крикнул Рон. — Не сделай это я, вас бы обстреляли Дин с Невиллом!

Но Гарри замотал головой:

— Готовься к смерти! — заорал он и рванулся к Рону, с хохотом помчавшегося прочь. Гермиона посмотрела им вслед: господи, им что — двенадцать лет?... — и медленно двинулась к выходу, выйдя на дорогу как раз в тот миг, когда Гарри в прыжке сшиб Рона с ног и начал наталкивать снег ему под рубашку. Рон взвыл и начал скрести снег руками, пытаясь слепить другой снежок. От этой картинке ей сразу же вспомнилась другая сцена: они вдвоем валялись с ней в снегу; им было по четырнадцать и не имело никакого значения, девчонка она или нет; карманы ее рубашки были набиты ледышками... и она затосковала по этому — пронзительно и неожиданно. Они были так счастливы втроем... Она наклонилась, украдкой набрала в ладонь снега, обжегшего руку холодом, подкралась к Гарри, поглощенного записыванием снега Рону в уши, и насыпала снега ему за шиворот.

Раздавшийся тут же вопль был великолепным вознаграждением за эту шалость; Гарри, свалился на бок, а Рон, весь в снегу, зашелся в припадке беззвучного смеха.

— Гермиона! Нечестно! — укоризненно крикнул Гарри.

— Не будь таким чувствительным неудачником, Гарри Поттер, — она кинула в него еще одним снежком, Гарри схватил ее за ногу — она поскользнулась и рухнула на Рона, который, наплевав на все условности, тут же начал совать снег ей в корсаж. Гермиона завизжала и попробовала отползти в сторону, хватая Гарри замерзшими пальцами. Смеясь и крича, они всей кучей скатились с холма, затормозив об большой валун. Первой смогла сесть Гермиона — она отплевывалась и сжимала грудь, нывшую от смеха.

Платье промокло, волосы крысиными хвостиками свисали вокруг лица — ее это не заботило. Она смот-

рела, как Гарри и Рон тоже усаживаются — с ног до головы покрытые искрящимся снегом, словно сахаром.

— Ну, — Гарри стянул с носа очки, которые невозможно было опознать, и прищурился, — это было...

Гермиона перебила его, прыгнув и крепко обняв их обоих — Гарри с Роном даже удивились этому внезапному всплеску, Рон тихонько похлопал ее по спине. Наконец она отпустила их и посмотрела: вываленные в снегу, во влажной и прилипающей к телу одежде — у них был весьма причудливый вид; они были ужасно похожи на тех двух мальчишек, много лет назад рухнувших на мокрый пол в туалетной комнате после того, как спасли ее от тролля.

— Я просто хочу, чтобы вы знали, — заговорила она к своему собственному удивлению, — чтоб вы знали, что я люблю вас, вас обоих, вне зависимости от всего, что происходит.

Рон, судя по всему очень смущенный, взглянул на Гермиону и перевел взгляд на Гарри.

— Снова джин, да?

— Для нее это уже становится проблемой, — кивнул Гарри.

Гермиона протянула им руки:

— Ну же! — и они без слов взяли за ее руки, Рон за левую, Гарри — за правую. — Мы всегда будем вместе. Правда?

Гарри и Рон смущенно переглянулись.

— Ну, не всегда, — поправил ее Рон. — Придя в замок, я предполагаю принять горячую ванну, и хотел бы это сделать в одиночестве.

— И что — разве тебе никто не нужен, чтобы потереть спинку? — ухмыльнулся Гарри.

— Ваши предложения? — приподнял бровь Рон.

— Просто я подумал о Плаксе Миртл.

— Заткнитесь оба! — воскликнула Гермиона. — Слушайте, давайте пообещаем, что всегда будем друзьями. Потому что сейчас Рождество и вообще — коль вы этого не сделаете, я самолично скажу Миртл, что вы оба в нее влюблены, и тогда она точно не оставит вас в покое. Договорились?

— Хорошо, — смеясь, кивнул Гарри. — Обещаю.

— Я тоже, — сказала Гермиона.

Они оба взглянули на Рона, у которого был такой вид, словно что-то в ее словах огорчило его.

— Я обещаю, — произнес он. — Друзьями.

— «Соппротивление бесполезно, — чувственно проворковала леди Стэйси, ее пышная грудь вздымалась под кожаным корсетом, словно суфле. — Ты мой теперь, Тристан. Забудь про Риэнн. Я, лишь я одна могу привести тебя к заснеженному пику экстаза.

Тристан вздернул подбородок. Он бы гордо скрестил руки на своей мужественной груди, но это было невозможно по причине того, что леди Стэйси привязала его к шесту.

— Риэнн — моя любовь навеки, ее я не забуду никогда. О, никогда.

Леди Стэйси пожала плечами и, вытащив из-за высокого кожаного ботинка длинное перо феникса, стала щекотать беспомощному Тристану обнаженную грудь, и он начал догадываться, что она не осталась равнодушной к его мужественному обаянию. Ну, возможно, Риэнн не будет возражать, если это случится всего лишь раз? Так или иначе, ее все равно украли пираты — кто знает, увидятся ли они снова?»

Джинни уронила «Брюки, полные огня» на колени и опустошенно уставилась на обложку. Сейчас она была пуста: нарисованные Тристан и Риэнн исчезли, видимо, в поисках уединения.

Что ж, — мрачно подумала Джинни, — хоть кто-то неплохо проведет сегодняшний вечер.

Хотя, конечно, Тристан в этой истории в очередной

раз бросил Риэнн. Потому что, — как рассудила она, швыряя книгу на кровать, — все мужчины кната ломаного не стоят.

Хотя нет. Она с резкой болью вспомнила, что, вбежав в Большой Зал после расставания с Драко, вся на нервах и с бегающими по коже мурашками, увидела мирно беседующего с Чарли Симуса — и у нее сразу засосало под ложечкой.

Симус был таким милым, таким приятным — как смеет она с ним так ужасно обращаться?! Увидев ее, он заулыбался, и ей потребовалась вся ее сила воли, чтобы не выскочить прочь из зала. Однако она подошла к нему и, сославшись на головную боль, попросила проводить ее. Он безотказно довел ее до Гриффиндорской башни, и последнее, что она видела, поднимаясь в пустую спальню, была его светлая шевелюра, исчезающая в темноте.

Вдохнув, она упала на кровать, уткнувшись в ладони. Она чувствовала себя ужасно виноватой перед Симусом, лишив его развлечений в пабе, и не могла отделаться от чувства, что путалась у него за спиной. Нет, то есть, конечно, она не считала поцелуй с Драко...

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. Кого она обманывает? Словно была какая-то другая причина, по которой она вышла. Танцуя с Симусом, она подняла глаза и увидела стоящего в дверях Большого Зала Драко, не сводящего с нее глаз, — она издали не могла разглядеть выражение его лица, только серебристые волосы и бледная кожа, словно отпечатавшиеся на темноте у него за спиной. Но по каким-то неуловимым признакам — по наклону его плеч, по его позе — она догадалась, что он смотрит на нее, а потом увидела, как он пошел прочь. И на земле не было силы, которая могла бы удержать её от того, чтобы пойти за ним.

А отсюда как раз и чувство вины, и стучащая головная боль. Она села, размышляя не принять ли болеутоляющих заклинаний, когда вдруг сообразила, что стук был вовсе не у нее в голове: кто-то стучал в двери спальни.

Она медленно поднялась и провела по себе рукой: на ней были джинсы и бордовый свитер, когда-то принадлежавший Рону; рукава его были настолько длинными, что полностью прятали ее руки. Вдохнув, она поплелась к двери, ожидая увидеть Эшли или Элизабет и с трудом соображая, как справиться с дверной ручкой.

Но это был Симус. Он был босым, взъерошенным и уже сменил свою нарядную одежду на джинсы и желтый свитер в черную полоску, вид при этом у него был таким, словно он минут двадцать заставлял себя заниматься чем-то ужасно неприятным.

— Салют, — произнес он и скользнул по комнате глазами, проверяя, есть ли там кто-нибудь еще и, с удовлетворением убедившись, что комната пуста, снова повернулся к Джинни. — Надеюсь, я могу поговорить с тобой.

Джинни привалилась к косяку.

— О, Симус. Только сейчас. У меня сил нет.

Симус покачал головой:

— Но это смешно.

— Я знаю. Прости меня. Я испортила Святочный бал, ты мог бы пойти в паб... Я чувствую себя просто ужасно. Ненавижу себя. Прости, прости меня.

Симус устало взглянул на нее:

— Да я не о том. Ты... Просто ты позволила себе быть несчастной. Мне наплевать и на бал, и на паб... Но ты... Ты мне небезразлична, Джинни...

— Симус... — удивилась Джинни.

— Да, да, — быстро перебил он ее. — У меня было много времени. Когда ты вернулась в школу в этом году, ты... ты стала какой-то другой. Я поверить не мог, что не заметил тебя раньше. Ты такая красивая, такая умная, ты фантастический игрок в квиддич, ты веселая, и твои друзья тобой восхищаются...

Джинни смотрела на него, раскрыв рот

— Я понятия не имела.

— Ну, теперь имеешь.

Она покачала головой:

— Не надо, не будь таким чудесным и милым. Я не заслуживаю этого, — на нее накатила безнадега, она снова привалилась к косяку. — Я не могу сделать это, это было бы ошибкой, я не сделаю этого снова.

— Снова? — удивленно переспросил Симус. — А что — разве мы с тобой раньше встречались?

Джинни рассмеялась.

— Да нет, я не об этом... Слушай, Симус, ты мне и вправду нравишься, честно-честно, ты такой... очаровательный и милый... Но, я уяснила, что было большой ошибкой не послушаться своего чутья. А я как раз так и поступила — ну, поэтому-то все и вышло не очень хорошо.

Симус кивнул и сунул руки в карманы.

— Я только что видел твоего брата — они с Гарри и Гермионой возвращались из паба. Они даже не удивились, увидев меня одного в Общей Гостиной. Такое ощущение, будто они знают что-то, чего не знаю я. Джинни... — он помедлил. — Скажи мне, что такое с тобой сделал Малfoy? Я не вправе что-то говорить, осуждать — я просто хочу понять.

Джинни прикусила губу:

— Возможно, ты не сможешь...

— Я смогу, если ты мне все объяснишь, — настаивал Симус.

Джинни смотрела на него и сомневалась. У него было открытое, симпатичное лицо, чуть мальчишеское из-за веснушек, брызнувших ему на переносицу. Преданный, непреклонный, стойкий — он напоминал ей этим ее братьев, да и вообще — всех мужчин, встретившихся ей в жизни. За исключением одного.

Ей было сложно даже представить себе, как все рухнувшие на них испытания, темноту и отчаяние последних шести месяцев, все это смятение, боль, эту победу и разочарование вывалить на Симуса, подразумевая, что он сумеет все понять.

Однако, может, она его недооценивает? Может быть, у него бы это получилось? Судя по всему, он действительно хочет понять. И, возможно, даже может это сделать.

Или же ей просто нужно хоть с кем-нибудь об этом поговорить.

Она отступила, приглашая Симуса войти. Он чуть удивленно взглянул на нее, не решаясь.

— Заходи. Заходи, и я расскажу тебе все, что ты хочешь узнать.

* * *

Он прождал ее ужасно долго в оговоренном месте и уже собирался уходить, когда она наконец появилась. Она была бледной и усталой, наспех одетой.

— Рон, я получила твою записку, — он заметил, что в руке она сжимает смятый клочок пергамента.

Она не сделала попытку подойти к нему, просто привалилась спиной к закрытой двери.

— Зачем ты хотел меня видеть? Ты же понимаешь, что сейчас не самое лучшее время.

Он недоверчиво взглянул на нее:

— Уже прошло несколько дней. Я не могу так долго...

— Ну, так смоги, — отрезала она. — В жизни есть вещи поважнее секса, Рон.

— Я вовсе не затем хотел увидеть тебя! — он вцепился в угол стола так, что у него заломило пальцы. — Я соскучился по тебе.

Она порозовела.

— Ты видел меня. Сегодня. И вчера. И позавчера. И...

— Но не так!... Не так... — он подошел к ней, взял за руку и поцеловал. Вернее, попытался: она отвернулась от него и спрятала глаза. — Но почему? Почему ты так поступаешь?

— Я боюсь, — тихо ответила она.

Он тряхнул головой. Странная боль под ребрами не давала дышать.

— Я не должен был молчать, я всем расскажу...

Она дернулась в его руках так, словно он всадил в нее нож.

— Нет! Нет, ты же обещал!

— А ты говорила, что любишь меня! Или ты лгала?

Она надломлено рассмеялась:

— А я и продолжаю лгать. Почему бы тебе не поступить так же?

— Есть одно простое решение, — сказал он. — Сказать всем правду.

Она поникла в его объятьях.

— Я еще не готова.

— Когда ты будешь готова? — пылливо взглянул он ей в глаза. В цветном полумраке зала она всегда выглядела призраком, черты ее лица словно растворялись и смазывались. Ему даже казалось, что она не существует на самом деле, что все это лишь плод его воображения и неумного желания.

— К новому году, — внезапно ответила она, немало его удивив. Впрочем, она всегда это умела. Он вспомнил свое ошарашивание, когда она впервые вызвала его сюда. Он тогда еще подумал, что все это лишь шутка. — К новому году, если ты сам этого захочешь.

— Я хочу этого, — он легонько коснулся ее лица кончиками пальцев. Волосы упали ей на лицо, когда она уткнулась ему в плечо. Он вспомнил, как она поцеловала его — впервые: закинула руки ему за шею, потянула вниз, к себе — он позволил ей сделать это, от удивления и еще от чего-то... Сейчас она была робкой и застенчивой, она уперлась кулаками ему в грудь.

— Откинь волосы, — сказал бы он ей, как тогда, когда они лежали рядом, — я не вижу твоего лица.

Она бы рассмеялась:

— А я твое вижу. Тебе не спрятаться.

— Ага, — сказал бы он. — Я знаю.

* * *

— Отстань, Поттер, — сказал Драко. — Я устал. Я правда, правда устал. Мне не нужно этого сейчас. Четыре утра.

Гарри, возбужденно скачущий по холлу, замер и озабоченно покосился на него:

— Да ладно тебе, Малфой, ты что — не слышал, что я сказал?

— Слышал, слышал, — Драко привалился к косяку и уставился на Гарри с самым тоскливым видом. Обычно он был рад видеть Гарри, однако как раз сейчас ему больше хотелось побыть одному. Голова все еще гудела после того, как он вернулся из розария, лицо Джинни по-прежнему стояло перед глазами: недоверие, превращающееся в гнев и ненависть. Она его ненавидит.

И правильно, — сказал он себе, — кто ты после этого. Так что радуйся. Мои поздравления.

— Я слышал, — повторил он, понижая голос: было уже поздно, но студенты еще сновали туда-сюда по коридорам, возвращаясь с вечеринок. Хотя Гарри и пришел в подzemелье в мантии-невидимке, он снял ее, как только Драко открыл дверь своей спальни. Снял и протянул Драко руку.

А в ней была серебряная коробочка с портключом.

— Ты стащил портключ из кабинета Люпина. Конечно, отличная работа, однако он все равно бы отдал его нам на будущей неделе. Мне это напоминает налет на Гринготтс с целью взлома своего собственного сейфа.

— Но я хочу отправиться сейчас же, — в голосе Гарри звучала страсть, посещавшая его только во время квиддича. В глазах горело предвкушение и нетерпение. — Мы можем отправиться немедленно, а утром вернуть портключ обратно. Никому не нужно об этом знать.

— А как же Рон с Гермионой? Ты даже их не оповестишь, что уходишь?

— Да они же спят. Я расстался с Гермионой у нее в комнате — это было уже тыщу лет назад! К тому же мы вернемся к 9 утра, так что и незачем никого предупреждать! У нас 4 часа — куча времени.

— А я-то думал, что тебе нравится профессор Люпин, — заметил Драко.

— Конечно, нравится, — возмутился Гарри. — Но это важнее, — он искоса стрельнул в Драко глазами. — Оставайся при своем мнении, — быстро добавил он, — кто-то идет.

— Что? О, черт! — Драко схватил Гарри за грудки, втащил внутрь, захлопнул дверь и прислонился к ней, устояв на Гарри. Он редко видел Гарри таким: того буквально трясло от сдерживаемого возбуждения. — Я не знаю, Поттер. Тащить, красться... — разве это по моей части?

Гарри рассмеялся:

— И, правда, временами я забываю, что ты меня не так долго знаешь.

— Я знаю тебя 6 лет.

— Да я понимаю, о чем ты, Малфой... — Гарри помедлил, покосившись на одежду Драко. Тот даже не переоделся. — Ты не можешь в это одеться. Мы собираемся пользоваться магловским транспортом. Надешь джинсы — ну, или что-то в этом роде.

Драко раздраженно посмотрел на Гарри. Он никогда раньше не обращал внимания на то, что носил Гарри. Но сейчас ему пришлось это сделать. На Гарри были его квиддичные штаны, толстый темный шерстяной свитер и черная куртка. И ботинки на шнуровке. Он выглядел так, будто собрался в разведку. Драко почувствовал необъяснимое раздражение.

— Я оденусь так, как посчитаю нужным, ясно, Поттер? И если я посчитаю необходимым нацепить шляпку с фруктами на тулье, то это будет мое личное дело.

Гарри мрачно посмотрел на него.

— Скажи мне, что я сошел с ума. Но у меня такое ощущение, что у тебя нет однозначного мнения по этому вопросу.

Драко пожал плечами. Больно.

— Ну, и да, и нет.

— Очень смешно, — расширились глаза Гарри. — Ты что — мне не доверяешь?

Драко вздохнул.

— Мне тут недавно приснился такой сон, будто ты прибегаешь ко мне в комнату и говоришь, что только что кого-то убил. И я тебе нужен, чтобы помочь спрятать тело. Я помогаю. Однако просыпаюсь страшно злой.

— Так, и в чем же, по-твоему, дело?

— По-моему, дело в том, что ты что-то частенько просишь меня что-то сделать, не объясняя, почему я должен это делать. Причем когда в последний раз я рискнул нарушить правила, кто-то попытался меня убить.

— Знаю и прекрасно понимаю, — быстро вставил Гарри.

— Великолепно, боюсь, что моя маленькая несвоевременная смерть будет превратно истолкована.

— Я не позволю ничему случиться с тобой! — устало воскликнул Гарри.

— Это весьма трогательно, бестолково, громко, шапкозакидательски, по-гриффиндорски. Гарри с шумом выдохнул, и его волосы взлетели вверх.

— Малфой...

— Хорошо, я пойду и даже заткнусь по этому поводу. Но при одном условии.

— И каком же?

— Завтра, когда мы вернемся, ты все подробно расскажешь Гермионе: куда и зачем мы ходили. Я не собираюсь ей врать даже во имя тебя.

Гарри вскинул глаза к лицу Драко. Для того, кто в последнее время выглядел столь отсутствующе и отстранено, его глаза были слишком пронзительны. Драко встретил его взгляд и не отвел свой.

— Отлично, — после короткой паузы кивнул Гарри. — Завтра я все ей расскажу.

— Годится, — Драко шагнул к гардеробу и вытащил оттуда угольно-черное пальто из драконьей замши. Он набросил его на себя и развернулся к переминающемуся от нетерпения Гарри. — Я готов.

Гарри протянул ему руку с портключом в коробочке: он сиял ярким серебром в тусклом свете, любуясь сквозь стекло, и глаза Гарри вспыхнули ярким зеленым светом. Губы его упрямо напряглись, на-

помнив Драко, почему когда-то его пугала мысль о Гарри Поттере.

Он подошел и встал рядом.

— Держись за меня, — велел Гарри, и Драко крепко стиснул рукав его куртки. Портключ скользнул из коробки в раскрытую ладонь Гарри, и знакомое вращение потянуло его вперед, в серую мглу и забвение, бок о бок с Гарри.

Глава 5. Сад костей.

— Что значит — нет поезда?

— То, что я сказал: до шести утра никаких поездов, — Гарри пожал плечами и потер руки в черных перчатках. Щеки его покраснелись от холода, он смущенно прятал взгляд. — Думаю, нам стоит подождать.

— Что до меня, черт побери, я считаю как раз наоборот, — заявил Драко, спрыгивая со скамейки, на которой он сидел, раздосадовано и беспокойно оглядываясь. — Я должен был знать, что когда ты говорил, что у тебя имеется план, имелся в виду не план, а полная задница.

Гарри промолчал, обшаривая глазами пустынную станцию. Они обнаружили, что в Шептон Маллет не существовало никакого железнодорожного вокзала, и теперь им нужно было попасть в соседний городок, где он по слухам и находился. Вокзал и вправду был, однако сейчас он был заперт не хуже запретного коридора третьего этажа в Хогвартсе. Гарри бродил вокруг, пока Драко, маясь от холода и скуки, плюхнулся на ближайшую пустую лавку и попытался почитать принесенную ветром маггловскую газету.

Честно говоря, Драко часто думал, что, будь на месте Гарри другой парень, после всех этих проведенных в Хогвартсе лет, он бы давным-давно забыл о маглах все, что когда-то знал.

— Слушай, Поттер, если ты собираешь ждать до шести утра, то мы никак не успеем вернуться обратно к началу уроков — а мне кажется, что ради этого-то все и затевалось.

Гарри пожал плечами и огляделся. Замерзший, съездившийся, какой-то беззащитный, — на него было невозможно сердиться.

— Ну, и что теперь, Малфой?

— Мы могли бы просто использовать портключ, чтобы вернуться назад. Вот только куда он нас отправит? К Люпину в кабинет? А хоть бы и так. Я мог бы даже часок поспать.

— Нет! — воскликнул Гарри и добавил чуть тише, — нет. Существует другой путь...

— Этот? — произнес Драко, и Гарри недоуменно покосился на него. Драко поднял руку и щелкнул пальцами, видя, как смятение на лице Гарри сменяется паникой.

— Нет, нет Малфой! Только не... — его заглушил визг и рев огромного безобразного трехэтажного автобуса с золотыми буквами по борту, остановившегося перед ними. Водитель посигналил: это звучало, словно хрип задыхающегося попугая. Гарри обреченно вздохнул, — ...только не Ночной Рыцарь. Они же расскажут, что встретили нас.

— Черт побери, Поттер, ты все еще считаешь себя самой главной новостью с тех пор, как... ну, с тех пор. Однако я не думаю, что «Гарри Поттер едет в автобусе» резко увеличит продажи Ежедневного пророка.

Гарри переводил глаза с уродливого автобуса на Драко и обратно.

— Надеюсь, ты прав, — вздохнул он.

— Конечно, прав. Я всегда прав. А теперь лезь в автобус, у меня от тебя уже голова трещит.

Драко настолько устал, что едва обратил внимание на прыщавого юношу, взявшего у него деньги, и настолько замерз, что, пожаловавшись, за смехотворные два галлеона получил бутылку воды и шоколадный ба-

тончик. После этой обдираловки он отправился прямоком в пустой конец автобуса, где плюхнулся на кровать со столбиками по углам и сосредоточенно осматрелся вокруг.

— Что такое, Малфой? — спросил Гарри, устраиваясь по соседству. — У тебя взволнованный вид.

— Малфой, — заявил Драко, — не спят на общих кроватях. Как думаешь, сколько народу лежало на этих простынях? У меня от одной мысли мурашки по коже бегут...

— Помнится, я видел тебя спящим на бетонном полу, — заметил Гарри. — Думаешь, сейчас тебе будет еще более неудобно?

— Дело не в удобстве, — раздраженно откликнулся Драко, расстелил свое пальто и устроился сверху.

— Ну, ты прямо примадонна, Малфой, — произнес Гарри, устраиваясь в своей любимой позе — свернувшись на боку и подложив под щеку левую руку. Глаза его смотрели на Драко с дружелюбной насмешкой. — Не могу поверить, что ты не захватил с собой в путешествие три с половиной сотни собственных чудесных хлопчатобумажных простынок.

— Я мог бы их вызвать, — в тон ему ответил Драко, но Гарри вдруг рванулся к нему и вцепился ему в запястье.

— Нет. Хватит магии. Прошу тебя. Особенно магии без палочки. Я и вправду не хочу, чтобы нас заметили.

— Я пошутил, — ответил Драко, и Гарри отпустил его руку, медленно лег. — Так или иначе, простыни атласные, — тихонько пробормотал Драко несколько минут спустя, но Гарри не слышал его — он уже крепко спал.

* * *

— То есть Гарри — Наследник Гриффиндора?

— Верно.

Симус сидел и молчал, переваривая услышанную информацию.

— А ты... Ты — Наследница Хаффлпафф?

Джинни кивнула.

— Точно, — она обеспокоено чуть склонила голову: Симус, сидящий на противоположном конце ее кровати, дотянулся до одной из вязаных подушечек и занялся тем, что начал быстро-быстро выдергивать из нее нитки. Она сомневалась, что он осознал, что делает. Похоже, вся эта история, что она поведала, оказалась для него несколько чересчур. Было ощущение, что его замкнуло.

— И Малфой?... Малфой умирал? — с помутненными глазами переспросил Симус.

— Разве что ненадолго, — пояснила Джинни. — Однако ему сразу же стало лучше.

Симус затряс головой, словно пытаясь разобраться во всех хитросплетениях.

— И... Гарри с Малфоем могут телепатически общаться друг с другом? И они друг другу симпатизируют?...

— Ну, о последнем можно поспорить, — вздохнула Джинни, — но, в общем, и целом, — да.

Внезапно Симус резко вскочил, бросил подушку и зашагал туда-сюда, провожаемый встревоженным взглядом Джинни. Она, честно говоря, не собиралась рассказывать ему так много, однако, лишь только она

открыла рот, слова сами потекли из нее, опережая друг друга. А закончив, она испытала непередаваемое наслаждение, что наконец-то выговорилась.

— Симус, — наконец произнесла она. — Поговори со мной. Ты как себя чувствуешь?

Он взглянул на нее с таким удивлением, словно не мог поверить, что она все еще здесь.

— Не знаю, что и сказать обо всем этом. Малфой — он спас Гарри жизнь?

Джинни рассмеялась:

— В какой раз ты об этом спрашиваешь? Они спасли жизнь друг другу. Послушай, — она уселась на кровати, устремив на Симуса полный надежды взгляд. — Они совсем иные, чем другие люди... — начала она.

— И что насчет квиддича? — перебил ее Симус.

Застигнутая врасплох, Джинни ошеломленно захлопала глазами:

— Что?

— Они разговаривают — так, в голове друг у друга... во время матчей? Я абсолютно уверен, что это нечестно.

— Ну, конечно же нет! — возмутилась Джинни. — Гарри бы никогда так не поступил! И Драко тоже!

Симус сухо рассмеялся:

— Ты уже прости, но я не могу считать Малфоя образцом добродетели.

— Это не так, — терпеливо объяснила Джинни. — Он изменился, полностью изменился. Конечно, он временами по-прежнему упрямый и высокомерный и даже вредный иногда... Но он не соврал бы и не схитрил — не сделал бы ничего подобного. У него собственные жесткие моральные правила и собственный путь. Послушай, если бы ты его знал...

Симус снова сухо рассмеялся:

— Поверить не могу. Ты защищаешь Малфоя. Передо мной.

— Но Симус, — Джинни уселась на пятки. — Ты же сам сказал, что хочешь знать, что между нами произошло.

— Это потому, что я думал, — Симус раздосадованно провел растопыренной пятерней по светлым волосам, — что он сделал тебе что-то ужасное! Ну, преследовал тебя, пытался принудить тебя к чему-то, соблазнил тебя, предал тебя...

— Ясно, — холодно кивнула Джинни.

У Симуса был такой вид, словно он внезапно осознал, что ляпнул что-то ужасно глупое.

— Я не...

— Извини, что реальность оказалась не столь живописной, Симус, — голос Джинни был холоден, как лед. — Извини, что никто надо мной не надругался, не бросил меня, не...

— Не надо, — решительно перебил ее Симус. — Я думал, что смогу помочь тебе.

— Что ж, а я не нуждаюсь в твоей помощи! — почти закричала Джинни. — Я не нуждаюсь в том, чтобы ты явился за мной на большом белом коне и спас меня, Симус Финниган! Ты мне здесь вообще не нужен! Я пригласила тебя сюда, потому что думала, что смогу почувствовать себя лучше, однако от всего, что ты делаешь, мне становится только хуже и хуже!

Честное и открытое лицо Симуса болезненно перекопилось. Он сел на кровать рядом с ней и попытался взять ее за руку — она позволила ему, однако ее рука лежала на его ладони дохлой рыбой. Будь у нее в руках настоящая дохлая рыба, она непременно бы запустила ею ему в голову. Она сама не могла понять, что же её так взбесило в Симусе. Что поделаешь — фамильный темперамент.

— Джинни, — заговорил Симус после долгой паузы, — ты правда, правда мне нравишься. Но я чувствую, что мое присутствие тебе неприятно. Так что... — он положил ее руку на кровать. — Так что я, пожалуй, пойду. Если... — он поднялся и засунул руки в карманы. Она взглянула в его распахнутые синие глаза и поняла, он ждет, он умоляет, чтобы его попро-

сили остаться, — если только ты не хочешь, чтобы я остался...

Джинни устало вздохнула и прижала к груди свою покалеченную подушку:

— Иди, Симус, сейчас вернутся Эшли с Элизабет — лучше, если они тебя здесь не застанут.

Он закусил губу и кивнул.

— А ты?...

— А со мной все будет в порядке.

Она смотрела ему вслед, чувствуя, что у нее свело горло. Уж если даже Симус — мягкий, милый и благородный — не сумел понять ее, то, наверное, никто не сможет. Открыв дверь, он взглянул на нее, такой по-мальчишески симпатичный, взлохмаченный, с усталыми сонными синими глазами:

— Я никому ничего не расскажу, — очень серьезно произнес он. — Обещаю.

Она лишь кивнула ему, теребя свою подушку.

Дверь за ним закрылась.

* * *

— Поттер! Поттер, просыпайся!

Гарри, покачиваясь, с трудом принял сидячее положение.

— Мы уже на месте? — спросил он, вытаскивая из кармана очки и хлопая глазами на бесформенное нечто, обратившееся в тот миг, как он нацепил их на нос, в Драко, возбужденно машущего перед его носом... чем?... газетой?... — Ты что — хочешь меня побить этим? — поинтересовался он. — А за что?

— Хочу, чтобы ты кое на что взглянул, — Драко сел на своей кровати по-турецки, раскрыл газету на коленях и потыкал пальцем в какую-то статью:

— Дурацкие маггловские газеты... Фотографии не двигаются. Но, в любом случае, я его узнал.

— Что узнал? — Гарри наклонил голову и начал изучать статью, увенчанную бросающимся в глаза заголовком:

«Искусство кражи предметов искусства

Кражи предметов искусства в настоящее время стали не просто единичными преступлениями, финансируемыми нечистоплотными коллекционерами, а индустрией с оборотом в миллиарды долларов, напрямую связанной с преступными картелями и торговлей оружием. Кража с аукциона Сотби бесценной средневековой коллекции (включая зеркало) — по слухам, принадлежавшей Людовику Х, оцененной в полмиллиона (фото слева) стала последним подобным инцидентом.

За последний год потери составили более 3 миллиардов: несколько налетов на европейские коллекции, общая стоимость утраченного колеблется от 300 тысяч до полумиллиона. Налеты часто сопровождался насилием — во франкфуртской галерее был связан сторож, после чего грабители забрали картины общей стоимостью... (ладно, — прервался Драко, — я это пропускаю, это скучно). ... В противовес этому налет на Сотби занял около 10 минут, и был совершенно бескровным. Пока шла смена охраны, бесценные предметы искусства попросту исчезли.

В настоящее время основной является версия, что, либо грабители были очень хорошо организованы, либо не обошлось без помощи изнутри.

— Мы с пристрастием допросим весь наш персонал, — обещает обезумевший от подобного поворота событий глава службы безопасности Кейт Фрезер. — Совершенно невозможно, чтобы грабители преодолели нашу охранную систему без основательной помощи кого-то, кто обладал соответствующими знаниями.

Когда мы спросили, существовал ли еще какой-либо способ преодолеть охранную систему, Фрезер возмутился:

— Ну, разве что при помощи магии!»

Драко задумчиво наморщил нос:

— Знаешь, я не думаю, чтобы они знали про магию.

— Да он просто съезжил, дурачок, — произнес Гар-

ри, перегибаясь Драко через плечо, чтобы прочитать газету. — Что-то я не пойму, зачем мне надо было на это взглянуть?...

— Видишь это зеркало, Поттер? — Драко ткнул пальцев в изображенное на цветной фотографии старинное на вид ручное зеркало, ручка и обратная сторона которого была покрыта затейливым узором из птиц, цветов и завитушек, немного напомнившим Гарри ножны гриффиндорского меча. Разве что узор был не такой красочный.

— Ну и что? — покосился на Драко Гарри.

— Так вот: это зеркало из моего сна, ответил Драко, не сводя глаз с фотографии. — Оно неповторимо, я бы где угодно его узнал.

— Из снов?... О... Эти сны...

— Да, эти сны. Насколько я понимаю, это все к тому риторическому вопросу о снах и реальности. В моем сне Червхвост сообщил Вольдеморту, что только что получил это зеркало... А ограбление случилось несколько дней тому назад. Вопрос в том, почему же Темный Лорд так хотел заполучить это зеркало? Ведь, коль скоро он посылает своих приспешников в магловский мир, он здорово в нем нуждается.

— А ты не думаешь, что он просто хотел полюбоваться на себя в него? — спросил Гарри.

Драко фыркнул:

— Вот еще, у него для этого достаточно прихвостней: «О, Вольдемонт, твоя кожа сегодня так и светится зеленым, а глаза лучисто-красные». Нет, Поттер, оно ему для чего-то нужно и, зная его, я подозреваю, что явно не в подарок любимой мамочке.

— Ну, — сказал Гарри и зевнул, — коль скоро ты хочешь знать, зачем оно, ты знаешь, что делать.

— И что?

— Лечь спать и посмотреть еще один сон про него.

— Я не могу видеть сны по приказу, — обиделся Драко.

— Не можешь? Да, не слишком-то полезная способность, не находишь?

— Просто ты сам хочешь вздремнуть. Ты подлый лентяй — вот ты кто, — заявил Драко и повернулся к окну. — Ладно, мы еще потолкуем об этом, когда ты все-таки проснешься.

Гарри привычно проследил взгляд Драко — автобус на головокружительной скорости несся вперед, автобусы и дома отпрыгивали в сторону, давая ему дорогу. Одно только ночное небо казалось неподвижным, ясным и прозрачным, словно черное стекло. Гарри даже показалось, что он смотрит в бесконечность.

— Ты веришь в Бога, Малфой? — не задумываясь, спросил он.

Драко в недоумении вытаращил глаза:

— Что?

— Ты меня слышал, — почувствовав неловкость, произнес Гарри. — Ты в Бога веришь — ну, вообще?

Драко поколебался.

— Думаю, да, верю. Хотя мне иногда кажется, что у него относительно меня какие-то особые планы...

— А как насчет рая и ада? — поинтересовался Гарри.

Драко тряхнул головой:

— С чего бы это?... Ну, естественно, я верю в ад — мы же сами видели, как демоны утащили Слизерина, куда бы они его еще могли отправить? В воздушное путешествие за Урал?

— Так как насчет рая?

Драко пожал плечами, и Гарри ощутил, что тот чувствует себя очень неловко.

— Ну, коль скоро есть ад, то должен быть и рай.

— И на что, ты думаешь, он похож? — спросил, сев поудобнее, Гарри.

Драко прислонился к деревянной спинке кровати, губы его недоумевающе искривились:

— Ты спрашиваешь меня, на что похож рай, Поттер? Твое имя внесено в его списки еще до того, как оно попало в списки Хогвартса. Тогда как я...

— Тогда как ты собираешься в ад, чтобы поиграть

там в мячик — знаю-знаю, — перебил его Гарри. — Может, привлечешь на секундочку свое не в меру развитое воображение, а? Я и в самом деле хочу знать, что ты об этом думаешь.

— Правда? — глаза Драко были прозрачны, как хрусталь. — Я думаю, что рай свой для каждого попадающего туда. Для тебя, наверное — это зайчики, Рождество, оптимизм... и у всех цветочки за ушами.

— А для тебя?

Драко взглянул в окно, где вспыхивал и исчезал в темноте окружающий мир.

— Думаю, место, где можно отдохнуть.

— Ты устал, Малфой?

Драко перевел свой серый пристальный взгляд на Гарри.

— Я всегда усталый. А ты?

Гарри пожал плечами.

— Нет, думаю, я — нет.

— Ага, — и Драко снова отвел глаза к окну. — Как скажешь.

* * *

Спальня наполнялась бледным рассветом. Рон сидел на подоконнике и смотрел в окно. Вдоль кромки деревьев на востоке на серой ткани неба появился красный шов восхода. Он коснулся макушек деревьев, словно поджигая их. Нетронутый снег на квиддичном поле полыхнул алым, как кристалл, опущенный в красные чернила. Начинался новый, чудесный день, который Рон встречал безо всякого интереса к жизни. Небо над деревьями нависло на него мысли о перерезанном горле и хлещущей из него крови. Голова бела, в висках стучало, словно голову сдавливали в тисках.

Он ужасно устал — он был уже просто измучен недосыпом, напряжением и стрессом. Однако он к этому давно привык. Сейчас его вдобавок снедало беспокойство. Рядом с ней он был счастлив; когда ее не было рядом, он гадал, увидятся ли они снова — и задыхался от отчаяния.

Она первой подошла к нему, и очень скоро то, что сначала казалось игрой, превратилось во что-то совсем другое.

Изначально для него это выглядело как длинный петляющий путь, чтобы получить назад то, что принадлежало ему по праву, чтобы и отомстить за все те случаи — уже неважно, выдуманные и настоящие — когда им пренебрегали и унижали.

Но не теперь, не для него, во всяком случае.

Для неё?... — нет, он это тоже представлял с трудом, он знал, что она здорово рисковала — может быть, даже больше, чем он мог даже представить.

Он думал, что он в безопасности. Но она приходила к нему и читала ответ в его глазах, она желала сама дать его — получая его, он отдавал ей все.

Он отдал ей все: преподнес ей ключик от всех тайн и надежд, скрытых в глубинах его души. Глубочайшие и самые отчаянные желания его сердца. Она теперь знала их все, а он не мог сказать, что ему все о ней известно. Иногда казалось, что она намеренно прячется и ускользает от него; когда они были на людях, она смотрела на него ничего не выражающим взглядом — это больше не могло продолжаться.

Ему хотелось кричать от этого, чем-нибудь кидаться, ударить её — только чтобы она хоть как-то отреагировала. Может, стоит это сделать?...

Гарри как-то сказал ему, что худшим из всех чувств является ненависть к человеку, которого ты любил больше всех на свете. Если бы только Гарри знал, каково это: любить кого-то и не доверять ему. Наверное, это хуже.

Точно хуже.

* * *

Когда Ночной Рыцарь наконец-то накренился

к остановке, уже почти рассвело — во всяком случае, достаточно, чтобы различить тяжелые низкие облака. Воздух был наполнен ощущением приближающейся метели. Драко, испытывавший почти счастье от того, что они покидают автобус, стоял рядом с Гарри, натягивающим перчатки и завязывающим шарф. Автобус взревел и отправился дальше.

Они стояли на проселочной дороге, узкая заледеневшая тропинка бежала между голыми деревьями. А по левую сторону возвышалась стена, увенчанная шипами — как предположил Драко, кладбище.

Гарри закончил возиться с перчатками и зашагал вперед, Драко, наслаждаясь холодным воздухом, — ему всегда нравился мороз — пошел за ним. Наконец стена завершилась металлическими воротами, закрытыми на висячий замок.

Драко смотрел, как Гарри задумчиво стаскивает перчатку с правой руки и касается ей замка:

— Алохомора, — прошептал он, и замок охотно щелкнул и распался под его рукой, с легким скрипом ворота распахнулись, и юноши шагнули вперед. Войдя, Гарри прикрыл за собой двери.

Они были южнее Хогвартса, здесь снега было куда меньше: он лишь слегка припорошил верхушки надгробий и присыпал темные дорожки между могил. Драко до сих пор ни разу не приходилось бывать на кладбище: все Малфои были похоронены на землях Имения, и памятники возвышались над их останками. Что-то внутри него — что-то, оставшееся от того, старого Драко, — воспротивилось самой мысли о том, чтобы быть похороненным вот так вот — среди чужаков, людей другой крови.

Он покосился на Гарри:

— Ты знаешь, куда идешь?

Тот кивнул. Еще было слишком темно, чтобы Драко мог увидеть его лицо, хотя на востоке заря уже начала чуть подсвечивать небо, наступал рассвет. Гарри поднял руку:

— Туда.

Они пошли вперед, замерзшая грязь хрустела у них под ногами, когда Гарри, срезая дорогу, зашагал напрямик к дальнему концу кладбища через заросли замерзшей травы. Цветы на могилах цвели и не замерзали, напоминая о том, что кладбище было волшебным; Драко едва замечал имена, высеченные на надгробиях, — он смотрел на Гарри, напряженного, как натянутый лук: руки, засунутые в карманы, сжались в кулаки, плечи поднялись.

Вдруг он остановился.

— Ну вот, — тихо произнес он, — мы и пришли.

От адреналина сердце Драко неожиданно подпрыгнуло. Он сам не знал, в чем дело. Остановившись позади Гарри, он взглянул.

Высокие памятники с резными ангелами и латинскими надписями, увенчанные статуями Мерлина, других знаменитых волшебников... Однако они стояли перед двойной могильной плитой, на которой были высечены только имена: Лили Поттер справа, Джеймс Поттер слева. Внизу был высечен девиз на латыни: «Amor Vincit Omnia», а под ним — дата смерти: 30 октября 1981 года.

Драко скользнул взглядом по Гарри, тот был тих и неподвижен. В синевато-белом свете наступающего рассвета его лицо казалось нарисованным полутеньями, рот был упрямо сжат. Он был бледен и словно светился изнутри, глаза смотрели в какие-то другие, неведомые туманные дали. Они напоминали глаза слепца.

— Гарри, — позвал Драко. Он хотел сказать что-то глубокомысленное, успокаивающее о сути жизни и смерти, о важности этой близости, однако слова не шли ему на ум. Вытащив руки из карманов, он колебался, не коснуться ли плеча Гарри, чтобы удостовериться, что с тем все в порядке.

— Малфой? — тихо откликнулся Гарри, не сводя глаз с надгробия.

— Да, — напрягся Драко.

— Если ты не против, — Гарри так и не повернул

к нему лица, — я бы хотел немножко побыть в одиночестве.

— О, да-да... — Драко засунул руки в карманы и ощутил неловкость. — Конечно. Я... приду попозже.

Гарри не ответил. Драко повернулся и оставил его над могилами родителей. На них лился прохладный рассвет.

* * *

Гарри дождался, пока хруст льда под ногами Драко растает в тишине, опустился на колени у могилы и снова взглянул на надгробие: имена отца и матери выглядели старыми шрамами на камне. Он перечитал латинские слова под ними и подивился, кто мог выбрать их: Любовь побеждает все. Только тот, кто считал это истиной.

А это таковой не являлось.

Сердце забилося в груди, во рту стало сухо — больше он не почувствовал ничего. Вообще ничего. Ему не хотелось заплакать. Все мысли сосредоточились на том, что он должен был сделать — он подозревал, что у него не так и много времени. Сняв перчатки и аккуратно положив их на землю, он принялся разрывать снег, укрывавший могилу.

Земля замерзла и превратилась в камень, — он словно царапал железо. Как же ему хотелось, чтобы под рукой оказалось что-то, чем можно было бы копать землю, или же он подобрал бы подходящее заклятье — однако он подозревал, что здесь магию лучше не использовать. В конце концов, он снял браслет и, вытащив красный камень, начал его краем скрести землю. Наскоблвив горсть, он достал из внутреннего кармана куртки небольшой флакон, высыпал туда мерзлую землю, крепко-накрепко закупорил и снова убрал в карман.

Он встал и неожиданно почувствовал головокружение — от того ли, что затаил дыхание, или же потому, что он наконец-то находился здесь. Высеченные на камне имена врезались ему в память, отпечатались внутри. Он снова услышал голос Драко, произносивший те слова в коридорах Слизеринского замка. Ты ничего не сможешь сделать, и нет возможности отомстить за них; они навсегда останутся там, и вы не встретитесь, даже если ты умрешь.

Внезапно он осознал, что не хочет смотреть на могилу, не может даже находиться рядом — он начал быстро отступать, пока ее не скрыла с глаз другая могила. Он оказался на поросшей травой площадке между четырьмя каменными памятниками. Прижавшись к одному из них, он пытался успокоить скачущее сердце.

Солнце неуклонно ползло вверх, подрумывая нежным розовым светом и снегом, и бледные каменные плиты памятников. Бесконечные, неподвижные и неразрывные ряды надгробных плит раскинулись вокруг. И вдруг Гарри увидел, что между ними к нему кто-то движется. Не Драко. Девушка.

Рисенн.

Гарри выпрямился и присмотрелся. Он вспомнил, что видел ее в Имении рука об руку с Чарли и еще подумал тогда, что она была прекрасной, если бы была чуть старше — она была из тех элегантных женщин, кто одевается скорее, как кукла, нежели как человек. Теперь же она выглядела... совсем по-другому. Короткая плиссированная серая юбка, голфы, черные лакированные кожаные сандалики, мягкий синий свитер. Должно быть, она ужасно замерзла, — подумал он. Однако по ней этого было совершенно незаметно.

Черная коса почти до талии с невероятно ярким синим бантом, лицо без всяких признаков макияжа, сияющие глаза — она выглядела лет на пятнадцать, хотя это юное лицо совмещалось с телом двадцатипятилетней женщины.

— Думаю, ты не поверишь, если я скажу, что была тут по соседству, да? — спросила она, подходя к Гарри.

— Да, — и он сделал еще шаг назад, упершись

спиной в чей-то памятник и лишившись пути к отступлению. — Если тебе нужен Драко, его тут нет, он пошел прогуляться.

— Как удачно, что я встретила не его, а тебя.

— Меня? — переспросил Гарри. Она подошла к нему слишком близко, однако не собиралась останавливаться. — Почему меня?

До нее было не больше фута, она стояла так близко, что перед его глазами было только ее лицо: ярко-красные губы и серые бездны глаз. Он хотел отвести прочь взгляд — и не хотел этого.

— Я хотела поговорить с тобой, — дрогнули ее красивые губы. — Только и всего.

— И о чем же? — голос Гарри сорвался и прозвучал на октаву выше.

Она рассмеялась:

— Что бы ты сделал, скажи я тебе, что с самого дня твоего рождения я не могу перестать о тебе думать, и просто обязана была повидать тебя снова?

— Не знаю, — занервничав, ответил Гарри, — это из тех вещей, что ты, наверное, скажешь?

Посмеиваясь, она протянула руку и погладила его щеку, задержав на ней свои пальцы. Он почувствовал, что не может унять дрожь в теле, его колотило, словно от холода.

— Ты такой классный, — заметила она приглушенно, — ты об этом знал?

— Мне говорили обратное, — он занервничал еще больше и начал оглядываться по сторонам. — Разве ты не знаешь, что нападать на людей на кладбище — дурной вкус?

— Что ж, — пожала плечами Рисенн, давай посмотрим на это по-другому. Минуту назад ты был в печали, правда? А теперь — нет.

— Точно, — согласился Гарри. — А теперь я боюсь.

— Я чувствую, — жалобно заметила она, — что ты мне не доверяешь.

— Так оно и есть, — Гарри попытался перевести дыхание, однако от тяжелого аромата ее духов у него запершило в горле, и он закашлялся. — А с чего бы я тебе доверял? И вообще — с каких это пор тебя интересует, что я думаю? Я предполагал, что тебя волнует Драко.

— Волнует? — она фыркнула и надулась. — Ты называешь это волнением? Я просто пытаюсь быть полезной.

— Самое полезное, что ты можешь сделать — уйти отсюда.

Она подняла на него огромные серые глаза.

— Ты ведь на самом деле так не думаешь, — заметила она, и Гарри с неприятным удивлением обнаружил, что она права. Нет, он и вправду не верил ей, она не нравилась ему, однако что-то глубоко спрятанное внутри удерживало его от того, чтобы отстраниться от ее прикосновений, от которых, словно от холода, по коже Гарри бегали мурашки. Он подумал о Гермione, о том, что бы сейчас подумала она, — и сразу почувствовал вину и злость. — А почему ты поверил тому, что Драко наговорил тебе?

— Потому что ему я доверяю, — коротко ответил Гарри. Он чувствовал, что придавлен ко входу в мавзолей, и не может уйти, не оттолкнув ее прочь, а мысль о том, чтобы прикоснуться к ее телу руками — даже для того, чтобы толкнуть, — казалась ему очень неудобной.

— А ты уверен, что это мудро? — от ее дыхания заколыхались его волосы, его затрясло, а мысли разлетелись в разные стороны испуганными птицами. С ним никогда такого прежде не случалось: сталкиваясь с опасностью, его ум и бдительность всегда заострялись. Сейчас все в голове перепуталось.

— Что?... На что ты намекаешь? — заторможено спросил он.

— Я же говорила, что твои друзья тебя предадут, — прошептала она. — Не помнишь?

— Драко не предаст, — все также медленно возражал он. — Не сможет. Он не может лгать мне.

— А ты уверен? — ее рука снова начала гладить его щеку.

Он кивнул и сразу же понял, что сделал это зря — теперь он сам потерся щекой о ее ладонь.

— Уверен.

— И что же тебе дает эту уверенность? Что — он надежен? Или ты знаешь, что-то особенное? Чего не знают другие?

Он хотел ответить, но слова засохли у него в горле.

— Ты себя хорошо чувствуешь, Гарри? — спросила она, однако глаза ее говорили совершенно иные вещи, они почти звучали у него в голове: «Я знаю, чего тебе хочется на самом деле... Мы можем пойти куда-нибудь... В какое-нибудь тихое местечко, чтобы заняться там сексом. Если ты этого хочешь».

Гарри отпрыгнул от нее так резко, что ударился головой о резное каменного ангела.

— Ох! — воскликнул он. — Что ты сказала?

— Ой, бедная твоя головушка, — в ее глазах танцевало с трудом сдерживаемое веселье. — Дай-ка я взгляну... — она коснулась и погладила пальцами его виски. Гарри сморщился и затаил дыхание, однако, даже сжав губы, он словно задышался от аромата, шедшего от ее волос, — жасмин, сандал, смешанные с чем-то более ярким и терпким.

Нет, она не была красива, однако сейчас это не имело никакого значения — его сердце превратилось в отбойный молоток, а в горле пересохло. Он четко ощущал, что она касается его плечом, что грудь ее упруго вздымается, видел ямочку посередине ее нижней губы...

— Я... — безнадежно начал он, — я не думаю, что я...

— Тш-ш, Гарри, — зашептала она, придвигаясь еще ближе, он чувствовал ее дыхание, оно ерошило его волосы.

Если она подойдет еще ближе, — полуистерически подумал он, — нам уже не придется никуда идти, чтобы заняться сексом.

В груди стало тесно, это ощущение нарастало, перед глазами мерк свет... Ему стало дурно, он чувствовал одновременно и слабость, и болезненное возбуждение.

— Я не сделаю тебе больно, Гарри... Тебе понравится...

Серый туман перед его глазами разрезал раздраженный и холодный голос:

— Отойди от него. Сейчас же.

Гарри распахнул глаза (он сам не осознал, когда закрыл их) и увидел, что Рисенн отступила от него, взмахнув косой.

— Боже, — произнесла она тоном девочки, оставшейся без дня рождения. — Драко...

Гарри с трудом оторвал свой взгляд от Рисенн, без всякого удивления увидев стоящего в нескольких шагах от них Драко. Тот держал руки в карманах, пристально глядя на Рисенн, и был, судя по виду, очень раздражен.

— Слушай, у тебя что — совсем стыда нет?

Она улыбнулась:

— Ревнуешь?

— Нет, — отрезал он. — Просто терпение кончилось.

— А я просто пошутила, — Рисенн развернулась к Драко, взмахнув юбкой. Гарри почувствовал невыразимое облегчение, ее присутствие здорово действовало ему на нервы. — Я тебя искала — хотела поблагодарить. Ты спас мне жизнь.

Драко бросил на нее недовольный взгляд:

— Это было просто рефлекс. Я вообще думаю, что ты бессмертна.

— Верно, однако, у меня может течь кровь. Я могу чувствовать боль... и вообще — много чего еще...

«... Клянусь, может», — раздраженно подумал Гарри.

«... Еще бы, а ты, несомненно, сумел дать ей дос-

тойный отпор, — бросил в ответ Драко. — А теперь, будь добр, заткнись и дай мне с этим разобраться».

Рисенн прищурилась:

— А, так вы болтаете между собой? Слышала, что вы умеете это, однако никогда не думала...

— Кто сказал тебе про это? — резко перебил ее Драко.

— Неправда, — вставил Гарри. Голос постепенно возвращался к нему, а головокружение уже почти пропало.

Драко стрельнул в него взглядом и снова уставился на Рисенн.

— Зачем ты пришла сюда за нами, Рисенн? — потребовал он. — Заскучала в своей клеточке? Вольде-морт плохо кормит тебя сквозь решетку?

Румянец исчез с лица Рисенн.

— Что ты сказал?

— Ты меня слышала, — Драко начал медленно наступать на нее, она начала пятиться от него. — Можешь назвать меня психом, однако мне кажется, что тебе надо туда установить колесо, чтобы ты крутилась в нем, сбрасывая с его помощью избыток энергии, а не гонялась бы за молодыми парнями по Британским островам.

Краска затопила лицо Рисенн.

— Клетка не может удержать меня, — прошипела она.

— Хочу, однако, заметить, что свою работу на Вольдеморта ты не отрицаешь, — холодно заметил Драко. Гарри показалось, что сейчас он здорово похож на своего отца. — Не скажешь нам об этом пару слов?

— Кто тебе сказал об этом? — требовательно спросила она. — Откуда ты узнал?

Драко тряхнул головой:

— Я мог бы тебе об этом сказать, но мне что-то не хочется.

Пальцы Рисенн изогнулись, казалось, она была готова вцепиться в него, как когтями:

— Глупый мальчишка! — фыркнула она. — Темный Лорд уничтожит тебя, даже если кто-то из его слуг предал его ради тебя!

— В таком случае, может, я просто скажу ему, что это ты? — в тон ей предположил Драко. Приподняв бровь, он бросил взгляд на посветлевшее небо. — Солнце встает, — обманчиво мягко заметил он. — Может, тебе стоит...

Вскрикнув, она исчезла в кружении черных волос даже без положенного аппарированию мягкого хлопка.

Драко стоял и смотрел на то место, где она только что была: на снегу даже не осталось отпечатков ее ног — сейчас, при свете, это было отчетливо видно. Солнце поднималось над горизонтом, разбрасывая золотисто-розовые лучи, сосульки над волосами Драко (которые тоже были какого-то ледяного цвета) заискрились.

— Это... — наконец сказал Гарри. У Драко было совершенно непроницаемое выражение лица. — Малфой, спасибо.

— Спасибо? — Драко вздернул голову и посмотрел на Гарри так, словно тот был самой жалкой и несчастной вещью из всех, которые ему приходилось видеть за всю свою жизнь. — Что это было? Я не замечал, что ты легко поддаешься на женскую хитрость.

— А я и не поддаюсь, — ответил Гарри, внутренне кляня себя за косноязычие, однако все еще не в силах справиться со своим дыханием. В животе было какое-то странное, тянущее чувство, словно он только что упал с огромной высоты.

Драко сделал страшные глаза:

— Если бы я не вернулся...

У Гарри все внутри перевернулось.

— У меня все было под контролем, — заметил он.

— Конечно, это именно так и выглядело. Что ж, если бы тебе улыбнулась удача, тебе бы обломилось куда больше, чем просто захлебнуться в ее слюнях.

У Гарри внутри снова все перевернулось, словно пытаясь вывернуть его наизнанку. Сделав несколько

неуверенных шагов и едва не налетев на очередное надгробие, он все же упал на колени, и его мучительно вырвало на траву. Его всего колотило, только раз ему было так же плохо — когда он ужасно напился. Жесткие рвотные спазмы скручивали его снова и снова.

Наконец, ему полегчало, и он откинулся назад, хватая ртом воздух.

— Эй, — голос Драко был теперь куда мягче. Осторожно обхватив Гарри за плечи, он помог ему подняться на ноги. — Гарри... Да что с тобой случилось?...

— Думаю... мне нужно... немного воды... — покачал головой Гарри.

Драко тут же вытащил из кармана бутылку воды, за которую заплатил немислимую сумму, и протянул ее Гарри. Напившись, тот остатками сполоснул лицо и руки. Это помогло: в голове тут же начало проясняться, мир перед глазами приобрел отчетливые очертания.

— Сам стоять можешь? — спросил Драко.

Гарри кивнул, вытираясь рукавом.

— Я уже в норме. Видно, это все последствия безумной скачки на этом Ночном Рыцаре.

Драко задумчиво взглянул на руку Гарри:

— Не думаю. Подозреваю, здесь не обошлось без Рисенн.

Гарри вяло рассмеялся:

— У меня есть ощущение, что она бы не слишком обрадовалась, услышав это.

— Да, судя по всему, она произвела на тебя адски неизгладимое впечатление. Я думал, ты сейчас кувыркнешься и отключишься.

— Я собирался оттолкнуть ее.

— Ага, может быть.

— Я пытался... — повторил Гарри, — но не смог. Я хотел, но...

— Понимаю, что делать, — с каждым парнем такое случается, — с деланным сочувствием заметил Драко.

— Заткнись, Малфой! — задохнулся Гарри.

Драко хихикнул.

— Ладно, нам пора убираться отсюда. Уже совсем светло.

— Ага, — кивнул Гарри и шагнул к нему, однако неожиданно замер. — Перчатки и браслет... Я оставил их там... там, где мы были...

Ухватив Гарри за куртку на спине, Драко начал мягко подталкивать его вперед, к могиле Поттеров, Гарри не возражал — он все еще чуть пошатывался.

— Браслет? — эхом повторил Драко.

— Ну да, эта руническая полоска. Я ношу ее — на удачу.

— Ах, да, красный браслет. Почему ты его снял?

— Просто так, — Гарри нагнулся и подобрал браслет с перчатками. Драко молча ждал, когда тот снова заговорит. Гарри бросил на надгробие последний взгляд и открыл коробочку с портключом — тот блеснул серебром в утреннем свете.

— Держись за меня, — портключ коснулся его руки, мир опрокинулся, и сквозь серый туман они понеслись куда-то. Драко крепко вцепился в куртку Гарри.

* * *

Драко приземлился на каменный пол с такой силой, что едва не упал на Гарри, за которого он по-прежнему цеплялся. Заняв вертикальное положение, он беспокойно огляделся.

Они находились в кабинете Люпина. В луче света, лившемся из приоткрытого окна на заваленный книгами стол и холодный пустой камин, танцевали пылинки. Драко покосился на Гарри, сидевшего с ошеломленным видом.

— Клади на место портключ и пошли отсюда, — тихо скомандовал Драко.

Гарри кинул коробку на стол, но в этот момент раздался какой-то слабый звук, и дверная ручка начала медленно поворачиваться.

Гарри уставился на дверь и побледнел:

— Мантия... она осталась у тебя в комнате!

Драко схватил его за шкуру, дернул к камину, махнув в его сторону рукой «инсендио!» Сине-белое пламя тут же загудело за решеткой. Гарри, сообразив, к чему клонит Драко, схватил с каминной полки банку, бросил в камин пригоршню Дымолетного порошка и тут же прыгнул в пламя. Драко, вцепившись снова в его куртку, чтобы не потеряться, последовал за ним, слыша, как Гарри крикнул место назначения. Порошок завертел их прочь, и тут Драко осознал, что не понял, куда Гарри их направил. Мимо мелькали чужие каминны, горящие и пустые, порошок нес их вперед, пока с силой катапульты не вышвырнул на каменный пол.

Гарри взвыл от боли, его скрутил кашель. Драко, преодолев головокружение, поднял голову и взглянул на Гарри — чумазого, закопченного и взъерошенного.

— Ты как? — приподнимаясь на локтях и чувствуя ноющую боль в теле, спросил Драко.

— Порядок, — все еще кашляя, кивнул Гарри. — Да убери ты от меня свою чертову ногу! Ой!

— Не пихайся! — разозлился Драко. — И не маши ты руками у меня перед носом, все глаза мне копотью засыпал!

— Э... доброе утро, — растерянно произнес чей-то голос. — Мило, что заглянули.

Юноши резво повернулись: сначала Драко увидел ноги в темно-синих джинсах, потом, по мере того, как глаза его поднимались вверх, — синюю рабочую мантию, всю в копоти и пыли, руки в высоких кожаных перчатках, скрестившиеся на груди, и лицо с весьма неодобрительным выражением под яркой шевелюрой, которую он немедленно узнал...

— Чарли, — слабо произнес Гарри и зашелся в очередном приступе кашля.

Драко откатился от Гарри и поднялся на колени, бросая взгляды на то место, где они находились. Кабинет Чарли — ну естественно: эти яркие румынские вышивки по стенам, ведро с драконьим кормом, а в железной клетке на столе и сам дракон — судя по виду, весьма недовольный тем, что его завтрак был прерван таким способом.

— Я все могу объяснить, — начал Драко.

Чарли замотал головой и за его спиной, в зеркале, Драко увидел их с Гарри — таких, какими их сейчас видел Чарли: все в копоти, даже волосы у Драко были черными, ботинки в грязи, лица полосатые и виноватые. И в маггловской одежде.

— Знаешь, что? — закатил к потолку глаза Чарли. — Я даже знать ничего не желаю. Ни-че-го.

* * *

— Рон, ну съешь ты хоть что-то, — сердито произнесла Гермиона. — А то у меня от твоего копания даже голова разболелась.

Джинни взглянула на брата: тот ковырялся в холодной фасоле и тосте. Вид у него был усталый и удрученный: под глазами набрякли мешки, рот уныло искривился.

— Мандраж перед игрой? — удивленно поинтересовалась она. Рон чрезвычайно редко волновался перед игрой.

— Живот болит, — коротко ответил Рон и поднял глаза. — Где Гарри?

— Утром его не было, — подсказал Симус, и все глаза немедленно обратились к Гермионе, тут же покрасневшей в тон волосам Рона.

— Я его тоже не видела, — быстро ответила она. — Может, перед завтраком ему дали поручение или еще что-то...

— Ладно, но если он не появится до игры, я с него живого шкуру спущу, — громогласно заявил Рон. — У нас никого нет в запасе на его место...

— Думаю, что у Джинни бы вышло, она достаточно скоростная, — заметил Симус. — А на место охотника можно взять Парвати... Парвати, ты ведь была охотником на пятом курсе?

Та фыркнула в ответ:

— Жан-Ив не разрешает мне теперь этим заниматься, — ответила она, имея в виду сына французского министра магии, с которым встречалась уже почти два года. В сентябре тот подарил ей сапфир размером с голубиное яйцо, породивший массу предположений среди гриффиндорских девушек. — Он считает, что квиддич очень неженственен.

— А вот мы думаем, что его произношение невероятно женственно, но разве мы об этом говорим? — закатил глаза Рон и вернулся к своей тарелке с беконом. — Ей-Богу, какого черта...

— Гарри! — неожиданно воскликнула Гермиона, отбрасывая лязгнувшую вилку. Джинни развернулась и увидела опаздывающего к завтраку Гарри. Он подошел и сел рядом с Гермионой, которая от изумления не могла оторвать от него глаз. Джинни поняла, в чем дело: Гарри был грязен. Не просто грязен: его и без того черные волосы были засыпаны копотью, все было в копоти — и нос, и щеки, и подбородок. Одежда выглядела вообще кошмарно, а когда он потянулся за тыквенным соком, Джинни увидела, что у него даже ногти с траурными каемками.

— Гарри, — не в силах сдержать изумление, спросила Гермиона, — что с тобой произошло?

Брови Рона поползли на лоб.

— Позволь, я угадаю, — попросил он, исследуя Гарри с ног до головы. — Ты мог бы быть малюткой-трубочистом, но у тебя огромный...

— ...аппетит, — бодро подхватил Гарри, подхватил блюдо с яичницей и начал накладывать ее себе в тарелку. — Я умираю от голода.

Все с удивлением уставились на него: прошло уже несколько месяцев тех пор, как Гарри последний раз обращал внимание на то, что ест.

— Гарри, дорогой, — Гермиона прикладывала массу усилий, чтобы говорить спокойно и терпеливо, — есть ли какая-нибудь веская причина, чтобы ты так выглядел...

— Как — так? — поднял глаза Гарри и заулыбался. Его зубы на фоне его перемазанного лица казались совершенно белыми.

— Ты ужасно грязный, — закончила Гермиона.

Секунду Гарри просто смотрел на нее, потом вдруг наклонился и сочно чмокнул ее в щеку, оставив на ней огромное грязное пятно.

— Гермиона, — решительно заявил он, — давай не будем об этом волноваться, ладно?

Он хлопнулся на свое место и набросился на бутерброд с маслом.

Гермиона удивленно посмотрела на него и, покачивая головой, спрятала улыбку.

— Приятно видеть, что ты ешь, Гарри, — произнесла Джинни, поедая глазами Мальчика-Который-Выжил, словно не в силах поверить, что это он. — Особенно с учетом предстоящей игры.

— Однако я надеюсь, что перед игрой ты все-таки отмоешься, — произнес Рон, с большим сомнением воспринявший появление столь грязного Гарри. — Если ты явишься на игру в таком виде, слизеринцы помрут от смеха, и нас дисквалифицируют.

— Хм, — пробормотал Симус, протягивая руку к масленке, — то есть ты хочешь сказать, что вся эта копоть не имеет никакого отношения к маскировке? А я-то подумал, что, может, это какая-то новая тактика...

— Слушайте, какие вы все смешные! — перешел к бекону Гарри. — Знаменитый гриффиндорский юмор, постоянно про него слышу... вернее, наоборот.

— Наш факультет — факультет смелых, — возразил Симус, взмахнув вилкой. — А не остроумных. Мы — пушечное мясо. «Останови собою зло, встав на его пути».

— Подход победителей, — заметил Рон. — Замечание вслух: никогда не допускать Симуса до предметного настроения на игру.

Джинни захихикала, Симус взглянул на нее и отвел глаза, даже не улыбнувшись, отчего ей неожиданно стало очень больно. Она с тоской уставилась на свой

тост.

Симус... Милый, хороший... А она обошлась с ним так ужасно! И он ведь даже не подозревает о том, насколько ужасно!

Снова подняв глаза, она с удивлением увидела, что Гарри замер, не успев донести вилку до рта, и смотрит куда-то на слизеринский стол. Там рядом с Блез стоял Драко, и хотя он не был таким чумазым, как Гарри, Джинни все-таки заметила, что и его мантия вся в копоты. Через голову Блез Драко пристально смотрел на Гарри, словно пытаясь что-то ему передать.

Отложив в сторону вилку, Гарри посмотрел на Гермиону, листавшую прислоненный к кувшину с соком учебник в промежутках между кусанием тоста:

— Гермиона, — тихо произнес он, — можно тебя на минутку?

— Да, — кивнула она, не отрывая глаз от книги.

— Нет, я в том смысле, — он еще больше понизил голос. — Наедине. В сторонке.

Гермиона подняла чуть удивленный взгляд:

— Конечно, — она заправила за ухо выбившуюся прядь. — Думаю, мы вполне могли бы прогуляться.

Джинни знала, о чем они говорят — они собирались пройтись к озеру, как всегда. Она сбилась со счета, сколько раз за свой третий и четвертый курс она видела из окна класса Гарри и Гермиону, гулявших по узкой тропинке вдоль озера.

Гарри отодвинул стул и поднялся:

— Пошли.

Гермиона сунула книгу в сумку и взглянула на Рона:

— У нас ведь сегодня собрание, да?

Рон кивнул:

— Ага, сразу после ланча. В этот раз ты собираешься на него прийти?

Гермиона состроила ему рожу и взяла Гарри за руку. Подумав, она вытащила из кармана палочку и наставила ее на своего друга:

— Detergere, — и с одежды и рук Гарри исчезла копоть, осталась лишь узкая полоска поперек левой скулы. Гарри заворчал. — Ей-Богу, — воскликнула Гермиона, засовывая палочку обратно в карман, — похоже, ты хочешь быть грязнулей.

— А я-то думал, что выгляжу по-геройски, — Гарри взял ее за руку, — идем.

Они вышли, и Джинни неожиданно сообразила, что уставилась им вслед. А вернувшись к своей тарелке, заметила, что все остальные делают то же самое.

* * *

— Мне кажется, что между Джинни и Симусом что-то происходит, — заметила Гермиона, следуя за Гарри. — Элизабет сказала, что видела, как он выходил в четыре утра из ее комнаты. По-моему, это хорошо. Симус отличный парень, правда?

Гарри молчал. Они шли по петляющей тропинке вокруг озера, между голыми деревьями, что вскинули свои черные тонкие ветви, присыпанные серебристым снегом, к небу. Гермиона мельком удивилась, как встретил зиму гигантский кальмар, — толстый лед озера занесло снегом, все казалось мертвенно-холодным.

— Ты меня слышишь, Гарри?

Отпустив ее руку, Гарри развернулся к ней лицом. Они стояли на обрыве, лед озера искрился снегом под серебром неба. На этом фоне яркие пятна румянца на бледных щеках, черные волосы, полосатый золотисто-бордовый шарф казались красочными брызгами на белом полотне. Облачка пара вырывались у него изо рта, когда он заговорил:

— Симус великолепный парень. Образцово-показательный — сам бы с ним встречался. Однако то, что я хочу тебе сказать, не имеет никакого отношения к Симусу и Джинни.

Гермиона недоуменно пожала плечами:

— Прекрасно. Я все равно хочу с тобой поговорить.

— Точно? — его зеленые глаза были очень серьез-

ны. — Хорошо, только можно я первый, ладно?

Она кивнула, почувствовав, что от дурного предчувствия у нее засосало под ложечкой.

— Ладно, — Гермиона аккуратно присела на выступающий корень ближайшего дуба и обернула плащом коленки. — Ну, так что?

Гарри поник под своим плащом и надолго умолк, Гермиона безмолвно ждала — как правило, минута тишины вполне стоила того, чтобы дать ему собраться с мыслями и начать разговор.

— Я тут подумал, — очень тихо начал он, — что очень хочу поговорить с тобой, но не уверен, что выбрал подходящее время...

Гермиона пристально посмотрела на него, чувствуя нарастающее удивление. Она уже смотрела на него так, в замке Слизерина: прикованный к стене Гарри, отказывающийся сказать, что же такого страшного произнес Драко, чего было достаточно, чтобы расколоть адмантиновую дверь.

Скажу только, что это было просто ужасно... Что-то, что я никогда не забуду и... не прошу...

— Я знаю, я в последнее время был отчужденный, — тихо заговорил он, сжимая руки в кулаки и засовывая их в карманы. Неожиданно у нее мелькнула мысль, что он позвал ее сюда, чтобы сообщить о разрыве, — и от этого все внутри у нее оборвалось.

Я знала это, — подумала она, — я знала...

— Гарри... — прошептала Гермиона.

Но он продолжал, словно ничего не слышал.

— Я желал бы, чтобы я не был таким, однако... я не знаю, как иначе поступить сейчас... Когда я был... — он колебался, собираясь с силами, и продолжил, словно кидаясь в пропасть. — Когда я жил с Дурслями, когда я был ребенком, я часто думал, какими бы были мои родители, будь они живы.

Он удивления у Гермионы открылся рот. Гарри никогда не заговаривал о своем детстве, о том, как он жил до школы. Никогда.

— Конечно, любой бы...

— Нет, — спокойным голосом оборвал ее он, — я и вправду представлял их, я никогда не знал, как они выглядели. Дурсли говорили, что они были уродами, отребьем, но я никогда этому не верил. Я решил, что моя мать была прекрасна, отец красив, ну и, конечно же, они любили меня больше всего на свете.

Гермиона почувствовала, что у нее защипало глаза:

— Уверена, так оно и было... — тихо заметила она.

— Я не знал, какого цвета были волосы моей матери, думал, что, может, они были черными, и это передалось мне... А отец, — думал я, — возможно, был блондином. Я рисовал его себе высоким, сильным... Я думал о той аварии, в которой предположительно они погибли, думал о том, откуда они ехали тогда, куда собирались. Я придумал, что они были шпионами и работали на правительство; и что на самом деле они не умерли, а просто ушли в подполье и были вынуждены оставить меня, потому что их работа была слишком опасна.

Я убеждал себя, что они однажды придут за мной, и мы будем жить вместе в голубом доме с разноцветными комнатами, потому что у Дурслей все было разных оттенков серого, — его голос дрогнул, как было в те времена, когда он ломался. — Я мысленно обставил каждую комнату, наполнив свою игрушками, я давал имена нашим домашним зверюшкам, я все записал, поэтому и не забыл. На самом деле я жил не в темном чулане под лестницей — я жил в том доме, с моими родителями.

Гермиона наклонила голову, пряча от Гарри слезы. Она хотела, чтобы он продолжал.

— Я все записал в старой записной книжке Дадли, — Гарри смотрел на заснеженную поверхность озера. — И, разумеется, однажды утратил бдительность, и дядя нашел и прочел ее. Он выволок меня из чулана, прижал к стене; я до сих пор помню, что он сказал мне: «Твои родители мертвы, мальчик. Они не шпионы

и не работают на правительство. Они умерли и никогда тебя не заберут. Они умерли глупой, бессмысленной смертью, и я был бы даже рад, что они умерли, не подкинь они нам тебя. И все твои мечты не вернут их обратно». Вот и все, — он помолчал. — Мне тогда было восемь.

— А записная книжка? — шепотом спросила Гермiona.

— Я сжег ее, — отрезал Гарри. — Я знал, что дядя был прав, и я не мог вернуть их обратно.

— Ты поверил ему? Тому, что они умерли?

— Я знал это. Я видел это в его глазах — у него был вид победителя, а не лежца, — голос Гарри наполнился отвращением. — Он и вправду был рад, что они умерли. Я его презирал. Однако в «тот» дом я больше не вернулся — его разрушили. Это было тяжело, словно я снова потерял своих родителей, — голос Гарри стал сдавленным и отрывистым. — А потом я попал сюда, и у меня появился настоящий дом. Я узнал, какими были мои родители, узнал, что они любили меня. Они бы гордились мной. Гордились мной... Мир, где бродят и разговаривают призраки, — я думаю, что они смотрят на меня оттуда. И мой отец видит, как я летаю. Мать моя знала, что я встречу с драконом. Они знают, что я делаю, — день за днем, ведь это немного оправдывает ту жертву, которую они принесли, сумев спасти меня...

— О, Гарри, — зашептала Гермiona. — О, милый мой... Мне так жаль, — снег хрупнул под ее ногами, когда она поднялась и едва не поскользнулась, потянувшись к нему. Он стоял и смотрел на нее — одинокий, словно создавший вокруг себя нерушимый, какой-то особенный мир, и она замерла на его границе, сомневаясь, стоит ли касаться его, хотя вторая ее часть кричала от боли и желания обнять, прижать его к себе крепко-крепко. — Тебе не надо было делать этого... Я знаю, ты пытался объяснить мне свою отчужденность, я знаю — ты думал о своих родителях — а как иначе? А я была такая эгоистичная, думала об учебе и карьере, — мне даже в голову не приходило, что это могло быть для тебя... — мысль о том, что они не увидят твой выпускной, не узнают, что ты стал членом команды, что ходил на свадьбу к Сириусу... О, Гарри, ведь это же такая важная часть твоей жизни, и если сейчас ты скупаешь о них все больше... — голос ее оборвался. — Ты это хотел сказать?

Он смотрел на нее, и в его зеленых глазах мелькнул какой-то непонятный сумрак.

— Да, что-то вроде того, — тон его был таков, что в ней тут же поселилось чувство, что ее занесло совершенно не в ту сторону, и она абсолютно не поняла, что он пытался донести до нее. Она ощутила себя ужасно бестолковой, какой-то внутренний голос шепнул ей, что она не в силах излечить его от этой темноты: она для этого слишком юна, а темнота слишком огромна. Однако она любила его — любила настолько сильно, чтобы понять и помочь ему, — решительно заявила она себе. Но всей ее любви, такой огромной и всеобъемлющей, могло и не хватить...

— Гермiona, — позвал он ее странно-отчужденным голосом, — о чем ты думаешь?

Она вздохнула:

— Все эти годы с Дурслями... Было бы совсем удивительно, если бы ты вырос эгоистичным, себялюбивым. Или злобным и мстительным. Но ты не такой: ты редко сердись, имея на то полное право, ты не жалеешь себя. У тебя было такое детство, что ты мог стать совершенно ужасным человеком, — а вместо этого ты стал самым лучшим из всех, кого я знаю. Ты сам сделал себя таким человеком. Я имею в виду то, что сказала тебе на первом курсе: ты великий волшебник, но ты прекрасный человек, а это куда важнее. Я восхищаюсь тобой, Гарри. И всегда тобой восхищалась.

Он склонил голову, и она не заметила выражения, скользнувшего по его лицу:

— Нет, — сипло произнес он, — я вовсе не так хорош, как ты...

Она рассмеялась:

— Так ты помнишь, — она шагнула вперед, и он, вскинув голову, взглянул на нее. Она легонько коснулась его лица, и он устало прижался щекой к ее раскрытой ладони. — Я так волновалась за тебя, я не хотела, чтобы ты знал, что я плакала.

— Я знаю, — тихо произнес он. — Ты была первым человеком в моей жизни, который плакал от любви ко мне.

Она покачала головой:

— Уверена, что не первым.

— Первым, которого я помню, — он крепко сжал ее запястье. — Не знаю, что бы я делал без тебя? Что бы?

Его тон напугал её, она пыталась заглянуть ему в глаза, но он обессилено прильнул к её плечу и спрятал от неё свое лицо. Она поцеловала его куда смогла дотянуться — в висок — черные волосы закрыли его лицо и скользнули под ее пальцами. Мягкие волосы, похожие на черный шелк.

— Гарри, — прошептала она, — ты никогда не должен покидать меня. Никогда.

Она почувствовала, что он вздрогнул под ее руками, поднял голову с плеча и улыбнулся. Сама не зная почему, она не смогла до конца поверить этой улыбке.

— Я знаю, — произнес он, — однако мне надо на тренировку. По-моему, мы не слишком подготовлены к сегодняшнему матчу и мне... нужно идти.

— Ладно, — она отпустила его. — И — больше ничего?

Он покачал головой:

— Нет. А ты — что ты хотела мне сказать?

Она сглотнула комок в горле:

— Ничего. Просто...

— Что?

— Я уже не увижу тебя до игры, — соврала она, проклиная себя, — удачи.

Он взглянул на нее, видя, что она что-то скрывает, присмотревшись к нему, она ощутила то же самое. Пропать все еще стояла между ними — и не было моста, чтобы пересечь ее. Склонившись, он коснулся губами ее щеки:

— Увидимся.

— Увидимся, — прошептала она и зажмурилась, чтобы не видеть, как он уходит.

* * *

— Думаю, об этом все, — Рон перевернул пергамент, поднял глаза и кашлянул. — У кого есть вопросы?

Пенси Паркинсон подняла руку:

— А что насчет наших альбомов? — спросила она, и вращающийся круг стал зеленым.

Рон с недоумением посмотрел на нее, а потом снова опустил глаза к пергаменту на столе.

— Альбомов?

— Выпускных альбомов, — пояснила Гермiona, едва удержавшись от того, чтобы похлопать его по руке. Бедняжка, где он витает? — мелькнуло у нее. В последнее время ему было нужна уйма времени, чтобы сосредоточиться и, похоже, он совершенно забыл про Таинственных Волшебников — игру, в которую семикурсники решили поиграть под Рождество: каждый должен подарить подарок тому, чье имя определит жребий. По счастью, Пенси Паркинсон принесла коробочку с кусочками пергамента и таким образом спасла ситуацию. — Мы должны что-то решить с дизайном наших выпускных альбомов — ведь это немаловажно.

— О, точно, — Рон тыльной стороной руки потер свои глаза. Судя по всему, ему совершенно не хотелось здесь находиться. Гермiona перевела взгляд на помирающего со скуки Джастина Финч-Флетчли и на трудолюбиво обсасывающую сахарное перо Падму Патил. Рядом с ней на стуле развалился Драко — как всегда. Словно почувствовав, что она смотрит на него, он поднял глаза, и их взгляды пересеклись. Он подмигнул ей. Гермiona улыбнулась. Только половина ее

мыслей была занята проблемами собрания.

— Нам нужен девиз, который будет выгравирован на обложке... По традиции каждый класс выбирает свой собственный девиз. Ну, у нас есть куча времени, чтобы обдумать, но если у кого-то есть предложения... — Рон, заметив переглядывания Гермионы и Драко, приподнял бровь. — Малфой? Есть мысли?

— Что? — слабо улыбнулся Драко. — Ну, в моей семье куча девизов, однако не думаю, чтобы они кого-то заинтересовали.

— А ты попробуй, — недружелюбно предложил Рон.

— Ну-с, — Драко наклонился вперед и положил подбородок на скрещенные руки, — «Перед сожжением обобрать до нитки» — один из самых старых, а вот любимый отцовский: «За деньги друзей не купишь...»

— За деньги друзей не купишь? — недоверчиво рассмеялся Рон.

— Зато можешь приобрести самых лучших врагов, — Драко демонстративно обвел глазами Рона — от ботинок до покрасневшего от досады носа. — Мда, судя по всему, последняя не всегда верна.

Рон хлопнул палочкой по столу:

— Думаешь, очень смешно, Малфой?

Драко скромно пожал плечами:

— Что ж — я не буду противоречить общественному мнению.

Не выдержав, Гермиона рассмеялась — что только ухудшило ситуацию: Рон метнул в нее сердитый взгляд, от которого она съехала на своем стуле.

Не поможет, — сердито подумала она, видя, как Падма Патил и Джастин Финч-Флетчли тоже едва удерживаются от смеха. Как ни странно, единственными, кому было не смешно, оказались слизеринцы: Пенси Паркинсон и Малькольм Бэдкок молчали с каменными лицами.

— Малфой, — произнес Рон ледяным тоном, — я хочу потолковать с тобой в коридоре. СЕЙЧАС! — добавил он так, что все подскочили. Гермиона удивленно взглянула на него: синие глаза Рона метали искры, он определенно был взбешен.

— Рон... — неуверенно произнесла она, однако Рон даже не обратил на нее внимания, он яростно ел глазами Драко. Тот с дерзкой медлительностью, которая показала Гермионе явно излишней в этот момент, поднялся на ноги и, не торопясь, подошел к двери. Рон последовал за ним и хлопнул дверью.

* * *

Рон яростно захлопнул дверь и развернулся к Драко, прислонившемуся к противоположной стене. Тот смотрел на него с холодной безмятежностью, словно собираясь изучать свои ногти или же стряхивать пылинки с манжеты. Будь у него усы, он непременно крутил бы ус.

— Малфой! — рявкнул Рон, и Драко поднял глаза — ясные, вопрошающие на открытом лице и вежливо улыбнулся — что только усилило раздражение Рона. — Какого черта ты выпендриваешься?

— Я признаться, надеялся, что нам удастся поговорить наедине, — успокаивающе заметил Драко.

— И доставать меня во время собрания старост — это твой способ добиться желаемого?

— Нет, это я просто пошутил.

— Может, Гарри такие шуточки и по вкусу. А вот мне — нет. Ты просто гад, Малфой. Ехидный, двуличный, невыносимый гад.

— Двуличный? — неприятно рассмеялся Драко. — Кто бы говорил. Я не вчера родился, Уизли...

— Какая жалость, — отрезал Рон, — а то мы могли бы тебя заново воспитать.

Драко взглянул на него, его губ коснулась легкая улыбка:

— Я же вижу, как ты на нее смотришь, — невпопад заметил он. — Что думаешь — я дурак? Все вокруг дураки?

Какое-то мгновение Рон стоял, просто вытаращив на него глаза. Кровь пульсировала и гудела у него в ушах. Он не мог поверить в то, что услышал. Не может быть, чтобы Малфой сказал ЭТО.

— Что ты сказал, Малфой?

Драко медленно качнулся от стены, задумчиво разглядывая Рона. Глаза его лучились слабым светом, как лезвие ножа, взгляд был таким же, как нож, острым.

— Я видел тебя сегодня утром, — сказал Драко. — Я смотрю на тебя уже несколько дней. Скажи-ка Уизли, в какую игру ты играешь?

Рон почувствовал, что кровь стынет у него в жилах, сердце с трудом проталкивало ее в вены, он не мог перевести дыхание. Все вокруг закружилось, закачалось. Заныло. Наконец он отыскал свой голос:

— Не понимаю, о чем ты.

— А я думаю, понимаешь, — еще тише заметил Драко голосом, напоминавшим разлитый поверх осколков льда сахарный сироп. — Думаю, ты прекрасно понимаешь, о чем я.

— Не представляю, — ответил Рон, борясь с желанием уйти, — с чего ты взял, что можешь лезть в мою личную жизнь.

— Так ты считаешь, что можешь делать из меня дурака? Думаешь, что — я тебе это позволю? — тихо и мягко перебил его Драко. — Твою личную жизнь вряд ли можно считать личной при таком поведении. Тебе повезло, что я наблюдательней, чем все остальные, однако рано или поздно даже bestолковые хаффлпаффы разберутся, что к чему. Ты носишь свое сердце на лице, Уизли. В твоём случае это не лучшее решение.

— Малфой, ты просто врун, и это не означает, что все кругом такие же, — зарычал Рон, парализующий шок у которого сменился всепоглощающей яростью. Он говорил, не задумываясь, что Малфой в сущности был прав.

— А я говорю не со всеми, а с тобой, — возразил Драко. — Ты спас мне жизнь, я тебе обязан.

— Странный способ для демонстрации этого, — пробормотал Рон, озадаченный новым поворотом разговора.

— Я пытаюсь помочь тебе, Уизли, — произнес Драко. — Потому-то и говорю с тобой о том, что знаю.

— Да нечего тут знать! — почти заорал Рон.

— Пока да, — кивнул Драко, и Рон почувствовал, что железная рука, сжавшая внутренности, разжалась. Итак, он не знает, не знает наверняка. — Ты знаешь, о чем я говорю, — добавил Драко. — Позволь мне дать тебе маленький совет: забудь об этом.

Снисходительный ублюдок, — подумал Рон, глядя на блондина, изучавшего его с напряженным спокойствием. — Почему бы ему ни забыть о моей сестре, коль скоро для него все так легко?

— Иди, и тарасься на меня с ненавистью, — добавил Драко, пожав плечами. — Для меня не имеет значения, примешь ли ты мой совет.

— С чего это ты волнуешься? — Рон почувствовал, что его голос надломился, а от злости по всему телу забегали мурашки. — Ты ведь не закидывался на моих проблемах — никогда. И что — теперь я поверю, что ты демонстративно заботишься о моем благе? Во-первых, ты лгун, во-вторых, ты не прав, а в-третьих... в-третьих, ты сам не знаешь, что несешь. Так что просто... отвали, ясно? Таскайся за моей сестрой или... какой фигней ты там занимаешься для удовольствия.

По лицу Драко проскользнуло удивленное выражение, он не ожидал, что Рон ответит ему таким образом, и Рон со злым удовольствием отметил это. Удивление через миг исчезло, и губы Драко сжались в тонкую ниточку.

— Отлично, Уизли, — протянул он, — я всегда подзревал, что единственная цель твоей жизни — быть вечным предупреждением для остальных.

— Двадцать очков со Слизерина, — яростно сверкнул глазами Рон.

— За что? — Драко открыл рот от удивления.

— За то, что прервал собрание, — ответил Рон, — а также ради того, чтобы все было высшего сорта, даже та задница, в которую ты сейчас вляпался. Так, я возвращаюсь, и ты идешь за мной — и клянусь Мерлином, если ты скажешь еще хоть слово, я вычту еще сотню со Слизера. Посмотрим, как это понравится остальным представителям твоего факультета.

Драко прикрыл глаза:

— Я подозревал, что власть всех корезит, — в его тихом голосе звучало скрываемое веселье, от которого Рону захотелось дать ему пощечину. Однако он спокойно ответил:

— Сто очков со Слизера.

Драко промолчал и безмолвно последовал в зал за Роном, который хотел чувствовать радость победы, однако вместо этого ощущал какое-то... разочарование. В один безумный миг он подумал, что Драко действительно все знает, но нет, все было не так, и бремя тайны снова рухнуло ему на плечи, показавшись теперь куда тяжелее. Он бы предпочел, чтобы Драко ему вредил...

Вздыхнув, Рон поднял палочку и заговорил.

* * *

— Тебе кто достался? — спросила Гермиона, когда они с Драко выходили из комнаты старост. Остальные, радуясь, что собрание кончилось, шли в холл, переговариваясь друг с другом и разворачивая пергаменты с именами студентов, которым они должны были сделать подарок.

Решив подождать Рона, собиравшего свои квиддичные принадлежности, она задержалась у дверей. Драко прислонился к стене поблизости и заглянул ей через плечо, когда она развернула свой пергамент.

— Ой, мне достался Рон. Ну, это будет легко.

— Ага, большие клещи, чтобы вытащить у него палку из задницы.

— А кто у тебя? — перебила его она.

Драко развернул пергамент, бросил на него равнодушный взгляд, сложил и снова засунул в карман.

Гермиона удивленно посмотрела на него:

— Ну же, ты что — мне не скажешь?

Драко медленно покачал головой:

— Жизнь — бессмысленная лотерея. Не устаю это повторять.

Гермиона фыркнула.

— Судя по всему, тебе достался Симус Финниган.

— Бинго, — бросил в ответ Драко.

Гермиона взорвалась смехом.

— Не смешно, — нахмурился Драко.

— Ага, — кивнула Гермиона, — главное, чтобы ты в это поверил.

Ответить Драко не успел: дверь с грохотом распахнулась. Рон с деловитым видом нес под мышкой кучу пергаментов, следом с обычным кислым видом семенила Пенси Паркинсон с пустой коробочкой. Рон коротко кивнул ей, и она пошла по коридору. Взглянув на Гермиону, Рон закатил глаза.

— Неплохо проводить время с Пенси? — губы Гермионы дрогнули в сочувственной улыбке.

— Ее дыхание, как всегда, портит воздух, — пожал плечами Рон. — Зато она соглашается возглавлять любой комитет, облегчая мне работу.

— Ага, слава Богу, что она согласилась облегчить тебе сокрушительную ответственность, — саркастически заметил Драко. — Признаться, я вообще не понимаю, как тебе позволили занять это место. Ты, верно, собрал дюжину пакетиков от чипсов и выиграл пост Старосты в почтовой лотерее?

Рон проигнорировал его, продолжая обращаться к Гермионе:

— Ладно, я пошел. Мне нужно в Хогсмид. Тебе там ничего не надо?

— Нет, — Гермиона покачала головой и улыбнулась. — До матча не встретимся — ну, удачи и все такое.

— Спасибо, — Рон побежал по коридору, исчезнув в толпе приближающихся студентов Равенкло. Проводив его задумчивым взглядом, Гермиона повернулась к Драко.

— Я провела исследование, о котором мы разговаривали, нашла кое-что — думаю, тебе стоит о них знать, — понизила она голос. — Хочешь узнать что-то действительно странное?

— Странное? Конечно, хочу.

Гермиона улыбнулась.

— Можешь пойти со мной в библиотеку?

Он кивнул, и в молчании они прошли в библиотеку, держа приличную дистанцию друг от друга, чтобы никто не заподозрил, что они идут вместе, и только внутри библиотеки Гермиона расслабилась: ей всегда было комфортно в этом спокойном, знакомом месте. Здесь тоже все было украшено к Рождеству: маленькие елочки на столах с поющими сахарными ангелами; красные, зеленые и золотые огоньки, блуждающие в воздухе у них над головами. Она взглянула на Драко — тот следил за мечущимися искорками с азартом ловца, разноцветные вспышки отражались у него в глазах. Слово почувствовав, ее взгляд, он покосился на нее:

— Ну, и что же ты нашла?

— Взгляни сюда, — Гермиона вытащила из сумки небольшой золотистый том, раскрыла его перед собой, нашла закладку и ткнула пальцем:

— Тебе она не кажется знакомой?

Драко склонился и присвистнул: на страничке была гравюра, четкая и очень подробная, изображавшая женщину в волшебной мантии. Черные волосы каскадом спадали к ее ногам. Знакомое лицо — глаза, улыбающиеся губы... Гермиона помнила ее только как девушку, пришедшую с Чарли на день рождения Драко и Гарри, сам Драко помнил ее куда лучше. В левой руке она держала волшебную палочку, а в правой — цепь с чем-то, похожим на драгоценность, на конце. Под картинкой шла каллиграфическая подпись: Рисенн Малфой. Год 1357.

— Шестьсот лет... — произнес Драко и положил руку на страницу. — Ну, она, в общем-то, говорила, что старше меня. Рисенн на иллюстрации подмигнула ему, покачивая цепочкой. — На самом деле, она намекала, что вроде как бессмертна...

— Тут какая-то неувязочка, — заметила Гермиона, — потому что вот тут сказано, что она умерла, когда ей было двадцать.

— Что она?...

— Ага, от гномьей лихорадки. А перед этим она была помолвлена...

— Ха!

— ... с Николасом Фламельем.

Драко замер и изо всех сил напряг память:

— А он?...

— Друг Дамблдора. Создатель Философского камня, — Гермиона потрянула головой. — Никогда бы не подумала, что он из тех людей, что решаются связать себя узами брака с Малфоями.

— А почему бы и нет? — обиделся Драко. — Мы весьма симпатичны. Кроме того, существует такое понятие, как сексапильность...

— Забавно, но в ее биографии нет ни слова о сексапильности.

— Может, тогда это называлось как-то по-другому? — предположил Драко.

Гермиона фыркнула:

— И как же? Девушка сия зело сексапильна есть?

Драко пропустил это мимо ушей.

— Что ж, это помогло мне узнать, кто она... Хотя я не думаю, что женщина, с которой я разговаривал, и вправду Рисенн Малфой. В любой случае, это не та же самая девушка... Как они могли вернуть ее из мертвых — вот что удивительно...

— Тш-ш, — шикнула на него Гермиона, хотя в библиотеке было пусто, — некромантия? О, это худшее, что может быть из магии. И оно никогда

не выходит, как надо. От нее кусочки не отваливались, а?

— Кусочки? Да нет. Она вполне целая, — задумчиво ответил Драко. — Для живого трупа она удивительно хороша, куда лучше, чем многие живые девушки.

— Тише! — повторила Гермиона и захлопнула книгу. — Я продолжу искать о ней сведения. Теперь мы знаем, когда она жила, я могу перепроверить ее по биографии Фламелья.

— Спасибо, — кивнул Драко и, вскинув взгляд, быстрым взмахом ловца схватил красный огонек, зажужжавший в его руке. Взглянув, — тот отбрасывал розовый свет на его лицо — Драко снова выпустил его и, вытащив из кармана сложенную газетную страницу, протянул Гермионе. — Взгляни на это.

— Маггловская газета? Драко, где ты ее раздобыл?

— Да не обращай ты на это внимания, взгляни на картинку! — Драко встал у нее за спиной, чтобы тоже видеть картинку. — Зеркало, что было украдено: оно и было в моем сне.

Гермиона вскинула голову и пристально взглянула на него — Драко, опустив глаза, серьезно и сосредоточенно смотрел на фотографию, от ресниц на скулу упала тень, напоминающая легкую штриховку.

— Ты уверен?

— Уверен, — и он в двух словах описал, почему готов решительно утверждать, что это именно то самое зеркало; что Вольдемо́рт отправил Червехвоста похитить его. — Теперь вопрос: зачем оно ему нужно? Очевидно, с его помощью можно видеть меня, но мне кажется, дело тут не только в этом. Любое зеркало можно настроить так, чтобы видеть в нем меня, — приложить немного усилий — и готово. Почему же ему понадобилось именно это?

— Не знаю, — мотнула головой Гермиона. — Работа напоминает работу мастера, изготовившего ножны. Думаю, стоит проверить, кто сделал их — возможно, он создал еще какие-либо волшебные вещи. Это зеркало может оказаться особенным.

— И коль скоро оно понадобилось Вольдемо́рту, — выпрямился Драко, — то мы должны узнать, зачем.

— Верно, — Гермиона взяла вырезку и засунула ее себе в сумку. — Я возьму несколько книг и прихвачу их с собой на матч, — она огляделась, — во всяком случае, если мадам Пинс вернется...

Драко по ее примеру осмотрелся, и его глаза стали еще более серьезными.

— Есть еще кое-что, что я хочу тебе показать. Это немного странно.

— Хорошо, — кивнула она и снова огляделась. — Здесь никого нет.

— Нет, — он крепко взял ее за руку. Она почувствовала тепло его пальцев. — Сюда, пойдём сюда... — он потянул ее за собой, мимо полок, с маленькую нишу, где на полках рядами стояли маленькие томики. Свет в ней был только от мельтешащих огоньков, на стенах мигали изумрудные, золотистые и рубиновые отблески. Драко отпустил ее руку, и она инстинктивно сжала их вместе, не понимая, откуда появилось в ней это напряжение: может, из-за встревоженного лица Драко, может, потому, что в библиотеке было так холодно, а может, из-за чего-то другого...

— Драко, да что такое? Все в порядке?

Он взглянул на нее, словно прикидывая, как она отреагирует на то, что сейчас произойдет, словно проверял ее. В конце концов, он был удовлетворен, сделал шаг назад и, взяв себя за полу свитера, одним движением сдернул его с головы. Под свитером у него ничего не оказалось.

Гермиона ахнула и отшатнулась назад так быстро, что ударила головой о каменную стену.

— Драко! — сморщившись от боли, воскликнула она. — Что ты делаешь?

Он удивленно взглянул на нее, и его губы тронула насмешливая улыбка:

— Я же сказал, что хочу кое-что тебе показать.

Недоверчиво посмотрев на него, она попыталась

отвести глаза, чтобы не видеть его тело — узкая талия переходила в широкую грудь, под кожей читались мышцы. У Гарри было такое же тело — легкое и худое, тело ловца.

— Ты не сказал, что собираешься раздеваться, — прошипела она.

— Мне нужен волшебный медосмотр, — пояснил он, — я хочу, чтобы ты осмотрела мое плечо.

— Твое плечо?

— Это, — он указал пальцем на левое плечо. — Видишь?

— Ничего не вижу, — покачала она головой.

— Оттуда, где ты стоишь, ты ничего не увидишь без омниокля, — приподнял он бровь. — Что-то не так?

— Все в порядке, — покраснела она. — Ничего, — она сделала неуверенный шаг к нему и начала осматривать плечо, через миг забыв о неловкости. — Так сюда на днях вошла стрела? — он кивнул, опустив взгляд к своему плечу: справа под ключицей был напоминающий звездочку совершенно заживший шрам. Когда Гермиона легонько коснулась его, Драко даже не поморщился. — Не больно? — спросила она.

— Нет. Ты видишь?

Она кивнула:

— Он светится.словно серебряный. Повернись.

Он развернулся, и она взглянула на шрам на его спине, где острое вышло из его тела — он был меньше по размеру, однако тоже слабо светился. Она положила руку ему на лопатку.

Кожа его была совсем белой — гораздо светлее ее собственной — и гладкой на ощупь, легкая шероховатость шрама коснулась ее ладони, вея холодом.

— Здесь то же самое.

Она шагнула назад и убрала руку.

— Правда не больно? — нетерпеливо поинтересовалась она.

Он повернулся к ней лицом и, к ее вящему облегчению, взялся за свитер и снова надел его. Наэлектризовавшиеся волосы поднялись у него над головой серебряным облаком.

— Мне не больно. Но как-то странно. И мне это не нравится, — сказал он, поправляя свитер.

— Никогда не слышала о светящихся ранах. Ты уверен, что мадам Помфри...

— Никакой мадам Помфри, — остановил ее Драко таким тоном, что она сразу поняла, что эта тема закрыта раз и навсегда.

— Ладно, — вздохнула она, — я попробую что-нибудь найти. Но если я ничего не найду, Драко...

— Тогда я смогу читать в постели, пользуясь только светом от моего плеча, — подхватил он и поднял глаза к часам на стене. — Мне пора на поле. Игра...

— Я знаю, — кивнула она. — Я бы пожелала тебе удачи, однако...

— Я в ней не нуждаюсь?

— ... однако на самом деле я вовсе не хочу, чтобы твоя команда победила, — закончила Гермиона и скорчила ему рожу.

Его глаза вспыхнули, и он весело рассмеялся.

— Спасибо. Спасибо за помощь, — и прежде, чем она успела сказать пожалуйста, он вышел. Она взглянула ему вслед, дождалась, пока он выйдет из библиотеки, и последовала за ним, вынырнув из завалов книг, немедленно убедившись, что Драко не ошибся: кто-то действительно пришел в библиотеку, пока они прятались.

За одним из длинных столов над открытой книгой, однако, не сводя глаз с Гермионы, сидела Пенси Паркинсон. В этом взгляде было такое отвращение, что Гермиона потеряла дар речи. Встав и захлопнув книгу, Пенси с самым презрительным видом вышла из библиотеки. Гермиона смотрела ей вслед, почувствовав слабость в коленках — она совершенно точно знала, что Пенси терпеть ее не может, но кто бы мог подумать, что до такой степени?

* * *

Драко не знал наверняка, однако, по его мнению кабинет Дамблдора был самым интересным местом в Хогвартсе — в этом их с Гарри мнения совпадали. Драко стоял в центре комнаты и ждал, директор еще не появился, так что у него было достаточно времени, чтобы все как следует рассмотреть.

Древний стол на когтистых лапах был весь завален всякими интересными штуками: кучи карточек от Шоколадных лягушек (Драко отметил, что Дамблдор развлекался, пририсовывая зеленые усы всем знаменитым волшебникам, включая себя самого), карманный вредноскоп, пустой думотвод, наборчик заводных канареек, калибратор траектории метлы и спящая соня.

Ни к чему не прикасаясь, Драко обошел вокруг стола, и взгляд его упал на полку, на которой покоилась такая знакомая, поношенная латанная — перелатанная остроконечная Сортировочная Шляпа.

Он замер, не в силах отвести от нее взгляд. И, не зная, что годы назад Гарри как-то сделал то же самое, он с трепетом достал ее и надел себе на голову. Шляпа опустилась ему на глаза, от нее веяло знакомой затхлостью — он тут же вспомнил тот момент, когда перед остальными студентами уселся на высокий табурет, сосредоточившись только на одной мысли: Слизерин, Слизерин, пусть будет Слизерин!

Сейчас Шляпа зашевелилась у него на голове, и заговорила ему в ухо:

— Что у нас тут? Хм, кажется, он сомневается... Вы старше, чем мои обычные клиенты, однако не могу сказать, что узнаю форму вашего ума... Мы встречались раньше?

— Да, — мысленно ответил Драко. — Мы отправили меня в Слизерин.

— В Слизерин? — изумилась Шляпа. — Как любопытно... Не возражаете, если я загляну в ваши мысли чуть глубже?

Драко поколебался.

— Нет, не возражаю, — решил он и почувствовал, что по спине пробежала дрожь, и появилось какое-то странное чувство, что в его голове что-то распахнулось.

Голос заговорил снова.

— Да вы же Малфой! — в голове Шляпы опять звучало изумление. — Вы — Драко Малфой, я прекрасно вас помню. Как же вы изменились... Вы теперь совсем другой человек, да? В вашей голове словно кто-то иной...

— Что-то вроде того, — пробормотал Драко, думая о Гарри.

— Совсем другая личность, такая же сильная, как и ваша собственная. Итак, что же мы имеем? Отличный ум, острый... Хитрости хватит на двоих. Лишку высокомерия. Неуверенность, прекрасно сочетающаяся с храбростью. О, я вижу, вы знакомы и с потерей, и с разочарованием. И верны. Тверды, как сталь. Вы никогда не бросите тех, кого любите, прочие для вас просто не существуют. И все, для чего вам они нужны, — просто использовать для достижения своих целей. Ха! — Драко подскочил, когда в ушах у него зазвенел смех. — Вы просто ходячее противоречие, юный мистер Малфой, — давненько не видела я такого любопытного склада ума...

— Спасибо, — несколько безразлично поблагодарил Драко. — Так что — вы бы отправили меня... В смысле, вы бы...

— Что бы я? Отправила бы я вас в Слизерин? Могла бы — у вас для этого достаточно хитрости. Как и ума — для Равенкло, верности — для Хаффлпаф, смелости — для Гриффиндора. Весь вопрос в том, мой милый мальчик, захотел бы ты сам быть распределен в Слизерин?

— Не знаю, — прошептал Драко и добавил с неожиданной вспышкой раздражения, — это же твоя работа, а не моя!

— О чем ты?

— О том, куда меня определить!

— Когда вы были ребенком, возможно, вам и был нужен кто-то, кто бы определил ваше место. В ваши годы вы должны знать это сами.

— Ну, так я не знаю! — прорычал Драко и в приступе разочарования сдернул с головы шляпу. — Думаю, мне стоило хорошенько подумать, прежде чем цеплять на голову всякую болтливую галантерею, — добавил он, швыряя Шляпу через кабинет.

Та приземлилась прямо у ног незаметно и тихо вошедшего Альбуса Дамблдора.

— Ради Бога, — произнес тот, — не стоит так обращаться с этой Шляпой — в этом нет никакого смысла: она все равно не чувствует боли.

Драко виновато поднял глаза на безмятежно смотрящего на него директора:

— Вы хотели меня видеть, профессор?

— Да. Почему вам не присесть за мой стол? — предложил Дамблдор, и Драко подчинился, устроившись напротив директора, усевшегося в темно-синее кресло с высокой спинкой и подперевшего подбородок рукой. Драко собрался с силами, чтобы не отвести взгляд от глаз директора — те были так пронзительны, что Драко показалось, что его собственная голова состоит из стекла.

— Итак, юный мистер Малфой, — лучше, чем выяснять у вас причины, зачем вы пошли на вершину Северной башни и с кем намеревались там встретиться... Нет, — поднял он руку, увидев, что Драко собирается что-то сказать, — я прекрасно знаю, что вы не встречались с Гарри.

— Ну, — протянул Драко. Если в мире и был кто-то, кто лишил его способности быстро реагировать на задаваемый вопрос, так это точно был Дамблдор, — если вы не собираетесь спрашивать об этом, о чем же вы собираетесь у меня спросить?

— Я хотел тебе кое-что вернуть, — пояснил Дамблдор. — Кое-что, что ты потерял.

— Да? — заинтересовался Драко.

Дамблдор протянул руку, и глаза Драко полезли на лоб: в центре морщинистой ладони что-то темно блеснуло — ониксовое кольцо в форме грифа.

— Мое кольцо, — без выражения произнес Драко, протягивая к нему руку. — А я-то думал, что я его потерял.

— Так и случилось, — кивнул Дамблдор. — На вершине Северной башни.

Драко машинально стиснул кольцо в кулаке. Я не должен был показывать, что оно мое...

— Я знаю, что оно принадлежит тебе, Драко, — словно почитав его мысли, заметил Дамблдор. — С того самого мига, как мне его передал Чарли: я много раз видел это кольцо на руке твоего отца — еще когда он был в школе, видел его на руке твоего деда Юлиуса. Твой отец носил его, не снимая, — я был удивлен, что он расстался с ним.

— Он сказал, что пришло мое время носить его, — Драко надел кольцо на палец. — И сказал, что я стал настоящим Малфоем.

Дамблдор качнулся вперед, пристально и мягко глядя на Драко:

— Ты хочешь мне еще что-то сказать?

Поколебавшись, Драко отрицательно качнул головой:

— Нет, профессор.

— Полагаю, что с моей стороны неуместно спрашивать тебя, — произнес Дамблдор, буквально пронзая Драко своими яркими, мягкими, но печальными синими глазами. — Думаю, что ты заметил... некоторые изменения с Гарри?

Драко опустил глаза к своим рукам. Сквозь окно лился слабый свет, в котором кожа буквально просвечивала. Он вспомнил кладбище — там ему показалось, что свет проходит сквозь Гарри.

— Заметил, — ответил Драко, внезапно ощутив, что словно предает Гарри, хотя всего-навсего сказал вслух

одно слово. — Однако вам лучше поговорить об этом с кем-то, кто с ним близок, — с Гермией или Уизли, например...

— Нет никого, кто был бы ближе ему, — возразил Дамблдор. — Ближе тебя. Хотя, думаю, они смогли бы защитить его в случае необходимости. А ты?

— Защитить? От чего?

— А разве это имеет значение?

Драко поднял взгляд:

— Думаю, нет. Конечно, я должен сделать то, что должен, — он поерзал на своем стуле. — Но я попробовал поговорить с ним, но он ответил... словом, я не знаю, что я могу сделать. Но если это в моих силах, я сделаю это, — и Драко в упор взглянул на Дамблдора, кто единственный (кроме Сириуса, не знавшего, тем не менее, подробностей) знал, что именно он видел, когда умирал. — Я причина этого, да?

— Ты не вызвал эту ситуацию, ты просто выявил ее. Наверное, ты считаешь, что должен все исправить, — однако ты не можешь и думаешь, что из-за этого он будет тебе не рад. Ты не можешь встать между ним и его страданием, слишком все это сложно и необычно для Гарри. Счастье похоже одно на другое, беды и горести все разные. Ты можешь понять, что значит потерять родителей, как Гарри, — ведь в некотором смысле ты никогда их не имел. Однако тебе не понять этого восхищения и идеализации этих существующих родителей, вложения в них всего добра мира. А потом вдруг обнаружить, что они, кому ты так обязан, все их муки и покой и их спасение от того состояния, в каком они сейчас, — легли тебе на плечи — а у тебя нет ни малейшего представления, как все это исполнить.

— Не надо, — Драко с грохотом поднялся, уронив стул, — это моя вина.

— Было бы странно, если бы это было так, — мягко покачал головой Дамблдор, взмахом руки возвращая стул в нормальное положение. — Однако я предполагал, что ты можешь так думать, а потому мое предисловие было чуть длиннее. Все дело в том, что я должен кое-что тебе сказать, я собирался это сделать уже очень давно.

— Что-то обо мне? Или о Гарри — удивленно переспросил Драко.

— Что-то, что вас обоих не касается, хотя, с другой стороны, имеет отношение к тому, что вас связывает.

Прекрасно, — подумал Драко, — может, вы будете изъясняться еще неопределенней? Однако вслух он сказал совсем другое:

— Это важно?

— Да, — кивнул Дамблдор. — Это важно.

Сердце Драко гулко заколотилось у него в груди.

Он почувствовал, что это и вправду что-то важное и, может быть, даже что-то плохое. Взгляд на лицо Дамблдора только подтвердил его подозрения.

— Что плохое случится с Гарри? — быстро спросил он. — Я бы предпочел не знать об этом, если вы не возражаете.

— Не знать? Почему? — удивился Дамблдор.

— Потому что не хочу стоять перед выбором, сказать ему об этом или нет, — Драко на мгновение замер, засунув руки в карманы и глядя в упор на Дамблдора, и все же взорвался, — разве мало того, что с ним произошло? Что — должно еще что-то случиться?

Дамблдор ждал, пока Драко успокоится и затихнет.

— Гарри сильный, — наконец заговорил он. — И многое может выдержать. А с чем он не справится в одиночку, вы справитесь вместе.

— С Роном, Гермией и Сириусом, — закончил Драко.

— Но все это надо держать от них в секрете. Это ваш секрет, — Дамблдор махнул рукой в сторону стула, и Драко замер. — Присядьте, пожалуйста, мистер Малфой, и послушайте меня. Итак, прежде чем вы помчитесь вслед за Гарри на поиски возмездия, вам стоит кое-что узнать...

* * *

Игра должна была начаться уже десять минут назад, когда Гарри, оставив свою команду дожидаться около раздевалки, выскользнул поговорить с мадам Хуч. Через мгновение он вернулся в немного растрепанных чувствах и окинул взглядом взволнованную команду, топчущуюся в глубоком, по щиколотку, снегу у расчищенного поля, которого не было видно из-за высокого ограждения. Симус со скучающим видом прислонился к стене раздевалки, Рон играл застёжками своих протекторов.

— Игра задерживается, — коротко произнес Гарри. — Один из слизеринских игроков до сих пор не появился.

Колин фыркнул:

— И что — их не должны оштрафовать за это?

— Мадам Хуч сказала, что мы должны подождать, — пожал плечами Гарри, — так что будем ждать.

Джинни топталась, не находя себе места от раздражения и напряжения. Она стояла в нескольких шагах от Симуса, который даже не смотрел на нее. Элизабет, Деннис и Колин обсуждали Трансфигурацию, Рон играл своими застёжками.

— Я бы не хотел, чтобы их оштрафовали, я бы хотел их побить, — произнес он.

— Вот это дух, — утомленно кивнул Гарри.

— Рон прав, — поддержала брата Джинни. — Особенно с учетом последнего раза, — она скользнула взглядом по скучающей команде. — Мне кажется, нам нужна речь для поднятия бодрости духа, — заметила она и подмигнула Гарри.

Он поддержал ее игру.

— Твоим парням не нужны никакие разговоры, мы — непобедимая команда. Нам нужно просто выйти на игру, а там уж мы выиграем. Нам не знакомо слово «поражение», — Рон сдавленно фыркнул, и Гарри усмехнулся. — Хорошо, мы знаем такое слово — мы же не дураки, — однако совсем не в том контексте, — Гарри скользнул глазами по команде, — ну как, вы достаточно взбодрились?

Элизабет вынырнула из своего разговора с Колином:

— Прости, Гарри, ты что-то сказал?

Рон звонко рассмеялся. Гарри с улыбкой повернулся к нему и вдруг замер:

— Эй, Рон, — его глаза вспыхнули удивлением, — что это у тебя на шее?

Джинни, а вслед за ней и Симус, и Элизабет развернулись к нему — с испуганным видом он коснулся шеи рукой:

— Что такое?

— Да у тебя там след от укуса, — развеселился Гарри, — правее... вот тут, — и он ткнул пальцем.

Рон покраснел, как закатное солнце, и быстро хлопнул себя по шее — но было уже поздно.

— У Рона засос! — восторженно объявил Симус Финниган. — Невероятно!

Джинни в абсолютном потрясении вытаращила на брата глаза.

Какого черта?... — собственно, она никогда не претендовала на то, что ее братья будут посвящать ее в подробности своей любовной жизни, но Рон... Ну, Рон всегда казался ей немного романтиком, мечтателем. И все эти поцелуйчики и тисканья были вовсе не в его стиле. У него никогда не было девушки, и он ничего не рассказывал Гарри, судя по его совершенно потрясенному виду.

— Итак, Рон, — приступил к допросу Симус, опершись на метлу, — и кто же эта девушка?

Уставившись в землю, Рон цвел, как маков цвет.

— Это никакая не девушка.

— Так что — парень? — ухмыльнулся Симус. — Кто бы мог подумать!

— Ничего подобного! Я просто проходил в дверь, — в отчаянии начал Рон.

— С шеей, — уточнил Гарри, приподняв брови.

— Да, — твердо ответил Рон.

Джинни фыркнула.

— Рон Уизли, — самым издевательским тоном начала она, — если после всех этих лет жизни в одном доме вместе с Биллом, Чарли и близнецами, ты думаешь, что я не знаю, на что похож засос...

— Джинни, — перебил ее Рон самым предупреждающим тоном, разворачиваясь к ней и тем самым демонстрируя свою шею во всей красе: определенно, это был след укуса.

— Билл, Чарли и близнецы? — эхом откликнулся Симус. — А что — Перси никогда не предпринимал никаких действий? А еще говорят, что власть — лучший афродизиак...

У Рона был такой, вид, словно его сию секунду хватит кондрашка:

— Нет у меня никаких засосов!

Гарри схватил Рона за руку:

— Ладно-ладно, как скажешь, пойдем-ка немного поболтаем в ожидании этого чертового матча, — и с этими словами он оттащил Рона на несколько ярдов в сторону, под одинокий голый дуб. Джинни проследила за ними глазами: Рон выдернул руку, замерев, стоял и слушал, как Гарри ему что-то оживленно втолковывал.

— Ну, — пробормотала она себе под нос, — по крайней мере, они поговорили...

— Вот-вот, — раздался голос у нее за спиной. Не поворачиваясь, она поняла, что это Симус. — Может, и нам тоже стоит?

Она повернулась и впервые — после того, как они вышли из раздевалки, — взглянула на него. Он смотрел серьезно и в упор. Глаза у него были голубые, чуть туманные, как зимнее небо... Она кивнула:

— Что ж, давай.

Взяв ее за руку, он потянул ее за угол, чтобы не видеть Гарри и Рона.

— Джинни, — решительно начал он, глядя ей в глаза, — я хочу извиниться.

Она ожидала чего угодно, только не этого.

— За что? — оstonбелено спросила она.

— За то, что был таким непонятливым, — объяснил он. — Вчера вечером, сегодня утром... Я догадываюсь, что же это было. Просто, когда ты мне все сказала, это все было чересчур для меня — я не знал, что сказать, как ответить. И ты была права. Я ведь действительно думал, что смогу как-нибудь спасти тебя от Малфоя, а когда все оказалось совсем не так, я был... разочарован.

— Разочарован? — переспросила Джинни без всякого гнева или раздражения. Признаться, она была здорово впечатлена прямоотой и честностью Симуса: такие вещи всегда непросто сказать. — Но почему, Симус?

— Потому что... — он глубоко вздохнул и прислонился к стене раздевалки. Его скулы покраснелись от холода и, как она заподозрила, от смущения. Он как-то очень по-детски засунул замерзшие руки в рукава своего полосатого красно-золотистого свитера, — потому что, мне показалось, тебе что-то было нужно от меня, — он тряхнул головой. — Ты мне нравишься, Джинни, но ты такая таинственная. Конечно, у каждой красавицы наверняка есть целый отряд парней, твердящих ей о том, что она загадочная, однако ты и вправду такая. Я думаю, ты могла бы... — Но Симус не успел сообщить Джинни, кем она могла бы быть, потому что она шагнула к нему и, встав на цыпочки, поцеловала.

Первое, что бы сделал в этом случае Драко, — он бы страстно поцеловал ее в ответ. Симус же подхватил ее за локти, помогая удержать равновесие, и лишь убедившись, что она не поскользнется и не оступится, склонился, чтобы ответить на ее поцелуй. Его руки скользнули к ее затылку, пальцы нырнули в волосы, губы его были нежны и прохладны, а на вкус он напоминал горячий шоколад.

Она почувствовала, что в его объятиях ее бьет озноб, он ощутил это в тот же миг и, чуть отстранившись, взглянул ей в лицо и прошептал:

— Джинни, ты в порядке? — у него был совершенно обалдевший, потрясенный вид — именно так выглядели ее братья на Рождество, получая давно желанный подарок, именно такой была мама, когда дети целыми и невредимыми возвращались домой. Так на Гермиону смотрел Гарри. И так никогда не смотрел на нее Драко. Она едва не разрыдалась.

— Все хорошо, — ответила она и обняла его. Он был теплый и немного громоздкий из-за своего свитера, однако она чувствовала его гибкое и худое тело. — Симус, давай просто постоим вот так секундочку? Просто постоим?

Он без лишних слов обнял ее, она прижалась головой к его груди, слушая, приглушенно бьется его сердце — ровно и четко, как часы.

* * *

Выйдя из кабинета Дамблдора, Драко пошел через холл. Увидев он себя со стороны, он бы удивился медлительности своих движений и бледности своего лица. Однако, как ни странно, сейчас ему было совершенно наплевать на то, как он выглядит. Нельзя сказать, что он был не в себе от потрясения, однако он чувствовал себя оглушенным, и голова буквально шла кругом. Окружающий мир приобрел какую-то странную резкость и отчетливость. В ушах все еще звучали слова Дамблдора: «Кое-что из этого определенно имело место, кое-что — только слухи, однако и они определенно базируются на фактах. Конечно, это было годы назад — особенно с твоей точки зрения: почти двадцать лет...

Драко спускался по лестнице с метлой в руках, радуясь, что не забыл про нее. Я должен поговорить с Гарри. Если и было что-то, что он затвердил, так это то, что утаивание чего-либо от Гарри могло его здорово выбить из колеи. А потому было дурной идеей.

С другой стороны, было трудно предсказать, как Гарри отреагирует на эту информацию. Драко догадывался, почему Дамблдор рассказал об этом ему одному.

Сбежав по обледеневшим ступеням, Драко пошел к полю короткой дорогой, мимо озера и гриффиндорских раздевалок. Подходя, он увидел спешащих на поле людей, заполняющиеся зрителями трибуны. Вдруг его взгляд привлекла золотисто-красная вспышка у гриффиндорской раздевалки. Человек. Вернее, парочка. Парочка, прильнувшая друг к другу, словно пытавшаяся укрыться от холодного ветра, сомкнутые руки, перепутанные красно-золотистые рукава, прильнувшие друг к другу лица... Разлохмаченная соломенная шевелюра. И знакомый водопад огненных волос. Симус Финниган и Джинни Уизли.

Драко остановился, присмотрелся и заставил себя двинуться дальше, решительно отвернувшись.

Ну, и чего ты хотел? — ядовито поинтересовался внутренний голос.

Обогнув угол поля, Драко двинулся к ожидавшей его на слизеринской стороне команде, не в силах избавиться от ощущения, что Джинни знала, что он шел мимо, что она увидела его... хотя нет, конечно, нет — она для этого была слишком занята.

Будь счастлив, это ведь именно то, что ты хотел, — сказал он себе, в этот момент слизеринцы увидели его и издали приветственный возглас. Вскинув метлу в воздух, он присоединился к команде.

* * *

Рядом кто-то деликатно кашлянул. Джинни отпустила Симуса и, повернувшись, увидела стоящего у дверей раздевалки с метлой в руке Гарри. Он подмигнул ей раньше, чем Симус успел повернуться.

— Ненавижу себя за то, что мне приходится вас прерывать, однако игра начинается.

Джинни опустила голову, пряча улыбку, и почувст-

вовала, как Симус сжал ей руку.

— Прости, Гарри, — произнесла она, плохо понимая, за что именно она извинялась.

— Да нет, все великолепно, — благодушно заметил Гарри, делая шаг назад, чтобы пропустить смущенного, но явно ощущающего облегчение Симуса, и следуя за ним к раздевалкам. Джинни пошла рядом с Гарри, изнывая от любопытства:

— Тебе Рон что-нибудь сказал? — решительно ткнула она его в бок. — С кем он там целовался?

Гарри криво ухмыльнулся и пожал плечами:

— Да ничего он не сказал на самом деле — вроде, встретился с ней в пабе, потом они где-то потискались... Сначала он говорил, что она из Хаффлпафа, потом — из Равенкло. Говорил, что она со старшего курса, а когда я ему напомнил, что старшим курсом являемся мы, он вообще заткнулся. Только попросил напоследок верить ему, потому что он не имеет права ничего сказать.

Джинни аж подсакивала от возбуждения, когда они вошли в раздевалку. Она схватила свои протекторы и начала их застегивать, остальные, похоже, уже собрались и были на поле, комната была пуста.

— Боже мой, ты думаешь, это был кто-то совершенно ужасный, и он из-за этого смущен? — заворожено спросила она. — Может, это кто-то вроде Миллисент Булстроуд!

Гарри сделал жуткое лицо:

— Ну, тогда бы укус на его шее был бы куда больше!

— Тэсс Хэммонд? Пенси Паркинсон?

Гарри закатыл глаза.

— Боюсь, на такое он не способен даже после шестидесятой порции сливочного пива.

— А может, у нее есть парень? И он боится вляпаться в проблемы?

Гарри приподнял бровь.

— А что — возможно. Но боюсь, я не готов выдвигать предположения. Спрошу у Гермионы после игры, она с ним в последнее время проводит больше времени, чем я.

Джинни тихо засмеялась.

— У Рона таинственная девушка, — жизнерадостно заметила, она, — я балдею!

Гарри заулыбался:

— А, может, Симус прав, и у него таинственный парень? Представляешь?

— Признаться, я не вижу причин, чтобы он скрывал это, — держа метлу под мышкой, Джинни двинулась вслед за Гарри к квиддичному полю, — мама с папой не один год считали Перси голубым, и все нормально к этому относились. Устраивали ему темную и пытались выпытать у него все о его чувствах.

— Перси? Что — правда?

— Я тебе кланюсь. Все были даже немного разочарованы, когда появилась Пенелопа, — добавила она и, нагнувшись, подлезла под ограждающими поле веревками. Остальные уже ждали, в том числе и Рон, натянувший свитер до самых глаз, что придавало ему что-то неуловимо черепашье. Она подмигнула ему, и он немедленно покраснел.

— У вас и правда изумительные родители, — заметил Гарри, и Джинни повернулась, чтобы подтвердить это улыбкой и кивком, но замерла, увидев лицо Гарри. Перед каждой игрой он смотрел на трибуны, ища Гермиону, и, судя по его выражению, он ее только что нашел. Проследив, куда он смотрит, она увидела Гермиону с кучей книг на коленях, сидящую между Яной и Джорджем. Она смотрела на поле и махала рукой. Джинни показалось, что Гермиона сделала какой-то знак Гарри, видимо, понятный только им двоим — Гарри улыбнулся — ярко, радостно, словно его лицо озарило восходящее солнце.

От какой-то неожиданной печали у Джинни свело все тело. Тайные знаки, шутки, понятные только им... Ей всегда казалось, что она вне — вне этой группы, куда входили только Гарри, Рон и Гермиона или же

Драко, Гарри и Гермиона — единственная девушка среди мальчишек. Отвернувшись от Гарри, она встретилась глазами с Симусом, и он ей улыбнулся — нежно-нежно. Она улыбнулась ему в ответ и встала рядом с ним. Команда оседлала метлы. Гарри прошел вперед, и они с уже вышедшим на поле Драко пожали друг другу руки.

Впрочем, — подумала она, глядя не на поле, а на Симуса, — рано или поздно все меняется...

* * *

Матч задержался, прошел слух, что один из слизеринских игроков выбыл из графика и опоздал. Гермиона, уверенная, что Драко встречался с Дамблдором, была стиснута на трибуне между Джорджем и Яной, позади сидел Фред. Ангелина не пришла, предпочтя демонстрационную прогулку по заводу в компании Оливера Вуда. По этому поводу Фред от комментариев воздерживался.

Гермиона сидела и гадала, о чем могли беседовать Драко и директор, поймав себя на мысли, что хотела бы оказаться мухой на стене его кабинета, или же, подобно Рите Моските, оказаться жучком-анимагом. Краем уха она слышала, как Яна успокаивает все больше и больше заводившегося Джорджа, самой же ей скучать было некогда: на ее коленях лежала толстенная L'Histoire des Quatres Objects de Pouvoir, она прилежно читала, перо-переводчик помогал ей справиться с непонятными словами. По мере того, как она изучала материал по les quatres, куда входили зеркало, кинжал, чаша и ножны — Четыре Благородных Предмета, дурное предчувствие все основательней и основательней поселялось у нее внутри. Она раньше слышала о них, более того, они входили в один из разделов данной Люпиным домашней работы, однако считала их легендарными, и знать не знала, ни почему они называются Благородными, ни на что они годны. Чем дальше она читала, тем меньше ей это нравилось, она уже едва удерживала себя от того, чтобы побежать, найти Гарри и рассказать ему о том, что она обнаружила. Но, конечно, она не могла так поступить...

— Ну, наконец-то, — пробормотал Джордж, когда двери раздевалок распахнулись, и команды полились на поле — гриффиндорцы торопливо, а слизеринцы с дерзкой медлительностью, хотя именно они были причиной задержки. Гарри и Драко прошли в центр и трякнули друг другу руки, не задержавшись там дольше необходимого. Гермиона, зная, что к чему, надела на них омниокль и увидела, как они машинально качнулись навстречу друг к другу, увидела тонкую улыбку, коснувшуюся губ Гарри в тот миг, когда их с Драко руки встретились. Луч солнца прорезал облака, она убрала омниокль от глаз, на мгновение ослепнув, и, когда она снова взглянула в него на поле, они уже расходились к своим командам.

Мадам Хуч свистнула, и они взмыли в небо. Фред с Джорджем взвыли, Яна забыла про вязание, над которым скучала, — довольно жуткий на вид оранжевый шарф. Судя по всему, он в качестве рождественского подарка предназначался Рону, который будет выглядеть в нем просто кошмарно. Пряча улыбку, Гермиона отложила свой омниокль и начала следить за игрой, периодически поглядывая в книгу.

Когда-то она ненавидела поединки между Гриффиндором и Слизерином, однако сейчас они ей нравились. Признаться, она вообще не очень-то любила квиддич и находила его скучным, однако обожала следить за полетом юношей: мчащийся стрелой Гарри, четко движущийся Рон и впечатляющий стиль Драко, за которым скрывалось истинное умение. Она наблюдала за тем, как они мечутся в небе, когда гриффиндорцы открыли счет. Все вокруг взорвались одобрительными возгласами. Ей нравилось следить за красотой полета — ведь в маггловском мире не было спорта, который мог бы похвастаться тем же. Драко и Гарри, то сближающиеся, то разлетающиеся в разные

стороны, напоминали зеленую и алую вспышки.

Нет, другие, конечно, тоже были хороши: она была удивлена, насколько удачно в команду вписалась Джинни с ее быстротой и точностью. Вот она пролетела мимо Малькольма Бэдкока, подхватила кваффл, выполнила разворот и метнулась к слизеринским кольцам. За ней помчался слизеринский отбивала, однако прежде, чем он успел что-то сделать, Блез Забини стрелой подлетела к Тесс Хаммонд и, выхватив дубинку из ее рук, с силой направила ближайший бладжер в Джинни. Он попал ей в плечо, едва не скинув вниз, толпа внизу взвыла от негодования, а Джордж разразился потоком красочной брани. Джинни все же ухитрилась выровнять метлу, но кваффл был потерян, Блез подхватила его и хотела метнуть на гриффиндорскую половину, однако разгневанный Симус Финниган преградил ей путь. Лишь только они сравнялись, он ухватил за ее рукав и дернул. Блез взвизгнула, развернулась и свободной рукой впилась ему в лицо. Симус свернул, и она бросила кваффл.

Мадам Хуч разгневанно засвистела:

— Нарушение Гриффиндора! Кваффл у Слизерина! Гриффиндорские трибуны застонали.

— Черт побери, о чём там Симус думает? — поднял вверх свой омниокль Фред. Подняв свой, Гермиона увидела, как Блез ловит брошенный ей мадам Хуч кваффл. Чуть задержавшись, чтобы плюнуть в Симуса, она стрелой помчалась к кольцам Гриффиндора.

— Знаю я, о чем он там думает, — весело произнес Джордж, следя взглядом за летящим за кваффлом сестрой. — Хи-хи.

Фред бросил на брата взгляд, полный отвращения.

— Что ты имел в виду под «хи-хи»?

— А что бы ни имел — по крайней мере, моя подруга не западает на Оливера Вуда.

Яна бросила на него раздраженный взгляд:

— Право слово, это звучит так, словно Оливер Вуд не мог бы быть со мной.

— Нет, дорогая, я не это имел в виду, — поспешно поправился Джордж. — Уверен, что он мог бы с тобой быть...

— И я так полагаю, ты бы ему это позволил, — фыркнула Яна, принимая воинственную позу. — Джордж, как у тебя только язык повернулся!

— Нет-нет, — запротестовал Джордж. — Дорогая, я бы никогда...

— Хи-хи, — вставил Фред.

— Заткнитесь оба, — потребовала Яна и осеклась — слизеринская трибуна взвыла. Блез швырнула кваффл в кольцо с такой силой, что едва не оставила Рона без зубов. Джордж зарычал. У Гермионы появилось чувство, что вероятность появления Блез на семейных торжествах Уизли упала до нуля. Фред с Джорджем снова заворчали, и, когда кваффл вернули в игру, Джинни яростно нырнула за ним, отрезав путь Блез, и помчалась к кольцам Слизерина с такой целеустремленностью, что Гермиона и думать забыла про две красно-зеленые вспышки где-то сбоку...

Рев потряс толпу. Джинни замерла и развернулась, Гермиона заметила удивление на ее лице. Подняв голову и откинув с глаз упрямый локон, она увидела, что игроки больше не мельтешат в воздухе, а смотрят на западную часть поля, на сидящего верхом на метле Гарри. В его руке что-то мерцало. Снитч. Игра закончена.

Свисток мадам Хуч разрубил тишину.

— Победа Гриффиндора!

Трибуны вокруг Гермионы взорвались ликованием — студенты подскочили на ноги, их полосатые шарфы реяли в воздухе красно-золотыми флагами. Гермиона продолжала сидеть и смотреть на Гарри. Тот уставился на снитч в своей руке, потом развернулся к слизеринскому ловцу, зависшему на метле футах в двадцати. Такого выражения лица у Драко Гермионе еще не случалось видеть: смесь недоумения и бешенства.

Вдруг он резко направил метлу вниз и приземлил-

ся, едва не стукнувшись о замерзшую землю. Гарри, чуть помедлив, последовал за ним — команды приземлялись на поле и закрыли юношей от нее. Она навела свой омниокль на Гарри — вся команда сгрудилась вокруг него, однако лица их были на удивление мрачны — никаких объятий, прыжков и прочего. Она знала почему — все дело в Гарри, его настроение передалось всем: он был не рад победе, скорее раздражен и все поглядывал то на снитч в своей руке, то на слизеринскую команду, быстро покидающую поле по направлению к раздевалкам. Драко уже не было видно. Гриффиндорцы, неуверенно толкаясь, подбирали свои метлы и вслед за Гарри пошли к раздевалкам.

Похоже, мрачное настроение передалось и зрителям: на трибунах стихли крики, все начали тихо собираться. Когда Гермиона закрывала книгу и собиралась опустить ее в сумку, она случайно бросила взгляд на иллюстрацию на странице и замерла, потеряв дар речи. Через мгновение она уже, как сумасшедшая, прыгала вниз по ступенькам, провожаемая взглядами Фреда и Джорджа, устремляясь со всех ног к гриффиндорской раздевалке, где был Гарри.

* * *

Едва прислушиваясь к оживленной болтовне гриффиндорцев у него за спиной, Гарри возвращался в раздевалку. У него в голове все крутились и крутились последние секунды матча: вот он гонится за снитчем, ожидая, что, как всегда, Драко перережет ему путь. Полет ловца Драко Малфоя Гарри прекрасно изучил за прошлые шесть лет. У каждого были свои хитрости, хотя они и пытались их разнообразить, у каждого был свой стиль. До тех пор, пока Драко не видел снитч, он был элегантен и даже несколько ленив, однако лишь только снитч оказывался в его поле зрения, он гнался за ним, вкладывая в полет всю ярость и мощь разящего цель клинка.

Гарри умел ждать ответов, умел предсказывать их; в глубине души он считал себя лучшим игроком, хотя, конечно, не настолько, чтобы позволять себе на поле хоть капельку лени. У них бывали проигрыши Слизерину в прошлом, причем некоторые — совершенно случайные. Однако ему и в голову не могло прийти, что Драко позволит ему просто взять и поймать снитч. Но именно так и произошло: судя по всему, Драко не приложил ни малейшего усилия; погнавшись за снитчем, Гарри заметил, что Драко не рванулся за ним, а обернувшись после победы, Гарри увидел Драко в нескольких футах, в стороне — такого раньше никогда не случалось.

Что-то это не похоже на Драко: чтобы он — да не предпринял ни малейшей попытки, — размышлял Гарри, с силой захлопывая за собой дверь и едва на треснув по носу Колина, причем совершенно этого не заметив. — Нет, определенно, Драко просто позволил ему выиграть — но с чего? Чувство вины, что Гарри из-за него не попал на кладбище раньше?

Что ж, — Гарри швырнул свою метлу и начал сдирать протекторы с локтей и голеней, — мне ничья жалость не нужна. Тем более — жалость Драко.

Эти мысли завели Гарри до состояния оскорбленной обиды — он думал и думал об этом, не замечая, что причина, в общем-то, не так и существенна. Зашвырнув протекторы в угол комнаты, он, игнорируя попытку Рона остановить его, вышел вон.

Вытащив Эпициклическое Заклятье, чтобы сосредоточиться, он зашагал в сторону замка, топая ногами и хрустя льдом. Распахнув двойные двери, Гарри пошел через холл и отправился налево, по пути, ведущему к слизеринским спальням. За первым же углом, уже на полдороге к проходу за гобеленом, обнаружился Драко. Он быстро шел, торопливо стаскивая с рук кожаные щитки и, справившись, совершенно несвойственным ему жестом с размаху кинул их в противоположную стену. Мягко шлепнувшись о камень, они упали к ногам Драко.

— Малфой, — позвал Гарри.

Драко не двинулся. Замерев, он стоял и смотрел в стену, судя по его уныло опущенным плечам, он чувствовал какую-то боль.

— Малфой, — повторил Гарри, куда жестче в этот раз — Драко снова не шевельнулся. И тут Гарри сделал то, чего клялся не делать никогда — он послал мысленную стрелу в мозг второго парня. С силой — и точно в цель.

«... Малфой! А ну повернись и поговори со мной!»

Драко вздрогнул, словно его ударили, и развернулся. Гарри внутренне содрогнулся: сейчас глаза у Драко были почти черные, что бывало только тогда, когда он был здорово разозлен.

— Какого черта тебе надо, Поттер? — резко спросил он, теребя застежку второго протектора. Та наконец подалась и Драко бросил его себе под ноги. — Зачем ты потащился за мной?

Гарри шагнул вперед:

— Что там произошло? — требовательно спросил он.

Драко прищурился. Пламя факела бросила ему на лицо яркий отблеск, смыв цвет и превратив его в маску с сердитыми резкими линиями.

— Ты выиграл, — отрезал он. — Так иди и веселись, ясно?

— Я хочу знать, что случилось с тобой. Ты поддался в этой игре, это единственное, что приходит в голову.

— Я не поддался! — взревел Драко. — Вы выиграли!

— Ничего подобного.

Драко рассердился еще больше.

— Я так предполагаю, что гриффиндорцы решили позлорадствовать по этому поводу?

— Я не злорадствую, — сквозь зубы процедил Гарри. — Или же ты думаешь, что я захлебнусь радостью победы в матче, который ты сдал?

— Я не сдавал матч! — заорал Драко. — Я сделал все, что мог в наилучшем виде!

— В таком случае, это было жалкое зрелище! — перебил его Гарри, тут же пожалев, что эти слова совпались у него с языком.

— Что ж, — большое спасибо, — холодно прорычал Драко. — Благодарю за эту оценку, Поттер! Ты — невыносимый заносчивый ублюдок и ханжа!

Гарри сделал шаг назад. Драко подбоченился, его просто трясло от ярости, даже волосы его, казалось, сердито потрескивали.

— То есть ты решил, что можешь прийти и осудить меня!...

— Если ты позволил мне выиграть потому, что думал, что я... — Гарри осекся, его голова буквально взорвалась от грохочущего внутри голоса, казалось, череп сейчас расколется и разлетится осколками в стены.

«... Я НЕ ПОЗВОЛЯЛ ТЕБЕ ВЫИГРАТЬ!»

Гарри задохнулся и схватился руками за голову — та заболела так, словно кто-то отвесил ему изрядную затрепину.

— О... — слабо простонал он и поднял глаза на Драко. Тот стоял, не в силах отвести от Гарри удивленные глаза и опустив руки.

— Ладно-ладно, я тебе верю, Малфой, только больше так не ори... — Гарри отнял руки от висков и поднес к глазам, почти ожидая увидеть на них кровь. — Что ты хотел — нанести мне мозговую травму или как?

— Я... — в смятении начал Драко, все еще не придя в себя от удивления, — Я не знал, что выйдет так... Я никогда...

— Ну, вышло — и вышло, — отрезал Гарри и, колебавшись, добавил. — Прости, — медленно произнес он, глядя Драко в лицо. — Ну, за то, что я сказал... Ты не был жалким...

— Нет, — возразил Драко неожиданно отрывистым звонким голосом. — Был. Я был жалким.

Гарри захлестнуло какое-то ужасное чувство,

словно он взял и пнул котенка. Он вгляделся в лицо Драко.

Месяцами он учился читать по лицу этого парня то, что он чувствует, хотя это было не так-то просто. А еще он иногда сам мог ощущать чувства Драко, если они были достаточно сильны. Как сейчас. Гарри еще раз присмотрелся к лицу Драко: недоумение и... страх. Страх?

— Малфой, — начал он.

— Гарри! — окликнул его запыхавшийся знакомый голос. Обернувшись, Гарри увидел пепельно-серую Гермиону, а за ней Рона и Джинни. А позади нее стоял Симус Финниган. В руках Гермиона держала книгу, стиснув ее так крепко, что пальцы у нее побелели. — Гарри, — снова начала она и осеклась, ее глаза метнулись к Драко и зажглись облегчением. — О, слава Богу, вы оба здесь... Мне нужно с вами поговорить, — она взглянула на книгу в руках и снова на юношей. — Пойдемте в библиотеку, ладно?

Гарри взглянул на нее, пытаясь сосредоточиться, но заговорил первый Драко.

— Нет, если он тоже пойдет, — и он указал на стоящего рядом с Джинни Симуса.

— Все, что можно сказать мне, можно говорить и ему, заявила Джинни. — Я все ему рассказала.

Драко приподнял бровь:

— Всё?

У Симуса был вид, словно он чувствовал, что ему здесь сейчас совсем не место, однако уходить он никуда не собирался.

— В таком случае ты глупая и легкомысленная, — холодно сказал Драко. — И лживая.

У Рона с Симусом был такой вид, словно они сейчас кого-нибудь убьют. Гермиона нахмурилась.

— Драко, не надо все усложнять и упрямиться. Это важно.

Драко скрестил руки на груди.

— Или отсюда уходит этот лепрекконский мальчик, или я.

Гарри кашлянул.

— Слушай, Симус...

— Ладно-ладно. Я не хочу создавать проблему. Я пошел, — он наклонился и демонстративно поцеловал Джинни в щеку. — Увидимся.

Гермиона закатила глаза:

— Ну, если эта детская показуха закончилась...

— Она никогда не закончится, — криво улыбнулся ей Драко.

Она тряхнула головой:

— Прекрасно. Пошли в библиотеку.

* * *

— Итак, есть четыре благородных предмета, — начала Гермиона. — Они очень древние. Есть кинжал. Ножны. Зеркало, что украдено, — оно на фотографии. И чаша, — вздохнув, она оторвалась от пергамента, который читала. — И всех их в своих сновидения Драко видел у Вольдеморта. Кроме чаши.

Они сидели вокруг круглого библиотечного стола — Джинни, Рон, Гарри и Драко рядом с Гермионой, разложившей перед собой на столе книгу и пергаменты, на носу у нее были очки для чтения в серебряной оправе. Она говорила уже долго, и ее голос начал чуть скрипеть.

— Каждый из этих предметов обладает огромной магической силой. Это изначальная магия, которую вряд ли используют в наше время, однако во времена Николаса Фламель она была весьма популярна. Каждый объект соответствует одному элементу, ну, — тут же добавила она, увидев, что на нее все уставились, — это неважно. Важно то, что эти четыре предмета являются как бы четырьмя частями головоломки, и чтобы осуществлять магические действия, выполнить ритуал, их надо собрать вместе.

Гарри кашлянул:

— Что-то мне не нравится, как это звучит. Что еще

за ритуал?

Гермиона покусала губу.

— Объекты и были созданы для того, чтобы облегчить выполнение этого ритуала. Просто так это и называется: Ритуал, для его выполнения необходимо пять человек — четверо для работы с предметами, а пятый... — Гермиона наморщила нос, — чтобы дать его или ее кровь. Совершенно непонятно, что там происходит дальше, видимо описание находится в четырех книгах, из которых сейчас уцелела только одна. Однако результат этих действий известен. Если все сделано правильно, на поверхности зеркала появляется изображение. Тетраграмматон.

Глаза Драко расширились. Остальные не понимали, о чем идет речь.

— Я думал, это миф, — пробормотал Драко.

— О, так Драко в курсе, — произнес Рон. — Даю голову на отсечение, в таком случае это какая-нибудь пакость.

Драко зевнул.

— Ты забыл назвать меня Малфоем, — напомнил он. — Докатился, Уизли...

— Тетраграмматон, — решительно продолжила Гермиона, — это слово. Одно слово. Однако его произнесение приводит к тому, что ты получаешь власть над всем живым: над людьми и животными, над жизнью и смертью. Именно поэтому Вольдеморту понадобилось зеркало и, я уверена, ему нужна и чаша. Это единственный предмет, который не видел Драко — ну, так или иначе, я уже все выяснила. Она находится в Стоунхендже, в музее. В разделе Древностей. Если он захочет исполнить Ритуал, он добудет ее. Но нам нельзя допустить, чтобы это произошло...

Рон и Джинни выглядели совершенно потрясенными. Гарри не чувствовал удивления, нет — просто усталость: что, снова? Опять конец света?

Драко сидел с покорным видом.

— Ну, и что по этому поводу мы будем делать?

— Не знаю, — поколебавшись, уронил Рон. — Мне все это кажется какой-то фантазией. Какие-то сны, какие-то фотографии, мифы... Может, ничего и нет на самом деле?

— Может, и нет, — согласилась Гермиона, однако я не думаю, что нам стоит идти на такой риск. Да, сейчас чаша, возможно, в безопасности в музейной витрине с сигнализацией. Но вот надолго ли?

Джинни беспокойно заерзала.

— А не думаешь, что стоит сходить к Дамблдору — возможно, у него мы могли бы получить ответ?

— Ага, только если вопрос звучит так: «Какая са-

мая дурацкая вещь из всех, что можно сделать?» — бросил Драко.

Джинни бросила на него недовольный взгляд:

— Не понимаю, почему.

— Во-первых, нам будет сложно объяснить, как мы добрались до всех этих сведений, — начал быстро перечислять Драко. — Во-вторых, от этого вряд ли что-нибудь изменится. Ведь я определенно видел эти сны.

— Ну и где ты нашел всю эту информацию, — фыркнула Джинни. — Где ты нашел эту маггловскую газету, а, Драко?

Драко взглянул на Гермиону: та определенно не знала, о чем идет речь. Гарри дрогнул, когда серые глаза Драко обратились к нему и прищурились.

«... То есть ты так ничего и не рассказал Гермионе, где мы были?»

«... Нет... Я должен — но... я не смог, — Гарри сполз по своему стулу, поморщившись. — Не надо. Не сейчас».

Глаза Драко снова скользнули к Джинни, и он улыбнулся:

— Я ее нашел. В лазарете.

— Я так и думала, — кивнула Джинни, вовсе не убежденная, что дело было именно так.

Гермиона покашляла.

— Я согласна с Драко, — неожиданно произнесла она. — Дамблдор понимает, что есть вещи, о которых мы должны беспокоиться сами. Иногда он не действует, но всегда знает, есть ли у нас в руках средства, с помощью которых мы сумеем справиться с проблемой. Понимаешь, о чем я? — обратила она к Гарри расширившиеся потемневшие глаза.

Она подумала о Хроновороте, о третьем курсе, о тонкой цепочке, накинута на их шеи. Вспомнила, как решительна она была, передавая им с Роном кексы и сообщая, что в них вещество, которое свалит с ног тех парней.

— «Так вы хотите, чтобы план сработал, или нет?» — улыбнулся он. — Да, я помню.

По ее губам скользнула быстрая ответная улыбка, и она снова вернулась к столу:

— Думаю, то, что мы должны сделать, достаточно очевидно. Мне эта идея не нравится, и тем не менее...

Рон махнул рукой:

— Я не слежу за мыслью, говори точно, что точно мы должны сделать.

— Мы должны стащить чашу прежде, чем до нее доберется Темный Лорд, — словно что-то совершенно естественное произнесла Гермиона. — Мы должны огрabitь музей.

Глава 6. Этот идеальный мир.

Гермиона назвала это просто «План», Драко обозначил как «Всего-навсего ваши унылые разработки стандартной схемы грабежа музея с хищением ценного экспоната — как-его-там?» Гарри вообще никак не назвал, он просто закатил глаза, когда все это обсуждали, и закрыл эту тему, пожав плечами. Нет, он не был ни взволнованным, ни решительным, — заметила Джинни, — ну, не более, чем остальные. Просто он не провел столько времени в библиотеке, сколько все.

Драко, Джинни, Гермиона и даже Рон (который терпеть не мог находиться поблизости от Драко, но вел себя вполне сносно, что вызвало у Джинни просто гордость за брата) часами торчали в ней день за днем. Прошло уже две недели с того момента, как они начали разрабатывать план, а он еще на раз не пожаловался.

Выбрав место в углу, где им никто не мог бы помешать, они сидели там все время — Джинни знала, что между занятиями непременно обнаружит Гермиону именно там, напротив нее обычно сидел Драко. Большинство книг, что были им нужны, в Хогвартсе найти было нельзя. Даже в Запретной секции. Книги по преодолению защитных барьеров, Справочник вора

по грабежу и разбою, книги о том, как с помощью заклинаний скрывать и запутывать следы — в Хогвартсе не было ни одной, Драко призывал их для нее из Имения, заодно преподнес ей такое, отчего Гермиона издала вопль радости: план Стоунхенджского музея. Джинни забавлялась, глядя, как Гермиона делает все это с тем же рвением, что неделю назад корпела над экзаменами.

— Ты бы видела ее на втором курсе, — заметил Рон, подперев себе подбородок и утыкаясь в экземпляр «Как свистнуть практически что угодно». — Помню, как она вручила нам с Гарри две кексы и велела пойти и отключить для нее Кребба и Гойла. Она была настоящим ужасом, — вскинув глаза, он взглянул на Гермиону. — Скажешь — не так?

Однако Гермиона его не слышала. Подбоченившись, она качала головой, вперив взгляд в невинно смотрящего на нее большими серыми глазами блондина, который держал в руках нечто совершенно отвратительное:

— Драко, ей-Богу!

— Я призвал это утро из Имения, — Драко махнул

перед лицом Гермионы чем-то, напоминающим мумифицированную человеческую руку. — Еле вспомнил, что надо тебе это отдать.

— Уж лучше бы ты забыл, — сморщилась Гермиона. — Что это?

— Рука Славы, — пояснил Гарри, выныривая из сумрака библиотечных полок. — Лучший друг воров и грабителей, правда, Малфой?

Драко развернулся и взглянул на Гарри.

— Не ожидал, что ты это знаешь, Поттер...

Гарри слабо улыбнулся, щеки его слегка зарумянились, словно он только что вернулся с холода, шея была обмотана шарфом. Джинни подивилась, куда его носило после завтрака, пока все остальные толкались в библиотеке. Уроки завершились, все готовились к экзаменам, но Гарри в эти дни как будто прятался ото всех в поисках уединения.

— Ты был бы удивлен, если бы узнал, о чем я знаю.

— Да ну? — по губам Драко пробежала легкая усмешка. — Это все про тот случай, когда на втором курсе вы свалили Кребба с Гойлом?

Все в ужасе вытаращили глаза. Джинни, смутно помнящая рассказ Рона, зашла в хихиканьи.

Драко вежливо поднял бровь и взглянул на Рона:

— Мне продолжать, Уизли?

Рон снова уткнулся в книгу, оставив снаружи только свои заалевшие уши.

— Не надо.

Бросив на него оценивающий взгляд, Драко опустился на стол Руку Славы, которая зашкрябав пальцами по столу, подобно гигантскому пауку, прыгнула на колени к Рону. С визгом ошпаренной кошки, Рон безумно замахал руками, стряхивая вцепившуюся в ремень руку. Та упала на пол, и Джинни придавила ее ногой.

— Малфой! — разъяренно выдохнул Рон.

Драко лениво ухмыльнулся:

— Да ладно, Уизли. Так ты не сделаешь ни шагу к половой жизни, если, конечно, вообще собираешься ее вести.

Рон схватил «Как свистнуть практически что угодно» и швырнул ее в Драко, тот пригнулся, и книга стукнулась о спинку его стула. Распрямившись, Драко начал демонстративно стряхивать пыль с рукавов.

— Знаешь, Уизли, — с непроницаемым лицом заметил он, — враждебность — это просто сублимация сексуальной энергии.

— Прекрасно, — с горькой интонацией ответил Рон, — теперь понятно, почему ты так не можешь терпеть Хагрида.

Драко вспыхнул, а Джинни зашла в приступе смеха. Гарри нетерпеливо прокашлялся:

— Это ничем не закончится, — резко произнес он, — или нам нужно разделить, чтобы мы могли работать?

— Нет, — неожиданно поднялась Гермиона. — Мы уже все сделали. Сейчас.

Все удивленно подняли на нее глаза:

— Сейчас? — переспросил Рон, позабыв про свою ярость.

— Да, все, что касается исследовательской части. Теперь немного трансфигурации, как я и говорила вчера вечером. Гарри?

Гарри слегка пожал плечами:

— Ты сказала, что до полудня тебе она не понадобится.

— Верно, — кивнула Гермиона. Голос ее дрожал. — Сейчас три пополудни.

— Хорошо, я пошел за ней, — согласился Гарри. — Рон, можешь составить мне компанию?

— С удовольствием, — Рон стрельнул взглядом, полным отвращения, в Драко и поднялся на ноги. Сдернув со спинки стула свой шарф, он затопал вслед за Гарри, и будь Джинни менее великодушной сестрой, она бы сказала, что он слегка переигрывает.

Похоже, Драко подумал то же самое.

— Тоже мне, примадонна, — холодно уронил он, когда библиотечная дверь закрылась за Гарри и Роном.

— Не начинай, — остановила его Гермиона и начала сгребать со стола книги и пергаменты и засовывать их в и без того едва не лопающуюся сумку. — В самом деле, Драко, коль скоро вы двое не можете находиться рядом, может пойдете в лес и потыкаете друг друга чем-нибудь острым, пока не решите, кто из вас доминирующая мужская особь?

Драко задумчиво пожевал кончик своего пера.

— Но это было бы совсем не так смешно, правда?

— Смешно? Так все это только ради того, чтобы посмеяться? — Гермиона начала собирать волосы в тугой пучок и безжалостно протыкать его шпильками. — Впрочем, зачем колоть Рона? Будь мужчиной. Не обращай на него внимания.

— А я не хочу быть мужчиной, — Драко откинул голову назад и лениво прижмурился, как кошка на солнце. — Хочу быть депрессивным мечущимся подростком, не имеющим сил удержать своих внутренних демонов и выплескивающих все на окружающих.

Гермиона вздохнула:

— Какая жалость, что ты не родился девушкой. Ты бы все время беспокоился, ты же в школе всех милее.

— Эй, — встрепенулся Драко, — я в школе всех милее!..

Гермиона присела на стул рядом с Драко и начала перебирать бумаги, захламлявшие стол.

— Все это слишком утомительно, — устало произнесла она. Джинни с трудом удерживалась от того, чтобы наброситься на нее с утешениями. У нее было ощущение, что Драко и Гермиона забыли про нее. — Я не могу сама со всем справиться, Гарри помогать не хочет, вы с Роном постоянно переругиваетесь, я уже третий день на ногах. У меня волосы спутались — знаешь, почему?

— Я несколько дней только об этом и думал, — мрачно произнес Драко.

— Ой, замолчи, — попросила Гермиона, но улыбнулась.

— Предлагаю сделку, — произнес Драко. — Я доведу остальные книги с заклинаниями по снятию сигнализации, если ты мне расскажешь, как на втором курсе вывели из строя Кребба и Гойла.

— Сделку, — шире заулыбалась Гермиона, почувствовав облегчение.

Джинни громко хмыкнула и поднялась. Как она и думала, две пары удивленных глаз метнулись к ней — карих и серебристых.

— Мне пора, — заявила она.

Улыбка Гермионы исчезла:

— Джинни. О, я имела в виду — большое спасибо за помощь...

— Нет проблем, — сухо ответила Джинни, подхватила сумку и зашагала к выходу. Но лишь только за ней закрылась, плечи ее поникли. Неужели ее судьба — быть невидимкой? Может, это какое-то Проклятье Уизли? Хотя Билл, Чарли, близнецы, даже Перси с его манерой всех раздражать — они были какими угодно, только не невидимыми. Наверное, это касалось только двух младших Уизли, обреченных на вечное игнорирование. Со вздохом она двинулась по коридору, процокала по лестнице на второй этаж, завернула за угол и оказалась в тупике. Неделию назад Симус показал ей это место.

Если резко пройти до конца и резко свернуть налево, можно было пройти сквозь низкий сводчатый проход. Она нагнулась и нырнула в него, очутившись в маленькой овальной комнате, стены и пол в которой были сложены из камней медового оттенка. Мебель отсутствовала. В западной стене было прорезано окно с довольно широким подоконником, на котором, склонившись над книгой, сидел Симус. Он втянул руки в длинные рукава свитера, холодное зимнее солнце, лившееся сквозь стекло, превращали его светло-русые волосы в золотую траву.

— Привет, Джинни! — поздоровался он,

не поднимая глаз.

— Как ты узнал, что это я? — рассмеялась она.

— По шагам, — он улыбнулся и опустил книгу. — Иди сюда.

Она подошла и присела на подоконник рядом с ним, чувствуя какое-то легкое волнение. Прошла неделя с того момента, как она поцеловала его на квиддичном поле — он ни разу не пытался поцеловать ее с тех пор, ни разу не дал понять, что ждет продолжения или повторения. Вместо этого он проводил время, гуляя с ней, когда их уроки были поблизости, или же приносил ей горячий чай в гостиную. Она начала ждать его выхода из класса после урока и удивлялась, почему же не замечала его раньше. Было что-то странно притягательное в его благородстве и бесхитростных улыбках. Прогуливаясь по холлу, они брались за руки — это казалось легким и естественным. Она старалась не думать о том, что она делает, и не заниматься анализом своих поступков.

— Собираешься участвовать в визите в Стоунхендж? — спросил Симус.

Она кивнула, теребя обложку книги, что он читал — «Страна грез». Симус любил юмористические книги — и маггловские, и нормальные.

— А ты?

— Да, думаю да. Я не записан на Историю Магии, но мне Биннс разрешил. Там будет демонстрация старинного квиддича — я хочу взглянуть.

Симус положил свою руку поверх ее и кашлянул.

— Я удивлен, что... — он взглянул чуть взволнованно, как всегда, глаза его потемнели, а губы чуть сжались. — Я насчет рождественских каникул. Меня пригласили в Имение на свадьбу, как и тебя, а потом... мы могли бы провести две недели перед учебой, а после я собирался вернуться домой в Глин Кэрин...

— Это прекрасно, Симус, — подхватила Джинни. — Я слышала, что там очень красиво.

— Я хотел бы, чтобы ты поехала со мной, — сказал Симус.

Джинни прекратила теребить обложку и замерла:

— Что?

— Я подумал, что это могло бы быть здорово, — увлеченно произнес Симус. — В нашем распоряжении был бы замок, конечно, не такой большой, как этот, но тоже вполне ничего. Если ты не захочешь, ты сможешь меня не видеть по несколько дней подряд. Я взял билеты на матч Паддлмер — Пушки в Дублине — мы могли бы сходить... И еще покататься на коньках и на санках... — он вздохнул и рассеянно потянул себя за прядь волос. — Знаешь, когда я репетировал это у себя в голове, это звучало куда лучше, чем «Приезжай ко мне домой, у меня есть санки...»

Джинни удивленно рассмеялась:

— Ты отрепетировал это в своей голове? Зачем?

— Потому что я подумал, что ты нуждаешься в настоящем отдыхе, — объяснил он. — А с твоими друзьями это невозможно: они все просто сумасшедшие.

— Тебе не нравятся Гарри и Гермиона?

— Нравятся, но они же ненормальные: все, что они делают, — это яростно тарашатся друг на друга. Не надо на меня так смотреть, это все замечают. А твой брат большую часть времени дуется. Нет, ты, конечно, можешь сказать, что проводить с ними время безумно весело, но позволь мне в это не верить.

— Я так полагаю, что приглашая меня в Ирландию, ты обещаешь мне безумное веселье?

— Обещаю, — кивнул Симус. — Все помчится колесом.

Она улыбнулась:

— А ты покажешь мне свою коллекцию движущихся фигурок?

Симус слегка закатил глаза в деланной задумчивости:

— Может быть...

— А у тебя есть выпущенные этим летом Драко и Гарри?

Симус кивнул, глаза его блеснули.

— У меня даже два Малфоя: один обычный, а второй — для того, чтобы отрывать ему голову.

— Симус, так нельзя.

— Хорошо, если ты приедешь, я приклею ему голову на место, — покаянно произнес Симус.

Джинни поколебалась.

— Я не знаю, — протянула она. — Я должна отпроситься у родителей, и не знаю, что они скажут. Хотя... я не знаю, с чего бы им отказывать мне. Я... Я подумую, Симус, — его синие глаза потемнели. — Но я хочу. И я ценю твоё предложение. Правда-правда.

Она потянулась к нему и поцеловала его в щеку, а потом склонила голову ему на плечо, прикрыв глаза.

Конечно, — мелькнуло у нее, — если налет на музей пройдет не как замышляется, она не сможет поехать с ним в Ирландию. Разве что после нескольких лет, проведенных в Азбакане.

* * *

— Знаешь, я скучаю по этому, — произнес Рон, когда Гарри тронул дверь в Трофейную комнату.

— По чему? — уточнил Гарри, голова которого была занята совсем другим: эта дверь всегда скрипела при открывании и, хотя Гарри захватил с собой мантию-невидимку (она была у него в кармане), он вовсе не хотел ее использовать. Гарри медленно потянул ручку вниз, и дверь беззвучно заскользила, открываясь. Гарри шмыгнул внутрь и, повернувшись, ждал, когда Рон последует за ним. Но Рон медлил на входе.

— Я скучаю по этому, — он махнул рукой на Гарри и снова на себя, — по тебе и мне.

Гарри склонил голову:

— По этому?.. — по его губам скользнула усталая улыбка. — Не знал, что ты этим интересуешься.

Однако Рон и не думал улыбаться, у него был очень мрачный вид.

— Наверное, ты не понимаешь, о чем я. Я про то, что мы снова прокрадываемся в разные места, выполняем какую-то миссию, ищем на свою голову неприятностей... ну, как обычно...

— Мы не ищем себе неприятностей, — возразил Гарри, сам не зная, почему пытаюсь сделать вид, что не понимает, куда клонит Рон. — Хотя, если ты так и продолжишь торчать в дверях...

Губы Рона сжались, она зашел в комнату и закрыл дверь.

— Ладно, — произнес он, — давай займемся делом.

Подойдя к витринам, он начал их внимательно изучать: за стеклом красовались ряды всевозможных трофеев — кубки, щиты, мемориальные таблички, неярко поблескивающие золотом и серебром. В полумраке волосы Рона тоже тускло вспыхнули медью. Плечи его были напряжены, и Гарри знал, что сейчас тот чувствует себя обиженным, и понимал, почему не хочет отдать себе отчет в том, что сказал Рон. Ведь сам он вовсе не скучал по их былым приключениям — он-то ведь не лишился: он по-прежнему рыскал по школе в мантии-невидимке, ускользал от учителей и шнырял по хогвартсовским землям. Просто сейчас он все делал один. Один или с Драко.

— Рон, — окликнул Гарри, — прости. Я понял, о чем ты. Я тоже скучаю, просто я думал о другом...

Рон кинул на него взгляд, слабый свет смыл синеву его глаз.

— Я заметил, — уронил он, — вообще-то я уже предлагал, но, если ты хочешь, мы можем поговорить сейчас...

Гарри подошел к самой большей витрине. Щит, на нем имя отца, факультет и позиция в команде. Ловец. Гриффиндор.

— Если это из того, что я мог бы сказать тебе, я бы сказал, — произнес Гарри, видя отражение Рона в стекле.

— Это о Гермионе? — стыдливо спросил Рон, пряча взгляд.

Гарри резко повернулся и удивленно взглянул на Рона:

— О Гермионе?

— Да нет, говори-говори... Я же понимаю, почему ты носишь свой шарф в помещении, — пояснил Рон, — между вами просто арктический холод.

— Ага, — кивнул Гарри, — она чувствует себя заброшенной.

— Это один из забавных побочных эффектов пренебрежения, — хмыкнул Рон и оторвал взгляд от своих ботинок. — Ты больше не любишь её?

Гарри остолбенел, словно Рон ткнул его булавкой:

— Я... что больше не делаю?..

— Ты меня слышал, — Рон снова уткнулся взглядом в свои ноги. — Иногда ты... э.. ну, просто перестаешь что-то чувствовать к человеку и ничего не можешь с этим поделать. Но ты должен, должен ей сказать об этом, потому что нечестно заставлять ее все время ждать и удивляться тому, что с тобой творится, и...

— Ты скоро закончишь эту свою сентенцию? — резко перебил его Гарри.

Рон подавился словами и замолк с упрямым видом.

— Ты ей должен сказать, — снова повторил он.

Гарри тряхнул головой:

— Если бы было что ей сказать, я бы непременно сделал это. Но я люблю ее, и всегда буду любить — сказать ей что-то иное было бы ложью.

У Рона был такой ошеломленный вид, что Гарри сам удивился.

— Но ведь у многих людей так происходит — просто чувства пропадают — и все... Разве нет? — А разве я похож на большинство людей? — Гарри потер лицо руками, снова почувствовав накопившую усталость. И опустошение. — Слушай, — чуть тише продолжил он, — я очень ценю, что ты присматриваешься и к Гермионе, и ко мне; я понимаю, как все выглядит со стороны — наверняка ужасно. Но я по-прежнему люблю ее. Просто иногда я беспокоюсь...

— О чем? — быстро подхватил Рон.

— Что она меня не любит.

— О... — пробормотал Рон и повторил, — о... Нет, уверен, что любит.

— Знаю, — Гарри поднял голову и взглянул на Рона, по-настоящему взглянул, первый раз за несколько дней. Решительные синие глаза, четкая линия рта, знакомое лицо... — Все потому, что я не могу рассказать ей про своих родителей, — он сам удивился своим словам.

— О родителях? — потрясенно повторил Рон. — А что с ними что-то... случилось?..

Нет, — ядовито подумал Гарри, — они все еще мертвы, спасибо, что спросил.

Однако вслух он сказал совсем другое:

— Да нет, я просто много думаю о них, они постоянно крутятся у меня в голове. Знаю, мне нужно поговорить с ней об этом, но... я не могу. Кроме того, не только я удаляюсь от нее. Она тоже удаляется от меня, — решительно произнес он. — Удаляется и становится какой-то... странной.

— Странной? — эхом повторил Рон.

Но Гарри не стал углубляться в подробности. Его глаза опять загорелись, как в тот миг, когда они вошли в Трофейную комнату:

— Эх, да вот же!

— Что? О, точно! — воскликнул Рон и опустился на корточки рядом с Гарри, который распахнул стеклянную витрину и вытащил бронзовую чашу, по краю которой красовалась следующая надпись: «За специальные заслуги перед школой. Гарри Поттер, Гермиона Грейнджер и Рональд Уизли. Год 1992».

— Мы собираемся использовать это? — спросил Рон.

— Естественно. Это же наше. Мы используем то, что захотим. Гермиона же говорила, что нам нужно что-то, напоминающее ту чашу на картинке. Вот она как раз и напоминает.

Рон усмехнулся:

— А я думал, мы используем специальную награду Тома Реддла.

Гарри хмыкнул.

— Блестящая идея. Но... Гермиона сказала, что нам нужна чаша.

— Зачем? Какая по сути разница? Все равно мы изменим ее с помощью Трансфигурации.

— Ага, — кивнул Гарри, — однако это должно быть очень-очень слабое заклинание, потому что сильное могут уловить детекторы музея. И оно со временем должно исчезать. И чем больше предмет будет похож на то, что там находилось раньше, чем дольше никто ничего не заметит.

Рон тряхнул головой:

— Интересно, а кто-нибудь в курсе полного и подробного плана грабежа за исключением Гермионы?

Гарри поднялся и помотал головой:

— Нет. Но ей я вполне доверяю.

Лицо Рона странно перекосилось. Потом он улыбнулся и протянул руку, чтобы коснуться чаши в руках Гарри.

— Помню-помню, как мы получили ее. Второй курс...

Гарри внимательно взглянул на Рона: что-то в этих словах ему не понравилось, словно его друг оплакивал прекрасный и навсегда ушедший Золотой Век.

— Да, я помню. Хочешь понести ее?

Но Рон помотал головой и засунул руки в карманы.

— Нет. Да все нормально, — и перевел взгляд на дверь. — Пора.

Рон пригнулся, и Гарри набросил на них мантию-невидимку, укрыв их обоих от чужих глаз.

* * *

Когда Рон с Гарри вернулись в библиотеку, Джинни уже ушла, за столом сидели Драко и Гермиона. Она уронила голову на руки и, казалось, спала. Драко читал. Увидев подходящих Рона и Гарри, он приложил палец к губам.

Гарри бросил взгляд на Драко и поставил чашу на стол рядом с Гермионой. Она и вправду спала — глаза ее были закрыты. Он заметил, насколько она устала: веки были воскового оттенка, под глазами лежали тени, губы чуть приоткрылись, выпавшая из пучка прядь покачивалась от ее дыхания. Забыв про Драко и Рона, про всех остальных, кто есть на свете, он присел на корточки рядом с ней. Мир и время исчезли: существовали только Он и Она. Он вроде бы никогда не забывал о своей любви к ней, но тут он снова все вспомнил — так сильно и неожиданно, что ощутил какую-то внутреннюю боль. О, если б она только знала...

Он не вымолвил ни слова, но ее веки дрогнули, словно она услышала его зов.

— Гарри... — она медленно улыбнулась, ее глаза сфокусировались на его лице. Он склонился и поцеловал ее в щеку.

— Я и представить не мог, что ты так устала... — тихо сказал он. — Я добыл чашу.

— О! — она выпрямилась и потерла рукой глаза. — Спасибо, — зевнув, она с улыбкой прикоснулась к чаше. — Она восхитительна, правда? Какой позор, что мы должны использовать ее в подобном деле.

— Ну, причина вполне достойная, — возразил Драко, не поднимая глаз от книги.

Рон задумчиво жевал губу.

— Не напомнишь мне, как это будет сделано?

Гермиона сердито взглянула на него:

— Мы уже это проходили...

— А не будет охраны или каких-нибудь подобных штук?

— У чаши? Не больше, чем у других музейных объектов. Не забывай — они же не знают, что это такое, для них это просто любопытная старинная безделушка, а не часть мощного магического уравнения.

— Уверена? — уточнил Рон. — А может, они просто не хотят демонстрировать свое знание о том, какая это

мощная штука, кому-нибудь еще?

Гермиона захлопала глазами, на мгновение удивившись. Гарри понял, что такой аспект просто не приходил ей в голову.

— Нет, — протянула она и быстро добавила, — нет причин так считать — они бы тогда должны были поставить на нее сигнализацию или вообще спрятать куда-нибудь подальше. Слепой случай, что мы сообразили, что к чему: не приснись Драко тот сон, не свяжи мы это все с Николя Фламель я бы в жизни не сообразила, что чаша в музее — один из Четырех Благородных Объектов.

— Возможно — один из Четырех Благородных Объектов, — уточнил ее Рон.

Гермиона кивнула:

— Знаю, но лучше перестраховаться, чем потом кусать себе локти.

Рон кивнул:

— Видимо, это какое-то новое значение слова «перестраховаться», о котором я раньше не слышал.

Гарри рассмеялся:

— Похоже, все заскучали по нашим приключениям. И если грабёж — это не приключение, тогда я даже не знаю, как это и назвать.

Рон вспыхнул и криво ухмыльнулся:

— Теперь о деле, — он взглянул на часы. — Герм, нам надо сейчас быть у Флитвика, мы должны взять у него список для поездки...

— О, точно, — Гермиона подскочила, сдержав зевок, улыбнулась Гарри и подхватила свою сумку и плащ. — До ужина.

Он встал и кивнул:

— Желаю старостам приятного времяпрепровождения.

Гермиона скорчила рожу:

— Не надо... в противном случае, мы не могли бы отправиться в музей.

Рон постучал по часам.

— Гермиона...

Засунув чашу в сумку, она чмокнула Гарри в щеку:

— Увидимся. Да, Драко, — помни, о чем мы говорили, — и они с Роном ушли, оживленно болтая о чем-то.

Гарри опустил глаза к Драко:

— «Помни, о чем мы говорили?»

Драко, закинув длинные ноги на стол, пожал плечами:

— Мы просто обдумывали другие возможности завтрашнего налета на музей.

— И нашли другие пути?

— Несколько моментов. Хотя возможно, ты будешь удивлен.

Гарри опустил на стул рядом с Драко.

— Я устал. И ничего не знаю.

— Это все наши полуночные собрания и интенсивное планирование налета. По счастью, нехватка сна не влияет на мое великолепие.

— Да, интересно, как ты с этим справляешься, — Гарри протянул руку к термосу с тыквенным соком, забытому Гермионой. — Что, Рисенн больше не тревожит тебя посреди ночи?

Драко бросил на него пронизывающий взгляд:

— Я ее больше не видел. А ты?

Гарри озадаченно покачал головой:

— Я тоже.

— Полагаю, она не может проникнуть в замок, — предположил Драко. — Думаю, ты в безопасности.

Гарри задумчиво отвинтил колпачок термоса:

— Как думаешь, что его она хочет?

Драко пожал плечами:

— Ну, об этом можно только догадываться. Но, во всяком случае не то, что находится у тебя в штанах.

Гарри поперхнулся и застонал:

— Не говори этого!

— Я просто обиделся, что ее не интересует содержание моих штанов.

— А может, интересует? — умиротворяюще предположил Гарри.

— Честно говоря, я не думаю, что она и вправду хотела попробовать это со мной... с тобой она поступила по-другому, — Драко задумался. — На мое счастье.

— Да, она имеет такой... эффект, — Гарри почувствовал, что краснеет.

— Наверное, все дело в шести веках фрустрации, — предположил Драко.

Гарри поперхнулся и приснул тыквенным соком на книгу перед собой.

— Шестьсот лет? — вытаращил он глаза. — Она что — такая старая?

— Неплохо сохранилась, правда? — заметил Драко. — И не плюй на эту книгу: она древняя.

— Ага, тоже древняя, — покусал губу Гарри. — Как-то не очень понятно, — он взглянул на Драко расширившимися глазами, — так кто же она, Малфой?

— Я так думаю, — медленно произнес Драко, — она какая-то разновидность демона. Ну, или что-то в этом роде. Она, кажется, имеет способность к... э... а чем она тебе показалось?

Гарри почувствовал, что заалел гриффиндорским цветом.

— Я думаю, она, некоторым образом... разновидность сексуального демона, — ответил он.

Судя по лицу Драко, все его силы были направлены на то, чтобы не захохотать.

— Ну, положим, могло быть и хуже, — заметил он. — Она могла оказаться демоном, распинающим людей на стенах.

— Не могу отделаться от мысли, что противостоять ей было ничуть не легче, — сказал Гарри. — Она просто заставила меня почувствовать... бессилие.

— Ага, мой папа всегда говорил, что когда с тобой что-то происходит, нужно попробовать представить неприятеля в исподнем, — посоветовал Драко и тут же присовокупил, — хотя с учетом проблемы, в твоём случае это было бы не лучшим решением.

— Вот так помощь, Малфой...

— Прекрасно, давай поговорим о другом. Например, что на Рождество мне достался Симус.

Гарри улыбнулся:

— Да, мне Гермиона уже сказала, что ты вытаскил его имя.

— А тебе кто достался?

— Элиза Миджен.

— А, это такая... — с новым носом, да?

— Замолчи, Малфой. Она очень милая.

Драко ухмыльнулся.

— Угадай, кто достался Блез.

— Я?

— Гермиона, — с видимым удовольствием произнес Драко.

— О, нет, — недоверчиво возрился на него Гарри. — Проследи, чтобы она не подарила Гермионе что-нибудь острое... или взрывающееся.

Драко приложил руку к сердцу:

— Торжественно клянусь, — продекламировал он.

— Спасибо, — глаза Гарри метнулись к часам на стене, и он резко выпрямился. — Пора на ужин, — он поднялся и подхватил с соседнего стула сумку. На полдороги к дверям он замер и повернулся. — Что — ты не пойдешь со мной?

Драко удивленно поднял голову, но Гарри в тусклом свете не мог разглядеть выражение его лица, только неясные очертания — скулы, заостренный подбородок, затененные глаза.

— Мы не можем пойти туда вместе.

— Ах да, точно, — не можем. Естественно.

— Ты иди, я буду попозже, — Драко с любопытством взглянул на Гарри. — Ты в порядке? У тебя такой вид, словно ты сейчас чихнешь.

Гарри вздохнул:

— Нет, ничего, просто...

— Что?

— Не иди сразу за мной.

Драко кивнул:

— Хорошо, я подожду.

— Спасибо, — Гарри ушел, чувствуя накопившееся беспричинное раздражение.

* * *

Она не идет.

Он уже трижды повторил это себе — без толку. Рон поднялся, размял сведенные мышцы и прислонился к стене, уставившись в пространство. Было три утра, он провел тут уже несколько часов. Через шесть часов они собирались грабить музей. Сейчас это казалось нереальным и бесконечно далеким: главное — ее не было рядом и, судя по всему, она так и не появится в ближайшее время.

Он посылал ей весточки... несколько весточек — писал, что будет ждать ее в обычном месте. И ждал. Прошлой ночью. Позапрошлой. Но она не пришла. Это было не в первый раз: бывало, она не приходила и раньше, однако не трижды кряду. Шагнув вперед, он оперся руками о стол. Четыре разноцветных квадрата от света, шедшего сквозь стекла, раскрашивали пол посреди комнаты. Они всегда светились, даже ночью. В комнате старост не нужен был другой свет — это было идеальное место для свиданий, и попасть сюда мог только тот, кто знает пароль. Конечно, этот неудачный эпизод с Малькольмом... Рон мысленно вернулся к тому моменту. Малькольм не помнит, что произошло, — какая неожиданная удача. Тем не менее, он не чувствовал от этого сильной радости. В последнее время он часто чувствовал себя счастливым, даже счастливейшим человеком на свете. Но сейчас... Он опустил глаза на свои руки: ногти были обгрызены до кровавых заусениц.

Его захлестнула волна гнева, он почувствовал прилив яростной энергии, и она подняла его на ноги. Она не имела права так поступать, могла бы хотя бы нацарапать пару слов и послать ему записку, коль скоро не могла поговорить с ним на людях. Рванув дверь, он выскочил в коридор и засомневался. Коридор был заполнен слабым светом. Должно быть, времени уже куда больше, чем он считал. В таком случае... ну, уже нет смысла идти в кровать, правильно? А если он еще подождет... может, она и придет. Они встречались и в более позднее время.

Он вернулся в комнату и прикрыл за собой дверь.

* * *

Пробуждение напоминало выныривание из холодной черной воду навстречу неясному свету. Сон рассыпался, Драко распахнул глаза, чувствуя, что его трясет, и сел на кровати, стараясь медленно дышать.

Он ужасно замерз. Ледяной воздух кусал его кожу, вызывая дрожь. Из-за того, что в последнее время он постоянно просыпался в мокрой от пота пижаме, он взял за правило спать без одеяла и только в тонких пижамных штанах, которые обычно надевал летом. В результате он добился обратного эффекта — и замерз, как ледышка. словно вместо костей у него были сосульки.

Драко поднялся, завернувшись в одеяло, подошел к окну и уселся на подоконник, глядя в ночь через мутное оконное стекло — белый мир, увитый серебром льда, хрупкий, как стеклянный колокольчик. Бездонное и безлунное небо в тысячах алмазных звезд. Царила гробовая тишина.

Драко опустил взгляд к своим рукам: ногти казались голубоватыми — то ли от холода, то ли от этого света; он сжал кулаки. Перед глазами все еще мелькали образы из его сновидения: замок, вздымающийся среди соснового леса, ромбовидные окна, пустые чередующиеся комнаты. Башня. А в ней, на полке, кинжал, ножны и зеркало. Сегодня стол был придвинут к окну и надо ему, за игрой в шахматы — сам с собой — склонился его отец. Золотая со слововой костью доска, фигуры, вырезанные из цельных рубинов и изумрудов —

красные, как кровь и зеленые, как яд...

У окна, задумчиво глядя на распростершуюся перед ним пустынную осеннюю долину, стоял Вольде-морт.

— Люциус, ты уверен, что время на подходе? — спросил он.

— Да, мой Господин, — тот двинул вперед слона. — Если я не ошибся, все произойдет в ближайшие две недели.

— Это хорошая новость. Время здесь словно остановилось... Я начинаю чрезвычайно скучать.

Темный Лорд отвернулся от окна и посмотрел на отца Драко.

— Предпочитаю старинные шахматы, которые просто берут фигуры, а не разбирают их. Это так оригинально...

— Я думал, вы любите убийства, — заметил Люциус, делая ход красной пешкой.

— Иногда пленение — лучшее решение, — возразил Темный Лорд. — Зачем уничтожать, если можно использовать это или привести в пример? — он улыбнулся, что всегда было неприятным зрелищем. — Как мальчик?

— Хорошо, как и ожидалось, — Люциус двинул коня. — Как я вам и говорил, теперь остается только ждать.

Драко был выдернут из воспоминаний и возвращен в настоящее странным стеклянным звуком — осознанием, что замерз настолько, что трясущиеся руки выбивают дробь по стеклу. Завернувшись покрепче в одеяло, он пробормотал Согревающее заклинание — это мало помогло. Эх, если бы он мог уснуть... Но он окончательно проснулся. Откинув голову назад, он прислонился к стене, глаза метнулись к часам над кроватью, чьи цифры каждую минуту вспыхивали другим цветом — сейчас фиолетовый цвет сообщил ему, что уже пять утра. Через два часа нужно подниматься, идти на завтрак, а потом отправляться в музей. С учетом того, что он староста, он должен встать раньше, чтобы дожидаться профессоров. Гарри, Рон и Гермиона встретят его у входа в Большой Зал перед завтраком. Оно не ожидал, что будет так нервничать, — ну, во всяком случае, не настолько, чтобы просыпаться среди ночи. Хотя причин для страха было предостаточно. Пожалуй, это была наиболее трудная вещь из тех, что ему приходилось делать, однако не собственная безопасность заставляла его так дергаться.

В голове у него легкой вспышкой промелькнуло удивление — а спит ли Гарри в этот час. Не задумавшись, зачем он это делает, Драко мысленно протянул к нему руку, обшаривая окружающую темноту в поисках знакомых по цвету и форме мыслей Гарри. Сначала он не почувствовал ничего, что бы насторожило его. Тогда он позволил себе сделать шаг вперед, словно опускаясь в глубину, нырнуть в бесформенную темноту.

Взрыв света. Зажмурившись, Драко снова потянулся вперед. Свет разложился в спектр, цвета вились и кружились вокруг него, словно звездопад. Он будто взглянул в иной мир — мир, где было тепло, где воздух искрился, а небо было голубым-голубым.

Драко попытался вернуться, однако его словно схватили за руки и потянули вперед; пустое пространство над ним разверзлось, превратившись в бледно-голубое небо, а воздух под ногами стал золотистым песком. Он знал, что это лишь иллюзия: все вокруг было каким-то мягким, неоформленным, как это бывает во снах; даже дом неподалеку — с бело-голубым фронтоном и ставнями — смотрелся вышедшим из сна, нечеткий, словно наполовину забытый.

Так, я во сне, — понял он, — во сне Гарри.

Он шагнул вперед и едва не закричал, когда перед ним на песке что-то появилось. Это был мальчик лет восьми, ну, может, семи. Он сидел на корточках, рядом стояло пластиковое ведро. Худенький, лохматый, в одежде не по размеру, с торчащими из рукавов и штанин тонкими прутиками запястий и щиколоток. Гар-

ри. Гарри — ребенок, за несколько лет до того, как они впервые повстречались с Драко. Вернее, не просто Гарри, а Гарри-каким-он-себя-видел.

Он поднял голову и взглянул на Драко. Да, именно таким Драко себе и представлял его в детстве, только шрам на его лбу словно горел огнем. Потерянный взгляд зеленых глаз, словно он не знал ни где находится, ни как сюда попал.

— Ты должен помочь мне, — дрожащий детский голосок Гарри доносился словно из-под воды.

Драко открыл рот и замер: будет слышен ли во сне — в чужом сне — его собственный голос?

— Помочь тебе? — голос его звучал немного странно. — В чем?

— Мама построила мне замок, — мальчик оглянулся на песок вокруг, — чтобы меня защитить. А я разрушил его, и не могу найти его следов. Ты сможешь мне снова возвести его?

Драко присел на корточки. Этот песок не был похож на настоящий песок — он не был теплым, не шуршал и не сыпался, он был чем-то неопределенным и мягким, словно пыль. Это было представление о песке человека, никогда не бывавшего на морском побережье.

— Я сделаю все, что смогу, — Драко потянулся к ведерку с лопаткой, но раньше, чем он коснулся их, Гарри отдернул их прочь. Драко удивленно вскинул глаза: теперь, с близкого расстояния, Гарри казался еще младше и испуганней, шрам на его лбу пламенел так, что на него было больно смотреть. — Так ты не хочешь, чтобы я тебе помог?

Гарри бросил свою лопатку, она стукнулась о стенку ведерка. Он помотал головой:

— Я все ждал и ждал, когда ты доберешься сюда. Но теперь я думаю, что сейчас уже слишком поздно.

— Поздно? — переспросил Драко и вдруг услышал что-то — какой-то лязгающий звук, колокольчик? что за тревожный сигнал? — будильник?

Гарри просыпался — и раньше, чем Драко успел завершить свою мысль, песок из-под его ног исчез, небо унеслось прочь, и он рухнул обратно, в свое остекленевшее от холода тело, скрючившееся на узком подоконнике в потоке млечного света.

Он сжался под одеялом, сердце рвалось у него из груди. Какая-то слабость паутиной облепила его, он чувствовал странную вину за то, что пролез в чужое подсознание — даже с учетом того, что сделал это не по своей воле. Интересно, вспомнит ли Гарри этот сон утром — каким он был для него?.. Казалось, что связь между ними за последние дни стала крепче, найти Гарри было для него так же естественно, как дышать, а безмолвно переговариваться — так же просто, как сказать что-то вслух. Наверное, эта легкость пришла с практикой, и тем не менее, это начинало пугать. Он бы не удивился, если бы однажды не сумел бы отличить мысли и сны Гарри от своих собственных.

* * *

Музей Стоунхенджа является один из величайших музеев волшебного мира. Основанный указом Министрства в 1653 году, он теперь управляется Музейный Актом Стоунхенджа от 1793 г. Управление и контроль осуществляются Советом двадцати пяти попечителей (один из которых назначается Министром, пятнадцать — Советом Министрства, четыре — Научным Сообществом и пять — избранны).

В музее содержится национальная коллекция древностей: различные алхимические приспособления, всякие любопытные редкости со всего мира, редкие проклятые объекты, коллекция книг (печатные издания, манускрипты, карты, музыка, печати), различные предметы со всего мира, представляющие исторический интерес. Историческая коллекция была передана в Южный Кенсингтон в 1880, что положило основу Историческому музею.

Главные здания музея являются ненаходимыми.

Ядром являются постройки, занимающие около 600 тыс. кв. футов, воздвигнутые в 1650 сэром Сиднеем Смирком после долгого вечера за бутылкой Гигантского пива, о чем недвусмысленно свидетельствует съехавшая к востоку крыша. Основные пристройки площадью 340 тыс. кв. футов содержат галерею истории квиддича (1850-70 г.г.), Выставку предметов неизвестного назначения Кентвела Дж. Макенфусса и Галерею проклятых и отвратительных экспонатов Л.Н.Малфоя. Там же расположена Выставка скульптуры и резьбы (1979-80 г.г.).

Гостевая информация. Музей построен в форме круга, в середине которого разбит небольшой сад. В центре сада расположена платформа, куда с помощью портключа может прибыть ограниченное количество посетителей. За счет этого служащие музея всегда точно знают количество гостей и их личность. Охрана музейных посетителей так же серьезна, как и охрана собственно выставок — коридоры патрулируют тролли, так что настоятельно советуем вам не отставать от своих экскурсионных групп. Палочки не разрешены к вносу в музей, их необходимо сдать на выходе.

— Итак, — вклинился Рон, когда Гермиона перевела дыхание, — вы не проверяли, можно одновременно умирать от страха идохнуть от скуки, а?

Гарри задумчиво поскреб у себя за ухом:

— Гермиона, дорогая, ты что — не знала всего этого раньше?

Гермиона оторвалась от чтения проспекта, которым она увлеклась в то время, пока они болтались по коридорам музея. Рон и Гарри следили, чтобы она шла ровно и не налетала на других студентов. Пока они все делали правильно, хотя ей показалось, что она наступила на ногу Пенси Паркинсон. Нельзя сказать, что она здорово об этом пожалела — просто Пенси всегда вертелась под ногами.

— Знала, — ответила Гермиона, — однако какой вред в том, чтобы получить дополнительную информацию?

Гарри с Роном промолчали, она засунула проспект в сумку и в толпе взбудораженных студентов (их было человек двадцать пять) прошла по команде профессора Флитвика в залу с высоким потолком, золотая табличка у входа в которую сообщала, что это зала Манфреда Скамандера, где собраны различные природные предметы. Она с трудом могла сосредоточиться — Флитвик меж тем показывал удивительно интересные штуки: нож, сделанный из сушеной крови дракона, коротинку с яйцами пеплозмея, хвостовое перо василиска, сосуд со слезами феникса. В углу стоял тролль-охранник с серой кожей и в темно-синих ботинках, каждый размером с небольшую лодочку, с совершенно жутким выражением морды. Взглянув на него, Гермиона содрогнулась и отвела глаза, тут же встретившись взглядом со стоящим в другом конце комнаты Драко. По его губам проскользнула легкая улыбка, и он снова обернулся к своим собеседникам — Пенси и Малькольму, которые тоже были старостами и находились там по необходимости.

Она еще раз бросила взгляд на Драко на выходе из этого зала, показав, что слева от них выставка Предметов Средневековья. Она знала, что в той комнате: три ключа Основателей: ее Ликант, ножны Гарри и Хроноворот Джинни. Летом они все — вместе с Роном — участвовали в церемонии передачи их музею. Однако Драко, погруженный в беседу с Малькольмом, не взглянул на нее, и Гермиона перевела взгляд на Джинни. Да, это зрелище было куда приятнее: рука об руку с Симусом, Джинни послала и ответный взгляд, и улыбку. Гермиона подмигнула ей и едва не пропустила момент, когда они прошли через арку, буквы на которой возвещали, что они вошли на Выставку предметов неизвестного назначения Кентвела Дж. Макенфусса.

— О... — прошептала Гермиона, — это ОНА, — и, не в силах сдержать обурвавшее ее возбуждение, ткнула

Гарри.

— Одни женщины возбуждаются при виде сережек, — поморщился он, — а другие при мысли о грандиозном похищении.

Гермиона фыркнула в ответ, и они молча вошли внутрь. Стеклянные витрины были заполнены всевозможными магическими предметами, предназначение которых было неясно: всякие часы, показывающие неправильное время (зачем, спрашивается?), каменные таблички с рунами, которые никто не смог расшифровать, разные волшебные колокольчики, которые, звоня, что-то делали (вот только никто не рисковал в них звонить), крутящаяся ручка, насчет которой Гермиона точно знала, что внутри магнит, и магия к этому не имеет никакого отношения (просто некоторые волшебники вообще не разбирались в маггловских штуках). Она развеселилась: надо же, и музейные кураторы тоже не без греха... И вот — вот она, чаша, меньше, чем она представляла по иллюстрациям, — серебристо поблескивает за стеклом витрины. Гермиона отстала от остальных студентов, чтобы рассмотреть ее, двигаясь, как во сне. Она стояла между ножом с костяной ручкой и чем-то, напоминающим каменный пестик. Бирючка на витрине сообщила:

Чаша (Кубок) Мастер неизвестен, приблизительно 1100 г от Р.Х. Предполагаемый владелец чаши — Гарет Слизерин, хотя достоверных подтверждений нет. По шкале IMP оценивается на 8.7 балла, хотя ее предназначение до конца не ясно. Внутренняя поверхность украшена волнистым чешуйчатым рисунком. Возможно, это использовалось как алхимическое оборудование.

— Пойдем, — и Гарри за руку потянул ее прочь: студенты торопились за уходящим Флитвиком, что-то говорящим отчетливым тоненьким голоском. Бросив последний взгляд на стоящую за стеклом чашу, она с трепещущим сердцем двинулась из комнаты вслед за Гарри.

* * *

Напейся и наполнись
Водой целительной
Волшебной силой.

На основании каменного фонтана с бородатой статуей, изо рта которой журчала вода, была выгравирована надпись. Гарри покосился на фигуру — та в ответ приподняла каменную бровь, и он сразу же уткнулся глазами в слова, гласящие, что фонтан *Brisingamen* обладает волшебными лечебными способностями, а так же, как обнадёживало сообщение, убирает веснушки.

— Ты лучше не бери это в голову, — посоветовал он стоящему рядом Рону, — а то у нас есть шанс больше никогда тебя не увидеть.

Рон что-то невнятно возразил и оглядел зал Заколдованных Статуй — это было очень точно название: в этом зале с высоким потолком статуи русалок, хотя и несколько фальшивая, пели, сопровождая себя на арфах, похрапывал спящий кентавр, а в углу одна из статуй, обозванных им как «Какие-то длинные греки с подносами» довела до визга Лавернер Браун, неожиданно резким жестом поправив тогу.

— Они все еще пялятся на тебя, Гарри?

— Ага, — подавленно пробормотал Гарри, бросая взгляды по сторонам. У них была мысль, что в этот день в связи с экскурсией студентов музей для всех остальных будет закрыт, однако музей вовсе не был пуст. Была делегация канадских колдунов и ведьм, многие отстали от своей группы и с любопытством тараторили на Гарри. — Как нам выбраться отсюда? — в отчаянии выдохнул он. — Они все на меня смотрят!

Рон пожал плечами:

— Вижу. Может, мы с Гермионой должны попробовать выбраться отсюда сами? Ты мог бы дать нам мантию...

— Нет, — из-за фонтана с решительным лицом вышла Гермиона и, приблизившись, продолжила шепотом, — нам не обойтись без Гарри, ведь он может раз-

говаривать с Драко. Ты сам знаешь, что он нам нужен.

— Ну, — протянул Рон, — поверить не могу, что собираюсь предложить следующее: мы могли бы взять с собой Малфоя, а Гарри оставить здесь, для выполнения отвлекающего маневра. Например, он мог бы начать раздавать автографы.

— Нет, — зашептала Гермиона, — исчезновение Драко заметили бы Пенси и Малькольм.

— То есть то, что мы пропадем, никто ничего и не заметит? — поинтересовался Рон.

Гермиона одарила его мрачным взглядом:

— Нам Драко затем и нужен, чтобы их отвлекать, — он взглянула на Гарри, — можешь с ним переговорить по поводу общего дела?

— С Малфоем? — Гарри глянул ей за спину, в дальний угол комнаты, отыскивая глазами знакомую изящную фигуру, увенчанную серебристой, словно мишура, шевелюрой. Драко стоял между Малькольмом и Пенси, разглядывая мраморные статуи единорогов. — Ага, могу.

Прикрыв глаза, он мысленно потянулся к нему, Драко был рядом, поэтому контакт установился мгновенно:

...Малфой?

...Угу?

...Думаю, пришла пора отвлекающего маневра.

...Какая жалость. Мне действительно понравилась эта экспозиция.

...О... — Гарри сдержал себя. — Ну, мы можем и подождать...

Что-то забулькало у него в голове пузырьками газировки, через миг он сообразил, что это смех Драко.

...Похоже, ты нервничаешь, Поттер. В противном случае ты не был бы таким идиотом.

...Естественно нервничаю. Мы же собираемся ограбить музей.

...Пф-ф, — Драко передернул плечами, не повернувшись, — а ты еще называешь себя героем всего волшебного мира.

...Никогда себя так не называл! — негодование Гарри было перебито нетерпеливым тычком в бок. Это было перо Гермионы:

— Гарри, — предупредила она, — только не втягивайся в спор, — она ангельски улыбнулась на его гримасу, — как я предполагаю.

...Так, Малфой, насчет того, чтобы отвлечь всех, — снова начал Гарри и был перебит профессором Флитвиком, громко зовущим студентов к дверям, за которыми находилась выставка Проклятых экспонатов. Все дружно потянулись к нему — название звучало весьма интригующе. Пенси с Малькольмом, прислонившиеся к ограждению, последовали общему примеру, за ними двинулся, засунув руки в карманы и не глядя по сторонам, Драко.

Гермиона вскинула на Гарри глаза:

— Что же он?..

...Дай мне пять минут, после того, как мы туда войдем, — произнес Драко, — а потом надевай мантию и беги со всех ног.

Гарри взглянул на Рона и Гермиону, чувствуя, что губы расплываются в беспричинной улыбке:

— Готово.

* * *

Топчущиеся у входа на выставку Проклятых экспонатов студенты смеялись и толкались, стараясь пролезть вперед, Драко с трудом протиснулся в самую гущу пробки, застрявшей в дверях, просочился мимо Лавендер и Джастина, пробираясь вперед, к рыжеволосой девушке. Когда он очутился рядом, он зашептала — так тихо, что даже сам испугался, сумеет ли она разобрать слова:

— Будешь внутри, иди рассматривать витрину с книжками.

Ее темные глаза удивленно метнулись в его стороны:

— Поче...?

— Просто сделай это.

Он нырнул обратно в толпу и вернулся к Малькольму Бэдоку, бросившему на него удивленный взгляд, проигнорированный Драко. Где-то сзади были Гарри, Рон и Гермиона; даже не оборачиваясь, он чувствовал, что они смотрят ему в затылок.

Боже, ненавиджу групповую работу, — осознал он, приближаясь к постоянной экспозиции Люциуса Малфоя.

Зала, в которой были размещены Проклятые предметы, отличалась от прочих, где они уже побывали, что, признаться, не было неожиданностью. Центр был свободен, стеклянные витрины протянулись вдоль стен. Кое-что Драко узнал: всякие проклятые драгоценности и домашние вещи — зеркала, уродующие лица смотрящих в них, украшения с наложенными на них кровавыми заклятиями. Большинство студентов, болтая, столпились у витрины со всякими средневековыми штуковинами — кубки, превращающие в кислоту свое содержимое, драгоценности, медленно отравляющие своего владельца. Голоса затихали, слабое эхо гуляло по мраморному залу.

Драко все это видел раньше, поэтому начал смотреть по сторонам: Джинни за руку с Симусом были в дальнем конце; в тот момент, когда Драко взглянул на них, он склонился к ней, что-то произнося, — она засмеялась. Затем, выпустив, к облегчению Драко, руку Симуса, она, как ей и было велено, пошла к протянувшей вдоль каменной стены витрине с книгами.

Драко прекрасно знал, что там, на этих полках. Собрание книг по Темной магии — такого не найти даже в Хогвартсовской запретной секции: Некрономикон, фрагменты Книги Eibon, Unaussprechlichen Kulten by von Junzt, Рукописи Pnakotician, Саксонские отрывки, Cultes de Goule by the Count of Erlette — это все было собственностью его отца. Он встал позади Джинни, буквы на корешках стали четче, однако он не читал названия, слишком сосредоточившись на том, что она стоит перед ним, а сзади них целая толпа студентов, почтительно притихших в этой музейной атмосфере.

— Джинни? — окликнул он ее, она повернулась и вскинула взгляд. Сейчас или никогда. Драко глубоко вздохнул, схватил Джинни за запястье, она удивленно приоткрыла рот, собираясь что-то сказать, но он с силой притиснул ее к себе и поцеловал. Она оцепенела в его объятиях, губы ее дрогнули и неохотно приоткрылись, словно от изумления, на миг превратив этот поцелуй в какое-то подобие настоящего. Но только на миг. Иллюзии, что она растает, оказавшись в его руках, испарились в ту секунду, когда она отпрянула от него, а через мгновение ее руки уперлись ему в плечи, отталкивая его:

— Пусти! Пусти меня!

Он отпустил. Это не входило в его план, однако он не мог выдержать ее сопротивление и борьбу. На мгновение он поймал ее взгляд, полный боли и потрясения, и в тот же миг чьи-то руки сомкнулись на его руках и потащили его назад.

— Убирайся от нее! — взревел ему в ухо Симус Финниган.

С мрачной радостью Драко вывернулся и развернулся к нему лицом. Симус был не просто разъярен:

— Малфой, ты вообще — думаешь, что делаешь? — заорал он, захлебываясь бешенством до такой степени, что в голосе его зазвенели слезы, и Драко почувствовал какую-то вину. — Ты... ты — грязный слизеринец!

— Ревнуешь, Финниган? — тихо, чтобы его мог слышать только Симус, поинтересовался Драко. — Подожди, тебе она не позволяет целовать ее так? — он мог бы продолжать в том же духе, однако воздержался, поскольку именно в это мгновение Симус вдарил ему по губам с такой силой, что голова Драко запрокинулась назад, а перед глазами все поплыло и снова прояснилось: он лежал на полу, а над ним стоял потрясенный Симус. Драко улыбнулся — выражение шока

на лице Симуса стало еще сильнее — ишиб его с ног. Тот вывернулся, ударив Драко локтем под ребра и полувив в ответ мощный удар в лицо, вцепился в рубашку Драко, откидывая его назад и припечатывая кулаком под дых. Симус красочно ругался сквозь зубы, слова едва угадывались из-за ирландского акцента. Драко внезапно вспомнил, как лет в шесть он толкнул на землю Симуса и поколотил сломанной метлой.

А вещи-то не меняются, — мелькнуло Драко, когда он резко отдернулся в сторону, уворачиваясь от следующего удара, Симус рванулся за ним; сцепившись, они покатались по полу, колошматя друг друга кулаками и пиная ногами. Драко едва слышал слабые вопли, несущиеся со всех сторон. Великолепно.

В голове у него зазвучал озабоченный голос Гарри:

...Ты отвлек внимание, Малфой?

...О, да, — с некоторым удовлетворением ответил Драко, пригибаясь и уворачиваясь от очередного удара Финнигана, — можно сказать, отвлекаю.

...Сигнализация, — напомнил Гарри, — мне нужно, чтобы сработала сирена.

...Без проблем, — откликнулся Драко и, схватив Симуса за грудки, с силой толкнул его на стеклянную витрину с книгами по Темной магии. Симус захлебнулся воздухом, и Драко использовал возможность указать на него вытянутой левой рукой:

— Ступефай! — с пальцев сорвалась струя света, Симус пригнулся — и та врезалась в витрину за его спиной, тут же взорвавшись стеклянными осколками, разлетевшимися в разные стороны. Звук бьющегося стекла, крик изумления, сорвавшийся с губ Симуса, вопли одноклассников — все это перекрыл вой музейной сигнализации. Судя по всему, это был вой баньши — такой ужасающий и громкий, что все прижали руки к ушам.

Драко едва собрался последовать общему примеру, когда почувствовал, что его кто-то крепко держит за шиворот, поднимая на ноги. Краем глаза он заметил, что Симус находится в таком же положении — в крепких лапах музейного тролля-охранника. Зажмурившись, Драко услышал голос Гарри:

...Спасибо, Малфой.

...Да, пожалуйста. Сколько угодно.

* * *

— Гарри, подсади-ка Рона — произнесла Гермиона, — оглядывая опустевшую Выставку предметов неизвестного назначения Кентвела Дж. Макенфусса. Троица сбросила с плеч мантию — в ней не было смысла, поскольку в зале не было ни одной живой души. Сюда едва доносился крик, тролли все убежали — словом, что бы там на сделал Драко, отвлекая внимание на себя, это однозначно сработало.

— Что ж, на Малфоя вполне можно рассчитывать в случае, когда тебе нужны четко сориентированные по времени проблемы, — хмыкнул Рон, вставая на подставленные Гарри руки и поднимаясь; секундой спустя его руки уже нажали на стекло, за которым стояла вожденная чаша. Он занес руку для удара...

— Подожди, — резко сказал Гарри. — Жди тревоги, — он сосредоточенно замер. — Драко сказал, что может это устроить, — добавил он, и в тот же миг комнату заполнил рвущий барабанные перепонки рев — пугающий, мрачный.

Вой баньши, — сообразила Гермиона, едва не вскрикнув. Рон, чтобы сохранить равновесие, ухватился за витрину перед собой. Не дрогнул только Гарри:

— Давай! — дернул он Рона. — Ну же!

Рон размахнулся и рукой, обмотанной полой мантии, с силой вдарил по стеклу. Звон битого стекла был похоронен под диким воем, доносившимся в зал. Рон сунул внутрь руку, раздвигая предметы — стеклянную бутылку, костяной нож, они вспыхивали синевой при прикосновениях — подбираясь к полке с чашей.

— Нет, только ничего не трогай! — вскрикнула

Гермиона, но Рон не услышал этого за воем сирены: отодвинув нож, он схватил чашу и кинул ее Гермионе. Она вытащила из сумки измененную с помощью транс-фигурации чашу из Трофейной залы школы, бросила ее Гарри, а тот передал Рону, который аккуратно установил ее на место и спрыгнул на пол. Гарри поднял правую руку, и Гермиона прочитала по его губам «Репаро» — стекло взлетело и встало на свое место в тот миг, когда сирена, выключенная чьей-то милосердной рукой, стихла.

Они переглянулись, чувствуя, что едва в силах перевести дух. На их лицах было одинаковое выражение бесконечного удивления.

— Получилось, — пробормотал Рон. — Мы сделали это! — заорал он во всю глотку.

— Вижу, — недоверчиво прошептала Гермиона. Она взяла в руки чашу и поднесла ее к глазам: та оказалась еще прекрасней при ближайшем рассмотрении, она как-то странно светилась, казалось, даже изумруды на ножке не делали ее громоздкой. Очень-очень осторожно она положила ее в сумку и щелкнула замком.

— Нам лучше убираться отсюда, — вернул ее на землю Гарри, поманив к себе друзей. — Пошли обратно, — и он накрыл всех мантией-невидимкой. На цыпочках, крепко взявшись за руки, они поспешили к выходу, почти бегом припустили к выставке Проклятых экспонатов и замерли в ошарашении — Рон даже выпустил свой угол мантии, который, по счастью, подхватил Гарри — так что в комнате никто не заметил невесть откуда мелькнувшую в воздухе голову. Впрочем, все и без того были слишком увлечены происходившим в центре зала действием: два здоровенных серых тролля-охранника (Гермиона видела нечто подобное только в книжках) стояли в толпе топчущихся изумленных студентов лицом друг к другу, крепко держа в руках по извивающейся фигуре. Левый стиснул Драко, а правый с трудом, судя по всему, удерживал вертящегося и лягающегося Симуса Финнигана.

— Я и не знал, что Симус в курсе Плана... — хмыкнул Рон.

— А он и не в курсе, — мрачно ответил Гарри. — Вот черт...

— Думаю, мантия нам больше ни чему, — решила Гермиона, — на нас все равно никто не посмотрит.

Она скинула мантию и прошла вперед, кубок в сумке виновато звякнул, напоминая о содеянном. Она была права, на них никто не обратил внимания, в зале творилось черт знает что: профессор Флитвик носился туда-сюда, словно подвергнутый заклятью Тарантелле-гра садовый гном, музейные работники отгоняли студентов от усыпавшего пол стекла, чтобы применить заклятье Репаро, канадские туристы вопили, а студенты с благоговейным потрясением взирали на хаос вокруг. Симус рвался на свободу, Драко, не предпринимая никаких попыток освободиться, скучал в лапах своего тролля, с непроницаемым лицом разглядывая Симуса и полируя ногти. Оба были в ссадинах и крови.

— Ты знала, что он собирался это сделать? — метнул в Гермиону взгляд Гарри.

Та покачала головой:

— Даже не представляю, что тут случилось...

— Он поцеловал меня, — прозвучал у нее над ухом голос Джинни.

Гермиона обернулась: та стояла позади, бледная и испуганная. Гермиона едва успела подивиться тому, насколько незаметно подошла Джинни, как от удивления забыла обо всем:

— Кто тебя поцеловал?

— Драко, — скорбно ответила Джинни.

До Рона дошло не сразу:

— О, я понял. Так значит, Симус ему навешал?

— Ну, я думаю, что Драко первый начал... но, может, и нет. Сложно сказать, — мрачно вздохнула Джинни. — Меня просто ужас от всего этого берет.

Гермиона хотела посоветовать ей вести себя приличней, но была перебита щебетаньем профессора

Флитвика, который велел студентом постройиться и вслед за троллями выйти из зала по направлению к платформе-портключу посреди музея.

У Гермионы просто гора с плеч упала — она и не ожидала, что возвращение в школу будет таким скорым: тем меньше вероятность, что кто-либо заметит их фокус-покус с чашей.

Вцепившись Гарри в рукав, она потянула его вперед, и четверка пристроилась к остальным студентам. Рон и Джинни тихо переговаривались сзади, у Гарри был отсутствующий вид.

— Гарри, как они?

Между бровями Гарри залегла сосредоточенная морщинка.

— Драко говорит, что он в порядке, — через секунду ответил он. — Да и Симус вроде тоже ничего, это они просто так ужасно выглядели, на самом деле все не так уж и страшно.

— И подумать не могла, что, отвлекая внимание, он зайдет так далеко...

Гарри тихо хмыкнул:

— Это же Драко. Он никогда и ничего не делает наполовину.

Они проходили по залу Заколдованных предметов, и Гермиона сильнее потянула Гарри за рукав. Здесь все выглядело совершенно неприкосновенно — словно бы их тут и не было. Она справилась с искушением и не взглянула на витрину, в которой красовалась видоизмененная чаша.

— Когда вернемся в школу, чашу надо сразу же спрятать, — прошептала она.

Гарри кивнул:

— Можешь взять мантию. Драко говорит, что его сразу отправят к Дамблдору. Думаю, после мы все же встретимся с ним в арсенале и пофехтуем: сегодня же понедельник. Я пойду и подожду его там.

Гермиона кивнула:

— Убедись, что он в порядке.

Они были в центральном садике, толпящиеся студенты по пять человек ступали на нее, получали обратно от музейного служителя свои палочки и немедленно возвращались в школу с помощью портключей. Драко и Симуса видно не было — похоже, их отправили первыми.

— Я чувствую, что мы должны это...

— ...отпраздновать? — поинтересовался сзади Рон. — Грандиозная попойка по поводу удачно обстрелянного дельца?

— Рон, тш, — шикнула она, однако улыбнулась. — Верно. Отпраздновать. Прежде, чем разбираться, что делать дальше...

— Ну, народ, встретимся в гостинной перед ужином, — произнес Гарри. — Попраспоздновать можно и попозже.

Они всходили по помосту, ведущему к платформе — портключу музея. По лицу Гермионы Гарри понял, что она полна сомнений.

— Гермиона?..

— Гарри, — тихо произнесла она, бросая взгляд на музей, — а ты не думаешь, что все было...

— Как?

— Как-то слишком просто?..

— Судя по всему, у нас с тобой разные представления о понятии «слишком просто», — Гарри шагнул на платформу, взял ее за руку, и портключ швырнул их прочь.

* * *

Ущемленное самолюбие должно бы уже успокоиться, но не в этом случае: Симус, напряженно вжавшись в стену, яростно сверкал глазами; лицо его напоминало цветную карту местности: подбитый глаз, расквашенный нос с подтеками крови, разбитый подбородок и опухшая нижняя губа.

Драко послал ему приятную улыбку, тут же почувствовав боль в разбитой губе, зато с удовольствием

увидев, как у того дернулись в бессильной ярости руки. Забавно, что внутренняя связь с Гарри не лишила его удовольствия от злорадства. Не то, чтобы это было хорошо, однако сам факт был довольно любопытен.

Их привели сюда профессора Макгонагал и Снейп, велел дожидаться Дамблдора, — лишь только они шагнули за дверь, Симус уставился на него полными бешенства глазами и, к удивлению, именно он первым нарушил тишину:

— Она бы никогда не ответила на твой поцелуй — никогда-никогда. Никогда.

Подняв со стола прозрачное пресс-папье, Драко взглянул сквозь него на льющийся из окна свет.

— Никогда-никогда-никогда? Точно, Финниган. Значит, так оно и есть, коль скоро ты сказал это трижды.

— Что тебе нужно, Малфой? — сдавленным от ненависти голосом спросил Симус.

— Что нужно? — со смешком повторил Драко. — Ну, слушай: для начала хочу собственную команду по квиддичу — ну, может, что-то вроде Яблоневых Стрел. Потом хочу, наконец-то, вырасти и наделать себе татуировок. И обзавестись нормальной замшевой курткой, которая не портится от дождя...

— Нет, — оборвал его Симус, — что тебе нужно от Джинни? Зачем тебе она? — он отвел глаза от Драко и уставился в пол. — Ты уже всего добился — или нет? Или тебе и она тоже нужна? Чтобы... чтобы просто показать, что она будет твоей по первому твоему желанию?

Драко почувствовал тяжесть пресс-папье в руке. Оно было каким-то странным — он не мог понять, в чем дело, кажется, внутри что-то бултыхалось от прикосновения его пальцев.

— Да ты ее любишь, — удивленно протянул он, соображая, что мог бы и раньше об этом догадаться. — Верно?

Симус поднял глаза — синие и удивительно красивые на его разбитом лице.

— Если ты украдешь ее у меня только ради того, чтобы продемонстрировать всем, на что ты способен, и снова причинишь ей боль — клянусь, я убью тебя. Не знаю пока, как — но... я найду способ. Ты можешь умереть — я знаю. Хотя ты и Малфой.

Драко лишь ошарашено хлопал глазами.

Позади раздался щелчок — дверь кабинета распахнулась, вошел Дамблдор и замер в молчании. Когда он заговорил, голос его был тих, мрачен и серьезен:

— Садитесь. Оба. Будьте любезны.

Драко опустил глаза к пресс-папье в руке, удивился — оно было розовым с вырезанным из изумруда сердечком (странно, как же он не заметил этого раньше?) и, положив его обратно на стол, сел. Симус сел рядом, стараясь устроиться как можно дальше от Драко.

Дамблдор переводил глаза, полные усталого смирения, с одного юноши на другого.

— Что ж, я слышал о происшествии в музее. Я повторю избитую фразу и скажу, что поражаюсь вам обоим: ведь никто из вас не является сторонником физического насилия.

— Ну, так они же отобрали у нас палочки, — заметил Драко, с удивлением услышав свой голос. Вообще-то он хотел сказать совсем не это, — сэр, — слабым голосом добавил он.

Симус метнул в него полный отвращения взгляд.

— Профессор, это вышло случайно...

— Это я первый начал, — взмахнул ресницами в сторону Симуса Драко.

— Точно, он, сэр, — демонстративно игнорируя его знаки, продолжил Симус.

— Да, — кивнул Дамблдор, — я в этом совершенно уверен, — он перевел глаза на Драко, и у того сердце ушло в пятки. — Вы опозорили школу, однако куда важнее, что вы опозорили сами себя. Оба, — он взглянул на свои сложенные руки и снова вернулся к виновато заерзавшим на стульях юношам.

— Двадцать очков с Гриффиндора и тридцать со Слизерина. И вы оба будете наказаны. Арестом. Мес-сяц вам, мистер Финниган. И вам, мистер Малфой, — взглянув на их полные ужаса физиономии, он, казалось, едва сдержал улыбку. — Наказание вы будете отбывать вместе, надеюсь, что в конце вы сумеете подробно написать о житье-бытье друг друга.

— Да про житье-бытье Финнигана я могу хоть сейчас написать, — раздраженно протянул Драко. — Родился, наелся картошки, наигрался в квиддич, перепихнулся, наелся картошки, умер.

— Спасибо, мистер Малфой, — холодно поблагодарил его Дамблдор, — пожалуй, вам потребуется пара месяцев ареста.

— Это хорошо, — стрельнул глазами в Драко Симус. — И я думаю, тебе надо оплатить ущерб, который понес из-за тебя музей, самодовольный индюк.

Драко взглянул на Симуса и вежливо заулыбался.

— Это было малфоевское крыло музея. Вряд ли я соберусь платить, коль скоро мы сами это основали, ясно?

Симус некстати покраснел и умолк.

Дамблдор кашлянул:

— Благодарю вас, мистер Финниган. Думаю, с вами мы закончили.

Все еще пунцовый, Симус поднялся и вышел из кабинета, едва удержавшись от соблазна со всей силы хлопнуть дверь. Драко почувствовал это и улыбнулся, однако, когда он взглянул на Дамблдора, улыбка растаяла, как апрельский снег: взгляд Дамблдора был так пронзителен, что у Драко появилось ощущение, что ему буравят голову.

— Мистер Малфой, я уверен, что были веские причины, которые сподвигли вас на это поведение, — они известны одному Мерлину да вам. Однако столь безжалостному использованию искренних чувств других людей прощения быть не может — никому не известно, чем все могло закончиться.

Драко с трудом проглотил комок в горле и уставился в пол. Гарри бы на его месте был просто в ужасе, Драко же чувствовал смятение. Эх, знал бы Дамблдор, что они пытались сделать...

— Я понимаю, сэр... Мне очень жаль...

— Мне не нужны ваши извинения, — отрезал Дамблдор, — вы должны извиниться перед мистером Финниганом. Публично. Более того... — директор неожиданно смолк и, поднял глаза, Драко увидел, что тот смотрит на него с бесконечной усталостью, его лицо на миг стало древним, осунувшимся, будто хрупким. — Драко, — снова начал он, — я понимаю, что поставил вас с Гарри в ужасное положение. Я знаю это и очень сожалению. Я мечтал бы сделать больше — но, увы, боюсь, что я не в силах.

— Директор... — порывисто произнес Драко, — то, что вы мне сказали неделю назад — ну, про моего отца и родителей Гарри — вы считали, что я должен это ему передать?

Дамблдор покачал головой:

— Боюсь, что это тебе решать. Однако... я бы сказал, что да, должен. Что-либо скрывать — не самое мудрое решение.

Вздыхнув, он снова покачал головой.

— Полагаю, на этом все. Не ходи к мадам Помфри по поводу твоих ссадин — надеюсь, что ты сумеешь потерпеть. Заодно и подумаешь на досуге о том, что они могут значить.

Драко кивнул, с трудом понимая намек, и тут Дамблдор улыбнулся ему — по-настоящему, хотя и немного устало.

— Прекрасно, — произнес директор, — сейчас по-недельник, и уже перевалило за полдень. Я знаю, что вы встречаетесь в арсенале. Ступай. И передай от меня привет Гарри.

* * *

В холле у кабинета Дамблдора царила тишина,

единственное, что ее нарушало, — тиканье старинных медных часов в углу. Джинни, стараясь не обращать внимание на этот навязчивый звук, нервно ждала, когда же дверь наконец-то откроется. Едва все вернулись в школу, как тут же разбежались по своим гостиным, сплетничать. Гермiona куда-то исчезла с мантией-невидимкой в руке, Гарри отправился ждать Драко, а Рон... хм, она не знала, куда девался Рон, как только они вернулись, он куда-то тут же ускорился. Она, в общем-то, не возражала: услышав, как Гарри сказал Гермione, что Симуса и Драко отправили к директору, она, ни секунды не раздумывая, направилась туда.

Прошло четверть часа. Она ждала. Внутри зарождалось смутное чувство вины. словно эта драка была целиком на ее совести — ведь она, хоть и невольно, стала ее катализатором...

Самое ужасное, — переполняясь несчастьем, подумала она, — это то, что какое-то не самой лучшей ее части драка понравилась... ей никогда не приходило в голову, что Симус может взорваться таким же гневом и страстью, как и Драко...

Она вздрогнула: дверь кабинета Дамблдора открылась, одна ждала, кто из них появится, — может, сразу оба?

Симус.

Увидев, как плохо он выглядит, она с трудом удержалась, чтобы не открыть рот, — она и представить себе не могла, что все так ужасно: основной части драки она не видела и думала, что все было понарошку. Однако ссадины Симуса выглядели совершенно настоящими: под глазом багровел синяк, нижняя губа распухла, раза в два увеличившись в размере.

— Господи, — невольно выдохнула она, — Симус...

Он опустил глаза и взглянул на себя: белая рубашка и серый свитер были забрызганы кровью.

— Ага, — кивнул он, — красавец, да? Мне нужно дойти до лазарета.

— Ты выглядишь просто грандиозно, — решительно заявила она.

Симус фыркнул и сморщился от боли.

— Ничего подобного. У меня такой вид, словно я поиграл в хоккей с измучителем бумаг.

Джинни рассмеялась:

— Да ты еще в состоянии шутить?.. Что ж, тогда за тебя можно больше не волноваться.

Он поднял на нее взгляд:

— Так ты обо мне волновалась?

— Ну, да. Ты бы себя видел...

— Ты же сказала, что я выгляжу просто грандиозно?

— Я соврала. У тебя просто кошмарный вид.

Казалось, имей Симус возможность улыбнуться, он бы непременно это сделал.

Она ощутила странный толчок. Он стал каким-то другим. Разбитое лицо, кровь — вокруг него возникла атмосфера какой-то опасности, чего раньше никогда не было. Даже голос теперь зазвучал по-другому.

— Не напомнишь мне, зачем это я тут с тобой застрял?.. — поинтересовался он.

— А вот за этим, — Джинни шагнула к нему, положила руки ему на плечи и поцеловала его в подбородок, — и за этим, — она коснулась губами его щеки, где синяк был не самым ужасным, — и за этим, — и она поцеловала его в губы.

У него от удивления распахнулись глаза, он нежно коснулся ее лица кончиками пальцев.

— А я думал... мне казалось, ты рассердишься...

— Я? Ну, что ты... Это Драко виноват.

— Но... ты раньше говорила...

— Послушай, Симус...

— ... что не хочешь, чтобы я тебя защищал...

— Я знаю, но...

— Я не хотел, чтобы ты решила, что я тебя не уважаю...

— СИМУС! — закричала она и осеклась, сама испугавшись. Он замолчал, уставившись на нее.

Она глубоко вздохнула и твердо произнесла:

— Я хочу поехать с тобой в Ирландию.

* * *

Дверь в фехтовальную залу распахнулась, и вошел Драко. Соскочив со стола, Гарри, улыбаясь, пошел ему навстречу.

— Уже и не верил, что ты явишься, — заметил он, — что-то ты изрядно припозднился.

— Извини, — Драко захлопнул за собой дверь. Он стоял в тени, и Гарри видел лишь неясные очертания, слабый серебристый отблеск в полутьме. — Заработал наказание. Потом надо было по быстрому переговорить и поцеловаться.

— Поцеловаться с Дамблдором? — фыркнул Гарри. — Это что за наказание тебе назначили?

— Да не с Дамблдором, — пояснил Драко, — он-то все прекрасно понял. Блез... она как раз и не поняла.

— Блез? — прикусил губу Гарри. — Слушай, я про нее совсем забыл.

— Ага, — кивнул Драко. — Я, по-моему, тоже, — он вздохнул, — она меня ждала, когда я пришел в подземелье. Так что помимо главного есть еще кое-что. Я должен был с ней немного поболтать.

— Она тебя простила?

— Ну, не совсем, — уклонился от прямого ответа Драко, — я обещал, что поговорю с ней сразу, как отбуду наказание.

— Это я-то наказание? — дрогнувшим от смеха голосом поинтересовался Гарри. — Слушай, а ты мне не сказал, что собираешься набить Симусу морду.

— А ты бы мне не позволил, — Драко вышел на свет, продемонстрировав заплывший синяком глаз и ссадину на щеке. Как ни странно, это ему шло.

Да уж, — кисло подумал Гарри, — только Драко мог бы, решив произвести впечатление, встать с утра и, рассудив, что подбитый глаз очень ему к лицу, дать себе по физиономии.

Рубашка была порвана, когда они катались и возили друг друга по битому стеклу — но даже у нее был такой вид, словно все так и было задумано.

— Ну, могу заметить, что не все вышло, как я хотел, — добавил Драко. — Можно сказать, я действовал по наитию.

Гарри приподнял бровь. Драко ухмыльнулся.

— Ты же сам велел мне провести отвлекающий маневр.

— Ты мечтал дать Симусу по лицу не одну неделю, что думаешь, я не заметил?

— Ой, ладно тебе, хочешь сказать, ты никогда не хотел этого сделать? Он же слащав до отвращения.

— Нет, мне он нравится.

— О вкусах не спорят, — согласился Драко. — Ну, так мы потренируемся или как?

Гарри кивнул:

— Непременно. Это я так.

Вернувшись к столу за мечом, он развернулся к Драко — тот уже держал в руках свой *Terminus Est*, опустив смеющийся взгляд. Лицо было непроницаемым, глаза странно светились.

— Малфой?..

Драко вскинул голову, серые глаза вспыхнули.

— Ах, да. Прости, — и он шагнул вперед, на середину комнаты. Отсалютовав друг другу, они разошлись и снова сошлись — уже в поединке. Драко нападал, Гарри отступал и оборонялся. Он подивился тому, случится ли однажды, что он, держа в руке меч, не услышит у себя в подсознании голос Драко. Сначала терпеливые объяснения: атака... отход... блок... выпад. Но Гарри прекрасно знал, что никогда бы не достиг ни такого уровня мастерства, ни такой скорости, не перейди к нему через Многосущное зелье часть знаний и умений Драко.

Прищурившись, он следил за Драко — тот двинулся вперед: удар-фехтовальный-выпад. Гарри ответил выпадом и шагнул назад, вынуждая Драко идти вперед. Драко знал, что делает, Гарри понял это по его улыбке,

однако у них была просто тренировка — так что это не имело никакого значения. Они частенько просто обменивались ударами, пока один — или оба — не выбивались из сил, так и не определив победителя.

Драко пригнулся и попробовал преодолеть оборону Гарри — тот, улыбнувшись, дождался этого движения, ответил блоком и выпадам, которого следовало ожидать. Однако, Драко не шелохнулся, чтобы остановить это удар, и Гарри, слишком поздно осознав происходящее, попытался отвести руку в сторону. Со странным шорохом меч рассек рукав Драко. Гарри, почти кувырнувшись вперед, упал на Драко — тот оттолкнул его и помог удержать равновесие.

Гарри отпрыгнул, словно прикосновение Драко обожгло, чувствуя, что его всего трясет, а рука, сжимающая рукоять меча, взмокла от пота.

Драко, что... почему ты... я ж мог тебя убить... почему ты не поставил блок?

Лицо Драко ничего не выражало — он посмотрел на набухшую кровью рубашку на плече, потом на Гарри — и тот вдруг осознал, что Драко ужасно бледен. Его рубашка, светлые волосы — все намочило от пота, словно он только что бежал марафон.

— Я... не знаю, — странно тихо ответил Драко. Пройдя через комнату, он положил Terminus Est на длинный деревянный стол, и сам облокотился — то ли захлебнувшись, то ли задохнувшись — словно не мог ни дышать, ни удержаться на ногах. — Не знаю, — слабо, едва слышно повторил он.

Гарри, здорово обеспокоившись, откинул свой меч и подошел к нему:

— Драко, с тобой все хорошо?

Гарри ждал ответа, но Драко молчал; наконец он поднял голову и взглянул на Гарри бездонными серыми глазами, в которых Гарри увидел нарастающую панику и смятение. И боль. Обычную физическую боль. Осознание того, что произошло, вспыхнуло у него в голове:

— Так ты ж болен, — чувства Драко просочились в него, как свет сквозь кристалл. — Верно?

Драко перевел дыхание. Его уже не так колотило.

— Со мной что-то не то, — ответил он. — Мои рефлекс... Они пропали. Я стал какой-то тормозной... И у меня слишком часто кружится голова.

— Ну, так ведь пару недель назад тебя ранили в плечо, ты потерял много крови. Может, это... ну, я имею в виду, что неудивительно, если...

Драко взглянул на него с недоверием.

— Ну, может, и так. Просто я все жду, когда мне будет лучше. А мне становится все хуже и хуже.

— И как же долго это уже длится? — спросил Гарри. — Сколько ты уже болеешь?

— Две недели. С тех пор, как все случилось.

— А может, все дело в ранении — может, они плохо его залечили? Или тебе надо было отлежаться — а ты не выдержал положенного времени... — Гарри почувствовал, что говорит, как истеричка, и с трудом остановился. — Так вот почему ты проиграл в субботу, да?

— Угу, — кивнул Драко.

— Так тебе надо в лазарет. Немедленно.

— Нет, — мотнул головой Драко.

— Тогда я тебе сейчас дам по башке и приволоку туда, — решительно заявил Гарри. — Я тебя вообще не спрашиваю, а говорю, что надо делать.

Легкая вспышка веселья мелькнула в глазах Драко.

— Попробуй только. Я не собираюсь. Не настолько я тормозной, чтобы не увернуться от твоего удара, Поттер, — он поднял руку, увидев бешенство на лице Гарри. — Слушай, я уже рассказал все Гермионе, она осмотрела меня — похоже, причина в ... ну, в стреле, проткнувшей меня.

У Гарри появилось ощущение, словно его стукнули под коленки:

— Что-то типа яда?

Помедлив, Драко помотал головой:

— Нет, это вред ли. Я б тогда уже умер, да и не существует яда, который бы так долго действовал.

Может, Замедляющее Зелье или Обессиливающее Заклинание — их действие неприятно, но вполне устранимо. И вообще — все равно через четыре дня мы возвращаемся домой, и, коли мне не станет лучше, я вызову на консилиум в Имение лучших колдомедиков со всей страны. Если будет нужно — pošлю сову самому Симону Брэнфорду. Не суетись. Командовать парадом буду я.

— Почему ты мне ничего не сказал? — Гарри скрестил на груди руки.

Глаза Драко забегали, и он неохотно улыбнулся:

— Я боялся, что у тебя крыша съедет.

— Не съедет, — возразил Гарри.

— Ну-ну, тогда я — Балийская Богиня Плодородия.

— Кажется, эта статуя была в музее, — задумался Гарри. — И у нее было шесть грудей.

Драко зашелся смехом:

— Отвали, Поттер.

Гарри поднял голову и с облегчением увидел, что с Драко снова приобрел нормальный вид — ну, разве что был бледнее и напряженнее, чем обычно.

— Я так думаю, что, существуя причина для беспокойства, Гермиона бы мне сказала. Так что я, пожалуй, не буду срываться с катушек, — это было не совсем правдой. — Но я буду ждать вызова колдомедиков, когда мы вернемся домой.

Гарри со странным легким удовлетворением увидел, что Драко захлопал глазами, осознав, что под словом дом они подразумевают одно и то же место.

— Договорились, — выпрямился Драко. — Сказал, значит сделаю.

Гарри понял, что ему придется удовлетвориться этим.

* * *

В зеленой курточке и короткой черной юбке она, закинув ногу на ногу, сидела на его кровати и ждала его возвращения из оружейной. Копна ее огненных волос была, как всегда, ухожена и уложена с помощью шпилек Джимми Флу.

— Блез... — Драко почувствовал, как охотившееся за ним изнеможение все же настигло его и холодной болью просочилось в его кости. Он был грязен, ему хотелось в душ, чтобы смыть грязь и засохшую кровь, от которой зудела рана на плече. — Сейчас и правда не...

Ее зеленые глаза вспыхнули, она соскочила с кровати, шагнула к нему и, прежде, чем он успел дернуться, вlepила ему пощечину.

— Ублюдок, — прошипела она.

Драко не поморщился, хотя это далось ему с трудом. Да, пока денек складывался как-то не слишком удачно: сначала ему набил морду Симус, потом Гарри ранил в плечо, теперь дала пощечину Блез. Он погадал, что ещё припасли боги у себя в закромах, чтобы его напрячь.

— Сделаешь это еще раз, и получишь сдачи, — предупредил он.

— Драко Малfoy! — рявкнула она, яростно сверкнув глазами. — Я не позволю выставлять меня душой!

— Я выставил тебя душой? Не может быть.

Она смерила его тяжелым взглядом:

— Зачем? Зачем ты это сделал?

— Зачем я поцеловал Джинни Уизли? Ты об этом?

Она коротко кивнула.

— У тебя что, — она состроила такое лицо, словно ее сейчас стошнит, — к ней какие-то чувства?

— Уточни, что ты подразумеваешь под словом «чувства», — предложил Драко.

— Ты в нее влюблен?

— Нет.

— Тогда почему?

— Мне захотелось достать Симуса Финнигана, — сообщил Драко. — А это был самый простой способ.

— А с чего это тебе захотелось его достать?

— С того, что он слащавый маленький ублюдок, —

заявил Драко, — и во время последнего квиддича он схватил твою метлу.

Ее взгляд был полон отвращения:

— Ты что — ждешь, что я в это поверю? Отличная попытка.

— Он меня раздражает, — пожал плечами Драко. — Так гонится?

Блез закусила губу, судя по ее лицу, в ней шла какая-то внутренняя борьба. Ей хотелось верить ему, однако циник, сидящий внутри, не позволял ей этого. Когда она наконец-то заговорила, голос был медленным и осторожным:

— Ты меня используешь, просто я не знаю, зачем и почему ...

Драко был потрясен:

— Нет!..

— Тогда назови мне причину, по которой я должна остаться с тобой, Драко Малфой. Серьезную причину. Одну.

Его глаза скользнули вниз, к ее ногам с серебряными ноготками и в серебряных же с ремешками туфельках. Она поджимала пальчики, как всегда, когда нервничала, — и Драко подумал, что это выдает ее волнение, как покусывание губы у Гермионы, как стискивание рук у Гарри.

— Я куплю тебе что-нибудь экстраординарное.

Она рассмеялась — в этом смехе не было ни капли радости.

— Что, например?

— Что хочешь, — он оторвал глаза от ее ног. Она смотрела на него в упор, ее щеки пылали. Сделав шаг вперед, он положил руки ей на талию — когда они были детьми, он мог обхватить ее ладонями, настолько она была тонка.

— Помнишь тот приглянувшийся тебе браслетик в Диагон-аллее?

Она толкнула его прочь.

— Мне не нужны побрякушки.

— Тогда что ты хочешь, дорогая? — спросил он, пытаясь к ней подлизаться.

Это помогло, она почти заулыбалась.

— Когда я была маленькой, мне всегда хотелось покататься на пони...

Он приложил ладонь к ее щеке. Кожа ее была нежной, зеленые глаза — огромными и лучистыми. Она все была просто великолепна — наверное, самая красивая из всех красавиц, что ему приходилось видеть. Он не испытывал к ней ничего, кроме какого-то абстрактного желания.

— Клянусь, что могу сделать так, что пони тебе не понадобится... — тихо шепнул он прямо ей в ухо.

Она опустила ресницы, спрятав взгляд и все еще прижимаясь щекой к его ладони, но тут же вскинула взгляд и отступила, оттолкнув его прочь.

— Мне так не кажется. И вообще — попрошу меня больше не трогать.

Драко даже не понял, какое чувство взял над ним верх — унижение или облегчение.

— Блез...

— Выставишь меня душой еще раз — и я вырву у тебя почки и буду носить их вместо сережек. Я тебе это обещаю.

— А я-то думал, что слизеринцы не склонны выполнять свои обещания.

— Это я выполняю, — заявила она и развернулась к нему спиной. — Так и знай.

Она вышла вон и захлопнула за собой дверь.

* * *

На замок опустилась ночь, когда Гарри ушел из оружейной и, едва волоча ноги, поплелся в Гриффиндорскую башню. На ужин он опоздал. Грязный, потный, усталый — все, что ему сейчас было нужно, — это душ. Произнеся пароль Пеплозмей, он вошел в гостиную, заполненную мерцанием пламени. Глаза Гарри радостно вспыхнули: в гостиной никого не было,

кроме Рона, развалившегося в одном из мягких кресел у огня.

Рон приветственно взмахнул рукой, и Гарри плюхнулся в кресло рядом. Они сидели, молча глядя на оранжевые язычки.

— Прости, что опоздал, — нарушил тишину Гарри, — я был...

— С Малфоем, — подхватил Рон. — Знаю. Тренировка, — он не отрывал глаз от танцующего пламени, которое бросало на его и без того яркую шевелюру золотые отблески. — Пока тебя не было, Хедвиг тебе что-то принес... — внезапно спохватился он и начал шарить рукой у кресла. — Я положил это здесь...

— Спасибо. Где Гермиона?

— Пошла прятать чашу. Сказала, что для этого у нее есть просто потрясающий тайник, — Рон выпрямился, держа в руках адресованный Гарри пакет. — Вот, держи.

Гарри потянулся за ним:

— Слушай, я почти уже забыл, что купил это, — он разорвал упаковку.

— А что там? — с любопытством поинтересовался Рон.

Гарри улыбнулся.

— Хочешь взглянуть? — вытряхнув содержимое пакета себе на ладонь, он протянул к Рону руку и разжал пальцы, демонстрируя что-то, замерцавшее синевой.

Рон присмотрелся.

— Кольцо? Не думал, что ты такой заботливый.

— Да это не для тебя, балда. Это Гермионе.

Рон застыл, вытаращив глаза на ладонь Гарри и не делая попытки даже прикоснуться к кольцу.

— Это сапфир?

Гарри опустил глаза на переливающееся синим колечко:

— Нет, это венецианский...

— Это подарок на Рождество? — перебил его Рон.

Гарри с недоумением осекся, сбитый с толку таким жестким и настойчивым вопросом.

— Ну, честно говоря... — он поколебался... — это, в некотором роде, что-то типа примирительного подарка. За то, что был отчужденным, трудным в общении — короче, ты в курсе. Мы про это уже говорили, — Гарри прикусил губу. — Просто я хочу дать ей понять, что мое поведение в последнее время не влияет на мою любовь к ней, — он опустил глаза в колечку в руке. — Я не могу придумать, как сказать ей об этом, так что...

— Нет, — замотал головой Рон. — Нет. Это глупо.

— Глупо? — захлопал на друга глазами Гарри, потом медленно сжал пальцы вокруг маленького футлярчика и убрал руку. — И почему же это глупо?

— Потому что, — уклончиво ответил Рон. — Потому что преподносить девушке обручальное кольцо имеет смысл тогда, когда ваши отношения прекрасны и безоблачны, а не когда вся катится под уклон.

— Но это же не...

— Ты ею манипулируешь, — тряхнул своей рыжей головой Рон.

— Манипирую? — повторил Гарри, не в силах поверить в услышанное. — То есть то, что я делаю для нее что-то, что считаю, должно ей понравиться, называется манипулированием?

— Тогда скажи мне, что ты не пытаешься привязать ее к себе, — возразил Рон. — Ну, давай же, скажи. Я все равно в это не поверю.

— Она моя девушка, — ответил Гарри. — Мы с ней уже связаны друг с другом. Так что будь любезен — оставь эту тему.

— Да ну? — Рон начал постукивать кончиком своего пера по коленке. Когда он снова заговорил, слова звучали напряженно и отрывисто. — И когда ты собрался ей это преподнести?

Гарри тряхнул головой:

— Я думал насчет Рождества... Ну, все в этот день дарят друг другу рождественские подарки...

— Это не простой рождественский подарок, — возразил Рон. — Мне кажется, тебе не стоит торопиться.

— Да что ты? — раздраженно заметил Гарри. — И почему же?

— Сам посуди: это же кольцо. И когда ты даришь его девушке, она начинает думать, что ты собрался на ней жениться.

— Что ж, может, я действительно собрался на ней жениться, — резонно сказал Гарри, замерев от потрясенного выражения, разлившегося по лицу Рона. — Черт, ну не сейчас, конечно, — мне только семнадцать, это будет выглядеть смешно. Но это не значит, что я...

— Ты женишься на ней? — переспросил Рон странным, напряженным голосом. — Нет, ты не можешь этого сделать.

— Почему не могу? Что ты имеешь в виду?

— Она что — разве не говорила с тобой недавно? Ты ее что — не слушал? Ваши отношения разваливаются!

Гарри взглянул на Рона, упрямо выпятив челюсть и подобравшись:

— Я так полагаю, тебе про мои отношения с Гермионой известно куда больше, чем мне?

— Черт, да кому угодно известно больше! — разъярился Рон. — Особенно с учетом того, насколько ты внимателен!

— Знаешь, что мне кажется? — взорвался Гарри. — Мне кажется, ты ревнуешь.

Рон побелел:

— Что?..

— Ревнуешь. И бесишься, потому что я нечасто был рядом в последнее время. И да — прости, пожалуйста. Однако это определенно не самый подходящий путь, чтобы продемонстрировать мне, в чем же я был не прав, поскольку это только помогает мне понять, почему же мне не хочется проводить время с тобой. Это, во-первых, — яростно отчеканил Гарри. — И, во-вторых, может, ты станешь более понятливым и прекратишь считать, что знаешь, что нужно Гермионе лучше, чем я?!

— Думаешь, ты что — обо всем знаешь? — дернулся к нему Рон. Голос его странно дрогнул. — Ты с ней за последние месяцы сколько времени провел? Ей-Богу, ты даже не знаешь, какие у нее предметы. Ты заикнулся в своем мирке, ты не подпускаешь к себе никого, кроме этого долбанного Малфоя, и если ты не видишь, как он на нее смотрит, — ты еще глупее, чем кажешься.

Гарри покачал головой. Глаза его сверкали от гнева:

— Великолепно. Я знал, что ты ненавидишь Драко, меня это не волнует. Понятия не имею, что, черт возьми, в тебе творится, Рон. Сейчас я иду наверх, спать, а на Рождество я собираюсь подарить это кольцо Гермионе. Хочешь сидеть в углу и поедать меня яростным взглядом — валяй, но...

— Какой же ты дурак, — задыхаясь, перебил его Рон дрожащим от слез голосом. — Какой дурак...

— Просто заткнись, Рон.

— Неужели ты думал, что ты ее будешь игнорировать, а она будет сидеть и ждать, когда же ты очнешься и снова обратишь на нее внимание? Думаешь, она позволит тебе обращаться с ней так, будто она — пустое место?

— Ты говоришь о Гермионе? О ком ты говоришь? Что ты несешь?

Рон выпрямился:

— Я говорю о Гермионе! — заорал он так громко, что Гарри дернулся назад. — Я люблю Гермиону и она любит меня!

За этим заявлением последовала гробовая тишина. Гарри остолбенело смотрел на Рона, тот так же остолбенело смотрел на Гарри. Постепенно на его лице появилось ошеломленное выражение, словно он сам не мог поверить в том, что произнес эти слова.

— Бог мой... — прошептал он, — я что — ?..

— ... сказал это? — подхватил Гарри. Глаза его были ледяными. — Да, ты сказал это. И это ни хрена

не смешно. Если ты собрался так шутить...

— Я не шучу, — глаза Рона все еще были ошеломленными, однако голос стал решительным, поднятое к Гарри лицо — упрямым. — Я не хотел, чтобы все выяснилось именно так. Но однажды это должно было случиться.

Гарри замотал головой, волосы взлетели и опали вокруг его лица темным водопадом.

— Великолепно. Очень смешно. Иногда ты бываешь просто кретином.

— Я не шучу, — повторил Рон и взглянул Гарри в глаза. Они смотрели друг на друга в смятии. И вдруг Рон как-то странно улыбнулся — слабо, но сияюще. — Я хотел тебе рассказать, — зашептал он. — Постоянно думал об этом. Каждую ночь. Я тебе это тысячу раз говорил, и так, и эдак — мысленно. И вот... И вот — ты знаешь, — он глубоко вздохнул и чуть прикрыл глаза и повторил, — ты знаешь...

В этих фразах было что-то удивительно простое, на его лице смешались ужас и облегчение — больше слов было не нужно. Воцарилось молчание, разрушенное странным звенящим звуком: из руки Гарри выпал пакетик с кольцом.

— Это безумие, — сказал Гарри твердым, но совершенно безжизненным и бесцветным голосом. Голосом робота. — В этом нет никакого смысла.

Рон шевельнул губами, словно собираясь что-то ответить. В этот миг дверь в гостиную отворилась. Похолодев, они обернулись. Естественно, это была Гермиона. Румяная от мороза и еще кутаясь в меховой воротник мантии, она улыбалась. Руки были полны книг.

— Всем привет, — дружелюбно кинула она. — Вы что тут разорались?

— Гермиона, — произнес Рон жалобным отчаянным голосом, — он знает.

Замерев, она захлопала глазами:

— О чем?

Рон поднялся на ноги и встал рядом с Гарри — тихим и неподвижным, глаза его метались от Рона к Гермионе и обратно.

— Гарри все знает, — повторил Рон. — Прости. Я знаю, мы договаривались подождать до Нового года...

Улыбка начала медленно сползать с лица Гермионы. Она взглянула на белое лицо Гарри. Потом — на упрямое лицо Рона.

— Это что — какая-то шутка? — неуверенно спросила она. — Я не понимаю...

— Добро пожаловать в мой клуб, — наконец заговорил и Гарри. — Я тоже не понимаю.

— Гермиона! — в отчаянии и ярости воскликнул Рон. — Прекрати! Не надо больше притворяться! Гарри знает! Я сказал ему!

Гермиона удивленно уставилась на него:

— Да что он знает, Рон?

— Я сказал ему, — медленно и отчетливо проговорил Рон, — про нас.

Гермиона уставилась на Рона, открыв рот. Потом перевела взгляд на Гарри. Ее взгляд метался между ними — она все больше и больше походила на маленького зверька, оказавшегося между двумя хищниками.

— Я не... — ее голос оборвался. — Вы оба... — взгляд остановился на Гарри. — Гарри...

— Рон сказал, что любит тебя, — ровным голосом сказал Гарри, и Рон вздрогнул. — А ты любишь его.

— Что он сказал!? — побледнев, ошарашено прошептала Гермиона, не сводя с Гарри глаз. — Нет, он не мог сказать этого... Это неправда... Наверное, ты не так его понял... — ее глаза скользнули к Рону. — Ты ведь не это имел в виду, да? Гарри просто не так тебя понял, да?..

Словно она дала ему пощечину, Рон побледнел и застонал.

— Ты не можешь так поступить, — в упор глядя на нее, сказал он. — Я понимаю, ты боишься, но... ты не можешь так поступить...

— Боюсь? — эхом откликнулась Гермиона. — Чего я

боюсь?

Развернувшись, Рон взглянул на Гарри. Глаза его были огромными, почти черными от напряжения.

— Я люблю ее, — тонким, но вызывающим голосом заявил он. — Люблю, а она любит меня. Мы любим друг друга. Мы больше не будем прятаться. И мы вместе каждую ночь. Вместе — во всех смыслах.

— Рон! — вскрикнула Гермиона, сорвавшись на визг. — Что ты делаешь?

У Гарри был такой вид, будто его сейчас вырвет.

— Так, это уже переходит всякие границы — и шутки, и игра... Одному из вас лучше сейчас сказать мне правду, и побыстрее, черт бы все это побрал!

Рон повернул голову к Гермионе:

— Ради Бога, пришло время, — попросил он. — Скажи ему, что любишь меня.

Гермиона медленно уперла руки в боки и, когда она заговорила, голос ее был яростным и ледяным, как зимний шторм.

— Я не люблю тебя, — голос ее повышался, она была на грани истерики. — Я не люблю тебя и — более того — я не понимаю, о чем вы тут говорите. Я никогда не была с тобой. Я никогда...

— Ты врешь, — голос Рона переполняло удивление и гнев. — Как же ты можешь...

— Нет, это как ты можешь?! — крикнула в ответ Гермиона. — Как ты можешь стоять здесь и нести такую ужасную ложь!?

— Но это правда!

— Я никогда не делала этого! Никогда!

Рон заговорил снова, не сводя глаз с Гермионы, хотя слова его были обращены к Гарри:

— Как ты думаешь, куда она идет, когда ты не можешь ее найти? Как ты думаешь, что она скрывает? Как ты думаешь, почему она всегда такая усталая? Разве у тебя нет ощущения, что она больше не любит тебя? Теперь ты знаешь, почему.

— Зачем ты это делаешь? — голос Гермионы дрогнул и зазвенел расколотым стеклом. — Зачем?.. Зачем ты делаешь это, Рон?

— Да потому что я устал от вранья! — крикнул он в ответ.

— Но ведь ты сейчас врешь!

— Я говорю правду! — загрохотал Рон и снова повернулся к Гарри — бледному, безмолвному, неподвижному. — Ты ведь веришь мне, да? — хрипло прошептал он. — Ты ведь знаешь, что это правда.

Гарри ничего не сказал. Его глаза скользнули вниз, снова вернулись к Рону — он смотрел на него без всякого выражения, словно на постороннего. Потом он взглянул на Гермиону, невольно качнувшуюся к нему. Он протестующе поднял руку:

— Нет.

— Гарри... — просительно прошептала она, замерев на месте. — Ты ведь знаешь, я бы никогда... Я ведь люблю тебя... — она повернулась к Рону. — Скажи же ему, что ты солгал. — Еще не поздно, скажи.

Рон не смотрел на нее, он не сводил взгляда с Гарри, вокруг его глаз залегли напряженные морщинки:

— Это правда. Я знаю, что ты сейчас хочешь сделать. Сделай.

Гарри поднял правую руку и указал на Рона:

— Веритас.

Гермиона вскрикнула, когда струя черного цвета сорвалась с пальцев Гарри и ударила Рона в грудь — тот согнулся, задохнувшись, и медленно сполз по стене, стискивая себя руками и вытянув ноги.

Гарри отстраненно взглянул на него — словно все происходящее его совершенно не касалось.

— Рон, — и Рон поднял перекошенное от боли лицо. — Это правда — то, что ты мне только что рассказал?

Рон с трудом перевел дыхание, боль впивалась в него, заставляя дрожать его голос, однако он был все так же решителен и тверд:

— Да.

Гермиона побелела и пошатнулась, упершись в стену рукой, чтобы не упасть. Она потеряла дар речи.

Гарри продолжал:

— Ты с Гермионой любовники? Вы ... вы... были вместе? — решительно и резко спросил он.

— Да, как я тебе и говорил, — кивнул Рон.

Лицо Гарри окаменело, скулы заострились. Но голос был все так же тверд:

— Сколько раз?

Рон покраснел.

— Я не знаю... Много... Я не считал... почти каждую ночь.

— Где?

Рон склонил голову и с трудом ответил:

— В комнате старост.

Гарри не хватало воздуха, он дышал часто, словно задохываясь, однако голос его был все так же спокоен.

— А она тебя любит?

— Гарри... — отыскала свой голос Гермиона.

— Замолчи, — холодным ровным тоном приказал Гарри, не сводя глаз с Рона. — Она любит тебя?

— Она сказала, что да, — уткнувшись взглядом в свои руки, произнес Рон. — Сказала, что да...

— Мне она тоже говорила, что любит, — в голосе Гарри не было ничего — ни боли, ни гнева, ни любви, ни ненависти. Только ужасающая пустота. Он указал рукой на Рона:

— Finite incantatum.

Рон дернулся. В его глазах больше не было боли, но напряженность сквозила в каждом жесте, каждой линии его тела. Он начал медленно подниматься на ноги, упираясь в стенку спиной и руками.

— Прости, — произнес он, опустив к полу глаза. — Прости.

Гарри вскинул голову и взглянул на Рона. В его глазах было что-то от одиннадцатилетнего мальчика, умоляющего своего друга сказать, что тот соврал ему. Однако позади этого мальчика стоял мужчина, знавший, что это не так.

— Как же ты мог? — ровным, бесцветным голосом спросил он. — Как ты мог со мной так поступить?

Рон, все еще опираясь на стенку, молчал, пряча глаза, — бледный, неподвижный. В ямочке на шее пульсировала жилка — часто, сильно, кожа так и ходила ходуном.

— Гарри... — заговорила Гермиона голосом, от которого, кажется, осталась только тонкая оболочка, — пожалуйста... это неправда...

— Не говори со мной, — развернулся к ней Гарри. Его голос был полон ярости, глаза превратились в осколки зеленого льда. — Не говори со мной. Не смотри на меня. Даже близко не подходи.

Гермиона сморщилась:

— Послушай, пожалуйста!

— Я сказал — не говори со мной! — спокойствие Гарри лопнуло, и он сорвался на крик. — Он мне сказал правду, как бы он мог соврать под Заклятием Веритас?! Скажи мне, коль скоро ты такая чертовски умная! Как такое может быть?

— Гарри! — вскрикнула Гермиона. Рука Гарри взлетела к запястью, он сорвал подаренные ею часы и швырнул в нее с такой силой, что она вскрикнула от боли, когда те ударили ей в поднятую, чтобы защитить лицо, руку.

— Убирайся от меня, — голос его треснул и рассыпался разбитым стеклом, — убирайся, пока я что-нибудь с тобой не сделал. Если ты ко мне подойдешь, клянусь Господом, так и будет.

Гермиона медленно присела и подняла часы. Когда она расправились, слезы текли по ее лицу — она не пыталась вытереть их. Бледная, как полотно, она взглянула на Рона.

— Ненавижу тебя, — отчетливо произнесла она. — За это я тебя буду вечно ненавидеть.

Голос ее оборвался, она метнулась к портрету и убежала.

* * *

Драко шел из ванной старост в свою спальню в подземельях. Было холодно, но у него было не то настроение, чтобы торопиться. Он смыл с себя пот и уже отмокал в ванной, когда вдруг заметил, что кровь, еще сочащаяся из раны на руке, слегка светилась. Это убило все удовольствие он ванной. Обтеревшись полотенцем, он ушел, даже не высушив волосы. И вот, подрагивая от холодного воздуха подземелья, он завернул за угол, предвкушая возвращение, — но чувство облегчения исчезло, как только он заметил, что коридор перед его дверью отнюдь не безлюден. Кто-то стоял, набросил на лицо капюшон мантии, почти растворясь в тени. Тонкая фигурка — определенно женская. Она выпрямилась, когда он подошел.

Драко помедлил, вздохнул:

— Блез? Слушай, у меня сегодня был длинный трудный день...

Он осекся: фигура приподняла изящные руки и откинула назад капюшон, высвободив каскад каштановых локонов, упавших вокруг бледного лица.

Гермиона.

Драко вытаращил глаза, все умные слова тут же вылетели куда-то в окно.

— Что ты тут делаешь? Тебя же могли увидеть.

Она подняла на него совершенно пустые глаза, словно не понимала, на каком языке он говорит.

— Малькольм Бэдкок уже меня видел, — голос ее был спокойным и отстраненным. — Он меня пропустил. Я ему сказала, что убью его, если он кому-нибудь расскажет, — она помолчала и добавила, — ты бы впустил меня в комнату.

Он пристально взглянул на нее:

— А Гарри знает, что ты здесь?

Он не ожидал такой реакции: она содрогнулась, из глаз хлынули слезы. Он потянулся к ней, но, справившись с потрясением, решил, что вместо этого лучше открыть дверь. Втолкнув ее в комнату, он напоследок бросил взгляд в коридор, зашел следом и запер дверь. Кинув полотенце на стул, пристально взглянул на нее. Гермиона сделала несколько шагов и теперь стояла посреди комнаты, между камином и кроватью, оглядываясь по сторонам, словно в каком-то странном сне.

Признаться, Драко испытал тайное облегчение оттого, что был весьма аккуратен: комната была в полном порядке, единственное, что его нарушало, — это брошенная на стул одежда для фехтования. Хотя, судя по виду Гермионы, да будь весь хоть пол завален мусором — она бы вряд ли это заметила. Драко перемялся с ноги на ногу, думая, что бы такого сказать, что с ним случалось крайне редко. Кроме того, он отчетливо понимал, как выглядит в мокрой, облепившей его тело пижаме.

— Гермиона, — позвал он ее осторожно, — ты не против того, чтобы мне что-нибудь рассказать?

Медленно развернувшись, она посмотрела на него. Из-за синей мантии её лицо казалось совершенно белым, глаза были огромными черными монетами.

— А у тебя тут мило, — заметила она. — Ты никогда мне не говорил, как у тебя мило...

— Гермиона, — чуть громче и резче окликнул ее он.

— О, камин... И подумать не могла, что у тебя есть окошко... О, ведь комнаты высечены в скале, да? Это ведь...

— Гермиона, — Драко без размышлений подошел и схватил ее за руки. Она смотрела куда-то в пространство огромными пустыми глазами. Его обуял ужас, и он крепче стиснул ее запястья. — Что-то случилось с Гарри? С ним все в порядке?

— Я не знаю, — ответила она, наконец-то встретившись с ним взглядом. — Драко... Я кажусь тебе сумасшедшей?

— Какой-какой?

— Тебе не кажется, что я сошла с ума? — она за-

дышала все чаще и чаще, он почувствовал, что его рука, стиснувшая ее запястье, взмокла, и еще отчетливее осознал свой мокрый и полуголый вид. — Что я теряю рассудок?

Он открыл рот, чтобы снова позвать ее, но осознал, что, кажется, его заиклило. Тогда он, держа ее за плечи, начал аккуратно подталкивать ее к кровати. Она послушно опустилась на краешек и сложила руки на коленках. Они обменялись пристальными взглядами.

— Мне надо переодеться. Сиди тут и ... гм... не поворачивайся.

Она тупо кивнула. Взглянув ей в лицо, он понял, что страхи, что она не удержится от искушения подсмотреть за ним, более чем не обоснованы. Она заинтересовалась этим не больше, чем сообщением, что он собрался поработать над скучным вопросом по Арифмантике, причем задом наперед и по-японски. С ощущением, словно он попал в какой-то странный сон, Драко подошел к комоду, вытащил оттуда черные брюки и темно-зеленую рубашку от Карла Лагерфельда и, косясь на Гермиону, быстро переоделся. Она неподвижно сидела на кровати, в той же позе, по-прежнему глядя себе на руки, когда он, застегнувшись, вернулся и присел рядом.

— Так, почему бы тебе не рассказать мне, что произошло?

Она молчала, не мигая глядя ему куда-то за плечо. Он крепко сжал ее плечи.

— Гермиона, — решительно начал он, — я так понимаю, ты пришла сюда для того, чтобы попросить у меня помощи. Однако, если ты мне не расскажешь, я не смогу ничем тебе помочь.

— Знаю, — тихо ответила она, не поднимая к нему глаз. — Знаю, но не представляю, как рассказать тебе то, что и сама понять не могу...

Его руки стиснули ее крепче, и она поморщилась.

— Я с ума сошла. Это единственное объяснение, — она замолчала, потом продолжила — решительно и твердо, — ты самый нормальный из всех, кого я знаю. Если и ты сошел с ума, значит, мы все свихнулись — и я, и Гарри. И Уизли... — ее передернуло, и он наклонился, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Рон? Что-то случилось с Роном?

Она чуть качнула головой:

— Да.

— Рассказывай, — попросил он, — только мне нужны факты, а не твои домыслы или рассуждения о том, что с тобой не так.

Она вздохнула — глубоко и прерывисто — и медленно подняла глаза, кажущиеся огромными темными туннелями, ведущими в бесконечность. Они были такими темными, что зрачка не было видно на радужке.

— Ты мне не поверишь, — ее голос надломился от внутренней боли. — Гарри мне не поверил, и ты тоже не поверишь... И Джинни поверит Рону — потому что он ее брат... Что же мне делать?.. Я не выдержу, если и ты мне не поверишь, не выдержу...

— Я поверю тебе, — резко отстранился он. — Я уже тебе верю. А теперь просто расскажи мне, что произошло.

— Ладно... — кивнула она, и снова опустила глаза к своим лежащим на коленях рукам, сжавшимся в кулаки. — Ладно, — повторила она и заговорила, сначала запинаясь и сбиваясь, но вдруг слова буквально хлынули из нее неудержимым потоком; она поведала, что произошло в гриффиндорской гостиной, что говорил Гарри, что говорил Рон, что они оба делали. И пока звенел ее голосок, Драко сначала почувствовал, что не верит своим ушам, а потом вдруг поверил каждому ее слову.

...Я знал, что что-то не так. Я знал.

— И вот, — дрожащим голосом закончила она, — те...теперь Гарри сказал, что больше никогда не хочет меня ни видеть, ни говорить, я никогда не должна подходить к нему. Я убежала... Я видела спешащих Макгонагал и Люпина, но пробежала мимо них. Подозреваю,

они торопились в гостиную — на Заклятье Веритас сбавала тревога — ну, ты же знаешь, Темная магия и...

— Я знаю, — осторожно перебил ее Драко. — Чертова охранная система.

— Конечно, — кивнула она. — Прости, — голос ее был пустым и ровным. Она снова опустила глаза к рукам, и вдруг он заметил, что она что-то сжимает в правом кулаке. Он отпустил ее плечи и тихонько потянулся к ее руке. Она не сопротивлялась, позволив разжать свои пальцы, и он захлопал глазами, увидев на ее ладони знакомое золотистое мерцание — золотые часы Гарри, которые тот всегда носил на правой руке. Золотые часы на темном кожаном ремешке. — Он швырнул их мне, — пояснила она и снова сжала пальцы. — И велел, чтобы я больше к нему не подходила.

— Я понял, — кивнул Драко, — ты мне уже говорила.

— Он прав, — продолжила Гермиона, — похоже, со мной что-то не так. Я не помню, ну, совершенно не помню, чтобы мы чем-то занимались с Роном, но ведь я же должна это помнить, правда?

Драко перевел дух, понимая, что от выбора слов сейчас многое зависит, а потому делать это надо с большой осторожностью.

— Гермиона, — начал он. — Ничего с тобой не случилось. Я знал, что у Уизли появились к тебе... некоторые чувства. Я просто не понимал, что он заблуждался насчет них.

Она вскинула голову, глядя на него с упреком.

— Откуда ты знаешь, что он заблуждался, а не я?

— Потому что это он рассказывает занимательные байки, а не ты.

— Ты не видел его, Драко, — она говорила все громче и громче, — он был уверен, совершенно уверен — он так на меня смотрел... И потом, он был под Заклятием Веритас: как бы он мог солгать?

— А вот так, — твердо отрезал Драко. — Заклятье Веритас заставляет тебя говорить правду, однако не дает тебе знаний, которыми ты не обладаешь. Другими словами — если ты веришь в то, что может на самом деле правдой не являться. На него могли наложить заклятье Confundus, или какие-нибудь чары, влияющие на память, ну или же он вообще свихнулся, в чем я, признаться, сомневаюсь. Но в чем я уверен, — это в том, что Заклятье Веритас еще ничего не доказывает. Ничего.

Он осекся, Гермиона во все глаза смотрела на него:

— Ты веришь мне ... Ты, и правда веришь мне, да?

— Да, — честно ответил он. — Полностью.

— Слава Господу, — и она разразилась слезами. Он с тревогой следил за ней, но прежде, чем успел шевельнуться, она кинулась к нему на шею и уткнулась лицом в плечо. Ее сотрясали рыдания — он и представить не мог, что можно так рыдать, — этот потоп смыл остатки его спокойствия и уверенности. Он осторожно обнял ее, подозревая, что наверняка существуют Вещи-Которые-Необходимо-Делать-В-Таких-Случаях: успокоительно побормотать, погладить по голове, — однако у него не было опыта в успокаивании людей, тем более тех, кто был ему безразличен. Так что он просто сидел и держал ее, словно от этого ее горе могло уйти.

— У меня ощущение, словно я дышать не могу, — наконец услышал он ее приглушенный шепот. Не понимаю, что со мной происходит.

Она все еще сидела в его объятиях, стиснув на спине его рубашку. Он ощущал мягкость ее прижавшегося тела, он почти ощущал соль ее слез на своих губах. И его тело тут же отреагировало на эту близость — в конце концов, ему было только семнадцать и некоторые вещи контролировать было просто невозможно. Он быстро отцепил ее руки от своей шеи:

— Ты бы прилегла, — предложил он, отстраняясь от нее, — ты измучена.

Она замотала головой, хватая его за рубашку:

— Нет. Нет, нет — не могу. Не смогу уснуть, невоз-

можно...

Он вздохнул, мысленно прикидывая, что же делать. По некоторым причинам посадить ее к себе на колени было невозможно. Да и в свою собственную кровать она, похоже, тоже отправляться не хотела. Он слез с кровати и, присев на корточки, выдвинул нижний ящик и достал оттуда бутылку, этикетка на которой гласила, что это вино из Архенских виноградников разлито по бутылкам в 1867 году. Мельком взглянул на нее — она предполагалась стать свадебным подарком Сириусу и Нарциссе — и о цене его он предпочитал не вспоминать. Но это не помогало.

— Aperto, — негромко скомандовал он, и со слабым хлопком пробка вылетела из горлышка.

Драко передал бутылку Гермионе, она машинально взяла ее и, скользнув по ней отсутствующим взглядом, без раздумий поднесла ее к губам.

— Ух, — подскокил Драко, — ты полагала... черт, впрочем, ладно... — покорно закончил он, следя, как Гермиона сделала большой глоток, захлебнувшись и задохнувшись от неожиданности. Когда она подняла взгляд на Драко, у нее слезились глаза:

— Драко, это что еще такое?

Он осторожно взял бутылку у нее из рук и поставил на прикроватный столик.

— Это Архенское вино, — пояснил он. — Вообще-то надо было разбавить его водой... просто оно очень крепкое.

Она сморщилась:

— На вкус как средство для чистки плит, — заплетаясь языком произнесла она, что ни капли не удивило Драко: как правило, чайной ложки Архенского вина было вполне достаточно. А стакан сшибал с ног горного тролля. Ее глаза тут же начали слипаться.

— Драко, — пробормотала она, потянувшись к его руке, — ты не мог бы...

Он бережно взял протянутую руку — теплую, нежную, он старался держать ее как можно мягче. В подсознании крутилась мысль, что он не может предать Гарри, но в то же время ее боль ранила его. Он снова очутился между двумя людьми, которых любил, и не знал, как ему удержать равновесие и остаться беспристрастным.

— Не мог был ты... — ее язык заплетался все больше и больше, — найти его для меня?

Он знал, что она имеет в виду Гарри.

— Ты хочешь, чтобы я попытался отыскать его? — переспросил он. — Чтобы проверил, все ли с ним в порядке?

— Да, — дрогнули ее губы, — все ли с ним в порядке... Я просто хочу это знать...

— Понятно, — ответил Драко, — я тоже.

Он закрыл глаза и усилием воли заставил себя сосредоточиться. Сейчас это было очень трудно, голова шла кругом. Он мысленно толкнул себя к Гарри, и разум его сквозь черное разделявшее их пространство понесся вперед, нащупывая знакомый образ и форму мыслей. Вот оно — неясное мерцание света во тьме.

...Гарри, ты меня слышишь?

После долгой тишины раздался слабый, едва различимый ответ.

...Слышу.

...Ты в порядке?

Длинная пауза.

...Нет. Я более, чем не в порядке, Малфой. Я вообще больше никогда в порядке не буду.

...Хочешь, я к тебе приду? — спросил Драко, понимая, что тогда ему придется оставить здесь Гермиону. И зная, что, если Гарри попросит его прийти, именно так он и поступит.

Ответ был немедленным:

...Нет. Я в кабинете Люпина. Они меня сюда привели. Похоже, у меня проблемы. Хотя наплевать.

...Гарри...

...Они возвращаются. Все в порядке, Малфой. Ты мне ничем помочь не можешь. Никто не может.

И разум Гарри закрылся, словно захлопнулась дверь, отбросив Драко обратно в его тело. Он зажмурился и заморгал, вынырнув из темноты на свет. Он чувствовал боль — не материальную боль, признаться, он вообще не был уверен, что это была именно его боль. Боль Гарри — но ведь они с Гарри были почти что одним целым. Впервые в жизни он подумал, что, будь у него возможность забрать и стерпеть чью-то боль, он бы так и поступил.

— Гермиона... — начал он полупшепотом и осекся.

Подсунув руку под щеку, она спала, свернувшись в подушках. Длинные черные ресницы казались чернильной штриховкой на бледных щеках, грудь вздымалась и опадала в мерном дыхании. Он попробовал подняться — но понял, что не сможет: ее откинутая рука намертво вцепилась в его рукав, и он не сумел бы вырваться, не разбудив ее. Вдохнул, он придвинулся поближе и уголком одеяла прикрыл ей плечи. Потом лег рядышком на кровать и уставился в темноту.

* * *

В комнате старост царил безбожный холод. Он смертельно замерз. Рон был уверен, что пальцы у него посинели и, опустив глаза, с немалым удивлением убедился, что они обычного цвета. В это было невозможно поверить. Дойди он до врачей или колдомедиков, они бы сказали ему, что от шока температура тела понижается, но он не мог, да и не пошел бы в любом случае. Он никого не хотел видеть. Он хотел навечно остаться здесь. Он хотел умереть.

Снова и снова он прокручивал в голове сцену в гостиной. Что он сказал. Что сказал Гарри. Взгляд на лицо Гарри. Он знал, что будет плохо, но не так же плохо...

Гермиона неоднократно говорила ему — здесь, в этой комнате, что она совершенно уверена, что Гарри ее больше не любит, что подозревает, что и сама его больше не любит. И он ей поверил. А с чего бы ему ей не верить? Она раньше никогда его не обманывала.

Судя по всему, в этом отношении он заблуждался.

Ему стало дурно, когда он вспомнил ее слова, сказанные в гостиной. «Я не люблю тебя. Я не люблю тебя, и, более того, я не понимаю, о чём вы тут говорите». Значит, она лгала. Значит, она не хотела ничего говорить Гарри — ни в Новый год, ни вообще — никогда. Оглядываясь назад, он теперь мог сказать, что она постоянно откладывала и откладывала этот срок. Каким же слепым он был.

Нахлынула еще одна волна тошноты. Он едва дышал, пытаясь справиться с ней. Ему было так тяжело, что он не слышал, как почти беззвучно отворилась дверь. И лишь подняв взгляд, он ее увидел: она вошла и тревожно смотрела на него.

— Рон, что с тобой? — мягко спросила она. — У тебя больной вид.

Он поднялся и в упор взглянул на нее. Гермиона смотрела в ответ. Она была все такой же — совершенно такой же: слабый алый свет бросал красно-золотистые блики на ее распущенные локоны (она распускала их, потому что ему это нравилось, и он ей

об этом сказал). Под школьной черной мантией на ней была синяя пижама, что он дал ей два года назад.

Он заговорил. Его голос надломлено дрожал, казался чужим и незнакомым:

— Что... ты здесь делаешь?

Ее губы дрогнули, она удивленно взглянула на него:

— Знаю — я в последнее время не приходила... Но, пожалуйста, не сердись — ты же знаешь, как непросто мне выбраться...

Она шагнула к нему. Рон не двинулся. Она сделала еще шаг, обвила его руками. Он не сопротивлялся.

— Мне скоро нужно будет уйти. Не будем тратить время на ссоры...

Он опустил взгляд к ее лицу. Знакомому, прекрасному лицу. Он вспомнил, как она впервые попросила его прийти сюда. И плакала у него на плече.

Гарри со мной больше не разговаривает... Гарри меня больше не любит... Я тоже не уверена, что все еще люблю его... Да и любила ли... Я совершила ошибку, ужасную ошибку... Ты должен меня простить... Если ты еще можешь меня любить...

И поцеловала его. От потрясения он едва не опрокинул стол. Потом все повторилось — через несколько недель. Он был потрясен. Говоря, что не хочет причинить Гарри боль, на людях она себя вела, словно все в порядке, не происходит ничего странного, ничего не изменилось.

— У Гарри и так в последние дни была куча проблем, они едва не свели его с ума. Он стал совсем другим — возможно, даже опасным. Помоги мне, — попросила она. — Ты единственный, кто может это сделать.

Мысли, воспоминания — в голове Рона все треснуло, рассыпалось и закружилось стайей перепуганных птиц. Он схватил Гермиону и будто со стороны услышал свой голос:

— Зачем ты это сделала? Зачем ты соврала ему?

— Кому? — ее голос был резок и испуган.

— Гарри. Зачем ты его обманула?

— Мы оба его обманываем, — словно обороняясь, возразила она. — Постоянно — мы должны. Но я же сказала тебе — в Новый год...

— В новый год?! — едва осознавая, что он делает, он схватил ее за плечи и начал трясти. Она охнула. — Какого черта, какой новый год — ведь Гарри уже все знает!

Она окаменела.

— Гарри знает? — потрясенно переспросила она. — Знает?!

Он уставился на нее. Осколки и обрывки мыслей слетелись и собрались в единое целое, словно стекло под заклятьем Репаро. Все сразу стало ясно и понятно. Рон сжал ее плечи, не обращая внимание на то, что она ахнула от боли.

— Скажи, кто ты, — он сам поразился спокойствию в своем голосе.

Она попробовала вырваться.

— Рон,пусти меня...

— Кто ты? — повторил он. — И почему ты прикидываешься Гермионой?

Глава 7. Сжигание мостов.

Удивительное дело: после того, как чувства достигают своего пика, боль уходит. Твое сердце разбито, мосты сожжены. Все теряет смысл. Это конец счастья. Это начало покоя.

— Это не убьет его? — спросил Темный Лорд.

Он стоял у палисандрового столика с резными стеклянными шахматами. Набор был знаком Драко: он уже где-то его видел. Это зацепило, впрочем, как всегда во снах, он не сумел определить, когда и где это могло произойти. Полутьма наполняла комнату. Драко ее узнал: в одном конце поблескивала позолоченная

клетка, сейчас пустая.

Люциус был полон сомнений:

— Ну, это один из возможных вариантов, мой Господин.

Вольдемо́рт кивнул, теребя в пальцах одну из шахматных фигурок, зеленого коня.

— И ты учел этот риск?

Люциус кивнул:
— Любая стратегия рискованна.
Вольдеморт все крутил и крутил в пальцах фигурку:
— Возможно, он прежде умрет из-за разбитого сердца.

Люциус захлопал глазами:
— Мой Господин, я не думал, вас может настолько заинтересовать чье-то сердце.

— Всею свое время, — сообщил Темный Лорд и опустил коня на шахматное поле палисандрового столика.

— Да, мой Господин, — время родиться, время умереть.

— Не стоит при мне ссылаться на Священное Писание, — насмешливо посоветовал Темный Лорд — Сейчас — или же в ближайшее время — нам нужна Чаша, и лишь только будет выполнен Ритуал, я воспряну; старому порядку и старым богам больше не будет места. Я один буду править миром — не просто волшебным миром. Всем миром. И имя мне будет легион. И я покажу всем истинную природу богов.

— Какую же? — спросил Люциус, и в голосе его прозвучала странная нотка: напряжение, даже гнев. Но Вольдеморт, кажется, не заметил этого.

— Равнодушие и жестокость. И возлюблю я не род человеческий...

Люциус собрался ответить, но в этот миг дверь отворилась и, держа в руках поднос, вошел Червехвост. Он прошел и опустил поднос на столик рядом с шахматами. Там оказалась бутылка бренди, Драко заподозрил, что это был *Re'em Martin* — любимый отцовский сорт.

— Благодарю, Питер, — не взглянув на него, произнес Люциус. К удивлению Драко, Червехвост присел за столик, налил себе бренди и поднес стакан к губам.

Темный Лорд нахмурился.

— Она сегодня вернется? — мотнул головой в сторону пустой клетки Червехвост.

Вольдеморт нахмурился еще сильнее и, подобрав мантию, шагнул прочь из комнаты. Люциус развернулся к своему неудачливому сотоварищу.

— Я же говорил, чтобы ты не обращался непосредственно к нему, ты, идиот...

— Я просто задал вопрос, — запротестовал Червехвост, осушив стакан, дрожащей рукой опустил его обратно на стол.

— Не изображай из себя невинность, — отрезал Люциус.

Червехвост плеснул себе еще бренди.

— Он узнал, где Чаша?

— Да, Питер, — прищурился Люциус.

— Точно?

— Он знает, у кого она, — к чему все эти вопросы? Или есть что-то, что ты не сказал?

— Я думал, что мое мнение никому не интересно, — глаза Червехвоста странно блеснули.

— Мне — точно не интересно.

Червехвост обнажил острые крысиные зубки над краем стакана:

— Он сумасшедший. Он сумасшедший, и ты это знаешь.

— Тихо! — взвыл Люциус — так громко, что ткань сновидения не выдержала и поползла по швам. Драко почувствовал, что глаза его сами собой распахиваются. — Он может тебя услышать...

* * *

Сон ушел. Драко открыл глаза, вокруг него покачивалась комната, постепенно приобретая отчетливость. Он попытался сесть, но что-то, словно тиски, зажало его руку. Повернувшись, он увидел ее: она лежала рядом, погрузившись в глубокий сон, зарывшись лицом в копну каштановых локонов.

Гермиона? Что она тут делает, со мной, в моей постели? Мой Бог, что я наделал? — и тут он всё вспом-

нил и сел так резко, что едва не снёс себе полголовы, стукнувшись об изголовье.

— Гермиона, просыпайся, — потряс он ее за плечо. — Ну, давай же!

Она медленно вынырнула из сна, ее веки дрогнули и плавно приподнялись. Тёмные глаза скользнули к нему, в них на миг появилось недоумение, потом, видимо, что-то припомнив, она приподнялась и начала тереть глаза.

— Я видела сон... — произнесла она. — И ты там был.

— Я был? — переспросил он и откинулся на подушку, стараясь не думать о том, насколько ему хочется не вылезать из кровати. — И что я делал?

— Там был и ты, и Гарри. Вы были... другие. Мы все были в Лондоне. Кажется, вы были кем-то вроде... ну, не знаю, — гангстеров, что ли... У вас были револьверы. Все было так необычно...

— А что такое «гангстер»?

— Ладно, не обращай внимания, — призрак улыбки скользнул по ее лицу. — Вы были взрослыми. Вы были...

— Каким-каким я был?

— Нет, ничего, — улыбка стала шире и тут же померкла. Она резко дернулась, плечи ее напряглись. — Который час?

— Полночь миновала.

Она прикусила губу, сразу став несчастной и напряженной. Непокорные выходящие на концах пряди упали вокруг лица.

— Мне надо возвращаться в Гриффиндорскую башню.

Он качнулся к ней, стараясь не обращать внимания на прижимающую его к земле усталость.

— Ты уверена, что это хорошо...

— Я должна увидеть Гарри, — голосом, полным отчаяния, пояснила она.

— Ладно. Однако я обязан снова спросить тебя: ты уверена, что это хорошая мысль?

— Я хочу, чтобы он наложил Заклятье Веритас на меня, — она сжала кулаки. — После этого он просто обязан мне верить.

— А если он не захочет это сделать?

— Тогда это захочу сделать я.

— Что? — вскинул глаза Драко.

— Я хочу, чтобы ты сделал это перед ним.

— Гермиона...

— Другого пути нет.

Он потянулся к ней, но она спрыгнула с кровати и зашагала по комнате. Оранжевое пламя дрогнуло на тлеющих углях, очертило туманные контуры ее тела сквозь одежду, лизнуло ее волосы багряным отблеском.

Она резко развернулась к нему с самым решительным лицом.

— Он верит тебе. Пойдем со мной, чтобы поговорить с ним. Если ты наложишь на меня заклятье Веритас, не сказав ему, что собираешься...

— Я не хочу накладывать на тебя это заклятье, не объяснив ему, что собираюсь делать.

— Но ты должен...

— Я не должен, — холодно возразил он и свесил ноги с кровати, резко взглянув на нее. — Я ничего не должен. Я делал для тебя много всего и сделаю снова, потому, что обещал тебе. Но я не буду пускать пыль Гарри в глаза. Положим, сейчас он мне и поверит, но вот будет ли верить впредь?

Она была потрясена. Потом плечи ее поникли.

— Ты прав. Извини. Тогда просто — поговори с ним.

Драко терзали опасения, однако он кивнул:

— Ладно, — и, скользнув с кровати, попробовал встать. И едва не кувыркнулся. Кровь громом взревела у него в ушах, черные искры запрыгали перед глазами, он вцепился в спинку кровати, чтобы устоять на ногах.

— Драко?... — Гермиона уже стояла рядом, держа его за руку. — Что с тобой?

— Все нормально, — пробормотал он, чувствуя, что перед глазами все медленно проясняется.

— Прости, — тихо попросила она, сосредоточенно глядя ему в лицо темными глазами. — Я помню, что ты просил меня посмотреть в библиотеке. Я не забыла — насчёт твоего плеча... Я глянула...

— Я же сказал, что все в порядке.

Не глядя на нее, он стянул ее руку. Наклонился — медленно и осторожно — за стоящими под кроватью ботинками. С озабоченным видом, покусывая губу, она стояла над ним, глядя, как он обувается и зашнуровывает их. А ведь она именно так всегда смотрит на Гарри: сосредоточенно и... словно защищая... Ему это вовсе не понравилось, он не желал выглядеть так, чтобы его хотелось защищать. Разогнувшись, он сгреб свою мантию, переброшенную через спинку стула.

— Пошли.

К счастью, коридор, как и гостиная, были пусты. Факел горел далеко впереди — все вокруг почти растворялось во мраке. Драко пробормотал Люмос своей палочке и мрачно усмехнулся, представив, как они выйдут со стороны: староста школы и староста факультета — виновато крадущаяся по коридору парочка, возвращающаяся с Астрономической башни. Нет, в этом случае Гермиона бы держала его за руку, а не шла в стороне, погрузившись в размышления, — возразил он себе.

Они завернули за угол, и она вдруг остановилась.

— Драко, подожди.

Он послушно повернулся к ней.

— Что такое?

Гермиона прикусила губу:

— Комната старост... — она махнула рукой, — мы только что прошли мимо.

— Ты не думаешь?... — оторопело спросил Драко.

— Думаю, что я слышала какой-то звук, — ответила она, пристально глядя назад.

Драко опустил палочку.

— Ладно, пойдем и проверим.

Он вернулся и, когда проходил мимо Гермионы, она вцепилась ему в рукав. Таким образом, они дошли до двери в комнату старост.

...Ага, вот теперь мы точно выглядим, как нашкодившая парочка, — мелькнуло у Драко, но он прогнал эту мысль.

Комната была заперта, но сквозь щелку у пола сочился слабый свет — вроде бы ничего серьезного, однако Драко тут же повернулся к Гермионе, не сводящей с него испуганных глаз. Она мотнула головой в сторону двери. Вдохнув, он опустил руку на ручку, — «*Eirenaeus Philalethes*», — и та подалась под его пальцами. Он толкнул дверь, и она отворилась.

Внутри царил такой сумрак, что глазам Драко потребовалось какое-то время, чтобы разоблачить, что происходит. Когда он присмотрелся, он ошелотился замедленно.

У стола, сбросив с плеч мантию, в джинсах и рубашке, стоял Рон. Его волосы торчали дыбом, наклонившись вперед, он положил руки на плечи сидящей перед ним на стуле девушки. Через миг Драко понял, что он вовсе не ласкает ее, а держит, не давая ей подняться.

Белая пижама с цветочками и листиками, откиннутые назад темные волосы — Драко узнал бы ее, даже не глядя на лицо. Но вот она обернулась на шум открываемой двери — темные, широко распахнутые глаза, знакомый носик, изгиб губ...

Гермиона.

* * *

— Вы действительно не собираетесь ничего предпринимать?

— И что же, по-твоему, я должен сделать? — спросил Дамблдор.

— Я не знаю, — Чарли, не в силах, усидеть, подо-

шел к окну. Над заснеженной землей висела луна.

— Определенно — что-то происходит.

— Всегда что-то происходит, как ты можешь это заметить, — успокоительно произнес Дамблдор, глядя на него в упор. — И совсем не обязательно, что я должен вмешиваться.

Чарли сунул руки в карманы. Он очень замерз, хотя за насестом Фокса вовсе ревел огонь. Ему казалось, что с того момента, как он взбежал в Гриффиндорскую башню из-за тревоги, сработавшей на выполненное Гарри Заклятье Веритас, минул уже целый год. Хотя прекрасно понимал, что прошел едва ли час.

— Я последний раз видел своего младшего брата рыдающим, когда ему было шесть. И вот — нынче вечером.

— Я все понимаю, и мне очень жаль.

— О чем вы сожалеете? Рон бы не сделал ничего подобного, — бросил Чарли в лицо своему старому директору и отвернулся. — Он любит Гарри, они как братья.

Дамблдор молчал. И в этой тишине Чарли мог услышать, как Фокс, возясь на своем насесте, издал какой-то тихий звук, похожий на музыку.

— Знаю, — наконец вымолвил Дамблдор, его глаза беспокойно блеснули. — Однако ты, Чарли, возможно, слишком близко оказался ко всему происходящему, чтобы быть объективным. Я могу повторить, что в настоящее время не имею права вмешиваться.

— О какой объективности идет речь? — резко спросил Чарли. — В этой головоломке не нужны никакие дополнения: если Рон сказал мне правду, то они оба — и он, и Гермиона — поступали как-то весьма странно и нетипично для себя. И Гермиона теперь от всего отказывается. Значит либо лжет она, либо мой брат. Или же один из них совершенно сошел с ума — что, как мне кажется, уже вплотную касается школы.

— Я подробно расспросил твоего брата, — произнес Дамблдор. — Он не сошел с ума, он совершенно нормален.

— А что сказал Рем? — резко спросил Чарли. — Он обратился к Сириусу? Может, стоит Гарри отправить домой пораньше? Занятия все равно уже завершились.

Дамблдор покачал головой:

— Гарри подчеркнул свою просьбу, чтобы мы не обращались к Сириусу. Он беспокоится о том, что свадьба крестного может быть испорчена.

Чарли почувствовал, как в нем нарастают отчаяние и гнев — на себя, что не сумел раньше заметить, что всё идет не так, на Гарри, за его упрямый отказ от любой помощи, на своего брата, сознательно закрывавшего на всё глаза.

Если он и симпатизировал кому — сейчас все рухнуло. Он мог только вообразить, чем случившееся окажется для Джинни. Рон был ей братом, которого она любила, — просто любила. Однако Гарри тоже был членом их семьи — почетным членом, и он был совершенно убит произошедшим. Тревога за Гарри разбивала сердце Чарли — не только как за подростка, за один вечер лишившегося двух лучших друзей, но и как за маленького хрупкого мальчика, никогда не имевшего семьи. Рон с Гермионой долгие годы были семьей Гарри — его единственной семьей.

И когда Чарли заговорил, голос его был куда жестче, чем ему хотелось бы:

— У меня такое ощущение, словно вы хотите увидеть, что будет дальше. А я-то думал, вы защищаете Гарри.

— Так было всегда, — кивнул Дамблдор, — это моя первичная обязанность. Я всегда стремился защитить Гарри от всех напастей, что могли с ним произойти, физических ли, волшебных ли. Однако я не могу уберечь его от обычных жизненных разочарований. Да и не стал бы, если бы даже мог.

— Я вам об этом и говорю, — понизил голос Чарли. — В этом-то и не было ничего обычного. Такое поведение не свойственно ни моему брату, ни Гермионе. Совершенно очевидно, что ими кто-то манипулировал

извне. Конечно, это может выглядеть как подростковые хитросплетения, однако...

— Манипулирование извне?... Кто мог бы его осуществлять?

Чарли открыл рот. И снова закрыл. Он знал, что нет причин не называть его по имени, однако внутри все сопротивлялось.

— Мне кажется, что это очевидно.

— Вольдемор? — рубанул Дамблдор, и Чарли вздрогнул. — Едва ли.

— Почему едва ли? — воспрянул Чарли. — Рон с Гермионой всегда были в числе лучших способов защитить Гарри. Если их не будет...

— Если бы Вольдемор хотел убрать их, он бы их убил, — отрезал Дамблдор, заставив Чарли содрогнуться. — Подобные уловки не в его стиле. Он не человек, в нем нет ничего человеческого — ни мыслей, ни чувств, подобных тем, что есть в наших сердцах и головах.

— Но ведь когда-то он чувствовал, — возразил Чарли. — Он же родился обычным человеком, как все остальные...

Протянув руку, Дамблдор нежно погладил Фокса по голове, и феникс снова запел.

— Ты имеешь в виду Тома Реддла?... Да, возможно, ему знакомы человеческие чувства. Возможно, он не знал любви, однако познал ревность, ярость и тоску. Не это слепое стремление к могуществу. Не эту страсть к убийству.

В сердце Чарли шевельнулось легкое удивление:

— Вы боитесь его?

— Я был бы глупцом, если бы не был осторожен, — произнес Дамблдор. — И всё же, я не считаю, что за этой ... ситуацией... стоит он.

— Тогда кто же?

— Не знаю, Чарли, — покачал головой директор, — не знаю...

* * *

Все произошло мгновенно. Девушка-что-выглядела-как-Гермиона охнула, и Рон обернулся. Его глаза стали совершенно огромными на абсолютно белом лице, он вытаращился на настоящую Гермиону, не сводящую с него глаз. Все повисло, как самолет с заглушим мотором за мгновение до падения.

Почувствовав, что хватка Рона ослабла, девушка вскочила на ноги, он повернулся, чтобы снова вцепиться в неё, однако она была расторопней: вырвав из его пальцев рукав, она помчалась к двери, обогнула Драко и сшибла Гермиону с ног, что ни в малой степени не снизило её скорости: споткнувшись, она удержала равновесие и рванула в коридор, исчезнув за углом так быстро, что едва не поскользнулась на повороте.

Рон тут же метнулся следом, но Драко оказался еще проворнее: он схватил его за руку, заорал Гермионе — «давай-давай!» — но ей не нужно было повторять дважды: вскочив на ноги, она рванулась следом за девушкой, на бегу вынимая свою палочку из рукава.

Рон попробовал вырваться, но Драко швырнул его об стену с такой силой, что едва не выбил из него дух, так что он охнул, и колени у него подогнулись. Драко держал его железной хваткой и тут же дернул его вверх:

— Кто она? — зашипел он, с силой тряхнув Рона. — Кто на самом деле?

Рон вызывающе вскинул глаза на Драко.

— Понятия не имею.

— Бред... — и Драко снова швырнул его об стенку. Рон туло смотрел на него совершенно отсутствующим взором, словно не понимая, где он находится, не чувствуя боли в стиснутых руках. — Кто она?

— Я не знаю, — деревянным голосом ответил Рон. — Это я и пытался выяснить.

— Ты врешь, Уизли.

— Можешь думать, что хочешь, — глядя в сторону,

ответил Рон. — Я тебе правду сказал.

Драко взглянул ему в лицо — пустое и окаменевшее.

— То есть ты даже не знаешь, с кем спал? Это потрясающе. Да она могла быть кем угодно. И чем угодно.

— Не надо, — ответил Рон тоном, в котором не было надежды на милосердие. Он и не ждал его, не рассчитывал на него.

Драко приблизил свое лицо к его лицу и отчетливо произнес ему прямо в ухо:

— Знаешь, Уизли, существуют два простых правила дружбы. Первое: никогда не заводи шашни с девушкой лучшего друга. Второе: никогда не заводи шашни с девушкой лучшего друга. Да, я понимаю, что это правило, на самом деле, только одно, однако предпочитаю повторить, поскольку, похоже, с первого раза ты не улавливаешь.

Рон поднял на Драко тусклый взгляд, полный отращения:

— Не пойму, какое тебе до всего этого дело, Малфой.

— Ещё какое.

— С чего бы? Ты меня и раньше ненавидел. Теперь будете ненавидеть меня на пару с Гарри. Какая тебе разница? Разве ты не рад, что я оправдал твои ожидания насчет меня?

— Если ты ждешь по этому поводу выражений моей признательности, то ждать придется долго. Даже я от тебя такого не ожидал.

— Ты бы поступил так же, — тусклым голосом произнес Рон.

Драко околел.

— Как бы я поступил?...

— Точно так же, захоти она тебя.

На какой-то миг Драко онемел. Когда он смог ответить, тон его был резок и холоден, как сосулька:

— Хочу тебе заметить, что тебя она тоже не захотела. Избавься от иллюзий. Она тебя никогда не хотела.

Рон рассмеялся — хрип от боли был больше похож на смех, чем тот звук, который он издал.

— Однако ты не сказал «нет», заметь...

Драко с новой с силой толкнул Рона к стене:

— Еще одно умное слово, — зарычал он, — и, поверь мне, Уизли, вечность, проведенная с Сатаной и его свитой покажутся тебе пустяком по сравнению с пятью минутами со мной и моей волшебной палочкой.

— Отпусти его, — это был голос Гермионы. Повернувшись, Драко увидел ее в дверях.

Она завернулась в мантию, словно очень замерзла, и была бледна, но вид у нее был сосредоточенный. У него мелькнула мысль, сколько она уже там стоит. — Он ничего не знал.

— А ты откуда знаешь? — спросил Драко, бросив на нее пристальный взгляд. Кажется, это настоящая Гермиона, а не ее пижамный клон: дорожки слез под глазами, спутанные волосы, одежда.

— Оттуда, — устало ответила она и подняла взгляд на Рона, тут же спрятавшего глаза. — Нам надо идти и разговаривать с Гарри. Прямо сейчас. Это очень важно.

— А та девушка?

Гермиона покачала головой:

— Убежала. Она бежит очень быстро, я ее не поймала. А, завернув за угол, она вообще... исчезла. У меня такое ощущение, словно она воспользовалась мантией-невидимкой.

— То есть она удрала. Великолепно, — понизив голос, Драко добавил, — если, конечно, считать, что это вообще была «она».

Рон вздрогнул, но не взглянул на него. В неожиданном приступе отвращения Драко отпустил и отступил, оглядывая его с ног до головы, словно что-то прикидывая. И вдруг улыбнулся.

— Ты спас мне жизнь, а потому я ничего тебе не сделаю. Во всяком случае, сейчас. Однако, если еще хоть раз окажешься рядом со мной... или рядом

с Гарри...

— Это Гарри решать! — взорвался Рон и тут же потух, словно пожалев о сказанном.

— Я не могу решать за Гарри, — ответил Драко. — Хотя, какого черта — могу. У вранья и удара в спину есть одна забавная изнанка: впоследствии к твоему обществу не очень-то и стремятся. Однако если ты, не смотря ни на что, хочешь попробовать...

— Драко, — окликнула его Гермиона, по-прежнему стоя в дверях, — пожалуйста, не надо, — она еще туже завернулась в мантию. — Мы должны идти.

Краем глаза Драко увидел, как Рон сморщился. Это короткое «мы» лучше всяких взглядов или не-взглядов показало, что теперь оно к нему не относится. И Драко почувствовал глубокое удовлетворение. Отлично.

— Увидимся позже, Уизли, — уронил он и послал сползающему по стене Рону одну из своих высокомерных улыбок, подозревая, что тот всё равно не в силах оценить её обаяние. Рон так и не поднял глаз от ботинок, когда Драко и Гермиона вышли в коридор. Она торопливо пошла вперед, скрестив руки на груди. Драко снова внимательно взглянул на нее:

— Это ведь правда, ты, да?

Она бросила на него мрачный взгляд.

— Ну, естественно, это я.

— Докажи.

— Могу рассказать тебе подробности моего сна. Ты там был одет в винил.

— Винил? — ужаснувшись, переспросил Драко.

— В блестящие виниловые штаны.

— Это звучит, как ночной кошмар.

И вот уже лестница, ведущая в Гриффиндорскую башню. Гермиона пошла вперед.

— Нет, не совсем, — бросила она через плечо.

— Слушай, ты ведь не из тех, у кого от прикосновения винила к коже начинается жуткий зуд?

— С таким же успехом на тебе мог бы быть блестящий макияж, — задумчиво добавила она.

— Либо ты мне расскажешь подробности твоего сна, либо я брошу тебя здесь на произвол судьбы, Грейнджер.

Гермиона состроила ему гримасу. Они стояли напротив Полной Леди, и Драко спрятался за Гермиону, надеясь проскочить незамеченным, но та, судя по всему, все равно спала. Гермиона глубоко вздохнула:

— *Mundungus*, — и проход открылся. Драко поднял взгляд, она показала жестом, что он должен пройти первым. Взволнованно вздохнув, он шагнул вперед.

* * *

— Как ты осмелился? — задыхнулась Риэнн, отшатываясь к стене и дрожащими руками удерживая разорванное в клочья платье, жалкие лохмотья которого не скрывали тяжелого волнующего изгиба ее груди. Он пожирал глазами эти сферы, над которыми воздвигся, выставив перед собой свою палочку. У него промелькнула мысль, что это не единственная негнущаяся вещь в этой комнате. Однако он тут же вернулся к происходящему. — Как ты осмелился со мной так обойтись? — зарыдала она.

— Меня ты презирала, говорить со мною не желая, — загрохотал он. — Но я заставлю силой тебя слушать!

— Уж минул год, как ты меня покинул, — прорычала она в ответ, и слезы взбешенными изумрудами повисли на ее ресницах. — Я и не чаяла увидеть тебя вновь.

— Но вот я здесь! — воскликнул он.

— Я замужем теперь за Монтегю! — ответила она, вздымая медового цвета груди. — Он милый, очень добрый человек!

— Однако же не любишь ты его! — прорычал Тристан, метнулся к ней и прижал ее к каменной стене своими сильными мускулистыми руками. Ее попытки высвободиться успеха не имели. — Меня, ведь ты меня любила!

— О нет, я больше не люблю тебя! — воскликнула

она. — Тебя я ненавижу, презираю!...

— Но до сих пор желаешь ты меня, — выдохнул он, припадая к ее губам.

Она пыталась вырваться, но только еще сильнее прильнула своими качающимися выпуклостями к его каменной мускулатуре. Его ненужная и забытая теперь палочка стукнулась об пол у их ног. И вот она вернула его страстные поцелуи, отчаянно дыша в его довольно-таки широкую шею:

— О, Тристан... О, Тристан! О... о... о...

— Цветок мой, — прошептал он, уткнувшись в ее волосы, — ангел мой... Лисичка ты моя...

Джинни оторвалась от «Брюк, полных огня» и нахмурилась. Огонь в камине снова умирал, и стало слишком темно, чтобы читать. Она не хотела привлекать ничего внимания, а потому не стала зажигать свечи — именно из-за того, что гостиная в этот поздний час была пустынна, она и пришла сюда почитать: ей не спалось, и она боялась разбудить Элизабет или Эшли.

Вдохнув, она потянулась к маленькому столику у дивана за палочкой и ткнула ей в сторону решетки:

— Инсендио! — шепнула она, и пламя взревели за решеткой, почти заглушив шум открывшегося дверного проема. Но только почти.

Джинни удивленно вскинула глаза. Кого могло принести сюда в столь поздний час? Она замерла на своем месте, диван скрывал ее от глаз вошедших; однако, увидев, кто пролез в проем, она закрыла ладонью рот, сдерживая удивленный возглас.

Драко Малфой. Он вынырнул из прохода, распрямился и огляделся по сторонам. Пламя за решеткой очертило его золотом, светлые волосы стали огненными. Вид у него был усталый и менее безупречный, чем обычно: волосы хоть не были спутаны, однако стояли торчком, а одежда выглядела так, словно он в ней спал. Он с сомнением осмотрелся — даже сейчас, когда он опустил глаза, казалось, что мысленно он прикидывает, насколько гриффиндорская гостиная уступает слизеринской. Он протянул руку, развернулся — и следом за ним в гостиной появилась Гермиона.

От изумления Джинни захлопала глазами. Гермиона и Драко? Что они делали? Ответ напрашивался сам собой, однако она немедленно отвергла его, пожалуй, даже слишком решительно. Гермиона никогда бы не поступила так с Гарри. В любом случае, не с Драко. Это рассеяло все ее подозрения. Он бы скорее дал себе отрезать левую руку, нежели позволил бы кому-нибудь тронуть Гарри хоть пальцем.

Она вспомнила Драко, каким он был в ночь, когда все отправились в паб, — в саду, среди роз. Он сказал ей: «У каждого есть своя слабость. Он отовсюду защищен — кроме неё»...

Выпрямившись, Гермиона почему-то взглянула сразу на него, словно ожидая команды. Джинни никогда не видела ее такой потерянной, растрепанной и со следами недавних слез на лице.

— Драко, — очень тихо произнесла она, и он повернулся к ней. — Ты уверен, что я тоже должна пойти?

У Драко было очень серьезное выражение лица:

— Да.

— Но он сказал, чтобы я больше никогда к нему не приближалась.

Да кто? — подумала Джинни. — Кто такое сказал?

Драко устало закатил глаза к потолку, судя по всему, он мысленно считал до десяти.

— Гермиона, ты должна рассказать ему все, что только что видела.

— Может, это сделаешь ты? — пискнула Гермиона.

— Я мог бы, — признался Драко. — Но не буду.

— Драко...

— Или ты пойдешь по доброй воле, или я тебя силой потащу.

Если бы Гермиона могла улыбаться, она бы улыбнулась. Что не удивительно, — подумала Джинни. В упрямой целеустремленности Драко было что-то забавное.

— Ты бы ударил девушку?

— О, рыцарство умерло, — коротко ответил Драко, — я — тому доказательство.

Теперь Гермиона улыбнулась — совсем не похоже на себя: жалобно и плаксиво, однако все же улыбнулась.

Она протянула ему руку, которую он рассеянно принял, и начала подниматься в спальню мальчиков. Сделав несколько шагов, он вдруг обернулся и бросил взгляд на гостиную, и по выражению его лица Джинни показалось, что он увидел ее. Но лицо его снова померкло, словно его накрыла тень. Он повернулся и вслед за Гермионой нырнул в темноту.

* * *

Гарри лежал на спине, глядя во мрак. Он с трудом мог вспомнить, как он добрался до кровати, натянул пижаму и улегся — но, судя по всему, так оно и было. Все события вечера после того момента, как Гермиона, подобрав брошенные им часы, выбежала из гостиной, смешались у него в голове. Он помнил, как обернулся к Рону — бледному, больному на вид — и был на грани того, чтобы кинуться на него. Но они и слова не успели вымолвить, как через портрет вбежали профессора. Там был Чарли, Люпин, Макгонагалл... Гарри помнил, как его отправили в кабинет Люпина, Чарли шел с Роном, положив руку тому на плечо и переводя тревожные взгляды с одного юноши на другого.

Вроде бы особого разговора о наказании не было — во всяком случае, Гарри ничего такого не помнил. Кажется, он сказал Люпину, что произошло, и воцарилась потрясенная тишина, а потом что-то говорили про то, чтобы позвать Сириуса, — но Гарри пропустил это мимо ушей. Он ни с кем, включая Сириуса, не желал сейчас говорить.

Когда и как Люпин отправил его обратно в башню — он не помнил, ему даже было самому удивительно. Вечер превратился в постоянный гул, перебивающийся какими-то вспышками звука, словами.

...Как ты, Гарри? Тебе что-нибудь нужно?

...Все хорошо. Я просто хочу спать.

Вот и все. Он в кровати, в пижаме. Полог опущен, он лежит и смотрит в темноту. Сон был бесконечно далекой недостижимой страной. Он слушал собственное дыхание, биение собственного сердца и дивился тому, что тело продолжает что-то ощущать. Внутри него на цепи бился лев — выпусти он его на волю, он бы сровнял замок с землей. Перед глазами кружились вызывающие странное удовлетворение видения — вылетающие из рам стекла, рассыпающиеся на куски под действием его силы магии... Но он мысленно благодарил этот ледяной контроль над собой. Он был крепок, как мертвая хватка капкана.

Гарри не знал, откуда это пришло. Наверное, от Драко. Он был ему благодарен.

Слабый шум заставил его подпрыгнуть. Он повернулся и с удивлением увидел, что полог кровати отодвинулся. Темнота чуть рассеялась — появились нечеткие очертания руки, откидывающей занавес, потом плечо, светлые волосы... Драко.

— Малфой? — прошептал Гарри, прикрывая глаза от неожиданного света. — Что такое?

— Мне нужно поговорить с тобой, — с мрачной решительностью произнес Драко.

Гарри потянулся к очкам на тумбочке и надел их. Мир тут же приобрел отчетливость. Над ним, отведя рукой полог кровати, с мрачным и упрямым выражением лица стоял Драко. А позади... Позади стояла Гермиона, обхватив себя руками, словно пытаясь согреться. Волосы упали ей на лицо.

Гарри заговорил, слыша себя словно со стороны:

— Я не хочу говорить с тобой в её присутствии, —

и он мотнул головой в ее сторону.

— Поттер, — утомленно и раздраженно начал Драко. Гермиона же была просто поражена, словно он дал ей пощечину. Она вскинула на Гарри глаза и тут же отвела взгляд.

Он ощутил мрачную радость, исчезнувшую в тот же миг и оставившую после себя дурноту и слабость. Что-то толкнулось к нему в подсознание — он знал, что это Драко, пытающийся что-то сказать ему, как уже было вечером. Гарри не откликнулся. Ему сейчас никто не был нужен в его собственной голове.

— Ты слышал, что я сказал, — негромко произнес он.

Драко хотел ответить, но его перебила Гермиона:

— Хорошо, — ее голос срывался от напряжения, — если это единственный способ, чтобы хоть что-то тебе сказать, — я уйду.

— Гермиона, — начал Драко, но она уже исчезла, Гарри услышал приглушенный звук ее шагов. Дверь открылась... закрылась — и от этого звука Гарри сморщился, словно что-то острое ударило его прямо в сердце.

— Идиот, — раздосадовано произнес Драко. — Для чего ты все это делаешь?

— Тебе не понять, — яростно зашипел в ответ Гарри, оглядываясь на другие кровати. Судя по очертаниям, в них спали Невилл, Симус и Дин. — Тебя никто не предавал.

— Ни фига, — резко ответил Драко. — Мой отец пытался меня убить — что, забыл? Хочешь поиграть в «Кому-из-нас-хуже» — давай.

— Это совсем другое, — горько ответил Гарри, понимая, что эти слова выставляют его круглым болваном. — Впрочем, я все равно не хочу об этом говорить.

— Тем хуже, — ответил Драко. — Потому что тебе нужно кое-что услышать.

— Просто оставь меня одного.

— Нет, я это делать не собираюсь, — и Драко схватил Гарри за руку. — Пошли со мной...

— Оставь меня! — Гарри дернулся, и стакан с водой на тумбочке дрогнул, покачнулся и упал на пол, разбившись на мелкие кусочки и разбрызгав во все стороны воду. Гарри бросил на Драко злой взгляд. — Смотри, что я из-за тебя наделал! — сорвался он.

— Гарри? — тихий голос Симуса с его ирландским акцентом донесся с соседней кровати. Повернув голову, Гарри увидел, что остальная троица проснулась, юноши поднимались на кроватях и присматривались. — Все в порядке?

— Порядок, — кисло ответил Гарри.

— Это что... — у Симуса перехватило дыхание, — что — тут Малфой?

— Нет, Финниган, — с сарказмом ответил Драко. — Это Санта со своей дюжиной оленей. Вы все были хорошиими мальчиками, поэтому я решил пораньше порадовать вас рождественскими подарками.

— Поверить не могу, — невнятным от сна голосом произнес Дин Томас. — Какого черта ты пришел к нам в спальню?

— По-видимому, через трубу, — мрачно ответил Симус. — Не засунуть ли нам его обратно?

— Только сунься, и я тебе все кости переломлю, — тихим голосом, не предвещающим ничего хорошего, предупредил Драко. Он даже не повернул головы в сторону Симуса, однако по неожиданной смене позы Гарри понял, что Драко знает, что юноши возятся у него за спиной. — Поттер, пойдем со мной. Нам нужно поговорить.

Гарри взглянул на протянутую ладонь Драко и скрестил руки на груди.

— Не собираюсь никуда идти.

— Отлично, — взведенно кивнул Драко и глубоко вздохнул. — Ты спрашивал об этом... Рон, — произнес он твердым голосом, — никогда — ни сейчас, ни раньше — не спал с Гермионой.

Воцарилась ошеломленная тишина. Дин, Невилл и

Симус пооткрывали рты, замерев в живописных позах, которые при других обстоятельствах можно было посчитать весьма забавными. Гарри окаменел на своей кровати. Первым тишину нарушил Невилл:

— Я тоже не спал с Гермионой. Тоже мне новость.

— Да отвали и заткнись, Лонгботтом, — произнес Драко, но у него дернулся уголок рта. Понизив голос, он снова заговорил. — Поттер?...

Гарри вздрогнул, услышав свое имя, он даже не попытался воспротивиться этому. Слова полились у него изо рта, обгоняя мысли.

— Я не верю тебе.

— Что? — ошеломленно переспросил Драко, готовый к чему угодно, только не к этому. — Как ты можешь?...

— Ты сказал, что пришел, чтобы что-то там сказать, — ответил Гарри. — А я тебе не поверил. Теперь уходи.

Драко побелел, и два алых пятна вспыхнули у него на скулах. Глаза засверкали.

— Не уйду, пока ты меня не послушаешь.

— Меня это не интересует.

Драко рванулся вперед так резко, что Гарри не успел отодвинуться: схватив Гарри за руку, он бесцеремонно толкнул его на кровать, перекувырнулся через него и столкнул на пол. Гарри плашмя ударился об пол и охнул.

— Ты, — отчеканил Драко, с трудом дыша и смотря на Гарри так, словно увидел его впервые, — ты просто полный... полный... я не знаю слова, каким тебя назвать, оно еще не придумано. Но это — точно ты. Ты меня слушаешь? Ты что — не понял, что я сказал? Тебе наплевать на то, что ты делаешь — с ней, с другими?

У Гарри не было возможности ответить. Неожиданно между ними возник Симус — так резко, словно апарировал. Он с яростью уставился на Драко...

— Да как ты осмеливаешься здесь так вести себя, Малfoy? Пытаешься поразвлечься?

Драко медленно оглядел Симуса с головы до ног, словно не в силах поверить в услышанное.

— В отличие от тебя, скучного маленького червячка, я хотя бы добиваюсь в этом успеха. А теперь, если позволишь, тебя это не касается.

— Еще как касается, черт возьми: это моя спальня, мой факультет и Гарри мой друг. И мне кажется, он сказал, чтобы ты уходил. В переводе на слизеринский это значит, «отвали, тупой ублюдок», — Симус угрожающе шагнул вперед. — Понял?

— Симус, ты глупее, чем чучело игуаны, — утомленно произнес Драко. — Хочешь подраться со мной — подерись. Но заканчивай с попытками сострить. Смотреть больно.

Губы Симуса дрогнули. Потом он закатал рукава — каким-то чудным движением — и двинулся на Драко. Тот с задорно-отчужденным выражением на лице даже не шелохнулся, все еще не сводя глаз с Гарри. Он не собирался бить Симуса в ответ. Даже не заглядывая в голову Драко, Гарри мог сказать, о чем тот думал: это спальня Гарри, это его место, где только он вправе что-то предпринимать. Драко ничего делать не собирался.

Почувствовав неожиданно накатившую усталость, хлынувшую, словно кровь из глубокой раны, Гарри вздохнул.

— Оставь его, Симус, — тихо попросил он, садясь.

— Что? — ошолбенело спросил Симус, полуобернувшись.

— Я сказал, оставь его, — умирающим голосом повторил Гарри, глядя на Симуса, который, судя по всему, был потрясен чем-то в выражении лица Гарри.

— Так ты все же хочешь с ним поговорить? — тихо спросил Симус.

Гарри кивнул.

— Да. Думаю, да.

Драко криво, но самодовольно улыбнулся.

— Так что, — Гарри поднялся на ноги, — мы пой-

дем в гостиную.

— Нет, — это был Невилл. Он переглянулся с Дином, потом с Симусом. — Там могут быть люди. Лучше мы уйдем.

— Мы? — возмущенно переспросил Дин.

— Да, — кивнул Невилл и искоса взглянул на Гарри. — Понятия не имею, о чем идет речь, однако подозреваю, что это важно. Так что мы лучше пойдем и вернемся попозже.

— Что — мы пойдем? — мрачно переспросил Дин.

— Да, мы, — Невилл решительно взял его за шиворот и потащил в сторону двери. Спустя миг за ними последовал Симус, на прощанье бросив пристальный и задумчивый взгляд на Драко и Гарри. Троица вышла и закрыла дверь.

— Как всегда, — заметил Драко. — Могу сказать, что не нашлось бы слизеринца, готового прервать свой ночной сон только потому, что спальня используется его сотоварищем для решения личных проблем.

— Не имеет значения, — произнес Гарри, чувствуя себя усталым до мозга костей, — что там за чертовщину мне расскажешь, — просто говори и уходи.

— Я уже тебе все сказал, — скрестил на груди руки Драко. — И ты мне не поверил...

— Потому что...

— ... что, — продолжил Драко, словно не слыша, — принимая во внимание, что я — единственный человек в мире, который не может тебе соврать, — выглядит чертовски издевательски.

Гарри замер. В голосе Драко прозвучала крайне редко появляющаяся там горькая нотка.

— Как... — начал он и остановился, словно у него перехватило горло, — откуда ты знаешь, что они не... что это неправда?

Драко вздохнул и опустил взгляд к Гарри. Будь сейчас Гарри в другом состоянии, он бы непременно заметил, насколько усталым и изможденным выглядел второй юноша: глаза окунулись в синие круги, вокруг рта залегли напряженные морщинки.

— Я могу рассказать тебе все так, что ты будешь вынужден мне поверить.

— Нет, нет. Мне никто не нужен в моей голове.

— Как хочешь. Тогда вот что, — Драко уселся в ногах на кровати Гарри. — Я знаю, потому что собственными глазами видел Рона с девушкой, которую он считал Гермионой. И, конечно, это не была Гермиона. Потому что настоящая Гермиона все это время стояла рядом со мной.

Драко хмыкнул и поднял глаза к потолку.

— Ты что — и правда думаешь, что она могла бы такое сделать с тобой? — резко спросил он. — Что — ты и правда думаешь, что она бы захотела?...

Гарри смотрела на него, но в голове у него звучал голос Рона: «Я люблю Гермиону, а она любит меня...»

— И ты так уверен...

— Ну, естественно я уверен! Я же тебе сказал, почему я так уверен. Рон там с кем-то резвился, но она не является, и никогда не была Гермионой. Кто-то сыграл со всеми вами чертовски злую шутку — точно тебе говорю. Теперь ты мне веришь?

Гарри опустил взгляд на свои руки и промолчал. Странно — кажется, он опять начал грызть ногти... И обгрыз их до крови... Словно обороняясь, он сжал ладони в кулаки. Голос Драко стал жестче:

— Поттер, с чего бы я стал врать тебе?

— Ты мог бы, — возразил Гарри, — если бы она тебя об этом попросила. И тут же гнев Драко кнутом хлестнул его, хотя Гарри сделал все, чтобы спрятать от него свой ум. Внутренний голос Драко поверг его в дрожь, прорезал его мысли:

...А, попроси меня ты — я что, — тоже бы соврал? Что — всё, на что я способен, — это врать по чьему-то приказу?! Можно, я буду иметь чуть-чуть собственной воли?

— Не надо, — Гарри поднялся на ноги, сжав кулаки.

...Я говорю, что видел. Девушка, про которую Рон думал, что она Гермиона, — не Гермиона. Я не знаю, кто она...

— Прекрати!

От досады Драко был близок к тому, чтобы пнуть чемодан.

— Говорю же тебе! Своими глазами это видел! Почему ты не слушаешь!? Или, может, ты просто не хочешь этого слышать?

— Это именно то, что я и хочу услышать, — потому-то я и не могу слушать это! — крикнул в ответ Гарри и отвернулся от Драко к стене. В груди было тесно, что-то не давало ему дышать — гнев, гнев рвался у него из груди, душил его, стремился наружу, распирали изнутри. — Я не верю. Не могу этому поверить. Я вообще больше ничему не верю.

— Она никогда тебе не лгала...

— Он солгал, — не поворачиваясь, ответил Гарри. — Так что там с Роном?

Драко помолчал:

— Я сожалею об этом, Гарри, — тихо произнес он. Гарри смутно отметил, что Драко назвал его по имени. У него мелькнула мысль, что, наверное, ему стоит себя вести по отношению к Драко чуть более любезно. Но нет. Ярость океанскими волнами билась у него в голове.

— А на самом деле ты ведь так не думаешь, правда? — полупшепотом прошипел он. — Ты ведь никогда не пытался относиться к нему по — нормальному, по-человечески с ним общаться — хотя я ведь тебя об этом просил. Готов поклясться, что это вызвало у тебя только удовольствие.

Гарри резко повернулся и взглянул на Драко, который вдруг стал белее мела.

— Как я могу поверить тебе, если ты никогда и в мыслях не допускал, что она на такое способна! Ты мог бы смотреть на меня с ней, но ты бы не вынес, увидев ее с Роном. Наверное, тебе даже нравилось то, что она со мной, потому что таким образом она была ближе к тебе. Но Рон? — нет, ты всегда ненавидел его, ты считал его ниже себя — всегда считал! — прикоснись он к ней, ты бы считал её замаравшейся — признайся в этом! Скажи, скажи, что это так! В противном случае — если бы я позволял бы тебе вести себя так с ним, если бы ты не думал так, он бы никогда не чувствовал себя так, словно я и не был его другом! Словно бы я предпочел тебя ему. Я никогда не выбирал тебя, Малфой, никогда! Что бы там ни было между нами — это всегда давило на меня — я никогда этого не хотел! — голос его взлетел на крик и надломился, словно сорвавшись от рыданий, хотя он не плакал.

Гарри чувствовал мрачное торжество. Ему было плохо, он чувствовал себя просто ужасно — и он хотел кого-нибудь ранить. И, увидев, как Драко отпрянул, словно от неожиданной боли, он понял, что добился своего.

— У меня никогда не было выбора, — жестко добавил Гарри и осекся, уставившись на него. У Драко было совершенно белое лицо и огромные глаза — огромные и испуганные. Он был похож на ребенка, потянувшегося к родительской руке и получившего шлепок, непонятно за что. И Гарри осознал, что ранил Драко так же, как только что ранили его самого. А может, даже сильнее. Удовлетворение, которое он чувствовал, медленно испарилось.

— Малфой, я...

Но Драко был уже на ногах, он отшатнулся от протянутой руки Гарри.

— Да пошел ты, Поттер... — голос его был остр, как ледяной кинжал. — Хочешь, чтобы все от тебя отвязались? Ну, так получай. Сиди и тухни здесь. Разрушай свою жизнь. Разрушай себя... — голос его сорвался, словно он больше не мог стоять здесь, глядя на Гарри, — развернувшись, он прошел к двери и с шумом захлопнул ее за собой.

* * *

— Джинни, мне нужно поговорить с тобой...

Она подняла взгляд от «Брюк, полных огня» и, к своему изумлению, увидела Симуса, босиком спускающегося по лестнице, ведущей к спальням мальчиков. Поверх полосатой красной пижамы был наброшен темный плащ. Она отложила книгу на столик:

— Симус?... Почему ты проснулся?

— Эй... — он присел рядом и каким-то совершенно несвойственным ему жестом взял ее за запястье. Она удивилась: темно-синие глаза были полны беспокойством. Свет, идущий от камина, касался кончиков его волос, превращая их в темно-золотой ореол.

— Я зашел к тебе в комнату и... разбудил Эшли и Элизабет... И они сказали, что ты тут. Читаешь.

— Да, я тут. Что случилось, Симус? Ты меня пугаешь...

И он ей все рассказал.

Где-то посередине рассказа книга выпала у нее из рук и шлепнулась на пол. Джинни окаменела на месте, она сидела, в изумлении вытаращив глаза на Симуса.

— Откуда, — наконец пошептала она, — откуда ты все это знаешь?

— Когда я вышел, я налетел на Гермиону. Она все мне объяснила и попросила передать это тебе, — он прикусил губу. — Джинни...

Она выдернула свою руку:

— Я не могу в это верить! Не могу верить! Это... Это нечестно!

Симус удивленно взглянул на нее:

— Нечестно?

— Все, все влюбляются в Гермиону! Все!

Джинни соскочила и швырнула кочергу, которой она ворошила дрова в камине, на решетку. Та с лязгом стукнулась о металл и отскочила. Симус сморщился.

— Сначала Гарри, потом Драко, потом мой собственный брат... — она крутанулась к сползшему в кресло Симусу. — И кто следующий? Ты?

— Я не влюблен в Гермиону, — испуганно возразил Симус.

Джинни приняла воинственную позу, уперев руки в боки. Она понимала, что выглядит смешно, но остановиться уже не могла:

— А почему нет?

— Почему нет? — еще испуганнее переспросил Симус. — Потому что нет!

— Это не ответ! — отрезала она, скрестив на груди руки.

— Я... я не знаю, Джинни, она ведь подруга Гарри, правда?...

— И что — из-за этого она несимпатичная?

— Нет, она очень симпатичная...

— Она что — не милая?

— Милая, — по губам Симуса проскользнуло легкое подобие улыбки.

— Разве она не умная?

— О нет, умная, даже чересчур, это немного пугает...

— Так почему же тебе нравлюсь я? Наверное, потому что я не так умна? — разбушевалась Джинни. — А потому совсем не пугаю тебя?

— Нет, дело не в этом, — ужаснулся такому повороту Симус.

— Так в чем же? С ней что — что-то не так?

Симус бросил пыливый взгляд на лестницу.

— Пойду-ка я лучше обратно в спальню... Там, конечно, в воздухе могут уже летать стаканы, однако там куда спокойнее, чем здесь...

— Так что с ней не так? — топнула ногой Джинни. — Она что — недостаточно хороша для тебя?

— Что? Да нет, с ней все нормально, Джинни...

— Тогда почему ты не влюбился в нее?

И у Симуса лопнуло терпение:

— Да потому что я люблю тебя! — заорал он.

Джинни вытаращила глаза, он остолбенело уставился в ответ, не в силах поверить в то, что он только что сказал. Джинни тоже. Не то, чтобы она совершенно не могла в это поверить — она грезилась тем, чтобы ей кто-нибудь это сказал, — да какая девушка ее возраста не мечтает об этом? Однако, все это представлялось совсем не так — признание в любви вовсе не должно было быть криком. И глаза, смотрящие на нее, никогда не были синими: синие глаза были у ее брата — цвет постоянства, надежности, доброты — это вовсе не был цвет страсти или романтической любви...

Как-то совсем некстати она подумала о Томе. Она не могла вспомнить цвета его глаз, хотя почему-то была уверена, что они точно не синие. Может, зеленые... ну или серые, потому что она любила серый — этот горький оттенок, который почти ничего не говорит, почти все скрывает...

— О... — уронила она в тишине, — Симус... я... — она замолкла.

Он сидел и смотрел на нее, выпрямившись и положив ладони на колени. Свет, идущий из камина, играл на его бледном лице — свежесаленные синяки, ссадины, прямой нос, чуть тронутые веснушками скулы... Он был симпатичен, как книжный герой — из тех, что удерживают одной рукой дракона, а другой — повозку с перепуганной девицей. И все же эта его красота не трогала ее так, как красота Гарри — меланхолично-го принца, или красота Драко — красота падшего ангела... Или красота Тома...

Она потряхнула с себя мысли о Томе.

— Ох, — тихо пробормотала она и к собственному удивлению добавила, — я должна найти его.

Глаза Симуса ползли на лоб.

— Кого? Гарри?

— Нет, моего брата.

— Джинни...

— Я не могу сейчас, Симус, — перебила она, — мне нужно найти Рона.

Не глядя на нее, Симус послушно кивнул:

— Я видел, как он вернулся и поднялся к себе.

— Как он? Как он выглядел? С ним все было в порядке?

— В порядке? Ну, нет... — и Симус тут же поправился, — он выглядел опустошенным. Но внешне — физически, с ним все было нормально.

Она вздохнула, сама не понимая, чего же больше было в этом вздохе — облегчения, страха или отчаяния. Потянувшись к Симусу, Джинни поцеловала его в щеку, и он, пряча взгляд, отпустил ее.

— Спасибо, — произнесла она. Он не ответил, и Джинни не задержалась, чтобы расспросить его, почему. Она напрямик направилась на мальчишескую половину, полностью сосредоточившись на своем брате.

* * *

Драко выбежал из замка и помчался по снегу, слабо себе представляя, куда он направляется. Его трясло от холода зимней ночи, он не захватил плаща — но все равно он не останавливался. Запрокинув голову, он взглянул на чашу неба: серебро и чернота, стальная луна разбрызгивала на снег осколки света. Впервые за этот день появились облака — тяжелые и низкие, они толкались, словно им было тесно. Похоже, скоро снова пойдет снег...

Он уже спустился вниз, почти дойдя до квиддичного поля, и резко повернул направо, пойдя вдоль опушки Запретного леса, смутно осознавая, что этой дорогой он частенько ходил на встречи с Рисенн. Он сам не знал, что его понесло туда — просто хотел быть один, хотел быть подальше от замка, хотел... Чего он хотел?

Он добрался до невысокой стены, стоящей перпендикулярно Запретному лесу, и перепрыгнул через нее — бесшумно, словно кошка, приземлившись в глубокий снег, в котором его ноги тут же увязли по щиколотку. Несколько недель назад именно тут он

налетел на Гарри, и потом они вместе напились в Хогсмиде. Драко сделал несколько шагов к пустоши и замер, дыша полной грудью и пытаясь унять бешено стучащее сердце. Он не мог знать, почему, но думы, несколько часов назад одолевавшие Гарри, теперь, в этом мраке, посетили и его — и сейчас внутри тоже рвался с цепи лев, от рыка которого закладывало уши.

Железный контроль был отработан еще ребенком: все эти часы в темноте, взаперти, все эти запреты произносить хоть слово... Воля его стальными обручами стиснула эти чувства, не выпуская их наружу. И все же...

Он, словно наяву, представлял миг, когда стальные ленты лопнут, выпуская на волю ярость и горе, как он обрушивается на деревья всей силой своего гнева, раскалывая мир напополам...

Но нет, нет — конечно, он не мог все это делать... не наяву... Нет — он рассерженным ребенком рухнул в снег, уткнувшись лицом в руки. Холод тут же вцепился в него, снег кусал его тело, его голые руки. Он не обращал внимания. Его собственный голос звенел у него в ушах.

...Сиди и тухни здесь. Разрушай свою жизнь. Разрушай себя! — но это было куда лучше, чем все, что сказал ему Гарри. Это было просто ужасно. Нет, не то, чтобы никто раньше не швырял оскорбления ему в лицо, просто то, что это произнес Гарри, превращало их во что-то совершенно ужасающее. Особенно с учетом того, что, как подозревал Драко, Гарри вполне имел право на многое из того, что он сказал.

— Драко? — окликнул его голос прямо в ухо. — Что ты тут делаешь? Ты упал с дерева?

Он узнал этот голос. Нет, он не был удивлен тому, что она была здесь, однако еще сильнее уткнулся в свои руки, мечтая, чтобы она отстала и ушла. Как бы не так.

— Бедный малыш... — голос звенел весельем. Когда она снова заговорила, ее дыхание коснулось его шеи. — Как упал ты с неба, денница, сын зари!

Вздохнув, Драко перевернулся на спину. Над ним на короточках сидела Рисенн, ее черные волосы шатром укрывали их обоих. Плаща на ней не было, обнаженные плечи серебрились в свете луны. Выплюнув изо рта снег, Драко сел.

— Я вряд ли ангел, — ответил он.

— Может быть, падший? — улыбаясь, возразила она. — Ну, давай, поднимайся.

Шурша шелком, она поднялась, он тоже встал — по большей части из-за того, что не хотел, чтобы она стояла у него над душой. И правда — у нее не было плаща — вообще ничего, что можно было бы накинуть на себя, только черное платье под цвет ее черным волосам, из-под подола, были видны босые ноги, хотя на снегу, где она стояла, не было никаких отпечатков. Корсаж крепко стягивал ее грудь, плечи и грудь выше него светились белизной.

— Будет снег, — произнесла она, — зачем ты позвал меня перед снегопадом?

Он глянул на нее, едва переводя дыхание, словно только что долго бежал — он был ужасно вымотан.

— Я не звал тебя...

— Я слышала, как ты кричал меня.

Она сделала какой-то пируэт, юбка ее взлетела, и одежда изменилась: теперь на ней был французский костюм, дополненный чулочками-сеточками, пером для смахивания пыли и остроконечной шляпой.

— Я прибыла, как только смогла.

Драко захлопал глазами и отступил:

— Так ты пришла помочь мне?

— Конечно, — она опустила глаза.

— Отлично. Я совершенно точно знаю, что ты должна для этого сделать.

Она вопросительно подняла глаза.

— Ты носила послания от моего отца ко мне, я знаю об этом. А теперь я хочу, чтобы ты передала сообщение обратно.

— Обратно? — она рассмеялась. — Я не передаю

никаких сообщений обратно.

— Ну, так одно передашь, — отрезал Драко, и в его голосе было что-то острое, отчего она пылливо взглянула ему в лицо. — Скажи ему... Скажи Темному Лорду... И моему отцу тоже, что я знаю о том, что они приложили руку к случившемуся нынче вечером. Это они сделали. Я выясню, зачем и почему, и они еще пожалеют о содеянном. Пожалеют о том, что они сделали с моими друзьями, — он подумал и добавил. — Я заплачу за это.

По губам Рисенн скользнула холодная улыбка.

— Это все? А то можешь добавить пару слов о том, что они захлебнутся собственной кровью, что-нибудь про холодную месть — ну, на твой выбор, естественно...

— Нет, спасибо, и так хорошо, — отрезал Драко.

— Просто какой-то список неопределенных угроз, — разочарованно заметила Рисенн. — Вот если бы ты добавил что-нибудь про то, что разорвешь их хребты или поджаришь на медленном огне или в раскаленной лаве...

— Нет, — холодно отменил предложение Драко.

— Как знаешь, — у Рисенн был очень взволнованный вид. — Но ведь получилось очень скучное сообщение, если тебя интересует мое мнение.

— Существует только одна вещь, которая меня интересует меньше, чем твоё мнение. Сифилис, — дружелюбно заметил Драко.

— Что ж, но твоему отцу это не понравится.

— И что? Я тоже ему не нравлюсь.

— Но он же твой отец.

— И что с того? Знаешь, как я обычно говорю? Из всех моих отношений я больше всего люблю сексуальные, а меньше всего — отношения с моим папой.

Рисенн надулась.

— Ты сегодня какой-то неприятный.

— А ты что — не думаешь, что все это было весело? О, по мне так достаточно весело: начали за здоровье, кончили за упокой.

— Какое ребячество, — отрезала она. — Почему у тебя сегодня такое невыносимое настроение?

— Был трудный день, — ответил Драко. — А тут еще ты в своем нелепем... — он махнул рукой в ее сторону, — наряде. Понять не могу, зачем тебе понадобилось перо для смахивания пыли: сейчас минус десять и пыли вокруг нет.

Она бросила на него раздраженный взгляд:

— По твоему, мне лучше было нарядиться в мешок для картошки?

— О, зная тебя, могу сказать, что это был бы прозрачный картофельный мешок.

Она закатила глаза.

— В том наряде я должна была очаровать твоего маленького гриффиндорского друга. Ты предпочитаешь косички и гольфы до колен?

Драко усмехнулся.

— А откуда ты знаешь, что предпочитает Гарри?

У нее дрогнули губы:

— А ты взгляни на его подружку, — шелковым голосом пропела она. — Туфельки с ремешками, свитерочки, короткие юбочки. Эдакая девочка. Я решила, что это то, чего он хочет.

Сердце Драко дернулось у него в груди, вызвав боль и отвращение. Ему не приходило в голову, что она могла бы увидеть Гермину или заметить ее... Видимо, так и было.

— А я? — попробовал он сменить тему. — Что хочешь?

— Она улыбнулась:

— Только то, чего не имеешь.

— О, так это объясняет, почему мне не хочется тебя.

— О, очень смешно, — она рассмеялась и откинула волосы назад. — Ты же просто терпишь. Я чувствую это. Может, ты просто глуп, отказываясь от того, что я могла бы дать тебе.

Он оценивающе взглянул на нее, и она ответила

прямым взглядом серых глаз той же странной миндалевидной формы, что и его собственные. Как странно: она могла казаться то совсем обычной, то даже какой-то уродливой, а то вдруг прекрасной — и, хотя она совершенно не нравилась ему, осознание этой красоты пело внутри него странной музыкой. Музыкой, звучащей словно сквозь сон.

— Ты мне ничего не предлагаешь, — заметил он. — Со мной ты не пыталась ничего предпринять. Не то, что с Гарри. Почему?

Она отступила.

— Ты что — обиделся?

— Нет, — это было правдой. — Просто любопытствую.

Она пожала плечами:

— И почему же — сам-то ты как думаешь?

— Думаю, что тебе мой отец велел держаться от меня подальше, — ответил Драко. — А вот Гарри — это другое дело.

— Что бы там я ни собиралась делать с Гарри, что бы он ни хотел делать со мной, — это вряд ли твоё дело, — отмахнулась она.

— Мне не кажется, что, будь у него был выбор, — резко возразил Драко. — Он бы в жизни к тебе не подошел. А что тебе от него было нужно?

— А может, он мне просто приглянулся, — снова заулыбалась она.

— Семнадцатилетний девственник с цыплячьими ногами? Верится с трудом.

Рисенн вспыхнула смехом и грациозно опустилась в снег. Ее коротенькая юбочка вскинулась, позволив Драко ознакомиться с розовыми трусиками. Хотя, с другой стороны, могло оказаться и хуже: их могло вообще не быть.

— Так Гарри девственник? О, да ему же просто цены нет!

Драко удивился, что для кого-то это может быть тайной. И тут же удивился самому факту. Ну, он всегда предполагал, что...

— Я не знаю точно, — натянуто добавил он, чувствуя, что ступает на зыбкую почву. — Просто догадываюсь.

— Значит, от его подружки нет совершенно никакого толку, — в тоне Рисенн скользнула такая холодная презрительная нотка, что Драко вздрогнул.

— Не смей так о ней говорить, — лед скользнул по позвоночнику Драко. — Отстань от них обоих. И не смей больше подходить к Гарри.

— Но он нравится мне!

— Ничего подобного. Тебе просто что-то от него нужно. Ладно, с него и так хватит.

— О, я ничего не знаю, — она запрокинула голову, подставляя лицо лунному свету и словно купаясь в нем. — Думаю, ты его недооцениваешь. Нетронутая мощь — это так манит. Ну и вообще: глаза, волосы... — он весьма притягателен...

— Грандиозно, — бросил Драко. — Я тебе все сказал. Держись от него подальше.

— Только не говори, что ты этого не видишь, — Рисенн чертила линии на снегу босой ногой, — я получила такое удовольствие, наблюдая за вашей ссорой сегодня — такое восхитительное напряжение... Ну, попробуй убедить меня, что тебе не нравится общаться с ним вот так, грубовато...

Драко вытаращил глаза, словно обнаружил, что на ее ногах одиннадцать пальцев:

— Ты очень странная женщина...

Она чувственно повела плечами.

— Тебе же он нравится — так почему бы и нет?

— Я... — задохнулся Драко и замер. — Ты ведь на самом деле просто не понимаешь людей, правда? — устало спросил он. — Ты ведь никогда не испытывала человеческих эмоций. Или же это было так давно, что ты все позабыла.

Что-то блеснуло у нее в глазах — что-то, что на мгновение сделало ее сердитой, но ее лицо тут же разгладилось и осветилось издевательской полуулыб-

кой:

— А я-то думала, что Люциус втолковал тебе, что напоминание леди о ее возрасте таким образом вряд ли можно отнести к хорошим манерам.

— Да-да, насчет леди он точно говорил что-то подобное. Однако не припомню, чтобы он упоминал, что это относится также к демонам ада.

Она подскочила и сверкнула глазами.

— Да как ты осмелился... — он подался назад: она вздвиглась над ним, глаза ее горели, волосы взлетели в порыве неведомого ветра. Она шагнула на него, и ему потребовалось все его самообладание, чтобы не метнуться прочь. — Глупый ребенок, — взгляд стал прищуренным и хищным, как у вейлы. — Глупый, нетерпеливый мальчишка...

— Я не мальчишка, — горячо возразил он.

— Напротив, ты просто до боли юн, и это очень печально, — она приподняла его лицо к себе, в ее голосе не было ни капли печали. Он не двинулся прочь. Он не мог двинуться. — Ты замерз? — ее дыхание взъерошило волосы на его висках. — Нет, я не про сейчас, я имею в виду вообще. Ты просыпаешься, очоленев от ночных кошмаров, которых не можешь вспомнить... Ты задыхаешься — так, что у тебя болит сердце... У тебя все плывет перед глазами...

Ее рука соскользнула к подбородку, она подняла вверх его лицо, ловя его взгляд.

— Ангельский мальчик с больными глазами, — ее голос напоминал жидкое серебро, — такой хорошенький, чтоб сойти с ума... или ослепнуть... или умереть от... Впрочем, все уже не остановить...

— От чего умереть? — спросил Драко, услышав нотку слепой паники в своем голосе. — Что уже не остановить?

Она убрала руки от его лица и шагнула прочь.

— Если не догадаешься, вскоре все узнаешь, — на ее губах заиграла улыбка — ангельская и дьявольская одновременно.

Что со мной происходит? — хотел спросить он. — Я болен? Чем? — но он знал, что она лишь подразнит его, отвечая вопросом на вопрос, а потому он просто отвернулся и отошел.

Ему показалось, что горизонт просветлел, и полоска цвета олова появилась между темной землей и черными облаками в небесах.

— Пожалуйста, оставь его, — попросил он, не глядя на нее. — Оставь нас.

Он ждал ответа, но его не последовало и, повернувшись, он увидел, что она исчезла. Она ушла, не оставив на снегу следов. Как всегда.

* * *

— *Mundungus*, — он произнес пароль, и портрет пропустил его. Драко замер на миг, поразившись ироничности ситуации: надо же, он знал гриффиндорский пароль. Еще несколько лет назад он бы изрядно приплатил за это. Теперь это казалось само собой разумеющимся.

Он шагнул в гостиную, и портрет закрылся за ним. Гостиная вовсе не пустовала: кто-то стоял у кресла и засовывал что-то себе в карман. Она еще не обернулась, но он немедленно узнал Джинни по ее пылающим рыжим волосам, скрученным в пучок на затылке. Несколько локонов высвободились, и казалось, что ее лицо лижут языки пламени. У нее был очень усталый вид.

— Драко, что ты тут делаешь?

— Я тоже в восторге от встречи с тобой, — ответил он. — Симпатичная пижамка.

Она опустила глаза к своей фланелевой пижаме с котятками и запахла в мантию.

— Где Гарри? — спросила она.

— Не имею ни малейшего представления. Меня это не волнует.

— Тогда что ты делаешь здесь?

— Пришел к Гермионе, — коротко ответил Дра-

ко. — Надеюсь, у тебя с этим нет проблем?

Джинни бросила на него снисходительный взгляд, словно он был раскапризничавшимся ребенком.

— У меня — нет, — ответила она. — А вот у Гермионы — вполне может быть.

— В смысле? — прищурился Драко.

— В том смысле, что полчаса назад Гарри пошел поговорить с ней, а она хлопнула дверь у него перед носом. Тогда он схватил свой плащ и ушел. И с тех пор я его не видела.

— Она молодец. Так ему и надо.

Джинни оторопела:

— Что ты несешь?

Нахмурившись, Драко шагнул к камину, поднял лежащую у решетки кочергу и поворошил пламенеющие угли.

— Гарри пора повзрослеть, — а то он ведет себя как полный дебил. И он мог бы сам это понять. Единственное, что могло чуточку улучшить ситуацию — если бы она скинула его с главной лестницы, и он бы пересчитал все ступеньки.

— Это звучит как-то обречено... — заметила Джинни.

— А то, — и Драко начал яростно тыкать кочергой в камин. — Что-то теряешь. Что-то находишь.

Повисла недолгая пауза. Подняв глаза на Джинни, Драко ожидал увидеть на ее лице что угодно — гнев, ужас, отвращение — но не печаль.

— Я так поняла, он рассердился на тебя.

— Ну, можно и так сказать, — ядовито согласился Драко. — Он обвинил меня в том, что я ему вру, презираю его лучшего друга и вся причина в том, что я — самовлюбленный, спесивый, властный сноб и ублюдок без всяких надежд на исправление. Я спросил его, могу ли я чем-нибудь ему помочь, на что он сказал, что мог бы, наверное, испытать некоторое облегчение, проглоти я шесть фунтов свинца и утопись в озере. Засим я ушел.

— Хм, — задумчиво пробормотала Джинни. — Но озеро-то замерзло.

— О, спасибо, я знал, что тебе можно доверить нож, чтобы всадить его мне в сердце.

Джинни откинула локон с глаз:

— А я думала, ты не можешь его обмануть. Ну, ... мысленно.

— Точно, — спокойно кивнул Драко. — Но он меня заткнул. Я вообще не сумел ничего ему сказать.

— Никто не сумел, — тихо сказала она и положила руку ему на плечо, отчего ему вдруг стало удивительно спокойно, хотя, возможно, потому, что он замерз, а ее рука была мягкой и теплой. — Ты должен найти его.

— Я ничего не должен, — возразил он, — разве что вернуться к себе в комнату, упиться Архенским вином и проспять до конца недели. Возможно, к тому времени Мальчик-Который-Выжил разберется со своей чертовски сложной любовью без моей помощи.

— Без твоей помощи он умрет, — тихо сказала Джинни.

Какой-то полузабытый сон мелькнул в голове Драко, заставив его печально рассмеяться.

— От этого не умирают. От этого просто разбивается сердце.

— Я имела в виду не это. Я имела в виду, что раньше ты спасал его жизнь.

— Приятно, что ты это вспомнила, — голос Драко был холоднее инея. — Потому что я не думаю, чтобы об этом вспомнил он.

— Не говори глупости.

— Кто бы говорил, — бросил Драко и тут же пожалел, что эти слова сорвались у него с языка: она испугалась и обиделась.

— И чем собираешься сейчас заняться? — раздраженно и резко спросила она. — Отправиться в кровать, чтобы выяснить, сможешь ли заснуть? Спорим, что не сможешь? Ты не знаешь где он, возможно, ему нужна твоя помощь — ты не приходишь ему на выручку?

— Ему не нужна моя помощь, — отрезал Драко, —

он совершенно четко дал мне это понять.

Джинни фыркнула.

— Ты испугался, — высокомерно бросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я говорю «испугался», я имею в виду «струсил».

— О, спасибо, теперь все совершенно понятно. И чего же испугался?

— Ты испугался чувств, — уточнила она. — Забота и привязанность к людям делает тебя зависимым, и ты ненавидишь это. Ты нужен Гарри, и он нужен тебе. Сейчас он совершенно один и несчастен так, как не был несчастен никогда в своей жизни — что с того, что он наорал на тебя? Что, черт побери? Разве он не прощал тебе куда более худшие вещи? Когда тебя ранили, когда тебя пронзила стрела, — да я в жизни не видела человека, более потрясенного этим, чем он. А когда он проспал всю ночь на полу в лазарете — что, забыл? Но если грандиозная примадонна внутри тебя дует из-за этого — что ж, пусть все идет, как идет. Все равно. Отшлепай своего внутреннего ребенка, надуй губы, закрой глаза и думай о своем — мне все равно, что ты должен сделать. Но только пойд и найди Гарри — я ужасно волнуюсь за него, да и тебе тоже стоит побеспокоиться.

Драко пристально взглянул на нее: она разругалась и чуть задыхалась от волнения.

— Все? — поинтересовался он.

Она упрямо вздернула подбородок.

— А что — не похоже, что я закончила?

— С тобой трудно говорить. Временами у тебя открывается второе дыхание.

— Не в этот раз, — сурово ответила она. — Так что же ты собираешься делать?

Он снова потянулся кочергой к камину и замер на миг.

— Разрешите кое о чем тебя спросить?

— О чем?

— Если ты так волнуешься о том, что он там в одиночестве, почему же ты сама не пойдешь и не найдешь его?

Джинни вздохнула.

— Потому что я должна быть здесь. На самом деле я просто спустилась за книгой, я сейчас вернусь назад, и снова буду сидеть с Роном. Я должна позаботиться о своем брате, — добавила она, взглянув на книгу у себя в руках и снова подняв глаза на Драко. — А ты должен пойти и позаботиться о своем.

Драко посмотрел на нее: ясноглазая, румяная, в пижамке с котятками — она была похожа на маленькую девочку, которой, однако же, уже давно не была.

— Я даже не знаю, где искать его, — тихо пробормотал он. — Я... я не могу его найти.

Джинни тряхнула головой, оглядывая комнату, словно проверяя, не забыла ли она чего.

— Конечно же, ты можешь найти его. Не все же полагаться на телепатию. Иногда играет роль только то, насколько хорошо ты знаешь другого человека — ты его знаешь лучше всех. Куда бы он мог направиться?

У Драко в груди словно что-то оборвалось: конечно, она была права, у него действительно появилась идея, куда могло бы понести Гарри.

— Я не знаю, что бы я мог ему сказать.

— Придумай что-нибудь, — возразила Джинни, прищипнув пальцами последнюю горящую свечу. Теперь гостиная освещалась только светом, идущим из камина, он превращал кончики ее локонов в огненные лепестки. — Я в тебя верю.

Он почти рассмеялся:

— Ну, этим ты сильно отличаешься от большинства.

— Возможно. Только никому не говори.

— Есть ли еще какие-нибудь покрытые мраком тайны, которые мне стоит знать?

Она задумалась.

— Ну, я могу съесть целое мороженое без рук.

— Что, правда?

— Правда, — её губы дрогнули в улыбке. — Ну, иди, мне пора возвращаться наверх.

— Хорошо, — кивнул он. — И... спасибо.

— Да ладно, мы же друзья.

— Я бы не узнал... Я бы не подумал, что, может из-за этого я... — он замолчал, не в силах понятно сформулировать свою мысль.

Джинни чуть грустно улыбнулась ему:

— Хочешь знать, о чем я думаю? Думаю, что ты не знаешь, сколько в тебе всего хорошего. Вот что я думаю.

И она исчезла на лестнице.

* * *

Когда Драко методом проб и ошибок нашел-таки эту комнату, уже наступило утро. Ночь ушла, словно повернулось колесо. Он устал настолько, что стены и даже пол под ногами, казалось, светились слабым серебристым светом. Он знал, куда направляется: в темную комнату неподалеку от парадной лестницы, битком набитую старой мебелью и ненужными книгами. У стены в тусклой золотой раме стояло зеркало — зеркало, в которое он никогда не заглядывал.

Я покажу тебе не твое лицо, а твои скрытые желания...

Однажды он уже был там и убежал — воспоминания, связанные с этим местом, не были очень-то счастливыми. Но для Гарри... Для Гарри все было по-другому.

Он это знал. Промокнув до нитки под дождем, он стоял у озера, и счастье Гарри, как вода из открывшегося шлюза, несло его с ног, и оно было сильнее — сильнее боли Драко, хотя он сам не понимал, какой. Эмоции его щелкали, переключаясь от света к тьме, будто под Мерцающим Заклятием: счастье — печаль, счастье — печаль, счастье — печаль. Зажав уши руками, он сполз по стволу дерева, ожидая, когда все закончится. Он никогда не испытывал таких сильных эмоций — ни такого счастья, ни такого горя. Он словно истекал кровью.

Я на месте.

Он вспомнил все — и дверь, и коридор. В тот день все было нараспашку, сейчас же дверь была чуть приоткрыта — он толкнул ее и вошел.

Неяркий рассвет серебрил стены комнаты. Драко пробирался мимо мебели в белых пушистых чехлах, кажущейся плавающими в серой мгле айсбергами. Сквозь восточное окно он мог увидеть белоснежные просторы: белое небо, белый снег, тонкие, точно карандашные очертания зимних деревьев. На подоконнике, обхватил колени, сидел и смотрел в окно Гарри. Серое утро подсвечивало его лицо. Услышав приближение Драко, он повернулся и равнодушно взглянул. Казалось, что вместо лица у него маска.

Юноши стояли и смотрели друг на друга, разделенным темнотой, словно с разных концов квиддичного поля. Будь зеркало на стене обычным, оно бы отразило любопытную и весьма живописную картину, словно выведенную неведомым режиссером: два паренька, примерно одного роста, одинаково худощавые — один черноволосый, другой белокурый, один во мраке, другой на свету. Но в комнате не было ни одной живой души, чтобы увидеть и оценить это, а Гарри и Драко не могли увидеть себя со стороны.

— Я думал, что ты придешь, — сказал Гарри.

В голове Драко горько прозвучал какой-то внутренний голос — а с чего это ты думал, что я приду? Что, мне больше нечего делать, только бегать за тобой, трогательно веря в нашу дружбу, когда ты швыряешь мне в лицо обвинения во вранье? Но этот голос накрыл другой — голос Сириуса, несколько месяцев назад произнесший странные слова: «Я прощаю тебе все, что должен простить. Мы способны вытерпеть все, что делаем ради любви».

— Ну вот, — произнес Драко. — Я пришел.

— Вижу. Как ты нашел меня?

Драко бросил взгляд на полутемную комнату и снова взглянул на Гарри:

— Я думал, что ты придешь сюда.

— Почему?

— Потому что я именно так бы и поступил.

Гарри взглянул на свои руки и быстро произнес:

— Прости меня.

Драко почувствовал неожиданное изнеможение и прислонился к закрытой белым чехлом мебели, судя по форме — тахте.

— За что?

— За то, что я наговорил, — голос Гарри был тих, как голос умирающего. — За все это.

— А туда входит фраза «Эй, Малfoy, что ты тут делаешь?» — поинтересовался Драко, но даже отблеска слабой улыбки не промелькнуло по лицу Гарри. Слабый свет разглядел черты его лица, сделав его юным и по-детски торжественным.

— Я сейчас всех ненавижу, — еще тише прошептал Гарри. — Когда ты вошел в спальню, я тебя тоже возненавидел...

— Понятно. Да ладно, всё нормально.

— Нет, ненормально, — Гарри прерывисто вздохнул. — У меня нет причин, чтобы ненавидеть тебя. Ведь ты просто пытался мне помочь.

— Нет, — Драко выпрямился и подошел к Гарри. Тот все сидел и смотрел себе на руки — тем же взглядом, какой Драко приметил у него на кладбище: взглядом слепого, видящего какие-то неведомые ужасные картины.

— Я хотел сделать тебе больно, — и мне пришлось закрыть своей разум, чтобы я не мог этого сделать.

Драко пришло в голову, что несмотря ни на что, Гарри все же умудрился сделать ему больно, однако предъявлять претензии было бы глупо и по-детски мелко. Гнев уже схлынул и сейчас, глядя на Гарри, Драко чувствовал только усталость и невыносимую грусть.

— Ты извиняешься. Значит ли это, что ты мне поверил?

Гарри слабо кивнул.

...Теперь я тебе верю, — Драко почти подпрыгнул от этого неожиданного контакта. — Одна часть меня верит тебе, а вторая не хочет этого принять.

...Отчего же? Разве это не упрощает все? Ведь она... она любит тебя.

...Да, только с одной поправкой — она меня ненавидит, — Гарри отпустил свои колени и повернулся к Драко, свесив ноги с подоконника. — Но нет худа без добра. Я был с ней просто ужасен. Я себе этого тоже никогда не прощу.

...Она тебя простит, — возразил Драко. — Она поймет.

...Как она сможет понять, если я сам ничего не понимаю? Не понимаю, что произошло, не понимаю, как я мог ничего не замечать, не понимаю, почему Рон... — Гарри поднял свои черные в этом полумраке глаза к Драко. — А ты?

— Понимаю ли я, что произошло? Нет, хотя у меня и есть кое-какие соображения, — ответил Драко. — Понимаю ли, почему Уизли поступил так? Ага, думаю, что понимаю. Только вот я вряд ли тот человек, который должен был объяснить это тебе.

Губы Гарри напряглись:

...Почему же?

...Потому что я ненавижу его за то, что он сделал, — отрезал Драко. — И большая часть меня хочет, чтобы и ты его за это возненавидел, только мои причины — это ведь только мои эгоистические соображения, я об этом знаю.

Гарри помолчал и, судя по всему, решил, что сейчас не самое подходящее время выпытывать из Драко, что и как; он снова кивнул и пододвинулся на своем подоконнике.

Драко принял молчаливое приглашение и присел рядом. Так они и сидели в этой тишине — пауза

не казалась затянутой, молчание не было дружеским — Драко настороженно ждал, чувствуя, что Гарри о чем-то размышляет. Небо за окном все светлело и светлело, облака расползались, обнажая холодное серое небо. И вот свет пролился и в комнату, зеркало у дальней стены покрылось сверкающей рябью, солнечные зайчики запрыгали по волосам Гарри драгоценными искорками. Сразу стали видны и напряженные складки у его губ, и перламутровые тени под глазами. И вдруг он протянул руку — мгновение Драко просто смотрел на нее, соображая, чего же хотел Гарри. Это была правая рука, по ладони которой серебристым зигзагом бежал шрам. Драко взглянул на свою левую руку и вздрогнул, когда Гарри вдруг взял и крепко пожал ее.

Драко вскинул удивленный взгляд. Он всегда завидовал физическим проявлениям товарищества между Роном и Гарри — эти похлопывания по спине, объятия после побед в квиддиче; завидовал тому, как Рон поддерживал Гарри, когда тот валился с ног от смеха, пихал его в бок, подставлял плечо, когда тот оступался. Сам он прикасался к Гарри только в мгновения смертельной опасности — и то это были лишь похлопывания по руке или же легкие прикосновения к плечу. Даже думая, что Гарри умирает, он не мог прикоснуться к нему.

Пожатие Гарри становилось все сильнее, и Драко вздрогнул от боли. Гарри не столько держал его за руку, сколько сжимал ее с такой силой, что Драко показалось, что сейчас он раздробит ему все кости. Драко наморщился, но не шелохнулся. Пальцы стискивали его ладонь сильнее и сильнее и в тот миг, когда Драко понял, что больше не может терпеть, Гарри разжал руку.

Драко потянул к себе свою руку и с трепетом взглянул на нее, почти ожидая увидеть бесформенный кусок мяса, однако на вид ничего не изменилось. Драко помахал пальцами в воздухе — это немного помогло.

— О... — пробормотал он. — Решил сорвать злость на моей руке?

Гарри недоуменно захлопал глазами, словно возвращаясь из какого-то сновидения.

— Прости, я сделал тебе больно?

— Как думаешь, профессор Синистра хочет забраться Чарли в штаны?

Гарри снова захлопал глазами.

— Не знаю.

— Ты ведь ни на что в школе не обращаешь внимания, Поттер, правда?

— Я не прислушиваюсь к скучным сплетням, если ты об этом.

— Что ты, эти сплетни вовсе не скучные.

— Да ну? О, Дин гуляет с Элоизой, а Парвати собирается замуж за сына Пожирателя Смерти, Блез крутит у тебя за спиной с Малькольмом...

Драко едва не свалился с подоконника.

— Блез крутит с Малькольмом у меня за спиной?

— Я думал, ты знаешь, — смущенно пробормотал Гарри. — Ведь все уже знают.

Драко потерял дар речи.

— Боже, — пробормотал Гарри еще смущеннее и взволнованнее.

Драко взял себя в руки и фыркнул:

— Да ладно, не волнуйся. Мне на это наплевать.

— Я знаю, что это не так, — возразил Гарри. — Я надеялся...

— На что ты надеялся?

— Таким образом я мог бы стать чуть больше похожим на тебя, — заметил Гарри. — Конечно, не таким почитаемым. Однако это меня не беспокоит.

— Не переоцени свою беспечность, — ответил Драко. Мысль о беспечном Гарри была странной, а потому тревожила его. — Кстати, продолжая тему, что ты решил в отношении Гермионы?

— Да я так думаю, мне бы с ней надо поговорить... Вот только я не знаю, что ей сказать...

— Только все эти извинения, пожалуйста,

без меня, — заметил Драко. — Предпочту быть сожженным взбесившимися ласками. Кстати, я никогда не был таким ослом, как ты нынче вечером.

— Не ври, — возмущился Гарри и тут же замолчал. — Ясно, ты меня просто заводишь. Да, согласен, я был ослом.

— Еще каким. Просто эпических размеров. В твою честь можно было бы называть города — скажем, Дорксвилл спрингс. Или Литтл Уанкертон. Думаю, что они еще не заняты.

— Ах, отстань. Мое хрупкое, трепетное эго... — что, забыл?

— Слушай, а я-то думал, что жестокая любовь может сотворить чудо, — откровенно говоря, все это нытье «о, смерть, приди ко мне» начинает действовать мне на нервы.

— И что — это твой совет?

— Что ж, — задумчиво промолвил Драко, — на твоём месте — хотя слава Богу, я не на нём, — я бы тебе посоветовал осознать то, что Гермиона раз в шесть умнее тебя. И меня, коль на то пошло. Так что тебе стоит быть с ней честным, в противном случае она тут же это заметит.

— Быть с ней честным — и это весь твой совет?

— Ладно, давай пока остановимся на этом. Если не сработает, придумаем план посерьёзней. И вообще — чего ты ко мне-то обращаешься? У меня подружки нет.

— У тебя есть подружка, — возразил Гарри.

— Больше нет, — Драко прыгнул с подоконника. — Давай, попробуй сегодня подойти к Гермионе, и если она шарахнет дверью у тебя перед носом, я сам с ней поговорю.

— Спасибо, — скованно пробормотал Гарри, и Драко почти ощутил, как тому ненавистна сама мысль о том, что Драко может переговорить с Гермионой, а сам он — нет. С другой стороны, он прикусил язык, и Драко не мог не оценить это.

— Мне бы немного поспать, — сказал Драко. Это было чистой правдой: усталость ледяной водой текла по его жилам. Гарри начал плыть у него перед глазами, а в ушах стучало. — За тебя можно не беспокоиться?

— Со мной все будет хорошо, — ответил Гарри, взглянув Драко в лицо и почти улыбнувшись. — Малфой, ты выглядишь, как мечта старьевщика. Иди в кровать.

Голос Гарри остановил Драко на полдороги к дверям, он удивленно обернулся, думая, что Гарри зовет его назад, но нет: тот стоял, еще опираясь рукой на подоконник, но уже готовый двинуться с места.

— Малфой?

— Что?

— Как думаешь, кто она?

Драко тут же понял, о чем он.

— Не знаю, — честно признался он. — Она выглядит как Гермиона. Прекрасно замаскировалась.

— Но ведь у тебя же есть предположения? Ну же, я знаю, что есть.

Драко кивнул.

Солнце уже встало, однако его свет не оживил красок на лице Гарри, тот по-прежнему был бледен и похож на призрак. Именно так он выглядел на втором курсе, сорвавшись с метлы во время матча и с хрустом сломав себе руку. Не то, чтобы Драко чувствовал вину или сильное огорчение по этому поводу — но какое-то сочувствие, заложенное изначально в каждом человеке, заставило его поморщиться. Бледное лицо, перекошенное от боли — да, сейчас он был точно таким же.

— Кто же меня так ненавидит? — с тоской спросил Гарри. — Кто все это придумал?

— Если это сможет тебя утешить, Поттер, — как можно мягче заметил Драко, — то, по моим подсчетам, это никак не связано с ненавистью к тебе.

* * *

Гермиона сидела в кабинете и ждала появления

Дамблдора, безразлично глядя в окно, на светло-серое небо, расчерченное темными полосками облаков. Она устала, она не сомкнула ночью глаз, ее слегка шатало. О завтраке она думала с ужасом, но, к ее вящему облегчению, первым, кто утром постучался в дверь ее комнаты, была профессор Макгонагалл, сообщившая, что ее ждет директор. Вернее, не совсем первым: Гарри ночью рвался к ней, она открыла и, лишь взглянув на него, захлопнула дверь.

Знаю, он приходил извиняться, — подумала она. — Это было видно по его лицу.

Но ей больше ничего не хотелось выслушивать, она бы подивилась, если бы у нее на это хватило сил.

Дверь за ее спиной открылась, и она услышала, как кто-то вошел в комнату, прокашлялся и заговорил — это был Дамблдор, как она и думала.

— Боюсь, я вынужден кое о чем поговорить с вами, мисс Грейнджер.

Гермиона подняла к директору безразличный взгляд:

— Я знаю, сэр.

Мрачный и печальный, он встал за своим столом:

— Подойдите и присядьте, мисс Грейнджер.

Она кивнула, не представляя, откуда они могли узнать о событиях минувшего вечера, однако, судя по их лицу Дамблдора сейчас и лицу Макгонагалл, когда та пришла за ней, дело было серьезным. Не будь она в таком состоянии, она бы умерла от унижения, однако сейчас ей было не до того. Она прошла и села, куда указал Дамблдор, положив руки на колени:

— О чем вы хотели поговорить со мной, профессор?

Дамблдор сел и печально взглянул на нее поверх своих очков-полумесяцев.

— Боюсь, что тема весьма серьезна, — тихо начал он, — в противном случае я бы не стал приглашать вас сюда, чтобы обсуждать личные дела других студентов, даже такого близкого вам друга...

— Я знаю, — уставясь в стол, перебила она, слыша отчаяние в своем голосе. — Вы хотите поговорить со мной о Гарри.

Дамблдор не ответил. Она сидела, не поднимая глаз. Наконец, он заговорил:

— Нет, мисс Грейнджер. Я хотел побеседовать с вами о мистере Уизли.

Она медленно подняла взгляд и увидела в его глазах жалость, доброту и сострадание.

— О Роне? — переспросила Гермиона шепотом.

Он кивнул:

— Мистер Уизли покинул нас.

На какой-то жуткий миг Гермиона подумала, что Рон умер. Комната вокруг дрогнула и покачнулась, и ей пришлось вцепиться в стол.

— Он... что?

— Он покинул свой пост старосты школы среди юношей, — Дамблдор опустил глаза и, взглянув следом за ним, она только теперь поняла, что поблескивающий квадратик на столе это значок... Это значок Рона, его значок старосты! Вот выгравированное имя Рона — со своего места она видела его вверх ногами... — Он покинул Хогвартс...

— Покинул школу? Как же он мог!...

— Учеба окончилась. Конечно, я мог бы задержать его, однако я не видел в этом никакого смысла. Надеюсь, что после каникул ему захочется вернуться...

— Нет, — прошептала Гермиона, не сводя глаз со значка на столе. — Он не сможет вернуться, не сможет...

— Мисс Грейнджер, я надеялся обсудить с вами тот факт, что теперь у нас нет более исполняющего обязанности старосты школы среди юношей.

— Нет, — повторила Гермиона и поднялась так резко, что уронила на пол свой стул. — Директор, скажите, может, он еще тут, может, еще не уехал?

Дамблдор встревожено взглянул на нее:

— Он освобождает свою комнату. Собирает вещи, — начал он и хотел, наверное, добавить что-то

еще, но Гермiona не стала этого дожидаться. Она повернулась и пулей вылетела из кабинета, оставив Дамблдора смотреть ей вслед.

* * *

Дверь в комнату Рона была закрыта, но не заперта. Гермiona распахнула ее, шагнула внутрь — и у нее оборвалось сердце. Комната была пуста.

На стенах не было плакатов Палящих Пушек, исчез сундук, что стоял в ногах кровати, исчезли учебники с полки у двери, не было лоскутного одеяла, что миссис Уизли на пятом курсе сшила для Рона — кровать стала безразличной и пустой, как больничная койка. Единственное, что осталось от жившего здесь когда-то Рона, — заткнутая за раму висящего на стене у окна зеркала фотография, которую Гермiona осторожно вытаскивала.

Это была не волшебная, а простая фотография, сделанная ее собственной маггловской камерой, поставленной на автоматическую съемку с задержкой. Она в школьной мантии стояла между Гарри и Роном, положив руки им на плечи. Они такие счастливые... они смеются... Она почувствовала, как у нее заныло сердце.

Она медленно опустила фотографию на подоконник и отвернулась. Вдруг дверь открылась, и она рванулась навстречу вошедшему — тонкая белая рука на ручке, огненная шевелюра — это была Джинни, которая разговаривала с кем-то, кто стоял за дверью.

— Если хочешь — взгляни еще раз, проверь, что ты ничего не забыл, — говорила она. — А потом мы можем...

Рон, — оцепенев, поняла Гермiona. Застыв на месте, она пропустила и то, что сказала Джинни, и то, что Рон ей ответил. В отличие от Джинни, он тут же увидел ее — его глаза метнулись к ней, они молча посмотрели друг на друга.

...а хочешь, спускайся вниз и подожди, я сама могу взглянуть...

— Джинни... — очень тихо произнес Рон.

Джинни осеклась и повернулась, следуя за его взглядом. Увидев Гермionу, она побледнела, однако удержала себя в руках.

— Привет, — прошептала она.

Гермiona лишь кивнула в ответ, чувствуя, что не сможет вымолвить не слова.

— Я... мы с Роном собираемся спуститься, — Джинни быстро огляделась по сторонам и снова взглянула на брата. — Похоже, мы ничего не забыли, так что...

Гермiona почувствовала, что комок в горле пропал.

— Ты забыл это, — она схватила фотографию с подоконника и протянула ее Рона. Тот взглянул и побелел.

— Она больше тебе не нужна? — Джинни потянулась к фотографии, но Гермiona убрала руку. Джинни с беспокойством взглянула на брата:

— Нам лучше пойти вниз...

Гермiona прикусила губу:

— Пожалуйста... — умоляюще попросила она Рона. — Просто поговори со мной шесть минут, и тогда уходи, я больше ни о чем тебя не попрошу. Обещаю, — ее голос дрогнул. — Ты мне должен хотя бы эти шесть минут...

— Шесть минут? — с недоумением переспросила Джинни.

Однако, как и ожидала Гермiona, Рон понял ее.

— Шесть лет, — отчужденным голосом пояснил он. — По одной за каждый год нашей дружбы.

На лице Джинни появилось совершенно несчастное выражение.

— Рон... — но тот смотрел мимо сестры.

— Хорошо... Хорошо, я поговорю с тобой.

Джинни поменялась в лице, взглянула на брата — но тот упрямо сжал губы. Она покорно пожала плечами

и вышла.

— Встретимся на лестнице, — произнесла она в дверях.

Дверь закрылась, и Рон с Гермioniой остались вдвоем в этой пустой тихой комнате. Рон, глядя куда-то за ее левое ухо, словно не в силах посмотреть в прямо глаза, скрестил руки на груди и обхватил ладонями локти, словно мерз.

— Ты не можешь уехать, — сказала она, произнеся вовсе не то, что собиралась. — Не можешь.

Он все еще не мог взглянуть на нее.

— Я уезжаю. Решено. И не надо мне говорить, что я не должен уходить в отставку...

— Я рада, что ты сделал это, — холодно перебила она. — Я имела в виду другое. Ты не можешь уехать, не поговорив с Гарри.

Теперь он вскинул на нее взгляд, его синие глаза расширились от удивления:

— Поговорить с Гарри?

— Хотя бы извиниться перед ним.

— Извиниться? — дернулся Рон. — Ты что, думаешь, что это что-то вроде того небольшого недоразумения, что было между нами на четвертом курсе, которое вполне можно разрешить с помощью извинений? Гермiona, после всего того, что я наделал, он меня теперь ненавидит...

— Но ведь на самом деле ты этого не делал...

— Делал, — он снова обхватил себя, так, что поблели костяшки пальцев. — Если рассудить — делал.

— Но почему? — вопрос сорвался с ее губ, хотя она поклялась себе, что ни за что его не задаст. — Зачем ты это делал?

Он замолчал. Через минуту он вдруг опустил руки. Выпрямился. И взглянул ей в глаза.

— Я думал, ты любишь меня. Я думал...

Голос его оборвался, и воцарилась тишина. Она впервые видела его таким бледным и напряженным: рыжие волосы прилипли к вспотевшему лбу, под глазами были круги, до которых было далеко самым ужасным фиолетовым теням Пенси, одежда была такая мятая, словно он в ней спал, — он походил на человека, который болен не первый день.

Она хотела ненавидеть его, она знала, где этот гнев, она потянулась к нему, но ярость утекала прочь, оставив после себя какую-то оцепенелость. Перед ее мысленным взором тенями, несущимися по стене промелькнули картинки-воспоминания.

Одиннадцатилетний Рон в поезде по дороге в школу, на нем потрепанная мантия. Вот он сидит в классе с сосредоточенным видом, жует кончик пера. Занимается обезгномливанием сада — целеустремленно, получая от этого удовольствие. А вот он лицом к лицу со Снейпом и Сириусом, пошатывается из-за сломанной ноги, с перекошенным от боли лицом. Мокрый, когда Гарри вытащил его из озера. Первый раз, когда он её поцеловал. Спасший Гарри из Бездонной пропасти — он толкнул его к ней и тактично отвернулся, пока они обнимались... Его лицо, когда он обратился к ней в камере под Слизеринским замком — она снова удивилась тому, что он хотел сказать... Ее глаза снова скользнули к его левой руке, на которой меч Слизера выжиг крест...

Я хочу, хочу ненавидеть его, но не могу — не более, чем Джинни. Он — часть меня, моя собственная плоть и кровь. Моё детство.

— Конечно же, конечно же, я люблю тебя. И ты меня любишь. И Гарри. И он... он тебя тоже любит.

— Не надо, — сморщился Рон.

— И ты все это отбрасываешь прочь. Зачем?

— Не знаю, — яростно ответил он. — Я же говорил тебе, что не знаю. Я не могу это объяснить. Я словно сошел с ума. Я все равно что смотрел на себя откуда-то сверху, я видел, что творю и оправдывал себя, считая, что поступаю правильно. И я любил тебя... — он снова отвел глаза. — Я больше никого так не любил...

— Ты не меня любил... Кто бы она ни была — ты любил её.

— Она никогда не существовала, — горько возразил Рон. — Я так думаю, она вовсе не была девушкой, просто... дьявол принял тот образ, который я ждал...

— Это что-то вроде демона, — Гермиона тут же мысленно вернулась к страницам учебника по Защите. — Что-то вроде суккубы?

— Я же сказал тебе, что представления не имею, — устало ответил Рон.

— Ты провел с ней столько времени и никогда...

— Я думал, что это была ты! — взорвался он. — Пусть я дурак, пусть я видел то, что хотел видеть, но она чертовски была похожа на тебя, Гермиона! Она переняла все твои привычки — накручивала локон на палец, когда думала, кусала ноготь, носила твою пижаму...

— Знаю. Я видела. Моя пижама, — Гермиона тряхнула головой. — Шесть лет дружбы, — ледяным тоном продолжила она, — и все, что потребовалось, чтобы убедить тебя, — это украденная пижама и покусывание ногтя.

Рон задохнулся, словно его ударили в грудь.

— Возможно, я поверил потому, что хотел в это верить.

— Ты хотел верить в то, что я способна так поступить с Гарри?

— Не все в этом мире связано с Гарри, — холодно возразил он.

— Проклятье...

— Так вот, о Гарри, — Рон поднял руку, словно пытаясь заслонить себя от ее ярости. — Именно поэтому я и уезжаю.

— Почему? Потому что я хочу понять, что ты сделал? Потому что я хочу знать, в чем причина?

— И да, и нет, — голос был бесцветным и измотанным. — У меня нет ответов.

— Но ты же должен знать, почему так поступал...

— Я не знаю. Это был какой-то горячий бред, — он сгорбился и, дрожа, сунул руки в карманы. — Закрывая глаза, я вижу ее лицо. Твое лицо. Я не спал ночами, мне было плохо от того, что я делал. Мне было плохо по утрам, меня тошнило, выворачивало, потом снова тошнило, — его глаза помрачнели. — Я касался ее, я проводил ночи напролет, разговаривая с ней. Нет, знаешь, это не был просто секс — мы болтали, ели, готовили домашнее задание по Зельям... и я даже не знаю, кто она. Она может оказаться кем угодно. И чем угодно, — он тряхнул головой и прислонился к стене. — Так что не надо, не спрашивай меня, почему я так поступил. Я сам себе задаю этот вопрос и не знаю на него ответа.

— Только не говори мне, как ты страдаешь, — услышав свой голос, она поразились жестокости тона. — Я уверена, что этого всё равно недостаточно.

Его губы дрогнули.

— Можно я тебя кое о чем спрошу, Гермиона? Я такой ужасный, такой отвратительный — зачем ты просишь меня остаться?

— Потому что... потому я не справлюсь с этим в одиночку, — что ж, она сказала это. — Я не смогу.

— С чем ты не справишься в одиночку?

— Вернуть Гарри... Я... — Рон поднял на нее отсутствующий взгляд, и она прикусила губу. — Я видела его вчера вечером, и он...

По лицу Рона побежала судорога:

— Как?... Как он?

— Он сломлен, — отвела взгляд Гермиона.

Синие глаза Рона потемнели, но голос был тверд:

— Он давно такой, Гермиона. Ты не видела этого, потому что не хотела видеть. Но та, другая Гермиона, та, что притворялась тобой, — она знала об этом, — он снова взглянул на фотографию, что держал в руке, и резким движением сунул ее в нагрудный карман. — Она все подмечала куда лучше, чем мы.

Гермиона резко отвернулась и почти отбежала к окну. Положив ладонь на холодное стекло, она посмотрела наружу: по хмурому свинцово-серому небу ползли тяжелые снеговые облака. Насколько хватало

глаз, расстилалось белое пространство. У Запретного лета скакали играющие в снежки студенты. Зажмурив глаза, Гермиона вспомнила это — холодная рука Рона в одной ее руке, Гарри — в другой... «Пообещаем, что мы всегда будем друзьями...»

— Он не может сломаться, — не открывая глаз, произнесла она. — Я не допущу этого.

— И что ты будешь делать, если он не позволит тебе помочь ему?

— Это неважно, — отчужденно ответила она. — Что-нибудь. Я что-нибудь сделаю для Гарри. Даже если после этого он меня возненавидит.

— Ты бы бросила его?

От неожиданности она открыла глаза и уставилась на Рона, пристально и мрачно смотрящего на нее.

— Ты имеешь в виду, если он тоже этого захочет? Если он... теперь презирает меня?

— Нет, не совсем, — Рон сделал в ее сторону несколько неуверенных шагов, словно проверяя, не собирается ли она развернуться и дать ему пощечину, и встал рядом. Серый свет сделал его и без того бледное лицо совершенно больным, и Гермионе сразу же захотелось дать ему Перечного зелья.

Но нет, — остановила она себя. — Мне ничего не хочется ему предлагать: в конце концов, я все ещё сердита.

Он вздохнул:

— Гермиона... Я знаю, ты не поверишь в это — ты так разгневана... И ты имеешь на это полное право. Но, когда я сказал, что не знаю причину этого моего поступка, я говорил вот о чем... Словно каждую ночь я на несколько часов терял рассудок. Я сейчас вспоминаю какие-то обрывки, и они кажутся мне бредом, галлюцинацией — они слишком живые и отчетливые, чтобы посчитать их просто снами — и, тем не менее, это сущие кошмары. Но среди воспоминаний есть и счастливые... В конце концов, все это время я был счастлив. Я так думал.

— Рон, о чем ты?

— Может бы, я не знаю причин, толкнувших меня на это, потому что я не контролировал свои действия. Понимаю, может показаться, что я пытаюсь оправдать себя, — это не так. Я виню, я обвиняю себя, но в то же время, в то же время... может, ты и права — и все дело в Гарри... Ведь согласись, нет пути, чтобы подобраться к нему ближе — только ты и я...

— Нет, — она впиалась ногтями себе в ладони. — Не говори так.

— Это правда, и ты сама это знаешь. Они использовали нас, чтобы нанести ему удар.

— Кто это — «они»?

Рон отвернулся и уставился в стену.

— Не знаю. Но думаю, что я прав.

— Так ты поэтому уезжаешь? Чтобы он был в безопасности?

— Наверное. Да, возможно, — он закрыл лицо руками. — Я не знаю. Я хотел бы, хотел бы так думать, но... Все эти месяцы я скучал по нему, думал, что с ним, куда он ушел, куда подевалась наша дружба. Я обвинял во всем этом Малфоя. Теперь я просто удивляюсь, — он отнял руки от лица. Веки его были красными, словно он плакал, и от этого круги под глазами стали еще ярче, придав ему какой-то совершенно детский вид. — Я не думаю, что это Малфой. Это что-то внутри самого Гарри — он боится этого, но не может выбросить из головы. Я не знаю, что это, — он в упор посмотрел на нее. — А ты?

Она долго молчала, потом покачала головой:

— Нет. И я до сих пор не могу понять, чем ты можешь оправдать то, что бросаешь его.

— Бросаю его? — у Рона вырвался то ли лай, то ли смех — это был самый горестный звук, какой ей пришлось слышать. — Хотел бы я знать, как я могу бросить его. Он ведь уже ушел.

— Так ты думаешь... ты правда думаешь, что из-за меня он может быть в опасности? — спросила Гермиона. — Но я пытаюсь — как могу — я пытаюсь защитить

его.

— Ты не сможешь сделать ему никакого добра, если он тебе этого не позволит, — отрезал Рон.

— Но почему? — прошептала она, глядя на него. — Почему случилось так, что раньше мы не смогли поговорить об этом? Ты никогда не говорил мне этого...

— Говорил. Просто... видимо, не тебе.

Её осенило:

— Как же я не узнала... Как же так случилось, что ты не сказал мне чего-нибудь, что бы выдало тебя?...

Она пыталась поймать его взгляд, но Рон спрятал глаза.

— Ты... Это было заклинание... — но его перебила распахнувшаяся дверь — вошла Джинни, в коричневом плаще, с красными от мороза щеками.

— Коляска, чтобы добраться до станции, уже внизу, — тихо сказала она. — Нам пора.

— Так ты тоже уезжаешь, Джинни? — спросила Гермиона, не отрывая глаз от Рона.

— Нет. Я остаюсь.

— Это хорошо, — медленно произнесла Гермиона и повторила. — Хорошо... — она снова повернулась к Рону. — Так ты собираешься уехать?

— Я должен, — ответил он, пряча глаза. — Должен. Он был так отчаянно несчастен, что она почти рванулась к нему, чтобы утешить и обнять — инстинктивно... Но он резко отшатнулся, едва не сбив с ног сестру.

— Я не могу. Я смотрю на тебя — и вижу ее.

— Рон... — переполняясь горем, выдохнула Гермиона, — но Джинни покачивая головой, взяла брата за руку и бросила отчаянный взгляд на Гермиону. Та посторожилась и дала им пройти и уставилась в пол, прислушиваясь к звукам — защелка клацнула... Гермиона подняла глаза.

Они ушли.

* * *

Он поклялся не делать этого, ну, разве что в чрезвычайных обстоятельствах, однако сейчас ему все чаще приходило в голову, что все шло именно к этому. Вздохнув, Люпин потянулся к стоящему слева окованному медью ящику и, достав оттуда пергамент, расстелил его на промокательной бумаге.

Он помнил просьбу Сириуса: передавая ему последний карандаш Зонко, тот просил нарисовать новую карту. Люпин упирался, как мог, — это была не самая подходящая вещь, которую профессор Хогвартса мог прятать в своем кабинете. Но когда Сириусу было что-то нужно, он умел убеждать.

— Ну, сделай только набросочек, — просил он. — Чтобы видеть хотя бы мальчишек.

Что ж, так он и поступил: скользнув глазами по пергаменту, Люпин обнаружил две синих точки, Гарри сидел в Гриффиндорской башне, а Драко держал свой путь в Слизеринские подземелья. Следя за движением второй точки, Люпин задумался, неопределенные мысли вяло кружились и перетекали, как вдруг он заметил, что точка приблизилась к коридору, где был расположен его кабинет. Сунув карту в нагрудный карман, он поднялся и шагнул к двери.

Коридор был пуст, и Люпин был близок к тому, чтобы вытащить карту и проверить по ней, нет ли какой ошибки, и тут из-за угла вышел Драко — засунув руки в карманы своих черных штанов и повесив свою светлую голову, он словно почувствовал присутствие Люпина и вскинул глаза, едва вывернув из-за угла.

— А, профессор Люпин, — произнес он, замедля шаг, — привет.

— Добрый день, Драко. Есть минутка, чтобы поговорить со мной?

Драко опустил глаза к серебряным часам на своем тонком запястье, и у Люпина мелькнула мысль, что, судя по всему, Малфои не брезгают этим металлом.

— Вообще-то я собирался увидеться с Гарри и Джинни...

— Это важнее, — твердо произнес Люпин.

Драко опустил руку и пожал плечами. Элегантно, впрочем, как и все, что он делал. У Сириуса в его года тоже была эта грация пантеры.

— Ладно...

Люпин вернулся в кабинет, Драко последовал за ним, без напоминания поплотнее прикрыв дверь и прислонившись к ней, посмотрел на Люпина широко открытыми ясными глазами, которые в этом неверном зимнем свете казались голубоватыми, как и тени под ними.

— Что такое, профессор?

— Свадьба, — пояснил Люпин, благоразумно начав с чего-то более отвлеченного. — До нее уже меньше недели, и поскольку в последнее время вокруг был сплошной... хаос, я решил убедиться, что у вас есть все, что нужно.

— Мы с Гарри заказали наши костюмы еще месяц назад, — безразлично ответил Драко. — Все уже в Имени. Полный порядок.

— А Гарри — он...

— Профессор, скажите, что хотели, — попросил Драко, потеряв глаза тыльной стороной ладони; шрам на ней вспыхнул ярким, живым серебром. — Я знаю, что вы знаете, — мне Гарри сказал. Вы волнуетесь о нём.

— Я беспокоюсь о тебе.

В глазах Драко вспыхнуло удивление:

— Беспокойтесь обо мне? С чего бы это?

— Потому что очевидно, что с тобой что-то не так, — напрямик заявил Люпин. — Ты проиграл матч, ты съехал в учебе, у тебя постоянно отсутствующий и расстроенный вид... Ты уже месяц, как не писал матери...

— Ага, и еще я забыл послать бабушке торт ко дню рождения, — подсказал Драко.

— И ты выглядишь...

— И как же я выгляжу? — прищурился Драко.

— Ужасно, — на лице юноши показалась такая обида, что Люпин почти развеселился. — Я имею в виду, ты выглядишь больным: бледный, снова поху-дел.

— Просто сейчас зима. И мне не хочется есть, — возразил Драко. Люпин присмотрелся к юноше: отросшие волосы, по которым просто плакали ножницы (чтобы Драко да не следил за своими волосами — это было совершенно на него не похоже!)... Драко всегда был худощавым, однако сейчас он казался просто тощим. Даже более того — он словно светился изнутри, какой-то слабый серебристый свет шел сквозь его кожу и струился из глаз. Это казалось тревожным сигналом. — Что известно Сириусу? — вдруг резко спросил он.

— Я сказал ему только то, что разрешил Гарри, — ответил Люпин, — хотя я считаю этот подход не совсем верным, поскольку, как мне кажется, он мог бы здорово помочь Гарри.

Драко что-то уклончиво пробормотал.

— Должен добавить, что меня сильно обеспокоила ваша с мистером Финниганом драка в музее. Я могу только гадать о причинах, которые к ней привели. Ты не похож на человека, который решает всё при помощи кулаков. А потому я предполагаю, что вы пытались таким образом отвлечь внимание. Вот только зачем?

Драко взглянул на часы:

— Мне нужно идти... Я...

— Знаю, ты встречаешься с Гарри.

Драко криво улыбнулся.

— Гермиона согласилась поговорить с ним. Я там нужен для моральной поддержки.

— А других гриффиндорцев это не смущает? — поинтересовался Люпин.

Драко дернул плечом:

— Гарри это не заботит. Да и я теперь среди слизеринцев персоне нон грата... — задумчиво уронил он.

— Ты? Что случилось?

— Фасад слегка пооблез, — пояснил Драко. — Мы с Гарри друзья, и теперь это всем известно. Слухами

земля полнится. Слизеринцы этого не потерпят — да я их в этом и не обвиняю. А когда я порву с Блез, это станет последним гвоздем в этот гроб.

— Тырываешь свои отношения с Блез? — удивленно переспросил Люпин.

— Как только найду её, — кивнул Драко.

— Это из-за того, что она крутила у тебя за спиной с Малькольмом?

— Похоже, об этом известно всем, кроме меня? — удрученно заметил Драко.

Люпин с сожалением пожал плечами:

— Мне очень жаль. И из-за слизеринцев тоже.

— Ага, правда, сейчас это не кажется чем-то серьезным.

Кивнув, Люпин поднялся. Драко немного испуганно следил за его приближением; когда тот положил руку ему руку на плечо, он был близок к панике, словно не знал, как реагировать.

— Знаю, есть вещи, о которых ты умолчал, — мягко сказал Люпин. — Знаю — это непросто, однако ты можешь все мне рассказать. Надеюсь, ты знаешь, что все это останется строго между нами.

Драко поднял голову, и свет ярким бликом прыгнул ему на светлую прядь, каждый волосок вспыхнул серебристой ниточкой. Он унаследовал волосы отца и красоту матери, однако не был похож ни на одного из родителей, — как подумал Люпин, — он был сам по себе.

— Да, есть одна вещь, — вымолвил Драко.

— Что же?

— Дамблдор мне кое-что сказал. Но это про родителей Гарри, возможно, вы не захотите это слушать.

— Про Джеймса и Лили? — Люпин убрал свою руку.

— Угу, — лицо Драко было совершенно бесстрастным, однако глаза его умоляли о понимании. — Как... Насколько хорошо вы знали тогда, в семидесятых, моего отца?

— Не очень, — ответил Люпин, удивляясь, куда он клонит. — Но я знал его — да все знали Люциуса Малфоя.

— Вы знаете, что он входил в совет Ежедневного пророка? — Люпин кивнул, и Драко продолжил. — Кроме того, он выпускал массу мелких журнальчиков — Малфой Парк, Хогсмидскую газету...

Люпин с любопытством кивнул головой:

— Ну, и?

— Только очень немногие люди знали, что он курировал Хогсмидскую газету. После того, как Питер Петтигрю окончил школу, это было одно из немногих мест, где тому предложили работу...

— Верно... — протянул Люпин. — Он был репортером.

— Он угодил на крючок к моему отцу, хотя не знал об этом сначала. Деталей я не помню, однако мой отец подстроил так, что в столе Петтигрю оказались определенные бумаги.

— продолжил Драко. — Бумаги, что связывали Петтигрю с контрабандой драконьей крови. Вы помните, что за это полагалось тогда, — пожизненный Азкабан без права на помилование или же немедленный Поцелуй дементора.

— Да, я знаю, — кивнул Люпин. — Думаю, я догадываюсь, что за этим последовало.

— Отец шантажировал Петтигрю, заставляя шпионить за своими друзьями, потом он привел его к Пожирателям Смерти... Именно мой отец отвечал за заговор против Поттеров... Эта идея с Хранителем Тайны — это он открыл родителей Гарри Темному Лорду и был рядом с ним в ту ночь в Годриковой Лощине. Он был там, когда они умерли, — закончил Драко и привалился к стене, словно для того, чтобы произнести эти слова, он отдал все силы.

Люпин задумался. Признаться, в услышанном не было ничего удивительного. Он и не сомневался, что Люциус Малфой всегда был правой рукой Темного Лорда. Однако в связи с новыми взаимоотношениями

между Драко и Гарри все это выглядело весьма тревожно.

— Ты не говорил это Гарри?

Драко помотал головой.

— Нет. Дамблдор сказал мне это несколько недель назад, и с тех пор... как-то все не складывалось, не было возможности... — Люпин знал, что это было правдой только наполовину.

— Ты боишься его реакции.

— А как бы вы отреагировали на это?!

— Гарри знает, что его родители умерли. Он вырос и узнал, что они не просто умерли, а были убиты... — что может быть хуже этого?

Кажется, Драко что-то прикидывал у себя в голове.

— Он очень разгневан, — произнес он. — Особенно сейчас. Это такая... неконтролируемая ярость. Не могу вам этого объяснить — я это просто чувствую. Когда он был младше, его выслеживал и подстерегал Вольдеморт, но теперь, если бы он мог, я думаю, он сам бы начал охотиться за Темным Лордом... Так силен его гнев.

— И ты не хочешь, чтобы его ярость перешла границы? Или же боишься, что он выплеснет ее на тебя? Драко, он не делает этого — Гарри понимает, что ты не в ответе за то, что совершил твой отец.

— Может и так, однако вы не находите, что это просто полный отпад, — получается, что он живет в доме убийцы своих родителей, — мрачно отрезал Драко.

Люпин пристально взглянул на него.

— Но твой отец умер, и дом перешел к тебе. И, когда тебе исполнится восемнадцать, можешь разобрать его по кирпичику.

Тень промелькнула по лицу Драко.

— Верно. Потому что мой отец покойник.

Люпин не знал, как на это отреагировать: Драко захлопнул свою раковину, мгновение, когда он доверчиво приоткрылся, прошло.

— Если я могу что-нибудь еще сделать...

— Все в порядке, — сказал Драко. — Вы ничего не можете сделать.

Гермиона крепко задумалась, получив сову от Драко, где тот спрашивал, хочет ли она увидеться с Гарри. После разговора с Роном она чувствовала себя выжатой и опустошенной, но... она должна увидеться с Гарри. Это необходимо. И она согласилась встретиться с ним на нейтральной территории — в опустевшей комнате Рона, о чем и сообщила Драко.

А потом, оглядев комнату, она начала паковать вещи.

Часы блямкнули полдень; резко распрямившись, она почувствовала головокружение — верно, одна ведь почти сутки не ела. Взглянул в зеркало на свое измученное отражение, она испытала что-то, близкое к ужасу. Попытка использовать Заклятье Красных губ привело к тому, что вид у нее стал еще более обессиленный и какой-то полинявший. Вдохнув, она поправила свой кардиган и вышла.

У комнаты Рона ее уже ждали Драко и Джинни, он — прислонившись к стене, она — сидя на полу у его ног с книгой, которую они и не пытались читать, на коленях. Они подняли взгляды, Джинни даже попробовала слабо улыбнуться, Гермиона старательно улыбнулась в ответ, чтобы та не подумала, что она сердится и на нее из-за всего случившегося с Роном.

Она тронула дверь и вошла внутрь. Дверь захлопнулась у нее за спиной, оставив ее наедине с Гарри.

Он стоял рядом с кроватью, через спинку которой было переброшено яркое покрывало. Увидев ее, он поднял на нее глаза — на мгновение они вспыхнули облегчением, но тут же потемнели, и он тут же уткнулся в свои ботинки.

Заперев дверь, Гермиона глубоко вздохнула и повернулась к нему.

— Привет, Гарри.

Звук ее голоса что-то воспламенил у него внутри: он вскинул голову и подошел к ней. Она не шелохнулась. Подняв руку, он коснулся ее плеча — она окаменела. Он медленно опустил руку.

— Гермiona, — голос его был наполнен болью и усталостью.

— Что?

— Я так виноват...

Она подняла на него глаза. Она совершенно точно могла сказать, о чем он, его отчаяние говорило все лучше всяких слов: бледный, с пристальным взглядом зеленых глаз за стеклами очков. Машинально она отметила, во что он одет: черный свитер, которому было, по меньшей мере, года три — он был ему мал, запястья торчали из рукавов. Этот свитер подарил ему Рон, и Гермiona удивилась, что бы это могло значить.

Тишина, похоже, нервировала его.

— Я теперь все знаю. Я знаю, что это была не ты...

— Мне Драко всё рассказал... — быстро перебила она. Я рада, что ты выслушал его. Господь свидетель — меня бы ты слушать не стал.

— Нет, все было не так...

— Именно так все и было.

Он помолчал.

— Да. Ты права, — что-то в его голосе снова заставило ее взглянуть на него, и увиденное заставило её оцепенеть: бледный, напряженный, несчастный — однако снова, спустя многие месяцы, это было он. Настоящий.

— Права?

— Права, — повторил он. — Я не слушал тебя, не позволяя себе делать это. И нет мне прощения за то, что после всего этого я вообразил, что могу помириться с тобой. Я не поверил тебе, несмотря на то, что ты никогда не давала мне для этого повода. А я... Я причинил тебе боль и...

— Ты меня просто убил, — перебила она его. — Проведи ты годы, размышляя и продумывая это, ты вряд ли бы нашел что-то другое, способное ранить меня больше.

Он сморщился:

— Я знаю... Скажи, что я должен сделать... Что я могу, чтобы... исправить это.

— Полагаю, что все уже сделано, — холодно возразила она.

— Не надо... — он снова потянулся к ней, и в этот раз она разрешила коснуться ее, положить руки на плечи и заглянуть в глаза. Сколько раз они так стояли — все это было так знакомо... однако у нее было ощущение, будто она смотрит на постороннего. Да, физически они сейчас были близки, однако она еще никогда в жизни не чувствовала себя такой далекой и отчужденной.

— Я сделаю, сделаю все, что ты захочешь...

— Тогда сделай так, чтобы прошлой ночи никогда не было.

Он крепче сжал ее плечи:

— Что-то, что я могу сделать... Ну же, Гермiona... Помоги мне.

— Да-да, это именно то, что я все время делаю. Помогаю тебе. Но я не смогу, если ты мне этого не позволишь.

— Позволю? Да я же прошу тебя, Гермiona... Хочешь — каждый день всю оставшуюся жизнь я буду извиняться пред тобой? Хочешь? Ты ведь заслуживаешь этого... Хочешь — я встану на колени, и буду умолять тебя о прощении...

— Я прощаю тебя.

— Я... начал он и осекся. — Что?

— Прощаю тебя.

На его лице расплылось выражение такого безумного облегчения, что она была близка к тому, чтобы изменить все свои планы. Он наклонился и поцеловал ее — она знала, что так и будет, и позволила ему. Она попыталась раствориться в этом поцелуе, понимая, что, возможно, этот поцелуй последний, — но не смогла:

слова «последний раз, последний раз» эхом отзывались у нее в голове. Она закрыла глаза и обняла Гарри, стиснула изо всех сил — и это показалось куда осязаемей, чем этот какой-то отдаленный поцелуй. Но его тело под ее ладонями — худощавое, тонкококостное, с острыми плечами... ей снова захотелось защитить его. Но от этого она не могла его защитить.

Она отстранилась от него.

— Я прощаю тебя, — снова повторила она. — Однако это не значит, что все останется неизменным.

— О чем ты? — выражение облегчения начало медленно сползать с его лица.

— А разве ты думаешь, что все может идти так же, как шло? — с тоской просила она. — Только не после того, что случилось.

— Ничего не случилось, — с яростью произнес он. — Я был скотиной — вот и все. С нами ничего не произошло...

— Это неправда, Гарри. Вчера вечером ты показал мне одну очень важную вещь. Ты дал мне понять, что не доверяешь мне.

— Это не так!

— Это так, — безжалостно отсекала она. — Ты мне не доверяешь, ты никому не доверяешь. И я знаю, почему.

Он взглянул на нее в упор, и в его глазах она увидела страх. Он боялся слов, что она могла сказать, и она хотела бы пощадить его, однако это было необходимо:

— Ты не поверил мне потому, что знаешь, что тебе самому нельзя доверять, — ровным голосом произнесла она. — Ты лжешь мне, а потому допускаешь и представляешь, что я могу солгать тебе. Ты что-то скрываешь — что-то, что имеет для тебя значение, — я бы так прятала что-то ужасное, что-то огромное... и при этом прикидываешься, что все хорошо. Я могу только догадываться — насколько это плохо, Гарри — то, что ты не говоришь мне.

Он побелел и взглянул на нее так, словно она превратилась на его глазах в чудовище.

— Это совсем другое...

— Какое? Какое — другое?...

— Я не говорил тебе, потому что к нам это не имеет никакого отношения — ни к тебе, ни ко мне, ни к тому, что я чувствую к тебе...

— В этом и была твоя ошибка, — неожиданно она почувствовала прилив ярости. — Я твой друг, лучший друг, я — твоя девушка. И меня уже тошнит от моих бесконечных вопросов и твоих уклончивых ответов. Или вообще — их отсутствия. Или покровительственных отмашек. Что-то съедает, грызет тебя изнутри. Я люблю тебя и то, что ты страдаешь, меня убивает, Гарри, но ты делаешь все еще в десять тысяч раз хуже, не говоря мне, что с тобой. Ты скрываешь какую-то огромную тайну и надеешься, что она не затронет твою остальную жизнь. Так не будет. У нас так ничего не получится. Я не Драко, я не могу заглянуть в твой разум, зато я вижу твои чувства, все они на твоём лице. А в последнее время я даже не могу смотреть на тебя... — ее голос, наполненный отчаянием, затих. — Я не знаю, что делать.

Она подождала, давая ему время собраться и сказать что-нибудь — может быть, гневное, или горькое, или оправдательное... Наконец он поднял голову, и она была потрясена — в глазах было опустошение, холод и отчаяние.

— Так ты... собралась оставить меня? — спросил он. — Все это... ты покидаешь меня?

— Гарри — зашептала она. Больше всего на свете ей хотелось кинуться и обнять его, но она изо всех сил сдерживала себя. Ей в жизни еще не было так тяжело и трудно. — Я не покидаю тебя, я никогда не смогу тебя покинуть...

— Тогда что ты собираешься делать? — спросил он, и какая-то ее частичка горько прокляла Дурслей и тысячекратно — все происходящее. — Я не понимаю.

— Я остаюсь с тобой, Гарри, только немного по-

другому...

— Иными словами, — неожиданно резко перебил ее он, — мы должны быть «просто друзьями».

— Это прозвучало так, словно для тебя это ничего не значит.

— Ты любишь меня, ты по-прежнему мой друг, однако все так продолжаться не может.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, однако и раньше мы были друзьями и любили друг друга — в чем тогда разница?

— Я больше не могу быть твоей девушкой, твоей подругой, — ровным безжизненным голосом ответила Гермиона. — Вся разница в этом.

Ей показалось, что он ее не услышал: он еще больше побелел, черты его лица заострились. Ей хотелось попросить, чтобы он не смотрел на нее так... Но она не смогла.

— Не можешь? Не можешь или не будешь?

— Не знаю, — в отчаянии сказала она. — Когда ты говоришь, что не можешь рассказать мне о том, что не дает тебе покоя, что ты имеешь в виду — не можешь или не расскажешь?

Она словно дала ему пощечину.

— Но это нечестно!

— Это очень честно! — она крепко обхватила себя руками, собрав всю силу воли, чтобы не разрыдаться. — Ты мне врешь, и я ненавижу это. И скоро, совсем скоро я возненавижу и тебя.

— Ну, так возненавижу меня, — он отпрянул от нее и снова вцепился в стойку кровати, так что пальцы его побелели. Единственным цветным пятном на лице были зеленые глаза. — И если ты можешь меня возненавидеть за нечто подобное, значит, для начала, ты никогда меня и не любила.

Она прислушалась к себе. Она думала, что больше быть уже не может — видимо, она ошиблась: эта фраза пронзила ей сердце, как стрела, на мгновение стало даже больно дышать.

— Я не могу это сделать, — прошептала она, — не могу...

Она развернулась и двинулась к двери, однако его голос рукой лег ей на плечо. Она никогда не слышала, чтобы он произносил это так:

— Я люблю тебя. Пожалуйста, не уходи.

— Тогда скажи, скажи мне, Гарри, — замерла она, не повернувшись к нему. — Скажи, что ты прячешь. Пожалуйста.

Ответом ей была тишина. Собрав всю силу, чтобы голос был спокойным и ровным, она заговорила, удивившись спокойствию своего тона.

— Я уезжаю из школы. Я уже собрала вещи и взяла билет, вечером я уеду в Лондон из Хогсмид. Если ты захочешь со мной попрощаться, я буду ждать тебя на платформе. Надеюсь, ты придешь. Я люблю тебя. Я всегда буду тебя любить. Верь в это, даже если ты уже ничему не веришь.

Он молчал, не двигаясь с места, она слышала его неровное дыхание и очень хотела обернуться. Но она не сделала этого. Как слепая, она шагнула к двери и потянулась в ручке; как слепая, вышла в коридор.

Драко и Джинни подняли на нее взгляды, но слезы заволокли ей глаза, и она увидела друзей расплывшимися дрожащими изображениями, словно в зеркалах комнаты смеха. Драко протянул ей руку, откуда-то издалека донесся его голос:

— Что случилось?...

Она покачала головой.

— Войди туда... Войди и позаботься о нём, — она пошла по коридору, не оборачиваясь.

Джинни взглянула на Драко — тот провожал глазами Гермиону, исчезающую в конце коридора.

— Ей нельзя сейчас оставаться одной.

— Знаю, — кивнула она. — Хочешь догнать ее?

Он медленно помотал головой и обратил свой

взгляд к Джинни.

— Это лучше сделать тебе. Я не слишком-то хорош в этих девичьих утешениях.

Джинни вздохнула:

— Признаться, я тоже не очень в этом сильна. Сам понимаешь — одни братья, — она подумала и добавила. — Нет, все же с Гарри лучше побеседовать тебе. Что бы там ни случилось, с тобой он будет разговаривать.

— Хм... — поразмыслил Драко. — А как насчет Финнигана?

— Симуса? — оторопела Джинни.

— Припоминаешь — такой, с квадратной челюстью и воткнутым в зад ирландским флагом? Ну, тот, что, скорее всего, подкрашивает волосы?

Джинни нахмурилась.

— И что такое?

— Разве он не должен крутиться тут поблизости? Подставляя свое уродливое огромное плечо, чтобы к нему можно было притулиться?...

Джинни вздохнула:

— Думаю, что Симус сердится на меня.

Драко приподнял бровь.

— Правда? И за что?

— Ну, это сложно объяснить... — ее нервировало ощущение, словно Драко видит ее насквозь. И даже сочувствует.

— Только не разбей ему сердце, — посоветовал он. — У нас тут уже вполне достаточно разбитых сердец, — он толкнул дверь и вошел в комнату Рона, и, прежде чем дверь снова захлопнулась, на мгновение Джинни увидела застывшего на углу кровати Гарри. Вздохнув, она пошла по коридору — до комнаты Гермионы было совсем недалеко — поворот и пара шагов. Дверь была закрыта. Джинни подняла руку, чтобы постучать и задумалась: она совершенно не представляла, ни что сейчас может чувствовать Гермиона, ни то, что ей стоит сейчас сказать. Может, ей вообще не стоит туда идти, может Гермиона не захочет ее видеть? В конце концов, она все-таки сестра Рона... Джинни опустила руку и вдруг, повинуясь какому-то внезапному порыву, припала к двери ухом.

Гермиона рыдала, теперь Джинни отчетливо это слышала. Это был безутешный, отчаянный горький захлебывающийся плач — так плачут дети, так плакала из-за Эндрю её собственная мать — по ночам, месяц за месяцем. Так плачут те, кто знает, что потерянного уже никогда не вернуть.

Джинни положила руку на ручку двери. И снова отступила. Прислонилась к стене, медленно сползла на пол и, уткнувшись лицом в колени, застыла.

Гермиона дрожала на платформе почти час, когда окончательно убедилась, что он не придет. Была уже почти полночь, она ужасно замерзла, замерзла до костей. Вокзал Хогсмид был практически пуст, она в одиночестве стояла на платформе, засыпаемой светлым, пушистым снегом.

Покорно вздохнув, она взглянула на часы — часы Гарри, те самые, которыми он кинул в нее. У нее не поднялась рука вернуть их ему. До полуночи осталось пять минут, дальше ждать смысла не было. Пора.

Устало вздохнув, она поднялась в вагон, вошла в ближайшее купе и, подперев щеку рукой, устроилась у окна. Где-то вдалеке, на утесе, смутно сияли огни замка. Горы подернулись туманом, луна была в дымке. Слезы яростными жалами впились ей в глаза.

Я не могу, не могу бросить его там, одного... У него есть только я... Как же я посмела?...

И она услышала этот звук — по платформе кто-то бежал. Она подскочила, едва не разбив голову о багажную полку, ухватилась за раму руками и, навалившись всем телом, потянула вниз и высунулась на-

ружу, насколько возможно: кто-то бежал по платформе — худощавая неясная фигура... темный форменный плащ, вот фигура вынырнула из сумрака, и в свете фонаря мелькнуло запястье — зеленые и серые цвета. Ее будто ударили в сердце ножом. Это был вовсе не Гарри. Драко.

— Сюда! Я здесь! — закричала она. Он крутил головой, осматривая платформу, обернулся на крик и захлопал глазами. — Сюда! Драко!...

Он кинулся к поезду, подбежал под окно и, откинув назад капюшон, запрокинул голову. Весь красный от напряжения и бега, с растрепанными торчащими волосами, с хлопьями снега, налипшими на его ресницы — у нее просто перехватило дух: временами он был настолько красив, что на него было трудно смотреть; как-то по-девичьи очарователен, хотя... нет, выражение его лица было слишком суровым, словно стальным.

— Понимаю, я не тот, кого ты ждала... Он сказал, что ты будешь здесь. Я пришел, как только смог.

— Но он не... — ее голос задрожал.

Драко отрицательно покачал головой — твердо и решительно.

— Нет. Он не придет.

— О... — она захлопала глазами, пытаясь справиться со слезами. — Так он послал тебя?

— Не совсем, — Драко изящно дернул плечом. — Просто мне отвратительна сама мысль о том, что ты уедешь вот так — и никто даже не скажет тебе «до свидания».

— Спасибо, — шепнула она и, свесившись из окна, коснулась его плеча. Он удивленно посмотрел на нее. — Ты нужен мне. Пообещай мне кое-что.

Он не шевельнулся, только слегка прищурил глаза. Гарри бы сказал — «да, все, что хочешь.» А Рон — «Если я скажу, что сделаю, значит сделаю. И не приставай ко мне с этими обещаниями.» А Драко посмотрел на нее своими серыми удлинненными глазами и заметил:

— Это зависит от того, что ты хочешь.

— Это о Гарри. Он не понимает.

— Ты имеешь в виду, не понимает, почему ты ушла от него?

Она кивнула.

— Не уверен, что я тоже это понял.

— Я сделала это потому... — начала она и замерла, осознав, что вряд ли может представить себе кого-то, кто бы понял ее объяснения. — Они использовали меня, чтобы ударить в него, Драко, — прошептала она. — Использовали меня и Рона — они знали, как причинить ему самую сильную боль — и я не хочу быть частью этого. Не могу и не буду.

— Но ты не сказала ему об этом.

Она покачала головой:

— Нет. Он бы не понял.

— А ты попытайся, — приказал Драко.

Она вздохнула.

— Я ему еще кое-что сказала, и это тоже правда. Что бы я ни сказала, это бы ничего не изменило. Он так и не сказал мне, что мучит его, и я... — она вздохнула и опустила голову. — Я думаю, что ты этого тоже не знаешь?

— Нет, не знаю.

— Но знай, ты бы мне все равно не сказал, да?

Он не ответил, скользнул взглядом туда-сюда по платформе и снова поднял глаза к ней. Холодный ветер взъерошил его волосы, превратив их в торчащую серебряную мишуру. Она ничего не могла понять ни по выражению его лица, ни по глазам, в Драко не было прозрачности, свойственной Гарри. Но больше никого не было, и она поверила ему, потому что должна была поверить.

— Я по-прежнему думаю, что тебе стоит опять поговорить с Гарри, — упрямо повторил Драко. — Ты не должна уехать вот так.

Паровоз дал свисток — длинный, резкий, этот звук заставил их подскочить. Драко отступил на шаг от вагона.

— Я не могу больше говорить с ним об этом, у меня нет времени, — крикнула Гермиона, захлебываясь отчаянием. — Сделай это вместо меня, пообещай мне... нет, поклянись — поклянись своей фамильной честью, Драко Малфой. Поклянись своим именем.

Теперь он по-настоящему встревожился.

— Что мне нужно будет делать?

— Всегда будь с ним, — произнесла она, и Драко оторопел. Гермиона продолжила, плохо понимая, что она говорит, она просто изливала душу. — Всегда будь рядом, присматривай за ним... проверяй, как он. Не бросай его и не позволяй ему уйти, а коль он уйдет — следуй за ним, ибо я теперь этого не могу. Я бы хотела заботиться о нем, однако он мне этого не позволяет, он никого из нас не хочет видеть. И пока я не узнаю, как с этим справиться, побудь с ним. Посылай мне каждый день — пиши, как он, что делает, в порядке ли...

— Он не в порядке, — откликнулся Драко.

— Ты знаешь, о чём я! — воскликнула Гермиона. — Береги его, оставайся с ним — пообещай мне!

Тишина легла между ними размотанной серебряной лентой. Держа руки у него на плечах, Гермиона смотрела на него, но не ощущала этих прикосновений — Драко казался таким далеким, словно забрёл высоко в горы, в самые холодные места, какие она только могла вообразить. Тихий, отстраненный, с поблескивающей серебром кожей и опаловыми зернами глаз, он, наконец, ответил:

— Хорошо. Я обещаю.

Она сжала его плечи.

— Поклянись.

— Клянусь, — ровным голосом произнес он.

Она так и думала. Между ними, как ей показалось, проскочила какая-то искра. Её руки разжались.

— О... хвала господу... Хвала господу...

— Я бы в любом случае так поступил, — он взглянул на свое плечо, где по-прежнему лежала ее рука. Голос его был ровен и отчужден.

— Да, я знаю. Однако теперь ты так поступить обязан.

Снова раздался похожий свисток паровоза — полувизг — полукрик. Дальше все произошло в одно мгновение: она убрала руки с его плеч, удивляясь тому, что она сделала, он поднял лицо и шевельнул губами, но слова потонули в скрежете тормозов. Внутри нее оборвалась какая-то натянутая струна — нет, она не могла взвалить на него это бремя и бросить одного... рванувшись вперед, она сделала то, чего никогда не делала доселе: она поцеловала его в лоб, и он закрыл глаза.

— Драко... — начала она, отпрянув.

Его глаза распахнулись, но он не успел ответить: поезд дернулся и тронулся. Гермиона вцепилась в раму, чтобы устоять на ногах, высунулась из окна; холод жег ей глаза, но она все смотрела и смотрела на освещенную платформу и фигуру, что, сунув руки в карманы, смотрела ей вслед. Он не махал ей вслед, она тоже — просто все смотрела и смотрела, пока платформа с Драко не уменьшилась и не растворилась вдали, проглоченная темнотой.

* * *

Второй час ночи. Слизеринская гостиная пустовала. Драко протопал через нее, оставляя темные мокрые следы — он поленился вытереть ноги, кроме того, ему доставляло удовольствие нарушать порядок: — в груди у него что-то яростно возилось, гнев и злость, не на кого-то конкретного, а на жизнь вообще. Мир вокруг развалился на какие-то огромные осколки, и вина за все это разрушение во многом лежала и на нём.

— Чертов Уизли... — пробормотал он, подходя к двери. И замер. — Верно. Так и поступим.

Он развернулся и отправился в другую сторону, где располагались комнаты девушек.

Дверь в комнату, которую Блез делила с Пенси, была закрыта — что и неудивительно, с учетом того,

который был час. Драко поднял руку и резко постучал — раз, другой, третий.

Раздались быстрые шаги, дверь открылась. Блез. Рыжие волосы были распущены и падали на плечи, макияж был смыт, однако все сияющие заколки были на своих местах. Зеленый шелковый халат с изображением обвившегося вокруг плеч дракона, голова которого отдыхала на ее груди. Увидев его, она распахнула глаза.

— Драко?

— Привет, дорогая, — он прислонился косяку. — Ну, как, ты уже нарядилась для Малькольма?

В её глазах вспыхнула удивление, уступившее место самодовольству.

— Так до тебя всё же дошли эти слухи.

— Похоже, я узнал об этом поздновато. Могу я войти?

Она отступила назад:

— Как хочешь.

Драко лениво выпрямился и неторопливо прошел в большую, поделенную надвое китайской ширмой с синими и зелеными лилиями комнату. Часть Блез была убрана с утонченной простотой и элегантностью, которая всегда стояла безумно дорого.

Драко развернулся к ней — она стояла, подбоченившись, шелк халата, под которым, судя по всему, ничего не было, туго стягивал ее грудь.

— Как грубо, — дружелюбно заметил Драко.

Блез вспыхнула и скрестила руки на груди.

— Тебе не кажется, что это чересчур — явиться сюда и выпытывать про меня и Малькольма, особенно с учетом того, что он сегодня утром видел выходящую из твоей спальни Гермину Грейнджер. Не объяснишь?

— Хотел бы я знать, зачем это Малькольм сидел в засаде у моей комнаты.

Она тряхнула головой.

— Ты невыносим.

— Кто бы говорил.

Она всплеснула руками:

— Да я никогда не крутила с Малькольмом! Я просто распустила слухи, чтобы посмотреть, побеспокоит это тебя или нет. Судя по всему — нет.

Драко приподнял бровь.

— То есть ты хочешь сказать, что распускала слухи о том, что путаешься с этим крысомордым только для того, чтобы меня подразнить? О, я тронут.

— Но ведь не раздражила же?

— Не так, чтобы очень.

Блез тряхнула головой:

— Убирайся. Видеть тебя больше не хочу.

— О нет, — скучающим тоном возразил Драко. — Прошу, измени свое решение.

Блез схватила с тумбочки подсвечник и швырнула им в Драко, тот пригнулся — подсвечник врезался в стену и разбился.

— Я сказала — вон!

— Разбудишь Пенси.

— А её нет, — прорычала Блез.

— Очень хорошо. Значит, она меня не сумеет удерживать от того, что я собираюсь сделать.

Он махнул рукой в ее направлении, в воздухе появились серебряные путы, тут же обвившие ее запястья и щиколотки. Она взвизгнула и села на пол, пытаясь вывернуться из них.

— В чем дело? — яростно зашипела на него она, в бешенстве сверкая глазами.

— Даже и не знаю, что сказать, — задумчиво ответил Драко. — Наверное, вся проблема в том, что я не очень-то хороший человек.

— Ненавижу тебя! — зарычала Блез, однако он больше не обращал на неё внимания; пройдя к кровати, Драко распахнул чемодан, стоящий около кровати и пинком опрокинул его, раскидав по полу бумаги, книги и одежду.

Блез взвыла.

— Что ты делаешь?! А ну — оставь мои вещи! Не трогай! — она сорвалась на визг. — Ненавижу, ненавижу тебя, Драко Малfoy, — лживый, блудливый, вороватый, остромордый ублюдок! Ненавижу!

Драко бросил на нее взгляд и заулыбался.

— Верещи, если хочешь, — произнес он самым приятным тоном. — Мне все равно. Я все равно буду здесь ровно столько, чтобы найти то, что мне нужно.

Глава 8. Хозяин Имения Малфоев.

*Зимняя стужа пусть не страшит,
Солнечный жар не испугает.
Путь свой земной ты завершишь,
Все получил и плоды пожинаешь.
Юные девы и парни должны
Прахом стать — так же, как и трубочисты
Укоры великих уже не страшны,
Года миновали тиранов речистых.
Теперь не волнуйся о крове и пище,
Взгляни — что тростник, что дуб.
Почестей, славы больше не ищем,
В прах они все уйдут.
Молнии вспыхивать ты не пугайся,
Грохота грома не бойся, не трусь.
Страх — не упрек, понять попытайся:
Тут оставляешь и радость и грусть.
Даже влюбленный, не знавший беды,
Прахом рассыплется — так же, и ты.
Злобные силы тебя обойдут
И колдовство не коснется
Призраки, духи пускай не зовут
Зло к тебе не повернется
И упокойся ты в счастье и мире.
Вечная память да будет могилой.*

Шекспир, Цимбелин

Когда Драко было шесть, отец преподнес ему птицу, чтобы та носила почту. Драко знал, что у других детей тоже были птицы — совы или дрозды, однако

отец подарил сокола, с яркими черными глазами и изогнутым, словно серп, клювом.

Они сразу друг друга невзлюбили. Этот клюв за-

ставлял Драко нервничать, пугая своей остротой, эти глаза постоянно следили за ним; при любом удобном случае, сокол клевал его или цеплял когтями — руки Драко постоянно кровоточили. Мальчик не подозревал, что отец специально выбрал дикущую взрослую птицу, которую уже невозможно было приручить, однако он все равно пытался — чтобы сделать приятное отцу, сказавшему, что он должен добиться от неё послушания.

И вот он постоянно был с соколом, не давал ему спать, говорил и даже ставил музыку, потому что уставшая птица легче приручалась. У него завелись разные приспособления — наголовник, путы, ремень, которым он закреплял птицу у себя на запястье. Ему надо было бы держать сокола, закрывая ему глаза, — но вместо этого Драко старался, чтобы птица видела его, — он поглаживал ее, касался крыльев, стараясь добиться её доверия. Он кормил ее с руки — сначала сокол отказывался, однако потом начал есть — да так, что рвал кожу на его ладони.

Драко был этому даже рад — значит, прогресс налицо, значит, птица признает его, пусть для этого она и должна была сначала узнать вкус его крови. Постепенно красота сокола начала открываться ему: эти небольшие легкие крылья, дающие невероятную скорость полету, — прочные, быстрые, мягкие, яростные. Приземляясь, он складывал их — это было как зигзагообразное движение молнии. В тот миг, когда Драко научил его, сделав круг, возвращаться на свое предплечье, он едва не разрыдался от радости.

Временами сокол прыгал ему на плечо, теребил клювом волосы, и Драко знал, что тот полюбил его. В день, когда мальчик понял, что птица стала совсем ручной, он показал его отцу, ожидая, что тот будет горд им. Но отец принял из его рук птицу, смиренную и доверчивую, и свернул ей шею.

— Я говорил, чтобы ты добился от него послушания, — и он кинул безжизненное тельце на землю. — А ты вместо этого сделал так, что он полюбил тебя. Сокол — это тебе не щенок или котенок, он дик и злобен, жесток и безжалостен. Ты не усмирил эту птицу, ты уничтожил её.

Потом, когда отец ушел, Драко рыдал над своим любимцем, пока не пришли посланные отцом домашние эльфы и не унесли птицу, чтобы похоронить. Больше Драко не плакал, однако урок запомнил навсегда: добиться любви — значит уничтожить, любить — разрушить себя.

* * *

Чемодан Блез был перевернут и выпотрошен, его содержимое валялось у ног Драко, и теперь он неторопливо рылся в нём: книги, косметика, украшения, пергаменты, связки фотографий — в общем, ничего интересного. Он перешел к ящикам комода, выворотив оттуда на кровать кучу блузок, юбок, дорогого шелкового нижнего белья. А вот ее дневник — светло-зеленая книжница с замочком в виде бабочки. Какие-то смутные рыцарские побуждения удержали Драко от того, чтобы его заинтересоваться его содержимым.

— Ты все? — холодно и ядовито заинтересовалась Блез, прервав воцарившуюся полчасовую тишину. Она все сидела там, куда он ее пристроил: у стены, со связанными за спиной руками. На лице ее было написано такое презрение и пренебрежение, что даже Драко, никогда не волновавшийся о том, что думают о нем другие, слегка испугался.

— Более-менее, — ответил он.

— И что — нашел, что искал? — в голосе было столько ледяного презрения, что вполне хватило бы, чтобы сохранить в неприкосновенности летний запас Ледяных мышек. Драко вздохнул. Вот если бы он искал зеленые лифчики... да, это было бы совсем другое дело. Увы-увы...

— Слушай, а почему ты никогда это не надевала, когда мы с тобой встречались? — заинтересовался он,

подцепив пальцем и поднимая вверх что-то черное и прозрачное с кровати.

— Может, и надевала, вот только ты не уделял достаточно внимания моему нижнему белью.

— Обидно, да? — прищурившись, спросил он у нее, откидывая полупрозрачную тряпочку обратно на кровать.

— Ни капельки, — фыркнула она. — Ты отвратителен.

Драко решил разочек пропустить это мимо ушей, он подошел и присел рядышком — теперь их лица находились на одном уровне. Её темные-зеленые глаза смотрели на него с омерзением, в них не сверкали обычные искорки.

— Отвечаю на твой заданный ранее вопрос: нет, я не нашел, чего искал. Что приводит к тому, что я вынужден задать тебе еще один вопрос.

Она поджала губы:

— И какой?

— Где тапочки, что я подарил тебе на день рождения? В прошлом октябре?

Ее глаза расширились от недоверия:

— А что — ты хочешь их забрать? Ах ты, дешёвка, ты сукин сын, Драко Малфой, — только потому, что я тебя бросила...

— Так это ты меня бросила?.. А я убежден, что это я от тебя ушел.

Она охарактеризовала его очень грубым словом. Драко был впечатлен.

— Как мило. Впрочем, это к делу не относится.

— Да в чем же тогда дело? Я вообще не понимаю, что ты тут несешь!

— Тапочки — где они? Такие дорогие, шелковые, шитые золотом...

— Это был не настоящий шелк, — надменно отрезала Блез. — В него была добавлена какая-то дрянь, которая раздражала мою кожу. Я не смогла их носить.

— И что же ты с ними сделала?

— Я отдала их Пенси, — пожалала она плечами.

Драко затаил дух, не зная, испытывает он сейчас облегчение или же как раз наоборот.

— Я так и думал, что это не ты, — медленно произнес он. — Однако должен был убедиться.

Она поджала губы:

— Ты думал, что это была не я?

— Просто я думал, что ты хочешь все свалить на неё, ты для этого достаточно изворотлива.

— Потому что я — какая?

Пожав плечами, Драко поднялся и оттолкнул в сторону ширму, разгораживающую половины Блез (что была чуть больше) и Пенси (ее часть комнаты была заставлена мебелью — стулья, диван, туалетный столик с кривым зеркалом, заваленный баночками, бутылочками, склянками, тюбиками, косметикой — как и говорила ему несколько недель тому назад Блез).

Как же я не догадался? Я же знал, что она тоже староста. И слизеринка — только слизеринец мог придумать что-то подобное.

Обойдя столик, он подобрался к большому окованному медью сундуку, стоящему у кровати Пенси.

Блез выглянула из-за ширмы и мстительно сверкнула глазами:

— Ты не сумеешь это открыть. Там больше шестнадцати анти-Алохомор, и только Пенси знает все пароли...

— Шестнадцать? Неужто? Так много? — он сделал еще шаг к чемодану, внимательно присмотрелся к нему и носком ботинка попинал замок. Потом размахнулся и влепил по нему изо всех сил — раз, другой, третий, словно вымещая на нем всю свою ярость. На четвертом ударе дерево жалобно заскрипело и подалось, а после пятого замок вылетел из сундука и звякнул об пол. Крышка распахнулась.

— Алохомора, — прокомментировал свои действия Драко. Блез ничего не сказала, решив, видимо, демонстративно игнорировать его, однако, тем не менее, наблюдала, как он присел и углубился в содержимое че-

модана. Сначала аккуратной стопкой были извлечены книги, под ними оказались пустые баночки и пузырьки, а дальше — пара светло-золотистых шелковых тапочек и аккуратно сложенная белая пижама с синими и желтыми цветочками и веточками.

Сердце Драко забухало у него в груди отбойным молотком. Он оказался прав. Он знал, что прав, однако ему нужны были доказательства. Видимо, она думала, что никто не сможет догадаться. Он аккуратно подвинул пижаму и тапочки — под ними оказался свернутый пергамент, он запихнул его в карман своего плаща. Ниже лежала длинная покрытая глазурью коробка, резко распахнувшаяся, когда он нажал на ее края. Внутри переливалась разноцветная ткань, замерцавшая, когда он прикоснулся к ней рукой...

— Мантия-невидимка, — прошептал Драко. Губы его дрогнули в слабой улыбке. Умница Пенси. Свернув мантию в комочек, он сунул её себе в карман брюк, совершенно убежденный, что карман приобрел от этого весьма двусмысленный вид, и снова залез в чемодан, но там больше ничего не было — ногти царапнули деревянное дно. Поднявшись, Драко вернулся на половину комнату Блез, бросившую на него яростный взгляд.

— Собираешься стащить вещи Пенси?

— Так точно, — коротко бросил он.

— Ты — вор, — подытожила она. — И ублюдок. Отвернуться от собственного Дома, чтобы связаться с этими гриффиндорскими подонками...

— Заткнись, Блез.

— Нет, я скажу. Я всем расскажу.

Он присел рядом и заглянул ей в глаза. Сейчас, без косметики, с растрепанными и спутанными волосами она выглядела куда менее холеной, чем обычно.

— Вперед, сделай это, — предложил он, — и я точно расскажу всем, зачем ты согласилась на весь этот обман, что мы якобы встречаемся с тобой.

— Ты невыносимый ублюдок, — зашипела она сквозь зубы. — Будешь шантажировать меня?

— Нет, просто устанавливаю равновесие. Знаешь ли, не люблю дисбаланс. Если, конечно, преимущество не на моей стороне, как сейчас.

— Сейчас, может, и да, — прищурилась она. — Но это не навсегда. Все узнают цену твоей верности, Драко, все узнают, что это вранье. И если и есть что-то, что в действительности ненавидят слизеринцы, — это отщепенец и изменник.

— Что-то никак не пойму, о чем ты, Блез. Ты что, считаешь, что у меня больше нет шансов стать Самым Популярным Слизеринцем Года?

— Я прикрывала тебя, — зарычала она, и он с удивлением заметил, что ее глаза на миг блеснули, словно в них мелькнули слезы. И на какое-то мгновение эти зеленые глаза так напомнили ему другие — такие же зеленые, что в груди у него вспыхнула искра сочувствия.

— Ты просто никогда не замечал, что я защищала тебя, обманывала ради тебя, скрывала, сколько времени ты проводишь с этим Поттером и его прихлебателями, придумывала причины, чтобы объяснить это... Если ты лишишься меня, ты потеряешь того, кто верил, что ты вернешься в наши ряды. И ты останешься сам по себе, Драко.

Он вздохнул.

— Я и так сам по себе. Спасибо, если защищала меня, однако в этом не было необходимости. Я не боюсь Дома Слизерина.

— А надо бы, Драко. Надо бы... — Блез отвела глаза в сторону.

Он снова вздохнул. Как он устал...

— Сейчас я собираюсь тебя развязать и хочу, чтобы ты пообещала, что не набросишься на меня в тот миг, когда я развяжу тебе руки.

— Обещаю, — не поднимая глаз, кивнула она. И, разумеется, в миг, когда ее руки стали свободны, она его ударила.

* * *

Кто-то легонько коснулся его плеча, и он проснулся, перевернулся и спросонок захлопал глазами. Мир расплывался, однако он знал, что склонившаяся над ним неясная фигура — это Драко. Он потянулся за очками и медленно сел. Затекавшее тело ныло — он заснул на диване в гостиной, у него не было сил возвращаться и смотреть в лицо Симусу, Невиллу и Дину.

— Эй, — хрипло спросил Гарри. — Она ...?

— Гермiona? Она уехала, — ответил Драко, присаживаясь рядом. Огонь лизал решетку, в комнате было жарко. Драко весь горел, словно в горячке, на скулах полыхал лихорадочный румянец. — Я должен тебе что-то сказать.

— Боже... Что-то еще?.. — он присмотрелся к Драко: растрепанные волосы, грязные ботинки, царапина на левой щеке, словно кто-то вцепился ногтями ему в лицо. — Это что-то плохое?

— Не совсем, — ответил Драко. — Я выяснил, кто это был.

— Кто был?.. О... Ты имеешь в виду — Рон...

Драко по-волчьи оскалился:

— Таинственная женщина Рона.

Гарри почувствовал, что сердце рванулось у него в груди.

— И ты пришел, чтобы сказать мне?..

— Это зависит от того, хочешь ли ты это знать, — Драко склонил голову, и светлые волосы упали ему на глаза.

Гарри распрямился. В комнате было очень тихо. Стояла глухая ночь — было ужасно поздно, судя по этой тишине и непроглядной темноте за окнами; дрова трещали в камине, как ломающийся лед. Он слышал дыхание Драко. Очень осторожно Гарри нащупал разум второго юноши, пытаясь определить его отношение к тем новостям, которые он собирался сообщить. Вина, ярость, боль, насмешка, ужас? Боялся ли он произнести это, волновался ли за то, как Гарри справится с известием? Что-то плохое? Он ответил «не совсем». Что бы это значило...

— Это из тех, кого я знаю? — наконец спросил Гарри. — Кто-то из моих друзей? Из тех, кто мне безразличен?

— Нет. Нет — во всех случаях.

Волна облегчения была так сильна, что Гарри почувствовал тошноту.

— Это касалось меня? Хотели что-то сделать со мной?

Глаза Драко блеснули:

— Я не уверен.

Гарри скрестил руки на груди, хотя в комнате было жарко:

— И что ты собираешься сделать?

— Поизучать, — пояснил Драко. — Виновники торжества уже покинули школу, но все в порядке — это дает мне немного времени. Хочу взглянуть в суть вещей. Возможности. Мотивация. Сообщники. Цель.

На губах Гарри появилась дрожащая улыбка.

— Ты похож на сыщика.

— В детстве лишку перечитал комиксов про авро-ров, — пояснил Драко. — Всегда мечтал о шпионском плаще.

— Моя помощь нужна? Что я должен делать?

Драко покачала головой:

— Нет, не нужна. Во всяком случае, не сейчас. По-надобится — скажу. Ну, или же спрашивай, если захочешь. Однако сейчас не стоит тебе об этом думать, — и Драко поднялся, как всегда, изящно. Гарри смотрел на него, вспоминая ту слабость, которая накрыла Драко на квиддичном поле, а потом во время фехтования. Да, он сейчас выглядит гораздо лучше — лицо уже не такое бледное, в глазах появился блеск. Похоже, ему удалось справиться.

— Шел бы ты спать, — посоветовал Драко. — Еще

увидимся...

— Ты заставишь их пожалеть? — спросил Гарри, не осознавая, что уже поднялся, опираясь для устойчивости одной рукой на диван. Затекие ноги ломило от боли. Уже стоя в дверях, Драко удивленно обернулся. Даже сейчас, растрепанный и усталый, он все равно обладал этой легкой элегантностью, которой Гарри тайне завидовал. Он знал, что у него самого всё на лбу написано — не в знак гордости, а просто потому, что не знал, как иначе. А вот задеть Драко, чтобы тот потерял контроль над собой — сильно, глубоко — это казалось просто невозможным. Ничто не могло заставить поникнуть его плечи.

— Что я сделаю?

— Ты заставишь их пожалеть об этом, — чуть скрипнувшим голосом повторил Гарри. — Я знаю — ты можешь сделать вещи, которые я бы сделать не мог. Ты безжалостен. Я бы никогда не смог стать таким. И ты знаешь, что такое месть.

— Вот как? — с непроницаемым лицом уронил Драко.

— Я знаю, что это так.

— Ты знаешь? Так, значит, потому ты и сказал мне, что...

— Нет, я знаю, что такое месть, — ровным и пустым голосом заметил Гарри. — Но я не так изощрен в этом, как ты, я плохо представляю себе способ, с помощью которого можно причинить людям настоящее страдание. Не так, как ты.

— И это то, чего тебе хочется? — глаза Драко металлически блеснули. Внутри него ничто не дрогнуло: не было ни страха, ни беспокойства, ни сожаления — вообще ничего. Он стоял, какой-то непонятный, нечеткий, как пергамент, исписанный гоблинскими каракулями.

— Да, это именно то, что я хочу.

— Что ж, я сделаю это, — улыбнулся Драко, и злая улыбка осветила его лицо. Стояли за этим горечь и печаль, нет ли — Гарри не заметил, облегчение полностью захватило его. — Я заставлю их об этом пожалеть.

Драко вышел. Портрет закрылся за ним.

* * *

Джинни как-то прочитала, что различие между памятью и воспоминанием состоит в том, что память — это твоё твердое убеждение, что ты находился в определенное время в определенном месте, тогда как при воспоминании ты только чувствуешь, предполагаешь это.

Потом, когда она оглядывалась на эти последние дни года, дни после окончания зимнего семестра ее шестого курса, она всегда испытывала какое-то странное чувство, словно не была уверена, было это на самом деле или нет: разрозненные образы вспыхивали у нее перед глазами — воцарившийся в замке после отъезда Рона и Гермионы холод (в прямом и переносном смысле) — иней, затянувший снаружи окна, замерзшая в кружке на тумбочке у её кровати вода. Вот в ожидании Гарри они с Симусом сидят за гриффиндорским столом. Тот приходит и садится в стороне, не произнося ни слова. И еще Драко — он всегда рядом, или же следит за ним глазами, где бы тот ни находился. Похоже, сказанные Дамблдором несколько недель назад слова он принял как определенный кредит доверия. «Гарри силен и многое может вынести. А что он не вынесет в одиночку, вы вынесете вдвоём».

Иногда ей даже казалось, что он пытается что-то испустить, какой-то грех — в основе такой преданности могла лежать только вина. На самом деле она, конечно же не знала, что Гермиона просила Драко не спускать с Гарри глаз, — и он пытался, пытался, как мог. В те дни профессора закрывали глаза на то, что Драко частенько появлялся в общей комнате Гриффиндора — дальше он не ходил, не считая себя желанным

гостем.

Гарри же едва обращал на что-либо внимание, он брел по замку, как ошалевший лунатик — наверное, потому что не спал ночью, а сидел на подоконнике, глядя на снежное безмолвие, — как Симус сообщил Джинни. Вид у него стал прозрачный и совершенно больной, кости начали торчать и выпирать из-под кожи. Джинни несколько раз видела, как Гарри налетал на Драко, словно не замечая его.

Однажды днем Джинни застала его спящим в общей комнате — он лежал, прикрыв ноги одеялом. Она подошла и хотела целиком закутать его, когда буквально из темноты вынырнула рука и схватила ее за запястье:

— Тш-ш...

Это был голос Драко. Юноша сидел в огромном кресле, в полумраке, она не заметила.

— Не разбуди его.

— Я и не собиралась, — раздраженно шепнула она в ответ, — я просто хотел его укутать.

Драко с усталым видом отпустил ее:

— Оставь его... Он три дня не спал.

— Знаю, — она опустила глаза к Гарри и почувствовала, что раздражение улетучивается, она едва не захлебнулась от сочувствия: на диване, подсунив ладонь себе под щеку, свернулся мальчишка, бледное лицо его горело нездоровым сонным румянцем, волосы разметались вокруг и напоминали язычки темного пламени. — Как он? — она опустилась в кресло рядом с Драко. — Как он себя чувствует на самом деле?

— Отвратительно, — сосредоточенно ответил Драко. — Куда хуже, чем ты думаешь.

Они прикусила губу.

— Как бы хотела бы хоть чем-нибудь помочь... Он столько всего выстрадал в своей жизни, как бы я хотела взять что-то на себя...

Драко перевел на нее усталые темные глаза:

— Ты все еще любишь его.

— Я всегда буду его любить. Все будут.

— Только не твой брат, — горько заметил Драко.

Джинни вздохнула.

— Особенно мой брат. Впрочем, тебе не понять.

— А я и не хочу понимать. И не собираюсь дёргать-ся по этому поводу — мне и так хватало впечатлений от бездумного поведения твоего братца, устроившего весь этот сумасшедший бедлам.

— Он не создавал его, — резко возразила Джинни. — Все уже было.

— Тш-ш, — шикнул на нее Драко. — Говори тише.

Джинни пристально взглянула ему в лицо:

— Ты когда и сколько спал в последний раз?

— Не надо, — Драко указал пальцем в ее сторону. — Я спал целый час во вторник.

— Тебе нужно поспать. В противном случае ты просто рассыплешься.

Он пожал плечами:

— Да ладно, все не так уж и плохо: временами у меня видения, словно я брежу. Думаю, что это снимает все проблемы. Вчера мне привиделось, будто я чайник — что, в общем-то, было бы совсем не плохо, если бы мне неожиданно не пришло в голову, что Малькольм Бэдкок чашка...

Джинни улыбнулась. Ее разморило от тепла, идущего от пламени, и начало клонить в сон. Она смотрела на свернувшегося на диване Гарри, и ей очень хотелось обнять его, да и Драко ей тоже хотелось обнять, хотя он и был таким колючим. Напряжение в ней материализовалось в какое-то материнское чувство, она вдруг увидела в них мальчишек... хотя именно Гермиона всегда по-матерински любила и заботилась о них, и они любили её в ответ. Но Гермионы теперь здесь нет... Она оттолкнула эту мысль.

— Драко...

— Пойду-ка я пройдуся, — его глаза скользнули мимо нее к окну. — У меня ощущение, что я уже несколько дней солнца не видел.

— Хочешь, я посижу с Гарри, — кивнула она.

По его лицу проскользнуло облегчение:

— Правда? — он поднялся и взял у нее из протянутой руки плащ, что лежал переброшенным через спинку дивана. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, он взял и накинул его на себя, застегнул тяжелые пряжки. — Я просто выйду...

— Все в порядке, — кивнула она. — Ступай.

Он вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Джинни пересела в освободившееся кресло и уже было потянулась в карман за книжкой в мягкой обложке, когда заметила какое-то движение. Гарри убрал руку с лица. Его глаза были открыты.

— Так ты не спишь, — удивилась она.

— Нет, — Гарри сел и взял с ручки дивана очки. — Прости, если напугал.

— И сколько ты уже бодрствуешь?

— Не знаю — час, два... Я слышал, как ты пришла.

— Так ты слышал наш разговор? Мог бы дать знать, сказать что-нибудь.

— Нет, все правильно — ему нужно пройти, подышать свежим воздухом. Сидеть и все время смотреть на меня — это кого угодно достанет.

Джинни была совершенно уверена, что Драко отнесился к этому по-другому, однако прикусила язык.

— Кроме того, — добавил Гарри, — я хотел кое о чем тебя попросить и это лучше сделать наедине.

— Меня? И о чем же?

Гарри отвел от нее глаза и уставился в огонь.

— Не могла бы ты оказать мне услугу и кое-что потрогать?..

— Пардон? — недоверчиво произнесла Джинни.

Гарри похлопал глазами и густо покраснел.

— Как-то не очень хорошо прозвучало, да?

— Да уж...

Гарри улыбнулся:

— Попробуем еще раз: я знаю, что ты можешь почувствовать Темную магию — в людях, в предметах. Я бы хотел, чтобы ты кое на что взглянула. Почувствуешь что-то необычное — скажи мне.

Джинни нервно подергала золотую цепочку на шее.

— Конечно.

— Спасибо, — Гарри склонил голову и вдруг резко вскинул на нее взгляд. — Это у меня на ремне, погоди минутку... — и он завопил, расстегивая кожаный ремень на своих штанах.

Она смотрела на его опущенную голову, черные волосы растрепались, обнажив тонкую шею со слабо выпирающими позвонками. — Вот, — он протянул к ней ладонь.

Она взяла: это был тяжелый круг из чего-то, напоминавшего красное стекло, однако куда более тяжелый, она бы сказала, что это, скорее всего, могло быть вырезано из камня. Джинни медленно покрутила его в пальцах, изучая удивительно гладкую поверхность и шербоатые края.

— Ну, чувствуешь что-нибудь? — взволнованно спросил он.

— Нет. Ничего, — покачала она головой, возвращая ему предмет, который он мрачно принял у нее из рук, — ты ведь и не думал, что это какая-то дьявольская штучка, правда? — полушутя спросила она. Однако он взглянул на нее с полной серьезностью.

— Да нет, просто думал, может, получу хоть какую-нибудь подсказку, что же это такое. Терпеть не могу непонятные вещи.

— Это ты мне говоришь! — сказала Джинни. — Я уже и не надеюсь на то, что мы когда-нибудь всё поймем. Помнишь ту чашу, что вы стащили из музея — что с ней сделала Гермиона?

Она немедленно пожалела о том, что этот вопрос сорвался у нее с языка. При звуке этого имени Гарри весь сжался и снова ушел в себя, метнувшись испуганным кроликом, прячущимся в свою норку.

— Не знаю, — безжизненно ответил он. — Понятия не имею, что она с ней сделала.

Он резко встал и откинул покрывало на диван. — Пойду-ка я наверх, — пробормотал он, засовывая руки в карманы. — Воспользуюсь своим одиночеством. Кроме того, мне нужно собраться.

Внутри у Джинни заныло, однако она уже умела скрывать боль. Все, что она сказала, было:

— Так, когда ты едешь?

— Завтра утром, — ответил Гарри и вдруг потянулся и нежно взъерошил ее волосы, словно она была маленькой девочкой. — Спасибо. Я благодарен, что ты взглянула на браслет.

— Ну что ты... Может, я еще могу что-нибудь сделать?..

— Можешь составить компанию Драко. Думаю, ему бы пошел на пользу разговор с кем-нибудь.

— Но я не знаю, куда он направился, — запротестовала Джинни.

На мгновение глаза Гарри словно померкли.

— К озеру, — через миг произнес он, подхватил плед с дивана и отправился по направлению к спальням мальчиков.

* * *

На улице стоял чудесный зимний день. Ночью снег засыпал все дорожки, и найти Драко не составило труда — его следы отчетливо виднелись на снегу. Джинни нагнула на голову капюшон своего плаща — несмотря на пляшущее на искрящемся снегу солнце, было холодно — и направилась к озеру.

Она уже обошла половину озера, когда вдруг со странной резкой болью поняла, что Драко идет тем же маршрутом, каким обычно гулял Гарри с Гермионой. Она сбилась со счета, сколько раз из окна класса она видела две знакомые фигурки, бредущие рядышком по одной и той же дорожке. Знал ли об этом Драко?..

Найти его было просто: свернув, она увидела его сидящим на черном пне. Потом, вспоминая этот момент, она не могла точно сказать, чем он занимался, — бросал ли камушки на лед, или же ошипывал какую-то вечнозеленую веточку. Она замерла и, стараясь остаться незамеченной, принялась его разглядывать: черный плащ, под ним — потёртые спортивные брюки и тёмно-красный свитер. Ей не приходилось видеть, чтобы на нем было надето что-то настолько разномастное. На лице его застыло какое-то задумчивое, почти мечтательное выражение — о чём же он размышлял?..

Она двинулась к нему, захрустев каблучками по льду. Он вскинул взгляд, увидел её и, неожиданно испугавшись, начал подниматься на ноги.

— А как же...

— С Гарри всё в порядке, твое присутствие не требуется, — остановила его Джинни. — Расслабься.

Он точно не расслабился, лишь засунул руки в карманы и посмотрел на нее с выражением, близким к негодованию.

— Ладно, если тебе так хочется, чтобы я оставила тебя в покое... — резко начала она, и лицо его смягчилось.

— Твой плащ... он новый? — спросил он, и она с недоумением посмотрела сначала на Драко, потом на свой плащ — он был действительно новый, ей прислала его мать в ответ на жалобы, что предыдущий стал ей мал. Этот был шерстяной, бледно-желтый, совершенно обычный. Хотя Драко был и внимательней к одежде, чем остальные мальчишки, но она все же была здорово удивлена, что он обратил на это внимание.

— Да... немного преждевременный рождественский подарок.

— Хм, выглядит знакомо — Драко откинулся на пеньке, все еще держа руки в карманах, и отвлёк от неё взгляд. Джинни повернулась, собравшись уйти, однако его голос остановил её:

— Подожди.

Обернувшись, она увидела в его глазах полу осоз-

нанную просьбу.

— Останься...

Вздыхнув, она подошла и присела рядышком. Они сидели и в молчании смотрели на серое озеро; солнечный свет коснулся его замерзшей поверхности, разбросав по серебру золотые искры.

Наконец Драко нарушил паузу:

— У тебя что-то в кармане. Оно мне в ногу уперлось.

— А... — Джинни вытащила из кармана «Брюки, полные огня», собираясь переложить его в другой карман, когда Драко вдруг остановил ее руку.

— Ты что — все еще это читаешь? Сколько ж можно?

Джинни бросила на него обиженный взгляд:

— Да уж, если бы не все эти безумные любовные треугольники и похищения века, я бы провела время куда лучше.

Отпустив ее руку, Драко пожал плечами.

— Я просто пытаюсь понять, за что ты пытаешься себя наказать. Если ты хочешь почитать, у меня есть много хороших книг — с удовольствием тебе дам: Рассказы двух Магов, Великие заклинания...

— Я читаю хорошие книги. Это просто... для расслабления и успокоения.

— И как же это может успокоить?

— Понимаешь, там все предсказуемо. Ты можешь рассказать все, что произойдет, просто взглянув на обложку.

— Да ну? — Драко заинтересованно взглянул ей через плечо. — И как ты это определяешь?

— Смотри, — она двинула пальцем по странице, зная, что он внимательно наблюдает за ней. — Эта девушка в белом платье — героиня, Ризенн. Ей придется многое пережить, однако в конце она воссоединится со своей любовью. А вот этот парень в бриджах — Тристан. Он смелый, отчаянный, он хочет быть с ней, но злая судьба не дает им соединиться. Но это все временно, конечно. Девушка в красном тугом кожаном корсете — это леди Стэйси, злая распутница — в конце она точно помрет, но прежде переспит с половиной мужских персонажей. А вот этот мужчина в темном плаще — Темный маг Морган, он тоже злой.

— А это что еще за задница в платье? — заинтересовался Драко.

— Это не платье, это мантия государственного деятеля! Это Жоффрей Монтегю, он — друг детства Ризенн, очень достойный человек. Поехали дальше. Если Тристан умер, она, скорее всего, закрутит с ним, однако все время будет думать о Тристане. А вот если Тристан жив... — Джинни остановилась. Плечи Драко тряслись в припадке беззвучного смеха. — Что смешного?

Драко замахал рукой.

— Позволь, я расскажу тебе, как все происходит на самом деле. Исходя из информации, извлеченной мной из этих баснословных иллюстраций, предсказываю, что Монтегю вылезет из своего чулана и будет сообщником темного мага Моргана — который на деле окажется вовсе не злым, а просто одиноким. Они осядут в другой стране, где купят замок и следующие шестьдесят лет будут заниматься тем, что скупать предметы старины. Ризенн откроет монастырь для юных ведьм и поставит в нем матерью-настоятельницей леди Стэйси, а та будет заниматься тем, что изменит форму, включив в нее кожаный корсет, а также введет новое правило — провинившихся девушек будут пороть.

— Так, а что с Тристаном? — яростно покосилась на Драко Джинни.

— О, он слишком самодоволен, чтобы ему требовался кто-то ещё. Ты только посмотри, посмотри на его ботинки! Это ж сколько часов надо провести, чтобы так их отполировать! Нет, пусть остается один.

— Тристан хочет остаться со своей любовью, — отрезала Джинни.

— Что ж, — усмехнулся Драко, — все, что ему нужно для этого, — это стопка неприличных журналов и крепко запирающаяся дверь.

— Ах! — воскликнула Джинни и швырнула в него книжкой. — Ты говоришь, словно все это — сплошная грязь!

— О, благодарю. И что же, я превращаю в сплошную грязь?

— Ну, ты сам знаешь, — неожиданно засмущалась она. — Любовь.

Драко запрокинул голову и внимательно уставился в небо:

— Что ж... Да — это грязь. Знаешь, в ней нет ничего священного или возвышенного. Это такой же голод, желание, потребность — словом, одна из тех вещей, из-за которых люди делают совершенно безобразные вещи по отношению друг к другу. Без неё, любви, нет и предательства, нет утрат, нет ревности. Половина мерзостей, творящихся в мире, имеют свои корни в любви. Она режет, сжигает и ранит — и нет от этого лекарства. Уж лучше ненависть — я испытываю ее каждый день, но это чувство, по крайней мере, можно вынести. И я всегда знаю, где я нахожусь.

— Это неправда... Любовь делает людей бескорыстными...

— Как твоего брата? — тихо спросил Драко. — Бескорыстными, каким был твой брат?

— Это не было связано с любовью! — взъярилась Джинни. Да как он осмелился...

— Ну конечно! А то я не видел его лица, когда он смотрел на неё! Он был в нее влюблен, что бы ты там ни думала.

— Что ж, он хотя бы в этом был искренен, — отрезала Джинни, чувствуя, что это прозвучало весьма язвительно. — Он не прикидывался, что его это не волнует.

Это замечание заставило Драко выпрямиться. Открыв глаза, он окатил ее холодным взглядом серых глаз.

— А я, значит, прикидываюсь? Что ж, может, ты и права. Может, я, и правда, ни о ком не забочусь по-настоящему. А может, ты просто это так видишь со своей идеалистической точки зрения — тебе это в голову не приходило?

— Я не идеалистка. И вообще, если я думаю, что это глупо — заботиться о ком-то, делая при этом вид, что на самом деле тебя это совсем не волнует, — это вовсе не значит, что я идеалистка. Люди вообще не могут жить, ни о ком не заботясь.

— Ничего подобного. Люди не могут жить без пищи, воды, крова и, в моем случае, без простыней из отборного хлопка. Другие люди — это роскошь, а не необходимость.

— Тогда почему ты так заботишься о Гарри?

— Это совсем другое дело.

— И в чем же разница?

Что-то мелькнуло у него в глазах.

— Другое — и все тут.

Джинни вдруг почувствовала утомление. Продолжать беседу не было никакого смысла, не существовало аргументов, при помощи которых можно было бы победить Драко. Она не могла понять, зачем она все еще утруждает себя этим спором, — это было так же продуктивно, как пытаться прорыть туннель в Тайную комнату при помощи ложки.

— Пойду-ка я обратно в замок, — она резко поднялась, прикрыв лицо одной рукой, — ей не хотелось, чтобы он заметил, что глаза у нее на мокром месте, — и протянув к нему вторую руку. — Могу я забрать свою книгу?

Она услышала, как хрустнул снег под его ногами, когда он поднялся.

— С тобой все хорошо? Ты не плачешь?

— Мне что-то в глаз попало, — соврала она.

— А ну-ка, иди сюда... — он проворно и профессионально придвинул ее к себе, взяв за руку. Подняв ей подбородок, он пристально взглянул ей в глаза. — Стой смирно.

Она, не мигая, смотрела ему в глаза. Они не были так близки с того памятного вечера, со Святочного Ба-

ла (потом она припомнила, что это не совсем так — они были так же близки, когда он поцеловал ее в музей, однако это было такой очевидной попыткой взбесить Симуса, что она решительно сбросила это со счетов). Но они и вправду еще ни разу не стояли так близко друг к другу — при свете дня. Она пыталась не рассматривать его в упор — однако не могла совладать с собой; какая-то её частичка прикладывала все усилия, чтобы запечатлеть этот момент в памяти, словно ощущая, что ничего подобного может больше никогда не произойти. Она пыталась сосредоточиться на том, что в его лице было не так: вот шрам под глазом, причиной которого стала разбитая Гарри бутылка чернил... да и сами глаза немножко различаются по форме... один уголок рта чуть выше другого — теперь понятно, откуда у него берутся все эти кривые ухмылочки... волосы, просящие ножниц...

Симус был тоже красив — но не так утонченно. Впрочем, это не имеет никакого значения. Но когда Симус касался ее руки, её не начинало так трясти...

Его глаза словно ощупывали её лицо.

— Я ничего не вижу, — медленно произнес он, и ей потребовалось время, чтобы осознать, о чем это он. Придя в себя, она решительно отцепила его руку от своей и отступила, едва замечая его удивленный взгляд.

— Я знаю. Знаю, что не видишь.

* * *

И вот, наступил последний день семестра. Джинни ехала от Хогсмита на Кингс-Кросс в купе вместе с Динам, Симусом и Чарли. Она совершенно точно видела, что Симус умирает от желания поболтать с ней, однако присутствие Дина его смущало, а присутствие Чарли — старшего и весьма мускулистого брата — просто ужасало.

Она видела в окошко, как Гарри и Драко вошли в тот же вагон, однако в купе не появились, что ее не особенно удивило — вряд ли Гарри захотелось быть поблизости от Чарли, да и отвращение Драко к Симусу со временем не ослабевало. Оказавшись на платформе 9 и три четверти, она махнула рукой Гарри, тот махнул в ответ, Драко повернулся, чтобы увидеть, куда он смотрит, — но в этот момент юношей отгородили от нее Сириус и Нарцисса.

Джинни отвернулась — с другой стороны платформы подходило ее семейство — мать, отец, близнецы, Перси (Билл, насколько ей было известно, всё ещё был в Египте), однако Рона с ними не было. У нее кольнуло в груди — однако она не могла обвинить его в том, что он так поступил.

— Джинни, — произнес ей чей-то голос почти в ухо. Она обернулась — конечно же, это был Симус. Он стоял, спрятав руки в карманы и надвинув на глаза черную шапку. Присмотревшись к нему, она вдруг поняла, что была невнимательна к нему в последние дни: у него был утомлённый и унылый вид, однако он старательно улыбался. — Я хотел пожелать тебе счастливого Рождества...

— О, и тебе тоже, — неуклюже спохватилась она, и в этот момент их накрыла волна Уизли: миссис Уизли кинулась на Джинни с поцелуями, мистер Уизли хлопал по спине Чарли, Перси издавал какие-то суетливо-назойливые приветственные возгласы, Фред запустил маленький Флибустьерский фейерверк, мерзким тоненьким голоском заигравший Jingle Bells. Казалось, только Джордж заметил присутствие Симуса.

— Привет, Финниган.

У Симуса был почти контуженный вид. Он не ответил.

Миссис Уизли выпустила Чарли из объятий и обратила дружелюбный взор на Симуса:

— Привет, а ты — ?..

— Это Симус, мама, — представила его Джинни, повышая голос и пытаясь переорать Jingle Bells. — Он однокурсник Рона и охотник нашей команды, — и,

сама не зная, почему, она взяла и прибавила. — И мой парень.

Воцарилась ошеломленная тишина. Все вытаращила глаза, но больше всех был поражен сам Симус.

— Твой... парень? — переспросила миссис Уизли слабым голосом.

— Так-так, — мистер Уизли начал трясти руку Симуса. — Ну, рад встрече, сынок.

Симус снова порозовел.

— И я рад встрече, сэр, — ответил Симус и крепко пожал руку мистера Уизли. — Мои родители очень высоко отзывались о вас, особенно мама. Она говорит, что вы лучший министр магии со времен Филонеуса Плама.

Мистер Уизли вспыхнул от удовольствия и затряс руку Симуса с удвоенной силой.

— Ну-ну, приятно слышать. Очень приятно. Мы увидимся с вашей семьей на свадьбе?

— Нет, сэр, боюсь, что нет, — с сожалением покачал головой Симус. — Мы обновляем наше семейное гнездо...

— Семейное гнездо? — переспросила миссис Уизли.

— Понимаете, — улыбнулся Симус, — все эти старые замки... — все время что-то сыпется то тут, то там.

— Замок? — эхом откликнулась миссис Уизли.

— Мам... — стиснув зубы, простонала Джинни.

Симус заулыбался миссис Уизли, ямочки на щеках которой обычно предназначались только Гилдерой Локхарту.

— Наверное, зимой в Ирландии красиво, — любезно заметила она.

— О, да, только очень холодно, — Симус старательно делал вид, что разговор очень его увлекает. — Если бы я мог надеть один из тех замечательных свитеров, что вы вяжете для Рона с Гарри, мне бы завидовал весь город.

Джинни показалось, что ее мать сейчас задохнется от радости, — она прекрасно знала, как та гордится свитерами, что вязала всем к каждому Рождеству. Кроме того, она также была в курсе, что Рон ежегодно пытался подсунуть их Дину, Симусу и Невиллу. Причем безуспешно.

— На кой черт мне свитер со здоровенными буквами РУ спереди? — как всегда дипломатично поинтересовался Дин у Рона в последнее Рождество.

— Можешь рассчитывать на то, что тебя посчитают Распутным Удовлетворителем, — дружелюбно подсказал Гарри, и они с Роном повалились от смеха и всё более и более грубых и рискованных предположений.

Очнувшись от воспоминаний, Джинни обнаружила, что ее мама смотрит на Симуса, словно на новообретенное дитя.

— Можешь называть меня Молли. Ирландия — это просто замечательно. Думаю, Джинни бы хотелось посетить ее.

— Мааааааааа! — возмущенно взывала Джинни, но в этот миг отец потащил миссис Уизли к другому краю платформы, чтобы по-быстренькому переброситься парой слов с Сириусом, Люпином и Нарциссой.

— Ну, что ж, прощайтесь, — просияла в сторону Джинни и Симуса миссис Уизли, когда муж потянул ее прочь. За ними последовали Чарли и Перси, Фред с Джорджем отошли в сторонку, чтобы поприветствовать нескольких друзей, еще продолжающих учебу.

Джинни медленно развернулась к Симусу, на губах которого играла усмешка, сделавшая бы честь Малфою.

— Так, — обвиняюще начала она, — что все это было?

Симус широко распахнул свои синие глаза:

— Ты это о чем?

— Ты что, занялся самотрансфигурацией и обратил себя в Супер-пупер Парня?

— Эй, ты сама это начала. Я даже и не знал, что я твой парень. Что — была какая-то записочка, которую я не получил?

Джинни тут же почувствовала раскаяние.

— Ой, да, да — знаю. Прости. Это было просто ужасно. Сама не знаю, какая муха меня укусила.

— Я тоже. Однако надеюсь, что это не в последний раз.

Джинни быстро вскинула на него взгляд. Он определенно нервничал — в такие минуты его мягкий ирландский акцент становился более заметным.

— Я рад, что ты на меня не сердишься, — заметил он.

— Конечно, нет, — тряхнула она головой. — А с чего бы мне сердиться?

— Просто ты не разговаривала со мной три дня. У меня даже не было возможности преподнести тебе мой Рождественский подарок.

— Подарок? — переспросила она. — Ты хочешь сделать мне Рождественский подарок?

— Ну конечно.

— Но... но я для тебя ничего не приготовила!..

— Всё в порядке, — улыбнулся он. — Сможешь мне что-нибудь привезти, когда мама отпустит тебя ко мне в Ирландию.

— Слушай, я себя чувствую такой виноватой...

— Не надо, — решительно сказал он. — Я хочу вручить тебе это. Я давно обдумывал это, и, ну... я не хотел бы дарить это кому-то другому, тем более, что это весьма дорогая вещь. А на мне она выглядит глупо.

— О, надеюсь, это не кружевное белье?

— Вряд ли. Я в нём выгляжу просто баснословно, — он залез в карман плаща и вытащил оттуда маленькую коробочку — определенно, не такую, в какой держат книжки или белье. Это была коробочка для украшений. Она замялась. — Возьми, — мягко попросил он.

Она прикоснулась к ней, думая, видит ли эту сцену ее семья или нет. Джинни отчаянно надеялась, что там не кольцо. Она просто не представляла, что же в противном случае ей делать.

— Ну же, открой, — и тут ей пришлось на ум, что никто из юношей, никто и никогда — не считая ее братьев — не делал ей подарков. Ни разу. Никогда.

Она открыла коробочку — на пестрой блестящей ткани лежал браслет. О, нет... не просто браслет — это был один из Волшебных Браслетов *PorteBonheur*. Джинни едва не выронила коробочку. Волшебные браслеты были ужасно дорогими и страшно значимыми, потому что заколдовывалось вручную при помощи очень сложных заклинаний, потом подвергались трансформации, а позже активировалось. Честно говоря, она еще ни разу ни у кого ничего подобного не видела.

— Их делает мой дядя, — немного застенчиво пояснил Симус, когда она достала браслет из коробочки и повернула его к свету. Это была неяркая вещица, сплетенная из серебряных цепочек, однако сами заклипания были очень интересными: крошечная нотка, маленький золотой подсвечник, миниатюрная стрелка, стеклянное сердечко, тарелка с ложкой, перышко — их было больше дюжины. — Просто брось заклинание в огонь, чтобы оно активировалось... Вот, можно я тебе помогу надеть? — она подала ему руку, он ловким движением застегнул браслет у нее на запястье и взглянул на нее из-под ресниц. — Тебе он нравится?

Джинни вдруг поняла, что не проронила ни слова за последние пять минут.

— Какая же я балбеска, — охнула она. — О, он просто великолепен, я просто влюблена в него, я...

Но громкоголосое огненноголовое семейство вернулось и понесло Джинни к машине; она едва успела крепко пожать Симусу руку, прежде, чем мать увела ее прочь, что-то возбужденно шепча ей на ухо: Джинни уловила только обрывки — «замок... такие манеры... до чего вежливый... а какой симпатичный!»

Она только кивала, не сводя глаз с платформы и Симуса, стоящего на ней, пока они не пропали с глаз.

Он просто великолепен, я просто влюблена, — сказала она, едва не добавив, что любит и самого Симуса. — Странно, — удивилась она, — кто же меня танет за язык, ведь я почти уверена, что это неправда?

* * *

На второй день после возвращения в Имение Драко валялся на кровати, глядя в окно на бегущие по бледному зимнему небу облака. В последнее время ему определенно начала нравиться его новая спальня. Сначала он был страшно раздражен, когда Гарри разнес его старую комнату, а потом осознал, что на самом деле вовсе её и не любил — со всей этой безобразной громоздкой мебелью и черными мрачными занавесками. (Правда, у него были теплые воспоминания о гардеробе... Однако Гарри разнес вдребезги и его).

Итак, собрав необходимые вещи, он перебрался в комнату дальше по коридору, одну из тех, что всегда ему нравились. Деревянные темные стенные панели, стены такого светло-синего цвета, что он казался почти серым, напоминая ему зимнее небо, которое он всегда любил. А еще он любил огромный мраморный камин по северной стене... Да, Гарри был прав — Имению Малфоев вовсе не помешало бы центральное отопление.

Камин был подключен к Каминной Сети, что в последнее время играло немаловажную роль...

— Так ты слушаешь меня, Драко? — в голосе Гермионы послышалось легкое нетерпение. Драко перевернулся на живот и подпер голову руками.

— А что — непохоже?

Гермиона нахмурилась на него сквозь языки пламени. Впрочем, он не винил её в этом — пользоваться Каминной Сетью Дырявого Котла в личных интересах было довольно накладно, да и качество услуги оставляло желать лучшего — в их разговор периодически вклинивались посторонние люди, а накануне Гермиона, вся зардевшись, рассказала ему, что попала в «какой-то совершенно неправильный камин», где увидела «просто шокирующие вещи».

К его огромному разочарованию, поделиться с ним этими ужасающими вещами она отказалась, хотя он затерроризировал её наводящими вопросами — «А там были шарики, мармелад или живые сурки?»

— Ну-с, — фыркнула она, — и что я говорила?

— Ты говорила, — нудным голосом повторил Драко, — про Рисенн и Николаса Фламеля.

— Верно, и про Четыре Благородных Предмета... Кстати, ты знаешь, что он был последним человеком, которому удалось их собрать все вместе?

— Да, ты мне сказала.

— А потом он был ограблен, и все предметы раскидало по миру и они пропали из виду...

— А это было до или после того, как она — то есть Рисенн — умерла?

— Хм... — Гермиона заглянула в невидимую ему книгу, — после. Хотя, как я тебе уже говорила, она умерла в 1616, однако последнее упоминание о её появлении относится к более позднему времени.

— Принимая во внимание, что я видел её на прошлой неделе, не могу с этим не согласиться.

— Гермиона фыркнула:

— Я имею в виду, последнее исторически задокументированное появление.

— А, ты об этом... — протянул Драко.

Она не смогла удержать улыбку:

— Я об этом.

— Ну, ладно, давай рассказывай дальше про все эти исторические явления.

Гермиона продолжила. Оказалось, что Рисенн под разными фамилиями снова и снова мелькала на иллюстрациях книг по алхимии, которые Гермиона проверила в большой библиотеке Диагон-аллеи. Она мелькала то за одним, то за другим Малфоем, одетая по моде того времени, но безошибочно распознаваемая по узкому бледному лицу и черным волосам до талии.

— Так значит, она следит за Малфоями, оставляя за собой кровавый след, смерть и разор? — перебил Драко Гермиону посреди ее доклада. — Это ободряет.

— Вопрос в том, чего она хочет.

— Нет, вопрос в том, как бы нам от нее отвяжаться.

— Может, она это сделает, если получит то, что ей надо? — предположила Гермиона.

Драко вспомнил, как выворачивало на кладбище Гарри после того, как Рисенн коснулась его, этот больной, наркоманский взгляд...

— А может, тебе не захочется дать ей то, что ей нужно?..

— Я просто подумала, что это могло бы оказаться во владении Малфоев, коль скоро она так очарована вашей семьей. Знаешь, там куча примеров того, что люди, магическим образом связанные с какими-либо предметами, не в состоянии оставить их. И они воплощают свои души в фамильные сокровища, драгоценности...

— Как Эпициклическое Заклятье, — подытожил Драко.

— Да, как Эпициклическое Заклятье, — вздохнула Гермиона.

— Хм... — Драко затеребил своё пуховое одеяло. — И что там сказано насчет ее последнего появления?

— В 1824 она в Румынии нянчила детей Октавиана Малфоя — твоего двоюродного деда. И она исчезла... О боже... Поместье выгорело дотла.

— Море смертей и разрушений?

— Нет, погиб только Октавиан. Он вбежал в дом, чтобы спасти детей... все они выжили.

В последовавшей тишине Драко заворочено смотрел в огонь, что свивался вокруг Гермионы зелеными, синими и фиалковыми язычками.

— Я бы хотел так умереть, — отчуждённо заметил он.

Похоже, Гермиона выронила то, что у нее было в руках:

— Сгореть заживо? О нет, Драко, это просто ужасная смерть!

— Да нет же, не сгореть заживо — погибнуть, спасая чью-то жизнь. Уж, коль суждено умереть, то ведь лучше так, правда?

Гермиона вздохнула так резко и отрывисто, что звук был похож на треск дров в камине.

— Не говори так. Не надо говорить так о смерти.

Драко накрыла очередная волна усталости.

— Предполагаю, что не все твои исследования были столь удачными?

— Ты о своем ранении? Нет, — пискнула Гермиона. — Я же говорила, что теперь решила попробовать перекрестные ссылки между понятиями ранение и магическое свечение — и посмотреть, нет ли там чего интересного.

— Что ж, план не так уж плох, — в тон ей ответил Драко.

— Ты же говорил, что собираешься проконсультироваться у колдомедиков.

— Да, я назначен на приём на завтра.

Они прищурились:

— Это правда, или ты просто пытаешься закрыть эту тему? И еще — у тебя все еще бывают те сновидения?

— Ты про пижаму с сердечками, что была у Снейпа? Слава Богу, нет.

— Драко! — голос Гермионы сорвался на крик. — Я даже понять не могу, каким аспектом твоей жизни стоит озаботиться в первую очередь!

Но не успел Драко что-то ответить, как дверь его спальни с грохотом распахнулась, и вошел хмурый Гарри.

— Малфой, ты не видел...

Он осекся, его глаза расширились, когда он увидел Гермиону в камине. Та побледнела, но ничего не сказала. Повисла Очень Неловкая Тишина.

— Я, пожалуй, пойду, — наконец произнесла Гермиона. — В пять библиотека закрывается,

а я хотела бы еще несколько часов поработать. Передавай привет Сириусу, — она махнула рукой в направлении обоих юношей и исчезла.

Драко перевернулся и сел на кровати, глядя на так и застывшего в дверном проёме Гарри. Сейчас он уже не был потрясен, однако, судя по виду, явно забыл то, за чем шёл.

— Поттер, порядок. Она ушла. Можешь начинать дуться.

— Я не собираюсь дуться... Просто... Я думал, что её дом не подключен к Каминной сети.

— Так и есть. Она в Дырявом котле, на Диагоналлее. Сказала родителям, что ей надо позаниматься исследованиями. Что, как я полагаю, является почти правдой. Они ищут материалы по Четырем Благородным Объектам. Жизнь идёт, как понимаешь.

— Верно.

Гарри наконец-то очнулся и вошел в комнату, прикрыв дверь. На столике рядом с ней стоял наборчик древних волшебных солдатиков, Гарри рассеянно поднял одного и начал разглядывать.

— И как часто ты так с ней разговариваешь?

— Каждый день, — Драко не видел смысла лгать. Они и правда беседовали каждый день, причем сегодня впервые большая часть беседы была посвящена не Гарри.

— Эх, ты... — Драко не сразу понял, что Гарри не упрекал его, просто в этот миг солдатик проткнул ему палец своей палочкой. Гарри ткнул солдата на его место и сунул кровоточащий палец в рот, не ожидая обрета вид восьмилетнего ребенка.

— Ну, — протянул он, словно клещами вытаскивая из себя слова, — и как она?

— Отвратительно, — честно ответил Драко. — Вы оба сейчас такие: не едите, не спите, испортили юную трагическую любовь... Ты бы взял мое перо да написал бы какую-нибудь поэмку обо всем этом.

— Я не пишу стихи, — возмутился Гарри, по-прежнему обсасывая палец.

— А что, может, сейчас как раз самое время начать.

— Я рифмовать не умею. Я пытался.

— Это не так сложно, — подбодрил его Драко.

— Да? Тогда сам попробуй — не подумав, огрызнулся Гарри.

Драко недобро ухмыльнулся и, встав на кровати на колено, приложил руку к сердцу:

— О, горе! Жизнь моя — лишь боль, — продекламировал он.

О, горе! Жизнь моя — лишь боль,

И нет конца борьбе с судьбой.

Не будет Герми мне женой,

Развратник глупый я.

Тоскую я по моей экс,

Страдаю я при слове секс!

Судьбою проклят — крекс-пекс-фекс

Теперь навеки я.

Мой лучший друг с ней переспал...

— ОН НЕ ПЕРЕСПАЛ С НЕЙ! — заорал Гарри, приобретая оттенок баклажана. — Ненавижу тебя, Малфой вместе с твоим дурацким стихом!

По лицу Драко проскользнула легкая обида.

— Я просто даю бесплатные творческие советы. Сам подумай — вся твоя жизнь — просто превосходная эпическая поэма. Патетического плана. Интересно, можно найти рифму к слову «буфет»? Или к «онианируя в ночи в унылой гриффиндорской спальне»?.. Ой! Ой!! — взвыл Драко, когда Гарри, вооруженный зелёной подушкой, бросился на него. Яростная молчаливая битва закончилась тем, что Гарри уселся Драко на ноги, вдавив ему локоть в солнечное

сплетение.

— Возьми свои слова назад!

Драко скорчил рожу. Сейчас, нос к носу, Драко заметил, что у Гарри были куда более дикие, чем обычно, глаза, и растрепанная шевелюра.

— Прости, что назвал тебя развратником.

— Нет, ты знаешь, о чём я! К чему всё это — Рон и всё такое?! Или же так проявляется твоё братское сочувствие?

— Ну, ладно-ладно, я пытался — видимо, не вышло. Мне кажется, что я по этому поводу должен быть как можно грубее, пока ты полностью не утратишь чувствительность.

— О, это просто потрясающая мысль. Ты просто покоритель мира.

Драко повозился и приподнялся на локтях, оказавшись на одной высоте со всё ещё сидящим на его ногах Гарри.

— Слушай, Поттер, — ровным голосом произнес он, — завтра свадьба, и ты прекрасно знаешь, кто тут будет. Во-первых, Уизли. Во-вторых, половина Слизеринского факультета, потому что они друзья моей матери. Точно будут Блез и Пенси. Мир, в котором ты собираешься жить, не состоит из людей, слишком вежливых, чтобы не говорить о чём-то, или же из тех, кто не в курсе всех этих событий. И, могу тебе сказать, что, судя по тебе, первое же резкое замечание просто выбьет почву у тебя из-под ног. Так что давай-ка, привыкай, и лучше заранее потренироваться на ком-то, кто на самом деле не хочет причинить тебе боли.

Гнев исчез с лица Гарри, словно задули свечу.

— Знаешь, Малфой, — неохотно заметил он, — наверное, ты единственный человек в мире, который может мне как следует звездануть, а после этого повернуться и убеждать, что все это исключительно ради моей пользы.

— Да, — кивнул Драко с напускным мрачным видом, — вот такой я загадочный зверёк.

— Тьфу ты... — Гарри слез с него и улегся рядом, уставясь в потолок. Драко с трудом удержался от замечания, чтобы Гарри убрал свои ноги с кровати.

— Знаешь, — медленно произнес Гарри, глядя куда-то в пространство, — я подозреваю, что в последнее время я был немного угнетённый...

— Немного угнетённый?... — Драко едва не свалился с кровати.

— Я... — начал Гарри, но Драко не стал дослушивать его до конца.

— Ты называешь это немного угнетённый? Да, в таком случае, могу сказать, что жители Помпеи были немного удивлены, когда с их холма сорвалась макушка и погребла всех под слоем золы. Или же команда Титаника была немного раздражена в тот миг, когда их корабль столкнулся с айсбергом. Или...

— Ну, хорошо, хорошо, — перебил его Гарри, передернувшись от досады. — Я был в депрессии.

— Знаешь, что я тебе скажу, — конфиденциально заметил Драко, — временами я был готов пойти и зависнуть где-нибудь с Плаксой Миртл, чтобы просто побеседовать с кем-нибудь бодрым и жизнерадостным.

— Тогда зачем ты вообще торчал около меня... — раздраженно начал Гарри и тут же прикусил язык. — Ладно, прости, — понизив голос, сказал он. — Я понимаю, что тебе это не доставляло никакого удовольствия. Я не хочу показаться неблагодарным.

— Благодарность... — презрительно заметил Драко. — Куда ни шло... Слушай...

— Только не надо думать, что я не замечаю того, что ты для меня делаешь, — резко бросил Гарри. — Я замечаю. Может, это выглядит как-то по-другому, однако же, это так.

— Я знаю, — неожиданно смутился Драко. — Нет, я не жаловался... хорошо, я жаловался, и ты меня заставил чувствовать себя по-дурачки. Терпеть этого не могу.

Гарри почти улыбнулся.

— Сделай мне одно одолжение. Только оно немного

странное.

Драко захлопал глазами.

— Что-то этот разговор приобретает более тревожные зигзаги, чем танцующий румбу Снейп. Я весь превратился в слух.

Гарри покосился на него. У него было открытое и доверчивое выражение лица — взглянув на него, не возможно было сказать «нет». Ему хотелось доверять, верить, что, какой бы ни была его идея, она непременно правильная. — Ты нужен мне, чтобы забрать у меня мои воспоминания.

* * *

— Рональд Уизли, в данном случае у тебя нет выбора, — заявил его отец в таком тоне, что было понятно, что он не потерпит никаких возражений. — Ты меня понял?

— Да, — ответил Рон тем же неумолимым голосом. — Однако, я все равно не собираюсь.

— Нет, соберёшься.

— Нет. Никогда. Ни за что.

Джинни умоляюще посмотрела на мать, призывая ее вмешаться, однако та ответила унылым взглядом. Обе представительницы слабого пола в доме Уизли сидели за кухонным столом, наблюдая сквозь открытую дверь гостиной за Роном и мистером Уизли. Мистер Уизли яростно ходил туда-сюда по ковру, Рон, свесив голову, отчего упавшие волосы закрыли его лицо, тихо сидел на диване, зажав стиснутые руки между колен.

— Не волнуйся, лапочка, — миссис Уизли похлопала Джинни по руке, — папа заставит его увидеть причины.

Джинни безмолвно подняла на нее глаза, впервые в жизни пожалев свою маму, не имеющую не малейшего представления о том, что произошло с её младшим сыном. Конечно, маму она жалела иначе, нежели самого Рона... Однако на не могла его винить в том, что он не желает присутствовать на свадьбе.

— ...Тогда предложи мне хоть какое-нибудь маломальски приемлимое объяснение! — грохотал Артур Уизли, плавно перемещаясь от «Всё уже готово» и «Вся семья собирается» и более общему «Нет никаких причин для такого рода поведения».

— Я же говорил тебе, — монотонно пробубнил Рон. — Я подрался с Гарри. Он меня видеть не хочет. Это создаст неловкость во время свадьбы. А это не честно по отношению к Сириусу.

Миссис Уизли вздохнула.

— Бедняжка, — услышала Джинни и не поняла, к кому это относится — к Рону или Гарри. Конечно же, миссис Уизли восхищалась своим младшеньким, однако и над Гарри она кудахтала так, словно он был одним из ее детей. С внутренней улыбкой Джинни порадовалась тому, что они с Гарри никогда не встречались, — мать принимала бы его сторону во всех спорах, и кончилось бы это тем, что ей пришлось бы бороться с желанием стукнуть маму по голове чем-то тяжелым. Мистера Уизли мысль о том, что Рон с Гарри не разговаривают, потрясла так же, как потрясло бы известие, что так себя ведут близнецы или Билл с Чарли — просто ужасающий подрыв всех семейных основ.

— А я тебе говорю, — взбешенно продолжил мистер Уизли, — что утром я получил сову от Сириуса, где он сообщил, что надеется увидеть нас в Имении, и что, в частности, Гарри надеется на встречу с тобой.

— Это Сириус так говорит, — деревянным голосом возразил Рон.

— Ничего подобного! И уж, коль скоро вы подрались, используйте шанс для того, чтобы помириться. Вы и раньше ругались. Это не в последний раз.

Рон промолчал, однако Джинни поняла, о чем он подумал.

Это в последний раз.

— Твое отсутствие действительно может испортить удовольствие от праздника Сириусу и Нарциссе, —

твердо заявил мистер Уизли.

На этих словах Рон резко вскинул голову:

— И что — ты думаешь, я и правда поверю, что им будет до этого дело? С чего бы? — его голос был настолько монотонен, что с трудом улавливалось, что это вопрос. — А тебе-то что?

— Естественно — я же волнуюсь! — вскипел мистер Уизли, всплеснув руками. — Я не могу с тобой разговаривать! Вообще не могу!

Багровый, как спелый помидор, он, развернувшись, протопал в кухню, на мгновение задержался, чтобы бросить яростный взгляд на Джинни и миссис Уизли.

— ПОДРОСТКИ, — во всеуслышанье заявил он тем же тоном, каким по Волшебной сети объявляли об очередной вспышке гномьей лихорадки, и метнулся в сад, прогрохотав дверь.

На лице миссис Уизли появилось смутное.

— О боже... — пробормотала она, взволнованно глядя в окно на мужа, с остервенением взявшегося за абсолютно необязательное обезгномливание грядков с салатом. — Думаю, мне стоит поговорить с Роном...

— Нет, — со вздохом поднялась на ноги Джинни. — Позволь мне сделать это. Думаю, я понимаю, в чем дело.

Она решительно вышла с кухни и поплотнее закрыла дверь. Ей показалось или же действительно температура в комнате была на несколько градусов ниже, чем в остальном доме? Коли так, то источником холода был Рон, сидевший все в той же позе, что и последние два часа — поникшие плечи, опущенная голова. Она подошла и присела рядом. Он не шелохнулся.

— Я не собираюсь, Джинни...

— Я знаю, — кивнула она. — Но ты должен.

Он поднял голову и взглянул на нее, глаза его выдали. Джинни поморщилась. Когда ей было одиннадцать, лето после того инцидента с дневником было наполнено ночными кошмарами, и братья взяли за правило по очереди спать на полу у её кровати, чтобы она не оставалась одна. Родители тоже пытались, но Джинни попросила, чтобы это делали именно братья. Они защищали её. Всегда.

— Не будь таким. Ты знаешь, почему.

— Потому что мама и папа...

— Нет. Из-за Гарри.

— Из-за Гарри?! Но именно из-за него я и остаюсь здесь! Да он в жизни не захочет, чтобы я там появился!

— Нет, возможно, все не так, — предположила Джинни. — Давай рассудим по-другому. Гарри знаменит. Драко знаменит. Сириус и Нарцисса — их тоже все знают. Эта свадьба обещает стать просто грандиозным мероприятием, там будет полно прессы. Если ты не пойдешь, они получат от этого огромное удовольствие: «Лучший друг Гарри Поттера, сын Министра Магии отметил тем, что не удосужился почтить своим присутствием это величественное мероприятие...»

Застонав, Рон уткнулся лицом в руки:

— Не надо... Ну, хорошо, ладно — может, я и обязан поехать на эту свадьбу, но почему я должен отправиться на день раньше, со всеми вами? Я так полагаю, что завтрашний обед — вещь совершенно закрытая, на ней не будет ни репортеров, никого, за исключением тех, кто приглашен. Об этом никто и не знает.

— Я знаю, Рон, ноне думай, что они не станутьвыспрашивать и выискивать тех, кто был тут на день раньше?

— Не станут, — с несчастным видом пробормотал Рон.

— Станут, — отрезала Джинни. — Они будут во всем копать и искать что-нибудь, о чем пожелают поговорить. А потом они все это выплеснут на страницы Ведьмополитена, как всю эту историю с Крумом или то, что было на следующий год, — про Гарри и Чу — там не было ни слова правды! И все это снова окажется ужасно унижительным для Гарри. Что —

ты этого хочешь?

— Нет, конечно, не хочу! — Рон подскочил и прошел к камину, пустому и холодному. В наступившей тишине Джинни услышала шелест начинающегося дождя. — Если бы я мог вернуться назад и всё изменить, думаешь, я бы отказался?

— Не имеет значения. Ты не можешь этого сделать, не можешь исправить то, что было в прошлом. Однако ты вполне мог бы сделать настоящее более терпимым.

— Скажи ты мне год назад, — тихо произнес Рон, глядя в пустой камин, — что я собираюсь провести Рождество в Имени, потому что приглашен на свадьбу... и что Гарри тоже там будет, потому что это теперь его дом... и я радуюсь этому, как и все остальные — я бы расхохотался тебе в лицо. Я ненавижу Малфоя. Я ненавижу всех Малфоев и всё, с чем они связаны. И мне временами кажется, что Драко — единственный человек, который ещё помнит истинное положение вещей. Кстати, знаешь, как он смотрит на меня? Злорадно, словно что-то выиграл. Он всегда хотел, чтобы Гарри был на его стороне — и вот, он своего добился. Я скучаю по нему, Джинни... — голос Рона оборвался. Она хотела подойти к нему, но побоялась, что любое появление сочувствия может уничтожить последние крупинки его самоконтроля. — Я скучаю по моему лучшему другу... — еще тише продолжил Рон. — Он любил и ненавидел то же, что и я, я всегда был для него важен. А теперь... теперь я не знаю. Если бы сейчас снова предстояло Второе Задание, как думаешь, кого бы он спасал со дна озера? Уж точно — не меня.

— Рон, люди меняются, — мягко произнесла Джинни.

— Я — нет. Я не меняюсь, — Рон смотрел сквозь нее, она поняла, что на самом деле он ее не видит. — Я пойду. Я пойду на свадьбу из-за всего того, что ты перечислила. Но у меня дурные предчувствия от всего этого. Что-то подсказывает мне, что близится тьма. Случатся ужасные вещи — страшные, темные вещи.

Джинни насторожилась:

— Что-то дурное? Рон, ты говоришь это потому, что что-то видишь, или же просто так? Потому что, если ты...

Рон горько улыбнулся:

— А вот это неважно. Что бы я или мы ни делали — это все неважно. Потому что это надвигается, и мы не в силах это остановить.

* * *

Драко резко выпрямился и переспросил:

— Зачем я тебе нужен?

— Ты слышал.

— Угу, это будет что-то выборочное, или же ты собираешься избавиться от всех своих воспоминаний? Планируешь начать жизнь с чистого листа? Собираешься войти в программу Волшебной Защиты Свидетелей? Решил провести остаток дней, гадая, откуда взялся у тебя на лбу этот занятный шрам?

— Хм, не психуй.

— Я не психую, — с достоинством возразил Драко.

— Ещё как, и, кстати, я не говорил, что собираюсь избавиться от всех моих воспоминаний. Ничего подобного, я вовсе не хочу лишаться их всех... большей частью из них. Я просто не хочу вспоминать... — он замолчал.

Драко сидел тихо-тихо. За последние семь дней он только единожды слышал, как Гарри произнес имя Рона — и то в сильном гневе. Имя Гермионы он тоже не произносил, только «она», «её», когда уже совсем было некуда деваться. Несмотря на слова Драко о потере чувствительности, он где-то в глубине души здорово испугался реакции Гарри на всё происшедшее (хотя он бы в жизни не признался в этом — ни себе, ни кому-либо другому).

— Я просто не хочу всё это помнить, — закончил Гарри. — Только для сегодняшнего вечера, это все-

таки вечеринка Сириуса, и я не хочу её испортить своим несчастным видом. Я должен быть счастливым — ради него, для него. И я буду, это просто... — Гарри прикрыл глаза и на миг затаил дыхание. От ресниц на скулы упала тень, словно тонкая штриховка.

— Как же я устал, — утомлённо выдохнул он. — До чего же сложно жить, словно ничего и не случилось...

— Это всего-навсего ночь... — заметил Драко.

— Я знаю, — открывая глаза, кивнул Гарри. — А потом еще и ещё одна — и я должен через них пройти. И я пройду. Пройду. Это просто сегодняшний вечер. Но он — особенный. Это ведь Сириус, понимаешь?

Фраза жалобно повисла в воздухе. Да, Драко понимал: Сириус действительно был особенным, тем более, что сейчас Гарри чувствовал, что уже не так зависит от него. Драко кашлянул, прочищая горло:

— Нет. Я не стану этого делать.

— Но почему? — спросил Гарри, садясь и удивленно вскидывая взгляд.

— Потому что я недостаточно подготовлен, чтобы заниматься Заклятьями Памяти. И из-за этого эффект может оказаться обратным. Это штука может обернуться против тебя: ты можешь лишиться не тех воспоминаний или же вообще — всех.

— Но я думал, что ты... В смысле, ты же практиковался в Темных искусствах...

— Заклятья Памяти — это вовсе не Темные Искусства! — почти закричал Драко. — Ты, видимо совсем помутился рассудком, если решил, что, коль скоро это Темная Магия, я применю её к тебе!

— Я... — испуганно начал Гарри.

— Да меня, для начала, пришибет Сириус, — сердито продолжил Драко. — Ты бы хоть подумал, как это будет выглядеть, если посреди вечеринки ты забудешь его имя или что-то еще в том же духе.

— Ладно, ладно. Я понял, о чем ты. Но ведь должно же быть что-то...

— Как насчет Жизнерадостного Заклятья? — неохотно поинтересовался Драко. Признаться, по его внутреннему ощущению спрашивать Драко Малфоя о Жизнерадостном Заклятье было столь же реально, как Снейпа — о Любовном Зелье или просить у Филча именинный торт с розочками. — Во всяком случае, это будет более безопасно.

Гарри растерянно передернул плечами:

— А ты можешь?

— Черт, да это же третий курс. Конечно, могу.

— Я не о том — ты это сделаешь?

Драко вздохнул:

— Наступая на горло собственной песне — сделаю. Но не сию секунду. Мне нужно еще раз взглянуть, что к чему, кроме того, я не хочу, чтобы ты полдня ходил вокруг с идиотской улыбкой.

Гарри усмехнулся, спокойно и вовсе не идиотски, перевернулся и присел.

— Спасибо, я загляну к тебе перед вечеринкой.

— Какая радостная весть. Поттер...

— Что? — повернулся к нему Гарри.

— Нет, ничего...

* * *

Это Имение такое здоровенное, — размышлял, шагая, Гарри, — Сириус давно должен был сдать её и сделать Карту Мародеров и для этого места. Не сосредотачиваясь на том, куда идти, он довольно хорошо находил дорогу — видимо, побочное действие неправильной работы Многосущного Зелья: какой-то отзвук Драко все еще звучал у него в голове.

Эй, там! Малфой! — мрачно развлекался он, подходя к разветвлению коридора на два. — И по какому из них прикажешь идти?

Он отправился налево — частично из-за того, что так подсказал ему внутренний голос, частично из-за того, что все «левое» и зловещее ассоциировалось у него с Драко. Новый поворот — и он оказался

в другом проходе, освещенном единственным факелом в нефритовых скобах. Не надо быть семи пядей во лбу, как Гермиона, чтобы сообразить, что он оказался в Зеленом Крыле: зеленые гобелены на стенах, пол с шахматным рисунком из зеленого и белого мрамора.

Бе, — подумал Гарри. — Хотя с другой стороны, хотя бы не ошибся с направлением. Зимний сад располагался в Зеленом Крыле.

Поднырнув под гобелен, с которого кисло взирал очередной малфоевский предок и, миновав очередной коридор, Гарри оказался на месте и осмотрелся в немом изумлении. Он знал, что у семьи Драко были деньги, причем не просто деньги — они были одной из самых богатых волшебных семей Англии. Однако все это казалось ему каким-то абстрактным понятием, он никогда, и, тем более — в последнее время, всерьез не задумывался и не обращал внимания на грандиозные интерьеры Имения. Возможно, потому, что большинство зажиточных домов были богато, однако некрасиво украшены. Зимний сад же был прекрасен: дымчатые стеклянные стены вздымались у него над головой, неяркий декабрьский свет струился сквозь них, нежно золотя все вокруг. В бассейнах плавали гиацинты, росли деревья, покрытые унылым мхом, — пальмы, сосна, древовидные папоротники и даже одно райское дерево.

Ну и — естественно, это же дом Малфоев! — по одной стене ползли всякие плотоядные растения, некоторые из которых Гарри узнал благодаря Гербологии: росянки, непентесы, Венерины мухоловки, кувшинчики.

Он присвистнул сквозь зубы — и ему откликнулось эхо. Гарри вспомнил, за чем шел и, быстро подойдя к свежескопанной земле, опустился на колени, словно мальчик у алтаря. Пошарив в кармане, он начал доставать и ставить на мраморную плиту справа от себя предметы, что он принес с собой. Честно говоря, он не совсем отчетливо представлял, что именно он делает, — это было самое инстинктивное волшебство, какое он только мог вообразить: он полностью положился на внутреннее чутье, на свой магический инстинкт. То, что он захватил, вовсе не было чем-то специально подобранным, это было только то, что было ему нужно в последнее время: альбом с фотографиями родителей, который подарил ему Хагрид, Думотвод — подарок Драко на день рождения, орлиное перо, что Гермиона преподнесла ему на двенадцатилетие, смешная карикатура Сириуса на гриффиндорскую квиддичную команду. И письмо от Люпина.

Гарри хотел взять с собой что-нибудь из того, что дарил ему Рон, но не смог заставить себя даже взглянуть ни на одну вещь, данную ему лучшим другом. Он мог бы заставить себя — но душевных сил явно не хватало. Он даже не пытался размышлять над тем, что собирается делать, мысли только разрушали эту тонкую, сотканную им паутинку — паутинку любви, отчаяния и интуиции. Он словно следовал каким-то указаниям, пришедшем к нему во сне, он не сверился с книгами заклинаний, не пошел в библиотеку. Когда он подумал, как бы сейчас ужаснулась его действиями Гермиона, его губы дрогнули.

Гермиона.

При мысли о ней защипало в горле. Он бросил взгляд на предметы у своих ног и вытянул вперед правую руку:

— *Apparecium incendio!* — огонь куда жарче обычного пламени выпрыгнул перед ним на мраморный пол, заставив быстро отдернуть руку. Проследив, не поползет ли пламя в разные стороны (оно осталось словно замкнутым в круг, как если бы он обнял его руками), Гарри, не думая ни о чем, кинул в сердце огня орлиное перо.

Пламя на миг окрасилось синевой. Туда же отправился рисунок Сириуса, письмо Люпина — чернила заблестели черными бриллиантами на рассыпавшемся в золу пергаменте. Гарри поднял альбом и замер. И все же, поколебавшись, кинул его следом. Яростный

лазурный огонь проел страницы насквозь, превратив их в прах, — из глаз Гарри хлынули неожиданные слезы.

Взяв пригоршню золы, Гарри сквозь пальцы просеял ее в Думотвод, чувствуя, как сердце пытается вырваться из груди. Дымные белесые образы внутри Думотвода окрасились багрянцем и закружились — быстрее, быстрее — как сердитые грозовые тучи.

Из заднего кармана штанов Гарри вытащил складной ножик. Щелчок — вспышка лезвия... Гарри сжал пальцы вокруг него, стиснул из всех сил — боль серебряной молнией прострелила его — тонкая струйка крови протянулась к Думотводу, сделав его содержимое еще более красным.

Гарри почувствовал, что время пришло: отбросив нож, окровавленной рукой он за потертый шнур вытянул из-за пазухи стеклянный фиал, наполненный землей. Откупорив, он высыпал содержимое в Думотвод, стекло зацокало по полу — этот звук навел на мысли о далеком дожде.

Слова полились из Гарри сами собой, он не думал о том, что произносит: дым, бесконечное головокружение, не оставлявшее его все эти дни, боль в руке и эта полубессознательная магия ввели его в состояние, близкое к трансу. Его разум вернулся куда-то далеко назад, прикоснулся к каким-то ранним воспоминаниям — мать, склонившись, пела ему песенку, волшебную защищающую песенку:

*Злобные силы тебя обойдут,
И колдовство не коснется,
Призраки, духи пускай не зовут,
Зло к тебе не повернется.*

Раздался странный тихий звук, словно лопнула потерявшая старая веревка. Внезапно дым в Думотводе словно выстрелил вверх — как змея, взвивающаяся перед заклинателем. Красный дым поднимался и поднимался, окружая, ослепляя и оглушая Гарри, трижды обвившись вокруг него и стиснув, как шелковым шнуром, его лоб, горло и грудь. Он видел только красное марево, слышал только стук своего сердца.

Тишина распалась — в его голове заговорил голос, заговорил так, как мог говорить с ним только Драко, — донося все без слов. Получилось. Ты защищён.

Дым растаял, вернувшись в Думотвод водой, отступающей после паводка, и через миг изменил и свой цвет, став таким же нетронутым и неподвижным, как и раньше.

Захлопав глазам, Гарри задохнулся, хватая ртом воздух — резкий дым жёг горло. Лицо, покрытое копотью с дорожками слез, стало липким. Он чувствовал ужасную усталость и облегчение. Медленно опустив голову к своей кровоточащей руке, он повторил прозвучавшие у него в голове слова: получилось. Я защищён. Теперь я могу сделать то, что должен. Для чего я родился. Теперь я могу убить.

* * *

Гермиона утомленно потеряла тыльной стороной руки глаза. Уже третий день она проводила в Мемориальной библиотеке на Диагон-аллее. Ей в жизни не пришло бы в голову, что от этого уже может мутить, — однако так оно и было. Возможно, потому, что ее исследование так и не увенчалось успехом.

Гермиона могла буквально с головой уйти в работу — чем сложнее та была, тем лучше. Однако такой рассеянной и отстраненной, как сейчас, она себя не помнила: в голове роились мысли о Роне и Гарри, она беспокоилась о Драко — тот с каждым их разговором выглядел все хуже и хуже... неужели, больше этого никто не видит? Или всем на это наплевать? Она понимала, что тот достаточно смекалист, чтобы утаить всё от Сириуса, но как же Гарри — ведь он чувствовал его на инстинктивном уровне, мог бы все

понять, если б хотел... У нее чесались руки послать Гарри сову, однако она понимала, что он порвет письмо в клочки, не читая. Упрямец. Чёрт побери.

Она обвела взглядом библиотеку и вздохнула. Стены были обшиты темными панелями красного дерева, на них висели портреты великих волшебников и волшебниц. Гермиона устроилась под портретом Ровены Равенкло в синей мантии, надеясь, что это подарит ей вдохновение. Вместо этого у нее возникло навязчивое чувство, что колдунья взирает на нее с разочарованием.

Поднявшись, она потянулась, размяв затекшие мышцы, и вернулась к парящему каталогу с карточками, что располагался вдоль восточной стены. Книжные черви сделали для нее уже четыре запроса, она была совершенно убеждена, что утомила их своими просьбами — хотя, имея дело с червями, даже такими волшебными и разумными, трудно было это утверждать наверняка. Один из них выскользнул на верх каталога и, к ее вящему удивлению, помахал своими светло-золотистыми усиками. Гермиона снова вздохнула. Она уже перебрала по поискам яды, ранения, кровь, свечение, серебро, ослабляющие/обессиливающие заклятья, фосфоресцирование. Бесполезно: не было ни зелий, ни яда, что могли бы заставить кровь светиться. Были зелья, заставляющие светиться людей, всякие косметические заклинания, обещавшие, что кожа приобретет свечение и омолодится, однако у нее было ощущение, что причиной такого ужаса вряд ли было косметическое заклинание. Хотя, если речь шла о Драко, всякое было возможно.

Червь нетерпеливо размахивал усиками. Снова вздохнув, Гермиона решила на последнюю попытку:

— Не мог бы ты посмотреть в разделе Магического Оружия? Хочу узнать, есть ли светящееся оружие или же оружие, вызывающее свечение при поражении.

Усики снова зашевелились, и червь, трудолюбиво извиваясь, отправился исполнять поручение. Гермиона проследила за ним, подавляя зевоту и прекрасно понимая, что для того, чтобы проверить все книги раздела ему может понадобиться не один час. Ей уже было дурно оттого, что она сидела в закрытом помещении. Решительно передернув плечи, она вернулась к столу, вытащила свой синий шерстяной плащ и поспешила к дверям, навстречу вялому зимнему солнцу.

Диагон-аллея бурлила. До Рождества было меньше пяти дней — похоже, что все ведьмы и колдуны Англии примчались за покупками в этот узкий лабиринт торговых улочек. На высоких фонарных столбах реяли красные и зеленые ленты, крошечные волшебные ангелы трубили с макушек елей. Над головами мельтешили сотни почтовых сов, разнося посылки с логотипом УПС (Услуги Почтовой Связи — для тех, у кого не было собственных сов — Рон для краткости всегда говорил просто «упс»). Миновав духовой оркестр, с воодушевлением наяривавший *Adeste Fidelis* за углом, она оказалась у Переулка Дамских Хитроостей.

Окна были превращены в витрины, в которых красовались зимняя одежда и чудесные мантии. Гермиона пошла чуть медленнее, хотя, признаться, никогда не была поглощена всеми этими тряпками — ни раньше, ни сейчас — ей нравилось выглядеть аккуратно, милой и вполне презентабельной. Однако каждый раз, когда она надевала симпатичную юбку или свитерок, то, рано или поздно, заляпывала их чернилами. Красивые вещи ей нравились, но не было ни времени, ни желания идти путем Блез или Пенси. Но сегодня был особый случай.

Конечно, будь Гарри по-прежнему её парнем, она бы больше беспокоилась о том, в каком виде появиться... А теперь... Посмотрев на свое отражение в ближайшей витрине, она вздохнула. Спутанные волосы, помятое лицо, старый вязанный вручную свитер, морщины на колготках. Фу. Она скользнула взглядом

по платьям за стеклом. Прищурилась. Гермиона яростно ненавидела все эти вечерние платья с цепочками, шнурочками; её тошнило от пришитых цветочков. Однако вот это было действительно ничего — простые линии, синий, зеленый и красный цвета — цвета драгоценных камней... В конце-то концов, ей было нужно платье для свадебного приема. И она вовсе не хотела выглядеть там так, словно ее волоком протащили сквозь заросли Трясущегося Папоротника, — тем более, что там будет Гарри. Ей хотелось выглядеть просто потрясающе и продефилировать мимо него с самым надменным видом, который бы его доконал. Нет, естественно, она вовсе не собиралась его доканывать. Разве что раздавить. Ну, может, придавить.

Решено. Гермиона расправила плечи и распахнула дверь, старательно, как только можно было сделать рукой в перчатке, разглаживая и расправляя волосы. Она понимала, что сейчас выглядит не самым лучшим образом, однако вряд ли она бы встретила кого-то знакомого.

Вряд ли. Однако всё возможно. Гермиона прошла в магазин, пытаясь привыкнуть к неяркому свету. Розовые лампы заливали нежным светом элегантные, похожие на конфетки, платья в стеклянных витринах и просто развешенные по стенам: дерзкие коротенькие, длинные шелковые, по-кондитерски розовые с кружевной оторочкой.

У окна терпеливо стояла коротко стриженная брюнетка, пока высокая ведьма с пепельно-серым пучком на затылке применяла Подкалывающие Чары, подшивая платье, усыпанное рисунком из роз.

Колокольчик звенькнул, когда двери закрылись, высокая колдунья повернулась.

— Здравствуйте, дорогая! — несмотря на теплые слова, голос был отчужденный и холодный. — Я мадам Максби, хозяйка магазина. Если вы подождете минутку, я вся буду к вашим услугам.

Гермиона не ответила, слишком велико было потрясение. Девушка, стоявшая у окна, развернулась и взирала на нее с выражением неподдельного ужаса.

Это была Пенси Паркинсон.

* * *

Драко стоял и рассматривал себя в зеркале внутренней дверцы шкафа. Да, вид вполне — впрочем, он воспринял это как данность, — он всегда хорошо выглядел. Родись он некрасивым или даже уродливым, высокомерия не было бы меньше. Это высокомерие было настолько естественным, что Драко вообще крайне редко о нём задумывался. Все Малфои всегда были красивы. Девчонки (и некоторые парни тоже) начали засматриваться на Драко, когда ему было около пятнадцати, когда мать уже начала осторожно намекать ему, что он как-то медленно растет. Он всегда был невысоким и щуплым, как Гарри, — и расти начал в одно время с ним, подозревая, что тут не обошлось без силы воли: он бы не пережил, если бы был ниже Гарри Поттера.

Провозившись минуту с галстуком, он оценил себя критическим взглядом, не уверенный, что стоит надевать его на мальчишник, который, впрочем, мальчишником не являлся: Сириус был в этом отношении весьма щепетилен: никаких голых ведьм, выскакивающих из тортов, — просто тихая дружеская ночь в отеле Рождественский Морозец, куда были также приглашены несколько местных жителей — из тех, с кем он намеревался сойтись покороче. Жители Малфой-Парка имели зуб на обитателей Имения, и Сириус надеялся всё исправить. Драко знал, что Сириус старается для него, и был благодарен. Мысль о Сириусе в Рождественском Морозце заставила Драко улыбнуться: отец все годы предпочитал именно этот отель.

— Кончай возиться со своим галстуком, — раздался голос у него за спиной. — Ты его крутишь и крутишь — а результат все равно один и тот же.

Драко повернулся: в дверях стоял Гарри, пытливо

глядя ему в лицо. Темно-синие брюки от Кеннета Тролля, серо-голубой свитер под длинным шерстяным плащом — Драко узнал эти вещи, он сам предложил Гарри купить их.

Да, вкуса у него нет, — подумал Драко. — Однако он хотя бы следует указаниям.

— Ты, чертов призрак Мерлина! — пробормотал он вслух. — Ты стучать научишься?

— А я постучал. Просто ты был слишком поглощен своим отражением, чтобы обратить на это внимание.

— Значит, стучать надо дважды. И не входить вразвалку. Что бы ты делал, сиди я тут совершенно голый и обмазывай себя пудингом из тапиоки?

По лицу Гарри скользнул встревоженный взгляд.

— Ну, не знаю... А что — ты любишь этим заниматься?

— Очень может быть, — надменно ответил Драко. — Моя комната — что хочу, то и делаю.

— Ну, — заюлил Гарри, — честно говоря, я должен сказать, что посчитал бы это очень странным.

Драко яростно покосился на него.

— Кроме того, — добавил Гарри, — ты ненавидишь тапиоку.

— Думаю, ты отвлекся от темы.

— А что — она была? Прости, похоже, её погребли все эти пудинги.

— Хм... — вежливое покашливание прервало их рассуждения. — Даже спрашивать не буду, о чём вы тут, — в распахнутых дверях стояла Нарцисса. — Драко, дорогой, пятиминутная готовность. Сириус ждет вас внизу.

Она одарила их улыбкой и ушла. Гарри нетерпеливо взглянул на Драко.

— Наверное, лучше сделать это сейчас.

— Что? А, Жизнерадостное Заклятье... Ага, точно. Встань сюда, — Драко, вздохнув, потянулся к своему зимнему плащу и набросил его на плечи, пока Гарри подходил и вставал перед ним. — Ты точно в этом уверен?

Гарри немного помедлил.

— Да, я уверен. В конце-концов, это всего лишь Заклятье.

— Как скажешь, — кивнул Драко, закончив прикреплять пряжку в форме грифона, что скрепляла плащ спереди, и задумчиво взглянув на Гарри. — Глаза закрой.

Гарри бросил на него беспокойный взгляд.

— Поттер... — предупреждающим голосом произнес Драко.

Гарри вздохнул и закрыл глаза, Драко уперся указательными пальцами ему в виски — тот никак не отреагировал, только слегка склонил голову, отчего волосы скользнули Драко по руке — еще влажные, недавно вымытые, они охладили ему руку. А чуть ниже висков были полосы копоты, и Драко подивился тому, откуда они там взялись.

— Стой смирно, — приказал Драко и с усилием подумал о жизнерадостных вещах — чем более жизнерадостны мысли заклинателя, тем эффективней заклинание, в данном случае. Квиддичные победы, рождественские подарки, веселые шутки... хотел бы он видеть лицо Симуса, когда тот, в своей Ирландии развернет рождественский подарок, что послал ему анонимный благодетель, и обнаружит там новую лопату...

Легкая улыбка тронула губы Драко. Склонив голову, он сосредоточился — так сильно, как мог, собрав свою волю, чтобы она стала острой, как нож и прочной, как адмантин. Напряжение пробежало по его нервам, он закрыл глаза...

— Felicitus.

Магия соскользнула с кончиков его пальцев, словно они выдохнули ее. Гарри застыл. Драко убрал руки и отошел назад.

Гарри широко распахнул глаза:

— Bay...

— Что — «bay»? — прищурился Драко.

Гарри улыбнулся — счастливой, радостной

и веселой улыбкой, какую невозможно подделать.

— Потрясающе!

— Потрясающе? — перепросил Драко.

— Я чувствую себя так, словно с меня свалилась сразу тысяча фунтов, — Гарри осмотрел себя и снова поднял взгляд на Драко. — Я ощущаю... всё в порядке. Спасибо, Малfoy, — он смотрел на Драко широко распахнутыми глазами. — Ну да, я об этом — спасибо.

— Конечно, — кивнул Драко, чувствуя смутное беспокойство. — Рад, что получилось.

— Получилось... — похоже, Гарри утратил дар речи и был в шаге от всех этих цветочков, зайчиков и еще Бог знает чего. Драко поспешно подался назад, сгреб со стола перчатки и махнул Гарри рукой.

— Нам пора, — напомнил он. — Внизу нас ждет твой приемный отец.

— Верно-верно, — Гарри направился к дверям и замер, взявшись за ручку. Повернувшись, он взглянул на Драко. — Ты сделал отменную вещь, Малfoy, — просто сказал он.

Драко замер и уставился на него, забыв надеть перчатку: глаза Гарри светились — такого не было уже несколько месяцев, признаться, он даже не был уверен, видит ли его сейчас Гарри или же смотрит сквозь него. Кого он видит?... Ну, не меня, кого-то получше.

— Надеюсь, — ответил Драко и последовал за Гарри из комнаты, ощущая, что опасения всё нарастают и нарастают.

* * *

— Привет, — произнесла Гермиона, когда неудобное мгновение миновало. — Привет, Пенси.

Пенси не ответила. Гермиона удивленно посмотрела на нее: кровь отлила от лица слизеринки, и яркий цвет платья контрастировал с ее абсолютно белой кожей; карие глаза расширились от ужаса, словно вместо Гермионы перед ней стоял безобразный призрак.

— Я так понимаю, вы знакомы, — насмешливо заметила ведьма с пучком.

— Мы однокурсницы, — пояснила Гермиона, не отрывая глаз от Пенси.

— Из Хогвартса? — уточнила продавщица.

— Д-да, — Гермиона поняла, что Пенси слишком ошеломлена, чтобы нарушить тишину. Странная мысль пришла ей в голову... но... Нет — это нелепо. — С седьмого курса.

— А, так я понимаю, ты тоже приглашена на субботнее торжество, посвященное свадьбе Малfoy-Блека? — начала ведьма, но тут пришедшая в себя Пенси перебила ее.

— Так ты тоже будешь на свадьбе? Я думала, ты... — и тут же захлопнула рот, залившись краской под цвет своего платья. — Я имела в виду, что после...

— Ну, конечно же, я буду, — Гермиона говорила ровно, старательно скрывая досаду. Ничего удивительного, что Пенси узнала о её разрыве с Гарри: наверняка, все школа уже в курсе. Однако на месте Пенси было довольно грубо напоминать ей об этом. А впрочем, когда Пенси не была с ней грубой? — Я и не думала пропустить эту свадьбу.

— Ясно, — голос Пенси сорвался на неестественный визг, — пару слов в качестве совета: не находишь, что это выглядит довольно жалко — появляться в доме парня, который тебя только что послал? На твоём месте я бы такого не делала.

Это замечание секунды на четыре повергло Гермиону в ступор, и, заговорив снова, она, с трудом держа себя в руках, услышала какие-то скрипучие нотки в своем голосе:

— Пенси, ты мне никогда не нравилась, однако, на мой взгляд, в последнее время ты стала какой-то уж слишком злобной. У тебя ко мне что-то личное?

Лицо Пенси окаменело, взгляд затвердел, глаза чуть начали косить.

— А тебе-то что? — зашипела она, и швея, возыжаясь с ее платьем, отшатнулась, удивленно вскинув

брови. — У тебя восхитительная частная жизнь, чудопарень и исходящие от тебя слюнями Драко с Роном — словно бы ты что-то особенное... да ничего подобного! Ты обращаешься с ними, словно с чем-то второсортным, словно они не чистокровные волшебники. Да как ты осмелилась?! Грязнокровка! — заорала она на Гермиону, заходясь от ярости. — Грязнокровка!

— Пенси, а тебе не приходило в голову, что ты не нравишься ни одному из этих парней, потому что ты конченная стерва? — рывкнула, не выдержав, наконец, Гермиона. — Я не ставлю их ниже себя, но и не распускаю слюни, и не лебезю перед ними, как ты перед Роном — да он тебя просто ненавидит...

Пенси взвыла и, казалось, была готова накинуться на Гермиону с кулаками, но мадам Максби удержала ее.

— Спокойно, спокойно, дорогуша, ты испортишь ткань.

— Ты вызываешь только жалость! — кричала Пенси на Гермиону. — Отшвырнула Драко и Поттера после того, как они тебе надоели, целыми днями сидишь, оттачивая свои мозги — что, думаешь, над ними никто не потешается? Ты сделала из них посмешище, а они — одни из самых чистокровных волшебников! Все думают, что ты какая-то особенная, умная, но я тебя насквозь вижу. То, что ты Староста Школы и такая известная не значит...

— Ты хочешь решить этот вопрос на дуэли? — перебила ее Гермиона, повышая голос. — С удовольствием, Пенси, с удовольствием, и когда я с тобой разберусь, того, что от тебя останется, не хватит, чтобы сделать начинку для тыквенного пирога.

— О, — заметила мадам Максби. — Обожаю тыквенные пирожки.

Из глаз Пенси хлынули слезы, к удивлению Гермиона, она отбежала от швеи и, рыдая, метнулась в одну из примерочных, с грохотом захлопнув за собой дверь.

— Ничего себе... — ни к кому не обращаясь, произнесла Гермиона.

— Так-так, — легкая улыбка скользнула по лицу мадам Максби, — весьма впечатляюще, милочка. Не хотела бы ты сейчас примерить платье?

— Я... — Гермиона даже не знала, что она бы сейчас хотела меньше этого. Она мечтала сейчас вернуться в Дырявый котел, зарыться лицом в подушку и зареветь. Однако она не могла позволить, чтобы эта снобка Пенси Паркинсон вышвырнула её из магазина Дамских Хитростей. — Да, пожалуйста.

— Ну-с, вставай здесь, у окна, снимай свой кардиган. Он просто ужасен.

Гермиона послушала ее совета, и через миг была обмотана персиково-золотистым шифоном с рисунком из птиц. Она трепетала, ожидая выхода Пенси из примерочной и мадам Максби покалывала булавками её шею... Гермиона страдальчески вздохнула и приподняла рукой волосы.

Звякнул дверной колокольчик.

Гермиона выгнула шею и в награду еще раз укололась булавкой. Вошла элегантная блондинка с узким красивым лицом, скользнула глазами по магазину и остановила взгляд на Гермионе.

— Дорогая, ты... — начала она и остановилась. — Вы не моя дочь, — заявила она с таким видом, словно Гермиона её лично оскорбила.

Дверь примерочной с грохотом распахнулась, оттуда выскочила Пенси и метнулась к высокой ведьме.

— Мама! Ты задержалась.

Миссис Паркинсон с удивлением взглянула на свою дочь:

— Ты не можешь взять все эти платья, Пенси.

Пенси, охнув, опустила глаза к кипе платьев, что она выволокла за собой из примерочной.

— Нет, я... я...

— Дорогая, выбирай побыстрее, папочка ждет нас в «Ваша красота от Наткина» — груз только что при-

был, ты же знаешь, что папа терпеть не может ждать.

— Я беру вот это, — Пенси наугад вытащила из кучи одно платье — уродливое бледно-зеленое с рюшками по воротнику и рукавам, кинув остальные на спинку стула.

— Как оно на тебе посмотрится? — спросила ее мать. — Оно выглядит несколько...

— Все в порядке, мама, — Пенси так хотела уйти, что даже мать обратила на это внимание.

— Что ж, — вздохнула миссис Паркинсон, переводя взгляд на мадам Максби, — запишите это на наш счет.

Она приняла у дочери платье и с достоинством удалилась из магазина, словно корабль под полными парусами.

Весьма странная девица, — подумала Гермиона, когда за ними захлопнулась дверь. — Что она тут неслась?..

* * *

За окнами Рождественского Морозца садилось золотисто-багряное, совершенно гриффиндорское солнце. Глядя на закат сквозь ромбовидное окно за стойкой бара, Сириус с удовлетворением отметил, что мир прекрасен.

— Попробуй-ка Вязовое вино, — предложил Люпин, подталкивая к нему один из стаканов, заполненных бледно-серой, мерцающей, как перламутр, жидкостью, отдающей носками. — Румынские колдуны им клянутся.

— Готов поклясться, что так оно и есть: они, поди, говорят: «Это еще что за дрянь, разрази меня гром?»

— Точно, согласился Люпин, — только они это говорят по-румынски, — он улыбнулся, и в его серых глазах вспыхнул огонек. — Ну, же, давай, ты должен его попробовать. Мэр в твою честь приобрел целую бутылку.

Сириус издал безмолвный стон: помимо общественного характера, вечеринка носила и политический оттенок — он пригласил и мэра Малфой-Парка, и судебного исполнителя — у них были проблемы с обитателями Имения, ведь Люциус всех их держал у себя под каблуком; теперь же Сириус надеялся улучшить эти отношения, и идея с приглашением оказалась ему правильным шагом. Оба — и мэр, и судебный исполнитель — были высокими, серолицыми мужчинами. Они потянулись к своим стаканам с Вязовым вином.

Сириус осушил стакан.

Бэ-э... — выдохнул он и опустился на свое место.

— Лучше ты, чем я, — усмехнулся Люпин.

— Значит, румынские волшебники клянутся этим вином?

— Точно. А потом закусывают летучими мышами.

— Ты меня просто угробишь. Надеюсь, ты об этом знаешь.

Посмеиваясь, Люпин пыхнул своей сигарой. Над ее кончиком вился синий дымок.

— Ты бы шел да присел рядом со Снейпом. Он скучает.

— Он не скучает, он играет в дартс.

— Да он ненавидит дартс и всегда ненавидел. И он шельмует, используя «Экспеллиармус».

— Уверен, что он больше этого не делает.

— Тише, — шепнул Люпин.

Сириус притих, и в этот момент до него с другого конца бара донеслось едва слышное «Экспеллиармус!», и неудачно брошенный дротик вернулся в руку Снейпа.

— Какой нехороший, — с чувством произнес Сириус.

— Ты сам его пригласил.

— Я здесь всех пригласил. Похоже, я вожу знакомство с кучей разнообразных болванов, правда? — вежливо заулыбавшись, он снова помахал рукой мэру. Мэр ответил, судебный исполнитель, мистер Стеббинс, только разругивался. — Понял, о чём я? Болваны.

— Они не болваны, — возразил Люпин, указывая.

— Кто?

Люпин снова показал и, проследив в этот раз за его жестом, Сириус увидел Драко и Гарри, устроившихся в сторонке у огромного каменного камина, занявшего почти всю южную стену. Сириуса вовсе не удивило их стремление уединиться: они были лет на пятнадцать моложе всех остальных, да и Гарри в последнее время стал каким-то притихшим.

— Верно, — согласился Сириус, устраиваясь, чтобы получше их разглядеть. — Эти не болваны.

Юноши бок о бок сидели на заваленной подушками кушетке, судя по всему, молча глядя в огонь. Однако по их лицам, по этим касавшимся их губ полуулыбкам, вызванным какой-то неслышимой и невидимой шуткой, он понял, что они отнюдь не безмолвствовали — они разговаривали, погрузившись в замкнутый мирок разговоров, ведомых только им.

Как и у всех подростков, — с удивлением подумал он, — у них есть свой собственный мир. Обычная юношеская скрытность, доведенная до своего логического предела. Конечно же, они не были обычными, — внимательнее присмотрелся к ним Сириус. Свечи и факелы вместе с огнем, прыгавшим за решеткой, окутали их золотистым светом, обернув выпивку в их руках в расплавленные драгоценности. Он не мог в деталях рассмотреть, во что юноши были одеты — но их наряды были похожи: темные, элегантные и дорогие.

Было довольно странным, ну, или же просто занимательным, что Драко, всегда так тщательно относившийся к своему внешнему виду, за последнее время оброс почти так же, как и Гарри, который всегда выглядел так, словно одевался в темноте, а стригся маникюрными ножницами. Хотя последний стал выглядеть гораздо приличнее, даже вроде начал разбираться в том, какие цвета ему подходят. Да, вполне прилично одет.

Даже манеры у них стали похожи, хотя кто под кого мимикрировал, Сириус затруднялся ответить. Сейчас они были и похожи, и не похожи — когда они вот так сидели рядом, это было особенно видно: свет и мрак, свеча и тень — две половинки одного целого.

— Твой отеческий вид ужасно забавен, — заметил Люпин.

— Уж не забавней, чем твой — с сигарой.

— Главное — не затягиваться.

— Мне всегда так говорят, — Сириус отвел глаза от Драко с Гарри и снова обернулся к приятелю. — Значит, я выгляжу по-отцовски, да?

— Признаться, ты мне немного напомнил моего отца. Довольный, и, в то же время, встревоженный. Хотя, с другой стороны, кто-кто, а мой отец имел повод тревожиться за меня.

— То есть, у меня поводов для беспокойства нет?

Люпин сморщился, глядя на свою сигару, и тихо ответил:

— Есть. У тебя — есть. Они очень особенные, твои мальчики.

— Мои мальчики? Я полагал, что они... — он помедлил, пытаясь осознать, как он к этому относится, и решил, что все в порядке, — не такие уж и мальчики...

— Ну, не знаю, — Люпин опустил сигару, продолжая хмуриться. — Они еще так юны.

— И да, и нет. Я имею в виду... Ну же, взгляни на них.

— Да, я видел. Они прекрасно проводят время.

— Нет, я не об этом. Подумай, с чем они сталкивались: потери, смерть родителей, трудный выбор и решения, что им приходилось принимать...

— Я знаю. Я рад, что они разговаривают друг с другом, — по губам Люпина скользнула улыбка. — Помнишь, как мы в их возрасте болтали обо всем?

— Помню, — кивнул Сириус. — Интересно, о чем они разговаривают сейчас? Мне кажется, о жизни и смерти...

* * *

— Это вовсе не глупый девчачий напиток, — возразил Драко.

Гарри фыркнул, захлебнулся и втянул остаток своей выпивки через нос.

— Но выглядит-то он именно так. Ты взгляни-ка на цвет: розовый. Как ты можешь пить такую дрянь! У нее, поди, и вкус такой же мерзкий.

Драко уставился на стакан в своей руке:

— Совсем не мерзкий вкус!

— Да ну? — метнув свой стакан на столик рядом, Гарри выхватил из рук Драко его стакан, один глотком осушил его и закашлялся. Скорчив рожу, он вернул пустой стакан обратно Драко.

— Это же на вкус просто жидкость для зажигалок, — произнес Гарри. — Жидкость для зажигалок с сахаром.

Драко с трудом поборол желание показать ему язык:

— Совсем даже и не сладко!

— Сладкое, фруктовое, розовое — и все это в уродской маленькой рюмочке...

— Ну ладно! — рявкнул, наконец, Драко. — Я не знал, не знал, что Май Тай розовый! Я думал, он зеленый! Поэтому я его и заказал однажды, а теперь хода назад нет: это мой фирменный знак. Моя фирменная выпивка.

— Можно мне поинтересоваться: это ж какой ты должен быть задницей, чтобы иметь свою фирменную выпивку? Я в том смысле, что тебе только семнадцать, и ты можешь поменять свое решение. Что же будет дальше? Фирменные вещи, фирменные метлы... сертифицированные продукты — да, похоже, ты скоро станешь таким яйцеголовым, что тебя никто не сумеет вытерпеть...

— Благодарю тебя, Поттер, благодарю. Ты с оптимизмом смотришь в мое будущее.

— Яблочный martini.

— Что?

— Яблочный martini зеленый. Я в этом практически уверен.

— Правда?

— Ага, правда, — усмехнувшись, Гарри махнул рукой в сторону проплывающего мимо серебряного подноса. — Яблочный martini, — произнес он, и на подносе появился коктейль — и вправду, он был бледно-зеленого цвета.

Гарри взял стакан и протянул его Драко.

— Поттер?.. — произнес Драко, принимая напиток из его рук.

— Что?

— Мне кажется, что я уже такой яйцеголовый, что меня невозможно вынести.

— Ой, Малфой — заткнись и пей.

* * *

— То есть он не знает про Люциуса и Питера?

— Гарри? Нет, не знает. Кстати, я отдаю должное тому, что ты мне это рассказал, — Сириус глотнул Архенского пива, чтобы отбить вкус Вязового вина.

— Я решил, что ты, в любом случае, должен это знать. И Драко не запрещал мне передать это тебе.

— А что насчет Гарри — он просил тебя не рассказывать это ему?

— Да. Он не распространялся на эту тему, но — да. Я думаю, Гарри плохо к этому отнесется. Есть в этом логика или нет, но я думаю, что он ощущает невозможность обсуждения этой темы с Драко. И ему на самом деле не с кем сейчас об этом поговорить. Он очень зависит от Драко. Думаю, он чертовски одинок.

— Он мог бы поговорить со мной.

— Не мог бы. Ты для него стар.

— Хм, — кашлянул Сириус. — Горшок. Чайник. Блэк.

Неподалеку кто-то откашлялся:

— О, прошу прощения. Мистер Блэк, мистер Люпин...

Это был кругленький седовласый мэр в паре со своим неизменным приятелем, худым, как жердь, судебным исполнителем. Сириус припомнил, что звали мэра Майклом Греем — что как нельзя больше подходило к пепельному цвету его волос, глаз и лица в целом. Исполнитель — худой, с носом, напоминающим клюв, тоже был каким-то серым. Сириус не слышал от него ни слова, хотя тот появлялся в Имени на подписании каких-то бумаг.

— Я просто хотел поблагодарить вас, мистер Блэк, за приглашение на это мероприятие. Я всегда мечтал о том, чтобы пообщаться с хозяевами Имени в, так сказать, непринужденной обстановке.

— О да, и я был безмерно рад видеть вас, — соврал Сириус. — Вы уже ...гм.. виделись с Гарри?

— Да-да, юный Драко представил нас. Гарри Поттер! Очень волнующе.

— Да, волнующе, — мрачно согласился Сириус, за чем последовала четверть часа вежливого и несколько надуманного разговора: мэр хотел узнать, не находит ли Сириус погоду чересчур суровой, Сириус возразил, что получает удовольствие от белого снежного Рождества. Люпин поинтересовался историей города, на что мэр перечислил несколько выдающихся фактов. Далее мэр высказал предположение, что парень в черном плаще хитрит в дартс, используя заклинание Экспеллиармус, на что Сириус по секрету сообщил ему, что тот парень в черном плаще — его дальний родственник Данфорт, отличающийся эксцентричностью и впадающий в ярость, когда ему действуют на нервы. Мэр бочком удалился прочь, судебный исполнитель последовал за ним.

— Ух ты, тебе потребовалось только пятнадцать минут, чтобы запугать их! — заметил Люпин. — Новый рекорд.

— Ах, — усмехнулся Сириус, — мне так жаль...

— Ты должен извиниться перед Снейпом, — с напускной суровостью покачал головой Люпин и замолчал, перебитый донесшимся снаружи странным звуком. — Что там такое?

Все захлопали глазами.

Сириус выпрямился и, повинаясь какому-то внутреннему отцовскому инстинкту, тут же взглянул на диван, где совсем недавно мирно сидели мальчишки. Сейчас там было пусто.

— Не знаю... Но где Гарри и Драко?

* * *

— Ты как?

— Нормально. Как мне кажется.

Он вовсе не выглядел нормально. Драко почувствовал, как от беспокойства засосало под ложечкой. Гарри, напряженный, измученный, вжался в кресло и пристально уставился в огонь. На щеках у него играли лихорадочные пятна, глаза ярко сияли. Рядом на столе стояли три пустых стакана.

— Мне кажется, тебе не стоит больше пить, — заметил Драко.

— Знаю, — кивнул Гарри, и Драко с тревогой заметил, что тот весь горит, его взмокший лоб был облеплен волосами. — Мне что-то здесь жарко... этот огонь... — Гарри ослабил галстук и запрокинул голову, словно ему трудно было дышать. — А тебе он не мешает?

— Нет. Просто ты перебрал. Это все алкоголь. Может, тебе стоит вернуться и лечь?

— Я не хочу уходить, я просто хочу выйти. На воздух, — опираясь на спинку дивана, Гарри поднялся. — Мне нужно пройтись.

— Ты свалишься в реку, — заметил Драко.

— А что — здесь есть река?

Драко удивился тому, что Сириус не среагировал на их уход, однако он, видимо, был целиком поглощен разговором с Люпиным и мэром. Задержавшись, чтобы

натянуть на себя плащ, Гарри толкнул двери и вышел наружу.

Яростный мороз вцепился в Драко с такой силой, что он торопливо натянул свой плащ на голову. Повернувшись к дверям, он увидел, что холл уже пуст. Выскочив на парадную лестницу, он закрутил головой в поисках Гарри, скользя на обледенелых камнях.

— Я здесь, — позвал Гарри.

Он был уже внизу, на плечах у него болтался плащ, судя по всему, он пристально рассматривал что-то, что было за оградой. Драко медленно спустился и присоединился к нему.

— Что такое, Поттер?

— Как прекрасно... Правда, прекрасно?

Драко удивленно глянул на него, потом перевел взгляд на зимний ландшафт. Лунный свет был ясен и прозрачен, как бывает только в холодные зимние ночи. На снегу вспыхнуло белое пламя, темный воздух над далекими деревьями засеребрился, а на небе яркими вспышками сияла россыпь зимних звезд, вспыхивающих то яркой зеленью, то холодной синевой, а внизу у подножия холма, прислушавшись, можно было различить шум струящейся подо льдом реки. Ночь и вправду была красива, однако Драко бы вряд ли заметил это, не обрати Гарри его внимание.

Он повернулся и взглянул на Гарри — в темноте тот казался созданным игрой света и тени: темные волосы-белая кожа-темная одежда. Глаза уже не были подернуты пеленой усталости, они сияли за очками.

— Я хочу летать, — заявил Гарри.

— Хорошо, но у нас нет метел...

— Я знаю, где есть, — и Гарри внезапно уселся на замерзшую землю. — Ой, помоги мне, и я тебе покажу.

— Поттер, ты сейчас не в форме, чтобы чем-нибудь заниматься.

— Я не пьян, — отчеканил Гарри. — Я просто счастлив. Дай мне побыть счастливым. Я так давно этого не чувствовал.

— Гарри, запротестовал Драко, — не надо...

Тот не обратил на это ни малейшего внимания, завопившись и упершись ногой, протянул ему руку:

— Помоги мне встать.

Драко потянул и поднял его на ноги. Гарри улыбнулся — счастливо, ярко, однако Драко знал, что эта улыбка была совершенно ненастоящая. Ему стало нехорошо.

— И что теперь? — спросил он.

— Пошли, — Гарри зашагал по замерзшему газону, Драко привычно последовал за ним. Ему вообще казалось, что все, чем он занимается в последнее время, — это ходит следом за Гарри, похожим на ребенка — только брюзгливого и большого. Газон спускался от отеля к дороге, коляски, что доставили их сюда, рядком стояли вдоль обочины. Съехав с последней кочки, Гарри направился к экипажу Сириуса и, распахнув багажник шлепком правой руки, вытащил оттуда два предмета, завернутых в разноцветную бумагу, — длинных, узких, поблескивающих с одного конца. Ошибиться было невозможно.

— Метлы? — недоуменно спросил Драко. — Какого черта?..

— Наши рождественские подарки, — пояснил Гарри. — Я слышал, как Сириус сказал твоей матери, что они прибыли. Это Ливни. Новый брэнд.

— Я знаю, что такое Ливни, — прототипы их фигурировали в выпуске Мировых Новостей Квиддича, — разработанные известной фирмой, они несли ряд экспериментальных дополнительных признаков, которые Драко не мог вспомнить, хотя они раздражающе крутились у него в голове. — Я читаю те же спортивные журналы, что и ты.

— Отлично. Лови.

Гарри бросил один из пакетов Драко — тот машинально схватил его, а сам погрузился в развертывание собственной метлы; упаковка быстро сдалась под его торопливыми пальцами, и он заулыбался. Однако ус-

мешка сползла с его лица, когда он взглянул на Драко, неподвижно стоящего и разглядывающего свою метлу.

— Relasio! — Гарри нетерпеливо взмахнул рукой, и упаковка исчезла с метлы Драко так же быстро, как исчезает под солнцем снег. На миг Драко забыл обо всем — и о холоде, и о всё нарастающем беспокойстве, осталось только восхищение. Ливень был гладким, узким, жестким, похожим на ошупь скорее на металл, нежели на дерево. Черное древко, темные прутья, стянутые серебряной лентой. При прикосновении он издавал странный звук — словно мурлыкала какая-то удивительная кошка.

— Нравится? — спросил Гарри. Драко поднял взгляд, порыв ветра хлестнул ему по лицу, на мгновение ослепив.

— О да, это действительно стало бы грандиозным сюрпризом, — Драко откинул волосы с глаз и увидев, что Гарри уже сидит на Ливне, стер улыбку с лица. — Поттер, что ты... -

Гарри оттолкнулся, и Ливень взмыл в воздух, как ракета, — ... делаешь? — закончил Драко и вздохнул. — Чтоб тебя черти забрали, — устало пробормотал он, перебросил ногу через помело и оттолкнулся от земли.

И сразу же почувствовал, что все идет не так. Его метла беззвучно скользнула вслед за метлой Гарри, почти вертикально, и Драко ощутил, словно вот-вот потеряет сознание. Он отчаянно вцепился в метлу. Ливень резко рванул вправо, потом перекувырнулся, выровнялся и неподвижно завис. Ледяной ветер ворвался Драко в легкие, когда он глотнул воздуха.

Я болен. Я не должен был этого делать. Я болен. Я не могу нормально летать. Гарри об этом знает. Да где же он?!

Драко запрокинул назад голову. От холодного ветра слезы застили ему глаза, сквозь них он увидел парящего над ним Гарри — темное пятно на фоне серебристых облаков. Смеясь, тот взглянул на него и помчался прочь. Позже Драко так и не смог понять, почему же он тогда последовал за ним — тогда же ему показалось, что он должен поступить именно так. Он наклонился вперед — и Ливень буквально взорвался под ним, метеором взмыв в небо. Зимой членам хогвартсовских команд полагались толстые свитера, протекторы на локти и голени, высокие кожаные перчатки. То, что было надето на вечеринку, совсем не защищало от мороза.

Его трясло от холода, взрезавшего, подобно сотне крошечных ножей, его рубашку. Плащ взмывал у него за спиной, и он мог видеть, что и плащ Гарри тоже, словно флаг, реет на ветру. Сконцентрировавшись на нем, как на цели, он усилием воли направил метлу вперед.

Но Ливень вместо этого рванулся вбок.

Руки Драко, очоленные от холода, судорожно уцепились за помело. Сердце колотилось в груди. Он внезапно вспомнил, что же именно было написано в тех Мировых Новостях Квиддича: «Новые Ливни обладают уникальной противоугонной защитой. Перед использованием метла должна быть откалибрована под своего хозяина, в противном случае, она не будет виноваться своему седоку».

— Черт... — пробормотал он. — Черт, черт!

Он снова закрутил головой: Гарри был исчезающей точкой высокой над ним.

— Поттер! — закричал Драко, потянув метлу назад — та дернулась на несколько футов, потом лениво перевернулась и выровнялась, преодолевая сопротивление. — Поттер! — заорал он изо всех сил, откидываясь назад.

Это оказалось ошибкой: Ливень рванулся вперед, словно им выстрелили из пушки, и Драко ничего не оставалось, как намертво вцепиться в него; метла крунулась вправо, влево и стрелой помчалась вперед. Прямо к огромному дубу.

Драко задергал метлу, однако она четко держала курс, несясь к дереву так же неумолимо, как Хогвартс-

Экспресс; ветви ударили ему в лицо, он вскинул руки, и тут что-то с силой ударило его в бок, мгновенно скинув с метлы. Плащ где-то запутался, и он снова испытал чувство полета — куда более ужасающее, потому что на этот раз он падал. Однако это был всего лишь миг: он рухнул в мягкий снег, и от удара у него занялся дух. Он охнул и, отплевываясь, перевернулся, все лицо — и глаза и рот — было залеплено снегом. Руку обожгла резкая боль.

— Эй, Малфой... — конечно, это был Гарри. Драко сел и убрал волосы с глаз: тот сидел рядом на корточках. Его очки, равно как и одежда, заиндевели. — Прости, что сшиб тебя с метлы, однако ты целился прямоком в дерево. Почему ты не отвернул?

— Со мной все хорошо, спасибо, что спросил, — сквозь зубы посипел Драко. — Поттер... где метлы?

Гарри широко махнул в сторону огромного дуба, столкновения с которым они чудом избежали, и едва не упал, с трудом сохранив равновесие.

— Им повезло меньше, чем нам.

Полный дурных предчувствий, Драко, шатаясь, поднялся на ноги и взглянул в направлении, которое указывал Гарри. Сначала он не понял, что тот имел в виду, однако, запрокинув голову, он увидел обе метлы — высоко над головой. Сила удара была так велика, что они, как две огромные стрелы, воткнулись в ствол.

— Да, похоже, Ливни сделаны из чего-то действительно прочного, — рассеянно удивился Гарри. — Думалось, что они просто разлетятся в щепки.

— Как наши черепа, стукнулись они об ствол, — закивав, согласился Драко. — Ты это имел в виду.

— Но мы-то не врезались, — легкомысленно отметил Гарри.

— Точно, и все благодаря тебе, чёртов гриффиндорский псих! — взорвался Драко. — Давай-ка, покажемся на этих метлах, непременно покажемся, и наплеватель, что их сначала нужно откалибровать, наплеватель, что мы собираемся угробить себя...

— Я не знал... — удивленно произнес Гарри.

— Еще пять секунд, и я бы забрызгал все вокруг в стиле импрессионистов. Ты мог бы назвать это «Башка, разможенная о дуб».

— Не надо так шутить. Слушай, коли ты знал, что их сначала надо откалибровать, ты бы сказал мне...

— У меня не было времени, ясно? Ты же вскочил на метлу и улетел...

— Ты не должен был следовать за мной!

— Я всегда должен следовать за тобой!

— Святой Боже, к чему весь этот ор? — раздался голос и, развернувшись, Драко увидел воздвигшегося над ними Сириуса и Люпина рядом с ним. Чуть дальше, у экипажей, маячили еще фигурки — Драко не мог понять, кто там был, однако знал, что люди не сводят с них глаз. Он поднял глаза на Сириуса, и сердце рухнуло в пятки: тот был взбешен до предела.

— И чем же вы тут занимались? — холодно спросил он.

* * *

Юноши вытаращились на Сириуса, открыв рот, что и не мудрено: Драко не приходилось прежде видеть своего отца таким сердитым. Он горой воздвигся над ними, сверкая чёрными глазами.

— Так — и что значил весь этот шум? — решительно потребовал он.

Люпин кашлянул:

— Хм... Сириус...

Сириус повернулся и взглянул на друга.

— Что такое? —

Вместо ответа Люпин указал наверх. Сириус поднял голову и вытаращил глаза на воткнувшиеся в дерево метлы. — Понятно, — ровным голосом произнес он. — Я знал, что вы любите летать. Однако я не думал, что вы такие конченные дебилы, чтобы ле-

тать на неоткалиброванных Ливнях.

— Мы не знали, что их нужно калибровать, — пискнул Драко, поворачиваясь за поддержкой к Гарри и немедленно осознав, что с его стороны ее ждать бесполезно: прикрыв рот, Гарри, судя по всему, смеялся.

— Однако вы почувствовали себя достаточно компетентными, чтобы полетать на них? Уж не говоря о том, что это были ваши рождественские подарки, которые я не буду заменять на другие! И все идиотские, бездумные, беспечные, легкомысленные и глупые номера, что вы проделали...

— Мы извиняемся, — в отчаянии перебил его Драко, с трудом удерживаясь от того, чтобы не дать затрещину по-прежнему хихикающему у него за спиной Гарри.

— По-моему, вы даже не осознате, насколько все это серьезно! — распалился Сириус.

Смех наконец-то вышел из-под контроля Гарри.

— Сириус... Твое имя значит две вещи... Хи...

Сириус недоуменно уставился на крестника.

— Гарри? Да что с тобой такое?

Гарри в ответ зашелся смехом.

— С ним все в порядке, — тихонько пояснил Драко. — Это просто... м-м... э... Жизнерадостное Заклятье. Я наложил его на Гарри раньше.

К его вящему удивлению, Сириус отреагировал на это так, словно вместо этого он сказал «пустяки, это просто ведро яда».

— Жизнерадостное Заклятье?! Ты наложил на него Жизнерадостное Заклятье, а потом позволил ему пить?

— Ну... — Драко искоса взглянул на Гарри. — Ну да, немножко... Некоторым образом. А почему?

— Ты что — пытался его угробить? — резко спросил Сириус.

— Да, — в Драко вспыхнула искра ярости. — Это был мой блестящий план.

— Драко, ты, именно ты должен был знать лучше остальных, что значит — мешать алкоголь и Жизнерадостное Заклятье.

— Я? А почему именно я? Жизнерадостное Заклятье не относилось к тому, чем пользовался обычно мой отец. По его словам оно только для слабаков. С чего бы я должен знать о нем?

Гнев на лице Сириуса начал угасать.

— Да, конечно, но всё же... Разве ты не заметил, что с Гарри что-то не так?

Драко едва не заорал. Ему хотелось крикнуть, что все это «не так» длится уже несколько месяцев, что сейчас он видит Гарри наиболее нормальным за все прошедшее время... Но он не смог и проглотил слова вместе со своим негодованием.

— Все произошло слишком быстро, — произнес он вместо этого. — Кроме того, я даже не знал, что именно я должен был заметить.

— Истерия, — пояснил Сириус. — Резкие перепады настроения.

— О... — мрачно простонал Гарри из снега, — что-то мне нехорошо...

— Ах, да, — добавил Сириус. — И тошноту.

Драко вздохнул.

— С ним все будет нормально?

— Надеюсь, — Сириус нагнулся и помог Гарри подняться на ноги. — Ему просто надо проспать.

Гарри пошатнулся, — и выражение лица Сириуса стало мягче:

— Пойдем, — услышал Драко его мягкий шепот. Как ни странно, звук голоса крестного привел Гарри в чувство; вопреки опасениям Драко, он, вздохнул, ткнулся в грудь крестного головой и отрубился.

Сириус поднял Гарри и, прижав его к груди, взглянул на Люпина.

— Я не носил его на руках с того времени, как он был младенцем... Что-то непохоже, что с тех пор он сильно прибавил в весе...

Люпин что-то ответил — так тихо, что Драко не расслышал, они повернулись и зашагали назад, навстречу огням Малфой-Парка.

— Ты идешь? — окликнул Сириус Драко. — Мы идем к коляскам.

Драко тряхнул головой.

— Я вернусь через камин.

Ему хотелось побыть одному, чтобы немного привести мысли в порядок.

Увы, этому сбыться было не суждено: едва он добрался до отеля, как из темноты к нему шагнул Снейп.

— Мистер Малфой, позвольте вас на пару слов.

Драко взглянул на профессора — лицо у того было искажено мрачной, жуткой гримасой.

— Интересно, рухни я здесь без чувств, вы были бы рады донести меня до дома?

Снейп прищурил глаза и поднял руку, затянутую в черную перчатку.

— Это что такое?..

Драко взглянул туда, куда указывал Снейп, и у него оборвалось сердце: правый рукав рубашки под откинувшимся плащом серебрился в лунном свете. Кровь. Драко резко дернул плащ назад, но было уже поздно: тот все видел.

— Профессор...

— Позвольте мне взглянуть на вашу руку.

Драко не шелохнулся:

— Это не...

— Позвольте мне взглянуть на вашу руку, мистер Малфой! — рявкнул Снейп, заставив Драко подскокить. — Возможно, мы сейчас и не в Хогвартсе, однако я по-прежнему уполномочен снимать штрафные баллы с вашего факультета!

— Но сейчас же Рождественские каникулы! — вытаращил глаза Драко, возмущенный подобной чудовищной несправедливостью.

— Верно, — согласился Снейп. — И потому мой рождественским подарок будет состоять в том, что, вместо того, чтобы немедленно снять очки с вашего дома, я дам вам второй шанс. Покажите мне вашу руку, он нетерпеливо застучал ногой по снегу. — Я жду.

С мятежным лицом Драко сделал шаг вперед, откинул плащ с левого плеча и протянул руку мастеру Зельделия, который принял ее куда мягче, чем можно было подумать, судя по свирепому выражению его лица. Закатав рукав свитера, он взглянул и его резкий вздох взрезал тишину зимнего воздуха.

Драко машинально опустил взгляд: вдоль предплечья тянулась длинная рана, полученная в тот миг, когда он пытался прикрыться. Сам порез был вовсе не серьезен на вид. Так ахнуть Снейпа заставила кровь: они сияла багряным перламутром, словно ртуть, под красным стеклом.

— Это еще что? — резко спросил Снейп. — Ты видишь это уже не в первый раз — что-то непохоже, чтобы ты был удивлен.

— Я не знаю, пустяки, — пожал плечами Драко.

— Это вовсе не похоже на то, что обычно называется пустяками, — Снейп положил руку на плечо Драко и силком поволок его в сторону отеля. Драко запинался и спотыкался в рыхлом снегу, однако Снейп не снижал скорости, пока не добрался до ближайшего фонаря. Крепко взял Драко за плечи, он вытолкнул его на свет, несмотря на все попытки вывернуться, и пристально уставился своими черными глазами ему в лицо.

— И сколько все это уже продолжается? — спросил он.

Драко попытался смело встретить взгляд учителя, однако потерпел неудачу.

— Как долго... Это вы про что? Про эту штуку с кровью? Я... Я могу все объяснить.

— Неужто? — приподнял бровь Снейп. — Прошу.

— Ну... э... — заюлил Драко.

— Слушаю. Так в чем же дело? Переел Светящихся Червячков? Переусердствовал и съел целую упаковку Огней Фей? Пытался отработать заклинание, чтобы освещать свою комнату одной своей улыбкой и крепко напортил?

— Если вы решили надо мной издеваться...

— Так объясните же, мистер Малфой, и поправдивей. Здесь довольно холодно, и я уже начинаю мерзнуть.

— Я тоже, — пробормотал Драко. — Слушайте, ну, я не знаю, что это. Я собирался показаться колдомедиком, и я покажусь, просто...

— Вы разговаривали об этом с мадам Помфри?

— Ну... некоторым образом.

— Что вы подразумеваете под «некоторым образом»?

— Я думаю... я сказал ей... типа того... в каком-то смысле... На самом деле — нет.

— Я так и думал, — Снейп отпустил плечи Драко и из ниоткуда выхватил белый платок, который и протянул Драко. — Приложите к ране, — скомандовал он. — И расскажите мне, сколько это уже продолжается.

— Сколько продолжается? — переспросил Драко, делая, как ему было велено. — Эта забавная штука с моей кровью? Честно говоря, я не знаю — ну, может, несколько недель. Да ничего серьезного...

— Черта-с-два ничего серьезного. Вы больны, и вы об этом знаете. Я бы сказал, что все признаки говорят в пользу того, что вы находитесь под воздействием какого-то заклинания Темной Магии...

— На меня не накладывали заклятий.

— Вы в этом так уверены?

Драко кивнул.

— Уверен, — внезапно он почувствовал сильную усталость. — Это не темное проклятье. Или же оно из тех, которые я не смог распознать. Вы же знаете, что я не совсем невежественен в Темной магии. Я не знаю, что это было.

— Ты похож на покойника, — напрямик заявил Снейп. — Я немедленно переговорю с Сириусом Блэком.

— Нет! — вскинулся Драко. — Не делайте этого. Только не Сириусом.

— Это не тебе решать, Драко. Сириус — твой опекун. Будь мы сейчас в школе, я бы тут же поговорил с Дамблдором.

— Послезавтра свадьба, — в отчаянии заговорил Драко. — Завтра на званый обед начнут прибывать гости. Неужели вы не можете подождать пару дней?

— Я не могу отделаться от ощущения, что с моей стороны было бы безответственно смотреть, как неизвестная магия влияет на твое здоровье...

— Пожалуйста, — умоляюще повторил Драко. — Я не так уж и болен, я же не умираю у вас на глазах. Это расстроит свадьбу, мать ударится в панику — к чему все это? Ну, узнаю я парой дней раньше, что со мной что-то не так — что с того? Я и так уже это знаю. Спасибо — не надо.

Снейп усомнился.

— Кто-нибудь еще об этом знает? Поттер?

— Гарри? Да, он немного в курсе. Гермiona знает. Она меня осматривала.

— О, естественно, — холодно заметил Снейп. — Вы окружены их заботой, верно?

— Прошу вас, — повторил Драко, не в силах придумать ни элегантных, ни непробиваемых аргументов, чтобы воззвать к логике Снейпа. Конечно, Снейп прав: Сириус должен об это узнать. И Драко просто ненавидел саму эту мысль. Ведь, едва еще кто-то об этом узнает, проблема станет реальной, ему придется вплотную заняться ее решением — и начнутся эти бесконечные колдомедики, клиники, и ничто не будет помогать, и начнется паника — он был просто совершенно в этом уверен — и в результате всего этого он не сможет быть полезным Гарри.

— Это же не...

— Хорошо, — неожиданно произнес Снейп.

— Что, простите? — удивленно захлопал глазами Драко.

— Я сказал хорошо, мы подождем до свадьбы. Это даст мне некоторое время... — Снейп забрал платок

из руки Драко, сложил и сунул в карман. Юноша наблюдал за ним с широко распахнутыми глазами. — У меня будет время немного поисследовать твою кровь. Конечно, меня вряд ли можно назвать колдомедиком, однако я наверняка сумею определить зелье, примененное к тебе.

— Спасибо, — после длинной паузы произнес Драко. Снейп сверкнул на него чёрными глазами.

— Не благодари меня. Это излишне. Я вернусь в свою лабораторию и проведу несколько тестов — у меня будет предлог, чтобы пропустить завтрашний званный обед.

— Рад, что сумел вам помочь, — едва не улыбнулся Драко.

— Не люблю вечеринки, — задумчиво произнес Снейп. — Разумеется те, на которых нет караоке.

— Точно, — тактично поддакнул Драко.

— В любом случае, возвращаясь в дом. Тебе не следует стоять на морозе, если ты болен. Могу ли я аппарировать тебя?

Драко помотал головой:

— Я возьму экипаж. Все в порядке. И ещё раз — спасибо.

Казалось, что Снейп, поколебавшись, был близок к тому, чтобы хлопнуть Драко по плечу, но это мгновение тут же прошло. Выпустив его руку, профессор коротко кивнул и аппарировал, оставив юношу, совершенно запутавшегося в своих мыслях, стоять в снегу под фонарем.

* * *

Пока они добирались до Имения, Гарри пришел в себя настолько, что, хоть и, шатаясь, но все же сумел без посторонней помощи подняться к себе, оставив полувзволнованных — полуизумленных Сириуса с Люпиным в прихожей. Найдя дверь в свою спальню, он рывком распахнул её и практически ввалился внутрь.

Кто-то зажег свечи по стенам и огонь в камине — обычно Гарри любил делать это сам, однако сейчас его это здорово порадовало. Трясаясь и пошатываясь, он стянул с себя всю одежду, оставшись в одних боксерах, вывалил вещи в коридор перед дверью для эльфов-прачек и вполз под одеяло.

Ему казалось, что он должен немедленно отрубиться, наверное, так бы и случилось, если бы кровать остановилась и перестала вращаться. Все над ним кружилось, мир плыл перед глазами.

Беззаботное счастье Жизнерадостного заклятья растаяло, сменившись головокружением. У него было ощущение, словно он летит — если, конечно, можно было летать, лёжа на кровати.

Гарри ждал, что постепенно расслабится и нырнет в сон — ничего подобного, все происходило как раз наоборот: лишь только он закрывал глаза, как видел бездонное чёрное небо, рваные, гонимые ветром облака, осколки звезд; он чувствовал, как ветер ерошит его волосы, жжет до слез глаза, слышал свой крик в момент падения...

Я не могу умереть, — подумал он, делая разворот, — я не могу умереть, я еще не сделал то, что должен был сделать. Значит, я должен быть неуязвим. А коли я неуязвим, то и Драко тоже не может пострадать, потому что это же невозможно: чтобы один из нас прекратил бы свое существование, а другой бы — продолжал. Гнев Драко все путает: он что — не понимает?

Но Гарри пока не умер. Он был здесь, и ему было куда лучше, чем за все прошедшие месяцы, словно он вышел из своего тела, чувствуя при этом каждую молекулу. Мягкая шершавость шерстяного одеяла — он ощутил ее, переворачиваясь, громкое потрескивание прыгающего за решеткой камина огня, тепло комнаты, давящее на него, — давящее так, словно кто-то уселся на него сверху. Словно части все того же сна о льде и лихорадке.

Что-то коснулось его лица. Не открывая глаз,

он повернул голову набок, однако прикосновение не пропало. Он было поднял руку, чтобы убрать это, однако остановился: касание было приятным. Где он весь горел, его тронули прохладные пальцы — он понял, что это были именно пальцы — легкое холодящее прикосновение к вискам, к горлу... к волосам. Кто-то нежно откинул назад его волосы. На свете существовал всего один человек, кто это делал.

Гермиона, — подумал он. — Я сплю и вижу сон. И я не хочу просыпаться.

Он крепко зажмурился. Он спал — в этом он был уверен. Он видел ее во сне несколько раз с того времени, как вернулся в Имение. И каждый раз покидал волшебный мир сновидения, просыпаясь помимо своей воли и чувствуя себя совершенно несчастным. Однако все происходящее казалось ему куда реальнее, чем то, что ему когда-либо снилось.

Его лица снова коснулись чьи-то руки, перед закрытыми глазами мелькнула какая-то тень, прохладные гладкие губы коснулись его губ.

У него перехватило дыхание, все вокруг закружилось, словно мир встал на дыбы. Он опускался в лучащуюся холодную мглу, он испытывал удовольствие, от которого ему становилось дурно, он чувствовал боль и призывал ее к себе. Он горел и мерз, он дрожал — он не чувствовал этого так долго, так долго...

Это было именно то, что он хотел получить от Гермионы тогда ночью, в переулке, это было именно то, о чем он не мог сказать ей, — ибо она бы возненавидела его за это. Но сейчас он спал — и в своем сне получал от нее все, что хотел; она бы простила его за это — она бы никогда не узнала.

— Гарри... — прошептала она. Открыв глаза, он увидел лишь сумашедшие дергающиеся и качающиеся тени. Ее волосы шатром закрыли их. Она была джинном в бутылке, сновидением, навеянным одиночеством и алкоголем.

Это был сон, и он знал об этом — но он не хотел просыпаться, да и не мог, даже если бы пожелал этого. Никогда прежде не ведомая ему вялость охватила его тело, кровь замедляла и замедляла свой ход, пока не потекла, словно густой сироп, обжигая его вены.

— Открой глаза, — шепнула она нежным голосом, таким сладким, каким бывают только отравленные конфеты. — Посмотри на меня...

Он попытался и, возможно, даже сумел. Позже он так и не смог это вспомнить. Темнота — такая же, как и ее волосы, опрокинулась на него — он попытался воспротивиться ей, однако его понесло прочь, будто течением. Больше он ничего не помнил.

* * *

Следующим утром Драко проснулся рано, проведя беспокойную ночь, и обнаружил в конверте рядом с кроватью остальную часть своего Рождественского подарка: это было руководство по эксплуатации новой метлы и запиской: «Приложение к твоему чертовому подарку. Намак: оно не летает.»

— Это ты так думаешь, — упрямо заявил Драко и занялся изготовлением бумажного самолетика. Его развлечение было прервано рвущейся в окно орлиной совой с письмом в клюве. Драко распахнул рамы, взорвав клубом холодного воздуха тепло комнаты и, облокотившись на подоконник, прочитал вслух:

«Драко, Альбус попросил меня написать тебе пару слов. Он боится, что у тебя есть повод для забот. На что я сказал, что озабоченность — это нормальное состояние для растущего мальчишка. И, тем не менее, он хотел, чтобы я сообщил тебе, что все, что касается завтрашнего дня, находится под контролем. Специальный отряд авроров быстрого реагирования «Неусыпная бдительность» будет в вашем распоряжении на случай внезапных нежеланных гостей, которые умудрятся взорвать наши охранные системы. Живи настоящим, не волнуйся о завтрашнем дне. Предвкушаю свадьбу

и непременно надену свою праздничную ногу. Твой — Шизоглаз Хмури.»

— Вот ведь электровеник, — во всеуслышанье объявил Драко, швырнув свернувшийся в полете пергамент на кровать. Он почувствовал, что беспокойство немного отступило, хотя какой-то тревожный узелок появлялся у него в желудке, когда он думал о свадьбе. Что-то во всем этом было каким-то неудобным и затруднительным, и ещё...

Его мысли прервал скрип колес — к грандиозной главной лестнице Имения подползала коляска, одна из тех, что были взяты напрокат в городке и вчера возили их в Рождественский Морозец, а сегодня должны были доставить в Имение гостей. Коляска была черной, с гербом Малфой-Парка: скрещенные на серебряном поле волшебная палочка и кинжал. Драко видел, что некоторые гости уже прибыли: Паркинсоны, Забини. Блез не было. Драко заподозрил, что она решила, что им не стоит видиться. Признаться, тут их мнения впервые совпали.

Коляска замерла, двери открылись, из нее потянулись пассажиры: сначала ведьма с колдуном в темно-синих мантиях с наброшенными капюшонами, потом высокий волшебник с непокрытой головой, чьи огненные волосы выдавали его на этом ярком солнечном свете. Чарли Уизли. Повернувшись, он помог спуститься своей сестре, Драко не мог ее рассмотреть, однако узнал и этот желтоватый плащ, и рыжие локоны, бурлящей огненной рекой стекающие по ее спине. А за ней, медленно, словно преодолевая сопротивление, вышел Рон.

Драко замер, глядя на него, потом закрыл окно и задумался. Он подозревал, что Уизли может появиться, однако удивился, что именно так и произошло. Усталость как рукой сняло, ее место заняла постоянно нарастающая нервозность.

«Заставь их пожалеть об этом», — просил его Гарри.

Драко улыбнулся. Потом подошел к гардеробу и начал одеваться.

* * *

Когда Гарри на следующий день открыл глаза, было очень темно — он даже подумал, что ночь только-только добралась до своей середины. Мгновением позже он сообразил, что занавеси вокруг его кровати плотно задернуты.

Он недоуменно покрутил головой.

Как странно. Я так никогда не делаю. Значит, приходил кто-то из домашних эльфов.

Поморщившись, он медленно сел, нашарил свои очки, надел их и почувствовал, как забилося у него в груди сердце. Он чувствовал себя весьма и весьма необычно. И был практически уверен, что у него был весьма необычный сон.

— Эй, тигренок... — пропел голос у его плеча.

Гарри повернулся так резко, что потом все удивлялся, как он ухитрился ничего себе не вывихнуть. И, еще не увидев ее, он уже все понял... Впрочем, потрясение от этого меньше не стало: черные волосы, разметавшиеся по белым плечам, огромные серые глаза, наполненные недобрым озорством, обнаженное, судя по всему, тело, прикрытое простынями.

Рисенн.

Гарри попытался что-то сказать, но изо рта у него вырвался только свист, напоминающий свист закипающего чайника. Ее улыбка стала шире.

— Что, онемел? — поинтересовалась она. — Впрочем, учитывая минувшую ночь, я и не удивлена. Я была бы просто поражена, что после всего, что было, ты был бы в силах говорить.

Это отпустило его голос:

— Что-что-что... ты тут делаешь? — заикаясь, спросил он. — Как ты попала в мою спальню? И где твоя одежда?

Она взмахнула рукой:

— Одежда? Наверное, там, куда ты её швырнул, котенок.

Гарри безмолвно вытаращил глаза. Несомненно, все было ужасным кошмаром. Несомненно, он сейчас проснется.

— Но... я спал... я видел сон...

Она сделала губки бантиком:

— Ой-ой. Я что — похожа на сон? Или, может, вот это похоже на сон? — и она высвободила свои тонкие белоснежные руки, покрытые синяками от его пальцев. — Мне и в голову не приходило, что ты так силен. Ну, я, конечно, знала, что ты особенный, — Мальчик-Который-Выжил...

— Заткнись! — зашипел Гарри, пряча лицо в ладони. — Просто помолчи. О, нет, я не должен... я не мог...

— Увы и ах — ты мог и смог, — ее голос стал жестче, хотя и не утратил веселых ноток. — Как печально, что ты ничего не помнишь. Да, несомненно: эта ночь была одна из самых уникальных ночей за всю мою жизнь. То, что было ночью... — со мной такое впервые.

Из горла Гарри вырвалось бульканье:

— Я не верю этому, — зашептал он, — не верю... У меня есть подруга...

— А я думала, вы расстались, — заинтересовалась Рисенн.

— Я — нет... а откуда ты так посвящена в подробности моей личной жизни?

Она пожала плечами, простыни съехали вниз, и Гарри торопливо отвел глаза.

— Я получила газету. Да все знают, что вы разошлись. Видимо, кроме тебя.

— Мы просто... взяли тайм-аут.

— Что ж, дорогой, в таком случае в другой раз можешь пригласить её с собой.

— В другой раз? Не будет никакого другого раза! И этого тоже не было!

Она улыбнулась уголками губ:

— Ты в этом совершенно уверен?

Гарри промолчал.

Рисенн наклонилась к нему:

— Ты произнес её имя прошлой ночью, — она потянулась, чтобы прикоснуться к его лицу, и Гарри дернулся обратно. — Ты сказал — Гермiona... Но сделал это только раз.

Гарри снова отпрянул от нее — или же только попытался это сделать: было в ней что-то завораживающее, что, несмотря на весь ужас и тошноту, притягивало его, как притягивает взгляд кобры. Нет, она была прекрасна — да, но красота ее была такой странной, отчужденной и зрелой, что он не мог ей противостоять.

Эти глаза — серые, как у Малфоя, серые, как зимнее море — они пугали его. Она потянулась к нему, коснулась длинными пальцами его щеки — он не смог отодвинуться от нее, он чувствовал, что это сродни боли в его прокушенной губе, все его нервные окончания разом взвыли.

Наверное, он бы свалился с кровати, если бы в этот момент не раздался стук в дверь. Дурман немедленно исчез из головы Гарри, он в ужасе вытаращил глаза.

Рисенн беспокойно вздохнула:

— Ты откроешь или сделать это мне?

— Мистер Поттер, — раздался замогильный голос у дверей. Наверняка один из слуг-призраков. — Мистер Блэк велел разбудить вас. Уже полдень, сэр.

— Убирайся! — в отчаянии крикнул Гарри в ответ. — Меня... меня нет!

Рисенн фыркнула.

— О, замечательно.

— Мистер Поттер, боюсь, что мистер Блэк велел разбудить вас немедленно.

— А-а-а... — почти взыв от отчаяния, Гарри встал и, завернувшись в простыню, шагнул к двери, приоткрыв которую, он в щелку увидел Антона, дворецкого, реявшего перед ним с самым серьезным видом.

— Мистер Поттер, мистер Блэк велел мне также

подготовить ваше платье для вече...

— Да, спасибо, я все возьму, — заикаясь, перебил его Гарри, выхватывая у призрака стопку вещей и кидая их себе за спину. — Спасибо, Антон. Ну, если у тебя все...

— Нет, не все, — возразил дворецкий.

— Что еще? — в отчаянии спросил Гарри.

— Мистер Малфой просил передать вам сообщение. Кажется, это было «Немедленно спускайся, чертов засоня».

— Грандиозно, — и Гарри снова попытался закрыть дверь.

— Мистер Поттер! Попрошу еще минутку. Еще одно дело, — и дворецкий протянул свою полупрозрачную руку. На ладони призрака мерцал знакомый стеклянный круг — алый, с золотыми и черными искорками. Гарри взглянул на свой рунический браслет, пытаясь сообразить, что к чему.

...Но это невозможно — он же всегда ее носил, вот и вчера она болталась у него на ремне... Он помнил, как расстегивал ремень и... и потом выкинул свою одежду домашним эльфам.

— Эльфы-прачки просили меня вернуть это вам, сэр.

— Спасибо, — автоматически поблагодарил Гарри. — Спасибо, Антон.

Он взял браслету призрака, закрыл дверь и медленно повернулся к девушке, сидящей на его кровати.

Но та уже исчезла.

* * *

Гермиона направлялась в библиотеку не в самом лучшем расположении духа. Накануне она плохо спала. Даже очень плохо. В ее комнате в Дырявом котле было слишком жарко, всю ночь её мучили кошмары, от которых перехватывало дух. Она проснулась на рассвете от звеневшего в ушах крика Пенси «Грязнокровка!», после чего так и не смогла уснуть. Мда, вечер не удался.

Чтобы добраться до книжных червей, ей пришлось выстоять длинную очередь, в которой она тревожно размышляла о предстоящей вечеринке. Мысль о том, что ей предстоит встреча с Гарри, вздымалась над ней черной стеной страха: он — подавленный и красивый — должен хандрить и печалиться. И ей бы захотелось утопить его в чаше фруктового пунша. Или — что еще хуже — он полный сил, и Драко сводит его с невероятно сексуальной кузиной-вейлой, которая не слезает с его колен и кормит его с руки виноградом, очищая его при помощи золотых щипчиков. И ей снова захотелось утопить его в чаше с фруктовым пуншем.

— Виноград, — мрачно заявила она книжному червю, когда пришла ее очередь. — И кто только ест очищенный виноград? И как только не лень?..

Книжный червь встревоженно замахал усиками. Гермиона вздохнула:

— Не обращайтесь внимания. Я Гермиона Грейнджер. Номер 97356. Вы сделали для меня перекрестный обзор?

Червь умчался прочь и вернулся с нагруженной книжками тележкой. Гермиона подхватила ее и направилась в уже знакомый уголок под портрет Ровены Равенкло. Да, большинство книг она уже видела, некоторые из них были универсальными справочниками по оружию, и она подавленно начала пролистывать их — главы о Живых Клинках, эльфийский стрелах, всегда летящих в цель, ножах, способных рассечь камень, ирландских дубинках, булавах, кинжалах и...

Гермиона замерла и пролистнула несколько страниц, вернувшись к изображению серебряного кинжала с ручкой из кости единорога. Подпись под иллюстрацией затерлась от времени.

«Ангурвадель — уникальный клинок, находящийся в настоящее время в Стоунхенджском музее. Природа

клинка неизвестна, однако нанесенные им раны невозможно исцелить. При прикосновении к нему колдун или ведьма, находящаяся под воздействием Темной Клятвы, начинает светиться синим.»

Гермиона вытаращила глаза, в голове все спуталось. Темная Клятва? Но ведь только некромент может связать человека Темной Клятвой — это была самая ужасная, самая темная магия, смертельная и непробиваемая... Однако она помнила, как вспыхнул синим клинок, когда в музее Рон прикоснулся к нему. От этой мысли у нее засосало под ложечкой.

Рон!

Она вскочила на ноги, едва не перевернув свой стул, и торопливо начала заталкивать книги в сумку.

* * *

Гарри мрачно рассматривал в зеркале свое отражение. И вправду — выглядел он куда лучше, чем ощущал себя.

Хотя, — тут же подумал он, — если бы я и выглядел так же, то на меня из зеркала таранила бы насаженная на кол отрубленная голова.

Однако с внешним видом был полный порядок — скорее всего, этому способствовала одежда — исключительно модная и дорогая, великолепно скрадывающая и его бледность, и темные круги под глазами. Он начал понимать, почему Драко так западает на одежду — она и вправду заставляет чувствовать себя отменно, хотя на самом деле ты ощущаешь себя просто как в аду.

Со мной что-то не так, — мрачно думал он, глядя на себя в зеркало. — На Драко Рисенн не действует так, как на меня. По-видимому, причина в каком-то страшном изъяне, которого нет у других людей. Или же я просто какой-то сексуальный маньяк, какой-то особый тип сексуального маньяка, рядом с которым никто не хочет находиться. Гермиона — она бы больше ни в жизнь ко мне не прикоснулась, не захотела бы быть рядом. Сириус был бы в ужасе. Как и Нарцисса. Они ни за что не позволили бы мне остаться в доме, сослали бы в сарай в саду. Драко бы бросил меня и нашел новых друзей — которые бы не мучились от постоянной депрессии и не спали бы с сексуальными демонами.

А может, и нет.

Гарри подумал, что для Драко это было бы неиссякаемым источником насмешек.

Ты — сексуальный маньяк? — он бы усмехнулся. — Поттер, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Ты взгляни на себя. О, прекрасно, поздравляю: ты нашел еще один повод, чтобы заниматься самобичеванием. О, просто праздник какой-то. Постарайся максимально использовать это.

Гарри опустил глаза к своим рукам, и они на миг перестали трястись. Да, определенно: нужно переговорить с Драко, в противном случае, он не представлял, как он пойдет на вечеринку. Хвала Господу, что не будет Гермионы: она собиралась прибыть на свадьбу, а не на званый обед сегодня. Он не смог бы взглянуть ей в глаза.

Мысль об этом его едва не доконала.

Отвернувшись от своего бледного отражения, он взглянул на смятую кровать, и почувствовал, как к горлу подкатила тошнота

Гарри сгреб плащ и выбежал за дверь.

* * *

— Я хорошо выгляжу? — в третий раз за то время, как они поднимались по лестнице к Имению, спросила Рона Джинни. Она уже успела позабыть, каким отталкивающим и непривлекательным было это серое каменное здание: громоздкое, окруженное вереницей балконов, увенчанное шпилями и куполами, с огромной парадной лестницей размером со всю Нору.

А вокруг простирался сад, которого не было

в ее прошлое посещение: он был наполнен розами, алыми розами, которые на этом снегу казались каплями крови. Заклятья, с помощью которых можно было сохранить их живыми даже в такие морозы, были весьма и весьма недешевы.

Рон, уже дважды сообщивший сестре, что она очень красивая, мученически вздохнул.

— Я же уже дважды сказал тебе, что ты классно выглядишь, так чего еще тебе надо? Пожалуйста: ты выглядишь кошмарно. Меня от одного взгляда на тебя тошнит.

— Я тебя ненавижу, — бросила на него возмущенный взгляд Джинни.

— Ага, — уронил Рон. — И не ты одна.

Джинни не ответила, она прибавила шаг в надежде нагнать родителей. Они оба — и Рон, и Джинни — отстали: Рон из-за явного нежелания идти, а Джинни здорово нервничала. Она распланировала этот день еще несколько недель назад. Наконец, сразу за Фредом и Джорджем, они вошли через двойные двери в холл, и Джинни, осмотревшись, была просто потрясена красотой этого удивительного дома — холодной, но от этого не менее прекрасной: шахматный черно-белый сияющий паркет, сверкающие стены, на которых мерцали алмазами светящиеся шарики.

Их встретил Сириус, Нарцисса, по его словам, занимала гостей где-то в главном зале. Краем уха Джинни услышала, что её родители о чём-то быстро переговорили с Сириусом, невероятно элегантном в своём чёрном костюме.

— Да, думаю Драко тоже где-то в Зале, мы ждем, когда спустится Гарри... он вчера ночью тоже припозднился, — пояснил он, и Уизли рассмеялись.

В силу своей нетерпеливости, Джинни не могла дожидаться того, что будет дальше. Она отказалась от предложенной домашним эльфом помощи по её разоблачению и прямо в плаще прошла в Зал, что заметил только Рон, метнувшийся за ней и бормочущий, что должен её задержать — то ли что-то сказать, то ли ещё что...

— Не надо, — выдохнула она.

Комната, что была много лет назад названа Малфоями Большим Залом, была уже наполовину заполнена гостями: женщины в изысканных платьях, мужчины в мантиях и костюмах — Джинни узнала Люпина, Пенси Паркинсон в каком-то уродливом зеленом платье, в толпе мелькнуло еще несколько знакомых лиц. Наискосок пройдя через Зал, она направилась к маленькой двери и быстро нырнула в нее.

Она оказалась на лестнице, которую хорошо помнила, — узкая лестница вела вверх, по обе стороны от квадратного зеркала в скобах на стене горели факелы. Джинни взглянула на себя: бледное лицо, еще более бледное от соседства желтого плаща и рыжих локонов. И блестящая цепь на шее. Едва она потянула за нее...

— Джинни, ты что тут делаешь?

Это был Гарри. Он стоял на нижней ступеньке — в темной рубашке, подчеркивающей бледность его кожи, в темных брюках. В тусклом свете она не могла увидеть выражение его лица, но ей показалось, что он хмурился.

— Ты заблудилась?

Она быстро выпустила цепочку.

— Нет, я просто... просто...

— Ты не Драко ищешь? Я не знаю, где он.

Джинни едва не улыбнулась:

— Спасибо за помощь, Гарри, но я не ищу Драко. Я просто... хотела поправить волосы. Ветер испортил всю мою прическу.

— А мне кажется, все нормально, — удивленно заметил Гарри. — По-моему, ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо, — Джинни взглянула на него повнимательней. Он был какой-то странный: отдаленный, потерянный — именно таким он стоял семь лет назад на платформе вокзала Кинг-Кросс, и эта потерянность словно навеки прилипла к нему.

Женщины должны сходить по нему с ума, — подумала Джинни, — он кажется каким-то уязвимым, однако нельзя сказать, чтобы слабым, каким-то притягательным... причем он про это не знает. Человеку не свойственно раздумывать о своей красоте, поскольку свое лицо для каждого выглядит слишком уж привычным, даже такое красивое как это: глубокие подернутые дымкой зеленые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, заостренные линии. Даже сейчас эта меланхолия ужасно шла ему.

— С тобой все в порядке, Гарри?

— О, да, — он слегка передернулся, как отряхивается вылезшая из воды собака. — Я просто поздно лег.

— Ах, да, Сириус нам сказал.

— Нам?

— Да, — медленно кивнула Джинни. — Мы все приехали. И... Гарри... Рон тоже.

Выражение лица Гарри не изменилось, только тени под глазами стали отчетливей.

— Я, признаться, думал, что он не придет.

— Он приехал, Гарри, правда, это к лучшему...

— Чёрт, — резко перебил ее Гарри и засунул руки в карманы, — да, действительно, теперь мне точно нужно увидеться с Драко.

— А ты не мог бы... — она чуть склонила голову. — Ну, ты понимаешь... — найти его.

Гарри помотал головой.

— Он сейчас закрылся от меня. Наверное, занят, — пожал плечами, Гарри попробовал улыбнуться, однако у него это вышло не слишком удачно. — Пожалуй, я лучше пойду туда, где музыка.

— Все будет в порядке. Правда-правда.

Он расправил плечи.

— Я надеюсь.

Она взглянула, как он вышел и тихо прикрыл за собой дверь, и сердце ее последовало за ним, как следовало оно и за ее братом, и за Гермионой. И за Драко.

Нет, она не испытывала сочувствия. Это был страх. Она боялась за него. Она уже давно за него боялась.

Она снова потянулась к цепочке на своей шее и, крепко стиснув ее, начала подниматься по ступенькам.

* * *

Драко сидел в засаде.

Он никогда не мыслил себя партизаном, слишком уж он любил огни рампы, однако другого слова подобрать было нельзя: он именно сидел в засаде. В коридоре, освещенным одиноким факелом, он ждал Пенси Паркинсон.

Он устал. У него болела голова. Он мало спал минувшей ночью, и подозревал, что у него плохо уложены волосы. Но время, приливы и месть не могут ждать, и он проторчал на балконе, пока не увидел поднимающуюся вслед за родителями по лестнице Пенси Паркинсон в зеленом платье. И только тогда он вошел внутрь.

Сначала нужно был как-то отделить её от родителей. Для этого он подослал к ней домашнего эльфа с сообщением, что нечто неотложное ожидает её в Зеленой комнате. Эльф был проинструктирован привести ее в коридор и там оставить. Домашних эльфов Драко не любил, они его раздражали, однако временами он не мог не оценить их беспрекословности и послушания. Ему показалось, что прошел целый час, хотя, наверное, на самом деле минуло только полчаса, когда он услышал звук чьих-то шагов в коридоре. Быстрый стук высоких каблучков. Драко улыбнулся. Пора. Он дождался, пока она поравняется с ним, и быстро вынырнул из тени, загородив ей дорогу.

Задуманное ему удалось: она завопила и шарахнулась назад.

— Привет, Пенси, дорогая. Рад видеть тебя.

— Драко! — ахнула Пенси, театрально прижимая руку к сердцу. — Ты так меня напугал! Ей-богу, — она

опустила руку и бросила на него возмущенный взгляд. — Если не возражаешь, то разреши, я продолжу свой путь?

— Да-да, срочное дело. Я в курсе, — он с трудом удерживался от желания закрутить ус, по счастью, у Драко усов не было. — Однако никакого срочного сообщения нет. Это я сделал. Я хотел потолковать с тобой наедине.

— Что? — Пенси изобразила оскорбленную невинность. — Да что ты напридумывал! Я же принимаю участие в вечеринке и должна вернуться назад.

— По мне, ты совсем не занята, — перебил её Драко. Он говорил тихо, но было нечто в его тоне, что заставило Пенси бросить на него пронзительный взгляд. Он начал медленно кружить вокруг нее, и ей пришлось взять себя в руки, чтобы не начать крутиться вслед за ним. — Хотя, как я слышал, в последнее время у тебя действительно была масса хлопот.

Лицо Пенси дрогнуло, с него пропало раздражение.

— Это ты о чём?

— Думаю, ты понимаешь, — воздвигся над ней Драко. Ее волосы дрогнули над круглым воротничком неладно скроенного платья. — Знаешь, Пенси, ты занимаешься тем, что строишь свою карьеру, карабкаясь по социальной лестнице. Смотри же, не соскользни назад. Хотя, как я слышал, у тебя открылись таланты и в этой области...

— Какой области?

Он наклонился так, что его шепот коснулся ее волос:

— Опускаться.

Пенси не сразу отреагировала на это пугающее замечание. Она дернулась и развернулась:

— Это омерзительно. Ты отвратителен. Понятия не имею, почему ты говоришь все это, однако...

— Не имеешь? — неожиданно резко переспросил он, так резко, что она даже сморщилась. Он увидел страх в её глазах. — Что ж, я позволю себе освежить твою память небольшой декламацией. Не возражаешь, если я прочитаю тебе вслух? — демонстративно и тщательно откашлявшись, он вытащил из кармана пергамент. — Я бы назвал это «Сонеты от Трагически Запутавшихся». Думаю, тебе должно понравиться, — он встряхнул пергамент, разворачивая его, и громко начал:

— «Гермиона. Я пишу тебе во время Зелий. Я тут сижу и гляжу на тебя через весь класс, но ты не видишь этого. Ты сидишь и смотришь вперед, я вижу, как движется над пергаментом твоя рука. Может, ты сейчас пишешь мне так же, как я пишу тебе. Но я не очень-то хорош в писанине. Наверное, Гарри лучше. Черт, вот Малфой точно лучше. Однако я пишу тебе, потому что должен написать. Потому что мне больно от того, что я так далеко от тебя, особенно после...»

— Прекрати, — прошептала Пенси. — Прекрати.

— Отчего же? Весьма занимательно. Под это можно даже танцевать, — Драко улыбнулся, на что она, похоже, не обратила внимания. — «Не волнуйся, — завершил он чтение, — я оставляю его в нашем обычном тайнике. Прости меня за то, что я сказал прошлой ночью, — насчет того, чтобы открыться и всем всё рассказать. Ты была права. Впрочем, даже если бы не была права, это бы не имело никакого значения. Нам не нужно придумывать никаких аргументов — когда я вижу, как ты на меня смотришь, я чувствую...»

— Прекрати! — взвизгнула Пенси. — Прекрати, прекрати, прекрати! — Драко понял, что его грязная игра достигла цели: она не могла совладать со своим голосом, ее глаза стали совершенно абсурдного размера. — Отдай, отдай мне!

Выдернув записку из его рук, она разорвала ее в клочья и с триумфальным вздохом раскидала ее по полу.

Драко рассмеялся.

— Там их еще штук тридцать. Уизли, похоже, был удивительно преданным и постоянным корреспондентом.

том.

— Как... — она вытаращила на него глаза. — Как ты забрался в мой чемодан?.. Это невозможно.

— Иногда лучшим оказывается самое простое решение.

— Он знает? Поттер знает?

Драко приподнял бровь:

— А что — ты боишься его больше, чем меня? — сладким голосом поинтересовался он. — Это ты зря...

— А что ты собираешься сделать? — ошеломленно спросила она.

— До или после того, как пойду и расскажу твоим родителям о том, чем ты занималась в последнее время?

К его удивлению, её лицо начало приобретать нормальный цвет.

— Может, ты лучше поделишься с ними чем-то, чего они не знают?

Теперь пришел его черед удивленно таращить глаза.

— Только не говори, что ты рассказала им все в припадке раскаяния.

— Это была их идея, Драко, — отрезала Пенси, начиная, по-видимому, приходить в себя. — Мой отец был одним из тех, что разрабатывал очаровывающие заклятья — как ты думаешь, откуда бы я их достала? Это пробные экземпляры, новинки.

— То есть ты думаешь, что я поверю в то, что они подкладывали свою дочь под Уизли? — Драко с трудом боролся с отвращением. — Я не... — он замолчал, практически услышав, как в его голове завертели и заскрипели шестеренки, и все встало на свое место. — Нет, они не делали этого... Они согласились, чтобы ты прикидывалась Гермионой и шпионила, добывая информацию... Но спать с ним... — это было твоей идеей. Ты же так его ненавидишь... о, нет...я так не думаю.. Ты ведь влюбилась в него, да? В гриффиндорца. Боже, какой удар по твоей гордости...

Пенси вскинула голову, глаза ее ярко вспыхнули:

— Это было...

— И что это было? — издевательски спросил он, однако, кажется, именно такого тона она и ожидала.

— Это был способ добиться того, чтобы он взглянул на меня, — тихо произнесла она. — На меня никто никогда так не смотрел.

— Он никогда не смотрел на тебя. Это была не ты.

— Я так полагаю, тебе про это ничегошеньки не известно? — ее голос засочился ядом. — Быть любимым вместо того, кем ты не являешься... Это совершенно реальное чувство, Драко, правда?

Ее глаза горели, и он онемел на мгновение. Он не мог представить, сколько она знала, и что имела в виду — это был удар, нанесенный наугад, вслепую. Но он тут же вспомнил, как Гермиона обнимала его в шкафу, шепча имя Гарри. И голос Гарри днем раньше: «Ты сделал отменную вещь, Малфой». В тот момент, глядя на Гарри, он удивился: кого он видит, глядя на меня? Не меня. Кого-то другого. Куда лучшего.

И в этот момент сочувствие к Пенси стрелой пронзило его, но он вспомнил слова Гарри — заставь их заплатить... Ведь у него были запасы жестокости, какими Гарри не обладал, верно?

— Они ведь не знают, кем на самом деле ты являешься, — прервала его размышление Пенси. Драко равнодушно заметил, что ее голос был каким-то странным: и лающим, и скрипучим одновременно. — И я начинаю думать, что и ты сам тоже не знаешь. Блез постоянно твердила иное — что в сердце ты остался истинным слизеринцем. Я этому не верю. Мне кажется, ты все бросил, ухватившись за первый выпавший тебе шанс. Что ж, Драко Малфой, — ты выбрал неверную сторону, заведомо проигрышную. Больше тебе никто, никто из нас не станет доверять, мы не раскроем тебе свои планы. Но это вовсе не значит, что у нас их не будет...

— Пенси?.. — перебил ее Драко.

— Что? — сбившись посередине своей длинной ти-

рады, она захлопала глазами.

— Заткнись.

Её губы сжались в тоненькую ниточку.

— Великолепно. Прячь голову в песок. Однако ты подумай, подумай обо всем, что я тебе сказала, я знаю, ты будешь...

— Пенси, — любезным тоном остановил ее Драко. — Я не думал об этом даже тогда, когда ты это произносила. А теперь пошли, — он взял ее за руку, и она не отняла ее, охваченная паникой, смешанной с нарастающей холодной яростью. — Нам надо возвращаться на вечеринку.

* * *

Все эти путанные повороты, в конце концов, привели Джинни почти к винным погребам, и только с подсказки проходящего мимо дворецкого ей удалось выбраться наружу, наконец-то оказавшись в облицованном деревом коридоре. За окном виднелся выходящий в сад балкон, сейчас полностью засыпанный снегом. Ромбовидные окна были плотно закрыты. Двери холла она уже узнавала: когда раньше она была в Имении, именно в этой комнате она и провела большую часть времени. Толкнув дверь, она шагнула в библиотеку.

Здесь все было по-прежнему: сине-зеленые окна, наполненные книгами полки. И тишина — такая тишина, что она могла бы услышать стук собственного сердца, перекрывающий тиканье золотых настенных часов.

Джинни глубоко вздохнула и вытянула за цепочку из-под платья Хроноворот.

* * *

Гарри ужасно хотелось выпить вина, однако он себе это категорически запретил. После всех этих событий прошлой ночи, он больше вообще никогда на него не взглянет. В глубине души он больше всего мечтал вернуться в кровать и никогда из нее не подниматься. Поскольку это было исключено, он хотел поговорить с Драко. Но тот куда-то пропал — его не было в Большом зале, а когда Гарри попытался дотянуться до его разума, он почувствовал какой-то далекий слабый гул, словно прервавшийся радиосигнал. Да, похоже, Драко был сильно занят.

— Ох, Гарри, как же я рада видеть тебя. Ну, не красавчик ли, — миссис Уизли, восхитившись его новой одеждой, нагнула его к себе, чтобы поцеловать в щеку и взъерошить волосы. Гарри перебросился с ней парой фраз, стараясь смотреть в сторону: она так похожа на Рона, это было для него невыносимо. Сам Рон вместе с братьями торчал где-то у дальней стены, Гарри видел его отражение в зеркале над накрытым столом. Себя он тоже там видел, перед ним, запрокинув голову, стояла миссис Уизли, и он сразу вспомнил времена, когда ей приходилось наклоняться к нему. Он видел алый проблеск своего рунического браслета на поясе.

Как он мог оказаться таким идиотом, чтобы снять её?!

— Я думаю, что черное на свадьбе действует несколько угнетающе, — добавила миссис Уизли. В этот момент Гарри взглянул на нее, спросив себя, что ей может быть известно; однако он достаточно знал Рона, чтобы быть уверенным, что тот ни слова не сказал родителям.

В миг, когда он собрался ответить, он заметил краем глаза какое-то движение, и в зеркале отразился входящей через двустворчатые двери Драко. Он был не один — под локоть он вел Пенси Паркинсон. Странно — и какие же у него были причины, чтобы сопроводить её?

— Простите, — извинился перед миссис Уизли Гарри, — мне нужно... я должен... идти туда, — и он торопливо отступил, оставив ее удивленно смот-

реть ему вслед.

Обшаривая комнату глазами, Драко с Пенси стоял в дверях. Приблизившись, Гарри заметил, что Драко удерживает ее явно против её воли: она пыталась вырваться и отпихнуть его, на ее лисьей мордочке застыло выражение ужаса. Увидев приближающегося Гарри, Драко просветлел.

— Ага, Поттер, рад, что ты тут.

— Да где же ты был? — выдохнул Гарри, чувствуя, что большинство гостей поедают их глазами.

Драко поднял на него измотанный взгляд:

— Что?

— Где ты был? Мне нужно с тобой поговорить.

— Охотился с гарпуном на Аляске, — где я еще мог быть? Ладно, Поттер, я сейчас немного занят. Постоишь тут минутку, ладно? Посмотришь, что я имел в виду, — его глаза скользнули за Гарри, снова начав обшаривать комнату. — Где-то тут были Уизли...

Пенси издала какой-то скрип и затрепыхалась, пытаясь вырваться. Гарри удивленно захлопал глазами:

— Они где-то там... Малфой, это важно.

— Это тоже важно, — Драко двинулся вперед, волоча за собой Пенси. Почувствовав, что происходит что-то очень странное, Гарри двинулся вслед за ними. — Пенси забыла свой свадебный подарок. У нее масса проблем.

— Да кому нужны эти свадебные подарки?.. — спросил Гарри.

— Знаешь, — стрельнул в него взглядом Драко, — для столь сообразительного человека ты слишком часто ведешь себя как непроходимый тупица, — внезапно глаза его сузились. — Ты какой-то другой, Поттер — ты что, постригся? Или что-то еще?

Гарри издал полузадушенный вздох. Пенси тоже присмотрелась к нему:

— Ты и правда какой-то другой, — согласилась она.

Охнув, Гарри схватил Драко за рукав:

— Черт побери, Малфой, да выслушай же меня!.. Мне необходимо с тобой поговорить!

— Не сейчас, Гарри! — зашипел Драко, не двигаясь с места и по-прежнему крепко держа Пенси, которая, впрочем, бросила свои попытки высвободиться и теперь с любопытством взидала на Гарри.

— Ты что, не видишь, что мне нужно поговорить с тобой! — в отчаянии произнес Гарри, уже не надеясь на ответ.

— Все, что я вижу, — это твои впечатляющие попытки изобразить из себя электрическую белку. Перестань скакать туда-сюда и постой минутку спокойно.

— Я не могу ждать...

— Что — ты помираешь?

Гарри распахнул глаза:

— Нет.

— Тогда это подождет. УИЗЛИ! — неожиданно громко закричал Драко. Все обернулись к нему — в том числе и сгрудившиеся вокруг вазы с пуншем Уизли. Губы Драко дрогнули и растянулись в тонкой улыбке. — Рон! Эй! Иди сюда!

Не донеся стакан с тыквенным соком до рта, Рон удивленно замер. Драко призывно помахал ему рукой. Глаза Рона метнулись к Гарри, тот ответил ему взглядом, отчего Рон отвел глаза. Нервно покосившись на братьев, Рон опустил стакан и медленно двинулся в сторону Драко и его собеседников.

Пенси с выражением ужаса на лице снова задержалась в руках Драко, но тот стиснул ее еще сильнее; Гарри увидел, как его пальцы вонзились ей в плечо — должно быть, ужасно больно. В других обстоятельствах он бы, возможно, поразился безжалостности Драко, но не сейчас: у него начали зарождаться подозрения и предположения по поводу происходящего, и сердце в его груди забилося быстрее.

Что он себе думает?

Весь мир сузился для него до узкой дорожки, по которой к нему шел Рон. Вот он миновал родителей Пенси, наблюдающих за ним в упор. Люди поворачива-

лись ему вслед, следя за Действием с полусмущенным — полузаинтересованным выражением на лицах.

Рон встал перед Драко. Гарри уже две недели не видел Рона так близко. Теперь заметил фиолетовые тени под глазами друга, однако они не вызвали у него ни малейшего сострадания. Ярость, кипевшая в нем, не оставила место никакому сочувствию.

— Чего тебе? — тихо спросил Рон, глядя на Драко и стараясь не смотреть на Гарри. — Если тебе было нужно привлечь моё внимание, Малфой...

— Если бы я хотел привлечь твоё внимание, я бы нарядился Гермионой и попытался совратить тебя в чулане для метел, — с резкой и острой, как лезвие ножа, улыбкой ответил Драко.

Рон слегка покраснел, но не шелохнулся.

— Говори все, что хочешь, только не порти эту свадьбу, прошу тебя.

— Это еще не свадьба, — возразил Драко с той же неприятной сияющей улыбкой. — Это всего лишь званный обед.

Гарри взглянул ему за спину и увидел направляющегося к ним Сириуса и застывшего у него за спиной Люпина. Остальные все еще стояли и смотрели на них, от этих взглядов его передернуло, Рона всего так и крутило от унижения, один Драко наслаждался всеобщим вниманием, он единственный чувствовал себя в своей тарелке.

— Просто обед, — пропел Драко, — который подразумевает присутствие друзей и родственников. Ты к ним, как я знаю, не относишься.

— Это не тебе говорить, — возразил Рон. — Я пришел ради Гарри, а не ради тебя, — он перевел огромные, почти черные, полные мольбы глаза к Гарри. — Гарри, прости, прости меня... — зашептал он.

Каждое слово извинения пронзало Гарри, словно нож:

— Нет, я не хочу этого слышать...

— Гарри... — повторил Рон.

— Нет! — вскрикнул Гарри. — Разве ты не знаешь, что я...

— Замолчи, Поттер! Просто заткнись! — впервые заговорила Пенси, дрожащим скрипучим голоском — и в этот момент Гарри все узнал, все понял. Она рванулась прочь от Драко, не сводя глаз с Рона. Гарри узнал этот взгляд: так на него смотрела Гермиона, так Драко смотрел на Гермиону, Симус — на Джинни, такое же выражение было на его собственном лице — на фотографиях, в зеркале... — Оставьте его! — закричала она. — словно вы никогда не ошибались! — и она осеклась, сообразив, что сболтнула лишнего. Гарри заметил, как на лице Рона начинает появляться выражение ужаса, словно до него тоже начало доходить. Но Драко действовал, он наклонился и что-то шепнул Пенси на ухо — достаточно тихо, чтобы она не отшатнулась, но достаточно громко, чтобы был слышно всем:

— Он никогда ничего неправильного не делал, Пенси, дорогуша, — голос его стался нежным бархатом. — А я делал...

И он с силой толкнул ее в сторону Рона, машинально подхватившего её, чтобы она не упала. Споткнувшись, она вцепилась в него, и Драко рассмеялся.

— Вот это правильно, Уизли. Что ж ты как скромно? Что — нет никаких знакомых ощущений? А должны быть — независимо от того, какие очаровывающие заклятья там она использовала. Думаю, что суть-то её не менялась. А уж её тело ты должен знать во всех подробностях: как же, после стольких-то ночей, проведенных вместе в комнате старост... По мне, ты, конечно тормоз, но после такого количества свиданий даже ты...

Со сдавленным возгласом ужаса Рон оттолкнул от себя Пенси и, обхватив себя руками, содрогнулся. Драко перехватил её, но она и не пыталась сбежать: закрыв лицо руками, она захлебнулась рыданиями.

Рон, зеленея, вытаращил на нее глаза.

— Что ж, теперь ты знаешь, — улыбаясь, сообщил Драко Рону.

Гарри вдруг осознал, что все вокруг них пришли в движение: к ним спешил Сириус, Паркинсоны вприпрыжку мчались к своей рыдающей дочери, комната взорвалась шепотками, однако Гарри видел только круг перед собой, словно он был освещен прожектором: в этом кругу стоял Рон, потрясенный и безмолвный, рыдающая Пенси и Драко... Драко... у него был совершенно нечеловеческий вид — такие лица Гарри видел в детстве на картинках с ангелами мщения: такая в его лице была беспощадность и неумолимость... Гарри понял, что он сам был тому причиной — ведь именно он попросил Драко заставить её заплатить за это. И ей пришлось это сделать. В глазах Драко мелькнул вопрос, и Гарри почти прочитал его: Это именно то, чего ты хотел? Ну, как — достаточно? Ты себе это именно так представлял?

И какая-то невообразимо жестокая часть Гарри прошептала Драко, чтобы тот не останавливался.

Улыбка исчезла с лица Драко. Он по-прежнему смотрел на Рона.

— Что ж, теперь ты знаешь. И все, что у тебя было, ты вышвырнул только ради этого — ради неё. Ради девицы, которую ты терпеть не можешь. За пачку глупой лжи. За фантазию, которой кнат цена. Я бы все отдал за то, что ты когда-то имел, Уизли.

Гарри удивленно посмотрел на Драко, но тот действительно говорил именно то, что хотел сказать.

— Я бы все за это отдал, а ты это выбросил просто так, и тебе никогда его не вернуть. Никогда — все растоптано и разрушено. В этом поганом мире была всего одна неплохая вещь — но ты ухитрился и её уничтожить, — взгляд Драко, направленный на Рона, наполнился отвращением, и Гарри спросил себя, насколько это было правдой. — И что — это того стоило? Она того стоила?

Это было хуже любого оскорбления. Рон стал смертельно белым, голос его дрогнул и оборвался, когда он шепотом произнес:

— Что ты о себе думаешь, Малфой?..

Драко молчал, и это молчание было куда красноречивей любых слов. Всхлипывания Пенси перешли в вопли, от которых могли бы полопаться стекла. Гарри в упор взглянул на нее, на Рона, и почувствовал, что у него в желудке поселилось какое-то неприятное, болезненное ощущение. Через голову Пенси на него смотрел Драко — но он не знал, о чем того можно попросить после всего уже сказанного, впрочем, у него и не было шанса подумать об этом.

Потому что в этот миг двери в Зал распахнулись, и вошел Люциус Малфой.

* * *

— Что значит — не работает? — истерически спросила Гермиона у измученного человека, сидящего за столом Дырявого Котла. — Как они могут не работать все сразу? Я трижды пыталась связаться с Имением — бесполезно! Ваши каминные испортились! Сделайте же что-то! Вызовите... трубочиста!

Клерк за столом развеселился:

— Одною, но с огромным помелом, я полагаю?

— Не умничайте! — взвизгнула Гермиона так, что он дрогнул:

— Послушайте, мисс, с нашими каминными все нормально, возможно какая-то проблема существует с камином в Имени — вероятно, кто-то заблокировал соединение.

— Но зачем им нужно было это делать?

Клерк пожал плечами:

— Признаться, я не могу вам это сказать.

— Так, и что мне теперь делать? — воскликнула Гермиона. — Мне нужен Рон или Драко, вернее, даже оба, и я даже не могу послать сову — они все разобраны на доставку Рождественских подарков.

Клерк смотрел на нее с видом Это-Не-Моя-Проблема.

— Может, вы аппарируете туда, куда вам надо?

— Нет, у меня нет лицензии! Кроме того, там все равно стоят анти-аппарирующие заклятья.

— Возможно, вы полетите туда?

— У меня нет метлы! — и Гермиона тут же прищурилась на него. — А у вас есть метла?

— Э... вы хотите позаимствовать мою метлу?

Скрестив руки на груди, Гермиона сверкнула на него глазами:

— Будущее волшебного мира зависит от того, попаду ли я сейчас в Имение Малфоев.

Он закатил глаза:

— Правда?

— Хорошо, пусть нет. Но я очень сильно волнуюсь за моих друзей. Пожалуйста, разрешите мне воспользоваться вашей метлой. Пожалуйста.

Казалось, он сомневается.

— А если вы не разрешите, то я скажу менеджеру, что вы проковыриваете в дверях дырки и подсматриваете за переодевающимися в своих комнатах людьми.

Его глаза полезли на лоб:

— Вы так не поступите.

— Даже не сомневайтесь.

Он бросил на нее сердитый взгляд:

— Вы, похоже, из Слизерина...

Гермиона улыбнулась:

— Нет. Но спасибо на добром слове.

* * *

Часы все тикали и тикали, Джинни пристально следила по своим маленьким часикам за ходом минут.

Заполучить обратно свой Хроноворот было более чем непросто, хотя, с другой стороны, все могло бы оказаться ещё сложнее. Будь она из тех, кто привлекает к себе внимание, это бы не удалось. Однако на нее никто не взглянул, и ей удалось ускользнуть так, что никто этого не заметил, даже всевидящий Драко. Хроноворот вернулся на свою цепочку к ней на шею — только Симус спросил ее о новом украшении, однако он слишком мало знал, чтобы что-то заподозрить.

Она все распланировала заранее, она занималась этим не одну неделю. Так с чего же она тогда так нервничает? Прежде, отправляясь назад, она никогда не испытывала ничего подобного. А она перемещалась на сотни лет назад. Сейчас же ей предстоит вернуться всего на пять. Чего же она так боится?

Она прикрыла глаза и подняла руку с часами, услышав в этот миг какой-то шум и ропот

— Они разыскивают меня, — с ужасом подумала она, хотя позже она поняла, что к ней это не имело ни малейшего отношения.

Она быстро перевернула Хроноворот вверх ногами, и мир исчез.

* * *

— Рад приветствовать всех собравшихся, — произнес Люциус Малфой. — Как мило с вашей стороны прийти на вечеринку, посвященную моему возвращению домой.

Вокруг раздались вскрики, зазвенели посыпавшиеся на пол бокалы с шампанским. Если бы не эти звуки, то в Зале воцарилась бы гробовая тишина. Гарри казалось, что его потрясение должно было быть куда больше — вместо этого он почувствовал какую-то утомительную неизбежность происходящего. И потом — он знал, что Люциус все это время был жив, — это остальные смотрели на него как на призрак человека, умершего полгода назад.

— О, Боже... — прекратив рыдания, прошептала Пенси, вытаращив глаза. — Драко, твой отец пришел...

— Да, — деревянным голосом откликнулся Драко, — да, я заметил.

Гарри хотел положить ему руку на плечо, однако не решился, ему показалось, что делать что-то подобное перед Люциусом будет неразумно — и вовсе не потому, что Люциус не знал об их дружбе. И все же...

Гарри казалось, что все его мысли словно медленно просачиваются сквозь многослойную марлю — наконец, это было следствием того, что за последнее время на его долю выпало слишком много потрясений. Он с отстраненным ужасом смотрел, как Люциус неторопливо входит с Зал — конечно, не один: его сопровождал, по крайней мере, десяток Пожирателей Смерти в своем знаменитом облачении — черная мантия с опущенным капюшоном. Однако, капюшоны двоих были откинuty, и Гарри узнал мэра и судебного исполнителя Малфой Парка. Все в комнате попятилось, впрочем, ничего удивительного: палочки при себе были далеко не у всех, так что Пожиратели отменно считали время нападения. Сириус с белым, как полотно, лицом, схватил за руку Люпина, вокруг него сгрудились Уизли.

С одной стороны зала был помост, окруженный золотой оградой — на дне рождения Гарри там играл оркестрик. Люциус Малфой взошел на него, сопровождаемый мэром и судьей; остальные Пожиратели отошли к стене. Сквозь другие двери входили все новые и новые Пожиратели.

Большой Зал был окружен.

Люциус прислонился к ограде и улыбнулся. Его наряд был элегантен до предела: черный костюм, черный плащ, потрясающие туфли, серебряные кольца на пальцах. Серые глаза скользили по толпе, он рассматривал ее с таким видом, словно оценивал живописное полотно.

— Согласно одному маггловскому автору, «Слух о моей смерти оказался сильно преувеличенным».

У Пенси вырвался какой-то сдавленный звук — то ли смехок, то ли всхлип. Драко мрачно рассматривал своего отца с непроницаемым выражением лица.

— Уверен, что очень немногие в восторге от этого, — продолжил Люциус. — И, тем не менее, это правда. Я жив, и я вернулся домой. Думаю, мой сын знал об этом, верно, Драко?

Развернувшись, Гарри взглянул на Драко, внезапно побелевшего, как мел, и неверяще уставившегося на отца.

— Но ты собирался... я подумал... свадьба... — выдохнул он надтреснутым голосом.

— Дурачок, — улыбнулся Люциус. Это была сияющая, зловная усмешка. — Неужели ты думал, что я не знаю того, что ты видишь нас? Ты что — и, правда думал, что я просто позволю тебе шпионить за нами? Ты что — думал противостоять Темному Лорду со всей его мощью?

Драко помолчал. Ему было просто нечего сказать — он привалился к столу и замер с таким опустошенным видом, какого Гарри еще не приходилось видеть.

Рон нарушил повисшую тишину. Развернувшись — не Люциусу, к Драко — он яростно сверкнул глазами:

— Ты знал? Так ты знал и ничего никому не сказал?

Забыв про все на свете от охватившей его раскаленной добела ярости Гарри, развернувшись, принял вызов Рона.

— Я тоже знал. Он сказал мне. Хочешь обвинить Драко, обвини и меня.

Рон дрогнул и отступил.

Словно слова Гарри вернули ему дар речи, Драко заговорил.

— Дамблдор не разрешил мне рассказывать об этом, — повернув голову, Гарри увидел, что Драко обращается к Сириусу. — Я сожалею.

— Если кто и должен сожалеть, так это Дамблдор, — заметил Люциус. — Впавший в маразм старый дурак. Строил свои умные планчики, надеясь обыграть нас — и все это лишь исходя из информации, добывае-

мой из твоих сновидений. Да и ты тоже глуп, коль поверил всей этой лжи.

— То есть все это было ложью — всё? — спросил Драко, и Гарри на миг показалось, что лицо друга осветилось вспышкой надежды.

Люциус взглянул на сына серыми непроницаемыми глазами.

— Ладно, положим, — не всё.

— Достаточно, — Гарри увидел, как из толпы шагнул Сириус. — Давай прекратим все эти игры в кошки-мышки. Ты — сбежавший из клиники сумасшедший, — он рассмеялся, хотя в этом не было ничего смешного. — Тебя вернут в клинику Св.Мунго раньше, чем ты даже...

— Я так не думаю, — перебил его Люциус. — Напротив, именно вы все нарушаете закон.

Сириус побелел:

— В каком смысле?

— Это я, а не ты хозяин Имения Малфоев, — холодно взглянул на него Люциус. — Законы Имения старые, очень старые, оно знает своего хозяина.

... Поттер! — крик прозвучал в голове Гарри настолько громко, что ему на миг показалось, что Драко заорал во весь голос. — Поттер, встань за мной, быстро!

... Что? — полуобернувшись, Гарри взглянул на второго юношу, белого, как мел. — Почему?

... Имение — оно заколдовано от нарушения его границ, и только хозяин имения имеет власть над всеми заклятиями. Если отец решит, что все собравшиеся нарушители, он может вышвырнуть их, не пошевелив и пальцем...

... А ты?

... Давай за мной. Против меня это не сработает, потому что...

... Да-да, знаю, малфоевская кровь, — слегка попятившись, ответил Гарри. — Парень, вам нужна новая система охраны. Могут ли я осмелиться предложить, чтобы она не была основана на принципе чистоты крови?

Драко мрачно усмехнулся.

... Гордость. Чистая кровь. Тебе не понять.

Сириус яростно сверкал глазами, сложив руки на груди. Остальные гости столпились за ним, недоуменно и смутно переглядываясь.

— Ну, продолжай, Люциус. Что же ты хочешь?

Люциус задумчиво прислонился к ограждению, на миг напомнив Гарри Драко, — та же оскорбительная грация, ленивые, но угрожающие кошачьи движения. Конечно, откуда бы они взялись у Драко, только у него, в отличие от зловещей грации Люциуса, было какое-то ироническое обаяние.

— Я хочу, чтобы все, кто не имеет отношение к моей семье и не является моим слугой, немедленно выметались из моего дома ко всем чертям. Званного обеда не будет, равно как и свадьбы. Свадьбы не будет, потому что я так сказал. А теперь убирайтесь — все.

— Я не оставлю с тобой Драко, — резко запротестовал Сириус. — Он уйдет с нами.

— Он останется вовсе не один, — шелковым голосом возразил Люциус. — Гарри составит ему компанию.

Гарри оторопел. Наверняка он что-то не так понял. Он покосился на Драко, в упор смотрящего на своего отца, Гарри поразился выражению его лица: он никогда прежде не видел на лице Драко такого ужаса и ошеломления.

— Отпусти Гарри, отец, — твердо произнес он. — Тебе нужен я...

— Пожалуйста, воздержись от столь самонадеянных заявлений. Если бы мне нужен был ты, я бы так сказал. Гарри останется здесь.

— А что — у меня уже нет права слова? — немного жалобно спросил Гарри.

— Ни малейшего, — хором ответили ему Сириус и Люциус.

Гарри сделал еще один шаг назад.

— Да я что, я ничего... Просто спросил.

Сириус с яростью дернул себя за галстук.

— Ты, и правда, думаешь, что можешь оставить его здесь, с собой? — накинулся он на Люциуса. — Министество...

— У него нет выбора, — сказал Малфой. До Гарри начало доходить, что все говорится на полном серьезе. — Драко мой кровный сын, и это его дом. У тебя нет никаких прав, чтобы забирать его от меня. А Гарри... — Люциус бросил на него ледяной взгляд, — Гарри — моя собственность.

Сириус взбешенно фыркнул:

— Тебе действительно надо обратно в клинику Св.Мунго, Люциус.

— О, гарантирую, я совершенно нормален. И закон полностью на моей стороне. Гарри Поттер был постоянным жильцом этого дома в течение шести месяцев на сегодняшний день. По волшебным законам он несовершеннолетний. Соответственно, я становлюсь его официальным опекуном.

— Это смешотворно, — взорвался Артур Уизли, становясь рядом с Сириусом. — Его опекун — Сириус Блэк, я собственноручно подписал документы на усыновление.

— Ах, да, ты, — ухмыльнулся Малфой, переводя взгляд на мистера Уизли. — Наш фальшивый министр. Я до тебя мигом доберусь, — он повернулся к бледному человеку, в котором Гарри узнал судебного исполнителя Малфой Парка. — Мистер Стеббинс, не будете ли вы так любезны...

Судья коротко кивнул и, развернув длинный свиток пергамента, громко зачитал:

— «Согласно волшебному закону, местожительством персоны является то место, где находится его настоящий и постоянный дом и куда в случае отсутствия он стремится вернуться...»

— В таком случае местом жительства Гарри является Хогвартс, — запротестовал Сириус. — Это его настоящий дом, — правда, Рем?

Но ошеломленный, как и все остальные, Люпин отвел глаза:

— По юридическим правилам всё верно...

— Гм, — кашлянул Стеббинс, очевидно, получая удовольствие от своей роли, вероятно, на него отродясь никто не обращал внимания. — Так я продолжу: «Хогвартс не является постоянным местом жительства для волшебников-сирот, зачисленных туда на учебу, согласно Закону об опекунах и приемных родителях от 1721 года. Данный замок не предназначен для постоянного проживания подобных студентов, поскольку они могут находиться на его землях строго ограниченное время. Подтверждением намерения стать постоянным обитателем какого-либо места жительства является отсутствие каких-либо связей с прежним местом жительства, что фактически демонстрируется отсутствием каких-либо контактов ab initio — между мистером Поттером, как и, впрочем, любым другим обитателем Имения, и жителями дома 4 по Привет-драйв, за исключением письма, посланного и подписанного мистером Блэком, в котором сообщается этот адрес — далее цитирую: «Гарри будет жить здесь со мной, моей невестой и ее сыном. Избавьте его от вестей от себя, вашей жены и сына. Я настоятельно прошу, чтобы вся дальнейшая связь осуществлялась через меня по указанному выше адресу.» Конец цитаты. Ipsissimaverba — мистер Поттер считается постоянным обитателем Имения Малфоев.

— На основании письма, написанного мной Дурслям? Это нелепо! — запротестовал Сириус. — В этом письме нет ничего официального, я послал его, не поставив в известность министерство!

— Полгода назад, — перебил его Стеббинс, — запись о местожительстве мистера Поттера была изменена с Хогвартса на местожительство его опекуна, мистера Блэка, и в Хогвартсе было получено письмо, подписанное мистером Блэком, приемным родителем мистера Поттера в течение более трех лет до этих изменений —

ceterisperibus — записи в Хогвартсе указывают, что мистер Поттер — постоянный обитатель Малфой Парка, если я не ошибаюсь. Я не ошибаюсь, мистер Люпин?

— Все верно, — едва слышано ответил Люпин. — Насколько мне известно.

— Существуют также и маггловские законы, — не отступал Сириус. — Дурсли — они ведь кровные родственники Гарри...

— Совершенно верно, — подтвердил Стеббинс, к которому Гарри испытывал все нарастающую и нарастающую ненависть. Сам Люциус молчал; прислонившись к ограде, он позволил говорить судье. — Однако у нас есть и другие подтверждения перемены места жительства. В нашем распоряжении находится письмо мистера Дурсля, где он указывает, что складывает с себя обязанности опекуна мистера Поттера в день его семнадцатилетия. Если не ошибаюсь, оно заканчивается так... Цитирую: «я рад этому избавлению, надеюсь, что ни я, ни моя семья не встретимся с ним более.» Кавычки закрываются. Постановление, отменяющее действие всех магических систем в районе Привет Драйв, выпущено сегодня утром и было изъято Подразделением Реагирования Министерства примерно семнадцать минут назад. Дополнительным подтверждением тому, что постоянным местом жительства мистера Поттера теперь является имение Малфоев, является записи Министерства, что различные защитные заклинания с дома Дурслей были сняты в июле сего года.

— Это так? — повернулся Сириус к мистеру Уизли. — Артур, это правда?

Мистер Уизли кивнул, не в силах прийти в себя от потрясения.

— Да... Бригада Авроров решила, что, коль скоро Гарри там больше не живет... а затраты на охрану такой большой территории достаточно высоки...

— Мой Бог... — прошептал Сириус. — Сколько же они планировали это?

Люциус издал восхищенный смешок.

— Помолчи еще минутку, Блэк. Самое интересное еще впереди. Стеббинс?

Судья тонко улыбнулся.

— Очень хорошо. Exconcessis. Адвокатура Малфой Парка рассмотрела представленные AmicusCuriae просителями Люциуса Малфоя доказательства — за его собственным отсутствием. Во время слушаний не было предъявлено претензий — caditquaestio — а потому мы выпустили данный Исполнительный Лист PraecipereandReplevin. Люциус Малфой принимается судом — percurium и delegelata опекуном его кровного сына, Драко Малфоя, кроме того, ему по вышеуказанным причинам передаются все опекунические права в отношении Гарри Поттера как постоянного обитателя Имения Малфоев вплоть до достижения им восемнадцатилетнего возраста. Nemo dat quod non habet, and res gestae. Подписано Люциусом Малфоем и шестью представителями Министерства, а также судебным исполнителем Малфой Парка, год 1998. И это, — завершил он, скручивая пергамент, — всё.

— Шестью должностными лицами министерства? Какими? — решительно потребовал Сириус. Гарри никогда не видел его таким сердитым, даже на листовках «Разыскивается».

— Ах, извините, — лучезарно улыбнулся Люциус, — это конфиденциальная информация.

Сириус рванулся к нему, но с двух сторон на нем повисли Люпин и Артур Уизли.

— Сириус, — услышал Гарри его шепот, — не волнуйся, Министерство позаботится об этом, мы с этим разберемся.

Но, как заметил Гарри, это Сириуса несколько не успокоило — и не мудрено.

— Министерство очевидно замешано в этом, — прошипел он в ответ. — Артур, как ты не понимаешь, что...

— Мистер Малфой, — Люпин заговорил четко и собранно. — Возможно, вы правы, и можете удерживать здесь Гарри какой-то срок, хотя надо быть глуп-

цом, чтобы считать, что сие будет длиться постоянно — а я не думаю, что вы глупец. И, тем не менее, вам придется ответить за любой вред, причиненный ему, пока он находится под вашей ответственностью. Если вы навредите ему... любому из мальчиков — это чистой воды убийство, и вы отправитесь в Азкабан.

Люциус вздохнул и протестующе взмахнул рукой.

— У меня нет никакого намерения вредить мальчикам. Что вы все на этом зациклились.

— Министерство будет за тобой наблюдать! — неожиданно воскликнул Артур Уизли. — Если хоть один волос упадет с головы Гарри...

Люциус фыркнул:

— Скучный бюрократишко. У меня кончилось терпение. Я позаботился о тебе. Позволим министру реветь и орать. Все, что я делаю, совершенно законно. А теперь... Я бы хотел, что вы оставили меня одного, будьте так любезны.

Люциус поднял палочку, и Гарри почувствовал, как Драко невольно вцепился ему в рукав и с силой дернул назад, он пригнул голову...

Рев потряс комнату. Гарри едва услышал, как Люциус выкрикнул заклинание — ураган начал рвать на нем одежду, волосы. Он с прошлого года помнил Ураганные чары, вышвырнувшие Люциуса из Имения, — какая ирония — похоже, сейчас все происходило с точностью до наоборот. Он затаил дыхание — и все кончилось. Ветер стих. Драко отпустил рукав Гарри, и Гарри открыл глаза.

Комната почти опустела: Люциус, не задетый штормом, стоял на том же месте, улыбка на его узком лице делала их с сыном удивительно похожими. Пожиратели тоже стояли там же, рядом с Люциусом. Из присутствовавших на вечеринке — до прихода Люциуса — остались Драко, Гарри и Рон, сбившиеся в кучку.

Люциус разглядывал их со спокойным любопытством. Затем щелкнул пальцами Пожирателям Смерти — и те приблизились.

Драко кашлянул:

— Отец... — он мотнул подбородком в сторону Рона. — Я думаю, ты забыл Уизли. Понимаю, их тут была целая куча, за всеми и не уследишь, но...

Рон издал какой-то полужадушенный звук.

— Помолчи, — отрезал Люциус. — Не говори о вещах, в которых не смыслишь.

— Прости, значит, я не понял, что теперь Рон тоже входит в твою компетенцию. И что же будет следующим? Псевдоусыновление всех остальных моих однокурсников и переименование Имения в «Дом Люциуса Малфоя для Трудных магов-подростков»

Люциус холодно взглянул на сына:

— Полагаю, ты не был слишком мудр как в своих недавних речах, так и в своих решениях. Драко, мне было бы больно тебя потерять.

Драко был ошеломлен:

— Да, с твоей стороны это была бы большая небрежность.

— А что я говорил тебе, когда ты был ребенком? О том, что нельзя быть небрежным со своим имуществом? Уверен, я тебе это говорил.

— Возможно, — Драко выглядел испуганным и усталым, и это нервировало Гарри, он никогда не видел, чтобы Драко чего-то боялся, даже если все обстояло именно так. — Отец, как бы там ни было, — прошу — давай закончим с этим.

Не меняя выражения, Люциус спустился с помоста и, подойдя к сыну, с силой ударил его по лицу — словно хлыст щелкнул в безмолвной комнате. Драко вскинул руки к щеке, Гарри заговорил прежде, чем успел сообразить, что он делает:

— Вам запрещено причинять ему боль, — яростно запротестовал он. — Вы же сказали, что знаете об этом.

— Отец имеет право устраивать нагоняй своему сыну, — спокойно пояснил Люциус, не сводя глаз с Драко. Тот убрал руку от щеки — на ней расплывался

красный след, словно рубец от кнута.

— Я ожидал худшего наказания, — бесцветным голосом сказал Драко. — Исходя из того, что я совершил.

— Это не наказание, — прохладным мягким голосом возразил Малфой-старший. — Это было моё прощение, — подняв голову, он взглянул на Пожирателей Смерти. — Заберите их, — махнул он рукой на Гарри и Драко. — И запирайте в Северной Башне. — Его не надо, — он указал своим длинным пальцем на Рона. — Его оставьте со мной.

Гарри услышал, как Рон ахнул, и даже теперь, даже после всего того, что случилось, он почувствовал, что его словно ударили под дых. Он повернулся к Рону, но мэр, стоявший у него за спиной, уже заломил ему руки за спину. Боль — мгновенная, сильная — пронзила Гарри, он закричал и рухнул, пнув левой ногой во что-то мягкое и мясистое и едва не свалив мэра с ног.

— Прекрати, — услышал Гарри резкий голос Люциуса. Тот указал на него своей палочкой, и все мышцы немедленно окаменели, словно замерзли; он не мог даже повернуть голову, чтобы взглянуть на Рона или Драко. За его спиной тихонько посмеивался мэр. Затем он снова ухватил Гарри и выволок его из Зала.

* * *

Солнце скрылось за горизонтом, на замок опустилась ночь, удлиняя в комнатах тени. Девушка в золотой клетке подняла сияющий взгляд к восходящей за окном луне. Рядом с клеткой Темный Лорд играл сам с собой шахматы, атакуя красного короля зеленым конем.

— Кто-то идет, — сообщила девушка.

Сидящий в тени коротышка с серебряной рукой и белесыми глазами поднял голову:

— Кто?

— Люциус, — сообщила дьяволица. — А с ним кто-то еще.

— Я впусти их, — сказал серебряннорорукий человек, называемый хозяином Червехвостом,

но не терпевший этого имени. Он поднялся и пересек комнату, избегая взглядом золотую клетку и девушку в ней.

Темный Лорд продолжил свою одинокую партию. Он должен был пожертвовать конем. Он не взглянул, когда Червехвост распахнул широкие медные двери, отступив, пропустил в комнату Люциуса Малфоя. И, тем не менее, Вольдеморт чувствовал, что девушка не ошиблась — Люциус привел кого-то с собой.

— Люциус, кого ты привел ко мне? Узника?

Люциус кашлянул:

— Я привел тебе мальчика, — ответил Люциус.

Темный Лорд встал и повернулся, девушка в клетке приподнялась на колени и бросила пристальный взгляд: Люциус, спокойный и тихий, держал за руку высокого рыжеволосого бледного юношу в растрепанном выходном наряде.

— Люциус, — зашептала девушка, просовывая руку сквозь решетку, — Люциус... взгляни на меня...

Люциус словно не слышал её, хотя рыжеволосый мальчик посмотрел на нее дикими глазами. Он обратился к своему спутнику:

— Поприветствуй Темного Лорда.

Рыжеволосый мальчик молчал.

По лицу Темного Лорда скользнула улыбка.

— А ты уверен, что он — тот самый?

— Люциус, — завопила девушка в клетке. — Ты же обещал!

Казалось, Люциус не слышал её, он негромко рассмеялся:

— Я совершенно уверен, что он — один из них.

Рыжеволосый мальчик заговорил:

— Я не понимаю... Один из кого? Почему я здесь?

Темный Лорд перевел на него взгляд, и нечеловеческая улыбка искривила угол его рта.

— Ты и правда, не знаешь? Даже не догадываешься?

— Нет, — мотнул головой мальчик.

— Ну, что ж... — Темный Лорд положил ему руку на плечо, заставив сморщиться от боли.

— Проходи, садись... Ты играешь в шахматы?

Глава 9. Рыцарь, Смерть и Дьявол¹.

*Вот корона твоя,
Кольца вот и печать.
Вот любовь,
Чтобы мир весь улыбкой встречать.
Вот пришла эта ночь,
Ночь уже началась.
Смерть твоя —
Что у сына в груди родилась.
Здесь охотился ты
И сюда убежал,
И любовью своей
Этот мир создавал
Здесь и крест для тебя,
Гвозди здесь и гора
И любовь, что напишет,
Как настанет пора.*

Леонард Козн

Она навсегда запомнила этот свет — свет, заполнивший комнату в тот день, — серый, больничный... Отец принес её из кабинета Дамблдора, хотя она вполне могла бы идти сама, следом спешила мать. Мадам Помфри подготовила для неё кровать, Джинни поморщилась, когда отец уложил её, — не от физической боли, а от чувства вины за испачканные кровью и грязью белоснежные простыни и подушки.

— Я очень извиняюсь, — произнесла она, обращаясь к мадам Помфри, но родители зашикали на неё и задержали занавески, велев ей отдыхать.

Но она не могла расслабиться, её тело не позволя-

ло ей этого сделать, оно не хотело тихо лежать, было беспокойным и неугомонным, словно собиралось сбегать от неё — Ползком Обратно к Тому. Возможно. Она не знала, чему он обучил её тело во время той беспроблемной мглы, не оставившей в ней никаких воспоминаний. Встав, она подошла к окну и попыталась открыть его.левой рукой. Уже нащупав защёлку, она вдруг вспомнила, что всегда была правой.

Окно бесшумно распахнулось навстречу ясному весеннему дню и лившемуся на школу солнцу. Свет ужалил глаза, однако она не стала зажмуриваться — лишь только она смыкала веки, как сразу видела его лицо.

Оно мелькнуло перед ней — вчера, он был сновидением, заключенным на страницах дневника, бестелесным фантомом, вызванным её одиночеством и потребностью общения. Она потянулась к нему, но он исчез, убежал от неё, словно просочившаяся сквозь пальцы вода.

Но там, в Тайной Комнате, всё было иначе: жизнь покидала её с каждым ударом сердца, а он становился всё сильнее, пока она не узрела его целиком: его черные спутанные волосы и бледное лицо, его стройность и напряженную силу тонких рук. Эти юные глаза, цвет которых она так и не смогла припомнить, — они были ясные и чистые. Распахнутые глаза, напоминающие котел, наполненный змеями.

Все усиливающийся гул голосов потянул её к окну, вернув в настоящее, и Джинни безразлично взглянула вниз. К главной лестнице подлетела черная коляска с гербом на двери — волшебная палочка, скрещённая с мечом. Под ними были какие-то золоченые буквы, однако она не смогла их прочесть. Но её взгляд привлекла не коляска, и не светловолосый мужчина, нетерпеливо стоящий рядом с ней, — она его знала, как знала и мальчика, что был рядом: сгорбившегося и удивительно несчастного на вид в этот чудесный теплый день. Солнце поблёскивало на его светлых волосах. Она его знала и ненавидела, однако смотрела она вовсе не на него, а на книгу, что сжимал в руках его отец. Чёрную, разорванную и потрепанную...

Дверь коляски распахнулась, мужчина зажал книжку под мышкой и жестом приказал мальчику следовать за ним.

— Нет, — прошептала Джинни, — он не может забрать её...

Это была её книжка, и внутри неё, на этих отравленных страницах, были написанные её рукой слова, её грезы, мечты и ночные кошмары... Кто ещё имеет на них право? Том. Но Тома больше нет. Тогда, может, Гарри, уничтоживший дневник, спасший её ценой своей крови и едва не погибший от яда.

Но уж никак не ненавистный Люциус Малfoy и его столь же ненавистный сынок. Джинни видела, как Малfoy-старший с силой дернул руку сына, толкая его в коляску, и поднялся следом. Мальчик сморщился. Джинни этому порадовалась.

— Домой, Антон, — резко скомандовал мужчина, прорезав тихий воздух. — Немедленно.

Коляска отъехала от ступеней, и в этот миг солнечные лучи упали на дверцу, и буквы на ней полыхнули огнем.

МАЛFOЙ.

* * *

Вершина башни была гладкой и слегка скошенной, словно её подрезали какими-то гигантскими ножницами. Квадратное пространство, окружённое зубчатыми стенами, достаточно высокими, чтобы к ним можно было прислониться и сесть.

Забравшись на один из зубцов, Драко задумчиво осмотрелся. Он достаточно хорошо знал эту башню с детства, чтобы сориентироваться в том, что он видит: голые стены шли до самой земли, серебрящейся в сумерках, сад внизу казался грязным подтоком на снегу, далёкая дорога вела к поблескивающему огнями Малfoy Парку. Солнце на западе уже почти закатилось, небо переливалось темнеющими на глазах глубокими оттенками алого — от розоватого до кровавого. В других обстоятельствах это даже показалось бы ему красивым.

— Ты уверен, что должен так стоять? — поинтересовался Гарри, топчущийся у закрытой двери в башню. — Ещё свалишься, неровен час...

— Не свалюсь, — ответил Драко.

Гарри что-то пробормотал себе под нос. Драко повернулся и взглянул на него — Гарри сложил руки на груди, его лицо маячило белым пятном между черной мантией и чёрными же волосами. Щеки горели румянцем от мороза.

— Я же сказал — не свалюсь, — повторил он.

— Понятно, — кивнул Гарри, — тогда спустись вниз.

Драко пожал плечами и прыгнул со стены вниз, бесшумно приземлившись на каменные плиты пола. Адмантиновая манжета звякнула о стену. Люциус заковал их руки — правую Гарри, левую — Драко, прежде чем запирать их. Это препятствовало возможности колдовать так же успешно, как и адмантиновая камера.

— Ну, спустился, — сообщил Драко. — Теперь тебе лучше?

— Мне будет лучше, если ты подойдешь ко мне и сможешь отпереть дверь.

Драко помотал головой:

— Даже не пытайся. Кишка тонка.

Гарри перестал возиться с дверью и оглянулся на него, упрямо выпятив подбородок:

— Что — заколдована?

— Естественно.

— И я так полагаю, что ты не знаешь, каким образом можно её отомкнуть?

— Тут дело не в заклинаниях. Просто эту дверь можно открыть только с той стороны, и невозможно — с этой. И я не думаю, чтобы это заклинание можно было бы обернуть.

— Все заклинания обратимы, — возразил Гарри.

— Ну, тогда можешь до изнеможения заниматься этим глупым делом. А я посижу и в одиночку что-нибудь попридумываю.

Драко присел, привалившись к каменному парапету, в тот же миг его охватило странное лёгкое головокружение, и он прикрыл глаза, сию секунду отогнать его. Даже с закрытыми глазами он ощутил, что Гарри присел рядышком, словно эта физическая близость приводела к появлению какого-то психического контакта между ними. Это помогло, и головокружение пропало.

— Ты в порядке? — спросил Гарри.

Драко открыл глаза.

— Да.

— Ты весь на взводе.

Драко взглянул на Гарри, склонив голову: вид у того был немного усталый, однако куда-то исчез этот измученный и опустошённый взгляд, сменившийся кипящей энергией и тревогой. Глаза сияли, щеки горели, руки выступивали на коленях какой-то энергичный ритм, адмантиновая манжета поблёскивала от этих движений.

Быстрые, ловкие, искусные руки, они словно бы говорили: «Дайте нам стиснуть меч, дайте нам флагом взмахнуть, дайте нам встать в строй, и мы сокрушим врага. Следуй за нами.»

— А тебе ведь это нравится, — уронил Драко. — Скажешь, нет?

— Конечно, нет, — удивленно взглянул на него Гарри.

Драко бросил на него тяжёлый взгляд, Гарри в ответ захлопал глазами с самым невинным выражением лица:

— Тебе это и вправду доставляет удовольствие, — повторил Драко. — Вот чёрт. Надо же быть таким ненормальным...

— От чего бы мне получать удовольствие? — обиделся Гарри.

— От этого, — Драко махнул рукой на башню и склонившееся над ними небо. — Тебе нравится, когда нам приходится иметь дело с чем-то угрожающим. Драконы, мантикоры, всякие там мои сумасшедшие родственники...

— Мне это не нравится, — вознегодовал Гарри. — Меня это огорчает.

— Ага, точно. Именно так ты и выглядишь. Ты ведь от бедствий и катастроф становишься сильнее. Наверняка это имеет отношение к героизму. Шли недели, ничего не случилось, ты уже начал удивляться — В чём же дело? Нет мира, который можно было бы спасти, нет зла, которое можно было бы победить, — ради чего жить? Будь здесь орда демонов, насколько было бы ве-

селее! — Что ж, ты получил, что хотел.

— Нет уж, — резко возразил Гарри. — Не имею ни малейшего желания иметь дело с ордой демонов, они мне не нравятся. Предпочитаю что-нибудь получше: зомби. Они хотя бы выглядят, как монстры. Хотя они и едят людей.

— На самом деле, они их едят, только если так пожелал их создатель. Многие понимают это неправильно.

Гарри вытаращил глаза.

— Зомби — тоже люди, — пожал плечами Драко.

— Ага, точно. Только дохленькие.

— Ты ужасно разборчив для гриффондорца.

— Я не разборчив, — возразил Гарри. — Будь так, я не торчал бы тут с тобой.

— Э... Я понимаю, мы тут пикируемся, однако что-то мы зашли слишком далеко. Что тебя гложет, Поттер? Только не говори, что зомби, а то я спихну тебя с па-рапета.

— Ничего, — надувшись, ответил Гарри. — Слушай, всё же ясно, как божий день: мы опять в руках у сумасшедшего маньяка, мечтающего захватить мир, и рядом нет друзей, которые помогли бы нам...

— Это точно, — согласился Драко. — Не знаю, как тебе, но мне Ураганное заклятье всю причёску испортило...

— Да пошел ты, Малфой, со своими шуточками, — Гарри уставился на замёрзший соборлеса, с его ледяной белизной в наступающих сумерках. — Твой папа доставлял мне куда больше счастья, пытаюсь меня убить, а не усыновить.

— На самом деле он и не пытался тебя усыновить, — пояснил Драко. — Слово он может это сделать... На самом деле он просто пытается отвлечь Сириуса и всех остальных от своих истинных планов.

Губы Гарри дрогнули и затвердели.

— А откуда он знает, что у него это получится?

Драко пожал плечами, почувствовав боль в старой ране.

— Если и есть что-то, в чём мой отец действительно хорош, так это в угадывании человеческих слабостей. Нет ничего другого, что настолько бы вывело Сириуса из себя, как мысль, что он больше не будет твоим приёмным отцом. Дело в тебе, в его долге перед твоими родителями, дело в нём самом, наконец. Ради тебя он выдержал и прошел через Азкабан, — голос Драко оборвался. — Ну, ты всё знаешь, Поттер.

— Возможно, — тихо согласился Гарри. Сумерки начали сгущаться, на их лица легли тени. — Просто я не умею так думать — так, как думает твой отец.

— Да, к счастью, для этого у тебя есть я.

— Да, к счастью, у меня есть ты...

* * *

Приземляясь на своем Нимбусе 3000в Малфой Парке, Гермиона уже знала, что произошло нечто совершенно ужасное: в городке не было ни огонька — лампы и фонари не горели, факелы были потушены, окна магазинов черны, а двери крепко-накрепко заперты. По пустынным безлюдным улицам с тёмными, мёртвыми домами гулял холодный ветер.

Прислонив взятую напрокат метлу к стене отеля Рождественский Морозец, Гермиона недоуменно осмотрелась. Может, она ошиблась с датой? Однако, сверившись с запиской, она убедилась, что всё правильно, — однако не было ни экипажей, ни украшений, ни слуг... Отель был закрыт и не сиял огнями... Она осматривалась с всё возрастающим беспокойством.

— Гермиона! — неожиданный возглас выдернул ее из задумчивости. — Что ты тут делаешь?

Гермиона вздрогнула и, развернувшись, увидела на лестнице высокую фигуру, увенчанную лохматой рыжей шевелюрой.

— Джордж! — воскликнула она. — А ты что тут делаешь? Ты ушел с вечеринки?

— Я — что? — переспросил Джордж. — Я так пони-

маю, ты ничего не знаешь...

У Гермионы оборвалось сердце.

— Чего я не знаю?

— Пойдём, — взяв ее за руку, Джордж завернул за угол отеля, понизив голос почти до шепота. — Ты ведь не была на вечеринке, да?

— Нет, — покачала она головой. — Я опоздала, я только что прибыла...

— Везучая, — мрачно усмехнулся Джордж.

— Джордж, не пугай меня, что случилось?

— Случилось? Случился Люциус Малфой.

Гермиона почувствовала, что её рот открывается сам собой.

— Но он же... умер.

— Ага, — кратко кивнул Джордж, — только, похоже, ему об этом забыли сообщить.

— Ты уверен, что это был Люциус?

— Может, и нет, — устало ответил Джордж, — может, у Драко есть ещё один отец — высокий, светловолосый, злобно вхохочущий Пожиратель Смерти.

Гермиона в ужасе прижала руку ко рту:

— Он кого-нибудь ранил?

— Нет, не совсем. Он применил Ураганные Чары ко всем гостям... всех вышвырнуло из Имения, раскидало на много миль вокруг... Мы только-только начали возвращаться обратно.

— И ты попал сюда?

— Ничего подобного, я приземлился среди хоровода в Хемпстеде, и крепко всех напугал. Потом я аппарировал домой, где уже были все, кроме Рона и Джинни, естественно, — бедняги, они не могут аппарировать. Они потратят на возвращение домой целую вечность. Отец отправил меня предупредить и встретить опоздавших...

— Значит, всё в порядке? И Гарри и Драко тоже? — спросила Гермиона.

Джордж потянул ее за руку:

— Пойдем, Гермиона... Вернемся в Нору. Там Чарли, он объяснит тебе все куда лучше меня.

Гермиона не шевельнулась:

— Джордж, просто скажи мне...

— Никто не умер, — ровным голосом ответил Джордж. — А теперь, пожалуйста, пойдём со мной, хорошо?

Он снова протянул ей руку, и в этот раз она взялась за неё.

* * *

— Мат, — сообщил Темный Лорд.

Рон сидел, уставясь на полупустую шахматную доску, сделанную из оникса и туфа и украшенную батальными и придворными сценами. Шахматы были вырезаны из цельных драгоценных камней — сияющих рубинов и темных изумрудов, глаза коней сияли настоящим золотом. Все это стоило примерно половину всей Норы. А может, и больше.

Темный Лорд откинулся на спинку стула; Рон, услышав, как его ногти царапают фигурку, которую тот держал в пальцах, содрогнулся. За всю игру он так ни разу и не поднял глаза на своего соперника, но резкие взмахи этих белых рук с черными ногтями довели его до такой паники, что его затосило.

— Ты поддался мне, — произнес Темный Лорд.

Рон считал, что уже достиг пределов ужаса. Однако, судя по всему, он ошибся. Правой рукой он вцепился в застежку плаща, рука теперь конвульсивно сжалась — так, что пряжка вонзилась в мягкую плоть ладони.

— Я сказал, что ты поддался мне, — повторил Темный Лорд. — Разве не так, мальчик?..

Собрав всю свою гриффиндорскую смелость, Рон, вскинув подбородок и встретившись взглядом с Темным Лордом, прошептал:

— Я не очень-то силен в шахматах.

На него с плоского змееподобного лица в ответ взирали красные, словно тлеющие угли, глаза без век.

Рону стало дурно.

— Ну, то есть, я неплохо играю. Но ничего особенного.

— Что касается шахмат, — похоже, да. С такими природными данными и уровнем подготовки тебе невозможно выиграть у меня. И, тем не менее — ты стараешься.

Рон не мог поверить своим ушам. Что, Вольдеморту пытается ободрить его?

— Просто я не вижу... Как мне соперничать с вами...

Тонкие губы Вольдеморта дрогнули в улыбке:

— Можешь. Однако не там, где ты думаешь.

Он махнул рукой в сторону шахматной доски, и фигурки снова выстроились для новой партии.

— Не сыграть ли нам ещё раз? И, если сейчас я не буду полностью уверен в искренности твоих попыток обыграть меня, то я сдеру кожу с твоей правой руки. Медленно.

Рон с трудом проглотил комок в горле.

— Не начать ли нам? — поинтересовался Тёмный Лорд.

* * *

Возвращение во времени назад никогда не причиняло Джинни никакой боли, однако в этот раз все было иначе. Джинни перевернула Хроноворот, и весь мир вместе с Имением Малфоев метнулся прочь. И вот все снова вернулось — взрывом света и цвета; она ударилась коленями о гладкие плиты пола и несколько минут просто приходила в себя, чувствуя, как боль колет её нервы огненными прикосновениями.

Наконец всё прекратилось, она поднялась на ноги и огляделась. За такой короткий срок вещи обычно не сильно меняются — так и Имение: различия между тем, что существовало сейчас, и тем, что было пять лет назад, были весьма несущественны: тот же высокий сияющий потолок, те же витражи — синие и зеленые ромбы, же тяжёлые зелёные бархатные занавеси, стекающие со стен. В камине не играл огонь — на улице стояла весна.

Книги... Джинни шагнула вперёд и начала разглядывать их — вот они-то точно изменились, большинство из них было вывезено из Имения до того, как она впервые туда попала. Тяжелые старинные фолианты в богато изукрашенных переплётах, толстые, редкие — о, Гермiona была бы вне себя от радости, доберись она до них! Предпочтительнейшие Пути Просветлённых и Дрянные Дела Драконов столпились на низенькой полочке рядом с «Расстроенной арфой» С.Ф. Слухового. На верхней полке стояли Книга исчисления печалей, Черный том Алсофокуса, Некрономикон (за владение которой полагался год Азкабана — в ней содержались все тайны поднятия мёртвых, Книга Эйбона, и дюжина других, вызывающих массу вопросов морального плана.

На других полках находилась всякая художественная литература, включая пьесы: шесть пьес Шекспира, выпущенные в маггловском мире, и даже незаконченная — Проклятье странных сестер. Джинни, никогда не трепетавшая перед книгами так, как Гермiona, всё же вынуждена была признать, что собрание просто уникально. Она скользнула рукой по корешкам, заглянуть на её браслете соприкоснулись и звякнули. Окно над столом было открыто, сквозь него доносился запах травы и шорох листьев, за которым почти не было слышно едва различимых шагов. Она спохватилась, когда они оказались такими громкими, словно кто-то был уже у самых дверей библиотеки.

Сердце у Джинни зашлось от страха, она торопливо огляделась, Хроноворот помог бы ей сбежать, однако он не делал её невидимой, а ей очень не хотелось, чтобы её заметили, поэтому, едва дверь начала открываться, она нырнула за ближайшую зелёную занавеску. И её тут же охватила клаустрофобия. Занавеска была такая толстая, что почти не просвечивала, коснувшись её палочкой, она едва слышно прошепта-

ла: «Fenestrus» — появилась маленькая, размером с сикль, дырочка, к которой Джинни и припала, затаив дыхание.

В комнату, что-то бормоча себе под нос, вошел домовый эльф с пером для смахивания пыли:

— Все должно быть просто идеально для хозяина... Мастер Люциус ненавидит пыль... Нодди не хочет попасть в такую же передрагу, как Добби, — плохой, глупый, непослушный Добби... не хочет прищемлять себе уши дверью...

Домовой эльф замолк, когда в открытое окно донесся скрип колес. Джинни вздрогнула, услышав, как хлопнула дверь коляски, и раздались голоса. Они приехали.

Следующие несколько минут Джинни провела в каком-то тумане, едва дыша, пока из коридора не донесся звук приближающихся шагов и не распахнулась дверь. Она зажмурилась.

— Хозяин! — пискнул эльф.

Джинни открыла глаза и правым глазом приоткрыла к дырке. Да, теперь она видела Люциуса куда ближе, и могла оценить, в каком беспорядке была его одежда, — едва начищенные туфли, взлохмаченные волосы, белое лицо, похожее на олицетворяющую ярость маску. А в левой руке он сжимал...

Книгу. Маленькую растрёпанную книжицу с разорванной обложкой.

— Нодди, глупое создание, — рявкнул Люциус, — разве я не приказывал тебе всегда поддерживать огонь в этой комнате?

— Д-да... Нодди очень извиняется, хозяин...

— Нечего извиняться, сделай, как я велел. А потом походи и принеси мне стакан брэнди. Графин плачевно пуст, — выражение лица Люциуса было на редкость кислым. — А если увидишь моих жену или сына, то передай им, что, если они посмеют прервать мою работу, они проведут ночь в темнице.

— Да, Хозяин, Нодди все сделает, Хозяин, как хорошо, что вы снова дома, Хозяин...

— О, заткнись, лопухий урод, — рыкнул Люциус в припадке ярости, и направился к дальней двери, где, как знала Джинни, размещался небольшой кабинет. Проходя мимо камина, он кинул в его пустое жерло дневник. У Джинни дёрнулось сердце.

Дверь кабинета захлопнулась за Люциусом, щёлкнул засов. Джинни охватило невыносимое напряжение.

Только не делай этого, — мысленно умоляла она домашнего эльфа, — поспеши на кухню и забудь, забудь про это...

Но эльф не торопился: подняв палец, он указал им на камин, и в нём тут же запрыгало пламя, скрыв дневник из вида.

— О, нет, нет... — прошептала Джинни, — нет... — и тут же захлопнула рот. К счастью, эльф не услышал её. Прихватив свое перо, он поскакал прочь из комнаты.

Лишь только за ним закрылась дверь, Джинни отбросила занавеску в сторону и дрожащей палочкой указала на камин, шепнув:

— Ассио! — горящий дневник выпорхнул из камина и подлетел к ней крохотным метеором. Она попыталась его поймать, однако он был слишком горячим, и она уронила книжицу себе под ноги. Схватив первую попавшуюся книгу, она упала на колени, сбив с него пламя и подняла трясущейся рукой. Он был тёплым на ощупь, хотя она понимала, что сейчас это именно из-за огня. Обложка и уголки страниц чуть опалились, однако он был всё же цел.

— Слава Богу, — прошептала она, глядя пальцем обложку. Теперь, когда дневник остыл, она почувствовала, что он уже не был живой вещью, как когда-то. Перевернув, она прочла слова на обороте: Галантерия Ворпала, 15 Vauxhall Road, Лондон.

— Прошу прощения, — раздался холодный голосок из дверей, — но кто вы, и что делаете в моём доме?

Джинни вскочила на ноги, торопливая засовывая дневник в большую книгу, что она держала в руках. В дверях, скрестив руки на груди, стоял светловолосый

мальчик с высокомерным выражением лица. Хотя она прекрасно понимала, кто это, — не узнать его было невозможно, — ей потребовался миг, чтобы прийти в себя и осознать, что это двенадцатилетний Драко Малфой.

* * *

— Мне скучно, — сообщил Гарри.

— Мне тоже. Не странно ли: как быстро дикий ужас обернулся дикой скукой? Трудно выбрать, что же из них является более предпочтительным.

Они бок о бок сидели на стене, свесив вниз ноги. Гарри покосился на Драко — с его губ срывались клу-бы пара, похожие на маленькие пушистые облачка. Прежде, чем запереть юношей на башне, Люциус заколдовал их плащи, и теперь Гарри был защищён от холода: руки немного мерзли, но их спасали перчатки, а то, что мороз пощипывал скулы, было не так уж и страшно. Судя по виду, Драко было куда холоднее, а может, всё дело было в том, что его кожа была просто бледнее: щеки тоже разрумянились от мороза, а веки были иссиня-белые.

— Мы можем плеваться в прохожих, — предложил Драко. — Хотя я не думаю, чтобы в это время тут было слишком много прохожих.

Гарри кивнул.

— Можем устроить тут театр теней.

— Можем сделать из наших плащей батуты.

— И можем поговорить о наших чувствах.

— Это мысль, — согласился заинтригованный Драко. — Может, ты всё-таки расскажешь мне, что тебя так беспокоило в последние две недели?

— Нет, — подумав, отказался Гарри.

— Что ж, весьма продуктивный разговор, — экспансивно взмахнув рукой, прокомментировал Драко. — Я безмерно рад, что мы поговорили. Гарри, — могу я тебя называть просто Гарри?..

— А как бы ты ещё мог меня называть? — обидевшись, поинтересовался Гарри.

Драко замер посередине взмаха рукой.

— А разве обычно я не называю тебя «Поттер»?

— Да, я понял, — спокойно сказал Гарри. — Однако ты не находишь, что это немного странно? После всего, что было...

Драко захопал глазами.

— Это не из тех аспектов наших взаимоотношений, о которых мы не упоминаем?

— Я и не знал, что у нас есть какая-то официальная политика в этом отношении.

— Наша официальная политика в том, что мы её вовсе не имеем, — устало ответил Драко. — Ты не улавливаешь, Поттер.

Гарри, усмехнувшись, унялся:

— Прости.

После минутной тишины Драко извлек из кармана книжку в ослепительной бумажной обложке, сопровождавшую Джинни на завтраке, тренировках, во время приготовления уроков. Гарри немедленно её узнал.

— Ну, — чуть колеблясь, произнес Драко, — я мог бы почитать вслух.

— Малфой, — с любопытством поинтересовался Гарри, — зачем ты таскаешь в кармане мантии «Брюки, полные огня»?

Драко откашлялся.

— Это должно было стать стать рождественским подарком для Джинни.

— А разве у нее нет своего экземпляра?

— Да у неё целая коллекция. Это трилогия: «Брюки, полные огня», «Брюки, воспламенившиеся страстью», и «Возвращение Брюк». Я вытащил это из её сумки с книгами перед тем, как мы уехали из школы.

— Ты хотел преподнести ей сворованную у неё же книжку? Что же ты тогда приготовил для меня? Мою собственную майку?

Драко сделал страшную рожу.

— Это маленький розыгрыш для своих, — пояснил он. — И вообще, я хотел получить автограф — автор

хотел прибыть на сегодняшний прием, однако я догадываюсь, что он...

— Он? — прищурился на обложку Гарри. — Аврора Твilight мужчина?

Драко хихикнул:

— Так ты не в курсе?

— В курсе чего?

Слизеринец безмерно развеселился.

— Ладно, я не собираюсь ничего тебе говорить.

— Идея театра теней привлекает меня всё больше и больше.

— Не скули, Поттер, — Драко устроил книгу у себя на коленях. — Я нас есть чудесный вечер и читиво, чтобы получать удовольствие.

Вздыхнув, Гарри устроился поудобнее, и Драко начал читать вслух:

— Брюки, полные огня. Глава тридцать пятая.

...Холод и сырость темницы прильнули к истерзанным конечностям Риэнн. Она снова попыталась вырваться из сковавших её щиколотки цепей. И снова — безуспешно. Влажные сферы её обильных грудей влажно вздымались под разорванной тканью...

— Влажно? — переспросил Гарри. — Там написано именно это?

— Шекспир всегда так писал.

— Шекспир? Ты ставишь автора «Брюк, полных огня», вровень с Шекспиром? — поразился Гарри.

Драко опустил книгу:

— Так мне продолжать читать или нет?

— Ну, давай, — и Гарри снова откинулся к стене.

...Яркий свет залил темницу, когда железная дверь со скрипом распахнулась и, маниакально кудахча, вошел злоеущий волшебник, взявший её в плен.

— О, кто вы? — выдохнула Риэнн, извиваясь в своих цепях. — О, кто вы, и что сделали с Тристаном?

— Ха-ха-ха-ха, — волшебник откинул капюшон, открыв свое лицо — Риэнн.

— Ты леди Стэйси! — ахнула Риэнн.

— Верно, это я, — заявила сексуальная чувственная ведьма. Ее груди вздымались над красным бархатным корсетом, стройные ноги были облачены в высокие черные сапоги. — Приветствую тебя я в этом замке, Риэнн, — рассмеялась она и щелкнула в сторону узницы, задрожавшей от ужаса, хлыстом, что держала в покрытой драгоценностями руке. — Ну! Быстро раздевайся! — приказала леди Стэйси.

— Ужели ты не шутишь? — Риэнн задыхалась и, наверное, именно от этого у нее начала кружиться голова.

— Раздевайся! — крикнула леди Стэйси, касаясь ручкой хлыста млечных изгибов почти обнаженного тела Риэнн. — Или сделаю я это за тебя...

— Знаешь, — прервался Драко, — а книга-то лучше, чем мне казалось.

Гарри что-то невнятно пробормотал себе под нос.

— ...Нет, ты не женщина! — вскрикнула Риэнн, когда леди Стэйси скользнула к ней, собираясь проделать с ее телом мириад противоестественных действий, которые, как подозревала Риэнн, ей бы вовсе не понравились. — Ты злобный, страшный демон!

И она приступила к...

— Слушай, тебе ведь совсем не нравится, да? — спросил Драко. — Что тебя гложет? Только не говори, что вы с Уизли никогда не прятались по ночам с факелом под одеялом, чтобы в вашей одинокой спальне почитать Ведьм без панталонов.

— Откуда ты... ну, положим, да, — прятались. Но это же не...

— Не что? Что? Что у тебя за вид? Обычно он означает, что ты что-то утаиваешь от меня, потому что бо-

ишься, что если расскажешь, то я или обозлюсь, или назову тебя скотиной. Так что лучше сиди, надувшись, как беременный хомяк, и помалкивай.

Гарри хрюкнул.

— Ну, давай-давай, колись, Гарри, — раздраженно добавил Драко.

— Меня не волнует, рассердишься ты или нет, — возразил Гарри, пристально глядя в, как всегда, совершенно непроницаемое лицо Драко. — Скорее, меня беспокоит то, что ты будешь в шоке.

— О, так ты сделал что-то шокирующее? Ты? Что — тебе приснился сон, в котором все домашние эльфы ходили в лайкровых костюмах, и, проснувшись, ты ощутил странное...

— Я занимался сексом, — сказал Гарри. — Простой ночью.

«Брюки, полные огня», громко хлопнулись об пол башины. Драко вытаращил глаза, полные неспрятанного изумления.

— Чем ты занимался?

Гарри повторил эту волнующую новость, после чего воцарилась долгая тишина. Драко медленно опустил голову и оперся подбородком на руки, глаза его зажглись огнем любопытства.

— Да, я был не прав. Ты мне это доказал. Я шокирован.

Гарри промолчал. Драко сидел, не сводя с него глаз.

— Слушай, Поттер, а ты уверен, что это тебе не приснилось? Ты здорово набрался накануне.

— Уверен. Она была рядом, когда я проснулся сегодня утром.

— И кто она была? — судя по виду, Драко знал ответ.

— Э... Рисенн.

Драко, ахнув, вытаращил на него глаза.

— Гарри, да с чего же тебе в голову взбрело, что это хорошая мысль?

— У меня не было никаких мыслей. Я вообще почти ничего не помню.

— Не помнишь? Тогда откуда ты знаешь, что ты...

— Потому что она мне это сказала! Она была в моей постели утром, когда я проснулся, — и сказала мне об этом!

Гарри сморщился, вспомнив выражение холодного веселья в её глазах, в памяти всплыли её слова... «...То, что было ночью... — со мной такое впервые...»

— И ты ей поверил? — губы Драко искривились в улыбке. — В таком случае, у меня есть несколько ковров-самолетов, которые я хотел бы тебе продать.

Гарри кашлянул и почувствовал, что заливается краской, приобретая цвет предзакатного солнца.

— Мы оба были... мы были совершенно голые. Под простынями.

— Да, это напавал, — Драко закатил глаза. — Признаться, я не вижу другого пути добраться до сути, кроме как задать тебе целую кучу вопросов, которые я, на самом деле, задавать не хочу. Давай решим, что, коль скоро ты хочешь считать, что занимался с ней сексом, — так тому и быть.

Гарри сверкнул глазами:

— Я не буду с тобой разговаривать, если ты будешь издеваться.

— Это ж я, Поттер, — я всегда издеваюсь.

Гарри сжал губы:

— Гермиона мне этого никогда не простит.

— А вот в этом ты не ошибаешься, — живо согласился Драко.

— Не вижу причин, по которым ты считаешь, что всё это очень забавно...

— Это вовсе не забавно. Это до смерти смешно.

Гарри бросил на него яростный взгляд.

— Да ладно, тебе, Поттер. Я в том смысле, что, с учетом того, перед лицом чего мы сейчас с тобой оказались, то, что ты кувыркался с каким-то сексуальным демоном, выглядя несколько легкомысленным.

— Она могла сделать со мной что-то странное и не-

естественное, — мрачно заметил Гарри.

— Хотелось бы надеяться, — кивнул Драко. — Это бы придало хоть какой-то смысл всем этим глупостям.

— А я-то думал, что ты будешь поражен. Ну, я и дурак.

— Так оно и есть, — кивнул Драко, хотя его вид свидетельствовал об обратном. — Просто я был бы больше поражен, если бы она сказала тебе правду. Это уже чересчур — предположить, что ты мог бы начать заниматься сексом раньше меня. Хватит с меня того, что Уизли меня опередил, но чтобы ты... Ты на себя-то посмотри, с твоей-то физиономией певчего из церковного хора! Ты даже слово «секс» не можешь выговорить без того, чтобы не поперхнуться.

Гарри обиженно посмотрел на Драко. Было даже совсем нечестным, что Драко, не прошедший и не испытывавший того, что с ним самим было вчера, сидел тут с таким видом, словно всё знал о сексе и это, к тому же, уже здорово ему прискучило.

— Я могу сказать слово «секс», — по-детски заупрямился он. — Секс, секс, секс, секс, секс, секс.

Он мог бы продолжать в том же духе, если бы его неожиданно не прервали.

— Ну, надо же, — произнес Люциус Малfoy, и Гарри, развернувшись, увидел его в распахнутых дверях, — я, конечно, знал, что мальчики вашего возраста говорят только о сексе, однако же, совсем не ожидал, что это надо понимать так буквально.

* * *

— Пенси? — переспросила Гермиона, повышая голос. — Пенси ПАРКИНСОН?

— Ну, — кивнул Чарли, — это и, правда, так.

— Ты уверен? Ты абсолютно уверен, что это была именно она — эта слизеринская корова?

Фред и Джордж, как по команде, разом отодвинули свои стулья подальше от Гермионы. Чарли смело остался на месте.

— Ну, судя по её реакции — да. Мы уверены.

— Стерва! — завопила Гермиона, шлепая ладонью по столу так, что закачалась ваза. — Поверить не могу, что ещё вчера у меня был шанс свернуть её кривую шею — а я ничего не знала! Ненавижу, ненавижу! — ну, я до неё доберусь... Буду душить её до посинения! А потом я её порву на кусочки и буду на них прыгать, пока... пока... пока мне не надоест!

— Сделай это, — кивнул Джордж.

— Точно, — согласился Фред. — И если собираетесь таскать друг друга за волосы, захвати камеру.

— Заткнись, Фред, — раздраженно перебила его Гермиона. — Если ты такой извращенец, то это вовсе не значит, что все парни обожают наблюдать за девичьими драками.

— Кто-нибудь хочет чаю? — нарушил повисшую тишину Чарли.

— Я не хочу, — ворчливо отказалась Гермиона.

— Знаю, — дружески кивнул ей Чарли. — Но сейчас мы отомстить не можем, так что или чай — или ничего.

— Я голоден, — многозначительно заметил Джордж.

— Ладно, — Чарли соскочил со стола. — Я пойду, что-нибудь приготовлю.

— Конечно, — одобрительно заметил Джордж. — Если волнуешься или сомневаешься — берись за поварёшку.

Гермиона, не выказывая никакого одобрения, продолжала мрачно таращиться на стол.

— Лучше б вы ничего мне про Пенси не говорили, — пробормотала она сквозь зубы.

— Эй, слушай, отвлекись на секундочку от Гарри и Малfoя, ладно? — начал Джордж и осекся, потому что Фред подтолкнул его локтем. — Что? Она же беспокоилась!

— И вот теперь она снова беспокоится, — отрезал

Фред, махнув рукой на Гермиону так, словно она была стихийным бедствием, и ответственен за это был именно Джордж.

В этот момент распахнулась дверь кухни, и вошли, кутаясь в зимние плащи, запорошенные снегом мистер и миссис Уизли.

— Что-нибудь есть от Рона и Джинни? — тут же спросила миссис Уизли, скидывая тяжелый плащ и бросая перчатки на стол.

— Нет, мам, ни словечка, — тихо ответил Чарли. — Но... — он махнул половником в сторону кухонных часов, где стрелки как Джинни, так и Рона стояли на отметке «В пути». — С ними, по-видимому, всё в порядке. — Уверен, умеи они аппарировать, они бы вернулись домой раньше Фреда и Джорджа.

— Да-да, знаю... Ох, Гермиона, деточка, я тебя и не заметила, — Гермиона почувствовала укол вины, когда миссис Уизли накинута на неё с объятиями и поцелуями, а мистер Уизли по-отечески тряхнул её руку: она понимала, что им бы хотелось, чтобы на её месте были бы Джинни, Рон или Гарри — они любили Гарри как своего собственного сына. Она была уверена, что они оба были страшно взволнованы, однако умело скрывали это. — С тобой все хорошо?

— Да-да, все хорошо, — тихо кивнула Гермиона и присела, когда оба старших Уизли присоединились к своему выводу на кухне. Скоро все уже погрузилось в фирменное блюдо Чарли — макароны с сыром и чесночным хлебом.

Гермионе оно казалось немного странным, хотя все же не таким специфическим, как вишневые тянучки миссис Уизли, крошки от которых Гермиона в глубине души считала виновниками смерти Эррола, постигшей его пару лет назад.

Немногословный разговор оживился, когда раздался новый стук — это были Сириус и Люпин, потратившие целый час, устраивая бьющуюся в истерике Нарциссу в доме их общего друга, пообещавшего, что его дом ненадежный, а потому Люциус ни за что не найдет её. Они тоже рады были видеть Гермиону живой и здоровой, однако макаронами не заинтересовались.

— Как там, в Гильдии, Рем? — спросил мистер Уизли, пока миссис Уизли призывала новоприбывшим стулья, и они втискивались за стол между Фредом и Джорджем.

Люпин пожал плечами:

— Паника. Хмури носится и уничтожает документы, боясь, что все его секреты окажутся в руках прихвостней Вольдеморта. Похоже, его буквально раздавило то, что их с Дамблдором план остановить Люциуса не удался.

— Что ж, этого никто не мог предвидеть, — тихо заметила миссис Уизли.

Сириус вздохнул.

— Я знаю, знаю... но, принимая во внимание, каким дураком я себя сейчас чувствую, представляю, каково сейчас тем, кто входит в Гильдию... Артур, как дела в Министерстве?

Мистер Уизли взглянул на жену и снова перевел глаза на Сириуса:

— Понятия не имею, — резко сказал он. — Признаться, я больше не министр. Меня даже не допустили в здание.

— ЧТО? Папа! — Чарли выронил вилку. — Ты нам ничего не сказал!

— Расскажи, что случилось, Артур, — тихо попросил Люпин.

Мистер Уизли вздохнул.

— Очевидно, выявилась какая-то накладка при голосовании. Я как раз из кабинета, где поводилось выяснение всех обстоятельств. И меня не допустили в здание Министерства, потому что моё присутствие может скомпрометировать это разбирательство. Они указали мне на дверь. Это было унижительно.

Сириус взглянул на Люпина.

— Да, я помню, ты говорил мне, что у тебя есть подозрения, что во время голосования с бюллетенями

что-то происходило. Я тогда подумал, что у тебя паранойя. Прости.

Мистер Уизли взмахнул рукой:

— Дело прошлое. Вопрос в том, что нам делать сейчас.

— Думаю, пока нам еще разрешено входить в Министерство, нам с Люпином лучше туда и отправиться. Хотя я боюсь, что, если я увижу Люциуса Малфоя, я не удержусь от того, чтобы скрутить его костлявую шею.

— А что он там нёс об опекунстве над Гарри, это что, — правда? — внезапно встрял Джордж. — Он ведь осужденный, объявленный сумасшедшим, как же может быть так, что его назначили чьим-либо опекуном?

— Дело в том, что Имение и Малфой Парк — это особая территория с особыми законами, что-то вроде средневекового удельного княжества или королевства, где Люциус осуществляет практически полный контроль над всем, что происходит в округе. Это очень древняя, семейная магия — как магия домашних эльфов; она связана с землями кровными узами и особыми заклинаниями. Но — да, увы, эти древние законы — анахронизм, упущенный Министерством из вида.

— Каким Министерством? — робко поинтересовался Артур Уизли.

— Ну, вернее, — продолжил Люпин, — Люциус никогда не пытался восстановить в Имении действие древних законов, особенно после появления Вольдеморта, потому что тогда Министерство непременно бы вмешалось. Поколения Малфоев демонстративно вели себя так, словно старых законов больше нет, что они остались только номинально, на бумаге. А эти законы, естественно, не подпадают под юрисдикцию Министерства, так что не имеет никакого значения, что Люциус объявлен Советом сумасшедшим. Его могли бы с тем же успехом юридически объявить грызуном.

— Погодите, я совсем запутался, — произнес Джордж, — так он все же является опекуном Гарри или нет?

Люпин взглянул на Сириуса, тот пожал плечами.

— На самом деле это не имеет никакого значения. Всё это представление, все эти речи — только для того, чтобы сбить нас с толку и выбить почву из-под ног. За счет этого он выигрывает немного времени — от силы день-два. По-видимому, это именно то, что ему нужно. И чем дольше мы будем метаться, пытаясь решить эту задачу, тем лучше для него. Это — отвлекающий манёвр. Вполне типично для Люциуса.

— То есть, на самом деле, у него нет никакой законной опоры? — с облегчением уточнил Чарли.

— А вот это зависит от того, — неожиданно встряла Гермиона, — насколько погрязло в коррупции Министерство... Тот-Кого-Нельзя-Называть не соблюдал никаких законов, ему это было не нужно. Так что есть вероятность, что если в Министерстве коррупция, то оно поддерживает Люциуса.

Мистер Уизли с беспокойством взглянул на Гермиону.

— Гермиона, милая, я не думаю, чтобы все обстояло так плохо.

— Я не знаю, — шепнула она в ответ. — Я больше никому не верю, — она подняла невидящий взгляд на миссис Уизли. — Миссис Уизли, могу ли я подняться вверх и немножко полежать? А то у меня что-то голова кружится...

Волшебница глянула на неё с сочувствием:

— Конечно-конечно, ты можешь воспользоваться комнатой Джинни.

— Спасибо.

Гермиона скользнула вверх, не поднимая глаз, она прекрасно осознавала, что все её провожают озабоченными взглядами.

Комната Джинни была на третьем этаже, после комнат Фреда и Джорджа. Гермиона замерла на мгновение, а потом, стараясь двигаться как можно тише, тихонько скользнула на чердак, где находилась комната Рона.

* * *

Драко поднялся на ноги, весь смех как рукой сняло.

— Отец? — с удивлением и некоторой неловкостью произнес он. — Я не думал, что ты придешь...

— Правда? — лениво поинтересовался Люциус. Он был тепло одет — меховой плащ, перчатки, меховая шапка, на ком угодно другом выглядевшая бы нелепо. — Ты думал, что я оставлю вас тут навеки?

— Нет, просто я думал, что ты пришлешь за нами кого-нибудь из слуг, — после минутного удивления Драко обернул себя спокойствием, словно плащом. Его серые глаза были полуприкрыты, рот кривился в улыбке. — Не то, чтобы я был не рад видеть тебя...

Гарри начал вставать на ноги, но Драко остановил его беззвучным шепотом:

— ...Нет. Сиди на месте, пока я не пойму, чего ему нужно.

Гарри съехал обратно по стене. Рунический браслет на поясе прикоснулся к его коже под задравшейся от этого движения рубашкой, заставив его вздрогнуть: он горел ледяным пламенем. Внутри него на цепи встрепенулся и тихо зарычал лев.

Дверь за спиной Люциуса была приоткрыта, дразня призраком свободы, он сделал шаг вперед, споткнувшись обо что-то, валявшееся на полу, — о Брюки, полные огня:

— То есть, вы тут читаете друг другу романы? — насмешливо спросил он, наклоняясь и поднимая книгу. — Я бы сказал, что ваше поведение довольно странно для юношей. Ты что-то хотел сказать мне, Драко?

— Да, — спокойно кивнул Драко. — В этой шляпе ты похож на сутенера.

Тонко улыбнувшись, Люциус выпрямился.

— Поднимайся! — и по странно напрягшимся плечам Драко Гарри осознал, что на этот раз обращаются к нему. Гарри медленно поднялся, Драко последовал его примеру и толкнул его себе за спину — как тогда, в Зале Имения, — снова встал между своим отцом и Гарри. Гарри даже был бы рад, если бы этого не произошло: ему почти хотелось, чтобы Люциус ударил его, ему было интересно, что случится, попытайся тот это сделать.

— Месяц назад, — снова заговорил Люциус, обращая взгляд на сына, — ты сказал, что позволишь нанести какой-то вред Поттеру только через свой труп. Ты это говорил всерьёз? — Драко промолчал. — Не обращай внимания, — Люциус изящно пожал плечами под меховым воротником, — я и сам знаю, что это именно так.

— Что тебе нужно, отец? — монотонно спросил Драко.

К удивлению Гарри, Люциус ответил, и ответ этот поразил его так же, как поразил бы брошенный в грудь ящик с кирпичами.

— Та чаша, украденная вами из Стоунхенджского музея, — мне нужна она. Отдай мне её или скажи, где она, — и я выпущу вас на свободу.

Драко резко повернулся к Гарри и взглянул на него, и в этом взгляде Гарри отчетливо прочитал, что тот, как и он сам, не имеет ни малейшего понятия, где эта чаша.

* * *

Никогда ощущение странности происходящего в результате временных перемещений не было таким сильным. Это был тот двенадцатилетний Драко, каким она его помнила, какого ненавидела и боялась. Она помнила его долговязым, нависающим над ней, все так и было, но сейчас...

— Какой ты маленький, — не подумав, воскликнула она. — Ты только посмотри на себя!

Мальчик побагровел.

— Я не маленький! — воскликнул он, выпрямляясь в полный рост — примерно до локтя Джинни. — Я выше Гарри Поттера на целый дюйм!

И он раздражённо сверкнул глазами. Джинни не могла поверить в происходящее и разрывалась между страхом и желанием рассмеяться. Он и вправду был маленьким: хрупкий изящный ребенок со слишком светлыми волосами и огромными серыми глазами на узком лице, — из тех, кого треплют за щеку в продуктовых магазинах старушки. И это, — то чудовище, что унизило её, когда ей было одиннадцать? Джинни стало стыдно.

— Вы не ответили на мой вопрос, — продолжил он. — Кто вы? Отвечайте немедленно или я иду за моим отцом!

— Нет-нет, — немедленно ответила она. — Он работает и не хочет, чтобы ему помешали.

Драко прищурился, но страх перед отцом удержал его на месте.

— Так, но что вы тут делаете?

— Я твой новый преподаватель по... ммм... Арифметике, — нашлась она, тут же сообразив, что теперь будет сложно объяснить свое роскошное фиолетовое платье и драгоценности. — Для летних занятий.

— Гувернантка? Мне не нужна гувернантка. Этим летом я собираюсь в квиддичный лагерь. На самом деле я приехал домой, чтобы просто собраться, — Драко изогнул губы в усмешке. Джинни разглядывала его, не в силах отвести глаз: ей он всегда казался уродливым ребенком, всё было совсем не так, но уродливость его гримас именно таким его и делала. — Я вам совсем не верю. В любом случае, мой отец никогда бы не пригласил в наш дом никого с таким количеством веснушек. Вы выглядите как Уизли.

— Я выгляжу как кто? — подскочила Джинни.

— Представительница самого нищего и отвратительного семейства на земле, — ответил Драко со снисходительной усмешкой.

— Ты — ужасный мальчишка! — резко воскликнула она. — И когда ты отправишься в этот лагерь, я надеюсь, что Симус Финниган натолкает тебе дохлых пауков в кровать. На самом деле, я знаю, что так оно и было. То есть знаю, что так и будет. То есть...

Драко недоверчиво нахмурился:

— Вы мне не нравитесь...

— Есть вещи, которые не меняются, — кисло ответила Джинни, и в этот миг звук открываемой задвижки едва не лишил её разума; задохнувшись, она прижала к груди книги и взглянула на Драко: тот был так же напуган, как и она сама, и в этот миг она почти увидела знакомый образ того Драко, которого она знала, на лице его младшего варианта. Повернувшись, он выскочил из библиотеки и захлопнул за собой дверь.

В тот же миг Джинни схватила Хроноворот и успешно перевернула его, мир вокруг подернулся серой пеленой и откуда-то очень издали до нее донесся голос Люциуса Малфоя:

— Что это был за шум? Кто здесь? Драко, это ты?

* * *

— Поверить не могу, что ты обозвал своего отца сутенёром, — заметил привалившийся к стене Гарри. Драко сидел на корточках рядом. Говорить было немного больно, но эта боль быстро уходила. Если чем и хороша боль, причиненная при помощи магии, — так это тем, что она почти сразу исчезает.

Напряжение в глазах Драко слегка ослабло.

— Так оно и есть. Я почти уверен, что он связан с кучей отвратительных вещей: контрабанда единорогов, драконьей крови, бордели с многосущным зельем... — он осекся, увидев, как Гарри сморщился. — Ты уверен, что с тобой всё хорошо? Взгляни-ка на меня... Губы Драко напряглись, когда он увидел лицо Гарри. — Твои зрачки все ещё расширенные.

— Твои тоже, — упрямо ответил Гарри. — Просто на мне он держал это дольше, вот и всё.

— Знаю. Подозреваю, он действительно не мог поверить, что Гермiona не сказала тебе, где чаша.

— Похоже, он не читает Вельмополитен. Иначе бы он знал, что она со мной не разговаривает, и ничего мне не рассказала.

— Судя по всему, пока он был не в себе, с его подпиской произошло недоразумение, — улыбка Драко вспыхнула в темноте. — Встать можешь?

Попробовав, Гарри обнаружил, что действительно может. Ему все еще было немного больно — он не знал, что Заклятье Веритас может быть таким: словно два огромных стальных крюка начали раздирать ему грудь, вырывая из него все тайны и секреты...

— Знаешь, — медленно произнес Гарри, поворачиваясь и прислоняясь к ограде, — это выражение его лица, когда он понял, что мы действительно ничего не знаем...

— Видел, — улыбка на лице Драко поблекла. Напряжение и беспокойство стерли с его лица обычную снисходительность, он сам стал беззащитным, усталым, совсем юным. — Забавно, но у меня такое ощущение, словно он вскоре вернется с чем-нибудь похуже.

— Это и есть знаменитый Малфоевский оптимизм?

Драко не ответил, глядя в небо, словно пытаясь найти ответ там, в магическом рисунке звезд.

— О чем ты думаешь? — спросил Гарри.

— О бессмертных словах Сократа, когда тот спросил «Что это я выпил?»

Гарри рассмеялся. Драко стоял, облокотившись на край стены и подперев рукой подбородок, глядя на расстилающееся вокруг пространство, ставшее с заходом солнца черно-белым, словно шахматным. Голые ветви деревьев раскидали по снегу свои узкие тени, а между ними в лунном свете вспыхивали искорки сосулек и морозного инея.

Гарри почувствовал, что внутрь прокрадывается какой-то холодок.

Да, дела обстояли плохо. Однако, возможно, в ближайшее время всё станет еще хуже. Но в прошлом ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с более страшными ситуациями — не он один, они оба — и они побеждали. В конце концов, у него появилась цель: выстоять и побороть.

— Я уже говорил, что тебе это нравится, — тихо сказал Драко — так тихо, что Гарри пришлось наклониться, чтобы разобрать эти слова. Драко в лунном свете тоже был черно-белым, как статуя ангела с печальными ясными глазами.

— Не нравится, — почти искренне возразил Гарри. — Хорошо, может, только капельку. Все только потому, что...

Он осекся, потому что в этот миг дверь в башню снова распахнулась. Гарри медленно повернулся, ощущая возвращающийся страх. Это снова был Люциус. Он крепко запахнулся в теплую мантию, глаза его горели не предвещавшим ничего хорошего радостным огнем.

— Привет, мальчики. Соскучились?

— Не то слово, — резко ответил Драко. — Чего в этой башне явно не хватает, так это несущего всякую чушь маньяка.

Драко медленно повернулся лицом к отцу, стараясь не отрываться от стены. У него был очень усталый вид.

— Зачем ты сейчас пришел? Чтобы ещё поиздеваться?

Люциус покачал головой, радость в его глазах сияла ещё ярче.

— О нет, никаких проклятий и насмешек. Только новости.

...Во что он играет на этот раз? — безмолвно поинтересовался Гарри.

Драко пожал плечами:

...Понятия не имею.

— Вам бы стоило присесть, — посоветовал Люциус.

— Что за нелепость! — вспыхнул Гарри. — Вы не можете причинить нам вреда, никоим образом. Министрство следит за вами и, даже если оно у вас в кар-

мане, то существуют еще Дамблдор и все остальные, а они не дадут вам жизни, сделайте вы хоть что-нибудь с любым из нас...

— О нет, у меня вовсе нет намерения причинить вред кому-либо из вас.

— Тогда зачем вы возникли тут с этими пустыми угрозами? — резко спросил Гарри, но глаза Люциуса были устремлены на сына, он изучал его лицо с каким-то хищным вождением — таким неприятным, что Гарри захотелось сделать что-то, чтобы привлечь внимание к себе. — Вы хотите просто запугать нас, но у вас ничего не выйдет. У вас есть немного времени, пока за нами не придут, и вы не можете ни ранить, ни убить нас — вам это прекрасно известно, — Гарри перешел на шепот, — хотел бы я увидеть, как бы вы попытались это сделать...

Люциус приподнял свою серебристую бровь, словно находя поведение Гарри бестактным:

— Тебя я не собираюсь убивать, — произнес он, все ещё глядя на Драко, его пристальный взгляд становился все острее и острее, пока не превратился в иглу, которой он словно пронзал своего сына. Драко все стоял в тени у парапета. — Тебя, Гарри Поттер, я не собираюсь убивать, но Драко уже умирает.

Когда Гарри было восемь лет, он однажды шел следом за Дадли в школу — как всегда, в нескольких шагах позади, как велел кузен. Они опоздали, впрочем, так случалось постоянно, из-за привычки Дадли завтракать дважды, и им нужно было прокрасться с заднего входа, потому что центральный был уже закрыт. Пригнувшись под низко свисающими ветвями, Дадли отвел одну из веток, и Гарри, ослабив многолетний инстинкт, двинулся за ним — и, конечно, Дадли немедленно отпустил ветку, которая хлестнула Гарри по лицу.

Даже Дадли был поражен такому сильному кровотечению, но, куда больше, чем унижение или кровь, Гарри запомнил шок от этого неожиданного и жуткого удара: ослепительная боль везде и нигде.

Вот и сейчас он почувствовал, словно Люциус шагнул вперед и ударил его по лицу. Слова ничего не значили, ему казалось, что тот говорит на иностранном языке.

— Что? — переспросил Гарри, услышав свой голос — ясный и сухой — словно голос постороннего. — Что вы сказали?

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно, — заметил Люциус, явно получая удовольствие от собственной злобности. — Драко умирает.

Гарри бросил быстрый взгляд на Драко, но юноша был неподвижен, как и прежде — тот же чёрный силуэт у стены. Только грудь его поднялась и опала.

— От чего умирает? — полупшепотом спросил Гарри. Он хотел бы говорить громче, но у него было ощущение, что ему не хватает воздуха.

— От яда, — пояснил Люциус, словно что-то само собой разумеющееся. — От чего же ещё?

...Скажи ему, — с натугой подумал Гарри в направлении Драко. — Скажи ему, что это неправда.

Драко не ответил, но шевельнулся, поднял подбородок и взглянул на отца. Его лицо вынырнуло из тени.

— Это была стрела? — тихо спросил он, констатируя факт. — Наконечник был отравлен.

— Ну, разве ты не умен? — сухо произнес Люциус, и они с Драко продолжили разговаривать, но Гарри их уже не слушал — звуки доносились до него сквозь гул ревущей в ушах крови. И словно пытаясь компенсировать эту внезапную глухоту, его зрение обрело болезненную остроту: он мог увидеть всё и сразу — форму каждой плитки на полу, тающий на парапете снег, кинжалную тень, отбрасываемую Люциусом.

Он знал, что Люциус не лжет, он понял это по его скупой радости, по тусклому согласию в глазах Драко и еще — по своим собственным воспоминаниям: Драко проиграл матч, который не должен был проигрывать. Драко споткнулся во время фехтования — куда делись его изящество и грация? Драко, приваливающийся к

стенам, держащийся за спинку кровати, растягивающийся у камина во время разговоров — Гарри списывал всё это на дерзость и лень... оказывается, всё было вовсе не так. Он просто не мог стоять.

— И как долго, — слух вернулся к нему, и он услышал слова Драко, — как долго мне ещё осталось?

— Месяц, — ответил Люциус. — Ну, или пара недель — до того момента, когда ты уже не сможешь ходить.

Драко содрогнулся: Гарри видел, как он стиснул руки и почувствовал холод в своих собственных костях. Комок в горле пропал, и он заговорил:

— Это вы отравили его? Вы...

— Я не говорил, что был одним из тех, кто отравил Драко, — возразил Люциус. — Я просто сообщаю вам факты: суть в том, что он отравлен, и яд очень редкий и тонкий, практически не оставляющий следов в крови. Смерть будет безболезненной. Однако не мгновенной.

— Если он умрет от этого, — ровным ледяным голосом сказал Гарри, — я убью вас собственными руками.

— Уймись, шипящее дитя, — рявкнул Люциус. — Ты не сделаешь ничего подобного: я наложу на вас обоих Заклятье Памяти, так что вы и не вспомните о том, что я говорил. Когда Драко умрет, это будет воспринято как естественная смерть.

— Тогда зачем? — спросил Драко. Он все еще стоял, прислонившись к стене. Лунный свет посеребрил его глаза, превратив их в опалы. — Почему ты всё это нам рассказал? Непохоже, чтобы ты занимался садизмом без далеко идущих целей. Если от этого нет никакого спасения...

— Я не сказал, что от этого нельзя излечиться, — возразил Люциус.

Воздух засвистел у Гарри в легких, когда он вздохнул:

— Излечиться? Чем?..

— Гарри, стоп, — тем же тоном произнес Драко.

Гарри замолчал. Холодная улыбка блуждала по узкому лицу Люциуса, когда он переводил взгляд с бледного лица Драко на лицо Гарри и обратно. Он медленно сгибал пальцы в перчатках, словно производя какие-то вычисления — вычисления, которые безмерно его веселили.

— Сдается мне, что сейчас лучше поговорить с Гарри. Наедине.

— Тогда мне, может, просто прыгнуть с башни? — со спокойной горечью поинтересовался Драко. — Правда, я забрызгаю мозгами крепостной ров — ну, да это пустяки. Зато ускорю процесс.

— Твоя театральность меня не впечатляет, — заметил Люциус. — Думаю, на самом деле ты гораздо лучше. Кроме того, Малфои не терпят суицида.

— Нет, зато, похоже, они расстилают красный ковер перед убийцами, — Гарри с трудом узнал в этом дилом голос свой собственный. Верно?

— Я делаю то, что должен, — равнодушно ответил Люциус и взмахом поманил Гарри за собой. — А теперь, если ты пойдешь со мной...

— Я так думаю, что не пойду, — отрезал Гарри.

Люциус закатил глаза.

— Если хочешь, могу позвать пару моих коллег, чтобы они приволокли тебя ко мне в гости. Однако не могу пообещать, что они будут чрезвычайно нежными. Ты не популярен в кругу моих друзей, Гарри Поттер.

Гарри собрался что-то возразить, но Драко его опередил:

— Ступай.

Гарри почувствовал, что непроизвольно открывает рот:

— Но... я...

...Иди! — голос в его голове рявкнул так громко, что Гарри чуть не поморщился. Он хотел ответить Драко безмолвно, но тот уже захлопнул свой разум — так что Гарри мог кричать, как в пустую пещеру, без всякой надежды на ответ.

— Думаю, — вслух сказал Драко, — что тебе лучше пойти.

Люциус просиял и развернулся к открытой двери:

— После вас, мистер Поттер.

Гарри двинулся, едва волоча ноги и чувствуя, что какая-то его часть, живущая логикой и ожидающая, что всё в этом мире имеет смысл и значение, была вырвана из него и, возможно, уже никогда не восстановится.

У выхода из башни Гарри повернулся и взглянул за Люциуса, на Драко. Тот, наконец, отошел от стены и теперь стоял посреди площадки, залитый ярким лунным светом, как будто выгравированный им: все его черты были словно обведены серебряными чернилами — скулы, подбородок, тонкие линии рук, губ, только глаза, встретившие взгляд Гарри, были черны.

Позже, когда Гарри в одиночестве пытался нарисовать своего друга, единственная картина, приходившая ему на ум, была стоящая в лунном свете на фоне замерзшей звёздной пустоты тонкая белая фигура.

* * *

Как и говорил Артур, Министерство было разгромлено, его затопили представители нижних эшелонов, имеющие самый перепуганный вид; элегантный мраморный холл наполнился отчаявшимися колдунами и ведьмами, регистрирующими жалобы и заявления. Они, обмениваясь торопливыми историями, мечтали воссоединиться с родственниками, разбросанными Ураганными Чарами Люциуса: «О, я приземлился в центре толпы каких-то сумасшедших магглов, что играли в какую-то игру. Что-то наподобие квиддича, но ужасно скучную — совсем никаких полетов... А вы?»

Люпин покосился на Сириуса:

— Да, Бригада по Работе с Памятью сегодня будет работать в полную силу, — заметил он.

Сириус кивнул: — Люциус в своем репертуаре — внести как можно больше хаоса... Взгляни, похоже, там Перси Уизли...

Однако надежда, что он сумеет им помочь, исчезла, лишь только они подошли: он был совершенно замучен, рыжие волосы торчали дыбом, мантия сбилась комом — Перси поприветствовал их, находясь в состоянии, близком к панике.

— Творится что-то ужасное, — прошипел он, покорно оттащенный под лестницу для короткой беседы. — Мой офис превратили в чулан для метел.

— Кошмар, — согласился Сириус. Люпин с трудом удержался от того, чтобы не пнуть его по ногам. — Наверное, ты едва не сошел с ума.

— Я в шоке. У меня был угловой кабинет с видом на Темзу! — Перси с горестным видом начал рвать на себе волосы. — А теперь там куча щеток и Отменной полироли для паркета от Паркинсона!

— А что — ты разве не можешь зарегистрировать свои претензии?

— Это включает заполнение нескольких бланков и отправку их в отдел Исследования Непреднамеренной Магии, который в прошлом году был закрыт из-за нехватки фондов, — пробурчал Перси. — Чертов Малфой. Я до него еще доберусь.

— А что — ты думаешь, что Люциус Малфой имеет к этому отношение?

— И он, и его дружки. Говорю вам: не подвергнуты трансформации и не превращены во что-то гадкое только офисы тех министерских чинов, которые всегда имели некоторое отношение к... темноте — если вы понимаете, о чем я.

— Перси, я понимаю, — заверил его Сириус. — Ты крепкий парень. Как никто из Уизли, за исключением, разве что, Билла. Именно поэтому из вас никудышные лгуны и именно поэтому, как я начинаю думать, твоего отца сильно напрягло его назначение на пост министра.

— Что слышно — кто его может заменить? — тихо спросил Люпин.

Перси, покрутив головой, убедился в безлюдности мраморного холла:

— Процедура такова, что временным исполняющим обязанности Министра выступает глава Консультативного Совета. А это, — мрачно закончил он, — Френсис Паркинсон.

— Вот это сюрприз, — ровным голосом заметил Сириус. — Основал процветающую компанию по продаже косметики и заклинаний для всей семьи. Изодрён в гонках на метлах, доказывает, что двадцать лет назад не был Пожирателем Смерти, постоянно твякает, что магглы разрушают нашу прекрасную страну. Мне приходилось сталкиваться с ним в бытность мою аврором.

— Да уж, — потрясенно кивнул Люпин. — Другими словами, он всего лишь пешка. И какая часть министерств теперь находится под их контролем?

— Вот что я вам скажу, — ледяным тоном ответил Перси, — делайте тут свои дела и уходите. И не возвращайтесь. Это место теперь безнадежно скомпрометировано. И более не является безопасным... — Перси помедлил, и из его голоса пропали официальные нотки. — Вы из Норы, да? Есть что-нибудь о Роне и Джинни?

Сириус покачал своей чёрной головой:

— Увы, они пока еще не дома. Однако, судя по вашим часам, они оба живы и здоровы.

Перси вздохнул:

— Уверен, что с ними все в порядке. Вы не добавите вместо меня их имена в список пропавших без вести в главном холле? На случай, если они потеряли память или что-то в этом роде...

Он потуже завернулся в свою мантию, на его веснушчатом лице расплылось удрученное выражение.

— Я лучше пойду, — нагнувшись, он вынырнул из-под лестницы.

— Думаю, что Перси по молодости перечитал комиксов, — заметил Сириус, когда третий Уизли исчез в холле. — «Это место теперь безнадежно скомпрометировано»... — это точно. Что бы ему сразу не сказать: «Это здание битком набито несчастными Пожирателями Смерти, голубая мечта которых, — устроить праздник с нетипичными воздушными шариками, сделанными из ваших кишков».

— Не у всех же такое богатое воображение, Мягколап.

— Это точно, — они вынырнули из-под лестницы и направились обратно в главный зал, по-прежнему лихорадочно гудящий. Люпин ощущал, что Сириус немного нервничает, чувствуя, что воздух вокруг словно наполнен приближающимися неожиданностями, а это никогда ничего хорошего не предвещало.

Они остановились перед длинным пергаментом, приколотым к стене у больших дверей. Перед ним толпились колдуны и колдуньи, о чём-то тихо переговаривались; неподалеку симпатичная рыжеволосая девушка обняла двух колдунов постарше — очевидно, родителей — и рыдала.

Это был список имен, многие из которых уже были помечены указанием места, куда был отправлен его обладатель: Джессика Нолл — Кенсингтон, Хай-Стрит, Сирена Вердант — Йоркшир, Проклятая Пустошь, Дэрс Клейборн — Саффолк, стог сена. Сириус взял плавающее рядом перо и начал выводить внизу имя Рона.

— На вашем месте я бы не стал беспокоиться, — сообщил кислый голос позади. — Он не считается пропавшим. Считается, что он сбежал.

Еще не обернувшись, Люпин уже знал, кто это. Снейп. Он стоял позади, как всегда, в чёрном, с салыми волосами, спадающими на прищуренные глаза, похожий на слетевшую с потолка летучую мышь. Длинные пальцы были все в пятнах, словно он только что вышел из своей лаборатории.

— Снейп, а ты что здесь делаешь? — поинтересовался Сириус.

— Меня Дамблдор отправил на ваши поиски. Он попросил меня доставить срочное сообщение.

— Отлично, — Сириус скрестил руки на груди. — И где же оно?

— Тебе не приходит в голову, что нам лучше пого-

ворить в сторонке? — Снейп перешел на свистящий шепот.

— Нет, мне кажется, что лучше все выяснить прямо тут.

— Сириус, — простонал Люпин.

— Чего ты боишься, а, Снейп? Этих идиотов-Пожирателей, притаившихся здесь повсюду? Они ничего не могут нам сделать. Они не хотят так рано раскрывать свои карты, так что они нас оставят в покое — в конце концов, мы же не магглы и не нарушаем никаких правил.

— Правда? — глаза Снейпа блеснули. — У меня есть слабые подозрения насчет того, что на территории Министерства запрещен вход любым собакам.

Сириус взглянул на него с укором.

— И тебя я позвал на свой мальчишник...

— Однако на приём он не явился, — заметил Люпин.

— Да, однако, у меня была уважительная причина.

— Да? — заинтересовался Сириус. — И какая?

— Я не хотел идти.

— Тогда почему ты озаботился своим присутствием на мальчишнике? — всплеснул руками Сириус.

— Люблю отель Рождественский Морозец, — задумчиво ответил Снейп. — Мне нравится их мишень для дартса.

— Ты странный, мелочный, асоциальный тип, — заявил Сириус. — Я вообще не могу понять, почему я тебя пригласил...

— Думаю, потому, что тебя попросила Нарцисса. Она меня всегда любила.

— Да уж, у каждого свои недостатки, — пробормотал Сириус.

— Сколько раз я ей говорил, что она для тебя слишком хороша, — заявил Снейп. — Было бы лучше, если бы ты вступил в брак с ним, — и он махнул на Люпина, — никто другой не в силах тебя терпеть. Кроме того, вы вполне могли бы брать друг друга на прогулки.

— Не уверен, что даже пачка важных сообщений от Дамблдора стоит этого, — перебил его Люпин, прекращая яростное противостояние между Сириусом и Снейпом. — Северус, если у тебя есть, что сказать...

Снейп обшарил комнату глазами и, вздохнув, вытащил из кармана стеклянный пузырек с зельем, которое выплеснул на пол. Яркое алое облачко взметнулось вверх, окутав их темно-красным дымным коконом, все, что теперь слышал Люпин, было его собственное дыхание да дыхание Сириуса. Никакие внешние шумы не могли проникнуть в этот кокон, воцарилась тишина.

— Что ж, а теперь мы правила нарушили, — с удовлетворением заметил Снейп.

— Любишь ходить по краю, да? — поинтересовался Сириус, поблескивая задорными глазами. — Я так понимаю, здесь нас никто не может подслушать?

— Верно, однако, это не на долго, так что слушайте, — быстро заговорил Снейп. — Профессор Дамблдор просил вас передать, чтобы вы собрали старую группу. Штаб-квартира будет в Норе, она снова взята под охрану. Очень высокая вероятность, что, если министерство пока еще не под контролем Вольдеморта, то это случится в самое ближайшее время. Так что необходимо создать альтернативное Министерство и Совет, которые были бы признаны зарубежными Министерствами...

— Такого уже не было лет сто, — с благоговейным страхом пробормотал Сириус.

— Твое знание истории, как всегда, впечатляет. Понимаю, что действия экстраординарны, однако вполне соответствуют происходящему. Необходимо установить связь с союзниками. Работайте быстро — у нас очень мало времени.

Едва Снейп закончил говорить, как алый кокон растворился, оставив у Люпина странное чувство, словно он вдруг оказался голым. Он огляделся, ожидая встретиться с удивленными взглядами окружающих.

— Никто не видит это кроме тех, кто находится

внутри, — пояснил Снейп, заметив выражение его лица. — Удобно, не правда ли? Моё собственное изобретение.

— Да, — Люпин был совершенно искренне впечатлён. — Отменно.

— Я назвал его Зелье Облака Тишины, — добавил Снейп, садясь на своего любимого конька.

— Я бы назвал его Бернард, — встрял Сириус. — Но это ж только я.

— Думаешь, что ты очень остроумный, да, Блэк? — рявкнул мастер Зелий.

— Нет-нет, я, как всегда, подчиняюсь мнению большинства.

— Я должен вернуться в школу, — Снейп решил, что лучше всего его просто игнорировать. — Позже Дамблдор пришлет вам сову, — он пошел прочь, но через несколько шагов замер и повернулся. — Для него есть какие-нибудь сообщения? — через силу спросил он.

Сириус медлил, и Люпин чувствовал, что у него в душе надежда на помощь человека, которого он уважал больше всего на свете, борется с неприязнью к Снейпу. Наконец, он все же произнес:

— Передай, что Староста школы с нами — в безопасности. Спроси, не слышал ли он чего от Люциуса, про наших мальчишек... Все равно, что... И, пожалуйста, немедленно сообщи. Даже... — тихо добавил он, — даже если это плохие новости.

Снейп внимательно взглянул на него, затем быстро кивнул и ушел.

Сириус перевел дух:

— Мне нужен свежий воздух, Лунатик, — сдавленным голосом сказал он.

Без колебаний Люпин взял друга под руку и повел к двери мимо толпы колдунов и ведьм, едва по неосторожности не сбив с ног рыжеволосую девушку и её родителей.

Люпин отпустил Сириуса уже на улице, и тот, опустив взгляд и стиснув руки, прислонился к одной из грандиозных мраморных колонн, украшающих фасад. Костяшки пальцев были испещрены шрамами — Сириус заработал их в Азкабана, раньше их не было, и Люпин никогда не спрашивал, откуда они взялись. В остальном его руки были красивы, изящны и ухожены, он как раз привел их в порядок перед свадьбой, которая так и не состоялась.

— Лунатик, я так волнуюсь, — уставясь в голый министерский сад, припудренный сверкающим снегом, произнес Сириус. — Я так беспокоюсь за них обоих, что едва могу дышать... И последнее, что я сделал, — это наорал на них...

— Они в порядке, — заверил его Люпин, пряча собственную озабоченность. — Взгляни на свое заклятье Вивикус.

Сириус опустил глаза к серебряному браслету на запястье: красный камень ярко пульсировал — Гарри был жив и здоров.

— Знаю, — кивнул Сириус. — Не будь этой штуки, я бы давно сошел с ума. Я знаю, что Гарри в порядке, а значит, и с Драко тоже все хорошо: Гарри допустил бы к нему Люциуса только через свой труп. Я все это знаю, однако никак не могу это прочувствовать.

— Ты бы ощутил, если бы что-то было не так, — убежденно произнес Люпин, кладя ему руку на плечо, настолько напряженное, что казалось стальным. — Подыши, Сириус. Нам сейчас лучше чем-нибудь заняться.

Сириус кивнул и накрыл руку Люпина своей. Они застыли: Сириус уставился себе под ноги, Люпин смотрел в пространство. Он провел свое детство, успокаивая Сириуса таким образом, у того больше никого не было: Джеймс был слишком счастливым, чтобы понять горести кого-то другого, Питер же вообще был не из тех, кто мог посочувствовать или успокоить. Когда однажды Снейп со своими слизеринскими друзьями посыпал один из бутербродов Люпина серебряным порошком, и он провел ночь в лазарете, его рвало серебром и кровью, единственным, кто плакал, был Сириус,

и Люпин, как всегда, утешал его. Он запомнил, как был поражен и взволнован его друг, переживавший за других куда больше, чем за себя.

Люпина вернул к действительности звук шагов по снегу, обернувшись, он увидел рыжеволосую девушку, спускающуюся вместе с родителями к ожидающему их экипажу. Она бросила на него взгляд, и он запоздало узнал девушку — она училась в его классе, хотя ей было только тринадцать, и часто мелькала среди прочих Слизеринских студентов. Это была Блез Забини, подруга Драко.

* * *

Начинался снегопад — легкий мелкий снег мукой сыпался с неба. Драко стоял в одиночестве на своей башне, раскинув руки и запрокинув голову, позволяя снегу сыпаться ему в глаза и рот. Лунный свет обжег его, как белый огонь, серебряным копьем пронзив его тело и пригвоздив ноги к каменному полу.

Не так-то легко умирать, когда тебе всего семнадцать, ты молод и влюблен... и тут тебе говорят, что всему этому придет конец. Драко никогда не был особенно заиклен на духовном мире, материальные вещи привлекали его куда больше, — и вот к чему это его привело: если он не мог прикоснуться к предмету, он для него не существовал, если он не мог чего-то увидеть, это не имело смысла.

Гарри, тот верил в то, что невозможно увидеть, верил, что люди куда лучше, чем кажутся, верил в невидимый мир добра и зла, надежды и спасения.

Всю жизнь, всю свою жизнь ты прожил в комнате без окон. И теперь ты можешь поднять голову и взглянуть на звёзды, — это сказал ему месяц назад Дамблдор, и слова эти звучали у Драко в голове, когда он вскинул взгляд к черному зимнему небу, испещрённому ледяными огоньками.

Это была одна из тех ночей, когда можно было поверить в ангелов, одна из тех, когда ему казалось, что он — один из них.

* * *

На каминной полке в кабинете Люциуса были высечены какие-то слова, но Гарри, как ни прищуривался, не смог их прочитать. В комнате было тепло, несмотря на то, что огонь за решеткой почти затих. И еще — очень тихо: Пожиратели Смерти провели Гарри сюда и бесшумно исчезли, словно кошки. Гарри мысленно спросил себя, не носили ли они под мантиями ролики. Или, может, Вольдеморт выдрессировал у них эти скользящие движения и плавную походку — они двигались, как дементоры. Возможно, это было сделано специально.

Гарри отошел от огня. При других обстоятельствах он бы воспринял его с радостью, однако сейчас, когда на вершине башни огня не было, он чувствовал, что это было бы нечестно. Он ощущал, как замерз Драко наверху, и содрогнулся.

...Ты как? — потянулся он к нему мысленно.

Ответ пришел тут же; внутренний голос Драко был светлым, равнодушным, монотонным, словно он комментировал погоду во время пикника.

...Я в порядке. Мой отец ещё там?

...Нет. Я один в кабинете, — сообщил Гарри. — Что я могу сделать?

...Можешь что-нибудь стащить, — предложил Драко. — Там полно всякого ценного антиквариата. Обрати внимание на напольные часы.

Гарри поколебался, прежде чем ответить.

...У меня такое чувство, что твой папочка должен заметить, если я попробую выйти отсюда с часами в штанах.

Мысленный смех Драко донесся до него как слабый шорох листьев. Гарри был поражён, что он вообще может смеяться.

...По этому поводу существует столько шуточек —

даже не знаю, какую выбрать.

...Ладно, не напрягайся. Ну, есть тут еще что-нибудь?

...Да так, пустяки. Взгляни на стол — он, возвращаясь домой, всегда вываливает всё на стол. Взгляни — там есть что-нибудь?

Гарри взглянул на стол. Если он надеялся, что увидит там следы злых умыслов Люциуса — ну, там, окровавленный нож или листовку «Смерть магглам», то его ждало разочарование.

...Тут что-то ничего нет — пара чистых листов бумаги, трубка, несколько монет, еще какая-то мелочь. Похоже, он путешествовал налегке.

...Хм... И что за монеты?

Гарри присмотрелся к лежащему на столе золоту — ему показалось, что это обычные галлеоны, однако — как бы он мог это выяснить? Он взял один и едва успел почувствовать в пальцах его тяжесть, как рука судорожно схватилась вокруг этого кругляшка — дверь открылась, и в кабинет вошли несколько человек в мантиях с опущенными капюшонами. Гарри развернулся и уронил монету в рукав своего плаща.

Самый высокий из Пожирателей откинул капюшон назад — это был Люциус.

— Гарри, как это мило, что ты согласился побеседовать со мной.

Гарри промолчал.

Люциус взмахом руки отпустил свой эскорт — они бесшумно выскользнули, оставив их наедине, потом снял плащ и поднял его в вытянутой руке: вешалка красного дерева, стоящая в углу, изогнулась и выхватила его из руки Люциуса.

Под плащом оказался серый костюм с темным галстуком — Гарри показало, что это придало ему вид преуспевающего маггловского бизнесмена. Он с трудом подавил желание поинтересоваться у Люциуса, не от Армани ли его галстук.

Несмотря на огонь, Гарри почувствовал холод, следя, как Малфой-старший неторопливо пересекает комнату и аккуратно присаживается за стол. Гарри он сесть не предложил, и тот не двинулся с места. В тишине они молча смотрели друг на друга — высокий светловолосый мужчина и худощавый юноша в рваном плаще с закованной рукой.

— Не хочешь ли выпить? — наконец поинтересовался Люциус. Он поднял руку, графин поднялся в воздух и приплыл к нему из буфета. Гарри помотал головой. Люциус с совершенно равнодушным видом позволил графину налить ему стакан портвейна и сделал длинный и задумчивый глоток.

Гарри едва не кричал от нетерпения, впившись ногтями себе в ладони, но постарался говорить как можно спокойней.

— Если он действительно болен, Вы не должны оставлять его там. Там слишком холодно. Он может умереть куда быстрее, и что тогда с вами будет?

— Ты, несомненно, прав, — театрально вздохнул Люциус. — Очень недальновидно с моей стороны. Одна из моих многочисленных ошибок.

Гарри снова промолчал.

Одна из полезных вещей, которую он узнал от Драко, была в том, что тишина тоже может быть эффективным оружием. Если он подождет, то Люциус потеряет терпение и заговорит первый. Так и случилось.

— Удивительно, как ты изменился, Гарри Поттер. Сколько крови утекло с той поры, как появилась эта связь между тобой и моим сыном... — да-да, я все об этом знаю — сколько крови утекло... Ты сам-то сейчас знаешь, кто ты?

— Я прекрасно знаю, кто я, — холодно ответил Гарри. — Сожалею, что вы по этому поводу в замешательстве. Хотя, нет, подождите — я вовсе не сожалею. И знаете, почему? Потому что я вас ненавижу.

— Как печально, — ответил Люциус, вынимая тонкую курительную трубку из ящика и постукивая ей об стол. — А я так надеялся, что мы сможем сблизиться.

— Вы всегда пытаетесь сблизиться с людьми, кото-

рых намереваетесь убить?

Рассмеявшись, Люциус потянулся к небольшому позолоченному ящичку, который Гарри принял за пресс-папье, и взял оттуда щепоть табака.

— Я не собираюсь убивать тебя. Я тут размышлял о том, каким же путем привлечь сына к сотрудничеству со мной, и пришел к выводу, что твоё убийство было бы в этом плане совершенно безрезультатным.

— Я тронут.

— Ты не был бы первой вещью из тех, которые он полюбил, и которые я уничтожил. Это могло преподать ему урок. Конечно, — он пожал плечами, так же изящно и непринужденно, как и Драко, — сегодняшний урок был бы совершенно иным.

— Вы не можете убить меня, — возразил Гарри. — Министерство бы вам голову за это оторвало. Беспокоится ли обо мне Драко, нет ли — не в этом дело; в любом случае, вы не правы. Это ведь вы не научили его любить — не помните? А он не забыл, даже если вы об этом забыли. Он чувствует ответственность... преданность... он чувствует себя обязанным мне.

Люциус хихикнул.

— Возможно, он не может любить. Ну, или не мог. Но ты — ты можешь, а он становится таким, как ты, — я вижу, как это меняет его. Ты-то чувствуешь — а через тебя чувствует он. Через тебя он может узнать, что такое любовь и что такое горе, что такое мечта и что такое жертва. Ты можешь быть его предвкушением счастья и его разбитым сердцем. Подумай: потеряв тебя, он потеряет все свои чувства, весь мир.

— Однако вы не планируете убивать меня...

— Планирую? — эхом откликнулся Люциус. — Я вовсе не планирую его смерть. Это уже происходит. И, возможно, сейчас, когда я рассказал, чего лишился бы мой сын, потеряв тебя, пришло и тебе время подумать, что будет, случись все наоборот. Я зываю, — добавил он, беря со стола маленькую золотую палочку, — к моему чувству самосохранения.

Подумай, что случится с тобой, если он умрет, — сказал Люциус. И Гарри попробовал. Он стоял и силился представить это — однако, это было бы равнозначно тому, что представлять, что его внезапно разбил паралич. Насколько он был уверен в том, что руки и ноги подчиняются его желаниям, насколько его легкие наполнялись воздухом, когда он дышал, — настолько же Драко был частью его. С таким же успехом Люциус мог сказать «Представь, что ты никогда не был волшебником» или «Представь, что ты слыхом не слыхивал о магии» или «Вообрази, что твои родители никогда не умирали».

— За что вы так его ненавидите? — наконец прошептал Гарри, собственный голос донёсся до него откуда-то издалека; он невянятно удивился, мог ли Драко слышать всё происходящее через него, и понадеялся, что нет. — Понимаю, за что вы ненавидите меня, но Драко — он же ваш сын. Он любит вас... ну, или любил, пока вы не выжгли всё это из него. Что же он вам сделал?

Люциус молчал. За решеткой хрустел дровами огонь, тени легли на пол. От волнения Гарри скрутила боль, словно тело сумело понять то, что не мог понять разум, словно оно сморщилось в ожидании ужасной физической потери.

— Однажды, давным-давно, я сказал Драко, — начал Люциус удивительно ровным голосом — Гарри никогда прежде не слышал, чтобы он так говорил. — Когда человек присягает Тёмному Лорду, когда на него ставится Знак, он должен, в благодарность за эту честь и в знак своей верности, пожертвовать Лорду одну вещь. Один... дар. Это должно быть что-то, имеющее для этого человека большое значение: я видел, как люди отказывались от музыкального таланта, прекрасных воспоминаний, страстной любви. Однажды Драко спросил меня, что отдал я, — и я ответил, что его. Это было не совсем правдой — люди могли отдать только то, что принадлежит именно им. А ведь даже мой собственный сын, по большому счету, принадлежит лишь

самому себе. И я отдал Лорду свою способность любить его и заботиться о нём.

— Вы отказались от... способности любить? — переспросил Гарри, испытывая странное чувство: он задал личный вопрос Люциусу Малфою. Однако любопытство взяло верх над тревогой.

— Нет. Я отдал только отеческую любовь. В то время, конечно, у меня не было детей. Не обзаведись я ими, как я и планировал, подарок, как я считал, оказался бы пустышкой. Однако Темному Лорду такие подарки были не нужны. Через год после того, как я стал его слугой, он повелел мне обзавестись сыном. И вот — у меня появился сын, — глаза Люциуса метнулись к окну и он уставился в ночную пустоту, — Тёмный Лорд — само совершенство. По мне, он знал, что у него есть слуга, готовый обзавестись ребенком и отказаться от него, если в том будет надобность, — потому что я, конечно, отказался от него много позже.

— А это не может... — нерешительно начал Гарри, — не может быть как-то обращено? Ну, ведь заклинания обратимы...

— Обращено? — голос Люциуса снова стал ледяным. — А с чего бы мне хотеть это обернуть? Я вполне удовлетворен совершенной сделкой. Для того, чтобы что-то приобрести, нужно чем-то пожертвовать. И чем важнее приобретение, тем больше жертва. И моё приобретение — весь мир.

«А твоя потеря — душа,» — подумал Гарри о Драко на башне. Он мысленно потянулся к нему, но ответом ему стало упрямое молчание. Под ложечкой снова зачесало — куда хуже, чем прежде.

— Что вы хотите от меня? — напрямик спросил он. — Вы ведь наверняка привели меня сюда не за тем, чтобы рассказывать истории о том, что было.

— Нет, — голос Люциуса стал похож на бритву, и Гарри предположил, что этот мужчина теперь сожалеет о том, что рассказал ему всё о подарке, сделанном Вольдеморту. — Я привел тебя сюда, чтобы предложить сделку.

— Какую сделку?

— Все просто: мне нужна чаша. Я её хочу.

— Я вам уже говорил, что у меня её нет и я не знаю, где она.

— Я понял, однако твоей подруге это известно. А, следовательно, мы можем сторговаться.

Мир потемнел у него перед глазами.

— Сторговаться? — прошептал Гарри. — Вы имеете в виду... Вы не имеете в виду — обменять одного из них на другого?

«Скорее, я себя просто убью,» — подумал он, но не произнес этого вслух. Люциусу его смерть в этот момент не была нужна. Это было бы бессмысленным.

Люциус рассмеялся.

— Как бы меня развлекло наблюдение за тем, как ты делаешь выбор... Нет, я имею в виду не это. Я о том, что я предлагаю вам написать письмо мисс Грейнджер и попросить её указать для меня местонахождение чаши. Можете сказать ей, почему. Она поймёт.

— И что же вы предлагаете взамен? — спросил Гарри, чувствуя, что голова идет кругом.

— Это, — из внутреннего кармана мантии Люциус вытащил какой-то предмет и поставил его на стол перед собой. Прозрачный фиал — размером со свернутый пергамент, верх и низ которого были богато инкрустированы драгоценными камнями винного цвета. Внутри плескалась бледно-зеленоватая жидкость — высотой дюйма два.

— Ещё яда? — с утомленной горечью уточнил Гарри.

— Нет, — ответил Люциус. — Противоядие.

* * *

Гермиона лежала на кровати Джинни, глядя в потолок. Беспокойство гудело у неё в крови, она не могла уснуть — лишь только она закрывала глаза, как видела лицо Гарри — взволнованное, бледное, когда он в

школе отвернулся прочь. С тех пор она не видела его, и её терзала одна мысль: а что, если он умер, и последнее, что я сказала ему, — это то, что больше не хочу быть с ним?

Она оттолкнула сон и уткнулась подбородком в колени. Мысль о том, что будет с ней, если Гарри погиб, всегда доводила её до дрожи и тошноты, — она помнила, как Драко говорил ей, что она не представляет себе мир без Гарри.

«О, нет, представить я могу, — мрачно подумала она. — Только я не хочу в нем жить».

Поднявшись, она бесшумно двинулась в ванну на поиски воды. Шепнув «Люмос», зажгла факел и пристально уставилась на свое безутешное отражение в зеркале. Да, вот так любовь и выглядит — темные тени под глазами, изможденная бледность, печально сжатые губы. Драко бы над ней рассмеялся, правда? Глядя на себя в зеркало, она почувствовала вспышку издевательской жалости к Пенси: значит, та её считает роковой женщиной, да? И любой, носящий её лицо, должен быть любим... она замерла, не донеся стакан до рта.

Да кто же вложил это дьявольский план в голову Пенси? Почему именно Рон?

Ведь нельзя сказать, чтобы все эти годы он лелеял свою тайную страсть к ней — она была совершенно в этом уверена. О, да, там что-то было, что всегда бывает между двумя близкими людьми, у которых однажды случился скоротечный роман... В таких случаях всегда остается медленно угасающее чувство собственности, которое в случае Рона несомненно усугублялось его сложной и периодически вспыхивающей ревностью к Гарри — это несомненно. Значит, Пенси уловила, поймала что-то, — взгляд, фразу, жест — что-то у Рона...

Что-то у Рона.

Гермиона поставила стакан обратно на раковину — медленно и аккуратно. Беглый осмотр комнаты Рона успеха не принес, ей было ужасно стыдно обыскивать её, особенно с учетом того, что она сама не знала, что именно нужно искать. Однако сейчас словно что-то затрепыхалось у неё в голове — она не могла ни отмахнуться от этого, ни перестать об этом думать...

Погасив свет, она как можно тише выскользнула из ванной, прокралась на цыпочках мимо комнаты Чарли, добралась до лестницы — быстрое противоскрипучее закливание — и она бесшумно поднялась и шмыгнула в комнату Рона.

Засветив лампу, она огляделась. Все было так же, как и днем. Чисто, аккуратно, постеры по стенам и оранжевое покрывало на кровати. Та же куча фотографий на столе — Рон снял их со стен — и стопка комиксов на кровати. Она пошарила в ящиках стола, но, собственно, как и предполагала, не нашла там ничего интересного. Присев на корточки, она выдвинула самый большой ящик — у пола.

Там была коробка, обычная деревянная синяя коробка — она уже видела ее. Золотая печать на крышке гласила: Гадательные Поставки Махони, Диагон аллея, 14.

Она прекрасно знала эту коробку — сама дала её Рону в конце лета.

Что он ей сказал — или почти сказал — когда они были заключены в тюрьму Слизеринского замка — это навсегда осталось в нём, хотя он больше к этому не возвращался. Она всегда спрашивала себя, не имело ли это отношения к его никогда не использовавшемуся таланту Прорицателя? И этот ящик стал результатом всех её размышлений.

Она откинула крышку и внимательно изучила содержимое ящика. Небольшая медная гадательная чашка, упаковка чайных листьев с инструкцией по использованию, темная прозрачная сфера на бронзовой подставке с выгравированными словами: «Я храню тайны».

Гермона задумчиво приподняла сферу в руке, а потом с силой швырнула ее на металлический угол прикроватной тумбочки Рона, пригрозив к страшному шуму — однако, к ее удивлению, та тихо и аккуратно

раскололась на две половинки.

Оттуда выпала тщательно связанная пачечка испи-
санных пергаментов, многократно сложенных и стяну-
тых серебряной цепочкой. Невыразимая печаль охва-
тила Гермиону, когда она подняла их, — она поняла,
что это. Даже узнав правду, даже после того, как всё
выяснилось, у Рона не поднялась рука выкинуть их.

Ей иногда казалось, что он был самым сентимен-
тальным из них, — самым весёлым и самым ранимым.

Со вздохом она сунула связку любовных писем в
карман — прямо к сердцу.

* * *

— Сделка, — сказал Гарри. Он шагал туда-сюда по
вершине башни с тех пор, как стража вернула его об-
ратно, теперь же он остановился и, заложив руки за
спину, взглянул на Драко. Поднявшийся ветер кинул
тому в лицо светлые волосы; юноша поднял руку, что-
бы убрать их, и холодная манжета коснулась его ко-
жи. — Чаша в обмен на противоядие. Вернее, даже не
чаша — письмо Гермионе, чтобы она отправила её в
Имение. Она так и поступит, когда поймет, что стоит на
кону. Это и в самом деле просто.

— Удивительно просто, — согласился Драко, чувст-
вуя какое-то отрешённое спокойствие. — Слово он
планировал это очень долгое время.

— Я так не думаю, — возразил Гарри. Волосы об-
лепили ему лицо. — Мне не кажется, что это специаль-
но. В этом нет смысла.

— Ну, нам надо все обдумать. Что же нам теперь
делать?

— Что ты имеешь в виду, говоря «что же нам те-
перь делать»? — после короткой тишины осторожно
поинтересовался Гарри.

Драко засомневался и посмотрел на Гарри — но у
того было решительное и непроницаемое лицо, зеле-
ные глаза были темны и серьёзны.

— Я про моего отца. Что же нам теперь делать?

Гарри покачал головой — не в смысле отрицания
чего-то, а словно бы он только что вынырнул и не был
уверен, что слышит все верно.

— Мы дадим ему то, что он хочет, — произнес
он. — У нас ведь нет выбора, верно? А он даст тебе
противоядие.

На Драко накатила странная, пригибающая к земле
усталость. Он взглянул на Гарри — словно издали,
словно сквозь густое облако, сквозь туман.

— У нас есть выбор. Мы не должны делать то, что
он хочет.

— Но тогда мы не получим противоядие, — мед-
ленно пояснил Гарри, словно объясняя ситуацию ре-
бенку.

— Я понял, — кивнул Драко. — Мы не получим
противоядие.

Гарри осознал то, что тот произнес — лицо его за-
лила краска, потом кровь отхлынула, и он побелел.

— Да что ты говоришь?!

— Говорю, что всё это бессмысленно, — ответил
Драко. — Если мой отец говорит, что это противоя-
дие — вероятно, так оно и есть, однако наверняка
есть какая-то лазейка, которая даст ему возможность
не отдавать его нам, держа нас на крючке. Заставлять
выполнять все его желания, прыгая на ниточках, как
марионетки, — и, в конце концов, мы все равно его не
получим.

— Он сказал, что оно бы спасло твою жизнь.

— Наверное, так оно и будет — сейчас, — возразил
Драко. — Но потом будет что-то еще и еще... Ты же ви-
дел, какой он: он считает меня своей собственностью,
и пока я существую в этом статусе, он будет использо-
вать меня, чтобы бить по тебе. Если мы сейчас посту-
пим так, как он хочет, он поймет, что это работает.

Гарри тряхнул головой:

— Это не имеет значения. Сейчас вообще ничего не
имеет значения. Если мы что-то и должны делать пря-
мо сейчас, сию минуту, — так это остановить твою

смерть.

Драко услышал свой громкий смех — не слишком-
то приятный.

— Именно потому-то ты такой неважный состави-
тель планов, Гарри. Как будто мир не существует
дольше, чем пять секунд...

Гарри закрыл глаза и сжал кулаки — Драко видел,
что тот с трудом пытается удержать себя в руках, и
следил за ним с зарождающейся тошнотой: ему не нра-
вилось делать Гарри больно, и он рассеяно подивился
тому, что, кажется, тот становится сильнее под давле-
нием обстоятельств.

— Зачем мой отец говорил это тебе? — резко спро-
сил, наконец, Драко. — Чтобы заставить тебяотреаги-
ровать именно таким образом. Не думаю, что стоит на-
поминать тебе, что он лгун?

Гарри открыл глаза.

— Да, я знаю, — он лгун. Но он — такой же, как
ты: он не станет лгать, если правда куда мощнее лю-
бой лжи. Он не сказал мне ничего такого, чего бы я не
знал. Ничего.

На самом деле Драко его не слушал — на второй
фразе Гарри разум отказался воспринимать что-либо:
«он такой же, как ты».

— Я не позволю отцу сделать из тебя пешку, кото-
рой он может крутить, как угодно, — жестко произнес
он. — Нет. Что бы он тебе ни предлагал — всё это об-
ман, как ты этого не видишь? — он убрал с лица влаж-
ные волосы: несмотря на холод, он вспотел, — Я пони-
маю, ты не можешь рассуждать так же, как он. Тебе
просто в голову прийти не может, насколько злы могут
быть люди. Мой отец ненавидит тебя, и какую бы сдел-
ку он ни предлагал, твои интересы — как и мои — его
не волнуют. И надо быть или дураком, или слепым —
ну, или же и тем, и другим сразу — чтобы этого не ви-
деть.

— Может, так оно и есть. Однако я не собираюсь
скидывать со счёта тот факт, что ты ненавидишь своего
отца независимо от того, живой ты или мертвый...

— Он ожидает, что ты пойдешь на уступки, Гарри!
Весь его план базируется на этом.

— Да пошел этот план со всем остальным... — отре-
зал Гарри. — Я всех потерял — всех моих друзей. Я не
хочу потерять и тебя.

— Ты же знаешь, что все равно, рано или поздно,
останешься с этим один на один — ты же мне сам это
сказал...

— Боже мой, чёрт побери! — взорвался Гарри с та-
ким звуком, словно сломалась кость. — А что бы ты
сделал на моем месте? Если бы умирал я?

— Ну, это совсем другое дело, — спокойно ответил
Драко.

— Да? И в чем же разница?

— В том, что ты — Гарри Поттер, — голос Драко
был ясен и монотонен, словно он просто перечислял
очевидные факты. — Ты — Мальчик-Который-Выжил.
Тот, что спасет всех. В тебе есть необходимость. Во
мне — нет.

— Это глупейшая вещь из всех, что мне приходи-
лось слышать, — горько ответил Гарри. — Поверить не
могу, что ты швырнул мне в лицо слова о том, кем я
являюсь, — да что с тобой случилось? Ты что — дума-
ешь, я смогу жить, зная, что обязан этим тому, что я
знаменит, а ты — нет?

— Дело не в знаменитости. Да и в любом случае —
ты все равно об этом не вспомнишь: мой отец наложит
на нас Заклятье Памяти, ты ничего не узнаешь, — про-
изнес Драко и немедленно об этом пожалел.

Гарри уставился на него в упор. Зрачки его все
расширялись и расширялись, пока глаза не стали со-
вершенно черными, окруженными лишь тонкой зеле-
ной полоской:

— Я за всю свою жизнь никогда — никогда! — не
хотел никому вмазать так, как тебе сейчас...

— Ну, так ударь меня, если тебе так хочется, — ти-
хо предложил Драко. — Однако имей в виду: если по-
зволишь сейчас победить моему отцу — позволишь по-

бедить Вольдеморту. Если он получит чашу, с её помощью он разрушит мир. Конечно, звучит нелепо — но так оно и есть. Ты же герой, правда? И выбор как раз для героя. Твои друзья — и всё остальное.

Гарри согнул руки, и Драко отчуждённо удивился тому, что тот, похоже, и вправду решил его ударить.

Но Гарри чистым и спокойным голосом, словно о чём-то уже решённом, произнес:

— Я надеюсь, что ты понимаешь, каков был бы мой выбор.

Драко взглянул на него и осознал — с каким-то странным чувством в глубине души — что не понимает. Он предполагал, что Гарри выберет «все остальное» и открыл, было, рот, чтобы спросить, однако никак не мог сформулировать вопрос; и возможность эта была навсегда упущена, потому что дверь снова открылась, и вернулся Люциус.

Он больше не улыбался. В руке он нес скрученный пергамент и перо, что-то золотисто поблескивало в его нагрудном кармане.

Он выжидательно взглянул на юношей.

— Ну-с, мальчики, — он переводил взгляд с одного на другого, — вы уже приняли решение?

* * *

Гермиона разложила пергаменты на столе и дрожащей рукой начала перебирать их. Ей казалось, что она сумела унять охвативший её ужас, но теперь он вернулся снова. Кто-то копировал её почерк — и скопировал его настолько хорошо, что даже её лучший друг пал жертвой этого обмана. И не только почерк — её выражения, её стиль... Да, Пенси должна люто, ох как люто е ненавидеть, подумала Гермиона, чувствуя, как по коже бегут мурашки, — она должна была долго это планировать, пристально следя за ней. Гермиона почувствовала, что волосы у неё встают дыбом.

Мой милый,

я так скучала по тебе сегодня. Я столько думала о тебе на Зельях, что забыла писать лекцию — как бы ты сказал, столкнулась с самым большим ужасом в моей жизни. Домашнее задание — только десять баллов из десяти.

Не могу дождаться момента, когда вечером увижу тебя. Как бы я хотела, чтоб у меня было меньше возни с моим курсовым проектом. Я знаю, все потому, что я провожу столько времени с тобой. Мы могли бы позаниматься вместе, если ты не возражаешь. Я бы захватила домашнее задание с собой. Представь меня, крадущейся по коридору с карманами, набитыми лопухом, полынью и рутей... если бы ты захватил корень тысячелистника, это было бы здорово — так что не забудь!

Все, что я хочу, — это побыть с тобой... конечно, за исключением того, что нам нужно подождать до Нового года. Дорогой, спасибо тебе за твоё понимание и терпение — я понимаю, как трудно держать в себе такую тайну. Какое же это будет облегчение, когда мы сможем наконец-то быть вместе, не скрываясь ни от кого.

Боже, кто-то идёт. Убегаю. Люблю тебя.
Гермиона.

Гермиона поморщилась: лопух, полынь и рута — это ещё что такое? Рон что-то ей говорил перед тем, как уехать из школы: «...Это был не просто секс, — мы разговаривали, вместе ели, делали уроки по Зельям...»

Она внимательно уставилась на письмо. Переход от первого абзаца ко второму был довольно ловким, просьба принести компоненты для зелья была надёжно упрятана под многократные заверения в своей любви, однако, Гермионе показалось, что именно это-то и было истинной сутью письма. Ни в одном из писем при более тщательном изучении не было обнаружено столько страстных излияний — все они были аккуратно сформулированы, словно бы действительно принадлежали перу Гермионы. Признаться, в любовных письмах

она была не сильна, она ни разу не написала ни единой любовной записки к Гарри, даже не могла себе представить, как это делается. Она его просто любила — мысль о том, чтобы сесть и написать хвалебную песнь его зеленым глазам и обожаемому носу казалась ей, мягко говоря, нелепой. Возможно, в душе она не была поэтом, но такова уж она была.

Подняв свою палочку, она прикоснулась ею к пергаменту. Это было простое рифмованное заклинание.

Ты скажи-ка мне, пергамент,

Ты скажи-ка мне, перо

Кто писал все эти строки,

Покажи-ка мне его.

Пергамент дрогнул, буквы перестроились, появилась надпись ПЕНСИ ПАРКИНСОН. Гермиона передернула плечами, когда её имя на пергаменте исчезло и письмо приобрело исходный вид. Что ж, она ожидала, что это именно Пенси — ничего удивительного. Они покусала губы.

Существовала еще одна вещь, которую она могла проделать, однако она боялась того, что может узнать. На уроках Защиты они узнали, что существует некая разновидность Заклятья Confundus, которое может быть вплетено в слова письма, — знаменитая «книга, которую невозможно было прекратить читать», по словам Люпина, содержала в себе одно из сильнейших заклинаний повиновения — Obedience, вставленное в текст.

— *Revelatus confundus*, — пробормотала она.

Пергамент снова затрепетал. В этот раз слова не таили, но некоторые из них потемнели и выделились.

Мой милый, я так скучала по тебе сегодня. Я столько думала о тебе на Зельях, что забыла писать лекцию, — как бы ты сказал, столкнулась с самым большим ужасом в моей жизни. Домашнее задание — только десять баллов из десяти. Не могу дождаться момента, когда вечером увижу тебя. Как бы я хотела, чтоб у меня было меньше возни с моим курсовым проектом. Я знаю, все потому, что я провожу столько времени с тобой. Мы могли бы позаниматься вместе, если ты не возражаешь. Я бы захватила домашнее задание с собой. Представь меня, крадущейся по коридору с карманами, набитыми лопухом, полынью и рутей... если бы ты захватил корень тысячелистника, это было бы здорово — так что не забудь!

Все, что я хочу — это побыть с тобой... конечно, за исключением того, что нам нужно подождать до Нового года. Дорогой, спасибо тебе за твоё понимание и терпение — я понимаю, как трудно держать в себе такую тайну. Какое же это будет облегчение, когда мы сможем наконец-то быть вместе, не скрываясь ни от кого.

Боже, кто-то идет. Убегаю. Люблю тебя. Надеюсь, что ты всегда будешь любить меня.
Гермиона.

Гермиона в смятении прочитала вслух выделенные слова: «Курсовой проект готов. Принеси лопух, полынь, руту и корень тысячелистника. Забудь обо всем, кроме покорности Тёмному Лорду и любви ко мне».

Она откинулась на пятки и покачала головой, не в силах справиться с обуявшим её дурным предчувствием.

— Рон, во что ты ввязался?

* * *

Гарри потянул Люциусу руку:

— Дайте мне перо.

— Нет, — отрезал Драко, шагая вперед, но Люциус встал между юношами и удержал сына.

— Гарри...

Гарри прикусил губу и отвел глаза от Драко:

— Дайте мне перо, — быстро повторил он. — И пергамент.

— Очень мудрое решение, — заметил Люциус, улыбкой которого можно было поцарапать стекло, настолько она была острой. — Рад, что хотя бы один из вас способен что-то чувствовать. — Он продолжал одной рукой удерживать Драко, другой он протянул Гарри пергамент. — Пиши.

Гарри взял его и сделал шаг назад. Драко немедленно узнал это перо — любимое перо Люциуса: позолоченное самопишущее перо ворона.

...Гарри, — разъяренно подумал Драко, — не будь дураком, послушай меня! Порви пергамент.

Но Гарри отгородился от него, слова отскакивали, как мыльные пузыри от скалы. Драко хотел рвануться вперед и оттолкнуть Люциуса с дороги — но это было бессмысленно: в своем теперешнем состоянии он вряд ли справился бы и с корнуэльским пикси, а отец всегда был очень силен.

Словно прочитав мысли сына, тот повернулся к нему со своей острой, ослепительной улыбкой. Драко чувствовал наслаждение отца: да, ему всегда нравились такие вещи. Победа, главенство, контроль над происходящим. Управление другими людьми.

Улыбка Люциуса стала шире, он потянулся к карману и достал оттуда фиал, который Драко немедленно узнал по описанию Гарри. Бледно-зелёное противоядие внутри.

Поставив фиал на каменный пол и, придерживая его ботинком, он взглянул на Гарри — по его виду было совершенно ясно, что сделай Гарри какое-нибудь необдуманное движение, он немедленно раздавит хрупкое стекло.

— Как там говорил мой старый профессор Зелий? — вслух размышлял Люциус, задумчиво склонив голову. — «Почему не слышу скрипа перьев по пергаменту?» Хотя, в данном случае, речь идет только об одном пере.

Гарри промолчал, стиснув перо так, что пальцы побелели, и этот миг Драко непроизвольно вспомнил слова Гермионы, прозвучавшие на платформе в Хогсмиде: «Они использовали меня, чтобы ударить в него, Драко. Использовали меня — они знали, как причинить ему самую сильную боль, и я не хочу быть частью этого. Не могу и не буду».

Внезапно рука Гарри ослабла, и он начал писать, неловко пристроив на предплечье пергамент, скрип пера нарушил тишину ночи. Люциус взглянул на противоядие у себя под ногами, потом на Драко.

— Спокойно, мальчик, — мягко, как Драко никогда от него не слышал, произнес он. — Позволь твоему другу спасти тебя, коль скоро ему так хочется. Возможно, позже ты сделаешь то же для него.

Этот мягкий тон Люциуса было невозможно выдержать, Драко отверг взгляд и посмотрел на Гарри: голова его была склонена, он писал, не поднимая глаз. На Драко накатила странное сумеречное, дремотное состояние — казалось, он все прекрасно и отчетливо видит и, в то же время, мир словно отделило от него стекло. За год это была, возможно, первая вещь, когда он понял, что не может, да и не хочет понять Гарри. Он не был Дамблдором, чтобы считать смерть удивительным приключением, однако он был Малфоем: он должен встретить смерть с высоко поднятой головой и без всяких признаков страха. Однажды...

... Однажды ты это поймешь, — подумал он в сторону Гарри, даже не задумываясь, слышит тот его или же нет. — Я всегда считал, что должен следовать за тобой хоть к дверям ада. И там попросить привратника пропустить меня вместо тебя. И если бы он не согласился, то пойти с тобой. А если бы он меня не пропустил, то остаться ждать тебя на берегу реки. Я пообещал присматривать за тобой и всюду за тобой следовать. Я обещал никогда не покидать тебя. И я никогда не думал, что смерть может помешать этому. Не твоя смерть — моя.

Гарри не поднял глаз, он не слушал — но это не

имело значения. Драко уже все решил. Он закрыл глаза — он не смог бы выполнить то, что хотел, с открытыми глазами. Прикинув расстояние до отца, он сделал шаг, потом ещё. Он услышал, как заговорил Люциус и, размахнувшись, с силой пнул ногой.

Носок ботинка коснулся фиала, открыв глаза, он увидел, как тот взлетел в воздух и раскололся о паркет. Зеленая жидкость потекла на каменные плиты.

Он увидел, как вскинул голову Гарри — сначала его взгляд был недоумевающим, и тут же его лицо побелело и перо выпало из руки. Пергамент, развернувшись, белым пером спланировал ему под ноги, — Драко увидел, что Гарри не написал ничего, кроме: «Дорогая Гермиона» и удивился: ему показалось, что прошло столько времени...

Драко поднял глаза, но выражение на лице друга было таким, что он не смог смотреть на него, перевел глаза на отца и увидел то, что доводилось видеть крайне редко: Люциус был потрясён.

Он поднял руку, словно пытаясь удержать Драко, уронил её и с выражением недоверия и горечи смотрел на сына... во взгляде было что-то еще, что Драко мог интерпретировать как бешенство и уважение в одно и то же время — но нет, наверное, ему показалось. Это было бы невозможно.

— Надеюсь, ты понимаешь, что ты наделал, — яростным шепотом прошепел Люциус сыну. — Это все, что было: больше нет.

— Знаю, — кивнул Драко. — Я понимаю, что сделал.

Рот Люциуса сжался и превратился в острую бритву.

— Глупец, — он развернулся на пятках, шагнул за дверь и с силой захлопнул её.

* * *

Изнешение было таким, что уже походило на боль, хотя боли с собой не несло. Рон не понимал, сколько он уже провел времени без пищи и сна — наверное, не больше суток, однако часы, проведенные за шахматами, сделали эти сутки бесконечными.

Он всегда получал удовольствие от игры в шахматы, теперь же его от них тошнило. Каждый раз, когда партия заканчивалась, он думал, он надеялся, что она станет последней. И каждый раз темный Лорд взмахом руки поднимал фигуры на доску и мертвым голосом произносил:

— Ещё.

Он уже не отличал пешек от коней и слонов. Фигуры в его окоченевших пальцах были тяжелы, как камни. Он силой воли заставлял свой разум сконцентрироваться, заставлял себя вырабатывать какую-то стратегию игры. Ничего не выходило — в нескольких партиях он победил, несколько проиграл. Казалось, что ничего не имело смысла: каждый раз Вольдеморт взмахивал рукой, каждый раз произносил только одно слово: «ещё». Рону уже начало казаться, что это вовсе не шахматы, а какая-то изощренная пытка.

Рон медленно поднял коня и опустил взгляд, пытаясь измученным разумом осознать происходящее на доске, расшифровать этот шахматный узор. Перед глазами все дрожало, словно он смотрел сквозь горячий колышущийся воздух. Правую руку свело, и конь выпал из пальцев, громко стукнувшись о доску.

И звук этот стал тем ключом, что распахнул его разум. Безо всякого предупреждения мир разломился пополам, словно разрезанное яблоко. В ушах зашумело, мучительная боль пронзила локти и колени, мгновение спустя он понял, что упал со стула, и, ударившись, сжался. Перевернувшись, он взглянул на качающийся над ним мир теней.

— Что происходит? — прошептал он. — Больно... больно...

— Что ты видишь? — голос Тёмного Лорда резал, как нож. — Мальчик, скажи мне, что ты видишь.

Тени задвигались, начали сливаться — возникло

что-то вроде пейзажа за окном поезда, образы качались и быстро сменяли один другого, отчетливые, но беззвучные, они были реальней, чем сновидения. Преподобного не происходило. Никогда.

— Я вижу... — он прикрыл глаза, но ничего не изменилось, грядущее рванулось к нему и захлестнуло его, он очутился внутри и начал озираться: он стоял в центре вращающегося мира и видел всё и сразу, но с трудом мог всё это вобрать в себя.

Слова сами полились у него изо рта, он не мог сдержать поток:

— Знак Мрака над Хогвартсом... — свистяще выдохнул он, — небо, тёмное от дыма... снова Знак... и снова, и снова... Вижу... волшебные дома в Англии и небо над ними полны смерти... Вижу смерть... Мёртвые дети...

— Хорошо, — произнес Темный Лорд. — Дальше... Видишь ли ты Гарри Поттера?

— Гарри?... Я вижу Гарри. Кровь на его руках. Он рыдает. Его браслет — он расколот на куски. Гарри уходит. Он идет по воде. Он касается рукой шеи — но нет, заклятье, что он носил, пропало.

— Эпициклическое Заклятье, — кивнул Вольдеморт, — которое Люциус так неосторожно сделал для сына. А сын Люциуса — ты видишь его?

— Нет, нет. Я не вижу его — я не могу его увидеть...

Раздался шепчущий смех. Рисенн?

— Господин, возможно, у него нет будущего.

— Смотри снова. Смотри внимательнее, — велел Тёмный Лорд.

Но Рон едва ли слышал его — он был унесен потоком образов: небо, залитое ослепительным огнем, съжившее тело в пентаграмме, языки пламени, рвущиеся из окон Министерства, два человека, обнимающиеся и целующиеся в золотой клетке, — он знал, что они делают что-то ужасное, что-то неправильное. Он увидел взирающую на него с невероятной печалью и горечью Гермиону, увидел окруженного зеленым свечением Симуса — словно тот стоял под водой... Увидел расколотые пополам стеклянные сердца, разбитый на куски рунический браслет Гарри... — и он закричал, хотя позже так никогда и не узнал, кого же он призывал...

Все, что он познал, — это охватившую его темноту, что швырнула его в милосердные объятия забвения.

* * *

Дверь за Люциусом закрылась.

Драко повернулся и посмотрел на Гарри, собравшись с силами, чтобы встретить его взгляд, полный ярости, гнева, негодования, презрения и неуважения. Он ждал, что Гарри закричит на него.

Но Гарри не кричал.

Казалось, он даже не был рассержен: опустившись на колени, он старательно собирал осколки разбившегося о камни фиала в горсть, шаря рукой по камням в поисках невидимых кусочков.

У Драко пересохло во рту.

— Гарри, что ты делаешь?

Гарри медленно поднял голову, и лунный свет блеснул в его очках, Драко не мог увидеть его глаз, — только упрямый подбородок и перекошенный рот. Изрезанные осколками руки были в крови — чёрной в этом лунном свете.

— Может, не все пропало, — произнес он. — Может, хоть чуть-чуть осталось...

Драко просто ничего не смог вымолвить в ответ, он стоял, смотрел на Гарри и думал, что если бы тот взбесился, все было бы гораздо проще и легче.

— Я просто подумал, что это могло бы помочь... — произнес Гарри и взглянул на свои руки, где последние капли противоядия смешались с кровью и стеклянной крошкой. Волосы упали вниз, спрятав его лицо. Драко не мог понять, о чём он говорит, и вдруг вспомнил Гарри — во сне, сидящего на песке и говорящего, что лю-

бая помощь опоздала...

— Не надо, — произнес Драко. — Гарри...

— Если бы мы могли получить хотя бы капельку... можно было бы провести исследование в лаборатории...

...Гарри... — Драко опустился на корточки рядом с Гарри и крепко стиснул его запястье. — В этом нет никакого смысла...

Гарри вскинул голову: глаза его были неестественно чисты, в них не было слез — они словно лучились.

...Почему он не применил к нам Заклинание Памяти? Почему твой отец не выполнил его в тот момент, когда ты разбил фиал?

...Потому что он садист, — устало ответил Драко. — Мы его разозлили — теперь трудно сказать, как он поступит.

...Или поступил, — даже внутренний голос Гарри был усталым и монотонным. — Все это время я думал, что ты его ненавидишь. Однако себя ты ненавидишь куда больше. Ну, или же меня.

...Тебя? — Драко стиснул руку Гарри еще сильнее, тот даже поморщился.

— Моя рука! — громко воскликнул он.

Драко опустил глаза:

— Черт, да у тебя полная рука стекляшек. Ты временами просто дурень, почему ты не надеваешь перчатки? — он отпустил руку Гарри и скомандовал — А ну, держи руку ровно. Я сейчас вытащу стекло.

Драко стянул с себя перчатки. Гарри молча смотрел, как тот своими обкусанными ногтями начал вытягивать серебристые осколки из ладоней. Кровь заполняла ранки и стекала по запястью, оставляя на коже тонкий и запутанный алый узор.

— Оторви кусок от моего плаща, — попросил Гарри. — Чтобы собрать стекло.

Драко понял, о чем он, и послушно завернул осколки в тряпочку. Он понимал, что это пустая трата времени, однако подчинился, не глядя Гарри в глаза. Он этой неудобной коленопреклоненной позы его бросил в пот. Передав узелок с осколками Гарри, он вытер повлажневшие пальцы о мантию, оставив на ней кровавые следы.

— Что за черт, — прошептал он себе под нос. — Ты можешь сжать пальцы?

— Я могу сжать их в кулак, — ответил Гарри. Его голос был странно сдавленным.

Драко присел на пятки.

— Слушай, если ты думаешь, что я...

Он не успел закончить фразу: дверь в башню открылась в четвертый раз за этот вечер, Гарри, стоявший лицом к ней, задохнулся — от ужаса ли, удивления ли — Драко не понял, он резко повернулся и вытаращил глаза.

Человек, стоявший в дверях, не был Люциусом Малфоем. И не был Пожирателем Смерти. Это была хрупкая фигурка в желтом плаще — она казалась горящим в темноте факелом. Между ярким плащом и сияющими волосами белело лицо.

Драко поднялся на ноги, не в силах поверить в происходящее:

— Джинни? Какого черта ты здесь делаешь?

* * *

— Мой Бог... — произнесла Джинни, уставясь на юношей. Ей сначала показалось, что на Гарри черные перчатки, однако, лишь только Драко шевельнулся и двинулся к ней, лунный свет упал на Гарри, и она увидела, что это кровь.

— Что с твоими руками? — прошептала она. — Что произошло? Почему вы тут?

Драко просто стоял и таращился на неё. На его лице смешались все эмоции, невозможно было понять, о чем он думает. Гарри пришел в себя первым, он подошел и взял её за плечи:

— Джинни, тебя кто-нибудь видел?

— Никто, — помотала она головой, — я проследила

за Люциусом, когда он шел сюда, а потом спряталась и дождалась, чтобы он ушел. Он меня не видел. Он выглядел совершенно озверевшим — я подумала, что тут не обошлось без Драко, ведь только он способен довести его до такого состояния, — она слабо улыбнулась.

Гарри не улыбнулся в ответ.

Она быстро продолжила:

— Дверь не запирается, так что я просто дождалась, когда Люциус спустится, и вошла сюда. Охраны нет.

— Да, — кивнул Драко, — но, Джинни, что ты тут делаешь? И как ты вернулась в Имение?

У нее ёкнуло сердце. Хроноворот, спрятанный под плащом, тяжелым булыжником оттянул шею.

— Я никуда и не уходила... — начала она, но Гарри перебил ее.

— Сейчас это неважно, — отрезал он. — Ты здесь, дверь открыта — вот это действительно важно. Нам надо убираться отсюда, да побыстрее, пока Люциус не пришел, — все еще держа Джинни за плечи, он повернулся к Драко. — Ты можешь нас вывести из Имения?

Прищуренные глаза Драко напоминали серебряные полумесяцы:

— Черт, во всяком случае — попытаюсь.

Гарри медленно опустил руки. Позже Джинни обнаружила на своем плаще два кровавых отпечатка — на каждом плече. Он легонько коснулся её щеки тыльной стороной руки — так сделал бы Рон или Чарли, пытаясь её ободрить. И тут она увидела в его глазах невыразимую печаль — куда большую, чем можно было бы подозревать в подобной ситуации.

— Малфой, — произнес он, не поворачиваясь к Драко. — Веди нас.

Драко ничего не ответил, хотя, возможно, ответил, — только безмолвно, Джинни не хотелось гадать об этом; тенью — легкой, бесшумной — он проскользнул мимо, она последовала за ним, замыкал цепочку Гарри.

Возвращение по узкой лестнице, ведущей в Имение, напоминало спуск в тюрьму. Джинни слегка охнула, когда Гарри закрыл дверь, и звезды пропали из вида; теперь они оказались в сумрачном замкнутом пространстве, освещенном лишь колышущимся светом факела.

Она шла за тонкой прямой тенью Драко. Резко повернув направо, он толкнул в сторону gobelen, открыв дверь позади него.

— Потайная лестница, — тихонько произнес он и положил руку на дверную ручку. Дверь бесшумно приоткрылась. Прерывисто вздохнув, он придержал ее, пропуская Джинни и Гарри.

Вторая лестница была уже, и на ней вообще не было факелов — слабое свечение шло от стен. Было влажно, даже пахло сыростью, словно они стояли на морском берегу.

— У меня есть палочка, — шепнула Джинни, я могу «Люмос»...

— Нет, — остановил ее Драко, взяв за руку. Что-то больно ударило её по пальцам — опустив глаза, она увидела алмазиновый наручник. — Здесь — никакой магии.

Она кивнула.

Гарри шел впереди, завернув за первый поворот винтовой лестницы. Джинни повернулась и посмотрела на Драко — тот был отстраненным и погруженным в какие-то раздумья. Нет, не такие грустные, как у Гарри, однако, судя по всему, куда более содержательные. За эти дни он стал еще тоньше, приобретает какую-то угловатость. В его красоте стало больше металла, будто жесткость приблизилась к поверхности.

— Скажи мне, что с тобой всё в порядке, — тихонько попросила она его.

— Я в порядке, — его голос был холоден и тускл.

— Я вспоминаю, что, кажется, однажды уже спасала тебя с башни, — сказала она так легко, как могла, пытаясь вызвать улыбку у него на губах.

Его полуприкрытые глаза вдруг распахнулись, и он

в упор взглянул на нее:

— А я припоминаю, что однажды сказал тебе, что не хочу, чтобы меня кто-то спасал. Особенно ты.

— Эй, вы, двое, — вы идёте? — прошипел Гарри из-за угла.

Не взглянув на Джинни, Драко развернулся и пошел вслед за ним. Подавив яростный ответ, Джинни двинулась за ним. Едва что-то различая из-за мрака и слез, стоящих в глазах, она споткнулась на узком повороте и уцепилась за верхнюю ступеньку. Рука ухватила её за плечи и не дала упасть. Это был Драко.

— Держись на ногах.

Она сердито отдернулась.

— Не прикасайся ко мне, — рявкнула она.

Гарри с усталым видом ждал их на площадке внизу.

— Даже спрашивать не собираюсь, — заметил он.

— И правильно делаешь, — ответил ему Драко. Джинни показало, что за его сдержанностью мелькнуло слабое мрачное веселье.

— И не смейтесь надо мной, — заявила она, понимая, что это звучит совершенно не к месту.

— И не мечтай, — ответил Драко, перешагнув через две ступеньки и оказался рядом с Гарри.

— Неблагодарная скотина, — пробормотала Джинни себе под нос и продолжила осторожно спускаться. Юноши ожидали её на площадке, погрузившись в какую-то дискуссию.

— Куда ведет этот переход? — спросил Гарри.

— Он проходит под крепостным рвом. И выходит в сад с розами. Во всяком случае, выходил.

— Отлично, значит, мы можем выбраться отсюда, а дальше что? Если мы выйдем в Малфой-Парк, куда мы там денемся? Особенно, если принять во внимание, что сейчас ночь, холодно и только Джинни способна колдовать.

Драко покачал головой:

— Мы не можем туда пойти. Деваться нам некуда, в Малфой Парке небезопасно: эти уроды — и судья, и мэр — в кармане у моего отца. Как и весь город.

— А где ваши метлы? — надувшись, спросила Джинни.

— В школе, — Гарри отбросил волосы с глаз. — Но, наверное, в Имении полно метел...

Драко покачал головой.

— Только не отцовские метлы. Ими лучше не пользоваться: всякие ценные экземпляры могут оказаться заколдованными. Поверь мне на слово.

Гарри прикусил губу.

— Может, возьмем один из экипажей?

Драко снова помотал головой:

— Нет, это тоже отцовская собственность и... — он вскинул голову, его серые глаза вспыхнули. — Мысль!

Гарри удивленно поднял глаза:

— Что?

— Это только меня осенила мысль, что две превосходные метлы воткнуты в дерево у отеля Рождественский Морозец?

Эта информация настолько застала Гарри врасплох, что у него на губах появилась улыбка.

— Чёрт возьми! Отличная мысль.

Драко скромно улыбнулся.

— Вообще-то я гений, — заметил он.

Постепенно улыбка Гарри исчезла, он нахмурился.

— Но они неоткалиброваны.

Это Драко не смутило:

— А это что? — он с триумфальным видом вытащил что-то из кармана и помахал перед носом Гарри и Джинни. — Это наша удача.

Джинни посмотрела на Гарри.

— Ты видишь то же, что и я? — спросила она.

— Ты про бумажный самолетик?

— Ага.

Он кивнул.

— Только вот не надо разговаривать так, словно меня тут нет, — обиженно сказал Драко.

— Видишь ли, если ты и вправду решил посадить

всех нас на бумажный самолетик, чтобы добраться до Хогвартса, то у нас есть масса причин, чтобы говорить о тебе так, словно тебя тут нет, — пояснил Гарри.

Драко запустил в него самолетиком, и тот клюнул Гарри в лоб.

— Это инструкция по калибровке, дятел, — произнес Драко. — Сириус дал мне её утром.

Гарри взял самолет и сунул его в карман мантии.

— Отлично, теперь ты сказал, и я понял, — сейчас Гарри действительно улыбался, у Джинни даже стало легче на душе.

— Кроме того, я прекрасно знаю, что ты не можешь летать на самолете без как-там-оно-называется... — продолжил Драко. — ... батареек!

— Верно, я и забыл. Да, пожалуй, ты гений.

Драко скорчил рожу.

— Ну, в любом случае, я не...

— Гм, — вторглась в их разговор Джинни, — как насчёт того, чтобы потопориться?

На лицах юношей появилось одинаково виноватое выражение.

— Точно, — кивнул Гарри, — Драко, давай опять вперед.

Драко кивнул. Джинни слегка притормозила, пропустив их обоих вперед.

В этом слабом фосфоресцирующем свете они были только тенями, и невозможно было разобраться, какая тень кому принадлежала.

* * *

— Сириус, ты ничего не ешь. Я вывалю остатки спагетти из твоей тарелки тебе на голову.

Сириус поднял глаза и слабо улыбнулся.

— Извини. Что-то задумался, — он пожал плечами в ответ на озабоченный взгляд друга.

Они переглянулись поверх грубого деревянного стола на кухне Люпина в маленьком домике, который он регулярно подлатывал, когда не преподавал в Хогвартсе.

Как и Люпин, дом был простым, элегантным, немного облезлым по краям, а потому нуждался в покраске — как, впрочем, и сам Люпин.

Они вернулись сюда после посещения Министерства, потому что Люпину необходимо было принять аконитового зелья — полнолуние ожидалось через пять дней, а также по обоюдному интересу: им нужны были старые книги и бумаги из тех дней, когда они активно поставляли информацию.

Казалось, Люпин без слов чувствовал нежелание Сириуса возвращаться в Нору и видеть взволнованные лица Уизли, так что, помянув разные байки про аппарирование на пустой желудок, он буквально втолкнул Сириуса на свою кухню и с неожиданно удовлетворительным результатом управился с приготовлением ужина из спагетти и черного кофе. Кофе был крепкий и горький, а у спагетти был сильный привкус эстрагона, так что Сириус почувствовал вину из-за того, что не мог это в себя впихнуть.

— Все думаешь о том же, что и раньше? — спросил Люпин, нарезаая буханку хлеба.

Сириус, катающий шарики из мякиша, кивнул.

— Я волнуюсь за них. Всё вспоминаю лицо Драко, когда наорал на них у Рождественского Морозца. Гарри слишком много выпил, чтобы расстроиться, однако как он себя чувствовал на следующий день — одному Богу известно. Что на меня нашло? Словно я в своей жизни никогда не крал мётел.

Люпин фыркнул.

— Может, и так, однако, когда ты думаешь или видишь, что они в опасности, это не влияет на твои чувства — в конце концов, ты же их отец...

— Я сам этому удивляюсь. Иногда мне кажется, что я им, скорее, друг. Друг, что заботиться о них, беспокоиться — но все же только друг. Меня просто ужас берет, если мне кажется, что это попытка занять место Джеймса — при Гарри... или при Драко — он ведь так

ненавидит своего отца...

— Ненавидит? — переспросил Люпин и покачал головой. — Он не ненавидит его.

Сириус вскинул на него удивленные глаза:

— Конечно, ненавидит!

— Нет, — пламя свечи словно зажгло глаза Люпина — странным огнем, превратив их в глаза волка. — Ты просто не видишь.

— Чего не вижу?

Люпин вздохнул.

— У тебя ведь никогда не было родителей — настоящих родителей, ты вырос без них. И ты не знал Драко, когда он был меньше. «Мой отец то, мой отец сё — отец сказал, отец сделал...» — каждое второе слово Драко было об отце, Люциус был для него примером — был тем, кем Драко мечтал стать тогда. А сейчас — Драко боится, что и вправду стал таким. Но это не значит, что он все ещё не является его отцом.

— Ты хочешь сказать, что он благодарен Люциусу? Потому что не стал бы без него тем, кем он является?

— Нет, я не об этом, — решительно возразил Люпин. — Помню, как на уроках по Защите мы проходили тему о вампирах. Как они порождают других вампиров, как передают им свои черты, как сбиваются в тесные кланы. Я рассказывал, как я уничтожил гнездо вампиров в одной из старых шахт в Румынии, — глава клана кинулся на меня при дневном свете, пожертвовав собой ради спасения своих детей. Все были просто завожены этой историей, а когда я взглянул на Драко... я буквально увидел, о чем тот думал: «Даже демоны любят своих детей. Почему же мой отец так меня ненавидит?»

Сириус уставился в свою тарелку. У него не было воспоминаний о родителях, он не помнил их лиц. Но он помнил родителей Джеймса — они твердили сыну, какой он чудесный, замечательный, талантливый и любимый... И тот таким стал. Помнил родителей Питера, повторявших сыну, что он трус, — и он таким стал. И помнил родителей Люпина, без усталости повторявших, что сын — чудовище, и главное дело всей его жизни — уберечь других от заражения... Годы и годы потребовались, чтобы убедить Рема, что это было не так.

— Все родители что-то внушают своим детям, и те рано или поздно становятся именно такими, — тихо произнес Люпин.

Сириус поднял глаза.

— Я провел годы в Азкабане за убийство, которого не совершал. Однако попади Люциус Малfoy в мои руки, я бы его убил. Даже если бы после этого мне пришлось бы вернуться в Азкабан.

— Ты не сделаешь этого, — спокойно возразил Люпин. — Это сделаю я.

* * *

Драко был прав: выход из туннеля лежал в саду. К моменту, когда они добрались до него, Джинни едва была жива: было так зловонно, низко и тесно в этом проходящем подо рвом проходе, что её клаустрофобия снова разыгралась. Она, прислонясь к влажной каменной стене, ждала, пока Драко разберется с задвижкой верхнего люка. Наконец, он вытолкнул крышку наверх, и на них хлынул чистый ночной воздух.

Она с облегчением вздохнула.

— Хочется на волю? — заметил Драко.

Джинни не ответила.

— Давайте-ка, я пойду первым, — Гарри ловко и быстро, как ящерица, вскарабкался по грубой стене и выскользнул в люк, подтянувшись на руках — его ботинки мелькнули у Джинни перед носом: потертые шнурки, грязные тяжелые подошвы.

Потом они исчезли, и вместо них появилась рука Гарри, которую он протянул ей.

— Давай, я тебя вытяну, — произнес он.

Джинни взглянула на эту руку, такую похожую на руку Драко: изящную, худую, со шрамом, пересекающим ладонь. Уцепившись, она позволила Гарри выта-

щить её, морщась от осознания той боли, которую он наверняка сейчас испытывал. Через миг она уже стояла на снегу рядом с ним, а он протянул руку, чтобы помочь выбраться Драко, — тот приземлился рядом с ней на колени и ладони и, повернувшись, захлопнул за собой люк.

— Пошли, — скомандовал он, поднимаясь на ноги, — нам надо убраться отсюда.

Гарри взглянул на него и задал весьма странный, с точки зрения Джинни, вопрос:

— Если что, сможешь побежать?

Драко ничего не сказал, только кивнул с каменным лицом. Джинни взглянула на бледное лицо Гарри, на решительное — Драко и пришла к выводу, что лучше ни о чем не спрашивать, мысленно подивившись, что же такое Люциус сделал с ними на башне: физически они выглядели совершенно нормальными, за исключением порезов у Гарри на ладони. Однако с ними явно что-то было не в порядке.

— Пошли, — и Драко жестом позвал их следовать за собой.

Они выбрались на землю метрах в ста от замка, теперь он нависал над ними, как фальшборт какого-то огромного судна. Все окна нижних этажей были темны; и, когда они двинулись прочь, Джинни увидела, как вспышка факела скользнула в одном из высоких окон, словно огонек на гребне далекой горы.

Луна спряталась за облако, единственное, что теперь освещало им путь, были звезды. Призрачный сумрак окутал морозную красоту сада, раскинувшегося во всех направлениях: белые ряды деревьев с подернутыми инеем ветвями — как выбеленные луной кости. Морозный снег скрипел, как сахар, придавленный стеклом. Джинни морщилась, слыша звук своих шагов.

— Вроде бы не очень холодно, — шепнула она, закутываясь в плащ, — откуда же столько льда?

— Это мой отец порезвился, — коротко ответил Драко и встал, как вкопанный. Следом за ним остановились Гарри и Джинни.

Они стояли перед мавзолеем черного мрамора, он был выше всех ранее виденных ею мавзолеев, и сейчас скорее напоминал не творение рук человеческих, а какую-то черную дыру, ведущую в самое сердце ночи. Над дверью был знак, который она теперь будет помнить всегда: палочка, скрещенная с мечом. Сверху — буквы: МАЛФОЙ и более мелко — *Arte perire sua*.

— Могила моего отца, — с резким неприятным смехом пояснил Драко. — То, чего он хотел: чертовски огромная и безобразная штука. Хотя надпись на латыни... Это была идея мамы.

— А что она значит? — спросила Джинни, тревожно глядя на Драко. На его лице снова появилось то же отчуждённое выражение.

— «Убит своим же порождением», — резко ответил Драко. — Как, я полагаю, она считала. Не повезло.

Не зная, что на это сказать, Джинни взглянула на Гарри. Он стоял, широко расставив ноги и глядя на Драко, на его лице расплзлось выражение, которое она не смогла бы описать — ужасное беспокойство, граничащее с болью. Наконец он тронул Драко рукой за плечо.

— Нам лучше поспешить.

Если Драко и ответил, то сделал это безмолвно, и мгновение спустя они уже двинулись вперед, обойдя мавзолей. Срезав дорогу по низкому холму, они добрались до окружающих Имение стен — высоких, цельнокаменных, с вензелями «М» по верхушке. Чуть дальше были огромные заиндевевшие ворота. Джинни увидела, что Драко расправил плечи.

— Почти на месте.

Они двинулись дальше, единственным звуком был похрустывающий под ногами лёд. Гарри шел впереди, Джинни исподлобья за ним наблюдала. Выражение его лица у мавзолея её просто потрясло. Казалось, он о чём-то задумался, однако таким напряжённым она давно его не видела: плечи его окаменели, он сжимал-разжимал кулаки. Остановившись у ворот, он взглянул

на Драко.

Ворота возвышались над ними — огромные, со сплетенными змеями, чёрные тени от которых падали на снег. Бронзовый засов был толщиной почти с руку Гарри.

Драко прошел вперед:

— Давайте я, пожалуй, лучше только я буду что-то тут трогать, — он отодвинул засов, ворота бесшумно открылись, и они выскользнули на волю: сначала Гарри, потом Джинни и последним — Драко, прикрыв и заперев ворота за ними.

Драко с облегчением вздохнул.

— А теперь...

Закончить эту фразу ему не удалось: в ночи раздался нечеловеческий вопль, словно разом заорали тысячи чудовищ. И шел он непосредственно из кармана Джинни.

— Я собственность Имения Малфоев! — верещал голос все громче и громче. — Я СОБСТВЕННОСТЬ ИМИНИЯ МАЛФОЕВ! Я СОБСТВЕННОСТЬ ИМИНИЯ МАЛФОЕВ!

Прижав руки к ушам, Драко что-то взбешенно проорал ей. Едва не лишившись чувств от потрясения, Джинни рванула карман, дергавшийся и бьющий ее по ноге, словно там сидела живая кошка, и выхватила оттуда книгу, в которую она в библиотеке спрятала дневник. Теперь, высвободившись из мантии, книга орала еще громче:

— Я СОБСТВЕННОСТЬ ИМИНИЯ МАЛФОЕВ! ВЕРНИ МЕНЯ В ИМИНИЕ МАЛФОЕВ!

Не зная, как поступить, она кинула её Драко. Белый от ужаса, он бросил книгу на землю и начал топтать её ногой — снова и снова, пока корешок не переломился — и с ним оборвался и голос. Воцарилась тишина.

Драко, задыхаясь, стоял, уставясь на книгу, плечи под мантией ходили ходуном, словно он бежал. Потом он наклонился, поднял ее и взглянул на обложку.

— Мне почему-то кажется, что ты не скажешь нам, зачем ты стащила из кабинета моего отца книгу под названием *Liber-Damnatis*.

— Я... про... простите меня, — прошептала Джинни. — Мне и в голову не пришло, что она может быть заколдована.

— Да, по-видимому, так оно и есть, — Драко неожиданно пнул книгу в её сторону, она подняла ее, ужасаясь выражению его лица — решительному, разъярённому. — Забирай её, — прошипел он, — болтливая маленькая идиотка. Если ты её стащила — забирай, если тебе так этого хочется...

— Она не знала, — холодный голос Гарри оборвал тираду Драко.

— Я не хотела, — прошептала Джинни. — Я просто кое-что в неё сунула... чтобы нести... словом, мне она была нужна как оружие... а я забыла, что взяла её... Простите...

— Все в порядке, Джин, — Гарри явно чувствовал себя неловко. — Ты спасла нас, так что не нужно...

— А как тебе это удалось? — громко поинтересовался Драко. Глаза его были прищурены, рот превратился в узкую твердую линию. — А, Джинни? Как ты ухитрилась остаться в Имении, когда всех оттуда вышибли. Ты нам этого не говорила...

Джинни вздернула подбородок:

— Ты меня в чём-то обвиняешь?

— Малфой, — резко произнес Гарри. — Ты же не думаешь, что мы должны... — Гарри осекся и недоуменно прислушался. — А это ещё что?

Джинни замерла. Сначала она не услышала ничего, только слабый шелест ветвей. Она хотела что-то сказать, но тут до нее донесся еще один звук — такой тихий, что она едва могла его уловить, — приближающийся вой. Это не мог издавать человек — это было завывание идущих по следу собак. Или... волков?

Быстро повернувшись, она взглянула на Гарри и Драко. Первый находился в смятении, однако Драко был просто в ужасе, шрам на его бледной скуле сейчас

казался раскаленной серебряной нитью.

— О, Боже... — пробормотал он. — Они пустили за нами адовых гончих.

* * *

Ей приснилось морское побережье. Это было очень странное сновидение — она знала, что спит, однако, при всем при том, сон был очень реальным — куда реальней тех снов, что она когда-либо видела.

Гермиона была на море достаточное количество раз, чтобы понять, что стоит она не на настоящем пляже: песок был чересчур белым, море — чересчур синим. Безоблачное небо, солнце в зените — и все же создавалось странное ощущение сумерек. Вздвогнувшись, она двинулась вдоль кромки воды к виднеющимся вдалеке двум фигуркам. Когда она приблизилась, они вдруг приобрели отчетливость, словно на них навели резкость. Маленький черноволосый мальчик, сидящий над полуразрушенным песочным замком. И светловолосый юноша, присевший на корточки рядом и пристально смотрящий на него. Когда она приблизилась, они оба подняли головы и взглянули на нее. Она без всякого удивления узнала их обоих.

Худенький мальчик с затравленным выражением лица, ярко сияющие зелёные глаза, алеющий на лбу шрам — ему было не больше восьми лет; в руках он сжимал красное пластиковое ведро. По краю ведерка были процарапаны какие-то странные значки — словно ножом.

Гарри, — подумала она, — Гарри...

Тот, что был постарше, взглянул на неё и отвёл глаза. Он был таким же, как в жизни — того же возраста, такой же, только теперь, взглянув на его лицо, было понятно, о чем же он думает. На нем была пижама, а руки он скрестил на груди, будто замерз.

Первым заговорил Гарри:

— Вы пришли, чтобы помочь мне? — он поднял к ней голову. — Мама построила мне замок, но я его разрушил. Вы можете мне снова его построить?

Она взглянула на пляж, потом — снова на Гарри.

— Даже если мы его построим, его смоем волной.

— Нет. Волны здесь идут назад. Как и всё остальное.

Она взглянула на белокурого мальчика, который был Драко — и не был им.

— Он говорит правду? — спросила она

Он нахмурился:

— Ты ему не веришь? Я всегда думал, что любовь — это доверие.

— Тогда, может, ты ему поможешь?

Он разжал руки и протянул их к ней, ладонями вверх: на его запястьях были две глубокие раны.

— Я уже отдал всё. Я больше ничего не могу.

Она не могла отвести глаз от этих порезов — они были такие глубокие, что сквозь них должны были быть видны кости. Однако ни костей, ни крови не было.

— Тебе не больно?

— Всем больно, — Гарри толкнул к ней свое ведро. Жидкое серебро плеснуло на песок у ее ног, и через миг она поняла, что это кровь. Она все лилась и лилась, Гермиона отступала от нее — непонятно, как в таком маленьком ведре поместилось столько крови... Да и нет такого человека, в ком было бы её столько... Но кровь все текла и текла к ней, и сероглазый юноша с ранами на запястьях смотрел на Гермиону — как она все пятится и пятится и...

Она споткнулась и упала на землю, проснувшись до того, как ударились.

Гермиона открыла глаза. Что-то упрямо висело, размахивая крыльями, у нее перед лицом. Она, отмахиваясь, села, потом сообразила, что это было крыло Свинристея. Он висел над ней, держа в своем маленьком клювике письмо.

Она взяла письмо.

— Спасибо, Свин.

Это был обычный свернутый пергамент. Какое-то время она сидела и держала его, не разворачивая, все еще во власти странного сна. Все казалось таким реальным — пляж, кровь, песок. Ее любопытство дразнили странные символы вокруг ободочка ведёрка Гарри: не были ли это те же самые символы, что и на его руническом браслете? Ей нужно было свериться с записной книжкой. Случись так, её бы поразила сила собственного подсознания и памяти.

Свин сидел на ее правом плече. Она подозревала, что он скучает по Рону, и решила не сгонять его.

Письмо было предельно коротким.

Гермиона, я должна поговорить с тобой. Я жду тебя внизу снаружи. Я послала к тебе маленькую сову, так что не пугайся. Не хочу, чтобы меня еще кто-то видел. Это касается Драко.

Она недоверчиво уставилась на подпись. Наверное, это какая-то шутка? Как она может думать?.. Гермиона вскрикнула и подскочила, когда письмо в ее руке рассыпалось в пыль.

Черт бы побрал этих слизеринских параноиков, — взбешенно подумала она и свесила ноги с кровати.

Она спала в своих пижамных штанах и старой футболке Гарри, купленной на матче Палящие Пушки — Головастые Гарри в 1996 году. Вытащив из шкафа Джинни цветастый халат, она накинула его на плечи и пошла вниз.

Праведный гнев ее окрылил, и через миг она уже открывала запертую на задвижку дверь. Тонкая фигурка в зеленом плаще с обшитым золотом капюшоном на ступенях подпрыгнула и обернулась — из-под капюшона был виден только заостренный подбородок. На морозе дыхание срывалось с ее губ пушистыми клубочками.

— Итак, — холодно спросила Гермиона, — ты хотела мне что-то сказать? Говори.

Капюшон дрогнул и через миг откинулся назад, выпустив на волю каскад огненных волос. Зелёные глаза с немой обидой взглянули на Гермиону.

— Разрешите мне войти, — попросила Блез. — Мы можем поговорить внутри.

* * *

Позже Драко вспоминал эту безумную гонку от ворот Имения по окраине Малфой Парка как ночной кошмар безумных мечущихся склоненных теней. Предательский лёд выдёргивал дорогу из-под ног — он никогда не был так рад своим тяжелым драконьим ботинкам. Джинни было куда тяжелее — он дважды ловил её, когда она поскальзывалась, дважды ей удалось сохранить равновесие, чтобы продолжить бег. Ну, Гарри, конечно, был Гарри — с бегом у него проблем не было: он был словно рожден для бега — лёгкий, худой и жилистый. Словно падающий снег — он летел, он мчался, будто это было целью всей его жизни.

У подножия невысокого холма дорога разветвлялась, они метнулись налево, в сторону Малфой Парка. Городок был темен, жители крепко-накрепко задраили все окна и двери, как на корабле в шторм. Они рванулись к Рождественскому Морозцу, миновали его, лай своры был всё ближе и ближе.

Драко с детства был достаточно знаком с адовыми гончими Имения — вдвое больше обычных собак, с длинными слюнявыми мордами и огромными — с апельсин — глазами, они долго были источниками его ночных кошмаров. Отец его развлекался тем, что приобредал разных чудовищ; гончие свободно охотились на землях Имения. Драко собственными глазами видел, как однажды свора загнала крупного грифона и порвала его в клочья.

И ещё они были быстрыми — очень быстрыми.

Драко знал, что три из них могли, рванувшись с места, в миг перелететь весь сад. Кроме того, он знал, что этот ещё не все. В момент, когда они достигли пустоши, на которой и были их метлы, визг и лай позади звучал громко, как треск веток в костре.

Гарри выскочил на пустошь первым, за ним Джинни, Драко был последним. Все было так же, как Драко и запомнил: в стороне на холме — отель Рождественский Морозец, метлы торчат в дереве у них над головами, крутой обрыв над замерзшей рекой.

Гарри замер под деревом, повернулся, его красный плащ взметнулся:

— Джинни, доставай палочку — быстро!

Джинни начала шарить в поисках палочки, однако ужас сделал её пальцы неуклюжими, и она выронила ее, наклонилась, чтобы поднять, указала ей на Ливни, воткнутые в ствол.

— Асси... — и слова застряли у нее в горле. Драко развернулся — между деревьями мелькали семь темных теней с сияющими глазами.

Гарри рядом с Драко яростно выругался, и Драко почувствовал, что его кто-то схватил за руку — это был Гарри, его пальцы были, как железо.

... Прости, — прозвучал его голос в голосе Драко и, схватив его, он изо всех сил поволок его в сторону и швырнул прямо на Джинни. Драко пошатнулся, застигнутый врасплох, Джинни схватила его, они поскользнулись и кубарем полетели с обрыва к реке, кувыркась в снегу.

Может, издали казался мягкой и пушистой снежной дорожкой, однако на деле все было не так: лед, сломанные ветви втыкались в Драко, он слышал, как трещит и рвется ткань, боль обожгла руку. Они врезались в камень с такой силой, что разлетелись в разные стороны. Драко услышал вскрик Джинни, перевернулся, кашляя и отплевываясь снегом. Когда он, наконец, смог дышать, он вытер рукавом своё мокрое лицо — и он тоже засеребрился, только это был не снег. Это была кровь. Он кашлял кровью.

Но об этом было думать некогда: он с трудом сел на колени, откинул с глаз мокрые волосы. Джинни неподалеку уже выбралась из сугроба и тоже пыталась принять вертикальное положение. Подняв глаза, он ничего не увидел — только обрыв над ними со следом от скатившихся тел.

Он схватил её за плечи и с силой встряхнул. Потом она бы показала ему те места своих плечах, где его пальцы оставили синяки на её коже.

— Не двигайся, — прошипел он. Они стояли на коленях друг перед другом. Их разделало несколько дюймов — он мог увидеть свое отражение в её расширившихся глазах. — Поняла меня? Стой тут и не двигайся.

Она кивнула ему. Глаза её были распахнуты и наполнены страхом.

— А Гарри...

Он не ответил, просто отпустил её и поднялся. И побежал.

Не так-то просто было забраться обратно на холм. Поверх снега был плотный наст, споткнувшись, он изрезал об него, словно об стекло, все руки. Он был очень слаб — он задыхался, кровь оглушительно стучала в ушах — он даже не слышал лая своры, лая, всегда наводившего на него ужас.

Чёртов Гарри, скинувший меня с обрыва... дурацкий героизм... — он придерживал мысли, что, если бы с Гарри что-то случилось, он бы это знал. Возможно, Гарри удалось вытащить одну метлу из дерева... возможно, он добрался до отеля и кто-нибудь открыл ему дверь, заслышав взбешенный лай...

Наконец Драко преодолел гребень, выбрался на пустырь, сделал несколько шагов — и замер, вытаращив глаза.

Гарри стоял на том же месте — посреди пустоши. Красный плащ казался кровавым мазком на снегу. Он стоял неподвижно, опустив руки. Сверху его припорошило снегом с дерева; белые хлопья усыпали голову и

плечи. Казалось, он мог бы простоять так не один час, судя по его лицу, он наслаждался видом.

Вокруг него сидели адовы гончие, зарывшись в снег своими лапами с когтями-бритвами. Их немигающие взгляды были устремлены на Гарри — четырнадцать золотисто-красных сфер, напоминающих вспышки огня в темноте. Пасти были разверсты, из них на землю стекала черная слюна, и исходило утробное рычание. Они смотрели на Гарри, а Гарри смотрел на них — решительно, бесстрашно.

Вкус крови внезапно ударил Драко в рот — от потрясения и напряжения, он испугался, как бы его не стошнило.

...Гарри?..

Гарри не шевельнулся, не попытался взглянуть на него — он по-прежнему смотрел на собак, легкая улыбка кривила уголок его рта. Он поднял правую руку — ладонью вверх — плащ откинулся, и Драко увидел, что на ремне кровавым огнем, словно раскаленные уголья, горит рунический браслет.

— Убирайтесь! — велел Гарри семи волкоподобным взбешенным существам, рычащим и роющим землю когтями. — Убирайтесь отсюда!

И они ушли.

Драко трясся от холода и напряжения на обрыве, когда семь кошмарных созданий, поджав хвосты, побрели с пустоши с негодующим видом пожилых леди, обнаруживших, что к чаю им не оставили бисквитов. Они двигались цепочкой, друг за другом, и только в миг, когда последняя гончая исчезла за деревьями, Гарри повернулся и взглянул на Драко.

Он был совершенно белым, однако собранным; щеки его горели лихорадочным румянцем.

— Прости, что толкнул тебя, — мягко сказал он. — Я надеялся, что если они подумают, что я был один...

— Что ты сделал? — прошептал Драко. — Я никогда не видел, чтобы они кому-нибудь повиновались... Даже моему отцу. И твой плащ — они же ненавидят красный цвет — мой отец специально нанимал лесничего и платил ему за то, чтобы он, одевшись в красные гриффиндорские цвета, дразнил и пытал их сквозь прутья клетки...

— Твой отец, — с отвращением произнес Гарри. — Почему ты до сих пор так его называешь?

— Что же ты сделал? — повторил Драко. У него кружилась голова, собственный тихий голос доносился откуда-то издали. Он обнаружил, что сцепил руки, рана в предплечье снова открылась, пока он падал с обрыва. — Что ты...

Мир качнулся на него и зашатался. Гарри потянулся, чтобы удержать его, однако Драко оттолкнул его руку и вцепился в ветви дерева.

— Не прикасайся ко мне.

Гарри ужаснулся:

— Не сердись, я...

— Я не сержусь. У меня течет кровь, а у тебя все руки изрезаны, — Драко приподнял руку, продемонстрировав пропитавшийся серебристой кровью рукав. — Я не знаю, безопасно ли сейчас прикосновение ко мне... — Драко привалился к дереву, усталость холодным ядом струилась по его венам, смыкала веки. — Надо было позволить адовым гончим меня сожрать: они бы задохнулись от яда раньше, чем попробовали бы тебя окружить.

— Посмотри на меня, — тихо попросил Гарри. — Ты не умрешь...

Драко был так измучен, что ему потребовалось невероятное усилие, чтобы открыть глаза.

— Расскажи им всё, — попросил он. — Сириусу, Дамблдору и остальным.

Гарри кивнул:

— Ладно. Я именно этим и собирался заняться. Они узнают, как тебе помочь — что нужно сделать.

— А если нет? Если они не могут это вылечить?

Гарри открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент у него за спиной раздался тихий голос:

— Что вылечить? — спросила Джинни.

Гарри так и остался стоять с открытым ртом. Драко обернулся: она стояла на краю обрыва, мокрый жёлтый плащ облепил ее, рыжие волосы беспорядочными живописными полосами налипли ей на лоб.

— Я же велел тебе стоять и не двигаться, — произнес Драко резким от раздражения и усталости голосом.

— Да, но я испугалась. Было так тихо... — она скользнула глазами к Гарри, умоляя его о помощи. — Я не понимаю... Что здесь происходит?... Яд... смерть... Что происходит? Где, те... собаки?

Она посмотрела на Драко, он мысленно устало вздохнул. Он представил себе всю эту бесконечную дорогу пересказов, простёршуюся перед ним: расскажи Джинни, расскажи Гермионе, расскажи Сириусу, расскажи Дамблдору, расскажи этим чертовым Уизли; представил их реакцию — жалость, ужас и потрясение и, возможно, прокрадывающийся внутрь страх того, что с ним произошло. Каждый день яд еще на один шаг приближает его к смерти, сейчас он жёг его кровь серебром — кто знает, что будет потом?

...Не надо так смотреть, — тихо попросил его внутренний голос Гарри. — Я расскажу ей по пути в Нору. Тебе этого делать не нужно.

Драко удивлённо взглянул на него и понял, что он и правда не должен этого делать сам, — за него это сделает Гарри. Он всё объяснит — чётко, понятно, пылко — акцентируя детали, которых Драко уже не мог восстановить... единственное, на что он был сейчас способен — это заполнить в кровать и уснуть... а Гарри — он обо всём позаботится, причин для беспокойства нет, на него можно положиться — он лучше самого Драко знает, что тому необходимо...

Сейчас он впервые осознанно порадовался тому, что между ними есть эта связь, благодаря которой не нужно было ничего объяснять, чтобы тебя поняли. Осознание этого придало Драко сил, и он протянул Джинни руку:

— Давайте достанем наши метлы и двинемся в путь, — сказал он. — Я всё тебе объясню по дороге.

* * *

Дверь в спальню захлопнулась за девушками. Гермиона прошла к креслу, села — изящно, как только могла, — и разгладила смятый подол руками.

— Ну, — она подняла голову и взглянула на Блез. — И чего ты хочешь?

Улыбка коснулась изящно очерченных губ Блез, и Гермиона снова осознала какое-то отдаленно сходство между ней и Драко — не физическое, конечно, в них не было ничего общего, за исключением того, что оба они были красивы. Но все её замашки — от позы до надменно вздернутого подбородка — все это было копией повадок Драко.

— Я хочу поговорить с тобой о Драко Малфое, — повторила Блез.

— Боже мой, — холодно ответила Гермиона, — это очередной визит из серии «держись подальше от моего парня»? Ежели так, то это не по адресу: даже если Драко обманывал тебя, то он делал это не со мной.

— Я знаю, — легко согласилась Блез. — Он никогда тебя не касался. Может, он тебя и хотел, однако не тронул.

Гермиона скрипнула зубами.

— Я рада, что мы это выяснили. Итак, чего тебе нужно?

— Днем я была с родителями в Министерстве, — начала Блез, шаря глазами по комнате. Она увидела кипу фотографий на кровати Рона и начала их перебирать. — Я видела профессора Люпина вместе с этим... осужденным — крёстным Поттера.

Гермиона не стала поправлять её, что Сириус уже оправдан. Не двигаясь, она смотрела, как Блез снимает с плеч расшитую мантию, оставаясь в джинсах и зеленым свитере с высоким воротом. И при том она выглядела просто ослепительно. Это очень раздражало.

— Я слышала, что отец Драко удерживает их обоих

в Имении, — сказала Блез. — Это правда?

— Насколько мне известно — да.

— Это ужасно опасно, — Блез театрально-быстрым движением повернулась к Гермионе. Глаза ее были большими, туманно-зелеными; она была так красива, что Гермионе захотелось её треснуть.

— Знаешь, я некоторым образом представляю себе, что это обстоит именно так, спасибо.

— Все вы представляете. Но это куда опасней, чем кажется, куда опасней, чем это можно представить. Нам никто ничего не рассказывает — они считают, что мы еще слишком малы для этого. Однако я кое-что слышала, — Блез глубоко вздохнула, и Гермиона осознала, что её испуг был совершенно искренен. — Погибнет множество людей.

У Гермионы оборвалось сердце.

— Зачем ты мне это рассказываешь, Блез?

— В каком смысле? — переспросила та, распахнув глаза.

— В таком, что ты пытаешься уверить меня, что твой визит не вызван простой злобой. Что ж, ты сказала, что мои друзья в опасности, — я и так об этом знала — и сделала неопределенные намёки на грядущие смерти. Ты не любишь Гарри, терпеть не можешь меня, ты слизеринка — мне не кажется, что они были бы в восторге, узнай, что ты была здесь. Так почему же ты пошла на такой риск?

— Ты им не расскажешь, — уверенно заявила Блез. Гермиона никак не могла взять в толк, что такого интересного она нашла в тех фотографиях: большинство изображали семейство Уизли, было несколько штук, на которых были сняты они с Гарри, и ещё несколько снимков друзей Джинни по Шармбатону. — Ты такая же гриффиндорка, как я — слизеринка. Ты меня не подставишь. Хотя ты меня тоже ненавидишь.

— Я не ненавижу тебя, Блез, — возразила Гермиона. — Я просто не вижу ни единого повода, чтобы доверять тебе.

— Этот повод есть. Драко.

— Драко? И что же?

— Подумай о его ранении, подумай...

— Я постоянно об этом думаю, — слова сорвались с губ Гермионы раньше, чем она успела их осмыслить, она тут же об этом пожалела: Блез тут же должна была высмеять её самым жестоким образом, швырнув все эти слова ей в лицо.

— Я тоже, — кивнула Блез.

Гермиона подняла голову.

— Драко сказал, что теперь ты его ненавидишь.

— Да, я должна его ненавидеть, — пожалала плечами Блез. — Я должна его ненавидеть и, наверное, в каком-то смысле я и, правда, ненавижу его... но... я ведь знаю его с детства, он всегда был таким невозможным — высокомерным и...

— ... эгоистичным, — подсказала Гермиона.

— О, да, — с энтузиазмом подхватила Блез. — А ещё он бестолковый и может быть подлым. Он всё пропускает мимо ушей...

— ... и всегда считает, что он прав.

— Ага, особенно тогда, когда все как раз наоборот. И всё время усмехается.

— Точно-точно. Самодовольный и тщеславный.

— Ему надо несколько часов, чтобы одеться.

— Он думает только о своей причёске.

— И в постели он тоже думает только о себе.

— Ой! — Гермиона чуть не свалилась с кресла. — Мне вовсе не нужно это знать.

— Я пошутила, — усмехнулась Блез.

— Ах, да, — скривилась Гермиона. — Обожаемый всеми слизеринский юмор.

Блез миролюбиво улыбнулась.

— Он думает только о своей причёске и считает себя невероятно симпатичным. Это бы ужасно раздражало, будь он на самом деле некрасив.

— Знаю, он весь в этом: и эгоистичный, и жестокий временами, и если ты не тот, кого он любит, ты для него вовсе не существуешь...

— А ты откуда знаешь? — с неожиданной горечью поинтересовалась Блез. — Он любит тебя...

— Уверена, что он...

— И меня любит? — фыркнула Блез. — Нет. Я просто была ему нужна. Чтобы отвлечь внимание от тех, о ком он действительно беспокоится. Я всё об этом знаю, потому что... потому что однажды он пришел и попросил, чтобы я изображала его подружку.

— Изображала его подружку?

— Он всегда был честным, — продолжила Блез. — Он пришел и сказал, что хотел бы, чтобы я стала его девушкой, что не скажет мне, зачем ему это нужно, что это должно защитить тех, о ком он заботится, что это может быть опасно... — и спросил, понимаю ли я это.

— И ты это поняла? — спросила Гермиона.

— Ну, может быть — немного. Он предложил мне денег, — Блез скривила губы, увидев, как Гермиона передернулась от отвращения. — Я знаю, о чём ты подумала: что я продалась ради тряпок. Ничего подобного. Мой отец... он потерял все свои деньги. Неудачные инвестиции, проигрыши во фьючерсных контрактах с мантикрабами — я не знаю подробностей. Хотя — что тебе об этом может быть известно... А мои родители не представляли, как можно жить без денег, у них всегда их было полно, они не могли с этим смириться и всё наладить. Это было ужасно. Потом появился Драко, конечно же, он всё знал — как и все из тех, кто приближен к моим родителям. Моя мать с Нарциссой лучшие подружки. Он появился и предложил мне денег — много денег, однако у него самого их столько, что вряд ли бы кто заметил, что он даёт их нам. А для этого я должна была стать его подружкой. Только на год.

Гермиона потеряла дар речи, не зная, что и думать. Она едва ли могла понять, кто у неё сейчас вызывает большее отвращение: Блез, принявшее это предложение, или же сделавший его Драко. Естественно, ни одному из них и в голову не могло прийти, что в нём было такого ужасного и неправильного. Как бы ни менялся Драко, в глубине своего сердца он все равно оставался слизеринцем.

Блез всё говорила и говорила, словно позабыв о Гермионе.

— Как он сказал, так и сделал: он дал денег, открыл счёт на моё имя в Хогсмиде, чтобы я могла покупать себе всё, что хочу — платья, туфли... Мне кажется, что я действительно была бы не прочь, чтобы мы встречались... Все девушки нашего Дома были в него влюблены... не скрою, мне было приятно чувствовать их зависть. И я подумала, что, может, я и вправду интересую его, и вся эта сложная комбинация была построена ради того, чтобы заполучить меня — впрочем, у него и так бы это вышло, хотя я бы ему никогда в этом не призналась. А потом я увидела, что я тут совершенно не причем, что он влюблён в... Думаю, остальное тебе известно.

— Я не знаю, что и сказать, — честно призналась Гермиона. — Не знаю, что и подумать. Да, все это похоже на то, как поступил бы Драко. — *Реши он защитить кого-то из нас... да, именно так бы он и сделал.* — Он может действительно быть каким-то... целеустремлённым... Надеюсь, я сумела подобрать правильные слова...

— Тебе не стоит искать слов, чтобы это сказать, — пожала плечами Блез. — Я и так это знаю.

— Но почему ко мне? — спросила Гермиона. — Почему ты пришла ко мне, чтобы рассказать все это?

— Потому что твоя любовь к нему сильнее неприязни ко мне, — спокойно пояснила Блез. — Я всегда видела, что вы вместе: твоя компания и он. Он мне никогда ничего не рассказывал, но я всегда это видела.

— Если ты замечала это, значит, ты тоже его любишь.

— Ну, может быть... чуть-чуть, — выражение лица Блез стало замкнутым и отчуждённым. — Мы все, так или иначе, делаем это: он всегда может влюбить в себя, особенно, если ему это нужно. Думаю, на всем свете есть только один человек, который недостаточно его

любил.

Внутри Гермионы что-то напряженно вздрогнуло: она поняла, о чём и о ком говорит Блез; поняла — и согласилась с ней. И согласившись, поверила сказанному слизеринкой.

— Хорошо, я тебе верю, — слова сами сорвались с ее губ.

Блез с облегчением перевела дух.

— Хорошо, — и сделала что-то совершенно удивительное: подняв руки вверх, она отколола сияющие заколки, удерживающие её волосы, тут же рухнувшие вперед огненным, цвета драконьей чешуи, каскадом. Взглянув на заколки в руках — три тонких зеленых палочки — она протянула их вытаращившей глаза Гермионе. — Когда увидишь Драко, передай их ему.

— Да передать-то я передам, только мне не кажется, что он это будет носить, — упрямо заметила Гермиона.

— Ему вовсе не надо надевать их, — словно что-то само собой разумеющееся пояснила Блез, — пусть прицепит их к плащу. Или превратит в пуговицы — я просто хочу, чтобы он их носил.

Отлично, а я хочу, чтобы он нарядился в обтягивающие штаны и майку со словом ПЕРЕПИХНЕМСЯ! на груди, написанными большими красными буквами, однако мы не всегда получаем то, что хотим, верно? — едва не ответила Гермиона, однако сумела себя сдержать. Если она что-то и заметила в Блез, так это не самое развитое чувство юмора. Однако одного этого хватило бы с лихвой, чтобы Драко не проникся к ней тёплыми чувствами, — с некоторым удовлетворением подумала Гермиона. А потом с таким же удовлетворением растоптала эту мысль.

— Ладно, — Гермиона опасливо взяла заколки из рук Блез. — Я ему это отдам, но только он сам будет решать, носить их или нет.

— К сожалению, это все, что у меня есть. Было не так-то просто сделать это, как понимаешь... Пенси сказала мне, что она должна сделать кое-что сама. Она позаботится об Узизли, ты можешь о нём не волноваться.

— Угу, — кивнула Гермиона, удивляясь тому, что, судя по всему, Блез немного потеряла голову, и взглянула на заколки в своих руках. Она вовсе не была драгоценными безделушками, как ей всегда казалось, — материал, из которого они были сделаны, напоминал титан — зелёный, тяжёлый.

— Только не разрешай ему отдать их все Поттеру, — вдруг спохватилась Блез.

— Если его желание увидеть Гарри с заколками в волосах будет настолько неудержимым, я обещаю тебе вмешаться, — сухо кивнула Гермиона, прищурившись. — А если они на поверку окажутся чем-то опасным — например, разновидностью следящего заклятья...

— Ничего подобного, — раздраженно отрезала Блез. — Слушай, если можешь, просто спрячь их обоих в безопасном месте, ладно? Не здесь. Всё Министерство будет искать их... — она осеклась, взглянув на Гермиону. — Что такое?

— А откуда ты знаешь, что я снова их увижу, не говоря уж о том, что спрячу их в безопасном месте? — тихонько спросила Гермиона, ненавидя себя за то, что демонстрирует Блез свои уязвимые места. Блез взглянула на неё, удивление сделало выражение её лица прозрачным, и на какой-то миг Гермионе показалось, что под ним скрыто что-то ещё... и в этот миг она поняла и поверила, что Блез любит Драко, — странной любовью, состоящей из детской привязанности, отчаянной гордости и клановой верности.

— Они придут к тебе, — произнесла Блез. — Как всегда возвращались.

— О... — Гермиона не знала, что и сказать. Кашлянув, она собралась с мыслями. — А Рон? Ты сказала, что Пенси что-то для него сделала — я должна его отправить в безопасное место, когда он вернется?

Прозрачность исчезла с лица Блез, теперь она бы-

ла просто удивлена:

— Думаешь, Уизли сюда вернется? То есть ты не... — она замолчала и дернулась, распахнув глаза. — Что это был за звук?

Гермиона вскочила на ноги:

— Это дверь кухни.

Блез побелела:

— О, нет... — в этих словах сконцентрировался весь ужас в мире. Она начала шарить в кармане плаща.

— Да ну, прекрати — этот или Рон, или Джинни, или Билл...

— Думай, что хочешь — я ухожу, — и Блез вытащила из кармана маленькую серебряную коробочку с портключом.

— А как же твоя метла? Она внизу...

— Отправь мне её совой, — Блез щелкнула замочком, коробочка распахнулась и, взмахнув своими огненными волосами, она растворилась в воздухе.

— Классический представитель этих чёртовых слизеринцев, — покачив головой, пробормотала Гермиона, прозвучало это куда веселее, чем она на самом деле себя ощущала. Против воли паника Блез передалась ей, — вытащив палочку из кармана, она осторожно выбралась в холл и как можно бесшумней начала спускаться вниз.

Факелы в передней не горели. Было совершенно темно. И абсолютно тихо. Уже на лестнице ей пришлось в голову, что в звуке закрываемой кухонной двери не было ничего страшного: ведь мимо охранных барьеров никто бы не смог пройти.

Однако охранную систему можно было и взломать. Мало ли что могло произойти...

Стиснув палочку, она начала спускаться по ступенькам.

* * *

Тёмный Лорд откинулся на стуле, глядя в пространство. В воздухе перед ним, в тусклом свете, лющемся сквозь узкие окна, реяли пылинки. У ног лежал рыжеволосый мальчик — за последние полчаса он не шевельнулся... похоже, больше проку от него сегодня не будет. Какой-то внутренний свет вытекал из него, словно кровь, — бесчувственный мальчик неподвижно лежал на камнях, уткнувшись в руку лицом. Вторая рука была откинута и лежала ладонью вверх, демонстрируя отчетливый шрам в виде змей.

— Отмечен моим знаком ещё до того, как я впервые увидел его, — громко произнес Тёмный Лорд, и девушка в клетке вскинула взгляд, словно он обратился к ней. — Теперь он отмечен дважды, значит, он вдвойне мой.

— Он умрёт, Господин?

— Пока нет. Я пока еще даже не начал его использовать. Дар прорицателя подобен тонкому божественному часовому механизму: я запустил его, и теперь, как часы сообщают нам время, он будет сообщать нам будущее.

— А почему вы хотите знать его, Господин?

Тёмный Лорд поднял на нее свой нечеловеческий взгляд и рассмеялся.

— А ты любознательный, демон, — заметил он. — Зачем тебе это? Ведь ты бессмертна и не зависишь от того, каким будет будущее.

— Как и вы — вы ведь тоже не можете умереть.

— Жизнь ради собственно жизни не имеет смысла, — критически возразил Тёмный Лорд. — Есть могущество и погоня за ним. И еще — месть. Ты все должна знать о мести, мой маленький демон. Шесть веков быть привязанной к одной семье... наверное, ты очень хочешь свободы...

— Вы пытаетесь настроить против меня моих слуг, мой Господин? — раздался голос из дверей.

Девушка обернулась первой, за ней — Тёмный Лорд.

— Люциус, надеюсь, что у тебя хорошие новости — это в твоих интересах.

— Наилучшие новости, Господин, — бледный мужчина стянул перчатки и положил их на столик у дверей. — Все произошло согласно нашему плану. Гарри Поттер временно находится в нашем распоряжении, Артур Уизли выведен из игры, в Министерстве всё произошло как по маслу, — он помолчал, глядя на рыжеволосого юношу на полу. — Похоже, у нас произошел несчастный случай?... — удивленно спросил он.

Тёмный Лорд усмехнулся.

— Он не умер. Просто я иссушил его, использовал все его силы — он недостаточно подготовлен для этого... Ничего, он восстановится. А что касается несчастных случаев... — он поднял взгляд на Люциуса. — Что с моими слугами, с моими верными Пожирателями Смерти? Все ли они оповещены о моём возвращении?

Люциус заметно напрягся.

— Я не предупредил их всех, Господин, — я подумал, что мы должны дожидаться момента, когда вы обретете полную мощь.

— Ты же сам мне сказал, что всё прошло, как по маслу.

— Всё идет, как по маслу, — торопливо поправил его Люциус усталым голосом. Рисенн в клетке застонала, словно от боли. — Только день прошел, Господин.

В тишине Вольдемоорт медленно поднялся на ноги и взглянул на Люциуса Малфоя. Тот не был ни любимым, ни преданным слугой. Был слугой необходимым.

— Квинтилий Вар, — тихо произнес, в конце концов, Тёмный Лорд. — Верни мне мои легионы.

Люциус побагровел.

— Все наши поражения в прошлом, — заверил он. — Впереди нас ждет только победа, и для борьбы за неё у нас будут легионы.

— Я хотел вернуться во главе армии, Люциус. А не гоняться за ней, принуждая её к службе.

— Господин, они верны тебе. Они просто ждут указаний. Конечно, есть несколько... отщепенцев, от которых нам придется избавиться, расчистить нам путь.

Тёмный Лорд стоял, сжимая и разжимая свои узкие ладони — серые, с чёрными ногтями. Когда-то у него были тонкие длинные красивые руки, одинаково приспособленные для поэзии и молитвы. И абсолютно бесполезные — он не использовал их ни для того, ни для другого.

— Я грежу о разных вещах, Люциус: я — победитель. Моя шахматная доска изготовлена из сломанных палочек моих противников. Белые фигурки вырезаны из костей предавшего меня Северуса Снейпа. А красные — это стеклянные сосуды, наполненные кровью Гарри Поттера. Это будет бесценное сокровище.

В позолоченной клетке тихо рассмеялась Рисенн. Люциус побелел.

— У вас должно всё это быть, Хозяин, — сдавленным голосом произнес он. — И даже больше.

— И, тем не менее, ты по-прежнему просишь меня подождать.

— Да, — с каменным лицом кивнул Люциус. — Вы должны ждать.

* * *

Гермиона увидела их, ещё не спустившись вниз. Из кухни вышла Джинни — растрёпанная, грязная, мокрая, в сыром желтом плаще — и Гермиона приняла как само собой разумеющееся то, что та вернулась домой одна. Но её потряс даже не вид Джинни, а потрясенное выражение её залитого слезами лица.

— Джинни? — окликнула ее Гермиона с лестницы. — Джинни, с тобой всё в порядке?

Джинни подняла взгляд.

— Ох, Гермиона... — произнесла она измученным голосом. — Да, я в порядке.

— Тогда почему...

Гермиона осеклась: кухонная дверь снова распахнулась и в сопровождении Драко, неся в правой руке две метлы, вошел Гарри. Драко тербил рукой застёжку своего промокшего и грязного плаща. Оба шли, едва

волоча ноги от усталости. Она открыла рот, чтобы окликнуть их, но всё, на что она оказалась способна, был измученный вздох.

Они в безопасности, они дома. И — только. Она хотела быть вне себя от радости, но радость не приходила, во всём сквозило что-то ужасно неправильное, она улавливала это в походке Драко, в напряжённой линии плеч Гарри.

Гарри первым заметил её, потом она подумала, что это случилось потому, что он услышал её резкий вздох. Он вскинул голову и посмотрел на нее, Драко проследил его взгляд — и они оба уставились на неё отсутствующим взглядом, словно не в силах поверить в её присутствие. Этот миг она никогда не забудет. Это длилось только миг, но он казался ей бесконечным. Она стояла, не в силах отвести от них глаз, и удивлялась этому ощущению: вроде бы все в порядке, однако вместо облегчения в её сердце появился холодный страх.

Оба юноши были гораздо грязнее Джинни: мантия Гарри была порвана в клочья, перчатки покрыты грязью, лицо было совершенно измученное — но не только, было в его выражении что-то еще... Плащ Драко был порван, истыкан ветками, рука замотала, лицо изрезано и залито кровью.

Однако не это лишило её дара речи, а выражения их лиц.

В её память впечаталось то, каким был Гарри после выполнения третьего задания на Трёмудром Турнире — больной, ошеломлённый, оглушённый... она больше ни разу не видела ничего подобного. И вот — опять.

И Драко. Ей и в голову не могло прийти, что юноша может выглядеть таким стариком. Нет, дело было не в его лице, а где-то в глубине его глаз-льдинок — осознание и принятие чего-то страшного. Она помнила, что он говорил ей, что с ним все хорошо, что скоро будет консилиум колдомедиков. Она знала, что это ложь, — так вот, значит, что она скрывала... И вдруг всё обрело смысл: выражение лица Гарри, утомлённая покорность Драко... она вспомнила сон и хлещущую ей под ноги серебряную кровь — отчаяние подкосило ей ноги, она устало опустилась на ступени.

— Я знала... я знала, знала, знала об этом всё время...

* * *

Гермиона не ощутила, сколько времени она вот так вот просидела на лестнице, борясь с подступившими к глазам слезами. На самом деле, вряд ли более минуты: Гарри поднялся к ней и сел рядом, Драко и Джинни прошли в гостиную.

— Я бы дал тебе платок, только у меня нет... — вот, даже руку Драко пришлось перевязывать, оторвав ленту от моей мантии... Но, если хочешь...

Она подняла глаза:

— Я не плачу.

— А... — повисла тишина. — Если хочешь поплакать, я могу уйти...

— Гарри... — она взглянула на него попристальней: не смотря на грязь и синяки, на бледность и усталость, он был целым и невредимым. В глазах была все та же знакомая ей сдержанность, та же отчуждённость. Пожалуй, он стал даже более отдалённым, чем раньше, однако всё же полон сочувствия. Вдруг она осознала, что они впервые наедине с того момента, как расстались, — ей показалось, что их разрыв случился уже тысячу лет назад. — Я не хочу плакать. Я хочу пойти разбудить Чарли, чтобы он портключом отправил всех нас в Хогвартс — пока не случилось ещё какого-нибудь кошмара.

Если она ожидала сопротивления, то она ошиблась.

— Хорошо, — согласился Гарри. — Я хочу поговорить с Дамблдором. Хотя нет — сначала мне нужно всё рассказать Сириусу — он сейчас тут?

Гермиона покачала головой:

— Он вернулся в дом Люпина. Думаю, с ними обо-

ими все в порядке. Со всеми порядком, кроме...

— Кроме? — прищурился Гарри.

— Рона, — закончила Гермиона, напрягшись и боясь возможной реакции Гарри. Однако он был просто удивлен.

— Что — он до сих пор не вернулся?

— Нет. И ещё. Гарри, я знаю про Пенси — мне Чарли рассказал.

— Уж лучше он, чем я, — произнес Гарри каким-то почти дерзким тоном, но тут же, взглянув на её лицо, притих. — Прости. Но я очень рад, что тебя не было на том приеме, когда всё это случилось. Это был сущий кошмар.

— Рон, бедняга, — тихо уронила Гермиона. — Он должен чувствовать себя просто ужасно. Я про Пенси. Она ему никогда даже не нравилась. И обнаружить, что она пыталась добраться до него любым способом... Это было просто...

— Ужасно, — подхватил Гарри. — Я думал, что хочу сделать ему больно, но после всего этого просто не смог.

— А почему это сделал Драко?

— Потому что, — резко ответил Гарри, — я его об этом попросил.

— Ох, тебе надо быть поосторожней с подобными просьбами, — вырвалось у Гермионы. — Он ради тебя готов на всё. Это нечестно.

— Честно? — в голосе Гарри прозвучала такая горечь, что она удивленно подняла на него взгляд. — А что — честно, когда людям, о которых я больше всего забочусь и кого пытаюсь защитить, я делаю только хуже? Я пытался, чтобы Рон был как можно дальше от всех опасностей, и в результате он решил, что он больше не нужен мне, и отвернулся от меня. Разве честно, что Люциус Малfoy жив и здоров, когда мои родители мертвы и похоронены...

— Министерство займется им...

— Он не похож на того, кто мог бы испугаться какого-то там Министерства, — холодно возразил Гарри. — Он стоял и говорил Драко, что тому остался от силы месяц жизни, и через две недели боль будет такой, что он не сможет ходить. И смеялся, произнося это.

Гермиона почувствовала, как к горлу подкатила тошнота.

— Боже мой, Гарри...

Гарри спохватился, и ярость исчезла с его лица.

— Всё в порядке. Он не умрет. Мы убежали, так что... он в порядке. Снейп вычислит, что это за яд, Дамблдор нам поможет... и всё наладится.

Гермиона в этом сомневалась, однако, зная, что она — куда больший паникер, чем Гарри, взяла себя в руки: Гарри и, правда, верил в это. Она опустила глаза и вздрогнула:

— А что с твоими руками?

— Порезался об стекляшки, — он протянул ей свои руки, и она палочкой коснулась ран. Те исчезли. Гарри кивнул, отдавая ей должное. Когда он убирал руки, рукав его плаща задрался, и на его запястье что-то сверкнуло. Он нахмурился.

— Я так полагаю, вряд ли ты сможешь что-то с этим сделать?

— Адмантинный браслет? Умное решение, — заметила она, касаясь его. — Нет, это сможет снять только Дамблдор. Похоже, Люциус приложил массу усилий, чтоб лишить тебя возможности колдовать, великий и ужасный Гарри Поттер, — поддела она.

К её вящему облегчению, он слабо улыбнулся.

— Да уж...

На какой-то миг он снова словно помолодел. Он был растрепанным, словно только что сыграл матч в квиддич, одежда была разодрана и залепана кровью, очки снова треснули...

— Я скучала по тебе, — внезапно произнесла она.

— Я знаю. Я тоже скучал по тебе.

Тихонько вздохнув, она прильнула головой к его плечу — как делала бесчисленное количество раз, и он

на миг приобнял её за плечи. Она выдохала его запах — кровь, пот, лёгкий мыльный аромат и запах сырой шерсти.

— Спасибо, — прошептала она.

— За что? — сдавленно спросил он.

— За то, что вернулся ко мне.

Наверное, она сказала что-то не то: он весь напрягся, словно все его мышцы обратились в железо, и отпрянул от неё.

— Гарри, я не имела в виду...

— Ты была права... — он поднялся на ноги, отвернув от нее лицо. — Нам нужно как можно скорее вернуться в Хогвартс. Здесь небезопасно.

Она в ошеломлении смотрела на него — Гарри по темной лестнице направился к комнате Чарли. Через миг, не придумав, как же ей поступить, она шагнула следом за ним в темноту.

* * *

— Ты, должно быть, замёрз, — нервно произнесла Джинни. Гарри и Гермиона исчезли наверху, они с Драко остались наедине в гостиной. Она выходила на минутку, чтобы скинуть свой мокрый плащ и переодеться и, вернувшись, застала его растянувшимся на кушетке с одной из вязаных белых подушек под головой. — Хочешь, я сделаю чаю прежде, чем мы двинемся дальше?

Ответом ей стало слабое бормотанье, повернувшись, она увидела, что он спит. Или же делает вид, что спит. Ладонь подпирала щеку, ресницы напоминали черную шёлковую бахрому. В этом лице она увидела ребенка, каким он был, когда они лицом к лицу столкнулись в библиотеке Имения. Когда он сообщил ей, что она нищая и отвратительная.

Сейчас его лицо стало другим — появились впадины, каких не было, когда ему было двенадцать, — впрочем, и не удивительно: у него было детское личико, напоминавшее по форме сердечко. Сейчас в нем появилось что-то кошачье — широкие скулы, узкий подбородок. Словно почувствовав ее взгляд, он шевельнулся и вздохнул, колыхнув свои волосы.

— Драко, — тихонько позвала она. — Ты не спишь?

Приоткрыв глаза, он взглянул на нее сквозь ресницы:

— Именно так.

— Ой, прости...

— Да нет, ничего, — он приподнялся на локтях и взглянул на нее. — Я все равно хотел у тебя кое-что спросить.

— Хорошо — и что же?

— Подойди сюда и присядь, хорошо? А то, когда ты стоишь над душой, это действует мне на нервы, — он улыбнулся, встретив ее удивлённый взгляд. — Нет, я не об этом хотел тебя попросить.

— Ладно, — она не без опаски подошла к дивану. Он поджал ноги, привалившись к подушкам, и она присела на освободившееся место.

— Я хотел узнать, когда ты заполучила обратно Хроноворот?

Сердце торкнулось в груди у Джинни, и руки против её воли взмыли вверх, стиснув цепочку на шее. Глаза Драко распахнулись.

— Ты вернула его. Я так и знал.

Джинни отпрянула от него, вжавшись в кушетку.

— Я не отдам его обратно, — яростно отрезала она. — Я вполне способна отвечать за него.

— Я и не говорю, что это не так, — тихо ответил Драко, в упор глядя на неё. Кровь хлынула к ее лицу, когда она вспомнила верещащую на всю округу книгу: «Я собственностью Имения Малфоев!»

Наверное, она обречена представлять перед ним такой дурой, — горько подумала она, всё больше и больше убеждаясь в том, что принятое ею решение было правильным. Она бы никому ничего не рассказала до тех пор, пока бы её план не увенчался успехом, и было бы слишком поздно её останавливать. И говорить

ей, что она слишком мала, безответственна, труслива и вообще — не из их компании.

— Слушай, — чуть мягче сказал он. — Что бы ты там ни думала, ты ничем не выдаешь себя. Но я-то знаю Имение, и знаю, что нет никакой возможности устоять против Ураганных Чар. Если ты в Имении, и ты считаешься нарушителем — тебя выбросит. Конечно, за исключением того варианта, что ты в Имении — но в другом времени. Все эти штучки со временем — твоя специальность.

У неё оборвалось сердце:

— Если ты узнал, то узнает и Дамблдор, и твоя мать...

— Моя мать сейчас далеко, в безопасном месте. А вот Дамблдор — это да. Это куда мудреней. Мне придется придумывать отменную ложь, чтобы он не увидел меня насквозь.

Рука Джинни еще сильнее стиснула цепочку песочных часиков.

— Ты бы ради меня солгал об этом?

Он выпрямился и решительно взглянул на нее.

— Надо подумать. Скажи — а Финниган знает, что ты стащила часы?

— Нет, — ответила она, удивлённая этим вопросом. — Я бы никогда... В смысле, он бы не захотел об этом узнать. Симус не одобряет ни вранье, ни кражи. Он один из самых высоко нравственных и добрых людей, которых я знаю...

— Да-да, просто сокровище, я в курсе, — с мрачным юмором кивнул Драко. — Думаю, стоило бы поставить памятник в честь его замечательности. Вот только вряд ли они сумеют найти достаточно скучный сорт мрамора.

Джинни не знала, как на это отреагировать и потому что-то невнятно пробормотала в ответ.

— Так что — значит, он ничего об этом не знает?

Она помотала головой:

— Я ему не говорила, — тихо произнесла она. — Правда, Драко: Хроноворот... Я бы никогда не сделала ничего опасного... Просто поиграла...

— Я знаю, что ты делала, — в его глазах снова проскользнуло высокомерие. — Ты возвращалась назад за книгой.

— За... книгой? — Джинни едва держала себя в руках от страха. Нет, не может быть, чтобы он догадался о дневнике...

— Liber-Damnatis, — пояснил он.

Джинни утратила дар речи.

— Поверь, ты попала в точку и стащила одну из самых ценных книг из собрания моего отца, — насмешливо сказал Драко. — Он жаловался мне на то, что она пропала, не один год. Однако наложенные на нее чары не рассасываются сами по себе, так что он решил, что домашние эльфы просто потеряли её в Имении. «Поднятое, чтобы быть оружием», — фыркнул он. — Ты не очень-то хорошая лгунья.

Это ты так считаешь, Драко Малfoy, — мрачно подумала Джинни.

— Спорим, ты не угадаешь, зачем она мне оказалась нужна, — подначила она его, надеясь, что он прольёт на это свет.

С устало-насмешливым взглядом, он, попавшись на удочку, пояснил:

— Гермиона уже не первую неделю твердит и твердит, что это лучшая книга, в которой можно что-нибудь найти о Четырёх Благородных Объектах. Не устаёт жаловаться, что не может обнаружить этот экземпляр ни в одной библиотеке. Я сказал ей, что у нас когда-то была эта книга, однако пропала, когда мне было лет двенадцать... Впрочем, Авроры бы все равно её конфисковали прошлым летом. Так она заставила меня даже проверять списки, — Драко скорчил рожу. — Ты, наверное, думала, что я ни на что не обращаю внимания.

Голова Джинни шла кругом. Всё происходящее просто выходило за рамки разумного: как могло случиться, что из всех книг она случайно схватила именно ту, в которой так нуждалась Гермиона, — книгу, что

могла все рассказать им о Четырех Благородных Обьектах?

Это совпадения, — подумала она. — Даже, не просто совпадения, а Совпадения с большой буквы. Очевидно, это было одно из последних.

— Значит, вот как ты догадался, — сказала она не очень-то внятно. — Про книгу...

— Не совсем, — голос Драко был удивительно мягким, хотя он сам, вероятно, ужасно устал. — Кажется, я догадался, когда видел тебя в этом... — вытянув левую руку и сморщившись от боли из-за задравшегося на его запястье бинта, он осторожно коснулся края ее превращенного в лохмотья желтого плаща. — Я запомнил тот день и девушку в библиотеке. Я упомянул о ней отцу, и он сказал, что мне, наверное, пригрезилось. Но даже до того, как отец что-то сказал про неё, я точно знал, что она меня обманула. Он бы никогда не нанял подобную девушку моей гувернанткой.

— Да-да, знаю, ты мне сказал, — кисло заметила Джинни. — Слишком много веснушек.

— Нет, — покачал головой Драко. — Слишком красивая.

Его пальцы все еще тихонько касались её плаща; взяв его руку, она нежно провела ей по своей щеке.

— Мне так жаль... — прошептала она, — так жаль, что ты болен...

— Я поправлюсь, — ответил он, опустив к ней взгляд. Их лица почти соприкасались, она чувствовала на щеке его дыхание, оно колыхало её ресницы.

По коже пробежали мурашки.

— Джинни, я хочу тебе сказать, что...

И он замолчал. Она не могла понять, что случилось, потом услышала, что же остановило его: стук в дверь.

Его пальцы крепко стиснули её плеч.

— Вокруг дома есть охрана?

— Да, — она взглянула на дверь. — Защиту не может преодолеть никто, у кого есть враждебные намерения. Ой! Это же может быть Рон... — может, с ним что-то случилось, столько времени уже прошло... — она подскочила и метнулась к кухонной двери. Он крикнул ей вслед, чтобы она была осторожнее, однако она не обратила внимания на его предупреждение и, откинув цепочку, широко распахнула дверь. Светловолосый юноша на крыльце захлопал глазами от внезапного света:

— Джинни?

На миг она просто оцепенела от неожиданности. Она настолько не была готова увидеть его, что на миг ей показалось, что перед ней стоит незнакомец.

— Симус?.. Симус, что ты тут делаешь?

— Я так волновался... — при звуке ее голоса по его лицу скользнула слабая улыбка. — Я слышал, что произошло, и не находил себе места от беспокойства... Я летел всю ночь, чтобы сюда добраться... — не закончив фразу, он вдруг подбежал к ней и заключил в объятия. Слабо понимая, что она делает, она тоже обняла его.

— Джинни, — прошептал он, уткнувшись в ее волосы, — я так рад видеть тебя...

* * *

Узкий коридор, ведущий в подземелья Снейпа, был так слабо освещен, что идти по нему было опасно. Дамблдор помахал рукой, и красно-золотые искорки полетели рядом с ним, освещая ему дорогу. Улыбка коснулась его губ — обычно он находил столь обожаемую Северусом Снейпом темноту забавной. Он вообще находил Северуса забавным — тот об этом знал и жутко по этому поводу раздражался. Возможно, это часть наложенной на него епитимьи. Дамблдор был не очень в этом уверен.

В этой сложной конструкции из вины, раскаяния и упрямства, выстроенной Снейпом вокруг себя, было несколько щелок, в которые кто-нибудь извне мог заглянуть внутрь. И понять.

Наконец, Дамблдор добрался до входа в лаборато-

рию, и, пригнувшись, прошел через низкую дверь. Внутри было сумрачно, горело только несколько верхних факелов. По стенам и на столах стояли полки с банками, флаконами и пузырьками с разноцветными жидкостями. Как всегда, горело пламя, бурлили котлы, повсюду валялись огромные фолианты. Дамблдор с трудом удержался от желания куда-нибудь отодвинуть «Азбуку Некромантии», чтобы ее не залило болиголовом.

В центре комнаты он остановился.

— Здравствуй, Северус, — поприветствовал он мужчину, стоявшего у самого большого лабораторного стола. Мастер Зелий, в своей чёрной рабочей мантии, в этот миг капал терновое масло в готовящееся зелье.

Через миг Снейп поднял взгляд и кивнул.

— Директор, что привело вас сюда так поздно? — оглядевшись, он словно только что заметил царящий вокруг сумрак. — Сейчас ведь уже поздно, да?

— Третий час ночи, Северус.

— Да, я потерял ощущение времени. Заработался.

— Вижу, — Дамблдор оперся рукой о ближайший деревянный стол. Он очень устал, однако отказался от предложенного мадам Помфри Перечного Зелья. — И как продвигаются исследования? Удалось что-нибудь обнаружить в крови юного мистера Малфоя?

Снейп опустил свои инструменты на рабочий стол и мрачно уставился на них.

— Особых успехов нет. Только следы вещества — некоторые компоненты я идентифицировал — следы асфоделя, беладонны и аконита. Я предполагал, что, возможно кровь или толченый рог единорога могли придать крови такой уникальный оттенок. Однако они бы не дали такого побочного эффекта. Я не уверен, что другие элементы яда не разрушились в крови за время действия яда. Это здорово угнетает.

— Ты сказал — яд, — произнес Дамблдор. — Ты в этом уверен?

— Я не могу быть уверенным в этом наверняка, однако я точно знаю, что нет такого яда, который бы действовал так долго и давал бы такие специфические эффекты. Однако, другого я не могу себе представить.

— Даже не знаю, обрадуешься ты или расстроишься, когда я скажу тебе, что ваши с Люциусом Малфоем мнения совершенно совпадают.

— О чём вы? — нахмурился Снейп.

— Юный Малфой вечером прибыл в Хогвартс в сопровождении Гарри Поттера. Они сообщили, что сбежали из капкана Люциуса и ищут более безопасного укрытия, чем Нора. Которое я, разумеется, с радостью им предоставлю.

— Естественно, — Снейп поднял стакан с пурпурной жидкостью и выплеснул её в котел, содержимое которого неожиданно приобрело золотой оттенок. — Кстати, о Поттере. Я полагаю, его свита, как всегда, при нём?

— Если ты про мисс Грейнджер и мисс Уизли, то да. Немного удивительно, что с ними оказался мистер Финниган. Мне нужно будет утром отписать его родителям.

— Кажется, кого-то не хватает? — заметил Снейп, начавший в поисках чего-то перебирать пузырьки и флаконы. Сквозь разноцветные жидкости его лицо выглядело очень странно: синие скулы, зеленый нос крючком и оранжевый подбородок. — Что насчет нашего бывшего старосты среди юношей?

— Рональда Уизли с ними нет, — покачал головой Дамблдор.

— И неудивительно. На его месте я бы тоже где-нибудь спрятался, — Снейп выбрал флакон с розовой жидкостью, посмотрел сквозь него на тусклый свет, плеснул немного в ступку с каким-то порошком и начал растирать получившуюся красноватую пасту. — Наверняка сидит где-нибудь и зализывает раны, чувствуя себя дураком.

Дамблдор уклончиво хмыкнул.

— Вы так не думаете? — бросил на него пронзительный взгляд Снейп.

— Не могу с тобой не согласиться, однако сейчас речь не об этом: мы говорили о яде.

— Люциус Малфой знает о нём?

— Похоже, он имеет к этому прямое отношение, — тихо ответил Дамблдор.

Воцарилась короткая пауза. Снейп приподнял бровь:

— Отравил собственного сына? Несомненно, это обрадует Вольдеморту: такая жертва Тёмному Лорду.

— С учётом того, что Люциус отдал, становясь слугой Вольдеморты, такая ли это жертва для него?

— Да. Ведь Драко все ещё принадлежит ему. Он сделан из того же теста — кровь и плоть Малфоя. Единственный ребенок. Другие дети не стали бы такими... исключительными, во всяком случае, я так думаю, — добавил Снейп. — А тот факт, что Драко сбежал из Имения, хоть как-нибудь скажется на общественном мнении по поводу Люциуса?

— Вряд ли, — мрачно ответил Дамблдор. — Сириус с Люпином уже связались со старой командой, сейчас отовсюду идут сообщения. Оказывается, коррупция проела Министерство куда сильнее, чем можно было бы предположить. Мы оказались самодовольными слепцами, и теперь нам придется сполна за это расплатиться. Подозреваю, что не так и далеки времена, когда Люциус сможет пройти по любой волшебной улице, безнаказанно выполняя Непростительные Заклятья.

— Вы рисуете слишком мрачную картинку, — саркастично откликнулся Снейп. — Я-то думал, что это по моей части.

Дамблдор вздохнул.

— Ты прав, Северус. Просто уже поздно и настроение у меня не самое радужное. Вообще-то я пришел сюда, чтобы кое-что отдать тебе, а не за тем, чтобы делать мрачные предсказания.

— Да? И что же?

— Ты сказал, что удивился, узнав, что Люциус решил уничтожить своего сына, — начал Дамблдор. — Я так не думаю: скорее, он надеялся, что сумеет поставить его жизнь на кон в какой-то сделке.

— Это противоядие, — тут же сообразил Снейп и опустил пестик.

— Это было противоядие, — поправил его Дамблдор и, вынув из кармана лоскут красной ткани, положил его перед профессором Зельеделия. — Мне дал это Гарри Поттер. Это осколки сосуда, в котором, предположительно, находилось противоядие.

Снейп тронул лоскуток, тот развернулся, открыв блестящие серебристые осколки.

— На них кровь, — заметил Снейп.

— Да, кивнул Дамблдор. — Это кровь Гарри.

Снейп поднял потемневшие глаза:

— Там мало осколков.

— Понимаю, Северус. Однако, если мне не изменяет память, во время дела Лестрейнджей ты смог обнаружить примененное к Лонгботтомам Ошеломляющее Зелье лишь по осколку бокала — так что я надеюсь на

тебя. Я знаю, что ты сделаешь всё, что можешь.

— Конечно. Директор, сколько у меня времени? — ровным голосом уточнил Снейп.

— Кажется, Люциус говорил Драко, что ему остался месяц. Однако, глядя на него, я думаю, что меньше.

— Меньше месяца... — Снейп спрятав сжавшиеся кулаки в рукава мантии. — Могу ли я переговорить с ним? Я имею в виду Драко — возможно, он хотел бы увидеться со мной.

— Я понимаю, о чём ты. Сейчас он уже спит. Они все уже спят. Я подумал, что не стоит ему ночевать в слизеринском подземелье...

— Директор, я возражаю! — у Снейпа дёрнулась щека. — Я знаю про эту дружбу с Поттером и всей его командой, которой нет объяснения. Я знаю, что его невозможно оттащить от Поттера без применения Освобождающего Заклятья. Однако слизеринский студент не должен спать в гриффиндорской башне. Это даже не нарушение правил, это... предательство! — голос Снейпа задрожал от волнения и напряжения. — Пусть Драко Малфой объединяется с кем угодно, однако, тем не менее, он должен оставаться слизеринцем!

— Северус, — мягко остановил его Дамблдор. — Я отправил его в лазарет.

— А... — тут же притих Снейп. — Да-да, конечно. Естественно, за ним должна присматривать мадам Помфри.

— Именно, — Дамблдору с трудом удалось скрыть весёлые нотки в своем голосе. — Может, существует что-то, чем бы я мог поспособствовать в твоей работе?

— Чай, — сказал Снейп немного жалобно. — Мне необходимо взбодриться.

— Я пошлю к тебе домашних эльфов, чтобы они принесли тебе Лапсан Сучон, — Снейп был влюблен в это отвратительно пахнущее варево. — И еще... Северус, спасибо тебе за твою нелёгкую работу.

Дверь за директором уже давно закрылась, а Снейп все еще стоял, задумчиво глядя на лежащую перед ним ткань. Осколки переливались зеленью и серебром. Алый цвет Гриффиндора, зеленый — Слизерина. Кровь Поттера и яд Малфоя. Значит, Поттер нес эти осколки всю дорогу, питая слабую надежду, что они могут пригодиться...

Он замечал болезненное и отчаянное восхищение Поттером у Драко, однако не думал, что тот чувствует к Малфой в ответ нечто большее, чем просто терпимость. Эта обоюдная дружба невероятно удивила его.

Хотя, будь это у Джеймса, всё было бы понятно...

И у Северуса Снейпа впервые появилась мысль, что Гарри Поттер может быть не так-то и похож на своего отца.

Очень осторожно он перенес все осколки в маленький металлический котел. Первым идентифицированным компонентом оказалась человеческая кровь, что его вовсе не удивило. Вторым оказались слезы. И прошло немало времени, прежде чем он понял, кому именно они принадлежат.

Глава 10. Падение манит

Все, что мы сделать не сумели

И что не вышло полюбить

Что потеряли в предвкушеньях

Падение манит. И конца и края нет.

Несмотря на то, что за стенами замка стояла зима, в окна лился обманчиво-ясный и яркий, словно летний, свет. Дамблдор сел и, взглянув на светловолосого мальчика, лежащего в кровати у окна, мысленно вздохнул.

— Мистер Малфой, я надеюсь, вы понимаете, что я пытаюсь помочь вам. А вы делаете эту помощь весьма трудновыполнимой.

Мальчик поднял глаза — типично малфоевские — такие же необычные глаза были у его отца: абсолютно серого цвета, без всяких зеленоватых, голубых или ка-

рых примесей.

— Я говорю вам, — повторил мальчик, — мне не нужна помощь.

Дамблдор снова вздохнул.

— Люциус, — позвал он, — прошу тебя, покажи мне твои руки.

Воцарилась тишина, потом мальчик неохотно протянул одну руку профессору Трансфигурации. Его подбородок был вздернут, словно он гордился своими ранами, возможно, так оно и было. Выглядели же они поистине ужасно: от кисти до локтя на обеих руках кожу

прорезали шесть параллельных длинных царапин, глубоких, ровных, словно бы сделанных острым ножом.

Директор Диппет едва не лишился чувств в своем кресле, узрев их: вид был кошмарный, а у Диппета были причины опасаться возможной реакции Малфоев.

— Откуда они взялись, Люциус? — спросил Дамблдор, прекрасно представляя возможный ответ.

— Я все уже объяснял, — монотонно ответил мальчик. — Это от Режущего заклятья. Я получил это на дуэли. Я вообще никому ничего не должен говорить, это мое дело. Мой отец сказал мне...

— Мне не интересно, что говорил ваш отец по этому поводу, — резко перебил его Дамблдор. — Вы и ваше здоровье входят в интересы школы. Это — последствия воздействия некромантии. Физический знак расплаты.

— Вы обвиняете меня в том, что я занимался в стенах школы Темной магией? — глаза Люциуса вспыхнули. — Отец...

— Я обвиняю не вас.

— Тогда кого же?

— Тома Реддла, — голос Дамблдора стал мягче, однако оставался таким же неуступчивым. — Ведь он же ваш друг, не так ли?

Люциус заметно побледнел.

— Нет.

— Но, тем не менее, вы его знаете.

— Все его знают. Он староста школы.

— Осмелюсь предположить, что вы его знаете лучше остальных.

Лицо Люциуса было непроницаемым.

— Если вы хотите беседовать о Томе Реддле, профессор, думаю, вам лучше беседовать с ним самим.

— А почему вы решили, что я этого не сделал? — поинтересовался Дамблдор. — Я вовсе не такой глупец, чтобы не знать, кто такой Том Реддл. Я пытался с ним разговаривать — Мерлин тому свидетель. Однако на свете существуют невыполнимые задания, и это — одно из них. Он уперся и не двинулся с места. Но ты, Люциус, — ты другой. Тебе ведь только тринадцать лет и то, что я тебе сейчас скажу, может быть, слишком сложно для твоего юного возраста, однако постарайся понять: от решения, которое ты примешь сейчас, зависит вся твоя последующая жизнь.

Люциус молчал. Дамблдор видел, как под фланелевой пижамой ходуном ходит его узкая грудь. Наконец он заговорил. Голос его был полон пренебрежения.

— Вы ничего не знаете о Томе. И ничего не знаете обо мне. Думаете, если вы говорите, что он мне не друг, то сумеете перетащить меня на свою сторону? Ничего подобного. Просто вы никогда не видели никого похожего на Тома, и это вас пугает. Вы ведь знаете — что бы ни случилось, все равно победа окажется на его стороне. Второго такого волшебника нет в школе...

— Том очень умен, — согласился Дамблдор. — Однако он очень юн. не кажется ли вам, что он переоценивает свои силы?

— А не кажется ли вам, что это вы их недооцениваете?

Дамблдор посмотрела на него с усталым удивлением. Признаться, он бы хотел удивиться куда больше, глядя на этого израненного мальчика с таким тихим детским высоким голоском, которым он произносил все эти безобразные и ужасающие вещи. Однако он вовсе не был поражен: он знал Малфоев и до Люциуса: неестественное отталкивающее впечатление, которое все они производили, похоже, было у них в крови.

— Том совершенно прав, — продолжал Люциус, — он хочет изменить мир и изменит его. И в этом мире будет место и для меня — он мне пообещал.

— И ты веришь в эти обещания? — мрачно поинтересовался Дамблдор. — Он будет верен им до тех пор, пока ты будешь нужен ему, Люциус, ведь на самом деле он ничего не чувствует — ни к тебе, ни к кому другому. Для него не существует дружбы, только ненависть и негодование. В трудную минуту он пожертвует

тобой вместе со всем остальным.

Выражение лица Люциуса не изменилось.

— У меня свой взгляд на вещи.

Какой-то треск помешал Дамблдору продолжить разговор. Занавеска вокруг кровати отъехала в сторону, серебряные колечки, соприкоснувшись, звякнули. Повернувшись, Дамблдор увидел стоящую у него за спиной мадам Помфри, а рядом с ней — высокого темноволосого мальчика с поблескивающим на груди значком старосты школы.

Том Реддл.

— Извините, что прерываю вас, профессор, — масляным голосом пропел Том. — Но профессор Култер попросил Люциуса вернуться в слизеринское общежитие.

Дамблдор перевел взгляд на мадам Помфри:

— Поппи?

Она кивнула с самым несчастным видом.

— С ним все будет нормально, если он не будет снимать повязки. Думаю, что для полного заживления потребуется не одна неделя — заклинаний, чтобы ускорить этот процесс, не существует — не для таких порезов.

— Мы побеспокоимся о выздоровлении Люциуса, — успокоительно произнес Том. — не волнуйтесь.

— Мы? — уточнил Дамблдор.

Том улыбнулся. Так улыбнулся бы Люцифер, упав с неба и обнаружив себя хозяином ненаселенного пока еще Ада. Вот только Том, в отличие от Люцифера, имел ангельскую внешность.

— Его друзья, конечно же.

— Конечно, — Дамблдор поднял глаза и бросил на Тома пыливый взгляд. на миг их взгляды пересеклись — глаза юноши были полны притворной невинности. у него вообще были весьма удивительные глаза, служившие предметом обсуждений хогвартсовских девушек: настолько темно-синие, что казались почти черными; радужка сливалась со зрачком, делая их слепыми. Иногда они казались пронизательными, иногда — недоумевающими, но его взгляд ни с чем нельзя было перепутать. Однако, чтобы делать их невинными, ему явно не хватало усилий. Том отвел взгляд первым.

— Люциус, — он повелительно указал на мальчика рукой с длинными тонкими пальцами, — ты идешь?

Люциус, торопливо натягивающий мантию поверх больничной пижамы и наспех зашнуровывающий свои ботинки, вскинул взгляд и кивнул, запыхавшись.

— Почти готов, Том, ты меня подождешь?

— Да, — ответил Том, опуская руку. Его иссиня-черные глаза были полны какого-то странного веселья. — Я тебя подожду.

— Знаешь, Драко, — произнесла Гермиона, утомленно глядя на лежащего в кровати светловолосого юношу, — иногда у меня просто опускаются руки.

— И ты не в силах сопротивляться моему мужественному обаянию? Да, знаю, — кивнул Драко, методично выщипывая перья из подушки, данной ему Джинни. Белые перышки запутались у него в волосах, зацепились за ресницы; ими была покрыта вся его синяя шелковая пижама. — Ты должна быть более стойкой, Гермиона, ради нашей пользы. Говорят, помогают дыхательные упражнения.

— Я говорю про сочувственное отношение к тебе, — сухо поправила его Гермиона. — И ты сейчас только подтверждаешь мою правоту. Вдобавок ты испортил подушку.

— Она была слишком толстой, — Драко выдернул целую пригоршню перьев и швырнул их в воздух. — Я не сплю на высоких подушках.

Гермиона фыркнула.

— Испорченный мальчишка.

Драко улыбнулся ей сквозь падающие, словно снег, перья. Прижав к себе книгу, Гермиона постаралась не улыбнуться ему в ответ. Драко был в лазарете уже три дня — с того момента, как они вернулись в Хогвартс. Все сидели у него по очереди, кроме Симуса (Симус предложил было посидеть с Драко, однако

тот без разговоров запульнул ему в голову коробкой с бинтами).

Гермиона предполагала, что ей придется приложить усилия, чтобы оставить Драко в лазарете на попечении мадам Помфри, но сейчас она уже сама начала удивляться. Вряд ли его все устраивало, однако хандрить он перестал — похоже, просто отдыхал от всего, что было с ним в последние недели. К нему вернулась его бывшая игривость — он без устали поддразнивал и флиртовал с теми, кто с ним сидел, — довольно странное поведение для того, кто стоит на пороге смерти. Она никогда бы не поверила, что увидит, как кто-то дразнит Снейпа — Драко ей это продемонстрировал.

Он заигрывал с мадам Помфри, принесшей ему почти все больничные одеяла и подушки и разрешившей носить собственную шелковую пижаму вместо полосатой больничной фланельки.

Джинни с Гарри таскали ему все подряд — книги, журналы, еду — все, что, по их мнению, могла чем-то помочь и как-то развлечь его. Гермиона была убеждена, что однажды наступит день, когда она, придя в лазарет, обнаружит, что они дерутся за право разыгрывать кукольное представление «Смерть купца» в ногах кровати Драко.

Сам Драко вел себя как больной удельный князек, принимая суету вокруг себя как должное — взъерошенный, грациозно разлегшийся, с широко распахнутыми серебристыми глазами и ресницами длиной чуть не в фут, против которых никто не мог устоять.

Одна Гермиона чувствовала нелепость сложившегося положения, и в глубине души подозревала, что Драко послушно исполняет отведенную ему роль, чтобы отвлечь всех от того, что происходит на самом деле. Он вел себя так, словно выздоравливал после страшной и тяжелой болезни. Хотя все было наоборот: самое ужасное ждало его впереди.

— Знаешь, я разговаривала с мадам Помфри, — начала Гермиона, безуспешно пытаясь отобрать заметку похудевшую подушку у Драко. — Она сказала, что уже нет причин, чтобы ты оставался в постели. Если будешь осторожным и не станешь перенапрягаться, можешь вернуться к себе в общежитие.

— Какая плоская подушка, — грустно констатировал Драко, оглядывая плоды своих трудов.

— Именно, — Гермиона отобрала у него пустую наволочку и кинула ее на ночной столик. — Драко, ты меня понимаешь?

— Не всегда, — ответил он. — Но в этом-то как раз и состоит твоё обаяние.

— Ей-Богу! — воскликнула Гермиона. — Разве тебе не хочется вернуться в собственную кровать?

— Нет, — решительно ответил Драко. — Там никого нет и ужасно скучно.

Это была истинной правдой: студентов, оставшихся на каникулы в школе, было совсем немного, причем из слизеринцев не остался никто.

— Прекрасно. Однако я не собираюсь сидеть рядом с тобой и кормить тебя с руки виноградом или обмахивать платочком. Ты, конечно, болен, однако чувствуешь себя лучше. Снейп сказал тебе, что уже вычислил почти все компоненты противоядия? Он обещал найти оставшиеся два не позже завтрашнего дня. Так что, я надеюсь, ты будешь вместе с нами открывать рождественские подарки...

— Тьфу ты, Рождество... — с чувством произнес Драко. — Совсем забыл.

— Ты забыл о Рождестве? — раздался высокий голосок из-за занавески. Вошла улыбающаяся Джинни, однако улыбка сползла с ее губ, как только она увидела, что осталось от ее подушки. — Драко! — завопила она. — Что ты сделал с моей подушкой?!

— Не знаю, — ответил Драко, стряхивая с волос перья, — наверное, у меня был горячечный бред.

— Эта подушка была моей с того дня, как мне исполнилось восемь лет! Я с ней не расставалась ни на одну ночь!

Похоже, на Драко это не произвело впечатления.

Возмущенно фыркнув, Джинни задернула занавески, хлопнулась в кресло рядом с Гермионой и, демонстративно вытащив из сумки «Возвращение брюк», уткнулась в книгу, игнорируя веселые переглядывания Драко и Гермионы. После пропажи «Брюк, полных огня», она взялась за эту книгу и благополучно преодолела уже половину.

— Я же говорила тебе, что ты испорченный мальчишка, — отрезала Гермиона, стараясь не поддаваться его веселью. — Ты тут разлегся, а все по мановению твоего пальчика носят тебе сэндвичи. Я готова поклясться, что Гарри уже протер дыру в груше на картине, что ведет на кухню!

Драко полиловел от негодования.

— Я никого не просил таскать мне сэндвичи!

В этот миг, словно по команде, занавески снова отодвинулись, и Драко вспыхнул, как Флибустерский Фейерверк. Обернувшись, Гермиона увидела Гарри, стоящего в изножии кровати с тарелкой в руках.

— Я принес тебе сэндвичи, — сообщил он.

Гермиона метнула в Драко яростный взгляд, он старательно сделал вид, что не замечает его. Джинни, издав какой-то сдавленный звук, бросила быстрый взгляд поверх «Возвращения брюк». Драко его так же проигнорировал. Вместо этого он наградил Гарри улыбкой, которая демонстрировала — хотя и кратко, очень кратко — что его благодарность за этот дар в виде сэндвича не знает границ. Это не за сэндвич, — говорила эта улыбка, — просто боль моя так сильна, что я не могу её вынести. Не будь ее, я мог бы улыбаться тебе куда дольше.

Гермиона с трудом удерживалась от желания наплевать Драко.

— С арахисовым маслом, — сообщил Гарри.

Ослепительная улыбка Драко слегка поблекла.

— О...

— Ты не любишь арахисовое масло?

— Нет, люблю, просто оно немного... немного...

— Плебейское? — ядовито поинтересовалась Джинни из-за своей книги.

— Липкое, — удрученно закончил Драко. — Оно липнет к моим зубам.

— Ради Бога... — пробормотала Гермиона.

— Да нет, все в порядке, — Гарри потянул тарелку назад. — Я принесу тебе другой.

— Не беспокойся. Я съем этот.

— Нет, не надо. Зачем заставлять тебя есть то, что ты не любишь. Давай тарелку.

— Нет-нет, все в порядке, сойдет. Арахисовое масло придаст мне сил.

— Верни тарелку, Малfoy.

Неожиданное упрямство накатило на Драко: он прильнул к тарелке, словно не желая расставаться с кем-то нежно любимым:

— Нет.

Гарри в изнеможении зашипел, стиснув зубы:

— Я не понимаю...

Глаза Драко стали огромными и горестными.

— Ты не виноват, что я не люблю арахисовое масло. в любом случае, я тебе говорю: я это съем.

— Я не хочу, чтобы ты ел что-то только потому, что должен это съесть.

— А может, я хочу это съесть.

— Но ты не хочешь.

— Может, я переменял свое мнение.

— Ничего подобного, ты ведешь себя просто глупо, — глаза Гарри вспыхнули. — Отдай мне тарелку, Малfoy.

— Нет.

Джинни, зарывав, вскочила — «Возвращение брюк» хлопнулось на пол — выхватила тарелку из рук Драко и, распахнув ближайшее окошко, вышвырнула её на улицу. Остальная троица застыла, остолбенело уставясь на нее, пока звон разбивающегося о камни фаянса не привел всех в чувство.

Гермиона сморщилась, не в силах справиться

с собой:

— О, бедные домашние эльфы... Они терпеть не могут битый фаянс...

Гарри приподнял брови, но по-прежнему молчал. Драко, распахнув глаза, медленно опустил руки на покрывало.

— Я бы это съел...

Джинни, сердито раскрасневшись, взглянула на него:

— Эгоист! — ее глаза скользнули с Драко на Гарри, потом на Гермиону — та поморщилась под этим взглядом, почувствовав какую-то странную и необъяснимую вину. — Все вы эгоисты! — повторила она с яростью, не глядя, схватив свою книгу, она метнулась мимо Гарри и выскочила из комнаты раньше, чем кто-либо успел шевельнуться.

— Что это было? — спросил Гарри.

До них донесся стук входной двери — Джинни выскочила из лазарета и с яростью захлопнула ее за собой.

— Может, ей тоже не нравится арахисовое масло? — с готовностью предположил Драко.

— Мне кажется, что для этого ее реакция была несколько... чересчур, — заметил Гарри.

— Точно, — Драко, похоже, это забавляло все происходящее: смех прыгал в его глазах. Гарри заметил это и обрадовался.

— Ты выглядишь получше. Как ты себя чувствуешь?

— Да вроде ничего, — застенчиво ответил Драко.

— То есть вышвыривание в окно тарелок улучшает твоё самочувствие? — поинтересовалась Гермиона, пряча улыбку.

— Ничего не могу с собой поделать. Может, я и болел, однако по-прежнему бессердечен и эксцентричен.

— Готов целыми днями кидать в окно тарелки, если это тебе поможет, — рассеянно заметил Гарри, явно думая о чем-то другом. Драко от удивления раскрыл глаза и собрался что-то спросить — его губы дрогнули, однако Гермиона перебила его:

— Гарри, не посмотришь ли, все ли в порядке с Джинни?

Мрачно вздохнув, Гарри послушно поднялся, и у Гермионы появилось навязчивое чувство, что, если он не найдет Джинни, он тут же отправится на кухню. Как только Гарри вышел, настроение в лазарете тут же изменилось.

— Вот только не надо мне этого говорить, — произнес Драко, лишь только за Гарри закрылась дверь.

— Что именно? — строго спросила Гермиона. — Что Гарри не показывает, как он расстроен всем происходящим, однако, это именно так? Он носит тебе сэндвичи только потому, что не знает, чем еще может помочь.

— Я знаю, — тихо ответил Драко. Напускная надменность сменилась мрачной серьезностью и собранностью, которая вызвала у Гермионы куда больше сочувствия. — Честное слово, мне бы даже хотелось, чтобы он мог что-то сделать. Иначе у него постоянно будет чувство, что он должен сделать что-то еще, что-то большее. А делать-то нечего. Это хуже врага — с этим ничего нельзя поделать. Он не может нырнуть в мои вены и уничтожить яд раньше, чем тот убьет меня.

— Ты не умираешь, — резко поправила его Гермиона.

— Умираю, и ты это тоже знаешь...

Хрясь!

Драко не успел договорить: Liber-Damnatis ударила его в грудь.

— Никогда, — дрожащим голосом произнесла Гермиона, — слышишь? — никогда, никогда не говори этого Гарри. Никогда.

Он взглянул на нее. Его лицо было совершенно белым, глаза — цвета дождя, прозрачные, но свинцовые. Все, что предшествовало этому, едва ли тронуло сердце Гермионы, но сейчас в глазах Драко мелькнуло нечто — какое-то затравленное осознание — у неё все

внутри перевернулось. Она ненавидела этот убивавший его яд, словно выжигавший несовершенство из его кожи, волос, глаз: глаза сверкали хрусталем, на бледных щеках розовел лихорадочный румянец, пропали все округлости и припухлости на щеках, подбородке — кожа обтянула его тонкое лицо; он стал неестественно красив, и это пугало и беспокоило её.

— Не буду, — пообещал он, — Конечно, не буду.

— Ох, Драко, — она ощутила внезапный холод и усталость и обняла себя руками. — Что же мне с тобой делать? Всех, кого ты встречаешь на своем пути, ты заставляешь или влюбиться, или возненавидеть тебя — и я подчас даже не знаю, что из этого хуже.

Легкая улыбка побежала по губам Драко.

— Это ты метко подметила. Благодарю.

— А твоё обращение с людьми просто вне моего понимания: платить Блез деньги, чтобы она с тобой встречалась. Это просто ужасно!

— Умоляю — что ты понимаешь под «ужасно»? — с непростительным весельем попросил Драко.

— Это незачинно, — мрачно продолжила Гермиона.

Драко склонил свою светловолосую голову набок.

— Нет, мне так не кажется. Еще одно слово, которого я не знаю. Это как треугольник с тремя одинаковыми сторонами?

— Треугольник — равносторонний, — отрезала Гермиона. — Ты временами действительно ведешь себя подло, не находишь?

— О, а вот слово, которое я знаю, — с блаженной улыбкой ответил Драко.

— Я в том смысле, как ты докатился до того, чтобы заключать подобные договоры? Одно дело — если все это было только на публику и совсем другое — если бы ты с ней занимался определенными вещами. А ты занимался?

— Расшифруй мне понятие «определенные вещи». Что тебя интересует: не вязали ли мы пинетки для бедных сироток? Или же не раздевались ли мы часом и не...

— Именно это меня и интересует, — торопливо перебила его Гермиона. — И, ради Бога, избавь меня от деталей.

Драко закинул руки за голову и выгнулся, как кошка, нежащаяся на солнцепеке.

— А ты ждала, что я делал это, да? Давай начистоту: мне семнадцать лет, ты в курсе. И я должен хотеть заниматься сексом со всем, что имеет ноги и не является при этом столом. Что ж — да, мы с Блез немного резвились. Но я с ней не спал.

Против собственной воли Гермиона испытала огромное облегчение.

— Не спал?

— Не то, чтобы это было твоим делом... но — нет. Я мог бы. И иногда хотел.

Гермиона мысленно усмехнулась.

— Что, значит, у тебя не получилось использовать секс как способ достижения своей цели?

Драко пожал плечами и откинул с глаз прядь.

— Я мальчик и не могу использовать секс, чтобы добиться того, чего мне нужно. Секс — это не средство, это цель, это именно то, чего я и хочу.

— Но только не с Блез.

— Нет, — кивнул он и добавил чуть тише, — не с Блез.

— По отношению к ней это было бы нечестно, — заметила Гермиона. — Я рада, что ты так не поступил, чего бы тебе это ни стоило.

Драко с недоумением взглянул на нее. Гермиона знала, что он не понял — никогда бы не понял — почему-то — то, что он сделал по отношению к Блез, было неправильным. С ощущением, что с этим вопросом покончено, она сунула руку в карман и, достав коробочку, что носила с собой уже три дня, вытащила оттуда три маленькие заколки Блез, одну из которых отдала Драко. Выражение его лица стало совершенно недоумным:

— Заколка Блез? Какого черта?..

— Она попросила передать это тебе, — коротко пояснила Гермиона.

— Она... что? Когда? Как? — ошарашено спросил Драко.

— Просто передала, понятно? — усмехнулась Гермиона. — Она говорила о какой-то разновидности защитной магии — больше я ничего не знаю. по мне так это обычные заколки.

— На самом деле они из чешуи василиска, — рассеянно поправил ее Драко. — Детеныша василиска, со специальным покрытием снаружи — много поколений назад среди чистокровных семей появился такой обычай: использовать в украшениях элементы темных созданий: зубы адовых гончих, кулоны из драконьей крови, костей оборотня... Мое кольцо, — он продемонстрировал свою руку, — весьма традиционно: кровь грифона в камне.

— Мне показалось, что она была искренна и действительно хотела, чтобы у тебя была одна из них. — Я боялась отдавать её тебе.

— Тебе не стоило это делать, — снисходительно заметил Драко и добавил с неприятной убежденностью. — Она меня любит.

— Как и все, — устало кивнула Гермиона. — Приколи её к своей рубашке, ладно?

— Как я сразу похорошел, — заметил Драко, делая, как ему было сказано. — Вторая для Гарри?

— Да, а третью я отдам Джинни.

— А себе?

— Да-да, она дала мне четыре, — соврала Гермиона. — не волнуйся.

Драко прищурился, однако сказать ничего не успел, потому что в этот момент открылась дверь, и вошел, неся другую тарелку, Гарри. на этот раз он был окружен, по крайней мере, девятью домашними эльфами, нагруженными тарелками, блюдами и чашками. Вид у Гарри был очень гордый и самодовольный.

— В общем, я не знал, чего тебе хочется, так что принес всего по чуть-чуть.

Драко взорвался смехом.

— Боже мой! — всплеснула в отчаянии руками Гермиона.

* * *

— Итак, куда мы теперь отправимся? — поинтересовался Люпин, в смятении изучая тисненый Министерский справочник.

Сириус, прислонясь к стене и крутя в руках крышку на своем стаканчике с кофе, взглянул на него с легким зевком. Было тихое раннее утро, им не приходилось подолгу спать в последнее время.

— Может, в Департамент Несовершеннолетних Волшебников? по вторникам он обычно на четвертом этаже.

— Что-то я его не вижу, — Люпин вернулся к справочнику. Честно говоря, он считал, что они впустую тратят время — да и Сириус был такого же мнения. Однако Рона уже третий день не могли найти, Молли и Артур были в панике. Кухонные часы на стене показывали, что он находится в пути; золотарник в ящике за окном, посаженный в день рождения Рона и магически связанный с его здоровьем и процветанием, цвел, как ни в чём ни бывало. Были разосланы совы всевозможным родственникам, извещён Дамблдор и старые знакомые. Осталось сделать официальный запрос по поводу пропажи несовершеннолетнего колдуна.

Люпин был удивлен, что Артур ещё доверяет Министерству. Сам он никогда Министерству не доверял.

Однако в Министерском справочнике наблюдалось нечто странное. Люпин, приподняв брови, пробежал глазами список:

*Департамент Ликвидации Департаментов
Департамент Укладки Одних Предметов Поверх Других
Департамент Обратной Непрерывности*

Департамент Двух Парней по Имени Винни

Департамент по Неправильному Использованию Магглов.

Люпин оторопел.

— Разве это не было Департаментом по Неправильному Использованию Маггловских Артефактов?

Сириус швырнул за плечо стаканчик из-под кофе.

— А что там не так? — он подошел и встал позади Люпина, распространяя сильный цветочно-кофейный запах. Люпин сморщился: стояло полнолуние, и его нух обострился до предела.

— Используют жасминовое мыло? — поинтересовался Люпин.

— Я первый тебя спросил, — пробежав глазами страницу, Сириус невесело рассмеялся. — Да, полная задница, правда? Тогда просто пойдем по коридору и будем открывать все двери подряд до тех пор, пока не найдем то, что нам нужно.

— Это может занять немало времени.

— Дьявольщина, — емко отреагировал Сириус, прошел к ближайшей лестнице и быстро взлетел по ней вверх — так, словно по-прежнему был мальчишкой. Его будто тянули вверх невидимые небесные веревки. не набегавшись в детстве, Сириус всегда был тем, кто хотел быстрее всех бегать и выше всех летать... Люпин, способный обогнать любого из них, сам боялся собственной скорости, Джеймс был доволен тем, что у него было, а Питер...

Сириус нетерпеливо притормозил на площадке:

— Рем, ну ты идешь или нет?

Люпин последовал за ним. Перед ними протянулся коридор — такой же, как и сотни других коридоров Министерства. Полированный мраморный пол, уходящий в бесконечность, вереница дубовых дверей. Сириус подошел к первой, гласившей, что за ней Отдел Регулирования Норм, и распахнул её.

Маленькая ведьма с лицом пикси, сидевшая за столом, подняла на них нахмуренный взгляд. Табличка сообщала, что ее имя Элис Вэк.

— Чем могу служить?

— Я ищу Департамент Несовершеннолетних Волшебников, — самый очаровательным голосом произнес Сириус. — не могли бы вы мне помочь?

Обычно подобный голос Сириуса заставлял сердца ведьм таять, словно шоколад в летний зной, но на этот раз ведьма просто занервничала:

— Я совершенно убеждена, что не имею представления, где это находится. Вы сейчас находитесь в Отделе Регулирования Заколдованных Фруктов и Овощей.

— Признаться, — глаза Сириуса метнулись к табличке и снова вернулись к ведьме, — это кажется, Отдел Регулирования Норм? Или я ошибаюсь?

Ведьма покраснела сильнее.

— Вам лучше побеседовать с господином Малфоем. Он отвечает за происходящее обновление.

— Чертов Люциус Малfoy, — сквозь зубы прошипел Сириус. — Уж я-то ему покажу эти ублюдочные обновления. Я обновлю ему морду.

— Сэр, уходите, — взмолилась ведьма. — Мы меня пугаете.

Люпин потянул Сириуса из дверей.

— Благодарю вас, — бросил он ей через плечо, — вы нам совсем не помогли, — и захлопнул дверь.

— Сириус, это уже становится смешным: все дороги ведут к Люциусу. Я вообще сомневаюсь, существует ли сейчас Департамент Несовершеннолетних Волшебников и не превращен ли он в кофейню. Чего ж нам беспокоиться?

Но глаза Сириуса горели неугасимым огнем — Люпин понял, что сейчас говорить с ним совершенно бесполезно: тот развернулся ко второй двери по правую руку (судя по табличке, Департамент прорицаний) и открыл ее.

В кабинете не было ничего за исключением огромной прозрачной сферы на одном из столов. Она вспыхнула, когда они просунулись в дверь свои головы, и

произнесла высоким вибрирующим голосом:

— Добро пожаловать в Департамент прорицаний. Мы ожидали вашего визита, а потому предпочли уклониться от встречи.

Сириус развернулся к Люпину:

— Непохоже, чтобы здесь кипела работа, правда?

— Точно. Слушай, — тихо произнес Люпин, — если хочешь, мы вместо этого можем увидеться с Френсисом Паркинсоном. Он — временно исполняющий обязанности министра.

— Он — будет на пятом этаже через полчаса, — услужливо подсказал шар.

Сириус приподнял бровь.

— Это мысль.

Люпин вздохнул:

— Пошли.

Едва Сириус потянулся к дверной ручке, шар снова запищал:

— Я должен был бы пожелать вам удачного дня, не знай я, что у вас его не будет.

— Да чтоб тебя, — в сердцах бросил Сириус и захлопнул дверь.

* * *

Выйдя из лазарета с книжками под мышкой, Гермиона обнаружила мрачного Гарри, без устали меряющего шагами коридор. Она вздохнула и строго посмотрела на него:

— Если бы за хандру добавляли очки, Кубок Школы был бы уже у нас в кармане — причем не только на этот год, но и на ближайшие несколько лет тоже.

— Ничего не могу с собой поделать. Да, кстати, я нашел Джинни. Она мне чуть голову не снесла. Спасибо, что отправила меня с таким восхитительным заданием. Есть вероятность, что завтра ты пошлешь меня к Снейпу с предложением потереть ему спину.

Гермиона проигнорировала сарказм Гарри, прекрасно понимая, что его причиной является перенапряжение.

— Чуть не снесла голову? Не очень-то похоже на Джинни. Ты уверен, что правильно её понял?

Гарри пожал плечами:

— Как тебе сказать... Она назвала меня склеротичным идиотом... Хотя, может, она имела в виду что-то хорошее.

— Странно, — озадачилась Гермиона. — Может, у нее проблемы с Симусом?

— Наверное, — равнодушно согласился Гарри. — Ты случайно не в снейповское подземелье?

— Именно туда, — они по очереди должны были помогать Снейпу с приготовлением противоядия, хотя, как была убеждена Гермиона, тот не нуждался в ассистентах и не хотел ничего присутствия. И предложение Дамблдора было просто желанием дать понять им всем — Гарри, Джинни и Гермионе — что они не совсем бесполезны. — Хочешь тоже пойти?

— Не могу — собирался днем поговорить с Сириусом в гостиной... Я помогу Снейпу завтра утром: он взял с меня обещание появиться, едва забрезжит рассвет, — Гарри скорчил рожу, зашагав рядом с Гермионой. — Хотя мне кажется, что его цель — лишить меня возможности рождественским утром распаковать подарки.

— Так давайте откроем их после обеда, — хлопнула его по плечу Гермиона. — Устроим по этому поводу что-нибудь веселое, жизнерадостное. Кроме того, я не представляю, как можно утром открывать подарки без...

— ...без Рона, я знаю — подхватил Гарри. Его глаза потемнели.

— Гарри...

Он уклонился от её прикосновения.

— Увидимся, — и направился к гриффиндорской башне.

Вздохнув, Гермиона направилась в другую сторону — вниз по ступеням восточной лестницы к библио-

теке за оставленной там вчера книгой. Она позаимствовала её у Снейпа и живо себе представляла, какое гнусное наказание могло бы её ожидать, вернись она без нее.

Войдя в библиотеку, она, к своему собственному удивлению, увидела сидящую за длинным деревянным столом Джинни — с раскрытой перед ней книгой и отсутствующим выражением на лице, которое не изменилось даже тогда, когда она подняла взгляд на севшую напротив Гермиону.

— Салют, — холодно уронила Джинни.

Порывшись в кармане плаща, Гермиона вытащила вторую заколку Блез и положила ее на стол перед Джинни.

— Прицепи ее на плащ.

Джинни взглянула на нее без всякого интереса:

— Это, кажется, штучка Блез?

Гермиона, накануне посвятившая Джинни в подробности полугодового визита Блез, кивнула.

— Драко сказал, что все в порядке.

— Ну, не замечательно ли, — наверное, о предстоящем свидании с профессором Флитвиком Джинни сказала бы с большим энтузиазмом.

— Джинни, — осторожно поинтересовалась Гермиона, — что-то не так?

— Все так, — Джинни уставилась в стол. — Но мне нужно твоя помощь. в заклинании.

— Каким же?

— Я знаю о существовании заклинания, способного определить время изготовления магического объекта, — она нервно накручивала на палец золотую цепочку, касающуюся ее тронутой веснушками ключицы. — Но я не могу его найти, а время поджимает...

— Джинни, — строго произнесла Гермиона. — Ты ведь не собираешься снова использовать Хроноворот, правда?

Джинни метнула в нее острый взгляд, в котором была смесь гнева, боли и негодования:

— Так Драко тебе рассказал?

— Ну, да, — удивленно кивнула Гермиона. — Он знал, что я не буду рассказывать всем подряд, и спрашивал, есть ли у Хроноворота отрицательные побочные эффекты при частом использовании...

— Наверняка он и Гарри рассказал, — горько заметила Джинни. — Мне должно было прийти в голову, что он ничего от тебя не скрывает.

— Джинни, есть весьма неприятные эффекты: каждый раз, путешествуя в прошлое и обратно, ты расплываешься...

— Но ты же пользовалась им ежедневно!

— Я возвращалась только на час. А ты возвращаешься на годы. И дело не только в этом, но и в том, что существуют определенные правила использования Темпорального Устройства: ты не можешь менять прошлое. Ты была безобразно небрежна...

Глаза Джинни вспыхнули:

— Я не была небрежной!

— Это не значит, что я не ценю сделанное тобой, — спокойно продолжила Гермиона. — Этой книге просто цены нет, — она подтолкнула через стол в сторону Джинни Liber-Damnatis. — И всё же это вовсе не значит, что, забрав ее, ты не поступила глупо. Разве мы хотим иметь в своих руках что-то, имеющее отношение к Люциусу Малфой? Я понимаю, ты сделала так из самых лучших побуждений, однако, побуждения — это не всегда то, что мы... — она осеклась, увидев выражение лица Джинни. — Отлично. Не обращай внимания. Просто — верни книгу обратно в Имение. Я сняла с неё копию, и думаю, что оригинал должен находиться вне Хогвартса — из соображений безопасности.

Джинни вся затрепетала, взглянув на лежащую между ними на столе книгу.

— Я поверить не могу, — холодным тихим голосом произнесла она. — Если бы не я, то Драко и Гарри все еще торчали бы на макушке этой чертовой башни. Я спасла их жизни... Хотя бы капелька благодарности...

— Мы тебе благодарны...

Джинни произнесла в ответ такое нехорошее слово, что Гермiona от удивления осеклась и вытаращила глаза.

— Да ничего подобного. Ты меня опекаешь — вот и все, что ты делаешь, а что касается Драко с Гарри... — да они не заметили бы, рухну я замертво на пол! Я не представляю, как вынести все это. Тебя что — это не волнует?

— Что именно? — не поняла Гермiona.

— Драко и Гарри.

Гермiona нахмурилась.

— Не понимаю, о чем ты. Что с Гарри и Драко?

Джинни резко и неприятно рассмеялась.

— Что — разве тебя не беспокоит то, как они общаются друг с другом? Словно больше ничего вокруг не существует. Они так глубоко проникли друг в друга, что я уже с трудом понимаю, кто из них кто. Задай вопрос Гарри — ответ получишь от Драко. Когда Гарри не в лазарете, он такой нервный, что снесет тебе голову за любое неправильное слово. Он ходит кругами по кабинету зельеведения, с несчастным видом роняя флаконы и рассыпая порошки.

— Он несчастен — это естественно, — кивнула Гермiona, — у него есть на это причины.

— Он бесконечно повторяет, что Драко не умирает, — произнесла Джинни, все отчаяннее и отчаяннее теребя золотую цепочку, заклинания на её браслете негромко позвякивали.

— И большая часть его верит в это, однако в глубине души он просто в ужасе, — сказала Гермiona. — Он боится, и мы все тоже боимся. Если ты спросишь меня, сожалею ли я о том, что они друзья, — я отвечу «нет». Я рада, что Гарри беспокоится о Драко и Драко беспокоится о Гарри, — ведь ни тот, ни другой раньше не имели семьи. Я не понимаю, почему меня должна пугать такая дружба?

— На твоём месте, — Джинни говорила ровно, отчетливо и жестко, — я бы побоялась того, что, если Драко умрет, он заберет Гарри с собой.

Гермiona очень осторожно опустила на стол свою книгу.

— Не возьму в толк: о чём это ты?

— Да ты просто не хочешь ничего видеть! — Джинни уронила руки на стол. — Ты говоришь, что они «друзья», словно речь идет о простой, самой обычной дружбе; у меня есть друзья, Гермiona, однако это совершенно другое дело. Они друг от друга зависят, словно... словно являются друг для друга каким-то наркотиком, словно могут жить, только если употребляют его. Думаешь, для них такое положение вещей — хорошо? Словно ни один из них не является полноценной личностью — только половинкой? Мне ужасно больно, когда я вижу это, — просто невыносимо!

— Больно? — где-то под недоумением, которое ощутила Гермiona от слов Джинни, начал расти гнев. — Невыносимо? Я ничего такого невыносимого не вижу. Конечно, их дружба необычна: но они ведь и не являются обычными людьми. Обычные люди не смотрят в глаза смерти каждый день. Собираясь стать Гарри другом, ты должен знать, что можешь умереть, ты должен знать, что ради него, возможно, придется взглянуть смерти в лицо. Как Драко. Он умирает ради него. Ради него он готов промчаться тысячу миль. Если он не сможет бежать, он придет. Если у него будут сломаны ноги — приползет. Все хотят спасения мира и ждут этого от Гарри. А Драко... — нет, спасение мира его не беспокоит, единственное, что его волнует, — это Гарри. Ведь должен же кто-то считать его важнее всего, — сам он никого к себе не подпускает...

Джинни вцепилась в край стола так, что у нее побелели пальцы.

— То есть, Драко предполагает... он хочет пожертвовать собой ради Гарри?.. Умереть вместо него? Он боготворит Гарри... — это нечестно.

— Он хочет для Гарри самого хорошего, — тихо произнесла Гермiona. — Он любит Гарри так, как ты

сама любишь всё то лучшее, что в тебе есть...

— Гарри безупречен, — произнесла Джинни. — Мы все безупречны, у нас у всех есть недостатки.

— Знаю, но Драко их не видит, что в этом плохого?

— Потому что это заставит его возненавидеть себя! — Джинни сорвалась на крик. — А любовь должна делать человека сильнее, а не забирать у него силы, она должна помогать жить, а не убивать! Но тебе все равно — ты заботаешься о нём не больше, чем все вы заботитесь обо мне! Но ты еще увидишь... Ты еще поймешь, что это такое, когда они отгородятся от тебя — как вы с Гарри и Роном, вы все эти годы закрывались от меня. Всё, что сделал со мной Том... да ты никогда не хотела обращать на это внимание — ты видела только то, что хотела видеть. Так Гарри сейчас смотрит на Драко... да я могу умереть у тебя на глазах, как сейчас перед Гарри умирает Драко, — и ты даже глазом не моргнешь...

— Джинни! — вскрикнула Гермiona, вскакивая на ноги и едва не роняя свой стул. — Это не так!

— Черта-с два, не так! — в глазах Джинни сверкнули злые слезы. Она сгребла со стола свою сумку, кинула туда Liber-Damnatis и, закинув сумку на плечо, поднялась на ноги. — И не нужны мне эти дурацкие заколки — я вообще не хочу ничего принадлежащего Блез — этой... этой проститутке! Меня вообще от всех вас тошнит!

Гермiona отшатнулась назад, когда Джинни швырнула ей в ноги заколку, и та звякнула об пол. Присев на корточки, Гермiona взяла ее в руки, испытывая стойкое нежелание снова выпрямляться.

— Origio, — наконец произнесла она, уставясь на лежащую у нее на ладони заколку. — Origio — это то заклинание, которое ты искала.

Джинни не ответила. Поднявшись, Гермiona увидела, что та уже ушла.

* * *

Перси потребовалось два дня, чтобы привести свой временный кабинет в более-менее рабочее состояние. Там появились его перья и чернила, стопка пергаментов в папке Исходящих и куда более тонкая — во Входящих. Стол с аккуратно подписанными папочками, пергаментик на каждый день с четко расписанными указаниями. Единственное, чем кабинет был нехорош — у него было только две стены.

— Так-так... Умоляю, поведайте мне, что все это значит? Что делает ваш стол посреди холла?

Подняв глаза, Перси увидел стоящего над ним со скрещенными на груди руками Люциуса Малфоя, от выражения лица которого молоко бы вмиг свернулось.

— Это не просто стол, — с готовностью ответил Перси. — Это так же и мои шкафы и реестры. И мои перья. Я тут все устроил на скорую руку.

— А вы, собственно, кто? — удивленно приподнял брови Люциус Малфой.

— Я — Перси Уизли, помощник главы...

— А, Уизли... — Люциус выплюнул это слово, словно комок грязи. — Я должен был узнать... Итак, мистер Уизли, почему вы не в своём кабинете? Разве вы не знаете, что по правилам Министерства запрещено размещение мебели в холлах, предназначенных для официального использования?

— Но я же должен где-то работать, правда? — обиженно спросил Перси.

— А ваш кабинет?

— Это чулан для щеток, — пожаловался Перси. — Я попробовал работать там, но мне на голову постоянно сыплются швабры.

— Возможно, они пытаются вам на что-то намекнуть, — заметил Люциус, блеснув глазами. — Насколько я помню, весь персонал, оставленный без кабинетов, был распушен по домам — до тех пор, пока проблема не будет устранена.

На лице Перси отразился такой ужас, словно Люциус сообщил ему, что поджог приют.

— Отправиться домой? Сейчас, когда мне нужно подготовить отчет по поводу ковров-самолетов и представить его марокканскому министру в пятницу? Я был бы рад попасть домой хотя бы в Рождество!

Выражение лица Люциуса стало совершенно непроницаемым:

— Идите домой, мистер Уизли.

— Ни в коем случае, — заупрямился Перси.

— Идите домой, — предупреждающим тоном повторил Малfoy, — пока ваш кабинет снова не превратился во что-то, а вместо стола вы не обнаружили черепаху или какое-либо малоприятное насекомое...

Перси побурел, веснушки вспыхнули на его лице.

— Мой стол? Только не мой стол! Он принадлежал мистеру Краучу! Это настоящее красное дерево!

С утомленным видом Люциус поднял свою палочку: — Tortugas!

Даже представители министерства, трудящиеся в отдаленных закоулках Департамента Регулирования Сахарных Перьев и Других Письменных Принадлежностей слышали эхо мученического вопля Перси:

— Только не мой стол!!!

Носком начищенного до блеска оксфордского полуботинка Люциус удовлетворенно попинал огромную коричневую полированную черепаху, имеющую совершенно обалдевший вид.

— Великолепно.

* * *

Рона частенько в его жизни будили весьма грубым образом: когда ему было семь, Фред и Джордж решили попрактиковаться на нем призывающее Заклятье, в результате чего он проснулся на грядке с салатом. Год назад, перебрав на пиру во время Хеллоуина, он очнулся в женской ванной на четвертом этаже. И все же он оказался не готовым к пробуждению на голом каменном полу безлюдного замка в окружении разбитых шахматных фигур, при этом его щекотала сидящая в золотой клетке абсолютно обнаженная девушка с длинными черными волосами и задумчивым лицом.

— А-а-а! — Рон сел так быстро, что у него закружилась голова. — Убери от меня свои руки!

Девушка захихикала и откинулась на пятки. Ее иссиня-черные волосы практически закрывали ее тело. Однако не полностью.

— Доброе утро, — дружелюбно произнесла она. — Хорошо спал?

Рон фыркнул, глядя в сторону, и почувствовал, что с его головой что-то не так: прямо над левой бровью набух болезненный синяк, хотя в остальном он был цел и невредим. На нем по-прежнему была надетая на вечеринку в Имение одежда. Рука ныла в том месте, где на ней был змеиобразный ожог — так всегда случалось, когда он сильно уставал.

— Ты ведь меня знаешь, — поинтересовалась девушка, как можно ближе подбываясь к его уху, — правда?

— Ты Рисенн. Да, я знаю.

— Тёмного Лорда сейчас нет, если тебя это интересует, — заметила Рисенн. — Он не вернется до наступления ночи.

— По правде говоря, меня сейчас не это волнует. Меня беспокоит ты.

— Я?

— Ты... голая. Это... сбивает с толку.

— Да-да, понимаю. Прошу прощения, — фыркнула она и через миг поинтересовалась, — так лучше?

Он повернулся и взглянул на нее: волосы были отброшены за плечи, а на ней красовалось что-то вроде черного корсета — признаться, это несильно улучшило ее вид.

— Спасибо, — поблагодарил Рон, поднялся и огляделся. Он помнил эту комнату, она была такой же, как и минуту — час? — сутки? — назад, хотя тогда он и

не оценил её красоты. Стулья, напоминающие сверкающие троны, факелы на колоннах, украшенных резьбой в виде виноградных лоз, огромный камин с резными ангелами, которые, при ближайшем рассмотрении, прикрывали глаза своими крылами... за решеткой яростно выло оранжево-зеленое пламя.

— А у вас тут неплохо, — заметил Рон.

— Да, немножко отличается от Норы, — раздался голос из дверей, — не находишь?

Этот высокий холодный голосок был узнаваем, даже знаком. у Рона по спине пробежал холодок, обернувшись, он увидел притаившегося в темноте дверного проёма Червехвоста — поблескивающее в свете факелов бледное потное лицо, сияющая серебром рука.

— ... жаль что, — продолжил Рон, обращаясь к Рисенн, но не сводя глаз с Червехвоста, — здесь, кажется, водятся крысы.

Рисенн хихикнула:

— Это не совсем мило с твоей стороны. Питер невероятно чувствителен ко всему, что имеет отношение к его прежней сущности... Да, Питер?

— Заткнись, стерва, — рывкнул он, сверкнув на нее своими маленькими, глубоко посаженными глазками. Рисенн зашипела в своей клетке. Рон неожиданно ощутил себя в каком-то сюрреалистическом зоопарке.

— Слезливая крыса, — издевательски бросила она.

— Шлюха Люциуса, — ответил он.

— Разговор невероятно занимателен, однако я бы хотел прогуляться, — громко заявил Рон.

Они оба с недоумением уставились на него.

— Прогуляться? — переспросила Рисенн. — Куда?

— Для начала, подальше от вас, — расправил плечи Рон. — Я голоден. Я устал от этой комнаты. Сами-Знаете-Кто не говорил мне, что её нельзя покидать, — ну так я и не останусь здесь, — он прищурился. — И попробуйте только меня остановить.

— Я и не собираюсь, — в голосе Червехвоста задребезжал смехок. — Хочешь — иди. Помню-помню, как мы прогуливались вокруг озера: ты и я в моем кармане...

— О, умолкни, — раздраженно бросил Рон. — Мне тогда было тринадцать. Сейчас мне семнадцать. И я давно пережил всю эту драматическую крысиную возню. Ты был паршивой паскудной крысой. Сейчас ты паршивый паскудный человек. А теперь уйди с дороги.

Червехвост сделал шаг, пропуская Рона к дверям. Его глазки злобно поблескивали.

— Возможно... прежде, чем ты пойдешь, мы могли бы переговорить?.. — прошипел он сквозь желтые в свете факелов зубы. — у меня есть предложение, которое не может тебя не заинтересовать...

— У меня тоже, — Рон распахнул дверь. — Отвали, — он вышел и громыхнул за собой дверью.

— Знаешь, — заметила Рисенн в последовавшей тишине, — похоже, он начинает мне нравится больше, чем прошлый...

* * *

Прибыв на четвертый этаж, Сириус и Люпин обнаружили, что он абсолютно безлюден — за исключением того, что у одной из стен с совершенно ошеломленным видом стоял Перси Уизли. Помедлив, Сириус покосился на Люпина, тот пожал плечами:

— Давай, дружище.

— Перси, — шагнул вперед Сириус, — мы ищем министра Паркинсона. Ты его видел?

Перси ничего не ответил.

— Перси, — мягко повторил Сириус, — у тебя все в порядке?

Перси продолжал смотреть в пространство отсутствующим взглядом.

— Черепаха... — вдруг сказал он. — Черепаха умчалась с моим отчетом о коврах-самолетах.

Люпин подавился смехом. Сириус строго взглянул на него и снова повернулся к Перси:

— Перси, знаешь, существует масса сортов кофе

без кофеина — на вкус они так же хороши, как и обычный кофе.

Перси скинул голову и негодуя взглянул на Сириуса:

— Я не сошел с ума. И не переутомился. Вы же сами сказали мне остаться в Министерстве и наблюдать — ну, так я это и делал. Только вот Люциус Малфой превратил мой стол в черепаху.

— Почему в черепаху? — спросил Сириус.

— А почему бы и нет? — поинтересовался Перси.

— Тоже верно, — согласился Люпин.

Перси указал рукой в сторону дальней двери:

— Кстати, он отправился туда.

— Кто — черепаху?

— Френсис Паркинсон.

— Спасибо, Перси, — Сириус хлопнул рыжеволосого юношу по плечу.

— Нет проблем, — махнул рукой Перси.

Сириус рванул вперед, волоча за собой Люпина. на двери красовалась табличка: Департамент Контроля за Заклятиями Памяти.

— Как думаешь, что он тут делает? — поинтересовался Люпин.

Сириус пожал плечами и толкнул дверь, за которой оказался типичный министерский кабинет: столы, стулья, плавающий в воздухе тубус для свитков, куча пустых чернильниц, ожидающих, когда домашние эльфы снова их наполнят. Между столами скользили люди в темных мантиях — Сириус некоторых узнал. И это ему сильно не понравилось.

В центре комнаты в черной мантии красовался себестоимый Люциус Малфой. Он говорил с лысым крепышом — волшебником с круглым лицом и пороссячим носом, в ком Сириус немедленно опознал свежизбранного министра Френсиса Паркинсона.

— То есть ты хочешь сказать, что драконьи гонимые не смогли напасть на её след, Паркинсон? Я-то думал, мы знаем все безопасные дома в Британии...

Он осекся, словно почувствовав присутствие Сириуса, и развернулся. Их взгляды скрестились, и Люциус улыбнулся, продемонстрировав острые собачьи зубы.

— Малфой, мне нужно с тобой поговорить, — произнес Сириус.

— А, Сириус Блэк, — на лице Люциуса появилась холодная улыбка. — Как я предполагаю, пришел, чтобы доставить мне головную боль.

— Знаешь, от головной боли есть великолепное средство, — ответил Сириус. — Гильотина.

— Я не думаю... — зарокотал Френсис Паркинсон, но Люциус заткнул его взмахом руки.

— Френсис, все прекрасно. Мы с Блэком... старые приятели, — со скучающим видом Люциус прислонился к ближайшему столу. — Я так полагаю, ты насчет оспаривания прав на усыновление, да? Увы — пока не назначена дата слушаний, мой поверенный запретил мне обсуждать это с тобой. Как жаль. Может, вместо этого побеседуем о погоде?

— Я здесь не по этому вопросу, — возразил Сириус. — Я насчет пропавшего без вести Рона Уизли.

Министр Паркинсон вздрогнул и потемнел лицом.

— Что — Уизли вдруг потеряли своего щенка? — поинтересовался он. — с чего бы они решили об этом сообщать?

Сириус стиснул зубы.

— Он пропал со времени субботнего приема, — заговорил Люпин. — Его выбросило вместе со всеми остальными, вот только обратно он не вернулся.

— А может, все дело в том, что он просто не хочет возвращаться домой? Тут у нас есть еще один Уизли — всё мотается по коридорам, и не хочет отправиться во свояси ни под каким видом. Может, эти Уизли бьют своих детей?

— Перси здесь потому, что он здесь работает, — возразил Люпин. — А Рон — он еще ребенок, возможно, он потерялся, возможно, он ранен, не может вернуться домой... Министерство выставило бы себя

не в лучшем свете, не сделай оно ничего для его поисков.

— Нет-нет, — возразил Люциус. — Только не это, — он злобно усмехнулся и уселся на угол стола, сложив руки, — такие же, как и руки его сына: изящные, аккуратные, с длинными пальцами, куда более красивые, чем могли пожелать их обладатели — на колене. — Ладно, Блэк. Ты же умный человек. Просто исключительный в некотором смысле. И можешь зреть в корень.

— Представляешь: я себе это каждый день повторяю. Признаюсь, от кого-то другого подобное звучит куда как приятнее

Люциус проигнорировал этот пассаж.

— Мы все видели, что произошло на приеме. Осмелюсь заметить, что подростки всегда останутся подростками. Однако после всего того, что наделал юный Уизли... — да-с, спал с любовницей своего лучшего друга... — прямо скажем, это никогда не являлось блестящей идеей, тем более, если твой лучший друг — Гарри Поттер, знаменитый и могущественный волшебник с экстраординарными способностями мага... И когда все твои проделки вытасканы наружу самым публичным и унижительным образом... — скажи, ты бы не боялся вернуться домой?

— То есть ты предполагаешь, что Рон просто боится Гарри? — недоверчиво уточнил Сириус.

— Я не предполагаю, — подчеркнул Люциус, — я это говорю.

Пожиратели Смерти — Сириус прекрасно понимал, что это именно они, а не обычные министерские клерки — захихикали.

— Гарри Поттер неустойчивый и опасный, — по писанному выводил Люциус, — волшебный мир давно об этом знает, и лишь страх и упрямые управленцы связали нам руки и не дали ничего предпринять по этому поводу. Необходимо напомнить тебе, что в последний раз, когда магид стал отщепенцем, потребовалась целая команда боевых колдунов, чтобы решить эту проблему.

— Отщепенец? — взорвался Сириус. — Боевые колдуны? Гарри не обезумел от ярости, потому что Рон — его лучший друг... нет, это просто до смешного нелепо: он прекрасно воспитанный мальчик, никогда не вел себя небрежно со своим даром...

— Возможно, — согласился Люциус, внимательно изучая свои ногти, — раньше просто не было повода. Существуют определенные вещи, которые могли бы все это запустить: ярость, например. Или мечта о возмездии. Или горе от ... некоторого рода потери...

— Ублюдок, — вскипел Сириус, не в состоянии более удерживать себя. Желание перепрыгнуть через стол, и разбить самодовольную физиономию Люциуса Малфоя было непреодолимым. — Если ты думаешь...

— Довольно, — надменная маска Малфоя поблекла и за ней возникла ненависть — холодная и неподвижная, как Дурмштрангский ледник. — Ты идиот, что явился сюда, — тихо произнес он, и кольцо Пожирателей Смерти сжалось вокруг него. Их лица были такими же — холодными и решительными. — Ты, конечно, можешь прятаться за мощной магией или прикрываться более сильными друзьями, — всё равно они не всегда смогут тебя защитить, их покровительство не будет вечным. На твоём месте я бы сюда больше не приходил. Здесь не место ни тебе, Сириус Блэк, ни твоему дружжко-оборотню.

В этот миг Люпин, хранивший безмолвие все это время, шагнул вперед и положил другу руку на плечо.

— Почему? — тихо спросил он у стоящего перед ним блондина. — Я не прошу объяснений, просто — почему? Ради чего все это? Что может значить для тебя этот мальчик — пусть он даже лучший друг Гарри Поттера? Он же просто ребенок...

В арктически-холодных глазах Люциуса что-то блеснуло.

— Рональд Уизли ровесник моего собственного сына, — ответил он, впервые взглянув прямо

на Люпина. — И, как вы могли бы заметить, его тоже не пощадили. в войне нет невинных.

— А что — разве мы воюем? — резко спросил Люпин. — Я не заметил.

— Именно. И, кстати, к тому времени, когда вы, наконец, соизволите это заметить, вы уже проиграете.

* * *

Скрестив ноги, Гарри сидел на диване в гриффиндорской гостиной, вежливо-вопросительно глядя в камин.

— Так о чем ты хотел поговорить со мной, Сириус? Тот улыбнулся крестнику.

— Понимаешь, дело касается Рона. Просто, раньше я тебе не говорил — понимаю, что сейчас у тебя это не самый любимый предмет для бесед, да и не хотел дёргать тебя понапрасну.

— Я... — по лицу Гарри промелькнули негодование и робость.

— Я всё знаю, — перебил его Сириус, — как и все — всё знают, Гарри. в другое время я бы не заикнулся об этом, но, к сожалению, это относится к теме разговора. Рон, — подчеркнул он, — до сих пор не вернулся домой.

Зеленые глаза Гарри расширились за очками.

— Не вернулся?

— Нет. Но его исчезновение надо держать в секрете: насколько я знаю, Артур с Молли даже не стали говорить об этом Джинни. Днем я был в Министерстве и говорил с Люциусом...

Гарри осклалился.

— Люциус, — выдохнул он, вложив в простое трехсложное имя всю месть и ярость мира. — Почему с ним?

— Это же было его Ураганное Заклятье, — пояснил Сириус. — Кроме того, он занимает высокий пост в Министерстве — в настоящее время, конечно. по его личному мнению, — Сириус напрягся, — Рон просто сбежал. Во Францию или куда еще — словом, какой-то бред. Он говорит, что Рон боится с тобой встречаться после того, что натворил, а еще он сказал, что...

Сириус чувствовал, что язык не поворачивается продолжить, однако Гарри, казалось, был рад ему помочь:

— Он сказал, что Рон боится меня, — холодным тоном подхватил он, — потому что я великий Гарри Поттер, я неустойчив и опасен — и всё такое.

— Именно так, — согласился Сириус. — не то, чтобы Люциус — образец психического здоровья, но сегодня мне показалось не слишком удачной идеей указывать ему на сей факт. Определенно — что-то происходит. Если что-то случилось с Роном, — почему они это скрывают? Они что-то от него хотят? Или пытаются добраться до тебя?..

— Тогда почему нет посланий с условиями его возвращения? — спросил Гарри с остекленевшими от напряжения глазами. — Предложения заплатить выкуп или послать по почте отрубленные руки-ноги?

— Точно. Подумай, Гарри. Ведь ты последний видел Рона...

— Так же, как и вы — на приеме...

Сириус вздохнул:

— Вот черт, может, он и, правда, сбежал?

Глаза Гарри полыхнули:

— Нет. Он бы так не поступил, он не боится меня. на вечеринке, когда Драко всё высказал ему, он все это принял — все брошенные ему в лицо слова. Он не сопротивлялся, не рвался в драку. Он знал, что был неправ, он хотел дать мне понять это ... нет, он бы не стал сбежать.

Сириус устремил на крестника взгляд прищуренных глаз, Гарри поднял на него глаза — решительные, зеленые, с залегшими под ними синими тенями.

— Ты слушаешь по Рону? — спросил Сириус.

— Постоянно, — Гарри ответил таким тоном, что Сириус тут же понял, что продолжение расспросов

в этом русле более чем не приветствуется.

— А Люциус... — он ничего не рассказал вам про Рона?

Гарри покачал головой:

— Я ничего такого не помню. После того, как он всех расшвырял, у меня все немного помутилось. Отчетливо помню только тот момент, когда мы уже на башне.

Сириус недоуменно замер. Перед глазами появилась отчетливая картинка: привалившийся к стене Перси, указывающий в сторону отдела, где находился Люциус: Департамент Контроля за Заклятьями Памяти. Сириус прищурился:

— То есть от момента Ураганного Заклятья до башни ты ничего не помнишь?

— Я как-то не думал об этом, но — не помню, — покачал головой Гарри.

Сириус затаил дыхание:

— А Драко?

— Если что и произошло, он со мной этим не поделился.

— Ты сейчас можешь с ним связаться? Я с ним тоже хочу поговорить.

Гарри мрачно кивнул:

— О*кей.

Мгновение Сириус ждал, что он поднимется и пойдет за Драко, прежде чем его осенило, что Гарри вовсе не обязательно это делать. Он увидел, как глаза крестника померкли и расфокусировались, руки разжались и расслабленно легли на колени. Он видел, как в основании шеи Гарри быстро пульсирует жила, видел напряженную энергию худых рук и упрямого подбородка. Внутри Гарри появился какой-то стальной стержень — в последнее время это стало очевидным, и Сириус был рад этому — Джеймс, на которого Гарри был так похож, ничем подобным не обладал. Конечно, он был смел и отчаян по необходимости, однако, в нём не было безжалостности в достижении поставленной цели. Сириус удивился тому, что теперь это было у Гарри. Если нужно было быть жестоким — он становился таким.

Глаза Гарри снова прояснились, тёмные ресницы опустились.

— Он тут.

— Хорошо, — помедлив, Сириус начал с вопроса, ответ на который вряд ли можно было получить:

— Как он? в смысле бодрости духа, а не здоровья — о самочувствии меня оповещает мадам Помфрей.

Зелёные глаза блеснули, Гарри ответил ровным голосом.

— Ну, я думаю, его уже мутит от лазарета и необходимости в нём находиться. Я уверен, он мечтает, чтобы Снейп поторопился с изготовлением противоядия. Но с ним всё в порядке.

— В порядке?

— В порядке, — ровным голосом повторил Гарри. — Думаю, он устал от дурацких вопросов о его самочувствии, и, тем не менее, он в порядке.

Раньше, чем Сириус смог продолжить, портрет отодвинулся, и предмет обсуждения вошел в гостиную. Сириус не знал, чего ожидать, Драко же выглядел, как всегда: ну, может, разве что чуть тоньше и чуть более устало. Красный свитер мешковато висел на нем, а пламя камина окрашивало его глаза в цвет дымного золота. Кивнув Сириусу, он подошел и присел рядом с Гарри — тот слегка подвинулся в сторону, даже не взглянув на него. Сириус прокашлялся, испытывая необъяснимое беспокойство, когда две пары глаз — серые и зеленые — уставились на него с вежливым вопросом.

— Гарри уже объяснил мне, о чем вы тут беседовали, — с готовностью начал Драко. — Я тоже не помню, как очутился наверху. Я, было, думал, что дело во мне, — очевидно, это не так.

— А вы с Гарри об этом не говорили?

— Сложновато беседовать о том, чего ты

не помнишь, — любезно заметил Драко.

— Вы-то сами как думаете, что могло произойти?

Скрестив ноги, Драко облокотился о колени.

— Думаю, отец применил к нам Заклятье Памяти, — спокойно предположил Драко. — Видимо, было что-то такое, что мы не должны были вспоминать. Он всегда практиковал эти заклинья, да еще и сам создал несколько — из тех, которые нельзя ни обнаружить, ни снять. Я так полагаю, нам об этом не узнать, но...

— Ты думаешь, тут есть какая-то связь с Роном? — перебил его Гарри.

— Я? — Драко поколебался. — Думаю, еще как. в том смысле — ведь его тогда все видели в последний раз?

Оцепенев от напряжения, Гарри стиснул руки вокруг колен.

— Ненавижу твоего отца, — пробормотал он, уставясь на носки своих ботинок. — Я ненавижу твоего ублюдочного, долбаного отца.

Драко вздрогнул и покосился на Гарри — в его на миг распахнувшихся глазах Сириус увидел такую беззаветную и решительную преданность, что застарелые воспоминания вернулись и встали у него перед глазами. Гарри повернулся к Драко — и лицо у того снова стало совершенно непроницаемым, словно защитные барьеры встали на свои места.

— Прости, — произнес Драко.

— Ты не виноват, — ответил Гарри без особых эмоций, ровным, мертвым голосом. — Я просто чувствую себя дураком.

— Вы же не могли об этом знать.

— Я должен был догадаться, — отрезал Гарри. — Я просто не захотел об этом думать. Когда мы вернулись сюда, когда я поднялся к себе в спальню... Я нашел что-то на своей кровати — что-то, похожее на подарок. Пошарив в кармане джинсов, он продемонстрировал лежащее на ладони нечто, напоминающее сломанную игрушку. Присмотревшись, Сириус оторопело опознал в этом шахматную фигурку. Коня, сделанного из зеленого камня и расколотого пополам. — Я подумал... — голос Гарри дрогнул. — Я подумал, что фигурка — от отца Драко. Я подумал, это что-то вроде намека на то, что я свой ход сделал, теперь его очередь. И он, таким образом, демонстрирует мне, что он совершил. Только вот теперь я думаю, что ни ко мне, ни к Драко это не имеет никакого отношения...

Глаза Драко метнулись от фигурки к Гарри:

— Ты не сказал мне...

— Нет, — кивнул Гарри. — Прости. Я подумал, что это неважно... Она принадлежала моему отцу?

Драко, нахмурившись, взглянул на фигурку.

— Выглядит как-то знакомо, однако я не помню, где я видел ее раньше.

Гарри умоляюще взглянул на крестного:

— Сириус...

Сириус вздохнул:

— Дайте-ка мне ее... — он потянулся из камина за фигуркой, сделанной из дорогого, гладкого и тяжелого мрамора. Она была разрезана напополам — ровно, словно ножом. — Похоже на скрытую насмешку... Ее мог послать Люциус, или один из Пожирателей Смерти, или...

— Или сам Вольдеморт, — монотонным, но решительным голосом произнес Драко. — Но в этом не никакого смысла...

— Точно, — согласился Гарри. Его голос дрожал от страха и чего-то еще, в глазах загорелся странный темный огонь. — Нет, в этом нет смысла... После всего, что произошло... зачем бы понадобился Рон Пожирателям Смерти?

* * *

Уже наступил день, а Рон все бродил и бродил по замку. До него начало доходить, почему Червехвост и Рисенн посмеялись над ним, когда он сказал, что хочет пойти прогуляться. Чего было у замка не отнять —

так это красоты: колонны в виде серебряных змей с топазовыми глазами и мечами в пастях. Стеллажи из бронзы и агата. Тяжелые портьеры с нефритовыми застегивками. Витражи на окнах — красные, синие, золотистые — за которыми вздымались поросшие бурьяном и покрытые сухостоем горы. Вдалеке вилась серебряная речка, тонкая, как одна из улыбок Люциуса, а сверху все это было накрыто синим куполом неба. И все же кое-чего в этом замке, набитом драгоценностями, явно не хватало: не было людей, а также открывающихся и ведущих наружу окон и дверей.

— И снова здравствуйте, — устало произнес Рон, возвращаясь в комнату с шахматной доской и клеткой. Осмотревшись, он увидел, что Червехвост уже ушел, хотя Рисенн по-прежнему тихо восседала в своей сверкающей тюрьме.

Рисенн подняла на него глаза:

— Тебе принесли поесть, — она безразлично махнула рукой в сторону стоящего на одном из столов подноса. Рон кинулся к нему едва ли не бегом и с жадностью набросился на самую простую еду — хлеб, сыр, немного шоколада. Ему было все равно: он проголодался.

— Кстати, я понял, почему вы надо мной смеялись, — сказал он с набитым ртом в перерывах между глотками. — Здесь нет дверей, выходящих на улицу, да?

— Здесь вообще нет дверей, — скучающе наматывая пряжку черных волос на палец, сообщила Рисенн. — Единственный выход из замка — аппарирование.

— И что — ты не можешь?.. — фыркнул Рон.

Между бровей Рисенн появилась тонкая складочка.

— Я могу уйти отсюда. Однако тогда получится, что я без разрешения покинула Люциуса — а этого я делать не могу. Я обязана ему.

— Тогда зачем эта клетка?

— Она не дает мне в полную силу использовать мои возможности, — с легким отвращением пояснила Рисенн. — Подозреваю, что Люциус меня просто боится. Золото — самый нелюбимый демонами металл: он напоминает презренное солнце. И влияет на наши способности.

Рон не расслышал последнюю фразу, его голова шла кругом.

— Так ты демон? — она просто улыбнулась ему в ответ. — Я раньше видел демонов, они были совсем не похожи на тебя.

— Я демон только наполовину, вторая половина смертна. Моя мать была демоном, а отцом был Малfoy.

— Ясно, — Рон потянулся к ближайшей шахматной фигурке — ладье.

— Значит, ты демон на все сто, малфоевская часть — тоже не сахар.

Она нахмурилась:

— Видимо, ты не понял, что я оказала тебе честь, поведав о своей природе. Я раньше никому об этом не рассказывала.

— А почему мне? И почему сейчас?

— Потому что здесь нет никого, кому бы ты мог передать мои слова, — просто ответила она. — И ты не сможешь никому ничего рассказать, поскольку никогда не вернешься, для тебя нет пути назад — как нет его для человека, попавшего в Ад.

— Это неправда, — Рон стиснул фигурку так, что ему стало больно. — Я сбегу отсюда.

— Отсюда не сбежишь.

— Значит, придет Гарри и найдет меня.

Рисенн приподняла брови и взглянула на него; он увидел, какими серыми были ее глаза — такими же, как и в первый день, когда она спустилась по ступенькам с Чарли. Теперь, когда она сообщила, что тоже из семьи Малфоев, он осознал это — ее глаза и вправду были похожи на глаза Драко. Только у того они были цвета серебра в лунную ночь. Ее же серебряные глаза лихорадочно горели, в зрачках полыхало пламя.

— После всего, что ты сделал, он за тобой не пойдет.

— Ты не знаешь Гарри, — возразил Рон.

— Да ну? — с любопытством и весельем усомнилась она. — Ты ведь думаешь, что он придет за тобой, потому что он любит тебя. Да, он неосторожно и, подчас, незаслуженно дарил свою любовь. Я демон — возможно, ты думаешь, что я ничего не понимаю, — однако, я не вижу, чтобы ваша с ним обоюдная любовь дала тебе что-то, кроме того, что ты очутился здесь, встав на этот путь. Я живу уже шесть столетий, и насмотрелась на результаты любви. Боль и ужас, отчаяние и пожар. Судьба равнодушна, правосудие слепо, и только любовь просто ненавидит человечество и прекрасно знает лучший способ заставить его страдать от своих тошнотворных поцелуев.

Рон не смотрел на нее, вместо этого он уставился на доску с этими чередующимися черно-белыми квадратами. Когда он заговорил, голос его был ровен:

— Гарри придет за мной, даже если ему придется пойти сквозь пламя. Я знаю — он придет.

— Я смотрю, ты в него веришь, — полувопросительно заметила Рисенн.

— Любовь — это вера.

На миг она испугалась:

— Где ты это услышал?

Поколебавшись и поняв, что смысла лгать все равно нет, он ответил:

— В видении. Я увидел это у себя в голове.

— Ты имеешь в виду — прошлой ночью? — с любопытством поинтересовалась Рисенн, теперь она утратила свой древний и злобный вид и превратилась в простую любопытную девчонку, во что Рону верилось ещё меньше.

— Нет, — ответил он. — Прошлая ночь вовсе не была первой, когда мне удавалось что-то увидеть. Я знаю, что я Прорицатель. Уже давно. Я знаю, что могу видеть недоступное другим людям, могу предугадывать грядущее. Подозреваю, что именно поэтому я всегда выигрывал в шахматы у Гарри, — я знал, как он поступит еще до того, как он именно так и поступал. Но — Бог мой — я не могу этим управлять. Я никогда не умел этого делать, и все, что обычно я вижу, — сущий кошмар. И я чувствую себя дураком, не в силах отделить истинные вещи от ложных.

— А ты когда-нибудь кому-нибудь об этом говорил? — бархатным голосом поинтересовалась она.

— Однажды я почти сказал об этом Гермione, — отстраненным голосом произнес он. — Я думал, что мы умрем, так что от этого ничего страшного не случится, и она меня простит.

— Простит за что?

— Я не говорил ей о том, что видел, — все тем же далеким голосом ответил Рон, крутя и крутя в пальцах фигурку. — Все, что я видел, было совершенно ужасным, и я научился блокировать эти видения — я всегда думал, что это что-то вроде сновидений. Или галлюцинаций. Я знаю, ей хотелось бы знать, что я видел. Она хотела бы, чтобы я рассказал об этом — ей, Гарри... — голос Рона затих.

— А что ты видел? — с любопытством продолжала расспрашивать Рисенн.

— Я видел Малфоя, — быстро заговорил Рон. — Он лежал на кровати, а рядом, закрыв лицо руками, сидел Гарри. И Малфой был мертв. Во всяком случае, именно так казалось.

— Ты уверен, что он был мертв?

— Да, — тут же ответил Рон, — я знаю, как выглядят мертвые люди в моих видениях... Я чувствую — что-то исходит от них.

Глаза Рисенн округлились от удивления, однако раньше, чем она успела что-то сказать, дверь в дальнем конце комнаты отворилась, и вошел Тёмный Лорд.

* * *

Обычно Драко обожал длинные прогулки, если

в них отправлялись раздражавшие его люди. После беседы с Сириусом он не пошел вслед за Гарри в Подземелье Зелий искать Гермione: ему не хотелось присутствовать при их разговоре о Роне. Так что мысль о давно откладываемом поручении оказалась как нельзя кстати.

И теперь Драко был даже рад: несколько белых облачков играли в догонялки на синем небе. Узкая тропинка, ведущая от замка, — мимо теплиц и бестиярия — обрамлялась вечнозелеными деревьями, распростиравшимися в холодном воздухе приятный аромат.

Драко поднял голую ветку и, шагая мимо сугробов, вел ей по снегу, рисуя аккуратные зигзаги. Резкий и свежий воздух прикасался к его коже, высокие облака над головой отражались в ледяной поверхности озера, напоминая летящую на всех парусах флотилию.

Он мысленно спросил себя, доживет ли он до того момента, когда лед начнет таять... и тут же отогнал от себя эту мысль. Представить смерть было невозможно: ему было только семнадцать, его сердце еще стучало, гоня кровь по его венам. Он жил, любил и думал. Он не мог представить себя в том сером месте, где неприкаянные мертвецы ожидали избавления, которое все никак не приходило. Хотя его собственная смерть не должна остаться неотомщенной. Уж Гарри об этом позаботится.

Крак.

Хруст сломавшийся веточки вернул его к действительности. Драко обернулся, прикрыв рукой глаза от слепящего на солнце снега. Позади него была сверкающая ледяная дорожка, ведущая к замку. А посреди неё с немного смущенным выражением лица стоял Симус Финниган.

Он держал руки в карманах своего шерстяного темно-синего плаща. Ветер кинул ему в лицо светлые волосы — он поднял руку и убрал их с глаз. Драко обнаружил, что смотрит на руку Симуса с любопытством — изящная рука с длинными мозолистыми пальцами. Игрок в квиддич, как Гарри. Как он сам.

— Финниган, надеюсь, у тебя были веские причины, чтобы идти за мной.

Симус глубоко вздохнул.

— Я хотел поговорить.

— Отличная цель, — соболезнующе заметил Драко. — Теперь тебе надо найти себе кого-нибудь, с кем бы ты мог это сделать. Не буду тебе мешать, — и Драко повернулся.

— Нет, — в голосе Симуса мелькнули нотки отчаяния, — я хотел поговорить с тобой.

Драко мысленно чертыхнулся. Ему захотелось уйти оттуда, вот так вот — оставив Симуса полным дураком стоять посреди дороги. Однако любопытство победило неприязнь — в этом плане он был больше похож на кота, нежели на змею.

— Ладно, — кивнул он. — Так какое же послание из Департамента Полных Идиотов ты нынче доставляешь?

Симус вздернул подбородок, однако голос его остался таким же ровным.

— Я хочу узнать, почему я тебе не нравлюсь. Хочу, чтобы ты мне об этом рассказал.

— Обычно за такие длинные беседы я беру гоночар.

— Знаешь, — продолжил говорить Симус, пропустив сентенцию Драко мимо ушей, — я много об этом думал и ничего не смог понять. Ты мне не нравился и раньше, когда мы были младше, к слову сказать, тогда ты никому не нравился. в том числе и Гарри. И вообще — он ненавидел тебя куда больше меня.

— Не сравнивай себя с Гарри, — голос Драко напомнил отравленный мёд.

— Я думаю, что это связано с Джинни, — решительно продолжил Симус. — И все равно ничего не понимаю: ведь ты мог бы быть с ней, если бы хотел. Я не дурак. Я понимаю — я только запасной вариант. И должен быть тем, кто тебя ненавидит.

Повисла тишина. Холодный воздух накрыл их словно прозрачная банка. Драко передернулся и разжал руки.

— Тогда, может, ты скажешь мне, зачем наложил Следящие Чары на браслет, что подарил ей?

Щеки Симуса запылали.

— Как?... как ты?..

— У моей матери был такой же, — жестоко отчеканил Драко. — Отец постоянно следил за ней. — Стрелочка на браслете — заклинание Locator, я об этом знаю. Видишь ли, Финниган, я богат, и мои родители могли себе позволить подобные цацки. А у Уизли гномов куда больше, чем галлеонов, хотя их недостаток — их проблема. И все же я чертовски сомневаюсь, чтобы Джинни когда-либо раньше видела подобные браслеты, и ты должен был об этом знать.

Щеки Симуса по-прежнему пламенели.

— Это обычная комплектация для таких браслетов, — начал оправдываться он. — То есть я... я не думал об этом. Я знал, что это Следящие чары, но я думал, что она может поступить с этим по своему усмотрению, догадавшись, как оно работает... И как я говорил, такие чары есть у всех браслетов. в конце концов, это обычный свадебный подарок, который дарят тем, кого любят и о ком заботятся.

— Ты должен был ей сказать, — упрямо произнес Драко.

— Я не думал, что когда-нибудь воспользуюсь браслетом, — возразил Симус.

— Однако, ты использовал это — иначе, как бы ты оказался в Норе?

— Я волновался! Я услышал про Ураганные Чары, отправил сову миссис Уизли — она написала, что Джинни до сих пор не вернулась, я думал, что смогу ее отыскать, вернуть обратно в целости и сохранности...

— Она уже вернулась, когда появился ты, — холодно заметил Драко.

Симус дернулся, словно его ужалили. у него были огромные синие глаза — темно-синие, цвета утреннего неба.

— Я волновался, — повторил он. — А ты... Она знает?

— Если ты о том, о чем я подумал, — я не сказал ей, — Драко не упомянул, что причиной его молчания стало совсем другое. Ему пришла в голову мысль, что Джинни, скорее всего только разозлилась бы на него — а у неё сейчас и так было не слишком устойчивое эмоциональное состояние, он не хотел ничего к нему добавлять. И, кроме того, в его подсознании крепко засела мысль, что не так-то плохо иметь вещь, при помощи которой можно было бы, при необходимости, всегда отыскать Джинни.

— Спасибо. И — прости. Я скажу ей.

— Да уж, сделай милость, сделай это сам, — и Драко повернулся к нему спиной.

— Подожди, — поспешно остановил его Симус, шагнув вперед и протянув руку.

Драко качнулся назад, прочь от Финнигана.

— Даже и не думай об этом, — самым приятным голосом произнес он. — Только прикоснись ко мне, и я вобью глаза тебе в затылок, чтобы ты мог любоваться, как я с улыбкой ухожу.

Симус уронил руку.

— Послушай. Если бы мы могли просто сосуществовать рядом, всё было бы куда проще. Насчет Следящих Чар я был неправ. Прости. Если после нашего разговора мы можем мирно...

— Нет, — перебил его Драко.

— Что? — ошеломлен Симус.

Драко взглянул на своего собеседника, и взгляд был настолько тяжел, что тот нервно сглотнул. Затем он мерно заговорил.

— Финниган, боюсь, мы не поняли друг друга. Позволь мне все высказать начистоту. Я думаю, что ты idiot. Мастурбант. Крысомордый помелешник с резиновой шеей — с обаянием и харизмой салата недельной давности. Параноидальный маньяк, который

тратит все свободное от накачки бесполезных мышц время на то, чтобы наложить Следящие чары на свою девушку, потому что не доверяет ей и опасается, что она сбежит с первым же встреченным ею парнем, который не будет похож на презерватив, набитый орехами.

Поверь мне, это не тот вариант, когда большая ненависть оборачивается прекрасной дружбой, потому что, между нами говоря, мне нравится тебя ненавидеть. Это придает моей жизни яркие краски, насыщенность и глубину. Это греет мне душу. Ты гад, Финниган. Вот и живи с этим.

Симус стоял, ошеломлен вытаращив глаза. Все вокруг замерло — ни звука, ни движения, ни скрипа снега под ногами, ни шороха голых ветвей над головой. Только боль и потрясение в глубине симусовых глаз.

Наконец Симус заговорил:

— Значит, вот так?

— Вот так.

— Отлично, — резко произнес Симус и, не сказав больше ни слова, развернулся и зашагал обратно к замку.

Прислонившись к ближайшему дереву, Драко с чувством глубоко удовлетворения, растекавшимся по его венам, смотрел ему вслед.

* * *

— Не могу избавиться от ощущения, что я собственными руками обрекаю на смерть ребёнка.

Измерявший температуру кипящих котлов, Снейп повернулся к Дамблдору:

— Что вы сказали, директор?

Старец у окна, за которым сгушалась темнота, не откликнулся. Наконец, после паузы, он произнес:

— Нет, ничего.

— Ага, — Снейп вернулся к своим котлам. Через миг он снова заговорил. — Вы про Гарри?

— Нет. Ну, возможно. Как ты мог заметить, всё — так или иначе, в той или иной степени — касается Гарри.

— Сириус сообщил ему новости об Уизли? Я удивлен, что он до сих пор здесь.

— Ты знаешь, почему он задерживается в школе. И, тем не менее, я не думаю, что он останется. Это более определенные новости...

— И вы уверены, что готовы его отпустить?

— Я уверен, что не в праве его задерживать, — Дамблдор откинул голову. Его голос был далеким и отчужденным. — Думаю, что я уже дал ему всё, что мог. Думаю, что я провёл с ним отпущенное мне время, — я мечтал бы побыть с ним подольше, однако мне кажется, что всё, что я мог ему сказать, я уже сказал. Вопрос в том, станет ли он прислушиваться к тому, чему его учили.

— Поттер никогда не был хорошим слушателем, — Снейп выбрал флакон с розовой жидкостью и вылил его содержимое в левый котёл. Варёво почернело. Снейп что-то пробормотал и черкнул несколько слов на пергаменте.

— Если вы об уроках, то да. Он всё постигает опытным путем, — Дамблдор вздохнул. — Если бы я мог вручить ему доспехи и броню, я бы так и поступил. Если бы я мог сделать его непобедимым, я бы так и поступил. Однако его самым грандиозным оружием является его человечность — это то, что есть у него и никогда не будет у его врага. Его доспехами является его собственная человеческая хрупкость, хранящаяся в его сердце знание о мужестве его отца и жертве его матери, о любви его друзей и собственных добрых чувствах. Я не могу предложить ему другой защиты — ни лучшей, ни дальнейшей. Однако...

— Что, однако?

— Однако у каждого подарка есть обратная сторона, не правда ли? Джеймс был безрассуден, Лили — опрометчива. И хотя друзья любят его, и он отвечает им тем же, любовь одновременно является и проклятьем

ем, в каком-то смысле.

— Если Драко умрет...

— Если Драко умрет, Гарри не сможет быть полезен никому — ни сейчас, ни потом. Никогда.

— Ярость может быть полезна.

— Я не думаю, что он будет в ярости. Он просто рассыплется на кусочки. И потребуются куда более мудрая рука, чем моя, и куда большее количество времени, чем то, которым мы располагаем, чтобы все эти кусочки снова воссоединить. И всё же...

— Всё же?

— Как бы их разделить? Их необходимо разделить.

Последние события изменили мои планы.

— Вы думаете, что они слишком сблизились?

— Да, — Дамблдор погрузился в размышления. — И это не идет на пользу ни одному из них.

— Я рад, — во вкрадчивом голосе Снейпа прозвучали саркастические нотки, — что наконец-то вы обратили внимание, что для Драко не слишком хорошо то, что Поттер с ним так носится...

— Я не думаю, чтобы им управляли. Я думаю, он сознательно принял решение следовать за Гарри, — а это уже совсем другое дело. И в очередной раз я повторю: Гарри — это лучшее, что когда-либо случилось с Драко. Однако, теперь... Учитывая всё, что мы знаем... Нет: Гарри должен сделать следующий шаг своего странствия в одиночку.

— Ему не понравится такая перспектива.

— Скорее всего.

— Это разобьет их сердца, — заметил Снейп.

— Разбитое сердце учит нас понимать самих себя, — возразил Дамблдор. — Оно открывает нам свои секреты.

— А я считал вашей политикой невмешательства, — произнес Снейп, махнув палочкой в сторону дальнего котла. Пламя вспыхнуло и погасло.

— Так оно и есть. Я не вмешиваюсь.

* * *

...И был пляж, и вода все прибывала и прибывала — волны наступали на побережье. Над головой тяжело толкались серые облака, напоминавшие стальные глыбы. По пустынному красному берегу ветер гнал обломки пластикового красного ведерка, раскидывая их в разные стороны... и было что-то еще — он не мог увидеть этого, это было не его сном, это было не сном вовсе...

Ураган влетел в разум Гарри, вернув его одним ударом в явь. Гарри рывком сел на кровати, весь обмотанный простынями, и попытался восстановить дыхание.

Он не помнил, что он видел во сне, — да и видел ли вообще хоть что-то. Было только чувство неопределенного, но непреодолимого отчаяния, пронзившего его насквозь и имеющее невероятную силу. При этом у него было совершенно четкое ощущение, что это не имеет отношение ни к боли Драко, ни к его покинутости. Мысли и чувства Драко, даже профильтрованные через собственное сознание Гарри, отличались безошибочно узнаваемой формой и цветом — как отличаются отпечатки пальцев разных людей.

Малфой? — наудачу подумал Гарри и совсем не удивился, не получив ответа. Свесив ноги с кровати, он вслепую пошарил под ней в поисках своей мантии-невидимки и набросил её на плечи. Он тихо крался через почти пустую спальню мальчиков, стараясь не разбудить Симуса — тот сладко спал с улыбкой на губах, поджав под щекой подушку, немного напоминая херувима. Он так и сиял здоровьем. Гарри почувствовал укол горечи и возмущения, которое тут же сменило чувство вины.

Ночные коридоры были пусты и тихи, дверь в лазарет плотно закрыта, но Гарри, использовав всю развитую за годы шныряния по округе осторожность, приоткрыл ее и шагнул в комнату, захлопав глазами от неожиданно резкого света. Сквозь огромные — от пола

до потолка — окна лился лунный свет, такой яркий, что от него болели глаза, а занавески вокруг кровати Драко казались языками белоснежного пламени.

Шагнув, Гарри отодвинул занавеску, звякнули металлические колечки. Драко лежал на кровати на спине, сжатая в кулак левая рука лежала поперек груди, правой рукой он прикрывал себе лицо. Пижамная рубашка задралась, обнажив торс, и лунный свет прочертил темные полосы между его ребер — они совсем не понравились Гарри.

— Эй, — позвал он, — Малфой.

Рука соскользнула с лица, и Драко поднял на него глаза, в которых мелькнуло удивление, смешанное с весельем.

— Я тебя разбудил, да? — спросил он.

— Да. Что — кошмар?

— Ага, — Драко сел, привалившись спиной к стене, у которой стояла кровать, одернул вниз пижаму и пожал плечами. — Да нет, я в порядке. Просто вот лежал тут и размышлял, — пояснил он, как само собой разумеющееся. Тон его голоса отчетливо дал понять: «Я не хочу об этом говорить».

— И о чем ты думал?

— Ну, сам понимаешь: великие вопросы, которые задает нам жизнь: почему бутерброд падает маслом вниз, почему кошка приземляется на четыре лапы и что будет, если привязать бутерброд кошке на спину и бросить её?

— Поверить не могу, что это именно то, ради чего я проснулся.

Драко слабо усмехнулся:

— Ты можешь не оставаться, со мной все в порядке.

Гарри взглянул на него и хотел ответить, что останется, если это нужно, но Драко никогда бы не попросил его о помощи, даже если бы действительно нуждался в ней. Драко вообще никогда не признавался в том, что в ком-то нуждается, считал, что словесное выражение его собственных желаний суть бессмысленная суета. Он относился к тому типу людей, кто, истекая кровью от смертельной раны, могли бы сознаться, что в их жизни случались деньки и получше. Драко никогда бы не признался, что ему необходимо противоядие, чтобы избавиться от убивавшего его яда. Нет, Драко ничего бы не сказал.

Драко взглянул на Гарри широко раскрытыми удивленными глазами.

— Всё в порядке, Поттер?

— Ты снова хочешь заснуть? — ответил вопросом на вопрос Гарри.

Скрестив руки на груди и приняв свою обычную позу для сна, Драко, уставился в потолок:

— Признаться, я так не думаю.

— Ну, так я останусь, — Гарри уселся на стул у кровати и облокотился на ночной столик. Он был усталым и слегка встревоженным. Ветер слабо посвистывал в оконных рамах. — Слушай, а почему ты спишь в такой позе, Малфой?

— Какой? — покосился на него Драко.

— Такой, — Гарри скрестил руки на груди, коснувшись кончиками пальцами.

— Ой, сам не знаю. Отец приказывал домашним эльфам забирать у меня зимой одеяла — считал, что это сделает меня сильнее, пойдет мне только на пользу. Чертовы промозглые ночи... Я до сих пор мерзну — правда, думаю, что по большей части, от воспоминаний...

Гарри мимоходом обдумал еще мириад причин для ненависти к Люциусу Малфой.

— Некоторые вещи ты никогда не забудешь, — наконец сказал он.

Драко закинул руки за голову.

— Ты спал в шкафу, — заметил он, — да?

Гарри кивнул и уткнулся подбородком в колени. Ему нравилось, как говорит об этом Драко — без излишних сантиментов, без жалости и ужаса, словно подразумевая само собой разумеющимся, что некото-

рые спят на кроватях с пологам, а другие выбирают для этого буфеты.

— Там, наверное, темно. И маловато места, — Драко по-прежнему смотрел в потолок. — Просто, ты до сих пор всегда кладешь всё, что может понадобиться тебе утром, справа, и хватаешь это, не глядя, — словно привык вставать, не зажигая света. И еще ты не ворочаешься, когда спишь. Похоже, ты не раз падал на пол с кровати.

— Что ты знаешь о боли, если ты не приземлялся на паука посреди ночи! — рассмеялся Гарри.

— О, мне ли не знать, Поттер: вспомни, у нас были гигантские пауки.

— Мм, — острая боль кольнула Гарри, и он отвел глаза. Занавески вокруг кровати слабо покачивались, шелестя, как мягкая высокая трава. Гарри подумал о тех людях, у которых в морозы начинали ныть потерянные конечности — у Гарри ныло все тело, когда он терял близких ему людей.

— Думаешь об Уизли? — спросил Драко. Подложив руку под голову, он повернулся к Гарри. Лунный свет, льющийся сквозь стекло, сделал его глаза серебряными дисками.

— Как ты догадался, — задыхнулся от неожиданности Гарри. — Впрочем... неважно. Наверно, ты считаешь меня идиотом: после всего того, что он сделал...

Драко немного помолчал. Гарри рассеянно шарил глазами по комнате. Она напомнила ему огромную церковь — с высоким потолком, перекрытиями, огромными окнами, сквозь которые виднелся далекий Запретный лес... с призрачно колышущимися занавесками... Интересно, почему Драко предпочел остаться здесь, а не вернуться в свою собственную спальню?

— Я не считаю тебя идиотом, — улыбка Драко была лишь слабым призраком его обычной усмешки, в глазах промелькнула легкая задумчивость — хотя, возможно, причина была именно в недостатке освещения. — Во всяком случае, не больше, чем обычно. не можем же мы перестать волноваться о людях только потому, что они делают глупые вещи. Дружба не настолько хрупка. Настоящая дружба — я имею в виду.

— Я думал, что возненавидел его, — с некоторым удивлением признался Гарри.

— В тебе этого нет, — пожал плечами Драко. — Те, кто готовил и режиссировал этот спектакль, добивались именно твоей ненависти. Как думаешь — зачем?

— Чтобы я не пошел за ним, когда он исчезнет, — тут же ответил не раз размышлявший об этом Гарри.

— Тогда зачем тебе была послана разбитая шахматная фигурка? Это же что-то вроде издевки: «поймай меня, если сумеешь». Они же должны знать, что это из тех вещей, которые заставят тебя двинуться вперед. Нет, в этом нет никакого смысла...

— Просто они знают, что теперь я никуда не пойду, — ответил Гарри.

Серебристые глаза раскрылись еще шире, сделавшись в комнате едва ли не единственными источниками света, расставшими стеклянную стену темноты.

— Почему?

— Из-за тебя. Я никуда не пойду без тебя.

Рука Драко стиснула подушку.

— А я не могу идти, — горько произнес он. — в том смысле, что идти-то как раз могу — для ходьбы у меня еще достаточно сил... — он прерывисто вздохнул. — Вот только если тебе придется удирать от врага — шу-чу-шучу — боюсь, в своем нынешнем состоянии я не сумею это сделать. Максимум, на что я сейчас способен, — медленно плестись. Что, боюсь, не слишком впечатляюще, — под ровным голосом дрожало напряжение. — Пойди я с тобой, я буду только тормозить тебя и путаться под ногами.

— Я бы не позволил тебе пойти, — в усталом голосе Гарри не было ничего, кроме искренности, он сам слушал себя не без удивления, — и без тебя я бы тоже никуда не пошел. Не потому, что боюсь действовать в одиночку, но потому, что не уйду, пока ты умираешь, — и они об этом знают.

— Ты раньше никогда не допускал, что я умираю, — немногословно заметил Драко, однако поблевшие пальцы, вцепившиеся в подушку, расслабились.

— Потому что мы тебя вылечим. Снейп сказал, что большинство компонентов противоядия уже идентифицированы. Но я не уйду, пока не будут известны все составляющие.

— Почему? — поинтересовался Драко.

Гарри опустил глаза к своим рукам. Он удивился, как много из всего, что накрепко связывало их, носило какой-то роковой характер, как неподвластны контролю были силы — внешние и внутренние — что держали их вместе.

— А что — причина имеет значение?

— Думаю, нет, — голос Драко был удивительно тихим и каким-то беззащитным.

Гарри опустил взгляд. Драко прикрыл глаза и, увидев, что он расслабился, Гарри почувствовал, что нервное напряжение, обуявшее его во время последнего сновидения, начало спадать.

— Кроме того, — словно между прочим, заметил Гарри, — я понятия не имею, где Рон сейчас может находиться...

Глаза Драко распахнулись.

— А вот по этому поводу у меня имеется несколько идей...

* * *

— Ты хочешь сказать, что я не могу повидаться со своим сыном? — голос Нарциссы был холоден, как лёд. Взглянув на нее, Сириус нервно проглотил вставший в горле комок.

— Я только говорю, что это небезопасно.

Ее губы затвердели. Она стояла у окна в маленькой комнатке наверху, стиснув руки и расправив плечи. Весь её вид свидетельствовал, что к ней сейчас лучше не приближаться, поэтому Сириус благоразумно стоял на месте.

От этого дома его буквально кидало в дрожь: он принадлежал одному из старых друзей Нарциссы и в прошлом был укрытием для Пожирателей Смерти. Сириус сам не мог понять, что навело его на эту мысль, однако весь дом, все его содержимое будоражило в нем его аврорские чувства, нашептывая истории про злобные заклинания и пролитую кровь, которые скрывала богатая обстановка.

Нарцисса коснулась рукой ленты, поддерживающей портьеру. за окном жемчужно-серое небо с одного бока уже почернело, и в комнате было темно.

— Я хочу видеть моего ребенка, — повторила она. — Он болен, я вижу это по твоему лицу, хотя ты мне ничего не говоришь. Сириус, я знаю, что он очень болен.

— Он в руках Дамблдора. Дамблдор со Снейпом делают всё, что в их силах. А для тебя в Хогвартс отправляться небезопасно. Ты же знаешь, Министерство полностью контролируется Люциусом — он наблюдает за Каминной Сетью, за дорогами, ведущими в Хогвартс, он пытается наблюдать за Драко...

— Сириус, он умирает? — неожиданно спросила она.

Сириус вздрогнул:

— Что?

На миг лицо Нарциссы вспыхнуло и тут же снова обратилось в железо:

— Ты слышал меня. Мой сын умирает?

Поколебавшись, Сириус кивнул:

— Да.

Рука соскользнула с портьеры — но Нарцисса не выдала своих чувств никаким другим движением.

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал, Сириус.

— Да, всё, что ты пожелаешь.

— Если мой сын умирает, я хочу быть рядом с ним в его последний миг. Я ни разу не оказывалась рядом с ним в самые важные моменты его жизни. Так вот — я

хочу оказаться с ним в момент его смерти, — мрачно и упрямо произнесла она. на её лице он увидел черты Драко — изящно очерченное, утонченное лицо, умеющее спрятать внутреннее напряжение. — И если ты для меня не сделаешь этого, Сириус...

— Я могу это сделать для тебя, Нарцисса...

— Что? — отчужденно спросила она, словно увидела его впервые.

— Он знает, что ты любишь его.

— Я сильно в этом сомневаюсь, — ее голос был словно голос зимы, что срывает с ветвей мёртвые листья. — Мне не кажется, что у него сложилось впечатление, что кто-то в целом мире любит его. Он научился жить без этого. И где-то я даже восхищаюсь им. Однако я его мать, и я люблю его, и, пусть он даже не верит, что его жизнь была пронизана чьей-то любовью, я не позволю ему умереть с этим ощущением.

И она заплакала — тихо, почти беззвучно, слезы потекли из её глаз, как вода, струящаяся из пастей змей-фонтанов Имения. Она не подняла руки, чтобы утереть их.

Сириус шагнул к ней.

— Нарцисса...

— Уходи, Сириус, — эти слова прозвучали так, как сказал бы их Люциус, — просто уходи.

И он ушёл.

* * *

— Поттер, ты что — спишь?

Гарри виновато встрепенулся.

— Нет, вовсе нет.

— Ну, конечно нет, меня просто ввёл в заблуждение твой храп, — весело заметил Драко. Гарри бросил взгляд на него, потом скользнул глазами по лазарету. по его собственным ощущениям, вряд ли он проспал больше пяти минут — однако, похоже, ночь сделала большой шаг вперед: небо засерело, покрытое инеем окно отбросило кружевную тень на простыни в кровати Драко. на его лице и руках тоже появился морозный паутинный рисунок, вторя тому, что был на стекле.

— Ладно, мы в любом случае не где-то, а тут, — перебил его Гарри. — Я понятия не имею, чего бы твой отец мог захотеть от Рона. И почему тогда он не известил нас, что Рон у него. Да, пусть он послал мне обломок шахматной фигурки, но это просто малоубедительный и претенциозный жест, ничего не объясняющий.

— Знаешь, я выдвинул массу разнообразных предположений — просто ты уснул и всё пропустил.

— Я не... ну, ладно, ладно. Так что ты говорил?

— Ну, у меня пара мыслей. Первое: он мог использовать Уизли в качестве приманки, а потом, выяснив, что между вами... образовалась трещина, мой отец — в своем стиле — решил, что он тебя больше не интересует. И теперь он гадает, что же с ним делать.

— И что-то мне подсказывает, что в его планы не входят маргаритки и обучение танцам.

— Нет. Скорее всего, нет. А ты не думаешь...

— Что?

— Что мой отец попытается перетянуть Рона на свою сторону? — с некоторым волнением поинтересовался Драко. — в том смысле, что ты все равно не сможешь причинить ему боль... если они смогли как следует его запугать...

Гарри взглянул на него:

— Он бы никогда так не поступил. Рон ненавидит Вольдеморта так же, как и я.

— Никто не может ненавидеть Вольдеморта так же, как ты.

— Даже ты? — склонил набок голову Гарри.

— Я ненавижу то, что ненавидишь ты, — ответил Драко. — Я хочу, чтобы он исчез потому, что он опасен, потому что он представляет собой угрозу. Я не слишком-то веселюсь по поводу своего отравления,

я думаю, что это была личная инициатива моего отца. А, кроме того, то, что я родился именно таким для моего отца было лишь исполнением воли Вольдеморта. Если бы не он, я бы не существовал. Вот такой парадокс.

— Я не думал, что ты об этом знаешь, — крутанул головой Гарри.

Драко невесело улыбнулся.

— Отец рассказал мне, пока еще торчал в клинике Св. Мунго для психованных волшебников. Немножко полезной информации. Ладно, я не об этом. Я о том, что ты ненавидишь Вольдеморта больше меня, а я, скорее всего, ненавижу своего отца больше, чем ты. Я, вообще, немного удивлюсь, если ты не рванешься за ним, как когда-то твердил сам себе. Доберешься до Вольдеморта, доберешься до моего отца и прочих Пожирателей Смерти. Спасешь мир, Уизли, всех нас — словом, это как раз из того, что ты бы и сделал.

— А я и не заметил, что у нас тут заседание по поводу спасения мира, — сухо заметил Гарри. — А то бы я законспектировал.

— Сейчас не лучшее время, — весело ответил Драко. — Любый план, который мы сейчас сочиним, обречён быть нелепым.

— Не мог бы ты дать точное определение слову «нелепый»?

Глаза Драко блеснули, он стал на мгновение похож на большого котенка, — на его лице мелькнула такая же плотоядная игривость.

— Что ж, как тогда тебе этот план: мы огурцом сбиваем замок с лазарета, сбегает из школы, крадемся по переполненной Дрян-Аллее, обвешанные колокольчиками, прячемся в тени ближайшего Пожирателя Смерти, дожидаясь, когда он приведет нас к Вольдеморту, а там — бам-с! — крадем его штаны!

— Вот уж действительно глупости, — протянул Гарри, зевая, — штаны Вольдеморта нам в жизни не подойдут.

— А дверь лазарета не заперта. Второй недостаток моего плана.

— Этоооченьпло-а-хой план... — Гарри снова преклонил голову на тумбочку.

Усталость окутала его теплым тёмным одеялом.

— Знаешь, — заметил Драко, — можешь идти к себе в кровать, если хочешь.

— Не-а, — упрямо помотал головой Гарри, — я останусь здесь, составлю компанию. Подумаю насчет плана.

— Сразим Вольдеморта сыром, — предложил Драко.

— Сыр — это вовсе не пугающе.

— Еще как пугающе! в сыре плесень, а она всегда пугает.

— Сыр — это не пугающе, — повторил Гарри.

— Ладно, ладно, тогда давай вместо этого будем бродить вокруг Министерства и дергать всех официальных представителей: «Вы не видели за последнее время похищенного Рона Уизли?»

— Хорошая мысль, — послушно согласился Гарри, зевнул и уткнулся в сложенные руки. — Посплю-ка я, пожалуй.

— О'кей, — в голосе Драко не было насмешки, он был мягким — Гарри даже показалось, что ему это померещилось. — Поспи.

* * *

Тёмного Лорда не сопровождали — ни Люциус, ни Червехвост. Он был, как всегда, в чёрном, мучнисто-белое лицо напоминало задумчивую маску, когда он взглянул на Рона.

— Мой Прорицатель... — промолвил он, приближаясь. — Я смотрю, ты уже сидишь за столом, готовый к игре...

— Нет, — ответил Рон. Он знал, что перечить Тёмному Лорду опасно, но сейчас любое увечье ему казалось более предпочтительным игре в шахматы. — Я

не хочу играть.

Вольдемонт ничего не сказал, он пересек комнату и сел за шахматный стол напротив. Его рука, напоминающая распухшего белого паука, легко прикоснулась к нескольким валяющимся фигуркам.

— Я мог бы заставить тебя, — заметил он, — но принуждение могло бы разрушить тебя, а мне это не нужно. Хочу сказать тебе, что теперь, когда двери в твоей голове распахнулись, нет силы, способной закрыть их. Единственное, на что ты можешь надеяться, — научиться управлять...

— Управлять чем?

— Своим даром. Даром, благословением, проклятьем. Ты подобен древним оракулам, а это требует, чтобы ты познал себя. И если ты не станешь хозяином своему таланту, если не научишься им управлять, то он подчинит тебя себе. Ты никогда не спрашивал себя, малыш-прорицатель, почему все твои видения — обязательно кровь, ужас и смерть? Все потому, что ты настолько заблокировал свой разум, что из будущего к тебе могут прорваться только самые ужасные, самые сильные образы, которым нетрудно сломить выстроенные тобой барьеры. Если так и будет продолжаться, твой разум будет вдребезги разбит.

— Я не верю тебе, — равнодушно ответил Рон.

— Думаю, что ты из тех, — змеился голос Вольдеморта, — кто был бы заинтересован развить в себе талант, который поможет тебе видеть сквозь иллюзии. Иллюзии-то тебе не слишком помогли, малыш.

Рон медленно опустил ладью на обратно на доску, и она блеснула на него глазами, казалось, в них мелькнуло любопытство. Позади него, в клетке, зашуршала своим платьем Риссен.

— Мои зеленые, — произнес он.

— Я так и думал, — ответил Тёмный Лорд.

* * *

Гарри разбудила резкая боль, пронзившая его плечо. Он замер, похолодев и пытаясь сообразить, где он находится; очки впечатались ему в лицо (вообще-то, он спал в них крайне редко). Медленно подняв голову, он сморщился от ударившего в глаза света.

За окнами сияло утро, свет заливал лазарет. Драко читал книгу, сидя на аккуратно заправленной кровати. Взглянув на Гарри, он заулыбался.

— Мадам Помфри подумала, что ты помер, — поприветствовал он Гарри, — увидев тебя уткнувшимся в ночной столик, она даже выронила свою палочку.

Незабываемое зрелище.

Какая-то навязчивая мысль крутилась у Гарри в голове — он вроде куда-то собирался, да?

— Ты сказал ей, что я жив?

— Да ну, разве это было бы смешно? — хмыкнул Драко, успевший, как заметил Гарри, уже каким-то образом полностью одеться. Щеки его разругались, он сейчас выглядел куда здоровее — наверное, потому, что сменил свою пижаму на нормальную одежду.

— Садист, — Гарри сладко потянулся и широко зевнул, тут же сморщившись от боли в затекших мышцах. Да, пожалуй, ему не мешало бы потренироваться — квиддич или фехтование... у него мелькнула мысль — как там Драко, может, вполне способен составить ему компанию... — но он тут же устыдился её.

— Лентяй, — парировал Драко. — Да, и, между прочим, ты помнишь, какой сегодня день?

— Нет, — Гарри сонно зевал, хлопая глазами. Постепенно до него начало доходить. — О... Погоди-ка... Это не...

— Рождество на носу и дней для беготни по магазинам уже не осталось, — с ехидной радостью провозгласил Драко. — Я бы подписал тебе рождественскую открыточку, живописуя, как много все восемь месяцев значила для меня наша прекрасная дружба, но, по здравом размышлении, решил себя не утруждать.

— Мы дружим уже десять месяцев, — слегка обиженно поправил его Гарри.

— Да-да, я знаю, просто первые два были так себе.

— Благодарю, Малфой. Я невероятно тронут, что ты осознаешь сам факт сегодняшнего Рождества. А потому, в честь праздника, я не стану спихивать тебя с кровати. Даже если мне очень захочется так поступить.

Губы Драко тронула легкая улыбка.

— Слушай, сегодня днем не предполагалось ничего такого — эдакого, экстравагантного, на злобу дня?

— Что? А, ты про Рождество... Ну, никакой особой вечеринки не будет — так, небольшая компания в гриффиндорской гостиной. Подарим друг другу подарки и всё такое.

— Очень мило, — обиженно протянул Драко. — А я, значит, буду медленно помирать тут, в лазарете.

— Не смешно, — Гарри отреагировал настолько резко, что Драко вздрогнул (возможно, это случилось с ним впервые в жизни, но Гарри был не в том настроении, чтобы это оценить). — Я думал, что ты придешь.

Но Драко всегда оставался Драко: предложение Гарри тоже не принесло ему особой радости:

— О, ну, я не знаю...

— И, кстати, ты вовсе не обязан приходить с подарком. с учётом всех обстоятельств...

Драко вздохнул и, к удивлению Гарри, сообщил:

— А у меня есть подарки. Правда, все происходящее выглядит совершенно по-гриффиндорски... Что до меня...

Гарри определенно был поставлен в тупик:

— Слушай, а что обычно делают на Рождество слизеринцы?

— Это же совершенно очевидно — ритуальное кровопускание, — Драко улыбнулся, взглянув на недоумевающее выражение лица Гарри. — Поттер, приди в себя. Мы празднуем Рождество так же, как и вы. Мой отец никогда не забывал в праздники о сирых и убогих.

— Что — о бедняках? Правда? — удивился Гарри.

— Да, он напоминал о важности установки защитных барьеров — боялся, что, пока мы будем в церкви, бедняки могут вломиться и обокрасть наш дом.

— Вы что — ходили в церковь?

— Да, но только для того, чтобы изъять блюдо для пожертвований, — легкомысленно пояснил Драко.

Гарри покачал головой.

— Все никак не могу понять, когда верить тебе, а когда нет.

— Ты не находишь, что моя непредсказуемость придает мне дополнительное очарование? — поинтересовался Драко.

— О, нет! — неожиданно воскликнул Гарри, резко вскакивая на ноги.

— Ну, ладно, дополнительное очарование — это несколько чересчур, — тревожно взглянув на него, быстро пошел на попятный Драко. — Как насчет «порочного обаяния»?

— О, что б тебя, — бормотал Гарри, присев на корточки и сгребая с пола свою мантию-невидимку. — Я же должен был помогать Снейпу в подземелье... — а я забыл.

— Мое противоядие? — усмехнулся Драко.

— Чёрт, чёрт, чёрт! Он меня убьет, — Гарри поднялся и сунул мантию в карман. — Мне надо идти.

— Ну, естественно, ты проспал и первое, что ты делаешь этим утром, — сбегать под мало-мальски благовидным предлогом, и наверняка забудешь даже позвонить...

— Замолчи, Малфой, — Гарри торопливо пытался пригладить нелепо торчащие в разные стороны волосы. — Увидимся в гостиной, потом, ладно? Оставаясь в постели, если что — найдешь меня. Джинни собиралась заглянуть попозже. не напрягайся, отдыхай...

— Вали отсюда, Поттер, — махнул рукой Драко, — Увидимся днем.

И Гарри ушел.

* * *

Добравшись до подземелья, Гарри не обнаружил там Снейпа, зато нашел

Гермиону, прилежно растирающую в ступке яйца пеплозмея. Увидев Гарри, она выронила клацнувший пестик и вскинула руку к губам:

— О, Гарри...

— Кто же еще... — Гарри вошел в комнату, пугливо осматриваясь. Гермиона сразу отметила его растрепанный и помятый вид — словно он спал на полу, всклокоченные волосы торчком стояли вокруг головы, по полу волочились развязанные шнурки, а под мантией... — определенно: под мантией была надета пижамная рубашка. — Снейп тут? — тревожно поинтересовался он.

— Нет, — протянула Гермиона. — Ну, то есть он тут был, но ушел ещё до

тебя. Он здорово разозлился. Я что-то не припоминаю его столь же разъярённым.

Гарри вздохнул.

— Я был с Драко.

— Я так и думала, — кивнула Гермиона и прикусила губу. — Ну, и как он там?

— Да нормально. Я пришел навестить его и уснул на тумбочке, — Гарри устало плюхнулся на табуретку напротив Гермионы и взглянул на неё с немой мольбой.

— И насколько он был разъярён?

— Очень сильно, Гарри. Было очень глупо с твоей стороны не прийти. Ты и сам об этом знаешь, — как можно более строгим голосом произнесла она. — И вообще — какие причины заставили тебя провести ночь в лазарете?

Гарри спрятал взгляд, нервно крутя в правой руке какой-то блестящий предмет, сверкавший у него между пальцев.

— Слушай, я знаю, что это глупо, — наконец ответил он. — Просто меня не покидает чувство, будто, пока я с ним, ничего страшного произойти не может. Поэтому у меня такое ощущение, словно я должен с ним находиться.

— То есть ты думаешь, что пока ты с ним, он не умрет, — резко уточнила Гермиона.

Гарри опустил глаза, длинные ресницы коснулись его скул.

— Слушай, в твоём исполнении мои слова превращаются в полную глупость.

Гермиона вздохнула:

— Боже, ну я не знаю — если и есть кто-то, кто может сохранить ему жизнь одной лишь силой воли, — это ты, Гарри. Он для тебя на всё готов — возможно, ради тебя он продолжит жить.

Гарри всё вертел в пальцах какую-то золотую штучку. Когда он наконец-то заговорил, его голос звучал сдавленно:

— Ты так говоришь, словно я в этом виноват.

— В чем твоя вина — в том, что он болен? — у Гарри был такой несчастный вид, что сердце Гермионы смягчилось. — Нет-нет, я не об этом.

— Иногда меня посещает странное ощущение, — обращаясь куда-то в пространство, произнес Гарри, — что Многосущное зелье — или что-там-еще-было — вбило мне под кожу острые крючья. на них навязали веревки, потом снова крючьев — ещё больше — и вот так нас скрепили с Драко.

И все эти веревки, все эти нити — они тонкие, длинные, гибкие — где бы мы ни находились, они все равно соединяют нас, и большую часть времени я об этом даже не думаю — это словно часть меня, это я... Однако временами я смотрю на него, и...

— И что? — тихо спросила Гермиона.

— И вижу, как эти крючья впиваются в него. Все глубже, глубже — они рвут его в кровь... Я не могу смотреть на его муку, Гермиона. И я думаю... так что же делается с ним, со мной, с нами обоими? Может, нам

было лучше, когда мы жили, ненавидя друг друга?

— То есть ты хочешь сказать, что тогда тебе было бы все равно, умрёт он или нет? — ошеломленно спросила Гермиона, вконец запутавшись. с Гарри явно творилось что-то странное, он нечасто выражался фигурально, воспринимая вещи такими, какими они являлись. Чтобы видеть какие-то невидимые нити, крючья, рвущие чью-то плоть... нет, это было совсем на него не похоже. Гермиона содрогнулась.

— Тогда ему не пришлось бы умирать, — ответил Гарри.

* * *

Несколько часов Гарри провел, помогая Гермионе с зельем, разрываясь между желанием, чтобы Снейп вернулся и надеждой, что он всё же не придет. с одной стороны, ему хотелось принести свои извинения, хотя, с другой стороны, ему вовсе не улыбалось, чтобы на него наорали. А с третьей стороны, как сказал бы Рон, Гарри нравилось проводить время с Гермионой. Их нынешние отношения, вернее, их отсутствие, доставляли ему какое-то виноватое удовольствие. Он не знал, чем может помочь, несколько раз по рассеянности он подавал ей вовсе не те вещества, что она просила, — жуков вместо листьев мандрагоры. Она закатила глаза — однако, он все равно получал удовольствие оттого, что она находилась поблизости. Ему нравилось следить за ее работой: склонившись с серьезным лицом над маленьким котлом, кипящим на тихом огне, она добавляла различные ингредиенты. Ему нравилось, как она воскликнула: это не корень лопуха! Это крапивный порошок! Ему нравилось, как она откинула назад мешающие ей волосы и, в конце концов, с самым несчастным лицом скрутила их в пучок и подколола пером.

— Не поможет, — заметил Гарри. — Все равно они опять рассыпятся. Как всегда.

Гермиона что-то раздраженно пробурчала.

— Так, подай мне кровь тритона. Честно говоря, я думаю, что её вовсе не обязательно сюда добавлять... — но Снейп велел попробовать все.

Гарри безмолвно пододвинул к ней флакон с кровью тритона и снова занялся монеткой, позаминкованной им из кабинета Люциуса. Она была тяжелее обычного галлеона, и ее тяжесть в руке была очень приятна.

— Гарри...

Он поднял на нее глаза, удивленный странными нотками, прозвучавшими в её голосе — недоумение, волнение.

— Что?

Он проследил за ее взглядом и подскочил от смущения, выронил монетку и попытался натянуть пониже задремавший рукав. у него не вышло — она уже увидела на его запястье разбитые часы, треснутое стекло которых блеснуло в огне, горевшем под котлом.

Гермиона вернулась к работе, единственное, что выдавало её волнение, был румянец. После нескольких безмолвных напряженных минут, во время которых Гарри побил рекорд по ёрзанию, он, наконец, произнес самым покорным тоном.

— Ну же, спроси меня.

— Я ни о чем не собираюсь тебя спрашивать, — щеки Гермионы были одного цвета с фиалом, наполненным кровью тритона. — Хочешь — носи эти часы. Это твое дело. И твои часы.

— Гермиона...

— Глаза руноследа, пожалуйста... — напряженным голосом попросила она.

— Гермиона, послушай...

— Ладно, не надо, я сама... — она осеклась и замерла с протянутой рукой. — Гарри, а откуда у тебя болгарский галлеон?

— Что? — недоуменно переспросил Гарри.

— Я об этом, — Гермиона подняла монетку, которой он играл, начала ее пристально разглядывать. —

Она похожа на те, что Виктор использовал для... но нет, язык не болгарский, — она с недоумением обернулась к Гарри. — Где ты её добыл, Гарри?

— Ну, я... — Гарри прикинул, сказать ли ей про стол Люциуса Малфоя, однако, придумал кое-что получше: она возмущалась по поводу бестолковой Джинни, пытавшейся сбежать, прихватив с собой малфоевскую собственность, и, наверное, была совершенно не готова услышать нечто подобное ещё и от него.

— Вот. Это из малфоевской коллекции монет, — закончил он.

— Что — у Драко была коллекция монет? — с сомнением переспросила

Гермиона, однако не стала заострять на этом свое внимание. — Даже не знаю, на что она похожа... я бы предположила, что она румынская.

Она опустила монету в протянутую руку Гарри. Он тут же крепко стиснул золотой кругляш.

— А существует ли какие-нибудь заклинания, способные подсказать мне...

— Откуда она взялась? Нет, тебе стоит спросить гринготтских гоблинов, они все тебе расскажут о монетах: и где отчеканены, и через какой банк проходили в последний раз... Им страшно интересно отслеживать пути хождения денег... Слушай, я вижу, что в твоих глазах поселилась скука... я лучше помолчу. Так что насчет глаз руноследа — ты подашь или мне самой взять?

Гарри, голова которого и так шла кругом от предположений, рассеянно подал ей высокую стеклянную банку.

— Гарри! — воскликнула Гермиона. — Это крылья летучей мыши!

— Прошу прощения...

* * *

Гриффиндорская гостиная была залита неярким разноцветным светом. Джинни с серьезным и ответственным видом сидела у самого большого кресла, добавляя принесенные Гарри из кухни специи в чашу с горячим пуншем. Сам Гарри стоял у окна, меланхолично следя за падающим на улице пушистым снежком.

Гермиона, упаковывавшая у камина подарки, наконец-то, покончила с этим делом и уселась на диван с кучей пергаментов на коленях; копия, снятая ею с Liber-Damnatis, была неудобной и громоздкой: связанная шпагатом, она так и норовила рассыпаться. Джинни бросала на нее обиженные взгляды, Гермиона откашлялась, испытывая неприятное ощущение: они с Джинни до этого ни разу не ссорились по настоящему. И этот опыт Гермионе явно пришелся не по вкусу.

— Эта книга просто замечательная, — произнесла она громко и чуть нервно. Гарри отвел взгляд от окна, однако, Джинни так и не подняла свою рыжую голову от чаши с пуншем. — Как я рада, что она у нас есть: это просто справочное пособие по Четырем Благородным Объектам — как их надо размещать, как они действуют... Перевод временами довольно трудоемок, но она того стоит: тут есть пошаговое описание выполнения ритуала...

— Ты вроде говорила, что для него требуется кровь, — произнес Гарри, все еще глядя в окно. Гермионе не понравилось, как это у него прозвучало, — равнодушно и отчужденно.

— Да. Кровь могущественного темного волшебника в расцвете сил должна быть собрана и использована в церемонии.

— Или темной волшебницы, — не поднимая глаз, заметила Джинни. — Темные маги бывают и женщинами.

— Хм, думаю, что да, — согласилась Гермиона и, кашлянув, заинтересовалась, — интересно, а где Драко?

— Вероятно, любит себя в зеркало, — холодно

откликнулась Джинни и поболтала в чаше ложкой для разливания пунша. — Симус, кстати, если, конечно, вас это интересует, немного приподнится. Ему надо послать сову.

— Ну... э... — Гермиона взглядом попросила помощи у Гарри, но тот пожал плечами, всем своим видом показывая, что это ее проблема. — И кому же он пишет?

— Он? Никому. Это моё письмо родителям. Насчет Рона.

Гарри оторвался от окна и взглянул на нее:

— Надеюсь, тебе не приходится в голову сказать, что мы не волнуемся о нём? — поинтересовался он. Голос его был тих, ровен, даже мягок, однако, от его взгляда Гермиона подалась назад. Это не мой Гарри.

Джинни снова заговорила, и теперь в её голосе уже не было столь выраженного вызова:

— Да, я знаю. Ну, конечно, не Драко, но...

— Он тоже беспокоится, — быстро перебила ее Гермиона.

Джинни поджала губы.

— Драко не озаботится, даже если Люциус обратит моего брата в гриб и употребит со свежей зеленью. Впрочем, ладно. Его это беспокоит постольку, поскольку это беспокоит Гарри. Однако на мой вкус, это не настоящее беспокойство.

Гарри фыркнул:

— Это чертовски...

Но в этот момент портрет качнулся в сторону, и все разговоры затихли. Вошел Драко, неся гору упакованных пакетиков. Проем закрылся позади него, он замер, глядя на собравшуюся компанию с легкой высокомерной улыбочкой.

— Весёлого Рождества. Простите, что задержался.

Гермиона услышала, как тихонько охнула Джинни, признаться, будь у Гермионы немного другой склад характера, она бы сделала то же. Судя по всему, Драко решил, что единственный способ избавиться от бесконечных расспросов о самочувствии — это выглядеть сногшибательно, насколько это вообще в человеческих силах. Черные шерстяные брюки, острелочки на которых можно было порезаться, мягкий свитер цвета сланца, делавший его глаза синими. Гермиона была уверена, что он потратил не один час, подбирая оттенки. Свежевымытые волосы вились вокруг лица очаровательными белокурыми локонами.

Бросив оценивающий взгляд на гостиную, Драко критически заметил:

— Слизеринская лучше. Интересно, кто украшал вашу?

— Мы сами, — обиделась Гермиона.

— Как-то слишком вызывающе, — подытожил Драко. — Впрочем, это закономерно: красный и зеленый — не самое лучшее сочетание, — оглядевшись, Драко добавил, — я могу куда-нибудь положить все эти пакеты?

Едва сдерживая смех, Гарри положил принесённые им подарки под елку, а сам Драко тут же растянулся поперек самого большого и мягкого дивана, держа в ухоженной руке поднесенный ему Гермионой стакан горячего пунша.

— При повторном осмотре все ваши украшения выглядят не очень-то и плохо — по крайней мере, красный и оранжевый не так бросаются в глаза. Признаться, не могу представить, как гриффиндорцы выживают в окружении таких цветов. Это же все равно, что обитать в огромной гниющей тыкве.

— Пил бы ты свой пунш, — ласково обратилась к нему Гермиона. Она взглянула на Джинни и демонстративно закатила глаза. Та послала ей в ответ слабую улыбку.

Драко все шарил по комнате глазами в поисках, к чему бы ещё придраться. Гарри присел на край дивана:

— Можешь поглумиться над нашими рождественскими открытками, — подсказал он, указывая на большой стол у камина, где с помощью чудоленты были закреплены «открытки с изображением профессоров и бывших учащихся Хогвартса».

Понудней устроившись в подушках, Драко с тоской скользнул по ним глазами — от огромной, с изображением Хагрида, до золотого сердечка с фотографией Локхарта.

— Ну вот, после твоего разрешения мне это делать совсем не интересно... — пожаловался он, глотнул пунша и тут же подавился. — Это что — фотография Оливера Вуда в платье?

Гарри радостно кивнул.

— Думаю, там было что-то вроде пари: если они проиграют Стремительным Соколам...

— О, это просто ужасно... — Драко приподнял бровь. — Определенно — некоторым абсолютно нельзя носить пастельные тона. Черный, жемчужный — вот это как раз для Оливера. И, пожалуй, низкие каблуки.

— Я ему это, несомненно, передам, — усмехнулся Гарри. Похоже, приход Драко отвлек его от мрачных мыслей, в зеленых глазах замелькали даже отблески веселья. — Ну, что — мы могли бы начать дарить подарки...

— Отлично, — Джинни метнулась к горе пакетов и, заправив за уши непокорные пряди, начали их разбирать. — Ну, с кого начнем?

— Кинь-ка мне вот тот, большой, оранжевый! — попросил ее Гарри, шаловливо улыбаясь, и, поймав пакет в воздухе, перебрал его Драко. — Тебе.

Драко сел и удивленно воззрился на него:

— От кого?

— От мамы и папы, — пояснила Джинни. Её губы чуть подрагивали.

Прищурившись, Драко разорвал обертку и обнаружил ярко оранжевый свитер с зелеными рукавами. Явно большого размера. И с огромной буквой Д на груди.

— Господи прости, — пробормотал Драко в полнейшем ужасе. — Это что?..

— Это свитер, — строгим голосом пояснила Джинни.

— Это также похоже на свитер, как Миллисент Булстроуд — на богиню красоты, — произнес Драко.

— Не скажи, он выглядит лучше на... — возразил Гарри, губы которого сами собой расплылись в улыбке.

— На чём? На костре?

Гарри многозначительно взглянул на Драко. Тот посмотрел в ответ. Потом перевел глаза на свитер и — снова на Гарри. Потом вздохнул и, к изумлению Гермионы, натянул свитер на себя. Размера тот оказался просто невероятного: рукава почти полностью закрывали пальцы, а ворот провисал едва не до колен. Смех не сдержала даже Джинни.

— Я вас всех ненавижу, — мрачно прокомментировал это Драко.

Гермиона старательно прятала улыбку.

— Так, а вот это — от меня, — она кинула ему серебристый пакет. Когда он вскинул, ловя его, руку, она увидела, что на его запястье блеснуло что-то зеленое, и с некоторым удивлением сообразила, что он превратил заколки Блез в пару запонок.

В этот миг Гарри передал ей что-то, завернутое в синюю бумагу, а Джинни — небольшую розовую коробочку.

Следующие несколько минут слышался только шорох и шелест разворачиваемой и разрывающейся бумаги и оханье над подарками.

Гарри подарил Гермионе синее колечко на тонкой серебряной цепочке. Она видела, как Драко метнул косой взгляд в Гарри, однако промолчал.

— Спасибо, Гарри, — она надела украшение на себя. Драко подарил ей заколдованную зеленую шаль, греющую в зимний мороз и веющую прохладой в летний зной, а Джинни — сверкающий блеск для губ, пахнущий цветущим плющом. Драко преподнес Джинни полное собрание сочинений Авроры Твilight — от «Панталонов угнетателей» до «Брюки — вперед!»

Гермиона была уверена, что в этом был какой-то скрытый смысл, понятный только им двоим, потому что Джинни была явно довольна.

За всей этой суетой и возней Драко что-то передал Гарри — что-то, что не лежало в общей горе подарков. Это была книга, и она вовсе не была упакована в оберточную бумагу. Гермиона с любопытством приоткрыла: ей было интересно, что Драко и Гарри собирались преподнести друг другу.

Гарри с удивлением перевернул книгу — тонкую, в зеленой коже с многочисленными серебряными застежками. На обложке были вытеснены четыре слова.

— Кодекс Поведения Семейства Малфоев, — с удивлением прочитал Гарри, вытаращив глаза. — Ты, конечно, говорил об этом, но я не знал, что эта книга и впрямь существует.

— Так оно и есть. Она существует в единственном экземпляре, так что не потеряй и не заляпай ее, Поттер.

— В единственном экземпляре?

— Точно, — за внешним весельем Драко был совершенно серьезен. — Она переходит от одного Малфоя к другому в день тринадцатилетия. Ты, конечно, староват, однако, и в семью ты тоже вошел недавно.

— Это делает меня почетным членом Малфоевского семейства? — рассмеялся Гарри.

— Да, — серьезно кивнул Драко. — в конце концов, ты ведь мой кровный брат.

— И я буду ею владеть, пока...

— Пока я не обзаведусь детьми, — в глазах Драко вспыхнул темный огонек.

— Спасибо, Малфой, — Гарри крепко стиснул книгу. — Я... я почитаю.

Драко посветлел:

— Уж лучше ты, чем я. Она ужасно скучная.

Гарри метнул в него неуверенный взгляд и, порывшись в своем кармане, что-то из него извлек. Гермиона отметила, что ни Гарри, ни Драко не завернули в бумагу подарки, предназначенные друг для друга. Наверное, просто потому, что они — мальчишки и не собираются устраивать из этого целое представление? Хотя, с другой стороны, взглянув на Драко — с его ухоженными волосами, одетого с иголочки — трудно было предположить, что он не любит производить эффект.

— Вот, держи, — Гарри что-то сунул в руку Драко. Пергамент, хрустнувший в пальцах.

— Гарри! — не удержавшись, воскликнула Гермиона. — Карта Мародеров!

Драко поднял взгляд, ленивое выражение сменилось искорками любопытства.

— Что еще за Карта Мародеров?

Временами Гермиона забывала, насколько недавно между Драко и Гарри завязались дружеские отношения. Она посмотрела на юношей: Гарри склонился над плечом Драко и водил пальцем по листу:

— Это — замок. Где бы ты ни находился — даже в лазарете, если хочешь найти нас, просто взгляни на неё, и она все тебе покажет. Штука незаменимая, чтобы куда-нибудь пролезть, и, когда тебе станет лучше...

— Эта волшебство действительно впечатляет, — перебил его Драко, удивленно приподняв брови. — Кто её сделал? Ты?

— Нет, мой отец.

Драко вскинул глаза, но раньше, чем он успел что-либо произнести, портрет снова отодвинулся, и вошел Симус.

— Привет, — поздоровался он, оглядывая комнату, — простите, что опоздал.

На нем было темное шерстяное пальто, в руках — полно подарков. Джинни приглашающе протянула ему руку, и он устроился рядом, чмокнув её в щеку.

Глаза Гермионы были устремлены на Драко: лишь только Симус шагнул в гостиную, тот весь напрягся, и теперь лежал на диване, словно окаменев. Прищурив глаза, он наблюдал за Симусом. Гарри, сидевший на поручне дивана рядом с Драко, нервно барабанил пальцами.

— Вот, — как-то слишком воодушевлено произнесла Джинни и вручила ему обернутую в разноцветную

бумагу коробку. Симус с явным удовольствием раздал подарки — Гермионе, потом Гарри и, наконец, Драко — тот не приподнялся за ним, так что Гарри принял подарок за него и кинул Драко на колени, на что Драко отреагировал взглядом из серии «et tu, Brute?»

Гарри выразительно округлил глаза.

— Спасибо, — громко поблагодарил он Симуса, вынимая годовую подписку на Мировые Новости Квидди-ча. — О, тебе не стоило...

Симус просиял.

— Ничего-ничего. И спасибо за комиксы — они совершенно отпадные.

Теперь взгляд Драко буквально прожигал Гарри насквозь, но тот старательно этого не замечал.

— Драко, — неожиданно окликнула его Джинни. — Открой свой подарок.

Драко перевел свой разъяренный взгляд на неё:

— Уизли...

— Вовсе не нужно открывать его сейчас, — поспешно заметил Симус.

Глаза Драко остекленели, пробормотав себе под нос какое-то проклятье, он потянулся к коробочке на коленях, разорвал и открыл ее — на колени ему выпало что-то, сверкнувшее ярким серебром. Он безмолвно взглянул на это. Все присутствующие молча наблюдали за ним. Наконец Гарри поднял подарок и поднес его к свету.

Гермионе показалось, что это что-то вроде статуэтки — свернувшийся дракон с зелеными глазками и острыми зубками. Вещь была явно дорогая, очень элегантная и эффектная — собственно, как и сам Драко.

— Мило, — Гарри присвистнул и передал фигурку Драко. Тот принял ее своими длинными пальцами и взглянул на нее безо всякого выражения. За ним все наблюдали: Джинни — потемневшими от волнения глазами, Симус, затаив дыхание, а Гарри и Гермиона — с одинаково смешанным чувством любви и раздражения. Наконец Драко заговорил.

— Ну, и зачем она?

— Зачем? — Симус почувствовал себя явно не в своей тарелке. — Ну, не знаю. Думаю, она вполне могла бы исполнять роль пресс-папье.

— Ясно, — Драко для верности потыкал статуэтку пальцем. — Это что — дракон, да?

— Ну... да...

— А, понятно, — Драко сделал вид, словно его только что осенило. — Дракон. Потому, что меня зовут Драко. Да? И это означает «дракон», да? Просто ошеломляющая оригинальность, Финниган. Я о том, что это просто и в голову никому не приходило. Особенно мне.

Симус покраснел с самым несчастным видом, однако заговорила Джинни.

— Драко, — прошипела она. — не надо.

Драко широко распахнул свои серые глаза.

— Что — не надо? — поинтересовался он. — Я просто сообщил, что думаю по поводу подарочка Финнигана. Что, — он не достоин это знать?

— Не будь скотиной, — она взглянула на него в упор. — Остановись.

Симус кашлянул.

— Джинни, да ничего страшного...

— Ничего подобного! — не сводя с Драко сердитого взгляда и возмущенно поджав губы, Джинни встала, потянув Симуса вверх за локоть. — Драко, — резко и отчетливо произнесла она, — немедленно извинись перед Симусом.

Драко улыбнулся, опустив ресницы.

— Нет.

— Симус ничего тебе не сделал! — Джинни едва не срывалась на крик. — И я уже устала оттого, что ты вот так с ним обращаешься! Ты просто ревнуешь.

Когда Драко поднял взгляд, Гермиона едва не поморщилась от выражения, застывшего в его глазах. Ей хотелось кинуться и остановить Джинни — она знала, что Драко презирает такие поступки. Детские и банальные до оскомины. Но — увы...

— Ревную? — тихо переспросил он и уточнил. — К

Финнигану?

— Ты сам это знаешь, — произнесла Джинни. — Я тебе не нужна — это ладно, однако, ты не желаешь, чтобы рядом со мной кто-либо находился — и почему? Я что — твоя собственность? Ты что — хочешь, чтобы я в ожидании провела неподалеку от тебя остаток дней? Ты ненавидишь Симуса потому, что он обладает всеми теми качествами, которых ты лишен: он добрый, нежный, правдивый...

— ... и глупый, — добавил Драко. — не забудь «глупый»

— И знает, как надо обращаться с теми, кого любишь, — отрезала Джинни. — А всё, что можешь ты, — это ранить их и причинять им боль...

— Что-то не могу себе представить, как ты можешь об этом судить, — парировал Драко самым мягким голосом. — Ведь ты-то в этот круг не входишь.

Джинни побелела. К ней все обернулись: Гарри, Гермиона и Симус — взволнованно, Драко — с холодным безразличием.

— Джинни... — Симус первым пришел в себя и потянулся к ней.

Однако она отпрянула от его руки и метнулась к выходу, нырнула в проем и убежала. Толстая Леди крикнула ей вслед:

— Куда ты так бежишь, милочка? Сейчас же Рождество!

Симус повернулся, его лицо было искажено такой гримасой ярости, что Гермиона остолбенела — тот всегда был рассудительным и уравновешенным. Симус шагнул к Драко — тот лишь приподнял в ответ брови, нимало не собираясь отвечать на наступление, не смотря на то, что руки Симуса были сжаты в кулаки.

— Малфой, — прорычал Симус, — меня не волнует, насколько ты болен, — поднимайся!

Гарри взлетел и уже через миг стоял между Симусом и диваном, на котором разлеся Драко. Симус отшатнулся, с удивлением уставившись на Гарри.

— Симус, — ровным голосом произнес Гарри, не сводя глаз с белого от ярости Симуса. — Ступай за Джинни.

Но тот лишь бешено сверкал глазами. Они с Гарри никогда не были особенно близки, однако, все же с одиннадцати лет делили спальню, а три последних года были в одной квиддичной команде — Гарри ловцом, а Симус охотником. у них всегда были ровные, хорошие отношения. И правда сейчас была именно на стороне Симуса. Гермиона прекрасно знала, что, сделай Симус сейчас еще один шаг в сторону Драко, Гарри, не задумываясь, сшибёт его с ног.

Глаза Симуса метнулись к Драко. Тот потянулся и сел. на лице его застыло совершенно непроницаемое выражение, словно бы он читал расписание поездов.

— Ты только посмотри на себя, — Гермиона прежде никогда не слышала у Симуса такого голоса. Он говорил, не сводя глаз с Драко. — Прячешься за Гарри Поттера, как давно мечтал. Пользуешься тем, что он добрый и отзывчивый человек, и прячешься в его тени. Да, он защитит тебя, даже если ты этого не стоишь, — он куда лучше тебя, Малфой, да ты просто слюнявый, злобный, маленький садист. Он лучше десятка таких, как ты.

Выражение лица Драко не изменилось, лишь глаза слегка расширились. Рядом с глазами Симуса его глаза больше не казались синими.

— Я знаю.

Симус испуганно остолбенел. Его губы дрогнули. Потом на лице появилось отвращение.

— Так ты к тому же еще и трус... Если ты...

— Симус... — Гарри тронул его руку, но Симус отпрянул от него.

— Оставь, Поттер. Если Малфой так для тебя важен, я не стану... — он вздернул голову и взглянул на них обоих — Гермиона ощутила в этом взгляде что-то вроде чувства собственного достоинства. — Мне жаль вас обоих, — он развернулся и нырнул в дверной проем. Портрет закрылся.

Гарри плюхнулся на диван рядом с Драко и обхватил голову руками.

— Урод... — сдавленно пробормотал он.

Гермиона поднялась со своего места у камина, подошла к Гарри и положила руку ему на плечо.

— Как есть урод, — мрачно согласилась она. — Драко, ты идиот. Что на тебя нашло?

— Понятия не имею, — склонив голову, Драко задумчиво изучал дракончика. — Сейчас, при ближайшем рассмотрении, могу сказать, что мне определенно нравится это пресс-папье. Мне придется вернуть его?

— Да! — хором ответили Гарри и Гермиона.

— Блин! — прокомментировал Драко.

* * *

Джинни почти добежала до библиотеки, когда Симус догнал её. Она услышала его шаги, потом он окликнул её, — она не обернулась, он снова позвал её — и она остановилась. Не повернулась, однако всё же остановилась.

— Джинни, подожди...

— Симус, я сейчас ни с кем не хочу говорить, — вперив взгляд в стенку перед собой, произнесла она как можно более ровным голосом. — Прости, пожалуйста.

— Джинни, — расстроено выдохнул он.

— Пожалуйста, только не извиняйся, — пискнула она, — я не...

— Я и не собираюсь извиняться, — чуть недоверчиво возразил он, и нотки, прозвучавшие в его голосе, заставили-таки её обернуться и воззреться на него с удивлением. — Мне очень жаль, — произнес он, и он вздрогнула под его пристальным взглядом. Он стоял, засунув руки в карманы, чуть ссутулившись — он всегда казался ей довольно высоким, однако только сейчас она заметила, что это не совсем так: он был крупнее Драко, но тот был сложен как танцовщик или пловец — изящный, тонкокостный, поджарый. Симус тоже был достаточно изящен, но гораздо шире в плечах. Вот только сейчас он выглядел каким-то... маленьким. — Мне очень жаль, но вовсе не потому, что я что-то такое сделал.

Она машинально затеребила браслет на руке. Жест получился очень нервным.

— Всё, что я делал, — продолжил он тем же ровным, уверенным голосом, — это пытался заботиться о тебе, пытался быть рядом с тобой. Я делал все только ради этого, в противном случае я бы отправился домой, чтобы побыть с моей семьей. Я неустанно твердил себе, что, возможно, ты ценишь мои попытки, просто не показываешь вида, убеждал себя, что последние события, многие из которых я просто не понимаю, сейчас сводят тебя с ума, — так что я должен остаться и быть рядом, рано или поздно ты обратишь на меня внимание. Я считал, что мне надо быть мягким и терпимым, я пытался быть любезным, я надеялся всё понять — я думал, это имеет смысл и значение. Однако, я понял только одно: весь смысл в том, что я не Драко Малфой и никогда им не буду.

Джинни было нечего ответить, она не была готова к таким словам. Несомненно, он здорово загнул, не может быть, чтобы она была такой жестокой. Она почувствовала, что та страсть, с которой она кинулась защищать его в гостиной, куда-то исчезла, растворилась, рухнула вместе с её тайными надеждами, смертный приговор которым она прочитала в сердитых серых глазах Драко.

— У меня тут мелькнула мысль, будь я больше похож на него — поменяло бы это что-то или нет? Может, тебе нужен кто-то, кто бы грубо обращался с тобой, кто бы не любил тебя на самом деле, кто бы издевался и унижал тебя, кто бы причинял тебе боль? Кто бы лгал тебе? Обращался бы с тобой, как с маленькой дурочкой? Откуда у тебя такие желания, где ты этому научилась?

— Нет! — Джинни сама не знала наверняка, от чего

она так возмущенно откешивается, однако, больше она ничего не хотела слушать. — Нет, послушай, я...

— Я уезжаю, — перебил ее он.

— Уезжаешь? — недоуменно переспросила она.

— Уезжаю, — повторил он с самым серьезным выражением лица. — Возвращаюсь домой. Я вам тут совсем не нужен, я постоянно путаюсь под ногами и стою поперек дороги, и я устал от этого, Джинни. Я сделал все, что мог, я хотел быть с тобой, но... — его голос дрогнул, и Джинни поняла, с каким трудом ему даются эти слова, — но я бессилён, потому что ты со мной быть не хочешь.

У неё дрогнули губы, но она не смогла ничего сказать, просто стояла и смотрела на этого красивого, доброго, умного, любящего её юношу, и какая-то часть её сердца разрывалась от обуявшей её печали. Но только часть. Признаться, больше она не почувствовала ничего — с таким же успехом он мог говорить про какую-то другую девушку, ей совершенно незнакомую. Она, конечно, могла наскрести внутри себя сил и соврать ему, упрямому, уверить, что он ошибался относительно того, что она не любит его... Могла бы. Однако ей совершенно этого не хотелось.

Она подняла голову.

— Мне вернуть браслет?

Он вздрогнул.

— Нет, я тебе его подарил — носи его.

— Симус, — устало произнесла она, — прости...

Он отвел глаза в сторону. Пламя факела окрасило его волосы в пепельно-бронзовый цвет, позолотило его подбородок и ключицы.

— Я не буду говорить ничего плохого о том, кто умирает... но — почему он? Почему Драко Малфой?

Джинни ответила не сразу.

— Думаю, он напоминает мне кого-то, кого я любила раньше.

Она никогда не разговаривала с Симусом начистоту.

Он вяло кивнул и потер глаза тыльной стороной руки.

— Завтра я уеду, — развернувшись, он пошел прочь.

Проводив его взглядом, она продолжила свой путь в библиотеку — как она и предполагала, совершенно безлюдную. Под стулом, где она ее и оставила, валялась ее сумка, из которой она вытащила маленький потрепанный дневник, едва не уничтоживший её.

Устроившись за столом, она вытащила из мантии палочку и ощутила странный холод — да, это не было просто словом. Она знала, что должна чувствовать что-то вроде гнева на Драко... вины перед Симусом, однако её переполняло совсем другое чувство: решимость. Что ж, Драко продемонстрировал ей её собственную правоту: она не нужна. Она бесполезная дура. Гермиона так раньше и говорила. Ну, ладно... Она им всем еще покажет... Они еще приползут к ней со слезами благодарности, а она... она швырнет им всё это в лицо...

Она прикоснулась к дневнику кончиком палочки и шепнула:

— Origio.

На обложке вспыхнули буквы и цифры. День, месяц, год. Время.

И погасли.

Джинни глубоко вздохнула и потянулась к Хроновороту.

— «Малфои не должны носить оранжевое за исключением пятниц и во время чаепития.» «Выбирая между семьей и возможностью, Малфои предпочитают возможность...». «Малфой, положивший книгу лицом вниз и перебивший ей корешок, наказывается самой ужасной смертью»... Слушай, а Малфои и правда следовали этим правилам? — с любопытством поинтересовался Гарри. Он лежал на животе перед камином, уткнувшись носом в Кодекс Поведения Семейства Малфоев. Драко, раскинувшись на диване, наблюдал за ним, не в силах отделаться от потрясения, что Гарри действительно это читает. на полном серьезе. — Есте-

ственно, — пожал плечами Драко.

— «Все Малфой по утрам должны съедать живую жабу, поскольку подобная процедура способствует пищеварению» — что, и этому тоже?

Драко приподнял бровь.

— Ну, что ж, не всем же подряд. Хотя, если взглянуть философски... Съешь с утра живую жабу, и все самое страшное на сегодня для тебя уже позади. Это звучит как некое правило — не находишь? К тому же, — задумчиво прибавил он, — жабы, в некотором роде, достаточно вкусные.

Гарри безглаголиво наморщил нос.

— Если я вскочу и удеру от тебя, это будет невежливо, как думаешь?

— Бедный Невилл, — неожиданно перебила их Гермиона, подняв глаза к огню. — Он до сих пор так переживает из-за Тревора...

— Расшифруй мне эту загадку, — попросил Драко.

— Тревор был его жабой. Он умер, — пояснил Гарри.

— Так Лонгботтом пытался подать жалобу о его пропаже? — поинтересовался Драко, словно его только что осенило. — Я думал, он разыскивает кого-то из своих знакомых.

— То есть, ты хочешь сказать, что не думаешь, чтобы Студсовет одобрил его поиски, даже будь Тревор человеком? — округлила глаза Гермиона.

— Я предположил, что это был кто-то, не особо популярный, — пожал плечами Драко.

— Твое сочувствие, как всегда, весьма впечатляюще, — Гермиона поднялась. — Я пошла в библиотеку. Насколько я могу себе представить, вы, скорее всего, собираетесь остаться здесь, допить пунш, потом начать оскорблять друг друга, делая вид, что вы вовсе не друзья, и затем валяться на полу в бессознательном состоянии.

— Признаться, я собирался поводить хоровод вокруг елочки, — откликнулся Драко. — Однако твоё предложение звучит не в пример веселее.

— Ага, — подхватил Гарри, не отрываясь от книги. — Мне пунш нравится.

Гермиона взглянула на них, пряча улыбку.

— Я вам расскажу, если что-нибудь обнаружу, — и она ушла, прижимая к груди книги и пергаменты.

Гарри, подняв голову от страницы, проводил ее пристальным взглядом.

— Ты подарил ей кольцо, — едва за ней закрылась дверь, обратился к нему Драко. — Помнится, ты говорил, что при одном взгляде на него с души воротит.

— Я изменил свое мнение, — выпрямившись, Гарри пододвинулся поближе к огню и потянулся за серебряной кочергой. — Я подарил ей кольцо потому, что люблю её. И потому, что знаю, что ей нравятся такие вещи. Мои чувства к ней остались прежними, впрочем, как и ее интерес к такого рода штучкам.

— Однако, ты подвесил его на цепочку, — заметил Драко, макая палец в чашу и слизывая с руки пунш. — Пытаешься подчеркнуть расстояние между вами?

— Возможно, — Гарри пошвырялся кочергой в камине. Сложно было сказать, был ли только огонь причиной того, что на его щеках запылал яркий румянец. — Просто... Я не чувствовал, что могу... Ну, после всего того, что случилось в Имении...

— А, ты про этот демонический секс? — громко произнес Драко, получив грандиозное и садистское удовольствие от вида Гарри, едва не рухнувшего в камин.

— Заткнись, Малфой! Ещё услышит кто-нибудь...

Тихо фыркнув, Драко опустил свой стакан, поднялся и едва сохранил равновесие.

— Чертов уизлевский свитер, — проворчал он и, сдёрнув обидчика, метнул его на диван. Наэлектризованные волосы встали дыбом вокруг головы — словно серебристая корона. на ходу вытаскивая что-то из кармана, Драко подошел и присел у камина рядом с Гарри.

— Итак, Поттер, вторая часть рождественского по-

дарка.

Гарри с подозрением покосился на катушку с чем-то, напоминающим золотую проволоку.

— Это еще что?

— Просто дай мне руку, — скомандовал Драко, глаза его насмешливо поблескивали.

Вздохнув, Гарри отбросил кочергу и протянул свою руку Драко, тот развернул её ладонью вверх. Отблески пламени превратили рассекающий ее шрам в серебряную полоску. Рядом с белой рукой Драко рука Гарри выглядела почти коричневой. — Сиди спокойно, — и Драко начал обматывать проволоку вокруг запястья друга.

— Похоже, я выпил слишком много пунша, — зевая, заметил Гарри и поднес обмотанную проволокой руку к глазам — при ближайшем рассмотрении золотая нить казалась прочной и тонкой. — Ну и что? — удивленно поинтересовался он.

— Просто подожди минутку.

Гарри послушно ждал, греясь у камина и рассматривая золотистую полоску на руке. в воздухе пахло каким-то вечнозеленым деревом, корицей, цитрусами — наверное, одеколоном Драко, купленным в Венеции за сумму, куда большую, чем стоил бы новый Всполох. у Гарри в голове не могло уложиться: как можно отстегнуть такие деньги за возможность пахнуть, словно цитрусовое дерево...

Однако, он воздержался от высказывания Драко своего мнения по этому поводу.

И вдруг, полоска вокруг руки вздрогнула. Гарри подскочил — ему стало щекотно — и с любопытством проследил, как та трижды медленно обернулась вокруг его запястья. А потом остановилась и затихла. Он возпросительно взглянул на Драко.

Ответная улыбка Драко была ленивой от пунша и позднего часа. Огонь, пляшущий за решеткой, окрасил его правую щеку золотом и кумачом. Цвета Гриффиндора.

— Поздравляю, Поттер. Ты все ещё девственник.

— Что? — вытаращил на него глаза Гарри.

— Девственник, — Драко получал очевидное удовольствие от происходящего. Он пододвинулся, размотал проволоку с руки Гарри и кинул ее в огонь — та вспыхнула, издав мелодичный звук, заставивший Гарри вздрогнуть. — Это волос единорога, дятел. Надо обвязать его вокруг запястья, и если он не свалится... то все, что мы можем записать тебе в актив — всего лишь пару нехороших снов, да еще ту историю с женской ванной и Чжоу Чанг, что случилась на пятом курсе. Да-да, я про это слышал. Ладно, Поттер, не кисни. Ты девственник. Наслаждайся.

— Но почему?... — начал Гарри.

— А вот это я не могу заявлять с полной уверенностью, — тут же подхватил Драко. — Возможно, ты слишком высоко установил свою планку.

— Да я не о другом — почему Рисенн хотела со мной переспать?

— Может, её планка упала ниже некуда?

— Малфой...

— Ладно-ладно, — фыркнул Драко. — Ты имеешь в виду, почему она солгала? не знаю. Почему люди лгут? — понятия не имею. Не спрашивай меня, откуда берется в мире зло, почему люди издеваются над собачками, а замерзшие котята ложатся спать на голодный желудок. Словом, я ничего не знаю и, более того, — предполагаю, что уже поздно для онтологических исследований Вселенной. А ежели ты о том, с чего бы Рисенн стала тебе врать, то, я думаю, возможно, причина в том, что ей твое лицо не понравилось.

— С моим лицом все в порядке, — возразил Гарри.

— На самом деле у тебя рот кривой — что, не знал? Когда ты улыбаешься, у тебя одна сторона выше другой. И... — Драко смягчился и заулыбался. — Признаться, я думаю, что она солгала тебе потому, что является сексуальным демоном. И, забравшись к тебе в постель... словом, мы понимаем, что должно было

произойти дальше. Однако ты перебрал, Поттер, если помнишь. Я был бы здорово удивлен, сумеи ты поднаться, не говоря уж...

Гарри почувствовал, что заливается краской.

— Я понял, — быстро перебил он.

— Да, так вот — видимо, ты не сделал этого, а потому вопрос-то и не стоял, — это стало лучшей шуткой Драко за последние несколько недель. Гарри почувствовал обиду. — Наверное, она расстроилась из-за недостатка интереса.

— Ну, — произнес Гарри, — она говорила, что ночью случилось нечто, никогда ранее с ней не происходившее.

Драко расплылся в улыбке от уха до уха.

— Думаю, все дело в том, что ночью как раз ничего и не произошло. Ну-с, я думаю, мы разобрали все вопросы, на повестке дня остался только один.

— И какой же?

— Почему же она так хотела с тобой переспать?

Гарри обиделся по-настоящему.

— Очень даже много народа хочет со мной переспать.

— Да ну? Ты что — проводил опрос? Только сразу вычеркни те шестьдесят бюллетеней, что подала за тебя Миртл.

Гарри что-то пробурчал себе под нос.

Драко лучезарно заулыбался:

— Да ладно, я тебя просто подзуживаю. Однако не могу не заметить тебе, что ты мало похож на глянцевого и сияющее сексуальное божество.

— Сияющее? — против своей воли развеселился Гарри.

— Согласно «Брюкам, полным огня», именно сияние составляет истинную суть этого явления.

— Если ты не прекратишь читать всякое дерьмо, Малfoy, я буду вынужден принять меры. У тебя от этого мозги скоро стухнут.

Драко чуть дрогнул.

— Ничего не могу с собой поделывать, — обеспокоено сознался он. — Это ужасно затягивает.

— Вот только не говори мне, что тебе и, правда, интересно, как Ризен ухитрилась избежать тисканья этой злой как-её-там... — ну, той, грудастой, что в коже с головы до ног.

— Леди Стэйси? — оживился Драко. — Ну, это уже было тысячу лет назад... Тристан соблазнил леди Стэйси и связал её в её же собственной темнице лишней парой брюк. А потом они с Ризен сбежали...

— ... и жили долго и счастливо?

— Ничего подобного, он оказался злым братом-близнецом Тристана — Себастьяном...

— А в чем причина, что...

— Гарри! — перебил их взволнованный и тревожный вскрик. Обернувшись, Гарри увидел стоящую на входе Гермиону, держащую в руках охапку пергамента — Гарри узнал сделанную ею накануне копию Liber-Damnatis. Ее лицо было таким же белым, как и платье.

Драко взвился с пола, словно был легким дымком:

— В чем дело, Гермиона?

— Это насчет Рона, — она шагнула в комнату, и портрет закрылся за ее спиной. на бледном лице, с застывшим на нем умоляющим выражением, глаза казались очень темными и очень большими. — Я боюсь... Я имею в виду... Я нашла... Гарри, я думаю... — она глубоко вздохнула и сказала более спокойным голосом — Думаю, что знаю, что от него понадобилось Люциусу.

— И что же? — медленно поднялся навстречу ей Гарри.

— Помните, я говорила, что в последней части заклинания Четырех Благородных Объектов требуется живая кровь волшебника? — пояснила Гермиона. — Помнишь, я говорила, что для этого требуется живая кровь волшебника?

— Да, — кивнул Гарри, — но я подумал, что речь идет о крови темного мага.

А Рон — не темный маг. Даже если б он захотел, он еще слишком молодой, чтобы добиться в этом успеха...

Гермиона кивнула:

— Это слово, Чародей — оно значит могущественный темный маг. Однако, есть еще одно значение. Гарри с Драко стояли перед Гермионой, и Гарри боролся с желанием за что-то ухватиться, чтобы твердо стоять на ногах.

Наконец, Драко задал этот вопрос, ответа на который Гарри знать вовсе не хотел:

— И что же ещё оно значит?

— Оно значит «прорицатель», — произнесла Гермиона и прикусила губу.

* * *

В этот раз проникновение в прошлое напомнило ей падение в темную воду: что-то сомкнулось у нее над головой, и появилось ощущение, что она тонет. В миг, когда она, задыхаясь, вынырнула, приземлившись на колени, первым, что донеслось до нее, был его голос.

— О, нет, я ничего об этом не знаю, — голос звучал насмешливо и чуть легкомысленно, однако, оставался все тем же — слегка ленивым, осторожным, полным приглушенной тревоги. — Поднять мертвеца — во все не так сложно, как ты думаешь.

Головокружение ушло, Джинни подняла голову. Она стояла на коленках в узком проходе между двумя высокими стеллажами — похоже, полвека назад тут все располагалось совсем по-другому — к её же счастью, поскольку стеллажи весьма кстати протали её от глаз тех, кто еще находился в помещении.

Голос Тома доносился откуда-то слева, она как можно осторожней качнулась в бок и глянула в просвет между двумя томами.

Библиотека освещалась лишь неверным светом свечей, факелы были задуты. Длинные столы были сдвинуты в середине комнаты в виде буквы «Т», за ними устроились студенты в школьных форменных мантиях — большинство было представлено слизеринцами, хотя мелькал и синий цвет Равенкло. А вот гриффиндорцев с хаффлпаффцами среди собравшихся точно не было.

— Но, Том, — запротестовала девушка в синем цвете Равенкло, смутно напомнившая Джинни кого-то, — это же невозможно!..

— Невозможно в мире очень немного, Присцилла, — возразил ей голос, который Джинни не смогла бы забыть и спустя три сотни лет — неторопливый, холодный голос змеился, ранил своими кольцами, не выпуская из своих объятий.

Она вздрогнула, словно над ее могилой проползла змея. Встав на цыпочки, она попыталась увидеть его поверх книг — но, увы, все, что попало в поле ее зрения, — только край черной мантии и белая рука, мелькнувшая, когда он что-то показывал.

— Существуют определенные способы... симпатическая магия, с помощью которой душа может быть привязана или же удержана и через какое-то время перенесена в соответствующий сосуд. Такой комплекс весьма трудно уничтожить. Если хотите, его можно назвать бессмертным. И этих духов легко вызвать обратно.

Кроме того, существуют более примитивные методы некромантии. Именно по этим причинам покойники редко возвращаются, как вы могли бы заметить...

Мальчик, сидящий по левую руку от Тома фыркнул:

— Зомби...

Девушка, поименованная Томом Присцилой, изящно передернула плечиками:

— Они такие неопрятные... От них вечно отваливаются куски... Люциус

говорит, что...

— Он много чего говорит, — раздраженно возразил

темноволосый юноша, — в основном, его слова — со-
мнительное вранье.

Том снова заговорил.

— Что ты имеешь в виду, Эйвери?

— Я говорю по поводу Люциуса Малфоя, — с горестными нотками в голосе повторил юноша по имени Эйвери. — Он совсем еще ребенок, а говорит так, словно полностью посвящен в твои планы, Том. Но он слишком молод, чтобы стать одним из нас. И это раздражает.

— Возможно, Люциусу только тринадцать, — кивнул Том, однако, его фамилия существует уже тысячу лет, Имение Малфоев насчитывает несколько веков.

Счета в Гринготтсе, замки в Румынии, их богатство, связи... — все в совокупности уравнивает и даже перевешивает молодость Люциуса.

— Он надменный и высокомерный, — заупрямился Эйвери.

— Все мы обладаем такими же качествами, — в голосе Тома проскользнула нотка раздражения. — Если больше прибавить нечего, хочу напомнить, что ненаносимый дом Люциуса может стать отличной штаб-квартирой.

— Это про тот заколдованный замок, о котором он постоянно хвастает? в который нельзя проникнуть и выйти оттуда? — в голосе Эйвери звучало сомнение. — Мне кажется, что он привирает.

— Я знаю, что это не так, — голос Тома по-прежнему был тих и спокоен, однако в нем уже отчетливо слышалась нарастающая досада. — Итак, по моему мнению, мы все высказали свои соображения на настоящий момент, а потому, если больше добавить нечего, предлагаю завершить сегодняшнее собрание. Присцилла, если не возражаешь — не могла бы ты немного задержаться?..

К вящему облегчению Джинни, добавлять никто ничего не стал; негромко прощаясь и желая друг другу доброй ночи, все начали расходиться, остались только Том и Присцилла — она сидела, подперев подбородок кулаком и наблюдала за Томом, он меланхолично изучал пылинки на манжетах своей рубашки.

Наконец все вышли.

— Мисс Кливотер, — произнес он, и она подскочила от неожиданности, — вы ведь девушка, не так ли?

— Да, Том, — выдохнула она с таким видом, словно ей только что сообщили, что отныне Рождество будет праздноваться дважды в год. Джинни за своим стеллажом вытаращила глаза.

— Значит, у вас должно быть с собой что-то вроде карманного зеркала, — Том чуть растягивал слова, от этого его произношение сильно напоминало произношение Драко. — Мне оно нужно для одного заклинания.

— О, я... — сконфузилась она, — у меня с собой нет, но я могу принести.

— Да-да, будьте любезны.

Бросив напоследок взгляд на Тома, она вышла. Казалось, он совершенно не обратил на это внимания, встав, он махнул рукой в сторону столов — послушными овечками они встали на свои места. Наконец-то Джинни могла его рассмотреть — бледное лицо, как будто искусственно вставленное между черными волосами и черной мантией. Она заворожено наблюдала, как он призывает к себе разные предметы, подлетавшие к нему с такой скоростью, что казалось, будто они возникают перед ним прямо из воздуха. Серебряная чаша, медный ножик для распечатывания писем, песочные часы, закупоренный флакон — Том колдовал так, что наблюдать за ним было одно удовольствие — словно за создающим полотно художником: движения были лаконичны, изящны, экспрессивны...

У неё мелькнула мысль, могли бы Драко и Гарри, никогда особо не волновавшиеся по поводу развития своих магидских сил, продемонстрировать что-либо подобное.

Вот он остановил флакон в воздухе и аккуратно опустил его на стол перед собой. И, в последний раз

вскинув руку, взял из воздуха черную книжечку — с целой обложкой, поперек которой красовались золотые буквы. Джинни почувствовала, как внутри словно что-то оборвалось, все вокруг заволочло туманом, и, чтобы удержаться на ногах, она крепко вцепилась в полку перед собой.

Устроившись за столом, Том сосредоточенно взглянул на книгу, пододвинул к себе серебряную чашу и поднял левой рукой нож. Не меняя выражения лица, он медленно сжал рукой лезвие — Джинни поморщилась, когда между его сжатыми пальцами в чашу потекла красная жидкость — она струилась медленно, капля за каплей, и серебряная чаша чуть позвякивала от этой кровавой капели. Видимо, крови набралось достаточно — Том убрал руку, вытащил из кармана льняной платок и методично перевязал руку.

И вот, подняв дневник со стола и обмакнув пальцы здоровой руки в кровь, он провел окровавленной рукой по обложке дневника и произнес свистящим шепотом:

— Как прочной нитью связан ты, да будешь ты ко мне привязан...

Дневник испустил вспышку света, осветив лицо, при виде которого у Джинни засосало под ложечкой. Лицо, обрамленное черными волосами, с узкими губами и чуть раскосыми глазами... Такое любимое. И такое ненавистное...

— О, Том!

От этого восклицания вздрогнули оба — и Том, выронивший от неожиданности дневник, и Джинни. Присцилла Кливотер тихо вошла в библиотеку и сейчас, побледневшая и трепещущая, стояла за охранными барьерами.

— Что с твоей рукой?..

Том с хмурым лицом отложил окровавленный нож и сердито уставился на нее:

— Вы принесли мне зеркало?

— Н-нет... Я встретила наверху профессора Култера — он велел вам немедленно уходить отсюда. Он послал меня за вами.

Лицо Тома потемнело.

— Надеюсь, что это будет действительно чем-то важным, мисс Кливотер.

— Он так сказал, — повторила она, придерживая открытую дверь. Вздохнув, Том обернул свою покалеченную руку мантией и последовал за ней. Дверь захлопнулась. Джинни, чувствуя, что ее коленки превратились в желе, не двинулась с места. Она увидела его — и в ней снова ожили воспоминания — и самое ужасное было то, что далеко не все они вызывали горечь и страх.

Сначала не было ничего, кроме слов, возникавших на страницах. Потом появился голос в ночи, беседовавший с ней в сновидениях. А потом лицо — столь подходившее к этому голосу: она вовсе не удивилась его красоте, именно таким он и должен был быть.

Она вспомнила, как однажды Элизабет, подняв глаза от книги, мечтательно улыбаясь, заметила:

— Мальчишки в книгах просто восхитительные!

Джинни тогда лишь рассмеялась в ответ. Но всё это было до того, как он открыл ей истину: любовь — всего лишь предательство и ложная красота иллюзий.

И тут, против её собственного желания, в её голове снова зазвучал голос Симуса: «Может, тебе нужен кто-то, кто бы грубо обращался с тобой, кто бы не любил тебя на деле, кто бы издевался и унижал тебя, кто бы причинял тебе боль? Кто бы лгал тебе? Обращался бы с тобой, как с маленькой дурочкой? Откуда у тебя такие желания, где ты этому научилась?»

Я научилась этому у тебя, Том, — отстранено подумала она. — Однако теперь мне уже не одиннадцать лет.

Она вышла из-за полки и, не оглядываясь, прошла к столу.

* * *

— Но Рон... — оторопело произнес Гарри, — Рон... он вроде бы вовсе и не Прорицатель, он ведь еще ничего не предсказал?..

— А ты-то почему знаешь? — спросил Драко, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее и ровнее, что давалось ему с трудом: оторопь в глазах Гарри напугала его, а в голове назойливо крутилась мысль, что ни один из них сейчас не хотел занимать свои мысли проблемами, связанными с Роном. Он почувствовал себя отделенным и чужим, несмотря на то, что Гарри по-прежнему стоял рядом. — А если бы предсказывал?

— И что — соврал мне об этом? — в голосе Гарри опять появилась горечь. —

Что ж, я думаю, такое вполне возможно.

— Или же он не знал, что это такое, потому и не хотел говорить, — возразил Драко. — не все в этом мире связано с тобой, Поттер.

Необычно зелёные искры полыхнули в глазах Гарри блеском бьющегося стекла, потом он кивнул:

— Согласен. И что?

— Просто мне так кажется, захоти он просто Прорицателя, он бы нашел кого-нибудь другого, хотя я не могу не отметить, что боль, которую он, походя, нанёс тебе, была для него весьма приятным дополнением. Он ненавидит тебя.

— Надеюсь, ты не думаешь, что он просто... приманка? — спросила, всё ещё стоя на ступеньках, Гермиона.

— Будь он просто приманкой, на которую пытаются поймать Гарри, зачем бы тогда приложили столько усилий, чтобы вызвать у Гарри такую ненависть к Уизли? — спросил Драко, поднимая к ней взгляд.

Губы Гермионы дрогнули, глаза потемнели:

— Потому, что ненависть не имеет значения. Гарри — это Гарри, он пойдет за Роном, не смотря ни на что.

— Гм, — кашлянул Гарри. — Я пока ещё тут. И я вовсе не испытываю ненависти к Рону.

— Нет? — переспросила Гермиона, чуть склонившись и пристально глядя на него.

Он помотал головой:

— Нет. Я ненавижу то, что он совершил, однако, думаю, ты права — это могло произойти вовсе не по его вине.

Драко почувствовал, как внутри что-то сжалось — ему не нужны были дополнительные пояснения, чтобы постичь, что именно Гарри имеет в виду: не совсем понимая, как же Рон мог опуститься до такого, Гарри все же допускал, что, возможно, тот, предавая своего друга, был лишь послушной игрушкой в чьих-то руках. Он знал, что Гарри все равно прощает Рона, — даже не понимая причин случившегося — просто потому, что Гарри был Гарри.

— Я бы никогда не простил, будь я на его месте. Никогда.

Гермиона охнула, выронила книги, глухо шмякнувшиеся на пол, и кинулась к Гарри на шею, стиснув его в объятиях. Он подхватил её и погладил по волосам, словно это было самой естественной вещью на свете.

Драко почувствовал себя лишним.

— Пойду-ка я отсюда, — заявил он, подаваясь к двери. Гарри и Гермиона отпрянули друг от друга и, переплетая руки, взглянули на него.

— Куда? — спросил Гарри.

— Да куда-нибудь, — произнес Драко первое, что пришло на ум.

— Куда? — встревожено взглянул на него Гарри. — Хочешь, я провожу тебя обратно в лазарет?

— Вот ещё, — Драко прикинул, существует ли на свете место, куда бы никто ни рвался составить ему компанию. — Приму-ка я ванну, — с королевским достоинством сообщил он.

— Ты же только что мылся, — заметил Гарри. — Сколько же раз ты принимаешь ванну?

— Ну, ты же в курсе, — попытался выкрутиться Драко.

Гермиона смотрела на них, совершенно сбита с толку.

...Слушай, я пытаюсь оставить вас двоих наедине, — раздраженно подумал

Драко в сторону Гарри. — Почему с тобой всё время так трудно, а?

...Оставить нас наедине? А зачем?

...Не будь таким тупым.

— Прекрасно, — громко заявила Гермиона. — Занимайтесь вашей телепатией в каком-нибудь другом месте. Ей-богу, не собираюсь стоять тут и смотреть, как вы двое корчите друг другу рожи.

Драко пропустил это мимо ушей.

...Это насчет тебя, Рона и Гермионы. Думаю, вам надо поговорить, а я буду только мешать.

...Но ты мне нужен, — растеряно произнес Гарри.

...Тебе определенно кое-что нужно, — согласился Драко, направляясь к выходу. — Вот только не спрашивай меня, что именно.

* * *

Джинни все просчитала тщательнейшим образом: десять минут — не меньше — чтобы Тому дойти до слизеринского подземелья и, соответственно, столько же, чтобы вернуться обратно. Еще минут пять, чтобы поговорить с профессором Култером — со слов родителей она знала, что он был деканом Слизерина до Снейпа. Итого — почти двадцать пять минут. с учетом того, что ей вряд ли понадобится больше пяти, хватало с избытком.

Ей показалось, что прошла целая вечность, пока она дошла до стола, где валялись вещи Тома. Хорошо, не валялись — были аккуратно разложены: пустой дневник, флакон (в нем были чернила, теперь она это видела), запачканный нож рядом с чашей, наполненной кровью.

Она застыла на миг и потянулась к чаше. Это именно то, за чем она пришла. Кровь Тома.

Кровь Тома — её сердце едва не выскакивало из груди. Как ты думаешь, чем ты занимаешься, Вирджиния Уизли? Это так не похоже на тебя... Это что-то совершенно грандиозное. Мы ведь говорим о Томе Реддле. Ты и вправду думаешь, что это хорошая мысль? Она заставила замолчать назойливый внутренний голос, взяла чашу и остолбенела: не могла же она, на самом-то деле, отправиться сквозь время с чашей, полной крови? Нужна какая-нибудь... гм... емкость. Черт, во что бы перелить... Думай, Джинни, думай!

Чертыхаясь себе под нос, она начала выворачивать карманы и выкладывать на стол их содержимое: сначала книги — дневник поверх Liber-Damnatis... она же брала флакон... ну где же, где? Ну, точно же было! Может, просто завалился?

Она точно помнила, что он был у нее в кармане...

...и тут с грохотом распахнулась дверь библиотеки. Сердце едва не лопнуло в груди от ужаса, Джинни вскинула руку, чтобы не упасть, ударила локтем о стол, опрокинув чашу. Кровь залила книги, что она положила рядом.

О нет. Нет-нет, не может быть — почему так быстро, вряд ли прошло больше минуты...

Она подняла глаза, увидев его темные очертания в дверях, очерченные светом, льющим из коридора, — мантия, волосы, расправленные плечи. И какая-то легкая тень рядом.

— Присцилла, — произнес он, — если ты ещё раз отправишь меня в эту охоту за дикими гусями, я буду тобой очень недоволен...

Джинни нащупала на столе разорванный дневник — и остолбенела: кровь, залившая его, исчезла — как потом будут исчезать, впитываясь в эти страницы, чернила. Дневник был девственно чист. От удивления

у нее ослабли пальцы, и дневник выпал, хлопнувшись на пол у ее ног.

О нет, только не это... она присела, сгребла его с пола и, слыша приближающиеся голоса, сунула в карман.

— Том, прости, он сказал, что ты нужен ему прямо сейчас... Что такое? Ты так странно выглядишь...

Джинни вздернула голову — и похолодела, комок встал поперек горла: меньше, чем в метре от неё, с выражением полного недоумения и изумления на лице, стоял, оцепенев и вытаращив на неё глаза, Том Реддл.

Джинни, потеряв способность двигаться, уставилась в ответ. Нужно было только дотянуться до Хроновороты, висящего на шее — она знала об этом. И всё — мгновенное и несомненное спасение. Но — она не могла шевельнуться.

— Том?.. — повторила стоящая чуть позади Тома Присцилла — она, со своего места, не могла увидеть Джинни.

Не поворачиваясь, он произнес:

— Отойди за охранные барьеры, Присцилла. Вперёд не ходи. Хорошо. Теперь повернись и выйди, если хочешь себе только хорошего.

Определенно, Присцилла хотела себе только хорошего — изумленно пискнув, она подчинилась.

Том не шелохнувшись, смотрел на замершую на коленях Джинни, не обернувшись даже на звук хлопнувшейся за девушкой из Равенкло двери. Свеча отбрасывала слабый свет на его скулы и округлый юношеский подбородок, миндалевидные глаза... губы. Конечно, она видела его раньше, но никогда — настолько близко, настолько отчетливо. Никогда — таким живым. Не видела, чтобы у него на шее пульсировала жилка, чтобы чуть взволнованно подрагивали губы, чтобы на щеках вспыхивал румянец... Он никогда не был таким — настоящим.

— Ты призрак, — произнес Том, обращаясь, скорее, к себе, чем к ней. — Ты можешь быть только призраком.

«Господи, откуда он меня знает... — подумала Джинни, сердце заледенело у нее в груди... но нет, нет — в его глазах не мелькнуло ничего, что показало бы, что он узнал её. Глаза... настолько синие, что казались почти черными — да-да, таким бывает пламя, танцующее на раскаленном каменном угле. Как же она могла забыть его глаза... как она могла забыть этот цвет...

— Как ты могла преодолеть защиту? — она услышала резкие нотки в его голосе — острые, как лезвие стеклянного ножа. — Заклинания на ней совершенны, я сам изобрел их, — он прищурился. — О, да ты не призрак, — пробормотал он, скользнув глазами по её шее. — Ты дышишь... — он помолчал и добавил, — пока.

Эти слова словно разморозили Джинни, ее рука взлетела к Хроновороту на шее, однако Том оказался проворнее — мелькнула белая рука, цепь взвилась вверх, и Хроноворот приземлился в его руке — он поймал его так же ловко и уверенно, как Гарри ловил снитч. Совершенно беспомощная, она уставилась на Хроноворот, лежащий на его раскрытой ладони.

— И что же это за волшебство? — спросил он тихим шепотом. — Именно с его помощью ты преодолела охранные барьеры? Ты ведь не из местных студентов, я тебя раньше никогда не видел, я бы запомнил — у меня отличная память на лица. И ты потянулась к нему в тот момент, когда увидела меня. Но это не портключ... что же это такое?

Она молчала.

Его губы искривились в улыбке, уголки дрогнули — так загибаются вверх краешки горящей бумаги.

— Что ж, в таком случае я сам немножко поэкспериментирую с этим талисманчиком...

— Нет, о нет! — вырвался у нее протестующий вскрик. — Том...

— Что-то я не припоминаю, чтобы разрешал тебе

так меня называть, — высокомерные нотки в его голосе резанули ее, заставили замолчать. Сейчас в нем было что-то от Драко — в наклоне подбородка, в улыбке, которую нельзя было назвать настоящей улыбкой, в миндалевидных глазах... Но всем остальным он напоминал Гарри. Если бы можно было как-то скомбинировать, соединить их черты, слить все худшее, что в них есть, в одного человека — да, наверное, результат был бы близок к Тому Реддлу.

— Значит, ты меня знаешь. Знаешь мое имя... Кто же ты? Ты не студентка.

Наверное, одна из гриффиндорских сестричек, подсланных, чтобы шпионить...

— Я не шпионю.

— Тогда что ты тут делаешь? Никто в школе не в состоянии преодолеть поставленные мной защитные барьеры — наверное, только этот дурак Дамблдор...

Джинни отшатнулась от холодной ярости, прозвучавшей в его голосе. Со стремительностью нападающей змеи он выбросил вперед свою руку и, схватив ее за запястье, рывком поставил на ноги. Прикосновение отозвалось в ней взрывом восторженной боли, сродни боли в разбитом зубе. Обхватив её второй рукой за талию, он дернул ее к себе и прижал — так крепко, так близко, как мог бы сделать только любовник, однако руки его прикасались к ее телу не пальцами, а десятью сосульками. Ей сделалось дурно, у нее подкосились ноги, когда он прошептал ей в шею:

— Как много ты успела увидеть? Сколько ты провела здесь? Сколько памяти мне придется стереть у тебя, маленькая негодяйка, мерзкая гриффиндорская шпионка...

Он еще крепче стиснул её запястье, руку прострелила боль, словно её кости соприкоснулись друг с другом; с губ сорвался вскрик, вызвавший в нём самодовольное удовлетворение. Он склонился к её шее, его губы почти касались ее кожи, словно он собрался выпить её до дна.

— Тебе больно? — промурлыкал он, холодея её дыханием. — Конечно, Слусию куда элегантнее и традиционней, но, подчас, самые простые методы позволяют добиться удивительных результатов... не находишь? — обратился он к ней, и, еще сильнее сжав свои пальцы, прижал её руку к столу.

Копье боли пронзило её, она почувствовала, как хрустят и крошатся ее кости.

— Скажи мне, — шипел он ей, она знала, что речь идет об охранных барьерах, однако, она слышала его прежний голос — мягкий, ласковый голос из детских сновидений и грез... «Скажи, скажи мне, Джинни, ведь никто никогда не поймёт тебя так, как я... не полюбит так, как я... Никому больше ты никогда не будешь принадлежать — обещаю, обещаю тебе...» и боль этого бывшего предательства была обжигала стократ сильнее боли в руке. И это придало ей сил. Даже не задумываясь, что она делает, она вскинула голову и плюнула ему в лицо.

Наверное, в природе существовало ничего, что бы могло удивить его больше. Он отпрянул назад, на миг ослабив хватку на её руке.

— Ты!.. — начал он, но в этот миг она вывернулась из его пальцев, рванулась прочь, он за ней, и, размахнувшись, она развернулась и изо всех сил ударила его кулаком в солнечное сплетение. Он что-то вскрикнул — ее это не волновало: со всех ног она рванулась к выходу из библиотеки. Что-то, похожее на невидимые занавеси, пропустило ее — она знала, что это были охранные барьеры — миг, и она миновала их. Том что-то орал вслед, она подлетела к дверям, распахнула их, рванулась вперед...

Прямо за дверью кто-то стоял. Вздвизгнув от ужаса при мысли о том, что это может оказаться еще один приспешник Тома, она отпрянула, однако знакомый голос, от звука которого она открыла рот, выдернул ее из сумеречного дурмана:

— Прошу вас, — произнес Дамблдор, — не надо изображать из себя баньши. Вы в полной безопасности.

Она ахнула. Перед ней определенно стоял Дамблдор, хотя сейчас его волосы, которые она видела только снежно-белыми, были русыми, а вокруг светлоглубых глаз было куда как меньше морщин. Несмотря на свою столь легкомысленную фразу, выглядел он мрачно, на серьёзном лице застыло беспокойство. Он положил руку Джинни на плечо и снова заговорил.

— Господин Реддл, вы же знаете — по правилам в библиотеке нельзя бегать.

Том охнул — Джинни услышала это даже со своего места. Медленно повернувшись, она взглянула на него. Это было все равно, что смотреть на солнце — так горели его глаза. Однако теперь он совсем не пугал — он был похож на обычного школьника — расхристанного, потного, растрёпанного.

Да, с защитой он здорово придумал: библиотека позади него выглядела пустынной и нетронутой...

— Простите, сэр, — ровным голосом произнес он. — Но эта девушка... она не студентка.

— Да-да, я знаю, — кивнул Дамблдор. — А теперь, если вас не затруднит, верните, пожалуйста, мисс Уизли ее кулон, и мы вас более не задержим.

* * *

— Чернокнижник, — сказал Драко. Ничего не случилось. Дверь в слизеринскую гостиную по-прежнему была крепко заперта.

Внутри всё закипело: что же получается — он, что ли, виноват, что в последние две недели ему было как-то не до нового пароля, что ему и без того было, чем заняться? Например, спасти мир от краха. А Пенси каждые две недели, именно в этот день, меняла пароль. Как правило, на нечто совершенно ужасающее по своей глупости. Проклиная Пенси, Драко с трудом удержался от того, чтобы пнуть дверь в гостиную.

— Чистая кровь, — буркнул он сквозь зубы. Популярный пароль. Им периодически пользовались — раз в несколько месяцев. Так, естественно, — не повезло. Хм... — Долой магглов. Полынь. Нет. Ладно... Василиск. Честь Слизерина. Так, ага, я полагаю «Смерть грязнокровкам, смерть!» Ох, чертова Пенси, бестолковая девка.

— Двойник, — произнес голос у него за спиной, и дверь открылась.

Повернувшись, Драко увидел Снейпа — еще более изможденного, чем обычно. И с куда более сальными волосами, чем обычно.

— Между нами будет замечено, что мисс Паркинсон — особа весьма бесчувственная и со своеобразным понятием о юморе, — заметил Снейп. — Что привело вас сюда из лазарета, Драко?

— Понимаете, профессор, хочу взять кое-какие вещи. Я уже устал от жизни без своих костюмов.

— Ну-ну, бегите, — кивнул Снейп.

Драко с достоинством продолжил свой путь, едва не возразив, что Малфои не бегают. Пары минут в комнате оказалось достаточно — Драко вернулся в гостиную в любимой старой футболке, застав замершего в раздумьях Снейпа.

— Прежде, чем ты, Драко, вернешься в лазарет, — я бы хотел кое о чём с тобой переговорить...

— Замечательно — кивнул Драко. — Я тоже хотел задать вам несколько вопросов.

— Вот как? — приподнял бровь профессор. — И какие же?

— Я хочу узнать о яде: что за симптомы. И, — когда я уйду. Да, понимаю, — отец, конечно, сказал мне, но мне хотелось бы услышать это от вас.

По лицу Снейпа скользнуло удивление. Облокотившись на спинку ближайшего дивана, он возразил:

— Я уважаю твоё желание, однако не вижу в этих сведениях никакой пользы.

— В этом есть польза, — тихо ответил Драко. — Уверен, вы знаете меня достаточно, чтобы понять, о чём я, и что хочу знать. Вы не станете меня обманывать.

Снейп вздохнул.

— Хорошо, но прежде позволь сказать тебе одну вещь: если после всех моих объяснений ты захочешь, чтобы я наложил на тебя заклятье памяти, я выполню твоё желание. Ты меня понял?

Драко захлестнула волна осознания его возможного будущего.

— Да, я понял.

Глаза Снейпа потемнели и, прислонившись к стене, он заговорил, подробно объясняя Драко, что ждёт его, если не будет найдено противоядие: симптомы.

Сколько дней всё это продлится. Чего ему стоит ждать.

Драко едва слышал его. в его памяти мелькали картинки — воспоминания об отце.

Они охотились, как любил Люциус — направляя прицельные проклятья так, чтобы они не сразу убивали жертву, а только калечили её, оттягивая мучительную смерть. А потом часы наблюдения, изучения, ожидания смерти. Люциус хотел приучить сына к виду смерти, так, как человек любит то, к чему он привык — примерно так рассуждал Люциус. Однажды Люциус спешился возле гиппогрифа, испускающего последний вздох на окровавленном снегу. Перчаткой, набухшей от крови, он взял Драко за щеки, оставив кровавые следы на лице.

«Что ты теперь должен сказать мне, сын?»

«Спасибо, отец»

Кровь попала ему в рот. на вкус она напоминала жжёный сахар.

Драко подумал, что отец был просто потрясающим: он знал, что тот сейчас откуда-нибудь наблюдает за медленной смертью сына, совершенно не собираясь марать в крови свои перчатки. Всю работу за него сделает яд.

— Спасибо, — произнес Драко, когда мастер зелий закончил свои пояснения и с удивлением воззрился на него. — Я признателен вам за то, что вы рассказали мне правду.

— Ты хочешь заклятье памяти?

Драко покачал головой.

— Нет, я в этом не нуждаюсь, — губы его почти дрогнули в улыбке, когда он взглянул на выражение лица Снейпа. — Я смогу выдержать это. Я представлял себе нечто худшее.

Снейп мрачно кивнул:

— Я временами за вашей молодостью не вижу главного, забываю, что вы — сын Люциуса Малфоя. Думаю, большинство ночных кошмаров других детей для вас выглядят сладкими мирными грезами.

Драко улыбнулся:

— Разве я ребенок? Я не думаю, что даже был им.

Снейп вместо ответа вытащил откуда-то из складок плаща прозрачный флакон, который протянул Драко.

— К вопросу о кошмарах. Это именно то, о чём я хотел с вами поговорить.

Побочным эффектом яда является расстройство сна. Наверняка, вы уже сталкивались с довольно специфическими сновидениями. Это зелье *Somnolus*, с помощью которого вы сможете мгновенно уснуть.

— Благодарю вас, — Драко принял флакон, пересёк комнату и, уже на выходе, снова повернулся к Снейпу. — Профессор, прежде чем я вернусь в лазарет...

Просто, мне интересно...

— Да?

— А остальные знают то, о чём Вы только что рассказали мне? Гарри?

Губы Снейпа сжались в тонкую линию.

— У вас есть проблемы посерьезнее, чем волнение из-за Поттера и его тонкой чувствительной натуры, — отрезал он, немало подивив Драко своей горячностью. — Не растрачивайте на эти пустяки ваши силы.

— Но профессор, ведь Гарри...

— Ты считаешь его своим другом? — глаза Снейпа стали холодными и гладкими, как стекло. — Или же тем, кто снисходительно позволяет тебе крутиться ря-

дом?

Драко замер, уже положив руку на дверь, ведущую из подземелья. Пальцы сжали бронзовую задвижку. Внутри всё вспыхнуло, он почувствовал лихорадочный жар и неудержимое желание прижаться щекой к оконному стеклу.

— Он не позволяет мне крутиться рядом. Просто я хочу следовать за ним, куда бы он ни шел. Это разные вещи.

Снейп безмолвно поднял на него удивлённый взгляд. Толкнув дверь, Драко вышел в коридор — тёмный и холодный, особенно после того, как дверь позади него закрылась. Прислонившись к ближайшей стенке, он отвинтил крышку пузырька, что дал ему Снейп, и сделал глоток. Жидкость обладала резким запахом и тут же вызвала головокружение, словно он выпил архенского вина.

Он крепче стиснул флакон и подумал о возвращении наверх, в лазарет, в свою кровать: чтобы лечь и уснуть, не видя снов. Хотя бы чуть-чуть. Он имеет право на миг забвения.

И он двинулся вверх.

* * *

— Я все же не понимаю, — тихо произнесла Джинни — откуда вы узнали, кто я.

Она сидела на жестком стуле перед столом Дамблдора, уткнувшись глазами в руки. Левая рука распухла, на ней наливался черный синяк, к которому было страшно даже прикоснуться. Она была уверена, что Том сломал ей какую-нибудь косточку, но сейчас собственные повреждения не казались ей первоочередным вопросом.

— Я был бы безмерно рад, не знай я, кто вы, — ровным голосом ответил

Дамблдор, опуская правую руку на стоящий рядом с ним Хроноворот, тускло блеснувший в неярком свете, наполненным маленький кабинет профессора Трансфигурации. — Однако суть в том, что я ожидал вашего появления, мисс Уизли.

— Как такое возможно? — ахнула Джинни, не веря своим ушам. — Я не должна была очутиться здесь.

— Совершенно верно, вы не должны были очутиться здесь, — согласился Дамблдор таким тоном, что Джинни подняла взгляд и тут же пожалела о содеянном: профессор был даже не мрачен, нет — его глаза были наполнены безысходным отчаянием. — Однако факт остается фактом: путешествие вы совершили. И таким образом...

— ...я изменила историю? — шепотом ужаснулась она.

Глаза Дамблдора чуть насмешливо блеснули.

— Всё зависит от того, что вы подразумеваете под словом «история». Если вас интересует, обнаружите ли вы ваше собственное настоящее изменившимся, вернувшись обратно, — то нет. Если же о том, изменилось ли теперь будущее господина Реддла или же моё, — то да, именно это вы и сделали.

— Том, — Джинни крепко зажмурилась. — Профессор, я хочу предупредить вас насчёт него. Он вовсе не то, что вы о нем думаете, он...

— Нет, — твердо остановил её он. — Я ничего не хочу слышать о будущем, мисс Уизли, я и так знаю больше, чем должен.

— Но он собирается убивать людей...

— Молчите, — тихий голос Дамблдора ожёг ее, словно хлыст, она отшатнулась назад. — Я не должен знать подробностей, однако, если вы всё же настаиваете на том, чтобы сообщить мне их, я буду вынужден наложить на себя

Заклятье Памяти и забыть обо всём раньше, чем узнаю. Я говорю совершенно серьезно.

— То есть вы допустите, чтобы он убивал? — прошептала она.

— А разве в вашем времени они уже не мертвы? — устало спросил Дамблдор.

— Не все. Я забочусь о тех, кто мне дорог.

Дамблдор вздохнул.

— Увы, игры со временем касаются всех нас, мисс Уизли. Удайся вам это изменение истории — и, возможно, те люди, которых вы любите, и вовсе не родятся. Или же в вашем настоящем не родитесь вы. Я не знаю, зачем вы здесь, — это правда, я получил сообщение, предупредившее меня о вашем предстоящем визите, в котором меня просили вернуть вас в ваше собственное время. Некоторые... гм... намеки позволили мне сделать заключение, что автор — весьма определенная персона, которую я знаю и которой могу доверять. Следовательно, я выполняю эти указания, ведь, как и говорилось, вы здесь. Итак, вы благополучно вернетесь в ваше время, и я об этом позабочусь. Следуйте сюда.

Баякая свою искалеченную руку, Джинни встала и подошла к Дамблдору, склонив голову, позволила ему надеть ей на шею Хроноворот, что коснулся её груди, заставив вздрогнуть от холодного прикосновения металла и стекла. Подняв глаза, она увидела его серьезный и пронизывающий взгляд.

— Но Том... — прошептала она.

— Время разделит вас с Томом Реддлом, — произнес Дамблдор. — Хвала Господу. Том никогда не прощал обиды и оскорбления, а вы выставили его дураком. Он не скоро забудет это.

— Да, — полуприкрыв глаза, Джинни вспомнила лицо Тома в тот момент, когда Дамблдор назвал её мисс Уизли. Его глаза... Да, он никогда не забудет, независимо от времени — никакое время не разделит их. — не забудет...

На лице Дамблдора появилось заинтересованное выражение:

— Мисс Уизли...

Но ее рука уже коснулась Хроноворота и перевернула его — озабоченное выражение лица заколыхалось перед ней, погасло, как свет лампы... ее завертело, вышвырнуло... она бережно прижимала к груди разбитую руку.

* * *

Чтобы расколоть блокировку и взглянуть в будущее, сегодня понадобилось только восемь игр — возможно, не обошлось без того, что Рон сам к этому стремился. Он сознательно толкал вперед свой разум, рисуя ему дорогу к намеченной цели. Через пять минут. Через десять. Еще один ход. Еще шесть. Он автоматически двигал фигуры по шахматной доске. Он победил. Это не имело значения.

Посреди первой игры он заметил пропажу зеленого коня — вместо него на поле стояла фигура черного цвета. Он не спросил, почему. Он двигал фигуры. Игра закончилась.

— Ты хорошо справился, — произнес Темный Лорд.

— Мне нужно воды, — сказал Рон, вскинув взгляд, и снова вернулся к игре.

Мгновение спустя, он обнаружил в правой руке стакан, осушив который, снова начал делать ходы. И проиграл.

— Ещё, — скомандовал Тёмный Лорд, начиная восьмую игру. Рука Рона заболела, когда он сделал последний ход, — и в этот миг доска — как калейдоскоп — взорвалась тысячей цветов, он вцепился в спинку своего стула, но всё равно упал.

Видение сегодня было живее — оно напоминало сон. Министерство в огне, языки оранжевого пламени невиданными цветками вырывались из разбитых окон.

Гермиона на коленях, как великую драгоценность, прижимает к груди серебристую фляжку. на краткий миг перед ним мелькнул стоящий в каком-то переулке Драко, весь залитый кровью и забрызганный грязью, с выражением дикой ярости на лице. Люциус Малfoy, уткнувшийся лицом в ладони, словно рыдающий, — но, конечно, подобное просто невозможно... — едва он осознал странность своего видения, как оно раствори-

лось, и перед ним оказалась кровать и лежащая на ней девушка в разорванной одежде и со спутанными волосами. Еще не видя ее лица, только по этим огненным локонам он немедленно узнал её — это была Джинни, и она была мертва.

С хриплым криком он вырвался из меняющейся череды видений — он лежал на спине, на холодном каменном полу в замке Темного Лорда. Он попытался приподняться на колени, но что-то ударило его и уронило обратно. Его держали чьи-то руки, он попытался вырваться — безуспешно, хватка была слишком сильна.

— Пusti меня, я должен добраться до моей сестры... моя сестра...

Рука зажала ему рот, не давая дышать. Он яростно впился в нее, с удовлетворением услышав визг и почувствовав вкус крови. Что-то острое и тяжелое с силой ударило его по затылку — и свет померк у него перед глазами.

* * *

Она замерзла. в чудесном кабинете Дамблдора было тепло — огонь прыгал за каминной решеткой позади стола, ножки которого заканчивались когтистыми лапами. на своем золотистом наместе тихо пел Фоукс. Пахло карамелью и Рождеством.

Но Джинни мёрзла. Мёрзла с того самого момента, как вернулась в настоящее и шлепнулась на пол какой-то заброшенной аудитории перед Дамблдором. Ждущим её. Его синие глаза были холодны и строги. Борода снова стала именно такой, как она помнила ее, — белоснежной. Он развернулся и пошел, она последовала за ним. на сердце было тяжело. Она боялась.

Джинни затрясло от холода, она обхватила себя руками. Руку глодала тупая боль. Дамблдор исцелил ее одним прикосновением, однако травма ещё напоминала о себе. Хроноворот на шее охлаждал кожу. Ледяная нить цепочки резала шею.

Дамблдор взглянул на нее поверх очков. Ей показалось, что он находится где-то далеко-далеко...

— Ну, Джинни, есть ли еще что-нибудь, чем бы ты хотела поделиться со мной?

Джинни разжала руки и вцепилась в стул.

— Я вам все объяснила, — тусклым голосом ответила она. — Вы же все уже знали — и где я была сегодняшним вечером, и когда я должна была вернуться...

— Верно, — Дамблдор откинулся на спинку стула и взглянул на нее, подпирая подбородок рукой. — Подумайте сами: как бы я мог ничего не знать, если полвека назад я обнаружил Тома Реддла, гонящегося за рыжеволосой девушкой, о появлении которой я был предупрежден, — мне посоветовали присмотреть за пустой библиотекой. Конечно, она вряд ли была пустой: просто отличная защита, в которой Реддл всегда был хорош...

— Я попыталась вам рассказать, — безразличным голосом продолжила Джинни. — Но вы не стали меня слушать.

— Да, не стал, — холодным голосом подтвердил Дамблдор. — Вы и так нанесли урон хрупкому рисунку истории — и все, что я мог сделать, — попытаться позабыть о том, что вы сказали мне. Конечно, я не смог полностью истребить свои подозрения относительно Тома Реддла. в конце концов, ему удалось меня удивить. не только меня — всех нас.

— Вы сказали мне, — Джинни не могла унять охватившую ее дрожь, — что время разделит нас с ним.

— Это было еще до того, как Том подчинил его себе, — он задумчиво взглянул на неё. в его выражении не было даже намекa на мягкость. — Он потом долго помнил и ненавидел тебя. Как долго он ждал тебя, дочь Уизли... И вот, когда ты уже родилась, Гарри уничтожил его. Как горько было разочарование талантливоего господина Реддла... Всё, что у него осталось — Люциус Малfoy, пытавшийся отомстить

за него. Он верный слуга, наш друг Люциус. И, конечно, Гарри расстроил и эти планы. И вот мы замкнули круг, добравшись до первопричины, — Дамблдор протянул руку. — Дай мне Хроноворот, Джинни.

Ее замутило от горя. Джинни расстегнула цепочку — та заструилась по пальцам, она сомкнула ладонь вокруг холодных песочных часиков. Её Хроноворот. Единственная вещь, что принадлежала ей и делала ее сильной и могущественной. И особенной.

— Вы знали, — прошептала она, чувствуя под пальцами холод стекла. — Знали, что я стащила его, — знали всё это время...

— Несомненно, вы поняли, что мы позволили вам сделать это, — спокойно ответил Дамблдор. — не могли же вы и впрямь поверить, что кража из Стоунхенджского музея могла пройти так тихо и безо всяких последствий.

Когда тревога прекратилась ... да, мы знали и позволили вам взять Хроноворот — в конце концов, мне было известно, что вам он необходим, чтобы совершить сегодняшнее путешествие. А теперь я бы хотел его получить назад. Если позволите... — и он протянул к ней ладонь.

Отчаяние едва не раздавило Джинни, когда она вручила ему Хроноворот. Директор откинулся на спинку стула. Золото поблескивало сквозь его пальцы.

— Вы все ещё не сказали мне, в чём же была необходимость сегодняшнего путешествия. Я предполагаю, что причина в том, что вы хотели нанести какой-то вред юному Тому Реддлу, что предотвратило бы его перерождение в Лорда Вольдеморта. Я прав?

Джинни помотала головой.

— Я не настолько глупа, — услышала она свой ровный голос. — Я знаю, что прошлое таким образом изменить нельзя, — отвернувшись к окну, она уставилась на расстилавшееся за ним квиддичное поле. Солнце клонилось к закату, окрашивая все вокруг зеленоватым золотом тускнеющей меди. — Отправившись туда, где он создавал дневник, что потом попал ко мне, я знала, что он должен был использовать для этой магии частичку себя самого.

Кровь, волосы — что бы это ни было, я могла бы добыть их и создать Эпициклическое Заклятье. Как то, что у Гарри — с молочным зубом Драко. Я раньше уже делала такое и могла бы создать его снова. А с помощью Заклятья мы можем найти кого-то. Мы могли бы найти Вольдеморта. И даже уничтожить его — возможно, он бы даже умер...

Джинни осеклась и замолчала, не поднимая глаз на Дамблдора. Теперь, впервые озвучив свой план, она сама услышала, как несуразно и нелепо он прозвучал, она с трудом выдержала слова, произносимые ее собственным голосом.

— Интересный план, — сухо произнес директор, — в нем только упущена одна конкретная деталь... Вы знаете, какая?

Джинни тихо покачала головой.

— Вы не можете сделать Эпициклическое Заклятье для Тёмного Лорда, — правда, произнесенная устами Дамблдора, была просто ужасна. — Потому что в него переносится частичка души. в том, что носит на шее Гарри, содержится частичка души юного мистера Малфоя — духовная энергия, что сделала Драко таким, каким он стал. Однако проблема в том, что Тёмный Лорд души не имеет. Он давным-давно обменял её на силу. Попытайтесь вы сделать Эпициклическое Заклятье для него — оно бы просочилось у вас сквозь пальцы. Как вода.

Джинни подняла голову и взглянула на Дамблдора, уверенная, что потрясение сейчас крупными буквами написано у неё на лбу. И, против обыкновения, не увидела на его лице никакой жалости. Только строгость и суровость.

— Я не могу догадываться, какие мотивы двигали вами — возможно, вы, как и ваш старший брат, искали славы и признания друзей. Возможно, причина в вашей

ненависти к Тому Реддлу, может быть, вы хотели помочь в борьбе против Вольдеморта — однако, я в этом сомневаюсь, поскольку в подобном случае причин для соблюдения такой секретности не было бы. Своими необдуманными действиями вы всех нас подставили под удар.

В последовавшей за этим заявлением тишине Джинни осознала, что ей вовсе не хочется ни опровергать утверждение директора, ни выдумывать себе оправдания. Она поймала себя на том, что снова думает о Томе — о живом, настоящем Томе — синеглазом демоне, кто, не задумываясь, сломал ей руку, пытаясь выведать все её секреты. Годами позже, преследуя ту же цель, он ломает стены в её сердце — но только, в отличие от руки, душевную рану залечить будет невозможно.

Я сломанная и бесполезная, — подумала она. — И все, что я делаю, оборачивается против меня...

— Думаю, — еще тише произнес Дамблдор, — что для вас сейчас самое время вернуться в общежитие. И на остаток каникул, будьте так любезны, не покидайте замков.

Джинни поднялась на ноги. в глазах щипало.

— Простите, профессор, — только и смогла произнести она.

— Я очень сожалею, — ответил Дамблдор, — что, позволив вам снова вступить во владение Хроноворотом, я как бы безмолвно одобрил ваши действия. Но это вовсе не так. Время — сложная штука, полная парадоксов и противоречий, однако, это вовсе не значит, что так можно оправдать все свои поступки. Напротив.

— Знаю, — кивнула Джинни. на неё накатила внезапная усталость. Она потянулась к дверной ручке, коснулась её и замерла, глядя на директора. — Профессор, — тихо обратилась она, — ещё кое-что...

— Да? — он приподнял брови.

— Когда вы увидели меня в библиотеке — с Томом... — вы назвали меня мисс Дамблдор промолчал.

— Откуда вы узнали? в смысле — это не было случайностью — то, что вы назвали меня по имени перед Томом?

Дамблдор молчал. Освещенные огнем, его глаза потемнели, а лицо казалось испещренным тысячью морщин. Он был старым, усталым и старым.

— Всё, что случается, имеет под собой причину. Абсолютно всё.

* * *

Она чувствовала себя разбитой на кусочки. Очень осторожно она брела вверх по лестнице, держась за стену и внимательно смотря под ноги, чтобы не попасться в ловушку — в любой момент безо всякого предупреждения под ногами могла разверзнуться яма. Портреты провожали её взглядами.

Наконец она добралась до вершины гриффиндорской башни, но ей потребовалось время, чтобы вспомнить пароль. Толстая Леди с недоумением следила за ней.

— Смоковница, — она, наконец, вспомнила его. Портрет отодвинулся, открыв проход и пропустив Джинни в гостиную. Она с трудом соображала, где находится.

Сначала она увидела Гарри — он сидел на краю дивана, обнимая уткнувшуюся ему в плечо Гермиону. Закрывшаяся дверь вспугнула их — Гермиона отшатнулась, и их бледные лица резко повернулись к Джинни — словно распахнулась какая-то диковинная книга с белыми страницами.

— Джинни, — выдохнула Гермиона. Ее глаза были темными и огромными. — Ох, Джинни...

Джинни стояла и смотрела на них. Они показались ей актерами, репетирующими какую-то совершенно неинтересную драматическую сценку. Она была убеждена, что Гермиона сейчас встанет и подойдет, а Гарри последует за ней — так и произошло. Он был бледным

и будто контуженным.

— Я пойду и поговорю со Снейпом насчет Заклятья Памяти, — обратился он к Гермионе.

Она кивнула в ответ и, не подняв взгляда на Джинни, Гарри вышел. Гермиона обернулась к Джинни и заговорила. Сначала сбивчиво, а потом слова с её губ потекли рекой, и Джинни почувствовала, что начала в ней тонуть. Шахматные фигурки, заклатья памяти, кровь Прорицателя для заклинания, Вольдеморт...

Наверное, Джинни должна была закричать, да-да, что-то ей подсказывало, что она должна отреагировать именно так, криком — но её голос словно утонул в пушистой вате. И лишь произнесенное Гермионой её собственное имя разорвало эту окружившую ее немую оболочку.

— Джинни, прости меня за то, что я сердилась на тебя за ту книгу, что ты взяла из Имения, — она коснулась ее плеча. — Без копии, что я сняла с неё, мы никогда бы не докопались ни до ритуала, выполняемого при помощи Четырех Благородных Предметов, ни до крови Прорицателя, что нужна для этого... Я сомневаюсь, что существует в мире другая книга, в которой было бы столько полезной информации — я была такая невыдержанная и противная... Я очень-очень сожалею, Джинни. Прости, что я ругалась, что велела вернуть её в Имение — ты уже сделала это?

Рука Джинни машинально скользнула в карман ее мантии. Он был пуст. Как Джинни ни шарилась — никакого Liber-Damnatis там не было. Джинни медленно вынула руку из кармана и произнесла спокойным, ровным голосом.

— Я вернула её днем.

Она помнила, как выкладывала вещи из кармана в библиотеке: положила на стол Liber-Damnatis, а поверх — дневник.

— О... — Гермиона удрученно улыбнулась, — я просто беспокоилась.

— Да, я понимаю, — кивнула Джинни.

Она помнила, как уронила дневник и присела, чтобы поднять его. А потом, появился Том, и все остальное просто вылетело у нее из головы.

— Успокойся, Гермиона, я обо всем позаботилась.

Она помнила, что вылетела из библиотеки, не оглядываясь на Тома. И на книгу, что оставила слева на столе, рядом с опрокинутой чашей, что была наполнена его кровью. Она забыла книгу.

— Спасибо, — тихо поблагодарила ее Гермиона. — И еще, насчет Рона... у нас нет никаких доказательств, Гарри решил, что сначала стоит переговорить с тобой, а потом мы, естественно...

Но Джинни уже не слушала, все силы уходили на то, чтобы внешне оставаться спокойной. Волны ужаса кольхали её — сначала они были маленькими и лишь лизали её ноги, но вот — всё выше, огромное — еще немного, и они накроют её с головой, ослепив, оглушив, разорвав на кусочки... Она хотела убежать отсюда раньше, чем это произойдет. Она должна...

— Я пойду наверх, — резко перебила Джинни. — Мне надо полежать.

Кажется, Гермиона запротестовала.

— Нет, со мной всё нормально, не волнуйся. Просто я хочу побыть одна.

Чуть-чуть.

— Джинни...

Слова сейчас не имели значения, сейчас ничего не имело значения: Джинни развернулась и побежала наверх, по ступенькам, ведущим в спальню мальчиков, прекрасно понимая, как недоумевает, глядя ей вслед, Гермиона. Впрочем, какая разница... Джинни метнулась по холлу — там, в конце, комната её старшего брата, запирающаяся, в отличие от дверей остальных спален. Она ворвалась в неё и закрыла дверь.

За окнами тускнел закат, в неярком свете мельтешили пылинки. Голая кровать, голое зеркало без единой фотографии. Пустой комод в ногах кровати. Джин-

ни привалилась к двери и взглянула на свое отражение в зеркале напротив: рыжие волосы, белое лицо, мантия в ржавых пятнах крови Тома.

Кровь Тома.

Сердце выскакивало из груди, было трудно дышать. Да-да, сегодня днем она вытащила Liber-Damnatis из сумки и сунула его в карман. И теперь его нет — она оставила его именно там, где ни в коем случае нельзя было его забыть.

Воображение словно сорвалось с цепи, рисуя перед ней ужасные — одна страшнее другой — картинки.

Я оставила её там, на столе, справа ото всех остальных предметов — он сразу увидит ее, сразу, как только подойдет к столу... Он знает, что именно я оставила её. Он возьмет её...

Она сползла по двери, сжимая мантию, и уткнулась головой в коленки.

Это та книга, что я стащила из Имени — это мои руки схватили её, значит, не будь меня, ничего подобного не произошло бы. И Том никогда бы не услышал о Четырех Благородных Предметах, а Рон...

Это всё из-за меня.

Она перевела дух и подняла голову. Даже не задумываясь, что делает, она сунула руку в карман и вытащила оттуда дневник — еще совсем недавно залитый кровью, сейчас он снова был чистым и нетронутым. Она вспомнила, как он втягивал, впитывал в себя чернила, когда она писала в нём; как он, словно вампир, вытягивал из нее мысли и иссушал её мечты...

Она так доверчиво писала в нём — Том, где ты? Я ждала, искала тебя целый день.

Она снова вспомнила юношу в библиотеке — бледное овальное лицо с синими, словно слепыми глазами... Шапка темных волос... Руки, обжигающие холодом при прикосновении...

Я слышала, как сегодня днём ты позвал меня из коридора, Том. Я так побежала, что думала, убьюсь, — но тебя там не оказалось... Тебя вообще нигде нет... Так где же ты?

Она стиснула дневник. Где-то в прошлом сидит сейчас Том Марволо Реддл, изучая книгу, что она так любезно ему доставила. Он где-то сидит и читает про Четыре Благородных Предмета и могущество, что они дают. И сейчас его хитрый разум обдумывает возможности добывания этих Предметов. Или, возможно, он размышляет, где добыть Прорицателя. И как забрать его кровь.

Он сидит где-то и думает, что однажды наступит день, когда у него будет достаточно сил, чтобы выполнить все это.

Ты больше не разговариваешь со мной. Том... Я что — сделала что-то не то?

Ты устал от меня? Поговори со мной. Том, поговори со мной — пожалуйста...

Джинни всхлипнула и, стиснув книгу еще сильнее, попыталась разорвать ее — бесполезно, она была прочно сшита... Снова, снова — и, наконец, страницы затрещали под ее руками. Она отшвырнула их прочь и вернулась к дневнику, раздирая его с сухой, бешеной яростью.

Впрочем, наверное, она плакала, она не сразу поняла это — слезы капали на клочья бумаги... А звук ее сдавленных рыданий смешивался с шорохом и хрустом разрываемых страниц. И с еще каким-то звуком, похожим на тихий издевательский смехок.

* * *

Гарри не задержался в кабинете Снейпа, куда зашел, чтобы попросить у него зелья для разблокирования памяти. Позже он был этому рад. Хотя ещё позже его радость поутихла.

Лишь только он вошел в кабинет, как понял, что Снейп в ярости. Гарри предполагал извиниться за утреннее опоздание, но, похоже, Снейп в этом не нуждался:

— Говорите, что Вам нужно, Поттер, — прорычал

он.

Гарри объяснял, сжимаясь под полным отвращения взглядом Снейпа — словно бы он был каким-то отвратительным заразным грибом.

— Не существует зелья, способного снять Заклятие Памяти, вам следовало быть внимательнее на моих уроках, — ответил он, когда Гарри закончил. — Воздействие такого рода без повреждения мозга невозможно. Хотя, думаю, на вас оно могло бы оказать иное действие.

Гарри подавил в себе раздражение.

— Я знаю. Но Гермiona подумала, что, возможно, существует зелье, способное выявить, нахожусь ли я под воздействием заклятия Obliviate или же нет. Она говорила, что это довольно просто, — добавил он, зная уважительное отношение Снейпа к Гермione, и надеясь, что Снейп профессор сделает это ради неё.

Снейп, метнув в него долгий испытующий взгляд, вернулся к своему столу, взяв тоненькую синюю бутылочку, закрыл дверь кабинета и вернулся к Гарри, хлопнув склянкой об стол с такой силой, что Гарри отшатнулся назад, а по стеклу, сверху донизу пробежала трещина.

— Возьмите это, Поттер, — произнес он сквозь стиснутые зубы. — Могу я еще что-нибудь для вас сделать? Как насчет зелья Somnolus, чтобы вы могли спать по ночам?

Гарри, напуганный последними словами Снейпа даже больше, чем звуком треснувшего стекла, захлопал глазами:

— Что?

— Вы меня слышали, — Снейп навис над Гарри, как огромная чёрная летучая мышь, уголки его губ дрожали от с трудом сдерживаемого отвращения. — Чем дальше, тем больше мне кажется, что вы являетесь точной копией своего отца. Видимо, все мои ожидания были напрасны.

Гарри вцепился в край стола.

— Мой отец... Мой отец был смелым, добрым и порядочным. Я всегда мечтал быть похожим на него.

— Ваш отец... — голос Снейпа резал, как кинжал. — Ваш отец был самодовольным, эгоистичным, бесчувственным идиотом. Он полагал, что, коль скоро все так любят его, то он достоин всеобщей любви. Взгляните — где сейчас те, кто любил его? Ваша мать мертва, Сириус Блэк провел двенадцать лет в Азкабана, Ремус Люпин влачит существование безработного неудачника, Питер Петтигрю...

— Петтигрю никогда не любил моих родителей! — воскликнул Гарри, чувствуя накаливший гнев. — И мой отец не виноват в том, что вы сейчас перечислили! Он не хотел, чтобы всё произошло именно так!

— Нет, конечно же, нет, — насмешливо согласился Снейп. — А вы сами... Взгляните на себя, Поттер. Он причинил вам такое же зло, как и другим, — оставил вас сиротой, бросил к магглам. И в том, что вы стараетесь подражать ему и спешите на свои собственные похороны, тоже есть его вина.

— Мои собственные что?.. — перепросил Гарри. Снейп тысячу раз говорил ему всякие грубости и гадости, однако ещё ни разу не произносил ничего подобного.

— Вы понимаете, о чём я, — колко ответил Снейп. — Только не делайте вид, будто не знаете, что то, что вы сделали с Драко, является произвольной случайностью.

Гарри был готов защищаться и обороняться, но от этих слов у него занялось дыхание. Он взглянул на профессора, пытаясь сформулировать — ответ ли, возражение ли — однако тот взирал на него с немой яростью.

— Вы хотите услышать симптомы действия яда? — прошипел Снейп. — Яда, к которому, как вам кажется, найти противоядие настолько легко, что Вы даже не потрудились озаботить себя участием в моей работе? Хотите узнать, что будет с Драко, если противоядие не будет найдено?

У Гарри свело грудь, воздуха не хватало даже на то, чтоб выдохнуть ответ.

— Итак, симптомы, — сухо, словно вещая перед классом, начал перечислять Снейп. — Сначала вялость и слабость. Далее — потеря равновесия и координации. Далее — болезненное разрушение мышц и внутренних органов вследствие интоксикации. Утрата магических способностей. На определенном этапе процесс станет необратимым, и излечение будет невозможно. Сейчас у него началось незначительное снижение зрения. В ближайшее время он ослепнет...

— Ослепнет?... — волна тошноты заставила Гарри поперхнуться. Она была настолько сильной, что он испытал боль. Ему показалось, что поверхность стола взорвалась у него перед глазами, разлетевшись на тысячу разноцветных осколков. — Я не...

— Ослепнет, — повторил профессор, словно произнося приговор. — Далее процесс будет развиваться стремительно: ему будет все труднее и труднее оставаться в сознании, пока он окончательно не погрузится в кому, в которой и будет пребывать до смерти — думаю, не более нескольких дней. Возможно, вы будете рядом, чтобы держать его за руку в миг его ухода — однако, зная вас, я сомневаюсь — впрочем, все равно смысла никакого в этом не будет, он все равно не будет знать об этом. И затем он умрет. И вот, — голос Снейпа понизился на октаву, — о чём я хочу спросить: значит ли это что-то для вас, Поттер, или же вы принимаете все происходящее как последствия, вытекающие из вашей собственной глупости?

Гарри по-прежнему держался за угол стола, перед глазами всё плыло.

— Вы не понимаете, — невнятно произнес он, — я должен что-нибудь сделать...

— Вы уже достаточно сделали, — голос Снейпа перерезал его, как перерезает нить отточенный нож. — Возможно, против заклинания, первоначально связавшего вас с Драко, вы были бессильны, однако его желание всюду следовать за вами вы могли бы и сопротивляться. И то, что человек готов пойти за вами в ад, вовсе не значит, что его непременно нужно туда отправлять.

Гарри захлопал глазами на Снейпа.

Что-то дернуло его, что-то коснулось памяти — полусон-полуявь. Он проглотил комок в горле.

— Профессор, — Гарри слышал неуверенность, звучавшую в его словах. — Я никогда не хотел причинять ему боль. Никогда. Я всегда...

— Просто, вы никогда не изволили об этом задумываться, — жестко возразил Снейп. — Сколько времени прошло, прежде чем вы обратили внимание, что он болен? Он просил меня не говорить вам об этом, чтобы не портить свадьбу. Я воздержался от заявления, потому что не был уверен. И, тем не менее — я все увидел на его лице, хотя наш разговор был предельно краток. на его лице лежала тень приближающейся смерти. Где были ваши глаза, Поттер, если вы ничего не заметили? Ведь вы при всех звали его своим другом, братом. А теперь, как я полагаю, вы потащите его за собой в эту безумную гонку за Вольдемортом...

— Нет, — Гарри уже трясло. — Нет, я сказал, что не возьму его и никуда не пойду, пока ему не станет лучше...

— Он уже упаковал свои вещи. Вы знаете об этом? Я нашел сумку у его кровати сегодня утром. Останься вы здесь, чувство вины убьет его — ведь он будет считать себя якорем, не позволившим вам двинуться в путь. Уйдете без него — он убьет себя, пытаясь последовать за вами. у него так мало сил...

— Я бы ни за что не оставил его, пока он умирает! — яростно воскликнул Гарри, вскидывая голову. — Никогда. Но вы мне не оставили выбора — ни единого чертового шанса — остаться мне? Идти? — не имеет значения, и что, по вашему мнению, мне делать?

Снейп стоял и смотрел на Гарри, прищурив глаза, и Гарри видел в них — под этой насмешливой, проржавевшей его частью, полной пренебрежения, — настоя-

щую заботу о Драко, желание всеми силами сделать так, как тому будет лучше. И Гарри не мог эту часть Снейпа прогнать, отпихнуть или же откреститься от неё, ведь сейчас он испытывал те же самые чувства.

— Лично я собираюсь найти противоядие, — объявил, наконец, Снейп холодным, однако, — впервые за все это время — мягким голосом. — И когда я найду его, я приду и скажу об этом вам. И вы, Поттер, вы должны уйти. Без Драко. Это финальная битва, это заключительная схватка — это только ваше дело. Если остальные ваши друзья глупы настолько, чтобы желать последовать на неё вслед за вами, — это их право. Но Драко необходимо время — и чтобы поправиться, и чтобы отдохнуть, и чтобы побыть одному. с самого дня своего рождения он был игрушкой в чьих-то руках — его использовали другие люди по своему собственному усмотрению: отец. Слизерин. Мы. Потом вы. Любовь ли, ненависть ли лежит в основе этого — значения не имеет, смысл от этого не меняется. Оборвите все ведущие к вам нити, пусть он сам решит, чем и кем он хочет быть. Сделайте так — и, возможно, я поверю, что вы не такой, как ваш отец. Сделайте так — и, возможно, я поверю, что вы и вправду его друг, что не считаете его просто принадлежащей вам вещью.

Весь мир остекленел для Гарри. Он взглянул на Снейпа — словно сквозь него — он взирал на мир слепыми глазами, видя суть только что произнесенного мастером зелий. Да, всё именно так: именно так к человеку приходят самые жуткие новости, именно так воплощаются все наихудшие страхи и опасения, именно так наносится удар в самое сердце: словно тебя приветствует старый друг. А, ты тут... Я знал, что ты придешь. Я ждал тебя.

— Ладно, — Гарри сам испугался отчетливости и звонкости собственного голоса. — Хорошо, я смогу это сделать.

Снейп взглянул на него с таким видом, что, случись это в другое время и в другом месте, Гарри бы обрадовался.

— Вы уверены? Это вряд ли будет так просто.

— Отыщите противоядие, — Гарри едва понимал произносимые им слова. — Этого не могу ни я, ни кто-либо другой — только вы. Меня не волнует, легко ли это... Я просто... — Гарри осекся и крепче вцепился в стол, чтобы удержаться на ногах. Сердце билось у него в груди — сильно, болезненно, он ощущал, как оно колотится о ребра. — Вы не любили моего отца. Вы считали его эгоистом. Однако, вы не говорили, что он был лжецом. Он умел держать слово. И я тоже сдержу свое обещание. Я пообещал — и я сделаю. Найдите противоядие, и я...

— Мы не на рынке, — строго перебил его Снейп. — Я собираюсь найти противоядие вне зависимости от того, сдержите вы свое слово или нет, мистер Поттер. А глун вы или нет — что ж, поглядим.

— Мне все равно, что вы думаете обо мне, — Гарри подался прочь от стола и распрямился. — Я не так много думаю о вас. Возможно, вы правы — и мне ненавистна мысль об этом. А может, всё наоборот. У меня нет выбора, и я сделаю это. Но не ради вас, — Гарри вскинул голову и в упор взглянул на Снейпа. И в первый раз за всё время этого долгого и неприятного для обеих сторон знакомства Снейп первым отвел глаза. — И вы знаете, почему, — прошептал Гарри и отвернулся прочь.

Выходя за дверь, он почти ждал, что Снейп окликнет его. Но тот молчал.

Гарри шел по коридору, когда вдруг почувствовал себя дурно. Он метнулся к ближайшему окну, распахнул — и его вывернуло наизнанку прямо в этот холодный зимний воздух.

* * *

Свет заката медленно вполз в лазарет, окрасив алым все вокруг, — так неспешно струится и выёлся в воде кровь. За окнами, выходящими на запад,

по розово-серому небу гнались друг за другом полосатые золотисто-черные нити облаков, небо засыпало пеплом, в котором сверкали последние искорки уходящего дня. Это был удивительно красивый закат, но Гарри было совершенно не до него.

Он стоял в центре комнаты, со всех сторон залитый кровавым светом. Все кровати были пусты — за исключением той, на которой съжившейся тенью лежал Драко.

В лазарете было зябко, между кроватей гулял сквозняк, шепча Гарри о его недостатках, о слепоте, об ошибках. Ему ужасно, ужасно хотелось, чтобы сейчас с ним рядом была Гермиона — но как он сможет передать ей то, что сказал ему Снейп? Да она просто возненавидит его за это, это разобьет ей сердце.

Он хотел, что сейчас его поддержал Рон — но Рона рядом не было, и это тоже было его собственной ошибкой. Тогда, может, Сириус? Но Сириус постарается удержать его от того, что он задумал. Родители? Они были мертвы.

Ему хотелось, чтобы рядом был Драко — хотелось так яростно, что даже само ощущение того, что он рядом, давало ему то, что больше он не мог получить нигде. Это неумное желание и заставило его замереть посреди комнаты — лишь через какое-то время он понял, что может просто подойти к постели Драко, а не кинуться на него и начать немедленно будить. Он хотел утешений, он хотел объяснений... он просто хотел, чтобы этот чуть растягивающий слова голос уверил его, что на деле всё обстоит совсем не так плохо.

Всё было просто ужасно. И он сам вывел их всех на эту тропу.

Гарри вышел из пятна света и приблизился к кровати, на которой спал Драко. Грудь его вздымалась и опадала и вместе с ней чуть колыхалось одеяло — в остальном же он был совершенно неподвижен, глаза — крепко закрыты, щека покоилась на согнутой руке.

Гарри часто просыпался, видя около себя сидящую Гермиону, — она подпирала щеку ладонью и смотрела на него. у него не сохранилось нежных детских воспоминаний о склонившихся над его кроваткой родителях, взирающих на него с любовью, — ему всегда казалось это странным — зачем так делать? в чем смысл разглядывать кого-то, кто спит? Но теперь — теперь он понял: сон ничего не добавил на лицо Драко, напротив, очень многое забрал — беззаботность и насмешливость, постоянное напускное оживление, при помощи которого он пытался отвлечь окружающих от чего-то еще... Теперь, когда ничего этого не было, Гарри мог увидеть какую-то удивительную уязвимость, проявлявшуюся в моменты пробуждения, — гневом, молчалимостью и даже какой-то застенчивостью. Теперь сквозь прозрачную кожу он мог видеть голубые ниточки вен на висках, бегущие к векам, мог видеть синие круги под глазами.

Гарри тихо опустился на корточки и облокотился на матрас, слушая тихое, сонное, мерное дыхание Драко, чувствуя всю глубину его сна, всю силу его усталости, стиснувшей его своими черными кольцами... Гарри был рад этому — он хотел быть с Драко и, в то же время, хотел остаться один. Гарри чувствовал важность этого момента, чувствовал, что сейчас принятие какого-то ужасно важного решения зависит только от него.

Твой отец велел представить, каково мне будет, если ты умрешь, — подумал Гарри, словно разговаривая с Драко и прекрасно понимая, что тот не может сейчас слышать его. Ему казалось, что сквозь все эти покрывала он может видеть и слышать биение сердца Драко — вдвое быстрее, чем его собственное.

— Он сказал, чтобы я представил это, — я попытался и не смог. Я все думал, что просто потому, что не захотел, но нет, теперь я понимаю, что причина была не в этом. Причина в том, что ты сейчас стал мной в гораздо большей степени, чем я сам. Потеряй я тебя — и я больше не смогу существовать по-прежнему, я стану кем-то другим, кем, как я надеялся, я никогда

стать не должен. Я надеялся на это, я не хотел им становиться. с тех пор, как я узнал тебя, я изменился. Я стал лучше. Сильнее. И все — благодаря тебе. И я должен тебе отплатить сторицей...

Драко заворочался, и Гарри отпрянул назад — но тот только еще глубже зарылся в подушки. Гарри снова присел обратно, качнулся вперед и положил голову на руки. И прикрыл глаза.

Дядя Вернон и тетя Петунья никогда не приучали его к молитве — в церковь они ходили редко, да и никогда и не брали его с собой. Просьбы и мечты о вмешательстве неких божественных сил были ему чужды. Но в минуты отчаяния каждый начинает молиться, находя на это силы в глубинах своей души, — и Гарри вовсе не был исключением. Он умолял о помощи судьбу и провидение, насколько позволяла его измученная душа.

Пусть только Снейп найдет противоядие, — умолял он, — и я больше никогда ничего не попрошу. Я сдержу своё обещание — я отойду от Драко как можно дальше, чтобы никогда больше не причинить ему боли. Пусть Снейп отыщет противоядие — и я сам отправлюсь за Вольдемортом. Я уничтожу его, потому что именно ради этого я и родился, хотя до сил пор был слишком труслив, чтобы выполнить свое предназначение. Думаю, что именно этого ты и хочешь от меня, — именно это и должно стать моим наказанием за совершенную ошибку.

Пожалуйста, дай мне только один шанс. Накажи меня, но только как-нибудь по-другому. Потому что, если ты сделаешь это со мной сейчас, я больше никогда ничего хорошего сделать не смогу — ни себе, ни кому-либо другому.

Перед зажмуренными глазами Гарри вдруг что-то ярко вспыхнуло — он удивленно вскинул голову — лазаретные факелы зажглись в преддверии приближающегося вечера, заливая палату теплым желтоватым светом. Гарри заморгал, полуослепнув от яркого света, и услышал, как рядом заворочался и завозился Драко, прикрывая лицо подушкой. И вдруг подушка чуть соскользнула в сторону и из-под нее, прикрытый спутанными светлыми волосами, показался любопытный серый глаз. Гарри почувствовал себя ужасно неловко.

— Поттер? Ты? — сонный, чуть хрипловатый ото сна голос Драко был чуть приглушенным и лишенным привычных протяжных ноток.

— Э... ну да, — кивнул припертый к стенке Гарри.

— А, — Драко присмотрелся к нему повнимательнее, — как дела?

Глубоко вздохнув, Гарри собрался с силами и соврал:

— Да вот заглянул узнать, не хочешь ли ты, чтобы я принес тебе что-нибудь поужинать.

— Нет, я слишком устал, — тихо ответил Драко и Гарри снова услышал слова, что прошипел ему Снейп: усталость, вялость, изнеможение. Слепота.

— Прости, что разбудил тебя, — ровным голосом ответил Гарри. — Хочешь опять поспать?

— Хм-м... — призадумался Драко. — А ты посидишь?

Гарри снова вздохнул и снова соврал:

— Да, я останусь.

— Хм-м... — Драко тут же нырнул обратно в сон, упав на спину и стиснув руками подушку. Взглянув на него, Гарри резко отвернулся от него, переполненный отвращением к собственной лжи, в капкан необходимости которой он угодил. Опершись спиной о кровать, он сел на пол и обхватил руками согнутые колени.

Он не знал, сколько просидел так — но достаточно долго, чтобы ноги начало сводить от холода, идущего от каменного пола. Достаточно долго, чтобы за окнами сгустилась темнота. Достаточно долго, чтобы факелы потускнели — в замке наступила ночь.

Он все сидел и сидел, краем уха слушая дыхание Драко и прислушиваясь к звукам в своей собственной голове, заблудившись в мыслях и раздумиях, — так что

к действительности его вернул звук распахнувшейся двери: в лазарет вошли Дамблдор и Снейп.

* * *

— Джинни? Джинни, ты тут?

Симус стоял у закрытой двери, ведущей в спальню девушек-шестикурсниц. Он уже стучал и звал её минут пять, но всё безрезультатно, он даже начал себя чувствовать совершенно по-дурацки. Вернее, он начал чувствовать себя так уже давно, однако, теперь это чувство на редкость упрочилось. Все портреты, висевшие по стенам вдоль коридора, внимательно за ним наблюдали. Ему было очень неловко.

— Джинни... — он опустил руку. — Ладно, я всё понял. Тебя там нет. Или ты есть, но не хочешь со мной разговаривать. Ну, и ладно. Я просто пришел сказать тебе, что...

Симус замолчал. И, правда — что же он хотел сказать? Что сожалеет о том, что является такой ужасной скотиной? Ничего подобного, он был уверен, что поступил правильно. Более того, он был уверен — ещё ночь под одной крышей с Драко Малфоем — и убийства не миновать. А впрочем, все это ничего не стоило: Джинни, вообще, вряд ли замечала, есть он рядом или же его нет...

— Я хотел сказать, что уезжаю, — закончил Симус. Я надеялся попрощаться с тобой — ну, просто — попрощаться. Я вовсе не сержусь и...

— Йо-хо! — раздался слева какой-то возглас.

Симус подскочил.

По левую руку от двери висел портрет ведьмы в светло-зеленой мантии с косматой шевелюрой и глумливой физиономией.

— Знаешь, там никого нет, — мотнула она головой на дверь. — Хотя приятно было слышать, что ты не сердись. Есть кто-то конкретный, кому ты это сообщаем, или ты все это говоришь просто потому, что ты такой милый и хорошо воспитанный паренек?

Симус пропустил этот вопрос мимо ушей:

— Вы не видели Джинни Уизли — рыжеволосую девушку? с шестого курса?

— О, я знаю ее, — улыбка девушки с портрета стала шире. — Просто интересно: ты не Драко Малфой?

— Слава Богу, нет, — отрезал Симус. — А что? Он сюда ходит?

— Увы, нет, — вздохнула девушка, закатив глаза. — Я просто столько о нем слышала... Все шестикурсницы только о нём и говорят. Вот я и подумала, может ты — это он и есть — светловолосый, симпатичный, и все такое... Но, увы, ничего не вышло...

— Вот и я тоже так думаю, — ответил Симус.

— А ты не знаешь, где он может быть?

Симус мысленно досчитал до десяти, но это не помогло.

— Наверное, занимается онанизмом в ванной на третьем этаже, любуясь на собственную фотографию.

— Да, ну? Правда? О, спасибо! — девушка на портрете просияла и куда-то рванулась, исчезнув за рамой.

Симус закатил глаза и прислонился к стене. Он был даже рад, что уезжает. Его снедало невероятное желание швырнуть портрет на пол и потоптать его ногами — что было на него совершенно не похоже: он всегда был спокойным, всегда мог держать себя в руках. Сейчас он ещё сильнее захотел уехать отсюда.

Однако, еще сильнее он хотел попрощаться с Джинни перед отъездом.

Поколебавшись, он сунул руку в карман и вынул оттуда какой-то поблескивающий предмет — золотую стрелку на цепочке. Вторая половинка Следящих чар была на браслете у Джинни. Он хотел отдать ей это перед отъездом и все объяснить, считал, что ему необходимо это сделать.

В его голове снова прозвучали сказанные Драко слова: «Тогда, может, ты скажешь мне, зачем наложил

Следящие Чары на браслет, что подарил ей?» Он стоял, не сводя глаз со стрелки на ладони. Наверное, не будет ничего страшного, если он воспользуется этим? Ведь это в последний раз... Она ведь, наверняка, где-то рядом. И ни о чем не догадается...

Он поднял руку, и стрелка закачалась на своей цепочке.

— Укажи мне...

Стрелка начала вращаться.

* * *

Гарри инстинктивно накинул на себя плащ невидимку, лишь только увидел Снейпа и Дамблдора, входящих и закрывающих за собой дверь, и укрылся за ближайшим стулом, прислушиваясь к приближающимся к кровати Драко шагам.

Будь это один Дамблдор, Гарри бы не стал прятаться, но Снейп... — у него сейчас просто не было сил снова разговаривать со Снейпом. Он не был уверен, что способен выдержать не то, что разговор, — даже взгляд Снейпа. Он боялся, что его снова стошнит. Или еще чего похуже.

Он замер, глядя, как Дамблдор подошел и мрачно взглянул на Драко. Через миг к нему присоединился Снейп. на его худом лице застыло совершенно непроницаемое выражение.

— Разбудишь его, Северус? — нахмурился Дамблдор. Его светло-синие глаза за знакомыми очками больше не мерцали. Дамблдор казался усталым и старым.

— Я надеялся, что он еще не пользовался Усыпляющим зельем, что я дал ему. Хотя, с другой стороны, на его месте я бы прибегнул к его помощи.

— Возможно, стоит его разбудить, чтобы сообщить о вашем успехе?

Эти слова пронзили Гарри, как огненная стрела. Все его тело напряглось, а мысли вернулись к собственному отчаянному шепоту в темноте: «Пусть только Снейп найдёт противоядие, и я больше никогда ничего не попрошу».

Помолчав, Снейп сделал еще шаг к кровати и вдруг, наклонившись и едва не задев руку Гарри краем своего плаща, тихонько коснулся волос спящего Драко кончиками покрытых шрамами и ожогами пальцев. Гарри никогда не видел проявлений нежности у профессора зельеведения.

— Я так думаю, — выпрямился Снейп, — что в любом случае, не стоит его будить. Подозреваю, что зелье все равно не позволит ему адекватно воспринять новости.

— Что ж, тогда давайте пойдем и расскажем остальным, — предложил Дамблдор. — Его друзьям. Они должны знать, что ты все же достиг успеха в работе над противоядием, Северус. Гермиона, Гарри... Да-да, особенно Гарри... Я совершенно уверен, они находились в постоянном ужасе потому, что он мог умереть в любой момент. Мы непременно должны пойти и рассеять их страхи.

Противоядие. Успех. Драко не умрет.

Сжавшись за стулом, Гарри вонзил ногти в ладони. Он вспомнил, как, услышав слова Макгонагалл, что Джинни забрали в Тайную Комнату, Рон безмолвно съехал на пол. Сейчас с ним произошло бы то же самое — но не от ужаса, а от облегчения. Сердце выскакивало из груди, стуча одно слово: противоядие. Противоядие.

Уголки губ Снейпа дрогнули.

— Люциус будет очень недоволен.

— Да, — сухо кивнул Дамблдор. — Я с утра получил от него ещё одно письмо. Оно оказалось как нельзя кстати — я подложил его под ножку моего стола, а то он что-то расшатался, — он коснулся плеча Снейпа. — Благодарю тебя, Северус — за все, что ты сделал. За столь короткое время, имея так мало исходного материала... Никто другой никогда бы с этим не справился...

Лицо Снейпа свело судорогой — задержись Гарри хоть на миг, можно было бы избежать такой боли, такого горя и таких бед... Но — нет, он покрепче завернулся в мантию, поднялся на ноги и, всеми силами стараясь сохранить тишину, в состоянии, близком к истерике, чувствуя, что грудь словно сдавили огромные тиски, начал красться мимо Снейпа и Дамблдора к дверям. Ухитрившись бесшумно приоткрыть ее, он выскользнул в коридор и помчался, что было сил.

* * *

— Директор, вы ничего не слышали?

Дамблдор поднял глаза на полуобернувшегося к дверям Снейпа. в палате было тихо — покачивались занавеси вокруг кровати, на полу лежали длинные тени.

— Я — нет, — качнул он головой, — Северус...

Снейп снова повернулся к Драко:

— Да?

Взгляд Дамблдора тоже остановился на спящем в кровати мальчике. Тот был погружен в глубокий сон — но его вытянувшееся тело наводило на мысли о том, что он рухнул на эту кровать с большой высоты. Он, как маленький, обнял подушку руками, и лунный свет, струящийся сквозь окна, нарисовал на его запястьях серебристую паутинку. Дамблдор подумал о том, как смертельный яд струится по этим венам, просвечивающим под тонкой бледной кожей...

— Я помню, что ты придержишься идеи коллективной вины, Северус, — произнес он, отрывая взгляд от умирающего мальчика на кровати, — однако, всё это не твоя вина.

— Никто не безупречен, — автоматически ответил Снейп.

Дамблдор вздохнул.

— Когда будет готово противоядие?

— Я бы предпочел, чтобы вы использовали иное название...

— Северус, это — противоядие. Даже если оно не совсем то, что нам нужно, оно даст нам выигрыш во времени. И это уже неоценимо.

— Это удлинит отпущенный ему срок вдвое. не один месяц — два. Я не спас его жизнь, просто чуть удлинил ее, и для меня это не...

— И, тем не менее, этого времени хватит на то, чтобы найти настоящее противоядие, — решительно попытожил Дамблдор. — И ты непременно это сделаешь, ведь ты уже нашел все компоненты...

— Все, кроме одного, — мешки под глазами Снейпа стали еще темнее. — А что, если его я не сумею вычислить? Меня сильно тревожит то, что он все время ускользает от меня, профессор. Два месяца — это всего восемь недель. не такой-то и большой срок, когда тебе всего семнадцать. Совсем небольшой...

— Я знаю, Северус, — кивнул Дамблдор. Усталость была так велика, что стала сродни боли. Он помолчал, глядя на качающиеся тени, что скользили по лицу Драко, как нежные руки. — Я знаю.

* * *

Стрелочка провела Симуса вниз по ступеням, потом через гостиную — и потянула, к его невероятному изумлению — в сторону спален мальчиков. Он ускорил шаг, решив, что Джинни, наверное, ищет его. Конечно, Гарри тоже остался в замке на каникулы, но он всё время проводил в палате у Драко.

Однако стрелка провела его мимо двери его собственной спальни, позвала дальше по коридору и, в конечном счете, привела к комнате старосты. Симус удивленно захлопал глазами — но стрелка решительно и неуклонно указывала именно на эту дверь. Пожав плечами, он шагнул и распахнул ее.

Первое, в чем он убедился, — то, что комната была пуста, и это вовсе его не удивило: наверное, Джинни находилась или где-то рядом, или же была тут чуть

раньше, Следящие чары всегда чуть-чуть запаздывали.

Второе, что заметил Симус, — это странный запах: воздух имел резкий металлический привкус, словно перед электрическим штормом. Это был запах молнии — будоражащий, волнующий, нервнирующий.

Третьим, обратившим на себя его внимание, было слабое серебристое сияние в центре, которое исчезло, едва мигнув — так, едва появившись, пропадают на облаке при движении очертания только что увиденного лица.

Симус почувствовал безотчетный страх и вздрогнул. Ему захотелось шагнуть прочь, выйти из комнаты... но в этот миг в лунном свете, струящемся сквозь окно, он увидел засыпавшие весь пол клочки бумаги. Он удивился, любопытство потянуло его вперед — неужели Джинни была здесь именно ради этого? — и, присев на колени, начал рассматривать обрывки, выглядящие так, словно садовыми ножницами искромсали какую-то старую книгу. Разорванные листы, клочья обложки — будто ее драли острыми ногтями...

Он наклонился пониже и ощутил, что над книгой металлический, медный привкус у воздуха был выражен гораздо ярче, — он появился у него во рту, кожу начало жечь, словно его кусали муравьи. в ушах зашумело.

Позже он никогда и никому так и не сумел объяснить, что или кто его толкнул на дальнейшие действия. Однако, все равно это не имело никакого значения: слишком много времени прошло, прежде, чем Симус Финниган смог, вообще, кому-то что-то объяснить.

Потянувшись к нагрудному карману своего плаща, Симус вытащил оттуда палочку, медленно поднял ее и указал ею на книгу, пытаясь припомнить заклинание, возвращающее вещам их исходное состояние.

— Resurgat.

Сначала ничего не произошло.

Потом медленно, словно листья под осенним ветром, страницы поднялись и закружились вокруг него. Его опасения упрочились, он приподнялся — хоровод страниц поднялся вслед за ним, вращаясь все быстрее и быстрее, обрывки летели, задевая друг друга, шелестя, шепча, похрустывая, — словно, он находился в стае вспугнутых птиц. А звук был похож на дождь. А может, это были чернила, что стекали со страниц и, кровавым дождем из перерезанных на запястье вен, капали на пол. Красный дождь...

Металлический вкус воздуха становился все сильнее и сильнее. И Симус начал понимать, что совершил очень серьезную ошибку.

Он попробовал отступить — но страницы встали стеной за его спиной. Серебристое сияние, мелькнувшее и исчезнувшее несколько минут назад, вернулось — оно исходило откуда-то из-за дрожащей бумажной стены, однако, теперь оно не исчезло, когда Симус двинулся. И теперь у него была форма, очертания фигуры человека — высокого худощавого мужчины. А вместо глаз у него было сияющее синее пламя.

Пальцы Симуса ослабли, палочка выпала из его руки, звонко стукнувшись о каменный пол. Крик родился в груди, но растаял раньше, чем вырвался из горла. Что-то захлестнуло его — сильно, как прилив — и перед глазами всё померкло.

* * *

Гарри торопливо совал вещи в свой старый рюкзак, дрожа от напряжения. Его нервы были натянуты так, что, казалось, звенели: что он скажет, зайти сейчас кто-нибудь к нему в комнату? Как он объяснит свое поведение?

Задышавшись, он замер и осмотрел свой разоренный сундук: что же ему стоит взять с собой в путь на поиски отщепенца, если он не был до конца уверен, что вернется обратно? Одежда. Меч с наложенными на него Уменьшающими Чарами. Загадочная монета Люциуса, которая заботливо покоилась у него в кармане. Завтра он продемонстрирует это гринготт-

ским гоблинам и выяснит ее происхождение. Палочка. Перочинный нож Сириуса. Мантия-невидимка.

Надо захватить какую-нибудь еду — он решил купить её на станции.

Поверх этого он положил книгу, подаренную ему Драко сегодня днем. Кодекс Поведения Семейства Малфоев. Он не был уверен, что это отменное чтиво, однако, по некоторым причинам не хотел оставлять её здесь.

Он застегнул молнию и поднялся. Руки слегка тряслись. Подойдя к зеркалу на противоположной стене, он взглянул на свое отражение: белое лицо, зеленые глаза, черные волосы. Румянец на щеках — неровные ярко-красные пятна. И шрам поперек лба, словно нарисованный тушью. Он поднял правую руку и легонько коснулся его:

— Oblitescus, — прошептал он, и резкая вспышка боли заставила его сморщиться. Потом она исчезла. Как и шрам.

Он бросил на себя долгий взгляд: он знал, что скрыть шрам было необходимо, слишком узнаваем он был. Но теперь, без шрама, он показался себе кем-то совсем другим. не Гарри.

Потеряю тебя — и перестану быть собой. Стану кем-то другим...

Гарри глубоко вздохнул. А может, все это не имеет значения — шрам все равно всегда был с ним — видимый ли, нет ли — он рассекал не только его лоб, но и весь его внутренний мир. Знак, раз и навсегда определивший его жизнь. Он сделал его таким, какой он есть, — именно он, шрам, а не его собственные действия, любовь или что-то еще. Мальчик, который не умер. Которого зачем-то пощадили.

Найдите противоядие, и я уйду за Вольдемортом. И уничтожу его. Выполни то, для чего я был рожден, — то, чего так долго боялся, чего избегал.

И вдруг Гарри вспомнил. Он вспомнил Рождество. Ему было тринадцать, и Гермиона, вскинув на него огромные глаза, спросила: «Но ты же не хочешь никого убивать, правда, Гарри?» Он услышал собственный голос, произносящий в ответ: «Вот Малфой знает. Помнишь, что он сказал мне? «На твоём месте я бы сам охотился за ним, я бы захотел отомстить»»

Да, Драко, как никто другой — ни Рон, ни Гермиона — понимал его в его мечтах об отмщении, он вообще хорошо понимал эту темную часть внутри него — просто он сам был таким.

Он поймет, что это связано с местью, — и это хорошо. Однако, он никогда не поймет то, что его бросили, не взяли с собой. Как Гарри ни крутил — другого пути и другого выхода не было: Драко не поймёт, ни почему Гарри был вынужден уехать, ни почему он был вынужден сделать это один. Он будет чертовски задет и обижен. Он почувствует себя преданным и брошенным. Он возненавидит Гарри.

Это было самое ужасное, что могло прийти ему в голову, — мысль о том, что Драко возненавидит его. Гермиона бы его за это не возненавидела, — они были вместе слишком давно, она слишком часто через это проходила, она всегда знала, что на свою решающую схватку со злом он выйдет один, — сколько она ни пыталась, ей ни разу не удалось оказаться с ним рядом в этот миг. в конце концов, он всегда оставался с опасностью один на один.

Но Драко... Драко думал, что они вместе пройдут этот путь. Он не сможет понять, чем вызвано это разделение, он сможет ни понять, ни представить, ни осознать, что именно Гарри должен стать тем, кто сделает первый шаг прочь от него. И Гарри об этом знал.

Гарри переполнял ужас, сострадание, жалость. И — определенность: он обещал не бросать Драко, пока тот умирает, — он так и сделал. Он не мог поступить иначе — это было из тех вещей, что лежат за пределами человеческих желаний и силы воли. Да, он был счастливым известием о противоядии. Так рад, что, собираясь в дорогу и пакуя вещи, он был вынужден периодически

останавливаться и садиться на кровать — его просто-таки трясло от облегчения. И еще он был благодарен Снейпу. И, в то же время, ненавидел его за произнесенные в лаборатории слова. Потому что почти все они были правдой.

Я пообещал уйти, — подумал он, глядя в зеркало на свое отражение. — Я пообещал уйти и сделать все, чтобы меня не нашли. Но я не обещал, что уйду, не попрощавшись.

Гарри отвернулся от зеркала и вернулся к своему сундуку. Вытащил из него перо и клочок пергамента и, усталю присев на краешек кровати, начал писать.

Он никогда не был особо изощрен в написании писем — да что там говорить, сочинителем он был просто никудышным. Но сейчас, как ни странно, у него все получалось — наверное, потому, что он просто ужасно, ужасно хотел выразить все, что у него было на душе. А может, потому что Драко, дав ему частичку себя, подарил вместе с ней и толику своего красноречия. Или же он слишком устал, чтобы скрывать или преуменьшать значение того, что он делал.

И вот, перед ним лежали два письма — одно Драко, второе — Гермионе. Он опустил перо и, аккуратно свернув их, положил на свою подушку.

Теперь осталось только одно — и он может уходить. Зажмурившись, он потянулся к шее и расстегнул тоненькую золотую цепочку. Она зацепилась за его волосы. Он дернул её, и заклетье легко скользнуло в предоставленную горсть. Эпициклическое Заклетье. Бросив на него последний взгляд, он положил его поверх писем.

Утром они придут искать его, и все найдут здесь.

Он поднялся, закинул рюкзак на плечо и вышел за дверь.

* * *

Гермиона сидела рядом с Драко в лазарете. Она дрожала, обхватив себя руками за плечи. Заглянув перед сном пожелать ему спокойной ночи, она обнаружила тут Снейпа и Дамблдора — те уже уходили и, преодолев некоторое сопротивление со стороны Снейпа, рассказали ей, что он идентифицировал все компоненты противоядия — все, кроме одного, и на основе этих исследований синтезировал, хоть и несовершенно, но все же противоядие. Противоядие, не способное нейтрализовать яд, но хотя бы замедляющее и смягчающее его действие.

— Процедура, а не лекарство, — кивнула она Снейпу и тут же сообразила, что это маггловский термин. Снейп удивленно захлопал глазами, и кисло кивнул. Дамблдор, опустив руку ей на плечо, поинтересовался, что она предпочитает — самостоятельно рассказать об этом Гарри или же будет лучше, если это сделает он?

Она сказала, что сделает это сама. И, не зная, куда мог подеваться Гарри, осталась в лазарете ждать его, уверенная, что, рано или поздно, он придет сюда — ей до боли хотелось видеть его. Она не знала, как он отреагирует на это известие, — возможно, обрадуется, что жизнь Драко немного продлена, а может, рассердится, что лечение так и не найдено, и проблема так никуда и не ушла... Гарри был максималистом и не знал полутонов.

Она опустила взгляд к Драко, прикидывая, как им объяснить это ему. Хорошо, что с ней в этот момент будет Гарри, — сама она вряд ли сумеет сделать всё, как надо... Драко снова вывернулся из-под одеяла и опять лежал на спине, закрыв лицо руками. Рукава пижамы съехали, обнажив синяки вдоль запястий, где у него брали кровь на тестирование противоядия. Внезапно глаза его открылись, и Гермиона отшатнулась назад, когда он вдруг сел, словно поднятый невидимой силой, уронив на пол подушку.

— Драко... — потянулась она к нему.

Он повернулся к ней, его сонные глаза были полны смятения:

— Гермiona, что случилось?

— Ничего, — она опустила руку ему на плечо. Оно было теплым ото сна, сквозь пижаму она почувствовала выпирающие кости. — у тебя были кошмары?

— Нет, — покачал он головой. — Я что-то чувствую. Что-то не так.

— Что не так?

— Я не знаю, — раздраженно и устало ответил он. — Может, это было что-то во сне — я почувствовал, будто что-то потерял... сам не знаю, что... — веки сомкнулись, и зелье снова погрузило его в сон. — Что-то... важное...

— Это всё сонное зелье, — нежно коснулась его плеча Гермiona, пытаясь осторожно уложить его обратно на кровать. — Все эти странные сновидения из-за него...

— Наверное... — он лег. — Где Гарри?

— Он придет, — успокоила она, не успев больше ничего ни сказать, ни спросить — он уже спал. Она села рядом, положила на него руку и начала ждать Гарри. Это ожидание оказалось куда продолжительнее, чем она думала.

* * *

Заклинания и кочерга сделали свое дело: огонь в камине пылал во всю мочь, однако Джинни все равно не могла согреться. Она сидела и рассматривала свои руки: с синими и красными следами от ногтей, черными подтеками от чернил дневника. Она не помнила, как расшвыривала клочья страниц, или как, спотыкаясь, выбегала из комнаты Рона... Все, что она осознала, происходило уже, словно, вечность спустя: она стояла в ванной комнате, пытаясь стереть пятна чернил с рук. не помогало ничего — ни мыло, ни заклинания. Они не отмывались.

В, конце концов, она залезла в душ. Он не смыл с нее чернила, однако, она, хотя бы, почувствовала себя лучше — её перестало трясти и колотить. Натянув ночную рубашку и завернувшись в мантию, она отправилась в гостиную дожидаться Гермiony. Она хотела рассказать ей обо всем, что произошло — уж та бы точно подсказала, что теперь нужно делать. А впрочем, какая разница — просто Джинни поняла, что не выживет, если сию же секунду не расскажет обо всем хоть кому-нибудь.

Шло время, а Гермiona не возвращалась в гриффиндорскую башню, и у Джинни уже начали мелькать мысли, не отправиться ли ей самой в лазарет, хотя мысль, что ей придется увидеться с Драко, почему-то пугала ее. И еще — она так замерзла, так устала... она снова задрожала и обняла себя руками.

Я должна была понять, что не стоит бороться с тобой, Том. Ты всегда побеждаешь.

Она услышала его тихий голос в шепотке ветра за окном, в потрескивании огня — уничтожив дневник, она не уничтожила Тома внутри себя, в своем разуме — он теперь никогда не покинет ее...

«Ты ко мне...»

Негромкий звук шагов заставил ее с надеждой поднять голову, но это была не Гермiona. Прикусив губу, Джинни откинулась обратно на диван. Она сейчас никого не хотела видеть.

— Симус... Я думала, ты собирался уехать домой сегодня вечером...

Он ничего не ответил, он стоял у лестницы, ведущей в спальни мальчиков, и не сводил с нее глаз. Руки были засунуты в карманы. на нем не было его обычного темного плаща — только рубашка. Порванная на плече. у нее мелькнула мысль, не подрался ли он с Драко.

— Что-то произошло с Драко? у тебя рубашка разорвана.

Он не ответил. Но улыбнулся. Она никогда не видела на его губах такой улыбки: резкой, словно острие ножа, так странно сочетавшейся с его ангельским лицом и светлыми волосами.

Нервно передернувшись, она потуже обмоталась мантией.

— Симус, ты меня пугаешь. Что-то не так?

Определенно — он не слышал ее. Улыбаясь, он сошел с лестницы. в гостиной царил полумрак, она плохо различала его лицо — глаза казались черно-синими, цвета анютиных глазок — они были такими темными, что радужка почти сливалась со зрачком, делая эти глаза похожими на глаза слепца.

— Джинни, — наконец произнес он, и она снова вздрогнула: этот голос, такой тихий, такой знакомый, с этим ирландским акцентом... — сейчас он показался ей совершенно чужим. — Здорово, что мы снова увиделись?

Глава 11. Враждебность снов

*Так юноша метался ночью
В своей кровати, сна не зная,
Молил послать ему забвенье,
Покой и дрему призывая.*

*Судьба уже давно решила —
Наутро он уйдет в дорогу —
Уйдет один, чтоб снова встретить
В пути опасность и тревогу.*

*Ты в сердце загляни — увидишь
От лжи прогнанные ответы,
Как ловкий фокусник и шулер
Готово нашептать советы.*

*Оно уймет твою тревогу,
Легко обманет — как ребёнка,
Покажет шляпу, убеждая,
Что не найдётся в ней зайчонка.*

*И затвердеет сердце камнем,
И к юноше покой вернется,
А птица сытая негромко
В саду у дома отзовется.*

*Уйдет в свой путь он без поклажи,
С открытым сердцем, безоружным,
Между покоем выбирая
И риском — никому не нужным*

*Во мгле теряется дорога,
Враждебность снов его пугает,
Рычанье грозное несется,
И крови хищники алкают.*

*Что ж, пусть он, гордый, честный смелый,
В миг слабости — да устыдится
И поглотит его долина,
Где яркостью в пепел обратится.*

W. H. Auden

Как странно было снова почувствовать себя живым, снова испытать все признаки физического существования — глаза, рот, руки-ноги, стучащее сердце, что гнало кровь по венам... Воздух в комнате был донельзя наэлектризован, даже, казалось, пахло электричеством. Так после пожара остается запах дыма.

Когда он попытался подняться в первый раз, среди бумажных клочков, закрывших пол, ноги подогнулись под ним. Ему удалось подняться со второго раза. Он подошел к зеркалу и взглянул на себя.

Том с удовлетворением оглядел своё тело. Он не ожидал, что ему удастся завладеть им, однако оно само так и плыло ему в руки — и он тут же воспользовался шансом. Теперь он ни капельки не жалел: тело было отличное — изящное, крепкое. Оно прослужит ему столько, сколько нужно.

Он с любопытством оглядел комнату. Дневник был уничтожен, но теперь это его не волновало: он шагнул со страниц, вызванный в мир кровью и слезами. Кровь и слёзы. И что-то еще: он помнил слабый шепот, твердый «ненавижу, ненавижу, ненавижу тебя, Том».

Он ничего не имел против. Ненависть — полезное чувство, где-то сродни любви: такая же сильная и мощная.

Том подошел к зеркалу и начал изучать свое отражение. Сильное, изящное тело — почти такое же, какое было у него самого в семнадцать лет. Руки, покрытые тоненькими золотистыми волосками, пшеничная шевелюра, лицо мальчика из церковного хора, синие

глаза — словно частички июльского неба. Что-то блеснуло вокруг его шеи: кожа Симуса была по-зимнему бледной, но летом должна была откликаться на солнце золотистым загаром... Хотя, наверное, могла и обгореть.

Том знал это, сам не понимая, откуда. Его губы дрогнули в улыбке. Это не было его собственными воспоминаниями, его собственной памятью — это была память Симуса, гриффиндорского семикурсника, семнадцатилетнего паренька из небольшого ирландского города Глин Кэрин, который любил своих родителей, был мил и недалек. Том немедленно его возненавидел. Пробираясь сквозь его мысли было так же сложно, как брести сквозь патоку. Ужасно занудную патоку. Симус обожал квиддич. Ему нравились уроки Гербологии, на столике рядом с кроватью лежала куча комиксов, которые он не любил давать никому, — за исключением, разве что, Гарри, который всегда аккуратно обращался с вещами.

Том увидел, как блеснули глаза у его отражения в зеркале. Так, это уже что-то интересное... Он еще сильнее углубился в мысли Симуса, пытаясь вытянуть из него как можно больше сведений о Гарри Поттере — собственные воспоминания Тома были какими-то равными и путаными. Невысокий мальчик с лохматыми черными волосами, с кем лицом к лицу они встретились над скорченным телом Джинни Уизли. Потом он помнил, как зашипел, призывая василиска, и, — следующеё воспоминание — тот же самый мальчик, исте-

кающий кровью и умирающий у стены Тайной Комнаты. И ещё — Том совершенно определенно знал, что мальчик, всё же не умер. И ненавидел его — но не знал точно, за что.

Том отвернулся от зеркала, всё ещё сосредоточившись на мыслях и ощущениях, — мысли Симуса были похожи на альбом с произвольно рассованными в нём фотографиями. Страницы быстро листались одна за другой, и картинки появлялись и исчезали — без всякого намека на разумность и последовательность.

Выйдя из комнаты, Том замер в холле, глядя по сторонам. Всё было знакомым, казалось, он прекрасно знал Гриффиндорскую башню. Одна из висящих на стене картинпризывно свистнула ему. Не обращая внимания, он двинулся по коридору, минуя двери, ведущие в спальни. На каждой были латунные цифры, однако, даже без этого он прекрасно знал, какая из этих комнат — Симуса. Толкнув дверь, он вошёл.

Внутри все было красивым. Том замер, захлопав глазами от этой лавины красного цвета, враз обрушившейся на него: ярко-красные ковры на полу, балдахины над кроватями, что были подобны раздувшимся цветам. Огонь и кровь — типично по-гриффиндорски.

Как же Том ненавидел красный цвет...

Память Симуса указала ему его кровать и сундук в её изголовьи.

Он поворошил его вещи — ничего любопытного, как, собственно, и можно было ожидать от такой неинтересной персоны, как Симус. Сундук был собран и упакован, словно он собрался уезжать. Том бросил сложенный джемпер обратно на кровать и замер, краем глаза уловив какую-то золотую вспышку. Источником её была кровать напротив. Кровать Гарри Поттера, если верить Симусу.

Подрагивая от сдерживаемого беспричинного возбуждения, Том пересек комнату. Он не знал, откуда в нем эта стойкая неприязнь к Гарри Поттеру (хотя сам Симус, судя по всему, был с ним на дружеской ноге). Руки откинули покрывало, отодвинули подушку, открыв два сложенных кусочка бумаги и что-то на тоненькой цепочке, напоминающее заветье. Он бросил на него быстрый равнодушный взгляд — кажется, обычная безделушка, блестящая дешёвка. Но письма... Он подобрался к ним поближе, переполненный любопытством: интересно, почему это Гарри Поттер оставляет письма друзьям в собственной постели?

Он порывлся в туманных воспоминаниях Симуса, но не нашел там ничего подходящего к данной ситуации.

Первое письмо было адресовано Гермионе. Это имя ничего не говорило Тому. Да и для Симуса не представляло ничего особенно интересного. А вот имя, выведенное поверх второго письма... Драко Малфой... — определенно, оно кое-что для Тома значило...

Малфой.

Неожиданно в груди Тома взорвалась дикая ненависть — не его, Симуса: ненависть, смешанная со страхом. Там было что-то еще, в чем какой-нибудь иной человек — не Том — узнал бы жалость.

Но в голове Тома уже затикали часы собственных воспоминаний.

Драко Малфой.

Малфой.

Сын Люциуса?

Почему сын Люциуса получает письма от гриффиндорцев?

Быстрым движением ногтя Том вскрыл первое письмо, адресованное Гермионе, и начал читать. Сердце застучало: там было его имя. Его собственное имя — не то, что дали ему при рождении — нет, имя, которым он сам назвал себя, оно проходило через всё письмо... Так вот она, история — история, что произошла между ним и Гарри Поттером. На самом деле, если бы Поттер поверил... но нет, это ведь невозможно, правда? Наверное, здесь какая-то ошибка... Он покопался в памяти Симуса и не нашел там ничего, кроме ужасного волнения, ускользающего от него водой, струящейся сквозь пальцы.

Чертыхнувшись от огорчения, Том скомкал письмо и швырнул его в огонь, где оно и съежилось, рассыпавшись горсткой золы.

Он постоял, переводя дыхание и пытаясь успокоиться, потом — очень медленно — распечатал и начал читать второе письмо. Он сразу обратил внимание на почерк — круглый детский почерк, словно писавший не мог удержать слова в себе и хотел излить душу на бумагу.

«Драко... как странно писать тебе письмо — я раньше никогда не писал тебе писем. Ты всегда знал, о чем я думаю, так что в этом просто не было смысла. Но сейчас ты спишь, а я хочу всё сделать ещё до того, как ты проснешься. Я знаю, что Снейп нашел-таки противоядие для тебя, — я слышал, как он говорил об этом Дамблдору, — и я знаю, что я пообещал, я об этом думал. Существует еще кое-что, что тебе, как мне кажется, стоит знать, — я никогда не говорил тебе об этом, не мог подобрать нужные слова...»

На этом месте была клякса, словно от чрезмерного усилия перо сломалось. Прищурившись, Том быстро пробежал письмо. О чём же это?.. И тут опять, как нельзя кстати, пришелся Симус — сквозь его смятение и путаницу в мыслях Том добрался до обрывочных и неясных сведений о дружбе между двумя юношами. Как? — сын Люциуса и один из моих врагов?! — это чувство было сильным, ему не удалось отделить внутри себя ненависть Симуса к Драко Малфоем от собственной ненависти к Гарри Поттеру.

Рука Тома почти сжалась, почти скомкала письмо... И тут он замер.

Ярость требовала уничтожить письмо, в котором Гарри Поттер высмеял его — высмеял Вольдеморта, поклялся отомстить ему, выставив его глупым, бестолковым ребенком...

Том прерывисто вздохнул. Ему хотелось порвать письмо. Но был ли этот поступок мудрым? Эти письма были написаны со страстью и заботой, они были полны той живой болью, которую Том мог оценить, будучи, в некотором роде, художником в плане нанесения боли... в нем не было никаких эмоций, и эта отстранённость сделала его весьма изощренным знатоком человеческого поведения. Уничтожение этого письма принесло бы боль тому, кто написал его, но существовали куда более интересные пути, гарантирующие, что адресаты не получат своих посланий. И что они не отправятся вслед за ним в погоню за мстостью.

Это вызовет в них смятение и замешательство. А смятение и замешательство — отличные союзники.

Он снова перечитал письмо. Да, подстроиться под голос Гарри Поттера будет не так уж и сложно — вся живость письма заключалась в простоте и прямолинейной искренности фраз. Том видел, что это было действительно трогательное послание, или, по крайней мере, отправитель, судя по тону письма, считал его именно таким. Прекрасно. Эмоциональное письмо куда проще подделать и изменить.

Он провёл рукой над письмом, и энергия магии ударила ему в руку, от её силы он почувствовал боль. Как давно всё это было...

Он зашептал, и пергамент дрогнул в его руке. Чернильные буквы зашевелились, съежились и заскользили по страничке маленькими змейками. Они вились и извивались друг вокруг друга, образуя новые слова. Новые предложения.

«Драко... как странно писать тебе письмо, но я подумал, что у меня не будет другого шанса сказать тебе, что я больше не хочу, чтобы ты следовал за мной... Знаю — ты всегда хотел помочь мне, ты думал, что это в твоих силах, — но это не так. Знаю — я обещал тебе дожидаться тебя, но теперь думаю, что ждать не стоит... Да, конечно, я говорил, обещал — но существуют вещи, которых ты не знаешь и которых ты не поймёшь...»

Так-так, еще несколько абзацев... Бросив на него последний взгляд, Том ощутил гордость. Это было откровенно жестокое письмо, и жестокость эта ощущалась в каждом слове — тонкая, изощрённая; при этом

нельзя было сказать, что Том выбросил весь исходный текст. Теперь он здорово пожалел, что уничтожил первое письмо, адресованное подружке Поттера. Он создал бы из него истинное произведение искусства, неповторимое в своем роде. Ну, что ж... в чём смысл горевать над упущенными возможностями?

Он вернул сложенное письмо на кровать Гарри, устроил поверх блестящий кулон на цепочке. Выпрямился. Он все еще был зол. Много-много лет назад Том научился фокусировать свою ярость, копить её и в нужный момент направлять в нужное русло. Вот и теперь — растерянный, запутанный, взбешённый, он стоял, пытаясь уловить смысл в этом хаотичном кружении мыслей и воспоминаний внутри переполненного мозга.

Драко Малфой — куда более совершенная версия своего отца в детстве, похожий на миниатюру, выполненную из слоновой кости, серебра и позолоты. Джинни Уизли — с румяным лицом, напоминающим подсолнух, и копной сияющих волос. О, Джинни он помнил, Джинни он знал — он помнил, как сломал ей руку, как она извивалась под ним, как пыталась сбежать. Он помнил её запах — запах слёз и ужаса. Он всегда знал, что им ещё предстоит свидеться.

О, а вот это ещё интереснее... Симус любил её. Том почувствовал, как что-то кольнуло его под ребро, ощутил какое-то нездоровое восхищение. Волчья улыбка рассклала это ангельское лицо пополам. О, да... Симус любил её — так любил, что подарил ей заколдованный браслет, с помощью которого он мог быть уверен, что никогда не потеряет её. Где бы она ни была — он мог мгновенно отыскать её и оказаться там же. Это как же надо полюбить, чтоб совершить такое...

Ухмыляясь, Том сунул руку за пазуху и, вытащив маленькое заклинание в виде золотой стрелки на цепочке, догадался по её трепету, что Джинни где-то поблизости. Его улыбка стала шире, пальцы сжали заклинание.

Он нашёл, на чём сорвать свою злость.

* * *

Драко не раз повторял ей, что, будь она парнем, она была бы точь-в-точь как он. И наоборот, — будь девчонкой он, он был бы её копией. Блез полагала, что это правда — она хотела, чтобы это, как и многое другое, что говорил Драко, было правдой.

И ещё... Будь Драко на рождественской вечеринке, устроенной Пенси Блез пошла на неё, надеясь, что он придет, но, увы), он бы тоже потратил часа три, приводя себя в порядок. Хотя на самом деле, ему бы совершенно не хотелось туда идти.

Сначала несколько часов, чтобы прицепить к своим абрикосовым волосам все эти крошечные цветочки. Потом — избавление от кругов под глазами. Потом возня с выбором платья. Да, пожалуй, это — зелёное, с вышивкой по вороту.

И вот, усевшись на раковину в ванной комнате Пенси, она нанесла последние штрихи — немножко косметических заклинаний... Блез оглядела себя в зеркале.

Раковина — как и всё в доме Паркинсонов — была совершенно безвкусной, с бронзовым краном в виде брызгающих дельфинов. Однажды Драко презрительно бросил, что Паркинсоны из тех семейств, которые «сами покупают свою мебель» — это было и забавно, и точно, хотя, честно говоря, сказала больше о Драко, нежели о Паркинсонах.

Ей опять смутно захотелось, чтобы он пришёл. Конечно же, он был приглашен, — большинство слизеринцев были здесь, — и те, кто уже выпустился, и вроде Кребба с Гойлом — такие тупые, что не смогли этого сделать.

Это была вечеринка месяца — с учетом того, что родители Пенси отправились на какой-то министерский саммит, можно было делать всё, что в голову взбредет. А Драко всегда обожал вечеринки. Но это был тот, ста-

рый Драко — тот, с которым Блез выросла. Сейчас же он стал другим, чужим. Незнакомым.

Она вспомнила, как влажным августовским вечером — из тех вечеров, когда пот заливает глаза, — Драко пришел в её дом. Она нехотя откликнулась на звонок и пошла к двери сквозь рой крошечных вентиляторов, безуспешно пытающихся охладить раскалённый воздух. Распахнув её, она онемела: там стоял Драко Малфой.

Сколько хогвартсовских девушек грезили об этом? Перед ней стоял Драко Малфой — в джинсах и белой майке, обтягивающей его худощавый жилистый торс, в глазах поблескивали искорки лунного света. в довершение, он держал перевязанный лентой букет роз с бледно-желтыми лепестками. Лепестками цвета свежееотчеканенных галлеонов.

Блез откинула мокрую от пота прядь и замерла. в голове крутился рой потенциальных острот. Она сказала первое, что пришло ей на ум:

— Если тебе нужен дом Гойла, то он дальше по улице. Второй за поворотом.

— Последний раз, когда я дал Гойлу цветы, он их сожрал, — на лице Драко не дрогнул ни один мускул.

— Что же ты тут делаешь, Драко?

Он улыбнулся ей. От этой улыбки, полной ангельской злобности и плотоядного озорства, у неё всё внутри перевернулось. в ней прозвучал безмолвный намек на шелковые ленты, карамель и бесконечные ночи, пропитанные потом страсти.

— Я пришел дать тебе денег.

Он протянул ей цветы, и она приняла их. Несколько лепестков осыпались золотистым дождем — и обратились в золото, ударившись об пол. Золотые галлеоны покатались к её ногам.

Блез крутанула в пальцах обнажённый стебель, лишившийся былой красоты.

— О чём это ты, Драко?

— У меня есть для тебя предложение, — пояснил он. — Я могу войти?

Она посторонилась, пропуская его в прихожую. Проходя мимо, он мимолетно коснулся её и, войдя, построил насмешливую мину, опустив глаза к своей промокшей от пота и прилипшей к телу майке. Блез мысленно благословила душный жаркий вечер.

— Тут жарковато, — заметил он.

— Мы сейчас не можем позволить себе Охлаждающих Заклятий, — напрямик ответила она.

— Что ж, — губы Драко дрогнули в кошачьей улыбке. — Это теперь не должно больше тебя волновать.

Он поддразнивал и провоцировал её, получая от этого удовольствие. Они посплетничали о слизеринцах, посмеялись над гриффиндорцами и заключили сделку, скрепив её рукопожатием. А потом он поцеловал её в саду, среди засохших розовых кустов.

Она сохранила и сберегла воспоминание об этом: Драко Малфой не кидался поцелуями каждый день.

На самом деле, в их соглашении поцелуи оговорены не были. Он целовал её иногда. Они часами просиживали вместе в комнате, чтобы сделать их связь более убедительной для окружающих. Он, по большей части, занимался в это время домашним заданием, а она смотрела на него. Он был прекрасным студентом — аккуратным, внимательным, схватывающим на лету, выполняющим необязательные дополнительные исследования только из интереса. Аккуратные строчки выбегали на пергамент из-под его пера, он работал, не обращая на Блез внимания. в редкие минуты, когда он замечал её, он был с ней вежливо-прохладным. Никакой нежности.

Растянувшись на его кровати, она наблюдала, как он пишет. Или смотрит в окно. Или заказывает одежду из магазинов Диагон-аллеи. Иногда он примерял одежду — она говорила, идет она ему или нет, — последней, честно говоря, случалось очень редко. Эти маленькие просьбы доставляли ей удовольствие, — казалось, они сближали их: ведь он бы не спросил её мнеч-

ния, не будь оно важно для него? Только потом она осознала, что он никогда не прислушивался к её советам: он оставлял то, что ему нравилось, и отсылал обратно то, что не приходилось ему по вкусу, — он улыбался ей, но никогда не слушал её по-настоящему.

Иногда они делали и другие вещи. Долгие часы наедине в его комнате — что-то непременно должно было произойти. И иногда происходило. Он был довольно сговорчивым, однако никогда не проявлял чрезмерного энтузиазма. Она познала изгибы и линии его тела, запомнила его бледную кожу со шрамами в нескольких местах: в виде полумесяца — под глазом, зубчатый — на левой ладони, серебристое, словно выжженное, сияние вдоль предплечья... Ей нравились его тонкие изящные ключицы, пушистые виски, она знала все чувствительные точки на его запястьях, знала, как бьётся жилка у него на щеё, когда он целует её, знала, как опускаются его ресницы, когда он закрывает глаза — значит, ему нравилось то, что она делала... Он прятал лицо, закрывая растопыренными пальцами глаза; иногда она останавливалась, чтобы сказать «Посмотри на меня, Драко...» — он убирал руки, садился — и на этом всё заканчивалось.

Он никогда не склонял её к физической близости и, когда она прекратила дарить ему себя, он этого словно даже не заметил. Она чувствовала, что он был внутренне рад, что она не навязывается и больше не предлагает себя: ему не приходилось давать ей от ворот поворот — это было бы неловко, а Драко ненавидел неудобные и неловкие ситуации. Она пребывала в изумлении: Драко не был похож на парня, не интересующегося девушками, его тело немедленно откликалось на её прикосновения, на положенные ему на плечи руки — откликалось, как откликается тело любого семнадцатилетнего юноши, но его разум... он витал в каких-то облаках, он был где-то далеко...

Именно так и было — он отсутствовал, он всегда отсутствовал. Она обратила внимание на то, что он стал другим, он постоянно менялся, это замечали и другие слизеринцы, но она, проводившая с ним так много времени, видела это, как никто другой. Он изменился. в нем еще оставались его бывшее высокомерие, остроумие и блестящая язвительность, но язвительность стала не такой изящной и рискованной, а остроумие притупилось, словно стеклянный кинжал стал серебряным ножом.

Прошло еще несколько недель, прежде чем, она поняла причину происходящих в нем изменений. в октябре Флитвик, кажется, — если она всё правильно помнит — наложил на Драко взыскание за использование на уроке Прозрачного Заклинания *Vestatum*, которое Драко применил к Невиллу Лонгботтому — все тогда увидели куда больше Лонгботтома, чем это было необходимо.

За это Драко было назначено недельное домашний арест и ежедневная уборка в классе в обеденное время.

Ей пришло в голову, чтоб неплохо бы принести ему чего-нибудь поесть: наверное, так и должна была поступить настоящая подружка. Это бы укрепило все познания относительно их взаимоотношений. Во всяком случае, именно так она себе и твердила, заворачивая сэндвичи в салфетку и поднимаясь вверх, к классу Заклинаний, на третий этаж.

Она сама не знала, что заставило её не сразу распахнуть дверь, а заглянуть внутрь сквозь зарешеченное окошечко — возможно, то, что она знала, что Драко не переносит сюрпризов, особенно, в её исполнении. Однако, на этот раз сюрприз был преподнесен ей. Драко и, правда, был в классе, он вытирал доску — методично, уныло, лениво, чуть отстранившись, чтобы не испачкать мелом свою дорожную зеленую рубашку. Но он был не один. у него за спиной на столе сидел Гарри Поттер — жестикулируя, что-то рассказывал; его лицо было оживленным и веселым, он размахивал руками и смеялся. Это выглядело очень странно. Блез лихорадочно порылась в памяти, пытаясь сообразить,

не было ли Флитвиком наложено взыскание и на Поттера, когда последний вдруг спрыгнул со стола и ткнул Драко указательным пальцем в грудь. Это был вовсе не враждебный жест: напротив, он был полон дружеского расположения и задора, он словно говорил «а ну-ка, посмотри на меня».

Драко стряхнул его руку — с такой улыбкой, что у Блез подогнулись колени. в этой улыбке не было ни злости, ни жестокости, ни тайной насмешки — ей и в голову не приходило, что Драко Малfoy может ТАК улыбаться. Потом он поднял тряпку, которой вытирал с доски, и швырнул её в голову Гарри.

Через несколько минут Блез оторвалась от этой картины и, совершенно раздавленная, поплелась в слизеринское общежитие. Она была дочерью Пожирателей Смерти. За свои шестнадцать лет она повидала немало, но ничто в жизни не произвело на неё такого впечатления, как Гарри Поттер, пишущий осколком мела на спине фирменной рубашки Драко Малfoя «Поцелуй меня, я богач». И реакция Драко — он не проткнул Поттеру глотку своей палочкой, а вместо этого расхохотался, словно и, вправду, нашел такой поступок забавным.

Насколько Блез могла понять и догадаться, это могло означать только одно: они занимаются друг с другом сексом.

Блез была девушкой светской, почитавшей на своем веку книг и разбирающейся в Некоторых Вещах. И теперь сразу всё становилось понятным: почему Драко, один из самых желанных парней в школе, готов платить девушке деньги, чтобы та делала вид, что встречается с ним; почему девушка Поттера до сих пор оставалась ему Просто Другом — это была всего-навсего уловка, чтобы скрыть свои порочные страстишки.

Провалявшись в оцепенении несколько часов в постели, Блез решила, что, тем не менее, это все же не худший вариант. в конце концов, это же просто трясающая сплетня, какой никто не слышал с тех пор, как директор Диппет был уволен со своего поста из-за слухов о его незаконных делишках с кальмаром, живущем в озере. Кальмару позволили продолжать свое существование. Просто не нашлось охотников связываться с пятидесятифутовым чудовищем.

Но нет, теперь все было куда лучше: Гарри Поттер и Драко Малfoy! Определенно, в этом что-то было: Поттер, конечно, был идиотом, любителем этих отвратительных гриффиндорских грязнокровок, однако уродом его назвать было нельзя. в нем было все — и лохматые черные волосы, и жилистое гибкое тело, и рысьи глаза, то холодные, то горящие зеленым костром, когда он злился. Вельветовые спортивные штаны, в которых он играл в квиддич последние два года, протерлись и продырявились в некоторых интересных местах и были объектом особо пристального внимания женского населения школы во время скучных игр. Честно говоря, она все время думала, что Поттер не из тех, кто в своей жизни уже занимался сексом... Но, видимо, она обманывалась в своих предположениях.

В конце концов, снедаемая невыносимым, порочным любопытством, она позаимствовала мантию-невидимку Пенсии, и начала всерьез следить за Драко. Узнай Драко, что она не спускает с него глаз, он бы её убил, но сейчас, в этом лихорадочном затмении, ей ни до чего не было дела: она должна была всё знать. Она хотела всё знать наверняка.

Она кралась за ним после тренировки по квиддичу — он вечером занимался в библиотеке, а потом отправился на Астрономическую башню...

Посмотрел на звезды и спустился вниз.

Все это было очень странным.

Слежка принесла определенные плоды: между ним и Поттером, и впрямь что-то было: они старались побыть вместе каждую свободную минутку. Они вместе занимались. Фехтовали. Когда Драко получил на экзамене по зельям сто десять процентов, он похвастался Гарри. Тот в ответ сказал что-то язвительное, и

Драко пнул его в голень. Когда Гарри обзавелся модернизированной моделью метлы, он пришел и продемонстрировал её Драко. Тот в ответ тоже сказал что-то язвительное, на что Гарри затолкал в карман Драко бумагу, в которую метла была упакована. После этого Драко взял и выкинул метлу в окошко. Пролетев несколько этажей, она приземлилась на жалобно взмывавшую миссис Норрис. Драко взорвался хохотом, и Гарри оттащил его от окна.

Где-то в это время Блез узнала, что Гарри Поттер также является обладателем мантии-невидимки.

Но они никогда не прикасались друг к другу — в ТОМ смысле. Им было легко и спокойно друг с другом, Блез раньше не замечала такого у мальчишек. Когда однажды, занимаясь, Гарри уснул в библиотеке, Драко взял его перо и с выражением ликования и безумной радости на лице исписал всё его предплечье похабными выражениями. Когда Гарри хотел, чтобы Драко умолк, он просто закрывал ему ладонью рот. Так что — да, они прикасались друг к другу: толкались, дёргали друг друга за шиворот, таскали друг у друга записки, ели с одной тарелки — словом, в их поведении не было ничего, что могло бы подтвердить эту оскорбительную сплетню.

Блез расстроилась: она не могла классифицировать их отношения, не могла понять их. Если он спит с Поттером — это одно. Да, несколько странно, — и, тем не менее, это можно понять: Гарри великолепен, а этими глупыми мальчишками, как правило, движут гормоны. Но, судя по всему, всё куда серьезнее. И, коль скоро это куда серьезнее, то, похоже, тут попахивает ошибкой Драко. Осознанным решением. Предательством.

И Блез, словно одержимая, стала следить за ними и на людях — но на публике они были прежними, брутальными и жесткими в отношении друг друга. Эта демонстративная пародийная враждебность казалась ей странной — словно она наблюдала, как кто-то уродует безобразным граффити прекрасную картину. Она могла только гадать, как они всё это выдерживают.

Однажды, во время Зелий, она вдруг заметила, как Драко улыбнулся, уставясь в стол, словно ему пришло на ум нечто забавное. Она бросила привычный взгляд в сторону Гарри, сидящего в другом конце класса, — и была поражена: тот улыбался точно так же. Они не смотрели друг на друга, у них не было явных причин для веселья... в следующие дни она все чаще и чаще замечала их одновременную реакцию... определенно, если бы такое было возможно... но нет, этого не бывает: не могут же они заглядывать в разум друг друга.

Она боялась сойти с ума, эта огромная тайна распирала её. Возможно, ей стоит сказать Драко о том, что она всё знает. Конечно, он мог за это свернуть ей шею... — и, тем не менее, она уже почти решила, когда поняла, что не является единственным человеком, который в курсе происходящего.

...Начался урок Заклинаний, все уже заняли свои места, когда в класс в смятении вбежал Колин Криви и громким шепотом сообщил профессору Флитвику, что Гарри Поттер пропустит урок, потому что получил травму на тренировке по квиддичу и сейчас находится в лазарете.

И тут мгновенно произошли два события. Блез метнула быстрый взгляд на развалившегося за своим столом Драко. Он едва шевельнулся, но начал бледнеть на глазах и стиснул руку с такой силой, что острие пера впилось ему в ладонь. И тут она заметила, что кое-кто ещё сделал то же, что и она: Рон Уизли повернулся и уставился на Драко, на что последний метнул в него яростный взгляд и почти незаметно мотнул головой — и Рон, кусая губы, сел ровно.

Блез не успела удивиться, как открылась дверь, и вошла Гермиона Грейнджер. Она что-то негромко сказала профессору и двинулась на свое место рядом с Роном. Когда она проходила мимо, её сумка задела стол Драко и сшибла на пол его книгу.

— Грязнокровка криворукая, — прошипел Драко.

Гермиона с яростью взглянула на него:

— Кретин, — она громко хлопнула поднятой книгой об стол и, тряхнув волосами, пошла на свое место. Только тот, кто пристально — как Блез — наблюдал за ними, мог бы заметить, что между страницами книги теперь появился клочок пергамента, которого ранее там не было.

Позже она забралась в сумку Драко и нашла записку, которая гласила: «С Гарри всё хорошо, он просто сломал запястье, выпендриваясь в полете. в лазарет не ходи, там сейчас полно народу. И насчет страниц в учебнике по Защите ты ошибся — четырнадцатая, а не одиннадцатая. с тебя сливочное пиво. с любовью — Гермиона».

С любовью — Гермиона?!

Смятение Блез обратилось в кипящую горечь. Теперь, глядя на Драко и Гермиону, она увидела, как они смотрят друг на друга, как он смотрит на эту отвратительную унизливую сестрицу, — и она поняла, что это совсем не то, что она себе напридумывала, — это был жуткий, грандиозный гриффиндорский заговор. Словно им мало того, что шесть лет подряд они выигрывают Кубок Школы! Теперь они хотят украсть у их факультета Драко Малфоя! Драко — самого лучшего из них, самого умного и красивого, который всегда давал слизеринцам повод для гордости, хотя они и оставались без этого чертового Кубка школы по квиддичу.

Мысль об этом была ненавистна, с этим невозможно было смириться, невозможно было понять и, вертясь ночью в кровати, мучаясь от бессонницы, она вдруг осознала, что это куда больше, чем просто позор для факультета, куда больше, чем ужас, ожидающий Драко, когда остальные слизеринцы сообразят, что к чему. Куда больше, чем гнев Пожирателя Смерти.

Мягкость, появившаяся у Драко в последние месяцы, — это была не просто мягкость; он потускнел и затупился, это мог заметить любой, кто по-настоящему знал Драко. Мечтательность в глазах, улыбка без намека на былую жестокость, голос, лишившийся своих металлических ноток. И все это было потому, что он любил их. Он, Драко Малfoy, никогда никого и ничего не любивший, — ни человека, ни место, ни предмет — он любил.

Но не её.

А ведь она всегда оправдывалась именно тем, что он просто не способен полюбить, — и вот, теперь она точно знала, что это не так. Они изуродовали его собственной гуманностью, они испакостили её прекрасного ледяного принца, — теперь он стал таким же, как и они, таким же, как и все остальные. Да, и к тому же — он не хотел её. Она больше не верила ни в него, ни в свой факультет — она больше не верила в то, что совсем недавно казалось ей важным.

Все, что лежало в основе её взглядов и убеждений, враз рассыпалось пылью. И пыль эта была бледно-зеленой — цвета глаз Гарри Поттера.

Блез полуприкрыла глаза, но её задумчивость продлилась не долго. Кто-то с криком ломился в дверь ванной комнаты. Блез поднялась и, заправив за уши волосы, открыла дверь.

Миллисент Буллстроуд, одетая в юбку-хула и бюстгальтер из половинок кокосовых орехов, ввалилась в ванную, сжимая бутылку Архенского вина.

— Блез, — простонала она, валясь на холодный мраморный пол, — меня сейчас стошнит...

Губы Блез дрогнули в насмешливой улыбке.

— Давай-давай, это только украсит эту кошмарную ванную.

Она перешагнула через Миллисент и присоединилась к остальным слизеринцам, развлекающимся на вечеринке.

* * *

— Джинни, — наконец произнес Симус, и она снова вздрогнула: голос, такой тихий, такой знакомый,

с этим ирландским акцентом... — сейчас он показался ей совершенно чужим. — Здорово, что мы снова увиделись?

Джинни инстинктивно подалась назад и нервным жестом нащупала браслет.

— Симус, мы же виделись с тобой днем...

— Правда? — его улыбка стала шире, наполнилась каким-то непонятным весельем. — А у меня такое ощущение, будто это случилось полвека назад.

Она смотрела, как он идет к ней через комнату. у неё в голове все шло кругом: он на неё сердится? Он пьян? Нет, она не могла себе представить, чтобы Симус напилась.

— А мне показалось, что ты вечером собирался домой... Ты не опоздаешь на поезд?

— Спешешь отделаться от меня? — теперь он стоял прямо перед ней, и ей пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть на него, но тут, испугав её своей стремительностью, он буквально рухнул на колени рядом с ней, их лица теперь находились на одном уровне. — Впрочем, теперь это неважно.

— Симус... — она сама услышала неуверенность в своем голосе. Волоски у неё на руках и затылке встали дыбом.

— Все в порядке, — в его голосе была странная нежность. Вернее, что-то, внешне напоминающее нежность, но ею вовсе не являющееся. Она знала этот тон, но не могла понять, откуда. Вытянув руку, он нежно коснулся её волос на виске.

И на это легкое прикосновение её кожа взорвалась мурашками. Её глаза в изумлении распахнулись сами собой — она никогда так не реагировала на прикосновения Симуса. Никогда.

— Всё в порядке, — тем же самым странным тоном повторил он, и губы его дрогнули в пренебрежительной усмешке. — Я просто хотел попрощаться с тобой. Ты не поскупишься на прощальные слова для меня, а, Джинни?

От его руки у неё мерзла половина лица.

— Зачем ты продолжаешь звать меня по имени?

Его пальцы соскользнули с её лица, двинулись вдоль плеча.

— Возможно... Джинни, дорогая, — тихо сказал он, — возможно, ты вовсе не такая чувствительная, как могла бы быть... — он стиснул её руку. — Поди сюда... — и он резко дернул её к себе. Застигнутая врасплох, она почти упала на него — он только того и ждал, легко подхватив её в свои объятия и прижав к себе, как страстный возлюбленный. Но голос, шепчущий ей на ухо эти слова, был таким же холодным и безжизненным:

— Ты искала меня. Все эти годы я помнил тебя. Ты ускользнула от меня. Ты единственная, кому это удалось, — он еще сильнее прижал её к себе и ущипнул уголок её губ. Это был не поцелуй, это был укус. Она почувствовала металлический привкус во рту. Но не попыталась отстраниться или вырваться. — Я поклялся себе, что пролью твою кровь, и теперь я знаю её вкус, — прошипел он ей на ухо, облизываясь. — Вкус твоей чистой волшебной крови.

Джинни не шелохнулась. в ушах у неё жужжало, ей казалось, что сейчас она рухнет без чувств. И еще, ей было страшно, — но страх этот словно стоял за стеклянной стеной и всё, что она чувствовала сейчас — это его цепкую хватку на своих плечах и биение его сердца почти у себя в груди.

— Том, — произнесла она. — Ты — Том.

— Кто же еще? — в этом был смысл, если не обращать внимания на безумство самой ситуации.

— Ты собираешься убить меня, — у неё не было сил даже на то, чтобы это прозвучало, как вопрос.

Он замер на миг. Он был Симусом — то же легкое мускулистое тело и руки, тот же кукурузный шелк волос, пахнувший мылом и мальчишкой. Но мягкий голос под этим акцентом был голосом Тома. И его глаза были тоже глазами Тома — глаза, наводящие на воспоминания о котлах, полных извивающихся змей.

— Да, — кивнул он. — Ведь ты не покинешь меня, правда? не покинешь, после стольких-то лет ожидания?

— Нет, я не покину тебя, Том.

Она почувствовала щекой, что он улыбнулся.

— Хорошо, — он стиснул её запястье и начал пригибать её к полу, пока она не легла на спину. Он присел над ней, распластанной на холодных камнях, отделённых от неё только тонкой ночной рубашкой. Рука заныла под его пальцами, закрывая на браслете впилась в кожу. Он был левшой. в отличие от Симуса. И сейчас, глядя ему в лицо, она за чертами Симуса видела лицо Тома: глаза, наполненные синими чернилами, узкий, словно бритвенный, разрез рта... И за синими глазами Симуса был Том — умный, переполненный ядом, скользкий, как черная стеклянная стена, — единственной лазейкой, слабостью его было высокомерие. Он без оглядки верил в её готовность лечь и умереть ради него — только потому, что он просил об этом, только потому, что он был Томом, и все всегда выполняли его желания.

— Огонь, — произнесла она. — Горячо. Мы слишком близко к огню.

— Это ненадолго, — ответил он, улыбнувшись ртом Симуса. Золотистые волосы упали ему на глаза, когда он навис над ней. Он провел костяшками пальцев правой руки вдоль её ключиц, вдоль воротника — он словно восхищался стеклянной статуэткой, которую собрался разбить. — А ты сговорчивая... За это я убью тебя быстро.

— Как ты попал сюда, Том? Как ты добрался до меня?

— Это ты вызвала меня, — ответил он, по-хозяйски поглаживая её. — Твои слезы и моя кровь. Симпатическая магия, припоминаешь? Именно об этом мы и говорили, когда ты много лет назад шпионила за нами. Ты ужасно скучала по мне, Джинни. Ты хотела, чтобы я вернулся обратно... — его рука нырнула за ворот её рубашки, и Джинни, яростно впившись в свою губу, с трудом сдержала неумное желание отпрянуть от него. — Правда? — прошипел он.

— Всегда, — подтвердила она.

— Ты говорила мне, что никогда еще не целовалась с мальчиками... — ленивая улыбка появилась на его губах. — Это всё ещё соответствует действительности?

— Никогда... никто не имеет значения. Том...

Он уже нагнулся к ней, его губы скользнули вдоль её щеки, подбородка — к губам. Это напоминало прикосновения горящих крыльев бабочки — легких, опаляющих. Его губы прильнули к её рту — она почувствовала на них вкус собственной крови. Она выгнулась под ним, её плечи расслабились и опали, — он узнал этот жест подчинения, в его глазах появилось темное веселье.

Он подался назад, выпустив её запястье, его руки двинулись к её плечам, чтобы положить её поудобнее, и, лишь только он сделал это, как она вытянула руку, сунув её в самое сердце огня. Боль пронзила её главным криком, но это не имело значения: самым главным было то, что заколдованный браслет на запястье оказался в пламени, и все заклятья были в миг активированы.

Это было подобно взрыву. Нескольким взрывам. Сила мощных, разом активированных заклинаний, раскидала их в разные стороны, отшвырнула в сторону Тома, перекувырнула Джинни. Яркие разноцветные огни заплескали в комнате, придав всему вокруг карнавальным вид. Что-то зазвенело, откуда-то донеслась нестройная, режущая ухо музыка, почти оглушив её. Воздух наполнился летающими предметами: птицами, тарелками, мебель, серебряные стрелы... — пытаюсь уползти, Джинни видела, как Том старается устоять на ногах — но боль в руке была так сильна... и что-то черное метнулось к ней из камина. Голова взорвалась болью, и свет померк перед её глазами.

* * *

— Это пахнет, как грязь, — Драко мрачно смотрел на стакан с мутной жидкостью, который мадам Помфри поставила на его тумбочку.

Благословенное утреннее солнце заглядывало сквозь полукрытые окна, золотая голова Драко и укорявшая искорками стакан, — хотя, возможно, дело было просто в том, что сегодняшним утром Гермиона всё казалось чудесным.

Она зевнула и потерла кулаками глаза.

— Да, ужасно. Выпей.

Драко взял стакан и вздохнул.

— Конечно, я понимаю, было бы чудесно — надеяться, что противоядие на вкус будет как ChateauHauteBrion урожая 1982 года.

— Слушай, какой же ты испорченный, даже не знаю — удивляться этому или ужасаться.

— Знаешь, — неожиданно заметил Драко. — Мне кажется, мадам Помфри на меня запала.

— Что? — вытаращила глаза Гермиона.

— Точно-точно. Она продолжает делать мне перевязки на те места, которые вовсе в перевязках не нуждаются. Бедная женщина обезумела от страсти. Но никто не посмеет обвинить её...

— Драко, это просто очевидная попытка отвлечь меня. Пей свое противоядие.

— Оно невкусное, — жалобно пискнул он, печально сгорбившись.

— Ты даже не попробовал.

— Оно подозрительно пахнет и по виду напоминает грязь.

Гермиона поднялась на ноги.

— Драко Малфой, — начала она вкрадчивым, тихим голосом, не предвещающим ничего хорошего, — я сегодня с трех утра беседовала с профессором Снейпом о твоём противоядии. Я совершенно точно знаю, как часто ты должен принимать его, и что случится, если ты этого делать не будешь. И еще — я ужасно устала и здорово раздражена. И если ты не примешь противоядие прямо сейчас, Я ПОДКАРАУЛЮ ТЕБЯ И ПОБРЕЮ НАЛЫСО! ЯСНО?

Гермиона выдохнула и скрестила руки на груди. К её величайшему разочарованию и раздражению Драко расхохотался.

— Ты такая классная, когда бесишься.

— Только позаигрывай со мной — и я вылью бутылку Костероста тебе на голову. Поглядим, каким классным будешь ты, когда твоя голова раздуется, как надувной мячик.

— Мне и так кое-кто говорит, что она у меня уже распухла, — возразил Драко, поднося стакан ко рту.

Гермиона подавила улыбку.

— Молчи. И, пожалуйста, пей свое противоядие.

К её удивлению он и впрямь осушил стакан и, откинув его в сторону и обхватив руками живот, простонал:

— Фу...

Гермиона потянулась за стаканом, сочувственно поглажив Драко по голове. Волосы у него были мягкие и шелковистые, они так и льнули к пальцам.

— Противно, да? — спросила она.

Он распрямился. Его лицо было перекошено, губы сжаты, как от боли, но голос, как всегда, был легким и спокойным.

— На вкус напоминает корицу с сахаром. Если ими посыпать старый башмак и добавить баночку бубонтоберовского гноя. И как часто я должен это принимать?

— Три раза в день.

Драко застонал и в трагической позе растянулся на подушках. Гермиона постаралась не обращать внимания на то, что когда он сделал это, рубашка задралась, обнажив его торс. Он здорово похудел — торчали ребра, пиджамные брюки свободно болтались на бедрах. Она надеялась, что это частичное противо-

ядие остановит резкую потерю веса, а за это время, глядишь, будет найдено и настоящее противоядие.

— Жжется, — раздраженно сообщил он. — у меня, вообще, низкий болевой порог. Наверное, даже вовсе нет никакого порога — сразу маленькая, но мило укорявшая приходя.

Гермиона, решив, что терпимость тут не поможет, скорчила в ответ рожу:

— Если тебе становится лучше, когда ты корчишься и жалуешься, — корчись и жалуйся в полное свое удовольствие. Но если я узнаю, что ты не принимаешь противоядие, я тебя убью.

Драко перевернулся на живот и миролюбиво усмехнулся:

— Это объяснение представляет собой логическую ошибку.

— Я переживу. И перестань хлопать ресницами — этот жалобный щенячий вид действует только на Гарри. Снейп сказал, что ты встанешь — значит, ты встанешь. на ноги.

— А я-то думал, что ты пришла сюда, чтобы внести чудесную женственную нотку во все эти мероприятия и процедуры, — горестно пожаловался Драко. — Гладить мой горячий лоб, прикладывать ко лбу влажные тряпочки...

— Снейп сказал, что противоядие подействует быстрее, если ты будешь двигаться, и кровь будет живее бегать по твоим жилам, — перебила его Гермиона. — Так что давай, поднимайся, Драко, или же мой чудесный женственный ботинок сейчас войдет в контакт с...

— Как всегда, ссора... понятно, — заметил почти бесшумно возникший в изголовии кровати Снейп. — Мисс Грейнджер, он принял противоядие?

— Да, — кивнула Гермиона, мелком удивившись забавности этой ситуации: они со Снейпом союзники. — Поныл немного, но выпил.

— Сядь, Драко, — велел Снейп, — и дай мне взглянуть на тебя.

Слегка удивленный, Драко свесил ноги с кровати и сел. Гермиона присмотрелась к нему — может, он уже стал выглядеть лучше? Пожалуй, ничего не изменилось — ну, разве что щеки стали порумянее, но на это могли быть и другие причины.

Снейп наклонился над Драко, словно изучая, что же выросло в чашке Петри. Наконец, он удовлетворенно откинулся, сложив руки.

— Будут наблюдаться побочные эффекты, — сообщил он.

— Я и не думаю, что это случайно окажется способностью дирижировать французскую оперетту, — несколько печально заметил Драко.

— Нет, — отрезал Снейп. Гермиона удивилась такому поведению Драко: Снейп обладал куда меньшим чувством юмора, чем Вольдеморт, который, согласно различным сведениям, мог иногда злобно покуражиться. — Ты должен быть очень осторожным, Драко. Пока я занимаюсь восстановлением твоей физической деятельности, ты должен быть очень аккуратен с деятельностью психической. Прошу тебя — сведи к минимуму всё своё волшебство. Противоядие будет мешать проявлению твоих магических способностей, особенно дару магии. Я бы предпочел, чтобы ты вовсе не занимался магией без палочки. Что касается телепатии...

Драко резко вскинул голову.

— Я не смог дотянуться до Гарри вчера вечером. Я пытался...

— Так перестань пытаться, — перебил его Снейп, но что-то вспыхнуло у него в глазах, и Гермиона по непонятной ей самой причине вдруг ощутила болезненный ледяной укол паники. — Я не вижу смысла растрачивать твою энергию, чтобы стараться пообщаться с Поттером, который, несомненно, всё ещё спит у себя в общежитии. Ты должен сосредоточиться на том, чтобы сохранить свои силы...

— Спасибо, профессор, — ответил Драко. — Я очень ценю вашу заботу.

— Да, и сходите пройтись. Сегодня весьма приятное утро.

Драко с Гермионой взглянули на него с удивлением — они отродясь не слышали от Снейпа слова «приятное», у Гермионы даже мелькнула мысль — а не случилось ли с ним чего-нибудь: казалось, он всеми силами пытается отвлечь Драко...

Фыркнув и, тем самым прервав её раздумья, Снейп унесся в вихре чёрной мантии.

Драко поднялся на ноги.

— Ты не задернешь занавески, а? — попросил он, скидывая с себя пижамную рубашку.

Гермиона охнула и отступила, поспешно задергивая занавески, однако образ Драко — без рубахи, с расстегнутыми пижамными штанами — он намертво впечатался в её память.

Он болен, — тут же напомнила она себе. Несомненно, это все из-за того, что в её разуме беспокойство и настоятельное желание позаботиться о нём смешались в какое-то странное и неправильное чувство...

Из-за занавески, одергивая поверх черных штанов свой белый свитер, возник Драко.

— Мне нужна расческа, — пробормотал он, — никак не могу её найти...

— Мы же собираемся пойти разбудить Гарри, правда? Попросишь у него.

— А что — у него есть расческа?

Гермиона показала Драко язык.

— Мне кажется, у тебя и без того с волосами все в порядке.

Она и, правда, так думала: волосы выглядели слегка взъерошенными. Она была уверена, что эта взъерошенность расстраивает Драко.

— Ты сам расскажешь Гарри или я? Он будет так счастлив.

— Значит, считаешь, что с моей прической все в порядке?... О, уверен, он будет сражен наповал.

— Да я о противоядии, дурачок! Или ты... Ты уже говорил с ним?

— Нет, — покачал головой Драко. в глазах его застыло легкое беспокойство. — Я не мог дотянуться до него с того момента, как проснулся утром. Может, он спит? Я, вроде бы, помню, что он был тут вчера ночью... Ты видела его?

— Нет, я думала, он помогает Снейпу.

— Ну, может, мне это приснилось, — пожал плечами Драко. — Да, ладно. Думаю, ему захочется узнать новости, — по его губам промелькнула улыбка, настоящая, но такая мимолетная, словно он тут же спрятал её. — Он ведь будет счастлив, правда?

Гермиона потом не раз вспоминала эту улыбку, гадая, увидит ли она когда-нибудь снова Драко улыбающимся.

— Ну, конечно, будет, — кивнула она. — Ты совершеннейший идиот.

— Ты посмотри, кого ты называешь идиотом, Грейнджер.

— Ладно, Малфой. Пошли.

* * *

За окнами поезда мелькал мирный пейзаж. Горы уступили место холмам, холмы — равнине, утыканной местами деревьями и маленькими городишками. Снег уже сошел, хотя лед ещё поблескивал на оконных решетках и ветвях деревьев.

Гарри смотрел в окно скорого поезда, отправившись в путь из Хогсмиды, и старался не думать. Его самого удивляло, что он так долго бодрствует. Он растянулся на холодном сиденье, подложив рюкзак под голову, пытаясь заснуть, но, вместо этого, всё таращился и таращился в окно. Наверное, это из-за того, что в вагоне было холодно. И ещё его беспокоил шрам на руке — он ныл так, словно был свежим; опустив глаза к ладони, он не удивился бы, если бы увидел кровь, — но нет, рука была чистой и выглядела совершенно обычно.

Шрам перерезал все эти знакомые линии и завитки на ладони... жаль, что он никогда не обращал внимания на такой раздел Прорицания, как Хиромантия...

Дверь в купе скользнула и отодвинулась — Гарри ожидал увидеть проводника или ведьму, развозящую закуски, но это был Рон.

«Нехорошо как-то получается...» — подумал Гарри.

Рон вошел и сел напротив. Сел и взглянул на Гарри — очень по-мальчишески, насторожено, словно готовый к обороне. Он был таким же, как раньше, — разве что чуть худее. Синие глаза и синие же тени под ними. Серый свитер грубой вязки, вельветовые штаны.

— Я просто подумал, что раньше ты никогда не ездил на поезде без меня. Правда?

— Верно, — согласился Гарри.

— Ну, и как?

Гарри снова взглянул в окно. Темнело, и на стекле появилось его собственное отражение. Бледное лицо, зеленые глаза, спутанная проволока черных волос. Никакого шрама. Никаких очков — на станции в Хогсмиде он наложил заклятье на свои глаза.

— Одиноко, — ответил он.

— Забавно, — откликнулся Рон. — Мне и в голову не могло прийти, что ты можешь чувствовать себя одиноким. Мне всегда казалось, что всё, что нужно, у тебя всегда под рукой. И все, кто угодно. Все хотят быть с тобой, смотреть на тебя, — я и представить не мог, что со всем этим вниманием ты можешь быть одинок. Я в том смысле, что герой не может быть одинок — иначе кто о нем узнает?

— Не стоит рассказывать об этом публике, — ответил Гарри. — Но я одинок. Когда на четвертом курсе ты перестал со мной разговаривать, половину всего этого срока меня снедало желание умереть. А вторую половину мне хотелось тебя убить. Но никто не хотел об этом слышать — это не из того, чем интересуются репортеры. Им интересны истории про моих погибших родителей, про то, с кем я встречаюсь, где покупаю свою одежду, какие у меня планы в отношении Вольдеморта...

— Хочу заметить, что ты не опроверг мои слова.

— Какие?

— Я назвал тебя героем. А ты не сказал — нет, это не так.

— Это же мой сон... в нем я могу говорить все, что мне нравится, — возразил Гарри. — Думаю, я могу сказать, что так оно и есть.

Рон откинулся на спинку сиденья, положив руки на колени. в действительности они, возможно, были бы наполнены шоколадными лягушками, картами для подрывного дурака, мешком лимонных долек — половина которых была бы тут же у Гарри на коленях... Но сейчас его руки были пусты.

— Это все из-за Малфоя. Забавно, что именно он научил тебя быть тем, кем ты в действительности являешься.

Гарри вспомнил Драко на вершине башни: «Это выбор для настоящего героя: твои друзья и все остальное». И он не возразил этому, не заспорил.

— Рон, а почему ты тут? не то, чтобы я не рад тебя видеть... Я о том, что я скучаю по тебе, но если ты видишься мне — на то есть какая-то причина... Особенно сейчас, когда мы больше не друзья...

— Может, твой разум тебе подсказывает, что ты должен послушать меня... не знаю, зачем, почему... Ведь ты никогда никого не слушал — в этом твоя проблема. Ведь ты никому не доверяешь по-настоящему. Вспомни Второе Задание. Ты думал спасти всех из озера, не веря, что Дамблдор не позволит утонуть студентам. Я бы сказал, что ты тупой, но все куда хуже — ты просто никому не веришь.

— А с чего бы я должен верить? Суди сам: тебе я верил, и вот что из этого вышло.

— Ты не верил мне по-настоящему. И Гермионе тоже никогда не доверял до конца. Взгляни, как ты прячешься от неё. Я думал, ты доверяешь Малфоя, но подзреваю, что и это не так. не то, чтобы я волновался...

Но то, что ты сделал, почти убьет его — ну, и пусть. Гермиона прочная, она выдержит. Но не Малфой.

Гарри прищурился.

— Так, значит, теперь ты — голос моей совести... А, я и не знал, что она звучит так... старомодно-викториански. Слушай, я знаю, что поступил правильно. Но это вовсе не значит, что у меня совсем нет сомнений. Все задают вопросы о том, как и что они сделали... Но и Малфой, и Гермиона не пропадут без меня.

Рон покачал головой.

— А тебе никогда не приходило в голову, каким образом тебе удастся становиться столь необходимым для такого количества людей?

Гарри устало протер глаза.

— Нет, никогда.

Рон заулыбался — яркой, даже, где-то, нахальной улыбкой, — и стал совсем похож на себя. Наклонившись вперед, он потянулся и дернул Гарри за прядь волос — странным, удивительно нежным жестом.

— Просто вспомни: сначала ты был моим.

— Я делаю это ради тебя... — прошептал Гарри, но Рон уже начал исчезать, растворяться в воздухе — вот сквозь него уже видна спинка сиденья... и все остальное тоже начало расплываться: купе, темнеющее небо, окно — все пропало, как сгоревший в огне пергамент.

Громкий вопль выдернул Гарри из сна, он с трудом сел и понял, что шум у него в ушах — это Звуковые Чары, сообщающие о прибытии поезда на вокзал Кингс-Кросс.

Он был в Лондоне.

* * *

Гермиона не была готова к зрелищу, представшему перед ней и Драко, когда, пройдя через портрет, они вошли в гриффиндорскую гостиную. Там царил полный разгром. Мебель была перевернута. Пол засыпан странными предметами — от декоративных плиток до столовой посуды и битого стекла. Все вокруг было покрыто золой. Восточное окно выбито. в комнате было смертельно холодно.

А у камина, в разорванной одежде, широко размавав руки, лежала Джинни. Волосы закрывали её лицо.

От потрясения Гермиона едва не выронила палочку.

— Джинни...

Но Драко уже был рядом с ней; упав на колени, он удивительно нежным жестом убрал волосы с её лица и прикоснулся пальцами к шее.

— Она дышит, — произнес он, не сводя с неё глаз. — Нам нужно отнести её в лазарет. Помогите мне поднять её, Гермиона...

Но веки Джинни приподнялись, она закашлялась и открыла глаза.

— Нет... — прошептала она, — только не лазарет...

Гермиона подошла поближе. Теперь она видела, что на виске волосы Джинни слиплись от крови.

— Она ранена. Джинни, что случилось?

Драко бросил недоумевающий взгляд на окно:

— Кто-то забрался в него? Но как?

— Нет, — еле слышным шепотом ответила Джинни. — Симус... он выскочил в него.

— Симус?! — потрясенно переспросила Гермиона. — Так это он сделал?

Губы Драко сжались.

— Грязный ублюдок...

Джинни подняла руку и схватила его за рукав.

— Это не Симус... Это Том.

Драко и Гермиона с недоумением переглянулись поверх её головы.

— Что?

— Том, — повторила Джинни и закашлялась. — Моя рука... Больно... Я сожгла её.

— Она бредит, — быстро произнесла Гермиона. — Наверное, сотрясение. Надо отправить её к мадам Помфри — и чем быстрее, тем лучше.

Драко кивнул.

— Я понесу тебя, — сказал он Джинни. — Сможешь держаться за меня?

— Смогу, — ответила она и смежила веки. Обвив руками его шею, она позволила поднять себя, сдавленно вскрикнув от боли в обожженной руке.

— Но Том... — прошептала она. — Как же Том...

— Джинни, — терпеливо (во всяком случае, для Гермионы) повторил Драко. — Здесь больше никого нет.

— О... — простонала Джинни, вложив в этот звук все отчаяние мира.

И до лазарета никто больше не проронил ни слова.

* * *

Дело шло к утру, но вечеринка у Пенси, отнюдь, не близилась к концу. Блез в поисках Пенси бродила по гигантской пещере солярия. Большинство студентов сгрудилось вокруг дымящегося чана с убойным коктейлем Поцелуй дементора — жидкости бирюзово-оранжевого цвета. Блез подумала, что он пахнет, как горный тролль, а на вкус, наверное, и того хуже.

Малькольм Бэддок отошел от остальных и, бросая на неё плотоядные взгляды из-под полуопущенных ресниц, двинулся к ней. Блез с трудом подавила усталый вздох. Всякий интерес к Малькольму исчез в тот момент, когда она поняла, что, как она ни надеялась, ее заигрывание с ним ни капли не раздражает Драко.

— Блез, дорогая, — он протянул ей стакан с дымящейся бирюзовой жидкостью, — тебя ищет Пенси.

— Правда? — Блез приняла стакан, но даже не подумала поднести его ко рту. — Она не говорила, что ей нужно?

Малькольм пожал плечами.

— Нет. Ее отвлекли Крэбб с Гойлом, начавшие страстно танцевать — за неимением шеста — у колонны.

Блез уже это заметила. Да, не самое привлекательное зрелище.

— Так, и где же она сейчас? — невзначай выливая Поцелуй дементора в ближайший горшок с папоротником, спросила Блез. Бедное растение мгновенно свернулось.

— Понятия не имею. Слушай, Блез, я тут подумал — может, пойдем отсюда и займемся сексом?

Блез нахмурилась.

— Это что — лень? Куда подевались старые добрые двусмысленные иносказания? Это даже не односмысленность — это полсмысленность... Ты мог бы встать посреди комнаты и заорать во все горло «Трахни меня, я в отчаянии»?

— А что — помогло бы?

— Нет, — отрезала Блез.

Малькольм не ответил, потому что в этот момент Теренс Хиггс, размахивая руками, с истошным криком промчался мимо.

— Кто-нибудь, остановите меня! — вопил он, летя на совершенно сумасшедшей скорости. — Ради Бога, ради всего святого, остановите меня!

Он исчез за французскими застекленными дверями в конце холла, за ним мчались домашние эльфы.

Блез вопросительно приподняла бровь

— Заколдованные ролики, — пояснил Малькольм.

На другом конце зала Эдриан Пьюси превратился в барсука, и остальные тут же начали его запихивать в розовую шелковую наволочку.

— Эта вечеринка ужасна, — заметила Блез.

Внутри наволочки Эдриан принял свои нормальные размеры — та раздулась и лопнула, клочья розового шелка разлетелись в разные стороны, а Эдриана стошнило в чашу для пунша.

— Ты просто злишься, что здесь нет Малфоя, — в голосе Малькольма зазвучали неожиданно резкие нотки. Опустив глаза, он меланхолично разглядывал напиток в своем стакане, периодически прихлебыва-

вая. — Словно бы он мог прийти... У него есть, чем заняться, вместо того, чтобы торчать тут с нами.

— Малфой? — повторила Блез. — на прошлой неделе ты называл его Драко.

— Это было до того, как я узнал, что он мерзкий любитель гриффиндорцев, — ноздри Малькольма раздулись. — Похоже, он так же труслив, как и надменен. Я совсем не удивлен, что он не пришел сегодня — он знает, что всех изменников — и его тоже — скоро поставят к стенке...

— Малькольм, твои фашистские склонности весьма эротичны, — заметила Блез. — Надеюсь, ты об этом знаешь.

Малькольму было нечего ответить.

— Все равно — в нем нет ничего особенного, — упрямо повторил он.

— Верно, — кивнула Блез.

— Я о том, что — его локоны, и изумительные очертания скул, которые позволяют потрясюще выглядеть, когда он, скучая, посасывает перо, вовсе не означают, что к нему требуется особый подход, — надулся Малькольм.

Блез приподняла бровь.

— Знаешь, после этой фразы твои желания видеть Драко у стены приобретают совершенно иное звучание.

Малькольм фыркнул.

— То есть, я так понимаю, ты не будешь со мной спать?

— Нет. Займись Пенси.

— Пенси? Да, она прошла через столько парней... квафл отдыхает. Забудь.

— Сексист, — бросила Блез. — Будь она парнем, ты бы назвал ее счастливымчиком.

— Будь она парнем, я бы...

— Не пытайся закончить свою фразу, а то пожалеешь, — оборвала его Блез. — Слушай, мне надо найти Пенси. Приятно тебе вечера. Кстати, если тебе действительно невыносимо одиноко, можешь пойти в ванную и постучать кокосами Миллисент.

— Что?

— Нескучной тебе ночи, Малькольм, — и Блез двинулась прочь.

* * *

— Нам нужен Гарри.

Драко, сжав губы, привалился к стене за дверями лазарета. Мадам Помфри выставила их обоих за порог. на том месте, где к его рубашке прикасалась голова Джинни, осталось кровавое пятно.

— Зачем? — спросила она.

Драко взглянул на нее с таким недоверием, словно она только что произнесла «и что это все так разнервничались из-за Вольдеморта, он же отличный парень».

— Из-за его всемирно известного рецепта малиновых бисквитиков, — ответил он. — Ты сама-то как думаешь? Слушай, тут определенно что-то происходит. Я не верю ни единому слову Джинни, сказанному ею мадам Помфри.

Гермиона вздохнула. в лазарете Джинни пришла в себя достаточно, чтобы сообщить мадам Помфри, что она сама сунула заколдованный браслет в камин, и все заклинания разом активировались, результатом чего и стала полностью разрушенная комната. Она не упомянула ни о Симусе, ни — слава Богу — о Томе.

— Я ей все равно не верю, — произнесла Гермиона. — И я не представляю, чего ты ждешь от Гарри.

— Ну, я не знаю, может, он... поговорит с ней. Мне кажется, она не захочет говорить со мной — особенно после вчерашнего.

— Ты про ту бессмысленную жестокость, что устроил вчера в гостиной?

— Это только тебе так кажется, — пожал плечами Драко. — Гарантирую, я никогда не веду себя жестоко просто так.

— Но ты был жесток.

— На то были причины.

Гермиона криво усмехнулась:

— Драко, ей-богу...

— Ты глумишься надо мной? — на губах Драко появилась обезоруживающая усмешка, заставившая ее забыть все, что она хотела сказать. — О, я впечатлен. в последние дни не так легко увидеть настоящую насмешку...

Гермиона почувствовала, что краснеет.

— Не уклоняйся от темы.

Приподняв бровь, он окатил ее холодным, как ледяная вода, взглядом и пожал плечами.

— Это нечестно. Нам не нужна лишняя нервотрепка — моя чаша терпения и так уже переполнена.

— Не уверена, что Джинни захочет поговорить с Гарри, — заметила Гермиона. — Вчера она назвала его склеротичным идиотом.

Драко фыркнул

— Правда? с ума сойти. Как жаль, что я это пропустил, — я должен был увидеть его лицо, — он опустил взгляд к часам, и Гермиона постаралась не заметить, что ремешок свободно болтается на его запястье. — Слушай, он уже должен встать. Есть ли причины, по которым ты не хочешь, чтобы я пошел к нему?

— Нет. Ну... Возможно. Я не знаю... — Гермиона, всегда так умело использующая английский язык, обнаружила, что ей явно не хватает слов, чтобы объяснить беспричинное дурное предчувствие, охватившее ее чуть раньше, когда в лазарет пришел Снейп. Нет, она не ощущала, что что-то случилось с Гарри. Это случилось еще раньше, причем случилось с Драко. Словно бы, отпусти она его сейчас от себя, ей больше не суждено будет его увидеть. Возможно, все дело в том, что она волнуется за его здоровье — разумом она прекрасно это понимала. Но сейчас разум не помогал.

Он взглянул на нее. в серебристых непрозрачных глазах вспыхнул огонек любопытства. У Гарри глаза всегда были одного цвета, а вот у Драко они менялись, приобретая разные оттенки серого — то как лед, то как дождь со снегом, то как мороз и холод. Они могли сверкать, как сосулька в солнечном луче, а могли быть темными, как снеговая туча. Сейчас они были чуть отстраненными, но он распознала это выражение — вежливое колебание. Он ждал ее разрешения пойти к Гарри, но, не дай она его, он бы все равно отправился к нему.

— Ступай...

— Я скоро, — он легонько коснулся ее плеча и повернулся. Она смотрела ему вслед, испытывая непреодолимое желание окликнуть его, — чувство, что им больше не суждено свидеться, стало крепким и осязаемым. Как позже выяснилось, это чувство имело под собой серьезные причины.

Но пока Гермиона не знала об этом. Она отвела глаза, чтобы не видеть, как он заворачивает за угол. Когда она снова бросила туда взгляд, его уже не было.

* * *

Рон спал на полу в окружении разбитых шахматных фигурок. Наступил новый день, и Темный Лорд не хотел играть в шахматы. Он хотел играть в кости. Рон в кости играть не хотел. Ситуация зашла в тупик.

— Нет, — сказал Рон, садясь и прислоняясь спиной к холодному камину, как раз под резными ангелами с прикрытыми глазами. на него через витраж лился солнечный свет: кроваво-красный, ядовито-зеленый и синий, похожий на слезы. — Нет, я не буду играть.

— Тогда я переломаю тебе все пальцы, — сообщил Вольдеморт. — Обдеру кожу с рук и ног, и ты будешь ползать передо мной на коленях.

— Но я даже не знаю, как играть в кости.

— Это неважно, — заметил Темный Лорд, держа в белой руке пару аметистовых костей, точки

на которых горели черными солнцами. — Хочу посмотреть, какие числа ты выбросишь.

— Я хочу наружу, — сказал Рон. — Я уже несколько дней не видел солнце. Позвольте мне выйти.

Рисенн, в ее золотой клетке, посмеиваясь, перебирала пальцами решетку. Она снова была голой, и Рон старался на нее не смотреть.

— Мальчик хочет выйти, — захихикала она, — он и вправду хочет выйти...

— Знаете, она совсем голову потеряла, — обратился Рон к Вольдеморту. Тот задумчиво лизнул один из кубиков узким черным языком. — Действительно, и кому я это говорю? — ни к кому не обращаясь, произнес Рон в пространство.

Распахнулись двойные двери, и вошел Люциус, чему Рон вовсе не был удивлен: если кто и приходил, то либо Люциус, либо Червехвост. на нем был зеленый дорожный плащ, скрепленный на горле сделанной из кости булавкой.

— Господин, — склонился он перед Вольдемортом. Следующий взгляд был адресован Рону, вместе с тонкой улыбкой. — И ты, мальчик. Как находишь свое новое место обитания?

— Вопреки бесконечным азартным играм и наготе, мне ужасно скучно, — ответил Рон. — Спасибо, что спросили.

— Люциус, — поднял глаза от кубика в руке Вольдемонт, — я слышал, ты кое-чем занимаешься у меня за спиной?

Люциус вспыхнул — способом, доступным только ему: кровь совершенно отлила от его и без того бледного лица.

— Мой Господин, что вы имеете в виду?

— Твоего сына, — Вольдемонт поставил кубик на стол и поднялся. Он был на голову выше Люциуса, которого никак нельзя было называть невысоким мужчиной. — Я слышал, ты отравил его. Что-то я не припоминаю, чтобы приказал тебе сделать это.

— А, вы об этом... — Люциус отлично держал себя в руках.

Рону резануло по ушам. Он ничего не знал. Что — Драко отравлен? Гарри должен был быть вне себя, как и все остальные. Рон не был уверен, как в связи с этим он должен себя вести.

— Да, — кивнул Вольдемонт. — Я об этом. Я должен напомнить тебе, Люциус, что мальчик — мой, а не твой. Я создал его не для того, чтобы травить ядами.

— О, это был прискорбный несчастный случай, мой Лорд, — пояснил Люциус. — Он разбил флакон с противоядием, подготовленный мной. Совершенно непредвиденный исход.

— Я предвидел это, — холодно ответил Вольдемонт. — Он ненавидит тебя и ничего от тебя не хочет. Ты должен прибирать людей к рукам не с помощью того, что они ненавидят, а с помощью того, что они любят. Я неоднократно говорил тебе об этом, Люциус.

— Гарри Поттер покинул Хогвартс, — ни к кому конкретно не обращаясь, заметил Люциус. Во всяком случае, так показалось Рону.

— Знаю, — кивнул Вольдемонт. — Мы найдем его. Это только вопрос времени.

— Я могу сделать противоядие.

— Правда? — с ленивым любопытством переспросил Вольдемонт. — Яд, что ты использовал, мощный, редкий и старинный. Убивает тех, кого невозможно удержать под замком, — он сухо хмыкнул. — Видимо, ты здорово боишься своего сына.

Люциус пропустил это замечание мимо ушей.

— Противоядие очень простое. За исключением одного компонента, который и, вправду, представляет серьезную проблему.

— И почему же?

Поколебавшись долю секунды, Люциус ответил:

— Потому, что он не существует.

Алые глаза Вольдеморты прищурились. Повернувшись, он через плечо бросил взгляд на Рона.

— Думаю, мальчику не стоит это слушать... — он повернулся к Рисенн. — Отведи его наверх. — на крышу.

— И зачем? Сбросить меня? — спросил Рон.

Вольдемонт улыбнулся ему такой улыбкой, от которой у Рона замерзло сердце.

— Ты хотел попасть наружу — твоё желание исполнилось. Можешь наслаждаться видом.

* * *

Вряд ли прошло больше получаса, но Гермионе, ожидающей под дверью лазарета, казалось, что минуло, как минимум, несколько часов. Наконец, заветная дверь распахнулась, и вышла мадам Помфри.

— Ох, мадам Помфри... Как Джинни — я могу ее увидеть?

— Её сейчас нужно оставить в покое, — решительно возразила мадам Помфри, встав стеной на пути всех попыток Гермионы проникнуть в лазарет. — Она очень сильно обожглась. Нужно заново вырастить кожу на руке, и процесс этот весьма болезненный. А потому лучше, если во время него она будет без сознания, — они прищурились на Гермиону. — А еще у нее синяки на плечах и рана на голове. Вы ничего не можете сообщить мне по поводу их происхождения?

Гермиона покачала головой, слова застыли у нее на губах.

— Нет.

— Этот заколдованный браслет, по-видимому, был для нее очень важен, — сухо заметила мадам Помфри.

— Да. Это рождественский подарок Симуса.

Мадам Помфри бросила на нее долгий пытливый взгляд.

— Ах да... Мистер Финниган... Где же он?

— Он отправился домой. Вчера, — Гермиона мысленно вознесла молитву Господу, чтобы это было правдой. Что там Джинни несла в бреду?.. Но, с другой стороны, люди с травмами головы часто городят всякую бессмыслицу. И Симус сам вчера сказал Гермионе, что собрал вещи. А Джинни что-то бормотала про Тома... Гермиона знала только одного Тома... но нет, это совершеннейшая бессмыслица.

Она взволнованно оглядела коридор: да, где же Драко? Если он нашел Гарри в спальне, они оба уже вернулись бы сюда. А если его там не оказалось, то Драко должен был вернуться и сказать ей об этом. Может, Гарри отправился в совятню, чтобы послать письмо Сириусу?.. в любом случае, Драко уже должен был вернуться.

— Мадам Помфри, — произнесла Гермиона, — заколдованный браслет устроил беспорядок в гостиной Гриффиндора. Мне нужно пойти и убрать там. Если бы вы могли прийти и сообщить мне, когда Джинни проснется... Мне кажется, она была бы куда счастливее, если бы кто-нибудь из нас мог посидеть с ней...

Мадам Помфри выслушала Гермиону, поджав губы, и кивнула. Гермиона подозревала, что волшебница прекрасно знала, что дело куда серьезнее, чем ей пытаются представить, однако, решила не раздувать из этого проблему. За что Гермиона была ей безмерно благодарна и, поклявшись непременно сделать при случае мадам Помфри что-нибудь хорошее, опростетью побежала в гриффиндорскую башню.

В гостиной царил все тот же разгром. Все выглядело так, словно Драко слегка расчистил себе дорогу, пробираясь наверх, — но и только. Гермиона чуть замедлила шаг у лестницы, ведущей к спальням мальчиков, и наострила уши, пытаясь услышать, о чем разговаривают Гарри и Драко.

Однако, услышала только тишину да гул собственной крови. в груди возникло странное неприятное чувство: будто случилось что-то ужасное. Или же вот-вот случится. Атмосфера вокруг накалилась до предела, как будто из комнаты вдруг высосали весь воздух.

Пожалуйста, только пусть ничего не случится с Гарри, — прикрыв глаза, попросила Гермиона.

Она была уверена, что знала бы, если бы что-нибудь произошло. Это было именно то, чего она так боялась, боялась каждый день, страх перед чем накрепко засел у нее в подсознании с того самого момента, как он послал ее сквозь огонь обратно, а сам двинулся вперед. Ей тогда было одиннадцать. И всегда — сколько лет уже она любила его — повторялось одно и то же: бесконечные коридоры разделяли их в минуты смертельной опасности, навстречу которой он шел один. И Гермiona не могла ни видеть его, ни защитить.

Но ведь сейчас не было никаких причин для опасений. Они были в безопасности, они были в Хогвартсе. с ним ничего не могло случиться. Рядом с ним Драко, и Драко жив. И пока Драко жив, жив и Гарри — ведь Драко умрет, защищая его. Причин для страхов не было, но она ничего не могла с собой поделать: от внезапно обуявшего ее ужаса на ногах словно выросли крылья, она взлетела наверх, промчалась по коридору и распахнула дверь в спальню семикурсников.

Ей потребовался миг, чтобы глаза привыкли к полумраку, и потом она увидела сидящего на кровати Гарри Драко с чем-то белым в руках. Она сообразила, что это клочок пергамента. Гермiona медленно шагнула вперед, чувствуя, что сердце возвращается на место: если бы что-то случилось с Гарри, Драко бы ни за что не сидел так, спокойно читая какую-то записку. Но... в его позе что-то было: напряженные плечи, стиснутые руки — он словно не подпускал к себе.

— Драко? — прошептала она. — Что случилось? Что ты читаешь?

Он поднял голову и посмотрел на нее. Она всегда любила свет факелов куда больше, чем это маггловское электричество: он не выбеливал предметы, а добавлял им красок. в свете факела Драко смотрелся блондином, а глаза стали напоминать старинные золотые монеты. Он протянул ей письмо и сказал ровным голосом.

— Это письмо от Гарри. Только я не думаю, чтобы он действительно писал его.

— Почему? — недоуменно захлопала она глазами.

— Потому, что он бы никогда не написал ничего подобного. Это просто невозможно. Вот, взгляни, почитай, — его голос звучал несколько странно, в нем появились какие-то странные требовательные нотки, как у капризного ребенка — она очень редко слышала, чтобы Драко говорил так. Разве что в шутку. Но сейчас он не шутил. — Ты поймешь, о чем я.

Она села на кровать, поближе к свету. Почерк. Да, это почерк, несомненно, Гарри: с кривыми окончаниями и жирными точками над «и» — почерк мальчика, привыкшего с детства писать в темноте, поздно ночью, почерк, хорошо знакомый Гермione по маленьким заметкам, которые он писал у нее на глазах, но никогда не давал ей читать. Она пробежала записку и почувствовала, что во рту пересохло, а сердце застучало быстро-быстро. Она перечитала снова, чтобы быть уверенной, что поняла все правильно: нет, слова на листочке остались прежними: «Драко... как странно писать тебе письмо, но я подумал, что у меня не будет другого шанса сказать тебе, что я больше не хочу, чтобы ты преследовал меня...»

И так далее. Она закончила письмо с чувством совершенного оцепенения, едва в силах перевести дыхание от потрясения. Потом перечла и, оторвав глаза от страницы, взглянула на Драко — тот смотрел на нее широко распахнутыми глазами, в которых была такая беззащитность, такая уязвимость, что это потрясло её до глубины души.

— Ты поняла, о чем я? — спросил он. — Он не мог написать это. Он не мог сказать мне такое. Я думаю...

— Это, — перебила его она, изо всех сил сохраняя спокойствие, — все, что тут было?

В его глазах что-то блеснуло.

— Нет, — наконец ответил он и протянул ей что-то, что лежало рядом с ним на покрывале. Золотая цепочка жидким огнем стекла между его пальцев, в свете

факела она увидела царапины от ногтей Люциуса на ровной поверхности Эпициклического Заклятья. — с письмом было это.

— Боже, — задыхнулась Гермiona. — Боже, Гарри... — она взяла Заклятье у Драко, и он отдал его — легко, как отдают обычную безделушку. — Поверить не могу, что он ушел, оставив это... И сказал, что не хочет, чтобы за ним пошли...

Драко захлопал глазами:

— Ты же не думаешь, что он действительно написал это письмо и оставил все это сознательно, правда? Я имею в виду...

— Если не он написал письмо, тогда кто? — Гермiona прикусила губу. — В письме говорится о вещах, которых никто, кроме Гарри, знать не может. И почерк — это его почерк, его стиль изложения, даже его выражения... — она осеклась. — Он пишет о вещах, которые никто, кроме вас двоих, знать не может. То есть... Драко, а если это правда? Ведь я не знала, что вы ездили на кладбище к его родителям. Вы ведь ездили, да?

— Да, ездили, но... Значит, кто-то заставил его написать все это! — Драко резко поднялся и шагнул от кровати. Гермiona, словно впервые, увидела, как тонки его запястья, особенно по сравнению с широкими манжетами джемпера. — И забрали Заклятье?

— И что они с ним сделали? Убили?

Драко резко повернулся, окатил ее яростным взглядом.

— Даже не вздумай так шутить.

— Я не шучу, — ровным голосом ответила она. — Просто я знаю Гарри: чтобы забрать у него Заклятье, надо его убить. Или же он снял его по доброй воле. Ты же знаешь, Драко, оно заколдовано от подобных ситуаций.

Он стоял, сжимая и разжимая кулаки, словно не знал, куда девать руки.

— Ты ничего не понимаешь... Мы вчера разговаривали с ним, он пообещал...

— Я знаю, что он дал тебе обещание, об этом написано в письме, — Гермiona с трудом удержала себя от желания прикоснуться к нему. — Но люди нарушают свои обещания, даже Гарри. Если он подумал, что так будет лучше для тебя...

— Но ведь это не то, что написано в письме, правда?

— Знаю, — она снова опустила глаза к кусочку пергамента на коленях. у нее мелькнула мысль, что для нее Гарри не оставил ни словечка, но она тут же подумала, что Драко вряд ли это тронет — уж лучше никакого письма, чем такое. Внутри все перевернулось от мысли, что Гарри по неосторожности мог написать такие жестокие слова. — Это просто ужасное письмо. Мне тоже не хочется думать, что Гарри написал все это. Но выбор у нас невелик: либо писал Гарри и по доброй воле, либо писал не он, и с ним произошло нечто совершенно ужасное. Я бы предпочла, чтобы он сделал это, нежели чтобы он был мертв.

— Он не мертв, — ледяным тоном заметил Драко. — Я знаю.

— А ты не мог бы, — она говорила как можно мягче, — дотянуться до него?

Сжав губы в тонкую линию, Драко отрицательно покачал головой.

— Нет. Он отгородился от меня. Но я могу его чувствовать. Он жив.

— Он сознательно отгородился от тебя?

Драко неохотно кивнул.

— Да.

— Ну, что ж, тогда... — Гермiona опустила глаза к пергаменту на коленях. Было слышно, как в камине хрустит ветками огонь. Она чувствовала, как Драко вибрирует от напряжения, словно до предела натянутая струна. Вытащив из кармана палочку, она прикоснулась ею к письму, шепча слова заклинания, которое использовала совсем недавно, меньше недели назад:

Ты скажи-ка мне, пергамент,

Ты скажи-ка мне, перо
Кто писал все эти строки,
Покажи-ка мне его.

Пергамент дрогнул, слова на листочке начали перестраиваться, чтобы образовать имя: ГАРРИ ДЖЕЙМС ПОТТЕР.

Гермиона вскинула взгляд на Драко — он стоял совсем рядом, она увидела, как кровь отлила от его щёк, словно разом задули лампу. Но, если он что и почувствовал, то на его лице это более ничем не проявилось.

— Драко...

— Ну, что ж... — пустым, невыразительным голосом произнес он. — Если так...

— Это лучше, чем если бы с ним что-то случилось... — полушепотом сказала Гермиона.

— Знаю, — монотонно ответил он. — Думаю, мне просто не могло прийти такое в голову. — Конечно, ты права, — он откинул с глаз светлую прядку. Глаза его были широко распахнуты, но совершенно пусты — такие глаза бывают у мертвецов. — Как всегда, права.

Гермиона выпустила письмо и, поднявшись, потянулась к Драко. Он отвернулся, она не могла видеть его лица, она только видела как быстро-быстро пульсирует жилка на его шее — там, где рубашка чуть съехала, обнажив хрупкий изгиб ключицы. Она хотела обратиться к нему, что-нибудь сказать — что-нибудь вроде того, что она сказала бы в похожей ситуации Гарри: нежные слова, полные любви. Но это слова застряли у нее в горле: она не могла представить, как обратиться с ними к Драко Малфой — человеку, который не лгал, не танцевал, не падал в обморок и, ко всему прочему, никогда не показывал своих чувств. Даже сейчас.

— А может, он хотел, чтобы ты разозлился на него? — предположила она. — И чтобы ты не скучал по нему, пока его не будет?

— Нет, — ровным голосом возразил Драко. Он взял Заклятье из ее протянутой руки, и она увидела в его стальных глазах поблескивающие золотые искорки отражения. Драко сжал его в кулак. — Он так не думает или же то, что он сказал — ложь. Он знает меня достаточно, чтобы понять, что умирать, ненавидя его, не доставит мне никакого удовольствия и не принесет никакой пользы.

— Ты не умрешь! — взорвалась Гермиона. — И не говори так! И ты не сможешь ненавидеть Гарри, это не...

— Господи! — в голосе Драко прозвучало какое-то ужасающее мрачное веселье. — Храни меня от этих чертовых гриффиндорцев! Ты такая же, как он! Я не удивлюсь, если все это потому... — он осекся и тряхнул головой, его волосы взметнулись вверх — волосы цвета звездного сияния. — не надо мне говорить, на что я способен, — продолжил он уже более спокойным голосом. — И не перечисляй причины, по которым этот чертов Поттер мог бы совершить то, что он совершил. Себе можешь рассказывать кучу сказочек по этому поводу, но меня от них избавь. Поняла?

Гермиона почувствовала, как ее сердце наполняется отчаянием: Драко очень давно не звал Гарри по фамилии, и она, скрепя сердце, поняла, в чем дело. Драко происходил из семьи высококордных волшебников, которые скорее сами бросились бы на острие меча, нежели сидели бы и ждали, пока их проткнут. А он ведь устоял даже перед своим отцом, который сам был Малфой до кончиков ногтей. Он никому не лгал и считал, что самообман есть худший из грехов.

— Я поняла. Но я не обманываю.

Но он уже отпрянул от нее, бросился прочь, едва не перевернув тумбочку Симуса, отчего оба они удивленно оцепенели: ей не приходилось прежде видеть, чтобы Драко что-нибудь сносил на своем пути.

— Я должен идти... Я должен...

— Куда ты собрался? — перебила она его, пытаясь, чтобы безумные нотки не прозвучали в ее голосе. — не бросай меня сейчас, ты нужен мне...

Он замер, прижавшись к двери и чувствуя, как ручка медленно впицается ему в спину.

— Нет, — возразил он. — не нужен, — распахнув дверь, он вышел. И закрыл ее за собой.

Гермиона опустила на кровать, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

* * *

Когда Том в последний раз был в Лондоне, небо над городом пылало. Сейчас этого не было. Конечно, над Диагон-аллеей небо не пылало никогда, в ней было темно и днем, и ночью — Министерство наложило на нее Укрывающие Чары, чтобы спрятать от воздушных атак Гриндевальда. Под этой светомаскировкой повсюду горели факелы, перегретый воздух пах дымом и чем-то горелым. Магазины были заперты, окна — пусты, продажи ограничены — никакой драконьей крови из Германии, перьев феникса с Востока — все было втридорога, а использование палочек жестко регламентировалось.

Хотя Тому никогда палочка была особенно не нужна.

Он хорошо запомнил дым, гарь и мрак. И маггловский приют, в котором было ничуть не лучше. Стоя на крыше с остальными детьми, он смотрел на зарево над городом. Все вокруг плакали и кричали, что городу пришел конец. Том улыбался про себя, испытывая к ним нечто вроде сожаления: они знали только один мир. Ему было известно куда больше.

Он подметал улицу перед домом ветеранов — переполненную людьми маггловскую улицу. Он пробормотал себе под нос *Visificus*, и наполнился образами смерти и войны — они текли сквозь его разум, как течет воды сквозь разрушенную дамбу. Он видел умирающих людей — на берегах, в ямах на земле, взрывающихся в воздухе огненными цветами. Кто-то перед смертью взывал к матери, но гораздо больше просто просили воды. Они ползли в своей собственной крови, они рвали на себе свою собственную кожу. И с безжалостной ясностью он совершенно отчетливо знал, что ничего подобного никогда не случится с ним: он не умрет. Смерть вызвала у него некий отстраненный интерес: структура, механизм, красота, сам момент, когда останавливаются и разрушаются все сложные двигатели жизни. Но он не хотел быть частью этого: это было слишком банально, слишком обыденно. Слишком человечно.

Он осмотрелся, взглянув на людей, снующих куда-то в лучах яркого зимнего солнца. Слабое поколение. Поколение, не знавшее испытаний ужасом и лишениями, поколение, возведшее в ранг героя мальчишку, чьим величайшим достижением стало то, что он не умер. Они станут легкой добычей.

Презрительная улыбка искривила губы Тома.

Он повернулся и двинулся в сторону Дырявого Котла, замедлил шаг на входе и оглядел себя в зеркале над дверями, мимолетно удивившись тому, сколько минуло времени с того момента, как он последний раз замiral перед своим отражением. И каким оно было: светлые волосы, ангельское личико. Он с трудом сдержал вспышку веселья.

Заказав внутри горячего сливочного пива со специями, а также, попросив перо и пергамент, он уселся у камина, в углу, где было потемнее, чтобы его никто бы не заметил. Он сидел, не снимая капюшона, в размышлении глядя на пергамент и машинально наматывая на указательный палец что-то вроде тонкой медной проволоочки. Это был ее волос, прилипший к крови на его руках. Он прекратил эти нервные движения и задумался всерьез.

Итак, прежде всего, пока он находится в теле Симуса, никто не должен заметить его исчезновения, никто не должен броситься на его поиски. Ну, эти мерзавцы из Хогвартса сразу отпадают, они слишком заняты сейчас спасением собственных шкур. Да и кто им поверит?

Однако существовала еще семья Симуса...

Как следует покопавшись в воспоминаниях Симуса, Том обнаружил, что у того было два любящих родителя. Они были весьма скучны и утомительны и, наверняка, бросились бы на поиски, если бы не были предупреждены. Лизнув кончик пера — он всегда любил вкус чернил, о, это были хорошие чернила, не та дешевка, что выдавалась в военном пайке, — он начал писать.

«Дорогие мама и папа!

Это я, ваш сын Симус. Я знаю, что говорил вам о своем приезде домой на Новый год, но боюсь, что ничего не получится. Последние несколько дней я нахожусь в Лондоне, вовсю развлекаюсь и занимаюсь воплощением в жизнь рассказов Оскара Уальда (в конце концов, он ведь один из величайших писателей нашей маленькой страны, правда?) — короче говоря, я принял решение. Пришло время признаться, что меня привлекают мужчины. Да, это правда. И я больше не могу прятать мою истинную природу. Я понимаю, что вы больше никогда не захотите увидеть меня, и покорно принимаю это. Я пойму, если вы решите лишить меня наследства.

С любовью
Симус.»

Том окинул письмо критическим взглядом. Оно звучало совершенно по-идиотски, что вполне соответствовало его мнению о Симусе. Если и это не проняло бы Финниганов-старших, то их не проняло бы ничего.

Одним росчерком написав адрес, он отправился за совой.

* * *

Тяжелая железная дверь подземелья с грохотом захлопнулась за Гермионой. Она шагнула в комнату, где Снейп трудился над своими котлами. Развернувшись, он бросил на нее мрачный вопрошающий взгляд.

— Дайте мне задание, — потребовала она.

Он отвернулся от стола и пристально посмотрел на нее из-под густых черных бровей — этот взгляд буквально сдирает кожу. Он сложил руки на груди, спрятав ладони в черных рукавах.

— Я не нуждаюсь в помощниках.

— Прошу вас... Я должна чем-нибудь заняться или... — она осеклась.

— Или что, мисс Грейнджер?

— Или я сойду с ума. Я, конечно, понимаю, что вам до этого нет дела...

Белые руки Снейпа выскользнули из рукавов мантии.

— Значит, Поттер всё же сделал это... Он ушел?

— Да... А как вы узнали?

Снейп не ответил. Гермиона смотрела на него, вспоминая, как она ненавидела этого человека, сколько гадостей он наговорил ей за все эти годы, как он постоянно срывал свою злость на Гарри. И то, что Дамблдор разрешал в школе так себя вести, всегда вызывало у нее кучу вопросов, хотя Гарри и утверждал, что таким образом Дамблдор пытается продемонстрировать им всем наличие в мире каким-то непостижимым образом разрешенного зла, которому они должны научиться противостоять.

Она не была уверена, что научилась, но где-то на пути к этому ее ненависть к Снейпу прошла, более того — она в последние дни не возражала против того, что им приходится работать бок о бок. Хотя она кинула бы свою судьбу под ноги самому Сатане, если бы в результате у них в руках оказалось противоядие для Драко, но чувствовала бы при этом себя дискомфортно. А работа со Снейпом оказалась на удивление безболезненной. Он, как никто другой, был изощрен в своем деле, а Гермиона это уважала.

— Я не знал, — наконец произнес Снейп. — Я просто надеялся, что, рано или поздно, Поттер совершит правильный и рекомендуемый поступок. Я посоветовал ему это, но я не знал...

— Правильный? Рекомендуемый? Чтобы он оставил нас так...

— Драко знает?

— Да. Он нашел письмо.

Снейп снова взглянул на нее своими глубоко посаженными глазами. Выражение его лица было совершенно непроницаемо. у Гермионы мелькнула мысль, не слышит ли он ее мысли: Драко на кровати, читающий письмо... наверное, он к тому времени прочитал его уже дюжину раз, даже не одну дюжину... словно при бесконечном прочтении слова изменили бы свой смысл...

— О письме... Это вы посоветовали Гарри написать в нем такое?

— Ни в коем случае, — живо откликнулся Снейп. — Можно подумать, что мне интересна вся эта поттеровская сентиментальная чушь.

— Оно было не сентиментальным. Оно было ужасным.

Снейп передернул плечами.

— Возможно. Как знак того, что он ушел.

— Но Драко...

— У него сейчас есть куда более серьезный повод для размышления, нежели местоположение Поттера. Он сейчас должен принимать противоядие и думать о своем здоровье...

— Я обошла весь замок, и нигде не смогла его найти. Я искала его несколько часов, — её голос задрожал. — Что толку в этом дурацком противоядии, если я не могу найти его, чтобы убедиться, что он его принимает?

— Думаю, что это состояние скоро пройдет, — тут же возразил Снейп. — И узы, связавшие его с Поттером, постепенно атрофируются. Состояние разрушает, близость усиливает — это очевидно.

В этом суть подобного сродства. Некие мистические начала придают ей прочность, но они же являются ключом и к разрыву.

— Я не хочу, чтобы они разорвались, — возразила Гермиона с такой яростью, что у нее заныло в груди. — И я не могу понять, почему вы делаете это, почему вас это волнует, и с чего это вам захотелось вмешаться. Я знаю, вы ненавидите Гарри...

— Это имеет весьма небольшое отношение к Поттеру, — ядовито остановил ее Снейп. — И вы могли бы поинтересоваться по поводу влияния противоядия на Драко, по поводу побочных эффектов относительно его магических способностей — ведь, когда я рассказывал вам о них, я перечислил не все. Так вот, намотайте себе на ус: пока между ними существует связь, пока мысли, чувства и эмоции беспрепятственно курсируют между ними, на вашего драгоценнейшего Поттера будут воздействовать как продукты разложения яда, так и побочные эффекты противоядия.

Гермиона оцепенела. Ей никогда не приходило в голову, что мысленная связь между мальчиками влияла на них и физически. Черт побери, Снейп беспокоится о здоровье Гарри, — это заставило ее запаниковать еще больше.

— Вы не знаете наверняка, — наконец сказала она, сама услышав, как весь запал и страсть ушли из ее голоса.

— Не знаю. Уж не желаете ли вы рискнуть под свою ответственность? Я так думаю — и вы должны со мной согласиться — что Поттеру, с учетом того, с кем ему предстоит встретиться, сейчас нужна вся его сила.

— Они могут отгородиться друг от друга, — возразила Гермиона. — Они могут этим управлять. И Драко может оказаться полезным Гарри, даже если они не будут читать друг у друга в умах...

— Они не могут это контролировать, — возразил Снейп. — И вы глупы, если считаете обратное. Они уже привыкли зависеть друг от друга. Они продолжают неосознанно тянуться друг к другу, если только их не поставит в ситуацию, когда они вынуждены будут добровольно отказаться от этого. Представьте, например, что я вам скажу, что вы должны будете

на длительное время отказаться от использования своей правой руки. Вы будете выполнять это условие только до того момента, пока будете о нем помнить. Но лишь только вы расслабитесь, как инстинкт возьмет верх над указанием. И совсем другое дело, если ваша рука будет... сломана и не годна к использованию.

— Я ненавижу это, — решительно произнесла Гермиона. — Я всё это ненавижу. И Дамблдора, и вас... — она окинула Снейпа полным презрения взглядом. — Мне всегда казалось, что с этим Многосущным зельем не так-то все и просто...

— Это все, что вы хотели узнать, мисс Грейнджер? — тихим, змееподобным голосом поинтересовался Снейп. — Я-то, признаться, думал, что вы здесь затем, чтобы научиться готовить противоядие для Драко. Но, похоже, я ошибся — и вы явились сюда, чтобы кидать мне в лицо необоснованные, голословные обвинения. Увы — меня это не интересует. Можете продолжать, но не требуйте от меня внимания. у меня есть работа поважнее.

Её зацепило это предложение.

— Вы хотите научить меня готовить противоядие для Драко?

— Возможно, придет время, когда вам нужно будет приготовить его, а меня не будет рядом. Я не могу научить Драко готовить его — в конце концов, он слишком болен. Было бы нечестно ожидать от него самостоятельности.

— Нет... ну, конечно... в смысле... Я, конечно, хочу узнать, как оно делается. Очень хочу.

— Вы уверены в этом? — черные глубоко посаженные глаза мрачно буравили ее, сбивая с толку. — Побочные эффекты весьма неприятны, как и приготовление самого зелья. Боль у него будет усиливаться с каждым приемом зелья, ведь оно создано для того, чтоб выжечь яд из его крови. И чем сильнее и концентрированней яд, тем болезненней процесс. Чем больше он принимает противоядия, тем ему больнее.

— Я уговорю Драко принимать его.

— Возможно, вам придется заставлять его...

— Я заставлю его.

— Даже если за каждый раз вам придется бороться?

— Да, — Гермиона с трудом узнавала собственный голос. — Ему нужно противоядие.

— Люди обычно ненавидят то, в чем нуждаются, — холодно заметил Снейп.

Гермиона подняла голову и взглянула на него: бледный, суровый, с глазами, похожими на дупла на этом изможденном лице. Ей была известна природа этой усталости: она пришла из ночей, проведенных в работе над противоядием — пусть неполным, однако, это все, что пока у них было. И еще она знала, что Снейп и сам ожидал, что Драко, скорее всего, отправится за Гарри. Что его нельзя будет удержать. И он передавал ей знания, передавал это противоядие, чтобы, если они уйдут, Драко был бы в безопасности — если такое, вообще, возможно. Так что, в конечном итоге, Снейп заботился о Драко. Пусть чуть-чуть, но заботился. И они делали общее дело. Раньше ей никогда не приходилось делать одно общее дело со Снейпом.

— Меня не волнует, если Драко возненавидит меня, — произнесла Гермиона. — Меня волнует только его жизнь.

Снейп, видимо удовлетворенный её ответом, кивнул. Потом, вернувшись к столу, поднял склянку с черной жидкостью.

— Экстракт паслена, — начал он, — должен быть первым добавлен к измельченной белладонне — именно в таком порядке, чтобы все получилось правильно. Следующий этап — добавление асфоделя — является весьма тонкой процедурой...

* * *

Блез неторопливо путешествовала по владениям Паркинсонов и, наконец, обнаружила Пенси — та, частично одетая, танцевала на длинном дубовом столе в солярии. Подойдя поближе, Блез громко покашляла, однако, Пенси не обратила на нее никакого внимания: заложив руки за голову, она совершала какие-то медленные пьяные движения. Красная блузка сползла у неё с плеч, и со своего места Блез могла заметить, что и чулки тоже поехали вниз. Рядом с Пенси она снова начала испытывать то же, что испытывала все последние дни — подозрение, жалость и досаду.

— Пенси, — позвала она и, не добившись результата, повторила более громко, — Пенси!

Рядом кто-то захихикал. Это был Теренс Хиггс.

— Что, подсадить тебя на стол, а, Блез?

Она прищурилась в его сторону. на пятом курсе, привлеченная его песочными волосами и большими темными глазами, она некоторое время встречалась с ним, прежде чем поняла, что он, как и большинство квиддичных игроков, куда больше интересовался блаждерами, кваффлом и раскатыванием по полю гриффиндорской команды, чем всем остальным.

— Не уверен, что беседа с Пенси может оказаться удачной, — заметил он. — Она выпила пять Поцелуев Дементора. на твоём месте я бы уволок ее отсюда подалее, прежде чем до нее доберутся Маркус и Грегори.

Блез бросила взгляд, следя за его жестом: в дверях стояли Маркус Флинт и Грегори Гойл, наблюдая за Пенси с двусмысленными ухмылочками.

— Фу... Теренс, помоги мне.

Теренс с готовностью приподнял ее на стол, потискав ее бедра. Блез позволила это: услуга за услугу, в конце концов. Удержав равновесие, она сделала несколько шагов и повернулась к нему:

— Отвлеки Грега и Маркуса, дорогой, — она произнесла это тоном, которому научилась от Драко, — многообещающим тоном, за которым на самом деле ничего не стояло. И улыбнулась Теренсу, видя Драко перед своим внутренним взором: начало семестра, солнечный свет, раздевалка у квиддичного поля. Он стоит и ждет, когда она выйдет на игру. Когда она появилась, он протянул ей руку, протекторы на запястьях были еще не застегнуты.

— Застегни, — обратился он к ней, и она сделала то, что он просил, не отрывая взгляда от его глаз. Он смотрел в ответ, позволяя ей разглядывать себя с таким видом, словно делал ей подарок. Забыв о своем раздражении, о его высокомерии, она все смотрела и смотрела на него, любясь его красотой: светлые волосы, сияющие на солнце, светло-серые глаза, похожие на фоне загорелой кожи на осколки стекла. Она справилась с застегжками, и он лишь улыбнулся ей в знак благодарности. — Спасибо.

Ей захотелось что-то сделать для него — вот только она сама не знала, что именно: поцеловать его — нет, этого было явно недостаточно, ей захотелось укусь его руку, причинить ему боль, напугать, заставить отскочить... Чтобы он хоть как-то отреагировал на нее... он был такой далекий, словно находился за стеклянной стеной, сквозь которую она не могла проникнуть, и она подозревала, что все дело было именно в ее безумном желании быть с ним. Потому, что он был недостижим.

От мыслей о Драко у нее по коже опять побежали мурашки. Отвернувшись от Теренса, она двинулась по столу к Пенси, чувствуя, как шпильки впиваются в полированное дерево, и положила ей руку на плечо:

— Пенси, мне нужно поговорить с тобой.

Пенси, пьяно покачиваясь, повернулась к Блез и едва не рухнула на нее — та с трудом удержалась на ногах, схватив повисшую на ней пиявкой Пенси.

— Блез... дорогая... потанцуй со мной, — невнятно промычала Пенси, стиснула своей лисей лапкой Блез и прижала ее к себе, горячо дыша на нее алкоголем,

словно перегретый пунш. — на нас все смотрят, это будет... прикольно...

— Пенси, ты напилась. Впрочем, у меня в любом случае нет никакого желания устраивать тут шоу для Гойла и Флинта.

Продолжая цепляться за Блез, Пенси захихикала. Флинт и Гойл наблюдали за ними взглядами, полными надежды.

Блез закатила глаза:

— А ты в курсе, что в Порочной Ласке за подобные выступления полагается платить?

Пенси нахмурилась:

— Ты такая скучная...

— Ты так говоришь потому, что я не желаю плясать на столе перед вытаращившимися на нас плебеями. Если ты готова унижаться, Пенси, это вовсе не значит, что я тоже этого хочу, — она дернула Пенси за руку. — Пошли, разговор есть. И желательно побеседовать до того, как ты попросишь Гойла испить тоника из твоего лифчика, и я буду вынуждена побить его палкой.

— Никогда бы не попросила Гойла пить тоник из моего лифчика, — возразила, икая, Пенси. — Флинт прикольнее...

— Они оба совершенно омерзительны, и я была бы потрясена, если бы ты смогла в твоём нынешнем состоянии отличить одного от другого. Ну же, Пенси, спускайся, не заставляй тебя стаскивать.

Для того чтобы стащить Пенси со стола и поставить на ноги, всё же потребовалось грубое мужское вмешательство. Блез прыгнула сама, она уже была сыта по горло цепкими нахальными пальцами Теренса. Толкая Пенси перед собой, она, не обращая внимания на его нескромный косой взгляд, прошла мимо, миновала Креба и Гойла и двинулась в маленькую спальню.

Закрыв дверь, Блез указала своей палочкой на Пенси:

— *Sobrietus!* — Пенси рухнула на кровать, словно Блез ее ударила, и закрыла лицо руками.

Блез засунула палочку обратно за резинку чулка и скрестила руки на груди:

— Сядь, Пенси.

Пенси медленно поднялась. Вид у нее был помятый, помада разъехалась по всему лицу, голос сел и напоминал некрасивое рычание. Однако она была трезва, как стеклышко.

— Корова, — возмутилась она, — зачем ты это сделала?

— Мне казалось, что это просто необходимо: в первых, мне нужно было с тобой поговорить, а, во вторых, судя по всему, это не произошло бы раньше, чем ты не продемонстрировала бы свои трусы всем слизеринским семикурсникам.

— Не всем семикурсникам, — ядовито возразила Пенси. — Только парням.

— Не знаю — не знаю. Ты что-то слишком меня лапала. Нет, я тебя вовсе не обвиняю: наверняка сейчас, когда твой дружок исчез с лица земли, ты чувствуешь себя такой одинокой...

Пенси отчаянно покраснела.

— Рон Уизли мне не дружок.

— Конечно-конечно, ты права, — с готовностью согласилась Блез, — ведь он бы тебя и пальцем не тронул, если бы знал, кто ты есть на самом деле.

Пенси усмехнулась.

— Ну, если сравнивать с тем, чем там трогал тебя Драко... Словно никто из нас и не знает, что он ходил с тобой только затем, чтобы никто не заметил, что он, на самом деле, пытается залезть в трусы к этой ужасной гриффиндорке...

Блез расхохоталась.

— Что смешного? — Пенси поморщилась и приложила руку к голове.

— Ничего. Продолжай, Пенси, я убеждена, что Драко уже давно решил вопрос с трусами.

Пенси пожала плечами.

— Ну, я бы не была так убеждена. Он ведь у нас всегда так правильно относился к грязнокровкам и магллобцам — но мне кажется, что иногда чистокровному волшебнику просто хочется вывалиться в грязь; ему нравится все мерзкое, тошнотворное...

Блез прислонилась к двери.

— А как там насчет Рона Уизли? Тебя от него не тошнило?

Пенси вздернула подбородок:

— Он чистокровный волшебник. Его кровь такая же голубая, как и кровь Драко. Просто он беден. И ты должна об этом знать, Блез.

Губы Блез изогнулись в улыбке.

— Ты влюблена в него.

Пенси опустила глаза к своим рукам:

— Ничего подобного.

— О, да. Влюблена, — Блез пересекла комнату и подошла к Пенси, глядя сверху вниз на ее макушку — спутанные каштановые волосы, растерявшие все свои блестящие заколки. — Что ты дала ему, Пенси? Там было так мало защитных заклинаний для всех нас, а ты бы не оставила его беззащитным, особенно, если ты его любишь. Так как ты защитила его?

— Не твое дело, — отрезала Пенси.

— Мое. Я помню, что ты просила одну из моих лишних заколок — помнишь, как ты взбесилась, когда я тебе отказала? Но ведь ты знала — существует строгий запрет на защиту тех, кто не входит в наш круг. Подозреваю, ты именно так и поступила. Уизли знает, что конкретно ты ему дала?

Губы Пенси задергались, казалось, она сейчас займется любимым делом — зайдется в приступе мстительных рыданий. Но Блез даже не задумалась об этом: какие-то полузабытые образы вдруг всплыли у нее в памяти и начали быстро-быстро складываться в единую картинку.

Она вспомнила рухнувшую с метлы Джинни Уизли — во время последнего матча по квиддичу она пролетела мимо брата. Вспомнила Невилла Лонгботтома, пытающегося привлечь всеобщее внимание к пропаже своей жабы. Вспомнила, как сидела у кровати Малькольма в лазарете, и тот пытался вспомнить, что произошло; тогда он еще сказал, что последнее, что он помнил перед тем, как отрубиться, — это то, что он зашел в комнату старост...

— Черт возьми, Пенси... Это же так рискованно... Да ещё в школе... Так ты сама её убила? Как ты от неё избавилась? Как избавилась от улыбки?

Пенси резко вскинула голову, вздернутые губы обнажили мелкие острые зубы:

— Заткнись, Блез, ты ничего не знаешь...

— Я знаю достаточно! — взбешенно перебила ее Блез.

— Я тоже, — Пенси вскочила на ноги и стояла, сжав кулаки. — Я заметила, что ты что-то перестала носить свои заколки, Блез, дорогуша, — прошипела она. — Я-то все гадала, куда они подевались? Я бы сказала, что ты отдала их своему Драко, любимому Драко — этому предателю, этой крысе, этому любителю грязнокровок. Ты ведь прекрасно знаешь, почему они ему не предназначались: он больше не один из нас. Ты что-то там говорила про то, что я влюблена? Думаешь, я не видела, как ты пялишься на него, когда он на тебя не смотрит? Может, он тебе и платил, но для тебя это стало реальностью, правда, Блез? Смейся надо мной, сколько хочешь, надо мной и Роном — зато он хотел быть со мной...

— Да он даже не знал, что это ты!

— Зато я дала ему лучшую защиту! — взорвалась Пенси, раздуваясь от ярости. — Ты не можешь защитить Драко — ему не жить — я слышала, как это говорил мой отец: он умирает и тут ничего нельзя поделать. И я этому рада! У тебя всегда были те парни, которых ты хотела, — тебе было достаточно улыбнуться, посмотреть на них — и они сами падали к твоим ногам. Но ты хотела его. А он никогда не хотел тебя — ты же видела, что он постоянно смотрит на гриффиндорский

стол, также как и я... А теперь он умирает, а ты так его и не заполучила — и я этому безмерно рада: надеюсь, что тебе больно, что это разобьет тебе сердце, если, конечно, оно у тебя вообще есть...

Пенси задыхнулась и замолчала. Она стояла, всё ещё сжимая кулаки, по её щекам лились слезы.

— О чем ты? — тихо спросила её Блез. — Что ты такое говорила про Драко? Что с ним должно произойти?

Пенси подняла на нее мокрое от слез лицо. Её губы сжались в ниточку.

— Ты что — ничего не поняла? Это уже произошло.

Блез стояла, не сводя с нее глаз.

— Ты не в силах ему помочь, — сказала Пенси. — Ты даже себе не в силах помочь, — оттолкнув Блез, она вылетела из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь.

* * *

Много-много веков назад, в стародавние времена среди сливок волшебного общества, в семьях, которые блюли традиции, было такое правило: при отправке письма птицу для доставки подбирали соответственно вести. Белая птица несла послание о мире и дружбе, красная — любовное письмо, черная — весть о мести, коричневая — мирные предложения, синяя — сообщение о победе, а серая — извещение о поражении или смерти.

Сейчас в окно замка влетела коричневая сипуха в металлическом ошейнике. в замке было приятно тепло, воздух трепетал от легких движений ее крыльев, она заскользила по коридорам, вдоль лестниц, пока не нашла небольшую комнатушку и мальчика внутри.

Он сидел, привалившись к стене и согнув ноги, уткнувшись светловолосой головой в колени и обхватив себя руками. Он распространял вокруг себя какой-то серебристый свет... Впрочем, возможно, это был вовсе и не свет.

Сова приземлилась у левой ноги Драко Малфоя и тихонько ухнула.

Драко очень медленно приподнял голову и взглянул на птицу. Он просидел в этой позе так долго, что тело затекло — даже легкое движение причинило боль его окованному мышцам.

В подсознании мелькнуло удивление: как же птица ухитрилась найти его — ему казалось, что его никто не должен обнаружить. Впрочем, это была одна из отцовских сов, привычная к малфоевской крови... да и, к тому же, это были лучшие совы, которых можно купить за деньги.

Он потянулся к птице, собираясь отвязать письмо — то, что он держал в руке, упало на пол с металлическим лязгом, когда он потянулся к птице. Рука страшно болела, ему пришлось предпринять не одну попытку, прежде чем удалось отвязать и распечатать письмо. Позже ему пришлось в голову, что для этого дела он мог бы использовать и другую руку.

Свет, льющийся сквозь узенькое окошко над его головой, тускнел.

Скоро сумерки.

Драко вытянул ноги, не обращая внимания на боль в затекших суставах, и расстелил на коленях письмо.

«Драко,

он бросил тебя — впрочем, как я и ожидал. Кажется, я тебе однажды говорил, что ты поменял свое предназначение, свою судьбу на дружбу мальчишки, которому ты никогда не нравился, — однако ты считал это лучшим выходом и вышвырнул свою жизнь на помойку. Ты никогда ни в чем не знал меры.

Впрочем, я бы не стал тебе писать только ради упреков. Северус не найдет необходимого противоядия, могу заявить это тебе, положи руку на сердце. Единственное, что может спасти тебе жизнь, — возвращение ко мне. Я — твой отец. Я однажды дал тебе жизнь и готов снова это сделать. Темный Лорд поклялся мне, что сам проследит за тем, как все будет сделано, — и точ-

но, при помощи Четырех Благородных Предметов это можно совершить.

В обмен на мою помощь, я ожидаю от тебя непоколебимой верности и послушания. Если на это ты найдешь причины — в чем я не сомневаюсь — пошли мне обратно то кольцо, что ты однажды получил от меня, знак нашей фамилии. Таким образом, ты дашь мне понять, что ты пришел в сознание, и к тебе вернулась фамильная гордость. И ты готов снова занять своё место в наших рядах.

Решай быстрее, Драко, у тебя не так-то много времени. Выбор предельно прост и ясен. Когда мы говорили с тобой в последний раз, мне показалось, что у тебя мелькнула мысль о существовании чего-то, за что стоило бы умереть. Ты всё ещё можешь повторить это?

Твой отец,

Люциус Малфой.»

Драко сидел, не сводя глаз с письма. Потом потер рукой — в синяках и грязи — глаза и снова перечел письмо. Затем перевернул пергамент и, вызвав к себе перо, чем-то, что напоминало серебряные чернила, написал несколько коротких фраз.

Однако, это были вовсе не чернила.

«Дорогой отец,

ты продемонстрировал мне, что можешь заставить меня умереть.

Но это всё, что ты можешь заставить меня сделать.

Драко.»

Физическая боль от написания была настолько невыносима, что его только и хватило на пару строчек, хотя, честно говоря, Драко было, о чем поговорить. И он бы услышал ответ от отца — он был в этом совершенно уверен. Письмо являлось пробным шаром в приближающемся и весьма неприятном обмене. не то, чтобы это сильно заботило Драко: по сравнению с письмом, полученными днем, письмо отца было таким же нежным, как поглаживание по голове.

Он привязал письмо сове на лапу и проводил её взглядом, когда та выпорхнула в открытое окно и полетела по жужжащему сумеркам небу.

* * *

На Кингс-Кроссе Гарри быстро прикинул, что ему делать со своим багажом: ему совершенно не улыбалось целый день таскаться по Диагон-Аллее с огромной сумкой, вмещающей половину его пожитков. Особенно после того, как он сообразил, что слова ЛОВЕЦ ГРИФИНДОРА, вышитые на ней желтыми нитками, никуда не делись. с этим, определенно, надо было что-то делать. Гарри вспомнил слова Драко «Не судьба тебе сохранять инкогнито» и мрачно передернул плечами.

Истратив последние маггловские деньги, он сдал свой багаж в камеру хранения, и теперь ему предстояла пешая прогулка до Дырявого Котла — но Гарри совсем не возражал, это бы помогло окончательно проснуться. Вытащив зубозастрепательный батончик, он записал обертку себе в карман, чтобы внимание маггловских носильщиков не привлекли движущиеся волшебные картинки, и задумчиво грыз шоколадку всю дорогу к выходу.

Эскалатор вез Гарри мимо зеркальной стены,глянув в которую, он не сразу себя узнал. Из зеркала на него взирал паренек в маггловской одежде — джинсах, кроссовках, непромокаемой куртке поверх белой футболки, с лохматыми черными волосами и непривычным — словно обнаженным — лицом без очков. А вся эта одежда, вытащенная с дальних полок его чулана, выглядела как-то очень агрессивно-маггловской, напомнив Гарри себя самого в те времена, когда он жил с Дурслями, и когда мечтал любыми способами вырваться из мира, которому тогда принадлежал. Того Гарри, который, обретая мир, о котором он мечтал, покинул его. Покинул — ради того, чтобы спасти. И ещё одно: сейчас он выглядел куда юнее и беззащитнее.

Без мантии, без палочки в руке, без шрама и герба факультета он стал обычным мальчишкой — чем-то средним между неуклюжим подростком и беззащитным ребенком. Мальчишка с шоколадным батончиком в руке. А ведь он собирается спасти мир.

Неожиданно его пронзило желание, чтобы Драко был здесь и сказал ему, какой же он болван.

Ведь он решился заняться спасением мира не по собственному желанию — он был рожден для этого, избран для этого. Кровь, наследственность и выбор — и он стал такой, какой он есть. Каждый выбор, сделанный им на предыдущих этапах, привел его сюда и вел дальше — туда, куда он направлялся. И не имело никакого значения, что он выглядел как подросток: он был куда больше этого, и уже умел это принимать.

Поттер, ты дурак, — сказал он сам себе, вышвыривая недоеденную половинку шоколадки в ближайшую урну, когда эскалатор доставил его наверх. — Все эти годы ты топтался вокруг, изображая из себя Избранного, а теперь пытаешься выйти из игры? Может, сделать тебе табличку «Гарри Поттер, Спаситель Мира», которую ты бы мог приспособить у себя на дворе, чтобы случайно не забыть?

Голос в его голове звучал чуть протяжно и, хотя Гарри и знал, что его внутренний монолог прозвучал совсем не так забавно, как это сказал бы Драко, он всё же слабо улыбнулся сам себе, покидая вокзал. Это помогло несильно.

* * *

Было три пополудни, когда Гермиона закончила с уборкой в гриффиндорской гостиной. Уже минуло несколько часов, как они со Снейпом закончили работу в подземелье. Он заставил ее пятикратно приготовить противоядие, пока не убедился, что она прекрасно овладела методикой. А Гермиона даже получила от этого занятия некое удовольствие. Ей всегда нравилось полностью растворяться в поисках решения какой-либо задачи. Уже после того, как она, с коробкой, набитой компонентами для приготовления противоядия, вышла из подземелья, она обнаружила, что Драко так и не объявился.

Она дважды безуспешно обшарила весь замок. Слизеринские подземелья были пусты, она колотила в дверь Драко — и не получала никакого ответа. Мадам Помфри была крайне раздражена ее неоднократными приходами в лазарет и слезливыми вопросами о Драко. А с Филчем она просто поругалась, явившись к нему в кабинет с мольбами о помощи. Он послал ее подальше. Она бы отправилась к Дамблдору, но Филч проворчал, что того как раз вызвали по делам Министерства.

Переполаясь отчаянием, она взялась за уборку гостиной, надеясь, что это поможет ей прийти в чувство. Ей не хотелось думать ни о Драко, ни о Гарри. Значит, ей следовало чем-нибудь заняться. Иначе бы она просто не выдержала.

Уборка заняла меньше времени, чем она предполагала. Наложив последнее Заклятье Reparo на разбитую лампу, Гермиона поднялась на ноги и...

...и почти выронила палочку, когда портрет отодвинулся и в гостиную вошел Драко.

Не в силах сообразить, что делать, она потеряла всякую способность двигаться — просто стояла и смотрела на него. А он, засунув руки в карманы и чуть ссутулившись, вопросительно смотрел на нее. Она не знала, чего ждать: наверное, у него должны были быть какие-то признаки внутренней боли и смятения после всего того, что случилось. Будь это Гарри, все можно было бы прочитать на его лице. Но лицо Драко было совершенно непроницаемым.

Он выглядел... совершенно обычно. Аккуратные ярко-серебристые пряди, безупречно чистая и элегантная одежда. Единственное, что было странным, — так это перчатки на руках: в комнате было достаточно тепло, и она не могла понять зачем ему понадобилось надевать перчатки в закрытом помещении. Хотя, вероят-

но, он только что пришел с улицы. Возможно, он прошелся вокруг озера, чтобы привести мысли в порядок. А может, и нет. Может, он скакал по подземелью, сжигая все, что напоминало ему о Гарри.

— Ой, Драко, — наконец, произнесла она. — Где ты был?

— Думал, — ответил он, плюхаясь в кресло перед огнем и забрасывая свои длинные ноги на оттоманку, что стояла у самого камина. — И ещё немного побеседовал со Снейпом.

Гермиона подошла и присела напротив, по-прежнему не сводя с него глаз.

— Ты принял свое противоядие? — спросила она, стараясь, чтобы тревожные нотки не прозвучали в ее голосе.

Он приподнял свою серебристую бровь.

— Ну, конечно. Разве были причины, чтобы я не сделал этого? — он протянул руки к огню, но, заметив взгляд, который она бросила на его перчатки, тут же спрятал их. — Думаю, нам стоит обсудить план нашей игры.

— План игры?

— Да. Я думаю, мы должны найти Поттера. Что скажешь?

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она была готова к бессвязным возбужденным вскрикам, к истерике... и совсем не ожидала увидеть Драко таким: спокойным, рассудительным, даже слегка скупящимся. Словно его лучшие друзья ежедневно бросали его, спеша навстречу смерти, оставляя после себя письма. Письма, в которых говорилось, что все те простые и ужасные вещи, которые могли только прийти ему в голову, — все эти вещи являются правдой. Она увидела, что Драко расстроился от этого не больше, чем от заусеницы. А ведь об истерике, устроенной им на шестом курсе по поводу неудачной стрижки, ходили легенды. Указывая на следы пламени на стенах подземелья, люди рассказывали об этом друг другу, испуганно понижая голос.

— Да, он не хочет, чтобы за ним шли. Я это понял. И в обычной ситуации я бы сказал, что мы должны позволить ему сделать это. в конце-то концов, похоже, что он вполне контролирует ситуацию, правда? А героическое спасение кого-то, кто в спасении не нуждается, выглядит, по меньшей мере, неловко.

— Э-э-э... — Гермиона не могла отыскать слова.

— Представь: ты говоришь кому-то: «Вот, мы явились, чтобы тебя спасти», а тебе отвечают: «Да, я всего лишь вышел выпить пинту пива и подумать о своем...» и тут начинается неловкость и извинения, твой день летит коту под хвост... мне что-то нехорошо... Фу, — прикрыв глаза, он некоторое время глубоко дышал. — Это противоядие — меня от него слегка тошнит. Прошу прощения. на чем я остановился?

— На спасении тех, кто в этом не нуждается, — тихо ответила она. — Драко. Что ты делаешь?

Его глаза блеснули, и по нервам Гермионы покати-лась волна холода.

— Не понимаю, о чем ты: мы вроде бы беседуем о нашей любимой теме: о Мальчике-Который-Сбежал и, как обычно, оставил тебя у разбитого корыта. Видимо, все эти герои автоматически становятся долбаными самовлюбленными кретинами...

— Конечно, ведь только негодяи известны своей добротой и щедростью, — кивнула Гермиона. Кажется, она начинала понимать, что происходит с Драко. — Послушай, я понимаю, что ты рассердился на Гарри...

— Нет, это не гнев, — и его полузакрытые глаза снова полыхнули. — И, если ты ещё не поняла, я не собираюсь вести сентиментальных бесед по поводу Поттера. Как частенько говаривал мой отец, сантименты порождают слабость. Проницательный у меня отец.

— Он отравил тебя и бросил умирать, — заметила Гермиона.

— Верно, — согласился Драко. — Но согласись: если воспринять это как стратегический план, он увенчался успехом.

Гермиона замерла, не в силах отвести от него глаз. Наконец, она заметила слабым голосом:

— Думаю, тебе лучше поделиться со мной своим планом на игру.

— Верно, — Драко двинулся вперед. Отблески пляшущего в камине пламени танцевали вокруг его рта, и было видно, что нижняя губа распухла, словно он кусал её.

— Положим, эти дни он не пускал меня в свой разум, но я всё ещё могу думать, как он. Всплох он оставил тут, значит, он не собирался путешествовать на метле. Он мог бы использовать Дымолетный порошок, однако, его он просто ненавидит, кроме того, сейчас в Сети наверняка есть помехи. Так что я заключаю, что он отправился поездом. Или из Хогсмиды, или из маггловской деревушки — он отправился в Лондон. Вероятно, ночным поездом. Если припоминаешь, мы с этим поездом уже как-то пересекались.

— Припоминаю. Я тоже пришла к этому выводу — рада, что тут у нас взаимопонимание. Вопрос в другом: где он с этого поезда сошел?

— В Лондоне, — мгновенно ответил Драко. — Он должен был сойти в Лондоне: он знает его достаточно, чтобы не паниковать. И при этом город довольно большой, чтобы в нем затеряться. на Диагон-аллее он может найти всё, что ему нужно. А коль ему необходимы деньги, то он отправится в Гринготтс. А деньги ему нужны — он никогда не берет из сейфа столько, чтобы ему хватило на весь семестр, — ему приходится периодически отправлять сов, если он хочет что-то купить.

— Он не пойдет в Гринготтс как Гарри Поттер, — заметила Гермиона. — Он же не совсем бестолковый... И он бы не остановился в Дырявом Котле — он найдет место, где его не узнают... Какая жалость, что у меня нет карты волшебного Лондона... — её ум уже заработал, она прикидывала варианты. — А у тебя?

Драко бросил на нее задумчивый взгляд.

— У меня есть путеводитель по стрип-клубам, но я сомневаюсь, чтобы он сильно тебе помог...

— Карта волшебных стрип-клубов?

— Волшебные Крали и Где Их Искать. Впрочем, если ты думаешь, что это тебе поможет, можешь взять...

— Я не думаю, чтобы Гарри отправился по стрип-клубам.

— Как знать, как знать, — небрежно уронил Драко. — Этот парень полон сюрпризов.

— Драко...

Он сложил руки на груди и передразнил ее:

— Гермиона?..

— Что ты собираешься делать, когда найдёшь его?

— Собираюсь делать с ним, когда найду? Верну его обратно. А ты думала — что-то другое?

— Я не об этом. Я о том... что ты собираешься сделать? — она перевела дыхание. — Я могу рассказать тебе об этом. И я знаю, почему ты так поступаешь. И если это то, что ты должен сделать — хорошо. Но это не прекратится и, когда ты увидишь Гарри...

Бах!

Драко пинком перевернул оттоманку. Гермиона подпрыгнула от неожиданности.

— Так ты спрашиваешь меня, собираюсь ли я причинить ему боль? — в его глазах пылало какое-то ужасающее пламя, голос звучал, как рассекающий воздух хлыст. — Тебя это интересует?

Гермиона дрогнула, однако, стояла на своём.

— Я не это имела в виду...

— Тогда что же? — он прищурился, и Гермиона содрогнулась, мигмом вспомнив все предыдущие годы и всю дикую жестокость, на которую был способен этот изысканный юноша, когда его доводили.

— Гарри не единственный, о ком я беспокоюсь. Ты ведь знаешь об этом, да?

— Признаться, нет, — он смежил веки. Ресницы у него были чуть темнее, чем волосы. — Кстати, чтобы прояснить ситуацию: я хочу найти его по тем же причинам, что и ты. Гм, ну, возможно, не совсем по тем же самым причинам... — его губы дрогнули; но это нельзя

было назвать улыбкой — он, скорее, просто поджал их. — Чтобы убедиться, что с ним всё в порядке и вернуть его в безопасное место — ты всё знаешь. Чтобы он не умер. Потому что я обещал за ним присматривать, верно? Ну, так я и сдержу свое слово.

— И когда он вернется — что тогда?

— Тогда я больше никогда не пожелаю его видеть, — ответил Драко, уставясь в пламя.

Она задохнулась от неожиданности.

— Но ведь ты не в буквальном смысле?

— Не стоит указывать мне, что я имею в виду.

— Я не понимаю, почему ты так поступаешь, — с отчаянием произнесла она. Это... я... я люблю Гарри, я скучаю по нему... я хочу поговорить об этом...

— Возвращаясь к Имению, — перебил ее Драко совершенно ровным голосом, все еще не сводя глаз с камина, — так вот, возвращаясь к Имению: когда я подросток, отец каждый раз выносил на званий обед стул, на котором я должен был сидеть, и ставил его рядом с собой. Обеды длились часами, ты даже представить себе не можешь, что это такое — это целая церемония. Всё до предела формально и регламентировано. Все играют какую-то роль — абсолютно все. И мой отец тоже — он все планировал, и это кресло было неспроста: отец его заколдовал, и то, что смотрелось простым орнаментом на спинке, вовсе им не являлось — это были ножи, которые впивались в меня. Они были повсюду — и на подлокотниках тоже. А я должен был спокойно сидеть, беседовать и вести себя совершенно естественно — попытайся я устроиться поудобнее или же отодвинуться от них, как они тут же становились еще длиннее и острее. Я не мог ни встать, ни отодвинуться, — я должен был сидеть и изображать, что прекрасно провожу время. И я в этом весьма преуспел. на это потребовались годы, но зато все вокруг говорили моему отцу, что у меня отличные манеры.

Он замолчал. Гермиона смотрела на него в упор:

— Ты говоришь загадками.

— Не загадками, — поправил ее Драко. — Притчами. Это большая разница.

— Притча.

— Да, такой короткий рассказ, из которого следует некий моральный вывод. Лучше, если аллегорический. Несомненно, ты знаешь, что такое притча.

— Я знаю, что такое притча, — кивнула Гермиона. — но у меня несколько другой склад ума — не такой готический, как у тебя. Я практик, и ты об этом знаешь. Я думаю, что Гарри подобен тем ножам, что втыкались в тебя. И я не понимаю, почему же ты тогда согласишься отправиться со мной на его поиски. Это, во-первых.

— У меня нет выбора. И ты должна об этом знать. Это ведь ты сделала.

— Я сделала? — захлопала глазами Гермиона.

— »Будь с ним«, — пояснил Драко. — Что, забыла? »Всегда будь рядом, присматривай за ним... проверяй, как он. не бросай его и не позволяй ему уйти, а коль он уйдет — следуй за ним. Пообещай мне, Драко, пообещай мне«, — его голос надломился.

Гермиона оторопело смотрела на него.

— Я же не думала, что может случиться такое, — тогда, когда просила тебя дать мне слово. Я тогда думала, что не смогу его защитить, я хотела, чтобы ты это сделал... Ты не должен...

— Нет, я должен, — отрезал он. — Я Малфой. И я дал тебе слово. И я не могу его нарушить.

— Я беру назад свою просьбу.

— Нет, ты не можешь. Да и если бы могла — не стала бы. Ты говорила, что я нужен тебе, что я не должен тебя покидать. Или же ты хочешь, чтобы я бросил тебя? — он всё смотрел и смотрел в огонь.

Гермиона нервно сжала пальцы.

— Нет. Могу я тебя кое о чем спросить?

Он не перевел на неё взгляда.

— Но я могу и не отвечать.

— Что ты сделал со своими руками?

Его плечи вздрогнули. в камине рухнуло прогоревшее бревно, рассыпав веер искр.

— Драко...

— И всё же я остаюсь при своем мнении: нам надо начать с Гринготтса, — он не дал ей закончить. Стоит послать туда сову. по крайней мере, мы предупредим их о Гарри. И в Дырявый Котел тоже. Ведь он же — Гарри... Временами он забывает про то, как он знаменит. Он наверняка скрыл свой шрам. Да и от очков, скорее всего, избавился. И всё же я думаю, ему не приходит в голову, как узнаваемо его лицо. Да что лицо — просто глаза: очень немногие люди обладают глазами такого же цвета. не думаю, что ему пришло в голову изменить цвет...

Гермиона соскользнула с кресла, опустились на колени — как раз напротив него — и взглянула ему в лицо. Он сидел, глядя в огонь, сплетя черные руки на коленях.

— Драко, — снова начала она и осеклась. Ей хотелось сказать что-то нежное, но она поняла, что все её слова разобьются, как крылышки колибри при столкновении со стеклянной стеной. — Ты не...

Она не успела закончить: портрет отодвинулся, и в гостиную вошла мадам Помфри. Вид у нее был смятенный, в руках она сжимала зачем-то прихваченную с собой коробку с бинтами.

— Джинни пришла в себя, — сообщила она. — Она зовет вас обоих, говорит, что ей нужно немедленно с вами переговорить.

* * *

Гоблин за стойкой с сомнением прищурился на него.

— Значит, вы совершенно уверены, что вы — Сириус Блэк?

— Да, — решительно подтвердил Гарри. — Я владею сейфом номер 687 совместно с Гарри Поттером, моим крестным. Вот мой ключ, вот бумаги — убедитесь сами.

Гоблин приподнял брови, но все было именно так: большой золотой ключ и вытасченные из стола Сириуса в Имении документы. Гарри мысленно поблагодарил судьбу за то, что в волшебном мире никто не относился всерьез к такой вещи, как идентификация личности по фотографии. И ещё за то, что гоблины отличались плохим зрением и мало интересовались делами волшебников.

— Не могу не заметить, мистер Блэк, — произнес гоблин, принимая ключ из рук Гарри своими тонкими чуткими пальцами, — что для своего возраста вы выглядите просто потрясающе. Вы совершенно не похожи на листовки с вашим изображением...

— Ну... — слабо ответил Гарри, — ежедневное увлажнение, лосьоны и омолаживающие кремы... они творят чудеса.

Гоблин кивнул, уже утратив к нему интерес.

— Ну-с, я сейчас найду, кто проводит вас к вашему сейфу. Я могу ещё что-нибудь сделать для вас?

— Подождите, — живо откликнулся Гарри. — Вот ещё... — вывернув карман наизнанку, он вытащил принадлежавшую Люциусу монету и толкнул её по стойке в сторону гоблина, тот прищурился на неё так же, как только что щурился на Гарри. — Вы можете мне что-нибудь сообщить об этой монете?

— Это карпатский галлеон, — ответил гоблин после мига созерцания. — Редкость в наших краях, мистер Блэк. Возможно, румынский. Пока вы путешествуете к своему сейфу, я могу узнать все подробности и сообщить вам по возвращении.

— Спасибо, — поблагодарил Гарри, испытывая значительное облегчение. — Я буду весьма признателен.

Два вызванных гоблина поменьше, с ног до головы в красном и золотом, повели Гарри к сейфу, и тот послушно последовал за ними. Гоблин за стойкой растерянно смотрел вслед худенькому юноше с ярко-

зелеными глазами и лохматой шевелюрой, скрывшемуся за двойными дверями в конце зала.

Гарри Поттер грабит своё собственное хранилище, — подумал он со смесью удивленного веселья и осуждения. — Да, волшебники и вправду очень странная порода. Очень странная.

* * *

Гермиона слушала рассказ Джинни со странным ощущением, будто ей всё это снится. Подобные грандиозные события, произошедшие вдали от всеобщих глаз, её ошарашили. Хотя, как ей казалось, после отъезда Гарри её уже ничто не сможет удивить.

Пока Джинни рассказывала, Драко с совершенно равнодушным лицом стоял у окна, глядя в темнеющее небо. Иней затянул окно, и теперь на его лице появлялся странный рисунок, напоминающий пушистые шрамы.

— Перефразируя Гамлета, Эдипа, Лира и всех остальных подобных парней, — заметил он, когда она закончила, — было бы мило, если бы мы узнали эту историю до того, как все пошло наперекосяк.

Джинни посмотрела на него, потом перевела взгляд несчастных, тёмных глаз на Гермиону. Под ними залегли синяки, не прошедшие даже после того, как мадам Помфри использовала заживляющее зелье.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — произнесла она. — Я была невероятно глупа. И... Драко, я украла у тебя, из твоего дома. Я очень сожалею. Это всё моя ошибка.

— Да, это весьма точное определение сложившейся ситуации, — Драко стоял, не отводя взгляда от окна и засунув закрытые перчатками большие пальцы рук за пояс. — по крайней мере, Дамблдор хотя бы забрал у тебя Хроноворот. Почти вовремя.

Джинни промолчала, но напряженная складочка вокруг губ стала глубже. Гермиона с трудом удержалась от крика. Будь здесь Гарри, он шагнул бы вперед и сказал что-нибудь Драко, а тот, отпустив какое-нибудь меткое замечание, всё же прислушался к просьбе и взял бы себя в руки. Но Гарри, чтобы держать его в узде, не было, а больше он никого не стал бы слушать.

— Драко, — она понимала, что толку не будет, — не надо. Она знает.

Он почти незаметно двинулся, она увидела, что он бросил в её сторону косой взгляд. Гермиона почувствовала его ярость. Казалось, что он обвит тонкой серебряной проволокой — она удерживала его, становясь фильтром для струящегося в воду яда.

— Думаешь, мы можем считать, что она всё знает? не уверен. Особенно с учетом её последних действий. Хотя, несомненно, определенная логика была: судя по всему, нам тут мало убийц-психопатов в лице моего отца, Темного Лорда и этой нимфоманки — его почтальонши. Видимо, Джинни решила, что четыре — это гораздо удачнее, и таким вот образом дала нам возможность насладиться симметрией.

— Знаю, — спокойно ответила Джинни. Только руки выдавали её напряжение: она нервно теребила белое покрывало поверх тонких коленок. — Я позабочусь об этом, как смогу. Я расскажу Дамблдору...

Эффект от этих слов не замедлил себя ждать: Драко резко повернулся от окна, побелел, как полотно и зашипел на неё:

— Нет! Нет, ты не пойдешь и ничего не расскажешь Дамблдору! Я тебе это запрещаю!

И Джинни, и Гермиона замерли, остолбенело уставясь на него.

— Ты мне запрещаешь? Но почему?..

— Запрещаешь? — вторила ей Гермиона резким голосом. — Почему?

Драко рассмеялся — в этих звуках не было веселья, смех его напоминал отрывистый насмешливый лай.

— Ты что, и правда, не знаешь? — губы его искрились, и у Гермионы мелькнула мысль, что он единственный человек, способный издеваться так элегантно

но. — Ты что — не понимаешь, что ты наделала? Вольно или невольно, Джинни, но ты подняла мертвеца. Лорд Вольдемор — Том Реддл — он же был мертв. Это некромантия. Худшая из всех магий. Это Поцелуй Демонатора. Тебя сразу отправят в Азкабан — никаких апелляций, никаких вторых шансов. Ты понимаешь? — они убьют тебя за это.

Гермиона ахнула.

— Нет, уверена, что это не так: она ведь ещё несовершеннолетняя, кроме того, у неё это получилось случайно...

— Ты скажи это моему отцу, — огрызнулся Драко голосом, наполненным ядом. — Он попытался убить её, когда ей было одиннадцать — как думаешь, он бы упустил сейчас такую возможность? Может, конечно, Дамблдор и попытается защитить её, но я хотел бы увидеть, как эта чертова пустая школа устоит против моего отца и всех его Пожирателей Смерти. Они здесь всё заблокируют, вытаскают её из лазарета и швырнут демонаторам посреди Хогсмиды — в назидание — о, мой отец любит назидательные примеры... — Драко обратил пылающий серебристый взгляд на Джинни. — И могу я, кроме этого, заметить, что Финниган отныне и не Финниган вовсе, и мы не знаем, где он — так что на неё вполне могут повесить ещё и его убийство.

Тут Джинни потеряла над собой контроль, и слезы потекли у неё по щекам.

Гермиона удержала себя от желания кинуться к ней с утешениями — ей хотелось узнать, что делает Драко. Но тот стоял, не двигаясь, и всё смотрел на Джинни, пытающуюся взять себя в руки. Она задыхалась, давилась рыданиями, не в силах сдержаться, украдкой смахивала с глаз слезы и вытирала руку об покрывало.

— Простите. Плач. Глупо. Я знаю.

Драко прищурился и тихонько коснулся рукой её щеки.

— Это война. А на войне случаются потери.

— Я не хочу считать Симуса потерей, — возразила Джинни.

— Я не имел в виду Симуса.

— Он может быть прав, — тихо заметила Гермиона. — Как правило, после уничтожения вселившегося в тело духа, жертва приходит в себя, совершенно не помня, что произошло.

Драко убрал свою руку от лица Джинни и присел в ногах её кровати. Гермиона не ожидала от него этого.

— А в других случаях?

Гермиона знала, что Драко задаст этот вопрос — вопрос, на который она не хотела ответить.

— Иногда они помнят, — тихо произнесла она.

Джинни уже не плакала, а только всхлипывала.

— Если можно помочь Симусу, мы должны должны рассказать всё Дамблдору. Мне всё равно, что будет со мной.

— Но мы не знаем, поможет ли это Симусу, — возразила Гермиона. — Да и Дамблдора сейчас нет — у него на двери записка, что он отправился в Лондон. Мы не знаем, насколько опасен Том, ни много ли он помнит... Вот что — Джинни, ты говорила, что он напал на тебя вечером, и ты отшвырнула его, — Джинни кивнула. — Но мы нашли тебя только утром... Он не нанес тебе больше никаких повреждений: ты говорила про синяки и ушиб на голове — что это было всё, что он сделал. А потом ты была без сознания. Если бы он хотел тебя ранить или убить — он бы запросто мог это сделать. Вместо этого он убежал. Возможно, было просто временное помешательство, а потом Симус пришел в себя, ужаснулся и сбежал, — Гермиона пожала плечами. — Понимаю, это звучит глупо, но мы же ничего не знаем наверняка.

— Кое-что мы знаем, — Драко вытащил из кармана пергамент и развернул его к свету — через миг Гермиона узнала карту Мародеров. — Ни Симуса Финнигана, ни Тома Реддла сейчас в замке нет.

— Я знаю, — тихонько шепнула Джинни. — Я ... чувствую Тома, когда он рядом. Сейчас этого нет. Он ушел.

Гермиона вздохнула.

— Первым делом нам надо найти Гарри. Потом мы расскажем ему про Тома Реддла, пусть он придумает, что нам делать. Потом я пошлю сову Симусу — стоит, думаю, хотя бы попытаться... — и еще несколькими людям на Диагон-аллее, чтобы они не спускали с него глаз, — она остановилась, увидев выражение лица Джинни. — Джинни, что такое?

— Найти Гарри? Что ты имеешь в виду?

Драко, занимающийся сворачиванием Карты Мародеров, вскинул неожиданно беззащитный взгляд. Но его глаза тут же снова стали совершенно непрозрачными.

Гермиона мысленно прокляла себя.

— Джинни, мне очень жаль... Тебе и так досталось...

— Нет, — Джинни выпрямилась и резким движением откинула назад волосы. — Говори. Я всё рассказала вам — вы тоже ничего не скрываете.

— Верно, — прозвучал голос у них за спинами, от которого Гермиона подскочила. Она не ожидала ни услышать этот голос, ни увидеть его обладателя.

— Я бы сказал, что тут что-то слишком много всего, — произнес Чарли Уизли, быстро подходя к ним. Его огненная шевелюра была спутана и влажна от холодного воздуха. — Откуда все эти несчастные лица и разговоры про сокрытие каких-то вещей? Может, кто-нибудь расскажет мне, что происходит?

* * *

Рон поднимался, заканчивая уже шестой виток лестницы, когда из ниши на него бросилась трехголовая змея. Выдохнув с перепугу что-то очень грубое, он, споткнувшись, покачнулся назад, едва не спихнув Рисенн с лестницы. Вздвигнув, она метнулась в сторону — Рон выхватил из скобы ближайший факел и развернулся к змее.

Но та уже исчезла за углом.

Рон снова чертыхнулся себе под нос. Он ненавидел змей. Ну, конечно, не так, как пауков, но всё-таки. И то, что Гарри мог говорить с этими холоднокровными ползучими гадами, не делало их милыми сердцу Рона — они всё равно оставались мерзкими и отвратительными.

Он медленно шёл вверх, освещая себе факелом путь. Перед ним на неровной стене мелькнула тень змеи, и он с трудом сглотнул — в горле было сухо, словно оно забилося пылью. Он попытался представить себе действия Гарри и Драко в подобной ситуации. Ну, с Гарри всё было понятно: поговорил бы со змеей, прошептал бы ей что-нибудь успокоительное на змеином языке, после чего та с удовольствием подчинилась бы всем его командам. Драко, наверняка, выхватил бы один из своих всех уже доставших роскошных мечей и через пару минут, жонглируя двумя головами, пинал бы ногами третью и сочинял какую-нибудь шуточку по случаю.

Рон, понимая, что не способен ни на то, ни на другое, покрепче сжал факел и сделал ещё один неуверенный шаг наверх.

— Ну, слава тебе, господи, — раздался у него за спиной раздраженный голос. Повернувшись, он увидел, что Рисенн уже на ногах и стоит за спиной с немного взволнованным выражением лица. — не придется сталкиваться с Кевином.

— Кевином? — тупо переспросил Рон.

— Со змеей, — как что-то очевидное, пояснила Рисенн.

— КЕВИН?

— Да, Кевин. Страж северного выхода на крышу.

— Ой, и, правда, — саркастически откликнулся Рон. — А тебе не пришло в голову, что существуют и другие выходы на крышу? Южный... восточный и даже западный?

— Западный выход охраняется боевыми шершнями, — возразила Рисенн. — А восточный — живыми скелетами.

— А южный?

— Гигантскими тарантулами.

— А-а... — раздражение Рона частично испарилось.

— Если ты такой пугливый, — фыркнула Рисенн, то я пойду вперед, — она подхватила повыше свою юбку и зашагала вперед. Чувствуя себя полным дураком, Рон последовал за ней.

Змея следила за ним, лениво помахивая раздвоенными языками. Но лишь Рон сделал шаг вперед, как она впиалась в него холодным взглядом трёх пар глаз. Рон взглянул в эти гипнотизирующие глаза — золотые, с тёмной чешуей вокруг, и содрогнулся, когда страж заговорил с ним. Этот голос звучал у него прямо в голове — наверное, именно так Гарри и слышал голос Драко.

...Прорицатель.

Рон опустил руку с факелом:

...Да, это я.

...Ты слишком печален для того, кто благословлён таким даром. Это ведь такая редкость. Твои грёзы и видения — реальность, которая грядет.

Рон снова подумал о мертвой Джинни, — от этого внутри у него всё перевернулось.

...И что — я ничего не могу сделать? Всё, что я вижу — неизбежно и непоколебимо? Это можно изменить?

...Нет. Всё, что ты видишь, нельзя не изменить, ни отменить. Всё в этом мире конечно, о, Прорицатель — и конец всего и дано видеть тебе. Если постарайся — сможешь увидеть и конец мира.

...Мне вот что-то не кажется, что это такой уж подарок, — кисло возразил Рон.

...Это не всё, что ты можешь...

Рон повыше поднял факел — его пламя превратило шесть золотых глаз в шесть пылающих огней.

...О чем ты? Что ещё я могу?

Но змея, испуганная светом пламени, метнулась прочь и, шипя, скрылась в нише. Чертыхаясь, Рон в смятении едва удержал факел в руках.

— А ну, вернись... — но Рисенн вцепилась ему в рукав, её серые глаза потемнели, наполнившись непонятной ему печалью.

— Не беспокой обитателей замка, — тихо произнесла она. — Это было бы неразумно.

Рон промолчал, позволив ей увлечь его вверх по лестнице. Он поднялся к ней и — едва ли осознавая, что делает, разрешил ей взять себя за руку.

* * *

— Чарли, — еле слышным шепотом произнесла Джинни.

Оторвав взгляд от своих рук, покоившихся у него на коленях, он посмотрел на сестру.

— Что, Джинни?

Она с трудом верила, что он тут, — внезапно появившись в лазарете, он шикнул на Гермиону и Драко, выставив их за дверь, задернул занавески вокруг кровати и присел рядом на низкий стул. Джинни ждала, когда он заговорит, но Чарли все молчал и молчал, давая ей время подумать и собраться мыслями.

Он ободряюще взглянул на нее своими синими глазами. Она подумала про своих братьев: Билл, намного старше её, — она всегда смотрела на него снизу вверх. Яркий и очаровательный. Перси — надёжный, временами раздражающий, на которого всегда можно положиться в случае опасности. Фред с Джорджем, изводившие её всё детство, но зато, как никто другой, умевшие её развеселить. Больше всех она любила Рона — он был ей ближе всего по возрасту, он был её другом. Но Чарли... — он был особенным.

— Откуда ты узнал, что надо приехать? — спросила она шепотом.

— Драко. Он отправил мне сову.

— Что он сделал? — оторопела она, едва не открыв рот.

— Послал сову, написал, что ты ранена, и я должен прибыть немедленно, — Чарли пожал плечами, — ну, я и прибыл. Хорошо, что он написал мне, а не маме с папой... надо его поблагодарить... — не думаю, что им бы удалось явиться так же быстро.

— Наверное, он сделал это, пока я была без сознания, — Джинни уставилась на свои руки. Они были розовее, чем простыни, на которых лежали, но всё равно очень бледные. Было навязчивое ощущение, что все тело покрыто болезненными синяками, хотя она прекрасно знала, что мадам Помфри вылечила большинство ее повреждений. Её тело ещё помнило прикосновения Тома — словно огненные кольца обхватили запястья, руки. Губы болели от его укуса.

— Чарли, — медленно начала она. — Я натворила ужасных дел. По-настоящему ужасных.

Он накрыл её руку своей — тёплой и сильной.

— Ты не обязана рассказывать мне обо всем.

— Я не могу тебе рассказать... Но хочу... Я хочу спросить, что мне делать.

— Тебе нужно вернуться домой. Прямо сейчас. Со мной.

Она покачала головой:

— Я мечтала бы об этом. Правда. Но это выглядит как... бегство.

— Какое бегство? От чего? — спросил Чарли. — Ты хочешь быть рядом с друзьями в тот момент, когда они нуждаются в тебе — я понимаю. Ты хочешь быть с Гермионой, Драко, Гарри...

— Гарри ушел, — перебила его Джинни, — а они не хотят сказать мне, что случилось. Но я всё вижу по их лицам. Он куда-то ушел.

Чарли выглядел так, словно не верил своим ушам:

— Гарри ушел? Зачем?

— Убивать Вольдеморта, — просто ответила Джинни.

— О... — оторопел Чарли и удивленно взглянул на Джинни. — Кажется, ты по этому поводу совершенно спокойна...

— Я всегда это знала, — ответила Джинни. — Просто они этого не видели — не хотели видеть. Это был вопрос времени. Если бы они не любили его так, он бы ушел давным-давно. Он никогда не был здесь по-настоящему, целиком, — какая-то часть его всегда была чем-то связана, где-то скрыта. Он ждал. В Гарри всегда был уголок, к которому нельзя было прикоснуться.

Поколебавшись, Чарли все же спросил:

— А уже не?...

— Нет, — остановила его Джинни, — нет. Поэтому я могу это видеть, а они — нет, — она подняла голову, — Чарли...

Он наклонился к ней и обнял, — она положила голову ему на плечо и замерла, просто уткнувшись в брата и позабыв обо всем. От Чарли пахло кухней Норы — дымком, мылом, скобленным деревом. Пахло домом.

Но лишь только она закрыла глаза, совсем другие образы появились перед ее внутренним взором, совсем другие синие очи засияли перед ней. Протяжный голос запел у неё в ушах, она почувствовала, как прутиками захрустели ломающиеся кости.

Он не ранил меня. Ничего мне не сделал. Я была без сознания. Он просто оставил меня. Почему же он не воспользовался шансом и не убил?

Чарли испуганно отшатнулся от неё, и она сообразила, что произнесла все это вслух.

— Господи, что ты несешь? Кто чуть тебя не убил?

Она содрогнулась.

— Я просто подумала... про мой первый год здесь. Прости.

Чарли выдохнул.

— Я не могу заставить тебя вернуться домой, Джинни. Всё, что я могу, — это сказать, что для тебя сейчас это было бы самым правильным решением. Мы

все так устали... Эта работа сутки напролет... Ты бы могла нам помочь. И, — мы скучаем.

Джинни устало посмотрела на брата. Дело было не в том, что она хотела оставаться, — она и, правда, хотела вернуться домой. Она не могла помочь Гарри — он ушел. Гермiona, вообще никогда не нуждалась в её помощи — не нуждается в ней и сейчас. А Драко... Она хотела бы помочь ему, но не могла: сквозь эту холодность в его глазах, она видела то, что под ней пряталось — ужас, панический страх перед одиночеством, отказ от всего, что она только могла себе представить. Она знала, что существует только один человек, который может помочь ему, — единственный человек. И этот человек — не она.

И было кое-что ещё. Что-то, что практически невозможно было понять. Она опустила взгляд к своим рукам. Ожоги зажили, оставив белые шрамы, бегущие кружевной сеточкой от кончиков пальцев к запястьям. Она была даже рада этому напоминанию: она привела Тома в мир, и теперь рядом нет Гарри, чтобы вернуть его обратно. Теперь она должна сделать это сама.

Она медленно сжала кулак и подняла глаза на брата.

— Забери меня домой, Чарли. Я хочу домой.

* * *

Сквозь тёмные зловещие облака прорвался последний солнечный луч. Со стороны Запретного леса на озеро дул холодный ветер, словно волна, разбиваясь о ступени огромной парадной лестницы замка, на которой стояли три маленьких фигурки. А ещё одна фигурка — повыше, с рыжей головой, ждала их внизу.

Гермiona попрощалась с Джинни первой, они крепко обнялись, и Гермiona ушла, дав возможность Джинни и Драко попрощаться наедине. Драко стоял ступенькой выше и смотрел на неё сверху вниз. Волосы Джинни были цвета заходящего солнца.

Медленно потянувшись — сейчас у него все получилось ужасно медленно, словно он двигался сквозь воду, — он поправил её яркую прядь.

— Я полагаю, что не очень хорошо поступил с тобой, да?

— Да. Но этого я и ожидала.

— Правда?

Как ни странно её губы дрогнули, и на них появился призрак улыбки.

— Знаешь, с тобой трудно оставаться довольной. Я знаю, почему ты всё сказал мне вчера. Но ведь это не легко, правда? Ни для кого. Тем более — для тебя.

— Не волнуйся обо мне. Я могу сам о себе позаботиться.

— Гарри ушел, да? — спросила Джинни.

Какая-то часть разума Драко захлопывалась, лишь только речь заходила о Гарри — неважно, кто и что говорил, так произошло и теперь: словно упала железная решетка — он, как наяву, услышал лязганье железных пик, спрятавших его от мира.

— Да. Он ушел. Гермiona же тебе сказала.

— Нет. Я увидела это на твоём лице, — она откинула волосы с его глаз. Он стоял, прислушиваясь к прикосновению маленьких холодных пальчиков к его коже и испытывая странное чувство вины, словно мог причинить ей этим боль.

— Теперь я волнуюсь, — произнесла она.

— Не волнуйся. Мы найдём его. с Гарри всё будет в порядке.

— Я волнуюсь не за Гарри.

— Джинни! — окликнул ее снизу Чарли. — Мы должны вернуться засветло!

Джинни повернулась, медленно опуская руку, Драко подхватил её кисть и развернул ладонью вверх. Она испуганно вскинула глаза: он потянулся в карман и, найдя там то, что искал, опустил ей в руку.

Он нашел это днем, на полу Гриффиндорской гостиной — всё, что осталось от заколдованного браслета

Симуса: остатки заклятья в виде сердечка. Как Драко ни смотрел, вторую половинку он найти не смог.

— Осторожно, — предупредил он. — Там острые края.

— Знаю, — кивнула она и сомкнула пальцы. Он держал ее за запястье, даже сквозь перчатки чувствуя слабое, но четкое и быстрое биение ее пульса. Она была такой живой... и он не смог обвинить её ни в тех бедствиях, что она накликала на их головы, ни в тех ошибках, что она совершила... Он даже позавидовал ей — в конце концов, она хоть что-то, но сделала. Он же не сделал ничего и потерял всё.

— Драко?

— Да?

— Теперь — только ты и Гермiona.

Драко приподнял бровь. Несколько месяцев назад по поводу Гермiony происходили совершенно ужасные баталии. Он не хотел повторения.

— И что?

— Вот и разберитесь с этим.

— С чем? — спросил он, хотя догадывался об ответе.

— Я про уход Гарри, — резко произнесла она голосом, по твердости напоминающим кремь. — И, если я его знаю, он не сделает ничего, чтобы помочь вам найти его. Может, он и хочет, чтобы его нашли. А может, нет. Я не могу тебе этого сказать — всё, что я могу сказать, — это то, что с его уходом ты больше не будешь знать, кто ты. И лишь найдя его, тебе удастся понять, чего же ты хочешь, — ведь сейчас ты совершенно не можешь в этом разобраться... И если Гермiona поможет тебе в этом — что ж, отлично. Делай то, что считаешь нужным, и не беспокойся за всех остальных — думаю, мы все были бы куда счастливее, если бы ты смог понять, что же тебе, в конце концов, нужно... Боже, я так надеюсь, что однажды ты мне расскажешь об этом...

Это было удивительно длинная речь, с которой она обратилась к нему за столь долгое время, и в его голове тут же начали роиться возможные варианты ответов — дерзких, отрицательных, жестоких... Но внезапно его накрыло воспоминание: они с Гермionой стоят тут, на этих самых ступенях, сплетя руки — их пальцы в перчатках чередуются: белый, черный, снова белый и черный... Они смотрят вниз и видят там, у ступеней, Гарри — тот смотрит на них обоих. по некоторым причинам в его разуме Гарри и Гермiona были неразделимы, она была такой же частью его, как и зеленые глаза, беззащитная честность и упрямая гордость.

Он снова подумал об отцовском стуле со впивающимися в спину рядами лезвий, вспомнил, как возвращаясь с вечеринки, снимал с себя одежду и, заглядывая себя за спину, смотрел на эти подтеки крови на спине, напоминавшие рубцы от удара кнута. Потом посыпал домашних эльфов за быстродействующим зельем — и наутро все следы пропадали.

Драко даже в голову не приходило, что бывают повреждения и раны, от которых не в силах помочь даже магия.

Он снова опустил глаза к Джинни. Ветер взметнул ее волосы, раздул мантию — они вскинулись, как два стяга: красный и золотой. Бледное лицо, решительный взгляд. Нельзя отпустить на волю того, кто не был связан с тобой, но сейчас он мог точно сказать: она разорвала всё, что их связывало, — если их вообще что-то связывало. Он сам хотел от неё этого, но теперь лишь осознал иронию происходящего: не будь всё так пугающе мрачно, это было бы почти забавно.

Протянув руку, он коснулся кончиков её рыжих волос. Он не солгал, говоря, что они были его слабостью: он всегда был падок на красивые и дорогие вещи, на богатые цветом закаты и удивительные места. Тусклый свет подарил её волосам цвет крови и слегка позолотил их.

Она чуть отодвинулась назад.

— Не надо. Тебе это кажется добротой, но это не так.

— Я не добрый. И никогда им не был.

Она шагнула от него, спустившись на несколько ступеней.

— Так какой ты — ты хоть сам знаешь об этом?

Он не ответил, молча засунул руки в карманы. Она бросила на него быстрый взгляд, а потом резко повернулась и сбегала по ступеням к ждущему её у экипажа брата.

* * *

Гарри пригнулся и чертыхнулся себе под нос: свалившийся с верхней полки выпуск «Кто есть кто в волшебном мире» едва не сделал вмятину в его голове. Он вцепился в лестницу, на которой стоял, и чуть откинулся назад, уставившись на уходящие в бесконечность бесчисленные полки. Ему раньше не приходилось бывать в этом разделе Флориш и Блоттс — служащий за стойкой бросил на него странный взгляд, когда Гарри поинтересовался разделом путешествий, — хотя, возможно, он просто пытался понять, кто же этот хрупкий, нервничающий, растрепанный юноша без очков, всё время старающийся держаться подальше от света, словно в довершение всего был ещё и очень стеснителен.

— Ты немного похож на Гарри Поттера, — заметил клерк, провожая Гарри в запасники.

— Да, мне все это говорят, — несколько нервно ответил Гарри, потуже заворачиваясь в мантию. — Мне так не кажется.

Теперь Гарри, прикусив губу, пристально разглядывал книги и туристические справочники: Вся Европа Дымолетом — 1997, Путеводитель по Восточной Европе: Одинокая Метла, Волшебный Путеводитель по Маггловской Европе, Культурный Шок: Карпаты и Их Жители, Основные Правила Волшебных Путешествий.

Протянув руку, они потащил к себе несколько наиболее подходящих томов, прыгнул вниз и прямоком направился к большому стулу в дальний уголок комнаты, на который и уселся, испустив облегчённый вздох: он уже не первый час провел на ногах. Что было особенно тяжело с учётом того, что в поезде ему отдохнуть не удалось.

Но книги вызвали у него лишь разочарование: в них не было ни малейшей информации о том, как перемещаться с одного места в другое, — то есть именно того, что Гарри и хотел узнать. Вместо этого там была куча советов от волшебников по поводу путешествий в мире магглов, которые Гарри прочитал со смешанным чувством недоверия и нарастающего веселья.

Согласно Дымолету: «Маггловские поезда, в отличие от волшебных, не оснащены Звуковыми Чарами, предупреждающими путешественников о прибытии на станцию. Поэтому путешественник всегда должен быть начеку: стоит высунуть голову в окно и внимательно разглядывать окружающий пейзаж, чтобы не пропустить свою остановку. Чем дальше вы высунете голову, тем лучше будет вид».

Гарри подавился смешком, закрутив головой, книга соскользнула ему на колени. Он не припоминал, когда в последний раз читал что-то настолько же смешное и нелепое. Ему сразу пришло в голову, что бы сказал по этому поводу Драко.

Но это воспоминание тут же отрезвило Гарри, и он вернулся в реальность. на какой-то краткий миг он забыл, что Драко сейчас с ним не было. Последние восемь месяцев они были крепко-накрепко сцеплены друг с другом, и привычка к этому почти постоянному ментальному контакту заставила Гарри сейчас ощутить себя так, словно он открыл глаза в полной темноте и вдруг осознал, что не может ничего увидеть, что он ослеп.

Он попытался вернуться к чтению, но слова плыли у него перед глазами: это внезапное осознание, что Драко больше нет рядом, было сродни физическому потрясению — словно кто-то подкрался и безо вся-

кого предупреждения сунул под ребра холодный и острый кинжал. Гарри подозревал, что с течением времени это ощущение будет только усиливаться. Он где-то читал про пациентов с ампутированными конечностями, которых мучили фантомные боли, — разум не мог смириться с потерей отрезанной или сожженной руки или ноги.

Ему захотелось сейчас разблокироваться и взглянуть на Драко — он знал, что с такого расстояния у него это получится, это было сложно, но возможно: еще летом Гарри удавалось преодолеть разумом расстояние между Имением и Норой.

...Он лежал на спине в траве у карьера, прикрыв лицо рукой, и вдруг подумал, что хотел бы, чтобы Драко оказался рядом. Ощувив внезапный укол тоски, он вмиг потянулся к нему сквозь разделявшее их пространство — словно неся к свету сквозь тьму.

...А вот и ты, — произнес он, улынувшись. — Как погода? Над Именем тоже светит солнышко?

Ответ пришел почти тут же — чуть протяжный и язвительный:

...Нет, Поттер, солнышко светит только тебе.

Гарри рассмеялся.

...Что поделяваешь?

...Летаю, — внутренний голос Драко звучал как-то совсем по-летнему: словно лениво текущая под палящим солнцем река. — Видишь?

Он раскрыл перед Гарри свой разум, словно настезь распахнул окно. Смех Гарри растворился во вздохе, он вцепился руками в траву под собой, мысленно взмыв над землей и очутившись в горячем синем воздухе. Под ним расстилались земли и фонтаны Имени — брызги синей воды, нежно-абрикосовые оттенки роз, vzdымающийся в отдалении лес, опоясывающий Малфой Парк, поблескивающую ленту реки... но тут голос Рона, зовущего его домой, разом вернул его на землю. Гарри широко распахнул глаза и резко сел — задыхаясь, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди. Магия была чем-то, с чем он вырос, она стала частью его обычной жизни, но сейчас, растянувшись на траве, словно бы он и вправду только что рухнул с огромной высоты, он чувствовал себя человеком, отродясь не слышавшим про электричество и только что зажегшим свою первую лампочку.

Но все это теперь в прошлом, и ему надо привыкать. И разблокировать свой разум для Драко было не лучшей идеей — Гарри без ложной скромности знал, что сможет противостоять любому волшебству, что достаточно силен для этого, но он также прекрасно знал, какого высокого уровня достиг Драко в искусстве манипулирования — он не мог лгать Гарри, но зато мог умело скомбинировать и представить факты. Драко мог бы разбить любое принятое Гарри решение за пару секунд.

Нет, лучше делать то, что он задумал, и держать контакт закрытым — хотя это несло и боль, и отчаяние от невозможности узнать что-то о друзьях. в конце концов, ведь это должно было сохранить всем им жизнь. А больше ничего не имело значения. Верно?

Гарри медленно поднялся и оглядел гору книг, наугад остановившись на «Путеводителе по Восточной Европе: Одинокая Метла», которую и понес к кассе. Усталость опутала его, как второй плащ, он рассеянно наступил на ногу круглолицей ведьме и едва не сшиб с ног волшебника в плаще с капюшоном, несущего стопку книг по истории.

Сконфуженно извиняясь, Гарри почти дошел до клерка за стойкой, когда его вдруг осенила одна мысль.

— Извините, — немного нервничая, спросил он, — а существуют ли ещё один выход в Диагон- Аллею, минуя Дырявый Котел?

Клерк бросил в него пронзительный взгляд, и Гарри снова почувствовал, что тот пытается узнать его.

— Парень, а что не так с Дырявым Котлом?

— Ну... — Гарри с трудом проглотил комок в горле. — Я не хочу встречаться со своей старой подружкой. Ну, вы понимаете...

— О, да, — узкое лицо клерка сморщилось. — Я не знаю лучшего пути...

— Есть ещё один путь, — перебил его волшебник, что стоял у Гарри за спиной — тот самый, в капюшоне и с историческими книжками. — Через Визжащую Чашку. Это паб. по Маргин-Аллее двумя улицами дальше, потом левый поворот и вперед. Ты не пропустишь.

— Ага, — кивнул Гарри. Он бы поблагодарил странника, но что-то в его внешнем виде — какая-то закрытость, да ещё укрывающий его с ног до головы плащ — посоветовали Гарри этого не делать. — Ну, я пойду.

Взяв покупку, он вышел на улицу, где уже почти стемнело. Один за другим загорались ламповые светляки, засветившись в сумраке бледными маячками. Гарри решительным шагом направился в сторону Маргин-Аллее.

А в магазине, который Гарри только что покинул, колдун, что направил его в Визжащую Чашку, хлопнул своими книгами перед служащим за стойкой, и из-под съехавшего капюшона выбилась прядь светлых волос.

— О, юный мистер Финниган, — качнул головой клерк, радостно заулыбавшись, и со смешком оценив взятые им книги. — Хотите слегка освежить историю, да? — поинтересовался он, пробега пальцами по золоченым корешкам. «Взлёт и падение Тёмного Лорда», «Падение Тьмы: История Сами-Знаете-Кого», «Я был слугой Вольдеморта: история раскаявшегося Пожирателя Смерти», «Суд над Игорем Каркаровым», «Судебные разбирательства министерства», «Пожиратели Смерти: отрешившиеся». — Знаете, — продолжил он, вынимая палочку и суммируя в воздухе цены, — не думаю, что вашим родителям понравилось бы, что вы проводите своё время в местах вроде Визжащей Чашки.

— Что вы, я бы туда не пошёл, — ответил Симус Финниган, и его синие глаза весело блеснули. — Я просто подшутил над туристом.

— Весёлый парень, — хохотнул клерк. — Я бы вот догадался. Вы, гриффиндорцы, такие проказники — хотя, признаться, от вас никогда не бывает никакого вреда.

— Точно, — кивнул Симус, кидая галлеоны на прилавок и поднимая своё честное синеглазое лицо. — Разве я похож на того, кто устраивает проблемы?

И он улыбнулся яркой мальчишеской улыбкой, от которой на ум клерку тут же пришли мысли о жарком летнем дне, весёлом детском смехе, квиддиче и котятках, играющих с клубками...

— Ну, что вы... — засмеялся он.

Юноша смёл с прилавка покупку и вышел, провожаемый просьбой служащего передать привет старшим Финниганам.

Улыбнувшись, Симус пообещал.

* * *

Гермиона искоса наблюдала за Драко, следящим, как от лестницы отъезжает экипаж. Облака собирались у горизонта, обретая цвет раскалённого металла, тени от них ползли по ступеням, и Гермиона содрогнулась, но Драко, похоже, ни на что не обращал внимания. Светлые пряди упали ему на лицо и нависли над глазами, пряча все его чувства и эмоции. Она вспомнила его слова о том, что ему надо бы подстричься: сейчас его волосы закручивались спиральками, как усики ползущего винограда. Он вскинул голову, откидывая пряди с глаз. Сейчас, на фоне этого тускнеющего неба, он казался негативным изображением себя самого: снежно-белая кожа, белые волосы и глаза — наверное, всё это должно было казаться выцветшим и поблекшим — но нет...

Люди не должны быть такими красивыми, — подумала Гермиона. — Всему должен быть предел, иначе, зачем вообще нужно воображение?

— Мне кажется, — произнес он вдруг таким обычным тоном, что она почти испугалась, — начинается дождь. Пойдём под крышу.

Теперь нас только двое, — осознала она, но это странная мысль исчезла почти сразу же.

— Знаю.

Плечом к плечу они вошли в замок, и двери Большого Зала закрылись за ними как раз в тот миг, когда первые капли ударили о мостовую на улице. И вот, уже внутри замка, полного запахов сырого от дождя камня, Гермиона вспомнила иной дождливый вечер — промокшего Гарри с Косолапсусом в руках, взгляд, который он бросил на неё и на Драко, стоявшего рядом с ней на лестнице, и она почувствовала, что было между ними: осязаемый антагонизм, который нельзя было назвать ни ненавистью, ни любовью, — просто какая-то неуловимая связь.

Ты ненавидишь то, в чём нуждаешься. Чем больше он принимает это противоядие, тем больше боли оно несёт.

Возможно, тебе придется заставлять его.

— Драко, — тихо окликнула она, но он смотрел в окошко, чуть удивленно, — в серо-чёрную ночь, выкристаллизовавшуюся осколками серебра, — живу с этим падающим и замерзающим на лету дождем. — Драко, — повторила она, и на этот раз он повернулся и взглянул на неё.

Что-то шевельнулось у него в глазах — взгляд был холодным, решительным, удивительно ледяным и, в то же время, не являющимся по сути своей ледяным — взгляд, похожий на замороженное пламя.

Неожиданно она вспомнила, как на зельях он растирал в порошок мантикраба. Остальные сначала быстро и безболезненно умерщвляли этих членистоногих, но Драко измельчал их живьем. Умирая, они обжигали его пальцы, но он не обращал ни малейшего внимания. Во всяком случае, с его лица не сходило жестокое выражение. Вот и сейчас было нечто подобное — замкнутость, по которой нельзя было угадать, о чём он думает. у неё побежали мурашки по спине.

Буду присматривать за ним, — решила она. — не ради его пользы, а для всеобщей безопасности. Моей собственной, в том числе.

— Пойду в советню, — сообщила она. — Пошлю письмо в Гринготтс. Если хочешь, пойдем со мной.

Пожав плечами, Драко, тем не менее, двинулся за ней по лестнице.

— Я снова проверил Карту Мародеров, — сообщил он. — Определенно — ни Реддла, ни Финнигана нет, ни в замке, ни где-либо поблизости. Конечно, на карте нет Тайной Комнаты...

— Да, но, после того, что Дамблдор сделал со входом пять лет назад, я сомневаюсь, что кто-то смог бы туда попасть... в любом случае, там сейчас нет ничего из того, что могло бы понадобиться Реддлу: василиска убил Гарри, а Дамблдор затопил подземелье...

Драко бросил на неё косой взгляд:

— Думаю, тебе стоит побольше рассказать мне про Реддла и эту историю с дневником. За исключением некоторых общеизвестных сведений. Например, для начала — почему он попал к Джинни.

— Я-то думала, что ты эксперт по Юному Вольдеморту.

— Отец мне много не рассказывал, — они проходили мимо окна, совершенно непрозрачного от дождя. — Я знаю, он... был... Тёмным Лордом. И был другом моего отца — ещё в те времена, когда не являлся Вольдемортом.

Гермиона передернула плечами.

— Как это странно. Том Реддл. Здесь.

В голосе Драко прозвучало почти что веселье.

— А что в нашей жизни не странно? Что значит, по сравнению с этим, ещё один бессмертный маньяк, терроризирующий население? И, кстати, не могу

не заметить, что я всегда говорил, что Симус Финниган добром не кончит.

— Это не Симус, и ты прекрасно это знаешь.

— Возможно, но спорим на что угодно, что Тёмный Лорд почувствовал в нём родственную душу: «Оп-па, а вот в этого парня вполне можно было бы вселиться! Сам по себе он нуль без палочки, вот уж мне будет где развернуться!»

— Однажды, — мрачно сказала Гермиона, распахивая двери совятни, — ты мне расскажешь, что у вас за проблемы с Симусом.

— Это всё в прошлом, — равнодушно сказал Драко, проскальзывая вслед за ней в сумрачную длинную комнату. Здесь, под самой крышей замка, запах дождя был куда сильнее, смешиваясь с запахом мокрых сов. Гермиона никогда не могла понять, зачем народ таскается в совятню целоваться. Она не могла представить себе никакой романтики и страсти под немигающими взглядами этих пучеглазых созданий.

Гермиона метнула в Драко сердитый взгляд.

— Симус в этом не виноват...

— Хочу на воздух — перебил ее он. — Тут все провоняло совами.

Он подошел к окну и выглянул наружу. Гермиона, тем временем, набросала несколько записок, включая и письмо в Гринготтс, и отправила с ними коричневую сипуху. А потом подошла к Драко, все еще стоявшему у окна.

Серебряные нити дождя скрывали всё, что было снаружи — и Лес, и окрестности. на оконном стекле она видела слабое отражение лица Драко — его глаза, окруженные длинными светлыми ресницами, сейчас казались темными, он пристально смотрел куда-то в пространство. Она знала, о чём он думает, — просто у неё были те же самые мысли: где сейчас Гарри? Всё ли с ним в порядке? Что он сейчас делает — под этим дождем? Один ли он, думает ли о них, выбросил ли их из своей жизни... Был ли сейчас в безопасности или стоял на пороге смерти — и узнал бы Драко, если бы это случилось? И догадается ли Гарри, когда уйдет Драко? Сядет ли на кровать, когда это случится, с глазами, наполненными пустотой, и с сокрушительным чувством, что всё рухнуло? Услышит ли шепот в темноте, говорящий, что он сам не понимает, что потерял?

Её обуяло мрачно чувство.

— Если ты захочешь найти его, — произнесла она ни с того, ни с сего, — ты его найдешь.

Он уперся в стекло кончиками пальцев в перчатке.

— Знаешь, иногда ты бываешь настоящей стервой, — сообщил он равнодушно.

— Мы говорим не о ком-нибудь, мы говорим о Гарри. Если ты его ненавидишь...

— Это не имеет ни малейшего значения — ненавижу я его или нет.

— Ты прав, — согласилась Гермиона.

Драко покосился на нее. Она увидела тусклый проблеск Эпициклического Заклятья в углублении между ключицами.

— Признаться, я ожидал куда более весомых аргументов, чем этот.

— Слушай, и, правда, не имеет никакого значения, что ты его ненавидишь. Ты можешь использовать это. Любишь ли ты его, ненавидишь ли, презираешь ли, мечтаешь убить или же думаешь, что он — единственный настоящий друг, когда-либо бывший у тебя...

— Если ты пытаешься вывести меня на разговор о Гарри, — перебил её Драко, забыв на этот раз назвать его по фамилии, — я сейчас же уйду отсюда, Гермиона, — честное слово.

— ...это не имеет значения, потому что это по сути ничего не меняет. Связь, что есть между вами, не знает ни любви, ни ненависти, не зависит от эмоций. Ты выше этого. не будь ты так зол сейчас, ты бы мог найти его и нашел бы.

— Нет, — произнес он сквозь зубы. — Я не могу. Думаешь, что — я не пытался?

— Именно так и думаю, — возразила она. — Ты ведь можешь путешествовать по его снам. Он же смог аппарировать к тебе, когда тебе это было нужно...

— Я помню, — откликнулся Драко. — Тогда-то я и проткнул его мечом.

— Я могу это сделать, — с ноткой отчаяния в голосе сказала Гермиона, — я могу послать тебя к нему...

— Что-то я не уверен, что это именно то, что ты хочешь делать, Гермиона...

— Я просто хочу, чтобы Гарри вернулся, — пискнула она. — Чтобы он вернулся обратно...

— А я хочу Луну с неба. Мы не всегда получаем то, что нам хочется, — не замечала?

— Да как ты смеешь дерзить мне? — заорала вдруг Гермиона, потеряв над собой контроль. — Ты ведь даже не пробовал...

Он резко повернулся — так резко, что она даже не успела уловить его движение, он метнулся к ней и, схватив ее за руку, развернул к себе лицом, прижав спиной к холодному оконному стеклу. Когда он прижался к ней, она почувствовала исходящий от него запах противоядия, собственноручно приготовленного ею, — запах крови и горечи алоэ.

— Ты хочешь, — зашептал он, и его голос наполнился злыми, издевательскими нотками. Он стиснул её руки, — так крепко, что она чувствовала это костями. — То есть ты думаешь, я не хочу? Думаешь, я ничего не знаю об этих твоих недостижимых желаниях? Вы, чертовы гриффиндорцы, живете на самой поверхности, вас убивает и доводит до нервного срыва любой булавоный укол, малейшее разочарование. Вы в жизни не пытались научиться просто проглатывать это — даже когда это душащий вас яд. И то, что я научился это делать, что я не закатываю истерик над каждым чертовым обрывком бумаги, — для вас это знак того, что меня ничего не волнует. Вы думаете, что можете толкать и толкать меня, толкать и толкать — и я не сломаюсь?..

Он осёкся. Гермиона не знала, как поступить: откинувшись назад, он смотрел на неё с ненавистью и отвращением, словно она была олицетворением всех ненавистных ему гриффиндорцев — она была и Гарри, и Джинни, и самой собой...

Гермиона подняла голову.

— Мне больно.

— Ты говоришь это таким тоном, словно сама не знаешь, хорошо это или плохо, — протянул он.

— Нет, — резко вскинулась она. — Ты не об этом...

Звук дождя за окном стал еще громче, теперь он напоминал канонаду, стекло трещало под его напором.

Его голос был холоден.

— Мне кажется, я уже говорил, что тебе не стоит указывать мне, что именно я имею в виду.

— Иди к черту, Малfoy, — отрезала она и попробовала оттолкнуть его от себя.

Но это не помогло. От любого движения их тела соприкасались только плотнее и плотнее. Она почувствовала, как пряжка его ремня впилась ей куда-то под ребра. Его одежда была влажной и пахла дождем.

— Именно так, — кивнул он. — Очень может быть.

Гермиона прекратила свои попытки высвободиться, ощутив неожиданный прилив раскаяния. Зачем она пытается ранить Драко, зачем она сопротивляется? Они же союзники и, кроме того, ему причинили уже достаточно боли.

— Если ты собираешься сходить с ума из-за этого, — произнесла она, мягко, как только могла, — найди себе другой путь.

Он приподнял брови, медленно взмахнул серебряными ресницами, светлый шрам у глаза напоминал нарисованную серебряными чернилами линию.

— И что же это за путь?

Она подняла взгляд, испытывая неожиданное желание обо всем ему рассказать. Он сказал, что не обязан говорить о Гарри, однако, он не запретил делать это ей, и ей захотелось сказать ему, что она всегда считала, что её интеллект поможет избежать любых про-

блем. И мысль о том, что есть ситуация, выход из которой она не может найти сама или с помощью книг, была для неё неожиданностью — словно бы она на бегу врзалась в стеклянную дверь... Сказать, что, не оставив ей письма, Гарри разбил ей сердце; что то, что она всё время что-то делала, — это просто способ не думать о том, что произошло; что, если Драко продолжит держать её за руки и будет так смотреть на неё, то всё закончится чем-то, о чем они потом здорово пожалеют; что она знает, почему он так себя ведет, и это беспокоит её куда меньше, чем должно бы.

Она открыла рот, ещё не зная, что скажет, но в этот момент что-то белой падающей звездой промчалось между ними: полярная сова распростила крылья и ухнула, негромко и грустно, — Хедвиг.

Драко отпустил Гермиону и качнулся назад, от удивления вскинув руки. Хедвиг вернулся к нему и, усевшись на столь удачно подставленный локоть, склонил голову и ткнулся клювом в волосы.

— Какого черта?.. — ошалело выдохнул Драко.

Колдовство прекратилось.

— Это сова Гарри, — быстро подсказала Гермиона, прижав руки к груди. — Хедвиг.

— Я прекрасно знаю сову Поттера. Что ей от меня нужно? Ой! Бестолковая птица! А ну, пошла отсюда! — Драко безуспешно подрыгал рукой. Хедвиг не шевельнулся.

— Она скучает по Гарри, — пояснила Гермиона. — Она знает о его уходе.

— Я — не Поттер, — отрезал Драко, глядя на сову так, словно та нанесла ему персональное оскорбление.

— Нет, — тихо согласилась Гермиона. — не он.

Хедвиг ущипнул Драко за ухо, и по его лицу скользнуло странное выражение. Гермиона отвела глаза, услышав, как Драко что-то пробормотал себе под нос и, пройдя через советню, отправил птицу, несмотря на ее горестное уханье, на насест.

— Чертова безмозглая птица, — заявил он, возвращаясь. Он кусал нижнюю губу. — Слушай, Гермиона...

— Не извиняйся.

Он стиснул руки в карманах.

— По крайней мере, дай мне сделать это. Ты же не делала ничего плохого.

— Я не хочу извинений. Я хочу, чтобы ты нашел Гарри. Просто попробуй — хотя бы разок.

В его глазах что-то мелькнуло. Ей очень редко приходилось видеть это выражение на лице Драко — так, что даже потребовалось время, чтобы распознать его.

Он сдался.

— Хорошо, — покорно произнес он.

И, прежде чем она успела придумать что-то получше, она потянулась и поцеловала его в щеку. Он был на вкус как соленая дождевая вода.

— Спасибо...

— Я это сделаю, — он не вынимал рук из карманов. — Но я не собираюсь отвечать за последствия.

— Знаю, — согласилась Гермиона, стараясь не задумываться о поселившемся в ней слабом беспокойстве. И, правда, — о каких последствиях могла бы идти речь?

* * *

Позже Гарри думал, что одного взгляда на интерьер Визжащей Чашки хватило бы, чтобы сразу понять, какого же дурака он свалил. Но в миг, когда он шагнул в эти двери, — клацая зубами от холода, с чувством, что отморозил руки, и кровь почти застыла в венах, — он думал только о том, что тут тепло.

Интерьер паба — или что это ещё было — несколько напоминал Дырявый Котел. Здесь тоже было сумрачно, а все освещение исходило от огромного пылающего камина. Но если Дырявый Котел имел потрёпанный вид, то тут всё сверкало металлом и полиров-

кой, стояли дорогие глубокие кресла, обтянутые зелёным плюшем диваны. Сверкал бар. Колдунов было полно — и ни одной ведьмы. Они сидели, пыхая трубками, в креслах, завернутые в мантии, с опущенными капюшонами — словно прятались от света, сочащегося сквозь разноцветное окно.

Баром командовали два мрачных типа в форменных мантиях. Гарри попросил горячего сливочного пива со специями и прошел к огню. Ему нужно бы было узнать насчет второго выхода — но внутри всё воспротивилось самой идее вернуться из этого тепла в дождь. Поэтому он поставил на каминную полку свою чашку и, дрожа, склонился над огнем. Он не откинул капюшона — после разговора со служащим книжного магазина, когда тот называл его, Гарри чувствовал себя узнаваемым и словно обнаженным.

Огонь и пляшущие тени на каменном полу навевали ему воспоминания о гриффиндорской гостиной. А это, в свою очередь — к мыслям о том, как он сидел на диване у огня, о том, как длинные прядки каштановых волос щекотали его лицо, когда он делал уроки, о том, как Рон что-то быстро говорил у него над ухом...

Гарри потянул руки поближе к огню — они были мокрыми и такими бледными, что казались почти синими, а шрам рассекал ладонь алой полосой.

Каким же он был идиотом, что сдал в камеру хранения и свои перчатки вместе со всем багажом!

От тепла у Гарри начали слипаться глаза. От бревна летели золотые искры, освещая облицовку каминного фасада. Гарри наклонился вперед, провел пальцами по резному рисунку. Бронзовые пластинки, на каждой из которых было написано по одному имени.

Ивэн Розье. Антонин Долохов. Августин Малькибер. Бэла Траверс. Аугустус Руквуд. Себастьян и Мери Лестрейндж. Питер Петтигрю. И пониже — Бартоломью Крауч-мл. И ещё ниже, под всеми именами — Люциус Малфой. Это имя было перечёркнуто.

Гарри таращился на на таблички с совершеннейшим непониманием. А потом сердце кувыркнулось у него в груди и ударило в грудную клетку с силой блаждера. Он быстро выпрямился и огляделся. Слава Богу, на него никто не смотрел. Все присутствующие в комнате были так же зловеще-неподвижны: мужчины, склонившиеся над шахматной доской, бармен с кислот физиономией, тени, залегшие по углам зала. Чёрные занавески висели на медных карнизах в виде извивающихся змей.

Гарри глубоко вздохнул, пытаясь унять бешеный пульс.

Имена на пластинках камина — это имена тех, кто посвятил себя служению Вольдеморту. И тех, кто отдал за него свои жизни.

Это было место сборищ Пожирателей Смерти. Когда Гарри шел сюда, он не смотрел на названия улиц — возможно, сам того не заметив, он оказался в Дрян-аллее... Впрочем, сейчас это было уже неважно: сейчас самое главное — это то, где он очутился. И как ему отсюда выбраться.

Гарри поставил чашку на камин, и от этого тихого клацающего звука у него побежали мурашки вдоль позвоночника. Потуже обмотавшись мантией, он попятился от огня и, уставясь себе под ноги, медленно двинулся к выходу — который уже был совсем рядом, шагов тридцать...

— Гарри! — дружелюбно окликнул его чей-то голос. — Гарри Поттер! Ты чего это тут делаешь?

Гарри дернулся, сердце едва не вырвалось у него из груди. Прямо перед ним, в теплом плаще и с откинутым назад капюшоном стоял Симус Финниган. Светлые волосы, мокрые от дождя — с них стекали жемчужные капли, открытое бесхитрое лицо. Он шагнул вперед и протянул Гарри руку.

— Не ожидал тебя увидеть...

— Симус! — Гарри вцепился ему в руку. — Заткнись. Ты-то что тут делаешь?

Симус недоуменно взглянул на него:

— Я увидел, что ты сюда вошел — и последовал за тобой.

Что-то в этой фразе было не так — Гарри сообразил это даже сейчас.

— Как ты мог меня узнать? у меня был опущен капюшон...

— Твои часы, — Симус указал на запястье Гарри. — Часы, что подарила тебе Гермiona, это ведь часы твоего отца? — и он моргнул — медленно, как моргает разнежившаяся на солнце ящерица. — Что-то не так, Гарри?

— Не называй меня так!

— А почему нет? — медленно и удивленно поинтересовался Симус и внезапно, без всякого предупреждения с головы Гарри капюшон — теперь Гарри стоял в свете камина с непокрытой головой. — Это ведь ты, правда?

Но протестовать было уже поздно. Со всех сторон послышались шорохи: Пожиратели Смерти поднимались, опускали свои стаканы, вставали на ноги. И двигались к ним. У Гарри от страха засосало под ложечкой.

Гарри выпустил руку Симуса и отпрянул. на них — неторопливо, медленно, скользя, как дементоры — надвигались Пожиратели Смерти, их было человек двенадцать. Время замедлило свой бег. Гарри дернул рукав, открывая рунический браслет, обжигающий холодом голое запястье. Он вскинул руку, растопырил пальцы:

— Incendius!

Словно весь гнев и ярость Гарри рванулись наружу через его вены и пальцы — стена огня встала за спиной Симуса, отгородив их от Пожирателей Смерти.

— Симус, пошли, — позвал его Гарри, опуская руку.

Но юноша вдруг покачал головой, глаза его потемнели. И вообще — они стали другими, куда синее, чем их помнил Гарри. Но сейчас было не до мелочей: пламя затихало, и Пожиратели уже пытались проникнуть сквозь него.

— Ну же, давай! — взвыл Гарри, торопя его.

Симус странно улыбнулся.

— Не стоит, Гарри, — он скрестил руки на груди. — Погляди, умеешь ли ты бегать так же быстро, как летать.

Гарри вытаращил глаза — но времени не было: бросив последний ошалевший взгляд на непреклонного Симуса, он метнулся к двери и вылетел на пропитавшуюся дождем аллею.

* * *

Вечернее небо было фиалкового цвета — цвета текущей из вены крови. Рон сидел на краю крыши и, оглядывая окрестности, понимал, почему так расхохотался Вольдеморту в ответ на его просьбу погулять снаружи: замок стоял на вершине скалы, обрывы были гладкими и совершенно отвесными — как лезвия ножа. Далеко внизу плавали облака, едва виднелась тонкая ниточка реки, зажатой в глубоком ущелье. в отдалении едва различались горы.

— Оно уже зашло?

Голос Рисенн донесся до него из тени, отбрасываемой башней, через которую они вышли на крышу — она не выходила из неё ни на шаг. Глаза её были закрыты, лицо — бело, как снег, платье развевалось в холодном зимнем воздухе, словно два черных крыла.

Рон повернулся и бросил взгляд на последний луч солнца, утонувшего в тени синих гор на горизонте.

— Зашло.

Она боязливо приоткрыла глаза.

— Отличная ночь, — заметил Рон.

— Любая ночь лучше, чем день, — возразила она и подошла к нему. — Осторожнее — одно неловкое движение, и ты свалишься, а я не умею летать.

— Вольдеморту будет недоволен, если я умру, — заметил Рон.

— О, да, — согласилась она. — в противном случае я бы не стала тебя предупреждать, — она присела рядом, в футе от края крыши, юбка раскинулась вокруг нее черной водой. — Я тут, чтобы присмотреть за тобой, но, если хочешь, мы можем и поболтать.

— И о чём же?

— Да, о чём хочешь.

— Что-то ты подозрительно покладиста, — заметил Рон. — Думаю, что всё дело в том, что тебе велели меня осчастливить. И что дальше? Превратишься в Гермiona и предложишь перепихнуться?

Она широко раскрыла свои серые глаза.

— Это то, чего бы ты от меня хотел?

— Нет. Но это был бы по-настоящему демонический трюк.

— Я демон только наполовину. И я могу сделать трюк с тобой, только если ты этого захочешь.

— И как оно? — отчаянно пытаюсь закрыть тему Гермiona, поинтересовался Рон. — Каково это — быть наполовину демоном?

Рисенн взглянула на него с удивленной улыбкой.

— Это длинная история. Могу рассказать, если хочешь.

Рон засунул руки в карманы. Он замёрз.

— Непохоже, чтобы были варианты получше...

Рисенн глубоко вздохнула. Рон постарался не обращать внимания на её вызывающе выпирающий из корсета бюст.

— Шесть веков назад, — начала она, — один волшебник — малфоевский предок — вызвал демона...

* * *

Гарри бежал, сломя голову. Визжащая Чашка осталась далеко позади, но он видел выбегавших из дверей Пожирателей Смерти, черными муравьями они скользили за ним, следуя по пятам. Они использовали Следящие Чары — да и знали местность куда лучше него. Они бы нашли его и вернули обратно.

В любом случае, он успеет убить хотя бы нескольких до того, как они до него доберутся, — впрочем, Гарри тут же выкинул эту мысль из головы. Никаких пораженческих настроений. Если удастся найти дорогу в Диагон-Аллею, у него есть шанс...

Но узкие переулки превратились в скользкий, подернутый мутным туманом незнакомый лабиринт, петляющий между слепыми домами, которые не имели ни окон, ни дверей.

Гарри бежал, поскальзывался, снова бежал, благоговая свою жилистость и худощавость, позволявшую ему быть таким хорошим ловцом, и теперь снова выручавшую его: он неслся, рассекая воздух, как стрела.

Сердце стучало в ушах, кровь пела в венах — он почувствовал какое-то дикое, животное удовлетворение, когда на его пути возник невысокий металлический забор, через который он с легкостью перемахнул. Он поморщился, зацепившись плащом за зубец, развернувшись, выскользнул из него — слишком он был в нем узнаваем, слишком выделялся... И помчался дальше, в одной футболке, но его бег был слишком быстр и напряжен, чтобы почувствовать холод. Дождь шипел на его разгоряченных щеках, застыл в спутанных волосах, лился за ворот майки. Брюки были насквозь мокры, единственное, что было сухо, — это ноги в непромокаемых драконоустойчивых ботинках.

Ему казалось, что он слышит позади топот Пожирателей Смерти — но, возможно, это было просто разгравшееся воображение. Прибавив скорости, он добежал до угла, завернул и оказался на развилке, от которой дороги расходились в противоположных направлениях, и наугад свернул налево.

Он бежал по переулку, начиная уставать. От дыхания першило в горле и давило в груди. Неожиданно в его голове позвучал голос Драко, смеющийся и недоверчивый: это было несколько месяцев назад, и они

разговаривали о своих методах квиддичной тренировки:

— То есть ты хочешь сказать, что не заставляешь свою команду бегать кругами вокруг поля?

— Это же полеты, Малфой, — зачем нам бегать?

— И что — тебя не заденет, если я тебя обгоню?

— Не-а, — соврал Гарри. — Абсолютно. Зато я обгону тебя на метле.

Драко усмехнулся. Ему было весело.

— Да что ты говоришь, Поттер.

Черт, кто бы знал, что Драко окажется прав...

Вот резкий поворот, который Гарри пролетел, не снижая скорости... Тупик. Тормоза и поскальзываясь на льду, он в отчаянии закрутил головой: на мокрых черных стенах висели обрывки древних объявлений с рекламой уже давно не существующих заклинаний и зелий — и дверь впереди, в самой дальней стене. Гарри смахнул капли дождя с лица и рванулся вперед.

Он не сразу заметил, что тут есть кто-то ещё: кто-то стоял, привалившись спиной к стене у двери. Сначала Гарри увидел просто темный силуэт с опущенной головой, потом вспыхнул свет, превратив дождевые струи в тысячу серебряных струн... Темная тонкая фигура в длинном темном плаще... светлые волосы... лицо, прикрытое рукой... — и все это на фоне рекламы «Полирующее Зелье Файнанса: теперь с вишневым вкусом!»

Гарри почувствовал, как железная рука сжала сердце, у него потемнело в глазах — ещё до того, как фигура опустила руку, подняла голову и улыбнулась:

— Наконец-то ты тут, Поттер, — произнес Драко.

* * *

Кухня в Норе была наполнена теплом и светом. Джинни чувствовала себя довольно скованно после объятий-поцелуев матери, возгласов Фреда и Джорджа и полного отсутствия внимания со стороны сидевшего над кучей пергаментов Перси, волосы которого были в чернилах, а нос — в мелу. Что, кстати, ему очень шло.

Мистера Уизли, судя по всему, не было, миссис Уизли неловко замялась, когда Джинни спросила ее, где именно находится отец, — хотя, где бы он ни находился, наверняка, с ним был Шизоглаз Хмури. в гостиной расположились Сириус Блэк с Люпиным, обложенные, как и Перси, пергаментами, папками, какими-то коробками с бумагами. Сириус, растянувшийся с усталым видом на кушетке, кивнул, продолжая делать в них какие-то пометки и что-то черкать в листе, который показался Джинни похожим на список с фамилиями.

— Джинни, лапочка, ты уверена, что с тобой всё нормально? — суежилась за ее спиной мать. — Ты такая бледная... может, выпьешь чашку чая? Горячего какао? Сливочного пива?

Джинни покачала головой:

— Всё хорошо.

— Но у тебя такой несчастный вид! — воскликнула миссис Уизли.

— Пустяки, мам.

— О, никак проблемы с парнями, — глубокомысленно изрек Джордж, пожевывая перо. — Подозреваю, что у нашей крошки-Джинни проблемки с ее парнем.

— Да, ну? И с каким же? — многозначительно подхватил Фред. — Что — снова кидаемся на уже занятого Поттера? Или по-прежнему крепко-накрепко вцепились в этого наводящего тоску Симуса Финнигана? Или же на повестке дня избавленный-но-по-прежнему-саркастичный Драко Малфой?

— Симус мне вовсе не кажется скучным и наводящим тоску, — запротестовала миссис Уизли.

— Мы с Симусом расстались, — металлическим голосом сообщила Джинни.

— И, слава Богу, — воскликнула мать, — мне и вид его был неприятен.

— И, кстати, Фред, не могу понять, с чего это ты вспомнил о Гарри — всё это было сто лет назад.

— Я бы предпочел чтоб вы разошлись с Малфоем, — с сожалением заметил Джордж, — потому что он просто ужасен: всю оставшуюся жизнь тебе придется соперничать в борьбе за его внимание с продуктами для ухода за волосами и спорить, кто же из вас краше...

— И, кстати, позволь добавить, — встрял Фред, — в этом поединке выиграет Малфой.

— Это не проблемы с парнями, — Джинни окинула их полным отвращения взглядом. Фред вопросительно приподнял брови, и Джинни прекрасно знала, что за этим последует, — Фред и Джордж всегда использовали юмор, чтобы сгладить боль от неприятных ситуаций. Ее глаза против ее собственной воли метнулись к затянутому окну плющу, заколдованному и показывающему здоровье каждого из младших Уизли. Растение Рона всё ещё цвело — надолго ли?

Мать увидела, куда смотрит Джинни, ее глаза вспыхнули.

— Ох, Джинни, как же я рада, что ты дома! — тихо произнесла она, и Джинни позволила снова стиснуть себя в объятиях, из которых её спас Чарли, похлопавший миссис Уизли по плечу.

— У Джинни был длинный и тяжелый день, — тихо сказал он. — Давайте дадим ей немного отдохнуть.

Миссис Уизли кивнула и отпустила дочь, и Джинни, благодарно улыбнувшись Чарли, отправилась вверх по лестнице, к себе, махнув по пути Сириусу с Люпиным. Как хорошо, что дома полно людей — приятных людей. Жаль, что она не в состоянии это оценить по достоинству...

Скрипнула дверь её спальни — там было темно. Пустовавшая в течение нескольких месяцев, она пахла пылью и мылом. Подняв палочку, Джинни пробормотала:

— Luminesce, — мягкий свет залил комнату, она шагнула внутрь и закрыла за собой дверь.

И только заперев ее на засов, осознала, что спальня отнюдь не была пустой: с краю, на кровати, сидел человек, которого она меньше всего была готова там увидеть.

— Святой Боже! — воскликнула она, пошатнувшись от удивления. — Что ты тут делаешь?

* * *

— Малфой? — Гарри от удивления раскрыл рот и едва не подавился горьким дождем. — К-как... как ты... как ты узнал — как ты нашел меня?

— Что — ты и, правда, удивился? — Драко отстранился от стены и двинулся к нему — медленно-медленно, словно в мире не существовало никаких причин для спешки. Гарри не мог отвести взгляд от его лица — он совершенно не ожидал, что им суждено свидеться снова. Острые черты, знакомые серые глаза, капюшон темного плаща на плечах, сырое, как и у самого Гарри, лицо, облепленное бесцветными волосами. — Я всегда могу тебя найти.

— Нет, — полушепотом возразил Гарри. — Я сделал всё, чтобы это предотвратить.

— Ты не рад меня видеть? — узкие губы изогнулись в улыбке, как изгибается горящая бумага. — до чего же удивительно.

— Конечно же, я не рад тебя видеть, ну, то есть — рад, но только за мной охотятся Пожиратели Смерти...

Драко запрокинул голову и отрывисто рассмеялся — это было так не похоже на него, что Гарри вытаращил глаза.

— Что — за тобой охотятся Пожиратели Смерти? Какая прелесть. Мне это нравится. И что дальше? Заведёшь свою песню «я бедный сиротка, позаботьтесь обо мне, я должен спасти мир»? Боже, какая скука.

Гарри качнулся назад, словно Драко ударил его.

— Я никогда... я не...

— Ну, конечно, никогда, — Драко всё ещё улыбался своей полуулыбкой, и происходящее совершенно разонравилось Гарри. — Никогда, это естественно, — Драко поднял руку, в ней что-то блеснуло — болотный, ведьминский огонек. — Ты ведь Гарри Поттер, в конце концов...

Гарри инстинктивно попятился назад, гадая, ударит ли его Драко, и сможет ли он дать сдачи. В последнем он был не уверен, да и, в конце концов, он получит по заслугам. Но от этого мало что изменится.

— Малфой, я серьезно. Пожиратели Смерти гонятся за мной. Твой отец будет, возможно...

— Ах, да — мой отец... Я и забыл про моего отца, — Драко смахнул мокрые волосы с глаз. — Такой ублюдок... — голос его был ровен, холоден, насмешлив. Дождь ручьем лился по его лицу, превращая серебристые ресницы в кинжальные лезвия, затекая за ворот рубашки. — Слушай, а тебе самому не скучно всё время петь одну и ту же песню? Никогда не хочется слегка её изменить?

— Изменить? Как? Малфой, я... — Гарри осекся, почувствовав, что отступать дальше некуда — он уперся спиной в сырую стену. Он вздрогнул. — О*кей, я знаю — ты сердись. Прости, что покинул тебя...

— Покинул меня? — рассмеялся Драко, опуская руку. Свет в ней замигал. — Это что-то новое. в твоём исполнении это звучит ужасно мелодраматично. Тебе не приходит в голову, что я могу сам об этом позаботиться, а?

Гарри смотрел на него с недоумением, потом, набум, попробовал дотянуться до его разума — но с таким же успехом он мог лупить кулаком по стене — Драконы на йоту его к себе не подпустили. Сейчас он стоял уже так близко, что Гарри мог видеть, как мок-

рые волосы чуть завиваются на кончиках, как дождь бисеринками украсил его ресницы, как серебрится знакомый шрам под глазом. Гарри сам оставил ему этот шрам — пусть не целенаправленно, как шрам на руке, как дюжину тех шрамов, которые невозможно было увидеть...

— Я думаю, ты бы...

— И, правда, Поттер, — голос Драко был так холоден, что заставил Гарри вспомнить о давно минувших годах. Юноша сделал последний шаг вперед, вплотную подходя к Гарри, и с силой толкнул его к стене. Гарри почувствовал её мокрое и холодное прикосновение сквозь футболку, ободрал локти о камень. Упершись рукой в грудь Гарри, Драко другой рукой начал шарить у того в нагрудном кармане и вытащил оттуда очки.

— А я-то все думал, где же они, — очки блеснули, и Драко надел их на Гарри. — Так-то лучше.

Гарри стоял, потеряв дар речи. Этот жест был во все не так нежен и мягок, как мог бы. Мокрые очки сползли на нос — и, слава Богу, иначе он, вообще, ничего бы не смог увидеть.

— Я оставил тебе письмо, — начал он, — разве ты не читал то, что я...

— Заткнись, — перебил его Драко, еще сильнее стиснув его майку и в какой-то момент Гарри показалось, что тот действительно готов ему вмазать, поднять и ударить головой об стенку, — мышцы его напряглись...

— Струсил, Поттер? — ухмыльнулся Драко.

— Ударь меня. Если хочешь ударить — бей. Если после этого тебе станет легче...

— Мне и так хорошо, — ответил Драко. Он взглянул на свои руки, лежащие на груди Гарри. — Ты всегда делаешь из мухи слона, — и сделал последнее, чего ждал Гарри: он склонился и поцеловал его в губы.

Глава 12. Полночный Лондон.

*И ненавижу ее и люблю. Почему же? — ты спросишь.
Сам я не знаю, но так чувствую я и томлюсь.*

Катулл (Перевод Ф.Петровского)

Да... поцелуй был ещё тот... Наверное, это не имело никакого значения, хотя позже Гарри пришёл к выводу, что с поцелуем всё было не просто так. Но в первый миг Гарри просто оцепенел — от потрясения занялось дыхание, сырой камень больно впился в тело, когда юноша всей спиной впечатался в стену. Его трясло. От такой близости с Драко — тот едва не размазал его по камням — наверное, должно было бросить в жар.

Но дело обстояло как раз наоборот: холод стал просто невыносимым, его колотило, словно он не мантию потерял, а разом лишился кожи. Гарри не знал, что делать с руками: он провёз ими по стене, и шершавые камни ободряли ладони. Колени отказались слушать, едва держась на ногах, он упал бы, если бы Драко не держал его.

Где-то в глубине подсознания завертели слова, которые Гарри даже не пытался скрыть — он знал, что Драко всё равно не услышал бы их — не сумел бы или же не захотел. А может, дело обстояло ещё ужасней — его осенила догадка, но разум шарахнулся от этих предположений, безмолвно взыв: «Только не это, только не это!»

Драко выпустил его и шагнул назад.

Гарри убрал руки от стены — ладони были покрыты кровотокающими ссадинами. Он кинул на них взгляд, полный тусклого удивления, и поднял глаза на Драко, меланхолично посасывающего нижнюю губу. Дождь стекал с его ресниц, капли скользили ко рту, изогнувшись у открытой и естественной улыбки.

— Ну, ладно, — произнёс Драко. — Раз ты не хочешь поиграть...

— Поиграть?! — хриплый голос обдирал Гарри глотку. — Это что ещё за игры, чёрт тебя побери!

— То есть ты не хочешь, чтобы я тебя целовал. Тогда, чего же ты хочешь? — Драко заправил мокрую прядь за ухо. — Ну-ка, подскажи мне. Я, конечно, избителен, но...

— Ч-чего? — Гарри не мог справиться со словами, он разом растерял их, ему не хватало воздуха, он задохнулся. И тут он понял — так внезапно, словно его ударили по лицу. Раз, другой, третий — и с каждой пощёчиной появлялись и новые эмоции. Осознание. Потрясение. Злость. Отвращение к себе — за собственный идиотизм. Разочарование. — Ты — не Драко, — произнёс он.

Юноша со светлыми волосами чуть наклонил голову и заулыбался.

— Ничего подобного.

— Нет, ты — не он, — голос Гарри стал твёрже. Он знал это наверняка. Не будь он настолько потрясён, он бы сразу сообразил. И вот теперь, просто, в голове не укладывалось, что его обманули — пусть даже на миг. Он почувствовал безумную жалость к Рону — жалость, впервые смешанную с пониманием. Видишь то, что хочешь увидеть... — Нет, — с ещё большей уверенностью повторил Гарри. — Ты не...

— Это я, я, — юноша рассмеялся, и смех этот Гарри совсем не понравился. — Я — во всяком случае, до утра. А потом...

— Заткнись, — перебил его Гарри. — И перестань скалиться своей долбаной улыбкой. Кто ты?

Юноша раздражённо нахмурился.

— А кто разрешил тебе меня об этом спрашивать? — он поднял руку и на ладони опять заплесал

слабый огонёк. — Ты же знаешь, что... — теперь в его голосе звучал гнев. — Ну, так и будешь валять тут дурака? Я же собираюсь войти внутрь.

Ледяная, полная яда, ярость потекла по жилам Гарри.

— Ну, уж нет, — он щёлкнул пальцами правой руки, и что-то пробормотал себе под нос. С кончиков пальцев сорвалась вспышка света и поплыла над переулком. Гарри дотянулся и выхватил что-то из воздуха: маленький светящийся кубик, размером не больше дюйма, внутри которого трепетало яростное пламя. На одной из сторон стояли аббревиатура ПК.

Гарри поднял глаза на онемевшего от удивления юношу.

— Это что — твои инициалы?

— Н-нет. Ничего подобного. Ты просто... слушай, как ты это сделал? Магия без палочки?

— Я — магид, — пояснил Гарри, — мне кажется, что уже всем об этом известно.

Взгляд юноши стал каким-то странным — словно тот испугался до смерти. Ужаснулся. Гарри увидел это и тут же наполнился ненавистью — пусть он не знал, кто на самом деле стоял перед ним, но человек этот всё ещё обладал глазами Драко, и это выражение лица — оно тоже принадлежало его другу. У Гарри было чувство, словно кто-то, взяв квиддичную битку, пытается проломить ему грудную клетку и добраться до сердца.

— Магид? — юноша перешёл почти на шёпот. — Но ведь их всего несколько, и все они зарегистрированы... Они бы ни за что не позволили тебе войти, если бы знали, что ты...

— Войти куда?! — взбешённо потребовал Гарри. — Значит, так: либо ты мне немедленно объясняешь, что за чертовщина тут происходит, либо я переломлю тебе кости — все до единой. При этом я тебя даже пальцем не трону, и палочка мне тоже не понадобится. Именно так я и поступлю, если...

— Нет, не может быть, — юноша всё ещё не мог прийти в себя от потрясения. — Не может быть.

— Что — не может быть?

— Не может быть, чтобы ты, и вправду, был им.

— Ты ведь знаешь, кто я, — тихо произнёс Гарри. — Знаешь моё имя. Ты его уже несколько раз проносил.

— Нет, ты не можешь быть Гарри Поттером. Он бы никогда не пришёл в местечко вроде этого.

— А я сюда и не приходил! — заорал Гарри. — Я же уже сказал тебе! Меня преследовали! Сколько можно повторять, тупой ублюдок? И ты топчешься тут, изображая Драко, даже не услышав ни единого моего слова! Было бы чертовски правильным, если бы они поймали вместе со мной и тебя и скрутили бы твою мерзкую шею!

— Если бы... о ком ты говоришь? Кто бы поймал?

— Да Пожиратели Смерти! — заорал Гарри во весь голос.

— Ты имеешь в виду вон тех Пожирателей Смерти? — и юноша ткнул пальцем куда-то за спину Гарри.

Похолодев, Гарри повернулся и присмотрелся. Юноша не лгал: вход в переулок был полностью блокирован группой людей в мантиях с опущенными на лица капюшонами. И люди эти неуклонно надвигались на Гарри и его собеседника.

* * *

— Прости, если напугал, — голос молодого мужчины, сидящего на столе у Джинни в комнате, был полон веселья. Он следил за ней такими знакомыми тёмными глазами, на его губах играла лукавая улыбка. Эти глаза снова напомнили ей глаза Гарри — нет, не цветом — каким-то странным выражением: они не были прозрачны, но были искренни. — Мне это и в голову не приходило.

Прикрыв дверь, Джинни развернулась к нему лицом.

— Бен?

Он кивнул.

— Ты здорово изменился.

Он, действительно, изменился: волосы стали куда длиннее, на лице и руках появились шрамы, прежними остались только глаза, опущенные густыми ресницами, из-под которых он метнул в неё пристальный взгляд:

— Конечно, изменился. Я стал старше, мне уже двадцать шесть.

— Ух, ты, — Джинни даже вздрогнула от непривычности этой мысли и отодвинулась от него. — Рада тебя видеть. Но почему ты здесь оказался? Не думала, что мы снова увидимся.

Он слегка улыбнулся, судя по всему, что-то обдумывая.

— Иди-ка сюда, — он протянул ей руку, навевая воспоминания о другом голосе, что разговаривал с ней, командовал ей: иди сюда, — она вздрогнула, отшатнувшись прочь, но напомнила себе, что это всего лишь Бен, которого она знала, и который пальцем её не тронул, которого она считала милым — и только. Она вернулась и встала перед ним.

— Ты как-то неважно выглядишь, — заметил Бен. — Что-то произошло?

Теперь, вблизи, Джинни видела, что швы на его мантии были сырыми — как и концы его волос. Значит, он пришёл с улицы, а не аппарировал прямо сюда.

— А как ты? — ответила она вопросом на вопрос. — А с Гаретом всё...

— ...в порядке. Он ждёт меня в саду, — хмыкнул Бен. — Ему кажется, что он тебе не по душе.

Представив раздражённо топчущегося на картофельном поле Гарета — высокомерного блондина, первого Наследника Слизера, — Джинни заулыбалась.

— Если ему хочется, он может подняться. Конечно же, я не имею ничего против него. Просто, он напоминает мне Драко — только и всего.

— Драко, — веселье в глазах Бена потускнело. — Как он?

— Не очень, — призналась Джинни. — Он...

— ...умирает. Я знаю, — подхватил Бен.

— Откуда? — от удивления Джинни открыла рот.

Бен облокотился на свои колени, от этого движения плащ распахнулся, и Джинни увидела блеснувшие золотом ножны, закреплённые у него на поясе. Ножны, изукрашенные затейливым растительным орнаментом. Ножны, в которых не было меча. Ножны Гарри.

— Ты же сама мне рассказала.

— Ох, — Джинни сообразила, о чём он, и в груди затеплился слабый огонёк надежды. — Я что — снова возвращалась в ваше время, да? Я виделась с тобой. Значит, мой Хроноворот всё же вернулся ко мне. А зачем я возвращалась? Чего я хотела? Бен?..

Он предупреждающе поднял руку.

— Стоп, не так быстро. Позволь мне всё объяснить. Не могу рассказать всего, что ты мне поведала, — ты сама меня об этом просила, однако...

Но ему не удалось закончить фразу, потому что в этот самый миг в саду раздался шум. Изумлённый, Бен соскочил со стола, метнулся к окну, распахнул его и выглянул в ночь, окликая на странном, словно ино-странном языке кого-то, стоящего в темноте и холоде. Джинни не удалось понять ни слова. В ту же секунду в комнате раздался хлопок, и рядом с Беном появился Гарет. Вид у него был рассерженный, он подпрыгивал на одной ноге.

— Меня кто-то цапнул, — возмущённо сообщил он и бросил на Джинни рассерженный взгляд, словно именно она была виновата в том, что ему приходится шархаться по чужим садам среди ночи. Он тоже немало изменился, как и Бен: стал старше, в лице — заострившемся, широкоскулом, сужающемся к подбородку, появилось что-то неуловимо кошачье. Всё те же удивительно-зелёные глаза и неуловимое сходство с Драко. Одежда на нём была куда изысканнее, чем в прошлый раз — тяжёлый светло-зелёный

плащ поверх чёрной мантии, подпоясанной серебристым ремнём. В правой руке поблескивал кинжал. — Прямо в щиколотку.

— Боже мой, — охнула Джинни. — Наверное, это садовый гном.

Бен положил руку Гарету на плечо и наклонился, чтобы взглянуть на его щиколотку.

— Что, смертельное ранение?

— Нет, — на лице Гарета появилось выражение глубокого удовлетворения. — Я его раздавил. Ногой.

— Ну и ладно. Эти гномы такие доставучие.

— Он так хрустнул... — задумчиво заметил Гарет.

— Фу, — передёрнулся Бен. — Избавь меня от подробностей твоей победы.

— Хрясь! — повторил Гарет с удовольствием.

Бен бросил на него раздражённый взгляд. Подмигнув, Гарет сунул кинжал обратно в ножны. Джинни, не проронившая ни слова во время их разговора, громко охнула, и мужчины вскинули к ней взгляды. В глазах Бена блеснуло беспокойство, Гарет же ещё крепче стиснул рукоять своего кинжала.

Джинни стояла, не в силах отвести взгляда от Гарета — вернее, не от самого Гарета, а от его запястья: когда тот шевельнул рукой, рукав отогнулся, и на запястье что-то ярко вспыхнуло. Красная полоска с начертанными на ней рунами. Близнец браслета Гарри.

* * *

— Давным-давно, — начала дьяволица, — жил на свете колдун по фамилии Малфой, хотя, возможно, тогда его звали как-то иначе. Малфой — вот имя, которым все они гордились, имя, которое они себе не выбирали. Тёмные дела, сомнительные убеждения — разве могли люди, носящие такое имя заниматься чем-то, кроме Тёмной Магии? Разве могли они быть кем-то ещё, кроме как самыми тёмными из всех тёмных волшебников? Ой, прости — ты заскучал. Нет? Значит, ты рассержен. Понимаю — тебе не нравятся Малфои, они тебя раздражают. Я же вижу, как ты передёргиваешься, когда слышишь это имя. У тебя даже глаза темнеют. Нет, я не о Люциусе. Ты знаешь, кого я имею в виду.

Ладно, вернёмся к моей истории. Так вот: жил-был один колдун и жил он в южном городке. Был он, разумеется, Малфоем и, как и все Малфои, — гордецом. Его гордость затмила его мудрость. Он считал себя магом, вершителем тёмных деяний. Он развлекался тем, что насылал на городок шторы, уничтожавшие все суда в гавани, призывал эпидемии — чуму и малярию... Во вторник город засыпали огненные стрелы, в пятницу воды реки превращались в кровь. Это плохо отражалось на ценах на недвижимость в тех краях, но колдун не беспокоился — он создал себе репутацию великого тёмного мага, да и, к тому же, вовсе не собиравшись в ближайшее время продавать свой замок, стоящий на вершине горы.

И настигло его возмездие, и явилось оно, как это часто бывает, в виде женщины — прекрасной женщины с длинными тёмными волосами и с угольно-чёрными глазами. Он заметил её во время танца в толпе на каком-то балу и, расспросив людей, выяснил, что она — дочь процветающего волшебного семейства. Решив, что он, непременно, должен жениться на ней, он немедленно связался с её родителями, и они прислали к нему свою дочь, что его совсем не удивило — было бы верхом неразумности отказывать такому волшебнику.

Присмотрись и разузнай он подробнее, он бы выяснил, что в этой семье никогда не было дочери.

Ты замёрз? Ты весь дрожишь. У тебя кончики пальцев посинели. Смотри-ка, они стали под цвет твоих глаз! Поди-ка сюда. Я дам тебе край плаща, ты сможешь завернуться в него. Так на чём я остановилась?

* * *

Когда Драко вышел из ванной хогсмидского вокзала, Гермионе потребовался миг, чтобы понять, что же в нём изменилось. Потом она в изумлении прижала руки ко рту и пробормотала сквозь пальцы:

— Боже, Драко! Твои волосы!..

Он поднял на нее чуть смущённый взгляд.

— Что, ужас, да?

— Нет, просто... — она сделала рукой какой-то неуверенный жест. Он был странно одет: наверное, в представлении Драко, эта одежда должна была замаскировать его под простого человека. Поношенный тёмный свитер с капюшоном, квиддичные штаны, ботинки... — Просто необычно, — закончила Гермиона.

Честно говоря, она не думала, что, вообще, удивится. Он ведь не одну неделю ныл, что они такие длинные, он так раздражённо откидывал их с глаз. Драко никогда не стригся так коротко — и, судя по всему, он просто взял пару обычных маггловских ножниц и обкромсал пряди, которые посчитал слишком длинными, не задумываясь о том, как он потом будет выглядеть. Теперь не было никаких локонов, никаких завитков — всё было как-то... ну...

— Слегка взъерошено, — подытожила она.

— Парикмахерское Заклинание, — пожал он плечами. — Сама понимаешь, без зеркала немного трудно...

— Драко! — ахнула она, перебив его. — Ты же, вообще, не должен использовать магию!

Её голос заглушили Звуковые Чары:

— Ночной поезд до Кингс-Кросс — вторая платформа!

Не обращая внимания на её протесты, Драко подхватил её сумку и двинулся к поезду. Рассерженная Гермиона поспешила за ним.

— Тебе же говорили, что можно пользоваться магией только в исключительных ситуациях, — напомнила она ему, когда он протянул ей руку, чтобы помочь войти в вагон. Драко выкупил купе полностью — все шесть мест — чтобы гарантировать, что они поедут в одиночестве. Скрепя сердце, Гермиона согласилась, что идея была хороша: учитывая, в каком настроении сейчас находился Драко, страшно было подумать, что может ожидать того, кто, на свою голову, будет действовать ему на нервы.

— То, как выглядит моя причёска — исключительная ситуация, — он качнулся вслед за ней в купе и хлопнул дверь.

— Да, теперь-то уж точно.

Драко в ответ смерил её тяжёлым взглядом.

— Ну, в том смысле, что ты сейчас похож на панк-рокера.

Он плюхнулся на место у окна.

— Не представляю, о чём ты говоришь.

Гермиона посчитала за благо не просвещать его. Пусть себе живёт безмятежно. Запахив, паровоз потащился прочь от станции, и минуло, наверное, минут десять, прежде чем она снова заговорила.

— Тот же самый поезд, каким мы отправились в Имение за Гарри... Помнишь?

Драко не ответил. Гермиона повернулась к нему и с удивлением обнаружила, что он спит, прикинув к окну, подсунув под голову затянутую в перчатку руку и закинув ноги на их сумки.

Собственно, чему тут удивляться. Он же болеет. Да, и устал, конечно же. Стянув с себя шаль — его подарок на Рождество — она укрыла Драко. И тронула его свежестриженные волосы. На ощупь они были как пух одуванчика — такие нежные, что буквально лънули к её пальцам. Кончиками пальцев тронула его щёку — и едва не обжёгшись, отёрнула руку. Юноша весь горел.

С каким-то мрачным юмором она отметила, что не может, не разбудив его, добраться до своей сумки, набитой книгами. А больше ничего подходящего

для чтения под руками не было — разве что безумной раскраски выпуск Еженедельника юной ведьмы, валившийся рядом ней на сиденье. Покорно вздохнув, Гермиона потянулась к журналу. Вообще-то, она терпеть его не могла за переходящее из выпуска в выпуск враньё про Гарри и всякие кошмарные «правдивые» истории про юных ведьмочек, где смаковалась каждая сочная деталь.

«Помогите! Мой брат — оборотень, а это так неудобно», «Вейлы отбили у меня парня!», «Ужасные последствия заклятья по увеличению груди», «Обожая моего профессора зелий!» (о, нет! — подумала Гермиона), «После зелья я влюбилась в моего заклятого врага».

— Какой жуткий бред, — пробормотала девушка, машинально пролистывая страницы. Вдруг она остановилась, и её губы дрогнули в улыбке. Под гигантской фотографией Оливера Вуда (одетого, приблизительно, в две трети квиддичной формы) красовалась статья: «Десятка самых сексапильных колдунов, не достигших 25 лет». Гермиона мысленно застонала: в прошлом году на месте Вуда был Гарри (он как раз достиг нижней возрастной границы, ему исполнилось шестнадцать). Драко же, ни разу не попадавший на эти страницы, устроил совершенно жуткое издевательство: раздобыв двадцать экземпляров статьи с фотографией (Колин Криви запечатлел на ней завёрнутого в полотенце Гарри, когда тот выходил из ванной старост. Лицо у него при этом было удивлённое и растерянное), Драко рассовал их по всему Большому залу, а потом направился к гриффиндорскому столу, возглавляя толпу хихикающих слизеринцев. У каждого в руках было по журналу. Драко опустился на колени перед Гарри, готовым умереть он унижения и бешенства, и протянул ему журнал, выпрашивая автограф самым жалобным и умоляющим тоном (совершенно не сочетавшимся со злобной издёвкой в глазах):

— Подпишешь мне его, Поттер? Если хочешь, можешь написать «Гарри Поттер — бабник».

Гарри, только что красный, в мгновение ока побелел и отрезал:

— Нет.

— Может, «Гарри Поттер — сексуальное божество»? Или «Гарри Поттер — Казанова»? — предложил Драко. — А, как насчет «Гарри Поттер — виновник всех разорванных в Англии трусиков»? — Драко усмехался, не сводя с Гарри глаз. Позади него валились друг на друга от хохота слизеринцы.

— Ты омерзитель, Малfoy, — холодно произнёс Гарри. Гермиона опустила свою руку поверх его. Нелзя, чтоб Гарри кинулся на Драко: в полдень важная игра с Равенкло, они, ни в коем случае, не должны её проиграть. — Отвали.

Гермиона подумала, что теперь Гарри бы просто рассмеялся: Драко поделился с ним своей защитной бронёй. Правда, у Гарри высокомерие Драко смягчилось, став безразличием. Жестоким безразличием. Об него можно было разбиться — и Гарри бы даже не заметил этого. У Гермионы мелькнула удивлённая мысль, не жалеет ли Драко, что дал всё это Гарри, что так изменил его...

Но тогда — нет, тогда Гарри не мог просто взять и рассмеяться. Он выхватил журнал у Драко из рук и скомкал его. Ухмылка на губах Драко обернулась плотоядным торжеством.

— Что, собираешься меня ударить? — с восхищением выдохнул он и даже слегка качнулся в сторону Гарри. — Давай-давай, я потом загоню синяки твоим фанаткам из Юной ведьмы: «взгляните — меня коснулся сам Гарри Поттер»...

Гарри взвился на ноги, и Гермиона ещё сильнее вцепилась ему в руку. Гарри качнулся к Малфой так, что их носы едва не соприкоснулись, и заговорил настолько тихо, что его расслышали лишь Гермиона и отшатнувшийся от неожиданности Драко:

— Ты ведь, просто, мечтаешь, чтобы я тебя ударил, правда, Малфой?

Губы Драко дрогнули в улыбке:

— О чём это ты, Поттер?

— О том, что ты не достоин того, чтобы тебя бить.

Да ты даже плевок не достоин. Ты же сам это знаешь.

Лицо Драко окаменело. Сгрудившиеся вокруг него слизеринцы затихли — это происходило ещё тогда, когда они подчинялись всем его словами и послушно следовали за ним. Но Драко промолчал, что было на него совершенно не похоже: он просто стоял и смотрел на Гарри, сжав губы в узкую, горькую линию. В этот миг Макгонагалл, почувствовав неладное, пробилась сквозь толпу и вернула слизеринцев обратно за их стол.

Вспомнив этот горький взгляд, Гермиона тихонько тронула Драко за плечо — тот заворочался, но так и не проснулся. Она снова вернулась к наполовину прочитанному журналу.

То, что Оливер Вуд оказался в Десятке, её совсем не удивило, но вот присутствие в нём Чарли Уизли несколько огорошило: тот с задорным видом позировал на фоне летящих драконов. Ещё там была пара иностранных квиддичных игроков, солист из Всекусных Мальчиков (смазливой, но бесталанной мальчиковой группы — Гермиона подивилась, что один и тот же феномен существует и в магическом, и в маггловском мире) и Виктор Крум — Гермиона с трудом сдержала смех. Боже мой. Да, будь Виктор ей более симпатичен, её жизнь сейчас была бы куда проще. Он ей нравился — интересный собеседник, милый и с любопытными воззрениями на магическую философию. Но, глядя на него, она никогда не чувствовала себя так, словно наелась Папоротниковой Трясучки.

Во всём мире существовало только двое юношей, при виде которых у неё начинало сосать под ложечкой. Она перелистнула страницу — и увидела их обоих, под витиевато выведенными именами: Гарри на развороте, горизонтально, а Драко — справа, вертикально. И последняя буква «р» имени Гарри совпала с «р» у Драко. Статья оказалась весьма захватывающей: и про то, что в ближайшее время они породнятся, став сводными братьями, и про конкуренцию между их факультетами, и вся полная история их вражды на квиддичном поле. Свежие фотографии Гарри удалось достать с большим трудом, (он обещал прибить Колина или же вышвырнуть вон из команды, если тот посмеет продать хоть один снимок Юной ведьме) — и все они были смазанными и сделанными с помощью омнилинз: Гарри вдалеке, Гарри, смотрящий в сторону, прикрывающий глаза рукой, прячущий их под тёмной чёлкой, капюшоном — скрывающий их от волшебного мира.

С фотографиями Драко, напротив, не было проблем: он обожал сниматься, по крайней, мере раньше любил... И на всех он был совершенно одинаков: высокомерно вздёрнутый подбородок и насмешка в глазах. Он заигрывал с камерой так же, как заигрывал с юной корреспонденткой, задававшей ему вопросы.

ЮВ: Расскажите о Ваших интересах.

ДМ: Люблю спелеологию, романы, люблю таскать каноз, люблю делать татуировки и строить из столовых приборов шалашики. Да! — ещё обожаю оригами и порнографию.

ЮВ: Правда?

ДМ: Говоря между нами, оригами безумно скучное занятие. Возможно, я мог бы сделать модель Хогвартса из десяти листов бумаги и спичек — но скажите, кому это нужно? А?

ЮМ: Может, Вы поведаете о ваших взаимоотношениях с Гарри Поттером?

ДМ: Нет.

ЮВ: Ну же, хоть что-нибудь! После бесконечной вражды Вы вот-вот станете сводными братьями. Видимо, Вы заключили некое перемирие?

ДМ: Иногда мы занимаемся борьбой. Голые. В па-токе.

ЮВ: Правда?!

ДМ: Нет, я пошутил. А что, по-вашему, это было бы нормально?

ЮВ: Как думаете, что Вам будет нравиться, когда Вы станете взрослым?

ДМ: Взрослым? *смеётся* Когда я вырасту, я хочу стать пирожным.

ЮВ: Вы имеете в виду — кондитером, что делает пирожные?

ДМ: Нет, я имею в виду, именно, пирожное. У меня, на самом деле, не такие высокие запросы, я очень кроткий и покорный парень.

ЮВ: Признаться, на меня Вы не производите такого впечатления, если мне позволено будет высказать собственное мнение...

ДМ: Ну, что вы — я очень кроткий. Где-то я слышал, что настанет день, когда кроткие унаследуют большое состояние — так я собираюсь оказаться поближе к раздаче, когда это случится. Чтобы выглядеть так, как я, нужны немалые средства.

ЮВ: Вот так-то, девушки. Перед вами Драко Малфой, семнадцатилетний волшебник — наверное, самый богатый в Англии. Красавчик-блондин, острый на язык, мечтающий, когда повзрослеет, стать пирожным. Но нам, сотрудникам Юной Ведьмы, кажется, что это уже произошло.

Гермиона почувствовала легкий укол совести, когда, задумчиво перевернув страницу, увидела, среди прочих, массу фотографий Драко: вот он в летней квиддичной форме — с голыми руками, загорелый — тянется за снитчем. На губах сияет нехорошая улыбочка. Он силен, молод, так и пышет здоровьем — от этой картины у Гермионы защемило сердце.

Драко у окна чуть шевельнулся и подвинулся, его рука соскользнула с колена и упала на сиденье рядом — и ей показалось, что как раз над краем перчатки, на запястье, что-то засеребрилось. Что-то, похожее на серебряную паутинку. Но ведь его перчатки были чёрными... Гермина тихонько протянула руку и осторожно, чтобы не потревожить его, отогнула край перчатки. Он завозился, но не проснулся. Она стянула перчатку с руки и похолодела.

Ладонь была ни на что не похожа: покрытые коркой засохшей серебряной крови, на ней зияли два глубоких разреза. Они перекрещивались посередине, идя от самого основания ладони до пальцев. Гермиона немедленно осознала, что таким образом Драко попытался избавиться от шрама, роднившего их с Гарри. И почти добился успеха: сам шрам никуда не делся, но форма его изменилась навсегда.

— Господи, — охнула она и, осторожно натянув перчатку, тихонько сжала его руку. У неё было навязчивое ощущение, будто она увидела нечто, не предназначенное для её глаз. И всё же она была не удивлена. Да, он мог поступить только так.

Драко спал, его веки были чуть голубоватыми. Потянувшись к нему, она нежно коснулась губами его влажной от сна кожи, поцеловав в висок, где чуть завивались светлые волосы. Он не шелохнулся. Ей оставалось только гадать, что ему снилось.

* * *

Со свадьбой поторопились, и несколько недель колдун был счастлив со своей молодой женой. Правда, у неё были немного странные привычки... Так, он никогда не видел, чтобы она ела, — она предпочитала это делать в своей комнате, одна. Она не появлялась перед ним днём, говоря, что у неё очень чувствительная кожа и что-то вроде редкой аллергии на солнечный свет. Он преподнёс ей золотые украшения — сморщившись от отвращения, она отшатнулась прочь, заметив, что находит золото аляповатым и непривлекательным. Против серебра, тем не менее, она не возражала. Но истинной её страстью были зелёные драгоценные камни.

Всё это казалось странным, однако её таланты в других областях с лихвой компенсировали недостаток

ки. Ей настолько не было равных в умении доставлять ему удовольствие, что любое время, проведённое с ней, ему казалось недостаточным. Если бы не её настойчивое желание обедать исключительно в своей спальне, он бы, вообще, не расставался с ней ни на минуту. Он забросил свои дела, позабыл про магию. Его мысли были заняты только ею, он мечтал утонуть в её черных волосах, сгореть на углях её глаз, забиться в её чувственных неторопливых прикосновениях. Он ничего не хотел и ни о чём не мечтал — ему была нужна только она.

Что это было? Хочешь узнать, любил ли он её? Что ж, хороший вопрос. Видишь ли, это сильно зависит от того, что ты подразумеваешь под любовью. Ты ещё совсем ребенок, что ты можешь об этом знать... Ну же, прекрати, не обижайся. Вернись и присядь рядом. Позволь-ка, я укрою тебя плащом. Дай мне руку. Я вся внимание — можешь спрашивать. Хотел ли он быть с ней постоянно? О да, именно так. Считал ли он её прекрасной? Несомненно. Скучал ли, когда её не было рядом? О, ему казалось, что он лишился собственной руки. Хотел ли он, чтобы, кроме него, никто её не касался? Ну, он убил бы любого мужчину, посмевшего это сделать.

О... хотел ли он, чтобы она была счастлива больше, чем он сам? Было ли её счастье для него дороже собственного? Нет, конечно же, нет. Ведь он был Малфой. А Малфоям не по душе такая любовь.

* * *

Пожиратели Смерти.

Рука Гарри непроизвольно дёрнулась и стиснула висящий на поясе браслет. От покрытой рунами полоски веяло холодом. И с Гарри случилось то, что всегда происходило, когда он был на грани паники: зрение, словно, сузилось, теперь он видел только то, что казалось необходимым для спасения. Переулок наполнился мелкими деталями: единственный выход, металлическая дверь в кирпичной стене, куча мокрых, раскисших и сломанных ящиков и коробок, скользкая мостовая. Сжав в кулак пальцы, Гарри прикинул, скольких ему удастся отшвырнуть, прежде чем они доберутся до него...

— Погоди, — светловолосый не-Драко, протянув руку, шагнул перед ним, и Гарри на долю секунды дрогнул, не в силах совладать с могучим инстинктом слушаться и действовать сообща со своим другом, хотя он и знал, что этот незнакомец вовсе не является Драко. — Верни мне кубик и погоди. Ты ничего не знаешь — просто подожди — и всё...

Гарри ошеломлённо сунул кубик ему в руки, и юноша поспешил по переулку навстречу Пожирателям Смерти. Те замерли. Сейчас, выстроившись в линию, с палочками в закрытых чёрными перчатками руках, они напоминали шахматные фигуры. Гарри не двигался с места; он стоял, упираясь левой рукой в мокрую каменную стену. Сила, запертая внутри него, рвалась на волю, мечтая разрушить оковы, — нечто подобное было и в Визжащей Чашке: огонь волной поднялся в нём, вырываясь наружу сквозь разум, пытаясь сорваться с его руки, выжигая всё на своём пути. Гарри стоял, сжав кулаки, трепеща... и ожидая.

До него не доносилось ни слова из того, что говорил Пожирателям светловолосый мальчик. Те бесстрастно взирали на него, из-под капюшонов светлели пятна лиц. Издалека юноша казался точной копией Драко — Гарри не смог заставить себя взглянуть на него в упор и лишь косился на мокрые светлые волосы и напряжённо вздёрнутые плечи. Судя по всему, тот пытался что-то толковать Пожирателям, умиротворяюще разводя руками. Вот он махнул в сторону Гарри, потом указал на себя и вытянул вперёд руку. На ладони мерцал стеклянный кубик. Пожиратели уставились на него, потом один из них — самый высокий — перевёл взгляд на Гарри. Повисла напряжённая тишина. Гарри стоял и ждал, чувствуя, как ледяной холод, ныр-

нун за мокрую рубашку, ползёт по спине, как трясутся замёрзшие руки. Он ждал, глядя на Пожирателей сквозь ледяную пелену дождя. Они тоже не сводили с него глаз. А между ними стояла тонкая фигурка светловолосого юноши.

И вдруг они повернулись — разом, как один. И ушли.

Юноша развернулся и подошёл к Гарри, привалившемуся к стене, которого всё ещё трясло от напряжения, а сердце колотилось в груди с силой отбойного молотка. Юноша протянул Гарри кубик и подавленно пробормотал:

— Если тебе всё ещё это нужно...

— Что ты им сказал? — резко спросил Гарри, отталкивая руку. — Что ты сделал?

— Я им сказал, что знаю тебя и что ты не Гарри Поттер.

— И что — они тебе поверили? Что-то я себе с трудом это представляю.

— И не надо, — пожал плечами юноша. — Ты бы знал, где ты... Они очень извинялись. Они, и правда, здорово смутились. Ведь все знают «Полночный клуб», сотрудиникам и клиентам не чинят препятствий.

— Клиентам? — переспросил Гарри, моргая от дождя.

— Было бы легче, если бы ты просто вошёл туда со мной. Я бы тебе показал...

— Что именно ты хочешь мне показать? Я тебе не доверяю.

— Если бы я захотел, я бы сдал тебя тем Пожирателям Смерти!

— Не вижу причин, чтобы ты вдруг решил мне помочь, — сварливо перебил его Гарри, передёрнувшись. — Ты ведь меня даже не знаешь.

— Ты — Гарри Поттер, — юноша заговорил смелее, — верно? — он посмотрел на Гарри так, словно, этим было сказано всё, в глазах светилась искренность и уязвимость, каких Гарри никогда не видел в глазах Драко. — И ты совсем замёрз. Ещё немного, и ты оконеченешь от холода.

Гарри хотел тряхнуть головой и откинуть мокрые волосы — те покрылись ледяной коркой. Потерев тыльной стороной замёрзшей руки щёку, он засомневался. Конечно, можно было бы вернуться обратно — но Пожиратели ушли недалеко. У него не было желания снова встречаться с ними, кроме того, он не знал, что же именно наврал им этот парень. Гарри взглянул на незнакомца, держащего руку на широкой ручке тяжёлой металлической двери.

— У тебя хоть имя-то есть? — наконец, спросил Гарри.

Юноша метнул в него удивлённый взгляд и тряхнул головой.

— Всё никак не привыкну, что ты не знаешь... Я тебе не могу его сказать.

— Я не буду звать тебя Драко, — упёрся Гарри.

— Знаю-знаю. Всё в порядке. Можешь, вообще, никак меня не звать. Пойдём, — и юноша жестом пригласил Гарри следовать за ним. Гарри с сомнением замер, бросил ещё один взгляд на замёрзший, покрытый льдом переулок, и вошёл.

* * *

— Бен, — раздражённым тоном протянул Гарет, — твоя малолетняя поклонница как-то слишком подозрительно интересуется моим руническим браслетом. Может, отцепишь её от моей руки?

— Малолетняя? — с любопытством переспросил Бен. — Я как-то об этом не подумал.

— Я не малолетняя, — фыркнула Джинни, сообразив, что она повисла у Гарета на рукаве. — И, кстати, я вовсе не поклонница — и в голове это не держала. Думаю, что вам и вдвоём весьма неплохо.

Бен был потрясён, тогда как Гарет просто развеселился:

— Всегда мечтал узнать, что же напишут про нас в исторических книжках.

— Всё самое интересное находится в сносках и примечаниях, — сообщила Джинни. — А про меня много книг про Основателей.

— Хочу почитать, — сообщил Гарет.

— Нет, — отрезал Бен так жестко, что пришла очередь Гарета удивляться. Но спорить он не рискнул. — Так что насчет рунического браслета Гарета?

— У Гарри как раз такой же, — пояснила Джинни. — И никто не знает, зачем он нужен и откуда взялся. Я всё время беспокоилась, не является ли он опасным. Нет ли другого, похожего на этот?

— Вот это вряд ли, — возразил Гарет. — Отец сделал его специально для меня, когда я появился на свет, так что эта штука единственная в своём роде. Наверное, она куда-то девалась после моей смерти, — спокойно продолжил он, — хотя, странно, как её угораздило очутиться в руках Наследника Гриффиндора.

— Не странно, — ответил Бен, не собираясь продолжать эту тему, и Джинни решила не пытаться что-то от него узнать. В этом не было ни малейшего смысла: Бен всегда говорил только то, что хотел сказать, и ни словом больше.

— Ну, и зачем он нужен? — решительно обратилась Джинни к Гарету, счастливому от того, что он, наконец-то, оказался в центре всеобщего внимания.

— Да, я и сам до конца не знаю, — ответил он. — Судя по всему, на нём какие-то сложные защитные чары: он отпугивает демонов — вампиров, адовых гончих, суккубов — ну, и всё такое. А когда хозяин в беде, браслет сам ведёт его в ближайшее место, где можно получить помощь. Словом, штука полезная.

— То есть Гарри с ним в безопасности? — уточнила Джинни.

— Я бы так не сказал. Он приведёт его к помощи, отпугнёт демонов — и только: он не исцеляет ран, не делает неуязвимым, не защищает от проклятий. Во всяком случае, насколько мне известно, — добавил Гарет. — Руны на браслете сплетаются в сложные чары — думаю, вряд ли кто-то, кроме отца, может ответить на все вопросы.

— А можно мне посмотреть? — попросила Джинни.

— Если ты хочешь, чтобы я снял его, — я не могу этого сделать. Но можешь посмотреть прямо так, — и, закатав рукав, он вытянул руку. Джинни, испытывая лёгкое волнение, подошла. Гарет действовал на неё так же, как временами действовал Драко: мысль о том, чтобы приблизиться к нему, казалась не самой удачной.

— Поверни руку, — попросила она. Он повернул. То, что ей, на первый взгляд, показалось ещё одним браслетом, была татуировка в виде вьющейся от запястья вверх по руке змеи с яркой переливающейся чешуёй — зелёной, синей, золотой. Джинни острожно тронула рунический браслет, и у неё появилось то же чувство, что и тогда, в гриффиндорской гостиной, когда она сделала это по просьбе Гарри: никаких следов тёмной магии.

— Значит, браслет выведет его, если он заблудится?

— Ага, он приведёт его к ближайшему человеку, готовому помочь. Таким образом, у меня состоялось немало интересных встреч.

Бен хихикнул, но промолчал. Он снова присел на стол Джинни и теперь, облокотившись на колено, с любопытством наблюдал за ними.

— А почему ты не можешь его снять? — Джинни продолжила расспросы, не в силах оторвать взгляд от запястья Гарета. Ей ужасно хотелось спросить, нельзя ли потрогать татуировку — настолько живой та казалась. Но внутри росло ощущение, что это было бы неправильным поступком. Он и так весь какой-то дёрнутый. Не стоит рисковать.

Он высвободился из её руки, коснулся браслета своими длинными чуткими пальцами и искоса взглянул

на Джинни. Его глаза — зелёные — напоминали глаза Гарри, хотя и были совсем другого оттенка.

— Я не могу снять его, пока жив, браслет будет снят с моей руки только в день, когда я умру. Он так заколдован.

* * *

— Драко, — Гермиона протестующе вцепилась ему в рукав. — Это же самый дорогой отель на Диагон-аллее!

— И что с того? — удивлённо пожал плечами Драко, с сытым удовлетворением осматривая фасад серыми глазами. Да, здание, и впрямь, было чудо, как хорошо — Гермиона вынуждена была согласиться — раньше тут располагались офисы Министерства Магии, но потом ему стало тесновато. Отель, цены в котором достигали заоблачных высот, даже не нуждался в имени, хватало названия улицы. Над входом красовался шёлковый полог, защищённый от порывов ветра заклятием *Impervio*.

— А мне казалось, что мы собираемся изображать из себя самых обычных людей.

— Обычным быть согласен. Но вот против трущоб категорически протестую — ты же не думаешь, что я соглашусь спать в клоповнике?

— Я не сказала «клоповник», но что ты имеешь против Дырявого котла?

— Дырявый котёл? — сморщился Драко. — О нет, только не это: там на всех этажах воняет рагу. Кроме того — с чего ты взяла, что я буду спать на простынях, на которых кто-то лежал до меня? От этого бывают всякие кожные болезни и мерзкая сыпь.

— Всегда прочим, как раз простыни в Дырявом котле всегда, просто, исключительно чистые.

— Да, если исходить из плебейских стандартов, — Гермиона стрельнула в Драко свирепым взглядом, но тот только развеселился. — Кажется, ты считаешь моё заявление высокомерным?

— Да, начиная со слова «клоповник».

Драко раздражённо взмахнул рукой:

— Слушай, мы вполне можем затеряться и в дорогом отеле — это даже проще, ей-Богу! Пара пригоршней галлеонов, вовремя сунутых нужному чловеку, — и он будет готов присягнуть, что моё имя Нигель Тодвэкер, и я известный преуспевающий промышленник, выпускающий антипрыщавые зелья, с именем Уолтон-на-Скале.

— Тебе семнадцать, — отрезала Гермиона. — Кто поверит в то, что ты известный промышленник? Придумай-ка что-то более соответствующее своему возрасту.

— Ладно, я могу сказать, что меня зовут Нигель Тодвэкер, и я собираюсь провести всё время в своей комнате, мастурбируя и вспоминая примечания в альбоме карточек от старых Шоколадных лягушек. Но мне кажется, что эта информация будет для них излишней.

Гермиона, как ни старалась, не смогла сдержать улыбку, и Драко улыбнулся ей в ответ — пусть мельком, но всё же улыбнулся.

— Не забудь, что они вовсе не обязаны мне верить: им просто необходим предлог, чтобы сделать вид, что они доверяют каждому моему слову. Ты же знаешь — я терпеть не могу врать просто так. Враньё должно быть оправдано хотя бы тем, что у кого-то появилась желание тебе поверить.

— А он прав, — согласился медовый голосок. Почувствовав, как вспыхнула в ней тревога, Гермиона повернулась. И не зря, рядом на тротуаре стояла Блез Забини — как всегда, красивая и одетая с иголочки: шёлковая узорная мантия, яркий плащ. По плечам струились распущенные алые волосы. Первое, о чём подумала Гермиона, — сколько из сказанного слизеринка успела подслушать. — Кому об этом не знать, как ему: он ведь у нас эксперт по части угадывания, что хотят услышать люди. Так что, — Блез понизила

голос, — тебе до него ещё расти и расти... Я правильно говорю, Драко?

* * *

Гарри осознал, что, чуть ли не бежит по длинному пустынному коридору с голыми стенами, едва замечая что-нибудь вокруг. Новообретённый приятель тащил его за собой, крепко стиснув предплечье — так быстро, что Гарри едва держался на ногах.

Было ужасно холодно. У Гарри крепло ощущение, будто они находятся под главным зданием, — наверное, дверь, через которую они вошли, была чёрным ходом. Коридор упёрся в каменную лестницу, верх которой терялся в темноте. Помедлив у нижней ступени, парень выпустил руку Гарри и развернул его к себе лицом.

— Надень очки — произнёс он странным, дрожащим от напряжения голосом. — Зачем ты их, вообще, снял?

— Я заколдовал свои глаза, — буркнул Гарри. — Очки мне теперь только мешают.

— Всё равно, надень, иначе хлопот не оберёшься, — юноша закрутил головой, тревожно оглядев коридор. — Ну же, давай.

Гарри неохотно нацепил очки на самый кончик носа, чтобы иметь возможность смотреть поверх них.

— Каких ещё хлопот? — поинтересовался он.

— С хозяином. Все наши Гарри носят очки. И школьные мантии, кстати... но ты и так нормально выглядишь, мокрый — думаю, сойдёт. Немного не в себе, но... слушай, у тебя с собой нет никаких квиддичных прибамбасов?

— Ты что — с ума сошёл? Конечно, нет! — ситуация становилась всё более и более абсурдной, хотя дальше, казалось, ехать было уже некуда. — Может, я лучше пойду?..

— Снаружи небезопасно, и ты сам это прекрасно знаешь, — холодная рука юноши снова ухватила Гарри, на этот раз за запястье. Прикосновение этих аккуратных длинных пальцев было так хорошо ему знакомо... — Давай, поднимайся! Ступай вперёд.

Гарри, помедлив, послушался и двинулся наверх, засунув правую руку в карман и размышляя о том, что только что произошло в переулке: он ведь был готов убить Пожирателей. И в этом желании он совершенно не раскаивался.

Лестница привела их в богато украшенный холл с натёртым до блеска полом; кроваво-красные стены были сверху до низу завешены коврами с золотыми и красными кистями. Повсюду висели писанные маслом портреты в раззолочённых рамах, в воздухе плавали бронзовые канделябры, распространяющие такой сильный сладковатый аромат, что у Гарри во рту появлялся привкус переспелых фруктов. Прищурившись, он развернулся к юноше:

— Что это за место? Похоже то ли на отель, то ли на бордель века, эдак, восемнадцатого.

Тот дёрнул плечом:

— Ну, за восемнадцатый век ручаться не могу... — он осёкся и придвинулся к Гарри, прикрывая его, когда неподалеку появилось несколько человек. — Иди же, — и он толкнул Гарри дальше. Теперь они шли куда медленнее, и Гарри удалось рассмотреть портреты на стенах. Выполненные в сдержанных, приглушённых тонах — розово-голубых, они изображали обнажённых, украшенных лишь лентами, колдунов и ведьм. И занимались те вещами, которые демонстрировались лишь в неких журнальчиках — их тех, что прятали у себя под кроватями Фред и Джордж.

Точно, бордель в стиле рококо, — снова подумал Гарри, и его ум тут же выстроил логическую цепочку, придя к таким отвратительным выводам, что у юноши голова пошла кругом.

Он ещё не пришёл в себя, когда они вошли в огромную круглую залу, от которой в разные стороны разбегались узкие коридорчики. Чёрный мраморный

пол с золотыми прожилками, высокий потолок с росписью в виде обнажённых ангелов и хрустальной люстрой, подвески которой напоминали слёзы. В центре комнаты вздымались две винтовых лестницы. На огромных диванах вдоль стен возлежали колдуны и ведьмы, и нескольких Гарри узнал — эти лица мелькали на постерах и обложке Юной ведьмы. Другие же были ему не знакомы. Симпатичные юношеские, очаровательные девичьи — среди них затесалась и пара совершенно обычных лиц. Гарри почувствовал, что парень рядом с ним чуть расслабился.

— Хорошо, наверное, остальные Гарри наверху.

— Наверху? — переспросил Гарри, с трудом узнавая свой собственный голос.

— Мы туда и пойдём, — тихо шепнул ему спутник. Гарри поспешно шагнул, но парень тут же дернул его назад. — Не сюда! Там комната хозяина и кабинет каталогов.

— Каталогов? — выдохнул Гарри, подталкиваемый к левой лестнице.

— Ну, же — каталоги, — повторил парень. — Конечно, здорово если ты сам приносишь волосы или ресницы, или что-нибудь ещё, при помощи чего можно сделать зелье. Но если ты желаешь кого-то знаменитого или не смог добыть частичку нужного человека, то можешь выбрать, кого хочешь, по каталогу. А цена будет варьироваться в зависимости от того, насколько трудно добыть материал. Вот ты — дорогой. Но это не имеет значения: они всегда держат под рукой несколько твоих экземпляров: ты пользуешься спросом.

Внутри у Гарри всё оборвалось.

— Пользуюсь спросом? Для чего? — спросил он, хотя ощущал, что знает ответ.

— Ну, для разных вещей, — неуверенно ответил юноша. — Поэтому-то я и подумал... когда увидел тебя — там, на улице... что ты — клиент. Ты так повёл себя — будто, меня узнал, вот я и решил, что ты... ну... собираешься поиграть, — юноша затих.

— И Драко, — произнёс Гарри. Поднявшись по лестнице, они оказались ещё в одном бесконечном коридоре. Стены снова были завешены картинами, но в этот раз — не портретами. Розовые тела, сплетённые руки и ноги, шёлковые ленты и покрывала. И двери, двери — пронумерованные двери тянулись вдоль всего коридора.

— Тебе кто-то платит за?..

— Да, нет. Его экземпляры они тоже обычно держат под рукой, особенно, после того, как упоминания о нём появились в газетных новостях. Это всегда поднимает спрос и...

Но эту речь Гарри не дослушал — он отшатнулся в угол, и его вывернуло наизнанку, мучительно вырвало, хотя за сегодняшний день он почти ничего не ел — горечь и кислота желудочного сока обожгли ему горло. Выпрямившись, он увидел, что юноша смотрит на него, вытаращив глаза.

— Прости, — виновато произнёс не-Драко, — работа тут, я и забыл, что мысль об этом может расстроить того, кто никогда ничем подобным не пользовался.

— Пользовался? — свирепо выдохнул Гарри. — Да, это просто омерзительно! Как можно пользоваться или хотеть что-либо подобное? Да, это же просто использование людей!

— А какая им разница — ведь они даже не знают об этом.

— Всё равно! — Гарри трясло. Тошнота прошла, её сменила бешеная ярость. — Если они узнают ... Да, если Драко узнает, чёрт, если об этом узнает его отец... Я ненавижу этого ублюдка, но, думаю, он, вряд ли, обрадуется, узнав про что-то подобное.

— Ну, что ты — Люциус Малfoy, конечно же, знает о «Полночном клубе», — с удивлённым видом перебил его юноша. — Ведь он его владелец.

* * *

«Симус, мальчик мой!

Ничто не могло обрадовать нас больше, чем твоё последнее письмо и твоё решение открыться нам. Мы, как родители, безмерно горды, что ты так доверяешь нам, хотя, признаться, причина твоего волнения была не слишком понятна: пусть ты гей, мы совершенно не против. Более того, мы рады, что ты честно обо всём рассказал, и теперь мы можем оказать тебе всемерную поддержку. Сообщи, когда и где происходят организационные собрания — будем рады принять в них участие. Если же никакой подобной организации нет, мы с папой будем счастливы стать её основателями.

А если захочешь на праздники пригласить своего друга, то помни — у нас полно свободных комнат в Восточном крыле. Кстати, на случай, если ты ещё не обзавёлся приятелем, тётушка просила напомнить о Дине Томасе — она всегда считала твоего друга симпатичным и милым мальчиком. И очень артистичным!

С Новым годом! Веселись и отдыхай, но будь осторожен со сливочным пивом! Помни, что случилось как-то с дядей Имоном!

Хотя, как мы полагаем, в Лондоне нет такого количества пастбищ и изгородей.

С любовью

Мама.»

Том стоял на улице у Визжащей Чашки и перечитывал письмо снова и снова — раз, наверное, в шестой, однако, от этого он не стал больше доверять своим глазам. Наверное, Финниганы плохо поняли, что он написал им? Нет, не может быть — там было всё предельно ясно. Он сам допустил ошибку в расчётах. Пусть не смертельную, но всё же. Подкинутое в воздух, письмо рассыпалось горящими клочками, и пепел опустился на плечи, прилип к влажным волосам. Раздосадованный, Том прикусил губу. Всё шло не совсем так, как задумывалось. Впрочем, пока ещё и не было задумано ничего особенного — всё шло своим чередом: чёткого плана у Тома не имелось.

Увидев Поттера в книжном магазине, он просто захотел ему напасть — и его задумка великолепно удалась, пока, покачивая головами, не вернулись Пожиратели Смерти, погнавшие за Гарри. Они не посвятили Тома в подробности неудачи — он же был новичком — а сам он решил придержать свой характер и не демонстрировать им, на что способен. Донесшиеся слова — «Полночный клуб» — были куда важнее.

О, «Полночный клуб» Том знал — под руководством деда Люциуса, тот процветал и в дни его юности. Во время войны там свили гнездо контрабандисты, но сути своей это заведение не поменяло, оставаясь борделем.

Тому всё это показалось довольно забавным. Логическое завершение использования свойств Многосущного зелья — для наслаждения. И яркое свидетельство продажности Малфоев. Чудно!

Поиски клуба вряд ли будут сложными: за полвека улочки вокруг Диагон-аллеи, едва ли, сильно изменились. И Том двинулся вперёд, аккуратно огибая грязные сугробы на тротуарах. Если память ему не изменяла, то в «Полночном клубе» можно было остановиться: знай только плати. И при этом там не спрашивали никаких документов — что и не удивительно, с учетом того, чем они занимались. Заплатить Том мог — он разжился деньгами из чемодана Симуса, да и вопросы ему были совсем ни к чему.

А во всех комнатах установлены Звукопоглощающие Чары... — очень подходящее место, чтобы прочесть закупленные на Диагон-аллее книги и поизучать собственную историю. А вот потом...

Том опустил глаза к своей левой руке: вокруг безымянного пальца кольцом обвился сияющий, как маков цвет, волос Джинни. Да, пожалуй, потом можно будет найти время и для других развлечений. Но — по-том.

Том сжал руку в кулак и набросил на голову капюшон, пряча в его темноте коснувшуюся губ жуткую усмешку.

* * *

Когда Драко повернулся и взглянул на неё, Блез похолодела — в этих глазах не было ни капли радости; он был напряжён и измотан, лицо белело между капюшоном, спрятавшем серебристые пряди, и воротником.

— Что тебе нужно, Блез?

Она увидела их с той стороны улицы и сначала ни о чём таком и не подумала: Драко постоянно ей мерещился в толпе, она принимала за него любого высокого юношу — то в окне поезда, то на улице. А иногда достаточно было лишь вспышки солнечного света на чьих-то белокурых волосах, или похожего поворота плеч, или, вообще, — дорогой одежды... Но сейчас рядом стояла Гермиона, и Блез поняла, что не ошиблась — перед ней действительно был Драко.

— Разговор есть, — сказала Блез. Последние два дня она ломала голову, как бы добраться до Драко, и надо же, — он сам шёл к ней в руки. Она проследила за ними от самого Дырявого котла и, набравшись смелости, встряла в разговор. Она была довольна, что решилась, даже не смотря на то, что в его глазах радости по этому поводу не наблюдалось.

Вздохнув, он поднял голову, от чего капюшон сполз, явив на свет обкрашенные волосы, которые, в довершении ко всему, были включены так, словно он забыл причесаться. На Драко подобное было совершенно не похоже: с такой же вероятностью он мог бы выйти на улицу, не надев штанов.

— И о чём, Блез?

Она молча взглянула на него. Она уж и забыла, какой он, она соскучилась... Гермиона машинально качнулась к Драко и тронула его руку, когда тот заговорил. Блез видела, что он не возражает против её прикосновений, и у неё перехватило горло.

— Это насчёт Гарри.

Рука Гермиона соскользнула вниз, губы дрогнули, глаза распахнулись, лицо же Драко, напротив, не выказало ни малейших эмоций. Он всегда это умел.

— Ну, так говори.

Блез поджала губы:

— Я прошу всего о пяти минутах наедине, — как трудно дались ей эти слова, как она ненавидела просить, всё внутри сопротивлялось и восставало против этого. И в глазах Драко она сейчас увидела — нет, не дружелюбие — но понимание.

— Ладно.

Блез последовала за Драко под навес, с трудом удержавшись от того, чтобы не метнуть триумфальный взгляд в Гермиону, которая осталась ждать на тротуаре, засунув в карманы руки в перчатках. Прислонившись к медным перилам, Блез повернулась к Драко, и наткнулась на его взгляд, полный холодной ярости. Он схватил её за запястье — кожа его перчаток холодила ей руку.

— Так что там насчёт Гарри? — резко спросил он.

— На самом деле, это касается не Гарри, а тебя.

Замерев на миг, он с неожиданной злостью отшвырнул её руку в сторону:

— Тогда зачем ты врала?

Блез вцепилась в перекладину позади себя:

— Да потому, что это был единственный способ добиться, чтобы ты меня выслушал: всё, что тебя интересует, — Гарри.

— Неправда! — его голос хлестнул её, как кнут, она с трудом удержалась, чтобы не дёрнуться. — Если тебе больше нечего сказать...

— Я так не говорила. То, что мне нечего сказать о Гарри, не значит, что мне, вообще, нечего сказать!

— Что — тебе есть, о чём поговорить, и это не связано ни с парнями, ни с причёсками, ни с косметикой? О, это что-то чертовски новенькое! Как говорят наши репортёры из «Ежедневного пророка»: «просто праздник какой-то»! Такой день надо использовать на все сто.

Блез ошеломлённо хлопала глазами — такая злоба была чересчур даже для Драко, ей захотелось дать ему по физиономии и уйти прочь... и наплевать на всё, что там подготовили ему слизеринцы. Но она не смогла. Она любила его — наверное, так же, как он когда-то ненавидел Гарри, любовь её была наполнена горечью и негодованием. Ну, почему, почему именно он? Что в нём такого особенного? Просто симпатичный паренёк из её школы — разве что, очень богатый, популярный и, в придачу, капитан факультетской команды по квиддичу. Господи, как всё глупо и закономерно. Угораздило же её...

— Так, время пошло, Забини, — Драко бросил взгляд на циферблат своих часов. — У тебя пятьдесят секунд.

— Драко...

— Сорок семь секунд.

— Твоя жизнь в опасности, — выпалила Блез, подавив раздражение.

Эти слова произвели совсем не такой эффект, как она ожидала: Драко удивлённо вскинул глаза и вдруг разразился хохотом. Он буквально задыхался от смеха — пришлось даже прислониться к одному из шестов, поддерживающих навес.

— Я не шучу, — прищурилась Блез.

— Да... я... знаю... — задыхаясь, ответил он. — Достаточно просто... взглянуть на твоё лицо. Такое серьёзное... Ты беспокоишься обо мне — обалдеть можно!

— Малфой, прекрати немедленно! Ты просто идиот, а в ближайшее время, если не выслушаешь меня, станешь вдобавок не просто идиотом, а мёртвым идиотом. И мне совершенно не будет жаль.

— Ага, — выдохнул он, — точно. Чёрный цвет был всегда тебе к лицу, — хохот перешёл в захлёбывающийся кашель, Драко стоял, прислонившись к опоре, и пытался отдышаться. — Знаешь, хочу тебя поздравить: видимо, ты сделала большой шаг в своём развитии, коль скоро снизошла до того, чтобы сообщить, что чья-то жизнь в опасности.

Блез была в смятении.

— Ты рехнулся.

— Вот-вот, — он пришёл в себя, чему Блез была несказанно рада, его лающий смех абсолютно ей не понравился. — Блез, дорогая, ангел мой, ты напрасно теряешь время.

— Нет, — возразила она. На публике он всегда вёл себя с ней так, словно, она дитя малое, называя её то деткой, то дорогушей, то ангелом, то милашкой — и всегда как-то ядовито-оскорбительно. — Ты уже знаешь. Я не могу понять как... Пенси сказала, что ты не ... Вот только не надо делать из меня непроходимую дуру.

Эффект от её слов был довольно странным: усмешка с губ пропала, глаза прищурились:

— Пенси?! Так-так, думаю, тебе лучше всё мне объяснить.

Поколебавшись, она всё ему рассказала: и про защитные заклятья, которые были у детей тех, кто когда-то входил в ближайший круг Тёмного Лорда, — разные заколочки-пуговики-серёжки, содержащие кусочки чешуи и шкуры василиска. И про то, что Пенси как-то попросила у организаторов дополнительную заколку, но ей отказали и, судя по всему, Пенси сама занялась изготовлением того, что ей было нужно. И про то, что сказала Пенси — что, в случае необходимости, она, не задумываясь, добьёт Драко. И про то, как Блез поймала Маркуса и заставила его всё объяснить, что он и сделал — неохотно, но подробно, благодаря чему удалось свести концы с концами.

О том, как она после этого запаниковала, и обиделась на Маркуса, Блез умолчала. Когда она закончила, Драко, судя по виду, был не слишком-то благодарен за новости: в его глазах лишь мелькнул слабый интерес.

— Так, значит, если я не умру от яда в понедельник, карательный отряд Вольдеморта придёт за мной во вторник. Невелика разница.

— Не понимаю, при чём тут яд? Но что-то не похоже, чтобы ты боялся смерти...

— Боюсь. Ужасно. Но... знаешь, осознание приближающейся смерти даёт такую свободу — словно, ты не обязан отвечать за последствия. Такое чувство, словно можешь в прозрачных трусах ворваться в Большой Зал и заорать, что МакГонагалл спит с гигантским кальмаром — и тебе всё сойдёт с рук. Только не подумай, что именно это я и собрался сделать. Так, говоришь, значит, это Пенси была одной из тех, кто подстрелил меня?

— Это она так сказала, — ответила Блез.

— И как долго ты уже об этом знаешь? — резко спросил он.

— Недавно, — Блез отвела глаза в сторону. — И не сказала, а только намекнула...

— Ты никогда мне не говорила. А я-то думал, ты меня любишь, — усмехнулся он.

Оцепенев от бешенства, Блез даже не смогла вздохнуть — она всегда надеялась, что он не догадывается о её чувствах к нему. И то, что это оказалось не так, выбило девушку из колеи. Терпение с грохотом лопнуло, и она взорвалась:

— Люблю тебя? О, ну, конечно же! Но это не значит, что я ослепла от любви и не вижу, кого именно люблю. И не понимаю, что ты чувствуешь ко мне. А ты меня не любишь.

— Да, не люблю.

— То-то и оно. Может, я решила тебя так наказать. Или ненавидела тебя — чуть-чуть — за то, что ты меня не любишь? Знаешь ли ты, каково это — любить того, кто не любит тебя?! Чтобы понять, через это нужно пройти. Можно подумать, что ты мне всё рассказываешь.

Драко молчал, глядя в сторону, и молчание было куда страшнее, чем, если бы он перебил или заорал на неё.

— Ах, да — ты же ненавидишь, когда тебя в чём-то обвиняют, — горько вздохнула Блез. — Как же я могла позабыть?

— Дело не в этом. — Драко поднял глаза, и у неё появилось ощущение, что он заметил её только сейчас.

— Просто, мне никогда не приходило в голову, что я с тобой поступаю неправильно. Прости.

Блез замерла. Какая-то часть её упиралась, не желая принимать извинения, — после всего того, что он сделал с её любовью, это казалось сущим пустяком. И она всё ещё злилась. С другой стороны, девушка была вынуждена признать, что он не заставлял её влюбляться, — она сама сделала выбор, ведь он спас её. А ещё он был чудо, как хорош, а она — достаточно неугомонна и всегда хотела чего-то «этого». И он как раз и был «этаким».

— Может, ты захочешь помочь и моим друзьям? — спросил он.

— Только не надо пытаться меня оскорбить, — вскинула подбородок Блез — Я им уже помогла.

— Да, я в курсе, что ты выяснила, где находится Нора. Сможешь ещё раз найти туда дорогу?

— Если в этом есть необходимость.

— Есть. Я бы хотел, чтобы ты переговорила с Джинни.

Блез внутренне передернулась. Да, Гермиону она не любила, но, скрепя сердце, всё же уважала. Как ни крути, та была исключительной. А бестолковая Джинни Уизли и то, как она пялилась на Драко... — её от этого просто тошнило.

— И о чём же я должна с ней разговаривать?

— Передашь ей всё, что рассказала мне, — написав на клочке пергамента вытасненным из кармана пером несколько слов, Драко свернул его и сунул Блез. — И передай ей вот это, а то она не поверит, что тебя послал я.

— А что, если я прочитаю? — сухо поинтересовалась Блез.

— Знаешь, что говорил мой отец? Не подглядывай в замочную скважину, а то можешь расстроиться от увиденного, — уголки губ Драко чуть приподнялись. — Читай, если хочешь.

— Я уже расстроилась.

Он улыбался, и в выражении его лица, в его взгляде неожиданно появилась удивительная мягкость:

— Не устаю тебе удивляться: встала на сторону добра. Спасает мир. Надо же...

— На весь мир мне наплевать. Для меня важен ты. Ведь я всё ещё люблю тебя. Меня не волнует, любишь ли ты меня в ответ, ты испорченный эгоист и — Господь свидетель — не заботишься ни о ком, кроме себя. Наверное, ты не заслуживаешь любви — и всё же я люблю тебя, и только это имеет для меня значение. И вообще, — это моё дело.

Драко чуть склонил голову, не сводя с неё нервирующего взгляда, полного осознания чего-то... Его лицо, знакомое ей до последней чёрточки, оставалось лицом чужака: она знала о том, что под глазом у него шрам — но не ведала, откуда тот взялся.

— Я всегда говорил, что ты такая же, как я.

Блез засунула его записку в рукав.

— Я отправлю сову. Расскажу, что там поведала Джинни, — он кивнул, к её удивлению, вдруг коснулся её лица и, откинув волосы, поцеловал в щёку. В этом поступке не было ничего романтического, но она была просто потрясена. — Спасибо. Только никаких прозрачных трусов.

— Договорились, — слабо улыбнулся Драко.

Блез развернулась и пошла прочь, когда её вдруг окликнули. Не Драко. Это был женский голос. Повернувшись, она увидела торопящуюся к ней Гермиону, закутанную в тёмный зимний плащ.

— Тебе чего? — нахмурилась Блез.

Чуть запыхавшись, Гермиона остановилась перед Блез и подняла голову.

— Хочу показать тебе вот это, — Гермиона откинула назад капюшон, и зелёные заколки сверкнули в её буйных локонах. — Я хочу, чтобы ты знала, что я ношу их.

— Замечательно. Приятно видеть, что не все гриффиндорцы законченные идиоты, как кажется на первый взгляд.

Гермиону не смутили резкие слова, что позволило Блез предположить, что та уже привыкла к выходкам Драко.

— Я хочу, чтобы ты знала — я тебе верю.

Блез было нечего сказать — она молча кивнула и быстро пошла прочь, чтобы Гермиона не успела заметить, как покраснела слизеринка. Ведь слизеринцы не краснеют.

* * *

Гарри никогда в жизни не задумывался о том, какими могут быть номера в волшебном борделе, так что первая мысль при взгляде на них была довольно странной: «Никогда бы не подумал».

И впрямь, — даже в том лихорадочном обалдении, в котором он находился, Гарри поразился пустоте, столь бросающейся в глаза, по сравнению с богатством и яркостью коридора. Провожатый подвёл его к двери, номерок на которой сообщал, что это комната 34. Замка не было: юноша тронул кубиком дверную ручку, и дверь распахнулась.

Обстановка внутри была строга в своей лаконичности: деревянные стены и пол, камин. Стол с элегантным золотым письменным прибором — перо, чернильница, пергамент. Окно, задрапированное тяжё-

лыми шёлковыми занавесками, не пропускающими свет. И — конечно же — кровать, покрывало на которой было единственным ярким пятном во всей комнате: бархатное фиолетовое покрывало с золотыми буквами ПК.

Оцепенев, Гарри снова услышал в своей голове усталый и напряжённый голос Драко, обрывки того разговора, что вели они на промёрзшей башне Поместья. «Я всегда знал, что отец связан с кучей отвратительных вещей: контрабанда единорогов, драконьей крови, бордели с многосущным зельем...»

— Этой комнатой не пользуются, — юноша неловко топтался в дверях, переминаясь с ноги на ногу. — Звук поглощающим чарам нужен ремонт, так что ты не должен шуметь, — в том, как он стоял и как смотрел на Гарри, было что-то странное, но Гарри никак не мог понять, что именно, — поскольку у него не было сил ни рассматривать его, ни смотреть в упор. — Я буду к тебе заглядывать. Но остаться не могу.

— И не нужно, — ответил Гарри, рассматривая комнату. На одной из стен была картина: женщина в синем платье, падающем с плеч. Она ему подмигнула, и Гарри отвёл взгляд. — Поспать бы, — вслух подумал он. — Хотя бы пару часиков, пока я не смогу уйти. Это будет безопасно, если я посплю?

— Не думаю, что что-то произойдёт. Ручаться, конечно, не могу, но постараюсь. Если что, я приду и скажу тебе.

— Хорошо. А ты ещё будешь выглядеть так же?

— Да, я должен. Тебе это ненавистно? — юноша встревожено смотрел на Гарри, и тому пришлось сделать над собой усилие, чтобы поднять на него взгляд. Внутри что-то дрогнуло: хотя и не так, как во время его прошлого опыта с многосущным зельем. Он знал, что всё дело в магии — и только — это лишь колдовство, раскинувшее свой тонкий покров над реальностью. И всё же ничего не менялось: незнакомец стоял перед ним в облике Драко, смотрел на него глазами Драко, поджимал губы Драко. Но было в его лице и взгляде то, что Гарри никогда не видел в глазах Драко. Страх.

— Мне это не просто ненавистно. Мне это ужасно ненавистно. Ты меня боишься?

— Да. А что, разве есть те, кто тебя не боятся?

Гарри прислонился к каминной полке, тепло от огня просачивалось сквозь одежду, голова была чуждой, кости казались сосульками, всё болело. Больше всего сейчас ему хотелось лечь и завернуться в одеяло. Усталость и холод — вот единственное, что существовало, он не мог вспомнить, испытывал ли в жизни что-то иное.

— Так значит, ты, поэтому мне помогаешь? От страха?

— Нет, — поколебавшись, юноша шагнул вперёд и, к вящему удивлению Гарри, опустился на пол у его ног. Гарри стиснул край каминной полки.

— Ведь ты же — Гарри Поттер, — затараторил юноша, не поднимая глаз от пола, — ты всем известен. Тёмный Лорд поубивал бы всех нас, если бы не ты. Когда я рос, мы праздновали твой день рождения — все праздновали. Наверное, оттого, что я здесь работаю, ты думаешь, что я такой же, как они — Пожиратели Смерти... но нет, мы не такие — мы самые обычные колдуны и ведьмы. Дело в деньгах. А мы никого не обижаем, никому не приносим боли. Я не хочу, чтобы вернулся Тёмный Лорд — даже больше тебя... больше кого бы то ни было. Каждый из нас должен помогать тебе. И поможет — наверное, почти каждый. Я сделаю всё, что смогу.

Гарри понимал, что должен как-то выразить свою благодарность — но не мог. Мысль о том, что кто-то стоит перед ним на коленях, была совершенно ужасной, не говоря уж о том, что это был Драко — хорошо, пусть не Драко, а всего лишь кто-то, носящий его лицо, — всё равно в происходящем было что-то кошмарное.

— Не надо, — жалобно произнес Гарри. — Поднимись с пола... Прошу тебя — встань.

Юноша поднял к нему лицо.

— Ты понял, что я — не он. Ты ведь сразу понял — но как?

— Почти сразу, — поправил его Гарри. «Дело в том, как ты произнёс моё имя», — подумал он, но вслух не сказал. — Ты поцеловал меня.

— А, — кивнул мальчик. — Вот и верь после этого слухам.

Гарри пискнул и отшатнулся от камина. Теперь одна часть тела у него просто плавилась от жара, тогда как другая оставалась ледяной.

— Прошу, встань на ноги. А то мне неудобно, — повторил он.

Юноша неловко поднялся — ему явно доставало грации Драко. Гарри внутренне поморщился, но сдержался.

— Прости, просто, я хотел дать тебе понять, что ты можешь доверять...

— Я доверяю тем, кто стоит доверия. Если ты, действительно, хочешь помочь мне...

— Хочу, — кивнул юноша.

Гарри вытащил из кармана маленький железный ключик.

— Знаешь, где находится Кингс-Кросс?

Естественно, он знал, и после многократных обещаний вернуться как можно скорее и принести вещи Гарри, юноша, к великому облегчению последнего, наконец-то, ушёл.

Наверное, по сути, он — неплохой парень, — вяло подумал Гарри, опускаясь на пол перед огнём, — если отбросить его занятие проституцией... Хотя, собственно, какая разница, кто он, какой он. Гарри просто не мог смотреть на него — к горлу тут же подкатывала тошнота.

Он вспомнил себя под воздействием многосущного зелья, вспомнил ощущение странности, когда он смотрел на своё — и вовсе не своё — тело, на эти чужие, но теперь его руки... Все эти мелочи, вызывающие оторопь: и новая длина ресниц, и удлинившиеся пальцы — каждый день его ждали тысячи ошеломляющих новинок и открытий. Но всё это было сущим пустяком по сравнению со взглядом на знакомое лицо — знакомое, как своё собственное, — и осознанием, что за ним стоит чужой разум, чужой дух. Только тут он понял, каково было Гермione, когда они с Драко поменялись телами, и вспышка вины и мысль о том, каким же он был ослом по отношению к ней, пронзили его тело и разум.

От огня Гарри разморило, сил добраться до кровати уже не было: растянувшись у камина и подложив руки под голову, он закрыл глаза.

Сначала о странном поведении молодой супруги поползли слухи среди слуг. Домашние эльфы её так, просто, боялись — у них даже уши дрожали, когда она проходила мимо, они бросались врассыпную при её приближении. А слуги-люди её возненавидели: женская часть прислуги умирала от ревности, а когда даже любимый слуга заявил, что собирается оставить службу в его доме, колдун не выдержал:

— Да в чём дело? — возопил он на бедолагу. — Или же все мои слуги разом потеряли рассудок?

Призвав себе в помощь всю свою смелость, слуга ответил:

— Дело в вашей жене, сэр.

— Я не понимаю, — колдун в ярости заломил руки. — Разве она жестокая госпожа, разве она бьёт и унижает вас?

— О, нет, хозяин, дело не в этом.

— Тогда в чём?

— Она — не человек, сэр.

В последовавшей за этим заявлением неприятной тишине колдун чуть не испепелил взглядом слугу, флегматично изучающего свои башмаки.

— Что это значит, — наконец-то, вернулся на землю волшебник, — не человек?

— Сэр, она — носферату. Демон. Дьявольское отродье.

— Но ведь она дочь весьма уважаемого семейства, — возразил колдун.

— Господин, я навёл справки. В той семье не было дочерей. Она не та, за кого себя выдает.

— Ты врешь! — взбесился волшебник, прогнал слугу с глаз долой, велел охране избить его напоследок. Но произнесённые им слова никуда не делись — как это часто бывает с истиной. Дни сменяли друг друга, но слова всё никак не шли у него из головы.

Значит, она — демон. Дьявольское отродье. Вот так теперь он думал о своей молодой жене. Он размышлял о её аллергии на солнечный свет, о том, что никто и никогда не видел, как она ест. Он думал, что она на дух не переносит золото — металл, столь ненавистный демонам, — ведь оно так напоминает презируемое ими солнце. Он смотрел на её черные волосы и белую кожу. И, в конце концов, маленькие росточки сомнений начали пробиваться сквозь его сердце. Они становились все кустистей и кустистей, на них появились листья — и в результате в этой чаще задохнулась и сама любовь, и даже воспоминание о ней.

* * *

Мама, папа, дорогие, — вы даже представить себе не можете, как порадовал меня тёплый приём тех новостей, о которых я вам рассказал. Только теперь я понял, что должен быть честен с вами до конца. Понимаете, дело в том, что в последнем семестре у меня были большие проблемы с наличными, поэтому я пополнял свои карманные деньги, снимаясь в порнографических фильмах. Теперь мне за это так стыдно, что я не смею показаться вам на глаза.

Я понимаю, что вам будет непросто... Но, если соскучитесь по мне, возьмите напрокат «Одидавших от страсти», «Поучись этому у гиганта» и «Квиддич через зад» — правда, я там только статист. Обратите внимание на парня в поварском колпаке во время оргии на кухне. Это я.

Понимаю и принимаю, если вы никогда не захотите впрямь видеть меня.

Ваш сын

Симус.

Свернув письмо, Том с очаровательной улыбкой протянул его портье Полночного отеля.

— Не могли бы вы найти для меня сову, чтобы послать письмо, мой милый... — прищурившись, Том рискнул предположить, — гoblin?

Портье, улыбнувшись, продемонстрировал ряд острых металлических зубов.

— Сэр, мы будем счастливы о Вас позаботиться. Что касается комнат, сейчас свободны только те, что наверху, в подземельях всё занято. Вы бы хотели номер на полночи или на ночь целиком?

— Целиком, — кивнул Том, удовлетворённо осматриваясь: клуб, и впрямь, не поменялся за полвека. Те же аляповатые хрустальные люстры, скабрезные картины на стенах. Ароматизированные свечи горели перед триптихом, на котором обнажённые нимфы играли и плескались в водоёме. Том приподнял бровь: нимфы были очень даже ничего, но совершенно не в его вкусе.

— У вас очень мило, — заметил он.

— «Полночный клуб» — предмет нашей общей гордости, — подмигнув, сообщил гoblin. — Сэр, к сожалению, я должен попросить Вас оставить палочку. В наших стенах волшебство не допускается.

— О, я понимаю — конечно, — Том с трудом сдержал усмешку, вытаскивая из кармана и протягивая портье палочку Симуса. Наверняка под столом они держали каталог с фотографиями всех зарегистрированных магидов. Симуса Финнигана среди них не было,

и быть не могло. Том безо всякого сожаления проследил, как гoblin запирает его палочку в шкаф.

— А теперь, сэр, что касается Вашего сопровождения... — деликатно начал гoblin.

— Сопровождения, — на губах у Тома появилась улыбка, о которой он тут же пожалел. — А, Вы хотите знать, хочу ли я проститутку?

— Сэр, мы предпочитаем не использовать эту терминологию, — гoblin явно выглядел огорчённым. — Это несколько старомодно.

— Я тоже, — кивнул Том, — весьма старомоден в отношении некоторых вещей. Так что вы можете мне предложить?

— О, в Вашем распоряжении прекраснейшие девушки — выбор за Вами, — пропел гoblin, — самые прекрасные девушки и, разумеется, прекрасные юноши.

Том покачал головой.

— Нет, я хочу нечто особенное. Особенную девушку.

— Ну, разумеется — в Вашем распоряжении и знаменитые ведьмы с колдунами, стоимость которых зависит от того, насколько трудно достать их... ингредиенты. Вы удивитесь тому, сколько квиддичных игровых продается на чёрном рынке — немного золота и никаких вопросов. Но если вы хотите, скажем, Гарри Поттера... нам приходится идти на весьма специфические кражи. Так что...

— Я же сказал, что хочу девушку, — перебил его Том. — Ваши знаменитости меня не волнуют. Он разматывавшийся вокруг безымянного пальца волос и протянул его портье. — Эту девушку.

Гoblin бережно принял волос из рук Тома.

— Чудесные рыжие волосы... Девушка так же чудесна?

— Вполне, — бесстрастно ответил Том. — Кроме этого, у меня есть дополнительные пожелания.

По мере того, как Том говорил, желто-зелёные глаза гоблина всё расширялись и расширялись от удивления; он замер, не донеся руку до ключа от комнаты двадцать восемь.

— Сэр, это потребует какого-то времени. Как минимум — несколько часов.

— Я вас не тороплю, — успокоил его Том, с улыбкой протягивая руку за ключом. — Я всё равно собирался почитать.

* * *

В тот миг, когда Том отпирал дверь комнаты двадцать восемь. Гарри лицом вниз лежал и грелся у камина в своём номере. Тепло шло, словно, сквозь него, он уже взмок от пота и теперь дрожал. Если бы ему не было так плохо, он бы давно понял, что у него жар. Честно говоря, очень немногие люди могут без последствий бегать под ледяным дождём, не спать сутками, путешествуя на огромные расстояния. И Гарри явно был не из их числа.

Но сам он об этом не подозревал. Единственное, что он понимал, — это то, что никак не может согреться, хотя лежит прямо у огня. И никак не может заснуть, сон удалился в какие-то заоблачные дали. Мысли разбегались в разные стороны, но всё становилось ясным и понятным, одновременно неся облегчение и тревогу.

Перед глазами в этом разбухшем от дождя переулке стоял юноша, которого он принял за Драко. Было так странно, когда тот его поцеловал, — но это не испугало и не удивило Гарри. А испугал и удивил его взгляд «Драко», когда тот разговаривал с ним: словно Гарри был пустым местом. Гарри не привык к такому взгляду — Драко всегда смотрел на него так, словно он был центром мира.

Перевернувшись на спину, Гарри уставился в потолок, на гладкой поверхности которого плясали тени и отблески пламени. В голове звучал голос Драко, невнятный, дремотный:

— Ты посидишь со мной?

— Да, я посижу.

Но он не остался, и получилось так, что последнее, что он сказал Драко, оказалось ложью. Гарри передёрнулся. Одежда чуть подсохла. Желудок завязался узлом. Он мечтал снова услышать в голове этот голос.

— Это то, чего ты хочешь?

— Да — это то, чего я хочу.

— Что ж, тогда я сделаю это.

Гарри снова заворочался и повернулся к огню, медленно лизнувшему жаром его лицо, на что юноша не обратил никакого внимания. В костях поселился такой холод, что, казалось, теперь ему никогда не согреться. Память отбросила его назад, на замёрзшую башню: вот он присел на корточки рядом с Драко. Сверху на них лился лунный свет — яркий, резкий, ядовитый — как чистый спирт.

— Может, ты меня просто ненавидишь? — спросил Гарри, подрагивая от пробиравшего до костей мороза.

— Ненавижу? — переспросил Драко. — Я никогда не смог бы тебя ненавидеть.

Гарри не был уверен, что Драко сказал именно эти слова. Память, разум — они едва ли слушались его теперь: вот он стоит на коленях, держа в горсти окровавленные осколки. Он специально собирал стекляшки, не пытаясь побережь руки, — он хотел порезов, хотел боли.

— Ты ненавидишь меня, — бросил он залитому лунной коленопреклонённому юноше напротив, — Я всегда думал, что ты ненавидишь сам себя, но, возможно, всё дело в том, что тебе ненавистен именно я.

Он не смог вспомнить ответ Драко. Кажется, тот возразил... в голове крутились какие-то обрывки фраз. Эти воспоминания вызвали дурноту: господа, как у него язык повернулся сказать такую чушь?! Он не понимал, как Драко пнул флакон с противоядием, разбив его вдребезги. Гарри тогда захлестнула ярость и слепое отчаяние: как он посмел, как он мог такое со мной сделать?! Конечно, на самом деле Драко не собирался ничего делать с Гарри, в противном случае это свидетельствовало о такой степени преданности, которой тот считал себя недостойным.

Да, конечно, дело было не в нём, да и не стоило обвинять Драко в ненависти — ведь он же сам понимал, что это совсем не так, ведь он же мог сказать совершенно чётко, когда Драко ненавидел его. Как раз тут, в промёрзшем переулке, юноша, разговаривая с «Драко», думал, что того переполняет ненависть. Гарри не ожидал этого, был сбит с толку, ведь он прекрасно помнил времена, когда они с Малфоем не переносили друг друга: тот бы, без сомнения, с упоением порвал ему глотку при первом же удобном случае и с улыбкой отправился восвояси. Гарри не представлял, что ощущает тот, кого ненавидят, — вернее, представлял, что это вряд ли может кому-нибудь понравиться. Однако тёмная, извращённая гордость где-то внутри него шептала, что на свете существовал всего один человек, способный заставить Малфоя полностью потерять его хваленое самообладание; более того, иногда — пусть нечасто, но всё же — Гарри даже доставляло удовольствие доводить Малфоя: губы у того начинали забавно дергаться, кулаки, побелев от напряжения, сжимались и разжимались, словно Драко был готов кинуться на Гарри и придушить его.

Но иногда удержаться было просто невозможно: когда на пятом курсе Гриффиндор снова стал обладателем Кубка по квиддичу, Гарри попросил Дobby, чтобы тот подошёл во время завтрака к слизеринскому столу и вручил Драко бархатную подушечку, на которой красовался маленький пластмассовый стаканчик. И записка: «Наверное, этот размерчик тебе подойдёт больше: Малфой от Г.Поттера»

Тогда Драко ничего не сделал, но чуть позже, торопясь на зелья, Гарри вдруг почувствовал, как кто-то схватил его за рукав, обернулся, и, не успев ничего сообразить, очутился под ближайшей лестницей, сбитый с ног. А Драко сидел верхом на нём и прилагал все усилия, чтобы разбить об каменный пол голову Гарри.

Гарри был удивлён гневу, почти ослепившему Драко, но кулачный боец из того был неважный: слизеринец всё больше занимался танцами и фехтованием, тогда как у Гарри была неплохая выучка: со времён издевательств Дадли он прекрасно умел уворачиваться от тумачков. Он пихнул Драко ногами, вывернулся и, сцепившись, они покатались, пинаясь, лягаясь, и осылая друг друга ударами. Остановила их лишь дальняя стена: Драко коленями прижал Гарри к полу, метаясь кулаками ему в голову. И в тот миг, когда Гарри уже собирался увернуться от удара, он понял, что единственное, чего ему сейчас хочется, — это, как следует врезать Малфоем.

Гарри прекратил елозить и дёрнулся вверх — так резко, что обидчик не удержался и свалился. Гарри кинулся на него — теперь он сидел верхом, размахнувшись, он ударил Драко кулаком в лицо — раз, другой... На третий раз кулак оказался в крови; Драко зажал рукой горло Гарри, пытаясь задушить его, шаря между ними второй рукой. Гарри понял, что тот ищет свою палочку, и поступил так, как поступил бы Дадли — резко и со всей силы дёрнул коленом вверх. Драко задохнулся, Гарри отпихнул его прочь и поднялся на ноги, сжимая палочку врага в окровавленном кулаке.

Задышавшись от боли, Драко лежал на полу. Наконец, он с трудом поднял голову и взглянул на Гарри; и глаза его распахнулись, когда он увидел свою палочку в руках гриффиндорца. Это была очень дорогая палочка красного дерева — Гарри не раз слышал, как Малфой хвастался, что та была изготовлена для его далёкого предка ещё во времена Тюдоров. Она была гладкой и прохладной на ощупь и как-то странно светилась.

— Хочешь, чтобы я сломал твою палочку, Малфой? — прорычал Гарри. — Интересно, что бы сказал на это твой отец?

Драко с трудом приподнялся на колени и взглянул на Гарри из-под упавших на глаза волос. Щека была разбита, кровь из расквашенной губы стекала на рубашку. Он всё никак не мог справиться с дыханием.

— А, ну... верни мне... палочку, Поттер... долбаный дурак...

Палочка издала певучий звук, напряжённо изогнувшись в пальцах Гарри. Она была гибкой, и всё же — приложи Гарри малейшее усилие — и она сломалась бы.

Драко не мог отвести от неё глаз, как ни старался, дыхание участилось, грудь вздымалась и опадала под рубашкой.

— Извиняйся, — велел Гарри.

Драко задохнулся от негодования.

— За что?

Внутри Гарри вскипела странная ярость, поразившая его своей неуправляемой силой.

— За всё! — заорал он. — За то, кем ты являешься. За то, что ты мерзкий, скользкий, гадкий, ухмыляющийся расист, за то, что ты жалкий червяк! Так что быстро открывай пасть и извиняйся, а иначе я раскрошу твою палочку в щепки — я не шучу!

В повисшей тишине Драко взглянул на Гарри: долго, пристально, словно примериваясь — и на какой-то безумный миг Гарри показалось, будто тот, действительно, сейчас извинится или же сделает какой-нибудь примирительный жест... во всяком случае, было не похоже, что слизеринец попыбует снова броситься на него... как вдруг Драко качнулся на руках вперёд и плюнул кровью прямо Гарри на ботинки. Гарри инстинктивно отступил назад, а Малфой снова уселся на пол, опустив голову и прикрыв глаза.

— Получи свои извинения, — прошипел он едва слышно. — Делай, что хочешь.

Гарри посмотрел на его напряжённые плечи, вцепившиеся в колени пальцы — юноша ждал хруста своей драгоценной палочки — подумал о Люциусе Малфое... и не смог сломать её.

Проклинаю свое дурацкое малодушие, Гарри с размаху швырнул палочку на пол:

— Забирай! Забирай и катись с ней ко всем чертям!..

Драко рывком вскинул голову — в его глазах не было благодарности, одна сплошная чёрная ненависть. Он не шелохнулся, — ни чтобы поднять палочку, ни чтобы стереть кровь с губ. И когда он снова заговорил, было в его голосе что-то странное, словно он сдерживал крик. Или же плач.

— Почему ты никак не сдохнешь, Поттер? — свистящим шёпотом спросил Драко. — Почему... ты просто... не возьмёшь и не сдохнешь... чтоб тебя?..

И переполнявшее его голос отвращение буквально ошеломило Гарри. Потом он понял, что их взаимоотношения с Драко были неравными: слизеринец было многократно чувствительнее его самого. Ведь Гарри никогда не питал к тому столь концентрированной ненависти. Всю её глубину и многообразие Гарри приберегал для Вольдеморта, испытывая к Малфою просто сильную неприязнь, ведь, в конце концов, он же не убивал никого из тех, кого Гарри любил. С таким же успехом можно было ненавидеть камешек в ботинке, стертую до крови ногу или навязчивую песенку, вертящуюся в голове.

И Малфой это понимал.

— Ненавижу тебя? Я никогда не питал к тебе ненависти, — искренне ответил Драко. Да, он не кривил душой — как раньше он не мог представить свою жизнь без ненависти к Поттеру, так теперь он не понимал, что значит ненавидеть его. Что бы он ни делал — любил ли, ненавидел ли — он делал это от всей души. Гарри так не умел и только-только начал осознавать, что из-за своей бесчувственности может причинить Драко боль, не желая того.

В груди, словно, что-то взорвалось, Гарри вдруг осознал, как нечестно всё происходящее; ему захотелось кинуться на поиски Драко, схватить его, тряхнуть и объяснить — то, что когда-то они были неравны в ненависти, вовсе не значит, что теперь они навсегда обречены на неравенство во взаимоотношениях. Судьба и история, столетия, не приносящие никаких изменений, — Малфой верил им, тогда как для Гарри эти слова ничего не значили: когда ему был год, жизнь, шедшая своим чередом, повернулась к нему спиной. И теперь ему хотелось сказать Драко, что не существует единственной дороги, что путей много...

Но, увы, он не мог: всё уже было в прошлом, он упустил свой шанс, он всё разорвал и всех бросил, начав сначала и запретив себе думать о том, что он совершил, и о тех, кого оставил, — о Драко и Гермионе, Роне и Сириусе — о тех, кого любил он и кто любил его.

Гарри завозился, полуслепнув от захлестнувшей его вины и отчаяния, но сделать ничего было нельзя, как ни глупо это звучало: он выбрал свой путь, он встал на него — назад пути не было. Даже теперь, когда начали обретать смысл вещи, никогда доселе не имевшие для него никакого значения.

У Гарри появилось ощущение, будто он сидел заперти в тёмной комнате, прислушиваясь к доносящимся из-за двери странным звукам. А потом дверь вдруг распахнулась, и непонятные звуки оказались музыкой, слились в знакомую мелодию. Мелодию, которую он до сих пор ни разу не слышал целиком, во всей её красоте и полноте.

Но поделаться ничем было уже нельзя. Немного есть на свете вещей хуже, чем сожаление о том, что мог бы — но не сделал. Внутри у Гарри всё перевернулось, он привалился спиной к стене рядом с камином и швырнул себе в лицо горький упрек: «Что же я наделал? Боже, что же я натворил?»

Не было больше сил терпеть это: Гарри поднялся, подошёл к столу и нашарил перо и пергамент

* * *

— Полагаю, нам нужны фальшивые имена, — произнося медной ложкой в маленьком котле с противоядием, заметила Гермиона. — По крайней мере, тебе.

Драко посмотрел на неё с лёгким удивлением. Он сидел на столе рядом с наспех организованным рабочим местом, которое на кухне их гостиничного номера устроила Гермиона. Именно она настояла на том, чтобы в их комнате была кухня для того, чтобы заниматься противоядием, Драко же — на том, чтобы им предоставили самый большой и дорогой номер отеля. Их требования были удовлетворены, и всё шло, просто, как по маслу, за исключением того, что Гермиона, будучи дочерью средней руки дантистов, не смогла сдерживать ужаса при виде кричащей роскоши отеля. Хотя и подозревала, зная Драко, что будет нечто подобное.

Мраморный пол, два огромных камина, две спальни — белоснежная и зелёная с золотом. Гермиона старалась не смотреть на огромную ванную с кранами в виде серебряных русалок и плавающими волшебными подушечками. Занавески белого бархата спадали до самого пола. На ощупь они были плотными и восковыми, словно лепестки лилии. И ещё была кухня с заколдованными медными горшочками и самоочищающимися тарелками.

— Фальшивые имена? — переспросил Драко. — И зачем же?

— Ты слишком известен, — пояснила Гермиона. — И имя у тебя весьма необычное. Каждый, кто увидит, как я называю высокого блондина Драко, обернётся.

— Вовсе я не известен, — с лёгкой улыбкой возразил Драко.

Когда они регистрировались в отеле, она боялась, что им придется представиться. Драко же привалился к стойке администратора, поставил ногу на медную приступочку у стойки и, словно у уличного фокусника, галлеоны потекли из его рукава прямо на регистрационный бланк. И тот исчез в столе, словно по мановению волшебной палочки — без единой пометочки.

— Молчание стоит золота, — произнёс он, когда лестница возносила их к дверям номера. — Теперь он не проболтается.

— Конечно, эта известность не такая, как у Гарри, которого все знают, — продолжила разговор Гермиона.

Драко тут же отвел от неё глаза, как всегда, когда она говорила о Гарри. Гермиона промолчала, продолжая помешивать противоядие. Подняв взгляд, она посмотрела на юношу: чёрный свитер слегка висел на нём, из рукавов виднелись лишь кончики пальцев, а из-под капюшона торчали пряди светлых волос. Он покусывал губу.

— Хорошо, предложи имя для меня.

— Надо, чтобы оно звучало почти как твоё... — задумчиво протянула Гермиона. — Может, Дрейк?

Драко вскинул голову, из-под капюшона полыхнули серые глаза:

— Только посмей меня так назвать — я тебя сразу убью.

— Нет? — улыбнулась Гермиона.

— Не люблю клички, — коротко пояснил он. — Можешь с тем же успехом называть меня «пирожком» или «медвежонком».

— Это мысль...

— Согласно правилу 413 Кодекса Поведения Семейства Малфоев мне не запрещается применять насилие по отношению к женщинам. Я сейчас надену тебе на голову горшок, в котором ты бултыхаешь ложкой.

Гермиона хмыкнула.

— Кстати, не поддержишь, пока я переливаю? — она протянула ему ложку с длинной ручкой, которую Драко принял с самым мятежным видом. Она, тем временем, перелила половину зелья в чашку, высыпала туда содержимое пакетика, схватила ложку и начала яростно

размешивать — эта часть приготовления противоядия должна быть выполнена быстро, иначе всё шло коту под хвост.

— Думаю, стоит подыскать имечко для тебя. Что-то шикарное. Как насчет Трикси Ла Буч? Бубс Макчести?

— Я не нуждаюсь в имени, которое звучит как имя порнозвезды, — отрезала Гермиона, размешивая зелье и почти задыхаясь от напряжения.

— Я всегда мечтал вырасти и стать порнозвездой по имени Барон Хоткок фон Хьюгенштейн, — с поддельной тоской в голосе проныл Драко.

— Ты хотел стать порнозвездой? — потрясённо переспросила Гермиона.

— А что — разве я один?

Гермиона попробовала представить Гарри, мечтающего стать порнозвездой, и потерпела фиаско. Подавив смех, она опустила ложку — противоядие было готово.

— Ну, это не совсем соответствует действительности, — заметила она, переливая противоядие в стакан.

— Откуда ты знаешь? — оскорбился Драко.

— Я о том, — она сунула стакан ему в руки, — что ты не барон, — он бросил на неё полный подозрений взгляд. — Давай-давай, пей свое противоядие.

Он выпил, полуприкрыв глаза, три глотка, потом подавился, отшвырнул стакан и, обхватив голову руками, зажмурился. Тело затряслось в судорогах.

Гермиона испуганно схватила его за руку, потянула вниз — он вцепился в её запястье так, что захрустели кости. Наконец, от отпустил её и сел, бледный, задыхающийся, с лихорадочными красными пятнами на скулах.

— Ну, как ты? — спросила Гермиона.

— Великолепно, — ядовито ответил он.

Пустой стакан закатился за стойку. Гермиона молча подняла его и начала споласкивать, пытаясь что-то сказать, но в голову ничего не приходило. Снейп предупредил, что с каждым разом Драко будет чувствовать себя всё хуже, принимая противоядие. Кажется, хуже уже некуда — что же ей делать?

— Драко, — она заправила мокрую прядь за ухо, но прежде чем она успела продолжить, окно глухо зазвенело. Словно сова стучала в стекло клювом. Но кто мог послать им сову? Гермиона растерянно подошла и отодвинула занавеску — там, и впрямь, была сова; влетев сквозь открытое Гермионой окошко, птица отряхнулась от снега, подлетела прямо к Драко, кинула ему на колени свёрнутый пергамент и зависла около юноши, пока тот не вытащил из кармана сикль и не дал ей. Клюв защёлкнулся вокруг серебряного кругляша, и птица вылетела в окно.

Заперев форточку, Гермиона вернулась к Драко, не сводящему глаз с запечатанного письма, лежащего у него на коленях. Наконец, он поднял голову, и взглянул на Гермиону огромными от потрясения глазами, сиявшими на белом, как полотно, лице.

— Это от Гарри, — сказал он.

* * *

И решил колдун проследить за своей женой, когда она в очередной раз выйдет из замка. Ему не пришлось долго ждать: у той была привычка гулять в лесу по вечерам — завернувшись в мантию-невидимку, он последовал за ней.

Укрывшись темнотой, она нырнула в самую чащу леса, освещая себе путь ведьминским фонарём, пока не дошла до поляны. Она вышла на неё и закричала голосом, заставившим его содрогнуться. И из-за камней, из-за деревьев на поляну начали собираться другие женщины, такие же, как и его жена — черноволосые красавицы с сияющими черными глазами, одетые сплошь в чёрное. Прислонившись к дереву, волшебник взирал на них.

Сойдись, эти женщины поприветствовали друг друга как сёстры, потом, усевшись в кружок, начали беседовать. Все они были суккубами, и каждая недавно

вступила в брак со смертным по приказу главного демона, повелевавшего ими. И каждая горько жаловалась на скуку и тоску этих браков, на странности мужей-людей и отвратительности их по сравнению с демонами-мужчинами. Услышав их слова, колдун почувствовал, как похолодело его сердце и как всё внутри окаменело — удивительно, что кровь, вообще, могла струиться по венам.

Демонессы начали философствовать: судя по всему, срок их рабства истекал: все вступили в брак с мужчинами, дабы обзавестись отпрысками — полуплюдами, полу-демонами — сочетающими в себе силу и тех, и других, и лишёнными их слабостей. Эти дети-демоны могли бы гулять под солнечными лучами и прикасаться к золоту. Эти дети-люди были бы бессмертными. Впрочем, демонесс не особенно это интересовало: больше всего им хотелось освободиться от уз брака и вернуться к своей привычной жизни — жизни суккубов, соблазняющих мужчин и высасывающих из них все силы и саму жизнь.

— Мечтаю, чтобы он умер у меня на руках, — поделилась жена волшебника. — Хочу, чтобы он умер медленно и чтобы, умирая, он содрогался у меня на руках.

В ярости от услышанного, волшебник с трудом удержался от желания немедленно выхватить палочку: только знание того, что смертельные проклятия для демонов безопасны, удержало его от этого неосмотрительного поступка.

Он стоял, наблюдая, как смеются демонессы, рассуждая о грядущих смертях их мужей, не шелохнулся когда они, расцеловавшись на прощанье, разошлись с поляны, отправившись к своим ни о чём не подозревающим мужьям. Он не двинулся с места, пока не посветлело небо, и солнце не поднялось над лесом. Настал день, и сердце его сжалось и сошло, превратившись в стеклянный осколок. И мысли его были только о мести.

Ой, ты и, правда, дрожишь. Дай-ка руки, давай я укрою их плащом. Нет-нет, зачем ты краснеешь? Ничего сложного для меня нет: тебе станет теплее, а сама я всё равно не чувствую холода.

* * *

— В этой книге, — заметил Бен, когда Джинни, ходившая на поиски чего-нибудь съестного, вернулась в комнату, неся блюдо с сэндвичами, — полно исторических ошибок.

Джинни недоумённо захлопала глазами и опустила блюдо на кровать: Бен с Гаретом сидели рядышком на столе, листая «Брюки, полные огня». Их волосы — светлые и тёмные — перепутались, когда они вместе склонились над книгой. Это напомнило ей о Гарри и Драко.

— Поверить не могу, что вы это читаете, — только и смогла произнести она.

— Будто не мы изобрели в X веке Заклятье Памяти, — сварливо пробормотал Бен. — Так что не нужно...

— А, так ты на том месте, где Тёмный маг Морган похищает Ризэнн, — со вкусом произнесла Джинни. Это была одна из самых любимых ею глав.

— Одно слово — похищение, — подключился к разговору Гарет. — «Она делала вид что сопротивляется, но признать это борьбой могла бы только её мать».

— Удивительно захватывающая книга, — признался Бен. — Ты будешь возражать, если я захвачу её с собой в прошлое?

— Буду, я сама ещё не дочитала — ответила Джинни. — Впрочем, мы могли бы договориться: книга в обмен на информацию.

Гарет покосился на Бена, тот пожал плечами.

— И что за информация тебя интересует? — осторожно поинтересовался он.

— Так, я хотела бы узнать, что вы тут делаете... — но это не считается. Я, вообще, не понимаю, зачем вы

сюда прибыли, коль скоро вы ничего не собираетесь объяснять.

— Я хотел есть, — сообщил Гарет. Вытащив из ножен короткий кинжал, он наклонился через Бена и насадил на клинок сэндвич. У Джинни мелькнула мысль, что, в отличие от его потомка, у Гарета не было проблем с арахисовым маслом.

— Тысяча лет — слишком большой путь, чтобы проделать его ради сэндвича, — заметила Джинни. — Нет, я, конечно, рада видеть тебя... вас обоих, и всё же...

Наконец, Бен смягчился и, откинув плащ, вытащил что-то из висящей на поясе сумки.

— Я пришёл, чтобы передать тебе вот это, — на его раскрытой ладони лежала какая-то маленькая золотисто-зелёная веточка, которую он и вручил Джинни.

— Цветок? — захлопала глазами Джинни.

Это был не совсем цветок — просто оторванная от какого-то цветущего растения веточка с мягким темно-зелёным стеблем и бледно-жёлтым, цвета свежего масла, цветком.

— *Flora fortis*, — сообщил Бен. — Разговорное название Сила Воли. Используется в изгородях, но является прекрасным лекарством. Каждый день съедай по одному бутону. Главное — сохранить стебель живым.

— Э... спасибо, — с сомнением сказала Джинни. — А не можешь ли точно сказать, зачем мне нужно это делать?

— Знаешь, я, и сам, не очень понимаю, — жизнерадостно откликнулся Бен.

— Я подозреваю, что, когда ты придёшь за ним, ты будешь знать, — произнес Гарет, оторвавшись от своего занятия: он убирал с сэндвича все огурцы и помидоры.

— Ты много ешь, — сказала Джинни, удивлённо глядя на него. Отклонившись назад, чтобы Бен не мог видеть его лица, Гарет скорчил Джинни страшную рожу, и ей пришлось приложить титанические усилия, чтобы не расхохотаться. — Я думаю, цветок укрепляет волю, помогая человеку в битве. Может, с его помощью можно выстоять против Заклятья Imperius?

— Хорошая мысль, — рассеянно кивнул Бен, вернувшийся к «Брюкам, полным огня». — Я похож на Тристана, — сообщил он. — Думаю, она должна с ним сбежать.

— Насчет тебя я не сомневаюсь, — согласилась Джинни, присаживаясь на краешек кровати. Гарет, качая ногой, углубился в чтение через плечо Бена, размеренно пиная того в лодыжку — но Бен, казалось, полностью погрузился в книгу, не обращая внимания ни на что вокруг. Джинни почувствовала, что её охватила странная печаль: то, как они сидели рядом, то, как неосознанно тянулись друг к другу их тела — как растущие рядом деревья — напоминало ей Гарри и Драко. Она, словно, видела их в Бене и Гарете, как в странном кривом зеркале.

— Я ещё что-нибудь вам говорила? — тихонько пискнула она. — Может, что-нибудь про Драко? Что он пошёл на поправку? А про Тома? Про Гарри? Про...

Бен отложил книгу, его тёмные глаза посерьёзтели:

— Нет, — покачал головой он. — Ты лишь дала мне Хроноворот, установленный на этот день и велела передать тебе цветок, сказав, что потом он тебе понадобится и... — Бен подумал и добавил. — Я должен передать тебе, что ты — якорь.

— Что-что? — переспросила Джинни, не расслышав.

— Якорь, — твердо повторил Бен. — Тебе это о чём-то говорит?

— Увы, — печально вздохнула Джинни.

— О! Ты ещё попросила меня напомнить про замок на двери твоей комнаты — чтобы твоя мать не вошла и на обнаружила нас тут.

— Ой, и ты мне говоришь об этом только сейчас! — Джинни вскочила на ноги и, подбежав к двери, заперла её. Секундой позже дверь задрглась.

— Джинни! — позвала миссис Уизли. — Всё в порядке? Джордж говорил, что ты искала поесть.

— Всё в порядке, мам! — откликнулась Джинни и прикусила губу. — Я спать собираюсь! — она ненавидела врать матери, а тут приходилось юлить и изворачиваться, хотя едва ли мать собиралась задавать ей вопросы о двух молодых и клёвых парнях — путешественниках во времени, явившихся в её спальню из далёкого прошлого и теперь сидящих на столе с романом в руках. — Увидимся утром.

— А, ну ладно, — откликнулась миссис Уизли.

Джинни услышала удаляющиеся от двери шаги матери. С облегчением она сползла на пол и подняла взгляд на Бена и Гарета. Бен недоумённо посмотрел на неё поверх книги:

— Ты не против, если мы останемся и дочитаем? — спросил он. — Ужасно хочется узнать, чем всё закончилось.

— Боже, — пробормотала Джинни.

— Чёрт! Чёрт, чёрт! — мрачно произнёс Гарет. — Я съел все сэндвичи!

* * *

«Малфой!

Я говорил, что не буду писать тебе — но это важно.

Не знаю, как это объяснить, но, думаю, стоит присматривать за Симусом Финниганом. Я налетел на него в Диагон-аллее, и он вёл себя очень странно. Я мог бы предупредить Джинни, но, думаю, будет лучше, если ты узнаешь об этом и приглядишь за ними обоими. Со мной сегодня произошло нечто очень странное (далее всё было заляпано чернилами, и новые строчки аккуратно написаны сверху), и я надеюсь, что с тобой всё хорошо. Вернись, как только смогу.

Гарри».

— Симус, — резко сказал Драко, разжимая руку. — Он налетел на чёртова Симуса! О, прошу прощения — на Тома. Вот ведь, как чертовски смешно. Поражаюсь, что он, вообще, до сих пор жив и пишет нам, чтобы предупредить.

— Не говори так, — машинально остановила его Гермиона, поднимая упавшее письмо и нашаривая в кармане свою палочку. — *Originatus revelatus*.

Ничего не случилось — Драко подумал, что Гарри заблокировал заклинание, способное определить то место, откуда было послано письмо.

— А Гарри не совсем дурак, — сухо заметил Драко. В ответ Гермиона состроила рожу. — Хотя, всё же дурак: Это письмо ещё войдет в историю: «налетел на днях на Симуса Финнигана. Кажется, он бледноват — наверное, у него грипп, или же в него вселился дух самого злого колдуна, когда-либо существовавшего на свете. Даже и не знаю, какой из этих вариантов предпочтест — оба так возбуждают...»

— Оставь Гарри в покое. Это ведь не тот вывод, к которому мог бы прийти обычный человек. — Боже! — ахнула она, осенённая внезапной идеей, — надеюсь, он не выследил Гарри... Нам нужно найти его, Драко, — и чем быстрее, тем лучше.

— Я в курсе, — Драко почувствовал горечь во рту, и она не имела никакого отношения к только что выпитому противоядию. — Есть мысли, как это сделать?

— Ты что-нибудь слышал про *Continuum Translocatrix*? — задумчиво спросила Гермиона.

— Это не они занимают пятую строчку в хит-парадах с песенкой «Я верю, что мы обнажены»?

— Не смейся, — она бросила на Драко раздражённый взгляд. — Это заклинание дороги, связанное с использованием Магии Времени. Значит, так: мы сожжём письмо, а пепел скормим лизилу, а потом используем его кровь, чтобы сделать зелье *Locanarus* — шесть раз вскипятим его и...

— Непременно, — кивнул Драко, поднял письмо и посмотрел на свет. — А ещё мы можем просто прийти по адресу, напечатанному на пергаменте.

— Что? — воскликнула Гермиона, выхватывая письмо у него из руки. — Какому адресу?

— Так, водяные знаки. Смотри на свет.

Гермиона сделала то, что ей сказали, и нахмурилась.

— Там только две буквы: ПК.

— Ага, — кивнул Драко. — Не самое лучшее место.

Гермиона опустила письмо:

— Ты о чём? Там опасно?

— Это рядом с Дрян-Аллеей, — пояснил Драко, слегка смущаясь. Он, на самом деле, не мог предугадать реакцию Гермионы на новость, что Гарри оказался в совершенно развратном месте — он и за свои чувства не мог ручаться. Зная Гарри, он мог бы с уверенностью сказать, что тот забрел туда, думая, что это цветочный магазин. И всё же теперь в душу Драко закрались сомнения, а так ли хорошо он на самом деле знает Гарри? — Это такой... особый клуб. Ну... для мужчин.

— Стрип-клуб? — уточнила Гермиона.

— Нет, — честно признал Драко.

— Тогда что это?

— Бордель, — он съёжился.

— Бордель? — позеленела Гермиона.

— Многосушный бордель. Абсолютно незаконное заведение. Туда ходят, чтобы...

— Я знаю, зачем туда ходят! — яростно перебила Гермиона, заливаясь краской. — Я читала про такие вещи. А вот ты откуда всё это знаешь, а, Драко Малфой?

— Им владеет мой отец.

Гермиона покачала головой:

— Знаешь, меня это совершенно не удивило. Она прислонилась к столу. — И что теперь? Не можем же мы просто взять и заявиться в Многосушный бордель? Это же страшно незаконные места, вряд ли они любят вопросы — нас выкинут на улицу, если не хуже...

Драко снова перечитал письмо. Писавший его тропился, спешил — и это точно был Гарри: та же изогнутая «с» и круглая «а»... Интересно, сумел бы кто-то так точно скопировать почерк Гарри — чтобы обмануть его? Вряд ли... И в этом письме, и во вчерашнем он слышал интонации Гарри — голос Гарри буквально звучал у Драко в голове, когда тот читал начертанные на пергаменте строки. Да и почерк Поттера трудно симитировать, его собственный подделывать куда легче — элегантный, обычный почерк. Так научил его писать отец.

Драко взглянул на свою бледную и худую правую руку. Фамильное кольцо оттягивало указательный палец. Драко задумчиво пошевелил пальцами.

— Драко? — взволнованно окликнула его Гермиона.

— Мне нужен пергамент. Перо. И немного воска. Или сургуча. И нам надо поспешить — я должен был сообразить, что у нас мало времени.

* * *

Она выпила Многосушное зелье перед тем, как переодеться в то, что ей принесли, — иначе бы она никогда не влезла в этот размер: вещи были маленькими — наверное, принадлежали невысокой девушке лет шестнадцати-семнадцати, не старше.

Ей и раньше приходилось надевать школьную форму — просто поразительно, какое количество колдунов на это западало. Более популярной в борделе была, разве что, квиддичная форма. По ней посетители буквально с ума сходили, так что в Клубе её сделали чем-то вроде фирменной одежды: плотные штаны, высокие кожаные ботинки, протекторы и подчеркивающий формы верх. Похоже, эта школьная форма тоже была слегка подправлена; ещё её удивило то, что на ней красовался символ факультета: крошечная, чёрная юбочка

застёгивалась на золотые пуговицы с изображением льва, тот же лев вздымал лапы и на обтягивающей белой рубашке. Она натянула высокие чулки и заплела волосы в косы. Никакого макияжа, никакой косметики — её специально предупреждали. Не обуваясь, она прошла по длинному коридору, остановилась у дверей комнаты двадцать восемь, коснулась её своим заколдованным кубиком — и та растаяла на мгновение, впус- тив её внутрь.

Ей понадобился миг, чтобы привыкнуть к полутьме комнаты. Клиент сидел на уголке кровати, освещённый розоватым светом, идущим от лампы. Когда она вошла, он поднял голову.

— Привет, — произнесла она и замерла, оторопев: когда он поднялся, она увидела, что он юн, очень юн и удивительно хорош собой. Светло-русые волосы, ясные синие глаза, узкий решительный рот и гибкое мускулистое тело. На нём было надето что-то тёмное, не бросающееся в глаза. Совершенно бесхитрое лицо, вот только глаза... они казались старше, много старше его самого...

Она гадала, чего же он хочет: должна ли она быть испуганной и скромной или развязной и смелой. Подняв руку, она перебрала себе на грудь одну косу и застенчиво взглянула на него.

— Иди сюда, — он протянул ей руку. Босиком — как он и хотел, она прошла через комнату к нему. Он притянул её к себе, его руки скользнули на талию — она чувствовала его лёгкую, но цепкую хватку. — Ты будешь звать меня по имени. Я — Том. Произнеси это.

— Том, — повторила она. По его телу пробежала дрожь. Казалось, даже воздух в комнате сгустился, хотя она подумала, что всё дело в освещении. Его руки замесались по её телу, он запрокинул её голову, касался её лица, словно лепил его из темноты и воздуха, что были между ними. Она стояла, не двигаясь, — она привыкла к странностям клиентов: принимая во внимание род её занятий, чего-то подобного вполне следовало ожидать. Люди не приходили в «Полночный клуб», чтобы просто заняться сексом — бордель продавал самые тёмные мечты и фантазии, скрывающиеся в человеческой душе. Сюда людей приводила страсть, любовь и горе.

И люди использовали её, чтобы плакать, обнимать, преклоняться и восхищаться, ненавидеть и презирать. Это была её работа.

— Джинни, — позвал Том, поднимая большими пальцами её подбородок. — Смотри на меня.

И она подняла взгляд. Теперь в комнате было почти совсем темно, она различала в сумраке лишь очертания его лица и его синие глаза с залегшими под ними тенями.

— Ты боишься меня?

Она попыталась угадать, что именно он хотел бы услышать.

— Да.

По его телу снова пробежала судорога, руки на её талии сжались сильнее. Он наклонился и прижался губами к её щеке. Они были очень холодными, и она содрогнулась.

— Любовь, — прошептал он, и она не смогла понять, к ней ли он обращается. — Какое эгоистичное чувство: существует только собственный пыл и собственная боль, расстраиваешься только от собственных неурядиц... Тело попадает в рабство, а воля — в кандалы желаний. Почему до сих пор считают, что любовь облагораживает?

Она не могла ничего с собой поделать — его тон обеспокоил её. Облегчение, возникшее от вида столь юного лица, быстро исчезало.

Этот мальчик был прекрасен, но, кажется, более чем, не в себе.

— Твои руки такие холодные, — промолвила она.

— Тихо, — он с силой тряхнул её за плечи, и она тут же испуганно умолкла. Но гнев мгновенно исчез из его глаз — они снова стали мягкими, сонными, рассеянными. — Скажи мне, что любишь меня.

Ага, это уже было знакомым:
— Я люблю тебя, Том.
— Скажи, что принадлежишь мне.
— Я принадлежу тебе, — произнесла она и добавила, — Том, — кажется, ему нравился звук его собственного имени.

— И ты умрёшь ради меня.
— Я умру ради тебя, Том.
— Умоляй меня.
— О чём? — она вскинула взгляд и тут же пожалела: ей совсем не понравилось выражение его глаз.
— Умоляй причинить тебе боль.

Так, достаточно. Она отшатнулась от него.
— Нет, нет — это против правил: ты не можешь причинить мне боль.

Взгляд его стал ещё более мечтательным:
— Думаю, ты понимаешь: я могу делать всё, что мне заблагорассудится.

Он больше не удерживал её, и она отступила от него. Его глаза были такими знакомыми, отчуждёнными, тревожными — развернувшись, она рванулась к двери... Он стоял прямо перед ней, прислонился к дверям, чуть прогнувшись. На его губах гуляла лёгкая улыбка.

— Джинни, ты ведь не хочешь убежать от меня... Ты хочешь быть со мной — ведь иначе ты не вызвала бы меня назад, правда?

Горло свело от испуганного всхлипа. Она отшатнулась назад, бормоча себе под нос:

— Excubitor, excubitor...
— Охрана не придет: я демонтировал все защитные заклинания в этой комнате. Можешь кричать и кричать. Ну, давай же — я хочу этого.

Она попыталась сделать ещё шаг назад, но ноги её не слушались, они, словно, приросли к полу. Повернув голову, она взглянула на него: он двигался к ней, вытянув вперед левую руку, губы его шевелились. Кажется, воздух перед ним мерцал... Магия без палочки? Но, каким образом?...

— Кричи, если хочешь. Никто не услышит тебя. Мне всё равно. Ты — моя. Смотри же на меня. Смотри мне в лицо.

Она подчинилась, чувствуя, как её захлестывают волны ужаса. Его лицо светилось, словно какой-то странный, безумный огонь горел у него внутри: глаза излучали ясный синий свет. Теперь она узнала этот взгляд, она поняла, почему он казался ей таким знакомым: это был взгляд, которым кошка смотрит на умирающую мышь.

— Не трогай меня, — прошептала она. — Умоляю — только не трогай меня. Я сделаю всё, что ты хочешь...

— Конечно, — улыбнулся он. Теперь он убрал левую руку от своей груди и прикоснулся к её лицу. Потом его руки скользнули к её шее. Она попыталась закричать, но не смогла, ей не хватало воздуха. Под ногами разверзлась тьма, и звук его смеха последовал за ней, когда она провалилась в беспамятство.

* * *

Заклинанием перед дверьми Полночного клуба Гермиона была изрядно впечатлена: оно представляло собой любопытную комбинацию из Отвлекающих и Ненаносимых заклятий. Здание было прямо перед ними: зажатое между двумя складами, неприметный дом в тупике неподалеку от Дрян-Аллеи. Однако если бы не знали, что перед вами, вы никогда бы его не заметили. А вот если его специально искать — как сейчас Драко — то перед вами, чуть мерца в воздухе, возникли бы двойные красные двери с чёрными скобами; бездымные факелы горели вдоль каменной лестницы, ведущей в огромное серое здание, нависшее над ними.

— Ну вот, мы на месте, — сообщил Драко.

Гермиона тревожно покосилась на него: он переоделся в отеле, сменив свои поношенные тряпки на изящный наряд. Сейчас он был очень похож

на своего отца. Наверное, тот предложил бы ему одеться именно так: чёрный костюм, поверх которого был наброшен дорогой и элегантный чёрный плащ, выглядящий так, словно его доставили специально для Малфоя века из девятнадцатого. Плащ был зачарован таким образом, что не промокал от снега и выдерживал любую погоду. Безукоризненно, отчаянно белая рубашка. Единственным цветным пятном были зелёные запонки. Расчёской (кстати, её расчёской) он привел в порядок свои волосы, и ей пришлось признать, что ему, действительно, так гораздо лучше: к его новому наряду подходили именно короткие волосы, которые в этом влажном воздухе слегка завивались на шее и...

— Ты думаешь о том же, о чём и я? — перебил её мысли Драко.

Надеюсь, что нет, разве что ты любишь себя больше, чем показываешь, — мрачно подумала Гермиона, но вслух сказала совсем другое:

— Если ты о том, какого чёрта тут делает Гарри, то — да.

— Тогда нет, — Драко стоял, растерянно глядя на двери.

— Ну, если ты надеялся, что внутри есть караоке-бар с кавер-версией песни «Я не твоя», тогда, точно, нет

Теперь Драко посмотрел на неё и слабо улыбнулся.

— Я думаю, как мы выберемся обратно. Это настоящая крепость.

Гермиона похлопала себя по карману плаща:

— Я захватила из отеля один из портключей.

— Ты обо всём позаботилась...

Она почувствовала, что краснеет:

— Я постаралась.

Они плечом к плечу поднялись по лестнице, Драко поднял тяжелый бронзовый молоток и отпустил его; в каком-то дальнем коридоре откликнулось эхо. Мгновением позже в двери распахнулось маленькое окошечко. Гермионе показалось, что там никого не было, — сквозь него лился лишь слабый зеленоватый свет.

— Ваши пропуска, — прозвучал высокий вибрирующий голос.

Гермиона испуганно посмотрела на Драко. Тот выглядел совершенно бесстрастным. Он сдёрнул перчатку с правой руки и лениво помахал ею перед окошком. Она узнала это выражение лица: презрительное, надменное. Конечно, это всего лишь игра, но ей она не понравилась.

— Узнаёшь кольцо? — насмешливо поинтересовался он, опуская руку. — Должна узнать. Рука, носящая такое кольцо, платит тебе. Открой дверь.

Наступила тишина, потом окошко захлопнулось. Заскрипели дюжины отодвигаемых засовов, и дверь распахнулась перед ними, открыв дорогу в синий коридор с горящими по стенам золотыми факелами. Перед Драко и Гермионой, примерно на уровне их глаз, реяла фея. Гермиона была поражена — но это и, правда, была фея, самая настоящая фея — зелёная, с золотисто-фиолетовыми крылышками. Она совсем не походила на то, как их рисовали в книжках: серебристо-золотое тело поблескивало, как у насекомых, а за узкими губами сверкали острые, как бритва, зубы, которые она и продемонстрировала, задавая вопрос:

— Вас послали Малфои?

Глаза Драко стали ещё более узкими. Гермиона не могла не восхититься тем, как ему удалось изменить себя: всю усталость как рукой сняло, он больше не выглядел ни измученным, ни больным — пропали даже тени под серыми глазами. Он надел фамильную маску властного эгоиста.

— Я сам Малфой, — бросил он.

— А почему же тогда вы не использовали один из официальных портключей? — поинтересовалась фея.

— Да потому, что я решил поверить вашу охранную систему, ты, шершень-переросток! — взбешённо ответил Драко.

Глаза феи, прикрытые двойными веками, широко распахнулись.

— Я пикси! — зашипела она. — И если вы собираетесь продолжать беседу в подобном тоне...

— Цыц! — рявкнул Драко, и рот феи захлопнулся. — Отец послал меня проверить, как тут обстоят дела — и именно этим я и собираюсь заняться. Итак: можешь проводить меня к мистеру Блэкторпу — ведь, кажется, он всё ещё является менеджером? — так, проводи меня в его офис, или же я вернусь с мухобойкой промышленного размера и украшу здешние стены в стиле «Кишки пикси» — не слишком благозвучно, зато по расцветке подойдет к плиткам на полу.

Фея зашипела, из-за её размеров это напоминало негромкое жужжание пчелы. Гермиона испугалась, что сейчас та подлетит и укусит Драко.

— Хорошо, — наконец, произнесла она. — Сэр... — и фея метнулась по коридору. Поплотнее завернувшись в плащ, Гермиона двинулась было за ней, но Драко ухватил её за руку.

— Что? — обернулась она к нему.

— Погоди-ка минутку... — он повернул её к себе и сосредоточенно осмотрел, медленно смерив взглядом с головы до ног. Гермиона почувствовала, что краснеет — от обнаженной шеи, виднеющейся из глубокого выреза её кофточки, до самых ушей. — Распахни плащ, — велел он. Она не шелохнулась. — Хорошо, тогда я сам это сделаю, — раздраженно прошипел он сквозь зубы, одним взмахом руки расстегнул пуговицы и сдернул плащ с её плеч. Руки скользнули к её талии, выправили кофточку из-под юбки, вздёрнули ткань вверх, отчего мурашки пробежали по коже. Гермиона вздрогнула.

— Драко, что ты?..

— Просто доверься мне, — тихо ответил он. Слово «доверие» звучало в его устах очень странно. Угрожающе. Гермиона стояла смирно, пока его пальцы расстёгивали нижние пуговицы её кофточки. Потом он завернул её повыше и завязал плотным узлом под грудью, обнажив живот. Далее он занялся юбкой: закатал её вверх, почти обнажив бёдра, и, отстранившись, оценил свою работу. Гермиона собрала все силы, чтобы не покраснеть.

— Если ты думаешь, что я...

— Конспирация, — пояснил Драко, быстрым, но осторожным движением снял заколки с волос, рухнувших ей на плечи чуть влажными вьющимися прядями. Ловким движением пальцев он чуть взлохматил их. — Так-то лучше, — он сунул заколки ей в ладонь. — Не надо так смотреть. Ты классно выглядишь.

— Классно? — яростно переспросила Гермиона. — И как же? Как малолетняя проститутка?

— Просто делай, что я говорю, и следуй за мной, — скомандовал Драко, не обращая внимания на её слова, и пошёл по коридору. — Я знаю, как обращаться с этими людьми. Это мой тип.

— Нашёл, чем гордиться, — ядовито заметила она.

Не останавливаясь, он бросил на неё взгляд через плечо.

— Зато у меня трусов не видно.

— Иногда я тебя просто ненавижу, — выдохнула Гермиона, но он ушёл вперёд, а потому не услышал её слов. Безрезультатно пытаясь одернуть юбку, она торопливо зашагала следом.

Узнав о предательстве жены, колдун следующие несколько дней провёл, запершись в башне и занимаясь улучшением некоторых заклинаний. Потом, одевшись в самую лучшую мантию, он отправился в покои жены. Поприветствовав его — нежно и скромно, она, как всегда, потянула его к кровати. Но он воспротивился — её красота теперь навела на него лишь ужас.

Почувствовав его настроение, она пожелала узнать, что произошло.

— Ничего, просто от твоих прикосновений меня кидает в дрожь, — ответил он чистой правдой. — А теперь ложись на кровать.

Скинув мантию на пол, она послушно вытянулась на кровати, наблюдая за ним сквозь распущенные волосы. Он вытащил из кармана шёлковые ленты.

— Хочешь связать меня, Господин?

— Тебе не будет больно. Это всего лишь ленты.

С кошачьей улыбкой она протянула свои запястья, опустившись рядом с ней на колени, он туго связал её руки и, не успевшая она и глазом моргнуть, — её щиколотки.

Вдруг она содрогнулась от мучительной боли:

— Что ты сделал со мной?

— Золото, — с удовлетворением ответил он: золотые нити были вплетены в шёлк при помощи магии. — Они могу прожечь тебя до костей, дьяволица. Корчись же в муках, которые придумала для меня — пока я не вытащу тебя на солнце, где ты и закончишь своё дьявольское существование.

Она рыдала, умоляя о милосердии, просила пощадить её жизнь во имя их любви. Но сердце его закрылось, любовь свернулась, переродившись в ненависть — самую страшную и яростную, выросшую из любви. Ненависть, которая ничего не забывает, ничего не прощает, которая не знает милосердия.

Наконец, она затихла в узах, причиняющих ей смертные муки, и подняла к нему взор.

— Господин мой, я знаю — нет мне прощения. И ты прав, требуя моей смерти. Но есть кое-что, чего ты не знаешь: я ношу в себе твою дочь. Не только моя кровь бежит по её венам — но и твоя тоже. Пощади же хотя бы её.

— Любовь, — Том опустился на колени рядом с мёртвой девушкой, — какое любопытное состояние...

Он замер, восхищаясь этой картиной: белое, красное и золотое: белая кожа, золото расплетённых кос и немного крови. Он разозлился, встретив сопротивление, и разорвал её одежду — но беспорядок лишь добавил созданному им полотну симметрии. Она походила на Леду, которую изнасиловал Лебедь. Но Леда вышла — эта же девушка была совершенно мертва. Заклинание сломало ей шею; гибкая и податливая, она упала ему на руки; его — точнее, не совсем его, — руки подхватили её и отнесли на кровать. Маленькая часть — то, что осталось от Симуса — билась внутри него, пока не лишилась чувств задолго до того, как он сделал то, что хотел.

Костяшками пальцев он пробежал вдоль её веснушчатой скулы, к виску, его пальцы нежно прикоснулись к её ушам. Потом откинулся, усевшись на пятки. Он не мог уйти, оставить её — она была так прекрасна в вихре огненных волос... он никогда не забудет эти волосы, их удивительный цвет — то ли крови, то ли вина. На её щеке темнели синяки, оставленные его пальцами. Разорванная рубашка сползла с плеча: на бледно-персиковой коже были видны синие дорожки вен.

Днём раньше он увидел на своей руке синяк — чуть ниже локтя. Том замер, пытаясь понять, откуда тот взялся на бледной коже Симуса: может, тот свалился с дерева, заполучил его во время матча — или же во время какой-нибудь глупой и бессмысленной выходки. Осознание того, что он не знает, что было с этим телом до него, немного дезориентировало Тома. Он носил тело Симуса, его украшенную синяком кожу, его украденный разум, в глубине которого жила память о любви Симуса к Джинни. И Том чувствовал его боль от этого — она была сродни боли от синяка, сродни ощущению сильного голода. Он ненавидел эту боль. Он не понимал её.

Наверное, эту рвавшуюся наружу любовь можно было бы вылечить — надо было только хорошенько её покормить. И он этого хотел: склонившись, он коснулся

губами равнодушного рта жертвы, он искал внутри себя отзвука этой боли-любви, но ничего не обнаружил.

Внутри зажглась радость. Том откинулся и провел пальцами по её лицу, где он только что прикасался к ней губами. Ах, если бы он только мог... но нет — это невозможно, он не мог остаться. Она была куплена им только на час и её всё равно пришлось бы отпустить, кем бы она ни была, — владельцы борделя начали бы искать девушку и были бы сильно недовольны, обнаружив её — совершенно мертвую и абсолютно бесполезную. Впрочем, для него она сделала всё, что смогла: она утолила голод сидевшей внутри него любви — он накормил её досыта и до смерти, исполнил все желания, наверняка растоптав её.

Теперь он цельный, неуязвимый и совершенный. Если в нём и была слабость, он выжиг её. Он должен был так поступить.

Последний раз, коснувшись пальцами её яростных огненных волос, Том поднялся и запахнулся в мантию. Он совершенно точно знал, куда теперь направляется.

* * *

— Неправильно, — пробормотал зелёнокожий демон, выполнявший обязанности менеджера «Полночного клуба». На нём была фиолетовая мантия, из рукавов которой торчали коротенькие ручки, на голове красовалась красная шапочка со страусовым пером. Он стоял за огромным столом красного дерева в кабинете, стены которого были обшиты орехом и вишней, и нервно постукивал бронзовым пером по открытому письму. От возбуждения золотые усики, высовывающиеся из-под шапочки, шевелились. — Это всё крайне обескураживающе неправильно...

— О, да, — жизнерадостно согласился Драко, растянувшись в шёлковом бордово-золотом кресле с золотыми подлокотниками и забросив ноги на стол красного дерева. Мантия распахнулась, между пальцами юноша крутил маленький зелёный зонтик — стакан с выпивкой стоял рядом на столе — Драко к нему даже не прикоснулся. — Вот и я говорил отцу о том же, мистер Блэкторп. Он был очень недоволен и велел мне не болтать чепухи. Впрочем, он совершенно прав, ведь в плане бизнеса ему нет равных, и он терпеть не может болтовню или неподчинение. Знаете, на прошлой неделе наш главный садовник по ошибке посадил целую рощу гнойного иван-чая вверх ногами. Полагаю, вы догадываетесь, как в связи с этим поступил мой отец.

Губы Блэкторпа сжались в узкую линию, когда он поднял взгляд на Драко. Стоящие позади него троллеподобные мужчины, являющиеся, по предположению Гермионы, телохранителями, нахмурились.

— Нет, мистер Малфой, не догадываюсь.

Драко резко качнулся вперед, щёлкнул пальцами и улыбнулся самым очаровательным образом.

— Он его попросту убил.

Все присутствующие — включая Гермиону — подпрыгнули от неожиданности. Она прикусила губу. Драко взял с неё обещание не открывать рта, пока он сам к ней не обратится, и это оказалось вовсе не просто: она молчала, испытывая невольное преклонение перед ним. словно не было последних восьми месяцев — вернулись его резкие, как бритва, взгляды, злобные улыбки. Да, выступление оказалось впечатляющим. Если, конечно, считать это именно выступлением.

— Прошу прощения, что напугал вас, господа, — в голосе Драко отнюдь не звучало сожаление. Он ослабил узел галстука, на голой шее Гермиона увидела поблескивающее Эпициклическое Заклятье. — Не думал, что вы такие впечатлительные.

Блэкторп кашлянул.

— О нет, мы, конечно, уважаем желания Вашего отца... — он снова посмотрел на лежащее на столе письмо. Определённо: подпись была именно Люциуса, пергамент скреплял сургуч с отпечатком его кольца с грифом — всё это весьма впечатляло. — Просто Лю-

циус, как правило, устраивал более... основательные проверки. Мы понимаем...

— Совершенно верно, — скучающим тоном подхватил Драко. — Но это было до того, как до нас дошли слухи о последних нарушениях безопасности.

Кожа Блэкторпа побледнела, приобретя ещё более неприятный зелёноватый оттенок.

— Нарушениях безопасности?

Улыбка Драко стала ещё резче и неприятней.

— Как, Вы не слышали? Фотографии. Анонимные фотографии, подкинутые в Министерство. Отцу пришлось потрудиться, чтобы решить этот вопрос: кажется, он наложил шесть или семь заклятий памяти на секретарей, распечатавших конверты со снимками Фрэнсиса Паркинсона в компании многосущных Всевкусных мальчиков. Думаю, Вы понимаете, какие при скорбные последствия это могло бы иметь для Вас, мой милый демон?

— Я не демон, — тут же откликнулся Блэкторп.

— О, а как же ваша кожа? — осторожно поинтересовался Драко.

— Я инкуб!

— Естественно, — успокоительно кивнул Драко и, продолжая вертеть зонтик в пальцах, сел поудобнее. — Кстати, я ужасно проголодался. У Вас есть, где перекусить?

— Нет, — отрезал менеджер. Судя по виду, новость убила его наповал. — Насчёт нарушений безопасности...

Драко завозился в своем кресле.

— Что: совсем-совсем ничего съедобного? Ни шоколада, ни бисквитов, ни шотландских блинчиков?

— Внизу в баре были пшеничные лепешки, — услужливо встал один из троллей-охранников.

— С шоколадной крошкой? — уточнил Драко, улыбаясь.

— Молчать, Торвальд, — яростно рявкнул менеджер и мотнул своим узким зелёным подбородком в сторону Гермионы, ядовито поинтересовавшись, — а это кто? И почему она сопровождает Вас в Вашей инспекции?

Драко лениво убрал ноги со стола и, повернувшись, взглянул на Гермиону.

— Вы о Хепзибе? Это моя персональная секретарша, — он подмигнул Гермионе. — Прелестная девушка, — Гермиона открыла, было, рот, но Драко тут же добавил. — К сожалению, она совершенно не говорит по-английски.

Слова, готовые уже сорваться с губ Гермионы, обернулись возмущённым вздохом. Она бросила на Драко сердитый взгляд, который он полностью проигнорировал, ответив ей равнодушной улыбкой.

Имей зелёный менеджер-инкуб брови, он бы непременно их приподнял.

— Могу ли я поинтересоваться, в чём полезность секретарши, не говорящей по-английски?

— Можете, — кивнул Драко и начал изучать свои ногти, — у неё никогда не было нареканий по поводу выполнения моих просьб. Вы бы видели, как она берёт у меня документы, — продолжил он. — Когда она перегибается через стол...

— Конечно-конечно, — с отвращением перебил его Блэкторп, — Вы скажите, какую именно проверку хотел бы провести Ваш отец?

Драко улыбнулся ленивой кошачьей улыбкой, медленно поднялся из кресла на ноги — надменно и грациозно.

— Тщательнейшую. Я бы хотел взять одного из Ваших охранников и обойти все номера. Проверить охранные заклинания... и всё остальное, — мистер Блэкторп начал открывать рот. — Я сказал — все комнаты, — твёрдо повторил Драко.

Плечи менеджера поникли.

— Как пожелаете.

* * *

Когда Гарри, наконец-то, удалось погрузиться в некое подобие дремоты, дверь резко распахнулась. Он вскочил на ноги и вскинул руку:

— Stupefy! — с пальцев сорвалась вспышка света, за которой последовали грохот падающего тела и сдавленный крик:

— Не надо, это я!

Гарри замер. У дверей, прижимая к груди руку, сидел парень, похожий на Драко и возмущённо смотрел на Гарри, приобретая сразу куда большее сходство с Драко, чем раньше:

— Ой... Зачем ты это сделал?

— Ты так вломился, — Гарри чувствовал себя круглым идиотом. — Я не знал, кто это.

— Я тебе сумку принёс, — юноша подтолкнул рюкзак Гарри ногой. — Но я сюда не поэтому прибежал. Слушай, тебе надо уходить: тут инспектора, они проверяют все комнаты. Говорят, их послал Люциус Малfoy. Мне кажется, что они ищут тебя.

Гарри поднял сумку, прошептав заклинание, уменьшил её, засунул в карман и взял с каминной полки очки.

— Как я могу отсюда выбраться?

Юноша нервно покусывал губу.

— Я провожу тебя в комнату-портключ. Она для клиентов, которые хотят приходить и уходить, не пользуясь дверями. Ты сможешь выйти отсюда, просто прикрыв за собой дверь, — расстегнув свой плащ, он протянул его Гарри. — Вот, надень и накинь капюшон.

От тёплого шерстяного плаща пахло сигарным дымом и грязным снегом. С трудом застегиваясь на ходу, путаясь пальцами в незнакомых пуговицах и петлях, Гарри последовал за «Драко» в тёмный коридор. Они добежали до лестницы, юноша начал торопливо спускаться на первый этаж, Гарри следовал за ним, на ходу придерживаясь за перила. Всё тело охватило странное чувство, совсем не напоминающее усталость.

«Я болен, — сообразил он, ступая на последнюю ступеньку. — Чёрт! Этого ещё не хватало».

И стены, и пол на первом этаже были деревянными и лакированными. Гарри шёл, ведя рукой по стене, чтобы не шататься. Кожа казалась сухой и горячей, глаза горели, словно в них насыпали песка. Наконец, они добрались до дальней двери, юноша отпер её при помощи своего светящегося кубика, толкнул Гарри вперёд, а сам — напряжённый и взволнованный — остался в дверях.

— Ну вот, это и есть портключ, — сообщил он. Комната была почти пустой — каменные стены и круглый ореховый столик на позолоченной ножке. Вокруг столика висала золотая цепь, выходящая из стены и прикреплённая к тяжёлому бронзовому кольцу. — Только не бери кольцо с собой, просто прикоснись к нему — и всё.

Кивнув, Гарри кашлянул и хотел поблагодарить, но слова застряли у него в горле. В смутном освещении он видел лишь очертания юноши, его тонкую фигуру и светлые волосы... Гарри мог зажмуриться и сказать себе, что сходство с Драко — просто случайность. Но если бы он приблизился... нет. Гарри не мог заставить себя произнести слова благодарности.

— Слушай, а у тебя есть имя? Настоящее имя? Поэтому что...

Но тут в коридоре раздались шаги, и, испугавшись, юноша с такой силой захлопнул дверь, что Гарри подскочил. Снаружи донеслись какие-то звуки, ручка повернулась, скрипнул засов — несомненно: Гарри был заперт.

Впрочем, кто сказал, что это обязательно плохо? Во всяком случае, никто тут же не помчится за ним. Гарри повернулся к столу, протянул руку к портключу — и замер. Нагнувшись, он рассмотрел его попристальнее: круглое тяжёлое бронзовое кольцо,

закреплённое на золотой цепочке, обвитой вокруг стола. Конечно, можно было бы просто коснуться портключа и вылететь отсюда неизвестно куда. Но где гарантия, что тот, кто последует за ним, не окажется там же, где и он? Не лучше ли прихватить портключ с собой и не дать им возможности найти себя?

Гарри вытащил из кармана свой перочинный нож, подарок Сириуса на четырнадцатилетие. Помимо прочих приспособлений, там имелось тонкое короткое лезвие, которое можно было использовать в качестве отмычки. Стараясь не задеть портключ, Гарри начал возиться с замком.

* * *

Рядом с дверью в комнату двадцать восемь на позолоченном столике стояла конфетница, наполненная разноцветными пакетиками, похожими на Шипучие шмельки. Однако при ближайшем рассмотрении содержимое конфетницы оказалось вовсе несъедобным.

— Всевкусные презервативы, — прошептала Гермiona, обращаясь к Драко. — Интересно, а представители Берти Боттс об этом знают?

— Наверно, письмо с деловым предложением им уже подготовлено, — пробормотал в ответ Драко.

— А внизу столько Оливеров Вудов! — озадаченно заметила Гермiona. — Кому нужны тринадцать Оливеров?

— Ну, лично мне и один-то ни к чему, — заметил Драко.

— А тот, в балетной пачке... — Гермiona осеклась, качая головой. Драко обеспокоено покосился на неё, стараясь, чтобы она не заметила его взгляда. Беря девушку с собой в «Полночный клуб», он не задумывался над тем, как могут впечатлить её... гм... особенности этого заведения. Она, конечно, была заучкой, но вовсе не ханжой, что являлось следствием того, что большую часть жизни она провела в компании мальчишек. Однако «Полночный клуб» мог потрясти кого угодно. Они обходили комнату за комнатой, и корчащиеся в темноте тени поднимали к ним свои такие знакомые лица — манящие, подмигивающие...

Драко понизил голос, чтобы Торвальд, который возился с неподдающимся замком комнаты 28, ничего не услышал.

— Гермiona, ты волнуешься?

Она обратила к нему ясный и удивлённый взор:

— Волнуюсь? О, нет-нет, просто слегка озадачена, — она обвела взглядом богато украшенный коридор, в котором сейчас не было ни души. Правда, когда они только появились здесь, всё было совсем не так, но по знаку охранника местные обитатели тут же испарились. Одна из них — высокая женщина в серебристой мантии с открытой спиной — походя, уцепилась Драко за одно очень не подходящее место. — Мне было очень неловко, когда в сауне мы застали Филча. Он так смутился... Кажется, он узнал нас обоих.

— А может, там был вовсе не он, — предположил Драко, прислоняясь к красной стене. Филч его как раз не взволновал: Драко ещё ребенком посещал «Полночный клуб», правда, тогда он совершенно не понимал, почему за то, чтобы «поиграть» со знаменитостями или самому превратиться в знаменитость, надо платить деньги. Но он был Драко Малфоем, и до встречи с Гарри Поттером ему не приходило в голову, что можно хотеть стать кем-то ещё.

Гермiona закатила глаза. Драко старался не смотреть на неё: девушка привалилась к стене, рассеянно играя верхней пуговкой своей полурасстёгнутой блузки. Интересно, она соображает, что делает? Могла бы и заметить, что ему открывается прекрасный вид на то, что скрывалось за вырезом. Не то, чтобы он сильно интересовался, но...

— Хочешь сказать, что люди и правда, готовы заплатить, чтобы переспать с многосушным Филчем? — с сомнением спросила она. — Одни только бородавки...

— Вовсе не обязательно быть таким разборчивым, — возразил Драко. — Наверное, для тебя Аргус Филч действительно, всего лишь спятивший лысый старикашка, заиклившийся на своей непоседливой кошке, у которого столько волос в носу, что задохнулся бы и морж. А для кого-то он — воплощение сексуальности.

Гермиона взглянула на Драко сквозь чёлку:

— Ты бы с ним переспал?

— Не надо. Я б скорее умер.

— АААААААААА! — Драко с Гермионой подскочили: Торвальд швырнул на пол связку ключей и изрыгал ругательства на тролльском языке. Звучало это неприятно: словно кто-то топтал целый мешок грейпфрутов.

— Какие проблемы? — поинтересовался Драко.

— Кто-то испортил заклатья на двери, — пожаловался тролль. — Обращусь к менеджеру. Добуду контр-заклатья. Сразу вернусь. Стойте тут, — он сурово посмотрел на них.

— Ну, коне... — начала Гермиона и осеклась под взглядом Драко.

— Si le poisson, ou jeudi matin!

Она захлопала глазами и закрыла рот. Растерянный и рассерженный, тролль затопал прочь. Драко привалился к стене.

— Ты не говоришь по-английски, -- строго напомнил он Гермионе.

Она изумлённо взирала на него:

— Что ты только что сказал? «А также рыба или в четверг утром»?

— Вполне может быть, — согласился Драко. — Ты мне не рассказывала, что говоришь по-французски.

— Ты мне тоже.

— Но я никогда этого и не отрицал.

Гермиона внимательно посмотрела на юношу:

— Ты пялился мне в вырез, — заметила она. — Я всё видела.

Драко вздрогнул и закашлялся:

— Я... я был в образе.

— Мои поздравления. Получилось очень убедительно.

Драко не обратил внимания на раздражение, прозвучавшее в её словах:

— У меня такое чувство, словно мы тут уже не один час, а всё, что за это время я смог уяснить, — что газировка Шипучие шмелки имеет куда больше способов применения, чем мне казалось. И по-прежнему, ни единого признака...

— Гарри? А не мог бы ты... почувствовать его, хоть чуть-чуть?

Драко пожал плечами.

— Возможно — немного. Я не уверен.

Гермиона не успела ничего сказать — разговор пресёкся громким топотом: по коридору шёл Торвальд, неся что-то, издав издав напоминающее фомку. Подойдя поближе, он помахал им, Драко показалось, что охранник слегка смущён, если такое, вообще, возможно было представить.

— Дверные заклатья сломаны. Ходил за ломом.

— Я вижу, — откликнулся Драко, делая шаг назад. — Ну, за работу.

Хрюкнув, Торвальд сунул лом в щель между стеной и дверью и навалился. Гермиона услышала, как затрещало дерево, и посмотрела на Драко. Юноша стоял с совершенно отсутствующим видом, словно о чём-то сосредоточенно размышлял. Охранник навалился на лом всем весом, и замок с треском вылетел. Торвальд отступил, Драко шагнул вперёд, затянутой в перчатку рукой распахнул дверь и вошёл.

Гермиона не видела, что было в комнате, зато прекрасно видела лицо Драко: оно осталось отсутствующим — но только причиной этому теперь было потря-

сение: вскрикнув, словно его ударили, юноша отшатнулся назад.

— Драко? — забыв, что, по роли, ей положено молчать, Гермиона бросилась к нему. — Что такое, что не так?

Он оттолкнул её и схватил за руку.

— Не смотри, отойди!

— Нет, пусти меня, — она пыталась вырваться, но его хватка стала лишь сильнее. — Пусти меня! Это Гарри? Гарри?

— Нет, не Гарри.

Зная, что он никогда бы не соврал ей, она тут же прекратила сопротивление и взглянула на него: губы юноши были искривлены, казалось, он не в силах поднять на неё взгляд.

— Ты сделал мне больно, — прошептала она. — Пусти меня, Драко.

Его пальцы ослабли, она вывернулась из его рук и кинулась следом за ним, едва не уронив его на дверь, он звал её, пытаясь задержать, но безуспешно — она уже влетела в комнату. Сердце оборвалось.

Комната была такой же, как и остальные: просторная кровать, камин, витражное окно, ковёр на полу, розовая лампа на комод. Зеркало за ней разбито. А на полу лежала Джинни Уизли в разорванной одежде, со спутанными волосами, с изогнутой под неестественным углом шеей. Совершенно очевидно: она была мертва.

Гермиона присела на корточки рядом с телом. Происходящее казалось совершенно нереальным, всё вокруг плыло и покачивалось, девушку охватило странное оцепенение. На шее Джинни были синяки — тёмные, ужасные. В откинутой руке что-то поблескивало.

— Иди сюда, Драко, — позвала Гермиона.

— Нет, — она взглянула на него: бледный и мокрый от пота, он прислонился к стене у дверей, его грудь часто вздымалась под рубашкой. Казалось, его вот-вот вырвет. — Я не могу.

— Это не она, не Джинни. Этого не может быть — мы же в Многосушном борделе, Драко. Неужели ты думаешь, что это, и впрямь, она?

— Я знаю, — ответил Драко, не поднимая глаз. Гермиона заметила, что охранник, кажется, куда-то исчез. — Всё равно не могу. Как будто...

— Ты не виноват.

Теперь Драко поднял взгляд — медленно, словно делая над собой неимоверное усилие.

— Лгунья.

Гермиона не смогла выдержать его взгляд, вздрогнув, она опустила глаза к рукам:

— У меня с собой нет палочки, а без неё я не могу вернуть ей настоящий облик. Нам придётся подождать.

Раздался шелест, она услышала, как Драко отшатнулся от стены, и что-то шепнул; с его пальцев сорвался свет, и лежащая на полу девушка начала меняться. У Гермионы перехватило дыхание: рыжие волосы поблекли и начали втягиваться обратно, бледная веснушчатая кожа потемнела, одежда обтянула покрупневшее тело: на полу лежала высокая девушка с короткой стрижкой и широко распахнутыми остекленевшими карими глазами.

Гермиона испытала облегчение и — тут же — вину. Кем бы ни была эта девушка, она была убита. Потянувшись, Гермиона коснулась мёртвой руки, в которой что-то блестело...

— О, господи, это Том... Это был Том...

— С чего ты взяла?

Гермиона села:

— Заклатье, что ты дал Джинни, — половинка сердечка...

— И что?

— Вот вторая половинка, — и она вытащила то, что девушка сжимала в руке, — стеклянное заклатье, чуть потемневшее с одного бока, словно опалённое огнём. — Он оставил его. Теперь мы точно знаем, что это был Том.

Драко, помедлив, протянул руку, и она опустила в неё осколок. Лицо юноши по-прежнему было бледным, в глазах вспыхнул тёмный мрачный огонь — теперь Драко нравился Гермионе ещё меньше, чем минуту назад, когда был испуган и растерян.

— Я не понимаю... — произнесла Гермиона, — он что — таким образом пытался нам что-то сказать? За чем он пошёл на убийство? Неужели он настолько ненавидит Джинни?

— Он любит её, — откликнулся Драко.

— Что? — оторопело переспросила Гермиона.

— Любит её, — мрачно повторил Драко. — Полагая, потому, что её любил Финниган. Он её любит и ненавидит: любовь — чувство, с которым он не знает, что делать. Он не может использовать его, оно не сделает его ни мощнее, ни прочнее, ни умнее. Любовь выбивает почву у него из-под ног. Если бы он мог, он бы вырезал её из себя, как раковую опухоль... — Драко резко замолчал, и Гермионе показалось, что она поняла, о чём тот подумал: его окровавленная рука... он машинально сжал кулак. — Но он не сумел, сам не зная, почему. Он взбесился и в гневе решил уничтожить её, разорвать на части. Ты ненавидишь людей так же, как когда-то любил...

— Ты говоришь так, словно тебе жаль его, — в упор взглянула на Драко Гермиона.

— Мне жаль. Но не его.

И прежде чем она успела открыть рот, дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел Торвальд, а следом — мистер Блэкторп во главе целой толпы людей в тёмных плащах, тут же заматававшихся по комнате, как безмолвный и мрачный пчелиный рой. Гермиона поднялась с пола и отошла в сторону, позволив им окружить тело. Наконец, менеджер поднял на Драко пристальный взгляд: жёлтые кошачьи глаза сузились до размеров щёлок, от этого взгляда вмиг прокисло бы молоко. Гермиона тоже взглянула на Драко, на миг, увидев его настоящего — усталого и больного, слишком юного для того, что он собирался совершить, ещё не прошедшего в себя от потрясения. И в тот же миг Малфой, словно плащ, набросил на себя свою обычную надменность, распрямившую его, расправившую плечи, высокомерно поднявшую его подбородок.

— Надеюсь, в следующий раз, — голос Драко был спокойным и ровным, — Вы поверите, что у Вас и, правда, есть проблемы с безопасностью.

* * *

— О, мой Тристан, — шептала она, прижимаясь к его широкой мускулистой груди, — меня ты не покинешь, придёшь ко мне — я знала то всегда. И в горькие часы в моей темнице в Плюмера Замке не отчаивалась я. Не знала я в отчаянья мгновения, когда насиловал меня проклятый Свен. Насиловал — опять... ещё ... и снова...

— Не надо говорить об этом, ладно? Так будет лучше для тебя и для меня, — посоветовал Тристан, страстно глядя на неё глазами цвета гиацинтов. — Моя распутница... шатунья... наконец-то, в моих объятиях ты — нет счастливее меня!

— Тристан!

— О, Риэнн!

— Ради Бога! — перебил Гарет. — Ты что, ещё не дочитал эту чёртову книгу?

— Ещё одна страничка, — высокомерно взглянул на него Бен. — Ладно, так и быть: я буду читать про себя.

Джинни подумала, что если и может что-то сказать про Бена, так это то, что он себе на уме: вот и сейчас, он поднял книгу и углубился в чтение, совершенно дико выглядя, среди валявшихся на кровати плюшевых мишек и подушечек-сердечек. Гарет, устроившись на полу у стены, сидел и, помирая от скуки, меланхолично шевелил пальцами. Рунический браслет поблёскивал на запястье, когда он двигал рукой. Спрыгнул

со стола, Джинни подошла и устроилась на полу рядом. В его взгляде скользнуло удивление, но он послушно подвинулся в сторону, освобождая местечко.

— Гарет, — прошептала Джинни, понижая голос насколько возможно, — твой браслет — его, действительно, нельзя снять, пока ты не умрёшь? И нет способа разрушить чары?

Он покачал головой:

— Я не знаю. А что — у Гарри не так?

— Он может его снимать, — тряхнула головой Джинни.

— Хм, — призадумался он. — Ну, возможно, дело в том, что он был сделан с использованием той же самой крови, что...

— Поверить не могу, что всё так закончилось! — заорал Бен, подбрасывая книгу в воздух. — Она даже не поняла, что Тристан — это и не Тристан вовсе, а его двойник, злой Себастьян, а сам Тристан — пленник жестокого герцога Скорпио...

— У этой книжки есть продолжение, — сообщила Джинни. — Правда, тебе придётся подождать тысячу лет, чтобы почитать.

Гарет поднялся:

— Между прочим, мы тут уже четыре часа, и я снова проголодался. Может, пойдём домой, Бенджамин?

Бен поднялся с кровати и стиснул кузена в объятиях:

— Ну, если хочешь, пойдём.

Гарет, улыбнувшись, ткнулся Бену в плечо, и они замерли на миг. Джинни, задумчиво теребя косу, смотрела на них с пола.

— Знаете, вам, наверное, и, правда, лучше уйти, — сообщила она. — А то, увидев свет из-под двери, мама просто её вышибет. И спасибо за всё: и за то, что навестили, и за цветок...

Гарет что-то буркнул, высвободился из объятий Бена и, кивнув ей на прощанье, подошёл к окну.

— Увидимся в саду, — улыбнулся он кузену и, перемахнув через подоконник, выпрыгнул в темноту.

— А что, вы не можете уйти прямо отсюда? — спросила Джинни.

— Мы оставили свои мечи внизу: очень неприлично приходить к кому-нибудь в гости с оружием в руках. Разве ты не знала?

Джинни покачала головой:

— Наверное, когда мама учила меня хорошим манерам, она упустила это из виду.

Он поднял руку и, коснувшись её волос, что-то произнёс на том самом странном языке, на котором он говорил с Гаретом. Это было что-то нежное, ласковое и... совершенно непонятное.

— Ещё увидимся, — произнёс он, — но, на всякий случай — будь осторожна, береги себя — и всё будет отлично.

— Хорошо, — кивнула она и проводила его взглядом. Он был уже в окне, когда она окликнула его. — Бен! — он обернулся. Полутьма скрывала его черты — только очертания плеч да чёрные волосы — вот единственное, что ей было сейчас видно. Она подумала, что лет через десять Гарри станет таким же. Если доживёт.

— Что?

— А почему ты запретил Гарету взглянуть на мою книгу про Основателей? В ней есть что-то... эдакое?

— Ну, конечно, — вздохнул Бен. — В ней — история...

— Ты о том, что можешь узнать, что с тобой случится в будущем, и это приведёт к временным парадоксам?

— Временные парадоксы, что б их... Я просто не хочу знать, когда он умрёт — понятно?! Про себя я тоже ничего не хочу знать, но Гарет... Он всегда был таким сорви-головой... Понимаю, на моём месте ты постаралась бы узнать: ты не можешь жить, не докопавшись до истины.

— Если бы ты знал, сколько мне пришлось врать, — пожаловалась Джинни, но, похоже, Бен не слушал её — он уже знал. Или догадался.

— Истина — вещь просто замечательная. В принципе. Но неподатливая. И у двух людей истин, как правило, тоже две. Может, я прочту, что мы проживём долгую и счастливую жизнь и спокойно состаримся. И обрадуюсь. А может, всю оставшиеся годы я буду ждать того дня, когда он умрёт — и всё только потому, что я узнал дату. Иногда правды бывает слишком много, Джинни.

Она кивнула — печаль вернулась, многократно усилившись.

— Да, ты прав, я знаю. Я буду рада снова встретиться с тобой.

Он улыбнулся.

— Увидев тебя в первый раз, я не слишком-то обрадовался. Не бери в голову — в этом не было ничего личного, — перемахнув через подоконник, он исчез в темноте за окном, словно никогда и не появлялся тут.

* * *

Мистеру Блэкторпу и охранникам не удалось достаточно быстро вытолкать Драко и Гермиону из комнаты с мёртвой девушкой.

— Ко мне в кабинет, живо! — рявкнул менеджер-инкуб, меряя ребят таким взглядом, словно покойница была целиком на их совести. Драко, собиравшийся настаивать на том, чтобы им позволили остаться тут, почёл за благо не возражать — судя по всему, нервы у того были уже на пределе. Ещё какая-нибудь просьба — и закончится тем, что сюда пригласят его отца. Хотя, как он подозревал, отца всё равно пригласят — не пришло ли время воспользоваться столь удачно захваченным Гермионой портключом? Как это было бы некстати — с учетом того, что Гарри они до сих пор не обнаружили...

Расслабленность ладони Гермионы здорово напугала Драко: подняв к ней взгляд, он поразился выражению её бледного лица: несчастное, но собранное. Драко слегка притормозил, и они отстали от остальной группы, чего Блэкторп, находящийся на грани истерики и шёпотом отдающий команды своему отряду троллей, не заметил.

— Гермиона, ты как?

— Да я-то в порядке, — тихо ответила она. — Я за тебя беспокоюсь: уже прошло два часа, как ты принял противоядие. Нам надо возвращаться.

— Со мной всё хорошо, — ответил он. Сердце заколотилось в груди: если противоядие и, правда, заканчивало своё действие, он мог бы попробовать. Может, это и не помогло бы — но он хотя бы мог проверить...

Гермиона высвободила свою руку из его ладони:

— Мы можем воспользоваться портключом...

— Нет, — отрезал Драко и слегка отодвинулся, поймав на себе обиженный взгляд. Он постарался очистить свой разум — что было непорочно, потому что нужно было идти, не налетая на стенки, но долгие годы фехтования не прошли впустую: он научился сосредотачиваться в любых обстоятельствах. Ведя одной рукой вдоль стены, он изо всех сил сконцентрировался, и, внезапно, во мгле вспыхнула узенькая полоска света. На него рухнуло какое-то шепчущее пространство — так шептали призраки Серых Долин. Драко изо всех сил вслушался...

Резкая боль в руке. Он порезался. Больно.

— Чёртов замок... Лезвие погнулось. Ну-ка, а если другое... Сириус бы посмеялся, если...

— Драко! — окликнула его Гермиона, резко вернув к реальности. — Да что с тобой?

— Я же сказал — ничего! — яростно рявкнул он в ответ.

Она прикусила губу:

— По тебе не скажешь.

Драко глянул вперед: Блэкторп всё ещё совещался со своей охраной, уйдя в это с головой.

— Так, я пошёл. Задержи их в кабинете, насколько возможно. Наплети что-нибудь... Скажи, что я пошёл проверить странный звук... В общем, неси, что хочешь.

Голос Гермионы сорвался на шёпот, она намертво вцепилась в его рукав.

— Кажется, мы договорились, что я не говорю по-английски...

Но Драко уже развернулся и со всех ног бежал по коридору назад. Завернув за угол, он замедлил шаг: он задыхался, в груди болело. Будь у него противоядие... Но нет — противоядие блокировало его возможность находить Гарри. А ведь тот совсем рядом, Драко это чувствовал. Он опустился на стул — чёрный лак и орех с инкрустациями — наверное, эпоха Людовика XV (страшно дорогая штука) и снова попробовал сосредоточиться. В этот раз было легче.

Он припомнил, как восемь месяцев назад, в Имени, размышлял о связи, существовавшей между ним и Гарри. Она напоминала тонкую холодную нить. То же чувство посетило его и сейчас: тонкая, неосознаваемая ниточка, сотканная из пыли и праха.

За поворотом оказалась лестница, и Драко запрыгал через две ступеньки, игнорируя растущую боль в груди. Он спрыгнул на пол, отозвавшийся стуком на удар его ботинок, и снова побежал. Двери, кругом одни двери — и никаких надписей, но теперь это было неважно: он знал, куда направляется, он знал, знал, где находится Гарри, в какой комнате — словно, был там же. Руки тряслись от напряжения и возбуждения, когда он задёргал дверь. Разумеется, она была заперта.

Отступив, Драко положил на дверь руку и глубоко вздохнул, прекрасно зная, что ему запрещено этим заниматься, нельзя использовать магию. Ни для этого, ни для чего другого. Впрочем, сейчас уже ничто не имело значения: он был у цели, а в груди нарастало странное, рвущееся на волю чувство. Гарри всегда держал своего внутреннего зверя на цепи, боясь, что не сумеет с ним совладать — Драко же в цепи никогда не нуждался. И теперь тоже. Он положил руку на дверь и толкнул.

Заклинание сорвалось с его пальцев с такой силой, что он решил, что кости прорвали кожу. Вены вспыхнули огнём. Дверь дёрнулась и с грохотом упала внутрь, увлекая Драко за собой. Споткнувшись, он растянулся у ног Гарри.

* * *

Колдун хотел немедленно убить свою жену-суккуба, но сообщение о её беременности изменило его планы. Нет — мысль о том, что у него будет дочь не вызвала никаких сентиментальных чувств. Просто она была его частью — его кровью, его плотью. Значит, он сам должен решить её судьбу.

В самом большом зале своего замка он построил клетку — золотую клетку. И поместил туда суккуба, сковав золотыми цепями — и она угасала там, пока не умерла, отравленная ядом металла. Но младенец в её чреве вырос здоровым, а суккуб распался во прах, который муж развеял по ветру.

Колдун вернулся взглянуть на свою дочь. Она была необычным ребёнком: с длинными чёрными выщипанными волосами, чёрными ресницами, и серыми, как оконное стекло, глазами, с красными, как кровь, ногтями и белоснежной кожей. Колдун взял ребёнка и вышел с ним на солнечный свет — тот зарыдал, забился. Но не умер.

— Ты моя, — произнёс волшебник, — но и не моя в то же время. Наравне с моей кровью в тебе струится кровь демона, и всегда останется шанс, что ты встанешь на дорожку своей матери. Значит, мне необходимо принять меры предосторожности, прежде чем, я смогу извлечь пользу из твоего существования.

Дочь непонимающе взирала на него — с ненавистного лица на колдуна смотрели его собственные глаза. Может, голос у него и дрожал, когда он звал слуг, может, руки его и тряслись, когда он заносил палочку, но на эффективности заклинаний это

не сказало. Он разрабатывал их девять месяцев и довёл до совершенства.

Первым заклинанием он связал ребёнка — ту его часть, что была человеческой, вернее, Малфоевской. Теперь она не могла причинить никакого вреда тому, в ком текла кровь Малфоев. Он сделал её послушной и покорной — она обязана была выполнять все приказы главы семейства Малфоев. Чего бы тот ни пожелал. Малейшая просьба становилась для неё законом, по его пожеланию она появлялась и уходила. А после его смерти ей предстояло перейти — как обычной драгоценной побрякушке — к следующему представителю фамилии...

О, да ты удивлён... Полагаю, тебе интересно, что было бы, если в семье рождались одни девочки. Но этого не могло быть — разве Драко тебе не говорил? В семье Малфоев рождались только мальчики. Такая вот фамильная особенность. Но, я отвлеклась.

Словом, колдун произнёс все задуманные заклинания над ребёнком. И, под конец, он связал её симпатической магией: навреди она Малфоя, не послушайся, не выполни приказ — всё это принесло бы ей боль. И чем дальше она находилась от того, кому служила, тем слабее становились её магические способности. Рано или поздно она бы почувствовала физическое истощение. Долго бы она не протянула.

Завершив колдовство, он поцеловал дочь в лоб и опустил её в ту же клетку, что убила мать. И ушёл. И десять лет не разговаривал с ней.

Ой, ты грустит. Это из-за меня, да? Хм, наверное, это грустная история, хотя мне так не кажется, ведь это моя собственная жизнь. Но ведь все истории любви грустны — во всяком случае, у вас, смертных. Ваша жизнь так коротка...

Что? Ну, конечно же, это история любви! Разве не называется историей любви рассказ, в котором, так или иначе, фигурирует любовь? А может ли у реальной истории быть счастливый финал? В конце концов, существует так много разновидностей любви. Любовь, что не приносит боли, не отступает и не предаёт. Любовь разрушающая, отравляющая и продажная... И они не так далеки друг от друга, как ты думаешь...

* * *

Гарри охнул от потрясения — и только, он не шелохнулся, когда Драко рухнул к его ногам, — просто стоял и ошеломлённо смотрел, а тот, чувствуя себя полным идиотом, с облегчением уставился в ответ. У него было ощущение, словно он не видел Гарри ужасно долго — по крайней мере, несколько лет — а ведь минул всего день-другой. Слова, что он заготовил, засохли в горле, обернувшись прахом. Вместо этого он закрутил головой, озираясь: они были в маленькой комнатухе, обшитой деревом. Мебель полностью отсутствовала, если не считать разбитой двери, валяющейся на полу. Гарри с отпертым замком в руке стоял у столика, на котором лежало нечто, напоминающее бронзовое пресс-папье. Вокруг ножки столика висела золотая цепь.

Драко закашлялся, почувствовав во рту невесту откуда взявшийся привкус крови. Неужели он прикусил губу?

— Гарри, — наконец, произнёс он, и прозвучавшее имя показалось ему странным. — Ты как?

Тот молчал, и Драко вдруг обратил внимание на его странный вид: рубашка разорвана, джинсы — продраны на коленях, ботинки облеплены грязью. Мокрые волосы спутались и облепили лицо — оно просто пылало, скулы багровели нездоровым румянцем. Очков не было. Одна рука поранена, но не сильно. — Гарри? — повторил Драко, поднимаясь на ноги.

Это движение, похоже, вернуло Гарри к жизни: одним прыжком он оказался между Драко и столиком.

— Нет, не приближайся! — яростно произнёс он.

— Гарри, это я, я...

— Я знаю, что ты! — рявкнул Гарри, напугав своим криком Драко и испугавшись, сам. — Поверить не могу, что я... — он осёкся и затряс головой. Судя по виду, его тошнило. — Я знаю, что это ты, Малфой, — уже тише продолжил он. — А откуда ты знаешь, что я — это я?

— Ой, прекрати, ради Бога, Поттер, — давай продолжим нашу идиотскую беседу попозже? Когда выберем из этой дыры? И что ты так отчаянно защищаешься? Пресс-папье? Слушай, глядя на тебя, можно подумать, что это последний портключ из Азкабана.

— Это и есть портключ.

— Вот как? И куда же он ведёт?

— Понятия не имею. Подальше отсюда.

— Он тебе не нужен, — тут же возразил Драко. — Мы и так отсюда выберемся: портключ есть у Гермионы, она может нас отсюда отправить...

Гарри был потрясён.

— Она тут?! Ты что — и её сюда приволок?

— Мы вынуждены были сюда прийти, мы тебя искали...

— Всегда-то ты меня можешь найти, — в голосе Гарри прозвучало отчаяние. — Я не знаю, зачем, вообще, куда-то бегать — ты всё равно меня находишь, куда бы я ни пошёл: хоть за угол! Я повсюду тебя вижу: в толпе, в автобусе, в какой-нибудь чёртовой книжной лавке! А, когда не вижу, слышу твой голос у себя в голове, — Гарри передёрнулся, и Драко вдруг заметил, каким измотанным тот выглядел. — Если я попрошу прекратить меня преследовать, ты послушаешься?

— А если бы пропал я, — вопросом на вопрос ответил Драко, — ты бы прекратил поиски?

— Да.

Драко вытаращил глаза. Письмо стало первой вещью, разорвавшей его связь с Гарри. Теперь стоящий перед ним Гарри, знакомый от и до — от шрама на ладони до изгиба губ — произносил какие-то совершенно непохожие на него фразы. Значит, то, что Драко посчитал ошибкой и недоразумением, таковым не являлось.

— Что?

— Ты меня спросил, я ответил, — в голосе Гарри прозвучала лёгкая обида. — Если это так важно...

— Лгун! — Драко вложил в это слово весь накопившийся в нём яд.

— Я ушёл, — сказал Гарри, — я ушёл, и мой уход едва меня не прикончил — ты в курсе? Оглядываясь назад, я сам не верю, что смог это сделать. И вот теперь ты меня нашёл — и что? Обменяемся рукопожатиями, а потом я снова уйду, и снова буду мучиться? Если бы ты волновался обо мне...

— Если бы я что? — взорвался Драко. — Ах ты, долбаный лицемер! Просто поразительно, как ты до сих пор не сдох от своих чёртовых двойных стандартов! И всё это время я считал тебя честным...

— Я и старался быть честным! — голос Гарри был так же измочален, как и вечно обтрёпанные на обшлагах рукава рубашек. — Я написал тебе, ты что — не читал?

— Читал, — в это слово Драко вложил переполняющие его сердце горечь, отчаяние и ярость — до последней унции. — Гарри вздрогнул.

— Я могу ещё раз подписаться под каждым написанным там словом, — тихо произнёс он.

— Не сомневаюсь, — с отвращением откликнулся Драко. — Нашёл, чем гордиться, Поттер, — его кулаки сжались сами собой. Нет, он не хотел ударить Гарри — не хотел. Но руки определённо надо было чем-то занять. — Кстати, один удивительный момент: ты, наверное, думал, что от твоего письма будет много пользы?

Драко ждал, что Гарри рассердится или будет оправдываться, но тот был просто поражён:

— Просто, я хотел, чтобы ты знал.

— Ну-с, теперь я знаю. И что это меняет?

Гарри был потрясён ещё больше:

— Как, разве ты не понял? Не понял, почему я должен был уйти?

— Почему ты должен был уйти, я понял. Я не понял, почему мне нельзя пойти с тобой. Ведь ты обещал меня подождать — и я поверил тебе. А я-то думал, что ты мне не врешь. Я тебе верил. Я в своей жизни, вообще, никому не верил — только тебе.

Рот Гарри приоткрылся от изумления, придав ему почти смешной вид. Впрочем, Драко было не до смеха: он сам ошеломлен, не в силах поверить в то, что он действительно только что ЭТО сказал. Он слишком часто пользовался уклончивыми ответами, намёками, желая, чтобы его понимали с полуслова — а ещё лучше — совсем без слов; он предпочитал, чтоб люди сами догадывались о причинах его поступков. И теперь он почувствовал, будто сам себя вывернул наизнанку, будто распахнул себе вены и залил кровью пол у ног Гарри. Драко ума не мог приложить, какой чёрт потянул его за язык.

Гарри откинул с глаз сырую прядь, его трясло. Плечи судорожно передёрнулись, когда он перевёл дух.

— Ты же читал моё письмо, — упрямо повторил он, — и всё равно не понимаешь — причина, я думаю, в том, что ты просто не хочешь понять. Я говорю тебе правду. Прости, если она тебе не по вкусу, прости, если я тебя рассердил или разочаровал. Но это ничего не может изменить: ни того, кто я, ни того, чего я хочу, ни того, что я должен совершить.

— Что ты должен? Неужели я хоть раз... — Драко оборвал сам себя, прикусил губу и заткнулся.

«Неужели я хоть раз хотел чего-то иного, нежели ты? Разве я когда-нибудь думал, что ты недостаточно хорош? Сначала я ненавидел тебя за то, что ты — это ты, а потом моя ненависть ушла — неужели, я хоть раз просил тебя о чём-нибудь? Разве я просил тебя поведавать свои секреты, просил твоей жалости, сострадания? Просил твоей дружбы? Я всего раз попросил тебя о чём-то, и ты мне отказал. Мне не стоило ни о чём просить тебя. Ни о чём, кроме как о разрешении пойти с тобой — и то, только потому, что я не мог об этом не просить...»

Разумеется, Драко не сказал этих слов вслух, он даже не подумал их вслух. Гордость ледяной волной захлестнула его, распрямив спину, расправила плечи, заставила вскинуть голову.

— Ты прав — нет причин, чтобы извиняться. Это всё моя ошибка.

Плечи Гарри поникли:

— Что значит — твоя ошибка? Слушай, Малфой...

— Неважно, — перебил его Драко. — Не имеет никакого значения, что я думал.

— Нет, имеет. Слушай, я извиняюсь...

— Я же сказал — не нужно извинений, — Драко постарался, чтобы эти слова прозвучали как можно оскорбительнее. Гарри закусил губу:

...Терпеть не могу, когда ты так говоришь. Если бы я мог тебе объяснить...

ПОШЁЛ ВОН ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ, ПОТТЕР!

Истощенный вопль Драко поразил их обоих. Драко почувствовал, как в его голове гуляет эхо, как после выстрела. Сморщившись, он схватился за неё, но всё это было пустяком по сравнению с тем, что случилось с Гарри: тот зашатался, словно Драко его пихнул, качнулся назад — Драко рванулся, чтобы подхватить его, но Гарри увернулся, налетел на столик — тот рухнул с хрустом ломающегося дерева... и рука Драко схватила лишь пустоту.

Гарри исчез. И вместе с ним исчез и портключок... Замок, звякнув, упал на то место, где он стоял мгновение назад. Лишь спустя несколько минут Драко смог заставить себя наклониться и поднять его.

* * *

Гермиона вжалась в кожаное кресло. Помимо неё в элегантном, обшито деревом кабинете мистера Блэкторпа находились ещё шестеро-семеро колдунов самого официального вида в серых мантиях. Они вели

очень напряжённый разговор. Она трепетала при мысли, что в любой момент к ним может присоединиться Люциус Малфой, и вот тут-то всё и начнётся... Где черти носят этого Драко? Как он посмел бросить её в таком месте? Слава Богу, они не потребовали от неё объяснений, подразумевая, что она не говорит по-английски, однако, их взгляды ей не понравились, совсем не понравились... С неожиданным грохотом распахнулась входная дверь. Блэкторп подскочил, Гермиона сжалась в своём кресле, когда в комнату шагнула ледяная башня, исходящая яростью. Она даже не сразу сообразила, что это Драко.

Девушка в жизни не видала его таким взбешённым, он влетел, сжимая в руке нечто, напоминающее висячий замок. Второй рукой он властно взмахнул, требуя тишины. Все присутствующие мигом умолкли и уставились на него. Вид у Драко был такой, что Гермиона просто поразились, почему от него не сыплются искры, воспламеняя всё вокруг.

— Вот, — произнёс он сквозь зубы, лишь неимоверным усилием воли не срываясь на крик, — на этом замке находился портключок, я прав?

— Вы взломали замок? — поражённо спросил Блэкторп. — Могу ли я узнать, зачем?

— Я ничего не взламывал. Это сделал кто-то другой, кто-то, кто скрылся отсюда.

Казалось, мистер Блэкторп сейчас хлопнется в обморок:

— Убийца?

На миг ярость в глазах Драко поблекла.

— Да, — произнёс он после чуть заметного колебания, вполне достаточного для того, чтобы Гермиона сообразила, что человек, сбежавший при помощи портключка, был Гарри. — Я должен немедленно отправиться за ним. Дайте мне другой портключок.

После короткой паузы мистер Блэкторп кашлянул.

— Другого нет.

— Что, прошу прощения? — Драко трясло от напряжения. Он в упор взглянул на суккуба-менеджера. — Что вы сказали?

— Существует только один портключок. Мы не видели необходимости иметь запасной — на цепи стояли пятиуровневые связывающие чары...

— Да, несомненно, они оказались на редкость эффективными, — голос Драко источал яд. — И куда же переправлял этот портключок?

— В Центральный каминный узел Лондона, — и Блэкторп снова закашлялся. — Он объединяет более трёхсот каминов... Вероятно, убийца уже далеко. Мистер Малфой, я вот что Вам скажу: вряд ли Ваш отец пожелал бы, чтобы Вы гонялись за таким опасным злодеем. Однажды он уже совершил убийство...

— Меня не волнует мой отец! — заорал Драко, и Гермиона, по-настоящему встревоженная, начала подниматься со своего кресла: Драко никогда публично не говорил об отце в таком тоне. Это начинало её здорово пугать. Железный контроль был его неотъемлемой частью — и всего, что он делал, и усомниться в этом было так же странно, как сомневаться в охранной системе Хогвартса. Или что-то в этом (таком) роде. — Я хочу другой портключок! У Вас должен быть для чрезвычайных ситуаций ещё один портключок — на-верное, Вы его где-то спрятали!..

— Уверю Вас, что это не так.

Гермиона поверила этим словам: мало кто рискнул бы врать Драко — учитывая состояние, в котором он находился. Но юношу, похоже, ничто не могло убедить. Он яростно швырнул замок, и буфет откликнулся жалобным звоном битого стекла.

— Хочу второй портключок или дымолётный порошок! Я хочу выбраться отсюда — ясно? Я хочу оказаться в Центральном каминном узле — и прямо сейчас. И единственный существующий для меня вопрос: проползу ли я туда по мосту из Ваших выпотрошенных трупов, — метнув резкий взгляд в сторону Гермионы, он, похоже, только-только сообразил, что она тоже тут. И краска прилила к его разъярённому лицу — слишком

яркая: он лихорадочно побагровел, глаза яростно сияли. — За мной, Гермiona, — скомандовал он.

Мистер Блэкторп издал протестующий звук:

— Я думал, её имя...

— Молчать! Так я Вас спрашиваю: Вы собираетесь мне помогать или нет?

Тот лишь беспомощно взмахнул руками:

— Мистер Малфой, увы, я не могу вам помочь — абсолютно.

В ответ Драко ухмыльнулся. О, Гермione была хорошо знакома его жуткая ухмылка: и едва она успела спрятаться за его спину, как стол красного дерева, а так же всё то, что на нём стояло, взорвалось, засыпав всё вокруг щепками и осколками.

* * *

Гарри со всего маху ударился оземь, словно рухнул с высоты, задохнулся, перевернулся и на миг ошеломлённо замер, растянувшись на спине. Потом приподнялся на колени и с затаённой надеждой огляделся...

Но комната, в которой он только что находился, — с разбитой дверью, ровными стенами и Драко — эта комната исчезла, сейчас он стоял на коленях на сыром и холодном каменном полу в помещении, напоминающем вестибюль, от которого в разных направлениях расходились тёмные пустые тоннели. И, вообще, — света было маловато. Пахло дымом. Откуда-то доносились голоса.

На миг он замер на коленях, слушая биение своего сердца. Гарри резко разжал руку, и с глухим звоном об каменный пол ударился портключ.

«Это нечестно», — мелькнула горькая мысль. — «Несправедливо...»

Гарри поднялся на ноги, и волна, накатившая на него, закружила голову так, что ему пришлось упереться в стенку, чтобы удержаться на ногах. Перед глазами ещё стоял образ Драко — белое лицо, наполненное отвращением и ужасом. Не успев ни о чём подумать, Гарри размахнулся и с силой пнул валяющийся у ног портключ. Тот звякнул, ударившись о противоположную стенку. Если Гарри и стало после этого легче, то не сильно.

Прикусив губу, он подумал: «Всё, хватит. Нечего себя мучить этими «если бы, да кабы». Что сделано, то сделано: не воротишь».

Кто-то пихнул его в плечо и выругался на незнакомом языке. Гарри вжался в стену. Через комнату, переговариваясь и смеясь, прошло несколько человек. На них были одинаковые тёмные мантии, обшлага которых украшали оранжевые и красные полосы. Какая-то мысль запоздало всплыла на поверхность, но Гарри был слишком болен и слишком близок к отчаянию, чтобы сконцентрироваться. Всё, на что он сейчас был способен, — это пристроиться к незнакомцам и последовать за ними по коридору.

Юноша прошёл по небольшому проходу, приведшему его в огромный зал, наполненный волшебниками. Гарри осмотрелся и остановился: он стоял у подножия чего-то, напоминавшего огромную трубу, уходящую вверх и теряющуюся где-то за крышей. Воздух был наполнен запахами гари, сырого кирпича, золы, дыма. Вся стена перед ним была испещрена дырами — каминными, как догадался Гарри. Люди подходили, ныряли в камин и исчезали во вспышках оранжевого или зелёного пламени.

«Я в каминном узле», — с удивлением сообразил Гарри: он слышал об этом месте, но никогда здесь не бывал. Сотни каминов, подключённых к иностранным сетям — отсюда можно было попасть в любую точку на земле. Мечтай он скрыться, сбежать, лучшего места было не найти. Но всё же...

Гарри осмотрелся. Большинство колдунов на первом этаже столпились у стола, что располагался в дальнем углу зала. Наверное, именно там можно было приобрести Дымолётный порошок и разрешение. Поутихшие, было, опасения вновь вернулись: насколько

ко он знал, необходимо представить свой волшебный сертификат для вылета из страны. Наверное, где-нибудь на дне сумки и завалялось его школьное удостоверение, но ему совсем не хотелось его демонстрировать: увидь они его имя, все тут же рванутся к нему.

Гарри вздохнул. Спина и шея болели, кости ломило от болезни и усталости, мысли выходили из-под контроля. Он мрачно подумал о том, как, наверное, его ненавидит сейчас Гермiona. Он был даже рад, что она не пришла вместе с Драко — он бы не вынес, если бы они вдвоём смотрели на него, ему хватило одного Драко, его ярости. Но он ведь должен его простить, рано или поздно — правильно? Он обязан это сделать. Гарри всё ему объяснит, расскажет... Сядет рядом и мысленно поговорит с ним — пока тот не поймет, что Гарри ему не соврал.

Внезапно Гарри охватила эйфорическая, беспочвенная уверенность: ну, конечно же, Драко должен смягчиться и простить — просто обязан и точка. Не может же он вот так наплевать на их дружбу, выбросить её на помойку, ведь то, что связывало их, было куда больше, чем они сами. Гарри не мог представить, что всю оставшуюся жизнь ему придётся провести без Драко. А, следовательно, тот просто обязан его простить.

В том лихорадочном состоянии, в каком сейчас находился Гарри, его размышления показались ему просто шедевром логики. Улыбнувшись, он потянулся к карману за своим рюкзаком. И в тот миг, когда он уже почти достал его, мир вокруг взорвался и раскололся на части. Тёмная волна пронеслась над ним, сбив с ног, в ушах эхом отозвался собственный крик, кожа взорвалась болью — словно её рвали стеклянные осколки.

Гарри кричал, не осознавая, зачем и почему он это делает, не понимая, к кому он обращается, — шум в ушах заглушил все звуки. Действительность раздвоилась: он лежал и видел качающийся над ним свет, огонь, кровь, рушащиеся стены. И, в то же время, чувствовал каменный пол, когда его тело билось и содрогалось от мучительной боли.

Сквозь дымку и истошный вопль к нему прорвались руки. Вокруг зазвучали голоса, он услышал незнакомую речь. На миг Гарри решил, что он умирает, и это нимало его не озаботило. Руки коснулись его и подняли. Знакомый голос окликнул по имени, но, не успев ответить, Гарри лишился чувств.

* * *

Слабый свет порозовел, потом возникли тени. Драко медленно продирался сквозь темноту, верша свой путь сквозь грязную и мутную воду. Открыв глаза, он не сразу понял, где находится.

Постепенно — очень медленно — он начал узнавать эти смазанные тени. Он лежал на спине, на мраморном полу отеля в Диагон-аллее, и голова болела так, словно в ней решил обосноваться горный тролль.

Драко сел — очень медленно, потому что у него было ощущение, что, если он дёрнется, голова просто отвалится. От боли перед глазами мельтешили чёрные мушки; чтобы сфокусировать зрение, ему пришлось несколько раз моргнуть. Наконец, мир перед глазами обрёл чёткость, и первое, что он увидел, была Гермiona. Одетая в белую пижаму, она, прислонившись спиной к дивану, сидела на полу чуть в стороне и не сводила с него глаз, которые на бледном лице казались ненормально огромными и напоминали чернильные клыасы.

— Эй, — сказал он. Это было всё, на что его хватило.

Её руки, лежавшие на коленях, ещё сильнее стиснули маленькую серебряную фляжку — Драко узнал в ней ёмкость для противоядия, которую она постоянно носила с собой с того момента, как они ушли из школы.

Серебро и синяя каменная пробка. В сумраке она странно поблёскивала — как-то знакомо.

— Ты кошмарно выглядишь, — сказала Гермиона.

— Я и чувствую себя кошмарно, — похоже, пытаюсь сесть, он переоценил свои силы. Драко прилёг, опершись на локти, и сконцентрировался на дыхании, пытаясь игнорировать боль в голове. Он взглянул на себя: босой, одетый только в брюки и рубашку, залпанную серебряными пятнами... перчаток не было.

— Э... а что произошло?

Она взглянула на него, не меняя выражения лица:

— А что — ты не помнишь?

Он помотал головой, скривившись от боли, тут же прострелившей виски.

— Я вернулся за запасным портключом...

— То есть, — осторожно поинтересовалась она, — ты не помнишь, как в клочья разнёс кабинет Блэкторпа?

— Помню какое-то пламя, — произнёс Драко, в памяти которого остались какие-то очень огненные фрагменты.

— И кровавый дождь, — холодно продолжила Гермиона, — а потом стены взорвались, и оттуда полезли змеи. Правда, им не досталось того внимания, которого они, несомненно, заслуживали, потому что ими полностью завладел хор вопящих и пожирающих друг друга гигантских крыс

— Лично я просто горжусь стаями невидимых уток, — сообщил Драко.

Гермиона не улыбнулась, похоже, она не находила в ситуации ничего забавного.

— Полагаю, ты считаешь, что сумел им показать, почему фунт лиха... особенно удалась та часть, когда ты свалился в глубоком обмороке, и мне пришлось использовать портключ отеля, чтобы вернуть нас сюда. Слава Богу, что он у меня оказался, иначе мы оба уже были бы покойниками.

— Что — я свалился в глубоком обмороке? — заинтересовался Драко.

— Да, — отрезала Гермиона. — Именно поэтому ты и лежишь на полу. Я не смогла тебя поднять, а пользоваться магией не хотела — думаю, на сегодняшний вечер магии уже вполне достаточно. Гарри всегда говорил, что если ты когда-нибудь позволишь себе понастоящему оторваться, то у Хогвартса снесёт крышу. Полагаю, он не ошибался.

Её монотонный голос начал его беспокоить.

— Как долго я так провалился? Ты уже переоделась в пижаму...

— Пришлось, — равнодушно пояснила она. — Ты меня с ног до головы закашлял кровью.

— Ох, — Драко ощутил, что новая информация, наверное, должна бы его встревожить. Но всё, что он чувствовал, — только усталость. — Я думаю, что отельные эльфы всё постирают. Я им заплачу...

Хлоп!

Драко едва увернулся, когда фляжка, что сжимала в руках Гермиона, просвистела у него над ухом, звонко ударилась об пол и откатилась в сторону. Он с недоумением уставился на девушку.

— Да, как ты смеешь, — прошипела она, — как смеешь сидеть и делать вид, что произошедшее, связано только с прачечной?!

— Я не сказал, что только с прачечной, — возразил Драко, стараясь говорить как можно рассудительнее, но в тот самый миг, когда слова сорвались с губ, Гермиона схватила стеклянный подсвечник с кофейного столика и запустила ему голову. Драко успел пригнуться, и стеклянные осколки запрыгали по полу. — Эй! — запротестовал Драко. — Ты можешь меня ударить!

— И отлично! — завопила Гермиона. Теперь, когда она приподнялась и стояла на коленях, Драко вдруг с необычайной чёткостью увидел перед собой худенькую растрёпанную девочку, вплепавшую ему когда-то пощёчину. Тогда им было по тринадцать. Это была первая вещь в жизни, оглушившая его понастоящему. — Да, я просто мечтаю тебя ударить! Ты,

вообще, соображаешь, что делаешь, — бестолковый... бестолковый ублюдок! Тебе же нельзя пользоваться магией! Я тебе говорила, Снейп тебе говорил — ты хоть кого-нибудь слушаешь?! Думаешь что — он пошутил? Тебе нельзя использовать магию, потому что ты умираешь, а она забирает и твои силы, и силу противоядия — всё то, что поддерживает в тебе жизнь! А ты берёшь и устраиваешь дурацкую истерику — мне даже подумать страшно о цене, которую ты за неё заплатил: неделя жизни? Две? И ради чего? Да просто так! Ты всё равно не получил, чего хотел, — тебе бы не помогло, даже если бы ты выжег то место дотла.

— Я разозлился, — пояснил Драко. — Надоело жить, словно, вот-вот отдашь концы.

— Ты действительно вот-вот отдашь концы, — яростно перебила его Гермиона. Прикинув, чем бы ещё швырнуть, она схватила со стола тяжёлую керамическую кружку и запустила ею в стенку. Та раскололась вдребезги. Драко сморщился, но Гермиона, похоже, утолила свою злость и теперь почувствовала себя лучше. — Тебе не просто надоело жить под страхом смерти, тебе, вообще, чертовски надоело жить. Я должна давать тебе противоядие. А ты отправляешь в местечко вроде Многогосущного борделя, даже не побеспокоившись о портключе, чтобы вернуться обратно. А потом устраиваешь потрясающее суицидальное представление. Если бы меня рядом не оказалось, ты был бы уже трижды мёртв, и, судя по тебе, тебе абсолютно плевать. Тебе, вообще, — на всё плевать. Ты хоть понимаешь, что это нечестно? Ведь меня он тоже бросил, ты же знаешь... — её голос затих, но Драко молчал. Он по-прежнему лежал, не сводя с неё глаз. Ярость и краска медленно уходили с её лица. Она прикусила губу.

— Скажи что-нибудь, — прошептала она.

— Каждый раз, когда я открываю рот, ты начинаешь швыряться, — заметил Драко.

— Сейчас не буду — просто скажи что-нибудь.

Драко вздохнул. Он чувствовал усталость.

— Это не связано с Гарри, но если хочешь — что ж, пусть будет так. Да, тебя он тоже бросил, но зато не оставил тебе письма, в котором написано, что его тошнит от одного взгляда на тебя и ты его достала, правильно?

— Тебе он этого тоже не написал, — возразила Гермиона.

— Да, может, там не было написано именно этих слов, но суть-то не меняется — просто Гарри не такой человек, чтобы выражаться напрямик. Во всяком случае, он отказался существовать в моей голове, как в слишком отвратительном месте. И я не могу его обвинить: я и сам себя не слишком-то люблю.

— То, что думает Гарри, не имеет к произошедшему никакого отношения, — сказала Гермиона. — Я люблю Гарри. Но он — ненадёжный. И ты не должен жить или умирать, завися от его мнения. Я не знаю, зачем и почему он написал тебе такие слова, я пытаюсь верить, что на то были серьёзные причины. И пытаюсь верить, что это не имеет значения: в конце концов, он ушёл, и теперь мы должны смириться и жить дальше. Вот только меня обуревают страшные подозрения, что ты жить не хочешь.

— Знаешь, Гермиона, это не твоё дело — пытаться сохранить мне жизнь. Я бы не стал тебя винить, махни ты на меня рукой. Да и никто не стал бы.

Она содрогнулась, внезапно осознав, какая она маленькая. В лучшие времена Гермиона была бы этим только довольна — она и, правда, была худенькой, особенно сейчас, за последние недели все они здорово потеряли в весе.

— Ты что — действительно, думаешь, что мне нравится быть ответственной за тебя? — прошептала она. — Да меня уже тошнит от ответственности. Меня уже тошнит от постоянной заботы о ком-нибудь. Вот только кто, кто этим будет заниматься в противном случае? Сначала ушёл Рон — и я потеряла его, но решила: «ладно, не беда, я пока что-нибудь придумаю, а

потом, глядишь, он и сам вернётся». Потом настал черед Джинни, и я снова сказала, что смогу обойтись и без неё. Потом — Гарри. Я приказала себе заняться его поисками и знала, что только в этом случае смогу продолжить жить. Но случись что-нибудь с тобой... Если и ты меня покинешь... у меня тогда никого не останется, я не смогу сделать это одна, я никогда не была одна... Всё, что я когда-либо делала, я делала с Роном и Гарри... — у неё перехватило дыхание, она осеклась и спрятала лицо в ладонях. — Зачем я тебе всё это наговорила...

С большим трудом Драко сел. В груди нарастало странное напряжение, словно он не мог нормально дышать. Он распротёр к ней руки, и Гермиона, удивлённо взглянув на них сначала, проползла по полу на коленях и полу-упала, полуприльнула к его груди, уткнувшись в него лицом.

Он сомкнул объятия. С учётом его состояния, удивительно, что он, вообще, мог удержать её, не заваливаясь назад. Признаться, поза, в которой они оба находились, была весьма неудобной: Гермиона сидела у него на коленях, упираясь своим коленом ему прямо в грудь.

— Ты меня пнула, — заметил он. Она подняла взгляд — лицо поблёскивало от слёз, а на его рубашке остались влажные пятна. Она улыбнулась, заставив его подумать, что она такая же, как и Гарри, — в её глазах тоже вспыхивал огонёк, когда она улыбалась, и это придавало лицу удивительную красоту.

— Я не хотела тебя раздавить, — виновато произнесла она.

— Конечно...

Она снова прильнула к нему и замерла. Он опустил глаза к её нежной шее, такой бледной и такой беззащитной между белым воротничком пижамы и прядями тёмных волос. Девушка продолжала вздрагивать, но уже не так резко и сильно. И он, впервые за много дней снова почувствовал чью-то боль помимо своей собственной — это удивило и напугало его, и объятия сами собой стали крепче. От Гермионы исходил слабый запах противоядия — белладонна, горькое алоэ — аромат цитрусов и крови. Не осознавая, что он делает, он назвал её по имени, она взглянула на него удивлёнными глазами, обрамлёнными тёмными ресницами, и в этот раз он её поцеловал.

Она совсем не испугалась, её руки сомкнулись на нём, неловко взлетев на плечи и скользнув за шею. Он почувствовал, как они холодны. Она не пыталась отстраниться. Он прижимал её к себе, обнимая за талию, и тянулся к её губам, ощущая, как колечко, что подарил ей Гарри, стало преградой между их прильнувшими друг к другу телами.

Силы покинули Драко, и он упал на спину, стискивая её в объятиях; они рухнули на пол, запутавшись в собственных руках и ногах, он слышал, как Гермиона охнула от удивления, но прежде, чем успел спросить или сделать что-то, она успокоила его, коснувшись пальцами его губ.

— Стоп, — у неё был решительный и серьёзный вид. — Я сделала тебе больно?

— Да.

Она склонилась над ним, и её тёмные волосы накрыли их обоих.

— Прости, — шепнула она, коснувшись щекой его щеки, он ощутил на губах соль её слёз и подумал, что впервые за десять лет он вот-вот разрыдается. Драко, словно видел их обоих со стороны, словно какая-то часть его реяла над ними, равнодушно наблюдая за происходящим: белокурый юноша лежал на полу, а рядом с ним лежала темноволосая девушка. И вдруг он представил третья тень, метнувшуюся и улетающую между ними — но от этого лишь ещё чётче осознал, что на самом деле никакой тени вовсе не было.

— Прости, — снова повторила она и поцеловала его лицо, шрам под глазом, потом, взяв его руку в свою, поцеловала ладонь с яростным шрамом. Сердце колотилось у Драко в груди, каждый удар отзывался

болью, словно оно вот-вот разорвётся пополам, кровь огненной рекой устремилась к тому месту, где её губы коснулись пульса на запястье. Он словно падал.

Он притянул её к себе, и она упала на него. Было бы неправдой сказать, что он никогда не рисовал в своём воображении подобную картину: он был слишком слизеринцем, чтобы держать под контролем своё собственное воображение. Да, и можно ли было винить его в том, что он никогда не делал на самом деле?

Всё его естество протестовало против предательства Гарри — даже сейчас эта боль горела в нём, как продолжает гореть солнце перед уже закрытыми глазами. И теперь она смешалась с болью от холодных каменных плит, вбивавшихся в его кожу, гнувших его кости, с болью от удара об пол, с болью от разрезанной руки, стиснутой между их телами. И боль эта напоминала зимний мороз — сладкий и пронзительный.

Её руки легко и беспокойно касались его: она дотронулась до лица, пригладила волосы, словно бы пыталась привести их в порядок; она что-то шептала, когда он целовал её, — это был нежный, тихий звук, с каким, наверное, укрывает землю падающий снег. Он целовал её шею, закрытые глаза — она вздрогнула и села так, чтобы он мог дотянуться до её губ. Медленное и чувственное ощущение скольжения и падения пропало, словно просочился сквозь пальцы песок. Драко почувствовал настойчивость Гермионы, когда она придвинулась к нему и крепко обняла за шею. Он перекувырнулся, обхватил её ногами и притянул к себе, чувствуя, как её грудь прижимается к его груди. Он знал, что они должны остановиться — остановиться прямо сейчас... Но... то ли болезнь и усталость убили в нём остатки воли, то ли он, на самом, был совершенно омерзительным типом — как, собственно, Гарри всегда и думал — то ли всё дело было в том, что теперь Гарри всё равно уже ненавидел его... так что терять уже было нечего... Словом, Драко не видел причины, чтобы останавливаться и не сделать того, что хотел.

Его рука, сдавленная их телами, ещё пульсировала тусклой болью, когда он спустился пальцами от её ключиц к пуговкам пижамы и начал их расстегивать — одну за другой. Сначала ему показалось, что это боль в руке не даёт ему справиться с ними быстрее, лишь спустя некоторое время он понял, что ему что-то мешает. Драко нетерпеливо попытался схватить и устранить помеху — но та выскользнула из его пальцев и ударилась о мрамор пола, издав стеклянный хруст. Только теперь он сообразил, что это было.

Гермиона ахнула и, повернувшись, подхватила предмет с пола:

— Моё кольцо... — оно не разбилось, но вдоль него пробежала тонкая трещина, разделив на три кусочка. — Всё в порядке, я могу применить заклятье Reparo...

— Можешь? — переспросил Драко. Голос его был ровен, лицо ничего не выражало, но она видела, как скачет жилка на его шее. Приподнявшись на локтях, он смотрел на неё, на то, как она обмотала цепочку вокруг руки и сжала кольцо в кулак. Неожиданно она ощутила вес его тела, придавившего её к полу. Хотя оба юноши имели почти одинаковое сложение, они всё же были очень разными: Гарри был тоньше и тонкокопнее, как птица, весь составленный из лёгких касаний, спутанных волос и безыскусной искренности. Драко казался более плотным и мускулистым; его живот — в отличие от впалого у Гарри — был плоским и ровным, волосы — жёсткие у Гарри — струились нежным шёлком... Но во всём остальном юноши были похожи.

Драко коснулся рукой её лица.

Не успев ни о чём подумать, она отпрянула от него.

— Не надо.

Его рука упала.

— Что не надо?

Она вздрогнула. От кольца, зажатого в ладони, веяло холодом.

— Не надо меня трогать. Потому, что если ты меня тронешь, то я могу... Но я не могу. Мы не можем.

Он смотрел на неё. Их лица разделяли какие-то дюймы. Она видела в его глазах своё собственное отражение, она видела все переливы его радужки — местами серой, местами голубоватой, местами цвета ореха.

— И почему же нет? — снова переспросил он, тем же ровным холодным голосом.

— Из-за Гарри, — она снова вздрогнула. — Я не хочу сделать ему больно.

— Ах, вот как, — на его губах появилась кривая усмешка, и она подумала, что от этого его красивые губы разом утратили всю свою красоту. — А я хочу. Разве всё это затевалось не ради этого?

Она похолодела.

— Слезь с меня.

Он рассмеялся, и его дыхание коснулось её волос.

— Как скажешь, — неприятным, насмешливо-зловещим тоном ответил он и, прижимаясь всем телом, медленно-медленно сполз с неё, так что она ощутила на себе каждый его дюйм. Откинувшись, он распростерся на мраморном полу, раскинув ноги.

— Значит, ты целовал меня ради этого? Ради того, чтобы причинить боль Гарри? — отодвигаясь от него, резко спросила Гермиона.

— Нет, — она почувствовала странное облегчение. — А вот не остановился я именно по этому, — продолжил он, счищая ногтем невидимую соринку со своей манжеты. Облегчение исчезло, уступив место горечи.

— Что ж, лично я не хочу, чтобы Гарри было больно, — процедила она сквозь зубы. — А твои желания — твои проблемы.

Его глаза сузились, как у кошки.

— И что, — прошипел он бархатным голосом, — то есть, если бы я не хотел сделать ему больно, тогда что — это было бы вполне допустимым? Что — удобоваримые самооправдания и хорошие намерения могут оправдать наше поведение? О, я не хочу причинять боль Гарри, а потому я заявляю об этом прежде, чем разбить его сердце, — так что всё о'кей. Или ты собралась потрахаться со мной и сохранить это в тайне? Но ведь не получится же, ты сама понимаешь, он всё равно узнает. И больше не захочет тебя. Никогда.

С её губ сорвался судорожный вздох:

— Нет, это не так...

— Так, — перебил ее Драко. — Не захочет тебя. Если это буду я.

— Ты...

Гермиона проглотила все слова, что хотела сказать. Он смотрел на неё, действительно сердитый, всё в нём — и напряжённые губы, и развёрнутые плечи — носило отпечаток утончённой злости. На его лице сейчас жили только глаза — оно напоминало ровную стену, сквозь щели которой лился яркий свет. Гермиона увидела гнев, ярость, бешенство — и страшную пустоту за ними, скручивающуюся в какую-то бесконечную спираль, что вела в такие места, где никогда не было света. Гермиона всегда удивлялась, почему в ней нет зависти к этому странному, решительному, полному горечи юноше, в котором было так много общего с Гарри. И теперь она поняла: никакая близость, никакое единство и связь с кем-то не стоят такой жуткой цены — такой боли и ужаса от утраты и разрыва. Нет. Это не для неё. Возможно, для Драко оно того стоило. Но она никогда бы не узнала, она не собиралась спрашивать.

— Нет необходимости быть таким жестоким, чтобы продемонстрировать свою точку зрения, — определённо, это было вовсе не то, что она хотела сказать. — И всё же, как бы ты ни был жесток со мной, к себе ты ещё более безжалостен. На это невозможно смотреть. Так что я пошла спать. А ты можешь заниматься, чем угодно.

У Драко был испуганный вид — Гермиона даже почувствовала какое-то смутное удовольствие оттого, что ей удалось его напугать. Качнувшись вперёд, она очень бережно и осторожно положила на пол между ними синее кольцо и услышала, как Драко резко вздохнул. Поднявшись на ноги, она, заставляя себя не оборачиваться, прошла в свою спальню и закрыла за собой двери.

* * *

— Так ты уверен, что это не мой сын? — поинтересовался Люциус у секретаря, с нервным видом топтавшегося у дверей его кабинета. Похоже, в нём была примесь гоблинской крови: он был ужасно уродлив, а в совокупности с шишковатым носом это производило на Люциуса неприятное впечатление. А потому он решил как можно скорее пристрелить и его, и помощника, что нанял его на работу. — Не Драко?

Секретарь замотал головой:

— Нет, это был не юный хозяин.

— Другой мальчик? Он влетел в мой кабинет и хотел говорить со мной?

— Так точно. Он сказал, что Вы были бы рады видеть его. Судя по виду, он был в этом совершенно уверен.

— Ясно, — сухо кивнул Люциус. — Что ж, посмотрим.

Оттолкнув трепещущего секретаря, Люциус распахнул дверь кабинета и вошёл, шаря глазами в поисках злоумышленника. Найти того оказалось во все несложным: белокурый юноша, совсем ещё подросток, растянувшись на спине, возлежал на столе Люциуса и, подняв руки, лениво выписывал в воздухе круги. Когда Малфой прикрыл дверь, юноша повернул голову и приглашающе улыбнулся:

— Привет тебе, Люциус. Неплохо выглядишь.

Тот захлопал глазами.

Когда он спрашивал у секретаря, уверен ли тот, что прибывший не Драко, секретарь ответил, что это не юный хозяин, и был совершенно прав. Кто бы это ни был, Люциус абсолютно его не знал, однако юноша, похоже, чувствовал себя в кабинете Люциуса совершенно по-хозяйски, хотя сам по себе кабинет мог хоть кого удивить. Разлегшись поперёк элегантного палисандрового стола, юноша свернул свой плащ и вместо подушки подложил себе под голову. Сухопарый, высокий, светловолосый, как Драко; глаза, когда он смотрел на Люциуса, были цвета синей воды, если на неё смотреть сквозь синее стекло. Люциус определённо видел эти глаза раньше — он был в этом совершенно уверен.

Он почувствовал, что похолодел. И окаменел.

— Вы проникли в мой офис, — ледяным тоном начал он, словно откусывая каждое слово, — надеюсь, Вы сумеете всё объяснить, молодой человек. Вы, вообще, представляете, кто я?

— Думаю, — юноша начал медленно подниматься, — что есть более уместный вопрос: знаешь ли ты, кто я?

— Полагаю, что ни разу в своей жизни Вас не видел, так что мой ответ вполне очевиден, — отрезал Люциус. — И будьте так любезны — воздержитесь от того, чтобы называть меня по имени. Кто бы ни были Ваши родители, они явно не научили вас хорошим манерам, — и в тот же миг его осенило, — Вы, вероятно, магглорожденный? В данном случае мне необходимо как следует отмыть свой стол.

— О, нет, что ты, — ответил юноша, не спуская глаз с лица Люциуса, — моя мать была ведьмой. А насчёт отца — ты всегда говорил мне, что я вытравил из себя его грязную кровь, и был не его, а её сыном. Ты всегда был мастер по части того, чтобы говорить именно то, что мне хотелось бы слышать. Даже когда был совсем ребёнком.

Люциус прищурил глаза.

— Когда я был ребёнком, Вы ещё даже не родились, мой дерзкий юный друг, — он прислонил-

ся к двери кабинета. — Да, я допускаю, что метод, при помощи которого Вы проникли в мой кабинет, меня первоначально даже заинтриговал. Но теперь Вы меня начали утомлять. Так что или объясните, что Вы тут делаете, или же я Вас вышвырну отсюда и свяжусь с Вашими родителями.

Юноша сел и свесил ноги со стола.

— Ах, Люциус, Люциус, — произнёс он, укоризненно качая головой, — ты разбиваешь мне сердце. Ты что — не узнаёшь меня? Совсем не узнаёшь?

— Нет. Кто вы?

Улыбка осветила бледное лицо юноши подобно восходящему солнцу. Но глаза остались полны холодной синевы.

— Возмездие.

Юноша поднялся, и Люциус почувствовал, что слова засохли у него в глотке. Эти глаза... но нет, не может быть... Наверное, это дети... друзья сына... наверное, они решили подшутить...

— Помнишь ли ты, — неторопливо и спокойно начал юноша, — день твоего распределения? Шляпа тут же сказала «Слизерин», ты соскочил с табуретки, подбежал и сел рядом с нами. Я уже освободил тебе местечко справа от себя.

— Что? — Люциус похолодел. — Как... как ты можешь это знать?

— Ты всегда был таким маленьким, — продолжал незнакомец, — ты никогда не думал, что я обращаю на тебя внимание. Но я знал, кем ты станешь. И кем теперь стал. Взгляни на себя.

Люциус оцепенело покачал головой.

— Это невозможно. Ты лжёшь.

Юноша замер в середине комнаты, на его губах играла нежная улыбка.

— Я Том Риддл. Мне шестнадцать. Сейчас — и навеки. Я был из чернил и бумаги. Теперь я из плоти и костей, а предыдущие полвека — не более чем сон.

— Но книга уничтожена, я сам её сжег.

Глаза юноши расширились:

— Да ну?

— Она уже была практически уничтожена, мой Лорд, — не подумав, брякнул Люциус, — исключительно из предосторожности, — он осёкся, увидев, как по лицу юноши расплывается восхищённая улыбка.

— Наконец-то, ты мне поверил. Ты знаешь, что это я. Или же ты всё ещё не удовлетворён? Ну же, спроси меня, Люциус. Спроси что-нибудь, что ты хотел бы узнать. Ты помнишь своё кольцо — то самое, с грифоном? А, как я взял его и в миг, когда они назначили меня старостой, вырезал краем крыла некие слова у себя на руке? Помнишь, какие?

— Да, я помню.

Лицо юноши помрачнело, он вскинул левую руку и указательным пальцем начертал яростно замерцавшие в воздухе слова. » Non serviam «.

— Я не буду прислуживать, — произнёс мальчик, и Люциус вспомнил мальчика, смотрящего на свою окровавленную руку. И вспомнил слова, начертанные на знамени Люцифера, ведущего своё войско на битву с силами Небес. Люциус почувствовал, что колени сами собой подгибаются — и вот он уже стоял, коленах преклонённый, у ног Тома.

— Господин мой, — он полубредил от потрясения, — я помнил о тебе, помнил всегда.

Том взмахнул рукой, и мерцающие буквы погасли.

— Последние два дня, — в голосе юноши прозвучали тоскливые нотки, — я провёл, читая своё жизнеописание. Я с трудом мог поверить — просто какая-то история предательства и поражений. Меня переполняла ярость, хотелось буквально рвать и метать. Теперь я понимаю, что это было глупо. Есть те, кто заслуживает моего проклятья. И они его получают. Мои Пожиратели Смерти, кто предал и отрёкся от меня, — все они умрут, — голос его был холоден и решителен. — Одного за другим — я всех их уничтожу.

— Но их защищают, — заикаясь, возразил Люциус, — они прощены и их дома защищены Тёмным Лордом...

— Защита — пустяк для того, кто её создал. А мы — один и тот же человек, — из-за острых зубов слышалось нечто, похожее на рычание, — ну, не совсем один и тот же, естественно. Что касается его — моего более старшего варианта — он более всех остальных заслуживает моей мести. Я не могу поверить, до чего он докатился: слабый, сумасшедший, безобразный старик. Никогда не позволил бы себе стать самим воплощением разочарования — уж лучше умереть. Ну, так он и умрет. Этот мир тесноват для нас двоих, — и предвкушение веселья коснулось лица Тома. — Я припоминаю, что ты как-то сказал, что этот мир и одному-то мне маловат. Ну же, Люциус — помнишь нашу первую встречу?

— Конечно. Мне тогда было десять. Но, возможно, я не помню подробностей...

Том сделал к нему ещё один шаг:

— Вспомнишь. Ты бы со своим отцом — кажется, он инспектировал школу. Директор нас представил — твой отец всегда интересовался Слизерином и лучшими студентами. Меня как раз наметили на должность старосты. Помнишь, что отец сказал мне?

— Да, — Люциус вытолкнул ответ сквозь онемевшие губы.

— Он сказал, что надеется, что я присмотрю за его сыном.

— И ты сделал это.

— Верно, — тихо согласился Том. — Не может быть, чтобы ты хотел ему служить. Только не этому больному, гадкому старику, не этому безобразному созданию. Люциус — вместе мы можем начать всё с начала. Выбор за тобой.

Шло время, Люциус молчал. Наконец, Том протянул руку и коснулся его. Ему пришлось для этого поднять руку — немного, ведь Люциус сейчас был выше.

— Люциус, — позвал Том, и тот поднял глаза на стоящего перед ним светловолосого мальчика, что, прищурившись, смотрел на него. И вспомнил, что никогда не мог отказать этим глазам. — Ты выбираешь меня?

Люциус склонил голову.

— Я, как всегда, верен тебе, мой Лорд, — ответил он. — Тебе и никому больше.

Гермиона безрезультатно пыталась уснуть, когда он вошёл в её спальню. Забравшись под тяжёлые одеяла, она лежала, укутавшись ими по самые плечи, слишком усталая, чтобы заснуть. Застеклённые французские двери спальни отбрасывали квадратики света на каменный пол.

От кровати пахло, как обычно пахнет от гостиничных кроватей — мылом и крахмалом. Простыни казались ужасно жесткими и грубыми, но она не возражала: пусть она будет наказана по заслугам.

Она почти не помнила, каково это — целовать Драко, все ушло, как уходит память о боли. Она помнила, что это происходило, но совершенно забыла, как. Это было словно ураган слёз после месяцев запрета на плач. Сейчас она ощущала себя странно опустошённой, её эмоции полностью исчезли. Закрывая глаза, она чувствовала, словно его руки прикасаются к её волосам.

Раздался щелчок поворачиваемой дверной ручки. Гермиона не шелохнулась. Она лежала, заложив руки за голову, и смотрела, как открывается дверь, и он входит. Закрыв дверь, Драко привалился к ней спиной.

Сквозь рифлёное стекло струился слабый свет, превращая его в тёмный силуэт, очерчивая контуры его худощавого тела, плавные линии его плеч, острый подбородок. Она могла увидеть тени, рисующие в полутьме его ключицы, волосы, окружающие его голову тёмным смутным ореолом, словно тусклое тёмное

пламя. На шее едва заметно блеснула цепочка Эпициклического заклатья, когда он поднял голову и взглянул на неё.

— Ты не спишь? — раздался вопрос.

Она села. Простыни зашуршали вокруг неё, словно кровать была расстелена в сухом тростнике. Она откинула с глаз волосы, еще мокрые от слёз.

— Не сплю, — ответила она и отодвинула в сторону одеяла, уступая ему место.

Она услышала, как он вздохнул, и его плечи поникли. Это был очень странный вздох, прозвучавший, как капитуляция. Каждая клеточка тела юноши было пронизана усталостью, когда он, бесшумно ступая босыми ногами, пересёк комнату и уселся на кровать. Расстегнув манжеты и пуговицы пижамной рубашки, он стянул её через голову и лег рядом с Гермионой.

Она чуть повернулась, чтобы взглянуть на него: Драко лежал на спине, скрестив на груди руки и уставившись в потолок невидящим взглядом. Ресницы отбрасывали на щёки длинные тени, делая его совсем юным. Ей всегда казалось, что ресницы были единственной мягкой вещью на его лице — больше не были.

Усталость не уничтожила, а лишь смягчила его красоту, сгладила острые углы, тронула изгибом губы, опустила уголки глаз. Лишь руки на его груди были стиснуты в странном жесте — отчаянного, яростного покаяния.

Она вспомнила ночь, проведённую в его спальне в подземе, когда он так и не сомкнул глаз, лёжа рядом с ней и глядя в потолок. Он думал о Гарри, тень которого лежала между ними, как легендарный меч из старых легенд о рыцарях Круглого стола. И сейчас Гарри тоже лежал между ними. И всегда будет лежать. Пока жив Драко, он будет его частью — до тех пор, пока не умрёт один из них, и тому, кто останется, придётся до конца жизни бороться с собой, чтобы не последовать за тем, кто ушёл.

Любя одного из них, ты будешь любить и другого, потеряешь одного — лишишься обоих.

Она потянулась и прикоснулась к нему, в тот же самый миг он протянул к ней руки и притянул к себе. И темнота скрыла их, обвившихся друг вокруг друга и вокруг призрака того, кого они оба любили. Обнявшись, как дети, они уснули.

Глава 13. Кодекс Поведения Семейства Малфоев.

Часть первая: Родные просторы

«Я счастлив был бы жить в своём отечестве, была бы на то воля Пелия», — сказал Язон. И голос его был подобен голосу лицемернейшего любовника, пытающегося смягчить жестокость прощальных слов. Отчуждённо и устало взирал он на сцену, где ему предстояло убивать, лгать, скитаться, разлучаться и, наконец, проститься с жизнью.

Роберто Калассо

— Хозяин, — взволнованно сообщил домашний эльф, — там в библиотеке кто-то есть.

Тадеуш Нотт зло зыркнул поверх очков, выглянув из-за газеты (деловые страницы Ежедневного Пророка, Новости Волшебного Рынка: палочки колеблются в цене, тогда как метлы растут).

— Что за бред! Там никого не может быть.

— Да, сэр, Бинки понимает, сэр. Но всё дело в том...

— В чём?

— ...что кто-то находится в библиотеке.

Раздражённо фыркнув, Нотт отшвырнул газету.

— Это кто-то из детей?

— Нет, сэр.

— Чёрт возьми, кто ещё там может быть? Гостей я не приглашал, Марта отдыхает на водах в Тимелпо, и единственная персона, которая может явиться без приглашения и миновать охрану, — это Тёмный Лорд... — он осёкся и на глазах побледнел. — Это ведь не Тёмный Лорд, правда?

— Нет-нет, сэр, Бинки не знает того, кто прибыл.

— Вот чёрт, пойду гляну, кого там нелёгкая принесла, — буркнул Нотт, поднимаясь на ноги. Поморщился — уже несколько дней у него ныла спина. Да, пожалуй, стоит больше двигаться, а то всё, чем он занимается в последнее время, — торчит в тёмной комнате с Фрэнсисом и остальными да плетёт интриги, не зная ни сна, ни отдыха. — А ну, отойди, вислоухий придурок, — рявкнул хозяин поместья и пинком отправил существо через всю комнату. Эльф приземлился у книжного шкафа.

«Чего-чего, а мастерства не пропёшь», — с удовлетворением подумал Нотт, чувствуя в библиотеку. В своё время он был одним из лучших слизеринских отбивал. Сам Том Риддл поздравлял его. Такое не забывается.

Если Имение Малфоев считалось старейшим и, возможно, грандиознейшим волшебным домом в Англии, то Поместье Нотвик выглядело отвратительно: наигнейшие темницы, зловещего вида сады, наи-

мрачнейшие коридоры без намёка на освещение. Дети вечно спотыкались о стулья и ходили с синяками на лодыжках, но Нотт категорически отказался как от ярких факелов, так и от Осветительных Заклинаний. Дедушке Нотта нравилась темнота. Как и ему самому.

Практически на ощупь, ведя рукой по неровной каменной стене, он поднялся на третий этаж. Дверь библиотеки была слегка приоткрыта, сквозь щель пробивался тусклый свет, падая на пол золотистой полоской.

Нотт замер и нахмурился. Не то, чтобы он не поверил Бинки, хотя... ну, да, — он не поверил, что эта психованная тварь сказала правду. Никто не мог взломать охрану Нотвика. Никто. Наверное, кто-то из детей озорничает. Он шагнул к двери и распахнул её.

Вопль возмущения застыл на губах, Нотт вытаращил глаза, недоумённо оглядываясь: библиотека была полна золотого сияния — цвета летнего предзакатного солнца, чуть-чуть отливающего багрянцем. Свет лился со стен, с потолка, из окон, лился в камин на прыгающий за решёткой огонь — и казалось, что поверх языков пламени кто-то положил тонкие листы сусального золота.

Посреди комнаты, опустив руки, стоял юноша в тёмной одежде и расстёгнутой мантии. Палочки у него не было. На какой-то краткий миг Нотт, которого язык не поворачивался назвать человеком с развитым воображением, подумал, не призрак ли во плоти стоит перед ним: одежда покроя полувекковой давности, поза, лёгкий наклон головы... Но лицо юноши было приветливым и открытым, а цвет волос напоминал пламя свечи. Незнакомец улыбнулся, увидев замершего в дверях Нотта.

— Тадеуш, ты не рад меня видеть?

— К-как... вам удалось проникнуть в мой дом? Если вы взломали систему защиты...

— Защита не может устоять перед своим создателем, — ответил юноша.

— Она создана Тёмным Лордом Вольдемортом, — рявкнул Нотт, — и я нахожусь под его покровительством.

— Вольдемонт, — размышляя о чём-то, повторил юноша, — помнится, мне не очень нравилось это имя. Кажется, это Люциус уговорил меня взять его. Он всегда тяготел к барокко, как ни прискорбно.

— Я не понимаю, — дрогнув, пробормотал Нотт. Это было не так — он уже догадывался, хотя сама мысль казалась ему настолько невероятной и чудовищной, что разум отказывался её принимать. Нотт влетел в комнату, и дверь с грохотом захлопнулась за ним. Он мог бы поклясться, что юноша указал на неё левой рукой. — Заткнись! — взревел Нотт. — И не смей соваться в то, в чём не смыслишь, негодяй! Хочешь рискнуть и навлечь на себя гнев Тёмного Лорда?

— Тёмного Лорда, которого ты предал? Которого отверг и кинул черни? Ты бы скорее принял жалкую подачку из рук врага, нежели сложил свою голову, как положено верному слуге...

— А ты кто такой, чтобы попрекать меня? — заорал Нотт, забыв, что повысил голос на ребёнка, которого видел первый раз в жизни. Сейчас перед его глазами стояло лицо Волдеморта — того, кому он клялся в верности и покорности и кого предал. — Это дело моего хозяина! И он меня простил!

— Да ну? — откликнулся юноша. В его голубых глазах отразился золотой свет, заливающий комнату, на лице появилось выражение ленивого задора, и левая рука вскинулась навстречу Нотту, описав в воздухе полукруг, в тот же миг обратившийся вращающимся серебристым диском. Острый, как бритва, он в мгновение ока пересёк комнату и вонзился Нотту в горло, отделив голову от шеи чисто и быстро, словно они были из пергамента. Смерть наступила мгновенно.

Том, приподняв светлую бровь, с любопытством смотрел, как обезглавленное тело рухнуло на абиссинский ковёр. Окровавленная голова перекатилась через комнату и замерла у его ног.

С кошачьей грацией присев на корточки, Том изумлённо взглянул в мёртвое лицо Тадеуша Нотта.

— Что ж, хозяин, возможно, тебя и простил. Но я — нет.

Он протянул руку и кончиками пальцев закрыл взирающие на него мёртвые чёрные глаза. Удовлетворённая улыбка коснулась губ юноши. Поднявшись, он обвёл глазами пустую библиотеку и констатировал:

— Первый.

* * *

Рисенн закончила своё повествование. Рон резко поднялся и, оттолкнув от себя её руки и плащ, отошёл к кромке крыши.

Ему показалось, что он стоит на краю земли. Небо не было тёмным — нет, оно было холодным, прозрачно-синим, как вода на океанском дне, на пятимильной глубине. Угольно-чёрные лохмотья облаков касались горных вершин, откуда-то снизу доносился шум разбивающегося о камни потока: река? Водопад?

Сзади послышался шорох: Рисенн встала и подошла к нему. Рон развернулся и взглянул на неё: она оказалась куда ниже, чем он думал; ветер швырнул волосы ей в лицо, скрыв его. Они напоминали волосы Гарри — такие чёрные, что казались ненастоящими, словно каждую прядь обмакнули в чернила. Создавалось ощущение, что, коснись их пальцами, непременно испачкаешься.

Гарри, — подумал Рон, и боль от этой мысли была чистой и острой, как битое стекло.

— Моя сказочка расстроила тебя? — спросила Рисенн, откидывая волосы со своего бледного узкого лица. — Прости, если так. Это не было моей целью.

— Нет, — возразил Рон. — Нет. Дело не в тебе.

Ненависть, родившаяся из любви, является самой крепкой и прочной, — подумал он, тут же осознав, насколько близко подошёл к тому, чтобы возненавидеть и

Гарри, и Гермиону, проклясть их за все совершенные ими ошибки и вообще — за все их недостатки.

— Я просто подумал, что я — Прорицатель. Змея сказала, я могу увидеть конец света, если захочу. Почему же тогда я не вижу того, как должен поступить? Не знаю, что мне делать. Я бы хотел походить на Малфоя: куда проще, если в твоей жизни имеет значение только какая-нибудь одна вещь.

— Никто не является настолько простым, чтобы для него имело значение только что-то одно. Но тебе, в общем-то, выбирать особо не приходится: в конце концов, ты всего лишь пленник.

— Выбор есть всегда, — возразил Рон, — я мог бы сию секунду прыгнуть с крыши, и тебе не удалось бы меня остановить. Разбился бы в лепёшку о камни. Боюсь, тогда я вряд ли был бы полезен Вольдеморту.

— И что — это именно то, что тебе хочется сделать? — Рисенн смотрела на него сияющими серыми глазами. — Наложить на себя руки?

Рон вздрогнул и потуже завернулся в мантию.

— Нет. Я хочу жить. Вот такой вот я плохой.

— Не думаю, что ты плохой, — покачала головой Рисенн. — Но я не очень-то разбираюсь в людях: я имела дело только с Малфоями.

— Если только у тебя язык повернётся назвать их людьми, — фыркнул Рон, по-прежнему сжимая воротник. Булавка, подаренная Гермионой-которая-Гермионой-не-являлась, с замысловатым рисунком и поблёскивающим драгоценным камешком, впечаталась в руку. Рон отстегнул её и положил на ладонь.

Ты дважды отмечен мной, — заявил Вольдемонт, — моим знаком.

Ведь на самом деле она никогда его не любила. Рон размахнулся и со всей силы швырнул украшение в расстилавшуюся под ним темноту. Оно полетело вниз, разбрасывая серебряные искры. Рон проводил его взглядом. Ветер подхватил его плащ и, сдёрнув с плеч, унёс в бездну.

— Ну вот, ты и лишился последней защиты, — заметила Рисенн. Не знай он её лучше, то решил бы, что в голосе демона прозвучала грусть.

— Нет, — решительно расправил плечи Рон. — Не последней.

* * *

Мы прерываем передачу «Доброе утро!» для экстренного сообщения от Ежедневного пророка. Магическое сообщение повергнуто в шок неожиданным нападением на волшебный дом в Девоне, произошедшим накануне вечером. К настоящему моменту подтверждена информация о гибели одного человека. Причиной смерти, как говорят, стало отнюдь не Убийственное проклятье, однако, по утверждению компетентных источников, на стене было обнаружено послание, написанное кровью.

Гермиона вяло потянулась и нащупала регулятор громкости на волшебном радио-будильнике рядом с кроватью и уронила его на пол. Тот хрюкнул, лязгнув антенной и затих. Свесившись с кровати, она взглянула вниз.

— Ну, вот, — буркнула Гермиона себе под нос, — ей-Богу, что за способ просыпаться... Словно у нас мало было...

Она осеклась и вытаращила глаза.

Мы. Ну, конечно: она же спала на кровати не одна. Прикусив губу, Гермиона вспомнила минувшую ночь: как провалилась в сон, чувствуя сомкнувшиеся вокруг неё руки Драко, обхватив его руками и ногами. Кажется, ночью они всё-таки расцепились — она не помнила. Спала, как убитая.

Откинувшись на подушку, Гермиона кашлянула:

— Драко, а ты... — девушка повернулась, и слова застыли на её губах: похоже, она ошиблась. Гермиона лежала в кровати одна, ровные простыни и смятая в

изголовье подушка — вот и всё, указывающее на то, что Драко спал рядом.

Её захлестнуло странное чувство, но она тут же прогнала его, попробовав убедить себя, что он просто ушёл в душ. В конце концов, в последнее время он мучался от бессонницы. Спрыгнув с кровати, Гермиона босиком прошла в гостиную.

Пусто. Битое стекло поблёскивало в камине, вмятина на стене — там, куда вчера попал брошенный ею подсвечник. Куртка Драко валялась на полу, но ботинок не было. Почувствовав, как кровь ударила ей в лицо, Гермиона поспешила к ванной, задержавшись лишь на миг — для того, чтобы подхватить с пола фляжку с противоядием, с прошлого вечера валяющуюся под диваном. Она прижала её к груди, как любимую игрушку, потом сунула в карман халата и метнулась к ванной.

Она тоже пустовала, хотя переброшенное через перекладину сырое полотенце указывало на то, что он и, правда, принимал душ — утром или же ночью. Вторая спальня, кухня — его не было нигде.

Гермиона подбежала к балконной двери, распахнула её — сердце отчаянно забилося в груди.

И на балконе никогошеньки не было, ледяной ветер заставил её задрожать и засунуть руки в карманы. Подобравшись к перилам, она взглянула на расстилающуюся внизу Диагон-аллею и разбегающиеся от неё улочки, кажущиеся залитыми сталью из-за покрывавшего их грязного, серого снега. Прохожие, колдуны и ведьмы, закутанные в чёрные зимние плащи, с поднятыми капюшонами, шмыгали туда-сюда по тротуару. Он мог оказаться любым из них. Гермиона стиснула фляжку в своём кармане.

* * *

*A la claire fontaine
M'en allant promener
J'ai trouvé l'eau si belle
Que je m'y suis baigné*

*Sous les feuilles d'un chêne
Je me suis fait sécher
Sur la plus haute branche
Un rossignol chantait*

*Il y a longtemps que je t'aime
Jamais je ne t'oublierai
Il y a longtemps que je t'aime
Jamais je ne t'oublierai*

*В прекрасном фонтане под дубом огромным
Журчали прозрачные струи.
И я в нём плескалась, и я в нём купалась,
И ветер ласкал моё тело.*

*Вверху на ветвях соловей заливался,
Он пел о любви и о счастье.
Как долго, как долго тебя я любила,
Тебя никогда не забуду.*

*Как долго, как долго тебя я любила,
Тебя ни за что не забуду.*

Когда он открыл глаза, она испуганно прекратила петь. Он проспал так долго, что она успела позабыть, что сидела и ждала его пробуждения. Но вот он вздохнул, завопил, и, умолкнув, она склонилась над ним; её длинные волосы коснулись его руки:

— Гарри?..

Зелёные глаза, обрамлённые чёрными ресницами, скользнули к ней. Чёрные взмокшие волосы налипли на лоб. Он так потел, что пришлось четырежды менять пижаму, и та, в которой он лежал сейчас, была ему ужасно велика.

— Гермиона? — шурясь, спросил Гарри сиплым со сна голосом. — Это ты?

— Нет, — она потянулась за стаканом воды на століке рядом. — Это не Гермиона.

— Я искал тебя на пляже, но найти не смог... — прошептал он, глядя словно сквозь неё. — Я хотел сказать тебе, что искал его...

Она замерла со стаканом в руке:

— Кого ты искал?

— Рона, — нетерпеливо ответил он, словно это было чем-то само собой разумеющимся. — Я потерял его, но снова его найду...

Она поднесла стакан к его губам.

— Выпей, пожалуйста, — но он раздражённо дёрнул головой, отворачиваясь, и вода выплеснулась на подбородок и мокрую от пота пижаму. Рука потянулась к горлу, и пальцы сомкнулись в воздухе, словно пытаясь что-то найти, нашарить.

— Твоё Эпициклическое заклятие пропало, — заметила она. — Ты что — потерял его?

Он сердито тряхнул головой:

— Я же оставил его тебе, — прошептал юноша, — вместе с письмами. Ты ведь получила мои письма, да? Я просил тебя присматривать за Малфоем. Его дела не очень-то...

Гарри попытался сесть, но она упёрлась ему в грудь и толкнула обратно на подушки. Он был слаб, как котёнок.

— Твои дела тоже так себе, малыш, — возразила она. — Это ты болен, а не Драко. И это тебе нужен отдых.

Гарри уткнулся в подушку и закрыл глаза. Он лежал, прижав к груди левую руку и сжимая её правой, словно та была поранена. Хотя, как она ни смотрела, не увидела ни царапины. Дыхание постепенно замедлялось, он прошептал имя...

Интересно, — подумала она, — а что ему снится?..

* * *

Гермиона на кухне готовила новую порцию противоядия (добавить настойку кровяного корня, порошок мандрагоры, отвар полыни, белладонну), когда хлопнула входная дверь, и щёлкнул замок. Она отбросила пестик, которым собиралась растирать мандрагору, и выскочила из кухни.

Драко стоял у дверей, расстёгивая плащ. Капюшон откинут, и хлопья снега припорошили волосы. Она едва не сбила его с ног, здорово испугав своим порывом.

— Я думала, что-то случилось...

Его руки взлетели вверх, он обнял её — так крепко, что она сморщилась от боли, когда пряжки его мантии впечатались в тело сквозь рубашку. Внезапно, словно что-то вспомнив, он оттолкнул её.

— Осторожней, я весь в золе.

Опустив глаза, Гермиона увидела, что вся её пижама теперь украшена серыми разводами.

— Вижу, — облегчение начало уступать место раздражению, — где ты был? Разве не мог сказать, куда уходишь?..

— Ты спала, я не хотел тебя будить, — непринуждённо ответил Драко, расстёгивая последнюю пряжку и перекидывая плащ через спинку ближайшего кресла. Серое облачко золы взвилось в воздух, заставив Гермиону закашлять. — Прости, — закончил он. На его лице виднелись полосы копоти, а то, что она приняла за снег на волосах, на самом деле оказалось золой. — Если ты не забыла, мы с тобой легли спать довольно поздно.

Это «мы с тобой легли спать» застало Гермиону врасплох, она почувствовала, что краснеет. Заметив её смущение, Драко слегка улыбнулся.

— Я помню, — сдавлено откликнулась она. — Но ведь это не значит, что ты должен куда-то бегать без меня. Я думала, мы всем занимаемся вместе.

— Мы и так много чего делаем вместе, — заметил Драко, стаскивая свитер. Кинув его поверх плаща, он занялся пуговицами на рубашке. — Как-то так всё время получается.

— Куда ты ходил, Драко? — спросила Гермиона.

— В Каминный узел, — он снял рубашку, оставшись в футболке. Вокруг воротника была зола.

— Ты искал Гарри?

— Нет, цацки для каминов. Конечно, Гарри.

— Без меня?

— Я должен ответить или это риторический вопрос?

— Если ты снова так поступишь, я...

— И что ты? — он плюхнулся в кресло, перепачкав красную кожу сиденья золой, и начал развязывать шнурки драконоустойчивых ботинок. — То есть после того, как я провёл бодрое утро в поисках твоего потрёпанного приятеля, и тролли-охранники швыряли меня из камина в камин, ты подбочишься и будешь взирать на меня так, словно я пнул твоего кота ковальным ботинком? О, нет — ТЫ УЖЕ ЭТО ДЕЛАЕШЬ!

— Ты закончил? — Гермиона смерила его сердитым взглядом.

— Ничего подобного, — ответный взгляд Драко был не менее сердит. — Напротив, я только-только начал. Думаю, стоит заняться этим всерьёз. Рыдание для Британии, — он сдёрнул левый ботинок и кинул его на пол. — Я хочу кофе.

— Только после того, как примешь противоядие, — машинально откликнулась Гермиона.

— Да пошло оно! — выразительно ответил Драко. — Пошло оно куда подальше!

— Да, пожалуй, тебе, и правда, нужен кофе, — а то ты уже начинаешь нести какую-то чушь.

Драко снял второй ботинок и с силой швырнул его об пол.

— Ничего подобного, всё ещё впереди.

— Мне так не кажется. Кстати, я даже не рассчитываю на то, что ты расскажешь мне, почему тролли-охранники кинули тебя в камин в Каминном узле? Хотя, с учётом твоего настроения, я их прекрасно понимаю.

Драко раздражённо взглянул на неё и потёр глаза тыльной стороной руки. Пожалуй, последнее было излишним: всё, чего он добился, — только ещё больше развёз золу по лбу и скулам.

— Потому что я хотел заставить клерка-регистратора проверить все записи вчерашних перемещений. Ты же знаешь, что все, проходящие через Каминный узел, регистрируются. Так что я решил, что, коль Гарри вчера отправился куда-то, у них это должно быть записано...

— Вот только на записи он тебе взглянуть не дал, — догадалась Гермиона.

— Да у него их даже нет! Я разнёс его стол, так что точно это знаю. Он сказал, что каждый вечер сдаёт их начальнику. Может, конечно, он и соврал — только какая теперь разница? У него их нет, я пытался их добыть — но бесполезно, всё: точка. Понятно?

— Так, — Гермиона скрестила на груди руки, — поэтому-то ты меня с собой и не взял.

— Точно. Хуже неудачи может быть только публичная неудача.

Покосившись на Драко, Гермиона увидела, насколько тот устал. И ещё — он был непривычно грязен: тёмные полосы на светлых волосах, коготь на ресницах. Он с горьким вызовом встретил её взгляд, словно спрашивая, посмеет ли она сказать что-нибудь ещё.

— Погоди-ка... — она метнулась на кухню, где рядом с весело булькающим на огне горшком лежала её палочка. Погасив огонь, она произнесла несколько простых заклинаний и вернулась в гостиную, неся в руке кружку горячего кофе.

— Держи, — она протянула кружку Драко.

Он принял её с настороженным удивлением.

— Я думал, ты говорила, что...

— Я знаю, что я говорила, — Гермиона присела на подлокотник его кресла. Кажется, он не собирался возражать... Она чуть расслабилась. — Драко, ты должен перестать воспринимать это как нечто, что ты можешь сделать в одиночку, своими собственными руками.

Драко взглянул на неё поверх своей кружки. Кофе был обжигающе горяч и дымился, скрывая от неё выражение его глаз.

— Перестать воспринимать это как то, что я могу сделать в одиночку? — негромко переспросил он. — Ты о чём? О воцарении мира на земле? Или о поисках глобо интеллектуального хаффлаффца? А, наверное, про борьбу за права домовых эльфов? Хотя о каких правах может идти речь, если на Рождество один из этих маленьких поганцев прожёт дыру в моём любимом смокинге? Размером с...

— Я имела в виду Гарри, — перебила Гермиона. — О его уходе. Не ты его прогнал и не ты обязан вернуть...

— Не припомню, чтобы я говорил нечто подобное, — отхлебнув кофе, Драко окинул её прохладным взглядом.

— Я знаю, что просила тебя присмотреть за ним, но я не думала...

— Ты спала, — перебил её Драко, — и я просто не хотел тебя будить.

— Записи в Каминном узле не хранятся, каждая смена отправляет их в Транспортный Отдел Министерства, — пояснила Гермиона. — Я бы сказала, если бы ты меня спросил...

— Откуда ты... — глаза Драко удивлённо распахнулись.

— После пятого курса я была в Министерстве на практике, — в голосе Гермионы зазвучала нотка самодовольства. — Это смешная история: я работала с Перси, и он тогда постоянно...

— Неужто занимался своими делами, одетый только в свитер и нитку жемчуга?

— Нет, — отрезала Гермиона.

— Тогда твоё понятие «смешная история о Перси Уизли» не соответствует моему.

— Я говорю про записи. Они — в Министерстве. Спроси ты меня об этом утром, я бы всё рассказала и избавила от бесполезной прогулки. Конечно, если ты не собираешься превращать происходящее в персональные увлекательные гонки. Всё не так: Драко, ты не единственный, кому дорог Гарри, и не единственный, кто мечтает найти его. Если б я думала, что в одиночку ты справишься с этим делом лучше, будь уверен, — позволила бы сделать всё одному.

— Ну, конечно, — в голосе Драко послышался лёгкий сарказм. — Уж кто-то, а ты в любой момент готова поступиться своими собственными интересами ради общего дела, — Драко всегда удавалось делать так, чтобы подобные фразы звучали на редкость оскорбительно.

— Мальчишки, — фыркнула Гермиона, сверкнув глазами. — Вы не можете не вывернуть всё наизнанку, чтобы превратить происходящее в эпическую сагу со скитаниями и приключениями; а ты...

Драко снова вернулся к своей чашке с кофе.

— Гермиона, мы занимаемся поисками Мальчика-Который-Выжил, а не пропавшего почтового перевода. Эти поиски...

— ...а ты такой же, как Гарри.

То, что последовало за этими словами напугало даже её: он подавился, закашлял, стараясь не плевать (судя по всему, в Кодексе Поведения Семейства Малфоев «не плевать» тоже было указано).

— Очень творческий подход: Гарри сбегает, я охочусь за ним, и это делает меня таким же. Что будет дальше? Из-за того, что я левша, я стану таким же, как Баварский Толстяк Одрик Психованный? Ведь он тоже был леворукийм.

— Правда? — заинтересованно протянула Гермиона.

— Я не об этом, — застонал Драко.

— И всё же наступит день, когда, оглянувшись назад, ты поймёшь, как я была права.

— Нет, однажды наступит день, когда я, оглянувшись назад, врежусь в дерево из-за того, что не смотрел на дорогу. Думаю, при всём при том, тот день всё равно будет куда лучше этого.

— Ну и, пожалуйста. Сам виноват.

— Ты что — подмешала противоядие мне в кофе? У него отвратительный вкус грязи.

— Наверное, дело в том, что ты наглотался золы. У тебя всё лицо в ней.

Покосившись на Гермиону, Драко заметил:

— У тебя такой вид, словно ты вот-вот бросишься ко мне с мокрым платком. Я по глазам вижу.

— Ничего подобного, — соврала Гермиона.

— Ну, ладно. Только мне кажется, что это придаёт мне лихой и бравый вид. Как говорится, «вооружён и очень опасен». И ещё: «легкомысленный и ранимый».

Гермиона прекрасно знала, что в таком духе Драко может разглагольствовать о себе целый день.

— Да? Странно, а мне показалось, что твой вид вопит: «Пьяный домовый эльф».

— Хм... пожалуй, даже не ранимый, а чувствительный, — словно не слыша её, продолжил Драко. Он сделал ещё один большой глоток кофе. — Юный красавчик, опасный, притягательный... Ты ведь подмешала в кофе противоядие, да? Вкус просто кошмарный.

Склонившись, Гермиона в упор взглянула ему в глаза:

— Да, я налила противоядие в твой кофе. Потому что не хочу волочить тебя, бессознательного, из Министерства, когда мы будем красть оттуда транспортные записи.

Драко едва не выронил кружку.

— Что?!

— Что слышал.

Он возмущённо взглянул на неё огромными серыми глазами.

— Не могла бы ты впредь воздерживаться от подобных заявлений, когда у меня в руках кружка с кипятком? Вырони я её на колени, и всё — не миновать нам национальной трагедии.

— Дай-ка сюда, — Гермиона приняла кружку из его рук, поставила её на стол и нетерпеливо воззрилась на Драко. — Я не шучу.

— Я понял, — он протянул ей руку, она взяла и прижалась к ней щекой. Его ладонь, покрытая копотью, пахла золой, потом и усталостью. Она представила его в Каминном узле, устраивающего сцену, роющегося в столе, ищущего отчёты, ищущего хоть что-нибудь... знающего, что Гарри совсем недавно — всего несколько часов назад — был здесь... Она прекрасно понимала, почему он не взял её с собой, и дело было вовсе не в том, что она спала. Он просто не мог ругаться за свою реакцию, а мысль о собственной беззащитности — особенно перед ней — была ему невыносима. Она знала, что, глядя на неё, он каждый раз вспоминает о Гарри, и каждый раз это приносит ему боль, хотя он принимает её, как данность. И Драко иногда просто необходимо побыть одному — повернулся бы у неё язык обвинить его в этом?

Она нежно погладила руку юноши. Он не протестовал.

— Думаешь, это глупая затея?

— Думаю, это ужасно глупая затея, — ответил он. — Хотя, с другой стороны, когда подобное было для нас препятствием?

— Верно подмечено.

Он сжал её руку.

— Ну так, когда мы начинаем?

* * *

Вернувшись в комнату, которую Рон окрестил «шахматной», они застали Вольдеморта и Червехвоста.

Рон замер в дверях, переводя взгляд с Тёмного Лорда на маленького толстячка, когда-то бывшего его любимой крысой. Даже сейчас юноша с трудом осознавал, что Короста и этот человек — одно и то же существо. Рисенн застыла рядом.

— Доказательства, Червехвост, — неприятным тоном промурлыкал Тёмный Лорд. — Коль скоро ты решил убедить меня, что Люциус — предатель, будь любезен, предъяви мне хоть какие-нибудь доказательства. Я не могу полагаться только на твои слова. Подозреваю, что о чём — о чём, а о предательстве ты знаешь не понаслышке.

— Я *знаю* об этом, Хозяин, — упрямо и напряжённо повторил Червехвост. — Я по глазам вижу, когда человек врёт. Я знаю, что такое предательство. Позвольте использовать моё знание предательства, чтобы доказать вам...

— Я *научен ненавидеть изменников, и нет болезни, на которую мне наплевать больше, чем на предательство*... — произнёс Вольдеморт и тихо рассмеялся. — Твоё душевное волнение весьма впечатляюще и заслуживает всяческих похвал. Даже если это так, твои предположения непременно должны быть подкреплены. Я бы побеседовал с Люциусом.

— Мне вызвать его, господин?

— Нет, не спеши, — ответил Вольдеморт. Он поднял левую руку, и Рона качнуло вперёд, ноги зашагали сами, помимо воли. Полусопротивляясь-полуудивляясь, он подошёл к Тёмному Лорду. Тот никогда настолько явно не вторгался в его разум...

— Ты подслушивал, мальчик? — будь у Вольдеморта брови, они бы сейчас вопросительно приподнялись.

— Рон. Меня зовут Рон.

— Не самое благозвучное имя, правда? — тонкие бескровные губы разъехались в улыбке. — А что случилось с твоим плащом и застёжкой, мальчик? И одежда вся порвана и испачкана...

Рон взглянул на себя. Его вещи были перепачканы грязью на крыше и измяты — многие ночи ему приходилось спать на полу. Он был больше, чем уверен, что от него воняет.

— Порыв ветра. Сорвал плащ и застёжку.

Вольдеморт хмыкнул.

— Какому-то бедолаге повезёт на свой страх и риск отыскать твою застёжку, — похоже, идея развеселила Лорда. — Кстати, с твоей стороны неуважение появляться передо мной в таком виде.

— Мне очень жаль, — ответил Рон. — Если бы я знал заранее, чтобы вы собираетесь похитить и попытать меня, я бы принарядился по такому случаю.

Червехвост негромко пискнул. Вольдеморт перевёл глаза на стоящую в дверях Рисенн.

— Проводи мальчика в комнату для гостей. Подбери ему что-нибудь из одежды. И организуй ему ванну, — Вольдеморт смерил пленника презрительным взглядом. — От него воняет.

— Я так и знал, — буркнул Рон.

* * *

Ответного письма Перси пришлось ждать куда дольше, чем надеялась Гермиона. Спустя два дня после отправки первой совы она получила короткий ответ: «Нет. Слишком опасно», швырнула письмо в огонь и написала ещё одно — умоляющее. Она напомнила о Роне и серьёзной опасности, в которой он находится, о Гарри, отправившемся на поиски друга, и, наконец, о том, что их обоим надо во что бы то ни стало защитить. Запечатав письмо воском, Гермиона отправила его с очередной гостиничной совой.

Она решила не рассказывать Драко про письмо Перси: несмотря на шаткий мир, установившийся между ними с момента возвращения из Каминного узла, Драко был странным — слишком переменчивым.

Временами он был с ней очень мил — настолько специфически, что это даже пугало её: то он брал её

под руку на улице, то она ловила его взгляд — такой, словно Драко надеялся увидеть сквозь неё что-то ещё... он был по-прежнему вздорным, кричал и огрызался, говорил гадости и пытался выйти из-под контроля. С каждым разом их ссоры становились всё продолжительнее и продолжительнее.

На третий день они отправились из отеля в Гринготтс, чтобы выяснить у гоблинов, не посещал ли Гарри свою ячейку в хранилище в течение последней недели. По дороге к управляющему, сопровождающий их гоблин, заведующий сейфом Драко с той поры, как последнему исполнилось семь, отказался сообщить им какую-либо информацию о Гарри. В ответ Драко с такой силой приложил его об стену, что бедняга едва остался жив. Гоблин задыхался и хрипел, синяя на глазах, Гермиона даже испытала некое подобие радости, когда прибежавшие тролли-охранники выкинули их обоих на улицу Вернее, она радовалась только до того момента, как Драко со злости ударил кулаком по ближайшей стене, разбив в кровь костяшки пальцев, и ей пришлось волочить его через всю Диагон-аллею, не забывая следить, чтобы он не залил весь тротуар серебристой кровью.

В номере Драко смирно сидел на бортике ванной, пока она приводила в порядок его руку при помощи добытого из аптечки на стене Быстрозаживляющего пластыря и бинтов. Рубашка Малфоя была в крови, и Гермиона велела снять её вместе с мантией, и отправить всё в раковину, где они теперь плавали среди булькающей волшебной пены.

— Ты должен перестать вести себя так неосторожно, — заявила она, затягивая бинт так туго, что Драко сморщился. — Яд тормозит процесс заживления.

— Я не уверен, — ответил он, оглядывая её работу, — что можно назвать неосторожностью удар кулаком по стене.

— Ты предпочёл бы, чтобы я сказала «сознательный идиотизм»?

— Я бы предпочёл, чтобы ты, вообще, помолчала, — отрезал он и вышел вон, оставив её в ванной сжимать в руках аптечку. В зеркале напротив она видела своё отражение — большие тёмные глаза и бледное, как будто полупрозрачное лицо, туго заплетённые косы — у неё не было времени возиться со своими волосами... — и в тот же миг она с силой запустила аптечкой в зеркало. Отскочив, коробка упала в раковину, расплескав воду на зеркало.

Когда девушка вернулась в комнату, Драко стоял у окна, держась рукой за белую занавеску, скрывающую стену от потолка до пола. Сквозь неё Гермиона видела нечёткие очертания фигуры: знакомый наклон головы, длинные ноги, узкие плечи и бёдра, тонкую талию. Этот силуэт вполне подошёл бы и Гарри — даже волосы были похоже взъерошены. Но вот Драко откинул прочь занавеску и шагнул в комнату, снова став самим собой.

— Прости, — сказал он, — прости, я ничего не могу поделать. Старайся не обращать на меня внимания.

— То есть ты извиняешься, да? За что? За то, что вёл себя, как болван?

Он пожал плечами.

— Очевидно, да. Если честно, я даже в этом сейчас не уверен.

Она вздохнула.

— Ты же взбесишься, если я не буду обращать на тебя внимания. Ты ведь терпеть этого не можешь.

— Наверное, да, — откликнулся Драко. — Хотя, думаю, что лет в двенадцать научился различать положительное и отрицательное внимание, — он слегка улыбнулся, и слабый солнечный свет, сочащийся сквозь занавески, вспыхнул на концах его волос и подсветил кожу. Гермиона старалась не смотреть на узкую бледно-золотую полоску, сбегаящую от пупка и исчезающую под ремнём брюк. Его живот был ровным и плоским, и она увидела легкие очертания ребёнка, когда он пошевелился и поманил её к себе. Она не двинулась с места. На лице Драко мелькнуло раздражение.

— Я же сказал, что сожалею.

Гермиона пристально взглянула на него. Временами Драко напоминал девушку: в его жестокости была какая-то надломленная женственность, он пользовался своей внешностью, чтобы добиваться от людей того, что ему нужно; временами это даже выходило за границы флирта. Его странное обаяние не оставляло равнодушными и юношей: как-то одна из ослепительных улыбок Драко сбила с толку даже Рона, и тому потребовалось время, дабы вспомнить, что перед ним ненавистный Драко Малфой. А на пятом курсе, когда Гарри впервые нарядился в парадную мантию и она пыталась что-то сделать с его волосами, он буркнул, что ей не имеет смысла так стараться: всё равно будут смотреть не на него, а на Драко. Тогда эти слова её поразили, но Гарри нельзя было назвать слепым, скорее, просто не очень наблюдательным.

От воспоминания о Гарри снова накатила тоска, ей захотелось, чтобы он оказался рядом. И дело было не в Драко, а в ней самой. Драко — непостоянный, как ртуть, всегда балансировал на грани взрыва. И Гермиона нетерпеливо мечтала о Гарри, с его мягкостью и податливостью. Возможно, он сумел бы успокоить Драко, возможно — нет: у неё было подозрение, что вряд ли бы он придумал нечто лучше того, что сейчас делала она, но вместе они обязательно справились бы с этим куда быстрее и проще, чем по одиночке.

— Смотри, ещё одна сова, — перебил её размышления Драко. — За окном. Как думаешь, это ответ от Уизли?

— Открой окно и увидишь, — она подошла к Драко, наблюдая, как он распаковывает створку и впускает сову внутрь. Та, и правда, принесла письмо от Перси и пыталась цапнуть Драко за палец до тех пор, пока Гермиона не попеняла ей и не отправила восвояси с кнатом.

— Чёртова сова-убийца! Наверное, Уизли надресировал её кидаться на всякого, у кого нет миллиона веснушек и волос цвета морковки! Ну, что там?

— Список министерских паролей, — ответила Гермиона, прижимая письмо к груди. — Господи, спасибо тебе, Перси!

Драко здорово удивился:

— А ну, дай-ка взглянуть, — он пробежал глазами по страничке и удивлённо присвистнул сквозь зубы. — Я что-то говорил про веснушки? Беру свои слова назад. Пароли, карта... Уизли — супер-парень. Огненноволосый бог любви.

Рассмеявшись, Гермиона забрала письмо и, тщательно сложив, спрятала в карман.

— Так, нам стоит немного поспать. Коль мы решили навестить Министерство сегодня ночью, в полночь надо быть на ногах.

— Точно. Я приду через минуту.

Теперь всё происходило по накатанному пути: прикрыв двери и переодевшись в ночную рубашку, Гермиона присела на кровать. Через несколько минут, босой и в пижаме, в спальню вошёл Драко, и они замерли, обнявшись. Теперь, после первой ночи, они больше не целовались и никогда не раздевались. Гермиона привыкла к спящему Драко — его лёгкому запаху пота и мыла и тихому сонному шёпоту. Ей никогда не приходило в голову, что такое, вообще, возможно: Гермиона никогда не представляла рядом с собой никого, кроме возлюбленного...

Он вошёл и лёг, она юркнула под одеяло и устроилась рядышком. Они дружно уставились в потолок. Драко, рассеяно накручивая на палец прядь её волос, спросил:

— Ты что, и правда, думаешь, что тебе удастся заснуть? Среди бела дня?

— После того, как ты закричал и разбудил меня вчера ночью, я больше не спала, — ответила она и положила руку ему на грудь. Сквозь тонкую ткань она могла чувствовать мерное биение его сердца прямо своей ладонью.

— Правда? — он повернулся к ней лицом и зарылся подбородком в копну её волос.

— Ты звал кое-кого.

— И кого же? — Гермиона почувствовала, как он напрягся.

Поколебавшись, она всё же ответила:

— Отца.

Повисла пауза, и, когда Драко заговорил, Гермиона почувствовала, насколько он ошарашен.

— Я звал *его*? Зачем?!

— Потому что это твой отец. И ты любишь его.

Он развернулся, и Гермиона уткнулась ему в шею.

— Мне так не кажется, — тихо и отрешённо возразил Драко, медленно проваливаясь в сон. — Я больше никого не люблю... может быть, даже тебя...

* * *

На третий день сновидения Гарри потеряли всякий смысл и превратились в путающиеся разрозненные картинки, среди которых были и воспоминания (бегущая по снегу к квиддичному полю Гермиона... Рон в натянутой по самые брови оранжевой шапке чинит с помощью чудо-ленты сломанную метлу... Драко что-то старательно пишет своим вороньим пером), и простые сны, и мечты, и кошмары.

Он видел труп Седрика Диггори, его родителей, прикованных к шестам в озере. Их волосы покачивались в воде, словно водоросли.

Потом Гарри снилось, что он привидение Имения. А вот он сидит на берегу, и волны накатывают на песок и уходят обратно, оставляя за собой мокрый след и перекатывая красное пластмассовое ведёрко. В следующем сновидении он лежал на странной кровати в странной комнате, полной цветов, а рядом в кресле сидит Флёр Делакур. На её лице удивлённое и растерянное выражение, а светлые волосы водопадом стекают на плечи.

— Ты проснулся, — Флёр улыбнулась и наклонилась к нему. — А я-то думала, что тебя может разбудить только землетрясение.

Гарри захлопал глазами.

— Я не проснулся... я сплю.

Флёр наклонилась пониже, коснулась его руки и побежала прохладными пальцами по чувствительной коже запястья. Гарри показалось, что сон принимает весьма специфическую окраску. Признаться, он однажды грезил Флёр, совсем в юном... ну, ладно, ладно, не совсем в юном возрасте — ему было шестнадцать, но в последнее время он, вероятнее всего...

— Ой! — вскрикнул Гарри, отдёргивая руку. — Ты меня ущипнула!

— Ну, я тебя убедила, что ты не спишь, верно? — в синих глазах девушки запылали весёлые искорки.

— Я... — Гарри испуганно огляделся. Он находился в спальне приятных светло-жёлтых тонов с небольшим кирпичным камином, в котором горел огонь. Цветы были повсюду: вазы с лилиями и гардениями, ноготками и маками, тюльпанами, астрами, флоксами стояли на всех столах, цветастые яркие занавески на окнах. А за ними расстился заснеженный ландшафт с одинокими заиндевевшими деревьями и далёкими горами.

— Э... наверное, мне стоит спросить «где я», — заметил Гарри, — но уж больно это глупо звучит.

— Ты в Болгарии, — Флёр пересела с кресла на краешек его кровати. — Это дом Виктора, а это, — она подёрнула Гарри за рукав пижамы, — его пижама.

— Виктора Крума?

— А что — ты знаешь ещё какого-нибудь Виктора?

— Нет, но всё равно — это всё как-то очень неожиданно. Я был в Каминном узле Лондона...

— ...и упал в обморок, а Виктор как раз возвращался с матча, когда увидел тебя. Ты был совсем плох, Гарри: ты весь горел и бредил... Он привёз тебя сюда... Знаешь, сколько ты уже здесь находишься?

Гарри отрицательно покачал головой.

— Три дня, — сообщила Флёр.

— Вот чёрт! — напугался Гарри. — Похоже, я и, правда, заболел.

— Именно так. Можешь сам подняться и идти?

Гарри призадумался. Он чувствовал себя измученным и опустошённым, но не больным: лихорадка сожгла что-то внутри, оставив ему лишь горсть белой золы. Тело ныло, а правая рука болела так, словно он порезался или здорово ушибся. Гарри взглянул на себя и был ошеломлён размером пижамы — настолько большой, что руки терялись где-то в рукавах.

Свесив ноги с кровати, он осторожно встал. Всё вокруг покачнулось, Гарри схватился за спинку, и почувствовал, что пижамные штаны поехали вниз. Он тут же вцепился в них.

— А я уже всё видела, — хихикнула Флёр. — Ведь должен же кто-то был тебя переодевать.

Гарри раздражённо охнул и, к своей огромной досаде, покраснел. Насколько ему было известно, ещё никто не видел его совершенно голым при таком хорошем освещении. Ну, ладно, если не брать в расчёт обитавшего одно время в его теле Драко, но Гарри не брал это в расчёт: уж слишком тогда всё было странным. — Ну, и где же Виктор?

— Наверное, он пишет, — откликнулась Флёр. — Это его загородный дом. Мы тут уже несколько месяцев: Виктор хотел найти местечко потише, чтобы закончить свою книгу. Мне здесь ужасно скучно, поэтому, как можешь заметить, я немного поэкспериментировала с цветочной магией, — небрежно махнув в сторону огромной вазы с тюльпанами, она позвонила в маленький колокольчик. — Виктор будет счастлив видеть, что ты в порядке. Он волновался, — она указала на чемодан в изножии кровати. — Все твои вещи там: одежда, рюкзачок, меч — всё, кроме *этого*, — она вытащила из кармана Кодекс поведения семейства Малфоев. — Я читала. Ужасно смешно. Ты знал, что Малфоям запрещено под страхом смерти носить зеленоватоголубое?

— Эй! — Гарри шагнул вперёд и едва не свалился, запутавшись в пижамных штанах. — Это *моё*! Отдай.

— Фи, неблагодарный! — воскликнула Флёр и кинула ему книгу. Решение нужно было принять незамедлительно, так что Гарри отпустил штаны и поймал книгу. Штаны упали на пол. На его счастье, под ними оказались трусы, хотя, к вящему ужасу, — трусы незнакомые, с рисунком из огромных переплетающихся букв D и S.

— Это ещё что за...

— Это мои дурмштрангские шорты, — раздалось от дверей. Бесшумно вошедший Виктор с улыбкой наблюдал за Гарри. — Они тебе очень к лицу.

— Виктор! — Гарри улыбнулся и, бросив книгу на кровать, поднял штаны. — Флёр рассказала, что ты сделал; честное слово, я очень...

Виктор замахал испачканной чернилами рукой. Судя по смущённому лицу, ему было очень неловко.

— Да всё в порядке... — он почти совсем не изменился — был всё так же броваст, высок и косяпа, хотя волосы сильно отросли и падали на плечи лохматой неопрятной гривой. На нём был растянутый потрёпанный чёрный свитер, тоже заляпанный чернилами, и поношенные тренировочные штаны. — Не беспокойся.

Флёр поднялась с кровати и, подойдя к Виктору, заключила его в объятия.

— Дорогой, ты такой скромный...

Гарри был удивлённо застыл. То есть, конечно, он уже догадывался, что именно Флёр может делать в доме Виктора, но, всё же, видеть это было немного странно.

Хотя, учитывая, что Виктор миновал период переживаний по поводу безответной любви к Гермионе, всё складывалось просто отлично. К тому же, у Флёр и Виктора было много общего: оба были богаты и знамениты. Правда, кроме этого Гарри не смог придумать,

что их ещё могло объединять, но пребывал в уверенности, что непременно существует *ещё что-то*.

— Я надеялся, что, возможно, ты согласишься мою последнюю главу, — голос Крума опять помрачнел. — По-моему, она ужасно скучная.

— Ты всегда об этом волнуешься и всегда — совершенно напрасно, — Флёр отпустила Виктора и взглянула на Гарри. — А как насчёт Гарри?

— О, он тоже мог бы почитать, — оживился Крум. — Свежий взгляд всегда полезен.

— Э... — только и смог вымолвить Гарри.

— Виктор, — раздражённо произнесла Флёр, — я тебе о том, что нам делать с Гарри? Коль скоро он очнулся, нам стоит обо всём его расспросить: насколько опасно его положение, от кого он бежал, где его друзья, как нам с ними связаться...

— Нет, — торопливо перебил Гарри, едва снова не лишившись чувств. — Пожалуйста, никому не сообщайте, где я. Особенно Драко и Гермионе. Ладно?

— Нам так не кажется, — покачал головой Виктор.

— Пообещайте мне, что не сделаете этого, — повторил Гарри. — Это важно. Пожалуйста!

— Я не... — начала Флёр.

— Хорошо, — согласился Виктор, метнув в подругу мрачный взгляд. — Чем мы ещё можем тебе помочь?

— Помогите мне добраться до вокзала или Каминного узла, и как можно скорее, пожалуйста, — взглянув на недоумённые выражения их лиц, Гарри прикусил губу. — Мне очень жаль, но это важно.

— Но куда ты собрался? — спросил совершенно сбитый с толку Крум. — Ты был в международном Каминном узле, похоже, ты планировал отправиться куда-то далеко?

— В Румынию, — ответил Гарри. — Мне жаль, но я не могу рассказать вам подробности.

Прикусив губу, он ждал. Гарри бы не удивился и не рассердился, если бы кто-нибудь из них дал ему в глаз. Он понимал, что вся эта таинственность раздражает, а они, должно быть, взволнованы и обеспокоены, что...

— Это связано с Тёмным Лордом? — наконец, прервал паузу Виктор. — Что — пришло время?

Гарри кивнул.

— Ладно, — решительно кивнул Крум. — Мы сделаем всё, что в наших силах. Одевайся и спускайся в холл, в мой кабинет. У меня там карты. Если тебе нужна именно Румыния, надо посмотреть, как куда можно добраться.

* * *

Уже второй раз в течение последнего года Сириус стоял на месте убийства и в некотором оцепенении размышлял, что в человеческом теле содержится удивительно много крови.

Тело Конрада Эйвери распласталось поперёк мраморного стола, словно смерть застала его в миг, когда он собрался написать письмо. Везде валялась бумага и опрокинутые пузырьки с чернилами, чернильные лужи подсыхали на ковре. Сириус понадеялся, что Эйвери умер до того, как его тело было расположено столь ужасающим образом: превращённая в лохмотья одежда приоткрывала грудь, руки и горло, словно изрезанные косой. Липкие лужи крови подсыхали на полу, ковре и под столом. Мёртвые глаза вылезли из орбит, а рот искривился в гримасе смертельного ужаса.

— Аластор был прав, — наконец заговорил Рем, разрушив неприятную тишину. — Действительно, выглядит, как заклятье *Vivisectus*. Я такое только в книжках видел.

Сириус принялся расхаживать по комнате.

— Это ведь третье за последнюю неделю?

— Четвёртое.

— Знак Мрака?

— Нет. Я сомневаюсь, что это Тёмный Лорд, Сириус. Обычно его фирменным знаком было *Incendio*, если только он не ожидал ответа.

— Может, он ожидает ответа сейчас?

— И какой же может быть ответ? Кроме «бе-е-е»?

— А может, Эйвери предал его? Может, это было предупреждение его прихвостням?

Рем замотал головой.

— Нет, он бы собрал всех и устроил показательную пытку. Вольдеморт не любитель грязи. *Avada kedavra* — и все свободны.

— Ну, когда он был моложе, он относился к этому спокойней, — заметил Сириус, продолжая мерить комнату шагами. Ковёр сочно зачавкал под ногами, когда он подошёл к столу.

— Понятно, почему это проклятье содержится во всех исторических книгах, — утомлённо заметил Рем, откидывая со лба светлые волосы, — Ещё...

— А может, это был суицид? — мрачно усмехнулся Сириус, обходя вокруг стола. — Или домашний эльф убил его по всем правилам мистических романов?

— Обезглавленного домашнего эльфа Аластор обнаружил в подвале.

— А может, он так ужаснулся своему преступлению, что сам себе отрезал голову?

Рем закатил глаза. На его лице виднелись чернила — он потёр щеку рукой, испачканной Скоропишущим Пером. Сириус решил об этом не говорить.

— Сириус...

Но Блэк тарасился на стену у стола, позабыв о шутках: то, что с расстояния показалось ему простыми брызгами крови, внезапно превратилось в нечто вполне узнаваемое.

— Рем, поди сюда.

Сириус приблизился к стене, Люпин присоединился к нему. На ней, чуть выше каминной полки, виднелись витиевато выведенные засохшей и потемневшей кровью слова:

О, берегись: моя рука карает и на ослушника ложится тяжело.

— Аластор говорил про надпись на стене, но не сумел свести концы с концами.

— Аластор в жизни не читал маггловской литературы. А вот убийца, похоже, читал, — откликнулся Сириус. — Это Шекспир.

— Драматург?

— Да, он писал и маггловские пьесы. Я узнал цитату. Это *Ричард III*, — Сириус покачал головой. — Мне не кажется, что мы имеем дело с нормальным человеком.

— Это из-за цитаты?

— Нет. Потому что если он указал, что Эйвери нарушил его закон, значит, он думает, что он...

— Тёмный Лорд? — оторопело спросил Рем.

— Нет. Господь Бог.

* * *

Это была любовь с первого взгляда.

Кабинет Виктора оказался именно таким, о каком всегда мечтал Гарри. Во-первых, там царил беспорядок. Поверх шатких гор книг покачивались пергаменты, в выдвинутых ящиках стола валялись фантики от конфет, сложенные перья, бутылочки чернил с какими-то интересными надписями на болгарском, мятые листы квиддичных журналов. Пустые кофейные чашки и горы окурков перемежались с коробочками недоеденного болгарского йогурта.

Во-вторых, он был уютен. И там царил беспорядок. Стулья были завалены разноцветными подушками, в маленьком камине над огнём покачивался сияющий медный чайник. В комнате пахло дымком и незнакомыми специями. Через занавешенные окна Гарри увидел прекрасные подёрнутые синевой горы вдалеке. На небе дышали назревающим дождём огромные, тяжёлые облака.

Встав у окна, Гарри попробовал представить день, когда и у него будет подобный кабинет. Он начнет курить трубку, собирать старинные книги по квиддичу и писать мемуары.

«Как я спас мир, хотя на самом деле всё было совсем не так».

Гермиона помогла бы ему писать, Драко смеялся над привычкой курить, а Рон таскал журналы и проливал на них чай и кофе.

Конечно, если бы все дожили до этого времени.

— Гарри, — Виктор помахал рукой у Гарри перед носом, — ты меня слышишь?

— Да, — откликнулся Гарри. — Э... Румыния. Верно, это там, — он ткнул пальцем в карту, прямо в центр Румынии, и страна немедленно увеличилась, поползла к самым границам карты, демонстрируя волнующие детали. Горы, города, синие вены рек — они были наполнены жизнью. Глаза Гарри расширились от удивления. — Круто!

— А что, у магглов разве другие карты? — поинтересовался Виктор.

— Ага, — кивнул Гарри.

— А что делать, если вам вдруг понадобится более подробный план местности?

— О, магглы обычно таскают с собой целые связки карт одного и того же места, всех размеров и масштаба. У моего дяди было восемь или девять карт одной только Англии.

— Какое кошмарное неудобство, — заметила облокотившаяся на подоконник Флёр, не сводящая глаз с Гарри. — Эти магглы так глупы...

Гарри склонился над картой, на которой мелькали надписи «Вампиры», «Драконы», «Тёмная магия».

— Мне нужна такая карта.

— Можешь взять. Я обеспечу тебя всем, что может понадобиться — пищей, деньгами, убежищем, где ты можешь чувствовать себя в безопасности, пока...

— Я не могу остаться здесь, — запротестовал Гарри, — это небезопасно для вас.

— У меня есть тайная квартира, — пояснил Виктор. — В Праге, в волшебном городском центре. Я отправлю тебя туда...

— А что — разве Эйдан сейчас не там? — с любопытством спросила Флёр.

— Да, но он уедет, если я его попрошу. Я захвачу портключ и переправлю его, — ответил Виктор, скатывая карту в рулон, — а потом вернусь за тобой, Гарри. Если тебе что-то понадобится, можешь взять: книги, оружие...

— Оружие? — слабо откликнулся Гарри.

— Мечи, копья, топоры, булавы, самострелы, кинжалы, — я коллекционирую старинное маггловское оружие, — пояснил Виктор, невольно заставив Гарри представить картину «нападение на Вольдеморта с томагавком». — Бери всё, что понравится.

— У меня есть меч. Уже.

— Возможно, одним мечом не обойдёшься, — сдёрнув с вешалки красный плащ, Виктор вышел из кабинета.

* * *

— Кровь на воде, — меланхолично произнёс белокурый юноша.

Сидящий за столом Люциус взглянул на него. Том стоял на подоконнике огромного эркерного окна, выходящего на сады Министерства, Темзу и виднеющийся вдалеке купол собора Св. Павла. Тени в кабинете Люциуса становились всё длиннее, и на фоне тёмной зелени занавески руки Тома казались тонкими и белыми.

— Просто закат, — откликнулся Люциус. — Отойди от окна.

Том повернулся и опустил взгляд. Предзакатное солнце окрасилось золотом, позолотив его лицо и волосы. Сейчас он был одет в вещи Люциуса, которые тот сам носил всё это пятьдесят лет назад. Конечно, они выглядели старомодно, но волшебная мода менялась довольно медленно. Странно, но эта несовременная одежда придала Тому некий странный полуофициальный вид, особенно, высокие ботинки и изящные лацка-

ны пиджака под тяжёлым зимним плащом. Вещи, подобранные специально под ледяную гамму Люциуса, смотрелись странно и неуместно на Томе, контрастируя с его солнечными волосами и глубокими синими глазами.

— Мне тут нравится, — сообщил Том. — Я бы даже не стал отсюда спускаться.

— Не сомневаюсь. Но я должен кое-что тебе дать.

— Ну, так иди сюда.

Люциус послушно поднялся и подошёл к окну. Юноша с недоброй улыбкой следил за ним сверху. Волосы, по-прежнему золотые, уже начали едва заметно завиваться, как это было у самого Тома: у висков и на шее. Другими словами, даже несмотря на все различия, юноша становился всё больше и больше похож на молодого Тома Реддла, каким тот когда-то был. По спине Люциуса забегали мурашки.

Sic oculos, sic ille manus, sic ora ferebat.

— Мне отсюда всё видно, — Том легонько постучал по темнеющему стеклу. — Отсюда я могу взирать на мир.

— На самом деле, только на Лондон.

— Сегодня Лондон, завтра — весь мир, — Том рассмеялся, запрокинув голову.

— Я бы хотел, чтобы ты вёл себя поосторожнее, — заметил Люциус. Едва они вошли в кабинет, он наложил Звукопоглощающие Чары, поэтому был уверен в том, что их не подслушивают, и всё же присутствие Тома в кабинете не давало ему расслабиться.

— А с чего ты решил, что я неосторожен?

— С того, что вся твоя рубашка залита кровью.

Том опустил взгляд. Это соответствовало действительности: несмотря на чистые руки, манжеты белой рубашки оказались забрызганы кровью, словно он грёб по чернильной реке.

— И, правда...

— Что ж, — заметил Люциус, — убийство, вообще, не очень опрятное занятие.

Том легко спрыгнул с подоконника. Он был на несколько дюймов ниже Люциуса.

— Эти убийства в последнее время... Три трупа за три дня... я чувствую себя удивительно живым. Как потвоему, я похож на живого, Люциус?

Люциус взглянул на него: горящие лихорадочным румянцем щёки, светлые чуть вьющиеся волосы, жёсткая линия изящно очерченного рта.

— Я хотел тебе кое-что дать.

— Только что-то одно? — шёлковым голосом уточнил Том.

— Будь у меня ещё хоть что-нибудь ценное, я бы отдал тебе всё, но я хочу отдать тебе это, — Люциус протянул ладонь — на ней лежало кольцо, которое он когда-то дал сыну. Гриф с распростёртыми крыльями и печатью Малфоев на обороте. — Трижды поверни его на пальце, и оно приведёт тебя ко мне. Если я тебе надоблюсь...

— О, благодарю, Люциус, — Том принял кольцо. — Странствующий рыцарь — как всегда. Как и твой сын, если не ошибаюсь. Я правильно помню? — он недовольно сдвинул брови и взглянул на кольцо.

— Мой сын не помешает, — возразил Люциус, — Никому из нас.

Том, по-прежнему размышляя о чём-то, подошёл к столу и взял одно из пресс-папье Люциуса, небольшую стеклянную лягушку, тут же замахавшую в воздухе прозрачными ногами. — Ты какой-то озабоченный, Люциус. В чём дело?

— Дело в том, что, если ты убьёшь Френсиса Паркинсона, нам понадобится новый Министр.

— И что с того?

— Это весьма неудобно.

— Месть не считается с удобствами, Люциус, — Том стиснул лягушку в кулаке, и та издала стеклянный визг. Том улыбнулся, как мальчишка, играющий с котёнком. — Они все страшно пугаются, Люциус, — чуть прикрыв глаза и спрятав наполненный яростью и нена-

вистью взгляд, промурлыкал он, — в тот миг, когда осознают, кто я. Я чувствую, как их предсмертный ужас входит в меня. Это меня вдохновляет... питает, Люциус. Успокаивает боль моей души...

Малфой поднял взгляд. Он давно знал и видел разного Тома, однако на его памяти тот никогда не задумывался всерьёз о своей душе — вне зависимости от того, болела она у него или нет.

— Ты недоволен, мой Лорд?

Лягушка все ещё дрыгалась в руке юноши. Том швырнул её на ковер. На его лице застыло раздражение.

— Я чувствую это сердцем. Эту... горечь. Пусть это не моё, а его сердце и его эмоции, но я испытываю что-то вроде фантомных болей, какие бывают у тех, кто лишился руки или ноги, и всё равно временами, словно, чувствуют их. Пусть боль мифическая, но от этого она не становится менее реальной. Я думал, что уничтожу её, накормив, но сейчас всё куда хуже, чем было...

Люциус был ошеломлён.

— Мой Лорд, я, конечно, не уверен, но...

— Я не могу перестать думать о ней, Люциус, все мои мысли только о ней... Жест прохожего, шёпот, закат цвета её волос — всё напоминает о ней. Это как болезнь...

Люциус почувствовал, что его брови поднимаются всё выше и выше и вот-вот коснутся волос.

— Ты влюблён?

— Вот ещё! — отрезал Том, сразу превратившись в подростка. — Я вненавижен. Да, Люциус, именно так, — лицо его обрадованно просветлело, — и есть лишь одно средство, способное меня исцелить.

— Хочешь её убить?

— Ни в коем случае, — Том приподнял тяжёлые веки, и сияющие глаза наполнились синим ядом, — я не хочу её убить. Я хочу её сломать, — его губы дрогнули, — и знаю, как это сделать. Это будет просто...

* * *

— Ты уже третий день почти не выходишь из комнаты, — произнёс Чарли. Облокотившись на коленки, он сидел на заваленном подушками и мишками диване и разглядывал сестру. — Мама уже беспокоится. С тобой всё в порядке?

— Всё замечательно, — Джинни старалась сдерживать напряжение и нетерпение в голосе. Она причёсывалась за туалетным столиком. Сто раз с одной стороны, сто раз с другой — её определённо успокаивали эти монотонные движения. Не говоря уже о том, что волосам это было только на пользу: похожие на лист меди, они гладко стекали по спине. — Просто мне надо побыть в одиночестве, чтобы немного собраться с мыслями.

— Я понимаю, но всему же есть предел! Ты и вниз не всегда спускаешься, чтобы поесть: сидишь всё время взаперти и даже друзьям не пишешь...

— Я отправила сову профессору Снейпу, — буркнула Джинни. Это было сухой правдой: она отправила ему отросток *flora fortis*, что дал ей Бен, чтобы выяснить, существует ли шанс, что это компонент противоядия для Драко.

Ответная сова прилетела почти немедленно: «Благодарю вас, но это не то, что нам нужно».

После этого она залезла в кровать и пролежала там несколько часов кряду, натянув на голову одеяло.

— Я говорил о друзьях, а не о профессоре Снейпе, которого ты терпеть не можешь, — возразил Чарли. — Слушай, Джинни, ты не думай — я понимаю, почему в последнее время ты такая расстроенная: все мы...

— Ты о Роне?

— Ну, вы с ним всегда были близки, — в голосе Чарли появились какие-то детские нотки. — Ну, как я и Билл, Фред и Джордж... Ты и Рон...

— Перси и Эррол?..

— Перси всегда был сам по себе, — дипломатично откликнулся Чарли, но на губах его появилась улыбка.

— Чарли, я каждую ночь плачу из-за Рона, и ты об этом знаешь. Как и все мы.

— Да, я знаю. Просто... Слушай, Джинни, когда ты вернулась, я думал, ты поддержишь маму... Поможешь ей...

Джинни резко развернулась, всё ещё сжимая расчёску в руках.

— Я?! А почему именно я?! Как насчёт Фреда и Джорджа, которые постоянно торчат на кухне и отпускают глубокомысленные замечания? Потому что я — девушка? Так не честно, Чарли!

— Я такого не говорил, — пошёл на попятный Чарли, удивлённый её горячностью. — Может, ты поможешь как-нибудь по-другому?

— А можно мне поработать с профессором Люпином и Сириусом?

Чарли раздражённо вздохнул:

— Джинни, то, чем они занимаются, очень опасно. Знаешь, что они делали сегодня утром? Обследовали место убийства с Шизоглазом Хмури.

— Убийство? — захлопала глазами Джинни. — И кто был убит?

— Да так, ты не знаешь, — один из приспешников Вольдеморта по имени Эйвори. Наверное, Пожиратели Смерти поспорили и не сошлись во мнениях. Я не думаю, что это из тех вещей, которые ты? должна...

— Не волнуйся, Том, я могу о себе позаботиться.

Рука Чарли застыла в воздухе на полдороги к её плечу.

— Как-как ты меня назвала?

Джинни наблюдала в зеркале живописную картину: Чарли, застывший с широко распахнутыми синими глазами.

— Чарли. Я думала, я сказала «Чарли», — пискнула она.

Но прежде, чем он успел ответить, дверь распахнулась и в комнату заглянула рыжеволосая миссис Уизли. Увидев Чарли, она слегка улыбнулась.

— Джинни, лапочка, там внизу тебя ждут. Твой школьный друг.

Выронив расчёску, Джинни повернулась к матери.

— Это...

— Нет, это не Малфой, — быстро перебила миссис Уизли. — Это рыжеволосая девушка с каким-то странным именем. Словно бы мальчишеским.

— Блез. Блез Забини, — поняла Джинни.

— Точно, — кивнула миссис Уизли. — Это твоя подруга?

— Не совсем, — Джинни перевела взгляд на Чарли, столь же удивлённого, как и она сама. — Хотела бы я знать, что ей надо...

* * *

В оружейной Гарри, к удивлению Флёр, повёл себя, как самый обычный мальчишка. Это была одна из красивейших комнат в доме, с огромными окнами и видом на Чёрное море и заколдованным потолком, на котором по синевато-чёрному небу серебром вычерчивались траектории звёзд. Но Гарри не обратил на это ни малейшего внимания: он тут же прошёл к стенду с мечами и саблями и бережно провёл рукой вдоль поблёскивающих лезвий.

— Можно?

Присев на ручку красного кожаного дивана, Флёр утвердительно кивнула.

— Виктор же сказал, можешь брать всё, что нравится.

Гарри кивнул и, судя по всему, тут же забыл о её присутствии. Взяв один из мечей — с тонким узким лезвием и серебряной рукояткой — он начал внимательно его изучать.

Оружие нагоняло на Флёр тоску, и, устроившись поудобней, она погрузилась в последнюю главу, написанную Виктором. Как всегда: полно орфографических

ошибок. Она нахмурилась и призвала своё красное перо.

Минут через двадцать девушка оторвалась от рукописи и подняла взгляд. В комнате было не очень светло, и всё, что она увидела, — неясную тень Гарри и поблёскивающий в полумраке меч.

Отложив пергаменты, Флёр поднялась и подошла к нему. Заметив её, Гарри опустил меч.

— Ой, я просто дурачился.

Флёр рассеянно махнула правой рукой в сторону факелов, и комнату наполнил золотистый свет, в котором тут же начали танцевать пылинки. Гарри стоял, залитый золотым дождём, как Даная в золотом потоке.

— Просто дурачился? — улыбнулась Флёр. — Вот как? Ты меня весьма впечатлил...

— Впечатлил этим? — Гарри приподнял меч. Из закатанных рукавов свитера торчали его худые и тонкие руки. Слипшиеся волосы приклеились ко лбу и шее. — Нет, на самом деле, я не так хорош. Вот Драко — да.

— Я, кажется, видела сейчас именно тебя, разве не так?

Гарри слегка пожал плечами.

— Это он меня научил, поэтому я владею похожими приёмами. По правде говоря, у меня неплохо получается. Но насколько я лучше его в квиддиче, настолько он лучше меня в фехтовании, ведь Драко начал учиться владеть мечом, когда ему исполнилось восемь, а я — только в июне.

— В таком случае — мои поздравления, — сухо произнесла Флёр.

На миг ей показалось, что Гарри сейчас рассердится, но он только усмехнулся.

— Будем считать это авансом, — Гарри прислонил меч к стене и оглядел комнату. — Для игрока в квиддич у Виктора многовато оружия, — заметил он.

— Не так много, с учётом того, что он в движении сопротивления.... Ну же, Гарри, шевели мозгами. Ты ведь умный парень.

— Не такой уж и умный. Гермиона умнее.

— Скучаешь по ней... — констатировала Флёр.

Гарри промолчал и взял кинжал, висящий рядом с каминной полкой. К нему прилагались кожаные ножны с инициалами ВК.

— Хороший нож, — заметил он.

— Метательный, — Флёр протянула руку. — Дай-ка мне.

Гарри смотрел, как она вынула оружие из ножен и прицелилась в одну из круглых мишеней на дальней стене. Обычная мишень: большой синий круг, потом красный и маленький чёрный. Со слабым свистом нож вылетел из руки Флёр и, со всей силы воткнувшись в красный круг, завибрировал.

— Здорово! — Гарри был по-настоящему впечатлён. — Похоже, ты долго тренировалась.

— Если честно, нет. Виктор месяц назад просто показал мне, как это делается. В первый раз я едва не отрезала ему ухо. А потом... — она пожала плечами, — всё получилось.

— Думаю, у тебя просто есть сноровка.

— Нет, — перебила Флёр. — Ничего подобного. Всё дело в том, что я магид. Как и ты, Гарри, хотя, глядя на тебя, начинаешь в этом сомневаться.

— И почему же? Потому что меня выпихнули из школы Магидов? Я в этом не виноват.

Флёр недовольно фыркнула.

— Дурачок, я не об этом! — она щёлкнула пальцами, и нож рукояткой вперёд вернулся в её ладонь. — Как думаешь, почему ты научился так владеть мечом всего за несколько месяцев? Только лишь потому, что Драко оказался замечательным учителем?

Гарри ошеломлённо призадумался. Похоже, это приходило ему в голову.

— Ну, ладно, — поколебавшись, согласился он. — После того, как нас связало Многосущное зелье, я действительно чувствую и знаю то же, что он.

— Да, без этого не обошлось, — смягчилась Флёр. — Но конечно, причина этой связи кроется так же в том, что вы оба маги. Это — важная часть тебя, Гарри — таланты, которыми ты обладаешь.

— Да нет у меня никаких талантов! — отрезал Гарри. — За исключением квиддича и живучести. Последнее мне особенно удаётся.

Флёр протянула ему нож.

— Кинь.

Гарри взял и с недоумением взглянул на девушку.

— Я не знаю, как. Я просто выбью окно или что-то в том же духе...

— Ничего, для этого есть *Reparo*, — отрезала Флёр. — Гарри, честное слово, ты вообще знаешь, кто такие маги? Они — не просто талантливые и очень сильные волшебники, они — воины. Как думаешь, почему ты добился таких успехов в квиддиче? Скорость, стремительность, ловкость, ярость, стратегическое мышление делают тебя просто исключительным ловцом. Многие могут достичь тех же высот, что и Виктор, но для тебя это само собой разумеющееся. Так же естественно, как дышать, верно? И то же самое с мечом, едва ты взял его в руки. Ты рождён для борьбы, Гарри. А не для того, чтобы зарывать свои таланты в землю, заниматься самообразованием и носиться на метлах.

— Я люблю квиддич, — упрямо повторил Гарри, но во взгляде, обращённом на нож, появился блеск.

— Кинь его.

Гарри размахнулся и швырнул нож. Тот пролетел через комнату и воткнулся во внешнюю часть мишени, на границе между синим и красным.

— Чёрт, — буркнул Гарри и щёлкнул пальцами, как это делала Флёр. Нож вернулся ему в руку. — Я же сказал тебе, что не выйдешь.

— Просто ты сделал это неправильно, — строго заметила Флёр. — Ты вспомни, как в первый раз сел на метлу. Тебе было легко, верно?

— Ну, в тот момент я не думал ни о чём, кроме...

— Чего? — изогнула бровь Флёр.

— Малфоя, — ответил Гарри и не смог сдержать улыбки. Он снова размахнулся. — Я хотел скинуть Драко с метлы.

— С ним ведь всё хорошо, Гарри, да? — серьёзно спросила Флёр.

— А почему ты спрашиваешь? — поинтересовался Гарри, не поворачиваясь.

— Просто я не могу представить, чтобы он отпустил тебя к Тёмному Лорду одного. Как и Гермиона. Они слишком беспокоятся за тебя.

Нож вылетел из руки Гарри и попал в изящную лампу от Тиффани. Та рассыпалась разноцветным стеклянным дождём.

— Ну вот, я ведь тебе говорил, — удручённо пробормотал юноша.

— О, боже, любимая лампа Виктора!

Гарри снова щёлкнул пальцами, и нож послушно лёг ему в ладонь. В этот раз Гарри обращался с ним куда осторожней.

— Если ты не против, я не хотел бы сейчас говорить ни про Драко, ни про Гермиону.

— Я против. Я сидела рядом с тобой три дня, слушая, как ты бредишь во сне, — будь уверен, не ради твоих красивых глаз. Почему сейчас, когда они тебе так отчаянно нужны, их нет рядом? Даже представить не могу, что же такое ты сделал, чтобы прогнать друзей, они ведь надыхались на тебя не могли.

— А если они сами убежали? — предположил Гарри.

— Вот только не надо мне врать. Тем более так грубо.

Гарри вздохнул.

— Ну ладно... Может, тебе, и правда, стоит это узнать. Я просто не сказал им, куда отправился.

— Что ты сделал?!

Гарри предусмотрительно сделал шаг назад.

— Ты ведь не собираешься дать мне пощёчину? А то я помню, как ты вмазала Драко.

Флёр глубоко вздохнула.

— Нет, не собираюсь, хотя, наверное, стоило бы это сделать, — она покачала головой. — Дамблдор, должно быть, очень разочарован твоим поступком, Гарри.

Юноша изменился в лице: зелёные глаза ошеломлённо распахнулись, словно бы она ударила его.

— У меня не было выбора. Это — единственная возможность обезопасить их.

— Обезопасить? От чего? — решительно спросила Флёр и вскинула руку раньше, чем он попытался ответить. — Я знаю, что ты собрался сказать, Гарри. «Это единственный способ спасти их от Вольдеморта». А если не получится, если ты умрёшь? Кто тогда защитит их? Кто защитит всех нас?

У Гарри от удивления открылся рот, и она увидела ранку на нижней губе: он прокусил её, когда метался в горячке. Сейчас Гарри походил на маленького мальчика.

— Ну, — начал он, — Дамблдор мог бы...

— Альбус Дамблдор верит в тебя, Гарри, — возразила Флёр. — А вот в кого веришь ты? Неужели нет никого достойного? Или же ты настолько горд и высокомерен, что предпочитаешь одиночество?

— Это не высокомерие! — резко оборвал её Гарри, закипая. — Я... я не переживу, если с кем-то из них что-нибудь произойдёт. И тому, кто причинит им неприятности, не стоит ожидать от меня ничего хорошего!

— И ты не считаешь это эгоизмом? — поинтересовалась Флёр. — Ты же не о них заботишься, а о себе. Всё дело в твоей боязни стать слабым. Нет, Гарри, могу с уверенностью тебе заявить, что ты переживёшь смерть любого из них — ты выдержишь и не сломаешься, пока не сделаешь то, что должен: такова твоя природа и именно поэтому в тебя так верит Дамблдор. Ты дан нам не для того, чтобы спасти своих друзей и любимых, а чтобы спасти всех нас. И если, спасая всех, спасёшь и друзей, мы будем только рады — и ты не только сохранишь свою жизнь, но и не разобьёшь сердце. Ты ведь готов пожертвовать жизнью, так почему же ты не готов принести в жертву сердце?

— Что ты такое говоришь? — глаза Гарри вспыхнули. — Что — я должен позволить друзьям умереть за меня, позволить участвовать в этой бессмысленной гонке и битве, касающейся только меня?!

— Она не бессмысленная и касается не только тебя, — возразила Флёр. — И если они хотят пойти и умереть за тебя, то ты не вправе запретить им это. В этом и кроется причина того, что у тебя такие друзья. Именно из-за того ты их и выбрал — Рона, Гермиону и Драко — не только потому, что ты любишь их, но и потому, что они тебе необходимы. Так же, как и ты им.

Гарри смотрел на Флёр, и гнев выцвечал в его глазах.

— Я готов умереть. Я много думал об этом. Но я не готов, чтобы умерли они.

— Ты хочешь сказать, что был готов к смерти Седрика? Смерть приходит, и это совершенно не зависит от того, ожидаешь ты её или нет. Тебе ли этого не знать.

— Мне приснилось, что я умер. Этой ночью. Я стал привидением в Имении, и минуло уже десять лет со дня моей смерти. Всё случилось, как и должно было: я победил и умер, но зато все остались живы. Все, кроме меня. И... они забыли обо мне, словно меня никогда и не было, — он опустил взгляд к ножу в своей руке. — Может, я даже ещё больший эгоист, чем думаю, — и Гарри с размаху кинул нож в стену.

Просвистев через комнату, тот воткнулся в центр мишени и пробил её, расколов пополам. Обломки упали на пол, а нож, подрагивая, ушёл в стену по самой рукоятке.

— Только не надо мне говорить, что это — любимая стена Виктора.

Флёр хихикнула и махнула рукой в сторону мишени: кусочки поднялись в воздух и сами собой склеились, нож выскользнул из стены, и мишень вернулась на прежнее место.

— О, у тебя не только боевые способности, Гарри, — заметила она, и её тон впервые стал мягким, — ты можешь исцелить себя.

— Может, ты сама займёшься спасением мира, а? — криво усмехнулся Гарри.

— Ну уж нет, — возразила она, — мне очень жаль, но тебе придётся это сделать в одиночку.

— Да всё в порядке, — взгляд Гарри стал жёстким, и Флёр поймала себя на мысли, что прилагает усилия, чтобы не вздрогнуть. — По крайней мере, я знаю, что должен буду сделать потом.

Прежде, чем Флёр открыла рот, двойные двери распахнулись, и вошёл Виктор Крум — с красными от мороза ушами, но очень довольный. Флёр сразу почувствовала это: он хмурился куда меньше, чем обычно.

— Пойдём, Гарри. Пора.

* * *

Путь к запасному входу Министерства, который указал им Перси, лежал через сады; они обогнули здание, и пробирались мимо огромных цветущих не по сезону розовых кустов — высоких, почти заглядывающих в окна первого этажа. Шипы цеплялись за джинсы и свитер Гермионы, она тихо чертыхалась себе под нос, Драко, крепко держа за запястье, тянул её вперёд.

— Вот так выражения, милочка, — улыбнулся он.

— Драко, твоя куртка...

Он остановился: двухдюймовый шип распорол рукав его чёрного замшевого пальто.

— Чтоб тебя, — и он пробурчал себе под нос что-то прозвучавшее, как «долбаные колючки всех этих долбанных колокольчиков».

Гермиона захихикала.

Запасной ход представлял собой впечатляющие высокие чёрные двустворчатые двери между двумя резными мраморными колоннами. Розы обвивали колонны и дверь.

— Розы в январе, — заметила Гермиона. — Как-то слишком романтично для Министерства.

Драко, отряхивающий с плеч и волос розовые лепестки, скорчил рожу.

— От всей этой романтики у меня сейчас сердце из груди выпрыгнет. Как насчёт пароля?

— Угу, — она вытащила из кармана свёрнутый пергамент и хотела было передать его Драко, но вдруг передумала.

— Ну? — нетерпеливо поторопил он.

— Просто смотрю на тебя, — ответила девушка. Так и было: сейчас он выглядел куда более здоровым, чем всё последнее время. Холод разгрянул бледные щёки, зелёный свитер, выглядывающий из-под пальто, подсвечивал зелёным его глаза. — Не знаю, почему, но мне пришло в голову, что Гарри — что бы там он ни говорил — гордился бы нами.

Драко приподнял бровь.

— Гермиона... — растягивая букву «о», сказал он. — По-моему, мы уже договорились, что Гарри — идиот, а, следовательно, твоё замечание, которым, без сомнения, ты предполагала вселить в нас боевой дух, отнюдь не наполнило моё сердце уверенностью в непогрешимости нашего плана. Так что — топ-топ, пойду-ка я лучше отсюда, перескочу через ограду и скроюсь в ночи.

— Гарри не идиот, — возразила Гермиона.

Драко взвёл глаза к небесам.

— О Боже, — нараспев продекламировал он, — в чём провинился я, коль шлёшь мне в наказание ты этих гриффиндорцев? Чем заслужил судьбу такую я? Ну, то есть всё нормально: пусть я завидовал немного, страсти были, вот только секса что-то маловато — но чем же, чем же я так плох? Я вопрошаю...

— *Vera Prima Materia*, — оборвала бесконечный поток излияний и жалоб Гермиона. Двери распахнулись, и прислонившийся к ним Драко, вскрикнув, когда почва ушла из-под ног, ввалился в коридор. Засунув пергамент обратно в карман, Гермиона неторопливо вошла в Министерство, перешагнув через слизеринца, который, морщась, сидел на полу. — Я произнесла пароль. Ты заметил?

Драко потёр шею и поднял на неё полный обиды взгляд.

— Слизеринка.

— Ты признаешь это так, словно в этом есть что-то плохое, — заметила она со сладкой и нежной улыбкой. — Поднимайся, Малфой. За работу.

* * *

— Гарри, пообещай мне одну вещь, — сдвинутые брови и сердитая линия рта делали Крума очень серьёзным. — Пообещай, что не будешь покидать квартиру после захода солнца.

— Хм...

Они стояли в прихожей пражской квартиры. Виктор держал плащ в руке. Они уже перенесли и свалили вещи на кровать в спальне. Там они обнаружили воткнутую за раму зеркала записку от Эйдана Линча, написанную в довольно раздражённом тоне: видимо его задела просьба Крума немедленно освободить квартиру без объяснений причин.

Сосредоточенный и серьёзный, Виктор не собирался устраивать Гарри осмотр местных достопримечательностей, что, по мнению юноши, было просто замечательным: единственное, чего ему хотелось, — это остаться одному.

— Не буду, ладно... А тут есть что-нибудь поесть?

— Похоже, нету. Эйдан живёт исключительно на светлом пиве, шоколаде и самокрутках. Ты куришь?

— Нет, — ответил Гарри. — Но, как мне кажется, я за ночь просто жутко проголодаюсь. А что тебя волнует — то, что меня могут узнать?

— Не только, — признался Виктор. — Думаю, ненадолго ты можешь выходить, но обещай возвращаться до захода солнца.

— Хорошо, — кивнул Гарри, — но почему?

— Вечерами по улицам шныряют агенты Вольдеморта, — пояснил Крум. — Они не должны тебя заметить и, кроме того, они крайне опасны, — он опять нахмурился. — Честное слово.

— Ладно-ладно, — согласился Гарри, — но при одном условии.

— И каком же? — Крум нахмурился ещё больше.

Гарри сказал.

Лицо Виктора разгладилось, вернее, стало чуть менее хмурым.

— Конечно, я обещаю — без проблем. Завтра вернусь и всё доставлю: деньги, транспортные средства — всё, что нужно.

— Виктор, я просто не знаю, как благодарить вас с Флёр...

— Мы сделали это не ради благодарности. Ты знаешь, почему мы так поступили.

Гарри вспомнил разговор с Флёр в оружейной комнате.

И если твои друзья хотят пойти и умереть за тебя, то ты не вправе запретить им это.

— Знаю, — отозвался Гарри.

Виктор не улыбнулся — он, вообще, почти никогда не улыбался, а просто мрачно кивнул.

— Я слышал, о чём тебе говорила Флёр, — ответил он. — Надеюсь, ты тоже. Ещё не слишком поздно всё понять, — и с этим зловещим заявлением он оставил Гарри одного.

* * *

Джинни отправила Чарли вниз поприветствовать Блез, а сама начала переодеваться в свою лучшую мантию. Спустившись на кухню, она обнаружила Чарли и Блез, сидящих за небраным с завтрака столом. Слизеринка, в узорчатой зелёной мантии поверх тёмно-красного платья, восседала напротив Чарли и поедала его глазами с таким видом, словно умирала от голода, а он был булочкой с маслом.

— Вы ведь продолжите наше обучение после Рождества, правда, мистер Уизли? — Блез изящно подпирала подбородок унизанной кольцами рукой. — Вы — лучший преподаватель Ухода за магическими существами, который у нас когда-либо был.

— Очень приятно слышать, Блез, — Чарли неловко крутил в руках чашку. — Всё зависит от того, что будет с моим братом.

— С Перси? — недоумённо спросила слизеринка.

— С *Роном*, — подчеркнул Чарли. — Его похитил Тёмный Лорд.

— А, с этим братом...

Джинни кашлянула. Блез повернулась, и серьги в её ушах закачались.

— Я тут, — сообщила Джинни. — Ты хотела поговорить со мной, Блез?

На лице Чарли было написано явное облегчение.

— Думаю, вы хотите побеседовать, — он вскочил на ноги и направился к двери, — если что, я в гостиной.

Джинни уселась на стул напротив Блез, на котором только что сидел Чарли.

— Ты, действительно, приехала сюда ко мне или только ради того, чтобы поглазеть на моего брата?

По губам Блез скользнула лёгкая улыбка.

— Да, на него приятно посмотреть, но я тут не за этим, — она запустила длинные пальцы в корсаж своего платья и, вытащив скрученный пергамент, протянула его Джинни. — Меня послал Драко. Драко Малфой.

— Чтобы не перепутать с обилием других известных нам Драко, — пробормотала Джинни, — это ведь такое популярное имя... — не глядя на Блез, она распечатала письмо и приложила усилия, чтобы сердце не выскакивало из груди при виде знакомого почерка. Безуспешно.

Дорогая Джинни, надеюсь, что с тобой всё в порядке и тебе удаётся выстоять под напором твоей провинциальной родни. Я передаю тебе это письмо через Блез — думаю, ты её ещё не забыла. Понимаю, ты не пылаешь к ней горячей страстью — наверное, дело в том, что она красотка, да, в придачу, не раз видела меня голым. И, тем не менее, хорошо, если вы сможете преодолеть некоторые имеющиеся разногласия, поскольку у неё есть парочка по-настоящему важных известий. Пожалуйста, присядь рядом с ней и позволь Блез поведать тебе — именно в таком порядке: 1) насчёт Панси, 2) про тайные планы слизеринцев 3) о твоём брате и том, что с ним случилось.

Она, кстати, в курсе, почему во время матча ты свалилась со своей метлы — она тебе тоже расскажет. Я бы сам тебе всё изложил, если бы это можно было написать в письме.

Драко Томас Гефестус Сент-Джон Вивиан Аугустус Малфой III, эсквайр

Джинни вскинула голову и воззрилась на Блез, забыв обо всех словах, написанных в письме, кроме восьми: твой брат и то, что с ним случилось.

— Что ты знаешь о Роне? — голос её неожиданно сорвался. — Если ты знаешь, где он...

Совершенно потрясённая, Блез отпрянула от стола:

— Да я понятия не имею!

Джинни уличающе швырнула на стол письмо и уставилась на слизеринку. Прошло мгновение, прежде чем Блез взяла пергамент, разгладила его и, осторожно наклонилась, чтобы прочесть. Потом откинулась на стуле с непроницаемым лицом.

— Ну? Это правда?

— Да, — кивнула Блез. — Я много раз видела Драко голым.

Джинни стукнула кулаком по столу с такой силой, что звякнули столовые приборы.

— Я говорю про Рона. Ты знаешь, что с ним случилось?

Блез задумчиво вздохнула.

— Чёртов Драко, — ровным голосом произнесла она. — Чтобы черти забрали в преисподнюю его чёрное сердчишко.

— Что... — ошеломлённо выдохнула Джинни.

Блез уткнулась лицом в ладони.

— Я не знаю, где твой брат. Я могу только повторить то, что я рассказывала Драко. И всё.

— Говори, — тихо сказала Джинни.

Блез, нервно накручивая рыжую прядь на указательный палец, монотонно начала:

— Всё началось в конце лета, даже нет — вероятно, в конце прошлого года — для некоторых, не для меня. Наши родители — не все, конечно, не все слизеринцы входят в нашу группу — предупредили нас, что нечто зреет, и мы должны быть лучше защищены. Они трансфигурировали защитные заклинания — для девушек в заколки, для юношей — в запонки и пуговицы. Мы должны были носить их, не снимая. Нас предупредили, что, во избежание страшных последствий, мы не должны никому их передавать. Я знала, что у Драко ничего нет, и его не предупредили, но ничего ему не сказала.

— Как не сказала! — возмущённо вспыхнула Джинни. — Да как ты могла, ведь он же был твоим парнем!

Блез сухо хмыкнула.

— Да-да, то же самое мне сказала и Пенси. Хотя, что такого удивительного — она же спала с твоим братом.

— Я знаю. Но *зачем?* В смысле, — тут же поправились Джинни, — я не имею в виду, что с моим братом что-то не так...

— Она не собиралась с ним спать, — пояснила Блез. — Замаскировавшись под Гермиону, она планировала добывать через него информацию. Но Пенси во всём была слишком усердной. Сомневаюсь, чтобы её отец сейчас очень этому радовался. Особенно после того, как она втрескалась в твоего брата и настаивала на том, чтобы передать ему одно из защитных заклинаний.

— Я думала, это запрещено.

— Именно так. Она попросила, и ей ответили, что это исклечено. И вот, Пенси решила сделать своё собственное, а это, — со вкусом произнесла Блез, словно рассказывая страшную мистическую историю, — самая, что ни на есть, Тёмная магия, уж можешь мне поверить.

— Но ведь это всего лишь защитные чары, — возразила Джинни.

— Единственный способ защититься от Тёмной магии — заняться ей, — сообщила Блез. Джинни усомнилась, но предпочла промолчать. — И это требует частички какого-нибудь Тёмного существа — ногу акромантула, крови инкуба, волос келпи... Пенси решила сделать заклятье из глаз василиска. Самое надёжное заклинание, — Джинни с трудом подавила дрожь. У неё имелся не самый положительный опыт общения с василиском. — Итак, ей нужно было добыть василиска — и Пенси его создала.

— Она СОЗДАЛА василиска?!

— А что такого: всего-то и требуется яйцо, жаба и крепкие нервы.

— Жабу? — глаза Джинни полезли на лоб. — Ох, *Тревор!*

— Кошмарное имя для жабы, — равнодушно заметила Блез. — В общем, она вырастила детёныша василиска и убила его прежде, чем он вырос и стал опасным. Взяв его глаза, Пенси сделала застёжку для мантии и подарила твоему брату.

— Она же конченная сумасшедшая! — ахнула Джинни. — Её надо изолировать, она... она дала моему брату булавку с глазами василиска?! Это *опасно*?

— Но василиск же был совсем ещё маленьким, а заклинания на булавке — прочными, это бы никому не причинило вреда. Но потом эта штука вдруг начала сбойти, и Пенси забеспокоилась. Может, дело в твоём брате? Он какой-то особенный?

— Он Предсказатель, — бесцветным голосом ответила Джинни.

— Да, возможно, всё дело именно в этом, — с сомнением произнесла Блез. — А может, заклинания, которыми она связала силу глаз василиска, были недотачно крепки. И каждый раз, когда Уизли что-то угрожало, защита начинала действовать, хотя он сам не понимал, что происходит. Видимо, из-за возраста василиска Малькольма не убило, а только оглушило... и ты свалилась с метлы...

— Что за глупость! Рон никогда не чувствовал, что я могу представлять для него угрозу!

— Да ты тут не при чём! Я не думаю, чтобы Рон метил в тебя — просто ты оказалась у него на пути. Наверное, целью был Драко или один из наших отбивал.

Джинни сжала руками лоб.

— У меня просто голова кругом...

— Потом Пенси попыталась починить булавку — твой брат постоянно с ней встречался, она заставляла его участвовать в приготовлении всяких зелий. Вся наша комната была завалена полынью, рутой и прочей гадостью. Уж не знаю, помогло ли это — наверное, да, коль скоро с тех пор больше никого не оглушало. Но тут-то все и узнали правду о нём и Пенси... Больше она с ним не разговаривала.

— Это он с ней не разговаривал, — машинально буркнула Джинни.

— Да как угодно, — отмахнулась Блез.

— А я думала, вы с ней подруги.

— Да так оно и было. Пока я не узнала, кто подстрелил Драко.

— *Что?!* — Джинни пошатнулась и вцепилась в стол.

— Ей приказал отец, а тому — в свою очередь — Люциус Малfoy. Как мне кажется. Слушай, я, действительно, немного об этом знаю. И, вообще, — мне хватает проблем с Пенси.

— Тогда зачем ты пришла, если тебе больше нечего сказать? Из-за того, что тебя Драко попросил? А я думала, тебе на него наплевать.

— Наплевать! — глаза Блез возмущённо распахнулись. — Да как у тебя язык повернулся! Да что ты, вообще, про него знаешь!

— Знаю! — сердито откликнулась Джинни.

— Ничего подобного, — отрезала Блез. — В твоём представлении он — светловолосый Гарри Поттер, можно сказать, гриффиндорец до мозга костей. Может, ему даже нравится изображать из себя такого... сладенького незамысловатого паренька, с которым вы помчитесь навстречу закату. Нет, на самом деле он опасен, порочен и *бесчувственен*... Хотя... что вы, гриффиндорцы, знаете про непостоянство и сложность... Ведь мир для вас прост и незамысловат. Вот ты — сидишь и ждёшь большой и чистой любви, причём от того, кто, вообще, плохо понимает, что такое привязанность.

— Он изменился... — начала Джинни, но Блез не дала ей договорить.

— Как ты можешь говорить, что он изменился, если ты даже не знала, каким он был раньше?! А я вот его знала. Не такого, каким его знаете вы, а такого, каким он был на самом деле: помню, как Хмури превратил его в хорька. Вы все думали, что это смешно. А он вернулся в подземелья весь в синяках — в синяках разме-

ром с блюда. И со сломанной рукой. А перед каждой игрой с Гриффиндором — и только с Гриффиндором! — он нервничал настолько, что заболел! Иногда на целый день!

— Вот только не проси меня жалеть его — такого, каким он был, — возразила Джинни. — Мне и сейчас-то его не жалко.

— Никогда бы не попросила гриффиндорку пожалеть слизеринца, — вскинула голову Блез. — Впрочем, неважно. Ты всё равно не понимаешь. Я тебе всё рассказала. Теперь сама думай.

— Погоди, — Джинни вскочила так резко, что чуть не уронила стул, и рванулась к дверям. Блез сердито уставилась на неё. — Я хочу, чтобы ты всё это рассказала Сириусу и профессору Люпину.

— Бежать к учителю?! — ужаснулась Блез. — Да я бы никогда...

— Не бежать, — торопливо исправилась Джинни, — всё равно они через минуту будут здесь. И, вообще, они не просто учителя, а авроры. И знают, что делать. И ещё они — мои друзья.

Грудь Блез возмущённо вздымалась.

— Я пришла сюда не за тем, чтобы предавать своих друзей твоим.

— Так зачем же ты пришла? — тихо спросила Джинни.

— Не знаю, — отвела глаза Блез.

— Сириус с Люпином сообразят, о чём тебя надо расспросить, мне же ничего в голову не приходит. Особенно насчёт Пенси и того, что они с Роном там варили из полыни и руты. И про её отца и отравление Драко. Если ты, действительно, хочешь ему помочь, — останься. Я знаю, Блез, это непросто, но... не стоит останавливаться на полдороги, уж лучше тогда не делать ничего.

Глаза Блез наполнились сердитыми слезами, и она торопливо смахнула их, размазав тушь. И стала ещё красивее.

— Ладно, я останусь, только...

— Что?

— Мне нужно выпить, — Блез зашмыгала носом.

Джинни рассмеялась.

— В кабинете есть бутылка Старого Огденского Виски. Подойдёт?

Блез улыбнулась — Джинни впервые увидела её настоящую улыбку и почувствовала разницу: сейчас на щеках слизеринки появились ямочки.

— Великолепно.

* * *

Гермиона не слишком удивилась, когда, пробравшись в Департамент Транспорта и Каминных Перемещений, обнаружила, что роется в содержимом стеллажей в одиночестве. Драко вносил в общее дело сильный вклад: усевшись на край стола, он качал ногой и вычищал грязь из-под ногтей ножичком для писем с ручкой в виде головы морской змеи.

— Мог бы и помочь, — заметила Гермиона, заправляя локон за ухо. Список перемещений через Каминный Узел даже за один день выглядел весьма впечатляюще. Длинные синие столбцы убывших, красные — прибывших. И ни одного знакомого имени.

Драко чуть пожал плечами.

— У меня есть ощущение, что моя цель здесь, в основном, декоративная.

— Это только потому, что ты ничего не делаешь. Хотя бы складывай пергаменты, которые я уже просмотрела.

Драко призадумался.

— Не-а, — наконец изрёк он и, прыгнув со стола, внимательно оглядел комнату. Потом, с самым решительным выражением лица начал что-то царапать на мягкой деревянной панели ножиком.

— Драко, что ты пишешь?

Он отступил, давая ей возможность полюбоваться своей работой. Это было стихотворение.

Был маг в Бурнемасе

Хвалился, что страстен,

И хвастался палкой своею

Его изловили две ведьмы-резвухи

Сорвали штаны...

— Слушай, — раздражённо фыркнула Гермиона, — у тебя к Транспортному отделу что-то личное?

— Личное? — пожал плечами Драко. — Что у меня, вообще, может к ним быть? Кстати, думаю, им понравится: свежая нотка в рабочей обстановке.

Гермиона продолжила рыться в списках. Она чувствовала, как её охватывает отчаяние. Имена, время прибытия и отправления — все записи красивого упорядоченного на вид свитка толщиной с запястье девушки были составлены чёрти как.

— А что мы будем делать, если ничего не найдём?

Драко пожал плечами:

— У меня есть запасной план, — он подошёл к противоположной стене и вырезал непристойные иероглифы на подоконнике. — А именно: вернуться в отель, пойти в бар, выпить шестнадцать Медленных Огней Соплохоста, потом доползти наверх, плюхнуться в постель и сочинить эпическую девятистрочную поэму под названием «Эй, парень, это же грейпфрут!»

— Ты же ненавидишь стихи! — запротестовала Гермиона.

— А ты когда-нибудь пила Медленный Огонь Соплохоста? — Драко выразительно взмахнул ножом. — Это такая крутая штука, что с двух глотков у тебя начинаются глюки. После восьми ты приходишь в себя спустя неделю где-нибудь в Милтон Кейне — голая и привязанная к батарее. А парень по имени Брэдли, наряженный в твои трусы, сообщает тебе, что двумя днями ранее ты превратила его приз за уникальную коллекцию маггловских узоров на лужайках в чашку нутряного жира, так что, либо сделай всё, как было, либо он тебе сейчас разобьёт коленные чашечки молоточком для шоколада. Только не надо думать, — Драко скромно опустил глаза долу, — что нечто подобное случилось со мной.

— Драко, я что-то сомневаюсь, что можно сломать ноги молотком для шоколада. С таким же успехом можно пытаться кого-нибудь обезглавить тёркой для мускатного ореха. Молоточек для шоколада от силы размером в дюйм.

— Ну и что, — обиженно взглянул на неё Драко.

— Понимаю-понимаю, — отталкивая в сторону пергаменты, кивнула Гермиона. — Ты хочешь меня развеселить. Но я совсем не скучаю.

Малфой запрыгнул обратно на стол.

— Могла бы хотя бы сделать вид, что тебе смешно.

— И зачем же?

— Ты от меня устала, — надулся Драко. — Наверное, у тебя есть другой: соблазнительнее и прекраснее меня...

— Виктор Крум! — воскликнула Гермиона.

Драко ахнул и выронил нож.

— Ты шутишь! Только не эта дебильная славянская горилла! Он же ходит, как утка, скребя пальцами по земле! Вот я никогда не хожу, как утка — я крадусь, вышагиваю, скольжу...

— ТИХО! — рявкнула Гермиона. — И перестань верещать, а то тебя кто-нибудь услышит. Да сколько ж можно, Драко: я пыталась сказать, что нашла тут имя Виктора Крума. Скажи, в котором часу Гарри вылетел из Клуба? Ты потом сразу пошёл в кабинет?

Воцарилась тишина. Подняв глаза, Гермиона встретилась с его пристальным взглядом. Театральность и неуёмное веселье исчезли.

— Именно. Я сразу же нашёл тебя.

— Так, значит, где-то в течение получаса Виктор Крум покинул Каминный узел вместе со своей командой. Имена не указаны, но их было семь. Вернее, с Виктором восемь.

— Многовато для команды, — распрямился Драко. — Один лишний.

Гермиона стиснула пергамент.

— Виктор. Это должен быть Виктор. Гарри знает и доверяет ему...

Драко соскочил со стола и подошёл к ней. Они изучали написанные синим слова: *Виктор Крум (D, Блг, кап)* и *игроки (7)*. Лондон — София.

— Значит, софийский каминный узел... А оттуда, насколько я понимаю, Виктор использовал портключ или просто аппарировал домой?

Гермиона кивнула.

— Да, они живут не в Софии. Будь у нас камин, мы могли попытаться связаться с ним — тут полно дымолётного порошка...

— Но мы не можем это сделать, минуя международный каминный узел! — запротестовал Драко.

— К Министерству это не относится, — тихо ответила Гермиона. — Отсюда можно отправиться куда угодно.

Драко изумлённо ахнул.

— Дымолётный порошок... Наверное, тут он должен быть.

— В шкафах. И не бери слишком много, а то догадываются, что мы сюда наведывались, — она окинула критическим взглядом испакощенные Драко стены. — Хотя такое не заметить сложно, как думаешь?

Слизеринец уже копошился в шкафу.

— Они решит, что это взломщики.

— Взломщики, влезшие только ради того, чтобы изменить обстановку?

— А это были чокнутые взломщики-педики, — зверски ухмыляясь, сообщил Драко, вытаскивая огромную банку Порошка повышенной мощности. — Я знаю, где тут камин. Огромный. Наверху, в кабинете моего отца. Айда за мной!

* * *

Риэнн взбешённо откинула назад гриву медовых шёлковых волос и яростно воззрилась на стоящего перед ней человека. Человека, убившего её отца, обесчестившего её мать, сведшего с ума брата, обрёкшего её единственную любовь — Тристана — на медленную смерть в подземной темнице.

— Нет, не сломить тебе мой дух, презренный Морган, — прошипела она.

Тёмный маг Морган засмеялся, и голос его был подобен басу фাগота. Его смех, как и всё остальное — от мускулистых рук в пенящихся кружевах до иссиня-чёрных глаз и волос цвета воронова крыла — был наполнен мужской силой. Он представлял собой великолепный образчик мужественности. А так же, — как торопливо напомнила она себе — воплощение зла.

— Ишь будешь ты сотрудничать со мною, иль твоего любовника убью. Но прежде всласть его я мучить буду.

Риэнн застонала, и её млечно-белая пышная грудь натянула тонкий золотистый атлас платья.

— О нет... о нет, не надо...

— Клянусь тебе, — удовлетворённо подтвердил Морган и привалился к узорному камину. От этого движения его штаны рельефно обтянули узкие бёдра и плоский мускулистый живот. — Мне это всё по вкусу. Я — воплощение зла и просто обожаю бессмысленное зло и чувственный садизм.

— Что хочешь от меня ты? — отвела глаза Риэнн.

— Мне кажется, что это очевидно, — промурлыкал он. — Тебя хочу, милашка, — он пантерой двинулся к пленнице. Риэнн задрожала: он, конечно, был злым, однако с первого мига их встречи возбудил в ней такую страсть, которой она не испытывала ни до, ни...

— Вот это макулатура, — фыркнула Блез, кидая «Брюки, воспламенившиеся страстью» на прикроватную тумбочку и поудобнее устраиваясь среди кучи подушек. — Неужели тебе это, и правда, подарил Драко?

— Угу. На Рождество, — кивнула Джинни и снова привалилась к стене. Голова у неё чуть кружилась — ей ещё ни разу не случалось выпивать, но чувствовала она себя хорошо. Покончив с Огневиски, они угостили полбутылкипряного Русалочьего вина, и теперь по телу Джинни распространилась приятная лёгкость.

— Ещё хочешь? — спросила Блез, протягивая ей бутылку и изящный бокал. Длинные волосы, выбившиеся из-под бархатной ленты, тяжёлыми прядями лежали на её плечах.

— Просто дай мне бутылку.

— Всю бутылку? — хихикнула Блез. — Да — вы, гриффиндорцы, не останавливаетесь на полдороги.

Джинни скорчила рожу.

— Когда ты говоришь «вы, гриффиндорцы», у тебя это получается в точности, как у Драко. — «Вы — бурдюки с гноем бубонтюбера».

Блез рухнула на покрывало — хотя нет, она была настолько изящна, что про неё, равно как и про Драко, нельзя было так сказать. Она откинулась на спинку и пронизательным взглядом уставилась на Джинни.

— Но книжечка весьма пикантна. Я удивлена тем, что Драко подарил её девушке... вы с ним уже далеко зашли?

Джинни поперхнулась вином.

— В смысле — далеко?

— Я что — должна объяснить, о чём я? — нахмурилась Блез.

— Ага, — буркнула Джинни.

Блез пояснила.

Джинни почувствовала, что заливается краской.

— Ой, — слабо пискнула она, — нет... мы никогда... то есть, я никогда...

— Никогда? С Драко или вообще?

— Вообще.

Блез улыбнулась, сверкнув зелёными глазами.

— Невинная, да?

Джинни оторопела. Невинность у неё ассоциировалась с лентами, солнечным полднем, прятками и улыбающимся Симусом, смотрящим на неё синими глазами. Она вспомнила поцелуй Тома и вкус собственной крови на его губах и отвела глаза.

— Ну, да. А ты нет?

— Нет, — пожала плечами Блез. — Но с Драко — никогда. Хотя нельзя сказать, что это из-за недостаточного упорства с моей стороны.

Джинни тактично кашлянула.

— Я всегда гадала, каким бы он был, — задумчиво произнесла Блез и, усмехнувшись, уставилась на Джинни. — А ты?

— Ой, мне кажется, он из тех парней, которые потом посылают цветы и конфеты, чтобы отдать должное. Только он посылает их себе.

Блез расхохоталась.

— Ну, если бы всё прошло удачно, он должен был бы купить себе бриллиантовые серёжки.

— Нет, думаю, серёги — как раз в противном случае. Ведь тогда он почувствует себя ущемлённым — из-за того, что уши не проколоты.

— Ага, и после этого он должен с собой порвать.

Джинни хихикала так, что опять подавилась вином.

— Точно, а потом — тайком заняться сексом с самим собой — Блез усмехнулась, водя наманикюренным пальчиком по ободку бокала.

— Впрочем, это не меняет того факта, что он был бы классным. Глядя, как парень играет в квиддич, можно предсказать, каков он в постели. Понимаешь, о чём я?

Джинни подумала о том, как Драко играет в квиддич. Они довольно часто были соперниками, чтобы составить впечатление. Если Гарри в полёте отличался грациозностью, то Драко до определённого момента

оставался неподвижным, а потом неожиданно взрывался и начинал действовать.

— О... — тихо пробормотала она, — я понимаю...

— Страсть и контроль, — Блез обнажила в улыбке белые зубки. — Он всегда такой аккуратный и точный... Я раньше часто гадала, что же заставит его потерять голову...

Джинни облизнула пересохшие губы.

— О чём это ты?

— О любви, — ответила Блез. — Странно, правда? Он ведь циник, а не романтик. Так-то. Я думаю, он должен был влюбиться. Если, конечно, Драко вообще на это способен. Он когда-нибудь говорил, что любит тебя?

Джинни замотала головой, но ответить не успела: раздался стук в дверь, и, едва Блез взмахом палочки успела отправить бутылку в мусорное ведро и пригладить волосы, на пороге появился профессор Люпин.

— Чарли сказал, что ты хотела со мной поговорить, — голос его звучал резко и устало. Впрочем, Джинни прекрасно понимала, в чём дело: и Сириус, и Люпин относились к ней так, словно она по-прежнему была ребёнком.

— Боюсь, это не совсем верно, — уточнила Джинни. — Не мне нужно поговорить с вами, а ей. Это Блез.

Джинни сделала шаг в сторону, чтобы Люпин увидел, о ком она говорит. Слизеринка, восседающая на кровати, холодно встретила его взгляд, Джинни на миг даже показалось, что та отказалась от своего решения. Она быстро положила руку ей на плечо.

— Это о Драко, — напомнила она.

Блез кисло посмотрела на неё.

— Хорошо, — удивлённо кивнул Люпин, — если вы хотите поговорить, мы с Сириусом внизу, в гостиной. Возьмёмся с бумагами.

— Сейчас спустимся, — быстро выпалила слизеринка, не дав Джинни сказать, что они идут немедленно.

Едва дверь за Люпиным закрылась, Джинни развернулась к Блез.

— Ты ведь не передумала?

— А если и так? — с улыбкой поинтересовалась девушка. — Вызовешь меня на дуэль?

— Вот ещё, я не доставлю Драко такого невероятного удовольствия. Я не собираюсь ругаться с тобой, но скажи — почему ты выгнала профессора Люпина?

— Чтобы применить Вытрезвляющее Заклинание, дурочка, — пояснила Блез. — Похоже, ты не очень смекалистая, да?

— Я же гриффиндорка.

— Да уж, между нами нет ничего общего. Не считая рыжих волос, естественно.

— И того, что ни одной из нас не повезло с Драко Малфоем, — добавила Джинни.

Блез прыснула.

— Ну, это нас роднит со всем остальным миром.

— Правда? — распахнула глаза Джинни.

— Правда, — продолжая хихикать, кивнула слизеринка. — А ты что — не знала?

Джинни захохотала, Блез протянула руку, чтобы помочь ей подняться на ноги. И Джинни была совсем не против.

* * *

Они поднимались по лестнице в Министерское крыло, где Гермионе прежде не приходилось бывать — дальше нижних этажей она не ходила. Там же, куда её вёл Драко, повсюду было полированное красное дерево, тяжёлые бархатные портьеры и огромные мраморные вазы с невянущими цветами, не требующими ухода. Драко чувствовал себя здесь совершенно дома: то ли он, и правда, знал, куда идёт, то ли на него подобным образом действовало роскошное окружение.

Коридор упёрся в эбеновые двери с серебряной табличкой «*Люциус Малфой. Бессменный председатель*». Драко положил руку на дверную ручку.

— Так-так, — раздался резкий голосок, — а имеете ли вы разрешение от Люциуса находиться в его кабинете в его отсутствие?

Вздрогнув от неожиданности, Гермиона и Драко удивлённо повернулись. В небольшой нише слева от дверей стоял маленький, напоминающий гоблина человечек с остроколючими, как у летучей мыши, ушами. Мантия с жёлтыми обшлагами указывала на принадлежность к Министерству.

Откинув волосы с глаз, Драко нахмурился.

— Я иду в кабинет моего отца. А вы кто такой, чтобы спрашивать?

— Отца? — человечек вытаращился и начал заикаться. — Это вы? Я... я думал... Люциус не предупреждал о вашем визите, господин Малфой...

— Как печально, правда? — тон Драко был холоден, но вежлив. — И, тем не менее, мой отец обычно не делится персональными проблемами с посторонними.

— Арчибалд Мортенсон, — сдавленным голосом представился человечек. — Секретарь господина Малфоя.

— А я — его единственный сын, — сообщил Драко. — Разве не видите? — высокомерный и непринуждённый, он привалился к косяку. — Ну так, посмотрите на меня. И на это, — он поднял руку с малфоевской печатью. — И после этого вы будете утверждать, что я — не тот, за кого себя выдаю?

— Я знаю вас, — Мортенсон продемонстрировал в улыбке желтоватые зубы. — И, тем не менее, ваш отец полностью доверяет мне. Как члену своей семьи...

— То есть он чередует периоды полного игнорирования вашей персоны с приступами брани и словесного недержания? Это вызывает подозрение. Пожалуй, мне стоит потребовать повышения.

— Я слышал, что вы с отцом отдалились друг от друга, — заметил секретарь.

— Всё уже благополучно разрешилось, — отмахнулся Драко. — Если вы не верите мне... — его голос был спокойным, ровным, чуть задумчивым, — можете отправить сову моему отцу. Правда, сейчас достаточно поздно, и, скорее всего, он спит. Если вы его разбудите, я не могу отвечать за последствия, зная его характер, — и Драко приветливо улыбнулся.

Мортенсон уставился в пол, потом снова поднял тяжёлый взгляд на Драко. Без сомнения, Драко вовсе не удалось его очаровать, более того, в глазах проскальзывало что-то такое, что Гермиона терпеть не могла.

— А вы знаете, когда в последний раз ваш отец был здесь? — неожиданно спросил секретарь. — Коль скоро вы сейчас так близки.

Большинство людей, подумала Гермиона, не обратили бы внимания ни на то, как слегка напряглись плечи Драко, ни на крошечную паузу перед ответом.

— Четыре ночи назад. Он просил вас принести все документы, касающиеся ПК, в Полночный Клуб.

Маленькие жёлтые глазки человечка вспыхнули.

— Очень хорошо, господин Малфой. Если я могу быть вам полезен в ваших делах, вы найдёте меня здесь, за моим столом.

И отступил в тень ниши.

Плечи Драко расслабились, он отпер дверь и вошёл. Гермиона последовала за ним, чувствуя спиной, что секретарь, как хищная минога, смотрит им вслед.

Кабинет Люциуса Малфоя напоминал размерами поле для квиддича. Огромные окна с парчовыми зелёными занавесками, за которыми открывался вид на реку и подсвеченный купол собора Св. Павла. Призрачное отражение Министерства — со всеми его шпилями и башенками — подрагивало в Темзе. Гермиона знала, что магглы видели на его месте только лунный свет и тень.

— Драко, — произнесла она, отходя от окна, — ты уверен, что это совершенно необходимо?

Драко стоял у стола красного дерева, габаритами вполне способного соперничать с учебным классом Хогвартса. Его полированную поверхность захламляли дорогие игрушки: стеклянный шарик с плавающей внутри миниатюрная копия Имения Малфоев, стеклянное же пресс-папье в виде лягушки, высунувшей длинный чёрный язык, едва Гермиона взглянула на неё, тяжёлая серебрянная коробка, водружённая поверх кипы пергаментов.

— Здесь он держит Вызывающий порошок, — не глядя на девушку, сообщил Драко, возясь с крышкой. — Что именно было необходимо?

— Я насчёт этого секретаря. Может, вернёмся в отель? Я уверена, у них есть международный каминный портал...

— ...в который мы не сможем попасть до утра, — Драко открыл крышку, наклонив, высыпал себе на ладонь пригоршню искрящегося порошка и, подойдя к камину, кинул его на пустую решётку. Раздался негромкий взрыв, и огонь запрыгал в камине, осветив комнату и позолотив кончики его волос. — Лично я не испытываю ни малейшего желания ждать. А ты?

— Дело не в ожидании, — возразила Гермиона, внезапно почувствовав прилив беспричинного гнева, и сердито сверкнула глазами на Драко. — Просто ты опять хочешь всем доказать, что ты всё ещё Малфой.

— Именно так. Я всё ещё Малфой.

— Ты не должен пытаться быть тем, кем не хочешь.

— Отринь ты своего отца, и имя забудь, — с лёгкой издёвкой произнёс Драко. — И ради чего? Только не надо пытаться превратить меня в того, кем я не являюсь, Грейнджер. Я Малфой. И горжусь этим. Горжусь своей кровью.

— Кровью, полной яда.

— Зато чистой.

Она не была уверена, что он хотел съязвить, судя по всему, нет. Ведь для него это представлялось совершенно естественным: лучше умереть чистокровным волшебником, чем жить магглом. Но слова эти высекли в ней искру странной горечи, какой-то извращённой ненависти к тому, кого она так любила.

— Ты не прекратишь это, да? Даже ради того, чтобы прожить чуть дольше?

— Нет, — глядя в сторону и сунув руки в карманы, ответил он. От него так и веяло напряжением.

— Даже ради того, чтобы Гарри любил тебя так, как тебе хотелось? — спросила она.

Его плечи окаменели, он развернулся к Гермионе.

— А ты думаешь, он меня не любит?

— Нет, я так не думаю. А как думаешь ты?

Пламя в камине стало багровым, сигнализируя, что они должны быть наготове.

— За что ты на меня так рассердилась? — озадаченно поинтересовался он, словно не в силах до конца понять её слова. — Что я такого сделал?

Напомнил мне, кто ты, — подумала она, но промолчала, чувствуя, что и без того сделала что-то ужасное. Не глядя на Драко, она подошла к камину, присела на корточки, вытасила палочку, поднесла её к пламени и шепнула:

— *Auditori.*

Раздался далёкий треск, напомнивший Гермионе помехи на телефонной линии. Она оглянулась на стоящего позади неё Драко.

— Что-то случилось.

Он помолчал.

Снова что-то затрещало, и знакомый голос произнёс какие-то непонятные слова.

Гермиона напряглась и попробовала вспомнить обрывки болгарского, которого нахватались на четвёртом курсе.

— Виктор, это Гермиона. Гермиона Грейнджер. Чуваш ли меня?

— Кто е... — и через миг в языках пламени появился Виктор. Волосы всклокочены, а лицо измазано чем-

то, подозрительно напоминающим мыло. — Гермиона, — нахмурившись, произнёс Крум. — Всё в порядке? Что-то произошло?

— Мы ищем Гарри, Виктор. Нам очень, очень важно отыскать его. Я знаю, он был на днях в Каминном узле, вы могли встретиться... Ты не захватил его с собой?

Виктор с недоумением посмотрел на неё.

— Не понимаю, о чём ты. Я не видел Гарри с лета. Боюсь, не смогу помочь вам, Гермиона.

* * *

Рон, который провёл несколько ночей в одежде и на мраморном полу, засыпанном осколками шахмат, с удовлетворением отметил, что та часть замка, куда вела его Рисенн, выглядела просто потрясающе удобной: каменный пол покрывали пушистые ковры, в золотой жаровне на когтистых лапах, стоящей у кровати с балдахинном, курились благовония. Окон не наблюдалось, однако Рон не был в претензии: он ожидал увидеть нечто большее, чем подземная темница, но нечто меньшее, чем гостиница средней руки.

Первое, что Рисенн велела сделать, — раздеться и подать ей через дверь вещи. Бурча под нос, Рон подчинился. Всё, что у него осталось — длинный шёлковый халат с рисунком из золотых и красных драконов. Похоже, пошит он был на кого-то, ростом куда ниже него — Рону он едва прикрывал колени.

— Я похож на шлюху, — негромко констатировал Рон, изучая своё отражение в огромном зеркале в золочёной раме, висящем напротив кровати. — Не удивлюсь, если это какая-то психологическая пытка из арсенала Тёмного Лорда.

В этот миг у него мелькнула мысль, а не шпионит ли Вольдеморт за ним через зеркало, и, поддавшись внезапному порыву, Рон распахнул халат и в голом виде исполнил короткий, но весьма оскорбительный танец.

И отправился в кровать.

Позже он понял, что недооценил плату, которую ему пришлось заплатить за дни, проведённые в страхе, почти без пищи и сна, за бесконечное изнурительное напряжение, которым подвергались его разум и тело во время видений: едва коснувшись подушки, Рон почти на два дня провалился в сон, близкий к коме. Просыпаясь на короткие промежутки времени, он, не жуя, проглатывал пищу, которую оставляли на столике рядом с кроватью, и, свернувшись клубком, снова с головой заворачивался в одеяло.

Снов он не видел.

Наконец, на третий день, проснувшись, он обнаружил по-кошачьи растянувшуюся по соседству Рисенн, наряженную в какие-то зеленоватые полупрозрачные ленточки и высокие чулки.

— Привет, дружок. Как тебе спалось? Надеюсь, ты видел приятные сны?

— Не надо называть меня ласкательными именами, — буркнул Рон, садясь на кровати. Спросонья он чувствовал себя немного одуревшим. — Я тебе не приятель.

— Я никогда и не говорила ничего подобного, — фыркнула Рисенн и махнула ручкой в сторону стола, на котором лежало что-то вроде стопки ткани. — Я принесла тебе одежду. Тёмный Лорд хочет тебя видеть.

— Слушай, а ты не устаешь постоянно ходить полуголой? — негодующе поинтересовался Рон.

— Я устаю куда больше от твоего бесконечного одевания, — ответила она, инспектируя свои кроваво-красные ногти. — Вылезай из кровати.

Рон откинул одеяло и яростно воззрился на неё.

— Я не буду переодеваться у тебя на глазах.

— Значит, не будешь переодеваться вовсе: Тёмный Лорд велел мне остаться и убедиться, что ты сделаешь всё, как подобает. В конце концов, что я там не видела? — она махнула рукой в сторону зеркала. — О, это было настоящее представление. Больше всего мне понравились взмахи ногами.

Покраснев от бешенства, Рон вылетел из кровати, схватил ворох одежды, метнулся в противоположный угол комнаты и, повернувшись к дьяволице спиной, начал одеваться, стараясь не обращать внимания на её хихиканье.

— А ну зажмурься, — скомандовал он, убедившись, что она подглядывает за ним через плечо.

— Ладно-ладно. Я ничего не вижу.

Наряд был сложный, совсем непохожий на то, что ему приходилось носить прежде: плотные брюки в обтяжку на шнуровке, рубашка с кружевами и лентами, продетыми в рукава, куртка и длинный плащ тёмно-синего бархата с золотым подбоем и какими-то сложными застёжками. Рон провозился с ними минут пять — не меньше, пока Рисенн с раздражённым бормотаньем не шагнула к нему и шлёпнула по рукам.

— Ты делаешь всё не так, — и под её ловкими пальцами застёжки сразу стали послушными.

— Ты прямо как моя мать.

Рисенн с оскорблённым видом шагнула назад.

— Я никому не мать, — она потрянула головой. — Жду тебя в коридоре.

Рисенн развернулась и пулей вылетела из комнаты. Рон удивился, как же её обещание Тёмному Лорду не спускать с него глаз, пока он не оденется. Впрочем, какая разница: потуже замотавшись в плащ, он подошёл к зеркалу, ожидая увидеть нелепое пугало.

И изумлённо замер.

Тёмно-синий плащ подчеркнул цвет его глаз и волос, а ботинки сделали чуть выше. Конечно, уши по-прежнему торчали, но зато всё остальное смотрелось очень даже: элегантно и даже не тощ — скорее, художавый. Даже осанка стала другой. Рону раньше было невдомёк, зачем Драко изводит столько денег на барахло, но, похоже, теперь он начал понимать.

Если тряпки так меняют тебя, может, на деле Драко вовсе и не такой уж и красавчик, — подумал Рон, — может, всё дело просто в том, что у него хороший портной.

Облокотившись на соседний стул, он, прищурившись, осмотрел себя с ног до головы. Нахмурился. Соблазнительная поза и усмешка не сделали его похожим на Драко. Напротив: он превратился в неимоверного придурка. Вероятно, то, что годилось стройному светловолосому аристократу со снулыми глазами и томным голосом, звучащим, как звон галлеонов, совершенно не подходило рыжеволосому сыну мелкого чиновника из Оттери-Сент-Кэчпоул.

Негромкий смехок заставил его обернуться. Без всякого удивления он увидел позади себя Рисенн, тебящую в пальцах ленточку от корсета.

— Ну как, ты доволен своим видом? — поинтересовалась она.

— Нормально, — ответил Рон.

Она приблизилась к нему ещё на шаг, чуть покачиваясь, словно гуттаперчевая. Свет, идущий от свечей, сетью падал на её чёрные волосы, а кожа чуть просвечивала сквозь тонкую ткань.

— Нет, — зажмурившись, остановил её Рон. — Я догадываюсь, чего тебе нужно.

— Я просто хотела, чтобы ты помог мне выбрать, что надеть, — и его кости завибрировали, откликнувшись на её низкий тихий голос.

— Мне всё равно, что на тебе.

— Уверена, что могла бы превратиться в того, кто тебе нравится, — и в её голосе появилось нечто такое, что он открыл глаза и тут же отшатнулся назад, едва не свалившись на зеркало.

Перед ним стояла Гермиона — школьная курточка, короткая юбка, собранные под чёрный бархат ленты волосы.

— Рон, — голос был знакомым, чуть неуверенным. Она шагнула к юноше. — Я всегда любила только тебя, — её глаза встретились с его глазами, и на щеках появился робкий румянец. — Просто раньше я этого не понимала...

— Прекрати, — дрожащим голосом сказал Рон.

Гермиона рассмеялась, потрянула головой, и лента сорвалась с её волос, пролившихся на плечи ярким серебром: перед ним стояла Флёр. Бледная кожа, напоминающая лунный свет, прозрачная мантия — первая девушка, которую он мысленно назвал красавицей.

— Рон, — чуть картавая, произнесла она, — я не должна была отказать тебе, когда ты приглашал меня на бал. — Мантия плотно облегла её тело, он мог различать контур её груди. — Позволь мне...

— Прекрати, Рисенн! — рявкнул Рон. — Не доводи меня!

Она снова улыбнулась и откинула волосы, обернувшись Драко в его квиддичной слизеринской форме: удивительно светловолосый и высокомерный, он холодно смотрел на Рона.

— Ой, — Рон дёрнулся назад с такой резвостью, что едва не уронил зеркало. — Нет, ну теперь-то ты точно промахнулась.

— О, существует масса путей, чтобы соблазнить кого-либо, — с улыбкой Рисенн ответил ему Драко. — Если хочешь, можешь меня ударить. Обзывать, выплесни на меня всё своё остроумие... Но ты опоздал. Я уже ухожу. Ты ненавидишь меня, Уизли. Ты знаешь, что делать.

— Прекрати, Рисенн, — голос Рона опасно зазвенел.

— Или что? — Драко вскинул голову, и Рон поразился совершенству её искусства подражания: наполненная безразличием поза, холодная пренебрежительная улыбка. Хотя имитация Гермионы понравилась ему куда больше.

— Или я предскажу тебе твоё будущее, — сказал Рон.

Драко ахнул, и иллюзия исчезла: перед Роном снова стояла Рисенн, только на этот раз её взгляд был убийственным.

— Не посмеешь.

— Так не смей соблазнять меня!

— Я просто хотела, чтобы тебе было комфортнее. Лучше уж ложный комфорт, чем ничего.

— Не хочу этого.

Она снова взглянула на Рона. В глазах всё ещё стоял гнев. Но не только. В них появилось скупое уважение.

— Совсем не хочешь?

— Совсем, — ответил Рон.

— Отлично, — она вышла из комнаты и замерла в коридоре, ожидая его. Через миг он последовал за ней.

* * *

— Виктор, — прошептала Гермиона. — Виктор, пожалуйста...

— Я не видел его, Гермиона, — он казался огорчённым, — мне очень жаль.

Драко опустился на колени рядом с ней, и, покосившись, Гермиона увидела, как на его лице заплесали отблески пламени, заострив черты и сделав профиль упрямым и резким.

— Почему так всегда? — спросил он, не сводя глаз с Виктора. — Каждый раз ты врёшь мне о том, где находятся мои друзья. Продолжай в том же духе, Крум, и я решу, что ты имеешь что-то лично против меня.

— Против тебя я ничего не имею, — Виктору удалось погасить удивление, вспыхнувшее в глазах при виде Драко. — Но не могу вам сказать, где Гарри.

— Значит, знаешь, но не скажешь, — уточнил Драко. Его руки расслабленно лежали на коленях, но Гермиона слышала напряжённость в его голосе. — Ты уверен, что это мудро?

Виктор нахмурился.

— Ты мне угрожаешь?

— Может быть, — согласился Драко.

— И чем же?

— Пока не знаю. Думаю, будет эффективней, если я не стану уточнять.

— Не будет, — мрачно возразил Виктор. — В этот раз я не могу помочь...

Он осёкся и встревожился. Звук, напомнивший Гермione треск помех, стал громче. Вдруг Крум резко развернулся, словно к нему кто-то приблизился, губы задвигались, произнося какие-то слова, и затем он со скрежетом исчез, словно его утянула вниз неуправляемая безжалостная сила.

— О-па! — произнёс Драко в тишину, повисшую после внезапного исчезновения Виктора. — Похоже, твоего болгарского ухагера сожрала акула. Обалдеть.

— О, боже, — ахнула Гермione, но не успела она взволноваться, как в камине что-то снова взорвалось, и появилась другая голова: знакомый водопад светлого серебра волос, огромные синие глаза, пухлые алые губы, сложенные в невероятную лучающую улыбку. — Флёр? Что ты...

Но та, сияя глазами, смотрела мимо неё, прямо на Драко.

— Драко! — воскликнула она. — Драко, *mon petit*! Я так по тебе скучала!

Драко уселся на пятки, губы его дрогнули в улыбке. Флёр производила на юношей такое же впечатление, как и Драко — на девушек, так что, с его тщеславием, он не мог отказаться от потока изливаемого на него восхищения от себе подобной.

— Привет, Флёр! — кивнул он. — Как там дом, что я купил для тебя?

— О, он чудесен! Мы с Виктором обожаем там бывать.

— С Виктором? Ты живёшь с Виктором? — его брови взмыли вверх. — Ради чего?

— Не груби, — отмахнулась Флёр. — У нас чистая любовь.

— Твоя любовь меркантильна; деньги и известность — вот для чего он нужен вам, женщины. Полагая, ты не разделяешь его интересов — это ведь сплошной квиддич, верно? Подожди, вот узнают парни, что с тобой можно переспать за полосатый джемпер да форменные трусы — все начнут рваться в команду.

— Ты тоже в команде, — мрачно заметила Гермione.

— Мне не нужно напрягаться, чтоб с кем-то переспать, — возразил Драко. — И форменные трусы тоже ни к чему. Они сбиваются под штанами, — он взглянул на свои ногти. — Под квиддичные штаны я вообще ничего не одеваю.

Гермione онемела от этих сведений. Флёр же расхохоталась.

— Мы с Виктором понимаем друг друга, — ответила она, — хотя и спорим временами. Как сейчас. Ему показалось, что он не должен говорить вам, что Гарри был здесь.

Драко вскинул голову и окаменел.

— Сейчас он тоже там?

— Нет, — неожиданно мягко ответила Флёр. — Он уехал днём. Он был очень болен.

— Как он сейчас? — нетерпеливо перебила её Гермione.

— В порядке, — откликнулась Флёр. — Вполне пришёл в себя.

Драко прикрыл глаза, и Гермione, зная, о чём он думает, произнесла вслух:

— Ты знаешь, куда он отправился?

— Да, — кивнула Флёр. — Мы отправили его на квартиру Виктора в... — она вскрикнула и замолчала, метнув в кого-то укоризненный взгляд. — Да, именно так. И он останется там, пока Виктор не присоединится к нему... Виктор, прекрати! Они имеют право знать, они — его друзья и очень его любят!

— Да, — горячо закивала Гермione.

— Говори за себя, — буркнул Драко.

— Мы просто хотим, чтобы с ним всё было хорошо, — покосившись на Драко, она снова повернулась к

Флёр. — Просто он не подозревает, что случилось, и в результате может оказаться в опасности...

— Скажи, где он, — произнёс Драко и, сделав над собой усилие, добавил, — пожалуйста.

— Он в Праге. Больше ничего не могу вам сказать. Могла бы дать вам портключ.

— Пожалуйста, — попросила Гермione, видя, как нелегко Драко будет сказать это слово ещё раз. — У нас мало времени.

Вздохнув, Флёр подняла руки из пламени и потянулась к Драко и Гермione.

— Конечно, я могла бы вас захватить, но правила... Может сработать тревога.

— Мы в Министерстве, и здесь нет ограничений, — быстро подхватила Гермione и взглянула на Драко. — Верно?

Он кивнул со слегка ошалевшим видом, словно с трудом поспевал за происходящим.

— Верно.

Гермione вытянула руку, и холодные пальцы Флёр сомкнулись на её запястье. Огонь не обжигал и не тревожил — лишь согревал, как горячая вода. Она зажмурилась, когда Флёр потянула её вперёд, заскользила, почувствовав невесомость, и споткнулась о невесть откуда взявшуюся землю под ногами. Флёр удержала её, и Гермione открыла глаза и огляделась.

Она стояла в центре небольшой комнаты со стенами, закрытыми книжными полками, лицом к пустому камину, задняя стенка которого была прозрачной. Сквозь неё, как сквозь оконное стекло, был отчётливо виден кабинет Люциуса и стоящий на коленях Драко, который смотрел на них через огонь. Казалось, что пламя облизывает его, бросая бронзовые блики на его кожу.

Флёр протянула руку к нему:

— Драко, теперь ты.

Но вместо этого он встал на ноги, и теперь Гермione могла видеть только нижнюю часть его тела. Кажется, он за чем-то потянулся: свитер пополз вверх, обнажив полосу живота, когда он поднял руки. Драко опустил руки, и Гермione поняла, в чём дело: он взял с каминной полки одну из зажжённых свечей. Развернулся, прошёл через комнату и поднес пламя к длинной парчовой занавеске, дожидаясь, пока та вспыхнет.

— Драко! — едва не заорала Гермione. — Что ты делаешь?

Но Флёр удержала её, схватив за руку.

— Пусть.

Занавески занялись, и Гермione почувствовала резкую вонь горящей ткани. Драко стоял, любясь, как пламя лижет бархат — настолько яркое, что вид за окном померк. Лицо его было сосредоточенным и решительным — он как будто размышлял над мудрёным квиддичным приёмом.

Внезапно он швырнул горящую свечу на пол и быстро вернулся к камину, задержавшись лишь на миг, чтобы что-то захватить с отцовского стола. Через мгновение он уже протягивал в пламя руки. Флёр схватила его за запястье и дёрнула вперёд.

* * *

Малфои не могут быть рыжеволосы.

Малфоям запрещены цвета: канареечно-жёлтый, ядовито-синий, бледно-розовый.

Малфои не могут использовать бумагу постельных тонов для написания писем, а так же принимать написанные таким способом послания.

Во время чаепития Малфои обязаны наливать в чашку молоко прежде, чем добавлять чай. В первую очередь это касается Малфоев, проживающих в Имени.

При рождении Малфоя имя ребенку должно быть выбрано из нижеследующих: Октавиан, Люциус, Владимир, Август, Александр, Дариус, Драко...

Гарри осторожно откинулся на стуле, стараясь не расплескать кофе из переполненной чашки на страницы Кодекса Поведения Семейства Малфоев. Он сам не знал, зачем, выходя из квартиры, чтобы подкрепиться где-нибудь в тихом месте, захватил книгу с собой. Наверное, отчасти, причиной послужило то, что книги у Виктора были только на славянских языках, которых он не знал. Хотя эта причина не являлась главной.

Пергамент был таким старым, что Гарри казалось, что он касается кончиками пальцев хрупких и тонких крылышек мотылька. Рука скользнула по странице, он поднял взгляд к окну. Кавярня, которую он нашёл, была подобием Дырявого котла в этом совершенно незнакомом городе с мощёными улочками и старинными зданиями с высокими шпилями. Если Диагон-аллея выглядела так, словно время замерло там несколько веков назад, то волшебная часть Праги будто приплыла из сказки.

Маленькая кофейня, наполовину отделанная деревом, была залита мягким золотистым светом, льющимся из реющих над головой светильников. Горы великолепных пирожных, украшенных взбитыми сливками, шоколадом, вишней, засахаренным миндалём, ювелирно поблёскивали за витринами. Это было так красиво, странно и аппетитно, что Гарри почувствовал себя невероятно одиноким и был готов забраться под ближайший стул.

Ему прежде не случалось выезжать за пределы Англии, и, если он и представлял себе нечто подобное, то непременно с друзьями: вот он вместе с Роном едет к Биллу в Египет или же совершает романтическое путешествие по Италии с Гермионой. Драко избородил всю Европу вдоль и поперёк, и как-то они полдня проговорили о том, куда бы они отправились, если бы им выпал такой случай.

Драко загорелся показать Гарри те места, где ему приходилось бывать: ледяные дворцы Швейцарских Альп, стеклянные дома Южной Франции, белые ночи Санкт-Петербурга.

— Мы всегда ездили туда по делам, и отец не задерживался ни на минуту, чтобы посмотреть на что-нибудь. Было бы здорово снова туда съездить с тобой.

Гарри обрадовался этому нежданному комплименту — Драко всегда отпускал их именно так, словно не задумываясь, что он произносит.

Гарри взял свою чашку и уставился в неё невидящим взглядом, он вспомнил сон, о котором упоминал Флёр: он был призраком поместья, блуждающим по пустым залам. Он бродил, бродил, пока не обнаружил Драко в библиотеке, которая выглядела так, как в тот раз, когда Гарри в последний раз видел её. Но только Драко смотрелся лет на десять старше, он сидел за столом своего отца и взирал на Гарри с непередаваемым удивлением.

— В Имении полно призраков, но никогда не думал, что один из них — ты. Что привело тебя обратно?

— Подозреваю, ты, — ответил Гарри. — Ты звал меня?

Драко покачал головой. Лицо осталось юным, а вот глаза были старыми.

— Я бы никогда не позвал тебя. Ты не очень переживал за меня при жизни, так чего же ты вдруг волнуешься за меня после смерти?

Дверь библиотеки открылась, и вошла Гермиона. Она и вовсе не заметила Гарри и, подойдя к Драко, обняла его и поцеловала. И он принял её поцелуй так, словно их отношения длятся уже целую вечность. Даже во сне ревность приняла физический облик тошноты: Гарри почувствовал, как его желудок завязался узлом.

— Древние призраки никак не оставят тебя в покое? — спросила Гермиона

Драко улыбнулся:

— Только те, что возвращаются слишком поздно.

Резкая боль в руке заставила Гарри подскочить, и выплывшийся кофе обжёг ему пальцы. Торопливо опустив чашку на полированную поверхность столика,

он взглянул на улицу. Лучи заходящего солнца струились сквозь разноцветное стекло, и Гарри видел тени кутающихся в мантии и спешащих по своим делам волшебников. Это улица могла бы быть Диагон-аллеей, если бы не витиеватые золочёные буквы, видневшиеся за окном: *Malostranska Kavarna*. Гарри подивился, является ли это чувство ностальгией или же его тоска была более специфична.

Никаких сов, — предупредил его Виктор. Но у Гарри и не было желания отправлять письма. Во всяком случае, сегодня. Юноша почувствовал в кармане перо-самописку, вытащил его и начал оглядываться по сторонам в поисках клочка пергамента.

Да захода солнца ещё несколько часов, — подумал он. — Ещё куча времени.

* * *

Драко мягко приземлился на ноги рядом с Гермионой в круг колышущегося пламени и обернулся — его глаза сияли и были полны вызова.

— Ну, давай. Ори на меня.

Но не успела Гермиона и рта раскрыть, как между ними ступила Флёр.

— Никакого крика, — повелительно приказала она. Тоненькая, но выше Гермионы, она распрямилась, и Драко с Гермионой впечатлённо умолкли. Теперь, в более спокойной обстановке, Гермиона смогла оценить её по достоинству: дорогое неяркое платье, убранные за острые ушки светлые волосы. Её синие глаза засияли, когда она обхватила Драко за шею и расцеловала в обе щёки. Гермиона закатила глаза. Обожание Драко перешагивало у Флёр все границы разумного.

— Это просто чудесно, что мы увиделись, — Гермиона подозревала, что эти слова не имеют к ней никакого отношения. — Ты стал другим... выше...

— Нет, вряд ли. Наверное, во время нашей последней встречи я просто стоял в яме.

— Тебе нравится моё платье? — улыбнулась Флёр.

Сделав шаг назад, он окинул её взглядом.

— Теснее, чем бумажник Паркинсона и куда короче, чем постельная выдержка Уизли, — протяжно ответил он. — Как оно может не нравиться?

Флёр нежно потрепала его по плечу.

— Шалун...

Гермиона фыркнула, будто её затошнило. Флёр тут же развернулась к ней.

— Ты что-то сказала?

— Нет.

— С минуты на минуту придёт Виктор, — с прохладной насмешкой заметила Флёр. — Он будет очень счастлив увидеть тебя, Гермиона.

Гермиона промолчала. Даже сейчас Флёр ухитрилась сделать так, что она почувствовала себя неловко. Сунув руки в карманы джинсов, Гермиона скользнула взглядом по комнате. Она уже была тут летом по окончании четвёртого курса и помнила красивую усадьбу с облупившимися и потрескавшимися украшениями и красивым видом на море. Немало приятных часов она провела в кабинете, несмотря на то, что книги были на болгарском, которого она не знала. Виктор читал ей вслух, пока она сидела, закинув босые ноги на каминный экран. Тогда там не было никакого огня, в отличие от настоящего момента. Не говоря уж о золе, которой они с Драко засыпали турецкий ковер.

— ...совсем не обрадуется, — закончила обращённую к Драко фразу Флёр, вернув Гермиону к настоящему. — Но ведь я не могла взять и бросить там тебя одного, правда?

Драко высвободился из её объятий и, прислонившись к камину, начал счищать копоть со своих рукавов.

— И никто-то не может оставить меня в одиночестве, — заметил он. — Такой вот неприятный побочный эффект моего обаяния, перед которым ничто не может устоять.

— Виктор будет ужасно рассержен, — в голосе Флёр отчётливо слышалась надежда. — Он хотел просто вернуться домой, и написать книгу. Все эти треволения...

— Плевать! — отрезала Гермiona. — Я думала, мы должны поговорить насчёт Гарри.

Дверная ручка щёлкнула.

— Виктор! — театрально воскликнула Флёр.

— О... сюда идёт болгарская громадина.

Дверь распахнулась. Это был, и правда, Виктор, замотанный в красный дорожный плащ и находящийся на грани ярости. Глаза скользнули с Драко на Гермionу и вспыхнули, наткнувшись на Флёр.

— *Qu'est que tu a faire?* — зарычал он.

— Дорогой, будь любезен, говори по-английски перед гостями. Они не обучены.

— Я же сказал тебе, чтобы ты не тащила их сюда! — рывкнул Виктор, словно ни Драко, ни Гермiony не было в комнате. — Я дал Гарри слово!

— А я нет, — ответила Флёр.

— Очень по-слизерински, — одобрительно кивнул Драко.

— Я должен был догадаться, что, отправив меня прочь, чтобы переговорить, ты солгала, — он сверкнул чёрными глазами, — Флёр, ты...

— Мой отец всегда говорил, что обзывать женщин — *outré*, — заметил Драко.

— Пожалуйста, не влезай, это касается только меня и Флёр.

— Но теперь, когда они здесь, нет смысла протестовать, — Флёр скрестила руки на груди. — Что будем делать?

— Вернём их обратно, — отрезал Виктор.

— Там сейчас пожар, — сообщил Драко.

— Ну, в этом ты сам виноват, — заметила Гермiona.

Драко сверкнул глазами:

— На чьей ты стороне?

— А ну, все тихо! — неожиданно громко воскликнула Флёр. Её ярость произвела впечатление даже на Гермionу: серебряные волосы взмыли в воздух, черты лица заострились, теперь стало отчётливо видно её вейловское происхождение. — Виктор, ты не имеешь права отправлять их обратно! Они преодолели такое расстояние, чтобы найти друга...

— ...который не хочет видеть их, — резко перебил Крум. — Я дал слово. Слово Крума кое-что значит.

— Я запрещаю тебе это! — взбешённо запротестовала Флёр. — Я не позволю!

Густые брови Виктора нависли над глазами:

— И что ты собираешься делать?

— Откажи ему в сексе, — предложил вальяжно привалившийся к стене с абсолютно равнодушным видом Драко.

— Он от этого только рассердится, — пренебрежительно взглянула на Виктора Флёр.

— Похоже на правду, — согласился Драко. — Я вот поступаю с ним именно так — и глянь, как злобно он на меня смотрит!

— Я же предупреждал, чтобы ты не говорил со мной! — Крум попытался испепелить его взглядом.

— Но ведь речь не шла о том, что я не могу говорить о тебе, — заметил Драко, по-кошачьи удовлетворённо улыбнувшись. — Боже, до чего я люблю термины. У меня сразу появляется такое тёплое чувство, как будто меня всего переполняет...

— Я заберу это! — крикнула Флёр.

— Моя книга! — простонал Виктор.

— О, Виктор, ты, наконец-то, написал свою книгу! — воскликнула Гермiona. — Я тобой горжусь!

— Почти пятьсот страниц, — рассеянно откликнулся Виктор, не сводя глаз с Флёр, которая решительно вскинула рукопись над головой. — Научное исследование, посвящённое усилению движения Сопротивления в болгарской провинции.

— О, звучит прямо как бестселлер, — заметил Драко. — Прямо как «Советы Поттера по причёскам» или

«Моя первая книжка: планирование семьи и контроль над рождаемостью Артура Уизли».

— Пообещай мне, что они останутся! — заорала Флёр. На кончиках пальцев вытянутой правой руки вспыхнуло пламя. Конечно, — подумала Гермiona, — она ведь тоже магид. — Либо ты поклянёшься, что Гермiona и Драко останутся тут, либо я обращаю в пепел твою книгу, Виктор!

— Нет! — протестующе зарычал Виктор.

— Обратная сторона вейлы, Крум, — Драко улыбнулся какой-то странной улыбкой, словно испытывал боль. Гермiona метнула в него взгляд, и с ужасом убедилась, что юноша побледнел, став странного грязно-белого цвета. И стоял, едва ли не вцепившись в стену.

— Драко, — шёпотом ахнула она, — ты что — на ногах не держишься?

— Тихо, — шикнул он, но поздно: осёкшись на полуслове, Флёр и Виктор не сводили с него глаз.

Флёр опустила руку:

— Драко, ты как?

— Плохо, — откликнулась Гермiona, шаря на поясе в поисках фляжки с противоядием, — он очень болен и ему нужно лекарство.

— Не нужно, — сквозь зубы процедил Драко. — Я в норме.

— Тогда докажи, — предложила Гермiona. — Отойди от стены.

Драко посмотрел на неё исподлобья, навевая мысли о заточенных серебряных ножах: взгляд буквально обдирает кожу с костей. Она содрогнулась.

— Пожалуйста, — он сделал шаг, потом ещё один. И вышел в центр комнаты.

На миг Гермiona даже подумала, что ей показалось, и с ним, и правда, всё в порядке. Распрямившись, он стоял и смотрел на неё, но в этот миг лицо его позеленело и, не издав ни звука, он рухнул вперёд.

Метнувшийся через всю комнату Виктор успел с реакцией ловца подставить руки.

* * *

Направляясь в шахматную комнату в сопровождении непривычно тихой Рисенн, Рон впервые обнаружил, что, оказывается, в замке обитали ещё люди. Точнее, всех их людьми можно было назвать с большой натяжкой.

Посреди комнаты стоял длинный тёмный стол красного дерева с расставленными вокруг креслами тёмно-зелёного шёлка. Пустые серебряные тарелки, недопитые кубки с красным вином, блюда с изысканными и дорогими сладостями. Во главе стола восседал Вольдемор. По левую руку расположился Червехвост. Место по правую руку, предназначенное, как заподозрил Рон, для Люциуса, пустовало. Вдоль одной стороны на стульях с высокими спинками настороженно переглядывались гоблины, а на дальнем конце стола восседал высокий мужчина с чёрными волосами, блеснувший на подошедшего к столу Рона глубоко посаженными глазами, наполненными злобой.

— Гэбриэл, это мой Прорицатель, — сообщил Тёмный Лорд, махнув рукой на Рона.

Человек окинул юношу пристальным взглядом с ног до головы и улыбнулся:

— Он выше, чем я думал.

У Рона подкосились ноги, он не мог отвести глаз от его лица: у мужчины были *клыки*. Не чуть заострённые зубы, как это иногда встречается у людей, а самые настоящие, хищно касающиеся нижней губы.

— Вы — *вампиры*! — воскликнул Рон, скорее удивившись, чем напугавшись.

Гэбриэл приподнял бровь.

— Надеюсь, это не всё, на что ты способен в качестве Прорицателя?

Теперь Рон отчётливо видел все вампирские черты: горящие чёрные глаза, бледную кожу, красные губы. Глаза Гэбриэла скользнули к Рисенн.

— Приветствую тебя, любимая.
— Гэбриэл... — она подошла и присела ему на колени. Чуть приподняв её голову за подбородок, он поцеловал дьяволицу в губы. С каким-то болезненным напряжением и интересом Рон следил за ними, не в силах избавиться от ощущения, что каждый из них в любой момент готов укусить другого.

— А меня вот никогда не целовали, — обронил Червехвост, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Тихо, Червехвост, — холодно произнёс Вольдемор. — Мы здесь не для того, чтобы выслушивать и обсуждать твои романтические успехи или же нехватку оных. Ты говорил, что для меня появились новые сведения?

— Верно, — кивнул Питер Петтигрю и повернулся к небольшому существу, которое, при пристальном изучении, оказалось не гоблином, а просто маленьким безобразным человечком с огромными ушами и жёлтыми глазами, делавшими его похожим на миногу. — Ты был сегодня в Министерстве, Мортенсон?

— Где мне и положено, в крыле Малфоев, — с довольным видом кивнул человечек.

Вольдемор взял кусочек рахат-лукума из коробочки у локтя и начал задумчиво его поедать. Рон впервые видел, чтобы он что-то ел. Ну, разумеется, не считая игральные кости.

— О, шпион в доме Люциуса, Червехвост?

— Я не шпион, — возразил человечек. — Просто наблюдаю на тем, чем занимается Люциус Малфой и передаю это мистеру Петтигрю.

Вольдемор взял кусочек рахат-лукума из коробочки у локтя и начал задумчиво его поедать. Рон впервые видел, чтобы он что-то ел. Ну, разумеется, не считая игральные кости.

— Да, естественно, — это разве шпион? — пробормотал он. — Ну так, поведай мне, вынес ли ты что-то полезное из своих наблюдений? Поскольку в противном случае, — он наклонился и пристально взглянул на Червехвоста, — кое-кому понадобится ещё один серебряный протез. В этот раз, скорее всего, нога. Или, возможно, даже голова.

— Без головы я не смогу жить, — заскулил Червехвост.

— А что делать — нет в мире совершенства, — откликнулся Вольдемор.

— Я хочу узнать про Люциуса, — прошептала Рисенн, откинувшись на плечо Гэбриэлу. Одной рукой она ласкала ему волосы, а в другой держала бокал, полный тёмно-красной жидкости. И Рон вовсе не был уверен, что это вино.

— Мистер Малфой так и не вернулся сегодня в кабинет, — начал Мортенсон, — как и его товарищ...

— ...белокурый юноша, о котором я уже говорил вам, — уточнил Червехвост.

— Я помню, — отрезал Вольдемор, — помнится, я сказал тебе по этому поводу, что, коль скоро Люциус запал на несовершеннолетних мальчиков, это его личное дело.

— Наверное, это Драко, — не выдержал Рон и проклял всё на свете: какого чёрта он влез?!

— Я знаю, как выглядит Драко Малфой, — мрачно буркнул мистер Мортенсон, — вот он сегодня в кабинете как раз был...

— Да? — заинтересовался Вольдемор.

— Именно. И привёл с собой подружку.

— О, у него есть подружка? — вопросительно приподняла бровь Рисенн.

Поверить не могу, — подумал Рон. — Меня похитили силы зла, уволокли за тридевять земель в какой-то замок в горах на краю земли; я окружён демонами и вампирами, а все вокруг обсуждают не что иное, как чёртову сексуальную жизнь чёртового Драко Малфоя. Да уж: нет в мире справедливости.

— Девушка с каштановыми волосами, — пояснил шпион. — Он называл её Гермией.

— Она ему не подружка, — хором отреагировали Рон и Рисенн, первый — яростно, а вторая — словно это предположение её очень развеселило.

— Она подруга Гарри Поттера, — презрительно улыбнувшись Рону, уточнила Рисенн.

— Они разошлись, — не удержался Рон.

— Да? — с любопытством переспросил Червехвост. — А мне всегда казалось, что они будут вместе... Пока я был крысой, я думал...

— Заткнись, — приказал Рон.

— Думаю, Поттер станет изрядным бабником, — рука Гэбриэла решительно устроилась на бедре Рисенн. — Мальчики-подростки... особенно когда они знамениты, многое себе позволяют...

— Нет, они, правда, разошлись, — обрадовалась возможности посплетничать Рисенн. — Она подозревала, что он не до конца честен с ней в отношении чувств...

— ТИХО! — заревел Вольдемор. — Вы что все — с ума посходили?! — его глаза загорелись. — Или вы забыли, что...

— Чаша, мой Лорд? — заискивающим и пылким тоном, который Рон особенно не переносил, спросил Мортенсон. — Четвёртый Благородный Предмет?

— Что с ней? — помертвевшим голосом спросил Вольдемор.

— Чаша была с девушкой. Она трансфигурировала её во фляжку и носит на талии. Но это именно Чаша — я тут же её узнал.

Глава 13. Кодекс Поведения Семейства Малфоев. Часть вторая: Обмелевшие небеса

*В том зазеркальном мире, где расставанье — счастье,
Где тени осязаемы, а мы не спим всю ночь,
Где обмелело небо, а море стало бездной
В том мире ты любовь ко мне не сможешь превозмочь.*

Элизабет Бишоп

Крутя в пальцах серебряную фляжку с противоядием, Гермия сидела на кровати в спальне Виктора и Флёр. Ей удалось растормозить Драко и заставить его выпить лекарство, после чего тот снова впал в бессмятство. Виктора, который перенёс его в спальню и положил на кровать, Флёр вышвырнула вон, прошипев: "Это всё ты виноват!"

Спальня была залита мягким медовым светом, навевающим Гермие мысли об осенних вечерах и мурлычущих котах. Розовый свет факелов на стенах, красный балдахин над кроватью придавали бледному лицу Драко обманчиво здоровый вид.

— Лучше ему не будет, — мрачно пробормотала Гермия. — Я думала, противоядие затормозит процесс, но этого не произошло. Я ума не приложу что делать.

Рядом с ней над Драко склонилась Флёр, её длинные волосы струились по плечам, занавешивая лицо юноши белым шёлком. Когда она взглянула на Гермию, её синие глаза потемнели.

— Ты сказала — яд?

— Яд, — подтвердила Гермия.

С сосредоточенным выражением лица Флёр коснулась пульсирующей жилки на шее Драко. Гермия не могла отвести глаз от этой картины: похожие, как две

капли воды, с бликами, что зажгли на их волосах факелы. Сошедшие с картины светловолосые фламандские ангелы.

В последнее время Гермiona часто видела спящего Драко, но никогда выражение его лица не заставляло сердце трепетать: оно изменилось — злобная насмешливость, изящество и осторожность исчезли, словно никогда и не были, и перед ней сейчас лежал, чуть дыша, юноша с запавшими от усталости глазами. И слабое дыхание слегка шевелило волосы, спутанными светлыми прядями упавшие ему на щеку.

— Всё в порядке? — испугавшись сосредоточенности лица Флёр, спросила Гермiona. Та промолчала, её пальцы скользнули ниже, нырнули за воротник, вызвав у Гермiony резкое желание пресечь это безобразие. Флёр вытянула Эпициклическое Заклятье.

— Так вот оно где, — задумчиво протянула она. — Я спросила у Гарри, куда оно делось, но тот бредил...

— Он вернул его Драко, — кивнула Гермiona.

— Как будто такой подарок можно легко вернуть обратно, — и заклятье выскользнуло из пальцев. Флёр рассеянно поправила одеяло на юноше, немало удивив Гермionу, впервые видящую её столь нежной. Но зато теперь ей стали куда понятней яростные материнские чувства француженки по отношению к Габриэль. — Ещё вчера я так же сидела рядом с Гарри.

— Спасибо, что позаботилась о нём. И рассказала, что он был здесь. Знаю, Виктор не хотел, чтобы ты...

— Честность Виктора переходит границы разумного. Но он не сидел около Гарри, не слышал, как тот метался в бреду, как звал тебя... — обращённые на Гермionу глаза Флёр были почти чёрными. — Я сделала это не из сострадания. Просто Гарри — наш единственный шанс против Тёмного Лорда. — Он этого не понимает, но я... понимаю.

— Так и есть. Я тоже люблю его, и благодарна тебе за заботу, вне зависимости от того, какими побуждениями ты руководствовалась. Мы с тобой никогда не сходились во мнениях и взглядах...

— Точно, — дружелюбно кивнула Флёр. — Ты ревновала своих мальчишек к любым девушкам.

— Именно, и потом, в то время ты находилась на стороне зла, — немного грубовато напомнила ей Гермiona.

Флёр чуть смутилась.

— Ах, да...

— И пыталась покорить мир, — добавила Гермiona. — И Гарри в результате остался жив каким-то чудом.

Флёр вздохнула.

— Что бы ты хотела от меня услышать, а? Конечно, я могла бы ответить тебе в стиле Драко, могла бы сказать, что, дескать, *я была неправа и теперь постараюсь всё исправить*. Но это бы не вернуло тебе ни одного из тех, кто потерялся во снах, прорицаниях и смерти... От этого твоя боль не станет меньше, а дорога в Румынию — безопаснее...

— Румынию? — перебила Гермiona и ахнула. — Конечно! Румынская монета, которую он стащил из Имени! Какая же я идиотка!

— Не то слово, — сухо согласилась Флёр и снова повернулась к Драко. — Впрочем, о местоположении Гарри Виктор знает куда больше меня.

— Как только Драко очнётся...

— Ступай сейчас, — покачала головой Флёр. — Я хотела бы посидеть с твоим Драко. Одна.

— Он не мой, — покривив душой, возразила Гермiona. Ей не хотелось оставлять Флёр с Драко наедине, но та спасла Гарри, Виктор тоже помог ему. Она была им очень обязана.

— Думаю, Виктор в кухне, — подводя итог, произнесла Флёр. — Он обычно идёт туда, когда дуется.

Гермiona снова взглянула на Драко.

— Если ты что-нибудь с ним сделаешь, причинишь ему боль, я тебя убью.

И она вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Флёр взглянула ей вслед, потом снова повернулась к юноше, лежащему на кровати.

— Причинить тебе боль? Куда уж больше...

Она склонилась над ним, их сияющие светлые волосы перепутались. Он не шелохнулся. Она чувствовала его тихое ровное дыхание, биение сердца, спешащую по венам кровь...

Я всё сделала не так, и должна всё исправить... — шепнула она ему куда-то в щеку и начала расстёгивать на нём рубашку.

* * *

Лицо Вольдеморта не осветилось ликованием и радостью — эти чувства были ему неведомы, но он издал удовлетворённый вздох.

— Значит, Чаша у неё... Ты уверен?

— Я на половину гоблин, — кивнул Мортенсон, — и умею распознавать истинно ценные вещи.

— Я должен завладеть этой Чашей, — задумчивый взгляд Вольдеморта скользнул к Рону. — Люциус убеждал, что добудет её для меня, но, может быть, есть иной вариант?..

— Мой Господин, — торопливо встрял Червехвост, — я был бы счастлив... — Но Вольдемо́рт заткнул его одним взмахом руки:

— Где они? Куда они направились — сын Люциуса и эта девушка?

— Они беседовали с кем-то по имени Виктор, — несколько неуверенно сообщил Мортенсон, — и с какой-то девушкой. И там что-то было про квартиру в Праге...

— О, так это Виктор Крум, — заметила Рисенн. — Болгарский ловец.

— Да, у него квартира в центре города, — добавил Гэбриэл. — Мы присматриваем за ним. Похоже, он в движении сопротивления, хотя ни разу не был пойман с поличным...

Глаза Вольдеморта, обращённые к вампиру, вспыхнули.

— Солнце скоро зайдёт. Собирай своих... людей. Когда ты будешь в Праге?

— Расстояние не маленькое, — с неудовольствием заметил вампир, — да и рановато для трапезы...

— *Denn die Todten reiten schnell*, — с неприятной улыбочкой произнёс Тёмный Лорд. — Или что-то в этом роде.

Скинув с колен Рисенн, Гэбриэл поднялся. Она метнула на него сердитый взгляд и раздражённо плюхнулась в соседнее кресло.

— И что же я должен буду там сделать?

— Найти её. Найти девушку и...

— Нет! — Рон, не помня себя, стукнул кулаком по столу, поразив всех до глубины души. И себя — в первую очередь. Ополовиненный кубок Гэбриэла опрокинулся, и на столе расплозились дорожки тёмно-красной жидкости. — Оставь её в покое! — рявкнул он. — Попробуй только тронуть её, и ты больше не услышишь от меня ни единого предсказания!

В зале воцарилась гробовая тишина.

Червехвост смотрел на Рона с растущим ужасом в глазах, Рисенн помрачнела, а Мортенсон отвернулся. Только Вольдемо́рту, похоже, стало смешно:

— Да, милый мальчик, мне нужна Чаша. А она — у девушки.

— Мне наплевать! — Рону сдавило грудь. — Тронь её, и я больше ничего тебе не предскажу, я лучше умру.

Тёмный Лорд сложил свои длинные пальцы под подбородком.

— Великолепно. Если не хочешь, чтобы с ней что-то случилось...

— То что? — выдохнул Рон.

Вольдемо́рт повернулся к Гэбриэлу. Вампир прислонился к столу, тёмные волосы скрывали его лицо.

— Приведи мне её живой. И с Чашей.

— Как пожелаете, господин, — кивнул вампир.

Вольдеморту поднялся, и они с Роном какой-то миг рассматривали друг друга — две, разделённые столом, неподвижные, высокие и бледные фигуры, похожие на статуи, вырезанные из кости. Рон почувствовал, что руки у него дрожат, и тут же сунул их в карманы. По обращённому на него пристальному взгляду Рисенн он понял, что та просит его что-то сделать, но никак не мог взять в толк, что именно.

Наконец, Вольдеморт снова заговорил — ровным голосом, лишённым интонаций:

— Пусть так: я приведу её сюда, малыш-прорицатель. Ведь ты хотел бы увидеть её снова?

Рон не ответил, только прикусил губу.

— Ты мог бы увидеть конец света, мой мальчик, — голос Вольдеморта был тих. Рон не сомневался, что все до единого услышали эти слова, обращённые, как ему казалось, к нему одному. — Но можешь ли ты увидеть то, что хочется именно тебе? А ведь это не так невозможно, как ты думаешь...

Рон кашлянул. В груди было так тесно, что он едва мог перевести дух.

— Только не трогай её.

— Что ж... — Вольдеморту повернулся к Гэбриэлу, — ты слышал мальчика. Приведи мне её целой и невредимой. А теперь, — махнул он в сторону стола, за которым гоблины встревожено переговаривались, поднимаясь на ноги, — все вон с глаз моих. Тебя это тоже касается, Червехвост. Рисенн, ты можешь остаться. Но в своей клетке. Что ж, мой малыш-прорицатель. Я хочу сыграть в шахматы. Ты готов?

— Готов, — откликнулся Рон.

* * *

На кухне Гермиона обнаружила Виктора, восседающего во главе длинного деревянного стола. Единственная свеча с трудом рассеивала мрак, бросая сумасшедшие кривые тени на стены и шкафы. Услышав звук хлопнувшей двери, он не поднял взгляда, а лишь откинул назад всклокоченные волосы и спросил:

— *Ou sont les cigarettes?*

— Виктор, это я, — почувствовав неловкость, откликнулась Гермиона.

Он хмуро взглянул на неё исподлобья.

— А где остальные?

— Флёр присматривает за Драко, сказала, что подойдёт через минуту, — выдвинув стул, Гермиона присела напротив Виктора. — Я хотела бы поблагодарить тебя за помощь...

— Я тебе не помогал, — перебил Виктор. — Мне не по душе ваше появление здесь и то, что Флёр всё разболтала про Гарри. У меня такое чувство, что он доверился мне, а я его предал.

— Я просто хочу, чтобы с ним всё было хорошо, — запротестовала Гермиона.

— И ты уверена, что совершенно точно знаешь, что именно ему нужно? — в голосе Виктора вдруг зазвучала горечь. — Ты всегда думала, что всё знаешь, Гермиона. Да, ты невероятно умна — в этом нет сомнения. Но никто не может сказать, что ему известно всё. Даже ты.

— Ему не справиться в одиночку, — прошептала Гермиона.

— Он, вообще, с этим не справится, это задание есть невозможно! — темперамент взял своё, и Виктор взорвался, теряя остатки навыков английского. — Но он любит тебя, он влюблён в тебя — могла бы, хотя бы, уважать его желания!

Не успела Гермиона перебить его, как распахнулась дверь, и в сопровождении Флёр вошёл Драко. Во мраке были видны лишь очертания их фигур. Флёр взмахнула рукой, и разом полыхнули все факелы, осветив не очень большую уютную кухню: стопки чистой посуды в буфете, кладовочка за занавеской.

— Пожалуй, так лучше, — улыбнулась Флёр. — Да, намного лучше. Драко, присядь. Я поищу, чем нам можно перекусить.

Драко подошёл к столу, и Гермиона ахнула, когда юноша сел и улыбнулся ей: с румянцем во всю щёку, он выглядел совершенно здоровым. Увидев потрясение на её лице, он улыбнулся шире и откинулся на спинку стула. Закопчённый и покрытый сажей свитер он сменил на полосатый красно-чёрный джемпер, принадлежащий, судя по размеру, Виктору: рукава были куда длиннее рук, а из ворота торчали костлявые ключицы, и виднелся краешек белой футболки.

— Гермиона, дорогая, у тебя такой вид, словно ты застукала Дамблдора в процессе порки провинившихся четверокурсниц. Чем ты так шокирована?

— Я не шокирована. Просто... Просто ты замечательно выглядишь.

— Тоже мне, новость. Я всегда замечательно выгляжу.

— Не прикидывайся дурачком. Я о том, что, судя по всему, ты себя гораздо лучше чувствуешь.

— Лучше — это такое относительное понятие... — негромко пробормотал Драко, пригибаясь, чтобы уклониться от призванной Флёр буханки, следовавшей за головкой солёного сыра, кувшином с молоком, тарелками и пачкой Lucky Snitch для Виктора. — Флёр, спасибо, конечно, но...

— Ешь молча, Драко, — перебила Флёр, присаживаясь рядом с Виктором. — Ешьте. Оба.

Стараясь не глотать куски целиком, Гермиона принялась за еду. Драко ел куда медленнее — пища, вообще, не относилась к вещам, которые его сильно занимали. Отрывая своими длинными пальцами корки от хлеба, он размачивал их в молоке и время от времени совал в рот. Или же крутил их в чашке, пока те не превращались в кашу. Гермиона находила это отвратительным, но молчала. Её ум занимало нечто куда более любопытное: что Флёр сделала с Драко? Нет, конечно, не могла же она...

— Я не занимался сексом с Флёр, если тебя это волнует, — произнёс Драко.

Гермиона стала пунцовой.

— Драко...

— Вообще-то, можно это, в некотором смысле, назвать раздеванием, — задумчиво продолжил он, — оно носило исключительно научный, а не развлекательный характер.

Судя по виду, Виктор взбесился. Флёр положила ему ладонь на руку.

— Временами ты бываешь удивительно груб, Драко, — нахмурившись, заметила она.

— Я могу всё время быть грубым. Просто держу себя в руках. Могла бы поблагодарить.

Виктор прорычал что-то на безумной смеси французского и болгарского, Флёр погладила его по руке и произнесла нечто успокоительное. Воспользовавшись мгновением, Драко вытащил из пачки Виктора сигарету и прикурил от свечки. Гермиона кинула на него быстрый взгляд:

— Ты раздевался перед ней? Зачем?

Драко сделал вид, что не слышал вопроса.

— Сексуальная магия не имеет никакого отношения к лечению, — сообщил он. — Мне казалось, что, с учётом того, сколько ты читаешь, ты должна об этом знать, — он затаился и выпустил дым в её сторону. — Хотя, подозреваю, дело в том, что ты просто ревниво брюзжишь.

— Я НЕ ревную, — отрезала Гермиона. — Мне не нравится сама мысль о том, что она видела тебя голым.

— Угу, надо будет тебе подарить на Рождество словарики, — сухо отметил Драко.

— Никто никого голым не видел, — остановила их Флёр. — Я просто поделилась с Драко своей силой, — магии на такое способны.

Драко и Гермиона устали на неё.

— И что теперь: ты — мой Источник? Или я — твой?

— А что — ты не знал, что она сделала? — удивилась Гермиона.

— Нет, я просто пошутил, — помотал он головой. Забытая сигарета дымилась у него между пальцами. — Флёр...

— Я не стану твоим Источником. Как и ты — моим. Я просто дала тебе чуть-чуть энергии, чтобы ты смог пополнить иссякающие силы. Не раз и навсегда, а всего лишь на короткое время, впрочем, достаточное для того, чтобы найти Гарри. Потом ты сможешь его попросить о том же, что сейчас для тебя сделала я...

— Я не буду ни о чём его просить, — отрезал Драко.

— Как хочешь, — Флёр подтолкнула к нему пепельницу.

— Сколько времени нам понадобится на то, чтобы найти Гарри? Ты собираешься сказать, где он? — глядя на Виктора, спросила Гермиона.

— Он в моей квартире в Праге, — ответил Крум. Лицо его скрывал дым, Гермиона видела только густые чёрные брови и высокий лоб, испещрённый морщинами. — Он уже там, я планировал встретиться с ним завтра. Я как раз собрался на обратном пути захватить несколько человек из сопротивления.

— Квартира в Праге? С размахом, — заметил Драко и ткнул, наконец-то, свою полуистлевшую сигарету в пепельницу.

— Там он в безопасности. Естественно, если не будет выходить из дома по ночам, — добавил Виктор, словно о чём-то вспомнив.

Драко и Гермиона вздрогнули.

— Что значит "если не будет выходить из дома по ночам"? — спросил Драко.

Виктор прищурился.

— Э, да вы ничего не знаете, англичане, — последнее слово он ухитрился произнести как нечто оскорбительное. — Впрочем, что ещё можно ждать от сына Люциуса Малфоя, но вот ты, Гермиона... — Виктор умолк и пожал плечами. — Тут ведь иная ситуация, чем у вас, в Англии. Наше Министерство не защищает нас. За последние несколько месяцев влияние Тёмного Лорда выросло, его слуги свободно ходят ночами по улицам... как это по-английски... *вампи*... ну, бессмертные...

— Вампиры, — сообразила Гермиона

Драко приподнялся из-за стола.

— Ты послал Гарри туда, где по улицам бродят *вампиры*!?

— Это было самое безопасное место, какое я мог придумать, — ответил Виктор.

— Безопаснее, чем твой дом? — голос Драко дрожал. — Ты просто не хотел, чтобы он тут оставался, ведь это же такая ответственность, да? Ведь это бы привлекло к тебе внимание Тёмного Лорда...

— Я не мог его здесь оставить, потому что он хотел уйти.

— Готов поспорить, ты его просто выгнал!

— Ты сам его выгнал, ведь он же ушёл от тебя! А мог бы и задержать, — Виктор тяжело пожал своими широкими плечами. — Полагаю, на свете не так-то много людей, способных заставить Гарри Поттера делать то, что самому Гарри Поттеру делать не хочется.

Драко открыл рот, но первой успела заговорить Гермиона.

— А ну, прекратите! Оба. Драко, извинись перед Виктором, а ты, Виктор, прекрати изводить нас. Это жестоко.

Виктор снова хмуро пожал плечами. Драко смерил Гермиону ледяным взглядом и повернулся к Круму:

— Мне жаль, если мои дурные манеры обидели тебя, — ровным голосом произнёс он. — Я не хотел. То есть, — задумчиво добавил он, — как раз хотел. Но, так или иначе, хозяин здесь ты. Я раскаиваюсь в том, что посягнул на твою любезность, — изящно закончил он, здорово напомнив Гермионе Люциуса Малфоя. — Больше этого не повторится.

— Меня не волнует ни ты, ни твои дурные манеры, — отрезал Виктор. — У нас у всех есть куда более

серьёзные поводы для размышлений. Я думал, что мы отправимся к Гарри завтра, все вместе, но теперь понимаю, что, вряд ли, ты согласишься ждать так долго, да и у меня нет ни малейшего желания спорить с упрямыми детьми, не знающими, куда девать силы. Мне нужно собрать коллег. А вы, делайте, что хотите.

— А что, если я дам им портключ, Виктор? — поднялась из-за стола Флёр.

— Не вижу для этого никаких препятствий, — кивнул он.

Вмиг облетев вокруг стола, Гермиона кинулась ему на шею:

— Благодарю тебя, Виктор!

Он обнял её в ответ с довольным видом. От него пахло так же, как и несколько лет назад, когда ему было восемнадцать: сигаретами, чёрным перцем и шерстяным свитером.

— Ладно, ладно тебе... — он похлопал Гермиону по спине.

Драко кашлянул.

— Гермиона. Давай как-нибудь в следующем веке, будь так добра.

Гермиона отстранилась и подошла к Драко, выглядевшему так, словно он пытался скрыть беспокойство, и к Флёр, приподнявшей серебристую бровь...

— Что — неужели была такая серьёзная необходимость липнуть к нему, как банный лист? — буркнул он. — Это не очень сочетается с требованием о том, что "нам надо уходить прямо сейчас". Мне кажется, тебе стоит время от времени сначала думать, а потом делать. Опрометчивость и легкомыслие — вот в чём твоя проблема.

Гермиона слегка улыбнулась.

— О, похоже, я не единственная, кому здесь требуется словарь.

— Умолкни, Грейнджер.

— Слово "лицемер" наверняка есть. На букву "л".

— Ничего не понимаю в ваших отношениях, — мрачно заметила Флёр, переводя взгляд с Гермионы на Драко и обратно.

— О, нас уже трое, — подхватил Драко, и Гермиона не стала ему возражать.

* * *

Портключ выбросил ребят в прихожую большой благоустроенной квартиры где-то в центре Праги. Белые стены с яркими картинами, множество дверей, ведущих в разные комнаты. Прихожая упиралась в кухню, судя по шахматному линолеуму на полу. Свет не горел — лишь несколько неярких ламп и свечка на столе у двери. А на вешалке у стола висел тёмно-красный джемпер с растянутыми и обтрёпанными рукавами. Драко даже не мог счесть, сколько раз он видел, как Гарри теребит и вытягивает рукава своих свитеров. Это была одна из его вредных привычек.

Гермиона коснулась рукой джемпера.

— Он здесь.

— Он здесь, — согласился Драко, — но он — не здесь.

— В каком смысле?

— Его нет в квартире, — на всякий случай Драко пошёл по коридору. Собственный спокойный голос удивлял его самого. Желудок завязался в узел, у юноши было ощущение, что его вот-вот вырвет. Он сейчас сам не знал, чего боится больше: того, что Гарри может оказаться здесь, или того, что его здесь не будет. — Я точно знаю.

— Он где-то рядом?

— Не знаю, — Драко остановился и заглянул в комнату, похожую на гостиную. Да, как ни трудно было это признать, у Виктора имелся вкус в отношении мебели. Ну, или у того, кто проектировал этот интерьер. Может, не обошлось без Флёр. Комната выглядела уютной и изящной: тихий огонь за решёткой маленького мраморного камина с резьбой в виде листьев. Стул с

фигурной спинкой. Диваны, низенький столик. Если бы не огонь, это место показалось бы необитаемым.

Кухня и кабинеты тоже не выявили признаков жизни, но, толкнув дверь в спальню, Драко обнаружил раскиданные по всей комнате вещи Гарри. Его небрежность представляла во всей красе: одежда, брошенная на кровать, рюкзак, висящий на крючке в шкафу, валяющиеся на ковре ботинки и горы оружия повсюду: кинжалы с длинными лезвиями, острые пики, мечи, даже арбалет.

— Ну-с, теперь мы знаем, что произошло с Гарри, — сухо констатировал Драко. — Он взорвался.

Но Гермионе было не до смеха.

— Но ведь Виктор говорил, что он не должен выходить после наступления темноты, — побледнела девушка.

— Ну, ещё не совсем темно, — Драко глянул в окно на сапфировое небо, на углы соседних крыш и фронтонное окошко с цветастыми занавесками. Совсем скоро вспыхнут Осветительные Заклинания, небо окончательно потемнеет, и Гарри вернётся в квартиру и, увидев Драко и Гермиону, раскроет от удивления рот. Или рассердится. Или, может, покорно съёжится, а может... если будет застигнут врасплох... — Драко оборвал себя и отвернулся от окна.

Гермиона сидела на кровати и рассеянно теребила старую футболку Гарри — Паддлмер Юнайтед, он надевал её на ночь; на плече, чуть ниже воротника, красовалась дырка.

В голове юноши зазвучал отцовский, знакомый, отчётливый голос.

Малфои не хотят чего попало, Драко. В пределах твоей досягаемости не должно быть ничего, чего бы ты хотел, но не мог иметь. Желание — самый страшный тиран. Но ты — Малфой и не должен позволять себе быть покорённым кем-то или чем-то. Тем, что тебя недостойно.

Драко подозревал, что отец считает себя хозяином. Наверное, так оно и было.

— Я пошёл в другую комнату, — внезапно сообщил Драко, и, прежде чем удивлённо вскинув глаза Гермиона успела вымолвить хоть слово, вышел и с грохотом захлопнул за собой дверь.

* * *

— И что — всё это сделала Пенси?! *Пенси Паркинсон*?! — Джинни раздражённо подумала, что Сириус повторил это, наверное, уже в шестой раз. Она никак не могла взять в толк, почему в рассказ Блез все верят с таким трудом. Она Пенси всегда терпеть не могла и подозревала, что та — порядочная дрянь: пыталась убить Драко, ради каких-то гнусных целей соблазнила Рона... Да, это очень по-слизерински.

— Да, именно Пенси Паркинсон, — кивнула Блез, испуганное выражение на лице которой уступило место лёгкому нетерпению. Удобно устроившись в потёртом кресле (любимом кресле мистера Уизли) у кофейного столика, она робко поглядывала на сидевших напротив Люпина и Сириуса. Столик — как, впрочем, почти половина горизонтальных поверхностей в квартире, был завален книгами, бумагами и фантиками от шоколада, съеденного Люпиным. — Я всегда говорила, что нельзя доверять девушке, которая носит зелёный в сочетании с оранжевым.

— Приму к сведению, — сухо кивнул Люпин. — Кстати, вы не знаете, сколько ещё студентов в курсе её поступка?

— Возможно, Малькольм, — задумчиво ответила Блез, — они были близки. Может, и Миллисент тоже. Остальные, как мне кажется, просто подозревали, что происходит что-то неладное.

— И вам не пришло в голову оповестить об этом? — раздражённо поинтересовался Сириус.

Блез вздёрнула подбородок:

— С чего бы это? Вы обращаетесь с нами, слизеринцами, как с людьми второго сорта. Вы же считаете нас не заслуживающими доверия лгунами. Вы бы решили, что это просто интрига, Пенси бы свалила всю вину на меня, и меня бы исключили. А кто защитит моих родных, когда Пожиратели Смерти придут в наш дом, чтобы покарать? Ваш драгоценный Гарри Поттер? Его никто и ничто не беспокоит, кроме себя самого.

— Но ведь теперь вы нам рассказали... — мягко заметил Люпин.

Блез опустила глаза, но сказать ничего не успела: открылась дверь, и вошёл Чарли. Похоже, он мыл посуду: рукава были закатаны до локтей, а руки и рубашка на груди — мокрые.

— Джинни, ты мне нужна на кухне.

— Но, Чарли, не сейчас...

— СЕЙЧАС, Вирджиния.

Джинни надулась и следом за ним вышла из комнаты.

— Ну, неужели я не могу помыть посуду попозже?

— Думаешь, я звал тебя за этим? — фыркнул Чарли.

— Разве нет?

— Разве что, ты называешь "мытьём посуды" высокого белокрысыго слизеринца. Того самого, к которому ты, кажется, питаешь странно нежные чувства.

— Драко? — ослепенела Джинни.

— О, нет, *другой* высокий противный белокрысый слизеринец... Ты просто невозможна! — вздохнул Чарли. — В кухне.

Метнувшись по коридору, Джинни замерла перед ведущей на кухню дверью и собралась с мыслями. Нет. Она не должна нестись, сломя голову, ради того, чтобы побеседовать с Драко Малфоем. Он этого не заслужил. К тому же он, как всегда, станет смеяться над ней, а у неё сейчас было не то настроение. Она толкнула дверь и проскользнула в кухню.

Она даже не сразу поняла, что на кухне никого не было, и какое-то время стояла и удивлённо оглядывалась. Что — Чарли решил над ней подшутить? О, в таком случае, он за это заплатит! У неё в комнате была парочка пробных экземпляров Грызущих Журчалок. Что ж, коль скоро Чарли посчитал такую шуточку удачной, следующую неделю он проведёт, грызя мебель и строя дамбу из ножек от табуреток.

— Сюда, Уизли, — слегка раздосадованный голос Драко раздался откуда-то из-за спины. — Чарли что — не сказал тебе...

Джинни развернулась. Ох, *ну, конечно*: в неярком огне камина вырисовывался Драко. По пояс. У него оказалось задумчивое выражение лица, и одет он был в здоровенный чёрно-красный, полосатый свитер.

— Интересно, почему ты носишь болгарскую квиддичную форму? — стараясь, чтобы её голос прозвучал как можно независимей, поинтересовалась Джинни.

Он прищурился. Язычки пламени плясали вокруг его лица и волос, и казалось, что он обведён чернилами металлического оттенка. Золотой мальчик.

— Иди сюда. А то мне тебя не видно.

Она подошла и присела у решётки.

— Ты где?

— В Праге, — судя по голосу, он не собирался распространяться на эту тему.

— Нашли Гарри?

Он тряхнул головой, разбрасывая вокруг себя искры.

— Ещё нет, но мы уже близко.

— Ну — и что? Хотел просто поздороваться?

— Может быть, я хотел тебя увидеть.

— Так я и поверила. Тебе что-то нужно. Говори, что.

— Боже мой, какой ты стала циничной. Куда подевался твой прелестный оптимизм? Ты говоришь прямо, как я.

— Давай к делу. Я слишком устала, чтобы возвращаться к нашим препирательствам.

— Ладно, — Драко пожал плечами. — Я хотел узнать, нет ли новостей о Томе.

— О Томе? — Джинни покачала головой. — Нет. Видишь ли, у нас не те отношения, когда он посылает мне открытки.

— Просто он бежит за тобой с таким сумасшедшим упорством, что мне показалось, он будет искать с тобой встречи.

Джинни вспыхнула.

— Он за мной не бежит.

— Ничего подобного. Можешь мне поверить, я знаю кое-что о безумной одержимости.

— Не сомневаюсь, — сухо согласилась Джинни. — В любом случае — я понятия не имею, что с ним произошло. И, если тебя интересует, волнует ли меня это, то...

— Я думаю, он захотел бы увидеть моего отца, — перебил её Драко.

— Что?!

— Сегодня я был в кабинете моего отца, и его секретарь расспрашивал меня вдвое больше обычного. Думаю, это случилось потому, что он принял меня за кого-то другого. Конечно, можно предположить, что прорва белокурых тинейджеров часами валандается у кабинета моего отца, но, подозреваю, что подобный сценарий маловероятен. Похоже, он принял меня за...

— Тома, — дрожащим голосом закончила Джинни. — Но почему ты решил, что он должен встретиться с твоим отцом?

— Они знакомы со школы. Были друзьями. Может, он рассчитывал на помощь. Может, ему нужен партнёр для гольфа. Откуда ж мне знать, — Драко пожал плечами. — А на письменном столе я нашёл вот это, — из пламени показалась рука с зажатым между пальцами клочком пергамента. — Это почерк не моего отца.

Едва Джинни взяла и собралась развернуть его, как дверь в кухню распахнулась, и показалась Блез. Подбоченная, она с самым скептическим видом стояла в дверях.

— Так-так... Блэк и Люпин послали меня взглянуть, что ты тут делаешь, Джинни. Мне даже в голову не пришло, что я прерываю очередную метаморфозу вашего прелюбопытнейшего любовного треугольника.

— Тогда уж, скорее, квадрата, — поразмыслив, уточнил Драко и ухмыльнулся Джинни. — Что — не согласна?

— Ну, что ж, у Гарри с Роном, и правда, порочная связь, — сообщила Джинни.

Драко позеленел:

— Джинни, я только что *поел*!

— Хм, пожалуй, Рона нельзя назвать непривлекательным, — задумчиво заметила Блез. — Есть в нём какое-то... долговязое обаяние.

— А я-то думал, вы сцепитесь друг с другом, — безутешно вздохнул Драко. — А вы, вместо этого, взяли и объединились.

— Мы уже подрались, — сообщила Блез. — Ты всё проворонил.

— Что-то вы подозрительно целые и невредимые, — слизеринец переводил взгляд с одной девушки на другую.

— Что поделать — нам пришлось переодеться после того, как Блез порвала мою блузку, — нежно ответила Джинни. — Она использует запрещённые приёмы.

— И это заявляет девица, считающая шлепки приемлемым способом защиты, — изучая свои ногти, прокомментировала Блез.

— А, вы хотите, чтобы мне было больно, да? — огорчился Драко.

— Именно, — хихикнула Джинни. — Но ты это заслужил. Ей-богу, нам стоило бы побить тебя.

— Мы обменялись парой колкостей, — сообщила Блез и сладко улыбнулась. — Но разрешили наши разногласия мирным путём.

— И всё?!

— Это к вопросу о женских драках — так выясняют отношения девушки, — пояснила Джинни.

— Вот чёрт, — вздохнул Драко, — так разрушаются прекрасные детские мечты.

— О да, реальность жестока, — Блез положила руку на ручку. — Джинни, я передам, что ты занята. Драко... — её голос стал звонким и отрывистым, — была рада видеть тебя целым и невредимым, — она повернулась, собравшись уйти.

— Блез...

Слизеринка медленно развернулась и в упор взглянула на него. Их с Драко взгляды скрестились. У Джинни перехватило дыхание: этот взгляд был ей знаком. Сейчас он думал только о Блез, она читала это в его глазах.

— Спасибо, Блез. Я не был уверен, что ты сделаешь это.

Слизеринка не отвела взгляд:

— Я тоже. Думаю, ты был прав. Я такая же, как ты.

Развернувшись, она вышла. Цоканье её каблучков затихло. Драко задумчиво смотрел ей вслед.

— Да, вот это девица...

— Мне она нравится, — Джинни даже не сразу сообразила, что произнесла это вслух. И что это было правдой.

— И мне, — Драко снова повернулся к гриффиндорке. — У меня есть ещё кое-что для тебя. Чуть не забыл.

— Что?

— Вторая половинка твоего сердца, — она смотрела с недоумением, как он что-то протягивает ей на ладони. Это была половинка заклинания в виде сердечка. — Я её нашел, но не спрашивай, пожалуйста, где, — я не скажу.

— Ладно, — поколебавшись, кивнула Джинни. Слово "пожалуйста" не так часто можно было услышать от Драко. — Тогда сделай для меня кое-что.

— Договорились, — теперь, когда он поднял к ней взгляд, яркое пламя осветило его лицо и бросило на скулы тени от ресниц. — Что именно?

— Оставь это себе.

Он стиснул кулак.

— Но это же твоё...

— Нет. Возможно, когда-нибудь...

Он прикусил губу и, чуть наклонив голову, взглянул мимо Джинни.

— Я не могу.

Огонь вокруг него поблек, став бледно-жёлтым, и Джинни знала, что Драко вот-вот исчезнет.

— Меня зовёт Гермiona, — его голос звучал откуда-то издалека. — Мне пора.

— Пожалуйста, будь осторожен. Не позволяй Гарри уговорить тебя на какую-нибудь глупость.

— Мило, что ты беспокоишься, — её слова позабавили его.

— Я беспокоюсь. Я люблю тебя, — произнесла Джинни прежде, чем успела осознать, что именно она сказала.

Он резко вскинул голову и уставился на неё с выражением абсолютного потрясения на лице. Она встретила его взгляд. Ей казалось, что потребуется немало усилий, чтобы не измениться в лице — ничего подобного, она чувствовала себя совершенно спокойной. Она сказала. Пусть делает, что хочет. Хотя, по правде говоря, он должен был знать — как иначе?

— Почему?... — да, это было совсем не то слово, какое она ожидала услышать, но в этот миг пламя снова изменило цвет, став синим и сразу же — зелёным, и Драко исчез. Девушка даже не была уверена, рада она или нет, что не успела ответить на его вопрос. В конце концов, если он захочет поговорить, он знает, как и где её найти.

В руке она всё ещё сжимала клочок пергамента и, едва развернув его, почувствовала, как заколотилось сердце в груди: как ни странно, Драко оказался прав. Это была рука Тома: его "р" с завитушкой, и тщательно выведенные "а" и "о" — "*мой сиротский алфавит*", — как смеялся он, издаваясь над своими каракулями. Это был список — Том во всём любил порядок. Список

имён: *Таддеуш Нотт, Элефтерия Парпис, Чарльз Трэверс, Линтон Эйвери.*

Джинни тупо уставилась на список — имена ей ничего не говорили. Пожав плечами, она сунула пергамент в карман, встала на ноги и направилась обратно в гостиную.

* * *

Последние тёмно-красные блики заката уходили с темнеющего, чернеющего неба (затянутого тяжёлыми облаками, готовыми, как подозревал и почти ожидал Гарри, вот-вот пролиться дождём), когда Гарри почти бегом завернул за угол улицы, где стоял дом Виктора. Он несколько раз ошибался поворотом, попадая в незнакомые переулки, подвернул ногу, потеряв ещё несколько минут. Но причина была не в этом: заклинание *Указуй* показывало, в конце концов, только направление на север, что никак не помогало Гарри. Чертыхаясь сквозь зубы, он потуже закутался в плащ, и в этот миг пустынный тротуар залил свет разом вспыхнувших фонарей. Дом Виктора легко можно было узнать по яркому фасаду и по острокопечному окошку гостиной. В ней горел свет — похоже, он забыл сказать "пох" перед выходом. Да, как бы тут не позабыть своё собственное имя... Хотя... Виктор, вроде, что-то говорил, что дом обслуживает команда домовиков. Может быть...

В этот миг он заметил несколько человек в мантиях. Он даже не сразу понял, сколько их, но тут же почувствовал, что они заметили его, и намерения у них отнюдь не дружественные. Ему даже в голову не пришло развернуться и пойти прочь — нашарив под плащом рукоять гриффиндорского меча, он двинулся вперёд. И вот, дверь уже близко.

Неужели? — Гарри уже подумал, что ошибся насчёт их недружелюбных намерений, когда одна из фигур — высокая, в чёрной мантии, вдруг вышла вперёд и преградила ему дорогу. Мужчина с абсолютно белым лицом и длинными чёрными волосами. Чёрная мантия, прихваченная булавкой, сделанной из человеческой кости. Глубоко посаженные чёрные глаза вспыхнули дьявольским светом, когда он заулыбался, продемонстрировав два клыка, острых, как кинжалы.

— Так-так... — он чуть пришепётывал, — неужто знаменитый Гарри Поттер? Вот так *сюрприз*.

* * *

После того, как Драко, хлопнув дверью, вылетел из спальни, Гермиона вдруг осознала, что ей не во что переодеться. Флёр пообещала, что проследит за пересылкой вещей с Диагон-Аллеи на квартиру к Виктору, но до тех пор Гермионе предстояло страдать: после полёта через камин она была в золе и грязи, а благодаря Виктору и Драко, вдобавок, пахла сигаретами. Вдохнув, она расстегнула и скинула блузку и натянула старую футболку Гарри. Гермиона просто обожала её: подаренная Роном, когда им всем было по пятнадцать и совсем не подходящая Гарри по цвету (бледно-коричневая с чёрными буквами), но Гарри безропотно носил её, и ткань на ощупь стала тонкой и удивительно мягкой. И пахла Гарри. Который должен был появиться с минуты на минуту. Прежде чем выйти в коридор, Гермиона оценивающе взглянула на себя в зеркало. Как она и думала, косы растрепались, а потому она просто расплела их, попыталась руками устранить пучину на голове и отправилась искать Драко.

Окликнув его по имени, она вышла в коридор. Квартира была именно такой, какой она её себе воображала: аккуратная, европейского вида, выдержанная в приятной цветовой гамме. Ни на кухне, ни в кабинете Драко не было. Гермиона обнаружила его в гостиной, на подоконнике. Колени были подтянуты к подбородку, а если судить по рукам, то он в задумчивости жевал их. Огромный свитер был переброшен через спинку стула.

— Разве ты не слышал, как я тебя звала?

— Тёмно, — заметил он, словно не услышав, что она что-то сказала.

— А Гарри до сих пор нет. Я знаю, — она подошла и присела рядом, — ты из-за этого волнуешься?

— Не совсем, — он прекратил теревить рукав и взглянул на неё из-под руки. Волосы, упавшие на глаза, делали его совсем мальчишкой. — Слушай, а есть ещё какие-нибудь ответы на "я тебя люблю", кроме "я тоже тебя люблю"?

— Ну, можно сказать "я знаю". Не слишком хороший ответ, но всё же лучше, чем "о, и ты туда же!" или "а я тебя — нет".

— Ты надо мной смеёшься! — воскликнул он, улыбаясь, хотя глаза остались по-прежнему серьёзными.

— А почему ты спрашиваешь?

— Научно-исследовательские цели.

— Ну, ладно. Если серьёзно, то это зависит от того, как любит человек — как брат, сын, как друг или любовник, как родственник... ну, или ещё как-нибудь. Гарри вот всегда писал мне, когда мы были просто друзьями "люблю тебя". Конечно, я пыталась что-то искать в этих словах, но не думаю, что он, правда, подразумевал нечто романтическое.

— А ты когда-нибудь спрашивала его?

— Нет, — она удивлённо взглянула на Драко. — Слушай, а в чём дело?

Он задумчиво подёргал себя за шнурок на ботинках.

— Ни в чём.

— Врёшь, — Гермиона взяла его руку и, развернув ладонью вверх, погладила указательным пальцем страшный крестообразный шрам. Драко вздрогнул.

— Я сожалею о том, что сказала в кабинете твоего отца. Это было бессмысленно и дурно.

— Не стоит извиняться за правду.

— Не хочу огорчать тебя.

— Ты вот не огорчена. А ведь он и тебя оставил. Как ты справляешься с этим? Или это какая-то гриффиндорская штучка, недоступная мне? Я подумал, может... — и Драко вернулся к исследованию своих ботинок, — может, он больше не заботит тебя?

— Заботит.

— А может, он этого не достоин?

Она вздохнула и откинулась назад, почувствовала холод оконного стекла.

— Он достоин. Но даже если бы было не так, и если бы я была не права или настолько глупа, чтобы влюбиться в него — ничего бы не изменилось. Ведь мы любим не потому, что кто-то этого заслуживает. Самое важное — то, что ты способен на любовь, ведь большинство могут испытывать, дай Бог, десятую или сотую часть от настоящей любви. В основном, люди впадают в ужас, только представив себе нечто подобное. Но ты... нет. Ты не такой. Ты разбил флякон с противоядием, даже не задумываясь...

— Ну, не могу сказать, что совсем не задумываясь.

Гермиона взглянула на него. Драко — если не обращать внимания на дьявольскую усмешку, можно было принять за белого ангела.

— Ты всегда сравнивал себя с ним, — шепнула она. — Когда ненавидел и потом, когда ненависть прошла. Мне казалось, что ты попытаешься стать таким же, как он, но я ошиблась: вместо этого ты старался стать таким, каким он хотел тебя видеть. Это было ошибкой. Драко, ты никогда не станешь тем, кто ты есть на самом деле, если будешь пытаться соответствовать чьим-то ожиданиям.

Он не ответил. Пристально глядя в окно, замер.

— Гарри, — вскочив на ноги, он метнулся к двери, крикнув на бегу, — оставайся здесь.

Она могла лишь смотреть ему вслед в немом озадаченном удивлении.

* * *

— Вы — вампир, — сказал Гарри.

Он знал, что сообщает незнакомцу факт, о котором тот, безусловно, осведомлён, но не смог удержаться. Гриффиндорцу ещё не приходилось видеть настоящего вампира — только на колдографиях, которые во время Уроков Защиты демонстрировал им Люпин. Снежно-белое лицо, синева под глазами, длинные клыки — вид в точности соответствовал иллюстрации из *Учебника об Умертвиях*.

— Именно. Вампир. А ты — Гарри Поттер.

Смысла отрицать не было.

— Так вот почему Виктор велел мне не выходить после заката, — пробормотал Гарри. В глубине души он почувствовал досаду: Крум мог бы поподробней рассказать о местных достопримечательностях. Какая-то часть Гарри подумала, что Гермиона умрёт от зависти, когда он ей расскажет, что видел настоящего вампира, а другая часть, по имени Мальчик-Который-Выжил — вне зависимости от того, нравилось это Гарри или нет, — автоматически потянулась к эфесу меча. Прикинула расстояние до двери дома Виктора. Подсчитала количество переулочков, отходящих от этой улицы, и количество предметов, которыми можно было запустить во время драки. — Вам что-то нужно? — поинтересовался он. Пальцы сомкнулись вокруг рукоятки. — Или же вы предпочитаете познакомиться, прежде чем съесть кого-то?

Вампир склонил голову набок.

— А ты молоденький. Я думал, ты постарше. Нет. У меня нет намерения пить твою кровь, если, конечно, ты меня не вынудишь. Признаться, мне бы этого хотелось: такой могущественный и великий Гарри Поттер... твою кровь должна быть... да, нечто особенное...

Гарри повёл плечом, и плащ откинулся назад, обнажив стиснутый в руке меч.

— Только сунься, и я воткну его тебе в сердце.

Вампир улыбнулся, и острые зубы блеснули в неярком свете фонаря.

— Тебе стоит знать, что мы посланы Тёмным Лордом, — сообщил он, шагнув вперёд. Остальные, сомкнув ряды, колыхнулись следом — с опущенными капюшонами, из-под которых поблёскивали клыкастые улыбки.

Гарри вынул меч, металл шаркнул о металл, и рунический браслет ледяным холодом обжёг юноше руку. Вскинув меч, Гарри решительно взглянул на вампиров поверх клинка.

— Я предупредил: не подходи.

— Надо же — меч, — губы вампира дрогнули в улыбке. — Мы до смерти напуганы, разве не заметно?

— Мне приходилось убивать и не таких, — Гарри не приходилось прилагать усилий, чтобы говорить спокойно: он, и правда, не был напуган. Какая-то часть его даже хотела драки.

Ну же, давайте, вперёд, — подумал он.

Первый вампир сделал ещё шаг. Остальные двинулись следом — спокойно, размеренно — Гарри вскинул меч. По лицу главного вампира проскользнуло недоумение, сделав его сразу удивительно похожим на обычного человека, и в тот же миг он замер, словно налетел на стену.

— *Ce magie e asta?* — прошипел он на незнакомом Гарри языке, и в тот же миг, не успев по-настоящему удивиться, Гарри почувствовал крепкую хватку на своих руках. Кто-то дёрнул его назад, кто-то очень знакомый. И протяжный голос произнёс ему прямо в ухо:

— Ты не можешь убить вампира мечом, Поттер. И если бы ты не дрых на уроках по защите, пуская слюни по подбородку, ты бы это знал.

* * *

Гарри оглянулся:

— *Малфой?*

Драко, обхватив Гарри поперёк груди одной рукой и крепко держа за шиворот другой, напряжённо улыбнулся.

— Не падай в обморок от радости, Поттер. Это просто несолидно.

— Отпусти меня. Всё в порядке.

— Ты столкнулся с восьмью вампирами, — хватка Драко не становилась слабее, — видимо, у нас с тобой разное понимание выражения "в порядке", — Драко потащил Гарри в сторону бледного круга света, отбрасываемого уличным фонарём. — Дай мне твой меч, — произнёс слизеринец. Его дыхание щекотало шею Гарри, отчего волосы на загривке гриффиндорца встали дыбом.

Сквозь всю разделявшую их одежду — майки, плащи — Гарри чувствовал биение сердца Драко. Вампиры удивлённо замерли, взирая на юношей. Странно — но Гарри ни на секунду не усомнился, что его схватил именно Драко: в душе немедленно появилось странное чувство, что это точно он, и гриффиндорец без раздумий доверился и этой крепкой стиснувшей его руке, и этому резкому голосу, требующему немедленно отдать оружие, и привычной форме мыслей, и знакомому электрическому ощущению его присутствия.

— Драко, — прошептал Гарри, — как ты попал сюда, как ты нашёл меня?

— Просто дай сюда.

Гарри выпустил меч, и Драко перехватил его с лёгкой, скользящей грацией — не за эфес, а за лезвие. Гарри почувствовал, что слизеринец сморщился.

— *Малфой*, твоя рука...

Драко поднял меч вверх, к фонарю, и тень рукоятки — чёрная и чёткая — упала на мостовую у его ног. Крест.

Попештавшись, вампиры отшатнулись от ненавистной им тени. Лишь высокий вампир, тот самый, что разговаривал с Гарри, не шелохнулся.

— Ты... — он не сводил взгляд с Драко. — Я тебя знаю.

— Ничего подобного, ты знаешь моего отца.

— *Arati exact ca tatal tau*, — бледные губы вампира искривились в усмешке. — Ты очень на него похож.

— *Nu sunt ca tatal meu*, — ответил Драко, и Гарри удивлённо полуобернулся, но Драко даже не посмотрел на него: он стоял, не сводя глаз с вампира.

Тот ухмыльнулся.

— Говоришь по-румынски? А вот твой друг, — он кивнул на Гарри, — нет.

— Да, он мой друг. *Daca vii aproape, de el, te ucid*.

— Твоё дело. А что насчёт девушки?

Драко окаменел.

— Тут нет девушек.

Гарри чувствовал, что ничего не понимает в происходящем, и всё сильнее и сильнее волновался. О чём они говорят? Он почувствовал смутное раздражение, что Драко никогда не упоминал о том, что понимает по-румынски. Хотя, если начистоту, такой вопрос никогда не возникал.

— Ты говоришь, что не похож на своего отца, — заметил вампир. — Но он — изрядный лжец. Даже сейчас Тёмный Лорд уверен, что он что-то замышляет.

Драко негромко усмехнулся.

— Верность моего отца не продаётся и не покупается. Она просто не существует. У Вольдеморта есть страхи посерьёзнее, чем мой отец.

— Ты говоришь о себе?

— Я говорю о Гарри.

Глаза вампира скользнули к гриффиндорцу, и даже на расстоянии юноша ощутил ледяной холод, каким веяло от бездонного взгляда древнего существа.

— Защита, что хранит тебя, прочна. Но ни чары любви, ни руны, ни драконья кровь не спасут тебя, когда ты встретишься с Тёмным Лордом. И он найдет ужас на землю раньше, чем ты сможешь справиться с ним.

— Пусть найдет.

— Точно, главное, чтобы он не заставил тебя оплатить доставку, — произнёс над ухом Драко. — Он — дешёвка и ублюдок, этот Тёмный Лорд.

Гарри рассмеялся, через миг Драко присоединился к нему. Вампиры не сводили с них глаз.

— Так ты против Лорда? Против собственного отца? — поинтересовался первый вампир.

— Ты же, вроде, сам мне сказал, что мой отец теперь играет против Тёмного Лорда, — заметил слизеринец.

— Возможно, но коли ты на стороне Поттера, значит, против них обоих?

— Да, он со мной, — подтвердил Гарри.

— Я сам по себе, — словно не услышав его слов, ответил Драко. — И мой отец тут ни при чём.

Вампир ухмыльнулся, продемонстрировав свои ужасающие клыки.

— Знавал я Малфоев. Уж не первый век пошёл, а они всё такие же — и ты такой же: глаза, лицо, манеры...

— Манерам можно научить, — возразил Драко. — Это же не кровь...

— *Sangele apa nu se face*, — произнёс вампир, — кому не знать крови, как мне. Зов крови, юный Малфой — не так-то просто его избежать. *Bufnita nu cloceste privighetori*...

Драко приподнял бровь:

— Что — вы уговариваете меня не заниматься сексом с голубями? Не утруждайте себя — я и не собирался: как называл их мой отец, крысы с крыльями.

— Я сказал, — раздражённо рявкнул вампир, что у орлов не рождаются голуби. Это наша старинная национальная поговорка.

— Видимо, мой румынский не так и хорош, всё в пределах "Это ядовитая змея?" и "Эй, цыпочка, я могу угостить тебя пивом?" — так что тебе стоит поискать кого-то, кто сумеет оценить всё многообразие ваших пословиц, в другом месте. Однако не могу не сказать, что наша беседа была весьма увлекательна. А теперь нам с Гарри пора.

— Я не припомню, чтобы разрешал вам это сделать, — прорычал вампир.

— Не думаю, что ты отправишься с нами, иначе бы давно собрался. Есть что-то, что тебя не пускает? У Гарри?

В повисшей тишине вампир что-то прошипел на румынском. Как подозревал Гарри, нечто грубое.

— А я-то тут причём? — прошептал Гарри. — Почему он не может ко мне подойти?

— Ты особенный, — пояснил Малфой, — Я думал, ты уже привык к этому, во всяком случае, после последних событий.

— Ну, ладно, — с неприятным раздражением в голосе пробормотал вампир. — Мы с вами ещё увидимся, детишки, перед тем, как...

— Погоди, — неожиданно сказал Гарри.

— Погодить? — удивился вампир.

— Хочу, чтобы ты кое-что передал от меня Тёмному Лорду, — Гарри отошёл от Драко, и теперь стоял один в круге света, падающего от уличного фонаря... — передай, что я иду. Иду, чтобы убить его. Но если он ранит Рона, всё будет ещё хуже: я сожгу его тело и развею прах над Лейчестерской площадью, так что всю оставшуюся вечность магглы будут отплясывать прямо на нём. *Передай ему*.

В голосе юноши прозвучала такая злоба, что вампир снова заулыбался, тогда как Драко напрягся и обхватил гриффиндорца поперёк груди. Сейчас его рука напоминала сталь.

— Я передам, — кивнул вампир, закутался в плащ и исчез, сопровождаемый себе подобными.

Юноши замерли, не в состоянии двинуться с места. Гарри смотрел на пустую улицу — тени, ясные огни фонарей, закрытые и занавешенные окна. Он слышал, как гулко пульсирует кровь в висках.

— Неплохая работа, — заметил Драко, отступая и выпуская Гарри. Гриффиндорец повернулся к нему лицом: Малфой стоял, держа меч за эфес, но клинок был покрыт чёрными в этом свете подтёками крови. — Особенно удалась последняя речь. Просто какой-то манифест будущих действий.

— Я действительно собираюсь это сделать. Ты порезался?

— Самую малость. Всё в порядке.

— Где Гермиона? Она с тобой?

— Она наверху, в квартире.

— Значит, Виктор разболтал вам, где я.

— Нет, на самом деле, это была Флёр.

Юноши беседовали так спокойно, словно речь шла о погоде. Гарри с трудом удерживался от желания в упор рассматривать Малфоя: лицо слизеринца было бледным, решительным и непроницаемым, его залитая тусклым светом голова казалась обсыпанной битым стеклом.

— Я же просил её ничего вам не говорить.

— А Виктор просил тебя не выходить после наступления темноты.

— Я кое-что забыл в баре. Одну важную вещь, — вспыхнул Гарри.

— Не иначе мозги и чувство ответственности. Ой, нет, постой, — это уже две вещи.

— Рад, что у тебя всё в порядке с арифметикой, Малфой.

— Да, зато вот у тебя с ней проблемы.

— Прекрати, — наконец, не выдержал Гарри. — Я не хочу с тобой ругаться, я не злюсь на тебя.

— О, как мило, — подчёркнуто нейтральным голосом произнёс Драко. Сейчас он поднял лицо, и тени превратили его в маску. — Мысль о том, что я могу причинить неудобства или неприятности, мне ненавистна.

— Ты за этим сюда пришёл? Чтобы спасти мне жизнь?

— А что ещё могло заставить меня последовать за тобой? — с самым спокойным и разумным видом поинтересовался слизеринец.

— Ну, может, ты по мне соскучился. Ну, может, совсем чуть-чуть... как мне казалось.

— О... — вокруг рта Драко углубились тени. Гарри попытался разумом — абсолютно безуспешно — дотянуться до чувств Драко. Создалось ощущение, будто он прижался лицом к чёрному непрозрачному стеклу. — Увы, нет.

Гарри захлопал глазами:

— Тебе вовсе не обязательно демонстрировать мне свою гордость...

— Вот ещё, думаю, тебе стоит уяснить для себя, что пользы ни для меня, ни для моей гордости от тебя никакой. Ты и при жизни не нуждался во мне, тем более теперь, — когда ты покойник...

— Я ещё не покойник, — буркнул под нос Гарри и, встретившись со странным взглядом Драко, стиснул зубы. — Я скучал по тебе. Думай, что хочешь — но я по тебе скучал, — Драко не сводил с гриффиндорца глаз, на светлые волосы лился ясный свет фонаря. Гарри облизнул пересохшие губы. — Ну же, скажи, что ты думаешь.

— Думаю, — в тон откликнулся Драко, — что мне приходится прикладывать массу усилий, чтобы не дать тебе сейчас по голове.

— Вот как. А можно поточнее — как много усилий?

— Очень много, — рука Малфоя взвилась в воздух, и эфес с силой опустился, ударив точно в висок. Гарри как подкошенный, рухнул на землю.

* * *

Распахнув дверь в квартиру, Драко обнаружил стоящую посреди коридора Гермиону с арбалетом у плеча. Арбалетом, нацеленным прямо на него.

— Только двинься, и я всажу стрелу тебе в сердце, — твёрдо произнесла она. — И не сомневайся: именно так я и поступлю, Малфой. Стой, где стоишь.

Драко замер, как был, — держась рукой за косяк. Вся рубашка спереди алела, залитая кровью. Чужой кровью.

— Я вышел всего на десять минут, — заметил он, не сводя глаз с оружия в её руках. — Неужели такого короткого промежутка времени достаточно, чтобы твоё отношение к людям в корне изменилось?

Тяжёлый арбалет больно давил на плечо, но она не шелохнулась.

— Где Гарри?

— Внизу, в парадном. Я пришёл, чтобы ты помогла мне поднять его сюда. Ну, или я сам. Признаться, это было ещё до того, как я осознал, что ты решила, что кровоточащая рана в груди — это именно то, что улучшит такой тухлый день.

Гермиона чуть расслабилась.

— Ты ударил его — я видела, когда целилась из окна. Я бы подстрелила любого вампира, рискнувшего к вам приблизиться.

— Я должен был ему вмазать — в противном случае он бы не пошёл, — тон слизеринца был спокойным и чуть скептическим, а веселье в глазах заставило её почувствовать себя дурушкой. — И я не понимаю, какая связь между ударом и твоей готовностью пришить меня к стене четырнадцатидюймовой стрелой.

— Вампиры могут гипнотизировать людей взглядом, — перебила Гермиона. — Ты во время урока на что-нибудь обращаешь внимание? Вот я и решила, что он загипнотизировал тебя, чтобы ты ранил Гарри.

— Всё в порядке, этого не произошло. Так ты идёшь со мной или нет? Твой приятель, бесчувственный и окровавленный, валяется в парадном. Ещё немного и у него может начаться сепсис, или же он придёт в себя и сбежит. Кстати, не исключён и комплексный вариант.

Гермиона опустила арбалет.

— Поверить не могу, что ты ударил его по собственному желанию.

— А я не могу верить, что тебе захотелось меня подстрелить.

— Я бы этого не сделала! — вспыхнула она.

— А если я, и правда, был под гипнозом? — отрывисто поинтересовался он.

— Я бы не смогла, — она замотала головой.

— Ладно, — он отпустил косяк и собрался спускаться вниз, — полагаю, в этом и состоит различие между нами, да?..

* * *

Пробуждение напомнило две очень длинные и тонкие иглы, воткнутые в виски и доходящие почти до самых глаз. Он хотел потереть глаза руками, но что-то, похоже, мешало.

— Добро пожаловать обратно в мир живых, — знакомый голос. Драко. — Тебя свет не беспокоит?

— Беспокоит, — ответил Гарри и снова сморщился. Говорить было больно, словно голова решила взбунтоваться и разорвать свои отношения с шеей. Да и остальное тело тоже отказывалось сотрудничать. Во всяком случае, руки и ноги — точно.

— Тебе крупно не повезло, — довольно бесчувственно, к удивлению Гарри, заметил Драко.

Он медленно открыл глаза.

Юношалежал навзничь на кровати в спальне Виктора, а рядом, рассеянно теребя кольцо на левой руке, восседал Драко Малфой. И тут Гарри понял, почему руки и ноги вдруг стали такими непослушными: они были связаны и прикручены к витой кровати спинке.

— Малфой! — взвизгнул Гарри и, забыв о головной боли, задёргался в своих оковах. Бесполезно. — Какого чёрта ты это сделал? Зачем ты меня связал?

— Обижаешь, Поттер, — с блаженной улыбкой откликнулся Драко, — стал бы я заниматься такими вещами.

— Тогда...

— И я вызвал для этого домашних эльфов. Им нет равных в вязании таких коварных узлов.

— Зачем? — это было всё, на что хватило Гарри.

— Я уже устал гоняться за тобой по Европе, мотаться из страны в страну, не имея времени даже сменить штаны. Ты просто "летун" какой-то. Мне что, приковать себя к твоей ноге — я не вижу другого способа, гарантирующего, что ты никуда отсюда не денешься до возвращения Гермионы. А после мы решим, что с тобой делать.

— Гермиона не будет в восторге, что ты меня связал, — проворчал Гарри.

— Наоборот. Это была её идея.

Правая рука Гарри задёргалась, но верёвка держала крепко.

— Где она?

Драко изящно пожал плечами. Похоже, он успел плеснуть на лицо водой, хотя вся одежда была забрызгана кровью и грязью. Гарри поймал себя на том, что разглядывает его. На улице он не смотрел на Драко, и теперь испытывал странную боль узнавания: значит, так выглядит Драко, его формы и углы, мягкие спутанные волосы, контрастирующие с острым подбородком и резкостью черт.

— У нас тут связан не я, а ты. И было бы логичней задавать вопросы именно тебе.

Гарри отказался от попыток вырваться на волю и затаих на кровати:

— Слушай, я знаю, что расстроил тебя. Я знаю, что я...

— Заткнись, — выражение лица Драко не изменилось, как не повысился и тон его голоса, но в нём зазвучало нечто, заставившее Гарри вздрогнуть и вытаращить глаза. Драко рассматривал гриффиндорца с лёгким равнодушным весельем.

— Ладно, если у тебя есть вопросы — задавай. Кстати, верить не могу, что ты дал камнем мне по голове.

— Я не бил тебя камнем. Ты получил рукояткой моего меча.

— Ну, это уже детали. И, кстати, это был *мой* меч.

— ...который, по счастью, оказался при тебе. Не могу сказать, что это была гениальная идея, но, во всяком случае, не самая дурацкая, что ты сегодня сделал.

— Можешь называть меня дураком, если тебе так нравится, вы все как сговорились...

— Сговорились? — приподнял бровь Драко.

— Флёр туда же. Ну, естественно, она ещё сказала, что я великий воин.

— Не перевозбудись. Она всем парням так говорит.

— Насчет воина или дурака?

Драко пропустил это мимо ушей.

— У тебя восхитительно подбит глаз, — сообщил он. — К краям красный, жёлтый и бордовый. Похоже, у тебя даже синяки получают гриффиндорских цветов.

— Ты подстригся? — прищурился Гарри.

— Нет.

— Нет, подстригся. Раньше у тебя волосы были такими длинными, что ты практически мог заплетать в них ленты. А сейчас едва уши закрывают.

— Если мы говорим именно о стрижке, то меня не стригли. Я сам всё обрезал. И вообще, мне бы сейчас хотелось побеседовать не о моих волосах.

Чуть оторопев от холодного тона слизеринца, Гарри, тем не менее, не отступил: он имел опыт общения с Драко, когда тот был в дурном настроении. Обычно его было достаточно рассмешить, чтобы он расслабился, дал слабину.

— Ты точно не хочешь поговорить о своей причёске? — весело спросил он. — Тогда кто ты и что сделал с настоящим Драко Малфоем?

Драко воззрился на него совершенно неопишным взглядом:

— Ты знаешь, кто я.

Гарри почувствовал лёгкую дрожь и напряжение во всём теле: ему показалось, что Драко готов снова наброситься с кулаками. Но голос в голове шепнул: "Драко бы никогда меня не ударил", — и это было правдой. Ведь тот ударил только для того, чтобы вернуть его в чувство и не дать снова убежать. Разве сам Гарри поступил иначе — тогда, у Поместья, швырнув его в снег, прочь с дороги адовых гончих. И, когда Драко вылез из сугроба, бинты на нём пропитались кровью...

То, что мы делаем друг для друга...

— Малфой... — Гарри прикусил нижнюю губу, — а я и не знал, что ты говоришь по-румынски...

— У меня там родственники. Дядя прожил там довольно долго. Я тебе говорил.

— А что он тебе говорил? Вампир?

— *Sangele apa nu se face*, — что значит *кровь* — это не вода. Это поговорка. Думаю, он имел в виду моего отца или, вообще, — семью.

— Он знаком с твоим отцом?

— Я предпочёл бы не говорить о моём отце.

— Так, об отце ты говорить не хочешь, о волосах — тоже. О чём побеседуем?

— Я, вообще, не хотел бы с тобой разговаривать, — сообщил Драко, — но поскольку мы тут застряли, пока Гермиона не закончит свои дела на кухне, давай-ка выберем тему, не имеющую отношения ни к нам, ни к моей семье, ни к нашей с тобой обоюдной неприязни.

Гарри захлопал глазами. Слова Драко были лишены всякого смысла, и всё, на что был способен юноша, — это вздох изумлённого отрицания.

— Я никогда...

— К ПРИМЕРУ, — перебил его Малфой, — если есть *petrificus totalus*, то должно быть и *petrificus partialus*, верно? Тогда почему люди не пользуются этим для всяких изощрённых сексуальных утех? Потому что я не могу понять, для чего это может быть ещё полезно...

— Неприязнь? Я никогда не испытывал к тебе...

Драко выглядел настолько взбешённым, что, по мнению Гарри, от ошеломляющего удара его спасло только появление в дверях Гермионы с серебряной фляжкой в руках.

Гарри не мог отвести от неё глаз — она была всё такой же и, в то же время, стала другой. Он рванул вперёд, хотя верёвки на запястьях не пускали. Сердце кувыркнулось в груди: на ней была его старая паддлермерская майка... наверное, это добрый знак? Футболка мешком висела на её хрупкой фигурке, тонкие руки болтались в рукавах, лицо заострилось и стало каким-то полупрозрачным, мягкие губы дрогнули, а глаза широко распахнулись, когда она увидела его:

— Гарри...

Драко переводил взгляд с одного на другого, губы сжались в тонкую горькую линию.

— *Plus ça change, plus c'est la meme chose*, — сообщил он. — Я пойду. Я видел на кухне шестидесятиградусный болгарский сироп от кашля, названный в мою честь. Если во мне есть надобность, говорю сразу — отвалите.

Его слова выдернули Гермиону из оцепенения.

— Стой, Драко, — она протянула ему серебряную фляжку, — прими это, пожалуйста.

Не взглянув на Гарри, Драко поднялся с кровати и подошёл к ней. Она ткнула фляжку ему в руку и что-то тихо произнесла — так тихо, что Гарри не расслышал, равно, как не расслышал и ответ Драко. Возможно, это было — *не злись?*.. Слизеринец тряхнул головой и пошёл прочь, но она взяла его за руку и потянула назад.

И что-то было в её жесте — привычность, желание удерживать его рядом, а может, то, как легко Драко позволил ей сделать это (а Гарри знал, с какой осторожностью тот относится к чужим прикосновениям, как

беспокоят его любые случайные жесты) — что ревность, однажды обуявшая его во сне, снова накрыла гриффиндорца волной тошноты, близкой к боли. Он сдержал её, стиснув кулаки.

Я заслужил это, — подумал он. — *Я не имею права...*

Гермиона отпустила руку. Драко, не улыбнувшись, взглянул на неё, потом посмотрел на Гарри — в глазах не было ненависти, скорее, там было удивительное, раннее равнодушие и пустота — и вышел из спальни, закрыв дверь.

Гермиона обернулась, и Гарри глубоко вздохнул: он понятия не имел, что сказать ей.

* * *

— Те иллюзии теперь выглядят не так уж и страшно, правда? — промурлыкала Рисенн, пощекотав указательным пальцем шею Рона. — Сколько партий вы сыграли? Шесть? Десять?

Рон отпрянул прочь.

— Прекрати! Не пойму, в чём смысл этой клетки, если ты можешь всюду совать свои руки? Я бы посоветовал Вольдеморту сделать прутья погуще.

— Ты скрываешь что-то, — шепнула она, и чёрные волосы занавесом упали ей на лицо. Но сквозь них Рон мог видеть, что она улыбается, — а Тёмному Лорду это не по вкусу. Ты опасаясь будущего?

— Все его опасаются, — буркнул Рон, не сводя яростного взгляда со стоящей перед ним шахматной доски. Они играли пятую партию, и первые четыре он позорно проиграл, потому что не сумел достаточно сконцентрироваться. А всё дело было в том, что, на самом деле, он не хотел никакого видения: он до смерти боялся того, что мог увидеть и не мог справиться с паникой, охватывающей его при мыслях о Гермионе и Гарри вдобавок.

За Драко он не боялся — тот мог позаботиться о себе, чтобы его черти побрали.

В середине пятой игры глаза Вольдеморта с подозрением прищурились, но, к счастью, вбежал возбуждённый Червехвост и вызвал Вольдеморта из зала.

Рон мрачно таращился на шахматную доску, гадая, есть ли смысл попытаться сжульничать и надуть Тёмного Лорда, пока того нет. И обратит ли кто-то внимание, если Рон смухлует.

— Не все боятся будущего, — заметила Рисенн, — только те, которым есть чего терять.

— И каким же образом это касается меня?

— Ты влюблён. А всем влюблённым есть, что терять.

— Ну, значит, это всех касается, верно? Ведь каждый человек кого-то любит. Даже у Малфоя есть чувства. Жалкие чувства, но всё же...

— В отношении чувств ты похож на него куда больше, чем думаешь, — и Рисенн заправила волосы за ухо. Рон торопливо отвёл взгляд: она опять оказалась практически голой. Если честно, ему бы хотелось, чтобы его заранее предупреждали о подобных намерениях.

— Я не похож на Малфоя.

— Похож, — возразила дьяволица, — любить без взаимности, любить, когда любовь приносит лишь боль, любить, когда нет права на любовь... это такая боль, которую нельзя даже произнести, возможно, нельзя даже понять, пока ты её сам не почувствуешь...

— Все имеют право любить, — пробурчал Рон, испытывая неловкость, — и, вообще, — я не влюблён. Если Малфой втрескался, то это его право, а я даже думать об этом не хочу, потому что это бе-е...

Рисенн развеселилась.

— Полагаю, что, будь на то твоя воля... — начала она и тут же осеклась, потому что огромные двойные двери распахнулись, вошёл Вольдемо́рт и следом за ним — Гэбриэл. И Рон, и Рисенн содрогнулись: Тёмный Лорд был в бешенстве.

— Что значит "не могли приблизиться к нему"?! — голос Вольдеморта ревел, как гудящий костёр, — чёрная мантия с кровавым подбоем взмыла в воздух, когда он развернулся, чтобы испепелить яростным взглядом бледного и угрюмого вампира. — *Что это значит?!*

— Это значит, что я не мог к нему подойти, — сдавленным голосом ответил Гэбриэл, выглядящий теперь менее похожим на человека — слишком бледным, напряжённым и нервным. Сквозь плотно сжатые губы угадывались очертания клыков. Рон помнил рассказ Люпина о том, что вампиры меняются в лице, когда начинают испытывать голод, становясь восковыми на вид, и содрогнулся. К счастью, на него, как всегда, никто не обратил внимания. Опершись локтями на шахматный стол, юноша сидел, не сводя глаз с происходящего и стараясь не смануть на пол шахматные фигуры.

— Вы даже не сказали, что он окажется там. Я думал, девушка...

Вольдемортом отнёс возражение взмахом руки:

— И что — с ним ничего нельзя было поделаться? Он что — использовал какое-нибудь сильное заклятье или же оказался увешан распятиями?

— Он оказался увешан юным Малфоем, — скривив губы, ответил Гэбриэл, — но не это стало помехой.

— Юный Малfoy? — прищурился Вольдемортом. — Разве он не умер?

— Во всяком случае, при мне он выглядел абсолютно живым.

— Я говорю в переносном смысле — я знаю, что он жив, я, некоторым образом, поставил на него. Хотелось бы, чтобы он не умер до церемонии, хотя чрезмерное рвение Люциуса может заставить меня поменять планы. В любом случае, Поттер...

— У него при себе какое-то заклятье, — перебил Гэбриэл, — что-то вроде рунического браслета с мощной антидемонической защитой. Я не могу приблизиться к нему.

— Может, стоило бы ещё попытаться?

— Я не мог, — упрямо повторил Гэбриэл, — и никто бы не смог. Для того чтобы добраться до него, вам нужно найти какой-то иной путь.

— Я бы послал Червехвоста, — пробормотал Вольдемортом, — но он слаб и глуп... — он резко вскинул голову, и его устремлённые на Гэбриэла глаза неприятно блеснули. — Дай мне твоих слуг. Людей.

— Но это мои слуги, и подчиняются они *мне!*

— А ты, — напомнил Вольдемортом, — подчиняешься мне.

Рон вспомнил, что слышал на Защите о вампирах, — что те могут гипнотизировать людей взглядом. Если Гэбриэл решил сейчас испытать нечто подобное на Вольдеморте, то потерпел крах: краткая волевая борьба закончилась полной победой Вольдеморта, Рону даже показалось, что в глазах Гэбриэла что-то съезжилось.

— Хорошо, мой Господин.

— Запомни: мне нужно то, что девушка носит с собой. Убедись, что они точно поняли — это должно быть доставлено вместе с ней. Они могут касаться серебра?

— Да, — глаза Гэбриэла скользнули к Рону. — Господин... этот мальчик... там...

— И что?

— Я мог бы поест его?

Рон отодвинул свой стул так быстро, что на мраморе появилась царапина.

— Даже и не думай об этом, зубастик!

— Моего Прорицателя? Ни в коем случае, — произнёс Вольдемортом, — мне он нужен живой.

Вампир облизнулся, глаза его горели, когда он в упор рассматривал Рона.

— Я мог бы совсем чуть-чуть... Он остался бы в живых.

— Нет, — отрезал Вольдемортом, — ты не получишь его крови — ни капли. А теперь уходи, — у нас мало времени. Если тебе нужна кровь, можешь перед уходом испить Червехвоста.

Гэбриэл сморщился:

— Он отдаёт луком.

— У магглов есть чудесный афоризм про нищих и тех, кто выбирает, Гэбриэл. Думаю, было бы неплохо, если бы ты его выучил. А теперь ступай, — Вольдемортом, а следом и вампир вышли из комнаты.

Когда за ними захлопнулась дверь, Рон развернулся к Рисенн, которая за весь разговор не проронила ни слова. Дьяволица ответила ему пристальным взглядом тёмно-серых глаз.

— Кого он имел в виду, говоря о слугах-людях? Кто это такие?

— Если вампир укусит тебя, но не выпьет всю кровь, он станет твоим хозяином. Что-то, слегка напоминающее Проклятье Imperius. На самом деле, вампир может командовать целой армией, состоящей из людей, притом, что они остались людьми, и тогда антидемоническая защита Гарри не сможет ему помочь.

— У Гарри есть Заклятье, охраняющее его от демонов?

— Рунический браслет, что он носит на поясе, — пояснила Рисенн.

Рон с подозрением прищурился:

— Ты ведь знала это, да? И промолчала?

Рисенн рассматривала свои ногти.

— Гарри с Гермионой, — начал вслух размышлять Рон. — Мне показалось, что червехвостов шпион говорил тут, что она с Драко.

— Однажды наступит день, — со скучающим видом заявила Рисенн, — когда я пойму, почему из-за этой девицы столько шума. Ведь она даже не красива.

Рон пропустил её слова мимо ушей.

— Прислуживающие ему люди... Как думаешь, он не забудет предупредить, чтобы они не ранили её? Должен ли я...

— Они сделают всё, как велено. Тёмный Лорд сказал Гэбриэлу, чтобы её не трогали.

— И ещё он сказал, чтобы тот держался от меня подальше, — заметил Рон. — Зачем? Что такого, если он меня укусит?

— Как, ты не знал? — удивилась Рисенн. — Ведь твоя кровь нужна ему самому.

* * *

Гарри не шелохнулся, когда Гермиона подошла к кровати. Как она подозревала, не последнюю роль сыграло то, что, в общем-то, ему некуда было двигаться: Драко туго привязал его. Возможно, ему не было больно, но вот неудобно почти наверняка. Юноша приподнял голову, когда она присела рядом. Над правым глазом у него красовался чёрно-фиолетовый синяк.

— Больно? — она поймала себя на мысли, что хочет коснуться его лица.

— Да, — в лице и линии рта читалась напряжённость и настороженность. — Гермиона, не могла бы ты...

— Конечно, — она вскинула палочку, верёвки развязались, и руки Гарри упали на колени. Юноша с унылым видом потёр запястья и настороженно поинтересовался:

— Ты тоже собираешься на меня кричать, да?

После короткого раздумья Гермиона ответила:

— Нечто подобное мне сегодня сказал Драко. Подозреваю, что в последнее время я слишком много кричала на вас обоих. Прости...

Гарри замер. Его упрямство как ветром сдуло.

— Так ты не сердись?

— Ладно, сержусь, — безнадёжно согласилась Гермиона. — Ты бросил меня и убежал, влип в неприятности... Гарри, почему ты возвращался так поздно? Виктор же велел тебе не выходить после захода солнца! Или ты решил просто не обращать внимания на его слова?

У Гарри сразу стал очень раздражённый вид.

— Нет, я... — он вздохнул. — Не могла бы ты перестать мне мой плащ? Драко кинул его куда-то в ноги.

Чуть удивлённая, Гермиона передала ему, что он просил и, сунув руку в оттопыривающийся левый карман, Гарри вытащил небольшую зелёную книжку с золотыми буквами.

Кодекс поведения семейства Малфоев.

— Книга Драко? — спросила Гермиона.

— Можно и так сказать. Он подарил её мне на Рождество, — глядя большим пальцем корешок, ответил Гарри, — и я взял её с собой почитать... тут, в квартире, не было ни одной книги на английском. И...

— ...и забыл где-то? — закончила Гермиона. — И был вынужден за ней вернуться?

Гарри смущённо опустил взгляд.

— Да, я не мог призвать её — эта книга защищена от подобных вещей массой заклинаний...

— И не мог вернуться за ней завтра?

— К тому времени кто-нибудь швырнул бы её в мусорку! — возмутился Гарри. — Или стащил, или... Гермиона, неужели ты не понимаешь, как это важно...

— Ну, да — это же подарил тебе Драко...

— Он не подарил, он — доверил мне её! — Гарри осторожно положил книгу на ночной столик. — Он доверил мне много разных вещей, и я не оправдал его доверия почти ни в чём, так что не стоит подводить его и в этом. Это — фамильная реликвия, а ты знаешь, как он относится к подобным вещам. Фамильным... — юноша снова скривился и замолчал. — Мои щиколотки. Я почти забыл.

— Ой, сейчас, — Гермиона палочкой коснулась его ног, и верёвки упали. Подняв глаза, она снова встретилась с унылым взглядом Гарри, мрачно растирающим свои лодыжки.

— Знаешь, я, наверное, раз сто представлял, как мы увидимся, но, должен тебе сказать, мне и в голову не приходило ничего подобного.

— Мне жаль, что всё произошло именно так, Гарри, — она старалась, чтобы её голос звучал спокойно. Ей до боли захотелось коснуться его, захотелось убрать со лба налипшие волосы, захотелось припасть губами к его щекам, обнять его и снова почувствовать мерные, знакомые удары сердца. Но она промолчала и не двинулась с места: она сидела, сложив руки на коленях, устываясь в одну точку где-то чуть ниже его левого уха.

— Как? — Гарри наклонился и убрал верёвку со своих ног. Гермиона подвинулась, чтобы дать ему место. — Малфой совсем в уме тронулся?

— Он был вынужден ударить тебя. Иначе ты бы снова убежал.

— Он не должен был привязывать меня к кровати.

— Ну, если честно, я думала, он свяжет тебя и положит на диван, но, думаю, тебе разница показалась бы весьма несущественной.

Гарри глухо заворчал.

— Не хочу говорить о Малфое. Ты что — тоже меня ненавидишь? Из-за чего весь сыр-бор?

На этот раз она взглянула на него в упор:

— Ненавижу то, что ты сделал. Что ты бросил меня.

Судорога искажила лицо Гарри.

— Гермиона, я...

— Я ненавижу то, что ты сделал с Драко.

— Я не хочу о нём говорить.

— Ты поступил плохо. Очень плохо, — бесчувственно произнесла Гермиона. — И если ты думаешь, что я позволю тебе уйти отсюда в одиночку, ты выжил из ума, Гарри Поттер. Я понятия не имею, с чего ты вбил себе в голову, что в одиночку спасёшь мир...

— Я не хочу уходить отсюда без тебя, — тихо откликнулся он.

Гермиона пристально взглянула на него. Ей раньше не приходило в голову, что он может лгать, но Гарри не лгал. Драко тоже не лгал себе, но из других побуждений: просто заблуждение для него являлось слабостью, а слабость презренна. Гарри же не лгал, потому что не мог. Пальцы юноши судорожно теребили край покрывала.

— Я был не прав, оставив тебя, — тихо откликнулся он. — Вас обоих. Теперь я это понимаю. Я просто прогнал от себя мысли о том, чтобы попросить вас следовать за мной, мне они показались высшим проявлением эгоизма... Тащить вас за собой на поиски, нужные мне одному. В конце концов, Тёмный Лорд хочет именно моей смерти. Как всегда. И то, что случилось с Роном — моя вина.

— Но, Гарри...

— Не надо, — руки Гарри ходили ходуном, но голос был ровен и твёрд. — Дай мне сказать. Я говорю тебе, что думал раньше, а не то, что думаю сейчас. Драко всё пытался сказать мне, но, я думаю, у меня всё пролетало мимо ушей, — Гермиона заметила, что Гарри назвал Малфоя по имени, но ничего не сказала. — Он твердил, что я — герой, и, потому, у меня свой, особый выбор. Я думал, что он подшучивает надо мной — ну, как это он обычно делает, чёрт, точнее, как обычно делал: Гарри Поттер — Спаситель Мира. И так далее. Я подозревал, что всё дело в том, что он пытается сделать так, чтобы я не зазнался. Но после того, как я ушёл, я понял, что он имел в виду. И он был прав. Он вовсе не смеялся надо мной. Он хотел, чтобы я осознал, что быть героем — значит быть грубым и резким. Унижать и ежедневно стоять перед выбором — *бессмысленным*, безобразным и отвратительным. В этом нет ничего славного. Он пытался донести до меня, что нет никакого удовольствия в том, что ты видишь, какую боль испытывают твои друзья. Ты должен выбрать весь мир, а не... — закончил он, и в голосе не было ни капли жалости к самому себе, только усталость и опустошённость.

— Я думала, ты пытался сделать именно это. И выbral мир.

— Нет, — замотал головой Гарри, — я просто пытался сделать так, чтобы дорогие мне люди избежали боли. Мне было бы невыносимо видеть это. Но это не значит, что я выбираю весь остальной мир: я выбираю себя и то, что люблю и без чего не могу жить. И истина в том, что, если я, действительно, хочу победить Тёмного Лорда, я нуждаюсь в вас обоих. Я не могу без тебя. Я даже не могу правильно думать, когда тебя нет рядом, у меня в голове всё путается, я пытаюсь представить, что ты делаешь, но тебя нет рядом... И некому сказать... И без Драко... — он осёкся.

— А что без него?

Гарри просто замотал головой.

— Я не хотел никому из вас причинять боль, — тихо произнёс он. — Это правда.

— Тогда зачем ты написал в письме Драко весь этот ужас? — спросила она. Это было жестоко, и Гермиона прекрасно понимала это. Гарри вскинул голову и удивлённо взглянул на нее. Черты его лица заострились.

— Он *показал* тебе?

— Он сначала даже не поверил, что ты сам это написал, — сказала Гермиона, гордо удержавшись от замечания, что ей он, вообще, не оставил ни строчки. — Мне пришлось применить заклинание, чтобы доказать ему.

Гарри стиснул пальцы так, то костяшки побелели.

— Знаю, я не очень-то силен в эпистолярном жанре, — нерешительно начал он.

— Гарри. Оно было ужасным.

— Я вовсе не хотел, чтобы оно было ужасным! — в голосе зазвучали гнев и боль. — Я просто пытался быть честным. Боже, я вряд ли сейчас вспомню, что говорил, всё как-то смазлось, но я в жизни не собирался...

— Не может быть, что ты имел в виду именно...

— А тебе-то какое дело? — он неожиданно почти сорвался на крик, и Гермиона едва не кувыркнулась с кровати: Гарри раньше никогда не кричал на неё, никогда. — Почему ты распекаешь от имени Малфоя, а? Почему ты не расскажешь мне о себе? Или за тебя будет говорить Драко?

— Он не будет говорить за меня, — одеревенело возразила Гермиона. Каждый раз, когда её что-то расстраивало, внутри у неё словно всё замерзло. Она это ненавидела, но поделать ничего не могла. — Но я буду говорить о нём.

— Думаешь, я не знаю, почему? Я же видел, с каким лицом ты на него только что смотрела — ты ведь чувствуешь себя виноватой, разве нет? Из-за того, что ты испытываешь к нему и из-за всего остального — ты выбрала меня, разбив его сердце. А он ничего не сказал. Окажись я на его месте, я бы уполз куда-нибудь в тёмный угол и, как изувеченная кошка, лежал бы и вызывал раны. Я бы не смог поступить так, как он. А он — он гордый. Слишком гордый. И ведёт себя так, словно ничего не произошло. Меня бы это просто убило, но он сильнее меня — в этом плане сильнее. Я видел, что ты толкаешь насдруг к другу, словно думаешь, что я смогу помочь ему восстановить всё то, что уничтожено тобой, что я смогу сделать его счастливым. Потому что пусть меня черти заберут, если ты хочешь, чтобы это сделала Джинни или, вообще, — любая другая девушка, ведь ты же ревнуешь его! Что ты хочешь, чтоб я ему ещё дал — ведь я уже дал всё, что мог... Кем ты хочешь, чтоб я для него ещё был — ведь я уже был для него всем, кем мог! Я всегда, всегда пытался быть таким, каким ты хотела, Гермиона, но, чёрт побери, я даже передать не могу, что ты хочешь от меня на этот раз!

Гермиона смотрела на него, вытаращив глаза. Она была настолько оглушена, что даже не могла разобрать, где его слова были правдой, а где за него говорила ярость и смятение. Всё, что она сейчас понимала: до этого ей не приходилось видеть Гарри в таком гневе.

— Наверное, я и правда оттолкнула тебя, — дрожащим голосом начала она. — Наверное, я эгоистка и твоя ненависть ко мне оправдана...

Гарри крепко зажмурился.

— Я не ненавижу тебя. Я просто знаю, что ты не чертовски идеальна, но это не значит, что я ненавижу тебя. Просто ты из тех, кто считает, что любой человек может стать совершенным. И я разбивался в лепёшку, пытаюсь стать тем, кем ты хочешь меня видеть. Но я — я не совершенен. Я временами эгоист, я делаю idiotские глупости, и я ненавижу... — ты даже поверить не сможешь, как я могу ненавидеть... В моей голове крутятся грубые, отвратительные, ужасные мысли. Постоянно. Каждый день я представляю, как сворачиваю Червехвосту шею... — голос Гарри наполнился отчаянием, задрожал, и юноша замолчал. — Знай ты хоть наполовину, каков я на самом деле...

— Не надо, Гарри... Открой глаза.

— Нет, — он отвернулся. — Ты меня не слышала. А помнишь, как на третьем курсе ты сказала Рону, что я не хотел никого убивать? Так вот: ты ошиблась. Я хочу убить Вольдеморта — наверное, это не очень важно, потому что он даже не человек... Но если бы я смог добраться до отца Драко, я бы и его убил и он... Я думал убить его в Имении, и если бы не Драко, я бы сделал это — я бы схватил один из висящих над камином мечей и воткнул бы ему в горло. И я был бы рад...

— Если бы не Драко... Ты не хотел так поступать ради него, ты не мог забрать у него отца, даже с учётом того, что его отец — чудовище... Это бескорыстно, Гарри...

— Нет! — заорал Гарри. — Я прекрасно знаю, что имею в виду, а ты... ты не понимаешь меня, ты видишь только то, что хочешь видеть! Я не говорю, что я плохой человек, просто я... я — обычный.

— Ты не обычный, Гарри.

Из его груди вырвался глубокий вздох, напоминающий сдавленное рыдание.

— Ты никогда не поймёшь, — в отчаянии сказал он. — Я так люблю тебя, но ты не понимаешь... Ты всегда видела во мне только лучшую сторону, и я старался быть таким изо всех сил. Но не думаю, что всё луч-

шее, что во мне есть, поможет мне в борьбе против Вольдеморта, Гермиона. Нет, не думаю...

— И ты не мог сказать мне это? — прошептала она. — Именно это ты так скрывал от меня?

— Да, — ответил он, чуть приподняв лицо, но, по-прежнему, не открывая глаз и безжалостно вцепившись зубами в нижнюю губу. — В основном.

— Гарри, пожалуйста, открой глаза. Посмотри на меня.

— Нет. Я не могу говорить об этом, глядя тебе в глаза. Не могу.

Она придвинулась к нему, и, наконец, легонько коснулась кончиками пальцев его лица, синяка на его щеке, почувствовав исходящую от юноши волну напряжения, словно тот прикладывал все силы, чтобы не рвануться к ней.

— Открой глаза, Гарри... — в этот раз он послушался и медленно, словно собираясь с силами, поднял взгляд, в котором она прочитала такую же безнадежность и такое же облегчение, что были в глазах Драко во время их первой ночи в отеле на Диагон-аллее — в тот миг, когда он, развернувшись к ней на узкой кровати, распростёр свои объятия. Изнеможение боролось с облегчением, с отчаянием; Драко, наконец-то, наполнил то, чего так долго боялся, и выбора больше не существовало. В его прикосновениях той ночью Гермиона чувствовала, что она для него — лишь сон, которого он всегда боялся. Не девушка. Кара.

Такой же, как Гарри, — подумала она.

— Мне жаль того, что всё так случилось: что ты пытался предугадать мои ожидания, стать таким, каким я хотела... Если бы ты убил Червехвоста или Люциуса, я бы не любила тебя от этого меньше. Драко прав: ты герой, а это значит, постоянно оказываешься в ситуациях, когда нет единственно правильного выбора. Я люблю тебя, Гарри. Этого ничто не изменит, даже я или ты. Даже неверные решения и неправильные поступки. Я люблю тебя с того самого момента, как мы встретились, и я буду любить тебя, даже если мы больше никогда не увидимся. Я не сержусь на тебя — честное слово. У меня такое ощущение, словно всё, что я делала в последние месяцы — это ругала тебя. Прости. Я просто боялась тебя потерять.

Он протянул к ней руки, и она коснулась их, удивительно холодных, потом нежно погладила его пальцы, шрам на ладони.

— Ты, правда, не сердись?

— Нет.

— Слава Богу. Я бы не вынес, если бы вы вдвоём взъерились на меня.

— Знаю, — Гермиона потянулась и убрала волосы у него с глаз. — Тебе нужно собраться и непременно с ним поговорить.

— Да... но что я могу ему сказать? — прядка волос из длинной чёлки упала юноше на ресницы. — Может, мне стоит немного подождать, пока он успокоится?

— Это же Драко. Он не успокоится.

Гарри вздохнул.

— Не верится, что я мог... — вдруг Гарри осёкся и отпрянул, глядя куда-то за её плечо. Повернувшись, Гермиона увидела стоящего в дверях Драко, который смотрел на них с выражением брезгливости на лице.

— Сожалею, что вынужден прервать вашу трогательную встречу, — холодно произнёс он, — но один из твоих горшков, Гермиона, кипит. Оттуда в огонь льётся что-то чёрное.

— Ой, — подскочила Гермиона. — Ты снял его с огня?

— Ты мне сказала ни во что не соваться. Ну, так я и не совался.

— Драко, ей-богу! — Гермиона вскочила на ноги. — Я сейчас вернусь, Гарри, — бросила она безмолвно взирающему на неё с кровати юноше и выбежала прочь. Коридор был заполнен дымом, чертыхаясь, она добежала до кухни и погасила пламя.

— Ничего подобного, — возразил последовавший за ней на кухню Драко. — Уверяю тебя, мои родители были женаты.

Плита и всё вокруг было залито чёрной жижей, варёво в горшке пригорело и стало абсолютно непригодно.

— Почему ты не позвал меня *раньше*? — негодуяще поинтересовалась Гермиона.

Драко скорчил мину, но не подошёл к ней, остерегаясь заляпать вонючей гадостью дорогие кожаные ботинки.

— Не хотел вам мешать. Не хотел ослепнуть раньше времени.

Сверкнув на него глазами, Гермиона кинула пригоревший горшок в раковину.

— Там было нечего прерывать: мы просто разговаривали.

— Он в порядке? — отрывисто поинтересовался Драко.

— Пойди и спроси его сам, — отрезала девушка. Драко развернулся и вышел из кухни. Схватив полотенце, Гермиона начала торопливо вытирать руки, когда ей на ум пришла одна идея.

— Драко! — крикнула она. — Моя палочка — я забыла её на столе в спальне. Не принесёшь?

Привалившийся к стенке в коридоре Драко, раздосадованно посмотрел на неё, но пошёл в сторону спальни. Она видела, как Гарри поднял голову и, вытащив из кармана палочку, указала на дверь комнаты.

— *Claudo!* — прошептала она, увидев в захлопывающуюся дверь, как оглянулся Драко.

— *Forinsecus!* — дверь увешали железные засовы.

— *Prohibeo iunea!* — крикнула Гермиона, и они скользнули в гнезда. Кто-то заколотил кулаками в дверь, вероятно, таким образом, Драко выразил своё негодование. Тем хуже для него. Она засунула палочку обратно в карман.

— Так, — во всеуслышание заявила она, — теперь они *должны* поговорить друг с другом, — и, отогнав от себя ощущение, что она поступила не очень разумно, девушка отправилась назад на кухню.

* * *

Джинни настолько глубоко погрузилась в собственные размышления, что, вернувшись в гостиную, не сразу заметила, что Блез пропала. На диване сидели Люпин и Сириус, первый держал на коленях раскрытую папку с пергаментами, а второй их изучал, склонив голову, отбрасывающую на стену лохматую тень. Люпин что-то негромко говорил, для Джинни его слова мало что значили:

— Все жертвы были ближайшими соратниками Вольдеморта в тёмные годы. Потом отреклись и избежали Азкабана. Наши лазутчики сообщают, что потом они вернулись к Вольдеморту, и он простил их. Так вот, сейчас...

Джинни перестала прислушиваться и просто смотрела, как Сириус наклонился, чтобы перелистнуть пергамент, а Люпин чуть отстранился и взирает на старого друга с лёгкой улыбкой. Ей показалось, что, куда бы ни шли эти двое, рядом с ними всегда находились призраки ещё двух юношей — одного уже мёртвого и ещё одного, которому лучше бы умереть. Интересно, может, через много-много лет Драко с Гарри станут такими же? Она усомнилась, глядя на эту мирную картину, смогли бы они быть такими же вместе. Она не сомневалась только в одном: они точно не смогли бы быть порознь.

Наконец, её осенило:

— А где Блез?

— Она ушла, — поднял голову Люпин. — Отправилась к Пенси Паркинсон, потому что обещала вернуться поздно вечером или же, если не сумеет, отправить с утра сову.

Джинни охнула, внезапно испытав странное чувство брошенности.

— Но...

— Что? — спросил Люпин.

— Там дождь.

— Она взяла твой плащ. Жёлтый. Сказала, что ты не будешь против.

Что бы она ещё могла сказать, подумала Джинни, мельком подивившись тому, что слизеринка не потеряла присутствия духа. Ей было жаль, что та ушла. Было кое-что, о чём хотелось поговорить, расспросить...

— Лунатик, — Сириус задумчиво постучал пером по колену Люпина, — ты не взглянешь, не проходил ли Эйвери по делу Малкайбера? Помнится, несколько лет назад Малкайбер плохо кончил...

— Да, было дело, но Хмури сказал, что это были паршивые интриги Рентона, так что вряд ли это взаимосвязано. Хотя, думаю, не помешает проверить...

Джинни снова отвлеклась и задумчиво подошла к длинному столу, стоящему вдоль окна, которое выходило в сад. Обычно на нём красовался фарфор, но сейчас лежали только стопки книг и горы пергамента. Девушка пробежала пальцами вдоль золочёного корешка одного из томов: "История Пожирателей Смерти. Том 3". Мысли её были далеко-далеко.

Она думала о Блез, о том, как ей удалось найти единственно верные слова, чтобы убедить девушку остаться и рассказать всё Сириусу и Люпину, что казалось Джинни очень странным, потому что она прежде не знала Блез, даже не разговаривала.

Наверное, всё дело в том, что она похожа на Драко. *И я говорила с ней, как будто с ним.* Она оба целенаправленно и сдержаны в своей заботе о ком-либо, они подсчитывают и прикидывают, что имеет вес и смысл, а что нет. Она оба натянули ледяные маски равнодушия, и у каждого есть слабое место. Для Блез — Драко. А для Драко...

— Нет, в деле Малкайбера ничего нет, — негромкий голос Люпина прервал её размышления.

— Проверь теперь другие. Парпис была первой, Нотт... — слова превратились в остро заточенный нож. В следующий миг Джинни, отвернувшись от стола, уставилась на Сириуса и Люпина, которые, перебирая бумаги, не обратили на неё внимания. Девушка сунула руку в карман, лихорадочно выхватила записку от Драко и пробежала глазами список имён.

Таддеуш Нотт, Элефтерия Парпис, Чарльз Трэверс... — дальше было оторвано, последнее имя, которое удалось прочитать, — *Линтон Эйвери.*

Джинни даже не смогла понять, чего ей сейчас больше хочется — плакать или смеяться. Она слышала собственное неровное дыхание, чувствовала, как пульсирует кровь в венах.

Том. Это ведь ты убил их, Том. Правда? Я должна была догадаться. Должна была понять, что это ты. Но почему ты убиваешь их, своих собственных Пожирателей Смерти?

У неё перехватило дыхание.

Потому что они не твои, — поняла она, мир вздрогнул и зашатался. — Они — его, ты не можешь пережить того, что приходится делиться своими игрушками, уж лучше их уничтожить...

Джинни подняла взгляд, совершенно уверенная, что Люпин и Сириус непременно заметили её потрясение, услышали, как гулким молотом колотится в её груди сердце. Но авроры ни на что не обращали внимания, погрузившись в исследования и разговоры. Ей показалось, что они где-то далеко-далеко, и она смотрит на них в омниокль.

Думай, — яростно приказала себе Джинни. — Никакой паники: думай. В этих бессмысленных убийствах есть смысл: Том никогда ничего не делает просто так, без причины. Если он убивает их в таком порядке, значит, тому есть объяснение. *Они были последователями Вольдеморта, а потом, как сказал Люпин, отреклись от*

него. Избежали Азкабана, а потом снова вернулись, по донесениям лазутчиков... И он простил их...

Но ты не простил, — подумала Джинни. — Ведь ты не простил их, верно, Том? Ведь ты никогда никого не прощаешь.

С дико бьющимся сердцем она взяла со стола книгу и торопливо взглянула на оглавление. Нашла "Процессы" и начала листать, пока не дошла до первой главы.

Где-то здесь, где-то здесь был список имён — не как их судили, а в какой последовательности оправдали...

Вот она.

Трепеща, она расправила страницу и прочитала:

Таддеуш Нотт, Элефтерия Парпис, Эбатнот Малкайбер, Чарльз Трэверс, Линтон Эйвери, Фрэнсис Паркинсон...

Книга выскользнула из рук Джинни и грохнулась на пол. Люпин и Сириус испуганно вскинули глаза. Джинни едва видела, что Сириус начал испуганно подниматься:

— Джинни...

— Мне надо уйти, — прошептала Джинни, пролетела мимо него в прихожую и, схватив зелёный плащ Чарли с крючка, выбежала из дома. Она не помнила, откуда взяла метлу, но это не имело значения: выскочив в сад, она оттолкнулась от земли и помчалась навстречу поднимающейся луне, к дому Пенси Паркинсон, молясь, чтобы не опоздать.

Пнув запертую дверь ещё раз, Драко обернулся и уставился разгневанным взглядом на Гарри, который сидел на кровати, в растерянности от сложившейся ситуации.

— Великолепно, Поттер, — прорычал слизеринец. — Твоя идея?

Гарри соскочил с кровати:

— Что она сделала? Заперла нас?

— Шестой уровень заклинания Forinsecus, — неохотно откликнулся Драко. — Любому из нас понадобится не один час, чтобы выбраться отсюда. У меня нет сил, а ты не сообразишь, как выполнить контрзаклинание. Чёртова девка. Я полагаю, среди всей твоей гадости не завалялось фомки?

Гриффиндорец облокотился на спинку.

— Нет. Кроме того, она права: мы должны поговорить.

— Нам не о чем разговаривать, — Драко подошёл к гардеробу и распахнул дверцы. За ними оказалось что-то вроде забитого всяким барахлом чулана: подушки, одеяла, квиддичная форма, коробки, домашний скраб. — Как думаешь, может, шархнуть по двери квиддичной дубинкой? — вслух подумал он.

— Вряд ли Виктору понравится, если ты разобьёшь его дубинку, — откликнулся Гарри, хотя его мысли были заняты отнюдь не ею. Накричав на Гермиону, и уже чувствуя приступ вины, Гарри был опустошён и измучен, и ума не мог приложить, как усмирить безграничную ярость, охватившую Драко. С момента, как юноша оставил Хогвартс, он дюжину раз представлял, как снова встречается со своим другом, но ему и в голову не приходило ничего, даже отдалённо напоминающее происходящее. Обычно в своих фантазиях он возвращался домой после победы над Тёмным Лордом, и из школы навстречу ему кидались друзья, закрывая его в объятия и наперебой поздравляя. Иногда в мечтах он был ранен и перебинтован, иногда — доблестно прихрамывал, вызывая всеобщее беспокойство. Но никогда Драко не обращался с ним, как с червяком, недостойным находиться в приличном обществе.

— А ещё Виктор велел тебе не высовывать из дома носа после наступления темноты. Скажи, Поттер, ты целенаправленно пытаешься достигнуть пика совершенства в твоих тупоголовых штучках или же этой ночью всё так удачно сложилось? Никак не могу разо-

браться — то ли ты сознательно пытаешься выглядеть дураком, то ли у тебя это само собой выходит.

Гарри вздохнул:

— Ладно, Малfoy, если не хочешь разговаривать со мной — не надо, но послушать-то ты можешь?

— Нет, — Драко выволок из чуланчика коробки, и вытряхнул на пол их содержимое. — Это маггловское барахло?

— Да. Что ты подразумеваешь под "нет"?

— А ты сам как думаешь? — Драко попинал кучу рухляди: седло от метлы, элементы спортивной формы, железяки, сломанный пестик. — А тут есть эта штука... как бишь её? С помощью которой можно снять дверь с петель?

— Accio! — быстро произнёс Гарри, и из-под кучи прямо ему в руку влетела отвёртка, которую он положил рядом с собой на кровать. — Это — отвёртка. Если ты поговоришь со мной пять минут, я отдам её тебе.

Развернувшись, Драко уставился на Гарри тяжёлым, равнодушным взглядом и скрестил руки на груди, отчего рубашка на спине натянулась, подчеркнув узость и худобу плеч.

Какой он тощий, ему надо вернуться в школу, — неожиданно подумал Гарри, — под присмотр мадам Помфри. А не мотаться по Европе без сна и пищи...

— Не уверен, что мне настолько нужна эта маггловская штука, — обманчиво тихим и мягким голосом ответил Драко: Гарри, прекрасно разбирающийся в этом, знал, что слизеринец на самом деле очень сердит.

— В любом случае, с помощью этой штуки петли не снимешь, — ответил Гарри, — она слишком большая. Слушай, Драко, я признаю, что совершил, возможно, самую большую ошибку в своей жизни, сбежав из Хогвартса таким образом...

— Ну, не преуменьшай свои возможности, Поттер. Я уверен, что с твоим талантом в совершении имбецильных ошибок тебя ждёт большое будущее.

— Я не хотел бросать тебя. Но подумал, что должен.

В глазах Драко что-то блеснуло, они полыхнули нерешительностью и ожесточением, словно слова Гарри удивили его. Гарри вспомнил, как просунул руку сквозь прутья решётки в Имени, и вспышку изумления на лице Драко, когда нож Гарри резанул его ладонь

— Ты подумал...

— Вольдеморт — это моё дело, — устало пояснил Гарри. — А не твоё, тебе достаточно страданий...

— Твоё дело? — были кровь и мёд в голосе Драко: металл и обманчивая сладость. Он осторожно опустил коробку, которую только что вытащил из чулана и, развернувшись, подошёл к Гарри, не шелохнувшись и не двинувшись с места: гриффиндорец ждал, что Драко ударит его снова. Но Малfoy, засунув большие пальцы за ремень штанов, мерил Гарри взглядом полуприкрытых глаз. Губы его кривились в злобной усмешке. Гарри почувствовал, как волоски на руках и шее встали дыбом, и, против его воли, перед глазами мелькнуло воспоминание о Полночном клубе, о том, как он был прижат к мокрой стене. Юноша снова почувствовал угрозу, которая не шла ни в какое сравнение с той, потому что сейчас перед ним был настоящий Драко. Глаза слизеринца горели упрямством, в них не было прощения, губы брезгливо сжались.

— Твоё дело? — повторил он. — Ты в этом полностью уверен?

— Я должен с ним справиться, — стараясь говорить ровным голосом, ответил Гарри.

— Да ну... — Драко поднял руку, и Гарри с трудом сдержал дрожь, но юноша только легко коснулся его волос, откинув их со лба, и провёл большим пальцем вдоль шрама Гарри. — Из-за этого?

— Малfoy... — еле слышно спросил Гарри, — что с твоей рукой?

Драко тут же отдернул руку, словно обжёгшись, отшатнулся назад и прищурился.

— Может, это и твоя проблема, — продолжил он, словно не услышав вопрос Гарри, — и правда: какое отношение ко мне имеет Тёмный Лорд? Так — пустяк: всего лишь человек, заставивший моего отца заниматься селекцией. Тот, кто пытался меня заклятьем *Cruciatius*, и я прогрыз себе губу, потому что он пытался заставить меня сказать, где ты. Тот, кто отобрал у меня родителей — так же, как и у тебя, Поттер, и не тарачись на меня, я знаю всё о том, как мой отец служил Тёмному Лорду. Тот, благодаря кому у меня никогда не было отца, тот, кто лишил меня матери — но, естественно, Тёмный Лорд — это исключительно твоё дело...

— Я не знал, что ты тоже пожелаешь отомстить, — во рту Гарри пересохло, он едва сам слышал свой неровный голос. — Ты никогда не говорил...

— Зачем: ты хотел этого за двоих, и я хотел того же, что и ты. Но всё это было раньше, когда я считал, что всегда — что бы ты ни делал — я буду частью этого, — плечи Драко чуть приподнялись в лёгком пожатии, удивительно напомнив Гарри жест Флёр. — Что ж, теперь я лучше осведомлён.

— Ты — часть всего, что я делаю, — торопливо глотая слова, выпалил Гарри. — Ты не читал моего письма...

Кулак Драко с такой силой врезался в спинку кровати, что Гарри едва устоял на ногах.

— Если ты ещё раз скажешь слово "письмо", — потеряв над собой контроль, прорычал слизеринец неожиданно грубым голосом, — я тебе все кости переломаю. Понял?

Гарри настолько удивился, что не знал, что ответить, просто смотрел, как Драко, глядя куда-то в сторону, с трудом пытается удержать себя в руках, хотя какое чувство сейчас пыталось взять в нём верх, — этого Гарри не знал. Впервые Гарри смог представить, как лопнет его самообладание, как исчезнут изысканность и изящество, как пропадёт отточенная злобность. И эта мысль была настолько же пугающей, как если бы он думал о смерти человека.

— Хорошо, — тихо вымолвил он, — больше ни слова.

— Отлично, — дрожащим голосом ответил Драко. Он убрал руку и сжал пальцы в крепкий кулак, спрятав безобразные рубцы, о которых Гарри предпочёл больше не спрашивать. — Рад, что мы, наконец-то, понимаем друг друга.

— Уверен? Если мы — ты и я — и дальше собираемся двигаться вперёд, мне кажется, нам стоит научиться получать уважение друг с другом.

— Дальше? — эхом откликнулся Драко. Он снова опустил ресницы, теперь Гарри с трудом мог видеть его глаза.

— Если мы собираемся вместе выступить против Вольдеморта, нам надо прекратить бороться друг с другом.

Драко посмотрел на него с нескрываемым удивлением и вдруг восторженно заулыбался; на его лице вспыхнула такая знакомая улыбка, что Гарри почувствовал, как уголки губ сами ползут вверх.

— Ты что — решил, что я вернусь к тебе и пойду рядом? Даже не знаю, что в тебе более странно: твой бесконечный оптимизм или же твоя безграничная глупость.

Улыбка исчезла с лица Гарри.

— Что?

— Конечно, а что ты мог ещё подумать, — сухо продолжил Драко, — ведь для чего я родился на свет, как не для того, чтобы следовать за тобой, — закрытые веки отдавали синевой, — помнится, когда мне было восемь, — понизив голос, доверительно сообщил он, заставив Гарри испытать приступ боли от интимности этого тона, — у меня была любимая птичка. Потом она умерла, вернее, мой отец её убил. Я удра из Имения, а отец послал по следу адовых гончих, чтобы они приволокли меня обратно. Они швырнули меня на пол у лестницы, и отец спустился и присел надо мной. Я ду-

мал, он поможет мне подняться, но не тут-то было. Он сказал: "Ты совершил ошибку, убежав. Ты принадлежишь мне — как этот дом, как собаки, как портреты на стенах. Ты не больше и не меньше, чем ещё одна принадлежащая мне вещь, и подчиняешься тем же законам, что и всё в этом Имении. Будешь бороться — сломаю. Убежишь — верну. И нет такого места на земле, где бы я не мог тебя найти, где ты мог бы спрятаться и перестать быть моим сыном."

— Но ведь это другое, — возразил Гарри, — ты не принадлежишь мне, я не заставляю тебя поступать наперекор твоим желаниям. Я не твой отец, и дружу с тобой не потому, что ты можешь оказаться мне полезен. Ты много значишь для меня, — Гарри говорил, понимая, какими пустыми и невесомыми получаются эти слова. Эх, будь у него такой дар к высокопарной речи, как у Драко... — Я хочу быть твоим другом, и думаю, что у тебя то же самое. И я никогда не хотел умышленно причинить тебе боль...

— Я знаю, я уверен в этом, — кивнул Драко. — И ты — мой настолько же, насколько я — твой, — серосиние глаза были совершенно спокойными, даже ледяными. — Я хотел, чтобы моя смерть кое-что значила, а ты сбежал от меня. Может, ты имел что-то в виду, может, нет. Но я тебе никогда этого не прощу. Никогда.

У Гарри голова шла кругом.

— Я не понимаю.

— И не поймёшь, — отрезал Драко. — И именно поэтому мне совершенно на это наплевать, — голос звучал нарочито изящно, каждое слово было тщательно подобрано: Гарри бы не удивился, если Драко заранее отрепетировал свою речь, впрочем, причина могла оказаться и в напряжении, во время которого к Драко возвращались все манеры и воспитание Имения, которые скрывали его истинные чувства. — Помнится, ты говорил, что не выбирал ту связь, которая существует между нами, тебя заставили... — голос дрогнул, но Драко тут же собрался и продолжил в том же чётком и ясном тоне, — я должен был прислушаться к тем словам, но я этого не сделал. Однако ты сказал правду, и я благодарен тебе за это. Я вообще, за многое тебе благодарен, Поттер. И я буду скучать по тебе... когда смогу... — он замолчал, но не потому, что ему было нечего сказать, а потому, что никак не мог подобрать нужные слова.

— Будешь скучать? Но я не собираюсь уходить...

— Я собираюсь. Завтра же. Я возвращаюсь домой, а вы с Гермионой можете идти дальше, я не буду пытаться задерживать вас. Я снимаю с себя ответственность и возвращаюсь в Англию.

Колени Гарри подогнулись, он поехал вниз и, к собственному удивлению, обнаружил себя сидящим на полу. У него было ощущение, словно он только что спустился по лестнице из гриффиндорской башни, скинул плащ и опоздал — как это часто случалось — на завтрак, и в этот момент под ногами вдруг распахнулась чёрная бездна, куда он рухнул, не успев даже пискнуть.

Гарри поднял глаза к Драко — но отсюда мог видеть только падающую на лицо юноши тень, светлые волосы и тёмную одежду.

— Я мог бы остановиться... И вернуться с тобой...

— И всё бросить: и месть, и Рона — всё. Ты, и правда, мог бы так поступить?

Гарри не мог притворяться:

— Нет. Я должен идти дальше.

— Я знаю. И не прошу, чтобы ты шёл за мной. Вернее, даже не хочу этого. Я уже говорил, что мы — пустое место без того, что выбираем, так вот: это то, что выбираю я. Я выбрал тебя своим другом, выбрал по собственной воле. И тебе не стоит прикидываться, что ты нуждаешься во мне, — в голосе зазвучало что-то, напоминающее веселье, но вовсе им не являющееся. — Я просто...

Гарри перебил его, он не хотел слышать, что следует за этими словами.

— Ты больше не хочешь быть мне другом?
— Именно. Возможно, это не то, чего хочешь ты, но это моё решение...
— Это не то, чего хочу я.
— Но я верю, что ты будешь действовать в соответствии с моим решением...
— Это невозможно, — тут же, не думая, перебил Гарри.

Драко не шелохнулся и не сводил с него глаз. Холодный ветер, пробравшийся сквозь приоткрытые окна, чуть покачивал занавески, ерошил волосы Драко, бросая тонкие прядки ему в лицо. Глаза были тусклыми и просто отражали идущий от лампы свет, были ли в них жалость, нежность, сожаление — Гарри этого не знал, не видел. Только напряжённость узких плеч, подёрнутые тенью глаза, печально опущенные уголки губ.

— Я тебя спросил, — произнёс Драко.
— Не могу. Если бы я сказал, что могу, я бы солгал.

Плечи Драко поникли, он опустил голову, словно начав придирчиво изучать собственные ботинки и брюки, дыры на одежде и изуродованную руку.

— Значит, ты не сделаешь для меня даже этого... Даже этого...

— Нет.

— Что ж, полагаю, мы зашли в тупик, Поттер, — Драко уселся на пол, у противоположной спинки кровати, прислонился к ней и, поджав ноги, положил подбородок на колени. Гарри ждал, что он скажет что-то ещё, но Драко молчал, и тишину нарушал только слабый свист ветра. Тени в комнате. Длинные тени покачивались между ними. Гарри не мог видеть глаз юноши — они были скрыты светлыми волосами, спутанными ветром.

И поверх шума ветра всё громче и громче становился шёпот, прислушавшись к которому, Гарри понял, что, наконец-то, хлынул собиравшийся весь день дождь.

* * *

Гермиона ткнула палочкой тяжёлые засовы на двери в спальню Виктора, и они исчезли. Прислушиваясь, девушка замерла. Тишина. Может, они дуются друг на друга? А может, всё в порядке, и они ведут телепатическую беседу в счастливом молчании? А может, сорвали карнизы и забили друг друга ими до смерти? С них станется...

Кусая губы и трепеща, она шагнула в спальню.

Лампа на каминной полке потухла, и комната была погружена во тьму, лишь сквозь открытое окно лился серый свет, смешиваясь с металлическим запахом дождя и завыванием ветра. На миг ей показалось, что комната пуста, и она в ужасе подумала, что юноши настолько не могли находиться рядом друг с другом, что выскочили в окно. Но вот её взгляд скользнул вниз, к кровати — и на полу у ножек она увидела две свернувшиеся фигуры, кутавшиеся в тёмные плащи и, очевидно, крепко спящие.

В комнате было слишком темно, но серого света с улицы хватало, чтобы увидеть очертания фигур, чуть подсвеченные чёрные волосы Гарри, светлую мишуру волос Драко. Гарри откинул голову назад, его рот чуть приоткрылся; Драко спал, привалившись к стойке кровати, его грудь тихо вздымалась и опускалась.

Она стояла и смотрела на них: два тела, единая душа.

Присев около Гарри, она нежно коснулась синяка на щеке, просто хотела поправить волосы и уйти, но в этот миг, веки медленно поднялись, и на неё взглянули полные усталости зелёные глаза.

Юный, усталый, с перемазанным лицом и тёмными кругами под глазами, он чуть удивлённо взглянул на неё:

— С тобой всё хорошо?

— Да, — шепнула она в ответ, — а вы когда уснули?

— Часа два-три назад, — подавляя зевоту, откликнулся Гарри. — Я заснул, потом проснулся... Слушал дождь... Я рад, что ты вернулась, — он чуть недоверчиво улыбнулся. Ей была знакома эта улыбка: так Рон улыбался ей в начале шестого курса, уже после того, как они расстались. Скорее, это было унылое признание, что жизнь не всегда такова, как нам бы хотелось.

Она попыталась угадать, о чём Гарри думал, сидя здесь, — у него был такой ошарашенный вид, словно он потерял что-то удивительно важное, и сейчас пытался вспомнить, где же он видел это в последний раз.

— Я очень ценю то, что ты пыталась сделать. Даже если так ничего и не вышло...

— Не вышло? — Гермиона старалась удержать рвущееся наружу удивление. — Гарри... Пойдём в гостиную, если хочешь, мы можем там поговорить.

— Не могу, — ответил он, указав глазами на Драко. Гермиона взглянула и поняла, в чём дело: сначала, когда она вошла, ей показалось, что юноши склонились друг к другу, но теперь было видно, что это всего лишь игра света и тени. Драко отклонился прочь, уткнувшись в свою руку. Но его другая рука накрепко вцепилась в край плаща Гарри, так что тот не мог ни встать, ни даже шелохнуться, чтобы не разбудить второго юношу.

— Я думала, ты сказал, что вы не помирились...

— Так и есть. Он сказал, что не желает со мной больше разговаривать, а потом сел и уснул. Я пытался встать, но он вцепился в мой плащ. Я думал, он проснулся... Но он спал — похоже, он жутко устал, если уснул в такой позе...

— Он почти не спал в последнее время, — тихо пояснила Гермиона.

— Ладно, — прошептал Гарри, — я посижу, ничего страшного...

Гермиона перевела взгляд с Гарри на Драко: даже спящий, тот выбрал изящную позу, волосы взъерошились именно так, как надо, а изгиб руки был совершенен. Гарри — тот всегда спал, разметавшись, словно его кто-то швырнул... Драко обладал обаянием и физической красотой, но Гарри — для неё — был всегда самым прекрасным. Драко изыскан, а Гарри — обладал тем внутренним светом, с которым она познакомилась ещё в детстве: чистота и невинность, вызывающие сострадание, смелость, откликающаяся в душе жалостью. Она сказала ему правду: она никогда бы не смогла возненавидеть его.

— Я люблю тебя, — прошептала Гермиона.

Он улыбнулся — устало, но счастливо, она качнулась вперёд и коснулась поцелуем его губ. Она хотела просто прикоснуться к нему губами, но его рот приоткрылся, и она почувствовала, как искорки пробежали по всему телу. Его губы были такими же мягкими, как раньше, и слабо отдавали шоколадом. Не двигая правой рукой, Гарри прикоснулся левой к её лицу, и её обуяло странно чувство: словно бы она целовала разом их обоих. Странное, но отнюдь не неприятное чувство, и она вдруг испугалась, что они разбудят Драко. И зрелище, которое бы предстало у него перед глазами, было бы весьма занимательным.

— Мне нужно идти, — шепнула она.

— Ну, теперь-то я точно не усну, — в голосе Гарри не было обиды, только негромкая радость, — и, полагая, ты не сообщишь мне, ради чего всё это было?

— Нет, — она поднялась. — Тебе будет, чему подивиться, — она вышла из комнаты, прикрыла за собой дверь и привалилась к ней спиной, закрыв глаза.

Сначала она просто услышала шум: шаги в прихожей. Распахнув глаза, она увидела их и задохнулась от ужаса: она была окружена и, не успевая девушка вцепиться в ручку двери, как грубые руки дернули её вперёд, зажали ей рот... Она кусалась, пыталась закричать — но было уже поздно: что-то тяжёлое опустилось ей на голову, и мир взорвался разноцветным калейдоскопом.

И погас.

* * *

Дождь лил уже минут двадцать, когда Блез приземлилась перед домом Пенси. Она стояла на посыпанной гравием дорожке, ведущей к дому, и не могла заставить себя постучать.

Nouveau riche, — с омерзением называли Паркинсонов её родители. И их жилище только доказывало, что богатство было нажито, а не унаследовано: два здоровенных каменных грифона (стоящих на задних лапах), охраняющих двери, огромный помпезный дом с двумя современными пристроями, напоминающими растопыренные пальцы, огромные медные буквы П, выполняющие роль ручек. Одним словом...

— Уродливая дешёвка, — сморщив носик, буркнула Блез. Зато вокруг было очень красиво: спускающиеся к озеру газоны, тёмные перелески на косогорах. Тонкие берёзки, понурые лиственницы, изящно склонившиеся вдалеке под проливным дождём. В воздухе остро пахло землёй, сыростью, деревом, мокрой листвой...

Блез вздохнула. Всё дело было в том, что она не хотела идти туда, она не хотела ни встречаться с Пенси, ни делать ничего из того, о чём её попросила Джинни. И при этом она чувствовала, что должна — во-первых, это должно помочь Драко. А она любила его, хотя сейчас, стоя тут, среди теней и льющего дождя, с трудом могла представить его лицо. Во-вторых, потому что её попросила Джинни. И хотя Блез знала, что ничем не обязана, девушка, в то же время, испытывала удивительно порочное желание показать себя.

Это было невозможно объяснить: она хотела что-то доказать гриффиндорке, которая, вдобавок, была младше! И ещё: Гермиона сказала, что доверяет ей, тогда как на лице Джинни было написано сначала открытое неверие, потом — недоверие и, наконец, слабая надежда. Если Блез сейчас отступит, она только подтвердит подозрения Джинни.

Прислонив метлу к одному грифу, она поднялась по ступенькам. Жёлтый плащ разбух от воды и по весу напоминал мокрый ковёр. С трудом подняв дверной молоток в виде головы орла — тяжёлый, медный — пальцы скользили, ей удалось это только со второго раза, Блез постучала в дверь, и дом откликнулся гулким эхом.

Никто не ответил. Блез подождала минуту-другую, потом, задрав голову, взглянула вверх. И наверху, и внизу горели окна. Значит, кто-то был дома и, несомненно, они могли отправить домовика, чтобы отпереть дверь, пусть даже никого сегодня и не ждали. Рассердившись, слизеринка снова протянула руку к молотку, но не успела коснуться его, как дверь распахнулась. Девушка неуверенно отступила, и дождь полился с капюшона на голую шею; захлопав глазами, она присмотрелась...

Передняя была полна свеч — высокие и горячие, они лили странный золотой свет, и в круге этого света, придерживая рукой открытую дверь, стоял Симус Финниган. Блез почувствовала, как у неё открывается рот: какого чёрта он тут делает? Да ещё в такой старомодной одежде — наверное, пятидесятилетней давности: ботинки, плащ, белая рубашка, так неподходящая к его светлым волосам и веснушчатой коже... И где он ухитрился заляпать красными чернилами все манжеты? И почему он на неё так странно смотрит?

Ей самой и в голову не приходило, как её видит он. В темноте, худенькая и кутающаяся в знакомый ему жёлтый плащ (Симус знал это, как и многое другое, о той девушке, которую любил, а потому теперь это знал и Том), мокрые алые пряди, выбившиеся из-под капюшона и налипшие на плечи и шею, теряющееся в тени лицо...

Он схватил её так быстро, что она даже пикнуть не успела: обхватив правой рукой, он притянул Блез к себе, а левая, скользя под капюшон, пробежала кон-

чиками пальцев по её лицу и сырым волосам. Он поёдал её взглядом, словно умирал от голода, словно еда держал себя в руках, она чувствовала, как напряжено прижавшееся к ней тело, как дико колотится его сердце.

— Я знал, я знал, — задыхаясь, зашептал он, — что ты не сможешь не прийти...

Вот чёрт, — захлёбываясь от ужаса и унижения, подумала Блез, — он принял меня за Джинни.

— Симус, — его тело дрогнуло, словно он удивился, услышав своё имя, — Симус, я не Джинни, я Блез, так что...

Его хватка ослабела, хотя он не выпустил её. Блез прикусила губу, почувствовав себя чрезвычайно неловко.

Может, он напился?

— Ладно, кто угодно бы ошибся, — уверила она, — где там Пенси?

Он ответил не сразу.

— Ты — не Вирджиния? — это всё, что он сказал, и Блез оторопело захлопала глазами: как-как он назвал Джинни? Хм, возможно, Симус называет её именно так... О вкусах не спорят...

— Нет, хотя после подобного приветствия я не понимаю, почему она от тебя отделалась. Мне и в голову не приходило, что ты такой: ты всегда казался таким бесстрастным... — она чуть качнула головой, и капюшон соскользнул, открыв лицо. — Я догадывалась, что внешность обманчива...

В этот миг он улыбнулся, мягкие губы искривились в злой усмешке, он наклонился к ней, и светлые волосы упали ему на лицо. Блез осенило, и от этих мыслей комок встал в горле.

— Ты не знаешь, — пробормотал он, не выпуская её из объятий, его рука снова заскользила по её лицу. — Пусть ты — не она, но ты тоже подойдёшь, — он вскинул руку, и дверь с грохотом захлопнулась, так что петли заходили ходуном. — Очень даже подойдёшь...

* * *

Гарри разбудил сдавленный шум: как будто кто-то волок мешок мокрого песка по деревяшке. С трудом открыл глаза и огляделся: вряд ли прошло больше, чем несколько минут, как ушла Гермиона. Тем не менее, Драко уже проснулся и теперь, стоя на четвереньках, рылся под кроватью.

— Ты что-то уронил? — протирая глаза, спросил Гарри, — я слышал шум...

— Спи дальше, — буркнул Драко, вытаскивая из-под кровати подаренный Сириусом меч. Тёмная сталь рассекла лунный свет, как спина играющей рыбки рассекает водную гладь. — Через минуту меня тут не будет.

— Ты всё ещё не унялся насчёт возвращения, да? — зевая, Гарри поднялся на ноги. От усталости он чувствовал себя слегка пьяным. — Я-то думал, утро вечера мудренее...

— Точно, потому что, во-первых, я не это имел в виду, мне просто хотелось быть мелодраматичным на потеху тебе, — Драко выпрямился. — А теперь — прочь с дороги, Поттер.

Гарри сам не понял, зачем встал на пути Драко к дверям.

— Нет.

Драко замер, меряя его взглядом. После сна волосы у него стояли дыбом и торчали в разные стороны — в другой ситуации Гарри бы рассмеялся.

— Хочешь уйти — попробуй пройти мимо.

— Поттер, — огорчённо произнёс Драко, — скажи, что это всё понарошку: что за глупости! "Хочешь уйти — пройди мимо". И кто это говорит — это же просто неприлично.

— Мне наплевать, — ответил Гарри и тут же понял, что это не так. Он не чувствовал себя униженным, его охватила решимость, твёрдая, как алмаз, и было ужас-

но приятно чувствовать, что всё решено. — Можешь меня ударить: один раз ты сегодня это уже сделал.

— И что? Ты дашь мне сдачи, мы сцепимся, как раньше, и пустим друг другу кровь? И что это докажет? Твое вечное упрямство уже утомляет, Поттер, меня уже просто тошнит от одного твоего вида.

— Тогда смотри в сторону, — посоветовал Гарри. — Всё равно — не пройдёшь. Мне даже всё равно, что тебя остановит — я или то, что ты должен...

— Потому что это ты так сказал? — Драко сделал шаг вперёд. Глаза его сверкали от ярости. — Уйди с дороги.

— Нет.

— Двигайся, Поттер, — Драко попытался обойти Гарри, но задел его плечом, и Гарри, взвинченный и напряжённый, вскинул вверх руку, не давая слизеринцу дорогу. Малфой отпихнул его в сторону, Гарри едва не упал, но успел вцепиться в Драко, и юноши рухнули на ковёр. Меч зазвенел по полу прямо перед Гарри.

— Ой-ой! — взвыл Гарри, когда острый локоть Малфоя, подмявшего Гарри под себя, больно ткнулся ему в руку. — Малфой...

Драко внезапно побледнел:

— Что такое — ты ранен, тебе больно, ты порезался?

— Да нет же — твой локоть...

Бледность тут же сменилась яростным румянцем:

— Поттер, тупой ублюдок, — зарычал Драко, поднимаясь на ноги, но Гарри, с неожиданной для себя самой быстротой, намертво вцепился тому в рубашку и повис.

— Я сказал, что ты не уйдёшь, и ты не...

— Отпусти! — Драко задыхался от падения и собственной ярости. — Я сказал,пусти меня, Поттер!

— Не называй меня так.

— Гарри, — фыркнул Драко.

— Поклянись, что не уйдёшь, если я тебя отпущу.

— Я не буду клясться ни в чём подобном.

Глава 14. Тернии.

Часть первая: Каменной тропой

Любить другого человека — самая сложная задача — окончательная, последняя проверка и доказательство, рядом с которыми все остальные труды кажутся не более, чем разминкой.

Э. М. Рильке

Гарри разбудил сдавленный шум: как будто кто-то волок мешок мокрого песка по деревяшке. С трудом открыл глаза и огляделся: вряд ли прошло больше, чем несколько минут, как ушла Гермиона. Тем не менее, Драко уже проснулся и теперь, стоя на четвереньках, рылся под кроватью.

— Ты что-то уронил? — протирая глаза, спросил Гарри, — я слышал шум...

— Спи дальше, — буркнул Драко, вытаскивая из-под кровати подаренный Сириусом меч. Тёмная сталь рассекала лунный свет, как спина играющей рыбки рассекает водную гладь. — Через минуту меня тут не будет.

— Ты всё ещё не унялся насчёт возвращения, да? — зевая, Гарри поднялся на ноги. От усталости он чувствовал себя слегка пьяным. — Я-то думал, утро вечера мудренее...

— Точно, потому что, во-первых, я не это имел в виду, мне просто хотелось быть мелодраматичным на потеху тебе, — Драко выпрямился. — А теперь — прочь с дороги, Поттер.

Гарри сам не понял, зачем встал на пути Драко к дверям.

— Нет.

Драко замер, меряя его взглядом. После сна волосы у него стояли дыбом и торчали в разные стороны —

— Буду счастлив остаться тут на всю ночь. Боюсь только, что тебе будет куда неудобнее, чем мне.

Тогда Драко изменил тактику.

— А я-то думал, что ты мне по-прежнему друг, что оставляешь мне право выбирать... — с холодной горечью заметил он.

— Я не знаю, друзья ли мы, я вообще уже ничего не знаю — только то, что ты не уйдёшь.

— Я могу делать то, что хочу!

— Нет, не можешь.

— По какому праву ты мне это говоришь?.. — зарычал Драко.

— Потому что я тебя люблю. Вот.

В один миг глаза и рот Драко распахнулись невероятно широко, Гарри в жизни не приходилось видеть Малфоя таким — это, наверное, даже было смешно, только вот Гарри было совершенно не до смеха. И в тот же миг Драко, окостенев, рванул от него с такой силой, что рубашка разошлась по швам. На лице сквозь удивление прорывался гнев.

— Это охренительно нечестно, — зашипел он, и голос его оборвался, но раньше, чем Гарри успел ответить, дверь спальни сорвалась со скрипом и визгом ломющегося железа и дерева и рухнула прямо перед гриффиндорцем, вздымая пыль и щепки.

Раздался крик, в Драко вцепились руки и оторвали его от Гарри. Ударившись о дальнюю стену, Малфой сполз по ней и съёжился, Гарри попытался подняться на ноги, но ещё одна пара рук лишила его возможности шевелиться. Горло ощутило холод стали.

Что-то тёмное взлетело перед глазами, и всё вокруг померкло:

— Правая рука, держите его правую руку, — пролаял кто-то прямо в ухо, Гарри почувствовал, что прижат к полу, что кто-то больно вцепился в запястье, что рукоять меча впилась в спину. Он вздрогнул, и хватка стала сильнее.

— Только шевельнись, и я вам обоим глотки пережду. И начну с твоего приятеля.

в другой ситуации Гарри бы рассмеялся.

— Хочешь уйти — попробуй пройти мимо.

— Поттер, — огорчённо произнёс Драко, — скажи, что это всё понарошку: вот ещё за глупости! «Хочешь уйти — пройди мимо». И кто это говорит — просто неприлично.

— Мне наплевать, — ответил Гарри и тут же понял, что это не так. Он не чувствовал себя униженным, его охватила решимость, твёрдая, как алмаз, и было ужасно приятно чувствовать, что всё решено. — Можешь меня ударить: один раз ты сегодня это уже сделал.

— И что? Ты дашь мне сдачи, мы сцепимся, как раньше, и пустим друг другу кровь? И что это докажет? Твоё вечное упрямство утомляет, Поттер, меня уже просто тошнит от одного твоего вида.

— Тогда смотри в сторону, — посоветовал Гарри. — Всё равно — не пройдёшь. Мне даже всё равно, что конкретно тебя остановит — я или то, что ты должен...

— Потому что это ты так сказал? — Драко сделал шаг вперёд. Глаза его сверкали от ярости. — Уйди с дороги.

— Нет.

— Двигайся, Поттер, — Драко попытался обойти Гарри, но задел его плечом, и Гарри, взвинченный и напряжённый, вскинул вверх руку, не давая слизеринцу дорогу. Малфой отпихнул его в сторону, Гарри

едва не упал, но успел вцепиться в Драко, и юноши рухнули на ковер. Меч зазвенел по полу прямо перед Гарри.

— Ой-ой! — взвыл Гарри, когда острый локоть Малфоя, подмявшего Гарри под себя, больно ткнулся ему в руку. — Малфой...

Драко внезапно побледнел:

— Что такое — ты ранен, тебе больно, ты порезался?

— Да нет же — твой локоть...

Бледность тут же сменилась яростным румянцем:

— Поттер, тупой ублюдок, — зарычал Драко, поднимаясь на ноги, но Гарри, с неожиданной для себя самой быстротой, намертво вцепился тому в рубашку и повис.

— Я сказал, что ты не уйдёшь, и ты не...

— Отпусти! — Драко задыхался от падения и собственной ярости. — Я сказал, пусти меня, Поттер!

— Не называй меня так.

— Гарри, — фыркнул Драко.

— Поклянись, что не уйдёшь, если я тебя отпущу.

— Я не буду клясться ни в чём подобном.

— Буду счастлив остаться тут на всю ночь. Боюсь только, тебе будет куда неудобнее, чем мне.

Тогда Драко изменил тактику.

— А я-то думал, ты мне по-прежнему друг и оставляешь право выбирать... — с холодной горечью заметил он.

— Я не знаю, друзья ли мы, я вообще уже ничего не знаю — только одно: ты не уйдёшь.

— Я могу делать то, что хочу!

— Нет, не можешь.

— По какому праву ты мне это говоришь?.. — зарычал Драко.

— Потому что я тебя люблю. Вот.

В один миг глаза и рот Драко распахнулись невероятно широко, Гарри в жизни не приходилось видеть Малфоя таким — это, наверное, выглядело даже где-то смешно, только вот Гарри было совершенно не до смеха. И в тот же миг Драко, окостенев, рванул от него с такой силой, что рубашка разошлась по швам. На лице сквозь удивление прорывался гнев.

— Это охренительно нечестно, — зашипел он, и голос его оборвался, но раньше, чем Гарри успел ответить, дверь спальни сорвалась со скрипом и визгом ломающегося железа и дерева и рухнула прямо перед гриффиндорцем, вздымая пыль и щепки.

Раздался крик, в Драко вцепились руки и оторвали его от Гарри. Ударившись о дальнюю стену, Малфой сполз по ней и съёжился, Гарри попытался подняться на ноги, но ещё одна пара рук лишила его возможности шевелиться. Горло ощутило холод стали.

Что-то тёмное взлетело перед глазами, и всё вокруг померкло:

— Правая рука, держите его правую руку, — пролаял кто-то прямо в ухо, Гарри почувствовал, что прижат к полу, что кто-то больно вцепился в запястье, что рукоять меча впилась в спину. Он вздрогнул, и хватка стала сильнее.

— Только шевельнись, и я вам обоим глотки пережду. И начну с твоего приятеля.

* * *

С неба снова лило, когда Джинни приземлилась перед парадной дверью дома Паркинсонов. Снег превратился в слякоть, и ботинки промокли, пока она с метлой под мышкой бежала к крыльцу. Дождь стекал по волосам, заливая глаза, — она нетерпеливо откинула мокрые пряди. Дверь была открыта — нет, не нараспашку, а чуть-чуть, словно её поджидали.

Джинни затрясло. Она достала палочку и, толкнув створку, осторожно шагнула внутрь.

Прихожую заливал свет — резкий, бледно-золотой свет, от которого тут же заболели глаза. В серебряных канделябрах у стен горели свечи, однако не они явля-

лись источниками освещения — казалось, светом напитан сам воздух — горький, странный, наполненный гарью.

Джинни прикрыла глаза. Он был здесь. Он был везде вокруг — витал в воздухе, наполнял этим металлическим привкусом её рот... Сердце отчаянно заколотилось. Он ждал её где-то в одном из разбегающихся от прихожей коридоров, ждал, и синие глаза горели в темноте, как приглушенный газовый светильник.

Она подозревала, что, наверное, должна сейчас просто умирать от ужаса — и какая-то часть её именно так и делала. Но не ужас завязал узлом внутренности, превратил рот в пустыню, а нервы в струны. Ожидание. Мозг твердил — среди теней поджидает сама смерть, сердце выстукивало «Том, Том, где ты, Том?»... Джинни прикусила губу, но даже резкая боль не помогла — да что ж такое случилось с силой воли? *Сила Воли.*

Сердце снова кувыркнулось в груди, Джинни сунула руку в карман, перепугавшись от мысли, что она её потеряла — но нет, пальцы сомкнулись вокруг облепленной цветами маленькой веточки — целой и, на удивление, невредимой, в чем она убедилась, вытащив её. Жёлтые и по-прежнему свежие, непомятые цветочки. Она отщипнула один и сунула в рот. Он слегка отдавал маслом. Сунув веточку обратно в карман, Джинни крепче сжала палочку и направилась в самый левый коридор — судя по ощущениям, Том находился именно там.

Она вышла в большой холл с мраморным полом. Огромные ступени с позолоченной балюстрадой терялись в тени. Внизу валялся её жёлтый плащ. С оторванным капюшоном.

Блез.

У Джинни перехватило дыхание.

Мгновением позже она уже мчалась по ступенькам, поскальзываясь, оглушённая грохотом собственной крови в ушах; оступилась на первой площадке, её повело вперёд, прямо на что-то, распростёртое у второго лестничного пролёта. Джинни вытаращила глаза и, чтобы удержаться на ногах, вцепилась в перила.

Тело.

* * *

Придя в себя, Гермiona первым делом открыла глаза. Определённо, происходило нечто невозможное — она с невероятной скоростью неслась над землёй на высоте примерно в двести футов. Причём безо всякой видимой поддержки. На этом месте она снова лишилась чувств.

Открыв глаза вновь, она увидела внизу горы. В этот раз — хотя её буквально выворачивало от тошноты, а голова шла кругом от ужаса — Гермiona осталась в сознании. Сначала она решила, что летит на каком-то невидимом ковре-самолёте. Однако внизу ничего не обнаружилось, напротив — её, как котёнка, волокли за шкирку.

Выгнув шею и взглянув вверх, она поняла, в чём дело: сквозь тут же бросившиеся в лицо волосы она увидела его — человека с длинной чёрной шевелюрой, худым лицом, на котором лежала печать жестокости, и горящими глазами. Он наклонился и прошипел ей прямо в ухо:

— А, так ты очнулась, маленькая ведьма!..

— Отпусти! — закричала, извиваясь, Гермiona.

— С превеликим удовольствием, — рассмеялся он и отпустил её рубашку. Заорав от ужаса и размахивая руками в попытках уцепиться за воздух, Гермiona рухнула вниз... и с размаху приземлилась на крышу невесты откуда взявшегося замка. От удара у неё перехватило дух. Перекатившись на живот, Гермiona захлопала глазами, пытаясь удержать слёзы, и снова увидела его в нескольких шагах, тоже приземлившегося. Брюнет продолжал по-кошачьи улыбаться.

— Весьма сожалею, — с акцентом выговорил он чуть нараспев, выделяя гласные. Бледный, узкогубый с длинными — слишком длинными — поблёскивающими в усмешке зубами. Пальцы его тоже казались чересчур бледными и длинными, и в движении их было нечто отталкивающее — что-то слишком быстрое, порхающее, чтобы считать его обычным человеком. — С моей стороны это ужасная грубость. Вы так сладко спали основную часть нашего путешествия. Стыд-то какой. Всегда восхищался людьми, способными спать во время воздушных перелётов, — он обаятельно улыбнулся.

В лёгкие Гермियोны наконец-то вернулся воздух, а с ним — боль и паника.

— Кто вы? И что от меня хотите?

— Я — Габриэл, — сообщил он, отвесив Гермियोне лёгкий издевательский поклон. — И служу Тому-Кто Правит-Тенями.

— Тому-кому?

— Правителю Теней, — с лёгкой ноткой нетерпения повторил Габриэл. — Ну, это просто титул, не я его сочинил. Правитель Теней, Торговец Смертью, Несущий Тьму ... Тёмный Лорд.

— Ага, вы имеете в виду, — выпрямляясь, произнесла Гермियोна, — Вольдеморта.

— Такое неблагозвучное имя, — взмахнул белой рукой Габриэл. — Предпочитаю свои поименования.

Гермиона передёрнулась: холодно, а на ней только старая пафлмерская футболка Гарри и джинсы. — Значит, Вольдеморту твой хозяин? И что ему от меня надо?

Габриэл повёл плечами:

— Не знаю и знать не хочу, — откровенно сообщил он. — Я, моя крошка-ведьма, знаю только то, что написано, а написано следующее: Тёмный Лорд собрался совершить обряд Тетраграмматона, который дарует ему вечную жизнь...

Обхватив себя руками, Гермियोна яростно уставилась на Габриэла.

— Это твоё пророчество неверно. Я знаю, что ждёт нас впереди: Гарри уничтожит Тёмного Лорда — так же, как когда-то Салазара Слизерина, он отправит его в преисподнюю. И тогда ты и все остальные мерзкие вольдемортовы прихвостни будете умолять о милосердии, которого вы нисколько не заслуживаете!

На миг ей показалось, будто губы её спутника дрогнули, но в тот же миг он снова улыбнулся, продемонстрировав белоснежные клыки на фоне кроваво-красного рта.

— Нонсенс, — ласково промурлыкал он. — Думаешь, мне дали задание только схватить тебя, моя крошка-ведьма? Думаешь, дело только в тебе? Я там оставил парочку Пожирателей Смерти — моих лучших парней — прирождённых убийц. И если твой Гарри уже не покойник, то станет им в ближайшее время...

* * *

Как это всегда бывает во время стресса или сильного возбуждения, мир вокруг приобрёл неожиданную чёткость. Конечно, он не мог видеть в буквальном смысле, но ясность пришла в ощущениях жёсткого пола, на котором он лежал, эфеса меча, вдавившегося ему в позвоночник, шершавости верёвки, стянувшей запястья заломленных за спину рук (он не помнил, чтобы его связывали, — возможно, просто применили заклятье), а так же острия ножа, покалывающего подбородок. И ещё была боль: боль где-то в районе глотки, словно от порезов...

...Драко, — лихорадочно подумал он, прилагая все усилия, — ты где, ты цел?

Последовала пауза — вполне достаточная, чтобы Гарри измучился, пытаясь отрешиться от голосов склонившихся над ним людей, которые разговаривали на каком-то незнакомом грубо звучащем языке. И, наконец...

...Тут я. У стены, — такой знакомый внутренний го-

лос Драко — как всегда, холодный и спокойный. — Ты что-нибудь видишь?

...Нет, — Гарри с трудом сглотнул, и нож больно кольнул его шею. — Ты не ранен?

...Нет. Хотя связан по рукам и ногам. Думаю, они не считают меня представляющим угрозу — похоже, их заинтересовал именно ты.

...Экий я везучий, — сухо откликнулся Гарри. — Сколько их? Что они делают?

...Разговаривают, — неуверенно отозвался Драко. — Языка не знаю. Их двое, Гарри: один присел над тобой, другой стоит сзади, рядом со мной. Первый держит нож у твоего горла. Второй — палочку, а на поясе у него меч.

...Должно же существовать что-то, что я могу сделать, — подумал Гарри. — Им неизвестно о нашем теплеческом общении...

...Да, для нас это невероятная удача, — с привычной горечью заметил Драко. Мгновением спустя он снова заговорил — на этот раз, явно раздумывая: — У тебя меч прямо под спиной — возможно, удастся перерезать верёвки...

Гарри не ответил — навалился всем весом, двинул руками туда-сюда. Плечи заныли, но он не обратил внимания, сконцентрировавшись на нащупывании лезвия.

...Если бы я только мог видеть, — в отчаянии подумал он, не сообразив, что разумы их ещё соединены, и Драко может его слышать — слишком долго Гарри находился в ментальном одиночестве.

...Гарри, — начал Драко и осёкся, а гриффиндорец вдруг почувствовал прикосновение чужого разума — лёгкое, будто кто-то кончиками пальцев провёл вдоль кожи: не больно, но как-то странно. Гарри подскочил и почувствовал двойную вспышку боли: от клинка под подбородком и стали под руками. Он изо всех сил навалился на неё — кисти заболели от врезавшихся верёвок, ещё усилие... пути ослабили и...

Свет внезапно вспыхнул перед глазами. На миг юноша замер, задыхаясь, и мир завертелся, словно разом сошёл с ума: хотя грубая ткань по-прежнему закрывала лицо, он мог видеть — комнату, в которой находился, двух грузных мужчин в тёмном, склонившихся над ним, себя — на полу, с мешком на голове, расстёгнутым воротом рубашки и ножом, прижатым к пульсирующей на шее жилке. Единственный, кого он не мог увидеть, — это Драко, но, когда секундное оцепенение спало, Гарри понял: он просто видит, как Драко, он смотрит на мир глазами Драко — будто через двойное стекло или калейдоскоп...

Дыхание со свистом сорвалось с губ, и в этот момент стягивающие запястья верёвки сдались и распались.

— Меч! — громко произнёс Драко, и тот, кто стоял над Гарри, вздрогнул и повернулся — нож в его руке тоже дрогнул, этого хватало: Гарри уже вцепился в рукоять, размахнулся и с силой опустил оружие вниз. Сверкнула сталь, кто-то сдавленно замычал прямо в ухо, когда она прорубалась сквозь плоть и мышцы, когда, скользя, проехала по кости.

Гарри окатило чем-то горячим, будто он опрокинул на себя бутылку с тёплой водой. Поскольку с завязанными глазами он не мог сказать, чем конкретно его окатило, он наверняка знал только одно: этого было много. Он снова и снова махал мечом, снова и снова слышал вскрики и глухие звуки, пока наконец чей-то голос — голос, который он всё ещё мог различить, — не велел ему остановиться и опустить руки.

Он выпустил эфес, перед глазами опять воцарилась тьма. Пальцы нащупали ткань, закрывающую лицо, рванули её прочь — Гарри встретился взглядом со льдистыми, серыми, как зимнее небо, глазами.

— Что случилось? — суматошно спросил Гарри. Запястья дико болели, он был весь мокр — что-то пропитало его одежду, слепило волосы. — В чём это я?..

Дракос силой вцепился ему в плечи и на миг замер в этом положении.

— Ты его убил, Гарри, — ровным голосом пояснил слизеринец. — Ты убил его — он мёртв... и ты весь в крови.

* * *

— Что значит «ему нужна моя кровь»? — спросил Рон, ощущая странное холодное покалывание в районе загривка.

Брови Рисенн изящно приподнялись:
— Уп-с. Подозреваю, я испортила сюрприз.

Рон мрачно поджался:
— Объясни, о чём ты.

Губы Рисенн дрогнули в улыбке. Ещё мгновение назад в её голосе звучала горечь, сейчас же она заговорила совершенно равнодушно — как качающаяся на качелях девочка:

— Я просто имела в виду, что кровь Прорицателя в расцвете сил является неким ингредиентом, широко известным и необходимым... скажем так, — в определённых кругах.

— Каких таких кругах?

— Кружках «Очумелые ручки». Думай, дорогуша. Конечно же, связанным с Тёмной магией. Кому, как не тёмным магам, может понадобиться человеческая кровь.

— То есть все эти шахматные партии, кристалл, проверки...

— ...ради того, чтобы ты обрёл полную силу — тогда можно будет пожинать кровавый урожай.

Сердце Рона заколотилось.

— Я думал, он хотел от меня этих видений...

Закинув голову, Рисенн расхохоталась.

— Видения? Да что толку от этих видений? Кровь — вот она может найти применение. А не эти...

Она осеклась: дверь распахнулась. Рон замер от напряжения в ожидании Тёмного Лорда — однако это оказался всего-навсего вампир по имени Габриэл. Черноволосый, с белоснежной кожей, он вполне мог сойти за брата-близнеца Рисенн.

Он пересёк комнату и потянулся к ней с поцелуем через золотые прутья клетки, у Рона от этих инцестных ассоциаций по спине пробежали мурашки.

— Привет вам, — сообщил он. — Приготовьте комнату, — развернувшись, вампир улыбнулся Рону кроваво-красными губами и без всякой преамбулы, выложил: — У меня твоя девушка. Что скажешь?

Рон захлопал глазами, переводя взгляд с Габриэла на Рисенн, — та снова трянула головой, и её волосы перекинулись назад. К его облегчению, нагота уже скрылась под тёмно-красным платьем с замысловатым корсажем, а локоны собрали золотые заколки. Рон зоматал головой, пытаясь понять, в чём дело:

— Я бы не сказал, что Рисенн моя девушка, — уклончиво заметил он, — конечно, она меня регулярно пытается соблазнить, однако, подозреваю, это просто профессиональный этикет — она же всё-таки сексуальный демон, верно? Нет-нет, у меня к ней нет никаких претензий. Короче — вперёд, если вы понимаете, о чём я, — Рон по-товарищески хлопнул Габриэла по руке, — хотя для интимности могли бы чем-нибудь завесить клетку...

— Ты конченный идиот, — констатировал Габриэл.

— Ну, я могу отвернуться... — отдернул руку Рон.

— Я имел в виду не Рисенн. Она уж никак не твоя девушка — вообще ничья. Я о крошке-шатенке. О твоей Гермione.

Рона будто мороз пробрал — до самых печёнок. Когда он заговорил, его тон тоже был ледяным:

— Она тем более не моя девушка.

— Как тебе угодно, — отозвался Габриэл шёлковым голосом. — Я оставил её на крыше, без плаща и без палочки. Если ты не заберёшь её оттуда, она замёрзнет до смерти.

* * *

Залитый кровью с ног до головы — руки, волосы, неопрятные пятна по всей рубашке, словно набрызг бордовой краски — Драко обеспокоенно смотрел на Гарри. Комнату наполнял запах крови — так перед штормом воздух пахнет электричеством. Драко не сводил глаз с Гарри, не желая видеть распростёршегося на полу мертвеца, — таким маленьким, беззащитным и по-покойнически восковым казался тот.

— Что я наделал? — после потрясённой паузы спросил Гарри — тихо, ошеломлённо, безучастно. Ворот рубашки распахнулся, и, коснувшись его запястий, слизеринец почувствовал, насколько тот замёрз — а разве это не первый признак шока?

Гарри тоже был весь в крови — он был буквально залит ею, как фитиль, который окунули в воск: полосы на лице, намочшая рубашка, слипшиеся и уже начинающие подсыхать вихры. Впрочем, кровь — если только она не принадлежала Гарри — вовсе не волновала Драко. Его больше занимало, в порядке ли гриффиндорец и если да, то насколько.

Пульс на запястье, которое он держал, постепенно выравнивался.

— Стоять можешь? — спросил Драко.

— Да. Со мной полный порядок.

Гарри поднялся, и Драко последовал его примеру. Окровавленный меч выпал из полурасжавшейся руки, окровавленная повязка сползла с глаз и удавкой болталась вокруг шеи. Гриффиндорец опустил глаза к телу на полу и уставился на него безо всякого выражения.

— А я думал, их двое.

— Было двое, — кивнул Драко. — Но второй, увидев, что ты сотворил с его приятелем, сразу же сделал ноги. Дунул к дверям — и был таков.

Глаза Гарри блеснули на бледном лице, двумя осколками зелёного стекла.

— Я думал, может, ты ему что-нибудь сделал.

— Нет, — с лёгкой горечью констатировал Драко, — глядя на то, как ты орудовал мечом, мне всё меньше хотелось вступать в эту разборку — я следил, как бы и самому под горячую руку без головы не остаться.

— А, — выдохнул Гарри, будто это всё объясняло, и Драко удержался от желания добавить, что к моменту, когда он смог подняться на ноги — после двух неудачных попыток — один был уже мёртв, а второй сбежал. — Ладно, неважно. Интересно, кто их послал. Вероятнее всего, Вольдемор. Думаю — да, именно он. Или твой отец. Однако... у нас врагов куры не клюют. Впрочем, догадываюсь, ты тоже в курсе, — Гарри говорил всё быстрее и быстрее, и это не могло не тревожить. — Интересно, сколько времени ему потребуется, чтобы снова измениться?

— Измениться во что? — уточнил Драко, не уверенный, правильно ли понимает, о чём речь.

— Ну, помнишь — те Мороки, которых мы когда-то убили, — они же изменялись после смерти. А вампиры обращаются в прах. Вот и эти тоже — не знаю, кто они на самом деле...

— ...просто люди, Гарри, — откликнулся Драко. — И они больше ни во что не превратятся. Это просто труп.

— Ох... — Гарри поднял голову и уставился на Драко. — Ты это... только ради того, чтобы... или... — его голос осёкся, но мысленный голос Драко закончил фразу за него:

...или ради того, чтобы заставить тебя страдать? — и словно боль — острая и внезапная — пронзила его. Боль, которая, как он думал, осталась позади. Значит, Гарри имел в виду именно это. Да, это вполне могло быть правдой. Вот только оно ей не являлось.

— Я не хотел делать тебе больно.

Драко не чурался иронии: более того, его эстетская душа жила и дышала ею, находя в злобе красоту

и восхищаясь изяществу и закрученности трагедии, когда та имела отношение к нему; вот и сейчас он оценил усмешку судьбы: потратив не один час вечером в попытках как можно больнее задеть Гарри, он — наконец-то — заполучил этот шанс, и надо же! — сразу потерял всяческий интерес.

— Мне действительно жаль... Но на самом деле это не имеет значения...

Гарри не перебил его, просто поднялся и вышел из комнаты с таким лицом, что сразу было понятно, — он знает, зачем и куда направляется. Мгновением позже Драко последовал за ним, даже не отдавая себе отчёт — идёт он или бежит.

Гарри обнаружился на кухне, ссутулившимся над раковиной: розовый пар поднимался над окровавленными руками, омываемыми потоками воды, очки запотели — Драко не сразу сообразил, что для этого вода должна быть сущим кипятком. Он схватил Гарри за плечи и развернул — тот смотрел на мир ничего не выражающими глазами. Пар сконденсировался, слепил волосы, обернулся повисшими на кончиках ресниц слезами, блеснул капельками на скулах — но Гарри не плакал. Мокрая от крови и воды рубашка облепила тело. Кожа на руках стала отвратительного багрового оттенка, и на ладонях, между большим и указательным пальцами, вскочили волдыри.

— Что ты пытаешься сделать? Изуродовать себе руки?

— Почему нет! Ты же свои изуродовал, — голос Гарри казался чужим, а в глазах царили пустота и равнодушие, от которых у Драко тут же засосало под ложечкой.

— У тебя не было выбора. Ты должен был их убить.

— Выбор есть всегда. Ты сам так говорил.

— Тогда бы он убил тебя, — ответил Драко, не уверенный, что Гарри его слышит. — И меня.

Гриффиндорец поднял взгляд. Потянулся и протёр запотевшие очки.

— Знаю. Я знаю. Потому-то я так и поступил. Я не задумывался. Просто сделал — и всё.

— Всё правильно. Так и надо. Ты сделал то, что должен. Как всегда.

Гарри затрясло. Несмотря на стоящий на кухне жар, кровь никак не прилиwała к лицу — оно осталось белым, как бумага, как яичная скорлупа, и на этой неестественной белизне пятна крови казались ожогами.

— Поддержи меня...

— Что? — недоумённо захлопал глазами пойманный врасплох Драко.

— Малфой... — обращение по фамилии странно сблизило их — оно прозвучало так по-детски, словно Гарри опять было только одиннадцать и, кроме как «Малфой», он Драко больше никак не знал. — Поддержи меня... кажется, я сейчас свалюсь... — он зашарил в воздухе рукой в поисках спинки стула. Драко не шелохнулся. — Прости... — тихонько добавил Гарри, извиняясь неизвестно за что, и от звука его голоса горькая, жгучая ярость, не оставлявшая Драко с того момента, как, сидя на кровати, он прочёл прощальное письмо, отступила. Малфой шагнул вперёд и, неуклюже распахнув руки, обнял Гарри.

Гриффиндорец тут же отпустил стул и вцепился в отвороты рубашки — сильно, до боли. Он него пахло кровью, солью, потом, он тянул Драко вниз, и воротник врезался в шею — но Драко молчал, сдерживая дыхание: ему казалось, вздохни он, Гарри тут же разожмёт руки. Сейчас они словно находились в стеклянной коробке — мир, опрокинувшись, замер вокруг них, вокруг того маленького пространства, в котором они стояли; мир выцвел и затих где-то далеко-далеко, осталось только биение жилки на гаррином запястье, которое сжимал в руках Драко, его резкое дыхание да плеск воды в раковине...

Гарри трясся — он сейчас выглядел таким хрупким, узкоплечим, тонкокостным; даже кровь, казалось, бежала под самой кожей, а сердце билось так, что Драко

чувствовал его под своими руками. Он снова смог ощутить Гарри, будто неведомая алхимия любви и горя изменила и его собственную кровь: он сполна прочувствовал горе, и опустошение, и ужас вины. Он осознал чужие чувства, однако, на удивление, они не причинили ему привычной боли — это же были чувства Гарри, и только сейчас он понял, как ему не хватало этого постоянного знания того, что происходит в душе Гарри.

— Я тебе рубашку извозил... — Драко не видел лица Гарри, но его голос снова стал прежним. — Прости.

— Ерунда.

— Я убил его, — отчуждённо-ровным голосом продолжил тот, ещё, по-видимому не отойдя от шока. — И мне снова придётся это делать.

— Вероятно.

— Я не выдержу.

— Выдержишь. Ты должен.

Гарри был по-прежнему напряжён, однако хватка на рубашке Драко чуть ослабела.

— Теперь я убийца. Всё изменилось

Драко припомнил могилу отца и то, как Сириус, глядя его по спине и голове, говорил что-то успокоительное — но придумать ничего в таком же русле не мог, а потому просто приобнял Гарри второй рукой, слегка тронув на спине пропитанную кровью и водой рубашку.

— Не всё.

— Спасибо, — едва слышно уронил Гарри.

— За что?

— За то, что не сказал «Нет, ты не убийца».

Драко промолчал — «пожалуйста» казалось неуместным, а что ещё можно было сказать в этом случае? Он давно затвердил себе: все утешительные слова — суть ложь, а лгать Гарри он не умел. Во всяком случае, Гарри верил, тот не соврёт. Он не мог выдавить из себя, что всё будет хорошо, ибо знал: это не так, — Гарри, которого он сейчас обнимал, изменился — изменился во всём, и больше уже никогда не станет прежним. О, если бы его руки могли удержать Гарри, не дать ему разорваться, не дать лишиться того, что ему непременно придётся потерять, — Драко бы отдал всего себя, но... Гарри утратил нечто, чего Драко и вовсе никогда не имел.

Нет, он не сожалел о смерти того человека — он сожалел, что убил его именно Гарри, он бы хотел сам сделать это: не потому, что мысль об убийстве доставляла ему наслаждение — отнюдь. Просто его бы случившееся не ужаснуло настолько, он бы пережил это с лёгкостью... И вот тут-то — впервые в жизни — Драко не просто понял, а по-настоящему осознал существование вещей, которые он может дать Гарри и которые тот не в состоянии получить самостоятельно.

Он вспомнил слова, сказанные Дамблдором пару месяцев назад.

Он силён и многое может вынести. А для того, чего не сможет вынести он, существуешь ты.

Драко припомнил, как потратил несколько часов, сляясь разорвать связывающих их узы, — чтобы уйти, не оглядываясь. Он не задумывался, что за этим последует, — представлялась только какая-то тупая, боль, стискивающая его клещами и так и не отпускающая до того самого момента, пока сердце не остановится, сократившись в последний раз. Он знал — его речи ранят Гарри: увидел по разом опустевшим глазам, и это ему понравилось — если Гарри больно, значит, ему не всё равно. А мысль о равнодушном Гарри ужасала куда сильнее, нежели мысль о Гарри, переполненном ненавистью: если бы он мог снова заставить его ощутить подобное чувство, это было бы хоть что-то.

Однако тот не испытывал ненависти, Драко не сомневался: люди не цепляются за тех, кого ненавидят, не доверяют себя на пути сквозь боль, способную привидеться только в ночном кошмаре, не дают поддерживать в миг, когда подгибаются ноги... Пусть Гарри и не любил его — в хорошем смысле этого слова —

однако же, верил Драко, нуждался в нём, а граница между этими чувствами и любовью казалась такой тонкой, что Малфой едва ли сумел бы провести её. Сквозь напоминающую сплетение металлической проволоки паутину опустошения и ужаса, которая причиняла Гарри невыносимую боль, он чувствовал: тот нуждается в нём. Боль, желание — и целью желаний был он, Драко — не признающий лжи, не говорящий, что всё в порядке, когда всё было чертовски не в порядке.

— Если хочешь, я с лёгкостью помогу тебе забыть — конечно, если ты хочешь. А ты хочешь?

— Нет, — выпрямился Гарри. — Не хочу. Ты же не думаешь...

— Не проси меня что-то решать. Хочешь знать, что я думаю? Лучше б я его убил — я бы не принял это близко к сердцу, и мне ненавистно, насколько близко к сердцу это принимаешь ты. И всё же я считаю, тебе придётся снова это сделать — не могу же я каждый раз заставлять тебя забывать о случившемся?.. И мне не кажется, будто тебе постепенно станет легче, — возможно, нет. Но ведь лёгкость никогда не служила причиной твоего выбора верно? Ты не ждёшь лёгкости, ты даже где-то ненавидишь её. Я как-то уже говорил тебе об этом... Ты достаточно силен — силен, чтобы делать злые вещи. Просто не хочешь таким быть. Вот и всё.

— Я думал, ты делал это, перестав быть моим другом, — после паузы произнёс Гарри.

— Это не имеет никакого отношения к существу вопроса.

Гарри натянуто рассмеялся:

— Иногда мне бы даже хотелось, чтобы ты мне солгал. Хотя бы чуть-чуть.

— Неправда.

— Да... ты прав, — Гарри выпустил рубашку слизвинца, однако не двинулся с места. — Малфой?..

— Что?

— Силен, чтобы творить зло, и воплощение этого самого зла: есть ли разница?

— Не знаю, — поразмыслив мгновение о грани между поражением и смирением, ответил Драко. Кровь с рук Гарри теперь была и на нём: его кожа, одежда — теперь всё было в крови. Но это не имело значения. — Не знаю, Поттер. Действительно не знаю.

* * *

В полумраке Джинни увидела раскинутые, запутавшиеся в чёрной ткани руки — бледные и тонкие; поджатые к груди ноги, забрызганное чёрной кровью белое горло без всяких признаков пульса, сведённые судорогой пальцы. Руки Джинни онемели, и высокользнувшая палочка зацокала по полу — девушка кинулась к труп, развернула его, схватив за плечо... и тут же, едва сдержав обдирающий горло крик, отдернула руку: с лица, настолько искажённого ужасом, что она едва поняла, кому оно принадлежит, уставились вытаращенные, вздувшиеся глаза. Впрочем, всё остальное — аляповатые заколки, путаница каштановых волос, поджатые губки были вполне узнаваемы. Пенси Паркинсон.

Явных повреждений Джинни не заметила, но всю блузку спереди заливала кровь, и от крови же слиплись эти каштановые локоны. У Джинни даже мелькнула мысль — не расстегнуть ли пуговицы, чтоб узнать, что же сделал Том, но... впрочем, какое теперь это имеет значение? Имело значение только одно: Пенси мертва.

Протянув руку, она осторожным движением, самыми кончиками пальцев закрыла ей глаза.

— Прости, — шепнула Джинни, но пустой пролёт лестницы тут подхватил даже этот шёпот, вернув его обратно странным, многократным эхом — «твоя вина, твоя вина, твоя вина».... — Нет! — выдохнула девушка, дотягиваясь до стены и пытаясь подняться по ней, — нет...

— Не стоит плакать, Джинни... — её ли зрение затуманилось или же факелы сами собой замерцали при звуке этого негромкого, мягкого голоса. — Не стоит делать вид, будто тебя так взволновала её смерть — она же всегда тебя ненавидела. Она сама мне об этом сообщила. Перед тем, как я её убил.

О нет, недаром Джинни съела волеукрепляющий цветок: сейчас ей понадобилась вся сила воли — вся, до самой последней капли, — чтобы поднять голову и взглянуть на него. Он стоял на самом вершине лестницы, где тень была гуще всего, — неяркий факел подсвечивал бледное лицо и руки, волосы цвета спелой пшеницы, губы, изогнутые в сладострастной улыбке, устремлённые на неё голодные глаза.

— Я знал, знал — ты придёшь, — зашептал он, и в глазах блеснуло удовлетворение. — Ты принадлежишь мне.

Ярость почти ослепила Джинни, и она побежала, кинулась вверх по ступеням — к нему, даже не подхватив потерянную палочку, судорожно сжимая пальцы и... упала — больно, сильно, разбив до синяков колени и ладони.

Там никого не было.

Девушка поднялась на ноги, закрутила головой — но Том пропал: она в одиночестве стояла на самом вершине лестницы — над замершей в луже собственной крови Пенси Паркинсон и под огромной, тускло мерцающей люстрой — тихой и безжизненной, увешанной тёмно-красными хрустальными подвесками.

Я могу уйти, — подумала она. — Сбежать по лестнице, выскочить из дома — он не последует за мной...

Но... она не может так поступить: Том знал, что она вернётся — ведь она всегда к нему возвращалась, их связало чувство, куда более прочное, чем любовь. Ненависть. Чувство, которому всегда можно доверять, по словам Драко, — чувство, при помощи которого всегда можно понять, где ты.

Джинни расправила плечи и направилась в коридор.

* * *

Рон поднялся только до середины узкой каменной лестницы, когда дыхание начало срывать с губ облачками пара.

Надо же, мороз...

От страха за Гермиону кровь пульсировала в ушах — ступеньки были крутыми, он продрог до костей, когда, наконец, добрался до деревянной двери, распахнув которую оказался на площадке Северной Башни — ровной, упирающейся в зубчатое ограждение. Взирающее сверху небо выглядело мокрой галькой, резанул ветер, швырнув снежную крупку прямо в лицо; Рон защитил глаза рукой и крикнул:

— Гермиона!

Прошло довольно много времени, прежде чем кто-то откликнулся — сначала ему даже показалось, что он ошибся, приняв за голос вой ветра. Развернувшись, он увидел её — тёмную фигурку, прижавшуюся к стене внутренней башенки. Мгновением позже, он уже присел рядом с ней — съёжившейся, обнявшей голыми руками затянутые в джинсы ноги. Когда она взглянула на него, он увидел, что губы посинели.

— Рон, — неверным голосом произнесла она, — что... ч-что ты... — зубы клацали, не давая говорить. Рон сдёрнул с плеч свой синий плащ, обмотал ей вокруг плеч и потянул Гермиону вверх, помогая подняться на ноги.

— Пойдём внутрь, — пробормотал он.

Она вцепилась ему в руку, когда они пересекали заснеженную крышу; пальцы её напоминали сосульки. Наконец, она очутилась в башне и первое, что он сделал, закрыв дверь, — с тревогой обернулся:

— Гермиона с тобой всё хорошо?

Она ёжилась под тёплым синим плащом — сначала

ему показалось, что она касается правого бока, потому что тот болит; потом, увидев серебристую вспышку — нож? — он понял: он что-то держала. Губы и веки Гермियोны отливали синевой, каштановые кудряшки смёрзлись, налипнув на лоб и щёки.

— Рон, — хрипло спросила она, — что ты тут делаешь?

— Меня похитил Тёмный Лорд и, так же как и тебя, приволок сюда. Я даже не знаю, сколько я уже здесь, Гермiona, который день...

— Ты не похож на узника, — с подозрением заметила она, махнув рукой в сторону его одеяния. — Ты будто собрался на маскарад...

— Гермiona, — Рон потянулся к ней, однако она тут же шарахнулась, заставив его почувствовать себя так, будто он наелся льда: столько пережить — и всё равно оказаться на правах подозреваемого... он резко развернулся: — Ладно, — и начал спускаться вниз по лестнице. Через миг она последовала за ним.

* * *

Первые три комнаты, осмотренные Джинни, оказались пустыми, зато в следующей — обитой жёлтым бархатом спальне — на парчовом стуле сидела Блез. Вербка стянула ей талию, плотно притянув девушку к спинке красного дерева, тонкие путы крепко обхватили запястья, а роль кляпа выполнял зелёный платок. Когда она увидела Джинни, глаза сначала расширились, а потом дико заметались по комнате.

Джинни приложила палец к губам и, подойдя к Блез, вытащила кляп изо рта — слизеринка судорожно перевела дух и начала облизывать пересохшие губы. Сейчас, стоя к ней вплотную, Джинни отчётливо видела — глаза её переполняются слезами, хотя, зная Блез, можно было не сомневаться — причиной их являлись, скорее, боль и ярость, нежели страх.

— Блез, — прошептала Джинни, присаживаясь рядом со стулом, — ты цела?..

— А что — не видно? — фыркнула слизеринка, поднимая неестественно белые руки: тонкие заляпанные кровью верёвки прорезали кожу на запястьях. — Тебе лучше уйти, Джинни, неизвестно, когда его принесёт обратно, и если он найдёт тебя тут...

— Он знает, что я тут, — мрачно ответила Джинни. — Давай-ка я тебя развяжу...

— Нет! — глаза Блез снова заметались по комнате. — Знаешь, он убил Пенси.

— Знаю. Я думала, он и тебя прикончил.

— Нет, — протянула Блез, поднимая к Джинни голову; на шее стали заметны красные пятна, похожие на следы укусов. — Ему нужна только ты... он сказал, я напомнила ему тебя.

Страшная мысль пронзила Джинни:

— Ты ведь знаешь — это не Симус. Точнее, совсем не Симус...

— Знаю, — нижняя губа Блез дрогнула, сделав её той, кем она, по сути, и являлась — испуганной девочкой-подростком, изо всех сил старающейся держать себя в руках. — Что он такое, Джинни? Я взглянула ему в глаза — он же не человек, он словно тень, хотя нет — куда чернее тени, куда более странный... Когда он коснулся меня, его пальцы резали, словно ножи — что же он такое?

Джинни недоумённо заморгала: чернее? Более странный? Как так? Ведь он же прекрасен... И ужасен... Её Том... — она открыла рот, чтобы попробовать объяснить, чтобы вынести себе приговор, когда услышала тихий голос, острым гвоздём пробежавший вдоль её позвоночника:

— Да, Джинни... Скажи ей, что же я такое...

* * *

Примерно половина лестницы осталась позади, когда в их сторону метнулась змея: Гермiona зарала и отпрыгнула назад, а Рон замер на месте, выставив

вперёд факел, — пламя переливалось золотом, так же, как и змеиные глаза.

— Всё в порядке, Гермiona, это всего лишь Кевин.

...Всего лишь? — лениво повторила змея, зашуршав чешуёй прямо в голове Рона. — Значит, ты обо мне такого низкого мнения, Сновидец?

...Что ты! — быстренько подумал Рон, прислушиваясь к частому испуганному дыханию замершей за спиной Гермियोны. ...Наверное, ей без её волшебной палочки сейчас действительно не по себе. — Я просто хочу пройти.

...Просто змея, просто пройти... как осторожно ты говоришь, как немного тебе нужно от жизни — с учётом твоей-то силы. В чём дело, Прорицатель?

Губы Рона дрогнули в горькой усмешке.

...Да какая сила... полная башка дурацких видений о будущем и никакой возможности его изменить...

Теперь шипение змеи зазвучало нетерпеливо:

...Хочу заметить, мой юный друг, что ответы на некоторые вопросы не стоит искать в будущем. Они лежат в прошлом.

...О чём это ты? — начал Рон, но тут позади раздался тихий стон и, обернувшись, он увидел, что Гермiona, подозрительно посинев, задрожала и съехала на пол.

Кевин усмехнулся, если так можно сказать о змее.

...Впрочем, змея по имени Кевин может обладать куда большими способностями чем обычные змеи, — подумал Рон.

...Займись своей подружкой, — посоветовал змей и, снисходительно вильнув кончиком хвоста, нырнул в свою нишу.

* * *

Только много позже, когда он снова увидел Гермionу или же — хотя бы — просто выяснил, что тогда она находилась в относительной безопасности, он смог вспомнить следующие полчаса, проведенные в квартире Виктора, когда они с Драко бродили по комнатам безмолвными призраками. Они даже не звали её по имени — не было сомнений, она исчезла: Гарри накрыло ощущение утраты, такое же отчётливое, как осознание собственного присутствия.

Они влетели обратно в кухню, где Драко замер у плиты — Гарри впервые обратил внимание на тихое пламя под горшком, содержимое которого подгорело и слиплось. Драко махнул рукой — огонёк погас — и повернулся к Гарри:

— Обсудим наши действия?

Это «наши» немного успокоило Гарри — значит, он теперь не один...

— Они забрали её. Люди Вольдеморта.

— Угу. И, похоже, те же самые, что вчера вечером приходили за тобой. Они говорили, дескать, нашли её.

— Я что-то слышал... Когда я проснулся — когда они утром разбудили меня — звук упавшего тела...

— Думаешь, она мертва? — спросил Драко, резко побледнев. Он коснулся пальцами бока горшка и тут же, подскочив, отдернул руку и сжал её в кулак.

— Нет. Она не мертва. Я бы знал.

— Да... думаю, да — ты бы знал...

— Думаю, нам не стоит ничего обсуждать, — с горечью сказал Гарри. — Так или иначе — я собираюсь найти Тёмного Лорда. Только теперь я это сделаю чуть быстрее.

— Быстрее? — эхом откликнулся Драко, не сводя глаз с обернувшегося угольями содержимого горшка. — День да ночь — сутки прочь... — он закашлялся. — Прости, зола в горло попала.

— Всех моих друзей — одного за другим... — Гарри тихонько коснулся руки Драко. — Ты будешь осторожен?

Драко отвёл взгляд:

— Я Тёмному Лорду не нужен. Он не любит бракованные вещи.

— Твоя рука заживёт...

Драко будто не расслышал:

— Как бы я хотел переговорить с отцом... Он ведь, несомненно, знает, где Вольдеморт...

— Можно сказать, я тоже знаю: он в Румынии, — ответил Гарри.

— Ага, точно, — сообразил Драко, — эти, вчерашние, они же говорили на румынском — да, отец как-то упоминал: замок на горе...

— Нам нужно оказаться там как можно быстрее.

— И именно для этого у меня есть один коварный план... — с мелькнувшим на губах призраком улыбки подытожил Драко. — Дай-ка мне пару минут, Поттер, а сам ступай и смой с себя кровь. А то меня сейчас стошнит.

* * *

Блез затрепетала и тихонько застонала. Легонько коснувшись её плеча, Джинни развернулась к Тому.

Склонив голову, едва заметно улыбаясь, он привалился к косяку: теперь, когда на него падал свет, стала видна белая рубашка, вся в красных пятнах, кое-где уже подсохших до цвета ржавчины, а кое-где — совсем ещё свежих. Его кожа — обветренная кожа Симуса — казалась чуть темней, нежели рубашка; на скулах пылал румянец, губы розовели, а пшеничное золото волос переливалось медью в свете свечей. Он похож на ангела, — ошеломлённо осознала она. — Древнего ангела из тех времен, когда на небесах велись войны, а ангелы убивали.

Слабая улыбка стала явной:

— Нечего сказать, Вирджиния? Язык проглотила?

Он отлепился от косяка, вошёл в комнату и замер перед Блез, заложив руки за спину и пристально разглядывая слизеринку.

— Мисс Забини. Припоминаю вашего дедушку. Заiku со странным именем, которое и выговорить-то было невозможно. Денег куры не клевали — но, как ни крути, они были просто-напросто иноземной швалью. Да-с, я знаю вас, — голосом, полным ядовитого мёда, продолжил он, — но вы меня не знаете — о, нет...

Он преклонил колена рядом с её стулом и, взяв её окровавленные руки в свои, провёл губами вдоль костяшек пальцев.

— Если Джинни захочет, она сообщит вам, кто я... — его взор, полный предвкушения невероятного разрушительного удовольствия, обратился к гриффиндорке. — В конце концов, именно она меня создала.

Дыхание со свистом сорвалось с губ Джинни.

— Не надо... Том...

— Слышите, как она зовёт меня? — промурлыкал Том, почти касаясь губами кожи Блез. — Она не знает, любит ли она меня, ненавидит ли, ибо я — это она. Я исконный её враг, я её возлюбленный, я — её радость и отвращение, её неразделённая страсть. Я — её вина, её воспоминание. Её сладкое отчаяние. Все её несбыточные мечтания и грёзы. Я создан из крови, слёз и чернил. Она — мой создатель. И я никогда не покину её.

Блез не сводила с него глаз, её рот приоткрылся от изумления:

— Ты... конченный псих...

Похуже, он её не услышал: обращенные к Джинни глаза горели, и в их сияющей глубине Джинни видела жар, способный растопить её и создать заново.

— Том, она ни при чём. Только ты. И я.

Кивнув, он встал на ноги — лёгкий, изящный, окровавленный.

— Тогда чего же ты хочешь, Вирджиния?

Джинни взглянула ему в глаза:

— Покончить со всем этим, — сказала и вышла из комнаты.

* * *

Потоки горячей воды, почти кипятка лились и лились на Гарри, смывая кровь и грязь с его ноющего от боли тела. Особенно внутри. Глотая воду и мыло, он поднял лицо, позволяя воде стекать по векам и губам.

Сейчас, в одиночестве, он явственно слышал бие-ние собственного сердца, ощущал боль от синяков и ссадин, заявляющих о себе особенно отчётливо именно там, где струились горячие потоки. Он едва ли мог припомнить слова, сказанные Драко на кухне, но одно помнил точно: тот обнимал его. И пронзившая грудь стрела пропала, оставив после себя зияющую рану.

Наконец стекающая с него вода стала прозрачной. Гарри закрыл кран, натянул брюки и как был — босиком, с полотенцем на голове — вернулся в спальню, где Драко занимался разбором имеющегося у Виктора оружия. Слизеринец поднял взгляд.

— Ты переоделся, — заметил Гарри. — Это твоё?

Драко оглядел себя: в чёрном с ног до головы — ботинки, брюки, свитер (который оказался слегка великоват). Довершал одевание чёрный плащ.

— Виктора. Из шкафа, — он пожал плечами. — Мои вещи сюда ещё не прибыли, а твоё брать я не хотел.

— Мог бы взять нужное. А то у тебя какой-то депрессивный вид. Нет, я не говорю, будто это плохо, — спохватился Гарри, заметив, что лицо Драко потемнело, — тебе чёрный идёт.

— «Смотримся в чёрном лучше вдов своих врагов с 1500 года», — процитировал Драко, усмехнувшись. — Семейный девиз Малфоев. Как насчёт тебя? Знаешь, как говорится: «ни рубашки, ни ботинка, ни победы в поединке».

Гарри швырнул на кровать полотенце и оглядел свои сумки.

— Я собирался надеть рубашку.

— Погоди-ка, — остановил его Драко, распрямляясь, — для начала иди сюда.

С осторожностью перебравшись через груды булав и клинков, Гарри подошёл. Драко встал навстречу, держа что-то в левой руке.

— Вытяти руки, — Гарри подчинился. Драко внимательно изучал его кисти, словно не желая смотреть в лицо. — Не дрыгайся.

Гарри не сразу понял, что такое обхватило его правое запястье: нечто вроде мягкого кожаного наручника. Через мгновение второй браслет обхватил левое запястье, а Малфой сделал шаг назад, критически изучая проделанную работу. — Больно?

— Нет. В этом есть смысл или у тебя просто крыша слетела?

— Смысл есть. Вот, — Драко взял Гарри за руку и резко развернул пальцами вниз. Гарри почувствовал, как браслет туго стянул запястье — и через миг в пол у самых его ног вонзился нож с чуть поблескивающей рукояткой. — Они заколдованы, — с таким удовлетворением, будто бы сам их и заколдовал, сообщил Драко, — чтобы метать ножи. И никогда не бывают пустыми.

— Лучшая примочка для пикника, — заметил Гарри. Он не знал, улыбнулся или нет на его шутку Драко — тот по-прежнему старательно отворачивался.

— Ты только не дергайся, а то ноги себе проткнёшь.

— Договорились. Слушай, с тобой всё хорошо? Ты в мою сторону даже не смотришь.

Драко со вздохом поднял взгляд.

— Я думал, тебя сейчас больше заботит оружие. Совсем скоро оно здорово понадобится — я хотел вооружить тебя, как должно, — времени не так-то много...

— Всё в порядке. А куда делось... тело?

— Потом покажу, как только соберётся. Так они тебе действительно не мешают?

Гарри снова вытянул руки.
— Застёжки немного болтаются. Можешь подтянуть?

Поколебавшись, Драко коснулся левого браслета — быстро, почти нежно; Гарри не видел его лица, только светлые пряди да кончики пылающих ушей.

— Ты ведь не уйдёшь сейчас, — на самом деле это не было вопросом. — Ты ведь не вернёшься в Англию, как говорил раньше...

— Естественно, нет. Я хочу найти её так же, как ты.

— Не так же.

— Сказал, что пойду — значит, пойду, — пожал плечами Драко, берясь за другую застёжку.

— Там на кухне, ты говорил, что я не лукавлю... — Драко напрягся, Гарри почувствовал это по хватке на своём запястье.

— Ну?

— Я хотел тебя поблагодарить. После вчерашнего разговора... я думал, ты меня ненавидишь... что ты меня всегда ненавидел.

— Я тебя не ненавижу, — в тоне Драко зазвучали предупреждающие нотки.

— Да... на кухне... я понял это... Ты будто бы ещё веришь мне, и мне... мне нужно, нужно, чтобы ты мне верил, ведь если нет... — он осёкся.

— И что — считаешь, верю, да?

— Разве нет?

Драко закончил возиться с пряжкой.

— Ты — единственный, кому я верил в этом мире.

Гарри промолчал — да и что он мог сказать? Драко отпустил его руку и поднял взгляд — чуть-чуть усталый; впрочем, возможно, так казалось из-за тонких морщинок под глазами.

— Готово.

— Значит, снова друзья?

— Нет, — Драко шагнул назад, подхватил с кровати свой меч и закрепил его на талии; Гарри видел, как его пальцы чуть дрожат. — Много будешь знать... Давай, собирайся.

Драко вышел — топот затих в прихожей, Гарри на мгновение замер, прислушиваясь к тусклому рёву в ушах — будто где-то далеко бурлило море.

Любовь — это вера...

И он потянулся за своим мечом.

* * *

Он шёл за ней по коридору — она слышала звук его шагов, но так и не обернулась, пока не добралась до лестницы. Он стоял прямо за спиной, чуть улыбаясь и выжидающе глядя на неё; в красном свете люстры кровь на рубашке казалась неестественно реальной, словно свежие брызги красного вина.

— Не тронь её, — заявила Джинни напрямик.

— Кого? — чуть опустил ресницы Том.

— Сам знаешь, — утомлённо огрызнулась Джинни. — Ты уже убил Пенси — чего уж больше?

Его глаза блеснули.

— Ну, я не заявлял бы так категорично — я знаю заклинания, способные возвращать мёртвых... Так можно попытаться — снова, снова... без всякой возможности ускользнуть...

Джинни содрогнулась, но тут же взяла себя в руки.

— Я про Блез. Хочу, чтобы ты её отпустил.

— Не знал, что ты настолько дорожишь ей.

— Она отнюдь не дорога мне, — невольно подстраиваясь под ритм его речи, возразила Джинни. — Однако вину из-за ещё одной смерти, что ты принесёшь на мой порог, я не вынесу.

— Ты делаешь из мухи слона, — пожал плечами Том.

— Просто тебе неизвестно, что такое вина. И неудивительно. Это тоже своего рода пытка.

Синие глаза чуть прищурились, став по-кошачьи настороженными.

— Надеюсь, ты не думаешь всерьёз, будто

я пощажу её. Я ведь и тебя не склонен щадить.

Джинни поколебалась. Том стоял перед ней — и в воцарившейся тишине она мучительно прислушивалась к негромкому позвякиванию люстры, к тиканью часов где-то внизу, видела меланхоличное круженье пыли в рассеянном свете факела. В глазах Тома плеснуло злобное веселье. Конечно. Никогда. Он слишком долго ждал. Слишком нетерпеливо.

...Мне не нужно, чтобы ты щадил меня, — подумала она, поднимая голову. Руки сами собой нашли застёжку — спустя мгновение расстёгнутая куртка упала на пол. Том следил за ней, прищуриваясь всё больше и больше. Её пальцы нашарили пуговицы на блузке и расстегнули их одну за одной. Мокрая ткань второй кожей льнула к телу — Джинни с трудом стянула блузку и трянула волосами. Те щекотно рассыпались по плечам.

На лице Тома не дрогнул ни один мускул, лишь пальцы сжались в кулаки.

— Вирджиния, что ты делаешь?

Она дрожащими руками нащупала ремень, расстегнула и медленно потянула из джинсов.

— Торгуюсь с тобой. Ведь ты захотел её только потому, что она похожа на меня, верно? Что ж — вот она, я. И я сделаю всё, что ты хочешь. Только отпусти её.

* * *

Они поднялись на крышу дома Виктора. На востоке солнце кровавым ножом рассвета рассекло облака. Тусклые звёзды ещё блестели на небе то там, то сям — в их свете Гарри видел, как Драко дошёл до края крыши и осмотрелся, будто прикидывая расстояние до соседнего дома.

Привалившись к кирпичной трубе, Гарри смотрел, как слизеринец вспрыгнул на низкий бордюр — чёрная одежда терялась на фоне неба, зато виднелись светлые волосы и лицо: зрелище, прямо скажем, куда приятнее, недели растянувшийся посреди балкона труп, взрывающий в небеса пустыми глазами.

Засунув руки в карманы, Драко стоял на краю, запрокинув голову, — хотелось даже крикнуть, чтобы он не вёл себя так беспечно, Гарри это здорово действовало на нервы. Вот Драко резко развернулся, заставив его вновь содрогнуться, пробежал вдоль стены, спрыгнул на крышу и направился к покойнику. Откинув в сторону плащ, засунул руку за пояс и замер, не сводя внимательного взгляда. Гарри не выдержал:

— Поразительно. И после всего этого он по-прежнему мёртв.

— Брось-ка в меня один из своих ножей, — мельком взглянув на него, попросил Драко.

Вытащив нож из ножен-наручников, Гарри выполнил просьбу; Драко поймал клинок прямо в воздухе, присел над телом и разрезал мантию у горла. Под ней оказалась чёрная рубашка, прикрывающая, как показал следующий взмах ножа, неприятно бледную рябую кожу, покрытую коркой засохшей крови.

— Чем это ты занимаешься? — приподнял бровь Гарри.

Драко не ответил. Он осторожно занёс нож, приложил его к горлу покойника и, мгновение поколебавшись, полоснул.

У Гарри перехватило дыхание. Из пореза выступила тёмная кровь. Драко откинулся на пятки и чертыхнулся.

— Мы слишком долго ждали.

— Чего мы ждали?

— Кровь. У него сердце уже остановилось — а после остановки сердца кровь из трупа добыть нельзя.

Гарри опять поднял бровь.

— Детективные романы, — в качестве объяснения добавил Драко.

— Да я не об этом, — возразил Гарри, — а о том, что существует масса заклинаний из колдомедицины, при помощи которых можно восстановить сердечную

деятельность.

— Разве что у живых людей.

Гарри пожал плечами:

— Нигде не сказано, что это не сработает, — он поднял руку, указав на труп. — *Cardiatus*.

Тело задёргалось, будто на электрическом стуле, выгнулось дугой — теперь оно соприкасалось с землёй только затылком и пятками; мёртвые пальцы судорожно заскоблили крышу, а из разреза на горле волнами, толчками полилась чёрная кровь. В груди покойника родился высокий, булькающий крик — будто из горшка выкипала вода.

Драко шарахнулся в сторону, не желая замарать ботинки; судя по виду, ему должно было вот-вот стать дурно, даже губы побелели.

— *Finite incantatum*, — торопливо произнёс он.

Тело затихло, чуть порозовевшая было кожа снова приобрела зеленовато-восковой оттенок. Драко покосился на Гарри.

...Прости, — торопливо подумал гриффиндорец, — такого я не ожидал.

Драко пожал плечами:

...Сработало — и ладно, — он нахмурился. — И — кыш из моей головы.

...Прости, — повторил Гарри.

Небо просветлело, и стали видны болезненно-яркие пятна на щеках Драко, сердито поджатые губы. Вспомнив руку, утешительно похлопывавшую его по спине на кухне, Гарри подумал, каким, однако, непростым человеком тот являлся.

— Слушай, ты как? У тебя такой вид... — его перебил рассёкший ночную тишину пронзительный крик. Драко вскинул голову, Гарри последовал его примеру: рассветная медь подсветила тяжёлое небо, по которому, приближаясь, неслась крылатая тень — вот она пересекла тускнеющую луну, вот начала снижаться, вот опустилась на крышу...

— Фестралы, — с удовлетворённой улыбкой сообщил Драко.

* * *

В золотую жаровню на когтистых лапах, стоящую у кровати Рона, кто-то положил благовония, и всю спальню заполнил пахучий чёрный дым. Рон занялся устранением неполадок, тогда как Гермиона, хмурясь, изучала апартаменты.

— Смотрю, они тебя тут шикарно устроили.

— Угу, — поддакнул Рон. От жары он взмок насквозь — и рубашка, и бархатный колет. — Ты бы присела и отдохнула.

— Не беспокойся, всё в порядке, — соврала девушка. Сейчас она стала ещё бледнее, а губы казались пурпурно-синими; несмотря на тепло в комнате, она дрожала под плащом. — А доставивший меня сюда человек?..

Не глядя в её сторону, Рон поворошил в жаровне угли.

— Габриэл. Вампир.

— Я знаю, Рон, — с ноткой неизменного ядовитого превосходства в голосе откликнулась Гермиона. — Он твой приятель?

Рон резко развернулся, взмахнул золотой кочергой:

— Я понимаю, на что ты намекаешь... Какого чёрта?! Ну же, скажи, скажи это!

Гермиона вскинула подбородок.

— Ну что ж — ты сотрудничаешь с Тёмным Лордом? Ты на него работаешь?

Брошенная кочерга лягнула об пол. Рон зашипел сквозь зубы:

— Нет. И мне кажется, сообщать тебе, что я никогда бы так не поступил, — совершенно лишнее: ты всё равно мне не поверишь. Вот что я тебе скажу: он никогда и не просил меня о сотрудничестве — и это чистая правда. Он меня жучил, заставлял часами иг-

рать в шахматы, принуждал смотреть какие-то видения — такие ужасные... мне казалось, моя голова непременно взорвётся...

— Видения?.. Ах... шахматы... — эхом откликнулась Гермиона таким тоном, будто это всё объяснило. Сосудки в волосах начали таять, и капли воды слезами замерли на щеках.

— «Ах... шахматы» — это ты о чём?

— Видишь ли, существует теория, согласно которой люди, обладающие талантом в области шахмат, так же имеют и прекогнитивные способности, — взглянув на недоумённое выражение Рона, гриффиндорка нетерпеливо фыркнула. — Словом, могут предсказывать будущее. Как правило, всего на несколько шагов вперёд. Лично я подозреваю, Тёмный Лорд вынуждает тебя использовать прорицательские способности — многократно, до тех пор, пока ты настолько утомишься, что будешь не в состоянии их удерживать. Так что же ты видел? — добавила Гермиона, распахнув глаза.

— Знак Мрака. Трупы. Знак Мрака над школой. Министерство в огне...

— Ах, Драко... Он поджёт отцовский кабинет...

— Гарри нас оставит... Рунический браслет разобьётся. Симус... в зелёных лучах...

Гермиона прикрыла глаза:

— Том...

— А ещё... Джинни... — голос Рона стал хриплым. — Задушенную.

Гермиона медленно покачала головой.

— Рон, какой же это для тебя ужас...

— А ещё, — резко оборвал её Рон, — я видел лежащего на кровати в какой-то каменной комнате Драко и рыдающего рядом Гарри. Малфой был мёртв.

Гермиона шарахнулась, будто от удара и прикусила губу.

— Да, — согласилась она, и в глазах блеснули слёзы, — Драко умирает. Но если ты видел Гарри рядом с ним... Если он будет рядом в последний миг...

— То что?

— То значит, Гарри переживёт сегодняшний день, — Гермиона обхватила себя поверх тяжёлого, напитанного влагой плаща.

У Рона перехватило горло:

— Бог мой, Гермиона, ты вообще способна думать о чём-нибудь кроме того, выживет Гарри или нет?

Её снова затрясло — Рон заметил, что кончики пальцев уже тоже посинели.

— Как же я замёрзла...

Рон потёр глаза тыльной стороной ладони.

— Тебе нужно согреться. Так, вон там ванная с горячей водой. Иди, а я пока поищу тебе что-нибудь сухое на смену.

— Спасибо, Рон, — кивнула Гермиона.

Плащ соскользнул с её плеч, она бросила его на кровать. Он думал, она отстегнёт фляжку с пояса, однако девушка оставила её на прежнем месте и направилась к ванной, на миг замерев в дверях:

— Рон, все твои видения — они истинные. Вот только та Джинни, которую ты видел, — не Джинни вовсе. И с твоей сестрой всё хорошо, — она в первый раз за всё время улыбнулась ему, вошла в ванную и закрыла за собой дверь.

* * *

Глаза её были закрыты, а потому она почувствовала лишь движение — прикосновение рубашки к голым рукам, тепло его тела... Сначала он просто стоял вплотную, не касаясь её, — она ощущала дуновение его дыхания на своих веках, лёгкое касание его волос. Она оцепенела в ожидании объятий, гадая, ту ли приманку она положила в капкан, — не случится ли так, что он не захочет или не поймёт её?

Дыхание его сбилось, он зашипел сквозь зубы и положил руки ей на бёдра, чуть выше расстёгнутого ремня. Его пальцы были удивительно холодны.

Она открыла глаза, встретившись взглядом с удивительной синевой его глаз. Светлые пряди падали прямо на лоб, смягчая выражение лица — лишь волнение, волнение затворника, впервые покидающего свою келью ради неведомых далей — ни капли ярости...

— Симус? — чуть удивлённо спросила она, и в это мгновение он её поцеловал.

* * *

— О, мой Тристан! — Риэнн кинулась к возлюбленному. Изящное тафтяное платье висело ключьями, где его разорвал тёмный маг Морган, и под этим весьма условным покрывалом грудь так и ходила ходуном, словно желе, поданное к столу морских путешественников в самый разгар шторма. — Я думала — тебя я больше не увижу...

— Ах, да... — Тристан уклонился от её объятий. — И осторожнее с моими волосами, а то, неровен час, и куколка найдётся.

Риэнн повернулась к товарищу своего возлюбленного, воплощению земной красоты лорду Себастиану Дорсину:

— Смогу ли я найти слова, о друг мой, чтобы достойно отблагодарить тебя — я вижу, мой Тристан отнюдь не впал в уныние, — возопила она, колыхнувшись к нему.

Себастиан поскрёб свою шею — всю в красных отметинках. Какие муки пришлось ему пережить?

— Ах, видишь ли, тут есть пара нюансов. Они чрезвычайно деликатны. А так же кое-что определяют.

— Скорее, первое, однако, чем второе, — добавил Тристан, и они оба захихикали.

Лорд Себастиан с обожанием смотрел на Тристана.

— Ты умничка моя, — сказал он. — Скорей ко мне, мой пупсик, мой умный сексуальный сукин сын...

Лишь когда Тристан, высвободившись из её объятий, направился к лорду Себастиану и принялся отнюдь не по-братски покрывать того поцелуями, до Риэнн дошло, что происходит нечто весьма интересное...

— Знаешь, Сириус, хуже чтения бреда только чтение бреда вслух. Скажи, в чём провинился я? За что меня караешь?

Сириус вольготно раскинулся на диване, держа в руках книгу в невероятно кричащем переплёте. Услышав слова Ремуса, он усмехнулся:

— Помнится, Лили это читала, однако в то время и книжки не кишели такими пикантными подробностями!

— И что же это? — закатил глаза Люпин.

— «Брюки долой», — прочёл заглавие Блэк. — «Эротическое путешествие».

— Хочешь сказать, это Джинни читает?

— По-моему, у неё полный комплект, — Сириус метнул книжку в сторону кофейного столика, она упала вверх иллюстрацией, изображающей блондина без рубашки, зато в туго обтягивающих чресла бриджах. — Что не так, Ремус?

Люпин, роющийся в огромном ящике, пожал плечами:

— Я отправлял сову в Министерство с просьбой предоставить мне все наши старые записи, хранившиеся в моём доме. Я подразумевал списки Ордена, но меня поняли буквально, — он поднял виниловый диск. — Глянь — Прибрежные Роллеры...

— Этот точно из коллекции Снейпа, — наморщил нос Сириус.

Люпин вытащил следующий:

— Слушай, а помнишь, как мы слушали Шоколадную Лагушку?

— Ага, а потом они продали первородство «Фрювольным Доксям» и опопсились, — подхватил Сириус. — Питер ещё сох по их вокалисту... как там его звали? Найджел Хеслоп?

— Точно, он даже одевался так же. Помнишь — прозрачные каблучки с заколдованной внутри золо-

той рыбкой?

— Знаешь, ретроспективно глядя в прошлое, могу заметить: мы должны были догадаться, что все закончится его работой на Тёмного Лорда.

Ремус не успел ответить: распахнулась дверь и появился Чарли Уизли. Лицо у него было весьма рас-терянное.

— Продолжая разговор, — подхватил он, — сообщая: Эйден Линч на каминной связи. Он совершенно не в себе и вопит, что немедленно должен побеседовать с кем-то из вас. Вроде как Гарри сейчас в Праге...

* * *

При ближайшем рассмотрении фестрал оказался в единственном экземпляре. Он приземлился на крышу между Гарри и Драко, мягко зашуршав кожистыми крыльями, и затих. Чёрная костлявая спина... Белые, словно подернутые дымом, глаза уставились на юношей.

— Ну и урод, — словно между прочим, заметил Драко, — не находишь?

Фестрал в упор уставился на Драко, и Гарри взгляд определённо не понравился.

— Ты бы его не оскорблял. А то цапнет.

— Вот ещё, — Драко протянул к зверю руку. Тот продолжал какое-то время пристально смотреть, потом опустил голову и потерял мордой о ладонь. — Я фестралам нравлюсь...

— Им вообще никто не нравится.

— А я вот нравлюсь, — возразил Драко. И, в самом деле, фестрал продолжал тереться носом о ладонь. В представлении Гарри столь нежный жест меньше всего подходил этой смертеподобной лошадке.

— Не знал, что ты способен видеть фестралов, Малfoy, — заметил Гарри. — На пятом курсе не мог.

Драко метнул в Гарри острый взгляд.

— Это ты в бестактной манере пытаешься выяснить, видел ли я, как кто-то отбросил копыта, а, Поттер?

Гарри пожал плечами:

— Я не знаю, видел ты смерть или нет. Только и всего.

— Всё было куда интересней. Я же сам помер — неужели забыл? — Драко опустил руку, но фестрал продолжил тереться об его плечо. — После этого я их и увидел. Вокруг Имения, на школьных землях. Они постоянно за мной таскались. Думаю, им просто нравится всё, имеющее отношение к смерти.

Гарри передёрнуло.

— Я как-то ездил на одном. А ты?

К его удивлению, Драко чуть побледнел.

— Нет, — поколебавшись, признался он. — Не люблю верховую езду.

— Не любишь?! — захлопал глазами Гарри.

— Не-а.

— А поче..?

— Потому, — отрезал Драко, отступая от Гарри и фестрала. Теперь его лицо напоминало захлопнувшийся ящик. — Просил же не лезть ко мне с вопросами.

— Не знал, что это касается всех вопросов на свете, — огрызнулся Гарри. — Думал, есть только несколько важных вещей, о которых ты просто не хочешь разговаривать...

— И, полагаю, именно ты можешь решать, что важно, а что нет, — уколол Драко.

...Да чтоб тебя, — подумал Гарри. — Опять двадцать пять! — и, повинуясь какому-то импульсу, он ухватил край плаща Драко, не давая тому уйти.

— Забудь. Проехали.

Драко, уже наполовину отвернувшийся, глянул на Гарри через плечо — тот почувствовал и скрытое напряжение, и спрятанные под этим напряжением мысли Драко, которые краем задела его собственный разум. Странное, удивительное чувство: словно, протянув руку к кувшину, ты вдруг почувствовал через

стекло прикосновение того, что сокрыто внутри.

Интересно, а ощутил ли это Драко?..

Так или иначе, не вида тот подал.

— Значит, так, Поттер, — резко начал Драко. На миг умолкнув, он продолжил, кидая слова в разделяющую их тишину — безжалостно и отчётливо. — Насчёт сказанного раньше — я пойду за тобой, не брошу тебя... Ты знаешь — я сделаю, раз сказал. Тебе крупно повезло, что я уже это пообещал — можешь этим даже воспользоваться: выпросить что-нибудь, например. Я не буду уворачиваться. А уж почему я тут — из-за желания быть с тобой или же просто из-за обещания... решай сам.

— Да я просто не могу понять, из-за чего ты не хочешь со мной разговаривать, — с ноткой отчаяния в голосе ответил Гарри.

— Да, — резко кивнул Малфой. — Ты не понимаешь. Потому-то я и не хочу с тобой говорить.

...Но на кухне-то ты со мной разговаривал, — подумал Гарри, но вслух не произнёс, — это, без сомнения, разозлило бы Драко. Тот вообще старался не обсуждать скользкие темы, и Гарри ощутил, что и само нежелание разговаривать отныне тоже запретная тема.

...Пусть мы близки, — подумал Гарри, — но для близкого человека я знаю о его чувствах ничтожно мало...

— Коль скоро верхом ты не любишь ездить, как ты предполагаешь сбежать с этой крыши?

Драко метнул в него ядовитый взгляд, ничуть не тронувший Гарри, — слизеринец имел в своём арсенале целый набор ядовитых взглядов, но теперь это волновало куда меньше, нежели ясный и чистый тон, каким он только что говорил.

— Я не сказал «не поеду». Я сказал — «не люблю».

— Вот и хорошо, — Гарри, запустив одну руку в спутанную гриву фестрала, вспрыгнул ему на спину. Тот взбрыкнул, сделал несколько шагов и затих. Гриффиндорец обернулся к Драко, который невольно отступил и теперь хмурился в отдалении.

— Давай, — протянул ему руку Гарри.

Драко нахмурился сильнее.

— Кто сказал, что ты будешь впереди?

Гарри качнулся и театрально ткнулся головой в выгнутую шею фестрала.

— А ну, давай — раз-два и сел на этого долбаного пони, Малфой.

Игнорируя руку помощи, Драко рывком подтянулся и сел позади Гарри, крепко обхватив бока фестрала ногами. Тихо зарокотав, конь расправил шелестящие кожистые крылья. Драко зачертыхался себе под нос. Даже не оборачиваясь, Гарри чувствовал, насколько напряжен приятель — от него будто шли электрические волны паники.

— Ты бы за мою рубашку лучше взялся, Малфой.

Чертыхания сменились вдумчивым и подробным сообщением о том, что Гарри может сделать со своей рубашкой —

это была весьма расширенная формулировка фразы «а не пошёл бы ты со своей рубашкой»... Процесс оказался сложным и долгим, с участием узлов.

Пожав плечами, Гарри склонился к уху фестрала:

— Отнеси нас к Тёмному Лорду... — и, не успев он закончить, как фестрал уже взмыл в небо. Драко заорал и вцепился в пояс Гарри — лишь крепкая хватка последнего удержала обоих от падения.

И они помчались навстречу кроваво-красному свету.

* * *

— Салют, — тусклые глаза Эйдана усталились на Сириуса, ухоженная рука взметнулась в приветствии, однако Линч тут же перекосялся. — О...

господи, моя башка... Чёртовы, чёртовы маги: можем вывернуть человека наизнанку, но не умеем справиться с паскудным похмельем... Лучше б я умер вчера...

Сириус мысленно вздохнул: процесс получения информации от Эйдана никогда не был простым. В своё время им как-то пришлось пересечься по работе в Сопротивлении: Эйдан представлял из себя разряженного болвана с привычкой выползти из-под одеяла и заваливаться на работу ближе к полудню со сведенными похмельным синдромом зубами — что, по понятным причинам, не добавляло ему поклонников среди начальства, одним из коих Сириус и являлся.

— Слушаю тебя, Эйдан.

— Нуте-с... — Эйдан затеребил воротник бархатного чёрного скюртука. — Довольно обо мне. Как там у вас, Сириус?

— Ничего особенного, — вздохнул Блэк. — Чарли сказал, что есть разговор — ты, случайно, не в курсе, какой?

Эйдан рассеянным взглядом обвёл кухню и оживился:

— Да, точно — насчёт Гарри.

— Насчёт Гарри? — дрогнул Сириус.

— Вернее, не совсем: насчёт Виктора, это касается Гарри только косвенно, — Эйдан снова моргнул и просиял: — Какое, однако, слово: «косвенно». И не думал, что я его знаю... Пожалуй, над этим стоит поразмышлять....

— Эйдан! — громыхнул Сириус. — Напоминаю: в соседней комнате находится половозрелый оборотень, и, ежели ты сию же секунду не выложишь всё о Гарри, от твоей башки и клока волос не останется!

В этих словах имелася некая доля истины: Ремус действительно был взрослым оборотнем, способным сожрать голову Эйдена — хотя, пожалуй, не в его нынешнем состоянии.

Линч надулся.

— Ладно, ладно, только не надо мне угрожать, — он смахнул пылинку с воротника, — короче, у Крума в Праге есть квартира — прямо в центре города, со всеми удобствами... — словом, он мне позволяет иногда там останавливаться...

— ЭЙДАН.

— Короче, — обиженно продолжил Линч, — вчера я получил от него сову с требованием немедленно выметаться, поскольку он, дескать, собрался поселить там приятеля. К тому, что меня вообще несколько выбила из колеи подобная бесцеремонность, добавилось ещё похмелье из-за вечеринки в Будапеште накануне... Словом, никуда я не ушёл — когда Виктор прибыл с этим своим другом, я всё ещё находился в спальне. К счастью, под рукой оказался старая мантия-невидимка, позаимствованная в своё время у Ордена...

— ...а точнее говоря, украденная...

— Ты собираешься дослушать до конца или нет? — сверкнул глазами Эйдан.

— Всё зависит от того, как ты относишься к понятию «частично съеденный» по отношению к себе.

Линч открыл, было, рот, но, передумав, тут же закрыл.

— В общем, я накинул мантию и прокрался из квартиры, однако мне удалось увидеть того, кого привёл Виктор. Это был Гарри Поттер.

Сириус дёрнулся вперёд настолько быстро, что едва не перекувырнулся:

— Мой Гарри? Ты уверен?

— Ну естественно!

Сердце Сириуса отчаянно заколотилось.

...Ниточка к Гарри... первая ниточка к Гарри...

— Полагаю, для начала стоит поблагодарить тебя, Эйдан... — в этот момент кухонная дверь отворилась и вошёл задумчивый Люпин, при виде которого Линч испуганно вскрикнул и исчез во вспышке синих искр.

— Что это с ним? — ошарашено спросил Ремус.

— Э... да ничего, — виновато заёрзал Блэк, — он,

видишь ли, ужасно застенчив, — и, взглянув на озадаченное лицо друга, продолжил: — Не поверишь, у Линча в кои-то веки действительно оказалась полезная информация. Он видел Гарри. И ни с кем иным, как с Крумом.

— Не думал, что они близки, — удивился Люпин.

— Именно так, но он же должен знать: с близких-то друзей мы и начнём поиски. Эйдан долго раскачивался, прежде чем хоть что-то из себя сумел выдавить, — думаю, нам стоит нанести Виктору визит, — Сириус поднялся. — Кстати, тебе-то чего?

— Это насчёт Джинни, — мрачно откликнулся Ремус. — Она ещё не вернулась, и Чарли вне себя от беспокойства. Он хочет, чтобы мы отправились на поиски.

* * *

Он не был Симусом, и его поцелуи не имели ничего общего с поцелуями Симуса — нежными, сладкими, приятными. Но на яростные поцелуи Драко они тоже не походили: Джинни знала — Драко никогда не причинит ей боли. Сейчас же такой гарантии не было.

Она задохнулась и сморщилась, когда Том прижал её к перилам и запустил пальцы в волосы, когда припал к ней сухими, горячими и жёсткими губами, когда его язык, раздвинув её губы, проник к ней в рот и яростно заметался по нёбу. Она задрожала — однако это было ничто по сравнению с тем, что творилось с ним: плечи Тома буквально ходили ходуном, а руки, скользнувшие с талии на грудь, тряслись. Но он не замечал этого. Не зная она его лучше, она бы приняла подобное за крайнее волнение и глубокое чувство.

Джинни отцепилась от перил и положила руки ему на плечи, откуда он их немедленно убрал:

— Не касайся меня.

— У тебя руки трясутся.

Он ослабил хватку, пробурчав:

— С моими руками всё в порядке.

— Конечно, — умиротворяюще кивнула она.

Том навалился на неё, всем весом прижав к больно впившимся в спину перилам, — вскрикнув и тут же поймав его удовлетворённый взгляд, Джинни запрокинула голову, пряча лицо. Он потянулся к ней, губы коснулись шеи — она тронула его волосы, снова заставив отшатнуться.

— Я же сказал — не касайся меня!

Джинни полуприкрыла глаза, пряча затаившуюся в них ненависть.

— Чего ты так боишься, Том?

— Умолкни, — прошипел он, сильнее и сильнее наваливаясь, — теперь она уже не могла дышать, — или я заставлю тебя замолчать.

Её голова шла кругом от этой близости, от тепла его тела, запаха чернил и крови; она провела ладонью в воздухе вдоль его спины, считывая выступы позвоночника по облепившей тело рубашке; она могла даже ощутить шрам под правой лопаткой, заработанный Симусом лет в девять...

— Ты не должен делать мне больно, — шепнула она.

— Вот как? — замер он. — Значит, не должен?

Она надеялась на это.

— Ты не можешь...

Она всё сказала: его руки скользнули к её горлу, обхватили его; большие пальцы нажали на ямочку выше ключиц... Он смотрел почти нежно, когда хватка на её шее стала сильнее.

Перед глазами Джинни взорвались звёзды, она пыталась вздохнуть, она царапала его запястья, раздирая ему кожу, она пиналась... — в ушах звучал негромкий смех. Колени её подогнулись, перед глазами всё померкло, когда он внезапно отпустил её; Том шарахнулся прочь, ноги отказались ему служить — и он упал к её стопам.

Джинни цеплялась за перила, чтобы устоять, все её помыслы сконцентрировались вокруг глотка свежего воздуха и ноющих синяков на горле. Наконец, она посмотрела на Тома: тот, уже поднявшись на ноги, стоял на почтительном расстоянии и жмурился в её сторону.

Одной рукой он держался за горло — вернее, за синяк на бледной шее.

— Я же говорила тебе, — с мрачным торжеством сообщила Джинни, наплевав на боль, причиняемую ей словами, — ты не можешь ранить меня.

* * *

Через некоторое время Рон осознал: обещание найти для Гермионы какую-нибудь одежду прозвучало достаточно самонадеянно — замок был чем угодно, но только не домом; Рон брёл через холлы, танцевальные залы, пустые музыкальные гостиные, пыльные библиотеки, сверху донизу забытые книгами с позолоченными корешками. Однако же не наблюдалось ни какой-либо другой спальни, ни подходящей кучи дамского барахла. Рон кратко подивился, откуда призывает столь бесконечный гардероб Рисенн. Возможно, впрочем, она ухитрялась мастерить свои ленточки прямо из воздуха. Талант, конечно, необычный, однако же несколько ограниченный в применении.

Он как раз выходил из громадной библиотеки, когда внезапно услышал голоса, один из которых — знакомый, резкий — несомненно, принадлежал Вольдеморту. Рон нырнул в ближайшую нишу и замер; мимо в сопровождении Червехвоста прошествовал Тёмный Лорд. Петтигрю явно волновался — круглое личико покраснело, а левая рука нервно теребила мантию.

— Господин, клянусь — я не лгу: Люциус вмешался в такие области... Вы определённо не одобрите... Весьма опасно для вас...

— Да-да, я прекрасно слышу тебя, Червехвост, — раздражённо откликнулся Тёмный Лорд, думая о своём, — однако твоя одержимость Люциусом уже переходит все мыслимые границы. Надеюсь, ты сам это понимаешь.

— Я лишь пекусь о ваших интересах, хозяин, — уязвлённо запротестовал Червехвост. Рон припомнил раздражение в голосе Вольдеморта — «Шпион в доме Люциуса, да?» и ещё сильнее вжался в нишу.

— Сочиняя безумные истории о вызываемых демонах и духах? Твои претензии кажутся мне необоснованными, кроме того, в свободное время Люциус волен развлекаться, как ему угодно.

— Не только демоны и духи, Хозяин, — запротестовал Червехвост, — некие духи-убийцы: ведь именно так погибли ваши Пожиратели Смерти...

— Ну, хорошо, положим, — кивнул Вольдеморт, — но, заметь, только те, кто был готов в любой момент отречься от меня. Возможно, Люциус — просто санитар наших рядов.

— Даже если так, ему стоило для начала согласовать свои действия с вами, — смиренно вздохнул Червехвост и Рон согласился, что в последнем замечании определённо был смысл.

Похоже, Вольдеморт призадумался.

— Коли он предал меня, кара будет мгновенной и строгой, — кончик бледного пальца коснулся подбородка. — Однако всё бремя доказательств ложится на тебя, — он щёлкнул пальцами. — И пока ты не владеешь ими, Червехвост, я слышать ничего не желаю.

— Да, господин, — поник Петтигрю.

Окинув своего слугу взглядом, Вольдеморт перекопсил:

— Признаться, действительно тебе бы стоило быть чуть симпатичнее... — с таким причудливым комментарием он развернулся и покинул комнату, провожаемый удручённым взглядом Червехвоста.

Утомившись от игры в прятки, Рон выбрался из своей ниши.

Петтигрю подскочил:

— Шпионил, да? — прорычал он.

— Чья бы корова мычала, — сопроводив фразу грубым жестом, ответил Рон и вышел из библиотеки.

Сдёрнув по пути синие портьеры в надежде, что Гермиона Премудрая наверняка сумеет заколдовать их во что-нибудь подходящее, Рон вернулся в спальню. Судя по всему, она ещё купалась: в комнате никого не было, а в ванной шумела вода.

— Закрой дверь, Рон, — услышал он тихий ровный голос и, подчинившись, в свете разом вспыхнувших факелов увидел сидящую на кровати Гермиону, всё одеяние которой составляло белое полотенце. Лицо и шею облепили мокрые волосы.

Она улыбнулась, снова став прежней Гермионой.

— Прости, — махнула она в сторону полотенца, — у меня одежда насквозь промокла.

— Всё нормально, — неловко откликнулся Рон, сделал несколько шагов вперёд, опустил на покрывало охапку бархата и торопливо попятился назад. — Извини, я заставил тебя ждать — но пришлось прятаться от Червехвоста и Тёмного Лорда. Она должны знать, что ты тут, однако...

— Они что-то говорили про меня? — в панике спросила Гермиона.

— Нет-нет, — замотал головой Рон, — только о том, что нельзя доверять Люциусу Малфою.

— Вот как? Я думала...

— Неважно, — Рон сделал шаг вперёд, — главное, тебе уже лучше...

Она кивнула. Действительно, судя по розовым губам и нормальному цвету щёк, ей действительно стало лучше.

— Прости за то, что было. Я вела себя как настоящая стерва.

— О... н-нет, нет. Ничего подобного.

— Самая настоящая, — она свесила босые, тонкие ноги с кровати и встала, придерживая полотенце вокруг тела. Рон заметил над правой щиколоткой ссадину — в этом было нечто удивительно детское. — Какое право я имела обвинять тебя в попытке выжить. Я просто не подумала... Я беспокоилась только о Гарри...

— У него проблемы? — Рон выдавил кривую улыбку. — В смысле — проблемы серьезнее, чем всегда?..

— Да. Мы втроём находились в Праге, и Габриэл послал своих людей, чтобы убить Гарри и Драко. Я и не...

— Ничего подобного, Вольдеморту не мог этого допустить: они оба ему нужны, он бы не позволил убить их ни с того ни с сего. Люциус всегда здесь, и он...

— Люциус? — Гермиона свободной от полотенца рукой схватила Рона. Тот отвёл взгляд. — Ты слышал разговор о Драко?

— Немного... Я знаю, что Тёмный Лорд послал своих слуг за Гарри, но тем не удалось причинить ему вреда. Знаю, Драко был с ним и защитил его... Потом они говорили так, будто на самом деле им нужна была ты... но зачем? Что им от тебя понадобилось?

Гермиона напряглась, Рон почувствовал, как вцепившиеся в его руку пальцы стали стальными.

— Ну, ты-то должен это знать, — прошептала она.

— Чаша...

— Четвёртый Благородный Объект... — широко распахнутые глаза Гермионы сияли.

— Но... я не думал, что ты носишь её с собой... Я думал, она в Хогвартсе...

— Это не такой предмет, который можно просто бросить, Рон, — ядовито заметила девушка.

— Но я полагаю, ты хотя бы её спрятала, — чувствуя себя уязвлённым, буркнул Рон. — Или нет?

Гермиона не сводила с него взгляда. И вдруг слабо улыбнулась.

— Неужели не догадаешься?

— Нет.

Губы Гермионы дрогнули, она рассмеялась

и всплеснула руками:

— Из всех нас ты всегда был самый прямодушный.

— Так скажешь или нет? — поинтересовался Рон.

Снова помрачнев, Гермиона мотнула головой.

— Меньше знаешь — крепче спишь, — она положила руки ему на плечи и взглянула прямо в глаза. — Я слишком долго думала, будто лишилась тебя. Я больше не хочу рисковать.

— Ох... — Рон почувствовал, как все слова разом куда-то делись: остались только острое осознание этой близости, скользкого вдоль её скулы луча света, взбрызнувшего золотом волосы. Полотенце на фоне белизны её кожи казалось снежно-белым. — Гермиона... ты... наверное... не должна...

Попытка что-то сказать потерпела неудачу, он почувствовал странное, тревожное головокружение — будто следствие яда, побочный эффект наложённых Пенси чар. Впрочем, неважно: сейчас — только коснувшиеся его лица пряди, медово пахнущие клевеком...

...Неужели я до сих пор влюблён в неё?..

Она стала его первой любовью — бесплодной, детской, колдовской, причиняющей массу неудобств — то есть именно такой, о которой с ностальгией вспоминают спустя годы.

Но только не в его случае.

Его любовь отобрали, скомкали и швырнули в лицо; отняли очарование и сладость, подменив их болью. Она стала воплощением сделанной когда-то ошибки, символом того, чем бы он мог владеть и чего лишился... О, если б была возможность всё исправить...

— Что?.. — её глаза распахнулись, руки легли на плечи. — Ты волнуешься из-за того приворотного заклинания, что наложила на тебя Пенси?

— Ну... э..., ну, да. Понимаешь — немного, да... Я знаю — ты бы никогда...

— Ах, Рон, — шепнула Гермиона, — ты такой благородный и всепрощающий... а мы так с тобой обращались... Я никогда не хотела причинять Гарри боль, но иногда я желала... просто рядом с тобой многие вещи становятся такими простыми...

— Рядом со мной? — захлопал глазами Рон, пытаясь осознать, что именно в его жизни за последнее время казалось простым.

Гермиона подняла к нему лицо. На кончиках ресниц поблёскивали слёзы, она задыхалась, будто не стояла, а бежала.

— Давай это будет нашим секретом... только твоим и моим...

Он не раз слышал эти слова в своих мечтах, а потому узнал их.

...Не... не может быть... всё неправда, всё не так... Это сон — сон или кошмар...

Но Гермиона уже припала к его рту, а Гермиона была его другом, и он не мог найти в себе силы, гнева, чтобы оттолкнуть её... — и Рон замер. Ему прежде не приходилось испытывать такого поцелуя — горячего, глубокого, иссушающего — ему не хватило воздуха, глаза заломило от боли, кровь в венах вскипела, став огневиски... И тут он понял.

— Рисенн! — зашипел он, уворачиваясь от губ и слыша негромкий горловой смешок. Он попробовал отпихнуть её — не тут-то было; тогда он куснул её за губу — дьяволица ахнула от боли, с силой толкнула его. Ноги подкосились, и Рон плюхнулся на мраморный пол с чувством, будто он рыба, из которой только что выдернули все кости.

Она — в невесть откуда взявшемся белоснежном платье, в пролившихся на плечи чернилами волос — склонилась над ним, защекоたв локонами. Рукой коснулась своих губ: на пальцах осталась кровь.

— Надо ж быть настолько безжалостным со своей любовью! Или это из-за того, что жить тебе осталось всего ничего?..

Рон смотрел на Рисенн сквозь дымку боли, и в ушах его звучал голос Гермионы: «если Гарри уви-

дит его смерть, значит Гарри переживет этот день»...

— Нет, — отрезал Рон. — И не жди от меня жалости.

Глаза Рисенн расширились, однако он уже ускользнул во тьму; даже если она что-то ответила, он не услышал.

* * *

Мир ярким ковром огней крутанулся прочь и выцвел, подёрнувшись дымкой.

— Поттер?

— М-м... да?

— Это что — звёзды?

Гарри немного помолчал:

— Ты о чём? Ну, конечно же — звёзды... — он повернулся, чтобы взглянуть на Драко, и тот сильнее вцепился в его пояс. — Ты вообще к чему это спросил?

— Да так — ни к чему... Проехали, Поттер.

Гарри недоумённо отвернулся. Драко взглянул через плечо: вместо сияющих звёзд позади раскинулась темнота, то там, то сям проколота яркими, режущими глаза точечками. В голове кто-то голосом Снейпа произнёс «слепота», и он со слабым всплеском отчаяния подумал, что противоядие, молекула за молекулой в этот миг покидающее его кровь, способна приготовить только Гермиона... И уже совсем скоро ничто не сможет встать на пути яда — только его собственные иссякающие силы...

Он надеялся, что их окажется достаточно.

* * *

Том медленно отнял руку от собственного горла. Глаза, до краёв наполненные злобой, блеснули, однако он не двинулся.

— Что ты со мной сделала? — хрипло, будто это его только что чуть не задушили, спросил он.

Джинни почувствовала неудержимое желание ухмыльнуться, расхохотаться, встряхнуть его:

— Ничего. Я поняла: потому ты и не убил меня тогда, — просто оглушил, оставил там: ты же мог меня прикончить, однако не сделал этого. Ты не в состоянии причинять мне боль: могу поспорить, ты не знаешь причины, просто — не можешь. Наверное, ты считаешь, причина в теле Симуса — так сказать, слабость простого смертного...

— Не смертного, а влюблённого, — откашливаясь, с ненавистью уточнил Том. — Он тебя любит.

— Знаю. Знаю — любил, — воспоминание о Симусе, ставшем теперь Томом, всколыхнуло волну печали. Джинни не ждала этой любви — та стала изысканным акцентом, чуть смягчившим печаль, притупившим надрыв утраты. Она никогда не принимала эту любовь, никогда не отвечала взаимностью, никогда не позволяла ему любить себя... она ждала — всегда ждала Драко. — И всё ж ты не смог сделать мне больно не по этому, — Джинни заправила волосы за ухо. Болело всё — даже пальцы. — Дело в заклинании, вернувшем тебя: как ты там говорил — симпатическая магия? Моя кровь, мои слёзы — именно я привела тебя обратно, именно из-за меня ты здесь, именно я — та цепь, при помощи которой ты вытянул себя в этот мир, именно я — тот якорь, на котором ты здесь держишься. И только я смогу отправить тебя обратно, — резко закончила она.

Она сделала шаг назад, потом ещё один: он, задыхаясь, не сводил с неё разъярённого взгляда — ей бы понравился этот рычащий взгляд, кабы не то, что она собралась сделать. Ещё шаг — и жёсткое прикосновение перил к спине. Джинни через плечо бросила взгляд вниз: лестница, теряющаяся в темноте. Снова взгляд в сторону Тома, глубокий вздох...

Его глаза сузились: он понял, но слишком поздно — метнувшись к ней с яростным воплем, он увидел, как она, ухватившись за перила, перелетела через

них...

* * *

Снова натянув на себя холодную и грязную одежду, Гермиона вернулась в спальню, застав там весьма примечательную сцену: на полу в заляпанном кровью белом платье сидела Рисенн. Черные волосы, будто чернила, струились по её плечам. На коленях у неё возлежал Рон. Дьяволица подняла взор на шагнувшую в комнату девушку и хищно улыбнулась.

— Тш-ш. Смотри, не разбуди его, — она откинула на спину водопад чёрных волос, и Гермиона увидела, что Рон действительно спит — или же делает вид, будто спит: грудь мерно вздымалась, рыжие волосы разлохматились, а рукой он прикрывал лицо.

— Рон! — ахнула Гермиона, не в силах поверить глазам своим, и протянув руки, кинулась к нему. — Что с ним? Что ты ему сделала?

Рисенн продолжала улыбаться, рассеянно играя с рыжей прядью.

— Просто пыталась выудить кое-какую информацию.

Руки гриффиндорки сами собой сжались в кулаки: она умирала от желания кинуться на Рисенн, вцепиться ей в физиономию, подбить один из этих серых глаз, стереть улыбку с этих красных губ...

— Хочешь сказать, ты его пытала?

— Пытала? — зашлась смехом Рисенн. — Что ты, ни в коем случае: наносить ущерб Прорицателю строго запрещается — соответственно, и пытать тоже. Его разум слишком ценен... и хрупок. Я просто слегка его... поцеловала, — взгляд, устремлённый на Рона стал собственническим; длинные пальцы скользнули по его щеке к шее и погладили виднеющуюся в расстёгнутом воротнике шею. — Мои поцелуи оказывают некое влияние на мужчин. С Гарри тоже произошло нечто подобное.

У Гермионы занялось дыхание — она даже услышала, как воздух со свистом вырывается сквозь сомкнутые зубы.

— Ах ты... — Гермиона поискала слово, как можно точнее выражающее, что она думает о Рисенн и не нашла. — Ты... лживая стерва, — скомканно закончила она.

— Прекрати обзывать, — рассмеялась Рисенн, — ты понятия не имеешь, кто я на самом деле.

— Суккуб, — припечатала Гермиона. — Ты высасываешь из мужчин души во время сна, оставляя только пустую оболочку, — процитировала она учебник по Тёмным Созданиям.

— Не во время сна — в этом нет никакого удовольствия, — поправила дьяволица, её пальцы нежно погладили пульсирующую на горле Рона жилку, он что-то проворчал во сне и, повернувшись, уткнулся ей в платье; его яркие волосы казались ещё одним кровавым пятном на белоснежном одеянии. — На чём же мы остановились? Ах, да — на Гарри. Он такой милашка! Так прикрывает глаза во время поцелуя... Знаешь, совсем немного — просто чуть опускает ресницы...

— Прекрати! — рявкнула Гермиона. — Я поняла: ты просто пытаешься сделать мне больно, хочешь добиться моей ревности...

— Вот уж кто бы говорил о ревности, — перебила Рисенн, стрельнув в гриффиндорку быстрым взглядом, — сама-то мечешься между ними, не в силах выбрать...

На миг Гермиона испугалась настолько, что могла только таращиться на древнюю деву, возвышающуюся в пене белоснежных одежд, бесчувственного юношу у неё на коленях и чёрному водопаду низвергающихся на них обоих волос. Бледное лицо, лишённое сейчас всякой привлекательности, окаменело — будто одним движением захлопнули веер.

— Не понимаю, о чём ты. Между кем и кем я не могу выбрать?

— Между твоим Гарри, — медленно, словно что-то

растолковывая туповатому ребёнку, ответила Рисенн, — и Драко, который, на самом деле не твой — потому что ты его не захотела. Вот только проблема в том, что на деле-то ты его всё же хочешь. И никогда не перестанешь хотеть — просто сказала себе, будто с этим покончено. И потому ты по-прежнему стоишь между ним и той, которая могла бы оказаться рядом с ним; той, которую он мог бы пожелать, — стоишь просто ради того, чтобы стоять...

— Я никогда не говорила ему ничего подобного! Никогда!

— Я помню ночь, — произнесла дьяволица, — зимнюю ночь: чёрное с серебром небо, ступени школьной лестницы в снежной глазури... Помню юношу, стоящего на тех ступенях, помню девушку, бегущую к нему, желающую коснуться его рук — распахнутый плащ, дабы он мог лицезреть прекрасное новое платье и свои подарки: подарки, которые она надела...

— У него был такой невыносимо одинокий вид, — глаза Гермионы наполнились слезами, и она торопливо смахнула их тыльной стороной руки, — только и всего...

— Одинокий? — усмехнулась Рисенн. — Ты хочешь сказать — без тебя?

— Нет, — прошептала Гермиона.

— А ведь существует девушка, которая была бы счастлива оказаться рядом с ним, кабы ты позволила.

— Он её не любит, — резко отмахнулась Гермиона, забыв, как секунду назад изображала непонимание. — Он не любит Джинни, он мне сказал...

— Так прямо и заявил: «я её не люблю»?

— Он это подразумевал, — в ушах Гермионы зазвучал голос Драко — чёткий, безучастный: «А есть ли какой-нибудь ответ на „я люблю тебя“, кроме как — „я тоже тебя люблю“?»

— Он любит тебя только за якобы бескорыстие. Знал бы он, насколько эгоистична ты на самом деле...

— Я ничего не могу сделать... Ничего не получается с этой любовью: я не хочу любить его, но люблю — он словно часть меня, часть, которую я временами ненавижу, однако же я нуждаюсь в нём и — нужна ему...

— Ты сама это сделала, — безжалостно отрезала Рисенн. — Ты решила, будто единственная способна сделать противоядие, необходимое ему для продления жизни, да ты бы контролировала их общение с Гарри, если бы...

— Я никогда этого не делала. И не стала бы делать.

— И тем не менее, ты задумывалась об этом.

Гермиона уставилась на Рисенн.

— А ты жестока.

— Это любовь жестока, — уточнила дьяволица, — любовь и желание. Ачтояешь, вконцеконцов, еслинелюбовьжелание? И можешь смотреть на меня как угодно, однако я, по крайней мере, отдаю себе отчёт в своей природе. Пусть ты зло смеёшься над моим вынужденным рабством, однако, согласишься, я-то никого не держу в плену — особенно того, с кем играю в любовь. И я честна в своих желаниях. Можешь ли ты сказать подобное о себе?

— Я... — Гермиона опустила глаза и увидела, что её блузка на груди совсем сырая: оказывается, не отдавая себе отчёта, она плакала — плакала так долго, что слёзы успели пропитать ткань насквозь. Снова подняв взгляд, девушка обнаружила в распахнутых дверях спальни двух мужчин: толстого коротышку с серебряной рукой и рядом с ним второго — высокого, худого, бледного, словно кость.

Червехвост и Тёмный Лорд.

Сопровождаемый своим верным слугой, Тёмный Лорд беззвучно скользнул в комнату. Бесцветные брови нависали над холодными глазами цвета застоявшейся крови. Посмотрев на Гермиону, он обернулся к Рисенн:

— Судя по всему, ты попользовалась этой грязной провкой без моего на то дозволения?

— Без указания моего господина я её и пальцем бы тронуть не посмела, — склонив голову, ответствовала Рисенн.

— Полагаю, она плачет не от боли, а от страха, хозяин, — встрял Червехвост.

— Вот как... — тёмные глаза застоявшейся крови скользнули к Гермионе, губы растянулись в улыбке. — Ожидание боли — страшная вещь.... Пожалуй, стоит положить этому конец, — он поднял руку и прошипел сквозь зубы: — *Crucio*.

* * *

Зима превратила поля в снежно-коричневую шахматную доску с миниатюрными фигурками домов — во всяком случае, они казались таковыми с высоты фе-стрального полёта. Драко подёргал Гарри за рубашку.

— Чего тебе, Малфой?

— Я есть хочу, — даже сквозь выбитые ветром из глаз слёзы, и мешающие смотреть волосы Гарри увидел унылое выражение лица Драко.

— Есть хочешь?

— Хочу, — упрямо повторил тот.

— Прекрасно, — язвительно фыркнул Гарри, — я тебе сейчас подыщу пару бутербродиков. А то, что у нас двести футов под брюхом и мы невесть где находимся — сущие пустяки.

— Не стоит доводить свой сарказм до таких высот.

— Так, и что я должен, по-твоему, сделать? Шлёпнуть фестрала и сказать — «эй, приятель, не подкинешь ли нас до ближайшей закусочной?» или...

Гарри подавился собственными словами: фестрал вдруг заложил крутой вираж и резко нырнул по направлению к земле. Драко по-девчачьи завизжал и вцепился Гарри в рубашку; оба съехали почти под самую гриву, крепко-накрепко в неё вцепившись. Земля приближалась с невероятной скоростью — и вот они приземлились, причём настолько жёстко, что Гарри зашвырнуло в ближайший стог сена. Драко приземлился рядом — куда более грациозно, хотя так же больно. Чуть помедлив рядом и покосив на них блестящим, как бусина, глазом, фестрал мощно ударил чешуйчатыми крыльями и взмыл в небо.

Проклиная чёртову зверюгу, Гарри покрутил головой: они оказались в чистом поле, на котором кое-где возвышались стога. Около грязной лужи верещали неряшливые цыплята. Поблизости перекопился ветхий фермерский домишко. Драко сидел рядом, вытаскивая солому из волос.

— И после этого ты хочешь сказать, что фестралы тебя не слушаются, — заметил он, с любопытством разглядывая окрестности.

— Это не очень-то похоже на закусочную, — возразил Гарри.

— Ну, этот стог — точно нет, но, может, что-то подходящее найдётся в ближайшей деревне? — Драко махнул в сторону виднеющихся неподалёку низеньких домиков и поднялся; с него на землю слетел целый ворох соломы. — Куда я и направляюсь.

— Ты не хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

Драко мотнул головой:

— Это такое захолустье: и один-то чужак достаточно всех взбудоражит, что уж говорить про двух невесть откуда взявшихся парней и лошадь впридачу.

— Положим, лошадь они не увидят, — возразил Гарри.

Драко мрачно посмотрел на гриффиндорца:

— Эта деревня лежит во владениях Тёмного Лорда. Хочешь проверить?

Гарри поднялся, стряхнул с себя солому:

— А почему пойдёшь именно ты?

— Видишь ли, — Драко приподнял светлую бровь, — как показал последний раз, из нас двоих билингуалом являюсь именно я, — и он направился в сторону села, пиная бурьян. Гарри проводил его

взглядом: тёмная фигурка, увенчанная светлыми волосами, — единственное яркое пятно на фоне серо-коричневых полей и унылого свинцового неба.

Через полчаса Малфой вернулся. При нём имелась буханка хлеба, немного сыра, сухофрукты и бутылка, наполненная какой-то прозрачной жидкостью; кинув еду Гарри, Драко погрузился в единоборство с пробкой.

Гарри откусил кусок хлеба.

— Всю воду не выпивай, я тоже хочу.

— Это не вода, дружище, — откинув волосы с глаз, откликнулся Драко, демонстрируя сосуд: — Палинка.

— Как-как ты меня обозвал? — захлопал глазами Гарри.

— Палинка, — устрояюще округлив глаза, повторил Драко. — Ну... что-то типа фруктового брэнди. Этой штукой можно смыть с дома краску секунд за двадцать. Нож дай.

— У меня нет.

Драко закатил глаза:

— Есть, — указал он на кожаные манжеты, охватившие запястья Гарри.

— Точно, — Гарри занёс руку, как показывал ему Драко, — и в тот же миг выстреливший нож воткнулся в скирду рядом со слизеринцем.

— Может, будешь чуток поосторожней, а? — снисходительно усмехнулся Малфой, вытаскивая из бутылки пробку. — А то сейчас бы кокнул бутылку-то...

Отбросив нож, он сделал большой глоток, тут же сморщился и принялся так по-детски тереть лицо, что Гарри поразился: ему прежде не доводилось видеть у Малфоя подобного жеста.

— Кстати, бонус: мало того, что ею можно оттирать краску, — она ещё и пахнет, как растворитель...

— Это и есть твой обед, — поинтересовался Гарри, занявшись сыром, на вкус оказавшимся очень приятным, сладковато-острым. — Брэнди?

— Брэнди с фруктами. Вкусно и питательно, — Драко взмахнул бутылкой.

— Как тебе будет угодно, Малфой, — Гарри с трудом удержал смех. — Как думаешь, есть вероятность возвращения фестрлы или же нам стоит призвать свои мётлы?..

— Не-а, — откидываясь в стог, возразил слизеринец. — Мы пройдемся.

— Пройдемся?!

— Да, пройдемся. Я тут поспрашивал — мы поблизости, — он махнул рукой куда-то за спину Гарри; обернувшись, тот увидел темнеющий на фоне неба горный кряж, вершина которого терялась в голубоватой дымке. — Меня тут, кстати, строго-настрого предостерегли насчёт малейшей магии по дороге, потому как «шпионы Тёмного Лорда повсюду», — Драко фыркнул — это удивительно дисгармонировало с его внешним видом — и потёр грязной рукой лицо, сразу став чумазым. Это сделало его таким милым... если бы Гарри, конечно, находился сейчас в подходящем настроении. — Ты давай, лопай свой сыр, Поттер, — нас ждут великие дела.

— Ты же вроде сам что-то говорил о небольшой прогулке по парку.

— Мне жаль, — судя по тону, Драко было отнюдь не жаль, — давай-ка я перефразирую: нас ждет жестокая дорога через тернии — к Лорду, и едва мы сделаем первый шаг на этом пути...

— Тернии... — устало вздохнул Гарри, — слушай, Малфой, а ты не боишься?

Драко слизнул с руки капельку спирта и внимательно взглянул на Гарри.

— Я боялся, Поттер. И вещи, которых я всегда страшился больше всего на свете, обязательно случались. Так что, по мне, нет смысла в страхе, — он чуть прищурился и как-то странно, чуть сдавленно рассмеялся. — Слушай, ты же гриффиндорец — кому, как не тебе читать лекции о храбрости? А так же о патриотизме и чувстве локтя. А я могу удовольствие получать званием эксперта по закулисным интригам

и причёскам.

— Храбрость — вовсе не отсутствие страха, — спокойно продолжил Гарри, — а то, что ты не поворачиваешь назад, даже когда...

— ...итак, мы начинаем нашу лекцию, — перебил Драко, хотя в голосе не было раздражения — только напряжённая усталость, — сейчас Гарри Поттер поведает нам смысл понятия «героизм»...

— Ничего подобного. Никакой я не герой — терпеть это не могу! Но и трусом быть не желаю.

— Ах, в таком случае сама концепция войны для тебя — нечто вроде «главное — не победа, а участие», да?

— Войны? — захлопал глазами Гарри. — Какой войны?

Война против Тёмного Лорда всегда представлялась Гарри в виде шеренг воинов, взводов магов, ночных вылазок и залитых магическим пламенем траншей. И никогда этот процесс не представлялся ему в виде себя и Драко — промёрзших, грязных, не имеющих ни карты, ни плана, лишённых возможности посоветоваться или переложить ответственность на чьи-то плечи... лишённых всего, что могло помочь и спасти.

Драко посмотрел на него поверх горлышка бутылки.

Гарри поднял взгруд — когда они летели, звёзды, казалось спустились прямо к ним, сейчас же они взмыли высоко-высоко в небо, разом став далёкими и недостижимыми — как и то, до чего Гарри не мог сейчас дотянуться: смелость и уверенность, безопасность и тайны, спрятанные в глубине серых колодцев глаз Драко.

— Сегодня я убил человека, — сказал Гарри только ради того, чтобы что-то сказать.

— Я в курсе. Добро пожаловать на войну.

* * *

Мастер Люциус,

Ходят слухи, будто Тёмный Лорд и его приспешники сомневаются в вашей верности. Рекомендуется нанести пару успокоительных визитов, не говоря о том, что я начинаю тосковать по вашему блестящему обществу.

Ваша покорная слуга

Рисенн

Она подчеркнула слово «слуга» двойной чертой и нарисовала вокруг звёздочки. Нетерпеливо хрюкнув, Люциус скопал записку и швырнул в огонь: тот с жадностью ухватил за клочок бумаги, тут же обратив его в золу. Люциус раздражённо зашагал по комнате. А ведь день начинался так чудесно — тихое Поместье, полное отсутствие вестей от Тома (вот оно, счастье!), лёгкая пытка домашних эльфов, проверка, подходят ли ему старые штаны (подходят!), размышления о покупке парочки гончих, чтобы следовали за ним по пятам... Да, он бы назвал их Джерет и Чемберлен, а на одинаковых ошейниках красовался бы Малфоевский герб... Сладкий послеобеденный сон оказался испорчен этим посланием от Рисенн. Что делать: он действительно избегал Вольдеморта — в социальном, если так можно выразиться, плане, не в силах разобраться с фиаско Тома. Теперь, несомненно, до Тёмного Лорда дойдут известия о разгуле убийств, смертях Пожирателей — так что Люциусу надо запастись чем-нибудь на редкость убедительным, дабы...

Грохот выдернул его из задумчивости: воздух посреди комнаты колыхнулся и... Малфой вытаращил глаза: в центре дорожущего персидского ковра стоял Том Реддл — взмокший от пола, белый, как бумага, в залитой кровью рубашке и безобразными свежими кровоподтёками на шее. На руках его лежала Джинни Уизли — рыжие волосы стекали в воздух, ноги безжизненно свисали, левая рука надломилась, закрытые глаза утонули в синяках.

— Девчонка... — в бешенстве простонал Люциус, —

он мертв?!
 Том едва дышал.

— Она жива... Пока... — прорычал он, кашляя и выплёвывая на ковер сгустки крови. — И я тоже. Мне требуется твоя помощь, Люциус — ей нужно сохранить жизнь.

* * *

Они всё шли и шли. Короткий зимний день подкатился к вечеру, солнце склонилось к горам, похожим, по мнению Гарри, на стену. Закат распахнулся в небе алым веером, отороченным тонким кружевом тонких облачков; Гарри следовал за Драко в тени горных кражей по узкой, смёрзшейся тропе между низкими холмами, увенчанными нагромождениями валунов — просто шёл, надеясь, что Драко знает, куда следует идти.

— Мы точно не заблудились? — в пятнадцатый раз поинтересовался он.

— Ещё один такой вопрос, и я пошлю тебя подальше и брошу здесь. Уж лучше я попытаю счастья с Тёмным Лордом. Уверен, его совершенно не волнует перспектива заблудиться.

— Не сомневаюсь, — Гарри осторожно обошёл подмёрзшую лужу, — он просто убьёт любого, кто отправит покажет неверную дорогу.

— Согласись, такая целеустремлённость не может не восхищать, — откликнулся Драко. Выпитая им палинка не сказала на его двигательных способностях: с непокрытой, несмотря на мороз, головой, он шагнул далеко впереди Гарри, и холод чуть поддурманил его бледные щёки.

— Не соглашусь, — Гарри знал — время от времени Драко лез в раздражающие дискуссии намеренно. — Связанное с Вольдемортом не достойно никакого восхищения.

Драко закатил глаза:

— Я в курсе твоей готовности называть Тёмного Лорда по имени, однако же не стоит выводить подобные рулады, стоя непосредственно у него под дверью, договорились?

— Конечно, ведь вон та белка — несомненно, один из его шпионов, — Гарри махнул рукой в сторону сидящей на ветке белки, — и давно ли у тебя паранойя, Малфой?

Покусав нижнюю губу, Драко раздражённо выдохнул:

— Хочу, что бы ты знал, Поттер — уверен ли я, что мы доберёмся до крепости Тёмного Лорда? Да, уверен. Итак, нам известно — у того в планах значится два пункта: первой — прикончить тебя, второе — править миром. И он всегда был в равной степени одержим как первым, так и вторым, поскольку второе — следствие его мелкой и подлой натуры. Итак, позволит ли он чему-нибудь встать на пути к тебе? Ни за что. Но я, собственно, не только о нём беспокоюсь. Это злая земля — проклятая земля. Здесь водятся твари, чьё внимание нам совершенно ни к чему.

— Ох, только не заводи снова свои страсти-мордасти, — раздосадованно махнул рукой Гарри, — Малфой, я... — к несчастью, он не рассчитал с размахом: нож вылетел из манжеты, и белка-неудачница, ранее обвинённая в шпионаже в пользу Тёмного Лорда, пискнув напоследок, свалилась с ветки. — О, нет...

Драко аж покраснел — с таким трудом ему удалось сдерживать смех:

— Смерть шпиону Тёмного Лорда! Слушай, а может, ты и прав: пожалуй, стоит завалиться к нему, распевая по дороге старинные застольные песни — что в этом такого-то? — он глотнул ещё брэнди, засунул бутылку под мышку и начал, намеренно фальшивя:

Вечерочком на закате по причалу я гулял

Там девица-молodiца тосковала без огня

Говорила-причитала: дескать, не с кем поиграть

Не найдется молодца ли, кто ответ ей сможет дать.

*Менестрель её услышал и на помощь поспешил.
 Говорил ей — что ж ты хочешь, что угодно для души?
 Но, однако ж, перебрал он и заданье провалил:
 От вина свалился прежде, чем девицу завалил.*

Эх, раз, ещё раз — не с кем поиграть сейчас!

Горе мне — ах, как же быть?

Так невинность и хранить?

Эх, раз, ещё раз — не с кем поиграть сейчас!

*Она к зеркалу ступила, прибрала свои волосы,
 И поправила одежды — сногшибательной красоты.
 Горы серебра и злата были плачены за них,
 Хоть она, скорей, мечтала, не носить, а сбросить их.*

*Шла она по переулку и искала, где ж он есть -
 Добрый молодец прекрасный, что невозможно глаз отвести.
 Все-то ноженьки стотала, все-то слёзы пролила:
 Добры молодцы все — геи. Вот такие вот дела.*

На рассвете зарыдала — что же делать, как мне быть?

Как смогу теперь я злую свою жажду утолить?

И, главу печально свесив, побрела она опять,

Говорила-причитала: дескать, не с кем поиграть.

Эх, раз, ещё раз — не с кем поиграть сейчас!

Горе мне — ах, как же быть?

Так невинность и хранить?

Эх, раз, ещё раз — не с кем поиграть сейчас!

В качестве заключительного аккорда Драко вдребезги разбил пустую бутылку о ближайшее дерево. Гарри смотрел на него — взъерошенного, с довольной ухмылкой на лице и залёгшими под глазами тенями.

— Это не старинная застольная песня, ты только её что сочинил.

— И что с того? — подмигнул Драко.

Они вышли на поле, утыканное чахлыми деревцами. Драко неожиданно остановился.

— Мне нужно передохнуть, — сообщил он, опускаясь в примороженную траву, — извини, Поттер, ежели с музыкой не угодил.

Гарри присел рядом — земля дышала холодом, но усталость взяла верх.

— Ну, это было совсем не плохо, — поделился он.

— Благодарю. Пожалуй, я посвящу её Джинни.

— Что?! Впрочем, неважно. Я не желаю знать, на что ты там намекаешь.

— Угу, — согласился Драко, запрокинув голову и рассеянно глядя в небо. — Так оно, скорее всего, и есть.

Воцарилась длинная, как тянучка, тишина. Гарри чуть подвинулся и покосился на Драко: тот, выбеленный лунным светом, погрузился в раздумья. Сейчас, сидя в чистом поле, за много миль от ближайшего объекта, способного отбросить тень, Гарри отчётливо видел лежащую на заострившихся скулах слизеринца тень ресниц, видел тени, залёгшие под глазами и вокруг губ, в ямке на обнажённой шее... и прикинул, угадал ли он, о чём тот думает.

— Так ты любишь её?

— Кого? — захлопал глазами Драко.

Так. Похоже, не угадал.

— Джинни.

Снова повисла тишина. На этот раз — напряжённая.

— Полагаю, любовь в твоём и моём понимании — две большие разницы, — наконец ответил Драко.

— Не увливай.

— И что? — Драко повернулся, прильнув щекой

к своей руке. Луна брызнула ему в глаза, сделав их похожими на два бельма. — Тебе-то что, Поттер?

— Уж и полюбопытствовать нельзя?

Драко рассмеялся, всколыхнув дыханием сухую траву.

— А может, хочешь устранить меня со своего пути?

— Ничего подобного.

Драко скользнул по Гарри взглядом. В бледном свете ресницы обрели цвет сухой соломы, волосы казались ещё светлее, а кожа — почти белоснежной. Гарри припомнил Драко из своего сна — куда более взрослого на вид, с чёткими линиями скул и подбородка.

— Не знаю... — наконец, выдохнул Драко и, пока он говорил, голос становился всё более сонным. — Иногда мне кажется — возможно... Впрочем, иногда я воображал, как побеждаю тебя в квиддиче — причём видел это так ярко, словно это случилось на самом деле: ветер в волосах, смитч в руке... Знаешь... когда он в кулаке, он так бьётся... будто сердце...

— Да, — шепнул Гарри.

— Иногда так сильно чего-то жаждешь, что ты видишь это чётко-чётко... как наяву...

— Так ты хочешь Джинни, — спросил, окончательно запутавшись в словах, Гарри, — Ты любишь её...

— Как бы я хотел полюбить её... Временами мне даже кажется, что даже могу, — и когда я рисую это в воображении, мне кажется, это сделало бы меня счастливым. Но, похоже, мы со счастьем — две вещи несовместные. Счастье так банально просто, а уж кого-

кого, а меня простым никак не назовешь.

— Счастье — вовсе не просто, — возразил Гарри, — и я не вижу причин, почему бы тебе не полюбить её.

— Всё никак не вижу звёзд...

— Просто луна очень яркая, — полагая, что с пьяных глаз Драко забыл уже состоявшийся на эту тему разговор, — повторил Гарри. — И она их затмевает.

— Точно.

Гарри озадаченно смотрел на него, и Драко, подняв тонкую руку, коснулся его волос — легко, словно лист — от этого жеста по телу Гарри пробежали мурашки.

— У тебя солома запуталась, — сообщал Драко, убирая руку.

— О... ну, спасибо...

— А я думал, для тебя счастье — это просто... — тихо заметил Драко. — Ведь ты знаешь, кого любишь...

В тишине Гарри пытался постичь смысл этих слов — как можно не знать, в кого влюблён? Любовь — как боль: не почувствовать её невозможно, как не почувствовать спрятавшийся в ковре гвоздик...

— Если ты про Гермиону, то, как я написал ей в прощальном письме, покидая Хогвартс, я всегда...

Гарри осёкся не потому, что Драко перебил его словом или жестом, — нет, тот поступил по-другому: внутри Драко что-то взорвалось, лопнуло перетянутой струной. Обернувшись, Гарри увидел распахнутые глаза и удивлённо приоткрытый рот.

— В каком письме к Гермионе?

Глава 14. Тернии.

Часть вторая: Тернистый лес

*Тернистый сад любви со вранами в хлебах —
Взрастёт едва заметно.*

*И лето чуть прошло, уж холод подстергёт,
Нефрит стенает в сердце.*

Имеет имя лик, счёт обрели тела,

Я дней не различаю.

Вой ветра — глас любви и плата за грехи.

Раскидистые ветви.

Tanglewood Tree, Dave Carter

Гарри осёкся не потому, что Драко перебил его словом или жестом, — нет, тот поступил иначе: внутри него будто что-то взорвалось, лопнуло перетянутой струной: обернувшись, Гарри увидел распахнутые глаза и потрясённо приоткрытый рот.

— В каком письме к Гермионе?

С этими словами Драко будто передал часть собственного напряжения — Гарри замер и прикусил губу.

— Да-да, я помню — ты сказал, что не хочешь говорить о письмах, но...

— О письме, — отсек Драко ледяным тоном, — а не о письмах вообще. Я не против поговорить о письмах, которые ты писал — или не писал — но только не мне.

— А... ну да, — Гарри поднялся на ноги. То ощущение неуловимой близости, которое возникло между ними, оказалось напрочь испоганено. — Едва речь заходит об этих долбанных письмах, у тебя махом крыша слетает. Нет уж, спасибочки, Малфой. Всё, — были.

Драко вскочил, будто по команде, — напряжённый, подобранный, как кошка перед прыжком. Глаза его лихорадочно сияли.

— Я хочу знать. Я должен знать. Ты написал письмо Гермионе? Что ты сделал с ним? Где оставил?

— Рядом с твоим... — деревянным голосом ответил Гарри.

Лицо Драко попеременно то бледнело, то вновь заливало румянцем.

— И что в нём было?

— А вот это не твоё дело, — не в силах поднять

на Малфоя глаз, Гарри отвернулся. В душе вскипела какая-то неуместная ярость: он столько раз пытался поговорить об этом дурацком письме, а тот разом начинал вести себя так, будто на его глазах при помощи Непростительного Заклятья умертвили любимого филина. И вот теперь сам лезет с расспросами — не иначе, хочет, чтобы Гарри нарушил данное себе слово...

Да пошёл он...

— Это моё личное дело, — но в тот же миг Гарри был схвачен и силком развёрнут лицом к Драко; пальцы слизеринца — цепкие и острые — впивались в кожу колючими ледышками.

— Нет, это моё дело! — возразил Драко вибрирующим голосом — так от легчайшего прикосновения трепещет перетянутая струна скрипки. — Это очень даже моё дело, Поттер, так что говори — да побыстрее...

— И не подумай. Письмо было адресовано Гермионе. Коли она его тебе не показала, значит, у неё были на то резоны...

Кожа на отчаянно стиснутых кулаках Драко натянулась, став почти прозрачной.

— Не сомневаюсь — у неё были резоны. И основной — тот, что она вообще никакого чёртового письма не получала...

— Но я же написал! — заорал Гарри, теряя голову. — Я же не могу тебе врать — да и, кстати, зачем бы вообще стал это делать?! И потом, для начала, не твоего долбаного ума дело, что я написал в письме подруге, к тебе это не имеет никакого отношения...

— Так ты не просто не врубаешься, да? — неприятно рассмеялся Драко с горьким удивлением. —

Ты со своими письмами... враньём о дружбе и верности... И о том, что надо заботиться о других... — со всем твоим трепежом... Ведь для тебя это пустые слова, да? Все тебя всегда любили — все, весь мир; а потому, что бы я тебе ни давал, для тебя это ничего не значило, — просто ещё одна крохотная капелька в океане всеобщей любви. Ничего особенного, ничего нового, ничего важного, ничего такого, без чего бы ты не мог прожить... — он выпалил это с таким отчаянием — хотя... отчаяние, сами слова и то, как они говорились, — теперь для Драко уже ничего не имело значения. — Как ты думаешь, каково это — узнать, что единственный человек на этом долбаном свете, без которого ты не способен ни на что, прекрасно может без тебя обойтись?

... единственный человек на свете, без которого ты не способен ни на что... — Гарри вытаращил глаза, его ярость махом сдулась, обернувшись полной подавленностью.

— Да как ты можешь так говорить?! Как тебе — хоть на секунду — в голову пришло, будто я могу прекрасно без тебя обойтись?!

Драко хрипло дышал, несмотря на холод, его щёки пунцовели.

— Потому что ты сам так сказал.

— Когда?! Какого чёрта я такое сказал?!

— В своём письме, — просто сообщил Драко и вытащил из кармана... Мятый-перемятый, скомканный и затасканный почти до прозрачности клочок пергамента полетел Гарри прямо в грудь. — Если забыл, давай, перечитай. Ну, что уставился — читай сейчас же.

* * *

— Спасти ей жизнь? — повторил Люциус. — И почему же я должен этого хотеть?

Том взглянул на него из-под полуприкрытых век — несомненно, страдая от боли, этот вид был знаком Люциусу: бесконечное количество мучительных преобразований, в результате которых сами кости его под кожей истаяли и изменились, прошли на глазах Малфоя. Судя по всему, сейчас изнывающий от мучений, Том с трудом мог удерживать себя в вертикальном положении.

Люциус почувствовал под ложечкой нежный укол приятного возбуждения.

— Мне нужно, чтобы ты её спас. Ибо, если она умрёт, я умру тоже. Мы — скованные одной цепью, — он опустил взор к девушке в его руках, и странное выражение исказило черты: отвращение и ликование одновременно. — Мы с ней едины, и узы наши неразрывны — и даже смерть не разлучит нас...

— Вот, значит, как?.. — Люциус отвернулся, чтобы утаить выражение своего лица, и изобразил, будто ищет на столе волшебную палочку. Сердце норовило выскочить из груди: Том никогда не приходил к нему так — нуждаясь в помощи, да ещё сюда, в Имение, где сами стены питали Люциуса силой. — Забавно...

Том застонал, и, повернувшись уже с палочкой в руке, Люциус обнаружил его опустившимся на колени. Он баюкал и баюкал девушку у груди, склонив к ней лицо; светлые волосы перепутались с её почти алой рыжиной. Его грудь, манжеты — всё было пропитано кровью, и Люциус мельком подивился, чья это кровь, — Тома или же Джинни. На ней самой крови почти не было — разве что в волосах да на кажущемся мраморным горле. Сейчас они до странности напоминали некую извращённую «Пьету»: юный убийца с бесчувственной девой на руках.

Том следил за Люциусом: тот развернулся от стола, губы чуть дрогнули, приподнявшись в насмешливом оскале.

— Ну же, Люциус, кретин, — чего ты ждёшь?!

Малфой вращал палочку в пальцах, а в памяти ясно, будто наяву, всплывала тёмная, точёная фигурка другого юноши. Палочка всё крутилась и крутилась

в изящных бледных пальцах, а на губах расцветала улыбка — высокомерная, надменная, не прощающая ни изъянов, ни слабостей...

— Люциус! — крик Тома захлебнулся бульканьем. — Займись ею! Она же умирает — разве ты не видишь?!

— О, да, — я прекрасно это вижу, — палочка не прекращала движения ни на миг. Глаза Тома стали синее, чем обычно. Они с Люциусом стояли друг напротив друга, однако Малфой, старательно смотрел мимо, ощущая себя под защитой Имения, окружавшего его, дарующего ему силу; под защитой струящейся в крови магии.

...Я — Хозяин Имения Малфоев! А полуживой мальчишка на коленях, кем бы там он ни был ныне, — лишь оболочка того, кем он являлся когда-то...

Люциус поднял палочку, глаза Тома распахнулись, сжимающие Джинни руки дрогнули, однако Малфой уже говорил:

— *Exige!*

Имение взревело; Люциус едва успел шарахнуться назад, как библиотека буквально лопнула по швам, и взметнувшиеся огромные каменные плиты замуровали Тома и Джинни в неприступном мраморном склепе.

* * *

Гарри прочёл письмо. Раз, другой, а потом — хотя уже почувствовал приступ тошноты — третий. Похоже, до него пергамент изучали неоднократно: он весь истончился, протёрся на сгибах до дыр, а чернила смазались.

— Я этого не писал, — Гарри попытался вернуть его Драко.

Тот не шевельнулся, чтобы взять.

— Конечно же, ты.

— Нет, — возразил Гарри, поражаясь, насколько обыденно протекала беседа, — будто это была самая рядовая дискуссия, проходящая отнюдь не на морозном поле под звёздной бездной. — Не я.

— Гермiona проверила письмо, — сообщил Драко, не сводя с Гарри серых мерцающих глаз, — и выявила автора. Тебя.

— Часть слов действительно принадлежит мне, однако они переставлены... Хотя... кто бы это мог сделать и как — понятия не имею...

— Значит, понятия не имеешь... — ровным голосом заметил Драко, однако с трудом шевелящиеся губы и отчаянно пульсирующая жилка на шее выдавали его с головой. — Кто-то пришёл и подменил написанное тобой письмо, что-то накарябал взамен — и ты понятия не имеешь, как это могло случиться.

— Именно так.

Том Гарри был спокойным, однако мозг лихорадочно работал: несомненно, существовали слова, которые он мог бы сказать, — способные сломать выстроенные за стенами стены, которые Драко нагромоздил, пытаясь защититься от Гарри. Если б только он позволил...

— Можешь меня веритаснуть?

— Применить к тебе Заклятье Истины? — захолопал глазами Драко.

— Именно.

— Это больно.

— Ну и наплевать, — Гарри затрясло. — Если этот способ тебя удовлетворит...

— Удовлетворить? ... Или я на дуэль тебя вызываю, что ты решил, будто речь идёт о чьей-то поруганной чести?! — прошипел Драко.

— Я... — негодуя, начал Гарри, но сам же оборвал себя, осознав, что крыть ему нечем: огрызнётся ли он или начнёт оправдываться, но нет ответа, способного заставить этого озлобившегося парня с опалённой душой принять из уст Гарри истину.

Слова были уделом Драко, а отнюдь не Гарри, и даже сейчас они оставались обоюдоострым кинжалом: будто рыбак, собой проверяющий крепость сетей,

Драко запутался в силках собственных слов, и его рассуждения о вине Гарри сам Гарри был опровергнут не в силах, хотя каждая фраза, будто нож, вонзалась в сердце.

На этот раз слизеринец отвёл взгляд. В уголках рта залегли напряжённые складочки.

— Я не буду этого делать.

...Тогда позволь я всё сообщу тебе таким образом!.. — Гарри вложил всю свою силу, всё отчаяние, чтобы взломать мысленный барьер Драко. — Ты сам говорил — я не могу врать тебе ментально...

...Прекрати это! — Драко отпрянул, будто Гарри его ударил, на лице смешались гнев и удивление. — Я же говорил -убирайся из моей головы!

Другого пути нет.

Если б Гарри действительно имел возможность всё тщательно обдумать, он бы подивился вялости сопротивления: Драко, конечно, отталкивал его прочь, однако как-то слишком слабо, будто на деле ему не хватало сил на борьбу. Вместо этого Малфой отшатнулся, словно единственной возможностью сбежать от Гарри была возможность сделать это в буквальном смысле слова.

...Я не писал этого письма, — сообщил Гарри, — и никогда не видел его прежде, чем ты мне его показал. И не я его писал...

...Прекрати! — Драко всё пятился, отвернувшись и вскинув руки, будто таким образом пытаясь отгородиться от Гарри. — Прекра...

...Я бы никогда не сказал ничего подобного, ни единое словечко тут не является правдой. Знаешь, что было в настоящем письме? Что на самом деле я написал? Ты хочешь это узнать?

Драко оцепенел. Он всё ещё смотрел в сторону, однако, наконец-то, прекратил сбегать. Вздвогнув, он потуже замотался в мантию.

...словно под мантией-невидимкой...

И Гарри заговорил.

...Я сказал, что уходить без тебя — невыносимо, что худшей кары для себя я и представить не мог. А ещё — что именно ты научил меня, что значит верить кому-то и в кого-то и именно эта вера и дарит смелость...

Небо по краям начало светлеть.

По мере того, как Гарри говорил, Драко становился всё напряжённей — словно тролль или ночной эльф, обернувшийся камнем при первом луче солнца, Гарри даже прикинул, сможет ли он когда-либо шевельнуться вновь.

...и я сказал, что мысли о тебе и приведут меня обратно домой.

И тут Драко двинулся: резкий вдох, и он вскинул голову, уставившись на Гарри; рука вынырнула из-под плаща, а сам плащ соскользнул с плеч на землю: на обнажённой теперь шее яростно бился пульс, словно живое существо рвалось из-под кожи на волю. Глаза, будто напивавшиеся небесным индиго, вмиг стали удивительно тёмными, почти чёрными.

— Правда?.. — удивлённо спросил он, и теперь в голосе не было ни отчуждённости, ни притворства.

— Ты же знаешь. И ещё...

— Нет, — замотал головой Драко, — не нужно. Гарри, ты...

— Я помню всё, до последнего слова.

— Да, — кивнул Драко и добавил: — Должно быть, ты здорово удивился, из-за чего я так взбесился, прочтя его.

— Ну, не знаю... Я подумал — мало ли... вдруг ты решил, будто это немного того...

Драко снова замер на мгновение и вдруг затрясся. Перепуганный, Гарри сделал шаг к нему и только потом осознал, что на самом деле Драко смеётся — истерически, почти икая.

— Поттер... — он поймал мгновение между двумя приступами, — да уж: ты у нас точно немного того...

Гарри ошеломлённо вытаращил глаза. Временами ему казалось, будто у Малфоя действительно съехала крыша.

— Ну, значит это можно разорвать, да? — он протянул письмо Драко, однако тот не взял пергамент, просто взглянул на него, и взгляд этот был отменно Гарри знаком: он видел нечто подобное на лицах Фреда и Джорджа, когда в конце четвёртого курса вручил им мешок с золотом. И позже — на лице Гермионы, осознавшей, что он не умер в Бездонной Пропасти малфоевского Имени.

Состояние обалделой благодарности.

— Значит, не писал... Значит, действительно не писал?

— Естественно! — Гарри неожиданно почувствовал усталость от всех и вся. — И хотел бы я знать, что вдруг на тебя нашло, коли ты решил, будто я мог такое сделать?

— Ты ушёл, — перебил Драко. Он произнёс это тихо, безо всякого желания обвинить, однако Гарри умолк на полуслове. Два слова — две ноющие ссадины. — Ты же сказал, что не собираешься уходить, однако ушёл, даже не предупредив меня, — щёки чуть порозовели, напомнив Гарри о самых первых разгах, когда он видел краснеющего Драко и получал удовольствие от столь очевидного доказательства его замешательства и боли. — Я понимаю, как сейчас это звучит, — знакомая ухмылочка тронула уголки его губ, — и сколь малое значение по сравнению с остальным это имеет. Да, ты — не каждый, и твои обещания — особенные, мне ли этого не знать? от тебя зависит безопасность всего волшебного мира, важнее неё ничего нет, — он утомлённо пожал плечами, — в противном случае ты бы не был собой.

— Я не мог взять тебя — ты был болен, едва держался на ногах.

Глаза Драко потемнели:

— Но теперь-то я хожу, верно?

— Верно, — кивнул Гарри, — но теперь-то ты исцелился.

И снова лёгкий румянец промелькнул по лицу Малфоя, напомнив Гарри ту гермионину пощёчину, красное пятно от которой целых несколько минут сияло потом на щеке.

— Исцелился? — переспросил он, странно улыбнулся и добавил: — Но тогда-то ты этого не знал, верно?

— На самом деле — знал, — повинился Гарри. — Я в ту ночь слышал их разговор — Снейпа с Дамблдором, потом ты уснул, а я ушёл. Они толковали о противоядии... Это было как раз после того, как...

Он осёкся, пытаясь подобрать слова: тонкие материи всегда были недоступны его изложению — это являлось прерогативой Драко.

— Ну, короче... знаешь, это когда мысленно договариваешься с богом... или с провидением — или с тем, что тебе в голову втемаятся: если бог сделает для тебя кое-что, всего одну вещь — если это случится, то ты... ты в ответ сделаешь всё, что угодно. Всё, что должен сделать...

Он снова умолк. Драко смотрел на него в упор со странным выражением лица.

— Да я знаю, что такое сделка с богом.

— Во-от... В общем, я заключил с богом эту самую сделку в ту ночь — ночь, когда я ушёл: если тебе найдут противоядие, то я уйду один, чтобы больше не рисковать ничьими жизнями, всех вас оставив в безопасности. И перестану быть таким эгоистом.

— Что?! — рот Драко сам собой приоткрылся.

— И вот, те слова Снейпа — он, дескать, нашёл противоядие... Понимаешь, это было словно прямое указание, а потому я должен был уйти, ведь я знал: останься я хоть на чуть-чуть, ты убедишь меня в моей неправоте, ведь ты говоришь куда убедительнее меня. И тогда я возьму тебя с собой и с тобой непременно что-нибудь случится — тебя ранят или вообще убьют, и виноват буду я, потому что больше некому. В общем, я слово дал, я его...

— Боже мой, Поттер... — жутким голосом перебил его Драко, отвернулся и пошёл прочь, и Гарри потре-

бывалось некоторое время, чтобы осознать: тот не просто отправился поразмышлять на ходу, он в хорошем темпе направился напрямик в подлесок. Похлопав глазами, Гарри кинулся следом.

Высокий и довольно густой лес; земля меж деревьями была чистой и мёрзлой, лишь толстые корневища драконьими хвостами свивались то тут, то там. Потоки блёклого лунного света местами прокалывали ночную мглу, и между ними Гарри увидел Драко: он стоял у двух изогнутых дугой корней засохшего дуба. Гарри вспомнил другой лес, другой год и сияющее зелёным черепом небо. И Драко, крутящего в тени деревьев свою волшебную палочку.

...Сначала магглы и грязнокровки...

— Сбежал, Малfoy? — Гарри старался, чтобы, вопреки обстоятельствам, в голосе не звучала напряжённость. — Не могу сказать, чтобы очень далеко.

— История моей жизни, — произнёс Драко голосом, наполненным квинтэссенцией горечи. Над головой под ледяным ветром зашелестела листва, рассеянный свет плеснул на пряди волос, брошенных прямо в лицо: тусклая слоновая кость с прожилками серебра. Он не откинул их с глаз. — Полагаю, для таких случаев должен существовать некий специальный афоризм. На латыни, думаю, вполне бы сошло. Хоть убей, ничего не могу придумать.

Гарри шагнул на полянку. Мёртвые листья захрустели под ногами, клацнули поддетые ногой выбеленные косточки неведомой лесной зверушки. Он вздрогнул.

...Здесь будто сама смерть воплотилась...

— Пойдём, — он потянул Драко за руку. — Нам ещё идти и идти.

— Ты даже не представляешь, — ответил тот, поднимая голову и осматривая полянку, — значит, между нами всё по-прежнему, да, Поттер?

— Да как у тебя язык повернулся? Всё теперь иначе.

— Ты всегда меня обходишь, а? Каждый раз, когда я думаю, что понял тебя до конца, ты выкидываешь очередное сумасбродство в гриффиндорском духе, — горечь из голоса испарилась, осталось поражение. — Знаешь, было куда легче думать, что ты меня ненавидел. Потому что...

— Потому что?..

— Потому что тогда было бы куда меньше резонанса цепляться за жизнь.

Глаза Драко блеснули монетками в темноте.

— А что такого в желании жить? — с некоторым недоумением поинтересовался Гарри. — Эй, давай, что ли, шевелись. Поговорим на ходу.

Уголок рта Драко приподнялся.

— *Veritas vos liberat*, — сообщил он. — Просто в голову пришло. Хотя, согласись, смешно: не могу сказать, будто чувствую себя уж совсем свободным, — он пошёл к Гарри: руки в карманах, распыняя ботинками жухлую листву. Под его ногами обильно похрустывали многочисленные косточки. Вдоль позвоночника Гарри пробежала странная дрожь: он начал понимать. — Хочешь, чтобы я перевёл?

— Думаю, ты всё равно не уймёшься.

— Что значит... — Драко подошёл почти вплотную, и теперь в его глазах Гарри увидел некий болезненный, нездоровый задор, — «истина освобож...»

Он не успел завершить: с грохотом разверзлась земля, и чёрная пропасть распахнулась аккуратно перед слизеринцем. Пойманный врасплох на полшаге, Драко рухнул в неё, не успев издать и звука.

* * *

— *Crucio*, — прошипел Тёмный Лорд.

Никакого эффекта.

Червехвост остолбенел. Вольдемо́рт просто чуть прищурился и попробовал ещё раз:

— *Crucio!*

И снова ничего: Гермиона стояла на прежнем месте, хлопая глазами и слегка приоткрыв рот, — совершенно определённо, не от боли.

Рон оторопело замер, его сердце отчаянно колотилось в грудной клетке; он, было, инстинктивно рванулся к Гермионе, чтобы прикрыть, защитить её — но от чего? Похоже, ей ничего не угрожало.

Червехвост прокашлялся.

— Может, вам стоит встать чуть левее, Господин...

Ответом стал полный смертоносного льда взгляд:

— Хочешь сказать, будто я не знаю, как управиться с простейшим Мучительным Проклятьем, Червехвост?

Тот перевёл взгляд с Гермионы на Вольдеморта и промолчал.

— Как я и думал, — продолжил Вольдемо́рт, приближаясь к Гермионе, тут же съёжившейся и шаркнувшей назад. — Она защищена.

— Чем защищена, Господин? — взмыли вверх брови Червехвоста.

— Четвёртым Благородным Объектом, — пояснил Тёмный Лорд. — Чашей. Видимо, она носит её с собой, ибо даруется таким образом благословенная невосприимчивость к проклятиям, — он улыбнулся Гермионе, отнюдь не обворожительно. — Что ж, тогда я дам тебе шанс, девчонка. Я знаю: у тебя Чаша. Отдай её мне.

Гермиона откинула с лица копну мокрых волосы. Её глаза решительно сверкнули.

— Как бы не так.

— Значит, ты не отрицаешь, что она у тебя?

Гермиона поджала губы:

— Я ничего вам не отдам. Вы не можете причинить мне боли — сами же только что это сказали.

— Зато я могу запереть тебя в темнице и уморить голодом, а потом забрать её с твоего холодного трупа, — заметил Вольдемо́рт.

— Так вперёд.

— Возможно, Чаша защитит её даже от этого, Господин, — сообщила со своего места Рисенн. Она рассеянно играла золотым гребешком в форме бабочки, вытасненным из причёски. — Сила её непостижима для рода человеческого.

— Непостижима для рода человеческого, — вполголоса повторила Гермиона. — И кто выражается таким высоким стилем?

— Уж меня-то к роду человеческому не отнесёшь, — возразил Вольдемо́рт, чей змеиный взор снова возвратился к Гермионе. — Положим, я не могу навредить тебе, зато могу сделать это с теми, кого ты любишь. Как ты согласишься, ежели твой друг, — он жестом указал на Рона, — будет запытан прямо на твоих глазах? Если ему выпустят кишки, выпотрошат вот на этом самом месте? Ты бы станцевала нам под музыку его воплей...

— Его вы тоже не тронете, — скусающе перебила Гермиона. — Он вам нужен не меньше Чаше, ведь он — такой же инструмент, как Клинок или Зеркало...

— Я тебе не инструмент, — буркнул Рон.

— ...потому что без его крови, — продолжила девчушка, взглядом веля Рону немедленно заткнуться, — и без трансформативной силы его прорицательских способностей. Четыре Благородных Объекта никогда не смогут объединиться, создав Тетраграмматон. Связать их способна только кровь Рона. Вы даже пытаться не можете, — клинически равнодушная отрешённость её голоса Рона, признаётся, несказанно обескуражила, — он нужен вам целиком. Если он лишится рассудка, то перестанет быть прорицателем.

— Я могу не доводить его до сумасшествия...

— Рону до сумасшествия один шаг. Он действительно слабак.

— Ничего подобного!.. — негодуя начал Рон.

— Ещё какой! — снова сверкнула глазами Гермиона. — Всё, что осталось сделать Тёмному Лорду, — ткнуть тебя в бок зубочисткой, чтобы ты орал, будто с тебя кожу сдирают.

— Как бы не так!

— Так, так!

Рисенн захихикала, но Гермиона тут же уняла её очередным сердитым взглядом.

— Вот именно — обсмеяться можно. Не забудь, именно ты мне и сказала, что Тёмный Лорд не может причинить Рону вреда...

С воплем ярости Вольдеморту развернулся к Рисенн. Побелев в тон собственному платью, та присела.

— Т-ты! Люциусова тварь!!!

Его палочка взлетела вверх, и Рисенн, защищая лицо, вскинула левую руку — золотая бабочка полетела на пол. Рона пронзил внезапный всплеск сочувствия: он ничего не смог с собой поделать — качнулся вперёд и...

Деликатный кашель нарушил тишину.

— Господин, — произнёс знакомый, чуть протяжный голос, — моя раба сделала нечто недозволенное, расстроив вас? Ежели так, позвольте я самолично разберусь, дабы вы не утруждали себя, — с этой фразой Люциус сделал ещё один шаг и вошёл в залу. Молча и грациозно.

Богатая зелёная мантия, узкая улыбка, приподнявшая уголки его чётко очерченного рта.

— Во всяком случае, не сейчас, когда я принёс вам такие отменные новости...

* * *

Стены склепа, созданного Люциусом, были гладки и тверды, будто мрамор, — Том лишь раскровянил себе руки в коротком, но абсолютно бесполезном всплеске ярости: он был слишком слаб для заклинания, способного проломить заколдованную стену, и с каждым моментом слабость эта только нарастала.

Горечь от предательства Люциуса ядовито жгла губы — и дело не в том, что он считал, будто Люциус взаправду заботится о нём, нет — просто Люциус принадлежал ему. И вдруг собственный пёс развернулся и цапнул хозяина. Да, когда Том был ребёнком, какая-то уличная псина его укусила — он ещё потом свернул ей шею и бросил подышать на улице. Ах, если б можно было сделать нечто в том же духе с Люциусом... — однако все приятные фантазии пришлось отринуть собственной рукой. Сил на ненависть не хватало — сейчас, когда всё, что он имел, прогнулось девушкой у него на руках, когда всё уходило на то, чтобы удержать в её ещё живом теле умирающую душу.

Он сидел в темноте, безмолвно и неподвижно, словно окаменев, держа Джинни на руках, ощущал, как с каждым лёгким вдохом и выдохом, с каждым биением сердца жизнь покидает её, подобно отливу, обнажающему берег. Из всех оставшихся у него сил он пожелал, чтобы это прекратилось. Он никогда не учился магическому врачеванию, он никогда этого не хотел; только заклинаниям, способным разрушать, уничтожать и причинять боль. И вот, теперь он не мог удержать в ней жизнь, с тем же успехом можно было попытаться обернуть вспять реки.

Он просто сидел, обнимая её и ожидая её — а значит и своей — смерти.

* * *

Когда трепещущие веки Джинни наконец-то поднялись, первое, что она увидела, оказалось ясная, улетающая ввысь синева — несомненно, безоблачное небо, какое бывает примерно в середине лета.

Она медленно села и удивлённо осмотрела себя — никакой крови, ни единой раны на теле; более того: на ней сейчас было надето обшито кружевом длинное платье бледно-персикового цвета, из тех, которые бы она в жизни не выбрала, и персиковые же сандалии на ногах.

Джинни ошеломлённо захлопала глазами: последнее, что она про себя помнила (причём помнила весьма отчётливо), — бросок через перила в доме Паркинсонов и летящий навстречу твёрдый, сияющий полиров-

кой пол. Хруст костей при ударе. Боль и тьма.

Голос во мраке — очнись, очнись, Джинни. Знакомый голос, наполненный тёмной сладостью, прошитый резкими вздохами. Очнись, Джинни.

Ну-с, сказала она себе, вот я и очнулась.

Она встала, и платье взметнулось вокруг её обнажённых ног. Вокруг, куда ни бросишь взгляд, простирался поросший густой травой луг, забрызганный яркими пятнами цветов — крупные, с кулак, колокольчики, золотые струи амариллиса, сочные фиалки. В отдалении упирался башнями в небо замок, ничуть не похожий ни на древний Хогвартс, ни на жуткую крепость Слизерина, — больше напоминавший именитый торт: серебристо-белый с золотыми шпильками и разноцветными витражами окон.

— Блин... — захлопав глазами, пробормотала Джинни, — и куда это я попала?

Странно: непонятное, назойливое ощущение, будто прежде она тут уже бывала. Но уж такое-то место она бы точно запомнила... Отвернувшись от замка, она глянула в противоположную сторону и оцепенела.

Кто-то приближался к ней, пробираясь сквозь заросли цветов, — долговязый блондин в пышной белой рубашке, чёрных штанах в объёмку и высоких, почти до колен, чёрных сапогах. Знакомые серые глаза, вспыхнувшие при виде неё, — и вот, он уже мчался через поле, дабы стиснуть её в объятиях.

— Джинни! — возопил Драко. — О Джинни, дорогая! Ах, небеса, жива ты — как я счастлив!

* * *

Вольдеморту медленно опустил волшебную палочку.

— Добрые вести?

Рон подумал, что тот говорит таким тоном, будто пытается распознать особо причудливое и необычное растение.

Переведя взгляд с Рона на Гермиону, Люциус чуть нахмурился, однако тут же снова обратил всё своё внимание на Тёмного Лорда.

— Именно. Я нашёл волшебника, уничтожившего такое количество ваших сторонников.

Меж бровей Вольдеморта появилась морщинка:

— Я знаю его?

— Можно и так сказать, — Люциус смахнул с рукава невидимую пылинку, чем невольно напомнил Рону Драко: всё же сын и отец во многом походили друг на друга.

— Несомненно, это весьма важно, однако придётся подождать: в данный момент я пытаюсь отобрать Чашу у этой мерзкой грязнокровки, а она демонстрирует свою устойчивость к пыткам.

— Ах... — глаза Люциуса скучающе скользнули по Гермионе, — всё из-за того, что она таскает Чашу у себя на поясе.

Червехвост сипло ахнул. Гермиона побелела. Даже Вольдеморту, похоже, был несколько шокирован. Одна только Рисенн никак не отреагировала, лишь устала на Малфоя с таким странным отчаянием, что Рон почувствовал себя на редкость неловко.

— Я ничего не вижу! — неприятным, скрипучим тоном возразил Червехвост. — Только...

— Ага... — Тёмный Лорд не обратил внимания на брызжащего слюной прихвостня, — это фляжка, Люциус?

— Вынужден подтвердить, — кивнул Люциус. — Несомненно, она заколдовала её. Умна, признайте: это ведь требует изрядного магического уровня — трансфигурировать Благородный Объект.

Руки Гермионы дёрнулись к талии, и Рон немедленно понял — она пытается спрятать: заткнутую тёмно-синей пробкой сверкающую серебряную фляжку.

— Не прикасайтесь ко мне! — взвизгнула она. — Не...

— Молчать! — рука Вольдеморта взлетела в воздух — так бросается на жертву змея, и с кончиков пальцев сорвались яркие всполохи; Гермиона вскрик-

нула, когда пояс на талии резко расстегнулся и, будто живой, пополз из петель её джинсов... фляжка выпала и поплыла по воздуху — Вольдеморт поймал её. Сомкнулись цепкие пальцы.

Он громко расхохотался.

— Ясно. Да, остроумно. *Revelatus*, — пробормотал он, тронув фляжку кончиком пальца: та содрогнулась и изменила обличье с той же внезапностью, с какой на уроке Макгонагалл жаба становилась чайником. Теперь это была истинная Чаша, та самая, в краже которой из Музея Рон принимал участие во время давешней школьной экскурсии.

Сдавленно вскрикнув, Гермиона закрыла лицо руками.

— Великолепна... — бормотал Вольдеморт. — Просто великолепна... — он обернулся к Червехвосту: — Ступай и приготовь Большую Залу к церемонии Тетраграммотона, Хвост. Что касается девчонки... — прищуренные глаза впились в Гермиону. — Она больше не нужна. Убей её.

— Слушаюсь, мой Лорд, — отвечивал Червехвост.

— Нет!

Рон с криком кинулся вперёд, пытаясь закрыть собой Гермиону от Тёмного Лорда, однако не преуспел: Вольдеморт взмахнул волшебной палочкой, сбив его Сногшибателем; Рону показалось, будто ему на шею со всего маху опустилась квиддичная дубинка, и он рухнул на пол.

Червехвост со злобной ухмылочкой указал на Гермиону своей серебряной рукой.

— Пойдите, мой Лорд, — внезапно запротестовала Рисенн, — не думаю, что стоит убивать девчонку на глазах Прорицателя, это может привести к смятению его разума.

Вольдеморт насторожился. Рисенн, воспользовавшись паузой, поднялась и скользнула к Гермионе:

— Я сама это сделаю.

Похож, Вольдеморт сомневался.

— Полагаю, так действительно будет лучше, — согласился Люциус. — Червехвост как всегда всё испортит и позволит ей ускользнуть.

— Согласен, — Вольдеморт махнул Рисенн. — Ну так прикончи её. Снаружи.

Кивнув, дьяволица щёлкнула пальцами, и Гермиона, словно марионетка, которую потянули за нити, вздёрнулась в воздух.

— Пошли, — скомандовала Рисенн и Гермиона с широко распахнутыми, ничего не выражающими глазами двинулась в сторону выхода.

Рон не мог даже кричать, язык будто прилип к нёбу. Вот Рисенн вывела Гермиону за дверь, вышла следом — гриффиндорка успела бросить на друга последний взгляд, спокойный, даже где-то счастливый... и двери захлопнулись.

Рон зажмурился.

* * *

Прошла целая вечность, прежде чем Джинни смогла шелохнуться. Отчасти это было потому, что она испугалась, отчасти (если честно) — потому что ей весьма понравилось в крепких объятиях Драко. Руки его оказались худыми и сильными, как она их и запомнила, хотя удовольствию немного мешали многочисленные оборки его рубашки, колющие манжеты и исходящее от него невыносимое магнолиевое амбре.

Наобнимавшись всласть, он осыпал её лицо поцелуями.

— Мой ангел, как же я боялся, что потерял тебя навек...

Джинни отстранилась.

— Ладно тебе, Драко, хорош прикалываться, — прismoтревшись, она вытаращила глаза: — Малфой! Что это у тебя над губой?!

— Где? — переспросил, явно не понимая, о чём идёт речь, Драко. — Нет ничего. С губой всё в порядке.

Ничего подобного: под носом у Драко находилось нечто, напоминающее лохматую белокурую гусеницу. Джинни не могла отвести от нее взгляда.

— Малфой... Ты отрастил усы?! — задыхнулась она.

— Я думал, что усы тебе по нраву, — расстроено сообщил Драко, подбочениваясь. Джинни опустила взгляд и отметила, что зашнурованные спереди брюки отнюдь не прятали всего того, что положено скрывать одежде. Она тут же вскинула взгляд, вновь уставившись на усы. Надо сказать, одно другого не лучше — прям не можно глаз отвести...

— Просто раньше я их не видела. Ну... думаю... рано или поздно, я привыкну.

— Уверена ль ты в здравии своём? — теперь Драко говорил раздражённо. — Когда на нас напали те пираты — не падала ли, часом, со ступенек? Не стучалась ли головой случайно?

— Пираты? — Джинни наконец-то смогла оторваться от созерцания усов. — Нет... последнее, что я помню, — дом Пенси Паркинсон. Я там боролась с Томом...

— Том? Это кто ещё такой? — уставился на Джинни Драко. Джинни в ответ снова воззрилась на усы у него под носом. Она не помнила, когда в последний раз была в таком смятении.

— Том Риддл. Самый злой колдун из всех, кто существовал на земле.

— Не существует колдуна, кто был бы злее, чем Морган — самый тёмный в мире маг, — снисходительным тоном поправил её Драко. — Ах ты, бедняжка, — всё ж ушиблась головой в той битве... — и тут он снова рванул к ней и сгрёб в объятия — так обычно поступают с героинями женских романов, причём сделал это с почти профессиональной ловкостью. — Отринь же страх: теперь Тристан твой рядом. Возьмёт он на себя заботы о тебе...

И он повлёк её в сторону замка.

Джинни потрясённо вытаращила глаза: Тристан?! Она знала только одного Тристана. Причём он не существовал на самом деле. Во всяком случае, ей так казалось, — только на страницах книги...

С другой стороны, ей ли не знать — страницы книги частенько оживают...

Она подняла голову и снова оглядела луг, внезапно осознав, где же она всё это видела.

Итак, ещё раз: бескрайнее усыпанное цветами поле, юноша, сжимающий в объятиях девушку, его белокурые волосы, спутавшиеся с её почти алой рыжиной...

Конечно. Она уже видела это прежде.

На обложке Брюк, полных огня.

* * *

— Малфой! — забыв о недавнем раздражении, Гарри рванул вперёд и забегал кругами, уставясь в землю, однако поляна была совершенно пуста. Листы похрустывали под ногами, будто косточки, и настоящие кости тоже трещали, словно он ходил по ломающемуся льду. А высоко-высокое небо над головой издевательски хихикало во всю свою морозную пустоту. Гарри сложил руки у рта и заорал:

— МАЛФОЙ!!!

В ответ не раздалось ни звука. Здесь вообще царила тишина — ни птичьей песни, ни шуршания лесных обитателей, лишь тошнотворная могильная тишина. Гарри мог услышать биение собственного сердца — быстрое, как беглый орудийный огонь, стаккато.

— Малфой!

Когда Драко откликнулся, Гарри не сразу сообразил, что ответ был безмолвный:

...Мог бы ты не орать так?

Гарри развернулся: поляна была пуста.

— Где ты? Что случилось?

...Пока не знаю наверняка, — по мысленному голо-су Гарри понял, что Драко тоже в замешательстве. — Я наступил на что-то эдакое — корень дерева, что ли... А потом земля разверзлась, и я провалился футов на шесть вниз.

...Ты не откликнулся, — Гарри вздрогнул, — и я подумал...

...Да я орал, как Миллисент Булстроуд, наткнув-шаяся в кабинете Гербологии на одинокого Невилла Лонгботтома, прикрытого только Пульсирующим Папо-ротником. Я ж не виноват, что ты глухой.

...Невилл потом всё объяснил!

...Я говорю только то, что слышал, Поттер, — с ноткой задора в голосе ответил Драко, и Гарри на миг расслабился от этого давно забытого и такого успокаи-тельного присутствия в голове — знакомого, как своё собственное.

...Слушай, Малfoy, рассказывай, где ты, — чтобы мы тебя оттуда вытащили.

...Я понятия не имею, где я, — перебил Драко. — Тут какая-то грязная клетка с торчащими корнями вме-сто стен. Вижу свет над головой. Вообще, тут чуть светлее, чем у Слизерина в подземелье. Да и дизайн вполне соответствующий.

...Да? — не переставая думать, Гарри заметался по поляне.

...О, да: темница Слизерина — нелепая смесь вик-торианства и возрожденческой чувственности. Не говоря о вазах в стиле классицизма: сколько раз повторял Снейпу, что им нет места ни в...

...Я имел в виду — ты действительно видишь оттуда свет?

...Ой. Да, вижу.

...И ты наступил на древесный корень? Ты решил, что всё случилось именно так? Что-то типа спускового крючка?

...Типа того, — начал Драко и вдруг встревожил-ся: — Но ведь ты же не собираешься...

...Только не надо пытаться меня защитить, Малfoy, я сам способен отвечать за свои поступки.

Гарри нашёл подходящий корень дерева и попытался его оценить: искривлённый, тот вздымал-ся из-под земли под странным углом. Гарри занёс ногу.

...Поттер, — в голосе Малfoя зазвенела паника, — я не пытаюсь...

Гарри с силой наступил на корень, и тот погрузил-ся в землю, увлекая его следом; гриффиндорец спот-кнулся и с изумлённым воплем рухнул вниз, навстре-чу опрокинувшемуся вверх ногами миру. Краткий миг полёта и со смачным хрустом Гарри приземлился в грязь у ног Драко, едва успев по-квиддичному сгруп-пироваться.

Слизеринец был в ярости, в грязи и в порванном плаще.

— ...защитить тебя, — закончил он и волком уста-вился на Гарри.

Тот захлопал глазами и сел. Да, клетка была имен-но такой, какой её описал Драко: куб с земляными стенами, переплетёнными ветвями — местами настоль-ко густо, что земля меж ними даже не просвечивала, как, например, та стена, у которой и сидел сейчас Дра-ко.

— Защитить меня от чего?

Драко покачал головой — скорее скорбно, нежели гневно.

— Да, Поттер, с мозгами у тебя действительно на-пряжёнка, верно? Клянусь, тебя в шахматы даже про-топлазма обставит.

— Рон меня обыгрывает, — согласился Гарри, вы-тащил из кармана свою палочку и очистил её от грязи.

— Что и требовалось доказать. Я говорил, хотя это уже неважно, что не пытаюсь тебя защитить. Тепе-рь мы оба тут торчим, а значит проблема высвобождения становится более сложной и отдалённой, как видишь.

— Точно, — Гарри поднял палочку и указал её на сплетение ветвей позади Драко. — Nullus veneficium ager, — и ветви затряслись, а потом

увяли и исчезли вовсе. За ними оказался широкий про-ход, ведущий во тьму. Гарри сунул палочку в карман и скомандовал: — Пошли.

Драко чуть усмехнулся — уголком губ.

— С другой стороны, иногда и от тебя бывает поль-за.

— Да, — кивнул Гарри, — мне это как-то говорили.

* * *

— ОТПУСТИ меня! — в пятый или шестой раз заво-пила Джинни в то время, как Тристан волок её сквозь опускающуюся замковую решётку и бесконечные дву-створчатые двери.

— В тот миг, когда очутимся мы в замке, дорогая, и будем под защитой крепких стен.

Джинни принялась лупить его по спине и продолжила экзекуцию во время путешествия и по бесконечным коридорам, и через арку, изукра-шенную жемчугами и серебром, и по грандиозной в плане роскоши и размеров гостиной: обитые вишне-вым шёлком стены, портьеры с золотыми кистями, по-всюду палисандровые оттоманки — бархат и самоцветы — и на одном из них растянулся длинно-волосый брюнет в пурпурно-красном атласе. На запястьях упали белопенные кружева, когда он сел и пристально взглянул на Тристана — тот бесцеремонно плюхнул Джинни на розовую кушетку, стараясь унять дыхание.

— Сердечный друг, — произнёс безымянный пока молодой человек с некоторым интересом, — ужель она опять сбежать пыталась?

— О нет, ничуть: она лишь заблудилась, цветы в лугах собирая на венок.

— Тебе ль не знать, что люди говорят, о Трис, — продолжил темноволосый юноша, — коль любишь ты, пусти любовь на волю: и если не вернётся, то поймай и голову безжалостно снеси.

Он фыркнул своему замечанию, зелёные глаза вспыхнули, и Джинни немедленно его узнала: это был Гарри, однако совсем, совсем другой Гарри — каким бы он стал, если б его растил Малfoy.

Порочный и самодовольный.

Хотя, с другой стороны, опекунов Гарри тоже сложно назвать добрыми и любезными людьми, — тут же мелькнуло у Джинни. — Наверное, у него просто душа такая добрая и чистая, что никакое зло его даже и коснуться не может.

Этот же юноша был совсем иным: взгляд, устрем-лённый на Тристана, противно поблёскивал.

— Не начинай, Себастьян, — вздохнул Тристан.

Себастьян.

Джинни лихорадочно завспоминала его роль в книге, однако безуспешно — не иначе, читала это место, когда написала с Блэз.

На лестнице раздался шаг, и Джинни приподня-ла голову, дабы ознакомиться с очередной персоной, спускающейся к ним по золотой винтовой лестнице. Женщина: длинные стройные ноги, оканчивающиеся острыми шпильками. Новоприбывшая сошла вниз, явив присутствующим всё своё великолепие: длинные чер-нильно-чёрные волосы, красный кожаный корсет и чёрный пояс с подвязками, украшенный золотыми осами, а также богатое ожерелье на изящной шейке.

Ясно дело. Рисенн Малfoy. Она же...

— ...леди Стасия! — воскликнул Себастьян, с готовностью вскакивая на ноги.

— Расслабься, Себастьян, — отмахиваясь, промур-лыкала в ответ та, — ещё не время порки ежедневной.

Себастьян смиренно рухнул обратно на кушетку. Джинни обратила внимание, что Тристан также не сводит глаз с Рисенн-Стасии, причём рот его сам со-бой приоткрылся, от чего она немедленно почувство-вала вспышку досады: даже в дурацком дамском рома-не Драко всё равно не дарил всё своё внимание ей одной.

— Да что, Тристан, такое, в самом деле! — рывкну-

ла она.

Он подскочил и раздражённо обернулся:

— Тебе ли говорить. После истории со Свеном...

— Поделаться не могла я ничего, — Джинни перестала понимать, сама ли она говорит или же её устами начала вещать Риэнн, — ведь в том пирате было нечто... нечто...

— Ах, был бы он последним, ей-же-ей! — горячо выдохнул Тристан, и Джинни осознала, что сердитый он ей куда как симпатичнее. Ибо так он сильнее походит на Драко.

Да, если впридачу не смотреть на его верхнюю губу, то вполне...

Джинни щёлкнула пальцами и указала на Тристана:

— Так! Иди и быстро побрейся!

Тристан открыл, было, протестующе рот, однако, похоже, передумал и вышел из комнаты; через мгновение за ним с загадочным видом последовал Себастьян — впрочем, сейчас Джинни всё равно было не до них. Она обвинительно обернулась к леди Стасии:

— Знаешь, уж коли я и начала бредить этими Полными огня брюками, то до жути нечестно, что в моих галлюцинациях снова оказалась ты. Противней твоей героини никого нет. Во всяком случае, для меня

— Знаю, — вишнёвые губы леди Стасии изогнулись в усмешке. — Отнюдь — сие не бред, малышка. Можешь мне поверить.

— Так что же это?

— Ты умираешь и страдающее тело кровоточит, прощаясь с жизнью в каждой капле крови. Твой разум ищет мира, ищет гавань и лодку — ту, что в мир иной перенесёт.

— Когда Драко умирал, он видел реку... — вспомнила Джинни.

— Он был убит, — сказала Рисенн. — И видел земли, где обитают неотмщённые иль павшие, что обрели смерть от предательских ударов. А ты сама покончила с собою — на то причины у тебя имелись. Так обрети же благородную кончину.

Джинни беспомощно покрутила головой.

— Хочешь сказать, будто таким образом мой разум пытается придать моей смерти смысл? При помощи Брюк, полных огня?

Рисенн изучала собственные ногти.

— Найти ответ на это должен каждый. И помни — это только книга, а значит, видишь в ней ты то, что хочешь, находишь только то, что ищешь... И герои все таковы, как ты их представляешь. По гроб в тебя влюблённый милый Драко. Бесстрашная, отчаянная Джинни, готовая бороться за любовь...

Джинни замотала головой так, что рыжие волосы взмыли в воздух:

— Тристан — не Драко!

Стасия опустила руку и снова тонко усмехнулась.

— Но ты всегда мечтала о таком Малфое, разве нет? К тому ж, тебе не суждено его увидеть больше, так почему б не насладиться в миг последний? В конце концов, об этом ты мечтала.

— Но это же... Это же нелепо!.. — возразила Джинни.

— Едва ль желания свои осознаешь ты, — хлыст Стасии рассеянно щёлкал по сапогу, — Сосредоточься, дорогая, и скажи: чего ты жаждешь и о чём мечтаешь? Сладчайший день иль ночь — о чём ты можешь вспомнить?

Змееподобный ритм её голоса почти усыпил Джинни: полуприкрыв глаза, она ответила:

— Да, ночь одна была, но кончилась она совсем не так, как мне того хотелось...

Стасия шагнула вперёд и потрепала её по подбородку.

— Теперь возможно, дорогая, всё.

* * *

Едва за Гермией закрылась дверь, как Вольде-морт развернулся к Червехвосту.

— Последи за Прорицателем, — рявкнул он. — Я не желаю, чтобы он, очнувшись, помчался за девчонкой.

Червехвост крепко-накрепко вцепился в Рона и дёрнул его вверх — юноша только подивился невероятной силе металлической руки: в кожу будто впечатались раскалённые железные полосы.

Окинув задумчивым взглядом Рона, Вольде-морт снова обернулся к Червехвосту.

— Кстати, мальчишку нужно подготовить для ритуала. Нужна его кровь.

Точно, Рисенн же говорила — потребуется его кровь.

Люциус покосился на гриффиндорца со вспыхнувшим интересом.

— Вся кровь? — уточнил он.

— Какая разница, — безразлично пожал плечами Вольде-морт. — Если он будет в зале во время Церемонии, то всё равно умрёт: человек не способен выдерживать такой уровень магии. Такая кончина как раз для него — умереть, видя как я обретаю беспредельное могущество.

— Но Гарри-то тут нет, — заметил Рон, чьё тело ещё напоминало негнущуюся деревяшку, однако в голосе снова зазвучали триумфальные нотки. — Вам никогда его не захватить, вот так-то!

Красные кошачьи глаза Вольдеморта прищурились.

— Заблуждаешься, Прорицатель. В настоящий момент Гарри Поттер пробирается к замку, я чувствую его приближение и видел его в Зеркале, когда он шёл. А он упрям, не находишь? Что ж — теперь недолго осталось.

Как Рон ни пытался сдержаться, он ощутил выражение ужаса, появившееся на его лице:

— Гарри? Идет сюда? Один?

— Нет, не один, если быть точным. С ним сын Люциуса, — сообщил Тёмный Лорд. — Однако он полумёртв, так что вряд ли представляет угрозу, меня это совершенно не беспокоит. Если всё пойдёт тем же темпом, как сейчас, то к сумеркам они как раз прибдут. Аккурат к началу Церемонии, — он улыбнулся, — хотя... если они попадут в тоннели, то могут чуть-чуть и припоздниться: там немало... немало всяких разных пакостей, — красные глаза запульсировали кровавыми озёрами, а язык скользнул по губам. — Ужасных пакостей.

Какой же из меня Прорицатель, если не способен это увидеть? — в отчаянии подумал Рон. — Гарри... как же я тебя подвёл...

Дверь снова распахнулась, и вошла Рисенн, бледная и спокойная, как демоническая маска. Платье спереди было разорвано, словно кто-то рвал его в приступе отчаяния... Волна тошноты накрыла Рона.

— Дело сделано, — оповестила она. — Девчонка мертва.

* * *

— Ты не находишь, что здесь чертовски темно, а, Поттер? Ты не можешь сделать свет поярче?

— Нет. Если в этих тоннелях есть кто-то ещё, я не желаю, чтобы он нас заметил раньше, чем мы его.

— Естественно. Куда как лучше, если он накинется на нас в темноте.

— Я услышу. Расслабься, Малфой. Оцени вид.

— Какой вид? Мы ж с тобой похоронены во глубине румынских руд. Хотя для того, кто вырос в чулане, это наверняка запредельные живописные красоты.

— Это действительно великолепно. Посмотри на эти стены — сталактиты... они будто усеяны драгоценными камнями — красными, синими, зелёными.

Мы словно попали в шкатулку с драгоценностями.

— Да ну?

— Что-то у тебя голос больно тосклив. Разве ты не видишь?

— Вижу. Грандиозно. Да, пожалуй, посимпатичней многосущной проститутки.

— Что? Ой. Ой! Черт, из-за тебя, придурок, я на сталактит напоролся.

— Можно подумать, это я по борделям мотаюсь.

— Я по ним не мотался, меня туда случайно занесло. Чистой воды совпадение. Я даже не понял, что именно произошло.

— Так-так... Кажется, то же самое бормотал Лонгботтом, когда Миллисент застучала его голым рядом с Пульсирующими Пионами.

— У Невилла слабость к растениям, только и всего.

— Ну-ну.

— Я решил, что это подходящее укрытие.

— Не могу назвать это хорошим местом. Разве ты не боялся, что тебя засекут?

— Думаю, я удачно замаскировался в толпе из трёх дюжин людей, выглядящих в точности как Гарри Поттер.

— Ты не пытался с собой поговорить?

— Вот еще. Гадость какая.

— Ну, не знаю... Имей я такую возможность, я бы с собой чуток поболтал. Не хотел, чтобы моё многочисленное я чувствовало себя проигнорированным.

— Ну, с тобой там можно было наговориться досыта, было бы желание...

— Естественно. Полагаю, меня частенько выбирают.

— Слушай, временами твоё зазнайство даже меня поражает. Тебе что — совсем не противно?

— Будто от этого что-то изменится. Так ты всё же пытался со мной побеседовать?

Гарри что-то неразборчиво буркнул.

— Да ладно тебе. Мне ты всё можешь рассказать.

— Так, Малфой, я отказываюсь об этом говорить.

— Ну, а ты...

— Нет.

— Тьфу, всё удовольствие испортил.

* * *

Наполненный розами сад одиноко пустовал под звёздным небом, землю засыпала лёгкая снежная пудра, хотя воздух отнюдь не был холодным. Высокий каменные стены загораживали от Джинни остальной замком, и по-весеннему цветистые поля, в разные стороны расстилающиеся по холмам.

Времена года противоречили здесь друг другу, но, впрочем, какая разница? Они делали то, что он им велела. В конце-то концов, это были её собственные грёзы.

Она разгладила своё переливающееся зелёное платье и в третий раз обвела сад взглядом. Воздух напывал запах роз и дымка, небо усеяла колючая звёздная пыль, откуда-то доносилась тихая музыка — как и в ту, давнюю ночь, когда она сидела на скамейке в таком же розовом саду, слушая мелодию, льющуюся из окон Большого Зала. В полночь они всегда играли «Зелёные рукава».

Словно по сигналу, где-то в ночи кто-то невидимый заиграл:

...Увы, любовь, ты жестока со мной,

— Но не я... — шепнул он ей на ухо.

Он подошёл к ней по усыпанной ракушками и камешками тропинке — тихо-тихо, она даже не услышала — и теперь стоял, залитый лунным светом: сосульки светлых волос, стеклянные осколки глаз; весь в чёрном, как и Драко, единственное цветное пятно — яркое зелёное кольцо на бледной левой руке.

Она почувствовала, как руки сами собой стиснули колени.

— Что «не ты»?

— Жестоким я с тобой отнюдь не буду, —

он опустился на скамью рядом. Даже запах от него шёл такой же. Цитрус, пряности и мыло.

— Ты побрился.

— Но ты ж сама меня просила...

По-прежнему вцепившись в колени, она повернулась к нему, к его похожему в лунном свете на маску, лицу, её сердце подпрыгнуло в самое горло, впервые с начала этой иллюзии, поскольку внезапно он стал Драко, стал совсем другим: перед ней действительно стоял Драко с его опущенными глазами и нечитаемым выражением; Драко, в которого она влюбилась, однако же понять и познать которого не могла...

Может... потому-то ты его и любишь, что не в состоянии его познать, — шепнул тихий внутренний голосок.

Она голосок заткнула.

— Ты стал другим...

Он лишь кивнул. Рука поднялась к её подбородку и легонко коснулась его. Её сердце застучало быстрее. Всё развивалось как-то слишком динамично. Она качнулась прочь, вспоминая, о чём же у них шёл разговор в ту ночь. Да, точно: они говорили о Гарри... она всё помнила. А потом она его поцеловала, он шарахнулся, и был ею обвинён в том, будто влюблён в другую...

Сейчас же он сидел, глядя на неё. И ей снова пришло в голову сравнение этого отрешённого, спокойного лица с прекрасным, однако же абсолютно пустым домом, в котором можно напридумывать себе всё, что угодно...

— Подарок я принёс тебе, — сказал он.

Она улыбнулась, заправила за ухо прядь волос.

— Как мило, что ты вспомнил обо мне.

Он не ответил, просто уронил ей в руку деревянный ящичек, завернутый в чёрную ленту, и беспечность этого жеста тоже напомнила ей о Драко; робея, она трясущимися руками развязала ленту, гадая, чем же на деле закончится эта ночь в розовом саду...

Коробка открылась. Серебряная тонкая цепочка. С серебряной же подвеской, только здесь серебро было чуть тронуте временем. И слова на обратной стороне.

J'aime et j'espere.

— Не ведаю, что в надписи сей говорится, — призналась Джинни.

— Что значит «Я люблю и я надеюсь», — он наконец-то повернулся к ней лицом. — Могу ли на тебя её надеть?

Она кивнула, повернулась, приподняв волосы и ощутив, как его пальцы, застегивая замочек, прикоснулись к её шее.

— Этот кулон... — он почти шептал слова ей в волосы, — он издавна у нас. Хотел я, чтобы отныне ты его носила — всё потому, что я тебя люблю. Любил тебя, ещё тебя не зная, боролся я собой, не в силах чувств признать. Что, дескать, одиночество причиной и только дружба это, не любовь... Но образ твой в моей душе и сердце, всегда со мной он, он со мной всегда. Не покидает ни на миг и даже...

Она резко развернулась, кулон стукнулся об шею, а волосы снова рассыпались по плечам.

— Скажи мне, кто ты?

Он сидел и смотрел на неё, напоминая сейчас прекрасную статую с пустыми глазами:

— Кем хочешь, чтоб я был, скажи мне — я им стану...

— А кем ты сам желаешь стать, скажи? — отрезала она.

Она поднял вверх лицо, и ветер вцепился в волосы, а пустые серые глаза заискрились льдиистой-зеленой и морозно-синей глубиной, так же, как и у Драко, однако... сердце замерло в груди и Джинни удивилась — как она могла перепутать его пустоту со сдержанностью Драко?..

О, сколько ж раз в своих мечтах она возвращалась в этот розовый сад, желая, чтобы всё закончилось ина-

че... Да, наверное, ей именно этого хотелось, — изысканных подарков, сбивчивых слов любви, дышащих искренностью в каждой заминке... — однако мечтания эти не имели ничего общего с Драко, с тем, каким он был, и тем, чего он мог бы захотеть.

Она хотела настоящей любви, а не её символов, и хотела она именно Драко, настоящего Драко, а не его цвета и формы, собранных ею в уме. Ежели ей не суждено этим владеть, то имитация не нужна и подавно. Она хотела вернуться и стать собой — только и всего.

Наклонившись, Джинни поцеловала его — Тристана, Драко или кем там он был. Его губы оказались прохладными и мягкими, она будто поцеловала воздух. Взгляд её, когда она отстранилась, наполнился жалостью: он был чистой ровной стеной, на которую она могла отбросить любую тень. Только мечта, от которой она отказалась.

— Прости, — вздохнула она.

— Но здесь получишь ты, что пожелаешь... — в его голосе она услышала печальные отголоски когда-то жившего в ней детского томления. — Всё, что ты хочешь, что представишь ты...

— Все, что сейчас хочу я, — пробудиться.

Джинни поднялась на ноги.

Она даже не взглянула на его лицо, сразу же позавывав, — мчалась по тропе сквозь розовые кусты, врывающиеся в неё, до крови царапающие кожу и разрывающие платье. Ей было больно, однако это не имело значения: её сердце выстукивало «прос-нись, прос-нись, прос-нись!»

И вот, вокруг опустилась темнота; замок, сад — всё исчезло, остался только мрак и её собственное тяжелое дыхание.

Проснуться.

Я хочу проснуться.

Том, разбуди меня.

Разбуди.

* * *

Впереди в тоннелях что-то было. Гарри уже давно это чувствовал, хотя и продолжал непринуждённо болтать с Драко, гадая, ведомо ли про то Драко, и, если нет, должен ли он, Гарри, об этом сообщить.

Они шли довольно долго, достаточно для того, чтобы глаза Гарри привыкли и сквозь прорехи в стенах тоннеля он начал замечать всполохи дневного света. Но, помимо этого, он замечал кое-что ещё: тени, утекающие прочь по мере их приближения: крючковатая шипастая лапа, принадлежащая, возможно, гигантскому крабу, мелькнула за углом, потом откуда-то донёсся странный звук, будто что-то мокрое шмякнулось на камни и уползло... Волосы Гарри встали дыбом.

Похоже, свет палочки их отпугивал. Он надеялся, так пойдёт и дальше, однако на пути запросто мог попасться кто-то, кому свет помехой бы не стал. Как, например...

В этот момент, перепугав Гарри до смерти, на плечо ему легла рука Драко.

— Поттер, ты видишь?

— Где? — рука сама собой дёрнулась к рукоятке меча.

— Там свет впереди. Похоже... ну, пока не очень понятно... Что-то типа прохода в скалах.

Гарри прищурился: Драко оказался прав, впереди действительно мерцал свет, льющийся из узкой щели меж камней, как из-за приоткрытой двери. Гарри почувствовал облегчение.

— Молодец, Малфой. А я, было, испугался, что ты утратил способность видеть в темноте... — пошутил он.

Драко убрал руку с его плеча:

— Да, признаться, я действительно отличаю свет от тьмы куда лучше, чем сам предполагал.

Драко умолк, однако Гарри не стал развивать эту

тему; он торопился к выходу из тоннеля. С каждым шагом свет становился всё ярче.

— Давай выбираться отсюда, Малфой, пока нам...

Его схватили чьи-то руки, дёрнули в сторону, шмякнули об стену, едва не выбив дух. Приложившись затылком об острые камни, Гарри наяву увидел посыпавшиеся из глаз искры. Когда мир вокруг снова прояснился, он первым делом взглянул на Драко, обнаружив того в аналогичном своему положению: схвачен, руки за спиной.

Вампиры. Гарри узнал их — те самые, с пражских улиц. Однако тут, под землёй, мертвенно-бледные лица и кроваво-красные перекошенные рты казались раз в десять страшнее. На большинстве вместо одежды болтались какие-то рубища с пятнами, о происхождении которых Гарри даже думать не хотелось.

Судя по виду Драко, тот переполнялся гневом и отвращением — он морщился от ледяного прикосновения стиснувших его запястья рук. Испуга Гарри не заметил, впрочем, Драко вообще редко позволял себе его демонстрировать. Гарри уже собрался задать слизеринцу мысленный вопрос, когда в коридоре, откликнувшись многократным эхом, зазвучал музыкальный голос.

— Пока вам... что? — к ним, старательно обходя пятна солнечного света, льющегося сквозь просветы в стенах, приблизился Гэбриэл. В отличие от прочих, на нём красовалась отлично скроенная мантия, на пальцах искрились тяжёлые кольца, а на обрамлённом тёмными волосами лице сверкали пронзительные, лишённые зрачков глаза. — Пока вам не повстречалось нечто неприятное? Тебе однажды удалось от меня уйти, и я был вынужден вернуться к Тёмному Лорду с пустыми руками. Но не в этот раз, — в острой улыбке блеснули клыки. — Уверен, Тёмный Лорд не пожадничает и дозволит мне отвратить твоей крови перед тем, как я доставлю тебя к нему. Между нами, даже лучше, если ты придёшь к нему слабым. Что касается твоего приятеля... — он мотнул головой в сторону Драко, — не сомневаюсь, тебе понравится наблюдать за нашим пиршеством, что продлится до самой его смерти. Хотя... нет, дабы никто не сказал, что я немилосерден, я позволю тебе, если пожелаешь, закрыть глаза.

Первым ответил не Гарри, а Драко; сам Гарри задохнулся от сдавивших грудь ужаса и ярости. А потому он просто смотрел, как Малфой, откашлявшись, с обычной холодной вежливостью обратился к Гэбриэлу:

— Всё прекрасно за исключением одного. Не стоит так жаждать нашей крови. Она отравлена.

* * *

— Врёшь, — выдохнул Рон, обретая дар речи.

Рисенн кинула в него полный жалости взгляд.

— Нет. Её тело лежит в Ритуальном Зале. Я взяла это, — она вытащила из рукава толстую золотую цепочку, — с её трупа.

У Рона сам собой распахнулся рот.

Эпициклическое Заклятье Драко.

И тут он поверил, что Гермiona мертва, ведь заклятье можно получить только двумя способами — либо владеец по собственной воле отдаст его, или же оно будет отобрано после его смерти.

Это было частью магии. А Гермiona бы никогда и ни за что не отдала Заклятье сама. Никогда.

Его оглушило, всё вокруг поплыло, будто во сне. В груди вскипал вал боли, ярости и горя, и Рону казалось, будто он не здесь, будто он парит и смотрит на всё откуда-то сверху. А вот когда он упал...

Гермiona... Гермiona!!!

— О... — Люциус откровенно веселился, — можно мне? В конце концов, ведь это же я его сделал.

— Отдай, — махнул рукой Вольдеморт, и Рисенн

заскользила через комнату к Люциусу; но в миг, когда она проходила мимо Рона, чёрные глаза вонзились к нему, будто пытаясь что-то сказать.

— Сам понимаешь... — тихо пробормотала она, — другого пути не было.

Рон в неё плюнул.

Рисенн отшатнулась, её глаза полыхнули... однако, она продолжила свой путь, подойдя к Люциусу. Он принял Заклятье и повесил себе на шею.

— О... Надо же, какое лёгкое... Признаться, я и забыл...

— Господин, ваш сын уже одной ногой в могиле, и жизненная сила истекает из Заклятья — так же, как она покидает и его тело.

— Да, действительно, — кивнул Люциус. — Кстати, о жизненной силе... Ты напомнила мне... — он повернулся к Вольдеморту. — Мой Господин, я ни в коей мере не собираюсь торопить вас, однако время идёт. Тот человек, о котором я говорил, — тот, что убил ваших Пожирателей Смерти, — он умирает.

Вольдемонт со сладострастьем в глазах баюкал Чашу.

— Вот и славно. Пусть себе умирает, потом мы скормим его труп упырям в винном погребе.

На лице Люциуса вспыхнуло нетерпение.

— Мой Господин... этот человек... полагаю, он для вас куда важнее, чем горстка покойных Пожирателей...

Вольдемонт перестал ласкать Чашу.

— Он убил моих слуг, — мрачно сообщил он.

— И тем не менее он может стать самым лучшим, самым великим вашим слугой за все времена.

Вольдемонт опустил Чашу, хотя снова начал с вожделением поглаживать её.

— Ну, хорошо. Приведи его.

Люциус кивнул и поднял руку, решительным движением крутнув на пальце тяжёлое кольцо. Точно на три четверти оборота.

* * *

— Отравлена? — прищурился Гэбриэл.

Гарри почувствовал, что хватка вампиров ослабела, а сами они о чём-то неприятно зашушукались. Как можно осторожней он нащупал висящий на бедре меч, дивясь, что это за бред вдруг придумал Драко — из всех его идиотских баек это, пожалуй, была самая тупая, глупая и нелепая...

Гэбриэл рассмеялся.

— Какая прелесть. Видишь ли, даже если ты отравлен, на нас это не произведет ровно никакого эффекта, ведь мы же — не люди, коих может убить такой пустяк, как лихорадка, шепоток болезни или же ранение.

— Это яд иного рода, — возразил Драко, — и для вас он тоже смертелен.

Гарри был поражён: не знай он наверняка, как обстоят дела, то и сам оказался введён в заблуждение словами Драко. Он прикинул, успеет ли Драко выскочить на солнечный свет, если его прикрыть и с мечом в руках задержать остальных. Хотя... Их слишком много: десятки красных глаз, поблёскивающих в темноте, — ряд за рядом...

— Мне страшен только солнечный свет, — раздражённо дёргая губой и вновь обнажая клыки, сообщил Гэбриэл. — Ну же, мальчик...

Когтистая рука кинулась змеей, вцепившись в руку Драко и подтянув слизеринца ближе, тогда как вторая заскользила вдоль лица, проследив линию от уголка глаза до нижней челюсти. Драко смотрел строго вперёд, мысленно твердя отчаявшемуся задавать вопросы Гарри одно и то же.

...Стой, где стоишь, Поттер. Просто стой.

...Но, Малфой!

...Гарри, стой там! — заорал Драко, и его мысленный голос зазвенел так громко, что, ошеломлённый, Гарри отшатнулся. В следующий миг он с ужасом увидел, как Гэбриэл в некой пародии на объятия пригнул

Драко к себе... приподнял подбородок... склонился...

Клыки вампира погрузились в горло Драко.

* * *

Первое, что она осознала, — боль. Второе — вкус крови во рту. Джинни попробовала вздохнуть снова и едва не лишилась чувств от пронзившей её боли. Будто в бок вонзили кинжал.

...Похоже, одно ребро точно сломано. Но где я?

Она лежала на чём-то жёстком, голова чуть выше, ноги поджаты. Колено прострелила боль. Джинни медленно открыла глаза, поморгала. Закрыла. Снова открыла.

Чернота. Не темнота — именно чернота. Ничего не видно, хоть глаз коли.

От ужаса Джинни завопила в голос, попыталась сесть, и в этот миг вокруг неё возникли чьи-то руки: они схватили, вонзились пальцами в плечи.

— Ты жива.

Она не узнала голос во тьме, и ужас, как живое существо, заколотился в её груди.

— Слепла... — прошептала она сквозь кровь во рту, — я слепла...

— Нет... — что-то легонько скрипнуло, и, к её огромному облегчению, вокруг посветлело, явив взору то, что изнутри походило на чёрный мраморный короб.

Ни окон, ни дверей...

Склеп без всякого намёка на выход.

— Ты не слепла. Но я думал, что ты уже умерла.

О, теперь она узнала голос. Вывернувшись из стиснувших её плечи объятий, Джинни развернулась к Тому.

Он, привалившись к одной из чёрных стен, смотрел на неё в упор. Его руки, рубашка, колени, даже волосы — всё пропитала кровь, однако же, похоже, он был не ранен. Джинни с содроганием поняла, что он держал её всё это время, пока она была без сознания. Сразу засосало под ложечкой.

— Пыталась покончить с собой... — даже в тусклом свете Джинни видела синий яд глаз Тома.

Она обтёрла рот рукой. Кровь.

— Пыталась покончить с тобой, — уточнила она.

— И с тобой заодно. Вирджиния, я впечатлён, — теперь его голос вился по-змеиному. — Всегда считал тебя слабой и бестолковой. Похоже, я был прав только наполовину.

Том, ты, как всегда, горазд поговорить, — кисло подумала Джинни.

— Что тебе за дело, если я умру? — отрезала она, отодвигаясь от него как можно дальше.

— Если умрёшь ты, я тоже умру. Соответственно, я пытаюсь тебя спасти, — внезапно лицо его исказилось, сразу став безобразным. — Если б только не предательство... Люциус предал меня. Убью, порву... — забушевал Том.

Мысли Джинни пошли кувырком.

Совсем недавно, в доме Паркинсонов, она хотела умереть, однако сейчас уже вероломно радовалась, что этого не случилось. Не тому, что Том её спас, — тому, что выжила. Потом она подумала о бедняжке Пенси Паркинсон... Покойной Пенси Паркинсон...

— ...раскалю его кровь... сорву плоть с костей... сделаю кубок из черепа! — громко закончил Том.

— Значит, меня ты убивать не собираешься, — сказала Джинни.

— Да нет же, дура! — ахнул Том и осёкся. — Я не могу убить тебя, не причинив боли себе. Мы с тобой связаны, и моя жизнь зависит от твоего бессмысленного и бесполезного существования.

— Вот уж это мне повезло так повезло.

— Тебе повезёт, если мы сбежим из этого склепа, — в глазах Тома танцевали искры мрачного веселья. — Ты останешься единственным человеком в этом мире, которому я ничего не могу сделать, — ни убить, ни ранить. Надо будет придумать, как можно тебя ис-

пользовать...

Припомнив давешнюю сцену в доме Паркинсонов, Джинни попятилась ещё дальше. Поцелуи. Его руки. Странное, мучительное удовольствие, как удовольствие от беспокоящего сломанного зуба...

— Не волнуйся, — насмешливо произнёс Том, будто читая её мысли, — если я тебя изнасилую в твоём нынешнем состоянии, тебе точно конец. Хотя, в принципе, я бы не возражал, — он засмеялся, увидев изменившееся выражение её лица, однако сразу помрачнел. — Хотя сейчас я и на это не способен — я слабою вместе с тобой, и, похоже, нам обоим суждено окончить свои жизни в этом мерзком склепе. Вот ведь дрянь...

Джинни не восприняла последнее на свой счёт, кроме того, она осознала — Том прав, она действительно умирает. Чёрные точки заплескались перед глазами.

— Том... — начала она, однако он внезапно дёрнулся, уставившись на кольцо, что было надето на его левую руку.

— Он меня зовёт! — зашипел он. — Да как он только смеет... Вирджиния, а ну, держись за меня! Держись за меня!

Джинни, напротив, отпрянула, и тогда он, чертыхаясь, схватил её за запястье, заставив взвыть от боли. И тут же её потянуло куда-то, словно она взялась за портключ, — мгновение спустя бок о бок с Томом они куда-то мчались сквозь пространство.

* * *

Едва вампир начал свою трапезу, Драко оцепенел. Гарри увидел его безвольно опустившиеся руки и тут же кинулся вперёд, однако прочие вампиры не зевали, и уже мгновением спустя он был схвачен, скручен — крепко стиснутые руки за спиной — и брошен на землю.

Тихие шепотки позади. Шуршащие смешки вокруг... Однако они тут же смолкли, сменившись поражённым и испуганным шипением. Хватка на кровоточащих запястьях Гарри ослабла, позволив ему даже приподняться на колени и взглянуть... Он не поверил собственным глазам.

Гэбриэл отшатнулся, а Драко, хотя и бледный, тем не менее, твёрдо стоял на ногах. Гарри мог видеть на его горле проколы от укуса, тёмные, будто бы от крови, однако никакой крови не наблюдалось. Рубашка была разорвана длинными вампирскими ногтями — однако же снова ни капли крови; зато сам Гэбриэл пал на колени, его лицо раздулось, почернело, когтистые руки рвали собственное горло...

Драко взирает на него спокойными, будто серые зеркала, глазами.

— Тебе же говорили. Я предупреждал, что может случиться.

Из продранной глотки жутким потоком хлынула кровь, глаза Гэбриэла полезли на лоб, голова моталась из стороны в сторону, а рот распахнулся, будто он молил о помощи своих чудовищных приятелей. Однако, булькая от ужаса и вытянув руки, словно пытаясь оградить себя от наступления армии распятий, прочие вампиры толкались у входов в тоннели.

Вот и до Гарри дошла очередь: он оказался на ногах рядом с агонизирующим вампиром — тот умирающим насекомым едва дрыгался в ручье из собственной крови. Взмах — и меч вонзился прямо в сердце Гэбриэла. Булькнув, тот испустил дух, и пламя охватило труп, рассыпав его горсткой праха.

Гарри поднял взгляд к Драко, встретившему его с неким тихим отчаянием. Только сейчас гриффиндорец заметил, что тот кровоточил, — просто кровь была бесцветной; серебристыми потоками она стекала за воротник, сияющими пятнами расплываясь на рубашке. Если даже раньше он не знал, если б мог не поверить собственным глазам, теперь деваться было

некуда: Гарри смотрел на отравленную кровь Драко, чувствуя, как внутри него самого что-то трескается и рассыпается, впиваясь бритвенно-острыми осколками в тело.

Наверное, это сердце... но ведь сердце не такое острое и жёсткое...

Он в ужасе уставился на Драко.

— Ты не исцелился... И не исцелялся... — пробормотал он.

— Повернись, — спокойным и ровным голосом ответил тот. — У тебя за спиной ещё один.

Действительно — в тоннельном призрачном мраке Гарри увидел ещё одну пару красных глаз и стиснул эфес меча. Если тварь шагнёт к ним, он должен её убить. Он хотел кого-нибудь убить.

Вампир заговорил, обращаясь к Драко:

— Tu... Tu esti mort ca si mine.

Произнеся это, он исчез в одном из боковых проходов, двигаясь по-крабьи боком. Гарри проводил его взглядом. Внезапно кто-то потянул его за руку — Драко. Но выглядел он сейчас ужасно подавленным — Гарри не доводилось ещё видеть ничего подобного.

— Пойдём, что ли... Надо бы выбраться отсюда, пока ещё кто-нибудь не пожаловал по наши души.

Лишь сделав несколько шагов Гарри осознал, что по-прежнему сжимает в руках окровавленный меч. Он сунул его в ножны и следом за Драко вышел из пещеры на солнечный свет.

* * *

Не успел Люциус крутнуть кольцо на пальце, как раздался негромкий хлопок. Как при аппарировании, и у его ног возникли две скрюченные фигуры, будто брошенные туда невидимой рукой. Рон увидел съжившегося белокурого юношу и на миг принял его за Драко, однако нет — для Драко волосы были слишком тёмными, однако он тут же позабыл о его существовании, заметив рядом вторую фигуру. Девушку в разорванных джинсах. Девушку с копной огненно-рыжих волос.

— Джинни! — он попытался подняться, однако Червехвост намертво вцепился в него металлической рукой. — Джинни!

Девушка до боли медленно приподняла голову и посмотрела в его сторону. Улыбнулась — нежно, так нежно, как улыбалась ему, лежа в своей колыбельке.

— Рон... Ой, Рон, это ты...

Она умокла, когда юноша рядом с ней тоже сел, и в этот момент Рон вдруг понял, что это Симус Финниган, хотя до странности на похожий на себя самого, — в частности, наряженный почему-то в весьма подозрительную расфуфыренную белую рубашку. Кроме того, он был весь в крови. Рон вытаращил глаза. Убийца Пожирателей Смерти — Симус Финниган?! Да не может такого быть. Рон окликнул его, однако Симус лишь ту-по тарасился на него в ответ.

— Люциус?.. — Вольдеморт с отвращением взирает на двух возящихся у его ног подростков. — Жду твоих объяснений.

— Мой Лорд, — начал Люциус, шагнув в сторону сжавшейся и обхватившей себя руками Джинни. — Похоже, что...

В этот миг Джинни, теряя сознание, с криком повалилась на пол. Симус тут же кинулся к ней, схватил... Голова её запрокинулась.

— Она умирает! — заорал он Люциусу. — Приду-рок! Что ты натворил?!

Умирает?..

Рона обуял ужас — нет... невозможно... Гермиона мертва... а теперь и Джинни... Он не мог этого позволить. Не мог.

— Джинни! — Рон с истошным воплем вырвался из хватки Червехвоста. — Пусты меня, мать твою! Червехвост, ты что не видишь, — это же моя сестра! Это же Джинни! Ты же её с детства знал! Пусты, ублю-

док!

Червехвост с яростным полурёвом-полустоном перехватил Рона — металлические пальцы впились ему в глотку. Юноша закричал бы, да вот только теперь он не мог даже вздохнуть. Глаза сами собой закатились, и вокруг воцарилась темнота.

* * *

Щель меж камней оказалась достаточной широкой, чтобы Драко сумел протиснуться на волю, а потом помочь выбраться Гарри. Оставив всю свою кожу на камнях и чувствуя себя выскочившей из бутылки раскрошившейся пробкой, Гарри осмотрелся. Они стояли в узком ущелье меж двумя серыми скалами, всё вокруг было засыпано камнями, а по дну, взбивая пену поверх высоких валунов, неслась чёрная река, с противоположного берега которой уходила к перевалу тропа. Набухшее стальными тучами небо сулило, в лучшем случае, снег. Надо сказать, этот ландшафт являлся одним из самых унылых, какие доводилось видеть Гарри.

Он обернулся к Драко — тот, прикрыв глаза, привалился к одному из валунов. Измождённое лицо цветом напоминало раскинувшееся над головами зимнее небо. И вдруг Гарри осознал, что в последнее время Малфой постоянно норовит к чему-нибудь прислониться — к стенке, дереву или же предмету интерьера. А он-то принимал это за демонстрацию усталой скуки от драматических выступлений Гарри. Теперь же Гарри понял: таким образом тот просто пытается сохранить силы...

— Малфой... — на звук имени полуприкрытые глаза Драко сверкнули серебром. — Что та тварь тебе сказала?

— Он сказал «ты такой же покойник, как и я», — ровным голосом откликнулся тот и снова отвернулся. Гарри опять увидел следы укуса на его шее; при свете дня они смотрелись ещё ужаснее — свежие ранки с запекшейся светящейся кровью. — Нельзя сказать, чтобы это было так уж далеко от истины: пусть я хожу, однако я уже мёртв. Да и ходить, похоже, мне осталось недолго.

— Не понимаю... — у Гарри ум заходил за разум, — а как же противоядие?..

— Никакого противоядия не было, — тихо возразил Драко. — Да, Гермиона любила его так именовать, однако никогда не подразумевалось, что меня можно вылечить — разве что чуть отсрочить смерть...

— И насколько отсрочить?

— Полагаю, речь шла о неделях. Впрочем, какая разница... Когда Гермиону похитили, — Драко развёл руками, — всё противоядие, что было, отправилось вместе с ней. И у меня нет ни капли.

— Почему ты мне не сказал? — резко спросил Гарри. — Мы бы задержались, приготовили ещё...

— Гарри, да я не знаю, как его готовить, — улыбка Драко была сумасшедше спокойной, как если бы яд и бесконечная усталость лишили его даже способности волноваться о собственной кончине. — Знала только Гермиона, — пауза. — Не знаю, есть ли толк в моих извинениях, но, как бы то ни было, прости.

Гарри мог только хлопать глазами. Губы Драко произнесли «прости», однако глаза сказали совсем иное.

Я так устал, что мне на всё наплевать.

— За что ты просишь прощения? — наконец спросил Гарри. — За то, что умираешь? Или за то, что не сказал мне об этом? Я знаю, почему ты мне не рассказывал, — думал, мне всё и без того ведомо.

Драко едва заметно кивнул, будто боясь, что и этот жест может лишить его драгоценных сил. Он избегал встречаться взглядом с Гарри, потому смотрел куда-то за него, словно прикидывая, как перебраться через кипящую на дне ущелья реку. В серых глазах-зеркала Гарри мог видеть отражение мутных чёрных вод.

— Я не знал, — произнёс Гарри почти шёпотом. —

Прошу, поверь мне — я действительно не знал.

Будто испугавшись мольбы в его голосе, Драко резко взглянул прямо на него, и Гарри впервые заметил, как, словно кислота прекрасную картину, яд пожрал былую красоту слизеринца, оставив лишь кости и тени: бескровные губы, синие круги под глазами — единственное цветное пятно — и бурлящую на дне глаз чёрную воду.

...Да как мне в голову могло прийти, будто он поправился...

— Я знал, что ты не в курсе. Но вижу, теперь-то ты понял.

— Спасибо... — тихо ответил Гарри, и часть его всё никак не могла прийти в себя от того, как безобразно они вели себя по отношению к друг другу ещё совсем недавно. Давешний гнев ушёл, и они общались с бережностью и заботой пришедших на похороны людей.

— Я извиняюсь не за то, что умираю, а за то, что не иду с тобой.

— Но ты же идёшь со мной, — возразил Гарри и тут же осёкся, осознав, о чём это Драко. Паника тысячекрылой стайей забилась в его груди.

— Нет. Ты ведь не об этом. Ты же не имеешь в виду, что хочешь остаться тут.

Драко лишь улыбнулся — впрочем, это подёргивание губ меньше всего напоминало именно улыбку — и снова уставился мимо Гарри, на беснующуюся воду.

— Умирая однажды, я видел реку... Знаешь, когда мы вылезли из пещеры, мне вдруг показалось, будто я опять умер и вернулся в то место. И — поверишь ли? — я обрадовался, подумав о переправе на ту сторону. Переправе в один конец. Я обрадовался, подумав, что могу остаться и отдохнуть...

— Ты же сказал, что не хочешь умирать...

— Нет. Хочу остаться с тобой. Присматривать. Всегда идти рядом. Я имел в виду именно это. Кровь связала нас, Гарри, но не только она — вещи куда более судьбоносные и необъяснимые. Но я... я эгоист: согласись, никому не хочется умирать в семнадцать лет, — а потому я хочу жить, оставаясь молодым... и быть рядом с теми, кого я люблю... Хочу путешествовать, хочу увидеть мир. Потом ещё хочу жениться и когда-нибудь обзавестись детьми... И безбоянно забавовать их, превратив в изрядных засранцев... А потом отдать концы в собственной кровати — чтобы мне было при этом лет под двести и чтобы причиной моей смерти стало проклятье чьего-нибудь ревнивого мужа.

— Ага, а теперь ты скажешь, «много хочешь — мало получишь».

— Ничего подобного. Однако, Гарри, я едва стою на ногах и сам не знаю, сколько ещё смогу идти... А вскоре я в придачу ещё и ослепну — пойми, я просто не доберусь до того места, куда ты направляешься, стану просто обузой.

Гарри протянул руку, взял Драко за запястье — тонкое и костлявое, будто связка прутьев, где под холодной кожей бился пульс, отдавались удары сердца, что гнало по телу отравленную кровь.

— Если ты не сможешь идти, я тебя понесу. При помощи магии, на руках — как угодно. Ослепнешь — стану твоим поводырем. Возьми мою силу. У меня её предостаточно. Прими же её.

Он крепко стиснул руку Драко, будто пытаясь таким образом вдохнуть жизнь в друга — вдохнуть её через кровь и плоть, через связавшую их навеки магию.

Жилка под его пальцами забилась сильнее, и, подняв взгляд, Гарри увидел, как скулы Драко порозовели, покрывшись неровным румянцем.

— Прими её, Драко. Ибо я не оставлю тебя здесь.

— Гарри... — неверным голосом начал Малфой, но умолк и через миг снова заговорил, в этот раз уже больше походя интонацией на себя самого, прежнего. — Эй, Гарри, ты меня кости ломаешь.

Отчаяние ударом кинжала пронзило Гарри, он отшатнулся, отпустив Драко, и резко отвернулся,

установился в реку, сам не понимая, чего ему так отчаянно хочется: плакать, кричать или же как следует вмазать кулаком по камням.

— Какой же я дурак... — прошептал он. — О чём я только думаю... Я же не могу передать тебе свою силу... её же так не передашь...

Позади хрустнула галька. Драко подошёл, встал за плечом, и они молча воззрились на ущелье и на яростную реку, прогрызшую себе путь сквозь камни, на тернии, заповитившие берега, на петляющую сквозь них тропу, на отвесный утёс.

Лёгкая рука легла Гарри на плечо.

— Передашь, — возразил Драко. — И ты передал.

Развернувшись, Гарри встретился с его решительным взглядом, и сердце кувыркнулось в глотке.

— Ты хочешь сказать...

— Надо идти, — коротко ответил Драко. — До сумерек переправиться через реку будет проще.

Он распрямился, двигаясь со старицкой осторожностью и неторопливостью. И всё же пошёл вперёд. Гарри, чуть помедлив, зашагал следом.

* * *

Это было уже третье её столь странное пробуждение. На этот раз, очнувшись, Джинни увидела над собой синий бархатный балдахин, поддерживаемый четырьмя колоннами красного дерева. Сама она лежала на кровати под ним.

Джинни снова смежила веки.

Замечательно. Брюки, полные огня, вновь приветствуют меня. Как знать, может, на этот раз я действительно умерла.

Она подняла руки, закрыв лицо, и ощутила шершавость наложенных повязок.

Глаза снова распахнулись, она села и огляделась, обнаружив себя в крохотной комнатке, вырезанной прямо в скале, судя по каменным стенам. Кто-то уложил её на льняные простыни и прикрыл тяжёлым бархатным покрывалом с узором из чёрных шипов.

В медной курительнице рядом с постелью дымился ладан, с противоположной стены смотрело обрамлённое золотом зеркало, в котором она увидела себя — фигурку с рыжими волосами, почти полностью заматанную в бинты — повязки были не только на руках и, как она выяснила, откинув покрывало, ногах, но даже на голове. Кроме того, кто-то передел её в простую льняную сорочку.

Она прикинула, кто бы это мог быть, потом осторожно подвигала руками-ногами, ожидая укусов боли, однако та не пришла. Тогда Джинни поднялась и принялась изучать себя в зеркале.

Бледная. Зато целая. На лице ни ссадинки, только желтоватый, как старый пергамент, след от сходящего синяка. На шее что-то серебристо блеснуло, Джинни нащупала тонкую цепочку, потянув за которую она увидела круглую серебряную же подвеску. Она остолбенела.

J'aime et j'espere.

Мысли спутались, перед глазами снова мелькнул сад её грёз, потом полное муки пробуждение в склепе рядом с Томом, его руки, вцепившиеся в неё, когда их закружило и понесло...

Она ахнула и выронила кулон.

Рон.

Она повернулась, ожидая увидеть его, — может, даже прямо за спиной — однако комната была совершенно пустой. Но она же видела, его, верно? Или это просто очередная галлюцинация? Кажется... там ещё мелькнул Люциус Малfoy и какой-то кошмарно выглядящий смертельно-бледный человек с красными кошачьими глазами...

Замок щёлкнул, выдернув её из размышлений. Развернувшись, она обнаружила Тома, и рука сама собой взлетела ко рту.

Откуда он взялся? Ведь в комнате не было ни окон,

ни дверей! А он... Он стал другим и, осознав это при его приближении, Джинни шарахнулась прочь.

Если в нём и оставалось нечто от Симуса, то теперь оно исчезло окончательно, превратив Тома в того, кем он был раньше, — кем он был, шагнув к ней из дневника; он пришёл таким, каким Джинни запомнила его, каким он маячил в смутных видениях и грёзах.

Чернильно-чёрные волосы, белое, как бумага, лицо. Полные нездорового огня синие глаза, сияющие из-под чёлки, двумя газовыми горелками. Даже одежда снова была старомодной: сюртук, белая рубашка и небрежно брошенная тёмная мантия.

Том ухмылялся.

— Вирджиния... Ты скучала по мне?

— Том, — прошептала она. — Что ты с собой сделал... Что сделали с тобой?

— Гламур... — он протянул руки, искоса окинув её недобрый взглядом. — Мне помог мой старший я. Нравится?

— Старший ты? Ты имеешь в виду Вольдеморта? — горло перехватило от ужаса.

— Именно. Люциус доставил нас к нему. А Люциус весьма умён, играя сразу на обе стороны... Я в восхищении. Конечно, это не значит, что я не прикончу его потом, однако... Потрясающе.

— Мне казалось, ты ненавидишь Вольдеморта... Хочешь уничтожить его.

— Было дело, — усмешка Тома стала шире. — Похоже, старику я приглянулся: видишь, он исцелил тебя по моей просьбе, пристроил в эту комнату, дал новую одежду, вернул мне мой истинный облик... И пообещал посадить по правую руку от себя, когда мир покорится его власти.

— Ой, Том... Но ведь ты бы никогда не согласился стать правой рукой — кого бы то ни было...

— Истинно так, — усмешка Тома растаяла, став таинственной улыбкой. — Но он-то этого не знает. Он показал мне, как будет происходить Ритуал. Весьма своевременные и очень полезные сведения. Один человек становится в центр круга и произносит имя Бога, когда тот появится в зеркале. Старикан-то думает, что это будет он... — синие глаза полыхнули. — У меня имеются возражения.

— Сам себя предашь?

— Молодым везде у нас дорога, — и Том подкрался к Джинни. Действительно, именно «подкрался»: ступая мягко и бесшумно, будто пантера, он приблизился и протянул руку, коснувшись её волос. — И когда свершится это, маги всего мира будут пресмыкаться перед нами... — промурлыкал он.

— Пресмыкаться? — отдернулась от его руки Джинни.

Том задумчиво воззрился на неё.

— Я собираюсь править миром вместе с тобой. Я долго думал о наших узах, Вирджиния. Сначала посчитал их ненавистью. Банально. Люциус полагал, будто это любовь. Абсурд. Но я наконец-то понял, кто ты для меня. Ты — соединившие меня с этим миром узы. Когда Ритуал свершится, от великолепия моей силы можно будет ослепнуть: моря будут расступаться от взмаха моей левой руки, горы — рассыпаться от мановения правой. Я смогу уничтожить мир в одно мгновение, но чем тогда останется управлять? — Том не касался её, однако Джинни совершенно отчётливо представляла себе скольжение этих пальцев по волосам... щеке... Он продолжил говорить настолько тихо, что едва можно было разобрать отдельные слова. — И именно ты предотвратишь это. Вернёшь меня в реальность.

— Да я скорее умру, — еле слышно ответила Джинни, утопая в бархате голоса и синеве глаз.

...А если б так было всегда?..

И мысль об этом перепугала её больше, нежели всё остальное.

— Никогда... Ты никогда не умрёшь, Вирджиния,

душа моя. Ты будешь жить вечно, жить рядом со мной, напоминая мне о приведшей меня в мир плоти, пусть даже остальной мир погрузится в пламя и рассыплется прахом. Придёт конец Вселенной — однако мы всё равно будем вместе, правая пустотой...

Он светло улыбнулся своим словам. Джинни захотелось закричать, но она внезапно осознала, что утратила способность издавать звуки вообще; вцепившись

в раму зеркала, она только смотрела на него. Том повернулся, пошёл прочь, сверкая серебристой отделкой мантии.

Снова открылась дверь, хотя она её и не увидела, — и он, так и не обернувшись, просто исчез.

Пальцы Джинни разжались. Она беззвучно осела на пол.

Глава 15. И пал свет.

*Коли придется мне уйти,
Любимая, не говори:
«Увы, меня забыл он».
Ты ждать сумей и песни пой,
Храня души спокойный сон.*

*В долине Смерти кровь и боль,
И диких тварей там юдоль.
Душа оцепенела.
Средь блеска звёзд и монстров рёв
Ты мне с небес пропела.*

Алун Льюис. P.S. к Гвено

— Бли-ин... — Эйдан Линч покрутил головой, ознакомиваясь с обстановкой. — Однако этот Гарри Поттер разнёс твою хату просто вдребезги и пополам, Вик.

— Не называй меня «Вик», — огрызнулся наматывающий круги по комнате Крум. Он не мог оторвать глаз от бардака в спальне: распахнутый и вывернутый наизнанку гардероб, верёвки, болтающиеся на столбиках кровати, расшвыренные клочья бумаги, распахнутое окно, из которого в комнату лился холод. А также сброшенное на пол и изгаженное чьими-то грязными ботинками синее вязаное покрывало.

— Если Гарри переживет все свои нынешние проблемы, я непременно осчастливорю его здоровенным счетом за этот погром.

— Да уж... — Эйдан Линч подцепил привязанную к кровати верёвку. — А чувак знает толк в вечеринках.

— Итак, что у нас тут? — заглянул в комнату Сириус — усталый, взъерошенный, с залёгшими под глазами тенями. — Зацепки есть?

Эйдан запихнул верёвку в карман и пожал плечами:

— Ничего существенного: Гарри тут переоделся, прихватил кое-какое оружие. Что-то пригорело на кухне — понятия не имею, что именно. А что вы нашли?

Суриус мотнул головой:

— Через камин в гостиной велись разговоры, однако зола давно остыла, так что я ничего конкретного сказать не могу, — он посмотрел на Виктора: — Спасибо, что приютил Гарри, — эта фраза прозвучала заметно мягче предыдущих.

— Это Флёр настояла, — ответил Виктор, — я согласился только под её давлением, — он обвел комнату мурмыром взглядом. — Покрывало вязала моя мама, — он наклонился к нему и оцепенел.

— Что такое, Виктор? — напрягся Сириус.

— Кровь, — и действительно, под отброшенным в сторону покрывалом пол был в густых чёрных подтёках. Линч распинал усыпавшие пол бумаги, под которыми обнаружилась ведущая к дверям жирная кровавая полоса.

— Кого-то волокли... Кого-то окровавленного... раненого... потом перенесли через порог...

— Спокойствие, только спокойствие, — в дверном проёме появился Ремус, — это не Гарри и не Драко, — он недовольно передёрнул плечами, не сводя глаз с Сириуса. — На крыше труп. И...

— И что?.. — Сириус всё ещё не отошел от шока при виде крови.

Ремус вздохнул:

— Сам увидишь.

Они двинулись наверх, возглавляемые Виктором: солнце почти село, западный край пражского неба переливался алым и золотым. И Ремус был прав: на крыше действительно лежал покойник: мужчина в чёрном с перерезанной глоткой окаменел, выгнувшись дугой в кровавом озере. А вокруг столпились фестралы — пять или шесть, они окружили труп, погружая морды в кровавую жижу. Поднявшиеся на крышу люди были встречены вскинутыми головами и нервным ржанием.

— Это из-за меня, — пояснил Ремус. — Даже кони мертвецов не выносят волков...

Виктор мрачно таращился на тело:

— Это один из людей Вольдеморта. А фестралы — просто мухи, слетевшиеся на падаль. Мне разогнать их?

— Что-то я не пойму, о чём вы, — жалобно вклинился Эйдан.

— Считай, тебе крупно повезло, — откликнулся Сириус. Судя по глазам, он от беспокойства места себе не находил.

— Это не просто мухи, — Ремус замотался в мантию и медленно приблизился к фестралам; два попятись, один взмыл в воздух. Люпин замер, тихо забормотал, потом — ещё медленнее — приблизился к самому крупному и, наклонившись, зашептал что-то в подрагивающее ухо. Фестрал заржал в ответ — низким, утробным звуком, крайне неприятным для слуха.

Ремус распрямился.

— Мальчики верхом отправились в крепость где-то в румынских горах. Этот фестрал знает, где конкретно и, если мы пожелаем, доставит нас на место.

Сириус стоял, разинув рот:

— Я и не знал, что ты способен разговаривать с фестралами...

— Я овладел массой мёртвых языков, — слабо улыбнулся Ремус.

— А вот каламбурить так и не научился, — теперь Сириус тоже стоял рядом с крылатым конём. Схватившись за гриву, он взлетел ему на спину, а потом протянул руки, помогая взобраться Ремусу — вскарабкавшись, тот покрепче ухватился за мантию Блэка.

— Нам отправляться следом? — поинтересовался Виктор, изучая фестрала с некоторой неприязнью.

— Нет, вы остановитесь и свяжитесь с Дамблдором, расскажете, что произошло, — приказал Сириус. — Поглядим, кого он пошлет за нами... Чёрт! Пусть сам отправляется — есть у меня ощущение, будто нам потребуется вся возможная помощь. Спасибо, что поспособствовал, Виктор...

Крум кивнул.

— И... Эйдан...
— Да? — вскинул голову Линч.
— Ты болван, — Блэк вонзил колени в фестраловы бока, и тот унес их с Люпином в ночное небо.

* * *

— Вот и приплыли, мальчики, — обращаясь в некотором смысле к самому себе, произнес Драко. — Да... это мы удачно заглянули. Ну, пришла пора повеселиться.

Они стояли на гряде. Внизу расстилалась долина. Тропинка резко ныряла вниз, петляя меж устрашающе острых скал и соскальзывая с глинистых обрывов прямо в долину, что была окружена горами, заснеженными вершинами которых терялись в облаках.

В центре долины вздымалась крепость — признать, после хогвартских зубчатых башенок Гарри ожидал узреть нечто более замкоподобное, ибо то, что предстало перед ним, являлось натуральным фортом: по одному окну на каждой стороне, причём на недостижимой высоте, толстенные грубо отёсанные каменные стены и сторожевые башни по углам.

Гарри изогнул бровь:

— Внушает.

Тонкая рука Драко указующе махнула в сторону замка:

— Ах, эти воспоминания... — ностальгически вздохнул он, — детство... лето в деревне... Когда слуги выказывали неповиновение, домашние грифоны уносили их в далёкие горы и швыряли на скалы. А матушкин пекинес как-то был сожран вампирами... Куда уходит детство... Радужные деньки... — он завершил сентенцию эглической улыбкой. — Ах, как же быстро они выцвели.

Гарри поскрёб грязной рукой лоб:

— Да-а... Самое то для лета, Малфой. Позволь полюбопытствовать, где ты, в таком случае, проводил Рождество? В Мордоре?

— На самом деле в «Мире Диснея», однако даже не представляешь, насколько в правильном направлении ты мыслишь.

— Ну, коли ты так говоришь... — Гарри прищурился, сияясь пронзить взглядом быстростгущающиеся сумерки.

У подножия крепостных стен суетилась охрана, издали напоминающая чёрные ручейки муравьёв; на крыше пылали огни, и тёмные завитки дыма кудрявились в синем воздухе. Гарри сделал ещё шаг вперед. Под ботинком что-то металлически хрустнуло. Он опустил удивлённый взор: в серой глине что-то блеснуло. Погнутая застёжка для плаща тёмно-золотистого сплава с багровым камнем посередине, чем-то похожим на полуприкрытый сонный глаз. Он узнал её немедленно, такую ни с чем нельзя было спутать:

— Это Рона.

Драко подошёл и стал рядом, справившись с восхождением как-то до странного быстро. Слизиринец выглядел усталым, но не сильнее, чем раньше, — разве что тени под глазами поглубже ещё больше.

— Уизли, говоришь? Да, припоминаю — кажется, он постоянно её носил. Меня ставило в тупик его стремление всё время таскать на себе в качестве украшения окаменелый глаз василиска. Это как-то уж слишком по-слизирински.

Гарри сжал фибулу в кулаке.

— Значит, Рон тут...

— Вроде бы мы здесь очутились именно по этой причине, разве нет? — заметил Драко.

— Конечно... просто... всё равно это как-то слишком внезапно, — Гарри стиснул застёжку и сунул её в карман. Затем перевёл дрогнувшее дыхание и потянулся к мечу.

— Пора. Вытаскивай свой меч, Малфой.

Драко взглянул на него из-под полупущенных век — в упор, но чуть отчуждённо, словно бы сквозь

стекло. Сейчас, засыпанный от волос до ботинок серой пылью, он походил на призрак. Потом, наклонившись к Гарри, он внезапно коснулся быстрым поцелуем его щеки своими сухими от усталости и грязи губами:

— Ave, Caesar. Morituri te salutant, — и тут же отстранился, встретившись с ошеломлённым взглядом.

— Это что — типа «да»? — уточнил гриффиндорец.

Драко обнажил меч, тускло блеснувший в закатных лучах.

— Это типа «двум смертям не бывать, а одной...» — он отпихнул Гарри и оказался первым, кто шагнул на ведущую к крепости финишную прямую.

* * *

— Никогда... Ты никогда не умрёшь, Вирджиния, душа моя. Ты будешь жить вечно, жить рядом со мной, напоминая о приведшей меня в мир плоти, пусть даже оставшая вселенная погрузится в пламя и рассыплется прахом. Придёт конец всему сущему — однако мы всё равно будем вместе, правя пустотой...

Он светло улыбнулся своим словам. Джинни захотелось закричать, но она внезапно осознала, что утратила способность вообще издавать какие-либо звуки; вцепившись в раму зеркала, она просто смотрела на него. Том повернулся, пошёл прочь, сверкая серебряной отделкой мантии.

Снова открылась дверь, хотя она её и не увидела, — и он, так и не обернувшись, просто исчез.

Пальцы Джинни разжались. Она беззвучно осела на пол.

Она не знала, сколько просидела так, свернувшись клубочком и давясь слезами, пока какой-то звук не заставил её поднять голову. Звук открывшейся и закрывшейся где-то далеко двери. Она вытерла глаза тыльной стороной руки и поспешила подняться на ноги.

...Том, — ужас обуял её, — он возвращается.

Правая рука сама собой вцепилась в кулон на шее.

— Том?.. — прошептала она.

— Нет, — откликнулся знакомый голос, — это не Том.

Зашуршала ткань, и из ниоткуда возникли две белые руки, а следом — знакомая голова с каштановыми волосами. Джинни в оцепенении захлопала глазами, когда мантия-невидимка — а что это еще могло быть? — упала. Перед ней стояла Гермиона — в рваных джинсах и старой паddlмерской майке.

— Честное слово, Джинни, ну ты даёшь, — покачала она головой, — это же надо так вляпаться...

* * *

— Гермиона! — Джинни едва не кинулась подруге на шею, но замерла при виде хмурого лица. — Как я рада тебя видеть... В смысле — не тому рада, что ты тут, потому что кошмарней место встречи придумать сложно, — я просто рада видеть знакомое лицо... — неуклюже закончила она. — И рада, что ты жива-здорова.

— Вовсе нет, — вздохнула Гермиона. — Я не жива-здорова. Как, впрочем, и остальные.

— Я знаю, — кивнула Джинни, — я только что говорила с Томом. Он хочет...

— Я слышала, — устало махнула рукой Гермиона, — вернее, слушала. Прости, конечно, что оказалась невольной свидетельницей, однако я совсем даже не предполагала, что Том заявится так внезапно. И уж точно не ожидала, что он начнёт таким образом признаваться тебе в любви. Честное слово, Джинни, тебе не кажется, что ты со своей тягой к мальчишам-плохишам зашла как-то чересчур далеко?

Джинни плюхнулась на кровать.

— Он вовсе меня не любит. Ты же слышала его слова — я просто напоминаю ему о тщете всего сущего или типа того.

Гермиона закатила глаза:

— Слушай его больше. Правда в том, что, глядя на тебя, он чуть ли не слюной захлёбывается — господи, какая гадость, какая мерзость, какая удача — надо использовать это в нашу пользу, — она сунула Джинни в руку какой-то принесённый с собой свёрток. — Переодевайся.

Джинни развернула: в руках заструилась синезелёная ткань — платье с золотисто-зелёной вышивкой по лифу.

— Хочешь, чтобы я это надела?

— Нет! Хочу, чтобы ты запекла его в пироге, — раздражённо тряхнула головой Гермиона. — Да, я хочу, чтобы ты надела это платье и ради меня пошла и переговорила с Томом. Чем ты красивей, тем быстрее размякнет его мерзкое чёрное сердчишко и тем быстрее он даст тебе то, о чём ты попросишь.

— Ты хочешь, чтобы я попросила об отмене церемонии... Он ни за что не согласится, Гермиона...

— Знаю, — медленно кивнула та. — Я вовсе не хочу, чтобы ты просила отменить церемонию. Напротив — ты должна сделать всё, чтобы она состоялась.

* * *

Из зеркала на Джинни смотрела прекрасная незнакомка. В голубом платье, которое она натянула прямо поверх белой ночной рубашки, Джинни выглядела по-королевски величественно. Да, с такой особой будут считаться. Она перевязала забранные назад волосы лентой и повернулась к подруге.

— Грандиозно, — произнесла Гермиона.

— Спасибо, — деревянным голосом поблагодарила Джинни.

Гермиона слабо улыбнулась — на её щеках обозначились ямочки:

— Рисенн сказала, будто платье заколдовано, чтобы смотреться идеально, кто бы его ни надел. Я вот думаю — наверное, Малфои всегда носят одежду из зачарованной ткани, дабы производить неизгладимое впечатление на окружающих...

— Рисенн? — прищурилась Джинни. — Так ты у неё его раздобыла? — Гермиона кивнула, и Джинни показала головой: — Или ты с ума сошла? Как можешь ты ей доверять?!

— Я знаю. Прости, — вздохнула Гермиона, присаживаясь на кровать и запуская пальцы в растрёпанную шевелюру. — Наверное, я всё же немного истеричка: весь этот план и... ну... — она осеклась и крепко зажмурилась. — Джинни, у нас только один шанс. Единственный шанс всё остановить. Я думала, что сделаю это вместе с Гарри... Но его тут нет, и я до смерти боюсь за него... И за Драко тоже... Я-то думала, они будут рядом, но увь — я одна, совсем одна, и мне так страшно...

— Ничего подобного, — возразила Джинни. — В смысле — ты не одна.

Гермиона открыла глаза и снова уставилась на Джинни, будто бы впервые увидев её — именно её саму, а не завернутую в блестящую упаковку кульминацию всего задуманного.

— Знаю... — её голос смягчился. — Спасибо тебе за храбрость. Хочешь еще раз пробежаться по основным пунктам?..

— Нет, — медленно откликнулась Джинни. Неужели у неё действительно есть сила, которую в ней видит Гермиона, — сила, при помощи которой она одолеет Тома? Она сама в этом почему-то сомневалась. — Нет, план я поняла, я знаю, что должна сказать.

— Отлично, — кивнула Гермиона.

...А у нее измочаленный вид, — осознала Джинни. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, синяки на скулах.

— И ещё — не вздумай хоть кому сболтнуть, что я жива или что ты меня видела. Никому, даже Драко или Гарри. Поняла? Пообещай, пожалуйста.

— Поняла, — тихо кивнула Джинни.

Гермиона слабо улыбнулась.

— Не сомневаюсь. Я в тебя верю, — она поднялась и исчезла, закутавшись в мантию. — Теперь самое время довести до ума мою часть... — произнёс откуда-то слева от Джинни её голос.

Джинни опустилась на кровать, и радужный шёлк зашелестел.

— Гермиона...

— Да?..

— Удачи.

* * *

— Тут нет двери! Почему ты не предупредил, что дверей не будет?

— Раньше тут была дверь, — голос Драко был таким же измученным и усталым, как и голос Гарри. — В смысле, если тут её не было, то мой разум не в состоянии уловить, как мы входили и выходили из этого чёртового местечка, — он поскрёб загревок. — Может, стоит обойти замок ещё разок?

— Мы уже три круга намотали, — сообщил Гарри, осторожно выглядывая из-за валуна, который они выбрали в качестве укрытия, заведя приближающийся отряд стражников. Сейчас дозор уже ушёл, однако дверь от этого не материализовалась — ни дверь, ни какой-либо другой вход.

Ситуация начала приобретать какой-то дурацкий оборот.

— Надо придумать что-нибудь ещё. К счастью...

— Только не это! — взвыл Драко.

— ...у меня есть план, — закончил Гарри.

— Господи, а я-то надеялся, что окончу свои дни, так и не услышав от тебя этой фразы.

— Это хороший план, — уточнил Гарри, надеясь, что дрогнувший голос будет воспринят как обиженный тон: он ненавидел, когда Драко в очередной раз заводил песню о собственной смерти. Пусть он знал, почему тот так поступает, — легче от этого всё равно не становилось.

Драко прислонился к валуну.

— Валий, Поттер, выкладывай.

— Короче, так: один из нас должен пробраться внутрь...

— Я бы сказал — даже оба. Так что твой план не годится с самого начала.

— Ничего подобного!

— Ах, прости: конечно же, мне стоило сказать — нигде не годится иди же вообще «полный отстой». Ты в курсе, настолько я не переносу столь примитивный жаргон, и тем не менее...

— Малфой, умолкни хоть на секунду и послушай, — Гарри помедлил немного, пытаясь привести мысли в порядок, затем продолжил: — Итак, тут нет дверей, верно? Значит, нам остается либо пролезть внутрь через окно, либо взобраться на крышу.

— Стены не слишком подходят для того, чтобы по ним карабкаться, — приподнял брови Драко, — полагаю, имелись причины сделать их гладкими, не находишь?

— Нахожу, нахожу. Я и не предлагал по ним карабкаться.

Брови Драко оставались приподнятыми:

— Тогда как?..

— Один из нас ливизирует другого, — предложил Гарри. — Думаю, ты — меня, а потом, пробравшись в крепость, я помогу войти внутрь тебе.

— А, ну да, конечно, ведь тебе же известны все ходы и выходы, — резко заметил Драко. — Уж если кого и зашвыривать внутрь, то по всем причинам это должен быть именно я: я *знаю* внутреннюю планировку, я *знаю*, как добраться до главного входа, я *знаю*, как вернуться обратно, избежав встречи со стражей. Кроме того, моих сил сейчас не хватит даже на то, чтобы и мышью ливизировать — а она, согласись, куда меньше такого дылды, как ты.

— Ага, так, значит, в общем и целом это всё же хороший план!

— Я этого не говорил. Это просто ужасный, донельзя дурацкий план. И потом, кстати говоря, левиознуть человека куда сложнее, чем ты думаешь. Могу сказать на собственном примере...

— Знаю, — перебил Гарри, — Гермиона рассказывала, но ведь тогда вы оба использовали Подъёмные Заклинания, а сейчас всё пойдёт как по маслу. И потом, — добавил он, — у тебя всё равно нет идейки получше, верно? — Драко ответил яростным взглядом. — Так я и думал, — Гарри поднял правую руку, и шрам на ладони забелел в свете поднимающейся луны. — Готов?

Драко с видом побеждённого отошёл от камня и сунул руки в карманы.

— Эти дебилские гриффиндорские планы — вечно балансируешь между жизнью и смертью... Давай уж, что ли, не тяни...

— Wingardium Leviosa! — воскликнул Гарри, вмиг ощутив знакомую пульсацию энергии в руке, и Драко поднялся в воздух — не так, как сделал бы это, будь он верхом на метле, а словно вздёргнутый вверх невидимыми нитями. Гарри поднимал руку выше и выше — и Малфой взмывал вверх, пока его сияющая шевелюра не растаяла в сумерках, а сам он не обратился в тёмную точку, быстро и целеустремлённо поднимающуюся вдоль крепостной стены.

Сделав шаг от валуна, Гарри прищурился... и напоролся на вывернувшийся аккурат в этот момент из-за угла патруль. Он услышал яростно-удивлённый вопль, покачнулся; один из охранников тут же вцепился в его поднятую руку: Гарри увидел, как маленькая точка, являвшаяся Драко, резко метнулась в сторону, а потом с силой шмякнулась об стену. Но тут его окружили люди с оружием наголо, и он потерял слизеринца из виду.

* * *

Гермиона ушла, а Джинни продолжила сидеть, таща на своё отражение в зеркале, висящем на противоположной стене. Она походила на призрак — неуместного, едва реального: бледное взволнованное лицо над ярким платьем, и всё это в обрамлении тёмного прикроватного полого.

Гермиона велела сидеть и ждать прихода Тома. Джинни сама не могла понять, почему она сразу ей поверила, однако альтернатива, состоящая в том, что ей придётся стать содержанкой Тома, когда весь волшебный мир будет корчиться, умирая во прахе, когда дорогие и любимые ей люди будут погибать один за другим...

Да, пожалуй, гермионин-то план всяко получше будет.

Кстати, её всегда интересовало, что в ней такого нашёл Том, — как всё можно объяснить, уложить в слова; и вот сейчас она находилась в смятении: нет, это всё же никак не являлось любовью, что бы Гермиона ни говорила, и всё же...

Нечто странное было в том, как он смотрел на неё, нечто от взгляда Драко — может, только потому, что оба эти юноши хотели её?.. Во всяком случае, Драко её точно хотел однажды. Она не сомневалась в этом не потому, что он поцеловал её тогда, — зная его, она могла с уверенностью утверждать, что поцеловаться с человеком, совершенно для него ничего не значащим, поцеловаться со вкусом, толком, расстановкой — для Драко раз плюнуть. Но вот трепетание его рук, когда он взял в ладони её лицо, оно сказала Джинни гораздо больше, нежели любые слова.

...Едва ли мы увидимся снова, — мрачно подумала Джинни и поднялась, собираясь плеснуть себе на лицо пару пригоршней воды. На полпути она замерла и широко распахнула глаза: за окном маячила какая-то крупноватая для птицы фигура — маячила, приближаясь, пока...

Пока окно не взорвалось, хлынув волной битого стекла, и, несомненно этой волной, в комнату не вплыл Драко Малфой собственной персоной, навзничь хлопнувшись об пол в брызгах серебристых осколков.

Джинни опрометью кинулась к нему — он походил на заколдованного прекрасного принца, чей гроб хрустальный только что разбился.

— Драко? — прошептала она, падая рядом с ним на колени, наплевав на стекло. Бережно убрала с лица его руку, на краткий миг заподозрив, что все уже кончено: удар был просто жутким. Тем паче, что Драко лежал, неподвижный среди угрожающе поблёскивающего битого стекла, весь посечённый осколками — лицо, руки, одежда, ставшая лохмотьями... Стиснув его ладонь, она наклонилась ближе и повторила: — Драко?..

Он открыл глаза — именно такие, какими она их и помнила: удивительно чистого серого оттенка, без примесей коричневатого или же голубого. Эти глаза медленно и потрясённо изучили её лицо, потом губы дрогнули, будто бы он собирался что-то сказать, и она, нежно сжав его руку, безмолвно попросила не останавливаться, а потому он наконец заговорил. Тихо, словно бы даже в некотором смятении:

— Джинни-чтоб-тебя-Уизли. Ты-то что тут делаешь?!

* * *

Больно. Очень больно.

Это было первое, что он осознал, очнувшись. Туго связанные за спиной руки болели — резко в запястьях, тупо в плечах. Голова гудела так, будто он бился ею об печную трубу. Застонав, Рон перевернулся и осмотрелся: он лежал на какой-то металлической платформе, подвешенной на цепях к потолку Церемониального Зала. Прыгать было высоко даже с развязанными руками и даже не на каменный пол.

Само по себе помещение напоминало конус со снятой вершиной — сквозь отверстие наверху Рон видел небо, звёзды и льющую-серебряную луну. Внизу тускло поблёскивали зеленоватые каменные плиты изукрашенного затейливым узором пола, по центру которого какой-то чёрно-красной краской (как надеялся Рон) была выведена пятиконечная звезда, по четырём лучам которой располагались четыре предмета: зеркало, кинжал, меч и чаша. Чашу он узнал немедленно — та самая, которую они с Гарри и Гермионой стащили из музея.

...Значит, церемония вот-вот начнётся, — тупо осознал он.

Покосившись в сторону, увидел копошащегося Червехвоста: тот деловито вкручивал в стену какие-то железные кольца, оказавшиеся, при детальном рассмотрении, кандалами.

Рядом с пентаграммой, беседуя с незнакомым черноволосым юношей, стоял Вольдеморт. Распахнулись двойные двери, в зал вскользнула Рисенн — настолько торопливо, что её смоляные волосы вились за ней, будто по ветру. Она подлетела к собеседнику Тёмного Лорда и что-то зашептала на ухо; коротко кивнув, тот поклонился Тёмному Лорду и вышел, едва не столкнувшись в дверях с идущим ему навстречу Люциусом. Отступив со странной улыбкой на лице, Малфой-старший пропустил Тома, добрался до Вольдеморта и возвестил — достаточно громко, чтобы Рон мог разобрать слова:

— У крепости гости, мой господин. Их видела охрана.

— Ах-х-х-х... — выдохнул Вольдеморт. — Поттер?

— Да, господин, похоже на то.

Сердце Рона дернулось и отчаянно заколотилось о рёбра.

— Моего сына с ним нет, — добавил Люциус. Вольдеморт приподнял брови. — Полагаю, он умер во время перехода через горы.

— Червехвост! — окликнул Тёмный Лорд. — Одну

пару кандалов можешь убирать.

Червехвост выпрямился, блеснула металлическая рука.

— Тем легче, — Рон не понял, имел ли тот в виду кандалы или же вероятную кончину Драко.

— Ну, Поттер — это лучше, чем ничего, — прошипел Вольдеморт. — Наконец-то. Как только он доберется сюда, начинаем церемонию.

Рон понимал — для него это означает верную смерть, и всё же в груди запело: Гарри здесь, Гарри пришел за ним! Впервые за много недель он ощутил вспышку надежды.

* * *

— Чтоб-тебя-Уизли — сказано прямо не в бровь, а в глаз, — огрызнулась, усаживаясь на пятки, Джинни. — До чего же мило, Малфой. Мог бы хотя б для вида изобразить радость.

— Ничего подобного — я вовсе не рад тебя видеть, — он на миг прикрыл глаза: увидев иссиня-чёрные веки, Джинни умолкла, так и не сказав ни одного вертящегося на языке гневного слова. Он тут же встревоженно взглянул на неё снова: — Гарри... — и поднялся на ноги, зазвенев посыпавшимся с него конфетти битого стекла. Юноша вернулся к разбитому окну. Сжавшись от волнения, выглянул наружу. Джинни присоединилась к нему.

— С тобой был Гарри?

— Он меня сюда и поднял, — кивнул Драко. — Решил, что, оказавшись на крыше, один из нас поможет пробраться внутрь другому...

— Пробраться — и что потом? — поинтересовалась Джинни. — Вы решили, будто вдвоем положите всю вольдемортову стражу, да?

Драко метнул в неё сухой взгляд:

— В твоём изложении наш план как-то неважно выглядит, — он снова высунулся из окна, и его напряжение усилилось: внизу сейчас точно никого не было, даже охраны. Только голые камни. Драко зажмурился и вздохнул.

— Драко, а что, если...

— Погоди, — он вскинул руку вверх, будто погружаясь в глубокие раздумья, а когда через мгновение снова открыл глаза, бледные губы сложились в некое подобие улыбки: — С ним всё в порядке, он просто спрятался за угол замка и ждёт, когда я подам знак, — Малфой почесал затылок длинными пальцами. — Полагаю, не стоит тебя спрашивать, в курсе ли ты, где находится парадный вход?

Джинни помотала головой:

— Я даже не знаю, как выбраться из этой комнаты, — призналась она. — Дверей нет, есть только одно окно. И то ты разбил.

— Наверное, ты не прочь его восстановить, — вяло кивнул Драко.

— У меня нет палочки.

— Зато у меня есть, — Драко вытащил свою волшебную палочку из рукава и безо всяких колебаний — к удивлению Джинни — протянул ей. Чужая палочка в твоей руке — м-да, было в этом что-то весьма интимное... Во всяком случае, палочка Драко уж точно переполнялась его индивидуальностью, хотя как она это осознала, Джинни сама понять не могла. Если для палочек существовало такое понятие как «настроение», то эта, несомненно, наблюдала за ней с «холодным удивлением». Драко проводил её слабой улыбкой:

— Вперёд, она — хорошая девочка.

Гриффиндорка взмахнула рукой и быстро репарировала окно: осколки слетелись воедино в целёхонький квадрат, а Джинни меж тем искала изучала Драко: выбеленная, словно кость, кожа, синюшные круги под глазами, бескровно-белая линия губ.

— Драко, может, тебе присесть? — предложила она, опуская палочку.

Даже это мимолётное движение было настолько усталым, что сердце оборвалось у Джинни в груди: когда

он пошёл к кровати и осторожно опустился на неё, она отметила выверенную чёткость движений; присущая ему грация никуда не исчезла, однако же появилась некая неуверенность, которая никогда с ним не ассоциировалась. Привалившись к подушкам всё с тем же рисунком из чёрных терний, он начал рассматривать свои руки, все в мелких порезах — белые линии на белоснежной коже.

— Можешь себе представить, я этой комнаты не помню, — заметил он, — может, потому что её использовали в качестве камеры. Хотя всё равно отсюда должен быть выход, ведь другие же как-то входят и выходят, верно?

— Наверное, — неуверенно согласилась Джинни, которая не видела Тома выходящим — она закрывала руками лицо. Тут ей пришло в голову, что Драко, в принципе, стоит рассказать о Томе; она медленно подошла к кровати и присела, поглядывая на Малфоя, возлежащего на чёрных покрывалах. Чёрный всегда шёл ему, служил прекрасным фоном для его льдистой красоты. Вот и сейчас — бледный до белизны, почти прозрачный, — и всё же прекрасный вопреки усталости... Ей показалось, будто она прямо сквозь него может смотреть на свет, и тот непременно будет виден, как просвечивает огонёк газовой лампы сквозь тончайшую папиросную бумагу.

— Я не обратила внимания...

— Тш-ш! — внезапно остановил её Драко и качнулся вперёд, тронул ленту, удерживающую её локоны. — Мне нравится, когда у тебя волосы вот так вот... — он улыбнулся, настолько по-старому знакомому, что у Джинни участился пульс. — Люблю и надеюсь...

Кровь прилила к лицу Джинни:

— Что?

— Подвеска, — рука Драко соскользнула вниз, к ямочке у основания шеи. — J'aime et j'espere... «Люблю и надеюсь»... — Откуда у тебя этот кулон?

— Не помню, — соврала она.

— А, не обращай внимания — простое любопытство, — рука Драко упала. — Дело в том, что у матери был когда-то кулон, похожий на этот. Ей подарил отец. Нечто вроде фамильного сокровища, — он снова улыбнулся. — «Но любовь продолжает надеяться там, где разум впадает в отчаяние...» — прелесть, что за сантименты, а?

— Не нахожу, — возразила Джинни, — я знаю: тебя тошнит от сантиментов.

— Сейчас слово «сентиментально» я использовал в его весьма узком смысле, дражайшая моя, — лёгким взмахом руки Драко вновь напомнил ей того, кем когда-то являлся. — Сие подразумевает, во-первых, выражение некой мысли, во-вторых, поведенческую особенность, в-третьих, крылатое изречение, в-четвёртых...

— Довольно, — голос Джинни прозвучал настолько яростно, что Драко потрясённо умолк.

— У, какая бука... Я думал, что нравлюсь тебе в своей педантичной ипостаси.

— Не в такой, — возразила она, туго наматывая простыню на кулак, — и будь любезен, не зови меня больше «дражайшей», особенно после того, как сообщил, что совсем не рад меня видеть.

— А ты забавная штучка, Джинни, — тон Драко остался лёгким, однако глаза вспыхнули сталью, — хотелось бы мне знать, что бы ты делала, окажись взаперти в горящем здании безо всяких надежд на спасение? Пригласила бы друзей поджаривать пастилки?

— Хватит издеваться, — Джинни запоздало отвернулась: несколько горячих слезинок успели упасть на её обнажённую руку — она сама чуть не подскочила от неожиданности.

— Джинни, — сурово, почти угрожающе начал Драко. — Не сейчас.

— Да какая разница, — мрачно отозвалась она. — Всё равно нам отсюда не выбраться. И я обещала... — «Гермионе, что я останусь ждать», — едва

не сорвалось у неё с языка, но она вовремя вспомнила, что дала той слово молчать как рыба.

— Обещала? — переспросил Драко. — Нет, определённо, тут должен быть выход, — он постучал по стене, сдвинул портрет — всё тот же камень. — Я не одобряю пораженческие настроения. Не стены делают тюрьму тюрьмой, а...

— Прекрати! — оборвала его Джинни. Голубое платье взвихрилось вокруг неё, когда она вскочила с кровати. Тяжесть ткани — будто тяжесть цепей. — Я ненавижу, когда ты это начинаешь...

— Ну, раз ты ненавидишь, — ледяным тоном отозвался Драко, — это, конечно, перевешивает наше нынешнее положение. Я не хотел тебя расстраивать.

— Я — не ты, — объяснила Джинни. — Я не могу всё время вести себя героически из принципа. Мне нужна цель, чтобы сражаться.

Драко отпустил картину и отошёл от стены. Впервые за всё время он выглядел слегка растерянным:

— И ты полагаешь, будто я могу помочь тебе обрести эту цель?

— Не знаю, — отозвалась Джинни, приближаясь. — Как ты сам думаешь? Хотя бы раз... — не глядя на него, продолжила она, — хотя бы раз я хочу, чтобы ты ответил мне на один-разъединственный вопрос — ответил по-настоящему, без своей латыни, шуточек, стишков и болтовни. Как считаешь — сумеешь?

— Это смотря о чём ты спросишь, так что поосторожней — сама понимаешь, без латыни, шуточек и стишков я ничем не буду отличаться от других.

— Этого-то я и хочу! — воскликнула она, разворачиваясь к Драко, чью бледность как рукой сняло, — теперь он яростно пылал, а глаза были ясны, словно айсберг. — И потом — можешь не хлопотать, что выросло — то выросло: обычный человек из тебя всё равно уже не получится, как ни пытайся.

— Будем считать, твоя лезть сделала свое дело, — его пальцы танцевали на её запястье, легко касаясь пульсирующей жилки. — Помнится, однажды ты дала мне силы для битвы. Наверное, я должен вернуть тебе долг той же монетой, иначе это будет бесчестно. Спрашивай уже.

— Ты любишь меня?

На миг он замер, только пальцы задвигались ещё быстрее, а значит, он услышал.

— Ты действительно хочешь это знать? — наконец спросил он.

— Да.

— Мы в темнице, ближайшая помощь за тридевять земель, Вольдеморт вот-вот загонит весь мир под свой злобный каблук; лучшее, что ждёт нас — это весьма неаппетитная смерть, а ты хочешь обсудить наши взаимоотношения?..

Джинни кивнула.

— Да, я хочу обсудить наши взаимоотношения.

— Ну, без поэмы тут никак не обойдёшься.

Джинни смотрела на него, не моргая.

— Ты уж попробуй.

— А у нас есть пара минуток до начала Армагеддона?

— Какие ещё будут предположения?

Драко, едва ли не улыбаясь, подошёл к гардеробу и, дёрнув плечами, ударил по нему, тот заскрипел в ответ.

— Значит, хочешь знать, люблю ли я тебя.

— Драко, не юли.

— Я никому никогда не говорил, что люблю.

— Как же так, — удивилась Джинни, — а как же Гермиона?

— Она как-то спросила меня, и я ответил «да». Но я никогда не предлагал свою любовь, ибо это прозвучало бы как оскорбление, — задумчиво ответил Драко, и Джинни поняла, что он говорит чистую, чистейшую правду: пусть не о своих чувствах к ней — зато о чувствах в принципе. — По отношению к ней и к Гарри. Я не мог так поступить.

— Значит, Блэз?

— Мне нравилось смотреть на неё. И мне нравилось, что она любит меня, но я её — нет, во всяком случае, не в том смысле. Я никогда не говорил ей о любви — это было бы неправдой. Раньше я думал, будто вообще никогда не смогу влюбиться, потом мне казалось, что это меня тут же убьёт, — я ошибся и в том, и в другом. Любовь меня не убила, хотя временами, — добавил он сухо, — мне действительно хотелось сдохнуть. И ведь я-то никогда тебя не спрашивал, любишь ли ты меня, верно?

— Я уже отвечала тебе — да. Я знаю, что ты думаешь — будто я люблю не тебя, а того, кого сама себе напридумывала... Это не так. Я не считаю тебя принцем на белом коне, явившимся героически спасти меня — мне не нужно ничего подобного. Мне просто нужен ты — такой, какой ты есть.

— Какой я есть... — с какой-то усталой озадаченностью повторил Драко.

— Да — какой есть, хороший ли, плохой ли, — Джинни осеклась. Драко стоял неподвижно, ожидая продолжения. Джинни почувствовала, как слова рвутся наружу — все мысли о нём, которые она так старательно прятала. — Пусть временами ты трусоват, пусть иногда высмеиваешь то, с чем не согласен, пусть ты эгоистичен и пугаешься собственных чувств... Ты ненавидишь слабость, а потому можешь быть по-настоящему жестоким, в первую очередь — по отношению к себе самому, и тем, кто любит тебя, приходится смотреть, как ты над собой издеваешься. Как, например, сейчас, — запоздало добавила она. — И ты выглядишь просто ужасно.

Он сдавленно рассмеялся:

— Ну, ударь меня, ударь побольней...

— Но в тебе ведь столько хорошего, — продолжала Джинни срывающимся голосом, — я знаю: ты любишь людей, любишь такими, какие они есть... поэтому, по большому счёту, нет смысла спрашивать, любишь ли ты меня: если б любил, ты бы это знал.

Драко потрясённо смотрел на неё, будто Джинни только что дала ему пощёчину.

— Нет. О, Господи, ты же всё перевернула с ног на голову. Это только моя вина, — он шагнул к ней, и теперь они могли дотронуться друг до друга, но Драко не протянул руки.

— Откуда ж мне знать? Я вообще не уверен, способен ли я на любовь, — не в смысле «любовь всей жизни», а только страсть в минуты, когда лучше б обойтись без неё, и полное её отсутствие тогда, когда она действительно нужна... И никто в этом не виноват — разве что мой отец, ведь всё, что я узнал меньше, чем за год — разницу между любовью и ненавистью, Джинни. Я ещё дитя — тебе, возможно, нужен кто-то... повзрослее. Тот же Финниган...

— Мне нужен ты и только ты...

— Знаю... Нечестно, правда? По отношению к нам обоим...

— Но ты же знаешь разницу между любовью и ненавистью, — прошептала она, — ты любишь Гарри...

— ...и буду любить до самой смерти, хотя, полагаю, это уже не бог весть какое обещание с учётом обстоятельств.

— Мне кажется, это совсем другая любовь, — заметила Джинни и продолжила, видя, что Драко не собирается ничего уточнять: — Ты любил Гермиону, был влюблён в неё, и даже тогда, в розовом саду, едва не сказал это.

— Я вот всё думаю, влюбился бы я в Гермиону, не люби её Гарри, — задумчиво произнёс Драко. — Дело в том, что Гарри перенёс в меня частичку себя, когда мы махнулись телами, и самое сильное его чувство осело и во мне... Ничего не изменить, не изгнать, но можно хотя бы объяснить, как мне кажется.

— Ты по-прежнему любишь её... — уличающе сказала Джинни.

— В каком-то смысле да, — легко согласился Драко, — однако я отодвинул это чувство вместе с прочими

детскостями... Да-да, я в курсе, что повторяюсь. Довольно. Джинни, пожалуйста, взгляни на меня.

Она подчинилась. Внутри него всё кипело в огне лихорадки, но глаза были ясными и прекрасными в своей прозрачности.

...Когда он умрёт, они закроются навсегда, — подумала она и тут же яростно отшвырнула эту пронзительную до боли мысль.

— Поверь мне, — продолжал он, — Гермiona не стоит между нами, так что не вини её: не из-за неё я не могу сказать, что люблю тебя. Если кто и виноват, если кого ты и должна ненавидеть — так это меня и только меня. Я изъеден, изломан внутри, я всегда таким был, а времени на то, чтобы собрать себя воедино, уже не осталось — и из-за этого дурацкого надлома у меня украли шанс, такой изумительный шанс просто влюбиться и просто измениться, меня... нас обоих лишили этой возможности. Если б я мог измениться, Джинни, я бы полюбил тебя всеми ошметками, оставшимися от моей души. Но время... на это нужно время, и именно его-то у меня и нет. Я умираю, а любовь не может расцветать в умирающем сердце: с тем же успехом можно выращивать во тьме цветов, поливая его кровью. Понимаешь?

...Нет, — хотела сказать Джинни, но это было бы невежливо; и сквозь всю свою боль и горечь она почувствовала всплеск невероятной жалости: умирающий, нелюбивший и нелюбимый... — это было сущей пыткой для её романтической души, и не только для её, ибо под внешним равнодушием и горечью Драко испытывал то же самое. Жалость, опустошённость, мучительное сожаление.

— Я почти поняла... — начала она, — как бы я хотела, чтобы...

Она осеклась, заслышав за спиной шум и, обернувшись, увидела какое-то движение у гардероба в углу.

Через миг в комнату ступил Том.

...Надо же, оказывается, телепатически всё же можно врать, если ты делаешь это очень аккуратно, а человек на той стороне устал и не слишком внимателен, — отметил Гарри. Он сказал Драко, будто удрал от стражи, — и это было правдой. Ещё он сказал, будто прячется за валуном на вершине холма, — это тоже было правдой. Однако он не сказал, что, судя по всему, его засекли сидеть за камнем ему оставалось не очень-то долго.

Дозорные заметили его несколько минут назад и начали кружить вокруг его укрытия. С каждым разом круг медленно, но сжимался. Осознав, что эти половецкие пляски уже ничто не остановит, Гарри выпрямился, вышел из-за камня и развернулся к преследователям. Донёсся смех.

Он уронил меч и поднял высоко вверх правую руку — теперь наплевать, почует его Волдеморт, нет ли, зато он прихватит с собой столько, сколько сможет.

Они рванулись на холм — целое море чёрных мант, и он уже открыл рот, готовясь произнести Смертельное Проклятие, как вдруг с руки сорвалась вспышка света. Гарри едва устоял на ногах от потрясения — ведь заклинание же не прозвучало, почему, откуда?! И вдруг понял: это вовсе не его рука сияла, это светился рунический браслет на запястье. Свет, сначала мерцающий, становился всё ярче и ярче; вот вольдемортова гвардия попятилась, закрывая лица руками и крича, будто это сияние причиняло боль. Потом стражники начали спотыкаться и падать один за другим, и крики их наполнили ночь...

Гарри ни за что бы не смог описать тот удивительнейший свет, лившийся с его руки: наверное, всё же красный, вот только такой, какого он доселе никогда не видел: алей заката, яснее крови, ярче огня. Он струился, заполняя небеса дневным сиянием, невыносимым для глаз. Гарри сам закричал, отворачиваясь,

однако даже тогда видел свет — остаточными всполохами, отпечатавшимися на внутренней стороне век.

А потом все исчезло в миг.

Небо потемнело.

Гарри медленно открыл глаза. Он стоял в кругу покойников: все стражи были мертвы, повсюду лежали перекуренные тела с раскинутыми — будто в попытке защититься от безумного удара — руками.

Он наклонился за мечом и только тут заметил, что браслета больше нет: выполнив своё предназначение, он исчез вместе с созданным им сиянием, рассыпавшись черным прахом.

Том повернулся к ней, и Джинни подготовилась к появлению на его лице потрясения и гнева, в голове крутились бессмысленные извинения и оправдания по поводу присутствия в комнате Драко.

Том, мне так жаль, я никогда не...

— Вирджиния, Рисенн сообщила, что ты хочешь меня видеть. Надеюсь, ты понимаешь, что я сейчас немножко занят?

Она уставилась на него, он безо всякого интереса, чуть даже скучающе, взирал в ответ. Она медленно повернулась, взглянув себе за спину.

Драко испарился, и это оказалось куда большим шоком, чем внезапное явление Тома: она не была готова увидеть последнего, однако первый-то, первый куда девался?! — от удивления Джинни не удержалась на ногах и опустилась на кровать.

— Вирджиния, — резко произнёс Том, — встань, когда я с тобой разговариваю!

Голова пошла кругом, когда она покорно поднялась, — юбка плеснула на пол синеватым серебром, золотой зеленью; и в тот же миг глаза Тома распахнулись, но сразу же чуть прищурились. Теперь в них вспыхнул огонь — горячий почти до боли, губы чувственно изогнулись...

Она успела только подумать, что Гермiona не ошиблась, как вдруг он уже стоял рядом с ней, стиснув оба её запястья одной рукой, второй же резко сдёрнул ленту с её волос; Джинни сморщилась, но он не придал этому ни малейшего значения, длинные пальцы заплутали в рыжих локонах, когда он раскидывал их по её плечам.

— Предпочитаю распущенные волосы.

— Как тебе угодно, Том.

Он выронил ленту, и та змеей свернулась на полу у его ног.

— Ты меня за этим хотела видеть? — спросил он, легко прикасаясь к её ключицам костяшками пальцев — Джинни почти затрясло от отвращения.

— Нет, — тут же ответила она. Он не отнял руку, но удивлённо приподнял бровь. — Я хотела спросить тебя, могу ли присутствовать на церемонии. Хочу увидеть, как ты обретёшь силу.

— Прекрасно... но на церемонии умрёт твой брат, — небрежно заметил Том, крутя меж пальцев прядку её волос.

— Знаю. Но мне ведь надо привыкать к подобным вещам, верно? Коль скоро я собралась править миром вместе с тобой... — ей было интересно, звучали в голосе переполняющие её тошнота и отвращение или же нет, однако Том едва улыбнулся и, продолжая поигрывать рыжими локонами, подтянул её лицо ближе к своему.

Она знала — он собирается поцеловать её, а потому приложила все возможные усилия, чтобы не шарахнуться прочь. Его рот был холоден и по вкусу напоминал ледяное перекисшее вино, готовое вот-вот обратиться уксусом. Поцелуй закончился, но Джинни не двинулась с места. Мир раскачивался вокруг.

— Ты не приучишься выносить вещи, подобные этим, если не имеешь данной способности с рождения. Впрочем... Когда ты несчастна, ты нравишься мне больше, — Том отпустил её. — Неважно, о чём ты меня

просишь: Тёмный Лорд велел всем присутствовать в Церемониальном Зале в момент обретения им силы и могущества. Предполагаю, он прикуёт тебя к стене. После того, как всё закончится, могу оставить тебя на цепи, — добавил он с улыбкой, — и насладиться тобой таким образом. Думаю, мне бы это понравилось... — он наклонился, будто собираясь вновь её поцеловать, но в этот миг оконное стекло содрогнулось, и комнату залил пугающе яркий алый — будто стены омыли кровью — свет.

Вскрикнув, Джинни зажмурилась, хотя сияние почти тут же начало блекнуть, и заалевшее небо вновь обернулось ночной темнотой.

— Что это было?

Том отпустил её, уставясь на окно из-под полуприподнятой руки, потом, не говоря ни слова, развернулся и кинулся прочь, растворившись где-то рядом со стеной.

...Как он отсюда выбрался? — подумала Джинни. — И что значила эта странная красная вспышка — может, Гарри наконец-то прикончил Вольдеморта, и это было нечто вроде гриффиндорского эквивалента Знак Мрака?

Позади послышалась возня — из-под кровати выбрался чёрт знает на кого похожий Драко. Кашляя, он поднялся.

— Похоже, Вольдемент разогнал всю прислугу: под кроватью просто-таки пугающие клубы пыли. Клянусь — один из них таранился мне прямо в глаза.

Джинни по-прежнему смотрела в окно:

— Откуда этот свет?

— Не знаю, но, похоже, вспыхнул он в самое подходящее время: ещё пара секунд, и я бы вылез из-под кровати и оторвал этому козлу руки. Он сделал тебе больно? — напряжённо спросил Малfoy.

— Том никогда не причинит мне боли, — тускло ответила Джинни.

Драко привалился к прикроватному столбику:

— Поди сюда... — позвал он, и она послушалась, хотя её уже преизрядно достало это «подисюдаканье»; но это был Драко — тот, кого она любила, тот, кто звал её лишь потому, что сам был слишком обессилен и измучен болезнью. С бережностью, на которую Том плевать хотел, Драко убрал с её шеи волосы, нежно прикоснулся к ключицам.

— Что ты делаешь?

— Ищу синяки. Когда последний раз я находился с тобой в одной комнате, моя Джинни, это была вовсе не ты, а многосущная проститутка, которую купил себе Том. Он задушил её и бросил на полу публичного дома.

— А что ты делал в публичном доме? — вспыхнула Джинни.

Драко криво ухмыльнулся:

— Сама понимаешь — я так молод, мне нужны деньги на карманные расходы.

— Заткнись, ради бога! — перебила Джинни и переспросила после паузы: — Что, правда? — он кивнул. — О... какая гадость... — еле выдохнула она. — Несчастная девочка... Это всё из-за меня, да?

— Нет. И довольно нам обвинять себя в том, за что мы не можем ответить, договорились? — он задумчиво изучал её лицо. — А знаешь, он ведь любит тебя, пусть он даже чокнутый психопат, уничтожающий всех на своём пути, он всё же любит тебя — на свой отвратительный манер.

— Н-да... Это куда хуже, чем вовсе не быть любимой, верно?

Тень великой печали скользнула по её лицу.

— Иногда... — согласился он, наклоняясь за лентой, всё ещё валяющейся на полу. — Нужна?

— Нет. Коль скоро она бесит Тома...

— Тогда я буду её носить, — Драко обвязал ленту вокруг своего левого запястья, потом вновь протянул руку и откинул назад тяжёлые волосы, сквозь которые совсем недавно продирались пальцы Тома. — Если у меня будет шанс убить его для тебя, я это сделаю.

Она коснулась своей ленты на его запястье,

скользнула по гладкой коже.

— А я-то думала, ты не рыцарь на белом коне, который повергает драконов... — за лёгкостью тона таилась тщательно скрываемая печаль.

Действительно, он меньше всего походил на охотника за драконьими головами: бледный, хлипкий, испачканный, исцарапанный колючками и изрезанный осколками стекла. Её единственный любимый.

— Я вот что хочу тебе сказать, — начала Джинни. — Я понимаю, что именно ты пытался до меня донести, говоря, что не любишь меня и...

Он сжал её волосы:

— Слова, слова... — наклонился и поцеловал её в губы; она ощутила его лихорадку, солёный холод, решимость и горечь. Горечь, как у слёз.

Через миг он уже отодвинулся, и лента на его запястье задела её щеку.

— Прости, — полу-улыбнувшись, извинился он, — наверное, после Тома ты уже устала от внезапных поцелуев...

— Ой, — разом очнувшись Джинни, — точно: я же хотела выяснить, как Том попадает и выбирается отсюда — и у меня не вышло. Чёрт!..

— Зато у меня вышло. Он проходит через зеркало. Я просто решил дождаться, чтобы на горизонте стало чисто, когда мы...

Внезапно рука стиснула её плечо, его глаза расфокусировались. Драко отшатнулся от неё.

— Гарри. Он как-то прорвался сквозь охрану и нашёл главный вход — а там опять стража. Он просит помощи. Пойдём, быстро.

Схватив Джинни за запястье, он потянул её за собой к зеркалу, водой расступившемуся перед ними, и дальше — по коридору.

* * *

Прикованный к своей платформе Рон видел, как тёмный лоскут неба внезапной вспышкой окрасился в цвет крови. Дверь в Зал распахнулась, влетела стая охранников, на ходу засыпая Люциуса какими-то резкими иностранными словами. Озадаченный и поблудневший, тот обернулся к Тёмному Лорду:

— Мой господин, стража, патрулировавшая вокруг замка, мертва. Вся.

— Значит, Поттер вот-вот найдёт ворота, — откликнулся Вольдемент. — Пошли оставшуюся стражу вниз, пусть его захватят.

Люциус вытаращился на Лорда, а стражникам явно стало не по себе. Вольдемент рассмеялся.

— Это будет несложно, трусишки. Поттера довольно легко переубедить... логическими доводами.

Рон таранился в проём — небо меркло, становясь из алого серым; впрочем, он этого не видел, заплутав в своих воспоминаниях.

...Я видел, видел небо в огне... Дар Прорицателя — худшая из кар: всё знать и быть не в состоянии ничего изменить.

* * *

Сириус искренне тосковал по Клювокрылу — тот в качестве средства передвижения был куда лучше, чем этот покрытый коростами фестрал, хотя, как ни крути, ни один гиппогриф не способен и близко развить скорость, подвластную коням мертвецов. Без смертных на хребте фестрал бы пущенной стрелой рассёк небо, да и нагруженный Сириусом и Ремусом, если и притормаживал, то несильно.

Люпин молчал, погрузившись в собственные мысли, Блэк же пытался держать себя в руках и наблюдал за проплывавшим внизу ландшафтом: города, серо-бурые в истончившемся вечернем свете фермы, серебристые пятна прудов и озёр с белой наледью по краям. Потом горный хребет, вздымавшийся из земли челюстью с осколками зубов. Земля казалась холодной, не-

дружелюбной, и от этого, а также от мыслей, что на своё последнее испытание Гарри отправился без него, у Сириуса сжималось сердце.

Ремус увидел это первым, закричал, схватил Блэка за руку, указал — далеко на востоке поверх гор колонной полыхнуло алое сияние. Сияние, не имеющее никакого отношения к рассвету, ибо для него ещё не пришло время. Сияние, не имеющее никакого отношения к пламени, ибо было слишком ярким и кровавым, окрасив пространство вокруг красным и золотым.

— Гарри, — сказал Ремус.

Сириус стиснул лошадиную гриву и вонзил колени в бока.

— А ну-ка, глянем, насколько быстр этот блохотром, — и фестрал выстрелил вперёд, помчавшись быстрее Всполоха.

* * *

Джинни спешила за Драко — похоже, он знал, куда идти. Чёрные и зелёные мраморные плиты стен вспыхивали, откуда-то доносились разные звуки: вскрики, металлическое клацанье, становящееся по мере их приближения всё громче. Когда они достигли верхней площадки широкой каменной лестницы, Драко наконец-то остановился и придержал Джинни, не пуская вперёд:

— Погоди.

Внизу раскинулся большой зал. Они замерли на лестнице с чередующимися чёрно-белыми ступенями, которая вела к огромным дверям из меди и камня, сейчас распахнутым в ночь, полную хаотического движения: прищурившись, Джинни насчитала шестерых в чёрных мантиях, которых, похоже, она уже видела раньше, в Церемониальном Зале. Сейчас они обнажили свои ножи, секиры и кинжалы против Гарри — тот у нижних ступеней отбивался мечом, сталь которого была покрыта кровью — видимо, кровью тех раненых или же уже мёртвых вольдемортовых охранников (Джинни этого не поняла), что теперь тёмными кучами валялись на полу.

Драко сладонью на эфесе стоял неподвижно, не отрывая от Гарри глаз. Он даже улыбался — совсем чуть-чуть, уголок губ, и Гарри, кинув на них взгляд, ответил коротким кивком, прежде чем шарахнуть по ногам одного из стражников. Драко обнажил свой меч, замер на секундошку, будто прикидывая его вес, и обратился к Джинни, впрочем, даже к ней не поворачиваясь — глаза неотрывно следили за Гарри.

— Ты ведь раньше не видела меня в деле, верно? — голос звучал ровно, будто он вёл светскую беседу, однако глаза уже разгорались.

— Нет, никогда, — помотала головой она.

— Ну тогда подготовься как следует, ибо после этого тебе захочется переспать со мной ещё сильнее.

— Да я бы никогда... — фыркнула Джинни, однако он не собирался выяснять, что она имела в виду: он уже мчался вниз по лестнице; перескочив через несколько ступенек, миновал Гарри и прыгнул в самую гущу солдат Тёмного Лорда. Меч в его руке вращался над головой колесом смазанного огня.

Наклонившись как можно дальше, Джинни яростно стиснула ледяные перила: не может быть, не может быть, чтобы он был таким невероятно умелым, — и тем не менее, именно так всё и обстояло; со странным уколом в сердце Джинни осознала, что для Драко это то же, что квиддич для Гарри. Меч буквально танцевал в его руках, жил собственной жизнью и в то же время был частью его, бешеной вспышкой вновь и вновь рассекая тёмную стену тел — серебристой рыбкой выскальзывая из чёрной воды.

И через несколько мгновений стражники — четверо, ещё двоих убил Гарри — мёртвые или же бессознательные, лежали на полу. Драко отёр свой клинок мантией одного из них, сунул меч в ножны и развернулся

к Гарри.

— Это я вовремя зашёл, Поттер, — заметил он, тогда как Гарри пробирался через трупы. — У тебя просто ужасающая техника.

Мотнув головой, Гарри наклонился к нему и произнёс что-то достаточно тихо, чтобы Джинни не могла расслышать, потом указал на тела на полу; в этот момент Джинни, сбросив оцепенение, кинулась вниз по лестнице, путаясь в длинной юбке, спотыкаясь, и присоединилась к стоящим меж тел и трупов юношам. Запах крови наполнил воздух.

— Почему они пошли против нас без палочек? — спросил Гарри.

— Просто в крепости довольно сложная охранная система, — пояснил Драко, — кроме того, сомневаюсь, чтобы Вольдемо́рт позволил у себя под носом хоть одну.

— А... Тогда это объясняет... — он поднял взгляд, увидел Джинни и осёкся. — И ты тут?!

— Она за мной бежит, — вставил Драко, — это так неловко...

Глаза Гарри распахнулись:

— Гермиона тоже здесь? Ты её видела?

— Она... — начала Джинни и обмерла, услышав грохот приближающихся шагов. — Ещё охрана! — прошипела она, спотыкаясь в который раз — как выяснилось, об очередной труп.

Поборов желание заорать, она жестом указала Драко и Гарри, что им необходимо взбежать вверх по лестнице; юноши последовали за ней и, влетев в первую попавшуюся комнату, оцепенели: за распахнутыми дверями стоял Люциус Малfoy собственной персоной. Позади ёжилась и дрожал в потрёпанной мантии Червехвост. За ним маячила Риссен, бледная, как призрак, а пространство за её спиной наводнили прислужники Вольдеморты в чёрных мантиях. Десяток, не меньше.

Джинни слышала, как ахнул от неожиданности Драко; он смотрел на отца пустыми глазами, пытаясь совладать с внутренней дрожью, — будто тот только что пнул его в живот.

— Держись, держись, Малfoy, — отчаянно зашептал ему Гарри.

Люциус взглянул на сына с узкой и резкой, будто бритвенный разрез, улыбкой.

— Должен признать, твоё появление стало для меня сюрпризом, Драко, — сообщил он. — Я-то думал, ты уже мёртв, — он окинул сына критическим взглядом. — Могу сказать, ты неплохо выглядишь, хотя нам ли не знать — это едва ли так на самом деле, а?

Драко крепче стиснул эфес своего меча, костяшки пальцев побелели.

— Действительно, отец. Ты даже не представляешь, как я мечтал о возможности разделить с тобой мои предсмертные слова.

Люциус приподнял брови.

— Жду не дождусь. Я весь обратился в слух.

— Итак, предисловие, — поднял руку Драко, и Джинни услышала какой-то свист, сообразив через миг, что Драко метнул в отца свой меч. Тот, пролетев в каких-то дюймах от головы Люциуса, вонзился в стену и негромко завибрировал. Малfoy-старший даже не моргнул. Совершенно индифферентно покосившись на меч, он снова взглянул на сына.

— Сколько раз тебе повторять, что мечи не годятся в качестве метательного оружия? — в укором поинтересовался он. — Я лично предпочитаю отточенные кинжалы.

Выражение лица Драко стало нечитаемым, будто захлопнули веер.

— Так вперёд, отец, — предложил он, — или ты меня больше ни чуточки не боишься?

— Именно. Если б ты хотел пронзить меня этим мечом, ты бы пронзил.

Лицо Драко дёрнулось, и Гарри тихонько погладил его руку — так глядят нервно взбрыкивающего пугливого жеребца, но юноша, не отрывая глаз от отца, ед-

ва ли это заметил.

— Ты убил всех охранников Тёмного Лорда, — этот комментарий Люциуса адресовался Гарри. — Это весьма невежливо.

— Похоже, парочка-другая у вас всё же сохранилась, — указал за спину Люциусу Гарри.

— Десяток из трёх сотен. Печальный итог.

Драко вытаращил глаза на Гарри:

— Ты уколошил двести девяносто стражей?!

— А что делать.

— И как?

— Силой духа, — сухо сообщил Гарри.

Драко окинул Гарри взглядом с головы до ног, будто пытаясь обнаружить дополнительную пару рук. Взгляд вспыхнул, замерев на запястье.

— Твой рунический браслет...

— Точно, — быстро перебил его Гарри. — И довольно об этом. В любом случае, — продолжил он, разворачиваясь к Люциусу, — если я даже извинюсь за то, что прикончил всю вашу стражу, вряд ли это будет искренне, не находите?

Джинни увидела краткую вспышку гнева в глазах Малфоя-старшего, однако он почти тут же улыбнулся, сложил руки. Кончики пальцев постукивали друг об друга.

— Ну-с... Коль скоро мы убили твою подружку, я полагаю, теперь счёт один-один, юный Поттер. Знаю ваше пристрастие к честным играм.

Гарри момент недоумённо хлопал глазами, будто Люциус пробормотал какую-то несусветную нелепость.

— Чего? Но ведь моя подруга — Гермиона...

— Именно, — кивнул Люциус. — И мы её убили. Ты не слишком смыслён. Впрочем, и не обязательно: для этого у тебя есть Драко.

Гарри медленно опустил руку, по-прежнему сжимающую окровавленный меч.

— Неправда, — он внезапно стал совсем белым. — Этого не может быть.

Пришла очередь Драко хватать Гарри за руку.

— Поттер... — он наклонился, собираясь что-то тихо сказать Гарри на ухо, чтобы не услышала Джинни. Гарри не смотрел на него — он смотрел строго вперёд.

— Она для вас слишком умна, — возразил он. — Она бы никогда не позволила и пальцем себя тронуть.

Джинни прикусила губу.

«Никому не говори, что я жива. Даже Гарри и Драко», — вот что сказала ей Гермиона. Но одного взгляда на лицо Гарри хватило, чтобы едва найти в себе силы сдержать клятву. Гермиона не позволила бы Гарри испытать такую боль.

— Рисенн, — шёлковым голосом позвал Люциус. — Эпициклическое Заклятье, будь любезна.

Дьяволица молча подошла к нему и что-то опустила в подставленную ладонь. Когда он раскрыл её, Джинни увидела два Эпициклических Заклятья, покачивающихся на золотых цепочках, одно из которых она сделала собственными руками в комнате Гарри и Драко, а второе Гермиона принесла из первого путешествия в Имение Малфоев, после чего, не снимая, носила его на шее.

— Рисенн взяла это с её трупа, — сообщил Люциус. — Не так ли, дражайшая моя?

— Я взяла его у неё, — едва слышно сказала Рисенн, — после того, как поцеловала.

— Да-да. Поцелуй смерти, твоя специализация, — Люциус снова развернулся к Гарри и резким движением швырнул оба заклатья ему в ноги. — Забирай оба. Всё равно за немногие оставшиеся часы они тебе не понадобятся.

Кулоны зазвенели по полу. Драко дёрнулся, невольно сморщившись. Гарри едва ли заметил. Джинни наклонилась, подняла оба заклатья и спрятала в карман платья.

Драко повернулся к Гарри. Если на того смотреть было просто невыносимо, то Малфой выглядел ещё хуже: казалось, будто его только что разорвали на части. Джинни не поняла, откуда эта боль, — его ли собст-

венная или же это боль Гарри, но не двинулась с места — бесполезно утешать того, кто в таком состоянии.

— Нет! — и Гарри с занесённым мечом кинулся на Люциуса. Рука Драко, дёрнувшаяся, чтобы удержать его, опоздала на доли секунды.

Люциус вскинул руку — палочка, проклятье Cruciatuus...

Гарри будто споткнулся, хотя спотыкаться было не обо что; однако он словно налетел на что-то невидимое, тут же задохнувшись и выронив меч, повалился, перекатился на бок. Над его головой безвредно покачивалось зелёное проклятье. Он катался с бока на бок, запутавшись в чём-то; вот Джинни увидела мелькнувшую белую руку, копну каштановых локонов... и, наконец, мантия-невидимка соскользнула. На полу лежала, обхватив Гарри руками и ногами, зарёванная Гермиона.

— Я не смогла... — всхлипнула она потрясённому Гарри, лежащему на ней. — Ты не должен был знать... но это так жестоко... Я не смогла. Ох, Гарри...

Он молча обвинил её руками и улыбнулся. Гермиона потянула его к себе — обнявшись, они замерли: она — трясась от рыданий, он — уткнувшись лицом в её волосы.

С болью в душе Джинни отвернулась, наткнувшись взглядом на Драко: тот смотрел на Гарри и Гермиону со странным выражением лица: улыбаясь, но с печалью в глазах, какой ей прежде не доводилось там видеть. В этих серых зеркалах она вдруг увидела отражение собственной боли и потянулась, чтобы прикоснуться к нему, как вдруг... Он оцепенел — и вовсе не из-за её жеста.

Явился Вольдемор. Сопровождаемый Томом, он стоял позади Люциуса.

Через мгновение его заметила и Джинни, тут же снова похолодев от одного только его вида: смертельно-бледный, чернотубый, с кроваво-красными глазами, с ногтями, больше напоминающими когти... Как могло это чудовище быть в прошлом её прекрасным Томом?

Губы остановившего Вольдеморта изогнулись, обнажив зубы.

— Том, — он взглянул на Джинни, — твоя девка ухитрилась как-то освободиться.

Том посмотрел на девушку и ничего не сказал, однако его синие глаза затлели.

Джинни почувствовала, как мороз пошёл по коже: он заставит её потом за это заплатить... Заставит. Если, конечно, сможет.

— Не называй её так, — сказал Драко.

При звуках его голоса Вольдеморт переглянулся с Томом и обратился к Малфоя:

— Разве это не твой сын?

Люциус кивнул.

— Разве он у нас уже не покойник?

— Драко вечно не укладывается в расписание. Поэтому-то так и не смог выбиться в первые ученики, — с сожалением признал Люциус.

— А это у нас, значит, Поттер, — Вольдеморт перевел задумчивый взгляд на теперь сидящих на полу по-прежнему обнимающихся Гарри и Гермиону. Гермиона что-то шептала Гарри на ухо, а тот энергично кивал в ответ. — И его грязнокровка, — добавил Тёмный Лорд с явным удивлением.

— Надо же, я-то думал, они разошлись, — пробормотал Червехвост.

— Так, а она у нас почему жива?

— Рисенн! — рявкнул явно раздражённый Люциус.

Она выползла к нему побитой собакой:

— Да, господин?

— Ты соврала мне, — прошипел он.

— Вы же знаете — я не могу вам лгать, господин.

— Ты сказала, будто убила девчонку, — он ткнул пальцем в Гермиону.

— Я сказала, что поцеловала её, — прошептала дьяволица. — Обычно это их убивает, но...

— Умолкни, — Люциус взмахнул рукой, Рисенн па-

ла к его ногам и замерла неподвижно, расплескав вокруг себя чёрные волосы.

Гермиона отпустила Гарри и поднялась.

— Рисенн не виновата. Я прикинулась мёртвой.

— Уж не сомневаюсь, грязнокровка, — Люциус поднял палочку, — тебе скоро и прикидываться не придётся...

— Нет, Люциус, — остановил его Вольдемо́рт, — пусть живёт: одним гостем больше. Взять их, — рявкнул он, и вынырнувшая из-за плеча стража рванулась к подросткам. — И помни — твой друг-прорицатель прикован в Церемониальном Зале, — заметил он, увидев, как рука Гарри дёрнулась к мечу. — Тронешь хоть одного из моих стражников, вообще попробуешь сопротивляться — и я медленно порву его на части. Медленно.

Гарри обмяк, его лицо стало маской. Двое стражников подошли к нему, ещё двое схватили Гермиону. Драко повернулся к Джинни. Он был бледен как бумага, но глаза его горели.

— Джинни, — начал он, взяв её за плечи, но тут стража добралась и до него, оттащив прочь. Пленников толкнули вперёд, едва дав переступить через распластавшуюся на полу Рисенн. Следом отправились Вольдемо́рт и Люциус, позади которых плёлся Червехвост.

Джинни уже начала гадать, поведут ли и её стражники, или она останется здесь, одна среди мертвецов, когда рядом возник Том. Он внезапно вцепился в её руку, погрузив пальцы в мягкую плоть. Пошатнувшись, она не справилась с собой и закричала.

— Джинни, — его голос более всего походил на шипение, — моя глупая дурочка Джинни... Ты моя и только моя, разве ты не понимаешь?

— Да, — она взглянула ему в тёмно-синие глаза, кажущиеся развёрстными ранами на этом прекрасном лице, на бесчувственную линию рта. Она увидела гнев, за которым пряталось что-то ещё — яркая, острая боль.

...Я сделала ему больно... Я действительно сделала ему больно...

«Он любит тебя, — сказал тогда Драко, — на свой отвратительный манер, но он любит тебя».

Боль невозможной любви. Джинни знала этот взгляд:

— Я твоя, Том.

— Я видел твою ленту у него на запястье, — он с силой потряхнул её, — будто рыцарь... Или же это

и есть твой рыцарь на белом коне? Он собрался спасти тебя, Джинни?

Джинни покачала головой.

— Ты моя. Ты всегда будешь моей. Я вырвал тебя из своей плоти, чтобы превратиться в того, кем должен был стать, я то, что ты вырвала из своей плоти, дабы привести меня в мир: вся ненависть и ярость, вся твоя отравленная любовь. Ты никогда не сможешь принадлежать никому, кроме меня! — почти истерически выкрикивал он, вытаращив полубезумные глаза. — Я видел, как ты на него смотрела, я этого не допущу! Ты моя, и я сделаю тебя своей после церемонии — на веки моей. Ты поняла?

— Ты можешь сделать меня своей сейчас.

Ей показалось, будто он свернёт ей шею прямо тут, не сходя с места, наплевав на все последствия. Или же возьмёт её, выполнив просьбу — нечто, о чём ей и вовсе думать не хотелось, хотя, ежели этим можно предотвратить его обожествление, возможно, оно того и стоило.

Вместо этого он расхохотался, и хватка ослабела.

— Ты дразнишь меня, моя Джинни, — коснувшись поцелуем её лба, словно поставив свою метку, он и вовсе отпустил её, просто взяв за руку. — Хорошая попытка.

Джинни промолчала. Рука в руке Тома, она пошла с ним по коридору — медленно, ибо перед ними волокли Гарри, Драко и Гермиону, следом за которыми шествовал Вольдемо́рт с палочкой в руке и Люциусом рядом. Свернувшаяся на полу Рисенн не шелохнулась, когда они прошли.

...Вот она, финальная битва, — подумала Джинни. — Как всё и было предreshено. Где мы либо умрём, либо уцелеем, где мы либо спасём мир, либо провалимся с ним в тартарары. Вот он — конец.

Вскинув голову и уставясь строго перед собой — ни единого взгляда по сторонам — она зашагала вперёд. Что бы ни случилось, они будут все вместе — она, Гарри, Гермиона, Рон, Драко... Сколько повидали они в прошлом — и всегда побеждали.

Она не взглянула на Червехвоста, плетущегося вдоль стены, чья серебристая рука мерцала в темноте. Он кинул недовольный взгляд на её уизлевскую шевелюру и фыркнул:

— Вот ведь... Похоже, нам нужна ещё парочка-другая наручников...

Глава 15. И пал свет.

Часть вторая: Прощальное слово

Рон увидел: двери Зала распахнулись и вошёл стражник, волоча яростно извивающуюся, брыкающуюся и лягающую пленницу, каштановые локоны которой не давали юноше рассмотреть её лицо.

...Гермиона! — осознал он с невероятным облегчением; насколько это было возможно, подполз и выглянул из-за края платформы. — Я знал, знал, что с ней всё будет хорошо!

За Гермионой появился подавленный Гарри со связанными за спиной руками, следом — Драко. Последний был весьма взъерошен, и его угрюмый вид ясно говорил о том, что он утратил надежду на лёгкий выход из этой передраги.

Гермиона шипела и плевалась, что-то вопя о том, что желает быть прикована рядом с Гарри, — в результате её, естественно, прикрутили к стене на самом краю, в стороне от остальных.

...Что-то на неё это не очень похоже, — отметил Рон, однако мысль едва ли задержалась в его голове, потому что тут он увидел Джинни. В отличие от прочих, при ней охраны не имело — если, конечно, не считать охраной темноволосого Тома Реддла.

И тогда как остальные вид имели затрапезный и порядком измочаленный, то, облачённая в синий ат-

лас, по которому струились рыжевато-золотистые волосы, Джинни буквально лучилась. Она не выказала никакого сопротивления Тому, тщательно заковавшему её в кандалы подле Гарри, — тот поприветствовал гриффиндорку сдержанным кивком. Драко, размещенный между Гермионой и Гарри, и вовсе не взглянул в её сторону, когда Том, склонившись, однако не отрывая от девушки пристального взгляда, сомкнул наручники на тонких запястьях.

...Мамочке бы это не понравилось, — истерически оценил Рон, когда Том шагнул назад, дабы со стороны оценить результат своих трудов.

— Весьма соблазнительно, — подытожил он наконец. — Будто Андромеда в ожидании Гидры.

— Не Гидры, а Кракенаⁱⁱ, — встрял Драко, закатив глаза к потолку.

— Ничего подобного, — заупрямился Том. — Это была Гидра.

— Кракен, сказано же. Эх ты, сопляк-недоучка. Можешь мне не верить, но книги созданы не только для того, чтобы увековечивать в них твою бездарную суеливую юность. Некоторые люди — страшно подумай — их просто читают.

Том посмотрел на Вольдемо́рта:

— Можно, наконец, выпустить ему кишки?

Люциус отрицательно покачал головой.

— Пока нет. Он ещё может нам пригодиться, — загадочным тоном пояснил он.

Губы Тома дрогнули, однако он промолчал, изыскав возможность ответить без слов: внезапно наклонился и с силой впился поцелуем в губы Джинни. Видя, как оцепенела сестра, Рон внезапно вспомнил, какой она явилась к нему в видении: мёртвая, со сломанной шеей, разметавшаяся на кровати в алом пламени воле.

Он отвернулся.

* * *

Джинни смотрела в спину отходящему от неё Тому, все ещё чувствуя на губах горечь его поцелуя. Она прекрасно осознавала, что могут думать о ней остальные — за исключением Гермионы: кто-кто, а та непременно должна понимать. В конце концов, Джинни же просто следовала её указаниям, а вовсе даже не хотела Тома, не вожелела его прикосновений — как, собственно, не мечтала и о холодной запыте стали, не смаковала сладкий яд его красоты.

Равно как она едва ли рассыпалась бы в благодарностях за ту свободу, что дало ей следование словам Гермионы, приказавшей отвечать на ласки, принимая его смертоносное восхищение. Размечтались.

Крепя оковы вокруг её запястий, он, склонившись, шепнул ей прямо в ухо слова заклинания, много-много лет назад начавшего это безумие:

— Как прочной нитью связан ты, да будешь ты ко мне привязан...

Вольдемо́рт поджидал Тома в пентаграмме, его окаменевшая фигура свидетельствовала о крайнем нетерпении. Белая паучья рука сжимала палочку. У ног свернулся изнемогающий от страха Червехвост, который поддерживал раскрытый фолиант. Люциус замер снаружи — скрещенные на груди руки, каменное лицо.

Ухмыльнувшись, Том шагнул внутрь магического знака, тут же взвившегося живым огнём — теперь не кровь, но пламя вычертило его контуры.

Недалеко от Джинни ахнула Гермиона:

— Началось.

* * *

Пентаграмма пылала, и внутри её яростных очертаний стояли друг перед другом Том и Вольдемо́рт. Рон со своей платформы видел, как Тёмный Лорд нахмурился, приветствуя своего ученика:

— Наконец-то ты осчастливил нас своим присутствием, мой юный падаван.

— Мои извинения, Господин, — Том спрятал улыбку, отвечивая грациозный поклон своей старшей ипотаси.

— Займи место подле меня, — рявкнул Вольдемо́рт. — Итак, Том, кровопускание. Прошу.

Том поднял взгляд, всё ещё улыбаясь, и Рон увидел — синие глаза зажглись тёмным пламенем, блеснули в радостном оскале острые зубы, взмыла вверх рука. Выстрелил с кончиков пальцев яркий зелёный луч, и в тот же миг тело Рона пронзила невыносимая боль, к рукам будто приложили раскалённую кочергу. Он взвыл, забился в своих оковах, но цепи держали крепко — и вот загудели вены, словно к ним припала стая голодных вампиров. Рон захрипел, когда хлестнула горячая кровь, стекая по пальцам и барабана по мраморному полу далеко внизу.

* * *

— Рон!

Гермиона услышала крик Джинни и увидела отчаянно извивающегося на платформе и воющего от боли

Рона. Она обернулась к Гарри — тот замер, бледный, будто окаменевший. Драко, впившись зубами в нижнюю губу, тоже не отрывал от Гарри глаз.

...Началось, — подумала Гермиона. — Так вот что решил продемонстрировать нам Вольдемо́рт: умирающие один за одним друзья — и умирающие каждый раз во всё более ужасных муках. До тех пор, пока не останется один Гарри.

Джинни, всхлипывая, силилась вывернуться из своих оков, взывая то к Тому, то к собственному брату. Какая-то часть Гермионы искренне её жалела, другая же, более бессердечная, хотела надавать по физиономии, заставив замолчать: какой смысл молить Тома о помощи или милосердии, если сам смысл этих слов ему неизвестен?

Тот стоял подле Тёмного Лорда, удовлетворённо ухмыляясь при виде забрызганного роновой кровью пола и слушаая, как она шипит, испаряясь при соприкосновении с пламенеющими линиями пентаграммы, заставляя их при этом сиять всё ярче и ярче, а языки пламени — взвиваться всё выше и выше, пока всё очерченное пентаграммой пространство не замерцало. А в тот момент, когда и Четыре Благородных Объекта — Зеркало и Чаша, Кинжал и Ножны — полыхнули свирепым жаром, словно четыре факела, зрелище и вовсе стало завораживающе-прекрасным.

Гермиона быстро прикинула: итак, Рону пустили кровь, значит, на всё про всё у них в запасе есть от силы минут десять — двадцать, пока не наступит шок. За шоком почти сразу последует смерть. Хорошо ещё, что Том полоснул именно по запястьям — целясь он в артерию, они были бы здорово ограничены во времени...

Подняв руки насколько позволяла цепь, она запустила пальцы за шиворот футболки в поисках засунутой под бретельку бюстгальтера шпильки, которой тут же и начала ковырять в замке своих наручников.

* * *

Вольдемо́рт вскинул свои затянутые в чёрное ладони к небу, взвизгивая на происходящее сквозь развёрсты́й потолок Церемониального Зала, и запел:

— Fulmen evoca! Callis inveni! Exitum repti! Exitum!

Едва зазвучал его голос, как странный свет внутри пентаграммы из белого стал зелёным, от пола заструился серебристый туман, обвивая ноги и в конце концов полускрыв замершие в пятиконечной звезде фигуры. Он напоминал прикосновение прохладных пальцев. Драко попробовал его вкус на своих губах и передёрнулся: горечь. Хуже, чем алоэ.

Он повернулся.

— Гарри...

Судя по всему, гриффиндорец не слышал: он смотрел куда-то перед собой, и его губы, его стиснутые кулаки сейчас были совершенно белыми, а ногти — Драко видел — глубоко впелись в ладони. Было непонятно, смотрит ли он на Рона, чьи конвульсии уже затихали, или же на Вольдемо́рта. А может, и вовсе на Люциуса, бесстрастно застывшего за периметром пентаграммы. Отец то опускал руки, то снова скреживал их на груди, и Драко заметил яркую вспышку малфоевского перстня на пальце.

Драко опустил взгляд к собственной руке — там горело точно такое же кольцо. Помнится, в детстве он всё никак не мог дождаться мига, когда подрастёт, чтобы тоже носить его на пальце, впечатывать в мягкий воск свои инициалы... Он помнил, как переливался камень на свету, когда отец подкидывал его, ещё совсем ребёнка, вверх... боль в груди, всколыхнувшаяся при этом воспоминании, оказалась настолько острой, что Драко не усомнился — это просто яд обжёг его изнутри.

А правда состояла в том, что он так и не смог в это поверить. Он любил своего отца по-детски бессозна-

тельно, всегда при этом отдавая себе отчёт в иной природе отцовской любви к нему — у Люциуса это было обдуманное чувство, выверенное с точки зрения того, что оно могло дать чести семейства Малфоев. Драко знал — отец бы равнодушно взирал на кровь собственного сына, безучастно внимал его воплям; он помнил всё — и птиц со свёрнутыми шеями, и утыканые гвоздями стулья, и шрамы на спине, складывающиеся в его собственную фамилию...

...Я — Малфой.

Слабое утешение.

И всё же... Пусть обусловленная, отеческая любовь всё же оставалась любовью, ведь отец бы мог и вовсе не испытывать никаких чувств. А он являлся его плотью и кровью, его практически безупречно сработанной копией — так неужели это абсолютно ничего не значит? Ведь даже Вольдемор — и тот, похоже, проявлял некие отцеподобные чувства по отношению к своей юной ипостаси, тогда как Люциус и бровью не повёл в свете близящейся смерти сына.

«Я молод. У меня еще могут быть дети».

Драко отвернулся от отца, слишком невыносимым для него было зрелище; теперь перед ним обвисла в кандалах Джинни, а за ней Гермиона теребила свои наручники так, будто собралась оторвать себе запястье.

...Гермиона верна себе... Даже в такую минуту она пытается бороться до конца.

Дальше — Гарри, и сейчас Гарри смотрел на Драко в упор, и зелень его глаз мерцала, будто воды далёкого озера. Кажется, он собирался с силами в преддверии чего-то.

— Малфой... Когда я велю тебе закрыть глаза, ты их закроешь, хорошо?

— Хорошо, — ошеломлённо кивнул слизеринец. — Как скажешь.

Цепи зазвенели, когда Гарри качнулся к Драко, но даже вытянувшись изо всех сил, юноши смогли только соприкоснуться кончиками пальцев. Драко сглотнул горький осадок во рту.

— Поттер, ты...

Гарри смотрел вверх:

— Малфой... Небо...

Драко резко поднял голову: сквозь проём он мог видеть чёрное небо, утыканное ледяными блёстками звёзд. Но вот оно за клубилось, будто закипающее в котле зелье: заструились примеси золотого, фиолетового и серебристого — словно сам небесный свод собрался расколоться. Зазмеились чёрные молнии, одна из них сквозь отверстие в крыше ринулась вниз, вонзившись у самых стоп Вольдеморта. Том дрогнул, но сам Тёмный Лорд лишь откинул назад голову, вознося свои песнопения к небесам:

— Fulmen evoca! Fulmen evoca! Fulmen evoca!

Четыре Благородных Объекта оторвались от земли и зависли в воздухе на уровне глаз Вольдеморта, каждый над своим лучом звезды, соединённый с остальными голубоватыми энергетическими нитями. Следующая молния ударила в Зеркало, однако оно не раскололось, как того ожидал Драко, а засияло жутким, выжигающим глаза серебристым светом. На поверхности, выныривая из неведомых глубин, как тела утопленников — из воды, начали появляться письмена.

Вольдеморт смолк. Схватив Зеркало, он дёрнул его к себе, открыл рот и прокричал слово, которого Драко расслышать не смог.

Воцарилась абсолютная тишина. Даже ветер стих. Осталось лишь эхо Слова — оно затаилось где-то в подсознании Джинни, трепыхаясь пойманным в паучьи сети мотыльком.

Зеркало треснуло.

Вольдеморт хрипло закричал, обратив взгляд к небесам, и они окрасились багрянцем. И вдруг их разверз крик — жуткий рёв, нечеловеческий, да и вовсе неземной, как если бы само небо зашло от ярости.

Драко услышал, как ахнул Гарри.

— Зажмурься!! Зажмурься, Малфой!

Драко закрыл глаза, и мир вокруг взорвался.

* * *

— Глаза! Закройте глаза! — кричала Гермиона, и Джинни послушалась, на всякий случай загорюбив лицо ещё и руками. Земля под ногами тряслась и дрожала, потом ужасающе запахло чем-то горелым, разом стало горячо, будто пламя прожгло одежду и теперь лизало тело, опалило невероятным жаром лёгкие, заставляя задыхаться и кричать от боли.

Она была не единственной, кто орал, — остальные последовали её примеру, и она слышала заглушающие завывание ветра и громовые раскаты вопли и визг: ревел, будто буйнопомешанный, Вольдемор, и... неужели Том тоже кричал? Джинни едва не открыла глаза, но внезапно запястий кто-то коснулся, и в тот же миг кандалы, удерживающие её у стены, ослабели и свалились. Джинни качнулась вперёд, едва не упав, но оказалась подхвачена сильными руками.

— Теперь можешь смотреть, — разрешила Гермиона.

Глаза Джинни немедленно распахнулись — она увидела стоящую перед ней Гермиону, всю в саже и копоти. За её спиной Гарри освобождал Драко, придерживая слизеринца за плечи. Юноши устали на середину комнаты, где в центре ещё пламенеющей пентаграммы крутился визжащий Вольдемор. Вот он потянулся, чтобы схватить Тома, удивлённо отшатнувшегося прочь, вот рука яростно вцепилась в край платформы, накренив её, и Рон кулем перевалился через край, рухнув на Тома и сбив его с ног. Тёмный Лорд продолжал верещать — тонко и безумно, будто полицейская сирена.

— Господи боже мой... — прошептала Джинни. — Что такое творится-то? Я думала, церемония должна сделать Вольдеморта всемогущим...

— Именно, — мрачно согласилась Гермиона. — Если бы все прошло как надо.

Она жестом подозвала Гарри и Драко.

Теперь от пентаграммы валил чёрный дым, почти растворяя запертые в ней фигуры, но Джинни всё ещё различала вопящего и дёргающегося Тёмного Лорда, вновь и вновь вздымающего к небу левую руку. У дальней стены, разинув рот в полном ошеломлении, тарасил глаза Люциус, не выказывающий меж тем ни малейшего желания помочь своему господину. Ни Тома, ни собственного брата Джинни больше разглядеть не могла.

— Ты-таки сделала это, — весь в разводах копоти, Драко задыхался рядом с Гермионой, глядя на девушку полуобвиняюще-полупотрясённо. — Но — чёрт тебя побереи — что же ты конкретно сделала?!

— Двойная трансфигурация, — спокойно пояснила Гермиона. — На деле довольно просто, но сейчас не до объяснений, нам нужно вытаскивать Рона. Гарри, твои ножны?.. — она протянула руку.

Не сводя с подруги полных любви и лёгкого ужаса глаз, Гарри обнажил меч Гриффиндора и подал ножны.

— Поверить не могу, что всё получилось.

— Конечно, получилось, — Гермиона заткнула ножны за пояс. И ахнула. Джинни проследила за её пристальным взглядом: в дыму пентаграммы возник человек.

...Рон, — осознала она.

Вот только Рон не шёл: будто подвешенный на невидимой паутине, он плыл вперёд, несомый некой силой. Голова свесилась на грудь, а руки с глубокими ранами на запястьях болтались по бокам.

— Рон... — прошептала Джинни, срываясь навстречу брату, однако её остановила железная хватка Драко.

— Жди, — скомандовал он. — Его нам принесут.

Так и случилось: Рон рухнул к ногам друзей марионеткой с перерезанными нитями. Воздух за ним за-

мерцал, и из-под соскользнувшей с плеч мантии-невидимки появилась Рисенн, чьё белое платье было до талии перемазано кровью. В крови же были и её обнажённые руки.

— Вам бы лучше поторопиться, — во взгляде дьяволицы читалась почти тревога. — Он долго не протянет.

Джинни проглотила рыдание и, едва хватка Драко на руке ослабла, опустилась подле брата. Рон был ужасающе бледен, залит кровью — даже рыжие волосы спеклись и стояли торчком. Она легко коснулась его холодной щеки.

— Гермиона... Можно что-нибудь...?

Однако Гермиона сделала нечто очень странное: она расстегнула одну из своих удерживающих волосы заколок — ярких, сверкающих — подарок Блэз, взглянула на неё и прошептала:

— *Resolvo veneficus. Veritas.*

Поблескивающая на ладони безделушка затрепетала и на глазах потрясённой Джинни дёрнулась вверх, меняясь в размерах. Крошечные камушки замерцали крупными изумрудами на ручке огромной серебряной чаши, поверхность которой покрывал рисунок в виде волн и чешуи, а сама она мерцала, будто была наполнена жидкостью.

Чаша.

— Так вот что ты сотворила... — с восторженным изумлением выдохнул Драко. — Та фляжка вовсе не являлась Чашей — это была трансфигурированная под неё фальшивка! А Вольдеморту не додумался проверить, посчитав, что ты едва ли стала бы прятать нечто, не являющееся на деле настоящей Чашей! Гермиона, ты гений, ты...

— Потом, Малфой, — перебила Гермиона и поднесла край Чаши к губам Рона.

Ему в рот полилась вода, стекая по подбородку.

— Ну же, Рон... — прошептала Гермиона. — Ну же, давай...

Он поперхнулся. Закашлялся, плюясь, и в тот же миг румянец проступил на щеках. Раны на запястьях исчезли, затянувшись сами собой. Глаза открылись — синие, ясные. Он заморгал, с недоумением обозревая своё окружение:

— Это... Всем привет.

Гермиона разрыдалась.

— Боже мой... — пробормотал Рон.

— Рон! — Джинни кинулась к нему, сдавив в объятиях.

Он обнял её в ответ и неуклюже похлопал по спине:

— Ну... это...

— Я думала, ты... — шмыгала носом Джинни.

— Да я и сам так думал, — Рон сел и огляделся: клубился дым, грозило небо, завывал и метался запертый в пентаграмме Вольдеморту. — А это ещё что за чертовщина?

— Церемония провалилась, — коротко пояснила Гермиона. — Один из Объектов, которые пытался использовать Вольдеморту, оказался вовсе не Благородным, так что всё пошло наперекосяк. И теперь он в пентаграмме как в капкане.

— Отлично! — кивнул Рон и встревоженно уточнил: — Ведь это хорошо, правда?

— Пока да, — согласилась Рисенн. — Должна заметить: ещё минут десять, и эффект ослабнет. Тогда он освободится. И здорово рассердится. Так что советуем вам убежать немедленно.

— Я не побегу, — мотнул головой Гарри, взглянул на Рона — и взгляды гриффиндорцев встретились. Гарри увидел в глазах друга печаль, и упрямство, и сожаление, и неловкость.

— Гарри... Если бы я...

— Давай, — Гарри подал ему руку. — Если ты... В общем, твоя помощь нам бы пригодилась.

Секунда колебания — и Рон принял протянутую руку, позволив Гарри помочь ему подняться. Юноши

стояли и смотрели друг на друга, неуверенные, имеют ли право на дурацкие ухмылки. Драко отвёл от гриффиндорцев глаза — и окаменел:

— Мать твою, — выразительно произнёс он. — Гляньте-ка, не все у нас застряли в пентаграмме.

Из заволочшего комнату дымного тумана выбирался ещё один человек. Полосатый от сажи и гари, в окровавленной, превратившейся в грязное рубище изящной мантии, с припорошенными золой белокурыми волосами... — вот и рассеялись его чары, — поняла Джинни.

— Том... — прошептала она. — Но я считала...

— Это было не его заклятье, — пояснила Гермиона, — так что он не заперт в пентаграмме, как Вольдеморту.

Она нетерпеливо оглянулась на Гарри:

— И что делать будем?..

Том проплёлся ещё несколько футов, проморгался, и его взгляд немедленно метнулся к Джинни. Едва их глаза встретились, девушка попятилась к Драко. Том резко поднял вверх левую руку, что-то зарычал, однако ничего не случилось, и тогда с перекошенным от ярости лицом, осклабясь, он пулей кинулся из Зала.

Джинни мигом оказалась на ногах:

— Нет! Мы не можем ему позволить...

— Стой! — вцепившийся в её руку Гарри повернулся к Драко: — Малфой, ты знаешь это местечко лучше остальных. Может, ты...

— Я за ним, — кивнул слизеринец и бросился за Томом. Огромные двустворчатые двери так и не закрылись за его спиной.

Гарри выпустил руку Джинни.

— Если Том свободен, значит, Люциус... — начал он, обращаясь к Рону, но договорить не успел: почувствовав свободу, Джинни сорвалась с места, помчавшись следом за Драко.

* * *

Произнеся слово, о существовании которого в лексиконе друга Гермиона даже не подозревала, Гарри метнулся следом, однако Гермионе-таки удалось в последний момент ухватить его за рукав:

— Не надо. Драко всё равно не позволит ей пойти с ним.

— Надеюсь, что так... — покосился на Рона Гарри.

— Там она будет в большей безопасности, согласись? — сухо буркнул Рон, разворачиваясь к пентаграмме, все ещё дышащей огнём и сажей. — Хотя, может, мне стоило...

— Я схожу за ней, — вызвалась Рисенн, легко, будто дымок, поднимаясь на ноги. — И уберегу от опасности, — дьяволица исчезла в дверях вихрем чёрных волос.

Полный сомнений взгляд Гарри вернулся к Гермионе.

— Она как-то уж слишком услужлива...

— Да, — невозмутимо согласилась девушка, взмахом палочки ретрансфигурируя Чашу обратно в заколку.

— Меня терзают смутные сомнения, что без тебя тут не обошлось.

— Как знать, как знать... — согласилась Гермиона, цепляя заколку на волосы.

— То есть поделиться со мной ты не собираешься, я правильно понял?

— Поверить не могу: неужели только я храню секреты, связанные с Рисенн? — Гермиона принялась отряхивать свою падлмерскую майку.

Гарри, открывший от неожиданности рот, выглядел настолько прибито, что она даже его пожалела. Но он сам виноват: сомкнул, можно сказать, губы с этим суккубом спустя всего лишь несколько дней после их разрыва. И ничего ей не сказал.

Вот и жаль ей после этого.

С другой стороны — она целовалась с Драко,

не рассказав об этом Гарри... Хотя ей и возможности-то поговорить с ним не выпало: разве что тогда, когда Драко оставил их с Гарри наедине в спальне... Может, действительно следовало бы... Бож-же...

— Гарри, — начала она, — слушай, я должна тебе признаться, что мы с Драко...

Рон перебил её сдавленным рычанием.

— Вольдеморт... — невнятно пробормотал он, тыча пальцем. — Он почти выбрался из пентаграммы. Слушайте, может, нам стоит...

Гарри уже выхватил гриффиндорский меч.

— Я туда.

— Ни за что! — быстро запротестовала Гермиона. — Гарри, ты не можешь...

— Я должен, — он поднял на подругу упрямые зелёные глаза. — И тебе это известно.

— А если просто некий символический жест, Гарри...

— Нет. Ты же слышала Рисенн: пентаграмма долго не протянет. И что потом? Удерём? Пусть он не овладел божественной силой, он всё равно достаточно могуч. Пока же он связан, ошеломлён, ослеплён — следовательно, у меня есть шанс. У нас есть шанс.

— Значит, позволяешь нам пойти с тобой, — Рон быстро встал подле Гарри.

— Ничего подобного, — мрачно отрезал тот. — Лучше б вы ждали меня тут.

— Ни за что, — встряла Гермиона.

— И никогда, — поддержал её Рон, не сводя с пентаграммы полных ненависти глаз. — Он пытался меня убить, высосав всю кровь... Это не считая похищения и пыток. Нет уж. У меня тоже есть к нему счёт, Гарри.

Гарри кивнул.

— У тебя хоть палочка-то имеется?

— Не-а, они всё у меня отобрали.

— Протяни-ка руки... — когда Рон это сделал, Гарри перестегнул ему свои порядком потёртые кожаные манжеты. — Они помогут.

Рон растерянно захлопал глазами, не сводя взгляда со своих рук.

— Очень элегантно...

— Трепещите, белки, — Гарри развернулся к Гермионе до того, как она успела спросить его, что он имел в виду. — Гермиона?

— У меня есть палочка, — упрямо запротестовала девушка, однако в тот же миг его руки обхватили её, стиснули. Их тела разделил меч Гриффиндора.

— Я люблю тебя, — он больно поцеловал её в губы, отступил, и меч, зацепившись, разорвал край её футболки — Гермиона ахнула, улыбнулась сквозь залившие лицо слёзы...

— Береги себя, Гарри... — она всегда признавалась ему в любви именно так.

Он кивнул и повернулся к Рону, продолжавшему демонстративно изучать свои кожаные браслеты:

— Ну, мы готовы?

Она мгновенно вспомнила, как зимней морозной ночью в Хогсмиде они втроём, преклонив в снегу колена, поклялись не разлучаться до самого конца. И вот — конец уже близок, а она совершенно к нему не готова...

— Готовы! — солгала она.

Рон кивнул. Гарри пошёл к пентаграмме, друзья двинулись следом — как делали все семь прошедших лет.

...Боже, храни Гарри... — подумала Гермиона, глядя на шагнувшего в магический знак юношу. Рон нервно улыбнулся, и она попыталась сделать то же самое... В этот момент её что-то ударило, отшвырнуло в сторону.

— Ах ты, сучка...

И она встретила взглядом с холодными серыми глазами обладателя этого ледяного голоса.

Люциус Малfoy.

* * *

— Драко, подожди!

Уже миновавший полкоридора, он обернулся с громким проклятием.

— Куда тебя понесло?! Ты что — не слышала, что сказал Гарри?!

Джинни остановилась, протянув руки:

— Так нечестно! Это я должна была пойти за ним.

— Или не ты, — горькая улыбка искажала губы Драко. — Помнится, ты никогда не могла отказать этому парню.

— Неважно! Но ты не должен рисковать собой! Это обязана быть я! Я привела его в мир, я во всём виновата!

— Знаешь, я ему напому это перед тем, как прикончу.

Её губы дрогнули от удивления:

— Прикончишь?.. Но ты не можешь его убить...

— Да ну? И почему нет?

Она на миг замешкалась.

Сказать правду было так просто:

...Потому что если умрёт он, я тоже могу умереть.

Будь это единственная причина, по которой она противилась смерти Тома, она бы без колебаний произнесла эти слова.

Однако всё обстояло не так-то просто.

А потому она промолчала.

— Я так и думал, — подытожил Драко, развернулся и двинулся дальше.

Джинни безмолвно сползла по стене, глядя ему вслед.

* * *

Перекосившись от ярости, Люциус застыл над Гермионой. Как и у Тома, его изящная серая мантия сверху донизу была вымазана в копоты, а руки разбиты в кровь.

— Так это твоих рук дело, — прорычал он, недрогнувшей рукой нацеливаясь палочкой ей в лицо. — Паршивая грязнокровка...

...Чаша защитит меня, — подумала Гермиона, однако вопреки всему её сердце отчаянно забилося при виде холодной злобы, льющейся из его глаз.

С ней едва ли кто-либо и когда-либо говорил, задыхаясь от столь лютой ненависти, даже — давным-давно — Снейп. Хотя вот Драко общался с ней именно так, и, не случись всей этой истории с Гарри, возможно, Драко бы вырос в такого же монстра, каким являлся его отец, — с разумом, холодным как зима, и глазами, серыми и колючими, будто сосульки.

— Всё кончено, — сказала она, — вы больше ничего мне не можете сделать.

— Гермиона, — сквозь дым позвал Рон, — Гермиона, ты... — он осёкся, когда его глазам предстала эта картина. Гермиона буквально видела, в каком направлении помчались его мысли: на руке Рона были ножи... но что от них толку, если у Люциуса палочка? А Гарри был уже внутри пентаграммы и, вероятно, в этот самый момент сошёлся в битве с Вольдемортом...

— Рон! — завопила она, жестом приказывая ему не соваться, и добавила по-идиотски: — Всё в порядке, он ничего не сможет мне сделать...

Люциус визгливо рассмеялся и, схватив за руку, дёрнул, усадив на пол, — прежде чем она успела вырваться, он уже сдирал заколку; через миг та — вместе с изрядным клоком волос — уже была зажата в его руке.

Гермиона вскрикнула, потянулась к ней, но Малfoy с силой пихнул девушку обратно на пол — задыхаться от боли и потрясения.

— Я должен был догадаться... По одной только твоей мерзкой физиономии, грязнокровка, когда мы тебя сюда волокли! А я-то решил, будто мне померещилось торжество, мелькнувшее в твоих глазах! А ты не дура,

— констатировал он, вертя заколку в пальцах. — По-хоже... да, в тебе есть толика коварства, некая злобность, как у крысы или ласки. Я что-то об этом уже слышал: дескать, смешение крови приводит к всплеску примитивной сообразительности. Подсунуть фальшивку Вольдеморту — согласись, трюк-то из дешёвеньких... Но ведь почти получилось, верно?

Он ткнул кончик своей палочки ей под подбородок, заставив поднять лицо.

Худшим в лицемерии Люциуса Малфоя было то, что её не оставляла мысль, будто перед ней нечто вроде эхо Драко: то же точёное лицо, те же черты, тот же тягучий и острый, как алмаз, голос.

— Убирайся от неё, — однако Рон не приближался, боясь любым жестом спровоцировать Люциуса.

Тот рассмеялся резким, издевательским смешком, и в горло Гермионы вжалась палочка, заставив её хрипеть и давиться.

— Avada...

— Нет!!! — Рон вскинул руку, и из браслета на запястье выметнулся нож, во мгновение ока уже пересёкший комнату и вонзившийся в руку Люциуса чуть выше локтя. Малфой, замычав от боли, пал на колени, выронил палочку, а Гермиона, едва переведя дух, тут же сцапала её и махнула в его сторону:

— Stupefy, — прокашляла она.

С конца палочки вырвался сноп света, глаза Люциуса закатились, и он рухнул на мраморный пол, заливая его кровью из раны.

Гермиона потрясённо повернулась к Рону:

— С ума сойти. Где ты так научился метать ножи?

Рон перевёл взгляд на свои руки и робко пожал плечами:

— Ну, типа... где-то научился.

* * *

Горький дым. Горечь во рту, горечь в глазах. Ноги жгло даже сквозь ботинки, и Гарри знал: стоит ему упасть — он сгорит заживо. Пот струился по спине, волосы налипли на лоб, меч Гриффиндора бил по ноге и до боли оттягивал руку. Рукоятка уже стала скользкой от пота.

Почему-то никто не упоминает о подобных вещах, когда пишет о героических странствиях и сражениях: ни о том, как сосёт под ложечкой от страха и напряжения, ни о кавардаке в голове, ни о медном вкусе во рту — вкусе ненависти и насилия.

Он слышал вой Тёмного Лорда, и вой становился всё громче по мере того, как Гарри приближался к центру пентаграммы. Вой смешивался с воплями ещё кого-то; Гарри споткнулся и отскочил в ужасе: по пылающему мраморному полу полз Червехвост в дымящейся одежде и с дымящейся — местами красной, а местами уже обуглившейся — кожей.

— Воды... — прохрипел Червехвост, металлической рукой хватая Гарри за полу мантии. — Во имя Господа нашего... умоляю... воды...

Он поднял голову, и Гарри увидел — жар выел ему глаза, оставив пузырчатые бельма. Юноша вскрикнул от отвращения и ужаса, отпрыгнул, чувствуя подступающую к горлу тошноту. Железная хватка Червехвоста сдёрнула мантию с плеч, оставив Гарри дрожать в куртке и рубашке.

— Хозяин... — хрипел Червехвост, — хозяин, умоляю...

...Он думает, я — Вольдеморту, — с омерзением осознал Гарри.

Тут удушающая завеса густого серого дыма расступилась, пропуская Вольдеморту.

Белоснежная кожа в чёрных разводах. Сжимающая рукоять Кинжала когтистая лапа.

С триумфальным рёвом он рванул вперёд, погружая клинок Гарри в грудь.

* * *

Драко исчез в темноте дальнего конца коридора, и Джинни поплелась к дверям Церемониального Зала. Сердце отчаянно билось в груди — почувствует ли она входящую в тело Тома сталь? Ощутит ли вытекающую из него жизнь? Или же смерть опустится, будто занавес, аккуратно отделив жизнь от того, что ждёт за ней?

А может, и вовсе ничего не произойдёт.

...А может, Том убьёт Драко... — это было бы ещё ужасней, чем собственная смерть, особенно с учётом того, что она и только она окажется причиной. — Трусиха. Трусилвая изменница, трусика — отпустила его, позволив взять на себя твои обязательства.

— Значит, решила не ходить? — поинтересовался голос за плечом.

Повернувшись, Джинни увидела Рисенн, белое платье которой вилось в дымном сквозняке, а ноги вовсе не касались пола.

— Полагаю, тебе моя защита не нужна.

— Он не разрешил мне пойти за ним, — отрезала Джинни. — Кстати, твоя помощь мне действительно не нужна.

— Уверена, он будет цел и невредим, — рассмеялась дьяволица и крутанулась на носках. Чёрные волосы медленно взлетели шатром, будто ленты вокруг Майского Дерева.

— Кто будет цел и невредим, — с подозрением уточнила Джинни, — Том или Драко?

— Какая разница? Ты же сохнешь по обоим, насколько мне известно, так что как фишка ни ляжет, ты всегда в выигрыше.

— Неправда, — куда более резко, чем ожидала, возразила Джинни, — Том должен умереть. Я бы сама его убила — если... если бы смогла... — скомканно закончила она.

— Ты бы могла разбить его чёрное сердчишко, — жизнерадостно заметила Рисенн, закончив вращаться. Волосы смоляными мазками лизнули белую кожу и платье.

— Ещё никто не умирал от разбитого сердца, — сварливо буркнула Джинни.

— Не скажи, не скажи, — склонила голову демонесса. — А он забавный: временами мне кажется, что от него исходит сама темнота, но иногда будто мерцает нечто человеческое...

...Симус, — подумала Джинни, и что-то трепыхнулось в её подсознании.

— Ты ведь высасываешь души, верно? Ведь тебя именно потому и называют суккубом, верно?

Рисенн заморгала:

— С этимологией у тебя некоторые нелады, однако ход твоих мыслей мне нравится: я действительно вытягиваю из мужчин души и питаюсь их силой...

— Ах-ха, — трудолюбиво призадумалась Джинни, — весьма интересно...

* * *

Удар отбросил Гарри назад. Злобный смех Вольдеморты звенел в ушах. Гарри опустил взгляд, увидел торчащий в груди кинжал и осознал, что его вот-вот вывет.

Но боли не было.

Да-да, странно: совсем не было боли.

Кинжал проткнул куртку аккуратно над сердцем. Он ждал подтёков крови.

Ничего.

Вольдеморту перестал хохотать.

— Ты, — зашипел он, тыча в Гарри паучьим пальцем, — это все из-за тебя! Из-за тебя провалилась церемония! И твоя смерть — ах, какую я заготовил для тебя смерть! Твоя попытка длилась бы вечность!

Он снова поднял руку, махнул в сторону Гарри, зашипел — но ничего не произошло, и тогда он опять

завыл, грозя небу кулаками.

— Даже этого меня лишили — шанса раздавить тебя собственной рукой!

...Он утратил силу магии, — понял Гарри. Мысли на удивление прояснились — наверное, от шока. Он сделал шаг назад, обхватил рукоять торчащего из груди кинжала и дернул.

Раздался скребущий звук. Кинжал лёг в руку.

— Хозяин!.. — теперь Червехвост, обоженный и окровавленный, переполз к ногам Вольдеморта. Из его горла вырвался жуткий хрип. — Хозяин, если можете мне помочь — умоляю... помогите!

Перекосившись от отвращения, Тёмный Лорд потянул из его рук свою мантию:

— Пусти! Как смел ты коснуться меня без моего на то дозволения?! Немедленно убери от меня свои грязные лапы!

— Но Хозяин... Хозяин... я ведь умру... — завыл Червехвост, сжимая пальцы ещё крепче. — Воды, Хозяин, умоляю — капельку воды... Вы же обещали мне вечную жизнь, Хозяин!

Гарри смотрел на кинжал в своей руке, на клинке которого не осталось ни следа крови. Потом дотронулся до груди. Боли не было — только дырка на куртке, а под ней — что-то плоское и твёрдое. Внутренний карман. Гарри попятился ещё и вытащил книгу.

Кодекс Поведения Семейства Малфоев.

Теперь — с дырищей посередине, проделанной кинжалом.

— Драко меня приберёт, — сообщил Гарри аккуратно в тот момент, когда Вольдеморт, оскалившись, яростно пнул Червехвоста в голову — тот съёжился и рухнул кулем. Тёмный Лорд тут же снова развернулся к Гарри, и глаза его удивлённо прищурились:

— Что за ...?

Гарри отшвырнул кинжал и наподдал ему ногой, усылая подальше.

— Хочешь убить меня — придумай что-нибудь получше.

* * *

Том находился в куда лучшей форме и бегал быстрее, нежели Драко, а потому наверняка сумел бы улизнуть, не зная последний крепость как свои пять пальцев. Так что едва Том сбежал с лестницы и нацелился на огромную двустворчатую дверь, от которой дорога вела прямо к воротам замка, как Драко со своим Terminus Est в руке выскочил перед ним невесть откуда.

— Уже уходите? — нахально поинтересовался он, помахав рукой.

Из глотки Тома вырвалось рычание: все так тщательно продуманные и аккуратно выстроенные планы рушились буквально на глазах.

Он ещё чувствовал коготь на губах, эхо воплей Вольдеморта по-прежнему отдавалось в ушах; а ведь главная промашка состояла в том, что он доверил детали церемонии своей старшей ипостаси. Он понятия не имел, где тот совершил ошибку, но, похоже, ошибка оказалась не из мелких, коли в результате Церемонии они не взлетели к высотам всевластия, а лишились магии, с трудом уцелев.

Словом, Тому сейчас было не до глупых подростковых игр.

— Прочь с дороги, — зашипел он, наступая на Драко.

— Бог мой, да ни за что, — Драко поднял руку, и острие меча теперь указывало прямо на Тома. — Боюсь, пройти будет непросто, — как это обычно сообщает нам Снейп перед экзаменами по Зельям.

— Кончай нести бред и прочь с дороги, а то я...

— А то что? — глумливо передразнивая мимику Тома, поинтересовался Драко. Серые глаза горели расплавленным серебром. Глаза его отца. Хотя Люциус никогда не взирав на Тома с подобной ненавистью. — Коль я не ошибаюсь, ты лишился своего волшебства,

да и драться сейчас едва ли способен, — он поднял меч ещё выше, и теперь Том мог разглядеть вытравленный на лезвии рисунок. Чёрные розы. — Ежели собрался мне угрожать, выбирай угрозу получше.

— Я не вооружён — ни палочки, ничего, — заметил Том. — Ты же не будешь...

— Ещё как буду! — рассмеялся Драко. — Ты меня с Гарри не путай.

Он шагнул вперёд настолько быстро, что Том едва ли заметил само движение, лишь услышал шорох разрезанной ткани: одежда соскользнула с плеч, обнажив тело. Том не мог оторвать взгляда от крови, засочившейся из раны на плече.

— Я прирежу тебя, как раньше перерезал всю твою стражу, — бесстрастно сообщил Драко. — Разве что удовольствия от процесса получу значительно больше.

— Но...

Том всплеснул руками, будто в отчаянии, хотя на деле его остро отточенный ум уже просчитывал варианты: Драко вооружён и очень опасен, однако при всём при том очень слаб — едва жив. И наверняка уже практически слеп. Шанс сбежать ещё есть: можно быстро схватить меч одного из павших охранников и, уповая на превосходящие физические возможности и элемент неожиданности, прорваться.

— Убивать безоружного — это подло и трусливо. Твой отец бы...

— Вот только отца моего сюда не приплетай, — рявкнул Драко, чьи глаза сверкнули. Однако он тут же взял себя в руки. — Я полагаю, удушение ничего не подозревающей проститутки — яркое проявление доблести. Я видел, что ты сотворил с той девчонкой в Полночном Клубе.

— Это же всего лишь проститутка, — Том попятился, и нога наткнулась на тело одного из стражников.

— «Но это было в другой стране. К тому же девка умерла», — Драко крутанул меч. — Получше ничего сочинить не мог?

— Ни к чему цитировать Марло, — Том взглянул под ноги. Всё, что теперь осталось — наклониться и схватить короткий кинжал. — Это просто несчастный случай, я не собирался её убивать. Хотел только повзрослому позабавиться...

— А Пенси Паркинсон? С ней ты тоже позабавился? Станные у тебя забавы: убивать девушек.

— Нечего было стоять у меня на дороге. И потом, она — член семьи отступников. Я убил свою собственную родню, почему должен церемониться с ней? — он ухмыльнулся, склонив голову. — Должен признать, странно слышать из твоих уст обвинения. Если память Симуса Финнигана не врёт, ты когда-то не слишком-то отличался от меня.

— Когда-то, — голос Драко не выказал никаких эмоций, однако кончик меча дрогнул.

— Так что там насчёт иной страны? — хмыкнул Том. — До того, как любовь тебя исцелила? Ах, как трогательно.

Меч задрожал сильнее, и Том почувствовал себя ещё уверенней: если он сможет взбесить Драко, чтобы тот кинулся на него, то как раз успеет сцапать кинжал. А лучший соперник — разгневанный. Его победить куда проще.

— Валяй дальше, — пригласил Драко. — Уж не собрался ли ты мне сказать, что я куда милей, когда расстроен? Или такие банальности ты приберегаешь для Джинни?

Собственные слова с исполнением Драко заставили Тома вытаращить глаза. И запоздало осознать, что меч подрагивал в руке Драко не от гнева, а от смеха.

Он смеялся над ним.

— О, Джинни, — тоненьким голоском проскрипел Драко, — я предпочитаю, когда твои волосы распущены, — он ухмыльнулся. — Да-да, я там был. Играл под кроватью в прятки с домашними тапками. А с Джинни ты прервал меня на самом интересном — прикинь, как не повезло! Мы могли бы чудно провести время, загляни ты чуть попозже. Я как раз развлекался, соединяя

веснушки чуть выше её попки: ты в курсе, что если сделать это, получится карта Бирмингема?

Том разинул рот. В нём бушевала разъядающая вены ярость: ничего подобного он прежде не чувствовал. Это душило его. Он не мог вздохнуть.

— Бедняжка, она так беспокоилась, что я могу пораниться, отправляя тебя на тот свет, — Драко поднял руку, демонстрируя Тому ленту на запястье — когда-то белую, теперь же рваную и окровавленную. — Она даже дала мне её в знак любви. Помнишь?

Заревев, Том схватил кинжал и кинулся на Драко. Он бы, конечно, предпочёл распахать им горло врага, однако гнев помешал точно прицелиться, и вместо этого клинок ткнулся Драко в плечо. Слизеринец зашипел, зачертыхался, отшвырнул бессмысленный в бою на такой дистанции меч и, схватив Тома за грудки, толкнул в сторону — тот шлёпнулся на спину, задохнувшись от удара, и вцепился Драко в ремень, пытаясь увлечь противника за собой.

Упершись коленом в грудь Тома, Драко выдернул кинжал из собственного плеча и поморщился при виде лезвия, испачканного серебристой кровью. Кончик кинжала ткнулся врагу в горло. Соппротивление мгновенно исчезло: Том оцепенел. Драко надавил сильнее. Вот лопнула кожа над кадыком, и Том почувствовал стекающую за воротник кровь.

...А он и правда сейчас это сделает, — со смесью удивления и испуганного бешенства осознал он. Серые глаза Драко были совершенно спокойными. — Он перережет мне глотку и с улыбкой отправится во-сво-сяси. А Люциус-то считал своего сына слабаком...

Драко занёс кинжал:

— Усни, о милый принц, спокойной ночи. И чтобы приснились тебе уроды погаже. И пусть они тебя пытаются пострашнее. Как жаль, что мне не суждено этим любоваться.

Клинок полетел вниз...

— Она умрёт, если ты меня тронешь! — заорал Том.

— Что?! — выдохнул Драко, отдёргивая кинжал, находящийся уже в полудюйме от глотки врага.

— Джинни... — тот задыхался от страха, — мы с ней связаны... Умрёт она — умру я. Умру я... — он растянул губы в усмешке, раскинул руки, — мы, конечно, не знаем наверняка, однако, полагаю, это не улучшит её здоровье. Если, конечно, она вообще выживет.

Драко не шевельнулся. Он растерянно смотрел на Тома, забыв закрыть рот.

— Знаешь, а ты действительно симпатичней, когда расстроен, — сообщил Риддл. — Кто бы мог подумать?..

* * *

В воцарившейся тишине Гарри услышал резкий вздох Вольдеморта.

— Ты... — просипел Тёмный Лорд, — как?..

— Знаешь, мне всегда казалось — уж если ты меня прикончишь, то сделаешь это палочкой. А не вынырнув из тумана за спиной.

— Моя палочка разрушилась вместе с Зеркалом, — холодно сообщил Вольдеморт. — Итак, ты снова уничтожил всё, чем я владел. Ты — глупый недомерок-полукровка, сын трусов и предателей, укравший мою жизнь, мою победу и лишивший меня права даже на месть, — он сделал ещё один шаг к Гарри, и холодный отвратительный свет зажгётся в его взоре. — Ты, кому была отведена участь муравья на моём пути, разрушил всё с такой лёгкостью. Так скажи, что же я совершил, чтобы заслужить это?

— Ух ты! Желаете список? — мысленно извинившись перед Драко, Гарри отшвырнул в сторону семейный кодекс Малфоев и освободившейся правой рукой вытащил из-за пояса палочку. В левой он держал меч — легко и свободно, как научил его Драко: сам он терпеть не мог сражаться левой рукой, однако слизеринец вечно настаивал и всё-таки добился своего.

Гарри поднял палочку.

Вольдеморт замер.

— А теперь ты меня убьёшь, — прорычал он, — беспомощного и безоружного! Вот она — хваленая храбрость Поттеров! Ты — трус, как и твой отец, Гарри...

Палочка полетела под ноги Тёмному Лорду.

— Подымай, — приказал Гарри. Вольдеморт не двинулся, его взгляд не отрывался от гриффиндорца. — Подымай, — повторил юноша, — подымай и сражайся со мной, будь ты проклят! Ты должен знать, как ею пользоваться, — она такая же, как твоя.

— Ты глупец, — Вольдеморт схватил палочку, заставив Гарри впервые в жизни подумать, что, возможно, Тёмный Лорд не так-то и далёк от истины, — и мгновенно взмахнул: — *Flammifer sphaera!*

Вырвавшийся из кончика палочки огненный шар помчался к Гарри — тот едва успел нагнуться, поднырнуть и перекатиться в сторону, в душе поблагодарив Драко за то, что тот научил его кувиркаться с мечом, не пронзая себя при этом насквозь. Не теряя времени, Гарри выбросил руку в сторону Вольдеморта:

— *Incendiaris globus!*

Однако выстрелившая шаровая молния выглядела куда менее впечатляюще того, чем метил в него Вольдеморт; Лорд просто со смехом склонился, увернулся и снова поднял волшебную палочку.

— *Serpens.*

Выскользнувшая из ниоткуда толстенная чёрная змея, обнажив клыки, полетела прямо в Гарри — юноша едва успел махнуть мечом, как она уже оказалась рядом, и сталь рассекла её пополам, забрызгав его с ног до головы ядовитой зеленью. Разрубленной верёвкой змея рухнула на пол, рассыпавшись во прах, и Гарри, захлёбываясь тошнотой, метнулся назад, однако Вольдеморт уже швырял следующее заклятье:

— *Crucio!*

Рука с мечом взлетела вверх сама собой, проклятье угодило в лезвие. Меч дёрнулся, сталь рассекла тончайшая трещина. Растопырив пальцы, Гарри подняв вверх правую руку. Голос его дрожал, когда он попытался вымолвить:

— *Signa...*

— *Quasso!* — заорал Вольдеморт.

Избежать красной вспышки, вырвавшейся из палочки Тёмного Лорда, не удалось: та меняла траекторию — вот метнулась вверх, потом вниз и, наконец, ударила в правую руку, чуть выше локтя. Захрустела ломающаяся кость, и Гарри, слышавший этот звук, — сухой треск лопнувшей ветки — закричал от боли.

Сквозь дым к нему приблизился хохочущий Вольдеморт. Гарри силился поднять руку, но та неподвижно свисала вдоль правого бока.

...Соберись, — отчаянно подумал он, пытаясь рассеять красное море боли, застилающее его разум. — Соберись, Гарри.

Вольдеморт воззрился на него сверху вниз.

Попытка поднять меч тоже успехом не увенчалась: нетерпеливым проклятьем Тёмный Лорд отшвырнул оружие прочь. На лице расплывалось совершенно жуткое выражение голодного вождения.

— Умоляй же меня, Гарри... — почти шёпотом заговорил он. — Умоляй, как делали это твои родители, прося сохранить тебе жизнь. Знаешь, так они и умерли — крича, визжа и умолая. Валяясь у меня в ногах. Твоя мать сдохла не сразу: она все верещала и верещала, прося пощады. Трусы, они такие же трусы, как и ты...

— Она молила не трогать меня! — закричал Гарри, перед глазами которого замельтешили чёрные мушки — следствие то ли нестерпимой боли в руке, то ли вскипевшего в душе бешенства. — Она молила не о собственной, а о моей жизни — это не трусость, это мужество, и я скорее умру, чем попрошу тебя о чём-то!

Вольдеморту расхохотался, будто ждал именно этих слов.

— Ну так умри, — он поднял палочку.

Юноша вскинул руку, осознавая, что всё равно слишком поздно: Вольдеморту уже почти произнёс слово, кончик палочки засветился зелёным... И вдруг Тёмный Лорд заорал, дёрнувшись назад. Проклятье скользнуло над головой Гарри, не причинив ему никакого вреда.

Червехвост.

Отнюдь не покойник, он намертво вцепился Вольдеморту зубами в ногу, под которой сразу же расплылась кровавая лужа.

...Крыса... — оцепенело подумал Гарри, не сводя глаз с жёлтых зубов, сомкнувшихся на икре Вольдеморта. — Как есть крыса...

И снова Гарри попробовал приподнять правую руку, и снова неудачно. Он рухнул наземь и левой потянулся за мечом Гриффиндора — но тот валялся слишком далеко; как вдруг пальцы нащупали острый, как бритва, осколок Зеркала. Ахнув от боли, он оцепенел — с утробным рёвом Тёмный Лорд погрузил в шею Червехвоста кинжал. Петтигрю забулькал и повалился, давась кровавой пеной. Освободившись, Вольдеморту опять развернулся в сторону Гарри:

— Avada Kedavra!

Зелёный луч летел прямо в него, и Гарри, прекрасно понимая всю бесполезность этого жеста, всё же прикрылся от смертоносного заклинания левой рукой, позабыв про зажатое в ней зеркало, вернее, не просто зеркало, но Зеркало — один из Четырёх Благородных Объектов. Зелёный луч ударил именно в его поверхность, тут же отразился обратно к Вольдеморту, однако уже тысячекратно усиленным, и попал ему прямо в грудь. Всплеск недоверчивого ужаса на лице... от удара Вольдеморта вскинуло вверх, чтобы тут же обрушиться на мраморный пол под хруст крошащихся костей, чтобы заставить завывать, завизжать, забиться в судорожной агонии.

Гарри задохнулся, полуослеп от сияния Непростительного Заклятья. С трудом приподнявшись на колени, он отшвырнул в сторону осколок и пополз; добрался до гриффиндорского меча и снова пополз, изнемогая от боли, — на этот раз к Вольдеморту. Сломанная рука болела невыносимо. Вокруг гудел ветер, клубился едкий дым. Лорд всё ревел и ревел.

...Хоть бы помер уже, что ли... — подумал Гарри.

Наложённые на себя защитные чары сделали Тёмного Лорда почти бессмертным, однако сейчас они обратились против него — не убив его мгновенно, Авада Кедавра вгрызалась, уничтожая более чем смертное тело в таких муках, которые Гарри себе и вообразить не мог.

Так он и полз под завывания, и казалось ему, будто покрыл он уже многие тысячи миль — от одного края земли до другого. Наконец он добрался до Вольдеморта, занес левую руку с мечом и снова вспомнил о Драко, научившем его, вопреки нежеланию, сражаться и нелюбимой рукой. И оказавшемся, как и во многом другом, совершенно правым...

Полёт меча — искрящаяся дуга — и голова Тёмного Лорда отделилась от тела. Клинок лязгнул о мраморный пол под его шеей, навеки заставив умолкнуть.

Теперь шумел только ветер.

...Вот и всё.

Гарри ткнулся в пол в покоем на смерть обмороке.

* * *

— Что будем с ним делать? — поинтересовался Рон, стоя над скрючившимся Люциусом. — Прикончим?

— Нет! — Гермиона поднялась. Внезапно побледнела, пошатнулась и приложила руку к голове. — Нет, — повторила она, — а то не узнаем утраченный ингредиент в противоядии Драко.

— Да он ни в жизнь тебе слова не скажет. Разве что ты его будешь пытаться.

Лицо Гермионы на миг окаменело.

— Ещё как буду, — она снова пошатнулась и протянула свою палочку Рону. — Ну-ка, поддержи. Моя голова...

Люциус взвил. Рон и Гермиона разом отпрыгнули назад, она споткнулась и, чтобы удержаться на ногах, ухватила за него. Люциус продолжал орать, выгнувшись дугой на полу и катаясь с боку на бок, будто в приступе боли.

— Какого чёрта? — ошарашенно спросил Рон.

— Понятия не имею, — шепнула в ответ Гермиона. — Ты это видишь?

Она указала на мерцающее над головой Малфоя-старшего голубоватое облачко. Как раз в этот миг облачко нырнуло вниз, исчезнув в разъявленном крике рта. Люциус затих, снова распластавшись на полу.

Гермиона, так и не выпустившая свою палочку, нагнулась, прижала пальцы к его горлу.

— Он ещё жив.

— А что произошло? Ты напортила с Оглушающим Заклятьем? Я выполнял его раньше, и никогда... Ну, мне не приходилось видеть ничего подобного.

Гермиона замотала головой и взглянула на него поверх распростёртого тела Люциуса. Глаза её внезапно вспыхнули.

— Видимо, Гарри сделал это. Думаю, он убил Вольдеморта.

* * *

...Она мне об этом не сказала, — тупо размышлял Драко, уставясь на затихшего под ним Тома. — Почему она мне не сказала?

Он подумал о Джинни, с протянутыми руками замершей в коридоре, как если бы она надеялась удержать его от погони за Томом.

«Ничего... — сказала она. — Ничего».

Она позволила ему уйти, понимая, что смерть Тома от его руки может означать её собственную смерть... И всё же — она позволила ему уйти.

«Это должна сделать я. Я в ответе за Тома».

Том рассмеялся.

— Я знал, что ты не сможешь, — прокудахтал он. — Любовь и благородство — две вещи несовместные. Кто там это сказал? Эсхил?

— Овидий, — и Драко с яростью опустил кинжал; лезвие пролетело в нескольких дюймах от лица Тома, тяжёлая рукоять ударила в висок. Лёгкая дрожь — и Том мгновенно обмяк. — Терпеть не могу недоучек, — ни к кому конкретно не обращаясь, сообщил Драко и выронил кинжал, взирая на поверженного врага с некоторым удовлетворением: голубые глаза закатились под лоб, по бледному лицу рассыпались яркие веснушки. — Это за то, что дал мне в голову в музее, Финниган, — добавил Малfoy и, перегнувшись через неподвижное тело, потянул к себе свой меч.

Заткнув его за пояс, он призадумался: чтобы довольч Тома обратно до Церемониального Зала, сил — ни магических сил, ни физических — не имелось, а Гарри сейчас прерывать было едва ли подходящее время. Оставлять тут — тоже не вариант: очухается и сбежит, и тогда все усилия отправятся псу под хвост, не говоря о том, что этот психопат снова вырвется в ничего не подозревающий волшебный мир.

С другой стороны, ничего прикольного в том, чтобы остаток своей утекающей жизни провести в обществе бессознательного Тома Риддла, Драко не видел: в жизни его имелось весьма ограниченное количество людей, с которыми он бы разделил эти часы, и вышеозначенная персона этот список явно не возглавляла.

Тут взгляд Драко опустился к кисти, вернее, к тёмно поблёскивающему на левой руке Тома кольцу — брату-близнецу его собственного, врученного от-

цом: ониксовый грифон и малфоевская печать на обратной стороне.

...А... — Драко с ухмылкой потянулся и трижды повернул кольцо на безвольном пальце Тома.

* * *

Обморок продлился всего несколько секунд — Гарри очнулся. Он ничком лежал в луже крови Тёмного Лорда. Давясь, юноша перекатился на спину и с трудом приняв сидячее положение.

Дым вокруг начинал рассеиваться. Неподальку лежал труп Червехвоста, плясая бельмами в небо. Ветер выл всё яростнее, рвал ледяными пальцами рубашку. Вот начала замерзать кровь на руках, а одежда стала от неё негнушейся и жёсткой.

Гарри поднял взгляд ввысь:

— Довольно.

Ветер тут же спал и смягчился, теперь обвивая юношу словно бы любящей рукой, а потом и вовсе исчез. Осталось только небо — ясное, высокое небо, украшенное сияющими звёздами, которые Драко уже не мог видеть, — морозно-белые, льдисто-зеленоватые и озёрно-синие, они сияли во всей своей красе меж раскинутой по небу пуховой сети облаков.

Гарри показалось, будто луну пересекла какая-то тень — тень чего-то большого, вроде дракона или гиппогрифа.

Он смежил веки, а когда открыл глаза, тень уже пропала. Как он устал... Устал настолько, что великолепие неба ровным счётом ничего не значило — он радовался самому факту, что просто жив и может на него смотреть.

Баякая у груди искалеченную руку, он поднялся, потом потянулся за палочкой и мечом, эфес которого густо покрывала кровь. Взгляд снова обратился к Вольдеморту. Отрубленная голова откатилась в сторону и покоилась лицом вверх, таращась и скалясь в небеса.

Гарри всегда казалось, что в этот миг он непременно испытает триумфальное чувство — высшее торжество, которое буквально вознесёт его над землёй... Ничего подобного — только всеобъемлющая пустота, по которой гуляло эхо, да вот ещё странная печаль.

...Мама... Папа... Это ради вас. Теперь вы отомщены и можете обрести покой.

Тишина стала ему ответом. Дрожа, Гарри медленно обернулся и сквозь редящийся дым увидел неясные очертания фигур — где-то там сейчас ждали Гермиона, и Рон, и Драко. Пришло время вернуться к ним. И — как знать — возможно, никогда более не расставаться.

Медленно, будто дряхлый старик, Гарри поплёлся прочь из пентаграммы.

* * *

Покинув Рисенн, Джинни вернулась в Церемониальный Зал. Чад вокруг уже начал рассеиваться, хотя по-прежнему ел глаза и горчил во рту. Она сморгнула едкие слёзы и огляделась в поисках Гарри, Рона и Гермионы, однако всё, что увидела, — разверстый потолок, сквозь который сочился звёздный свет, да всё так же ходящий клубами посреди зала дым. А ещё — Драко, который вернулся сюда, каким-то образом миновав её. Сейчас он преклонил колени подле неподвижного Тома. Джинни бросилась к ним.

— Ты убил его? — с трудом переводя дух, спросила она.

Драко поднял взгляд, и было в его глазах сейчас нечто удивительно резкое.

— Ты знаешь, что нет.

Он поднялся. Попинал Тома носком ботинка. Тот не шелохнулся.

— Помоги его заковать, — приказал он Джинни.

Сказать было проще, чем сделать. Тело Тома по-

койлось меж ними, и Драко прикладывал все усилия, чтобы не касаться и не смотреть на неё. Едва защёлкнулся второй наручник — теперь Том качался, будто гроб хрустальный, — как Драко отвернулся:

— Мне нужно найти отца.

— Драко, ты цел?

— Кольцо перебросило меня сюда, значит, он поблизости, — слизеринец не отрывал взгляда от серебристого браслета вокруг запястья Тома. — Ты Гарри видела?

Джинни мотнула головой:

— Нет, но, полагаю, он где-то... где-то там, — она махнула рукой на клубящийся дым, в котором, кажется, покачивались какие-то неясные силуэты. Хотя, возможно, они являлись лишь следствием игры света и тени. — Драко, пожалуйста...

Тонкий как тень, неподвижный, забрызганный высохшей уже дочерна кровью — чужой кровью, — он наконец-то посмотрел на неё.

— Останешься с ним. Призови на помощь все свои инстинкты самосохранения и сторожи.

— Я должна была тебе сказать... Это... это просто...

Он сделал шаг и схватил её за плечи так сильно, что она ахнула от боли. От боли — и ещё от удивления.

— Да. Ты должна была мне сказать. Поставь-ка себя на моё место, представь, что оказалась невольным орудием моей смерти, потому что я вдруг решил тебя обхитрить!

— Я подумала, ты не тронешь его, если я тебе расскажу...

— И ты всерьёз хотела с ним расправиться? — недоверчиво уточнил Драко.

— Нет... — тихо отозвалась Джинни. — Но я боюсь себя — той моей части, что не желает этого. А ещё, Драко... Я хотела, чтобы ты смог сразиться — сразиться, не думая обо мне, не подгоняя себя страхом за мою безопасность...

Он толкнул её прочь так резко, что она споткнулась.

— Я думал, ты перестала быть избалованным ребёнком. Я заблуждался.

— Я не ребенок, — возразила она.

Серые глаза зажглись на его худом лице.

— Тогда впредь не делай ничего подобного.

Драко развернулся и пошёл прочь. Дым свивался вокруг, замутняя очертания, пока вовсе не стёр его фигуру. Тогда Джинни оборотилась к Тому.

* * *

Конечно же, первым его увидела Гермиона: дым, отдаляясь от пентаграммы, редел, и вот, прижимая к груди правую руку, из него вынырнул Гарри. Кровь залила его белую рубашку, кровь была на его руках, кровь забрызгала его лицо, окровавленный меч Гриффиндора висел у него на боку.

— Гарри!!! — она бросилась вперёд, споткнулась, удержалась на ногах и полетела к нему сквозь чад.

Рон увидел, как Гарри здоровой рукой обхватил подругу, склонился, уткнувшись в волосы. Грязные, раненые, окровавленные, прильнули они друг к другу.

Прильнули друг к другу.

Рон отвернулся.

На глаза вновь попался валяющийся дохлой рыбой Люциус.

...Гарри досталась девушка, а мне — батюшка Малфоя, — кисло подумал Рон, впрочем, безо всякого негодования. Он осторожно, словно большой зуб, потрогал это чувство, однако ничего не испытал.

На деле он не любил Гермиону. Не в этом смысле. Всё, что было, — лишь паутина грёз, искусственный цветок, вскормленный ложью и давней ревностью.

Он снова посмотрел на Гарри и Гермиону — она уже изучала перелом, потом коснулась палочкой, и Гарри выпрямил руку, заулыбался. Вместе они направились к Рону, который в это время гадал, замети-

ла ли Гермиона усталость, переполнившую эту улыбку.

— Значит, ты сделал это, — сказал Рон, едва Гарри оказался рядом. — Я знал, я всегда знал, что ты сможешь.

На миг улыбка Гарри стала настоящей.

— Ага, — но тут же, едва он заметил Люциуса, лицо вновь посерьёзнело: — Он мёртв?

— Рон просто оглушил его.

— Разбуди, — повернулся к другу Гарри.

— Чего?

— Разбуди, говорю, — хрипло повторил Гарри, но лишённый палочки Рон лишь помотал головой. Гарри поднял правую руку, поморщился: — Eneervate.

Глаза Люциуса открылись.

Он застонал, потянулся к ножу, всё ещё воткнутому в его тело, выдернул за рукоятку и попробовал сесть, зажимая рану ладонью. Кровь сочилась сквозь пальцы.

— Мой Лорд Вольдемор... — выдавил он.

— Мёртв, — ответил Гарри. В голосе звучала чистая ненависть. — Кровь на моих руках — его, равно как и на моём мече. И если не желаешь присовокупить к ней ещё и свою...

— Драко, — хрипло зашептал Люциус, широко распахнув воспалённые глаза. — Что с ним?

— Заткнись! — взбешённо рявкнул Гарри, трясущейся рукой сжимая эфес меча. — Не смей и имени его поминать — ты, мерзкий грязный убийца... Да ты хуже Вольдеморта! Он же — твой сын, твой собственный сын...

— Где он? — скрюченные пальцы Люциуса потянулись к Гарри. — Взрыв... Он не ранен?

— Придержи свои крокодилы слёзы, — фыркнул Гарри. — Будто тебя это действительно волнует...

— Стой, Гарри, — чужим, потрясённым голосом выдохнула Гермиона. — Его это волнует.

— Всегда подозревал, что ты слишком хорошо думаешь о людях, — не взглянув на неё, заметил Гарри. — Но он много лет назад отказался от своих отеческих чувств, швырнув их Вольдеморту, словно какой-то мусор.

— Я знаю, Гарри, — тихо сказала Гермиона. — Но Вольдемор-то мёртв.

Гарри медленно повернулся в её сторону, и она увидела смятение в зелёных глазах.

— Не понимаю... — начал он, но тут позади раздался ещё один голос и появилась ещё одна тонкая фигура.

В чёрном с ног до головы, из дыма вышел Драко:

— Гарри... — он прищурился, промаргиваясь от дыма. — Ты весь в крови, — будто не замечая ни Рона, ни Гермиону, ни собственного отца — никого, кроме Гарри, — сказал он.

— Не моя, — быстро ответил тот. — Вольдеморта. Ну... в основном.

Последовала длинная пауза.

— Итак, — наконец прервал её Драко, — похоже, я опять пропустил всё самое интересное, — в голосе зазвучало облегчение, но глаза по-прежнему не отрывались от Гарри, отмечая каждую ссадину, синяк и порез. — Рука. Я почувствовал, когда она сломалась. Но сейчас всё уже хорошо?

— Гермиона меня исцелила.

Драко приподнял руку, будто собираясь положить её Гарри на плечо или коснуться руки, лица — чтобы успокоить себя...

— ...Драко... — новым, хриплым голосом выговорил Люциус.

Слизеринец с удивлением на лице обернулся, узрев коленопреклонённого отца и стоящего над ним с кинжалом Рона. Так и не опустив руку, Драко замер. Рон увидел — край его века дёрнулся, когда он встретился глазами с отцом.

— Мой мальчик... — повторил Люциус, сисясь подниматься. — Пожалуйста...

— Да заткнись же, — перебил Гарри. — Он уцелел во взрыве, — пояснил он Драко. — В отличие

от Питера.

— Ох... — судя по виду Гермионы, для неё это оказалось новостью. Она посмотрела на Драко: — А Том...?

— Я дал ему по башке. Сейчас он прикован к стене. Джинни сторожит.

— Его сторожит только Джинни? — встревожилась Гермиона. — И больше никто? Ты уверен, что это...

— ...хорошая мысль? — выгнув бровь, закончил за неё Драко. — Понятия не имею. Но я в неё верю.

— Хм... Всё же Том — тот ещё хитрец. Я помогу ей, — девушка исчезла в дыму.

— Доверие и ещё раз доверие, — провозгласил Драко, однако в голосе не было и толики веселья. Окинув отца критическим взглядом, он поцокал языком: — Что-то вы какой-то вздрюченный, батюшка. Настолько упали духом из-за окончательного и бесповоротного поражения Вольдеморта?

Люциус взирал на сына со всё нарастающим отчаянием.

— Хвала Господу... — прохрипел он, — хвала Господу, ты цел и невредим...

У Драко снова дёрнулся глаз, но голос остался холoden:

— Как все запущено... Похоже, совсем плохо дело, коли вы опустили до такого рода уловок.

— Никаких уловок: когда умер Тёмный Лорд, разрушились все заветы, и всё, что он отобрал у своих последователей, вернулось к ним. Всё, — повторил он с немой призывом в глазах.

Драко резко вздохнул, почти задохнулся, и глаза расширились до невозможных размеров, заняв почти всё лицо — даже Рон испытал прилив жалости от увиденного в их глубинах ужаса.

— Малфой...

Но взмахом руки Драко остановил шагнувшего к нему было Гарри. Они с отцом не отрывали друг от друга взглядов.

— Что ж, пусть будет так, отец, — заговорил слизеринец, и румянец проступил на его щеках, — однако это ни в коей мере не значит, что вы не будете шельмовать и хитрить, оказавшись в безвыходном положении.

— Ты имеешь в виду, что они собираются меня убить, — Люциус покосился на Рона, перевёл взгляд на Гарри и снова уставился на сына.

— Вполне возможно. Теперь мы сможем вместе умереть — согласитесь, удивительно поэтичная развязка для конкретно нашей семейной трагедии. Трагедии в том смысле, что мы оба — члены одной семьи.

Люциус задохнулся:

— Умрём вместе? Но ты... — ужас всколыхнулся в его глазах, грудь разорвал стон: — Яд. Конечно. Боже, что я натворил?! Что я натворил?!

Он ткнулся лицом в ладони. Драко смотрел на него, кривя бескровные губы.

— Не надо, — голос был резким, как кончик бича. — Помните, что сказано в Кодексе Поведения: «Сожаление, как и яркий розовый, Малфоям не к лицу»...

— Драко, — Люциус поднял голову и качнулся вперёд, простирая руки к сыну, — мой сын... кровь и плоть моя...

Драко даже не трепыхнулся — настолько он был потрясён, а вот Гарри кинулся, рычащей от ярости себериристо-чёрной молнией вклинился между отцом и сыном. Раздался шелест обнажаемого меча, и спустя миг острие его уже реяло яркой серебристой стрекозой у груди Люциуса.

— Твоя кровь... — с издевкой повторил Гарри, — это, поди, ДО того, как ты наполнил его вены ядом? Да как смеешь ты с ним разговаривать в таком тоне?! Да что разговаривать — как ты смеешь на него и взгляд-то поднять?!

Люциус в отчаянии замотал головой, и Рон заметил — несколько седых прядей выбились из перевязанного чёрным шнурком хвоста. Там теперь вообще было куда больше седины, чем он мог припом-

нить.

— Мне не нужно смотреть на Драко, чтобы увидеть его — я вижу его каждый раз, когда смотрюсь в зеркало, он — кровь от крови моей, кость от кости, плоть от плоти. Он сын мой, и у тебя нет никаких прав вставать между нами!

— Ещё как есть! — загрохотал Гарри. — Вы не отец ему! Отцы любят и душой болеют за детей! Мой отец умер, чтобы защитить своего сына, а вы — убили вашего!

— Слухи о моей смерти несколько преувеличены, — мягко заметил Драко.

Всё ещё дрожа от ярости, Гарри поджал губы.

Люциус обернулся к сыну:

— Драко, я знаю — я причинил тебе много зла, однако ты должен понять — всё дело было в заклятье Вольдеморта, он наложил на меня чары. Когда ты родился, я любил тебя так, как только можно любить ребёнка, — но потом любовь была отобрана у меня.

— Отобрана у меня, — уточнил Драко. — Ты отдал то, что вовсе тебе не принадлежало.

— Он это потребовал, а я испугался...

Драко посмотрел себе под ноги, потом снова взглянул на отца — из-под ресниц, удивительно по-детски.

— Я люблю тебя, отец.

Люциус дёрнулся вперед, едва не насадив себя на меч Гарри. Драко аккуратно шагнул назад, качая головой:

— Однако любовь — это ещё не всё, — он обернулся к Гарри: — Отойдём на пару слов.

К Гарри вернулась способность говорить.

— Я не могу отпустить его. Если хочешь, я оставлю его в живых, но отпустить — даже не проси.

— Я и не прошу, — ответил Драко. Рон подумал, что он выглядит до невозможности спокойным, вопреки вспыхнувшим в первый миг ужасу и боли во взгляде. — Там, — он махнул рукой на дальнюю сторону Зала, где виднелась маленькая синяя дверца, — есть комната с запорами. Пусть Рон отведёт туда отца и сторожит его с кинжалом в руке. Или, пожалуй, даже с парочкой.

— Ни за что, — перебил Гарри и продолжил, не дав Малфой и слова сказать: — С моим мечом.

Он подал Рону меч. Люциус ждал, не предпринимая никаких попыток сбежать. Изголодавшимся бродягой, стоящим перед ломящимся от яств чужим столом, он пожирал глазами сына.

Рон коснулся обнажённым клинком Малфоя-старшего меж лопаток:

— Шевелись.

Люциус покорился.

* * *

Юноши стояли, завернувшись в клубящийся дым и тишину, самую напряжённую тишину из всех возможных, — тишину погасшего боя. Морозный воздух сочился сверху. Гарри поёжился. Он смотрел на Драко, а тот не отрывал взгляда от уходящего в дым отца, сопровождаемого Роном с мечом наизготовку. Человек неопытный посчитал бы, будто лицо Малфоя полностью лишено каких-либо эмоций, однако Гарри-то видел и затвердевшую линию рта, и трепетание век — вполне достаточно, чтобы понять: боль, испытываемая сейчас Драко, сравнима лишь с болью от тысячи вонзившихся ножей.

— Прости... — сказал он.

Люциус исчез.

Теперь Драко повернулся к Гарри и посмотрел на него такими же горькими, как и чад вокруг, глазами:

— За что?

— Не знаю. Может, стоило тебя предупредить. Ну, насчёт отца, на ухо. Чтобы ты подготовился.

— Есть вещи, подготавливаться к которым невозможно, — на щеке Драко проступал синяк, воротник ру-

башки порвался. Обтрёпанная и окровавленная ленточка болталась на запястье. — Не грузись. Просто вселенная снова над нами всласть поохоталась.

— Я не буду его убивать, — повторил Гарри. — Если ты, конечно, не хочешь, чтобы я его убил...

Драко воззрился куда-то вдаль, голос его стал медленным и холодным, будто движущийся ледник.

— Делай, что должен. Как всегда.

— Нет, — Гарри чувствовал: Драко ускользает, просачиваясь водой сквозь пальцы.

Он протянул руки, положил их слизеринцу на плечи, получив в ответ удивлённый взгляд:

— Я достаточно убивал во имя света. Если хочешь, чтобы твой отец жил, я сохраню ему жизнь.

— Ты пощадишь его, не убьёшь во искупление моей смерти?

Гарри кивнул.

— Махнись мы местами, не уверен, что сказал бы то же самое, — заметил Драко. — Но ведь это ты у нас ходишь в героях, а не я.

— Ты бы поступил так же, — возразил Гарри. — Ради меня.

Драко отвёл взгляд, и кончики его волос скользнули по рукам Гарри.

— Не думай обо мне. Я знаю — тебе нужно отомстить за родителей, и только смерть моего отца способна закрыть этот счёт. А он — несомненно — это заслужил.

— Так ты не запрещаешь мне?

— Я не хочу вмешиваться и приму твой выбор как данность.

— Но, Малфой...

— Нет, — Драко посмотрел на Гарри потемневшими глазами. — Не принуждай меня.

— Он — твоя кровь, твоя семья. Ты вправе...

Драко прервал гриффиндорца, тоже положив ему ладонь на плечо:

— Ты — моя кровь. И моя семья, — он слабо улыбнулся. — Кстати, я думал...

— Что?

— Что твой шрам исчезнет. Ведь Вольдемор-то мёртв. Однако шрам и ныне там. И я рад этому — без него ты был бы не ты, — он убрал руку: — Сделаешь для меня кое-что?

— Что?

— Прими это, — Драко протянул Гарри свой Terminus Est. Вокруг эфеса обвился язык дыма, замутнённая выравненная на нём чёрные розы. — Предпочту, чтобы отец пал не от гриффиндорского меча.

Меч показался Гарри тяжёлым и незнакомым.

— Хорошо. Я сделаю это для тебя.

* * *

Том обвис в кандалах — бесчувственный, со струйкой крови, сползающей по виску из-под светлых волос. Гермiona ничего не могла с собой поделать — думала, насколько ему, наверное, неудобно. Потом она припомнила задущенную в Полночном Клубе девушку и понадеялась, что ему сейчас очень больно.

— Может, убьём его? — предложила она Джинни.

— Мы не можем, — возразила Джинни. Она, отвернувшись от Тома, стояла у стены и шарила глазами в дыму. Рядом реяла Рисенн, чьи волосы цвета воронова крыла, вздымающиеся на холодном горьком сквозняке, сейчас действительно напоминали крылья.

Гермiona приподняла бровь.

...Если б ей можно было доверять...

— И почему нет?

— Из-за Симуса, — пояснила Джинни. — Если есть ещё шанс спасти его...

— Погоди, так как его зовут — Том или Симус? — уточнила сбита с толку Рисенн. — Я что-то недопоняла. Хотя... — она наморщила нос, будто попробовала нечто горькое, — что-то в нём такое есть... Весьма естественное.

— У него две души, — отозвалась Гермиона. — Его собственная и душа того, кто овладел им.

На миг Рисенн будто даже испугалась, но тут же рассмеялась.

— О... Итак, у нас есть две души в одном теле и одна душа в двух. Чудненько.

— Я не говорила, что Том — один из нас, — вскинулась Гермиона. — И что ты имеешь в виду под...

— ...одной душой в двух телах? — подхватил вынырнувшись невесть откуда Драко. Он шёл, сунув руки в карманы, и глаза его подозрительно ярко сияли — как тогда, когда он бывал очень возбуждён или же очень сердит. Или и то, и другое одновременно. — Весьма поэтично для демона.

— Драко... — позвала Джинни, но он даже не обернулся. Кусая губы, она отошла в сторонку, правда, не слишком далеко: Гермиона видела сквозь гарь переливы её платья и волос.

Полностью игнорируя её перемещение, Драко продолжал беседу с Рисенн:

— Полагаю, это ты во всём помогала Гермионе? Подстроила её смерть, подсунула шпильку, плеснула яду Вольдеморту в чай?

— Я никогда не подливала Вольдеморту яда, — оторопело возразила Рисенн. — И потом, он предпочитает кофе. Э-э... то есть — предпочитал.

— Признаться, я и не подозревал, что ты можешь оказаться настолько полезной, — сообщил Драко, и Рисенн улыбнулась ему своей холодной улыбкой, полной тайн. — Прямо как «Пушки Педдл», в последний момент ухитрившиеся подыграть падлмерцам, скажи?

Демонесса только хлопала глазами.

— Да-с, спортивные аналогии — не твой конёк, — подметил слизеринец.

— Ей-богу, Драко... — нетерпеливо фыркнула Гермиона.

— Я просто пытался сообщить, что твои интересы и привязанности лежат в иных сферах. А именно — мой отец. Вернее, то, что от него осталось.

— А вот и нет. Она обязана хранить верность главе английского клана Малфоев. И формально это ты, ибо твой отец утратил право именоваться так, когда «умер», а потом о восстановлении в правах не побеспокоился, потому что... хм... кстати — почему, как ты думаешь?

— Ох уж мне эти законы... — вздохнул Драко, — вечно они вещают о том, как всё должно быть, и никогда — как обстоит на самом деле. Мой отец — Хозяин Имени Малфоев, Гермиона. И в Имени об этом известно каждому камню.

— Но именно ты — последний из Малфоев. После тебя никого нет. И Рисенн обязана защищать род Малфоев — а значит, тебя.

— Признаться, я не рассматривала это в подобном аспекте, — спокойно сообщила Рисенн, — пока Гермиона мне всё досконально не растолковала.

— Да, наша Гермиона и электрического угря уболтает, что он — милая резиновая уточка. Что, надо отметить, не спасет бедолагу, решившего с ним испуститься, — он обернулся к однокурснице: — Готов биться об заклад, ты пообещала, что взамен я дарю ей свободу.

— Точно, — призналась Гермиона.

— А я не могу. На это способен только мой отец. Как знать — может, он так и поступит. В другой раз я бы посоветовал его подловить в более удачный денёк — как говорится, в Субботу, Двенадцатого Никогда, Чёрт Знает Какого года — но всё может быть, всё может быть... Чего только не случается на белом свете.

— Ты можешь сделать это сам, если отец позволит. А он позволил — сказал, что ты можешь делать то, что считаешь нужным.

Губы Драко горько изогнулись.

— Прямо так и сказал, да? — острый взгляд вонзился в Гермиону. — А ты ведь и это предвидела, верно?

— Я подозревала, — она пожала плечами.

— Даже слепая Фемида не столь жестока... — Драко развернулся к Рисенн, напоследок бросив через плечо: — Ты отдаёшь себе отчёт в том, что просишь? Предлагаешь, чтобы я спустил с привязи и отправил в ничего не подозревающий мир злобного сексуального демона, способного высасывать мужские души?

— Да.

— А я ещё и женские могу... — услужливо встряла Рисенн.

— О, какая политкорректность в вопросах высасывания душ — вот, вот чего не хватало этой планетке, согласись? — он утомлённо поднял руку и указал на дьяволицу. — Рисенн Клана Малфоев, сим словом я освобождаю тебя от данной на крови клятвы, коей ты была связана с нашим родом, и от...

— Стой! — вспыхнувшая ярким румянцем Джинни вцепилась в его руку. — Пока не время.

Рисенн вскипела, в бешенстве притопнула каблуками:

— Гони её! Ты же почти... И потом — ты обещал!

— Ничего подобного, — Драко посмотрел на поднятое к нему лицо Джинни и медленно опустил руку. — Это Гермиона пообещала. В чём дело, Джинни?

— Освобождай её сколько угодно, но она нужна, чтобы сделать для нас ещё кое-что.

— Не буду! — заорала та.

У Драко был вид, явственно свидетельствующий — он проникся внезапной симпатией к демонессе, ибо тоже достался делать то, что от него просят другие.

— Это же мой единственный шанс спасти Симу-са, — не сводя глаз с Рисенн, выдохнула Джинни. — Всего-то минуточку займёт... Умоляю...

— Плевать я хотела на твоих приятелей, — тряхнула волосами дьяволица. — Проси Драко.

Слизеринец вздохнул.

Поднял руку.

Указал на демонессу:

— Рисенн Клана Малфоев, сим словом я освобождаю тебя от данной на крови клятвы, коей ты была связана с нашим родом, с того мига, как выполнишь ты просьбу Вирджинии Уизли. И ни мгновением раньше, — он опустил руку. — Сделай — и свободна. Поняла?

Серые глаза Рисенн по-кошачьи блеснули.

— Да, Господин.

— Не называй меня так, — отрезал Драко.

Джинни прикоснулась к его руке:

— Спасибо...

* * *

От кандалов Тома освободила именно Рисенн, подняла его своим колдовством — он безвольным призраком повис в воздухе и поплыл впереди Джинни, Драко и Рисенн с Гермионой из Церемониального Зала по коридору.

— Там комната наверху — вроде как кабинет. По-дойдёт? — спросил демонессу Драко.

— Более чем, — та не отрывала глаз от Тома, и Гермиона подумалось, что именно так поглядывает кошка на запутавшуюся в силках птицу.

— Рад слышать, — Драко говорил удивительно смиренно — уж не присутствие ли Джинни на него так повлияло? Гермиона не пропустила странных взглядов, которыми обменялась эта парочка. Драко шёл, ведя рукой по стене, будто пытаясь таким образом сохранить равновесие.

За дверью, распахнувшейся от толчка, находилась комната, окна которой смотрели на долину и горы за ней. Звёзды обнажёнными кинжалами скалились с неба. Стены покрывали золотые и серебряные gobelens, в центре стояла круглая золотая клетка.

— Хм... — Драко с удивлением приподнял бровь.

— Ну-ка, ну-ка... ничего себе клеточка, — оценила Гермиона.

— Она была сделана для моей матери, — сообщила

Рисенн и взмахнула рукой с длинными тонкими пальцами, опуская Тома на пол перед клеткой. Её глаза горели. — А теперь можете нас оставить.

— Ладно, — попятилась Гермиона, однако Драко не шелохнулся: он стоял, не сводя глаз с присевшей рядом с Томом Джинни — та осторожно убрала волосы с его лица, потом отряхнула пепел со ставшей лохмотьями бархатной мантии, тронула ссадину на виске. И подняла голову.

— Драко, — она чуть нахмурилась, как если бы за- была, что слизеринец всё ещё тут, — тебе нельзя здесь оставаться.

Он ответил ей долгим взглядом, но потом отвёл глаза и быстро пошёл к дверям. Гермиона сопровождала его, обернувшись напоследок в уже закрывающуюся дверь: Рисенн присела рядом с Томом напротив Джинни, — будто собравшиеся на консилиум доктора, оценивающие состояние пациента.

Двери защёлкнулись.

Гермиона заторопилась следом за Драко:

— Подожди, а разве нам не в Церемониальный Зал?

— А кто сказал, будто я хочу в Церемониальный Зал? — резко спросил Драко. Он по-прежнему вёл рукой вдоль стены, опираясь на неё заметно сильнее, чем раньше.

— Но Гарри...

— Он занят убийством моего отца. Я не виню его, однако это вовсе не значит, будто я желаю понаблюдать.

— Он не убьёт его.

Они завернули за очередной угол, и она окончательно потеряла предствление о том, где же они находятся; как ни крутила головой, все длинные серые коридоры походили один на другой, но этот был ещё и на редкость тёмным — факелы вдоль стен не горели. Гермиона зажгла палочку.

— Он просто потребует сведения о противоядии.

— Ответа не получит, — ответил Драко. — Противоядия не существует. Он просто гонится за фантомом...

— Откуда такая уверенность?

— Я знаю своего отца. Он ничего не делает наполовину, — в голосе Драко прозвучала горькая гордость. — *Neque enim lex est aequior ulla, Quam necis artifices arte perire sua.*

— Что?

— Это было выгравировано на отцовском надгробном камне. «Тот, кто лелеял смертный план, убит своим же порождением — вот справедливость высшая», — он остановился и врезал по стене кулаком — да так, что разбитые костяшки кроваво засеребрились. — Справедливость, равно как и любовь, зачастую переопределяют.

— Может, она просто жестока?

— У меня никогда не было отца, — как заправский лекарь изучая нанесённый собственной руке урон, продолжал Драко. — Просто надзиратель с мечом в одной руке и хлыстом — в другой. Однако он создал меня — такого, какой я есть. И если я потеряю его, то, возможно, больше никогда не смогу найти себя.

— В том, что он не любил тебя, нет никакой твоей вины, — Гермиона потянулась к его руке, однако испуганно остановилась в последний момент. — Ну, в любом случае, теперь-то ты в этом уверен.

— Да уж, теперь он меня точно любит и умирает, любя, пронзённый моим мечом в сердце. Я пытался не думать об этом, понимаешь ли.

— Если ты велишь, Гарри не тронет Люциуса... — встревоженная бледностью Драко, напомнила Гермиона. — Пойдём же, скажем ему — ещё не поздно.

— Я не могу так поступить.

— Можешь, и он, несомненно, выслушает тебя.

— Ладно...

Однако он не пошёл следом за ней — обернувшись, Гермиона увидела его привалившимся к стене

и изучающим свои ботинки с таким видом, будто те принадлежали кому-то другому.

— Я чём дело, Драко?

— Ни в чём. Просто мне нужно передохнуть.

До сей поры он ни разу не просил отдыха — ни во время совместных путешествий, ни во время учёбы, когда силы день за днём оставляли его, — никогда. К ужасу Гермионы, Драко вдруг потерял равновесие и съехал по стене.

* * *

К тому моменту, когда Гарри добрался до комнаты, где поджидал его Рон, *Terminus Est* уже не оттягивал руку; вес его стал привычным и где-то даже приятным. В своём воображении Гарри рисовал стоящего на коленях Люциуса, под угрозой остро заточенного клинка молящего о сохранении собственной жизни. А он ему в ответ нечто вроде «Я пощажу тебя в обмен на рецепт зелья, которое нейтрализует наполнивший вены Драко яд»... И Люциус выскочит из собственной шкуры, махом преподнесёт всё на блюдецке с голубой каёмочкой. И тут Гарри поспешит к Драко, принесёт ему противоядие — и вот на смену бледности придёт румянец, и...

— Ты ведь убить его собрался?

Рон стоял на посту у дверей, неловко держа наперевес меч Гриффиндора, покрытый засохшей кровью Вольдеморта. Когда он перехватил его поудобнее, Гарри заметил на запястьях друга тёмные шрамы.

— Не знаю.

— Ты бы хотел, чтобы я пошёл с тобой?

Гарри поколебался. Судя по виду, Рон едва ли действительно горел желанием идти, однако он предложил, и предложил искренне. Гарри почувствовал резкую и острую вспышку давней привязанности к Рону — неуклюжей, однако весьма цепкой, самой сильной из всех, кои ему доводилось испытывать. Сильней, чем к Гермионе. Сильней, чем к Сириусу. Чем даже к Драко.

— Да.

Они вошли вместе. Рон прикрыл дверь и замер с мечом у бедра.

В эту маленькую комнатку сквозь высокое окно с синими стёклами струился таинственный свет. Стиснув руки, у стены сидел Люциус. Едва Гарри шагнул в комнату, он вскочил.

— Где мой сын? — спросил он, не обращая внимания на насмешливую ярость, разлившуюся по измождённому лицу гриффиндорца. — Где Драко?

— Первым делом — противоядие, — отрезал тот. — А потом я расскажу тебе про Драко. И, как знать, может, даже позволю его увидеть, — если, конечно, он сам захочет с тобой встречаться.

— Ты такой же, как твой отец, Гарри Поттер, — из горла Малфоя-старшего вырвался лающий смешок. — Дай тебе чуток силы — сразу грудь колесом. В какой восторг, поди, впадаешь, заноса надо мной эту штуку...

— В том, что он ненавидит тебя, нет моей вины. Да и при чём тут я? Это ведь ты отравил его...

Люциус стиснул зубы.

— Я думал... я подумал... Со всем вашим Хогвартсом и Дамблдором вы могли бы исцелить его и без моей помощи.

— Снейп попытался создать противоядие, — каждое слово Гарри взблескивало острием ножа. — Он сделал всё возможное, однако этого оказалось недостаточно — не хватает одного компонента, одного вещества, которое он так и не смог идентифицировать. Что это?

Люциус отчаянно замотал головой, свет метался в его глазах:

— Я же сказал вам... вам обоим, в ту ночь на балне — это всё противоядие, которое имелось, больше нет. А Драко взял и разбил сосуд, верно? Сме-

ло и глупо — чисто по-гриффиндорски. Кто-кто, а уж мой сын должен был знать...

— Довольно, — Гарри стиснул *Terminus Est* ещё крепче и одним взмахом указал остриём на ямку у основания малфоевской шеи. — Скажи, чего не хватает в противоядии Снейпа. Скажи или я медленно перепилю тебе глотку.

Люциус воздел руки вверх — не пытаясь защититься, но, скорее, умоляя о понимании:

— Я скажу, — прохрипел он, — не нужно мне угрожать. Я скажу. Это — кровь дракона.

— Кровь дракона? — пренебрежительно рассмеялся Гарри. — Ты вправду думаешь, будто Снейп не сумел бы её определить? Я, конечно, не слишком-то его люблю, однако должен признать: он вовсе не глуп.

— Это — кровь не обычного дракона, а серебряного...

Гарри усилил давление на меч:

— Никогда не слышал ни о каких серебряных драконах.

— Конечно. И не должен был. Они же вымерли тысячу лет назад.

* * *

— Enervate.

Том очнулся. Под спиной — ледяной мрамор, челюсть ныла в том месте, куда ему влил Драко, сердце переполнялось горечью. С прохладной змеиной неторопливостью он поднял взгляд, дабы узреть склонившуюся над ним Джинни и ощутить скользнувшую и отгородившую их от мира завесу её кумачово-рыжих волос. Девушка кусала губы, в глазах её теснились испуг и покорность, пролившие бальзам на истерзанную душу Тома.

— Том, ты очнулся...

Он схватил её за волосы и с силой дёрнул, заставив тело девушки болезненно вздрогнуть, а глаза — наполниться слезами. Однако она не шевельнулась.

— В чём дело, Вирджиния? Почему ты здесь? Они оставили тебя на страже, решив, что я не причиню тебе вреда? Ну так я прямо сейчас докажу, насколько они заблуждались: я скорее сверну тебе шею и умру вместе с тобой, чем отдамся в их добродетельные руки.

— Сможешь? — трепещущими губами спросила она. — Правда, Том? — она положила руку на его лицо, и её тонкие пальцы обожгли мраморный холод его щёк. — Я сказала им, что ты не ничего мне не сделаешь, потому-то они и оставили тебя со мной. Я хочу сбежать с тобой, Том, я хочу быть с тобой...

Он рассмеялся лающим смехом, ещё сильнее дёргая её за волосы, но она лишь слегка склонила голову. В бегающих глазах застыл испуг. Он напрягся, силясь прочувствовать соединившие их узы, кровные узы, позволявшие ему ощущать её эмоции — ненависть, отвращение и отчаяние, — те яства, которыми он упивался на этом пиру жизни. Однако способность исчезла вместе с магией, излилась кровью из отсечённой конечности.

— Обманщица. С чего бы я должен в это поверить?

— Потому что ты, Том, был прав, — прошептала она в ответ. — Ты и я — мы одинаковы. Окружающие никогда не поймут меня — так же, как и тебя. И на самом деле я никому не нравлюсь. Так же, как и ты. И всем будет только лучше, исчезни я вовсе.

— Я мог бы сам сказать тебе нечто подобное, — хихикнул он, — хотя всегда считал, что твоя глупость не позволит тебе этого понять. А этот твой мальчик — ну, тот, что таскает твою ленту на запястье?

Она покачала головой:

— Он никогда меня не полюбит... — и тут же добавила, едва Том яростно рванул её локоны: — И потом, он умирает. Жить ему осталось совсем недолго. А едва он умрёт, меня и вовсе никто не захочет видеть.

Это Том уже мог понять:

— Они никогда не могли разглядеть затаившееся в тебе зло. Тому, что чёрными чернилами течёт в твоей

гриффиндорской крови.

Она замотала головой:

— Нет. А ты смог, Том, — и нагнулась настолько близко, что он теперь видел золотистые крапинки на карей радужке её глаз. — Связан со мной... — произнесла она и наклонилась к нему с застенчивым поцелуем впервые целующейся девушки.

Её страх, её страсть, что толкали её к нему, несмотря на дрожь отвращения, были как бальзам для его попорченной гордыни. Он оторвал гудящую голову от мраморного пола и встретил её губы своими. Они никогда не целовались так прежде: все предыдущие объятия были сродни изнасилованию, когда он брал то, что она не желала отдавать. Сейчас же пламень встретился с пламенем: её уста обожгли его, маленькие горячие ладони подхватили под затылок, острые зубы впились в нижнюю губу. Его тело ответило мгновенно и свирепо: рот распахнулся, пробуя её вкус, руки глубже погрузились в волосы, подтягивая её к нему. Ему доводилось пробовать зелья, вкусом напоминавшие этот поцелуй: яростные и жгучие, необходимые, словно глоток воздуха. Кости начали плавиться, он сомлел от вскипевшей в жилах крови, разрываемые болью лёгкие мечтали о вдохе, однако он более не мог оторваться от неё — проще было разодрать грудь и вырвать оттуда сердце. Чёрные всполохи замельтешили перед глазами, оочевневшие, сведённые судорогой пальцы выпустили её, и он почувствовал: она рассмеялась ему в губы.

* * *

Гермиона упала на колени рядом с лежащим у стены Драко, перевернула его — закрытые глаза, яростно бьющаяся жилка на горле.

— Драко... — в ушах загудела собственная кровь, ужас выплеснулся адреналином в вены. — Драко...

Он шумно втянул воздух, закашлялся. Она с облегчением выдохнула: ещё жив...

Содрогнувшись всем телом от собственного вздоха, Драко открыл глаза:

— Прошу прощения... Я не думал... — и, осёкшись, заморгал. — А тут что-то темно... — потянулся, нащупывая её рукой. — Гермиона?

— Я выронила палочку, обожди. *Lumos*, — свет вновь залил коридор, отбросив на стены резко очерченные тени.

Драко ухитрился сесть. Опять поморгал и с беспокойным выражением лица вновь покосился на Гермиону:

— А поярче можешь сделать?

Палочка задрожала в её руке.

— *Lumos fulmens*, — теперь в её руке полыхало целое солнце, и коридор наполнился дневным светом, позволяющим увидеть всё: и каждую садинку на лице Драко, вплоть до самой крохотной, и тени, что его ресницы отбрасывали на скулы, и пустой, неуверенный взгляд

Она медленно опустила палочку.

— Похоже, моя палочка испортилась, когда я её уронила... — собственные слова донесли до неё как сквозь вату. — Что-то не выходит... Не получается.

— А... — выдохнул он с облегчением.

Сердце в её груди захотело разорваться. Гермиона подползла к нему, и он дёрнулся, почувствовав, как, обхватив за плечи, она потянула его к себе, ощутив его худобу, услышав затруднённое, частое дыхание. Теперь они в обнимку привалились к стене.

— Нам надо подождать здесь. Придёт Гарри, и будет свет...

— Я знаю, — откликнулся Драко.

* * *

— Всё кончено? — спросила Джинни.

Рисенн оторвалась от Тома и покосилась на Джинни удивлённым взглядом кошки, прерванной

на самой середине игры с мышью. Серые глаза светились, а волосы блестели так, как Джинни ещё не доводилось видеть — чёрным фонтаном они стекали по плечам. Бледная кожа лучилась. Джинни ожидала узреть нечто вампирское — например, кровь на губах, однако рот демонессы лишь слегка припух от поцелуя. Рисенн улыбнулась.

— Прости. Я тут слегка увлеклась.

— Да я уж вижу, — пробормотала Джинни. Она присела рядом, коснулась лица Тома. Он дышал мягко и медленно. При прикосновении кожа была прохладной. — Как он? Ты... сделала это? Забрала её?

— Он лишился души, — сообщила Рисенн. — Любимой другой был бы уже мёртв, однако у него есть вторая. Он исцелится.

Тут Джинни в голову пришла совершенно жуткая мысль. С высказывающим из груди сердцем она продолжала расспросы:

— А ты уверена, что высосала нужную душу?

— Нужную душу? — непонимающе уставилась на неё демонесса.

— Душу Тома! — едва не взывала Джинни. — Не Симуса!

— Души не имеют имён, — пожала плечами Рисенн. — Души — они просто души.

— Господи, — Джинни приложила ладонь ко лбу. — А что, если ты забрала душу Симуса? Получается, мы его погубили. И тогда нужно убить Тома до того, как он очнётся, иначе...

— Слушай, ты уж как-нибудь реши, живой он тебе нужен или мёртвый, — жалобно попросила Рисенн. — А то я уже ничего не понимаю.

Джинни молчала.

— Знаешь, это была очень необычная душа, если, конечно, это хоть чем-то может тебе помочь, — присовокупила демонесса.

— Необычная? В каком смысле — необычная?

— На вкус как бумага и чернила.

Из груди Джинни вырвался глубокий дрожащий вздох.

— Хорошо. Похоже, ты вытянула правильную душу.

Тыльной стороной руки девушка коснулась Тома... Хотя какого Тома? Никакого Тома больше не существовало, только Симус — мягкое лицо, круглая щека, чуть тронутый нежным пушком подбородок.

— Полагаю, ты свободна.

Рисенн ахнула так громко, что Джинни подняла голову: глаза демонессы были широко распахнуты и наполнены удивлением.

— Свободна? Я действительно свободна?

— Да.

— И что — больше никаких Малфоев?

— Больше вообще никого, — поправила её Джинни. — Хоть голая тут пляши. Хотя, пожалуй, лучше не тут, а где-нибудь подальше.

— Свободна... — выдохнула Рисенн, взвываясь на ноги и кидаясь к окну. Распахнулись створки, и демонесса перегнулась через подоконник в звёздную ночь. — Свободна! — крикнула она и повернулась, чтобы ещё раз взглянуть на Джинни. Холодный воздух ворвался в комнату, хлестнув чёрными волосами по её бледному некрасивому лицу. — Благодарю тебя.

— Благодарю не меня, а Драко — это он освободил тебя, — заметила Джинни.

— Истинно так, — демонесса замерла прерванной в полёте птицей. — Знаешь, а его ещё можно спасти.

— Можно? — расширились глаза Джинни. — Как? Ты знаешь противоядие? Ты...

— Только ты сумеешь это сделать, — решительно сообщила Рисенн. — Только ты.

Лёгкий прыжок на подоконник, и через мгновение двяволица растворилась в морозной сияющей ночи.

...Только я? Что это значит? — с лихорадочно колоотящимся в груди сердцем гадала Джинни.

Рядом раздался стон. Она перевела взгляд и посмотрела на Симуса — он завопил, открыл глаза,

уставившись ей в лицо. И глаза снова были синими, не замутнёнными более никакой темнотой.

— Джинни... — прошептал он. — Это ты?

Взяв его руки в свои и переплетя пальцы, она прижала их к груди.

...пришла пора покаяния...

— С возвращением, Симус. С возвращением, дорогой.

* * *

— Ты лжешь, — заявил Гарри.

Его рука тряслась, и острое меча кололо горло Люциуса.

— Если б так... — ответил тот с такой горечью, что душа Гарри застонала. — Если б я мог вернуться и всё изменить...

— Прекрати! — рявкнул, перебивая его, гриффиндорец. — И потом, с чего ты взял, будто я поверю в этот бред?! Какая такая кровь, какой такой тысячелетний дракон?!

— И яд, и противоядие были созданы Салазаром Слизерином, — сообщил Люциус, — и с тех самых пор передавались в роду Малфоев из поколения в поколение. Исключительный яд, само совершенство: не оставляющий следов и не имеющий вкуса, яд, которому достаточно малейшей ссадинки или царапины на коже. Мгновенно нейтрализуемый при наличии противоядия и приводящий к неизбежной смерти при его отсутствии.

— Враньё это всё, — возразил Гарри. — Драко умирает уже не первую неделю.

— Он — Малфой и защищён своей кровью. Однако даже эта защита рано или поздно падёт под напором яда.

— Значит, имей я хроноворот... Я мог бы возвратиться в прошлое и добыть немного этой самой драконьей крови...

— Имей ты хроноворот? — сухо переспросил Люциус. — Никакой хроноворот не отправит тебя во время, когда он сам ещё не был создан. Но даже если тебе удалось бы найти настолько древний хроноворот, даже если б ты пережил путешествие в две тысячи лет в обе стороны, всё равно — потребуется не один век на разработку противоядия. А Драко отпущены отнюдь не сотни лет. Даже едва ли сотни часов.

— Заткнись! — прорычал Гарри. Меч чуть качнулся в его руке, и тонкая струйка крови пролилась Люциусу за воротник. — Если это шанс, плевать на всё.

Люциус опустил взгляд к упирающемуся ему в шею мечу. Краем глаза Гарри видел безотрывно наблюдающего за ними Рона, у которого было очень странное выражение лица.

— Зато я знаю, — сказал Малфой-старший, — что, как бы не страдал от смерти Драко я, тебе это принесёт куда больше мучений.

От желания одним взмахом распороть Люциусу глотку у Гарри запульсировало в висках, а в ушах загудело. Звук напоминал нахлестывающие на берег волны, и Гарри подумал, что, наверное, так звучит его ярость.

— Почему?

— Потому что ты позволил себе надеяться.

Гарри осторожно покрутил головой. Внутри черепа, прямо за глазами, вздымалась ревущая чёрная волна; она наступала, с грохотом неслась вперёд.

— А ты — нет. Потому что слишком труслив, чтобы рискнуть и пустить в себя надежду.

Хриплый смехок стал Гарри ответом — свидетельство то ли гнева, то ли чего-то иного.

— Коли ты пришёл перерезать мне горло — перережь его. Я рассказал всё, что ты хотел выяснить. Больше я тебе сообщать ничего не желаю. Утрись.

Гарри медленно опустил меч. Волна ревела всё громче, становилась всё выше, затемняя мысли. Что-то происходило.

Гарри сделал над собой усилие и выговорил:

— Нет.

В тот же миг волна схлынула, и Гарри заметил, как дёрнулась рыжая голова Рона, всё ещё не сводившего с него глаз. Слабое удивление проскользнуло по лицу Люциуса.

— Нет, — повторил Гарри. Если б он сейчас увидел себя со стороны, он бы испугался собственного взгляда — холодного, исполненного горького юмора Драко. И тон тоже походил на тон Драко — сухой, как зимний воздух. — Насколько я презираю тебя, настолько уважаю твоего сына, который не имеет с тобой ничего общего. Меня лишили родителей, нанеся мне рану, которую ничто не исцелит, — я не имею права доставлять кому-либо такую же боль. Особенно тому, кого люблю. Так живи, — он швырнул меч Люциусу под ноги, заставив испуганно качнуться назад. — Живи и знай: ты живёшь только благодаря моей милости. И жалости.

Лицо Люциуса изменилось: на миг Гарри даже показалось, будто ему удалось что-то рассмотреть под маской негодая, которого он так ненавидел, — негодая, прогневившего до самой сердцевины. Рык искажил губы Люциуса, он будто бы захотел ответить...

И вновь тёмные воды затопили разум Гарри, черня мысли и заставляя задыхаться, и в этот раз он сообразил, в чём дело: это звал Драко. Кричал почти в голос, да что там кричал — в ужасе первобытного выла.

Люциус что-то говорил, однако слова перестали существовать, утратив всякий смысл. Гарри слепо кинулся к дверям, нащупал ручку — Рон кричал ему в спину и, обернувшись, Гарри увидел позади себя друга с двумя мечами — гриффиндорским в одной руке и мечом Драко — в другой.

— Возьми! — на фоне крика в голове голос Рона показался шёпотом. Он протянул Гарри гриффиндорский меч. — Два меча мне ни к чему, а отдавать ему подержать второй чего-то не хочется.

Гарри, ничего перед собой не видя, выхватил своё оружие, оставив Узли стоять с клинком Драко. На задворках подсознания снова мелькнула мысль о странном выражении лица Рона — кажется, его стоило о чём-то спросить... Но ревущее и бурлящее половодье паники снесло всё на своём пути.

Нужно найти Драко.

Не сказав Рону ни слова, Гарри развернулся и опрометью кинулся прочь.

* * *

Гермиона понятия не имела, сколько они так просидели: утекали минуты, а она всё сжимала в объятиях Драко, будто тем самым могла удержать его в мире живых. Время растянулось настолько, что порой казалось, будто на один час приходится один вздох. Она нежно, кончиками пальцев, убрала с его лица волосы. Словно ребёнку.

— Я никак не дозовусь Гарри, — внезапно открыв глаза, сообщил он. Невидящий сосредоточенный взгляд скользнул по её лицу. — Кажется, мне не хватает сил.

— Всё в порядке... — его волосы шёлково скользили меж её пальцев. — Он не тронет твоего отца. Он слишком тебя любит, чтобы сделать нечто подобное.

— Он сделает то, что должен, — отчуждённо возразил Драко. — Я дал ему разрешение... Я не могу просить, чтобы он извинил моего отца после того, что тот совершил...

— Он заставит твоего отца рассказать о противоядии... И мы тебя вылечим. А это — самое главное, — с прежним упрямством повторила Гермиона.

Драко рассмеялся, на губах запузырилась серебристо-красная пена. Он стёр её тыльной стороной руки.

— Моя Гермиона... Не все проблемы можно решить, получив новую информацию.

— Тш. Тебе нужно поспать. А когда ты проснёшься, мы тебя вылечим... Я сейчас тебя заколдую...

— Мак или чары усыпят нас куда лучше, чем твои поглаживания, — заметил он. — Ну вот, опять цитата. Джинни будет очень недовольна.

Он улыбнулся.

— Знаешь, я сегодня с ней целовался — просто подумал, что должен это сделать перед смертью. Неосмотрительно, скажи? Как думаешь, она рассердится?

— Нет, не думаю... — Гермиона накручивала на палец его мягкий нежный локон. Драко завозился под её рукой, она почувствовала отчаянный жар, идущий от его кожи, и приказала: — Закрой глаза.

— Если я так поступлю, я больше их не открою. А мне бы хотелось дождаться Гарри, если получится, — он всё знал. — Враньё тебе не удаётся.

— Правда? — она остановила свои ласки.

— Правда. Ты только что предложила заколдовать меня сломанной палочкой.

Она не успела закрыть рта — с губ сорвался вздох.

— Ой. Я и забыла, что она сломана...

— Нет... — он закрыл глаза, потом снова открыл. — Я ведь ослеп, верно? Ясное дело: даже если вокруг ночь хоть глаз коли, ты всё равно видишь свою руку, если поднесёшь её к лицу.

— С противоядием, возможно, получится всё вернуть... — прошептала Гермиона.

— Это не имеет значения... — слепой, он перехватил её взволнованно трепещущую руку и потянул к себе, прикоснулся к ладони губами и тут же сжал её в кулак, заперев поцелуй в клетке пальцев. — Тебя-то я всё равно вижу... В белом платье, на ступенях, с припорошенными снегом волосами. Интересно, а есть там, куда я ухожу, подобная красота?

На руку, которую он держал, капнуло что-то горячее. Гермиона вдруг осознала, что плачет.

— Там и должна быть только красота... — произнесла она.

Драко тихо рассмеялся:

— Я как-то спросил Гарри, верит ли он в рай. А ведь мне и тогда следовало уже знать... В смысле — с того самого момента, как в меня вонзилась та стрела. Но я не хотел думать, будто это правда. А потом было проще поверить, нежели нет. А потом Гарри ушёл — и я надеялся... Надеялся, что это правда. А сейчас я просто устал, жутко устал... Но ведь не зря же я прожил жизнь, скажи, Гермиона? Я был влюблён, моё сердце разбилось — как, впрочем, разбивались сердца многих других... Я обрёл себя и потерял, я спас мир — ведь это же кое-что, верно?

— ...а ещё ты выигрывал в квиддич, если я всё правильно помню, — добавила Гермиона, прижимая ладонь к щеке, будто пытаясь перенести туда поцелуй.

— Но Кубок — никогда.

— Да. Кубок — никогда.

— Им владел Гарри. Хотя за это я его простил.

— Как и он тебя. Теперь-то, надеюсь, ты в это веришь.

— Верю. Но мне всё равно так же страшно.

— Из-за смерти?

— Мне всегда казалось, что я умру раньше него, — тихо заметил Драко. — Я этого и хотел, даже радовался. А ещё я всегда знал, куда отправлюсь, когда умру — туда, где по берегу реки бродят беспокойные тени, вызывая об отщепении. Но месть свершится — Гарри об этом позаботится. А потому я обрету покой — покой, что обеспечит мне он же. Так где же мне ждать его? А если там нет никаких берегов? Я мог бы ждать веками, если нужно, — но вдруг он не сможет меня найти?

— Он всегда тебя найдёт. Вы всегда сможете дотянуться друг до друга.

— Сейчас-то — да, а потом? Или ты предполагаешь, телепатия существует и на том свете? — легкомысленный голос Драко дрогнул. — Вечность — несколько долговато для одиночества, Гермиона.

Она снова нежно коснулась его щеки кончиками

пальцев. Жар обжёг её кожу.

— Мы все одиноки.

* * *

...Магия, — думал Рон, взирая на Люциуса. Тот по-прежнему не сводил глаз с закрывшейся за Гарри двери. — Магия может массу всяких вещей: превратить кошку в чайник, травинку — в холодное оружие. Но существует в мире нечто иное — куда волшебней и мощней этой самой магии. Силы, что скрепляют семьи, разбивают и исцеляют сердца... Силы, которые за считанные часы сделали Люциуса сломленным, униженным стариком — седина в волосах, морщины вокруг глаз и губ.

— И теперь они оставили меня с тобой... Почему было не поставить на часах обезьяну. Я вот всегда прикидывал, а не было ли у тебя в родне магглов? Что-то в вас, Узли, не то: столь неудачный цвет волос, тусклый взгляд в упор. И эта ваша матушка, что плодит вас по две-три штуки кряхтя...

Рон спокойно изучал меч в руке. Чистое лезвие с витиевато выгравированной надписью.

— Если хочешь меня взбесить, то ничего не выйдет.

Люциус не откликнулся, он тоже смотрел на меч.

— Меч моего сына? Что-то он мне незнаком...

— Это ему Сириус подарил.

— Зато именно я научил им пользоваться. Годы тренировок с самого детства.

— Оно и видно. Он весьма искусен.

— Дразнишь меня, Прорицатель? — обнажил зубы Малfoy.

— Ещё какой прорицатель, — согласился Рон, скользнув пальцем вверх по клинку и почувствовав, как разделилась кожа. Он поморщился от приятной боли. — Хочешь, я расскажу тебе о твоём будущем, Малfoy?

Люциус рассмеялся:

— Коли желаешь предречь мне смерть...

— О, нет, не твою, отнюдь не твою.

— Драко... — начал Люциус.

— Нет, — снова перебил Рон, — и не его. Вернее, не только его. Ведь он — не всё, что заботит тебя, не всё, что потерял ты, позволив Тёмному Лорду уничтожить часть, делавшую тебя человеком. Твоя семья. Честь. Имя Малфоев. В один день совесть не отмоешь и вину не искупишь, особенно если и особого желания-то не имеется. Пусть Тёмный Лорд вернул тебе то, что когда-то отнял, однако в день, когда зло оканчивает свои дни на этом свете, приходит пора воздаяния. Оно само тебя найдёт, можешь мне поверить. Тёмные тени сгущаются вокруг тебя — я даже сейчас это вижу.

Люциус не шелохнулся, лишь обведённые красным глаза блеснули, когда он взглянул на Рона.

— Не очень-то похоже на пророчество.

— Это только начало. Слушай — я расскажу тебе ослепительное.

И он рассказал, глядя, как меняется в лице Люциуса. Слова обрисовали картину оставшихся Малфой-старшему дней и полной ужаса жизни — не только того ужаса, что накрыл Люциуса и его семью, но и того, который он, отчаявшись, нёс остальным. Рон вещал о крови и смерти, о навеки очернённом имени Малфоев, об Имении, обращённом в груды развалин, о разбросанных и уничтоженных сокровищах, насчитывавших не одну тысячу лет. Он вещал о возмездии, и унижении, и стыде. Он распинался, видя, что Люциус верит каждому его слову, и Рон осознал — змей в башне был прав, говоря, что даны ему иные способности, кроме как видеть будущее.

Он умолк лишь тогда, когда понял: говорить больше нет нужды, дело сделано. Люциус смотрел на него, будто из пропасти.

— И что — ничего нельзя сделать? — спросил он.

— Выход есть, — сказал Рон. — Но он не для тру-

сов.

— Что угодно.

Рон протянул тускло поблёскивающий Terminus Est и, будто во сне, Люциус принял меч.

— Это сына?

— Его. И если можешь сделать хоть что-то хорошее во всей своей злой и бессмысленной жизнишки, — сделай.

Рон развернулся и вышел из комнаты, даже не взглянув на старика, что остался за спиной держать в трясущихся руках отточенный клинок. Гриффиндорец закрыл дверь и замер у стены, пытаясь не дать жалости взять над собой верх. Изнутри не донеслось ни звука — ни вздоха, ни вскрика, ни кланья упавшего меча. Только из-под двери выползла тонкая струйка крови.

И Рон понял: всё кончено.

* * *

Гарри не идёт. От горького осознания этого у Гермионы перехватило горло.

Драко поморщился, и рука больно сжала её ладонь.

— Не уверен, что соглашусь с поэтом, спросившим «Смерть, где же твоё жало?», — хрипло произнёс он. — Мне кажется, она очень даже жалит...

— Тебе больно? — Гермиона склонилась ниже.

Жилка на его запястье пульсировала всё чаще и слабее.

...В последний раз, — с ужасом осознала она, — в последний раз я вижу трепет его ресниц, когда он говорит, и приподнятый уголок губ, и тонкий рот, и поворот головы, и прячущийся в голосе смех... Я всё должна запомнить, я всё должна передать Гарри, если он не успеет прийти вовремя... Гарри! Гарри, умоляю — быстрее!

— Будто пополам разрывают... — поделился Драко. — Не разрывают даже, а растягивают, — он осёкся и снова заперхал кровью. — Вкус яда, — удивлённо сообщил он и взглянул на Гермиону, будто бы действительно мог её увидеть. Глаза светились, но как-то отчуждённо, будто свет шёл откуда-то извне. — Одна душа в двух телах... Как она сказала...

— Не понимаю, — тихо произнесла Гермиона.

Он снова закашлял, прикрыв рот рукой, когда же он отнял её, ладонь покрывала серебристо-розовая кровь. Она схватила, стиснула его мокрые пальцы.

— Просто отдохни... — она осеклась — кажется, какой-то звук? Точно: звук шагов, быстро приближающихся шагов, отзывающихся дробным эхом. — Это Гарри... Несомненно... — она с силой стиснула пальцы Драко, сердце сжалось в ожидании.

Он не ответил.

Она взглянула на него.

Закрытые глаза. Ресницы легли на скулы, более не колеблясь от неровного дыхания. Она отпустила его руку — и та безвольно выскользнула, упокоившись на груди — пальцами на ключице.

Будто он просто спит.

— Ох... — в груди Гермионы не осталось ничего. Пустота. — Ох, Драко.

* * *

Гарри заблудился. Крепость представляла собой бесконечный лабиринт коридоров, извивающихся, будто кишки гигантской змеи. Все они были похожи друг на друга: серые стены, серый пол.

Драко бежал с гриффиндорским мечом в руке, оглябая углы; и грохот собственного сердца в ушах становился всё оглушительней, звуча так же громко, как и грохот ботинок по полу. Вой в голове усиливался, уже причиняя боль.

Он пытался внушить себе, что паника абсолютно беспричинна — ведь он буквально только что видел

Драко в Церемониальном Зале — потрясённого, но очень даже держащегося на ногах. Он твердил себе это под свист собственных вдохов и выдохов, он мчался, пока перед глазами не запрыгали чёрные точки. И только вылетев из-за сотого по счёту угла, он наконец-то увидел Гермиону.

Она сидела у стены, и длинные каштановые локоны закрывали лицо, стекая по содрогающимся плечам. В руке упавшей звездой горела палочка, вторая рука обвилась вокруг Драко, и волшебный свет заливал их с яростью огней рампы, позволяя увидеть всё до мелочей: голову Драко на коленях Гермионы,

сияющую бахрому его опущенных ресниц, упавшие на лоб волосы, отливающие оловом, раскрытую ладонь на груди, царапины на коже.

...Он просто уснул, — подумал Гарри в безумном озарении, и Гермиона, будто услышав его слова, подняла голову. Губы её затряслись, он увидел прилипшие к мокрым щекам волосы. Она отпустила палочку, простёрла к Гарри руки и медленно покачала головой, отвечая на вопрос, который так и не был задан вслух.

Из руки Гарри выскользнул и резко лягнул по камням меч, загудев эхом похоронного колокола.

Глава 16. Дух и Буква Закона.ⁱⁱⁱ

*Мне думалось — я океан переплыву,
Коль буду знать — меня готовы встретить.
Мне думалось — я океан переплыву,
Измерю бездны всех морей на свете,
Оковы разорву и дотянусь к тебе.
Наверно, я влюблен.
Наверно, я люблю.
Таков любви закон — и дух его, и буква.*

yo la tengo

Со стороны озера налетали порывы пронизывающего ветра, беспокоя высохшую мёртвую траву между могилами. На выстуженной земле кое-где еще лежал снег, хотя сосульки уже начинали таять, слезами стекая по щекам украшающих крыши гробниц статуй. Голые ветви деревьев сплетались ажурными кружевами на фоне льдисто-голубого неба.

Слова прощальных речей накатывались на Джинни, и она тонула в них, словно в тёмных волнах.

Внемлите, открою вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся — вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит она, и мёртвые восстанут нетленными, а мы изменимся.

...и мёртвые восстанут нетленными, — Джинни задрожала, вспомнив Тома.

— Тебе нехорошо? — услышала она, и на плечо легла тонкая рука в чёрной перчатке.

— Всё нормально, — кивнула она и нахмурилась, глядя на Блейз, поправляющую непослушный завиток огненно-рыжих волос.

...Блейз выглядит безупречно, как всегда, — невольно подумалось Джинни: чёрный бархатный шарф и перчатки в тон, чёрная меховая муфта свисает с изящной руки, а в ушах сверкают ледышки бриллиантов. — Рядом с ней я выгляжу как пугало.

Этим утром Джинни едва нашла в себе силы причесться, и она так похудела, что чёрное платье висело на ней мешком.

— Просто немного холодно.

Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечётся в нетление и смертное сие облечётся в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою.

...победою, — слово горечью отозвалось в душе Джинни.

Ну да, в конце концов они победили. Весь волшебный мир до сих пор праздновал смерть Вольдеморта: всё ещё гремели парады и вечеринки, Хогвартс был засыпан благодарственными письмами и подарками Мальчику, Который Выжил... Сам Гарри едва ли замечал всю эту радостную суету. Его не было на похоронах — он даже не поднял головы, когда Гермиона спросила, пойдёт ли он туда. Он целые дни про-

водил в лазарете, неподвижно застыв в старом рассохшемся кресле, задвинутом в угол, до сих пор облачённый в забрызганную кровью одежду. Нет, кровь была не его — мадам Помфри подтвердила, что Гарри совершенно не пострадал... никто из них не пострадал. Просто чудо.

Никто... кроме одного...

Смерть! где твоё жало? Ад! где твоя победа?

Гермиона, стоявшая по другую сторону от Джинни, издала неясный звук — не то всхлип, не то вздох. Рон обнял её, неловко потрепал по плечу израненной рукой; его пальцы покраснели от холода — похоже, он забыл взять перчатки. Джинни потянулась было к брату, чтобы коснуться его ладони в поисках утешения, но замерла — взгляд Рона был пустым и отрешённым, он не сводил глаз с чёрного гроба, убранного венками из тёмно-синих цветов.

Если бы она могла угадать, о чём он думает!

Она огляделась вокруг. Большинство присутствующих на похоронах людей были ей незнакомы. Люпин пришёл, но Сириуса не было. Рядом с Ремусом она увидела бледное, суровое лицо Снейпа — в своей чёрной мантии он походил на старую, потрёпанную жизнью ворону.

Покойся в мире. Земля еси, и в землю отыдеши.

Гроб начал медленно опускаться. Край венка зацепился за торчащий из земли корень, и листья и тёмные лепестки анютиных глазок посыпались вниз, пропадая в пустоте могилы. У Джинни перехватило дыхание, и темнота начала заволакивать зрение — будто в чистой воде растекались струйки чернил. Она с ужасом представила себе, как сейчас без сознания рухнет прямо на крышку гроба и, спотыкаясь, медленно попятится прочь от разверстого могильного зева.

— Джинни... — прошипела Блейз, пытаясь удержать её за руки.

— Нет! — Джинни рванулась прочь, подальше отсюда — от жадно распахнутой пасти могилы и от аккуратной группы безликих фигур в чёрном, столпившихся вокруг.

Каблуки ботинок оставляли глубокие вмятины на мёрзлом снегу узких кладбищенских дорожек, ведущих мимо ровных, бесконечных рядов гробниц, припорошенных инеем.

Джинни, минув их, обратила внимание на одну, с памятником в форме сердца:

«Amor Vincit Omnia» — «Любовь побеждает всё».

— Чушь, — безжалостно отрезала она. — Сентиментальная глупость.

Хотелось заплакать, но мороз высосал всю влагу вокруг, и даже слёзы предали её — тугим комом застряли в горле, мешая дышать. Джинни поплелась дальше, повернула, следуя изгибу дорожки, и замерла — прислонившись к кованому забору, окружающему кладбище, стоял светловолосый юноша.

Она знала, кто это, но это ничего не меняло.

...Хотелось бы мне знать, наступит ли такое время, когда вид худого светловолосого парня в тёмной одежде не будет вызывать этой боли в груди... словно Отби-вала залепил своей битой, — подумала Джинни.

Услышав, как скрипит снег под её башмаками, юноша поднял голову:

— Так скоро? Что, всё уже закончилось?

— Нет, — коротко ответила она. — Я просто больше не могла там оставаться.

Немного прихрамывая, он двинулся к ней; его левая рука болталась на перевязи, вокруг голубых глаз лиловые устрашающие синяки. Драко едва не разнёс ему череп своим кинжалом.

— Симус, — Джинни бережно взяла его ладони в свои, укутывая варежками голые пальцы юноши. — Ты не должен был приходить. Ты ещё не совсем здоров.

Симус напряжённо всматривался в происходящее на вершине холма, выглядевшего отсюда так, словно какой-то гигант, будто сахаром, посыпал его белыми могильными камнями.

— Я полагал, что в состоянии это выдержать, но это не так, — устало проговорил он. — Столько смертей. Я помню...

Он внезапно осёкся, уставившись на что-то позади Джинни. Она оглянулась и увидела Блейз, неуверенно шагающую на своих каблучках по тропинке. Рыжие волосы выбились из-под чёрной меховой шапочки и празднично развеивались на ветру. Рассмотрев, кто стоит впереди, Блейз замерла и в ужасе воззрилась на Симуса.

Тот резко выдернул свои ладони из ладоней Джинни, отвернулся и зашагал к воротам. Створки за ним с лязгом захлопнулись.

Блейз метнулась к Джинни. Холодный ветер разрумянил щеки, но это не могло скрыть бледности её лица:

— С тобой всё в порядке? Он не...

— Нет, Блейз, нет, — очень спокойно проговорила Джинни. — Мы с Симусом друзья. И он не имеет ничего общего с...

— ...с тем маньяком-убийцей, — закончила за нее Блейз, вздрагивая и засовывая руки поглубже в карманы, отороченные мехом. — Знаю. Но это сильнее меня. Когда я смотрю на него, на его руках я вижу кровь Пенси.

— Блейз...

— Он и меня хотел убить!

— Это был не он, — как можно твёрже возразила Джинни, явственно ощущая, что ей и самой не хватает этой самой твердости. — Симус и Том — два совершенно разных человека.

— Надеюсь, что ты права, — вздохнула Блейз. Она наклонила голову набок, и длинные шелковистые пряди её тёмно-рыжих волос смешались с серебристым мехом воротника. — Симус помнит что-нибудь?

— Он утверждает, что нет, — негромко ответила Джинни. — Однако иногда просыпается с криками.

— А что он кричит?

— В основном — «нет, нет, не надо!». Иногда выкрикивает чьи-то имена, просит, чтобы они уходили, чтобы бежали прочь. Иногда зовёт меня: «Вирджиния,

Вирджиния!», — хотя раньше он никогда не называл меня так... — голос Джинни был полон печали.

— Боже, какой ужас, — потрясённо выговорила Блейз.

— Да, я знаю.

Джинни обхватила себя руками и опять задрожала.

Блейз прищурила глаза и искоса взглянула на неё:

— Можно спросить тебя кое о чём?

— Спрашивай.

— Почему ты здесь? Ты же терпеть не могла Пенси.

— Симус хотел пойти. Он считает, что он... в ответе.

— Что ж, формально...

— Он ни в чём не виноват! — оборвала Джинни резче, чем ей самой того хотелось.

Блейз отшатнулась, её зелёные глаза сверкнули:

— Мне следовало догадаться, что это обыкновенное самоистязание в гриффиндорском стиле, — саркастически заметила она. — В таком случае — не нужны нам ваши подачки! От Гермионы в особенности — Пенси её ненавидела. Ей вообще никто из вас не нравился, за исключением Рона. Это я была её подругой.

— Ты тоже её не любила, — заметила Джинни, не глядя на нее.

— А это-то тут причём? — искренне удивилась Блейз и рассмеялась. У неё оказался неожиданно милый смех, показавшийся Джинни неуместным здесь — звон колокольчиков на кладбище выглядел... неправильным.

Блейз повернулась и посмотрела в ту же сторону, что и Джинни: растянувшись в цепочку, похожие на чёрных муравьев, люди, пришедшие на похороны, спускались с холма, оставив позади себя свежую могилу.

— Я так понимаю, что всё закончено, — сказала слизеринка. — Кажется, это уже шестые похороны на этой неделе.

— И не последние, — отозвалась Джинни, откидывая волосы с лица. На фоне белого зимнего неба она разглядела рыжую голову Рона. Гермиона шла следом, сложив руки на груди.

— Как там Драко? — тихо поинтересовалась Блейз.

Джинни опустила глаза:

— Он не проснулся. Не приходит в себя. Мадам Помфри говорит, что в любой момент он может очнуться, но может и... уйти. Мы по очереди сидим возле него. Все, кроме Гарри.

— Гарри не дежурит возле него? — удивлённо переспросила Блейз.

— Нет, он... Я хочу сказать, что Гарри никто не подменяет — он постоянно там, с того самого момента, как Сириус и профессор Люпин привезли нас из замка... Мы все остались в школе — Дамблдор решил, что здесь о нём позаботятся лучше всего... я говорю о Драко, не о Гарри... Не то чтобы Гарри вообще не нужна помощь, но он... Он даже не разговаривает ни с кем, просто... просто сидит там.

Ветер взметнул снег, закрутил его маленькими вихрями. Джинни моргнула, сгоняя с ресниц мелкие нахальные снежинки.

— Гермиона с ума сходит от переживаний.

— А почему она пришла на похороны? — спросила Блейз. — Ведь она должна презирать Пенси.

— Из-за Рона, — объяснила Джинни. — Мы все пришли сюда ради Рона. Решили, что для него это важно.

— Послушай, но не мог же он в самом деле так её любить?

— Нет, — согласилась Джинни, — но порой бывает нужно хоронить прошлое.

— Если можно так выразиться, — попытожила Блейз и отвернулась.

Гермиона и Рон уже подходили к ним. Рон был бледен и выглядел усталым; один из лепестков с венка

упал ему на ботинок и прилип там. Гермiona поддержала друга рукой в красной варежке.

— Здравствуй, — кивнула она Блейз.

Та что-то пробормотала в ответ. Ей явно было не по себе.

— Я собиралась поблагодарить тебя, — Гермiona откинула капюшон, и её волосы рассыпались по плечам. Что-то блеснуло в тёмных кудрях. — За твои заколки. Они очень пригодились.

— Рада это слышать, — отозвалась Блейз. — Вы не возражаете, если я поеду с вами? — добавила она, заметно нервничая.

— Поедешь куда? В школу? — уточнила Гермiona, снова подняв капюшон.

— Я хочу увидеть Драко, если можно. Я не знаю, пускают ли к нему посетителей, но...

— Конечно, можно, — вмешался Рон, прежде чем кто-либо успел ответить. — Сядешь в нашу карету?

Блейз повернулась к Джинни:

— Ты тоже?

— Нет, я еду отдельно, вместе с Симусом. Если хочешь, поехали с нами.

Блейз поспешно отступила, мотая головой:

— Нет-нет! Э-э... спасибо. Мы ведь там увидимся, правда?

Джинни вздохнула.

* * *

Симус ждал её возле чёрной кареты, дверцы которой были украшены серебряным гербом Малфоев. Нарцисса одолжила им пару экипажей, поскольку ни Рон, ни Симус ещё не окрепли достаточно для того, чтобы воспользоваться Портключом.

Симус что-то царапал на клочке бумаги. Увидев Джинни, он поспешно сунул листок в карман.

— Ну что, отправляемся?

Джинни кивнула и поднялась внутрь. Симус забрался следом и закрыл дверцу. Несколько долгих минут они молча сидели в салоне, обитом тёмно-синим бархатом, и единственными звуками, нарушавшими тишину, были скрип и постукивание колёс, катящихся по снежной дороге. Наконец Симус заговорил:

— Прости меня.

Джинни подняла на него взгляд.

— За что?

— За то, что напугал Блейз, — он внимательно разглядывал окрестности за окном, проплывающие чёрными, белыми, серыми пятнами. — Никогда не думал, что я могу внушать страх.

— Привыкай, — устало отозвалась Джинни. И тут же пожалела об этом, потому что Симус вздрогнул, как от удара. — Ты тоже прости меня... Главное — помни, что это был не ты. Это был кто-то другой, укравший твоё лицо. Сам ты не делал ничего дурного.

...Сколько раз уже я повторяла эти слова за последние три дня, — подумала она. — И всё без толку. Ничего не изменилось...

Симус внимательно рассматривал свои пальцы — тонкие, подвижные, сужающиеся к ногтям, с веснушками на костяшках.

— Когда опускали гроб, — медленно проговорил он, — я вспомнил, как она металась по дому, пытаясь убежать от меня, как она падала и снова поднималась. А я смеялся над ней... Я помню.

Джинни закрыла лицо ладонями:

— Симус! Это был не ты!

— Но ведь это мои воспоминания, — тихо возразил он.

Она опустила руки и посмотрела на него. В полумраке кареты его глаза потемнели, приобретя глубокий оттенок индиго.

— А мои сны?.. Джинни, разве я могу быть уверен, что он покинул меня навсегда? Что внутри, в моей душе, не осталось какого-нибудь его кусочка, который постепенно изменяет меня, отравляет? — Он уже почти кричал. — Как я могу быть уверен?!

— Возможно, что он никогда не освободит тебя полностью, — осторожно согласилась Джинни, стараясь говорить как можно мягче. — Но я верю, что Добро в тебе это преодолеет. И ты тоже верь.

Симус прерывисто вздохнул, успокаиваясь, и потянулся к её руке. Джинни стянула перчатку и переплела свои пальцы с его, согревая их.

— Даже не знаю, что бы я делал без тебя, — признался Симус. — Ты — единственное, что придает моей жизни смысл.

* * *

Они подъехали к школе как раз на закате, в светло-голубом свете ранних зимних сумерек. Джинни плотнее запахнула свой жёлтый плащ и стала подниматься по ступеням. Симус шёл следом за ней. В башенке, где находился кабинет директора, огни были погашены — Дамблдор поспешно покинул замок сразу же после их приезда, заявив, что он должен привезти Нарциссу к ложу её умирающего сына. Нарцисса прибыла спустя несколько часов, но Дамблдор не появлялся до сих пор. Иногда, когда на неё «накапывало», Джинни всерьёз размышляла, не избегает ли он её нарочно, поскольку знает, **что** она попросит у него.

Едва они вошли, Симус поцеловал её на прощание и, сославшись на усталость, отправился в гриффиндорскую башню. Джинни не особенно переживала по этому поводу — всё-таки постоянно изображать бодрость и оптимизм при Симусе было тяжело.

Блейз ждала её у подножия лестницы, ведущей в большое крыло. Она была настолько убита горем, что при виде этой скорбной фигуры сердце Джинни ёкнуло.

...Пожалуйста, — про себя взмолилась она, обращаясь неизвестно к кому, — не дай, чтобы ЭТО случилось, когда меня не было здесь, когда я не могла сидеть рядом, не могла попрощаться с ним...

— Всё... всё в порядке? — тревожно спросила Джинни.

— Мне кажется, это неприлично — просто взять и завалиться туда, — призналась Блейз. — Я как-то не задумывалась над этим, но сейчас там его мама, и Гарри, и Гермiona... А я... какое у меня право находиться там? По правде говоря, я ведь была для него... никем.

Голос у Блейз сорвался, и она опустилась на ступеньки — олицетворение отчаяния в своей траурной одежде, лишь ярко-рыжие волосы выбиваются из-под шапочки. Джинни только теперь обнаружила, что они с Блейз примерно одного роста — раньше слизеринка казалась представительнее и выше.

— Пожалуйста, зайди, — сказала Джинни. — Он думал о тебе, я знаю... Он всегда говорил, что ты — точь-в-точь как он.

— Что ж, это обнадеживает, — то ли в шутку, то ли всерьёз, но с легко уловимой горчинкой откликнулась Блейз. — Ведь больше всего на свете Драко любил себя.

— То, что ты понимала его, значило для него очень много. Господь свидетель, я никогда не могла, — тихо добавила Джинни.

Блейз недоумённо посмотрела на неё; обезоруживающий взгляд зелёных глаз — таких же, как у Гарри, только опушённых длинными медно-рыжими ресницами вместо чёрных.

...Наверное, когда Драко заглядывал в эти глаза, ему казалось, что он смотрит одновременно в глаза Гарри и мои собственные, — мелькнуло в голове у Джинни.

— Что ж, хорошо. Тогда пойдем, — Блейз вскочила, неожиданно для Джинни схватила её руку и крепко сжала. Впрочем, это не было неприятно.

Девушки вместе поднялись по лестнице и через широкие двойные двери вошли в лазарет.

Глубокая тишина заполняла комнату, будто крылья Смерти заглушили все звуки. Мадам Помфри неслышно сновала в полумраке, время от времени останавливаясь, чтобы поручить что-нибудь Нарциссе Малфой, поскольку та постоянно настойчиво предлагала свою помощь — неважно, что именно надо было делать: она перевязывала раны Гарри, Рону и своему сыну, подавала чашки с лекарством и взбивала подушки... Сейчас Нарцисса сидела в большом кресле у окна, возле кровати Драко, прикрыв глаза и подперев подбородок рукой.

Гермиона расположилась в ногах кровати с раскрытой на коленях книгой. Всё ещё непросохшая синяя мантия висела позади девушки; волосы она забрала наверх и зацепила большой серебряной заколкой; плечи были укутаны шалью — той самой, вспоминала Джинни, что Драко подарил ей на Рождество. На стук открывшихся дверей Гермиона оторвалась от книги и приветственно махнула пером, капнув при этом чернилами себе на рукав.

Блейз нерешительно попятилась, и Джинни пришлось чуть ли не силой подвести её к кровати Драко. Белоснежные простыни и одеяло укрывали неподвижного юношу по грудь, а поверх них крест-накрест лежали бледные руки, сейчас слегка подкрашенные последними лучами заходящего солнца. Его недавно искупали и переодели в его собственную пижаму, и теперь, чистый, он выглядел обманчиво здоровым. Там, в Румынии, Драко напоминал закоченевшее пугало — в многочисленных порезах, весь в крови и грязи, и порванная одежда болталась на его костлявом теле. Теперь же волосы его были чистыми, у висков завивались серебристо-белые локоны, руки забинтованы, а узкая грудь подымалась и опускалась, подымалась и опускалась — едва-едва, так что одеяло почти не двигалось.

Глаза Блейз наполнились слезами, она не сумела их удержать, — и вот они побежали по щекам, размывая её макияж.

— Только этого не хватало, — пробормотала она, отпуская руку Джинни, чтобы вытереть лицо. — Прости, пожалуйста, — обратилась она к Драко, и голос её дрогнул. — Я знаю, ты терпеть не можешь, когда я плачу.

— Ничего страшного. Он этого не заметит. Он вообще ничего не замечает, — отозвался хриплый голос Гарри.

Блейз вздрогнула и испуганно обернулась. Джинни посмотрела в ту же сторону, на притулившегося в кресле у изголовья кровати Гарри, неподвижного и невидимого до сих пор. Не знай Джинни, что он находится в комнате, она бы, пожалуй, и не заметила его.

Гарри провёл здесь уже три дня, и это давало знать о себе — усталость, словенно копыт, заволокла глаза, и волосы свисали спутанными прядями. Мадам Помфри и Нарцисса подлатали его как могли — Гарри не возражал, лишь бы его не заставляли вылезать из кресла, — и сквозь прорехи грязной чёрной рубахи теперь белели чистые бинты. Его меч, всё ещё в пятнах крови, был прислонён к спинке кресла.

Джинни не знала, куда девался Terminus Est, и боялась спросить.

— Ты не можешь знать наверняка, Гарри, — возразила Гермиона, оторвавшись от книги. — Говорят, что в некоторых случаях люди в коме слышат, когда к ним обращаются, даже если не могут никак показать это.

— Да, я знаю, — отозвался Гарри равнодушно, голос его был надтреснутым и утомлённым. Он слегка приподнялся в кресле и оглядел лазарет. — А где Рон?

— Ему надо было о чём-то побеседовать с Ремусом, — помнишь, он говорил? Наверное, он у Люпина в кабинете.

— А Сириус?

— Он внизу, в лаборатории Зелий, вместе

со Снейпом. Я тебе уже говорила.

— И как там дела? Им удалось что-нибудь отыскать? — спросила Блейз, которая завладела рукой Драко и гладила его пальцы своими.

Мгновенная обида, вспыхнув, обожгла Джинни, но она жестоко подавила это чувство. ...Истинная любовь щедра, — настойчиво напомнила она себе, — она не завистлива, она не разрушительна, она не... Да пошло оно всё! — бессильно выругалась она и отвернулась от кровати, чтобы не видеть, как другая рыжеволосая девушка — не она! — держит Драко за руку, в то время как жизнь капля за каплей вытекает из него.

Её взгляд упал на раскрытую книгу, что держала Гермиона. Вверху страницы была напечатана гравюра, изображающая крылатого змея, пониже располагался какой-то символ вроде звезды с острыми лучами, который показался ей странно знакомым.

— Я видела этот символ раньше, — сказала она, пытаясь вспомнить, где же именно. — Что он означает?

Гермиона прервала разговор с Блейз и вздохнула:

— Это руна серебряного дракона. Я читаю о драконах всё, что только могу найти. Надеюсь откопать что-нибудь полезное.

— Это было на руническом браслете Гарри, — неожиданно вспомнила Джинни и бросила взгляд в его сторону — нет, он вроде бы не слушал их. — Я вспомнила, потому что...

Гермиона, побледнев, резко захлопнула книгу, заглушая конец фразы.

— Гарри, ты не против, если мы с Джинни выйдем поболтать в коридор?

Гарри мотнул головой, почти не глядя на них:

— Делай что хочешь.

Джинни тут же бесцеремонно вытолкали из лазарета, — она едва успела оглянуться и послать Блейз извиняющийся взгляд. Оказавшись на лестничной площадке, Гермиона прежде всего убедилась, что дверь за ними плотно закрыта.

— Вот теперь договаривай, что начала, — властно распорядилась она. — Этот символ был на браслете Гарри?

— Ну, я никогда не рассматривала браслет вблизи, когда он был у Гарри, — поправила Джинни, — но я видела его на руке у Гарета. Я ещё удивилась, что у него такой же браслет.

Чувствовалось, что Гермиона готова схватиться за голову.

— У Гарета? Ты хочешь сказать, у Гарета-из-прошлого?

— Ну да, только он тогда не был в прошлом, он был в моей спальне, — увидев выражение лица Гермионы, Джинни поспешила убедить её, что её вовсе не интересовала противозаконная межвременная контрабанда. — И Бен тоже. Они отправились в наше время, чтобы передать мне кое-что. Видишь ли...

К счастью, Гермиона хранила молчание в течение всей речи Джинни, лишь изредка кивая. Когда Джинни добралась до конца своего повествования, она только заметила:

— Я никогда раньше не слышала о Цветке Воли.

— Что ж, может случиться, что кое-каких вещей ты и не знаешь, — раздражённо буркнула Джинни.

— Это уже обсуждалось, — язвительно отпарировала Гермиона. И Джинни подумалось, что она уже начала забывать прежнюю Гермиону — сдержанную, почти бесстрастную в минуты любых душевных расстройств и тревог. — Ладно, похоже, они и сами не могли толком ничего объяснить. Одно невнятное бормотание и букет сомнительной полезности. Но ты уверена, что видела руны серебряного дракона?

Джинни кивнула.

Гермиона закусил губу:

— Я хочу, чтобы ты ничего не говорила Гарри. Поняла?

— Почему?

— Потому, — медленно объяснила Гермиона, — что если он узнает, что все эти месяцы он носил вещь, которая могла спасти Драко, и сам разрушил её... Нет. Он не должен этого узнать! Никогда.

— Рано или поздно он узнает.

— Нет, пока это в моих силах, — сверкнула глазами Гермиона, и Джинни невольно вспомнились слова Драко: однажды он сказал ей, что на примере Гермионы понял значение фразы «безжалостная любовь». — Во всяком случае, это спорный вопрос. А браслет разрушился, и его больше нет.

— Он есть.

— Его нет, — терпеливо повторила Гермиона. — Гарри разрушил его, и ты это знаешь.

— Но он существует! В прошлом.

— Джинни! — Гермиона выронила книгу и схватила подругу за руки. — Ты не можешь изменить прошлое, пойми это. Посмотри, что случилось в прошлый раз, когда ты развлекалась с путешествиями во времени.

Джинни попыталась вырваться, но Гермиона держала её железной хваткой.

— Думаешь, я сама не раздумывала над этим? Но в этот раз всё будет по-другому. Это может сработать, может спасти его!

— Нет! — твёрдо проговорила Гермиона, но Джинни заметила, как что-то непонятное мелькнуло в её глазах. — Это предопределено. Я говорила с Роном о его видениях, которые приходили к нему там, в крепости. Он видел Тёмную Метку и Министерство в огне — и это сбылось. Хочешь знать, что он видел ещё? Он видел мёртвого Драко, лежащего на кровати, и Гарри оплакивал его... Таково будущее. Джинни, это должно случиться, и мы не в силах этого изменить.

— Я не верю, — упрямо возразила Джинни. — Будущее не определено, пока оно не случилось. Неужели ты хочешь позволить ему умереть? Ты можешь допустить это, зная, что не предприняла всего, что было в твоих силах, для его спасения?

— А ты хочешь сбросить нам на головы ещё одно бедствие типа Тома? Сколько ещё людей должно погибнуть, прежде чем ты перестанешь быть такой безрассудной?!

Джинни всё-таки удалось выдернуть свою ладонь из пальцев Гермионы:

— Когда я освободила Рисенн, — начала она, — та открыла мне, что только я могла бы спасти Драко. Только я, — сквозь сдерживаемые слёзы голос звучал сдавленно, но Джинни продолжала говорить: — Я долго обдумывала эти слова; я пыталась понять, что же я могу сделать такое, чего не может никто другой. Сначала я предположила, что она сказала так потому, что я люблю его, — но ведь я не единственная, кто его любит. Я даже не знаю, люблю ли я его сильнее, чем все остальные... А вот что действительно доступно мне и не доступно никому другому — это отправиться в прошлое на тысячу лет назад... И это всё, что у меня есть.

— Но у тебя же нет Хроноворота, — резонно возразила Гермиона. — Дамблдор забрал его у тебя.

— И я собираюсь вернуть его! — выпалив эти слова, Джинни развернулась и решительно зашагала по коридору к лестнице.

— Джинни, — попыталась удержать её Гермиона. — Джинни, подожди!

— Бесполезно, — прокомментировал голос у неё за спиной. — Когда она в таком состоянии, её не остановишь.

Блейз бесшумно возникла в дверях лазарета и теперь с нескрываемым любопытством рассматривала Гермиону, будто необыкновенного жука. Глаза её были красны от слёз, но выражение лица удержало Гермиону от комментариев.

Впрочем, она и не собиралась ничего комментиро-

вать. Пусть Блейз хоть ведро наполнит слезами до краёв, оплакивая Драко — у Гермионы есть дела поважнее.

— Мы должны отговорить её, — заявила она.

— Не вижу причины, — осадил её Блейз. — И, кстати, отговорить от чего?

Зашипев, как рассерженная кошка, Гермиона развернулась на каблучках и решительно двинулась вслед за Джинни, уже скрывшейся из виду. Но Гермионе и без неё была хорошо знакома дорога до директорского кабинета.

— Джинни вбила себе в голову, что ей нужно снова отправиться в прошлое, чтобы разыскать там противоядие.

— «Там» — это в прошлом? — уточнила Блейз.

Гермиона мрачно кивнула.

— И она действительно может это сделать?

Гермиона так и замерла с поднятой над ступенькой ногой.

— Да не в этом же дело!

— Ну, я бы сказала, что дело как раз в этом, — рассудительно заметила Блейз.

Гермиона наконец опустила ногу и уставилась на Блейз.

— И ты говоришь это после всего, что случилось? Вспомни последний раз, когда она решила порезвиться с Хрономагией!

— Надо признать, получилось неудачно, — согласилась Блейз. — Однако я верю, что всё, что происходит, случается не зря, — при этих словах она коснулась заколки в своей причёске. — И разве до этого она не использовала Хрономагию, чтобы перебросить в наше время армию, которая разгромила Слизерина и спасла нас?

— Откуда ты это знаешь? — изумилась Гермиона.

— От Драко. Он много раз рассказывал мне об этом. Как Джинни прилетела на драконе ему на выручку. Я-то думала, что он всё это выдумал, чтобы подразнить меня, или хуже того — что это какие-то извращённые сексуальные фантазии. Иногда он вёл себя очень странно. Вот ты знала, что?..

— Нет, — торопливо перебила Гермиона, — и не хочу знать... А про армию и дракона — правда. Да, конечно, это был умный и отважный поступок, и если бы каждый мог... — её голос прервался, она больше не смогла вымолвить ни слова.

Блейз выжидательно смотрела на неё какое-то время, а потом заговорила сама:

— Драко говорил, что есть люди, которые будут сражаться за тебя, пока есть надежда. А есть и такие, которые сражаются и после того, как надежда умирает... Я знаю, он был уверен, что Джинни из последних.

Гермиона тяжело осела на ступеньки и разрыдалась.

Блейз была шокирована. Она быстро осмотрела себя, но в её обтягивающем наряде не было никаких, даже маленьких, карманов, не говоря уже о таком, где мог поместиться носовой платок. В конце концов она стянула с руки перчатку и нехотя протянула её Гермионе.

— И зачем она мне? — сквозь всхлипывания поинтересовалась Гермиона, шмыгая носом.

— Понятия не имею, — призналась Блейз. — Послушай, я вовсе не хотела тебя расстроить. Забудь всё, что я наговорила.

Гермиона выхватила перчатку и вытерла ей лицо, — правда, удержавшись от того, чтобы высморгаться. Замша полностью впитала слёзы. От Гермионы не ускользнуло, как Блейз старательно делает вид, что ей не жаль перчатки... ну и спасибо ей за это.

— Ты тут ни при чём, — гнусаво пояснила Гермиона. — Просто я поняла кое-что, вот и всё.

— И что же? — приподняла бровь Блейз.

— Что Драко не заслужил того, что я смирилась с его потерей, — глухо продолжила Гермиона. — Всё то время, когда я держала его, когда думала, что

он умирает... когда он действительно умирал, — я твердила ему: «Держись, борись, не сдавайся». А потом он закрыл глаза и перестал... перестал дышать... — она прочистила нос. — Прости, пожалуйста. Я куплю тебе другую пару.

— Вряд ли тебе это будет по карману, — заметила слизеринка.

Гермиона пропустила её слова мимо ушей — она торопилась выговориться, давась одновременно и словами, и слезами.

— А потом появился Гарри. И Сириус с Ремусом. И Ремус оживил его, сделал так, чтобы он мог дышать снова... Но мне кажется, что уже тогда я поняла, что он умер, что я потеряла его всё равно... Но он не... то есть, может быть, ещё есть надежда... Я просто боюсь. Я так боюсь надеяться — а вдруг ничего не получится? Я не могу позволить себе поверить, а потом потерять его ещё раз. Я просто не выдержу.

Блейз прищурилась:

— Не думала, что ты так любишь его.

Гермиона вспыхнула:

— Я...

— Что это вы тут делаете?

Обе девушки подскочили от неожиданности и посмотрели вверх. На площадке стояла Джинни. Она спустилась на пару ступенек, и что-то сверкнуло в её руке. Гермиона ахнула:

— Хроноворот! Дамблдор отдал его тебе?

На какую-то долю секунды Джинни замешкалась с ответом.

— Да. И я знаю всё, что ты собираешься сказать...

— Нет, — прервала Гермиона, поднимаясь, — ты не знаешь. Джинни, послушай...

— Стоп! — Джинни вскинула руку, словно отгораживаясь от всех её доводов. — Я не слушаю тебя, Гермиона, я просто не могу. Я знаю, что ты права, и если я стану тебя слушать, ты сможешь меня переубедить — просто потому, что... что ты права... Всегда. — Джинни, продолжая говорить, накинула цепочку Хроноворота на шею — маленькие песочные часы скользнули в вырез её платья. — А я всегда ошибаюсь, я знаю. И всегда это знала. Наверное, поэтому Том выбрал меня — потому что он тоже знал.

— Но, Джинни... — в смятении вновь попыталась перебить Гермиона.

Однако Джинни, бледная и решительная, ей не позволила:

— Гермиона, мне, конечно, нужно твоё благословение, но даже если его не будет, я всё равно отправлюсь. Да, ты опять хочешь напомнить мне, чем обернулось моё последнее путешествие, и я знаю — ты считаешь, что важны не причины, а поступки. Но я думаю, что и причины многое значат, что это тоже важно... Когда я отправлялась в прошлое, чтобы забрать дневник Тома, и потом, в следующий раз... Тогда у меня не было ни одного достойного повода. Я совершила всё это потому, что хотела, чтобы со мной считались, чтобы ты похвалила меня, чтобы Драко... чтобы он восхищался мной, был мне благодарен. Но сейчас всё иначе.

— Разумеется, всё иначе...

— Когда ты была в третьем классе, Дамблдор позволил тебе отправиться назад во времени, чтобы спасти жизнь, и я отправляюсь за тем же — спасти жизнь! Если бы Драко был мёртв — другое дело, однако он всё ещё жив, но он умирает, и это наша вина, наша общая — ты знаешь это? Люциус предложил Гарри выбор между Драко и всем миром, и Гарри выбрал бы Драко, но тот сам не допустил этого. Драко заставил Гарри выбрать спасение мира. А теперь настало время, чтобы кто-то выбрал Драко. Решил спасти его одного. И мне всё равно, узнает ли он когда-нибудь, что это была я, я ничего не прошу взамен, я просто хочу, чтобы он жил. Вы с Гарри поддерживали в нём жизнь, сколько могли. Теперь настал мой черёд, — ведь это единст-

венное, что я могу сделать. И это — единственное, что могу сделать для него именно я и никто другой... Я говорю это тебе потому, что хочу, чтобы ты знала, а не потому, что мне нужно твоё разрешение. Я всё равно поступлю так, нравится это тебе или нет, и ты не сможешь остановить меня!

— Хорошо, — ответила Гермиона.

— Я знала, что ты... — Джинни осеклась на полуслове, от неожиданности едва не свалившись с лестницы. — Что?

— Я сказала «хорошо», — повторила Гермиона и быстро заговорила, стремясь в свою очередь высказаться. — Я вовсе не собиралась ничего запрещать тебе. Я только хотела посоветовать тебе сперва пойти в библиотеку. Это может помочь тебе в выборе какой-нибудь определённой даты — ведь дети Основателей не всё время проводили в замке. Тебе надо отыскать момент, когда ты будешь точно знать, что они здесь, в Хогвартсе. Я бы порекомендовала дополненное издание «Жизнеописания Основателей» — там в приложении расписаны занятия их прямых наследников. Если там нет, то может пригодиться «История Дома Гриффиндор». Только сразу бери третий том — первые два рассказывают о периоде, когда твой Хроноворот ещё не был создан.

— К тому же библиотека может стать хорошим пунктом отправления, — добавила Блейз. — Это одно из старейших помещений замка, и там никогда не делалось никаких переделок и пристроек.

Гермиона изумлённо воззрилась на слизеринку, а Джинни, почувствовав неожиданную слабость в коленках, поспешно присела на ступеньку.

— Только не говори мне, что ты читала «Историю Хогвартса»!

— Конечно, — небрежно ответила Блейз. — А кто её не читал?

* * *

За стенами замка начал падать снег и вскоре укрыл всё вокруг толстым белым одеялом. Симус устроился на окне гриффиндорской мужской спальни, прижимая тыльную сторону ладони к холодному стеклу. Теперь он любил прикосновения к холодным предметам — они успокаивали его, остужали огонь в крови.

Родители звали его домой, но Симус сумел убедить их, что он вполне здоров и к тому же не «гуляет» с Дином Томасом (и с чего это им взбрело в головы?). Не то чтобы он вовсе не желал их видеть (хотя поначалу он с трудом мог вспомнить их лица и вынужден был в конце концов заглянуть в альбом с фотографиями) — просто ему хотелось быть рядом с Джинни.

В мире, видимом ныне сквозь мерцающую дымку, заволакиваемом невесть откуда наплывающим туманом, в мире, где знакомые лица выглядели чужими, а простые английские фразы внезапно начинали звучать абракадаброй, — Джинни оставалась единственной константой, единственным элементом, который сохранился неизменным с его прежней жизни. Она не вздрагивала, увидев мрачное выражение его глаз, которое он ещё не научился прятать; она не отворачивалась с отвращением, когда он пересказывал ей свои сны — как он моет и моет руки, безуспешно пытаясь оттереть липкую кровь. Она понимала. Том побывал и в её теле, сделал её частью себя, и она знала, на что это похоже.

Каково это — быть принуждённым делать отвратительные вещи, которые ты не мог даже представить, не говоря о том, чтобы вообразить себя делающим ЭТО. Каково это — чувствовать, как в тебе гнездится ненависть, ненависть ко всему миру и, будто кислота, разъедает твоё сердце. Каково это — ощущать навязанную гордыню, это непоколебимое высокомерие... и ту постыдную лёгкость, которая приходит, когда замолкает совесть.

Незамутнённое чувство превосходства.

Он вспомнил ту проститутку, похожую на Джинни:

длинные рыжие волосы, заплетённые в косички, коротенькое, якобы школьное, платье, такие же карие глаза... Когда он поцеловал её, она поцеловала его в ответ — поцелуем более опытным, чем у Джинни, и с наигранной страстью, которая...

...Нет, — перебил он себя, — она целовала не меня, она целовала Тома, и ей заплатили за это.

По крайней мере, она думала, что ей заплатят, когда Том сломал ей шею — легко, как ребёнок ломает пополам леденцовую палочку... Он вспомнил, как Том расчёсывал своими пальцами эти длинные рыжие пряди, пока она умирала. «Джинни, — повторял он, — Джинни...».

Симус спрятал лицо в ладони. Пергаментный свиток скатился с коленей на пол.

Он хотел, чтобы она оказалась здесь. Она бы укрепила его, слепила бы его заново — таким, каким он был прежде. Вместе они бы исцелили его. Без неё он всегда будет сломленным. Симус до боли прижал пальцы к глазам в попытке стереть из памяти образ мёртвой девушки с лицом Джинни и голос Тома, благоговейный и безутешный: «Джинни. Джинни. Джинни».

Скрип открывающейся двери вывел его из чёрного забытья. Симус поднял взгляд — немного виноватый, хотя он и не сделал ничего дурного. Это был Рон, в тёмно-красном плаще поверх одежды, оттенок которого соперничал с цветом его волос.

— О, прости! — извинился он, увидев Симуса. — Я не хотел...

— Ничего-ничего, — сказал Симус, прыгивая с подоконника. — Это ведь и твоя комната тоже.

— Это верно.

Рон не шевелился, и несколько долгих минут юноши стояли, глядя друг на друга. Оба чувствовали себя неловко, хотя и по разным причинам.

Симус горько размышлял, будет ли хоть кто-нибудь хоть когда-нибудь обращаться с ним, как раньше. Наконец он открыл рот:

— Я всё равно собирался уходить. Может, сумею разыскать Джинни до ужина...

— Честно сказать, ты мне нужен, — Рон загородил Симусу дорогу. — Если не возражаешь, я хотел бы поговорить с тобой кое о чём. Важном...

* * *

Сириус вместе с Нарциссой стоял у закрытых дверей лазарета. Его глаза, как у них у всех, ввалились от усталости, но он всё же улыбнулся Гермионе. У Нарциссы не хватило сил даже на это — в результате напрядения последних недель она выглядела пугающе хрупкой: кожа напоминала пергамент, а на висках проступили вены.

...Как по-разному отразилось на них горе, — подумала Гермиона. — Сириус вспыльчив и непривычно растерян; Нарцисса увяла, как цветок; Ремус сосредоточен и сдержан; Джинни напряжена, как тугая пружина; а Гарри затаился, стал скрытен до неузнаваемости...

Поддав вздох, она помахала рукой в ответ и попыталась было обойти их, но Сириус остановил её:

— Подожди.

Вспышка страха отозвалась острой болью в сердце:

— Что-то случилось?

— Нет, ничего не случилось, — поспешно откликнулась Нарцисса. — Мы только хотели поговорить с тобой. Вернее, Сириус хотел. А я...

Она внезапно умолкла — очевидно, голос её не слушался. Гермиона хотела бы сказать ей что-нибудь хорошее, как-то ободрить, но её силы и терпение оказались не безграничны — девушка была уже по горло сыта этой печалью — своей и других; поэтому она просто спросила:

— В чём дело?

— В Гарри, — ответил Сириус. — Если бы

ты могла...

— Могла бы что?

— Время подходит... Если бы ты могла вытащить его из лазарета под предлогом, что нужно что-то сделать в другом месте... Хотя бы убеди его, что ему нужно принять ванну... Да что угодно!..

— Ванна ему и в самом деле нужна, — холодно подтвердила Гермиона. — Вот только нужна она ему всю эту неделю, а он не двигается с места. Не знаю, что я могу сделать такого, чего не можешь ты.

— Ему нельзя находиться там во время кончины Драко, — решительно отрубил Сириус, а Нарцисса отвела глаза. — Они связаны, и я боюсь, что когда Драко всё-таки угаснет, его смерть затащит Гарри следом за ним.

Гермиона молча воззрилась на него. Живое воображение тут же услужливо подсулоло объемную и очень чёткую картину: громадный корабль погружается в бездонную глубину океана, многие уцелевшие пассажиры, сорвавшись с ограждений, беспомощно барахтаются в кильватерном следе, а затем тонут, и стывшая зелёная вода смыкается над их головами... Её взгляд, обращенный на Сириуса, отразил почти что ненависть, и она, не произнеся больше ни звука, решительно толкнула дверь в лазарет.

Гарри сидел в том же кресле у кровати — точно так же, как она его оставила. Он уронил голову на руку и выглядел настолько усталым... настолько усталым и настолько юным, что, пока она приближалась, бессильный гнев уступил место жалости, и она потянулась к нему — обнять и утешить. Но после Румынии Гарри избегал её объятий, — вообще избегал всякого близкого контакта: он уклонялся, когда Сириус протягивал к нему руки или когда Рон пытался неловко похлопать его по плечу, словно их прикосновения обижали его. Так что Гермиона просто примостилась в соседнем кресле и тихонько позвала:

— Гарри?

Он повернулся к ней. Чёрные волосы, скрутившиеся колечками, обрамляли лицо, которое казалось слепленным из одних углов и голубоватых впадин; легко различимые тени на давно небритых щеках и подбородке должны были бы сделать его старше, но этого не произошло; губы потрескались, на нижней виднелась полоска крови там, где он её прикусил.

— Что?

Гермиона опустила протянутую было руку. Что-то в нём, в том, каким он стал — не то новое, что появилось, а то прежнее, что ушло, — удержало её.

— Сириус попросил меня провести тебя, — соврала она, ненавидя эту ложь. — Если тебе что-нибудь нужно... поесть, может быть? Или если ты хочешь пойти... пойти искупаться... или что-нибудь ещё... я могу посидеть возле Драко.

— Нет, — очень вежливо и совершенно безжизненно. — Нет, благодарю, Гермиона.

...Всё равно, что карабкаться на стеклянную стену в скользящих туфлях, — подумалось ей.

В этих погасших бутылочно-зелёных глазах она не уловила ничего — там не было ни жизни, ни прежнего Гарри. Он смотрел мимо неё, на Драко. Багряные отсветы заката ушли из окон, и Драко лежал белый, как восковая статуя, со скрещёнными на груди руками, — как он спал всегда. И ей вспомнилось, как его рука выскользнула из её ладони там, в коридоре, как безвольно согнулись его пальцы...

«Есть люди, — сам собой всплыл в памяти голос Блейз, — которые будут сражаться за тебя, пока есть надежда. А есть и такие, которые сражаются и после того, как надежда умирает».

Слова вырвались прежде, чем она успела их удержать:

— Гарри, ты не пробовал?..

— Пробовал что? — озадаченно моргнул он в ответ.

— Говорить с ним, — пояснила Гермиона, переводя

взгляд на юношу в кровати. — Разговаривать с Драко.

— По-моему, ты была здесь, — отозвался Гарри сухим, как зимний воздух, тоном, — когда мадам Помфри сообщила мне, что он уже ничего не слышит.

Гермиона вздрогнула. Разумеется, Гарри говорил с Драко. Там, в Румынии, он говорил и говорил без умолку, а потом просто тихо, сгорбившись, сидел подле Драко, пока не появились Сириус и Ремус и не оттеснили его. Затем она и Гарри, не проронив ни слова, смотрели, как Ремус склонился над Драко, приподнял его — и чуть ли не бросил снова на пол в коридоре. Вот тогда Гарри заорал в ярости, и Гермиона оттаскивала его, а Ремус с нечеловеческой силой массировал грудь Драко, бормоча заклинания, пока Драко не закашлялся, отхаркивая серебристо-чёрную кровь на одежду, и не начал дышать снова.

Но он не открывал больше глаз — ни тогда, ни потом, ни сейчас...

Замечание мадам Помфри о том, что Драко больше ничего не слышит, не было предназначено лично для Гарри, но он воспринял его именно так и замкнулся окончательно.

— Да, я знаю, что она сказала, — осторожно подтвердила Гермиона. — Но ты — другое дело. Ведь, чтобы говорить с Драко, тебе не нужно, чтобы он тебя слышал ушами. Ты можешь разговаривать мысленно.

— Он ушёл, — апатично возразил Гарри. — Там не осталось никого, с кем я мог бы говорить. Всё равно, что... говорить со стеной.

— Если ты и в самом деле так думаешь, — резко сказала Гермиона, — то почему ты здесь?

Уголок глаза Гарри дернулся, но больше юноша никак не прореагировал на её выпад. Он по-прежнему рассматривал свои руки. Тёмный извив шрама на правой ладони был виден так чётко, как будто его нарисовали чернилами.

— Ты можешь попытаться, — настойчиво предложила Гермиона.

Гарри прошептал что-то — так тихо, что ей пришлось нагнуться к нему, и даже после этого она не была уверена, что расслышала. Тем не менее, она поняла его:

— Что, если я попытаюсь, и это не сработает?

Она снова взглянула на Драко — неподвижного, как памятник на собственной могиле, на закрытые, но не спящие глаза, опущенные серебряными ресницами... Видит ли он сны, и если да, то какие? Или там одна лишь темнота?

«...Я вижу тебя — в белом платье, со снежинками в волосах...»

— Это сработает, — произнесла она, вложив всю убежденность, которой не было, в эти два слова, выбирая любовь перед искренностью. — Я не сомневаюсь.

Какая теперь разница? Ещё одна ложь во спасение.

Гарри посмотрел в её глаза, и надежда, которую она увидела в его взгляде, превратила её сердце в кровотокающие осколки.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую.

* * *

Блейз посмотрела поверх книги и сморщила нос:

— Ну что ж, я проверила в трёх местах. Думаю, что мы выбрали правильно.

— Ты не ошиблась? — утомлённо отозвалась Джинни. — Я никогда раньше не подсчитывала даты. Просто... чувствовала, — она прикрыла ладонью крохотные песочные часы у себя на шее, ощущая биение заключённой в них силы. — Так я могу отправляться?

Блейз отодвинула книгу в сторону. Факелы на стене библиотеки погасли, и вокруг сложенных книжных горок густели тени.

— Сколько бы времени ты ни провела в прошлом, ведь это не имеет значения, правда? — уточнила она. — Ты могла бы оставаться там всю жизнь и вернуться в это самое мгновение.

— Могла бы, — согласилась Джинни, — но каждое

мгновение, которое мы теряем сейчас, в настоящем, потеряно навсегда. И это время имеет значение — для Драко.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать.

Блейз встала. Её зелёные глаза сияли. Она была красива той красотой, которую Джинни всегда связывала с Драко — это тот особенный вид красоты, который, словно доспехи, защищает от внешнего мира. Ничто и никто не может постичь её или затмить, и она же удерживает её обладателя на расстоянии ото всех. Джинни всегда завидовала этой отстранённости — сама она никогда не была в состоянии защитить себя таким образом.

— Джинни, послушай... — заговорила Блейз, — как ты можешь быть уверена?

— Уверена в чём? — не поняла Джинни.

— В том, что если ты сделаешь это, если ты спасёшь его, — он полюбит тебя?

Джинни тоже поднялась. Хроноворот бился в её руке, как маленькое сердце.

— Я не потому делаю это, — отдельно сказала она.

Блейз говорила что-то ещё, но её слова были заглушены другими словами, поднявшимися из глубин памяти, — словами, которые Джинни усердно старалась забыть: «Если ты собираешься это сделать, то должна понимать, что у тебя есть только один шанс, один-единственный. Путешествие во времени на такое огромное расстояние требует нечеловеческих затрат энергии, и если тебе придётся совершить подобное ещё раз, я не могу гарантировать твоей безопасности. Как и вообще того, что ты уцелеешь».

Она поспешно повернула Хроноворот, и весь мир, и все слова отнесло прочь ударившимся о берег и отхлынувшим прибоем.

* * *

Ладонь Драко была ледяной. Гарри положил свою рядом. Его пальцы выглядели неестественно загорелыми и здоровыми рядом с мертвенно-бледными Драко. Он знал, что должен дотронуться своей рукой до руки Драко, но не мог заставить себя — это словно прикоснуться к кукле или восковому манекену; словно повредить, ощутить, что человека здесь уже нет...

Его руки напряглись, пальцы скомкали тяжёлую, плотную материю — Нарцисса привезла из поместья личные перкалевые простыни Драко, скользкие на ощупь.

Гарри закрыл глаза, мысли путались и ворочались, точно нащупывая дорогу в тумане.

...Малфой?

Нет ответа. Только отозвавшаяся гулким эхом пустота, как будто крикнул в пустую пещеру.

Он попытался снова, и теперь эхо отозвалось режущей болью. Гарри вскинул ладони, прикрывая ими лицо, и почувствовал, как Гермиона неуверенно коснулась его плеча. Он услышал отчаяние в её голосе, и мгновенно пришло острое и резкое, как удар клинка, понимание, что она чувствует — как она завидует его дару, его шансу... и одновременно боится его.

Гарри позволил своему сознанию расслабиться, отворачиваясь от всего, и попытался вспомнить, как это было — общаться с Драко, не говоря ни слова: похоже, что входил в комнату, полную чужих, неизвестных тебе людей, и вдруг видишь там знакомое лицо...

И он потянулся за этой узнаваемостью, чувствуя, что раньше он забирался слишком далеко; то, что он так долго искал, было рядом с его собственными мыслями, его собственным разумом.

Ощущение тяжести руки Гермионы на плече исчезло, как исчезли твёрдость кресла, в котором он сидел, и холод, просачивающийся в щели окна. Он оказался в месте, похожем на сад-лабиринт из Тримагического Турнира, однако узкие смыкающиеся стены были, кажется, из твёрдого, тёмного блестящего материала, и внутри них он разглядел мерцающие огоньки. Он ус-

лышал смех и заторопился, почти побежал на звук — путь закручивался вверх, выше и выше, и вот под его ногами возникли полированные каменные ступени. Теперь по обе стороны от него поднялись тёмные деревянные панели, освещённые через равные интервалы стеклянными лампами в форме ядовитых цветов: лилия, белладонна, мак, душистый горошек, наперстянка.

Он узнал их и догадался, где оказался, ещё до того, как достиг верхней площадки и разглядел знакомый холл, раскинувшийся перед ним, вычищенный до блеска трудами десятков домовиков. На стенах горели факелы, закреплённые в консолях в форме змей.

Гарри прекрасно осознал, что его нет здесь на самом деле, что он забрел в сон, в чужой сон...

Неудивительно, что умирающий Драко думал о доме — то, что это именно дом Малфоя, Гарри нисколько не сомневался: место было знакомо ему, знакомо как воспоминание.

Гарри понял, что это за место, и почувствовал — оно, вместе с Драко, ждёт его.

Глава 16. Дух и Буква Закона. Часть вторая: Закон любви

Первое путешествие в прошлое оказалось на редкость холодным: ледяная хмарь, всполох далёкой молнии, как если бы её тащилосквозь грозовые облака. Под ложечкой мучительно засосало. Потом тучи рассеялись, и Джинни очутилась аккуратно на том же самом месте, где и раньше, разве что Бедом рядом не было. Гриффиндорка медленно осмотрелась: сквозь тысячелетия библиотека пронесла прежние очертания, правда, полки с книгами отсутствовали, заменённые длинными и грубыми деревянными столами, на которых громоздились украшенные многоцветными рисунками манускрипты, свитки пергамента и перья. На одном из столов сейчас лежал забытый кем-то длиннющий свиток, весь испещрённый корявыми набросками. В многочисленных серебряных подсвечниках на стенах и в больших канделябрах на столе горели толстые свечи. Пахло горелым салом и сырыми чернилами.

Джинни подкралась к столу и заглянула в свиток, тут же узнав очертания Хогвартса, хотя он не совсем походил на известный ей Хогвартс — кажется, не хватало крыла... Она склонилась, потянула свиток к себе...

...и дверь распахнулась: в библиотеку ворвался Бен. Он был такой же, как во время последней их встречи в прошлом, разве что, в отличие от предыдущего раза, не полуголый, а в длинной ночной рубашке. Тёмные глаза его сияли, волосы стояли торчком. Присвистнув от удивления, он опустил зажжённую палочку:

— Джинни?..

— Э-э... Ну да, это я, — неуверенно откликнулась она. — Прости — кажется, я не вовремя?

— Я спал, — пояснил он, поведя плечами.

— А как ты догадался, что я тут?

Бен махнул в сторону стола:

— Ты тронула мои личные записи, а на них заклинание.

— А-а...

Повисла небольшая пауза, потом Джинни улыбнулась:

— Знаешь, это очень даже удачно: как раз тебя я и искала. Ну, и Гарета тоже.

— И Гарета? — Бен примостился на край стола. — Уверен, он вот-вот заявится. Просто ему, чтобы продрать глаза, нужно время.

Джинни привалилась к соседнему длинному столу:

— Ты вообще где, Бен?

— Я-то? Благодарствую — порядок, — он умолк.

Он оказался перед дверью в библиотеку. Гарри не помнил, на самом ли деле эта дверь находилась именно в этом месте, но сейчас это было неважно — он открыл её и вошёл.

В камине горел огонь, языки равнодушного золотистого пламени взвивались в трубу небольшими искрами. Толстые бархатные занавеси были подвязаны по сторонам высоких окон с витражными стёклами, оформленных в синих, зелёных и золотых цветах. Большой письменный стол красного дерева красовался у стены, а на нём... на нём сидел Драко, сложив ноги «по-турецки», с кучей книг у локтя и раскрытым на коленях фолиантом.

Когда Гарри переступил через порог, он поднял глаза и улыбнулся так, как улыбается кто-то, кто вошёл в комнату, полную чужих, неизвестных людей, и вдруг увидел там знакомое лицо.

— Поттер, ты добрался! — констатировал он чрезвычайно довольным тоном. — Надо сказать, как раз вовремя. Я полагаю, ещё несколько часов, и мне пришлось бы уйти без тебя.

Пару раз хлопнул глазами — дошло: — Что значит «где»? Я — в моём собственном времени, Джинни, ты ж вроде установила год на Хроновороте, али как?

— Установила, но... Бен, ну, раз ты меня узнал, значит, мы уже встречались, и ты наверняка уже тоже путешествовал в будущее, приведя свою армию и... Кстати, что с ней случилось?

— Расскажу при случае, — отмахнулся он. — Теперь-то ты зачем явилась?

Джинни покосилась в его сторону:

— Скажи, ты уже заглядывал ко мне домой — просто так, поглядеть? Где-то день на пятый после наступления 1996 года?

— Нет, — встрепнулся он. — А зачем?

— Да, в общем-то, ни за чем...

— А забавно звучит — «назад в будущее»... — заметил он, продираясь пятернёй сквозь непослушные лохмы, ужасно напоминающие шевелюру Гарри. — О, а вот и Гарет.

Джинни, которая, в отличие от Бена, не услышала ровным счётом ничего, удивлённо вскинула глаза, и через миг дверь действительно отворилась, пропуская в библиотеку столь же растрёпанного Наследника Слизерина, замотанного в шокирующе лиловую мантию. Один взгляд в её сторону — и он застонал:

— Снова ты?!

Джинни нахмурилась:

— Интересно, а если я скажу, что там, в будущем, ты от меня без ума, это что-нибудь изменит?

— Угу, так я тебе и поверил, — хмурый, он сел на стол рядом с Беном. — Так что же тебе надобно, Джинни? Только не говори, что снова войско — мы отправили к тебе всех, кто у нас был...

— А кто сказал, будто мне что-то понадобилось? — оскорбилась Джинни. — Может, я заглянула просто поболтать о том о сём.

— Да неужто? — приподнял бровь Гарет.

— Ладно, — сдалась она. — Мне нужен твой браслет.

— Мой... что?

— Красный браслет, который ты носишь на запястье... Ну или же носил — он сейчас у тебя?

Гарет покосился на Бена — тот в ответ пожал плечами — и со вздохом закатал левый рукав. Запястье опоясывал рунический браслет, сделанный словно из красного стекла, тускло светящегося изнутри.

— И сейчас, и всегда. Я его с детства ношу, — поведаль Гарет.

Джинни прикусила губу:

— Я... я у тебя его возьму?..

Бен подавился смехом:

— Что-что? Возьмёшь?! Джинни, да на этой штуковине такие защитные чары — мало не покажется! Или ты забыла, что Слизерин собственноручно смастерил его для защиты своего отпрыска? Есть у меня подозрение, что и Гарет ни на что подобное не согласится.

— Это важно, — упрямо повторила Джинни. — Он может спасти жизнь Драко.

— Чью-чью? — нахмурился Гарет.

— Наследника Слизерина в её времени, — пояснил Бен. — Боюсь, Джинни, тебе придётся объяснить поподробней.

Что ж — Джинни объяснила, изложив и про рунический браслет, впервые явившийся в чадугу мрачных пророчеств, и про то, как позже его вручили Гарри, и об отравлении Драко, и том, как Гарри с помощью браслета уцелел... И что Драко лежит при смерти, а, по словам его отца, спасение принесёт лишь кровь серебристого дракона. Она как раз начала говорить о том, что руна на браслете похожа на руну, обозначающую «серебристый дракон», как Гарет её прервал:

— Мне ясно, к чему всё клонится, — по голосу явно чувствовалось, насколько ему сейчас неловко. — Однако я не могу отдать браслет, Джинни.

Она с трудом удержала возмущённое «Но почему?!».

— Тогда... Тогда не могли бы вы отвести меня к серебристому дракону? Люциус говорил, будто они водились тысячу лет назад — получается, это сейчас, да?

Гарет с Беном обменялись долгими беспомощными взглядами.

— Нет никаких серебристых драконов, — наконец признался Бен. — Слизерин всех истребил — сам породил, сам и убил, как говорится... Это было давно — я ещё пешком под стол ходил. Даже хельгин Хроноворот не перенесёт тебя в то время, ведь он был создан уже после их исчезновения...

— В таком случае мне нужен браслет, — по-новой завела Джинни, — ну же, прошу вас! Я всё понимаю — он для тебя важен, его сделал тебе отец, но... — она осеклась, внезапно почувствовав себя маленькой дурочкой, взывающей к двум древним магам (хорошо, не очень-то и древним в настоящий момент) с надеждой выклянчить у них браслет, способный (а может, и не способный) спасти её парня (а может, и не её парня).

Господи, какой же идиоткой она выставляет себя в их глазах...

Почему-то сразу представилось разочарование на лице Блез, когда придётся вернуться обратно с пустыми руками.

— Я не могу отдать его, потому что снять браслет можно лишь когда я умру. Он так заколдован. Я жутко извиняюсь.

Он действительно извинялся.

— А в нём правда есть кровь серебристого дракона? — ненавидя себя за назойливость, пискнула Джинни.

— Да, — кивнул Гарет. — И если речь действительно о катаплазме...

— Катаплазме? — переспросила Джинни.

— О яде, — уточнил Гарет. — Похоже, без батушки тут не обошлось, а то, что создавал он, отличалось печально известной стойкостью к противоядиям, — он тряхнул головой. — Впрочем, что теперь говорить... Мне очень жаль...

...Слышала уже, — подумала Джинни, но, утонув в захлестнувшем её отчаянии, не произнесла ни слова.

— Мне тоже ужасно жаль, что ты без толку проделала такой путь, — соскакивая со стола, подхватил Бен, — тебе Укрепляющего Зелья не дать? А то ты как-то бледновата.

Джинни тупо кивнула, даже не увидев, как встрепанной тенью вышел он вон; пред глазами сейчас на-

ходился только Драко — лежал в лазарете на кровати высеченной из слоновой кости статуей, такой бесцветный, словно жизнь уже покинула его...

— Джинни.

Это был меряющий её задумчивым взглядом Гарет. Он нестерпимо походил на Малфоя — настолько, что смотреть на него не хватало духа: возмужавший Драко, каким самому Драко уже не суждено стать никогда...

— У меня есть идея. Сейчас поделюсь — а то того и гляди Бена обратно принесёт, а он точно не будет в экстазе...

— Ну? — она вскинула голову.

Он нагнулся и зашептал:

— У вас же в будущем есть всякие там исторические книги?

Она кивнула.

— А наследники Основателей в них фигурируют?

Она не сводила с него оторопелого взгляда: приплыли — эго своё ему потешить захотелось!..

— Да. Все четверо, — коротко согласилась она.

— А как насчёт хронологии — всяких там дат?

Она опять кивнула.

— Тогда ты должна знать, когда я умру.

— Когда ты умрёшь? — только тут до неё дошло, и Джинни разинула рот.

— Все же умирают, — безмятежно откликнулся он. — Когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, я просто не представлял, что проживу ещё лет десять, а уж про двадцать или, там, полвека и помыслить не мог... Ты понимаешь, к чему я веду, верно?

— Думаю, да. Ты хочешь, чтобы я вернулась в момент твоей смерти и забрала браслет?..

— Ежели, конечно, я не упокоюсь в бозе, будучи порубленным на куски или же сожжённым на костре — в таком случае местонахождение браслета будет установить потрудней среди, как ты понимаешь, многочисленных останков.

— Бр-р... — Джинни прикусила губу. — Ты точно этого хочешь?

— Точно, точно. Эта руническая штуковина — президнейшее бремя. Она ведь создана с любовью, а это чувство моего отца весьма специфично: разновидность смертоносной любви. Признаться, я даже рад, что не придётся передавать браслет собственному наследнику.

— Благодарю тебя, Гарет, — шепнула Джинни и в тот же миг услышала испуганное аханье.

Подняв голову, она поняла, в чём дело: в дверях стоял Бен с палочкой в одной руке и каменной кружкой — в другой. Судя по виду, он был сражён услышанным наповал.

— Гарет, нет!

Слизеринец легко спрыгнул со стола.

— Будто что-то изменится, Бенджамин, — пожал он плечами. — Ведь это же не убьёт меня раньше срока.

— Не желаю знать, когда ты умрёшь, — с совершенно безумным видом возразил гриффиндорец. Взмах палочкой — и на противоположной стене замельтешила кружевная круговерть света и теней. — И о себе я тоже... тоже ничего знать не желаю, — заявил он, глядя на Джинни так, будто она являлась воплощением Гласа Божьего.

— Ты и не узнаешь, — заверил Гарет, — до самого, собственно, момента. Словом, поспорить об этом мы сто раз успеем.

Бен замотал головой:

— Нет, я против. Не допущу ничего подобного!

Гарет повернулся к Джинни:

— Хроноворот к пуску готов?

— Готов, — кивнула она, — но...

Он потянулся к ней, как будто собираясь потрепать по щеке, но вместо этого подцепил Хроноворот, кувыркнув его вверх ногами.

Она услышала напоследок что-то вроде «дуй к себе, девчушка!», и земля вылетела у неё из-под ног.

* * *

— Уйти без меня? — переспросил Гарри. — И куда же ты собрался?

Драко отложил книгу, которую читал. Обложки Гарри не увидел, только толстый корешок с золотым тиснением. Драко, как-то очень по-сорочьи склонив голову, озадаченно уставился на гриффиндорца:

— Пока точно не знаю. Мне известно лишь, что уходить придётся, причём довольно скоро — меня словно тянет куда-то, и с каждой минутой всё сильнее, — он махнул в сторону выхода из библиотеки.

— Я там был, — произнёс Гарри, — но за дверью просто коридор.

Драко рассмеялся.

— Думаю, я вообще уйду из Имения. Ты за парадными воротами бывал?

— Нет, — признался Гарри. Он глянул в окно за Драко, гадая, является эта серость зимним небом или же бесконечной дымной пустотой. — Ты ведь знаешь, что на самом деле мы не здесь, верно?

Драко отчуждённо взглянул на него.

— Как думаешь, что там, за пределами Имения? — не унимался Гарри.

— Не знаю, — ответил Драко с на редкость неестественной для себя улыбкой. — Но я уйду... и не думаю, что мне доведётся вернуться. А потому я рад повидаться с тобой — мне хотелось проститься.

Он откинулся назад, и Гарри вдруг поразился, насколько обычным, здоровым Драко выглядел сейчас — нормальный цвет лица, никакой болезненной худобы: видимо, в душе каждый — и Драко тоже — всегда видит себя здоровым.

— Проститься? — повторил Гарри и, когда Малфой не откликнулся, спросил: — А как ты узнал, что я приду?

— Я же тебя слышал. Ты говорил со мной. Будто призрак... — он снова вскинул глаза к бесконечной пустоте за стеклом.

— Да, в Имении призраков хватает, — припомнил Гарри, — но мне и в голову не могло прийти, что ты станешь одним из них.

— Я не призрак, — быстро, слишком быстро возразил Драко. — Я и Джинни с Гермионой слышу, и Сириуса. Но твой голос звучал громче остальных.

— Они дежурят около тебя по очереди, — пояснил Гарри. — В лазарете.

Светлые брови слизеринца приподнялись, и Гарри разом вспомнил разговор с фальшивым Драко в напоённом дождевой сыростью переулке у Полночного Клуба и не оставлявшее его тогда ощущение какой-то неправильности. Сейчас было то же самое, разве что Драко, без всяких сомнений, был сам собой — да, пусть совсем немного, совсем чуть-чуть изменившимся, но всё же собой.

— А ты — нет? Ты, значит, у нас не дежурный, Поттер? — лёгкий нажим на фамилию внёс в душу Гарри успокоение.

— Я не отходил от тебя. И не отойду. До тех пор, пока...

— Пока?..

Гарри выдохнул.

Когда он вообще успел затаить дыхание?

— Конечно же, ты всё понимаешь — и где мы, и что снаружи. Снаружи смерть, Малфой. И ты умрёшь, если попытаешься отсюда выйти.

Драко посмотрел на него с любопытством:

— Да неужто? — он легко спрыгнул со стола и решительно зашагал к дверям.

* * *

Путешествие назад в будущее прошло быстрее. Вокруг сгустились чёрные тучи, потом раздался скрежещущий звук, будто кто-то провёз ногтями по классной доске, и мир вновь предстал перед Джин-

ни, тогда как сама она предстала испуганному взору поджидающей в библиотеке Блез.

— Вот это да! — выдохнула слизеринка, приходя в себя. — Ты испарилась и тут же появилась опять — и секунды не прошло! Почему так быстро? Тебе что — придётся вернуться?

Джинни, чуть задыхаясь, прислонилась к столу в ожидании, когда головокружение прекратится.

— Ага. Но сначала мне нужно...

— Чего — воды? Или, может, присесть?

— Нет, — мотнула головой Джинни. — Мне нужны книги.

Брови Блез сошлись к переносице.

— Книги? — Джинни кивнула в ответ, и слизеринка покачала головой: — А ты грейнджероподобней, чем я думала.

Однако вопреки резкости тона, едва Джинни пояснила, что именно ей нужно, Блез сразу отправилась в исторический отдел на поиски книг об Основателях.

— Всё, где может упоминаться дата смерти Гарета Слизерина, — сказала Джинни. — Кроме того, нужно узнать, были ли у него дети и который из них стал следующим Наследником.

Едва Блез ушла, Джинни присела в кресло. Она, оказывается, совершенно забыла, насколько изнуряет путешествие сквозь время. Уткнувшись распалённым лицом в ладони, она наслаждалась их прохладой, когда дверь в библиотеку в очередной раз с грохотом распахнулась. Это был Рон — поблёскивая полными тревоги синими глазами, он поспешил к сестре:

— Как ты?

Она кивнула:

— Цела. Рон, ты здесь зачем?

— Симус сказал, что ты в опасности.

— Ох уж мне этот Симус — он вечно такой...

Из-за полка со стопкой книг в руках вынырнула Блез.

— А я-то полагала, — хихикнула она, — что гриффиндорцы таких слов не знают.

— Мы смельчаки. К ханжеству это отношения не имеет, — парировал Рон.

— Да-да, конечно, — похлопала ресницами Блез.

Рон прищурился:

— И вообще, что тут происходит — во что ты втравива Джинни?

— Ни во что я её не втравливала, — холодно отозвалась Блез.

— Эй, Рон, — устало одёрнула его Джинни, — прекрати кидаться на людей, ладно? Это от начала и до конца моя идея.

— И в чём же она заключается? — решительно спросил Рон. Он огляделся, и уголок его губ напряжённо задёргался. — Чем вы занимаетесь в библиотеке?

Джинни пустилась в объяснения. По мере её рассказа его губы дёргались всё быстрее. Когда она закончила, он взорвался:

— Джинни, это самый idiotский...

— Не idiotский! — взвилась Джинни. — Даже Гермиона одобрила!

— Да потому что она тоже в него втрескалась! — распаялась больше и больше, рявкнул Рон.

— В Драко? — вытаращила глаза Блез.

Рон подстрелил её горячим взглядом:

— Заткнись, Блез.

Слизеринка в ответ ухмыльнулась очень похоже на Драко — отчуждённо и сухо.

— А ты за эти дни изменился. Стал совсем как твой братец.

— Какой из них? — на миг опешил Рон.

— Чарли, — игриво пояснила Блез.

— Да боже ж мой, — не выдержала Джинни, — Рон, мне нужно заняться делом. Возможно, это единственный шанс Драко. Знаю — ты его на дух не переносишь, однако он всё же человек и имеет такое же право на жизнь, как и остальные. И подумай о Гарри.

— Я думаю о Гарри, — огрызнулся Рон. — Не прекращая, — он присел на корточки и заглянул ей в ли-

цо. — Джинни... Я уже путешествовал с тобой во времени — возьми меня с собой. Тогда я буду рядом на случай, если произойдёт что-то непредвиденное.

Джинни признательно жала его плечо.

— Согласна. Но переговоры ты оставляешь мне, хорошо?

Он кивнул, и в этот момент Блез, прокашлявшись, зачитала:

— «Гарет Слизерин, — она смотрела в лежащую на её коленях книгу, — умер от лихорадки, случившейся по причине полученных в битве ранений».

Она добавила дату, услышав которую, Джинни нахмурилась:

— Но ведь это — лишь пятью годами позже моего последнего путешествия!

— Он умер молодым, — пояснила Блез. — Это было давным-давно...

— Только не для Бена, — возразила Джинни, накидывая цепочку Хроновороту Рону на шею.

* * *

Гарри метнулся вперёд, перекрывая Драко дорогу.

— Ну уж нет!

Ответом ему стал холодный взгляд. Лицо Драко было практически бесстрастным, едва озарённым отблеском какого-то отстранённого любопытства.

— Не думаю, что ты поймёшь. Я должен это сделать.

— Нет, не должен.

— Однажды смерть придёт за всеми нами, Гарри, — продекламировал Драко. Не Поттер, но Гарри. — Она тебе не Вольдеморт, её не победить.

— Знаю, — Гарри подумал о Седрике, умершем в одно мгновение, и упрямо сцепил зубы. — Но тебе ещё рано.

Драко коротко рассмеялся.

— Что значит «рано»? Кто дал тебе право судить? Кто дал мне право противиться? У нас — ни у кого — нет права выбора. И потом, что ведомо о смерти тебе, Мальчику-Который-Выжил?

Гарри отвёл взгляд, сиюсь совладать с отчаянием, грозившим выдернуть его из грёзы, швырнув обратно в пропахший смертью и болезнью лазарет, к снежно-льдыстым просторам и белым простыням постели тяжёлобального, ко всеобщим отчаянию и безнадёге.

— Ты чего на меня взъелся? — в итоге выдавил он.

Ни слова в ответ, лишь лёгкое прикосновение к плечу — покосившись, Гарри увидел руку Драко, худую и загорелую, с белыми следами шрамов вдоль ладони и у большого пальца.

— Может, потому что легче уйти, когда ты сердисься. Но...

— Так не уходи.

— У меня нет выбора, — пальцы на плече Гарри стали твёрже. — Вдумайся, каково это для меня — не иметь выбора? Я же Малфой! А мы ненавидим, когда нас принуждают. Даже мой отец...

— Он сам вынес себе приговор, — отрезал Гарри. — Ты не виновен в его преступлениях. Когда-то — может быть, но не сейчас.

— Гарри, я не собираюсь накладывать на себя руки — я просто принимаю неизбежное.

— Неизбежного нет.

— Разве что для тебя, — вяло отозвался Драко, и Гарри метнул в него взгляд, заметив и прячущуюся под налётом благополучия печать усталости, и бледность, невесть каким образом пробравшуюся на вроде бы пышущее румянцем лицо, и вымученную улыбку, и частое дыхание, от которого вздымалась и опадала его грудь... — Я — не ты, — продолжил Драко. — Поди, считаешь, будто тебе я и обязан отпущением грехов... Ничего подобного — я всегда делал лишь то, что хотел. Хотел драться с тобой и за тебя — и дрался, так что, если я и изменился, то исключительно по эгоистическим соображениям,

как, впрочем, и всегда. Не оплакивай меня, Поттер. Пусть я изменился, однако же, не до такой степени.

— А теперь ты ещё и врёшь, — гневно вскинулся Гарри — и зря: Драко поджал губы.

— Я не лгу, — холодно отрезал он и до того, как Гарри успел шевельнуться, отпихнул его и вышел из библиотеки.

* * *

Благодаря Рону третье путешествие стало не таким пронизывающе-ледяным, как два предыдущих: его руки хранили уютное тепло в обтекающей их морозной, чёрной пустоте.

И снова они стояли в ничуть не изменившейся библиотеке, только сейчас было темно — ни свечей, ни факелов, ни тебе пергаментов на деревянных столах...

Джинни выпустила руку Рона, и тот закрутил головой по сторонам:

— Это что — школа? Тысячу лет назад?

Она кивнула:

— Ага. Когда я была тут в прошлый раз, они как раз восстанавливали всё из руин, оставшихся после битвы Основателей. И никаких учеников не было — не знаю, есть ли они сейчас, времени прошло не так уж и много...

— Угу... — Рон, поёживаясь, продолжал оглядываться. — Холодрыга.

— Точно... Странно... — Джинни вздохнула. — Думаю, сейчас в Хогвартсе пусто — студенты бы не позволили, чтобы их заморозили заживо.

Рон молча подошёл к двери и, отворив, выглянул:

— Там тоже тьма-тьмушая, — сообщил он.

— Тс-с, — Джинни по-быстрому зажгла палочку и присоединилась к Рону: коридор, уходящий от библиотеки, был полностью погружён во мрак, не горело ни единого факела. — Ох, не нравится мне это... Бедный Бен... Бедный Гарет...

— Слышал уже, — Рон двинулся вперёд и поманил сестру следом: — Давай сюда.

— А почему туда?

— Не знаю. Интуиция.

— Ты ж у нас Прорицатель, — она пожала плечами и догнала его.

Если б они сейчас шагали в своём времени, то коридор — такой же, как и в «их» Хогвартсе, разве что меньше выщерблин на полу, если, конечно, можно что-то утверждать наверняка в таких потёмках, — привёл бы их к кабинету Дамблдора.

— Туда, — тихо произнёс Рон.

В самом конце коридора теплился свет — хрупкий, словно блуждающий болотный огонёк. Она прищурилась и заторопилась вперёд. Рон наступал ей на пятки.

Сама не зная, почему, Джинни на бегу взглянула на шрам, уродовавший её правую руку, — тот самый, оставленный ей Томом в гриффиндорской гостиной; напоминающий тонкие кружева белый шрам на веснушчатой коже.

Приблизившись к источнику света, они увидели, что это — кончик волшебной палочки, которую держал сидящий на полу человек. Лица видно не было — он уткнулся в скрещённые руки. Чернильно-чёрная мантия обтекала его с головы до ног. Он поднял совершенно большие глаза на Джинни, и она присела рядом, тронула его руку:

— Бен?

Он не улыбнулся. За время их разлуки он не слишком возмужал, разве что на лице появились морщинки, коих не было прежде, — печать скорби и горести отчеркнула его рот и глаза.

Он него пахло алкоголем, лекарствами и металлом.

— А вот и ты... Как Ангел Смерти, ты явилась в обещанное время...

* * *

* * *

Придя в себя, Гарри опрометью кинулся за Драко и нашёл его в коридоре — слизеринец смущённо оглядывался по сторонам.

— Ты, кажется, заявлял, что за порогом смерть, а я вот вижу лишь блёклые викторианские обои. Надо бы привести в порядок это местечко, согласишься?

— Я тебе уже говорил, — чуть запыхавшись, сообщил Гарри, — тут одна сплошная рухлядь.

— Было дело, говорил, однако у тебя ужасный вкус... Не чета моему... — он полуприкрыл глаза и добавил: — Опять тянет... Мне нужно к парадным дверям. Там что-то...

— Нет, — отрезал Гарри и схватил Драко за рукав, но тот проворно увернулся в самый последний момент и решительным шагом направился к лестнице.

— Стой! — метнулся следом Гарри.

— Я не могу больше ждать, — Драко торопился по ступенькам, скользя рукой по отполированным до матового блеска перилам, навстречу горящим внизу факелам, навстречу вырисовывающимся там огромным двустворчатым дверям — вернее, вратам Имения.

— Позволь мне с тобой хотя бы поговорить!..

Драко к тому времени достиг последней ступени. Запрокинув голову, он прищурился и взглянул на Гарри:

— Нам не о чем больше разговаривать.

— Ещё как есть, — теперь их разделяла только одна ступенька, Гарри смотрел на Драко с высоты нескольких дюймов — того обрамляли уходящие вверх узкие прорези-окна по бокам от дверей, в которых свивалась дымная серая пустота. — Дай мне взглянуть на твои запястья.

— Запястья? — Драко уставился на Гарри так, будто тот свихнулся, потом медленно протянул руки ладонями вниз.

Гарри повернул их, увидев на левой ладони белый шрам-молнию, перечёркнутый и практически стёртый более свежими — на ладони и на запястьях — толстыми, белыми, напоминающими извивающихся змей. Судя по ссохшимся краям, заживали они долго. Драко тоже смотрел на свои руки.

— Я всё отдал, — задумчиво заметил он, — больше у меня ничего нет.

— Ты это сам с собой сделал?

Драко отдернул руки:

— Если тебя интересует, хотел ли я свести счёты с самими собой, то нет. Ни к чему, по правде говоря.

— Говоришь, отдал всё, что имел? Так по чему же ты тоскуешь?

— Ну, коли спрашиваешь... — Драко мотнул головой, спиной вперёд сошёл с лестницы...

... Нет! — Гарри кинулся, отрезая ему дорогу к дверям, за которыми завывал ветер.

Слизеринец раздражённо фыркнул:

— Поттер, меня эти человеческие шахматы уже порядком утомили.

— Знаю, — вскинул руки Гарри, как если бы пытался что-то поймать. Пальцы сжались и сжали то, что он и пожелал — меч Гриффиндора. Красные камни на эфесе. — Но если хочешь пройти, тебе придётся сразиться со мной.

Уголки губ Драко приподнялись краями облизанной пламенем бумаги:

— Сразиться? Ты, должно быть, шутишь.

Гарри мотнул головой. Во рту было солоно, вкус отдавал медью.

— Я никогда не был так серьёзен.

Драко потрясённо покачал головой:

— Что ж... — он тоже поднял руку, в которую ладно лёг, блеснув серебром и чернью, *Terminus Est*. — Однако пощады не жди, — добавил он, опуская клинок и бросаясь на Гарри.

— Бен, ты как? — позвала Джинни.

Он не ответил. Упёршись в стену, медленно поднялся, и теперь она увидела, что чёрная мантия на нём вся в кровавых пятнах — местами ещё непросохших, поблёскивающих в свете факела.

— Ты поранился?

Бен мотнул головой:

— Увы, нет.

— Он пьян, — шепнул ей на ухо Рон.

Джинни сдвинула брови, а Бен прищурился:

— Это ещё кто?

— Мой брат Рон.

— А, верно... — вспомнил Бен. —

Мы встречались... — взгляд покинул Рона и вернулся к Джинни. — Брат — это дело хорошее...

— Согласна, — мягко произнесла она. — Бен, если тебе нужно...

— Ничего мне не нужно, — огрызнулся он. — Давай не будем играть в игры: ты пришла сюда не затем, чтобы выяснять, что нужно мне, а ради того, что нужно тебе. Верно?

Джинни ошеломлённо молчала. За неё отозвался Рон:

— Нам нужен рунический браслет.

Бен поднялся и медленно указал рукой на дверь, под которой сидел.

— Там.

Джинни и представить не могла, что единственный слог может прозвучать настолько похоронно.

Комната была узкая и маленькая, с каменными стенами; свет попадал внутрь через узкое окно под самым потолком, проливаясь на заставленный зельями и заваленный битыми склянками стол, с краёв которого на пол текло что-то липкое и красное. Воздух был спёртым — дымным, сладковатым, навевающим мысли о смерти.

Кровать. Резного дерева, старинная, с чёрным пологом.

А на кровати лежал прикрытый до пояса шкурами полуобнажённый мужчина, лицо его было мертвенно-бледным — Джинни даже не сразу сообразила, что это Гарет.

— Он умер? — спросил Рон, нарушив хриплым голосом больничную тишину.

Джинни не смогла ответить: Гарет был недвижим, и этой неподвижностью как две капли воды походил на Драко, замершего сейчас в лазарете мадам Помфри. Его грудь пересекала ужасающая рана с набухшими и почерневшими краями, светлые волосы слиплись, приклеившись ко лбу. Наконец Джинни неуверенно коснулась его руки. Та была холодна, как лёд.

— Думаю, да...

Всё происходило совсем не так, как она предполагала — гораздо, гораздо хуже: она-то убеждала себя, что сумеет пережить смерть Гарета, потому что ко времени её прихода в этот мир он был уже давным-давно мёртв... Но, как выяснилось, парадоксы времени горя не умаляют...

Она опять подумала о Драко и, всхлипнув, отпустила руку Гарета.

— Вы закончили? — в дверном проёме стоял взмыленный Бен в окровавленной мантии. — Забрали что там вам было нужно?

Джинни неуверенно качнулась от кровати:

— Бен...

Решительная рука Рона легла ей на плечо, подпихивая обратно.

— Джинни, снимай браслет. Снимай, — прошепел он ей в ухо.

Чувствуя хмурый, полный предгрозово-ярости взгляд Бена, она снова потянулась к руке Гарета — это было всё равно, что потронуться до статуи. Слотнув подступившее к горлу инстинктивное отвращение,

Джинни сомкнула пальцы на холодной стеклянной полке, сдёрнув её безо всяких усилий: та легла в ладонь, словно только этого и ждала.

Она услышала, как сипло втянул ртом воздух Бен. Он не отрывал от неё глаз, а она стояла с руническим браслетом в руке.

— Значит, правда, — совсем другим тоном произнёс он. — Значит, он действительно умер.

Рон, встревоженный выражением его лица, загордил сестру, но, похоже, Бен совершенно утратил к ним интерес: будто слепой, он кинулся вперёд и рухнул на колени подле смертного ложа Гарета, уткнувшись лицом в покрывала и что-то неразборчиво зашептал. Джинни решила, что он плачет — так тряслись его плечи, да и хриплые вздохи слишком напоминали судорожные всхлипы истязаемого пыткой человека.

— Рон... — она взяла брата за запястье: всё подсказывало, что такому горю не нужны свидетели. Она попробовала увести его, но Рон замер, вытаращив глаза и открыв рот.

— Так вот что я видел... — вдруг прошептал он. — Моё видение... Драко на кровати, Гарри рядом — оказывается, я видел не их, это были...

— Рон! — Джинни подтолкнула его, и он медленно подался, продолжая смотреть через плечо даже тогда, когда она силком подтащила его к себе, накинув на шею Хроноворот.

* * *

Гарри пригнулся и отбил удар. Лязгнула сталь. Драко не покривил душой — он действительно не собирался давать ему спуску. Рубящий удар, и пусть Гарри увернулся, клинок самым кончиком рассёк рукав.

— Боже, Малфой! — невольно ахнул Гарри.

— О, я уже опять Малфой, да? — Драко умело провалился сквозь блок, и Гарри вновь остановил его в самый последний миг. Сшиблись, рассыпая искры, мечи. — Я предупреждал — пощады не жди.

— Но почему... Почему?!

— А почему бы и нет? — опять удар, на этот раз выше — Гарри поднырнул под меч, врезавшийся в деревянную панель над его головой.

— Ты, никак, разозлился, — распрямляясь, сухо заметил он.

Драко занимался выдёргиванием меча из стены.

— А ты стоишь на пути между мной и моей смертью, — сообщил он. Полыхнул летящий вниз клинок, и Гарри снова отразил удар, твёрдо, как и учил его Драко, стоя на ногах. Ему бросилось в глаза, что в этом поединке тот использует движения и выпады, которые когда-то показывал. Захоти он действительно ранить соперника, непременно бы изобразил нечто иное, нечто, к чему Гарри не был бы готов, верно? Ободрённый этой мыслью, гриффиндорец ринулся на Драко, перехватывая инициативу и вынуждая Малфоя отступить на шаг.

— Отличный выпад, Поттер, — глаза его стали себреистыми щёлочками.

— Твоё время ещё не пришло, — пробормотал Гарри между вдохом-выдохом. Пот тёк по лицу, ел глаза. — Не тебе говорить, когда...

— ...но и не тебе! — Драко вспрыгнул на нижнюю ступеньку лестницы, вмазав по мечу Гарри с силой, способной оставить кровоподтёк на пальцах соперника. — Это моя жизнь! И моя смерть!

— Но почему? Почему ты не хочешь бороться? Почему не желаешь сразаться за каждую минуту, каждый возможный шанс исцелиться?! Почему нет?!

— Да потому что устал! — в гневе рявкнул Драко и нанёс очередной удар — куда более яростный, нежели предыдущие. — Достала меня эта борьба, достали сражения, достало это бесконечное, бессмысленное, бесполезное... — схлестнулись клинки. Гарри смотрел на Драко сквозь скрещённые мечи. — На кой, Пот-

тер? — полушёпотом поинтересовался тот. — Уми я сейчас, я уйду во славе, верно? Пал в битве против Вольдеморта. Dulce et decorum est.

— Чего-чего?

— Да уж, с латынью у тебя всегда имелись проблемы, согласишься? Заклинания ещё туда-сюда, а вот всё что помимо... — голос Драко звучал слишком измотанно, чтобы соответствовать презрению, вложенному в слова. — Если я выживу, — чётко выговаривая слова, будто Гарри был тугим на голову ребёнком, — слава поблекнет, растворяясь в обыденности... Ты... Ты всегда будешь особенным. Мальчик-Который-Убил-Вольдеморта. У меня была цель, пока этой целью был ты. А теперь... Что мне делать теперь, когда я больше не нужен тебе?..

* * *

В этот раз холодная тьма не имела конца-края. Выл в ушах ветер, леденела в жилах кровь, превращая пальцы в когистые сосульки. В бесконечной пустоте, пролётшей меж прошлым и настоящим, глохло всё — Джинни не слышала даже цокота собственных зубов. Потом бренькнуло, будто что-то — возможно, льдинка — разбилось, и серая хмарь пропустила её к свету и теплу, в мир, наполненный звуками. Колени подогнулись, и она осела на пол, крепко-накрепко стискивая драгоценный браслет.

На плечи легли чьи-то руки, помогая подняться, — бледный, прикусивший губу Рон.

— Джинни?..

К ним через всю библиотеку летела Блез, и волосы за ней вились, будто пламя факела.

— Джинни! Что с тобой? Вы появились, и ты вдруг... упала...

— Всё в порядке, — заверила Джинни, слыша напряжение в собственном голосе и прекрасно осознавая, что это неправда. Хорошо, Рон продолжал поддерживать её за плечи — её до сих пор трясло. Она опустила взгляд к браслету в руках. Его края были подёрнуты инеем.

— Получилось! — ахнула Блез, падая рядом на колени. Рон убрал руки, и у Джинни под ложечкой тут же засосало, волна темноты поднялась изнутри, грозя накрыть с головой. Она собрала все силы, чтобы воспротивиться, в итоге всё же не дав взять над собой верх.

Вдох. Выдох.

— Получилось.

Взбесившаяся земля под ней раскачивалась из стороны в сторону. Она посмотрела на браслет — тот по-прежнему слабо светился, несмотря на трансвременное перемещение.

— Но что делать теперь, я не знаю: это ведь всего лишь браслет, а не противоядие. Может, мы должны его истолочь, а может...

— ...а может, отнести Снейпу, — решительно перебила Блез.

Рон развернулся к выходу:

— Я в лазарет, нужно обо всём рассказать Гарри и Гермионе.

— Спасибо, Рон, — Джинни напоследок сжала его руку. — Спасибо, что сходил со мной.

— Само собой, — у него по-прежнему был несколько оглушённый вид.

Блез нетерпеливо потянула её за рукав — из библиотеки, к лестнице и дальше вниз. Она крепко держала Джинни за руку, за что та была ей признательна — в противном случае бы точно сверзилась со ступенек, скатившись, к его превеликому изумлению, под ноги к Снейпу.

Профессор был, как обычно, в своих подземельях, торчал у длинного стола, заставленного флаконами и фиалами всех размеров, засыпанного фильтрами и порошками, заляпанного чем-то липким, заваленного чешуёй дракона, тритонскими глазами и ногтями боггар-

та. Сам Снейп нависал над булькающим котлом, опустив туда скользкие от пота и пара патлы. Он поднял на визитёров взгляд усталых, в красных прожилках глаз и скривился:

— Какого чёрта вам тут нужно?

Джинни открыла было рот, однако слов не подобрала, усталость и головокружение лишили её дара речи, так что браслет профессору зельеварения протянула Блез.

— Джинни нашла недостающий компонент противоядия, профессор Снейп, — заявила она.

Снейп поднял сначала одну бровь, потом вторую.

— Понятно. Значит, мисс Уизли снова что-то примерещилось? Осмелюсь напомнить: на прошлой неделе вы прислали мне абсолютно никчёмный цветок — надо думать, тоже решили, будто это часть противоядия, да?

Джинни почувствовала, что краснеет.

— Это был *flora fortis*, — выдавила она. — Волеукрепляющий цветок.

— Осот обыкновенный, — прервал Снейп, махнув рукой в сторону подоконника, где в ёмкости с землёй вяло желтели цветочки. — Вон они растут — может, в качестве комнатного растения они ещё и приемлемы, однако же к противоядию отношения не имеют.

Похоже, Блез хотела что-то сказать, но Джинни опередила:

— Это — другое. В нём кровь серебристого дракона.

Глаза Снейпа моментально заledenели:

— Быть того не может.

Джинни вытащила из-за пазухи цепочку с Хроноворотом, который поблёскивал даже здесь, в грязно-тусклом полумраке.

— Дамблдор дал мне... — начала она, но Снейп дрожащими руками уже вырвал браслет из пальцев Блез:

— Я видел его у Поттера... Вы хотите сказать...

Джинни помотала головой:

— Это не тот же самый браслет, что носил Гарри, в том уже не было драконьей крови, её забрали.

Снейп начал медленно крутить в руках мерцающую красным полоску, потом провёл длинным белым пальцем по поверхности выгравированных на нём рун — одна выглядела, как крыло, другая — словно лучистое солнце, а третья, подумалось Джинни, похожа на сердце.

Она услышала, как у него занялось дыхание.

— Разбитые сердца выбалтывают свои секреты... — он нажал большим пальцем на руну с сердцем.

Раздался хруст, точно сломалась кость, и браслет распался на два полукруга, из краев которых в котёл на столе тонкой струйкой полилась серебристая жидкость. Зелье в нём немедленно перестало булькать, сменив цвет на звонко-золотой.

Блез ахнула:

— Противоядие!

* * *

Лязгали, сшибаясь, клинки.

— Ты всегда будешь нужен мне, — задыхаясь, пропыхтел Гарри. У него начали ныть запястья.

— Врёшь, — Драко напал, спускаясь по лестнице и тесня Гарри. — Я был нужен тебе во время войны, потому что мог научить тебя сражаться, и тебе была необходима вся возможная помощь. Однако сейчас в кои-то веки выпал шанс зажить обычной жизнью, о которой ты всегда так мечтал, правильно? Не желаешь ли поведать мне, как чистокровный слизеринец — слизеринец до мозга костей, вдобавок привыкший убивать направо и налево, вдобавок прошлым отличавшийся весьма сомнительным с моральной точки зрения поведением, — способен помочь в этом сводному брату, с коим связан тепепатическими узами?

— Рехнуться можно, сколько чуши ты способен негородить, одновременно занимаясь чем-то ещё.

— Благодарю, — скромно кивнул Драко и снова за-

ставил Гарри отступить.

— Ладно, может, ты и прав, и ты мне действительно не нужен в прежнем смысле этого слова.

Драко вдохнул — резко, звонко, как будто надломился наст.

— Наконец-то правда.

— ...но я всё равно не понимаю, в чём дело, — продолжил Гарри. — Да, друзья помогают в сражениях, но это же не причина дружбы, а следствие! Это вообще не причина — ни для дружбы, ни для любви, ни для...

— Любви?.. — чуть высокомерно перебил Драко. — Ты ведь обожаешь о ней говорить, верно?

...Да не очень, — подумал Гарри.

— Нет, — заявил он. — Просто, в отличие от некоторых, не собираюсь всю жизнь избегать этой темы — только и всего.

Меч Драко метнулся в сторону и аккуратно срезал пуговицу с манжета гриффиндорца. Та клацнула по мраморному полу и откатилась куда-то под ноги. Холодный воздух лизнул голое запястье.

— Это всё девичьи забавы, — произнёс Драко, — бесконечная трескотня о любви, как если б ту можно было пригвоздить булавкой, словно бабочку. И потом, в словах же смысла нет, согласишься? Имеет значение не то, что ты говоришь, а то, что делаешь.

— Тогда ты — любишь. Я видел это во всех твоих делах. Причина не в твоей неспособности любить, а в том, что ты боишься признаться в любви...

Драко утомлённо фыркнул:

— Поттер... — рука его дрогнула, и лезвие полоснуло Гарри по груди.

* * *

Сердце Джинни взмыло и... оборвалось. Они со Снейпом обменялись полными сожаления взглядами — впервые за всё время их общения настолько понимающими.

— Это не противоядие, — как можно мягче пояснила она, точно вероятная сердечная боль Блез сейчас играла определяющую роль. — Противоядие должно настояться в течение тысячи лет.

Если она ждала от Блез крика, то зря — та лишь внезапно покраснела, будто в припадке ярости, и с трудом сглотнула:

— Значит, всё впустую?

— Не впустую. Так и случится, если... если я отнесу его в прошлое и спрячу где-нибудь... Где-нибудь, где его никто не потревожит до наших дней.

— Но ведь ты не можешь снова отправиться в прошлое... — Блез испуганно осеклась, получив в ответ взбешённый взгляд.

— Мне нужно найти место, где никто не найдёт противоядие — только и всего... — отрезала Джинни, как вдруг их обеих вспугнул громкий вздох Снейпа. Половинки рунического браслета в его руках подрагивали, и едва он осторожно положил их на стол, как те скользнули друг к другу и соединились — так сливаются воедино две капли воды.

— А вот это уже браслет Гарри, — уверенно произнесла Джинни и взяла его — браслет ещё разок дёрнулся в пальцах, будто живой, и затих.

Она надела его на руку.

— Для противоядия мне нужен сосуд.

Снейп посмотрел на неё из-под тяжёлых век, и Джинни вдруг подумалось, что он прекрасно знает, что бы сейчас сказала Блез, позволь она договорить ей до конца. Однако зельевар уронил единственное:

— Верно.

Взмах палочки — и пламя под котлом погасло. Снейп отправился за флаконом, оставив Джинни смотреть на бледно-золотую жидкость, цветом точь-в-точь как мантия, что подарила ей мать и что была на ней в день, когда Драко едва не поцеловал её у озера. Глаза защипали и, к её внящему ужасу, две слезинки сорвались со щёк и упали в котёл. Джинни шарахнулась назад, судорожно отирая лицо:

— Я всё испортила?!

Снейп взглянул на неё с каким-то странным выражением:

— Отнюдь.

В руках профессора было два фиала: один — красного стекла с пробкой из желтоватого камня, другой — прозрачный, с каменной пробкой цвета вина. Снейп поделил между ними противоядие и подал Джинни, присовокупив несколько лаконичных советов. Она ошарашенно кивнула, а спустя мгновение Блез уже волокла её за руку вверх по лестнице — прочь из подземелий, пропитанных волглым жаром и запахом распаренной листвы.

— Ненавижу это место, — поделилась слизеринка на бегу. — Вечно эта капустная вонь... Мы, кстати, сейчас куда?

— В библиотеку, — скомандовала Джинни. — Мне нужно ещё кое-что посмотреть.

* * *

Дверь в лазарет раскрылась, и Гермиона подняла взгляд навстречу слегка очумелому Рону. Тот протопал в палату и тяжело плюхнулся на стул меж ней и Гарри. Гермиона отложила книжку, которую, впрочем, и не читала.

— Рон, что с тобой?

Прежде чем ответить, он посмотрел на Гарри:

— Уснул?

Поколебавшись, Гермиона кивнула:

— Если можно так выразиться.

Гарри беззвучно свернулся в своём кресле, подложив руку под чумазую щёку. Глаза его были закрыты, однако ресницы безостановочно подрагивали. Гермиона потянулась пожать его пальцы, но удержала себя, боясь разрушить хрупкие тенёта наконец-то изловившего его сна.

— Наверное, оно и к лучшему, — Рон тыльной стороной руки потёр утомлённые глаза и наклонился к Гермионе, полушёпотом продолжив: — Джинни пользовалась хельгиным Хроноворотом.

— Знаю. Она меня предупредила, — ответила, пряча надежду в голосе, Гермиона. — Она... что-то нашла? — Она принесла рунический браслет и сейчас у Снейпа — выясняет, что к чему.

Книга вывалилась из пальцев Гермионы, но Рон успел поймать её до того, как та грохнулась на пол.

— Рон, ты думаешь... это... возможно?..

Он, перехватив, стиснул её кисть, и у Гермионы мелькнула неуместная сейчас мысль, чувствует ли он отчаянное биение её пульса под своими пальцами.

— Гермиона, я не знаю. Но вот что я тебе скажу — помнишь, как я рассказывал, будто видел мёртвого Драко и убивающегося над ним Гарри?

Она кивнула.

— Я ошибся. Я видел совсем другое. Гермиона, ничего не могу обещать, но...

Гарри вдруг ахнул — резко и судорожно, оборвав Рона на полупhrазе. Друзья удивлённо развернулись к нему и увидели кровавое пятно, красным цветком распускающееся на груди.

* * *

В пятый раз пронзая время, Джинни промёрзла до костей — она даже не представляла, что, оказываясь, можно так окоченеть: летишь словно через бескрайнее арктическое пространство. Кожу покрыла изморозь, пришлось зажмуриться, чтобы лёд не выжег глаза. Земля налетела, будто поезд-экспресс — ударила снизу, сшибла с ног. Джинни кувыркнулась вперёд, сжимая в руках драгоценнейшие флаконы, и замерла — слабая, как котёнок. Кружилась голова. Девушка чувствовала себя настолько плохо, что даже не могла открыть глаз.

В итоге она всё же их открыла. И даже села.

Библиотека.

Снова не горят настенные факелы — ночь, время теней.

Она медленно поднялась, промаргиваясь, чтобы привыкнуть к темноте. Голова болела так, словно содержимое её искромсали ножом.

За спиной раздался звук, и Джинни обернулась — отворилась, впуская свет, дверь. Плечи успокоенно расслабились:

— Бен...

Он приблизился, и Джинни с трудом подавила потрясённый вздох: да, это по-прежнему был Бен, высокий и широкоплечий, но теперь с изрезанным морщинами лицом и седыми волосами.

— Я знал, что это ты.

— Откуда? — улыбнулась она.

— После нашей последней встречи я установил во всем замке Сенсоры Искращения Времени, чтобы они сообщили мне о твоём визите, — голос его тоже изменился, став грубым — по-старчески грубым. — И как ты — преуспела?

— Да, — Джинни протянула ему два флакона. — Это должно настаиваться тысячу лет. Возьми этот, — она подала флакон с красной пробкой, — и вручи тому, кто стал после Гарета Наследником Слизерина. Пусть передают из поколения в поколение. А этот, — она подала второй, с золотистой пробкой, — нужно укрыть в Хогвартсе. Где-то, откуда я смогу достать его через тысячу лет, в своём времени.

Морщинистые ладони Бена приняли фиалы, опустили на библиотечный стол:

— Уверена?

— Уверена, — кивнула Джинни.

— Есть тут один тайничок, которым мы с Гаретом пользовались, чтобы прятать записки — дай-ка взгляну, можно ли его открыть... — он подошёл к стене и начал раскачивать один из камней. Джинни приблизилась:

— Бен, можно мне задать вопрос?

Не поворачиваясь, он кивнул.

— Помнишь — давным-давно вы с Гаретом пришли ко мне в Нору и ты дал мне жёлтый цветок — Волеукрепляющий Цветок. Мне интересно...

Бен улыбнулся. В его руках был небольшой — в два кулака — квадратный камень с оббитыми краями, который он положил на высокий подоконник.

— Это был просто цветок, Джинни. Никакой силы он не давал. Так что всё, чего ты добивалась, ты добивалась сама. Всегда.

— Тогда зачем?..

— Зачем мы вообще приходили? Предположим, меня об этом кое-кто попросил, — он задвинул флакон подальше и вернул камень на место, задыхаясь от усилий.

— Дамблдор?

Бен хмыкнул и поднялся, любуясь результатом своих трудов. Заметив, что камень выдаётся из стены на несколько дюймов, правой рукой вбил его поглубже.

— Пятый от пола, десятый от угла. Сможешь удерживать в памяти на ближайшую тысячу лет?

Она кивнула и оглянулась по сторонам, готовя себя к броску в своё настоящее:

— Смотрю, теперь тут есть ученики?

Он утвердительно качнул головой.

— Я глава школы. Приятно чувствовать людей вокруг себя. Становится не так одиноко.

— Так ты не... — Джинни тут же сообразила, что поднимает очень деликатную тему, скорее всего, её совершенно не касающуюся, и закрыла рот.

Он ответил взглядом — не мальчишеским, как тогда, когда они повстречались впервые, не юношеским, когда стал несколькими годами старше, — взглядом доброго дядюшки.

— Знаешь, у каждого из нас в жизни есть единственный человек... — иссохшая рука едва ощути-

мо потрепала Джинни по волосам. — Думаю, и у тебя тоже.

— Н-ну... — сама Джинни как раз не была в этом полностью уверена.

— А он счастливчик, — заметил Бен, опуская руку. — Мы ведь с тобой больше не увидимся, верно?

— Скорее всего, — Джинни уже думала о бесконечной морозной пустоте, ждущей её меж прошлым и настоящим. — Мне бы так хотелось... Так хотелось, чтобы ты пережил эти века... — вырвалось у неё.

Она улыбнулась, но Бен не вернул ей улыбку, лишь поёжился, словно от холода. Она поняла — он подумал о Гарете.

— Однако я не переживу.

* * *

От резкой боли Гарри споткнулся, сорвавшись с последней ступени на мраморный пол. Он опустил глаза к рубашке, увидел расцветающее на груди алое пятно и тронул его рукой. Кончики пальцев стали мокрыми от крови.

Пришло осознание, что он впервые испытывает боль во сне, да только тут же, глядя на испачканную руку, сообразил, что это не просто сон, что последствия его действий здесь более чем реальны. Гарри перевёл взгляд на Драко — тот с пепельно-серым лицом замер на ступенях.

— Гарри... — пискнул слизеринец в ужасе.

Свободной от меча рукой Гарри задрал рубашку, и его глазам предстала неглубокая рана поперёк груди, чуть выше сердца — из неё медленно сочилась кровь. Он поправил рубашку:

— Ерунда. Жить буду.

Трясущейся рукой Драко уцепился за перила. Меч безвольно смотрел в пол, однако слизеринец по-прежнему удерживал его в ладони. Его веки полуопустились, и Гарри увидел лёгшую ему на щеки сплетением серебристых кружев тень от ресниц, — к лицу прилила кровь, вспыхнули скулы — теперь Драко походил на заляпанную красной краской мраморную статую.

— Я чуть было... чуть было... — пробормотал он.

«Гарри!!!»

Они оба узнали высокий перепуганный голос, удививший в окна особо яростным порывом ветра.

«Гарри, очнись!!!»

— Гермiona, — завертелся, пытаюсь найти её взглядом, Гарри. — Она меня зовёт...

— Ну так ступай, — бросил Драко, и резкость его тона стала неожиданной для обоих.

— Только с тобой. И никак иначе.

Драко тряхнул головой.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас просто издеваешься надо мной?! — всё так же резко продолжил он. — Я не могу с тобой пойти. Не могу.

— Значит, я останусь здесь, пока ты...

— Никаких «пока» не будет. Я умираю — яд сжигает меня, от меня остались лишь кожа да кости, разве не видишь?

— Ещё как живу, — отозвался Гарри. Липкая кровь текла по его животу, вызывая ощущение какого-то странного холода.

Снова вернулся голос:

«Гарри, проснись! Гарри, это Гермiona, ты меня слышишь?»

— Я целовался с ней, — заявил Драко, поймав Гарри врасплох.

— С кем?

— С Гермioniой. Я целовался с Гермioniой.

— Ну, да, — кивнул Гарри, гадая, к чему тот клонит. — Если я всё правильно помню, ты с ней в прошлом много раз целовался.

— Не в прошлом, — почти с отчаянием сказал Драко, — а на той неделе, ну, может, парой дней раньше — ты ушёл, а мы остались... Как раз после нашей встречи в Полночном Клубе, когда ты оттуда портключнулся. Вспомнил?

Гарри, растерявший все слова, мог только кивнуть.

— Словом, я вернулся в гостиницу, и мы там целовались — и не только целовались...

— Ты с ней переспал? — потрясённо ахнул Гарри.

— Нет... Господи, нет, — в ещё большем ужасе, хотя по-прежнему полный решимости, замотал головой Драко. — У неё было кольцо — то самое, что подарил ей ты, и я остановился... мы остановились... но ведь это уже неважно, верно? — он коротко полухохотнул-получертыхнулся и отвёл взгляд. — Видишь, я же говорил тебе, что, в отличие от других, совсем не изменился. Неужели ты по-прежнему хочешь, чтобы я остался?

* * *

Во время шестого путешествия её истязал не холод, а жар — Джинни падала сквозь круги огня, каждый из которых был жарче предыдущего. Ядовитый дым обжигал глаза и нос, когда она, горя и сгорая, низвергалась падшим с Небес ангелом, думая о Томе — о льде его синих глаз и холоде его прикосновений.

Земля вновь ударила, но не по ногам, а в бок — Джинни свернулась на полу, кашляя и давясь пронзившей лёгкие болью.

— Джинни! — чьи-то руки перевернули её на спину, и она увидела перепуганную Блез, чьё нависшее над ней лицо напоминало белый воздушный шарик. Слизеринка говорила ещё что-то, но за рёвом в ушах Джинни не слышала слов.

Всё вокруг смазывалось по краям, и Джинни больше всего на свете хотелось закрыть глаза и нырнуть в подступающую темноту, раствориться в забвении, которое непременно унесёт прочь боль. Но — нет... Нет, нужно сделать что-то важное... Что-то сказать Блез, что-то вспомнить...

— Стена, — вырвалось из иссушенного жаром горла вместе с плеснувшей на подбородок кровью. Она утёрлась ладонью.

Блез была в ужасе:

— Молчи...

— Противоядие. В стене.

Джинни подняла руку, чтобы указать, и увидела, что та в крови. Какое-то время она непонимающе смотрела на свою ладонь: это что — моя кровь?

К ней опять потянулась долгими, кривыми когтями темнота, закорилась, повлекла вниз.

...Я должна сделать что-то важное, — взмолилась Джинни, но вокруг с неизбежностью наступающих сумерек сгустился мрак, задержнул мир чёрным занавесом.

* * *

— Гарри! — упав на колени, Гермiona схватила его за руки. Рон подумал, что подруга, судя по кошмарному виду, решила, будто случившееся на её совести. — Гарри, довольно, очнись! Очнись, умоляю!

Гарри не шевельнулся. Кровь неспешно стекала по его груди.

Сириус и Чарли повернулись; почувствовав неладное, встрепенулась ото сна Нарцисса.

— Гермiona, отодвинься, — мягко попросил Рон, но она словно не поняла — обвиснув на Гарри, что-то бормотала и бормотала, как если б он мог её услышать. Рон присел рядом: — Может, старая рана открылась... Из тех, что он получил в Румынии...

— Ничего подобного, — голос Гермioniы сорвался на всхлип, — это моя вина... Я отправила его в разум Драко... Теперь они умирают вместе... Его затягивает...

— Не говори так! — резко перебил Рон, боясь, что она сходит с ума. Быстрым движением он задрал на Гарри рубашку — кровь сочилась из узкой и, к облегчению Рона, не выглядящей серьёзно раны на груди. — Ну, видишь — просто царапина, ничего страш...

— Что происходит? — над ними возвышался Сириус, рядом с которым стоял Чарли. В углу Люпин о чём-то перешёптывался с мадам Помфри. — Что-то с Драко?

— С Гарри, — пояснил Рон, и глаза Блэка тут же потрясённо распахнулись. — Он...

В воздухе зазвенел полный ужаса визг — так, наверное, заходятся в аду проклятые души. Ахнув, резко села Нарцисса, повернула мокрое от слёз лицо Гермиона:

— Библиотека... — выдохнула она. — Джинни...

Рон пулей вылетел из лазарета. Следом бросился Чарли.

* * *

Блез подняла голову на звук — разлетелись в сторону двери, в библиотеку ворвались запыхавшиеся Рон и Чарли. Сама Блез стояла возле горы книг — она перевернула практически всю Запретную Секцию, содержимое которой теперь возмущённо верещало и вопило у неё под ногами. Очередной фолиант истерическим взмахом отправился на пол. Рон подбежал и схватил Блез за руку, он что-то кричал, но она не могла разобрать слов за гамом, а потому замотала головой — рыжие волосы взметнулись вокруг лица.

Он затряс её, вцепившись в плечи, и на этот раз ей удалось прочесть по губам: «Где Джинни?!», однако до того, как она смогла освободиться и указать, Чарли уже выхватил из рукава палочку, выкрикнув какое-то отчаянное заклинание.

Шум стих.

— Хвала небесам, что я здесь преподаю... — Чарли снова спрятал палочку. — Блез, что случилось?

Она вывернулась из рук Рона, выдохнула срывающимся голосом:

— Джинни... Она там...

Рон и Чарли повернулись. Из-за длинного учебного стола Джинни практически не было видно — только вытянутая по полу рука, трепещущий рукав...

Чарли оказался рядом первым, следом кинулись остальные: Джинни лежала там же, где и упала, коса растрепалась, багровая лужа под головой росла на глазах — кровь сочилась изо рта, глаз и ушей, Хроноворот на груди отчаянно пульсировал ещё одним сердцем.

Чарли ахнул от ужаса, бухнулся на колени, подхватил сестру на руки. Глаза её были закрыты, на бледных веках проступили синие вены, грудь судорожно вздымалась и опадала.

— Что случилось? — сдавленно повторил Чарли.

— Она пользовалась Хроноворотом... — начала Блез, но он не дал ей договорить:

— Неважно, сейчас нужно в лазарет, — он поднялся, но в этот миг Джинни зашевелилась, поймав Рона за рубашку. Пальцы оставляли кровавые следы.

— Рон... — так и не открыв глаз, позвала она, и он, побледнев, склонился к сестре, прислушиваясь к тому, что зашептала она ему в ухо. Когда он выпрямился, на щеке остался след, как от какой-то жуткой помады — кровавый след её губ.

— «Пятый от пола, десятый от угла», — Рон вытащился на Блез. — Это вообще о чём?

У той перехватило дыхание:

— Она указывала туда, — Блез махнула рукой на западную стену библиотеки. — Думаю, она хотела сказать, где находится противоядие.

— Ищите. Увидимся в лазарете, — отрезал Чарли, но едва он двинулся к выходу, Джинни начала брыкаться — и моментально подавилась, закашлялась, заплёвывая кровью его рубашку, враз ставшую мокрой и красной. Он побелел.

Блез метнулась к стене, зашарила по камням:

— Пятый снизу от пола, десятый от угла... пятый от пола, десятый от угла... пятый снизу от пола, десятый от угла... — твердила она, словно молитву, пока

не попала на нужный, практически свободно двигающийся в своём гнезде. Она выцарапывала его, ломая ногти — наверное, в другой ситуации она бы расстроилась, но не сейчас. Камень вывалился едва ли ей не на ногу — хорошо, что Рон поймал, — открыв тайник.

Стенки были шершавыми и холодными. Рука что-то нащупала — что-то гладкое и цилиндрическое. Выудив, Блез тут же узнала флакон, который дал Джинни в подземельях Снейпа — флакон с золотой пробкой. Её прошиб ужас — а что, если она не справится?! — и слизеринка перепуганно попыталась всучить флакон Рону:

— Противоядие, — дрожащим голосом сообщила она. — Противоядие для Драко.

Рон попятился:

— Великие Маги... — прошептал он. — Нет... Я не возьму — ты что, свихнулась?! А вдруг уроню?!

— Рон! Блез! — гаркнул Чарли, чьё терпение, судя по голосу, висело на тонюсенькой ниточке: поняв, что противоядие обнаружено, Джинни обмякла у него на руках, уткнувшись лицом в плечо. — В лазарет! БЕГОМ!

Он подал пример, развернувшись и помчавшись к дверям.

Блез послушно подчинилась, баюкая флакон у груди, будто дитя, и сердце её сейчас колотилось в такт шагам. Придя в себя, за ними заторопился Рон, промешкав лишь миг — чтобы рукавом свитера стереть со щеки кровь.

* * *

Гарри наконец-то нашёл слова:

— Зачем ты мне сейчас об этом говоришь?

— Хочу, чтоб ты знал, — голос Драко чуть надломился, звенькнув на последнем слове. — Знал, за что так отчаянно борешься.

— Малфой... — Гарри попятился и вдруг заново осознал всё, что рядом — и серую бесцветность Имени — полупрозрачного, словно пронзённая зимним светом ракушка, и серые глаза Драко — цвет даже не воды, но воспоминания о ней, не слёз, но вызвавшей их скорби. — Господи, Малфой... Ты вообще какого ответа от меня ждал?

Вцепившаяся в перила рука Драко вибрировала, как скрипичная струна:

— Я думал... ты... ты такой... что, может, простишь меня...

Гарри глубоко вздохнул:

— Ничего подобного.

* * *

Сириус осторожно отодвинул давящуюся всхлипающую Гермиону и нагнулся взглянуть на Гарри.

— Сириус... это... всё... я... виновата...

— Успокойся, — отсутствующе возразил он. — Скорее всего, обморок или крепкий сон, ничего общего с летаргией, — он отбросил со лба Гарри непослушную прядку. — Напротив — очень даже хорошо.

— Но он не просыпается! Я его трясла, а он не просыпается...

Сириус хотел что-то сказать, когда визг, пронзавший замок до самого основания, внезапно прервался.

— Слава богу... Что ты начала про Джинни — она в беде?

Гермиона молча таращилась на него, потеряв способность двигаться. В первый раз в своей жизни она подумала, что действовала как последняя идиотка, как если б от всех случившихся бед у неё выключились мозги: докатиться до лжи Сириусу? Да как такое могло произойти?..

— Джинни отправилась за противоядием, — выдавила она в итоге.

— Противоядием? — поднимаясь, резко переспро-

сил Сириус. — Каким таким противоядием? О чём ты вообще?

— Ты имеешь в виду противоядие для Драко? — бледная измученная Нарцисса оказалась рядом, меж креслом Гарри и кроватью, на которой лежал Драко. Она осторожно присела подлеса. — Так у Северуса получилось, да?

— Получилось, — кивнула Гермиона, — но достать компоненты было очень сложно, поэтому Джинни пошла к Дамблдору и...

Слушавшая её с широко раскрытыми глазами Нарцисса вдруг надрывно вскрикнула и склонилась над сыном, тот — восковой, бледный — не шелохнулся.

— Поппи! — зашлась воплем Нарцисса, и мадам Помфри моментально развернулась. — Поппи! Сюда, быстрее! Драко не дышит!

* * *

— Ясно... — глаза Драко посвёркивали, отражая тусклый свет свивающегося за окном бесцветного небытия. — Видимо, я был дураком, полагая, будто...

— Я не прощу тебя, — отчётливо повторил Гарри, — потому что тебе и не требуется моё прощение. После того, что сделал я... нет — мы оба... не ты, а я должен просить прощения. Что бы ты там ни натворил — я всё понимаю.

Лицо Драко, не отрывающего от гриффиндорца взгляда, просветлело. Его глаза произнесли «ты распахнул наши сердца, и мы смогли утешить друг друга», тогда как вслух сказал совсем иное:

— Если б я попытался заверить тебя, будто не собирался причинить тебе боль, я бы соврал.

— Ты ненавидел меня? Когда сделал это?

Драко не лгал никогда:

— Нет.

— Я не говорю, будто мне не больно, — взвешивая на губах каждое слово, сказал Гарри. — Больно. Но ты можешь делать мне больно — и я всё равно не уйду. Я ведь тоже причинял тебе боль, как ни крути.

— Это другое. Ты — герой. А герои иногда должны забыть о друзьях и выбрать мир.

— Хрень какая, — отмахнулся Гарри. — Ты сам-то от собственных унижений не устал, Малfoy? Далось тебе моё презрение...

Драко промолчал. Глаза его сияли.

— Или всё это ради того, чтобы я тебя отпустил? — Гарри снова поднял меч. — Не бывать тому. Теперь до тебя дошло?

Казалось, Драко вот-вот что-то ответит, но в это мгновение врата Имени распахнулись. Ледяной вихрь рванулся внутрь.

* * *

Мадам Помфри подлетела к кровати с палочкой наготове, одним взмахом схватила стоящий на тумбочке флакон, откупорила и вылила содержимое в рот Драко. Захлёбывающийся хрип, вздох, снова хрип — и опять вздох, потом ещё один, как если б юноше приходилось дышать сквозь смолу или песок.

— Началось... — опуская флакон, пробормотала, хмурясь, целительница. — Теперь это вопрос минут...

— Цисси... — Сириус обнял Нарциссу, словно боясь, что та может упасть, но она сидела, распрямившись, рядом с Драко, крепко сжимая в ладонях его руку.

Она напомнила Гермионе статую какой-то греческой богини — кажется, Ниобы, оплакивающей собственных детей.

— Сынок... сынок... — шептала она. — Ступай, если должен... Ступай — легко и изящно — туда, куда отошли твои предки... Я и подумать не могла, что ты пересечёшь реку и отправишься в те земли прежде, чем это сделаю я... Уверена — ты будешь ждать меня на том берегу...

По-прежнему стоящей на коленях Гермионе пока-

залось, что к глазам подступает настоящее наводнение, угрожающее снести все дамы в свете. Она слепо потянулась к Гарри, вцепилась в его холодную, неподвижную руку... Ремус сжал плечо Сириуса, а тот надломился, уткнувшись лицом в ладони...

...и распахнулась с грохотом дверь: влетел Чарли с Джинни на руках, за ним — Рон и бледная, на грани истерики, Блез, прижимающая что-то к груди с таким видом, будто это наидрагоценнейший во всём мире груз.

Чарли опустил сестру на свободную койку, хрипло кликнул мадам Помфри, а та настолько обомлела, что даже скорбь исчезла с её лица: фельдшерница была готова, что Драко в любую секунду станет хуже, но не к такому повороту событий. Она неуверенно попятилась...

...и Драко снова перестал дышать. Гермиона, не выдержав, всхлипнула, и Блез, застывшая в дверном проёме, опрометью ринулась вперёд в плеске реющих по воздуху огненных волос; когда она оказалась рядом, Гермиона разглядела, что та сжимает в руках фиал с чем-то, напоминающим золото расплавленных галлеонов.

Миг спустя Гермиона уже была на ногах:

— Это противоядие?

Не в состоянии вымолвить даже слово, Блез только кивнула и ткнула флакон Гермионе в руки. Побелевшие лица всех присутствующих моментально повернулись к девушке — так следуют блёклые подсолнухи за закатавшимся по небу солнцем, но для гриффиндорки уже ничего вокруг не существовало, как если б явь вдруг обернулась сном. И в этом самом сне она приняла сосуд из рук Блез, откупорила его, выпустив звонкий аромат трав и меди, весеннего ветра и роз. Всё в том же сне она приблизилась к кровати, наклонилась и сквозь чуть приоткрытые губы влила противоядие Драко в рот.

* * *

Драко взглянул на Гарри. Ледяной вихрь разметал его волосы, хлестнул по глазам. Вопреки ярящемуся ветру, вокруг царил удивительная тишина. Лишь где-то кто-то глухо давился криком, полным боли и скорби, но звуки эти доносились из бесконечного далёка...

— Поттер...

Гарри качнулся навстречу.

— Ты беспокоишься, что окажешься не нужен мне теперь, когда всё закончилось. Так вот я тебе скажу — это не имеет значения. Я не желаю нуждаться в тебе, я просто хочу, чтобы ты был рядом. Нужность и дружба — разные вещи, и тебе не хуже моего это известно. Всю свою жизнь ты, Малfoy, давал другим то, что от тебя требовали, поскольку надеялся стать для них необходимым. Отцу. Потом мне. Ты не можешь жить ради меня — ты говорил это, и ты совершенно прав. Ты отдал всё, что мог. Больше отдавать просто нечего, — он сделал ещё шаг, и сейчас стоял прямо перед Драко, чуть приподняв голову, чтобы встретиться с ним взглядом. — Ты должен жить ради себя, Малfoy. Твоя жизнь с этих пор — только твоя, более ничья: любви, живи — как хочешь, где хочешь, живи собственной жизнью, обрети мир с собой — и ты никогда не потеряешь меня. Обещаю.

Драко хранил молчание. Снял руку с перил и шагнул вниз. Теперь они стояли лицом к лицу — глаза в глаза. Наконец он откликнулся:

— И душа Ионафана прикрепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу. И потому что полюбил его, как свою душу, Ионафан заключил с Давидом союз...

— Хочешь заключить союз? — оторопел Гарри.

Губы Драко дёрнулись, и он расхохотался — звонко, неспешно, искренне.

— Поттер, твоя буквальность просто умопомрачительна, — он плюхнулся на колени, положив Terminus Est к ногам Гарри.

Гарри последовал его примеру, скрестив на полу его меч со своим. Когда гриффиндорец поднялся, Драко смотрел на него с улыбкой, а когда ладонь Гарри легла слизеринцу на плечо, Имение вокруг них рассыпалось во прах.

* * *

Гермиона надеялась, что должно что-то произойти, причём сразу, но увя. Жидкость из сосуда перетекла Драко в рот, и он инстинктивно проглотил её — слава Богу, а то она уже начала бояться, что он захлебнётся. Она убрала флакон и сделала шаг назад, затаив дыхание.

Мгновение. Ещё одно — мучительно-бесконечное. Ничего.

Потом веки Драко дрогнули, он вздохнул — медленно, долго, легко, — и цвет вернулся на его лицо одним приливом. Осторожно и бесцельно заматались по одеялу руки — и, наконец, открылись яркие, жидкого серебра, глаза.

Нарцисса ахнула... и кинулась ему на шею, сдавливая в объятиях.

Драко был потрясён:

— Матушка, немедленно перестаньте.

Плача и смеясь одновременно, Нарцисса отпустила его, и Драко сел. Он был пока бледноват, однако движения наполнились прежним изяществом, и — вне всяких сомнений — он больше не испытывал боли.

Он по очереди вгляделся в столпившихся вокруг кровати — Ремус, Сириус, Нарцисса, Блез, Гермиона...

— А где Гарри?

— Здесь, — поднялся тот из своего кресла, улыбаясь во весь рот. — Прямо перед тобой.

— Кошмарно выглядишь, — заметил Драко.

— Что делать, — Гарри опустил взгляд к груди. — Ты испакостил мою рубашку.

— О, ну тогда я сделал тебе одолжение — она была просто ужасающей. И вообще, кто сказал, что тебе к лицу поло? Подобный фасончик превращает твою голову в почтовый ящик, — Драко приподнялся, сияя глазами. — Итак, следует полагать, вы таки нашли противоядие.

Гарри стрельнул взглядом в Гермиону. Та кивнула.

— Нашли.

Драко легкомысленно махнул рукой:

— А я и не сомневался. Даже не волновался.

Рассмеялся только Гарри, и Драко, прищурившись, снова обвёл всех взглядом:

— А где Джинни?

Установилась гробовая тишина. Искренне недоумевал один Гарри — никак не мог взять в толк, почему у всех такой вид, — он завертелся, и Гермиона услышала его аханье:

— Что случилось? Что с ней?

Глаза Драко прищурились сильнее:

— В чём дело? Что ты имеешь в виду?

В ответ Сириус и Нарцисса чуть отодвинулись, и перед ним предстала лежащая на узкой больничной койке Джинни и хлопочущая над ней мадам Помфри. Рядом стояли Рон и Чарли, и даже через всю палату Драко мог видеть алеющую на рубашке Чарли кровь. Он побелел и дёрнулся:

— Что произошло?

Отозвалась Блез:

— Твоё противоядие. Выяснилось, что оно существует только в прошлом, так что она отправилась за ним туда, а потом обратно, и опять туда, и опять сюда — и всё за короткий промежуток времени. Похоже, это оказалось слишком — вот она и не выдержала... Когда вернулась в последний раз, потеряла сознание...

Рот Драко приоткрылся, он вытаращился на Блез, потом отшвырнул одеяла и попробовал встать, однако был ещё слишком слаб. Сириус взял его за руку:

— Присядь, Драко. Тебе пока рано ходить...

— Я могу ходить, — стальным голосом отрезал

Драко. — Пусти. Я хочу её видеть.

— Всё в порядке, — выступил вперёд Гарри. — Он обопрётся на нас.

Сириус взглянул на Гарри и кивнул; вместе они помогли Драко подняться и, подхватив его под руки, медленно дошли до постели Джинни. За ними последовали Блез с Гермионой; Нарцисса осталась и, прикусив губу, смотрела на сына, осторожно бредущего через лазарет. Рядом с ней высился, сложив руки на груди, Ремус, по чьему лицу ничего нельзя было прочесть.

Гермионе доводилось слышать о хроноболезни: на третьем курсе её предупреждала Макгонагалл, хотя все её забеги во времени проходили только на короткие дистанции, так что никакого риска для здоровья не представляли. Да, ей было известно, что с увеличением хронологического расстояния опасность возрастает, причём многократно, если ты что-то переносишь с собой туда-сюда. И всё же она оказалась совершенно не готова к такой Джинни — иссушенно-бледная, с кровавой коркой вокруг рта и под глазами, хриплым дыханием, вырывающимся из горла. Грудь ходила вверх-вниз, вокруг шеи пульсировал Хроноворот.

— Боже мой... — сдавленным от потрясения голосом проговорил Сириус. — Что же такое случилось?! Что пошло не так?!

Мадам Помфри подняла измученное лицо:

— Всё пошло не так. Хроноболезнь исцелить очень сложно, она приводит к отказу всех систем организма: приведёшь в порядок одну — выключится другая. Отойдите, прошу вас... — она придержала Блез, которая, кусая кулак, подалась к кровати. — Она сейчас очень хрупкая...

— Она может умереть?.. — ахнул Гарри, глядя на Рона, но тот устался в пол, намертво стиснув кулаки.

Мадам Помфри тщательно взвешивала каждое слово. Наконец, она произнесла:

— Да, это весьма вероятно.

Блез зарыдала настолько неожиданно, что все взгляды тут же обратились к ней, и слизеринка, закрываясь руками, отвернулась, похоже, стыдясь своего поведения. Гермиона не могла понять, куда девались её собственные слёзы, ужас словно испарил их в один миг. Перед глазами стояла Джинни — тоненькая, смелая, юная, с косичками, в свитере, с Хроноворотом в руке — умоляющая позволить ей рискнуть собственной жизнью ради Драко.

...И я ей позволила, — осознала она. — Ради всего святого, умоляю, пусть с ней всё будет хорошо! Клянусь, больше никогда не буду обращаться с ней, как с соплячкой... Пускай с ней только всё будет хорошо — и я даже порадуюсь за них с Драко, если таковое случится — клянусь! Только бы с ней всё было хорошо...

Чарли, едва слышно чертыхаясь, отвернулся к стене, а Гермиона, воспользовавшись мгновением, рискнула посмотреть на Драко. Его совсем недавно розовевшие губы опять превратились в бескровную ниточку.

— Отпустите, — таким же бесцветным, как и его лицо сейчас, голосом произнёс он и вывернулся из рук Гарри и Сириуса.

Шаг — мадам Помфри подняла к нему предупреждающий взгляд, но протесты умерли у неё на губах, когда Рон буркнул:

— Пусть.

Драко тихо продвигался — хотя не с былой легкостью, однако не как калека. Он склонился над Джинни, нежно прикоснулся к её бескровному лицу, зашептал на ухо — закрыв их от мира, свесились на лицо волосы, и Гермиона не услышала ни единого слова, хотя, пожелай она этого, догадалась бы без труда.

Драко выпрямился. Джинни чуть качнула головой на подушке, но глаз не открыла, дыхание её стало резче, кровь снова полилась из угла рта. Песочные часы бились и бились у неё на шее вторым сердцем.

— Мне нужно ею заняться, — сказала мадам Помфри и решительно, хотя и мягко, отодвинула Драко. — Иначе она захлебнётся собственной кровью.

Драко как-то странно охнул и попятился, чуть не рухнув на Гарри. Тот успел вовремя подхватить его, удержав на ногах. Едва фельдшерица с палочкой наготове взялась за Джинни, двери лазарета вновь открылись, впустив Симуса.

Гермиона уставилась на него в полнейшей оторопи: она, можно сказать, вовсе забыла о его существовании. Он был одет весьма аккуратно — чёрные брюки и рубашка, которых она не могла припомнить в его гардеробе, подчеркнули пшеничный цвет волос и синеву глаз. Он шествовал с такой уверенностью, что Рон невольно дал ему дорогу и даже мадам Помфри не возразила, когда он направился напрямик к Джинни.

— Она умирает, — заявил он.

— Симус Финниган! — опомнилась мадам Помфри. — Я понимаю, что вас расстроило случившееся с вашей девушкой, но будьте так любезны — немедленно отойдите...

Симус словно бы не слышал её — вместо этого он сжал в кулаке часы, висящие у Джинни на шее. Драко рыкнул и качнулся вперёд, но Гарри не пустил, а Симус резким движением вдруг рванул древний хельгин Хроноворот — звонко лопнула цепочка; сам Хроноворот, по-прежнему вспыхивая необычным светом, полетел на пол, Симус наступил на него...

...и раздавил.

Драко вырвался из рук Гарри:

— Дебил! — заорал он на Симуса. — Ты что натворил?!

Тот ответил спокойным взором.

— Лучше взгляни на неё, — посоветовал он и указал на Джинни.

Все обернулись, и Гермиона услышала своё ахание: Джинни снова порозовела и начала дышать ровно и спокойно. Мадам Помфри прикоснулась к её груди палочкой, шепча какое-то заклинание, а когда отняла её, то кончик палочки светился успокоительным, здоровым розовым светом. Фельдшерица беспомощно огляделась:

— Она пошла на поправку... Она выздоровеет...

Чарли выдохнул — наверное, это был самый долгий выход на свете. Рон хлопал глазами в состоянии полного обалдения, а Драко, так и не обретший ещё способности говорить, привалился к стене, и всё же Гермиона не упустила из виду, как сжались его кулаки, когда он смотрел на Симуса. А тот будто ничего не замечал:

— Вот и всё, — и вышел из лазарета.

Дверь захлопнулась.

Мадам Помфри с тревогой смотрела ему вслед:

— Какой... странный мальчик... — покачала она головой. — Не припоминаю за ним ничего подобного...

— Будь здоров, какой странный, — уронил Драко.

Сириус обернулся к нему:

— А ты бы мог и порадоваться. Ведь он спас Джинни жизнь, — он подошёл, подцепил Драко под локоть. — Ну-ка... Того и гляди, рухнешь, где стоишь. Пойдём-ка обратно в кровать...

Драко было упёрся, но Блез подхватила его под вторую руку, и вдвоём они вернули его, ни с того ни с сего удивительно послушного, на место. Однако Гермиона видела его лицо, когда он проходил мимо, и уловила резкий блеск, притаившийся в глубине его глаз — точно он узнал нечто, не доставившее ему никакого удовольствия. Что-то задело её руку — Гарри смотрел на неё серьёзным взглядом, но вопреки этой суровости она снова узнала своего Гарри — не призрака, коим он был все эти дни, а Гарри — тёплый, настоящий.

Она сжала, а потом выпустила его руку; увидев проблеск неуверенности в его взгляде, присела и начала собирать осколки Хроноворота — те алмазные сверкала среди белого песка и гнутых звеньев цепочки. Когда она добралась до смятой ботинком Симуса

застёжки, перед глазами наконец-то поплыло — вернулись заблудившиеся слёзы, неукротимые и горячие.

Гарри опустился рядом:

— Гермиона, что такое? Что случилось?

— Сломался... — она показала ему растерзанные остатки того, что когда-то было могущественным Хроноворотом — даром Хаффлпафф своим наследникам. — Навсегда сломался....

— Ну и пусть... — Гарри нежно потянул её к себе. — Нам он больше не нужен, Гермиона... Он нам больше никогда не понадобится, — повторил он, и она уткнулась ему в плечо, дав волю слезам.

* * *

Джинни выплывала в действительность из объявшей её мягкой темноты. Она открыла глаза навстречу ещё большей тьме, пронзённой то там, то тут узкими полосками света. Сознание возвращалось нехотя.

Запах мыла и лекарств, жёсткая кровать, крахмальные простыни... Лазарет. Ночь. Во рту сухость и горечь, точно от горелого тоста.

...Драко! — ахнула она, вспомнив, как отключилась в библиотеке, отчаянно пытаясь объяснить Блез, где противоядие — нашли ли они его?

Внезапно иссохшего рта коснулось что-то холодное, меж растрескавшихся губ потекла вода.

Вода!

Она с благодарностью сделала глоток.

— Ну-ну, не спеши, — произнёс знакомый голос, — а то подавишься.

Джинни немедленно подавилась. Стакан исчез, и она попробовала есть.

— Драко? — спросила, вернее, попыталась спросить она, потому что смогла выдавить лишь хрип.

— Тс-с, — признаться, это было совершенно излишне. — А то разбудишь сейчас своего брата — он как выскочит, как выпрыгнет, а я не фанатею от желания быть зарубленным Уизли за то, что пытался пробраться к тебе постель.

Джинни всматривалась в него, хотя в ночи различала лишь смутную тень, потом повернулась туда, где спал в кресле едва живой от усталости Чарли.

— А остальные?... — прохрипела она. — Рон...

— Все в полном порядке. Включая, как ни странно, и твоего покорного слугу, — он отступил к подоконнику, поставил стакан, и теперь Джинни могла толком рассмотреть его сияющие волосы, румяные щёки, чёрный свитер, натянутый поверх пижамы, и ужасно не сочетающиеся со всем этим босые ноги. — Единственный человек, заставивший всех крепко поволноваться, — ты.

— Но я ведь цела, верно?

— Верно, — с несвойственной ему мрачностью кивнул Драко. — И если ты ещё хоть раз попробуешь помереть, спасая меня, я тебя прикончу собственноручно. Уяснила?

— Не совсем, — Джинни притронулась рукой к разрываемой мигренью голове, почувствовав ссохшиеся от крови пряди. — Я что — чуть не умерла?

— Чуть-чуть, — подтвердил Драко и, помедлив, продолжил: — Тебя Финниган спас.

— Симус? Правда?

— Правда.

Очередная пауза.

— Вы с ним...

— Что?

— Вы с ним встречаетесь? Мадам Помфри сказала...

— Я не знаю, — честно ответила Джинни. Была ли она его девушкой? Похоже на то — несомненно, оба вели себя, будто дело обстоит именно так. И потом, теперь она у него в долгу, правильно? — Голова... — прошептала она. — Так больно...

Драко кивнул:

— Позову мадам Помфри — пусть тебе что-нибудь даст, — он встал. — Каких только новостей не узнаешь, вернувшись практически с того света... — добавил он,

ни к кому конкретно не обращаясь.

— Драко, погоди... Скажи...

Он развернулся:

— Да?

— Помнишь, как я свалилась с метлы во время матча? — он кивнул. — Я потом лежала в лазарете, и кто-то приходил и поцеловал меня. Это был ты?

Во время продолжительной паузы Драко расправлял несуществующие складки на манжетах.

— Ну, я, — наконец признался он.

— А зачем? — измотанная донельзя, она собрала воедино все столь тщательно скрываемые ею чувства. — Зачем ты это сделал?

Драко наконец-то отстал от своего левого рукава.

— Был не прав. Исправлюсь.

— Драко...

Ей хотелось добавить ещё что-то, но ресницы утомлённо смыкались. Замелькали перед глазами картинки — убивающийся над Гаретом Бен, блеснувшее от слёз противоядие, растекающаяся по полу библиотeki лужа собственной крови...

— Теперь с тобой действительно всё будет хорошо?.. — прошептала она.

Последнее, что она услышала перед тем, как уснуть, был его голос:

— «Хорошо» — понятие относительное, однако благодаря тебе утром я ещё буду здесь... — нежное прикосновение пальцев, убирающих волосы с её лба. — А теперь, Джинни Уизли, закрывай-ка глазки... Ты достаточно потрудились, пришло время и отдохнуть. Спи, моя радость, усни...

Эпилог. Часть первая. На самом донышке души

Душа моя, ты губишь свою душу.

Уильям Батлер Ййтс

Джинни медленно закрыла «Взметнитесь, Брюки!» и положила книгу на подоконник у кровати. Это была последняя часть «брючной» трилогии, подарка Драко на Рождество, и как Джинни ни растягивала удовольствие, на дворе уже стоял май, и последняя страница книги была только что перевёрнута.

...Вот и всё, — подумала она, обнимая подтянутые к груди колени.

Как это бывало частенько, едва закончился очередной любимый роман, стало не по себе, накатила странная хандра — такое случалось даже при хэппи-энде, после которого неотвратимость прощания всё так же напоминала смерть... ну, или сулила как минимум долгую разлуку со знакомыми и уже успевшими полюбить героями. И вообще, от хэппи-эндов становилось только противней, особенно от таких, когда все сюжетные ниточки были аккуратненько связаны. В жизни подобного отродясь не дожидешься: вечно-то в ней всё наперекосяк, и твоей любви не светит ни воздаяния, ни кары, вот и увядает она где-то на задворках, утопая в кипучей массе вопросов, так и не получивших ответов.

Ничего не поделаешь: хочешь повзрослеть — терпи.

Печальная, но с ощущением, будто стала чуть мудрее, Джинни высунулась из окна. Стоял восхитительный день начала лета, веял прохладный ветерок, и небо голубой фарфоровой чашей опрокинулось над землёй. Высыпали на лужайки студенты, разлеглись на расстеленных пледах, смакуя первое тепло. У озера виднелись тёмные фигурки гуляющих — в основном, держащиеся за руки парочки. Сама Джинни не была там с зимы, да и не собиралась — слишком уж много связано с тем местом воспоминаний, которых хотелось бы избежать.

Стук в дверь прервал её размышления. Она сползла с подоконника, мельком бросив на себя взгляд в зеркало: волосы, не стриженные с зимы, вились уже до пояса, выбиваясь из кос непослушными прядками.

— Да?..

— Ты одета? — в дверь просунулась голова. Соседка по комнате, Элизабет. — Тебя кое-кто ждёт у портрета.

— Да? И кто именно?

Элизабет ухмыльнулась.

— Кое-кто из Слизерина.

— А так скалиться обязательно? — Джинни натянула жакет и застегнула пуговицы. К собственной радости, с зимы она наконец-то поправилась, и жакет начал обтягивать грудь. — Ладно, иду...

Окна в гостиной были распахнуты навстречу майскому ветру, полному запаха свежей травы, вспапанной земли и распускающихся цветов. В одном из рос-

кошных кресел угнезвился Невилл Лонгботтом, играющий со своей жабой, Тревором Вторым, в Летающие Слова. Он махнул Джинни рукой. Она пересекла гостиную и нырнула в проход, не обращая внимания на бурчание Полной Леди по поводу длины её юбки и узости жакета.

— Привет, — выпрямилась она, когда портрет захлопнулся за её спиной, — так и думала, что это ты.

— Само собой, — откликнулась Блэз.

Джинни прикинула, получила ли слизеринка взбучку от Полной Леди — плиссированная юбка Блэз была короче терпения Снейпа, а в вырезе свитера виднелась кружевная оторочка лифчика. Одним апрельским днём Блэз постриглась, и короткие теперь волосы волнами обрамляли лицо и огненными язычками вились у висков.

— Слушай, ты не против прогулки? Разговор есть.

— Только не у озера, — моментально заявила Джинни.

Блэз приподняла бровь:

— Розарий подойдёт?

— Нет, тоже отпадает. Как насчёт квиддичного поля? — предложила взамен Джинни и, видя удивление Блэз, пояснила: — Едва ли там сейчас кто-то есть.

Та грациозно повела плечами:

— Как угодно.

* * *

— Ты, вроде, утверждал, будто тут никого не будет, — пожаловался лежащий на траве Драко, переворачиваясь на живот и подперев подбородок руками. Покосившись, он добавил: — И этих «никого» несёт как раз сюда...

— Наплый, — Гарри сидел по-турецки, силясь следовать своему же совету. Но давалось это нелегко: слизеринец не относился к тем, кого можно заткнуть приказом посидеть тихо, потому что тебе-де надо подумать; напротив, Драко был из тех, кто считает, что его блистательные речи исключительным образом стимулируют мыслительный процесс. И при этом не имеет значения, какого труда тебе стоит сосредоточиться на чём-то другом. — И заткнись.

— Знаешь, — сказал Драко, — никак не возьму в толк, зачем ты меня сюда приволок, коли хочешь, чтобы я тут просто молча красовался... Это, разумеется, вовсе не значит, — тут же добавил он, — будто сие не входит в список моих многочисленных талантов.

— Это не талант, а раздражающая привычка, и приволок я тебя сюда для молчаливой моральной поддержки... Как пишется «бессмертная» — через «з» или «с»?

— Через «с». Однако словцо не самое впечатляю-

щее. Только не говори, будто собираешься разводить трепёж по поводу бессмертной любви, я этого не переживу.

Гарри отшвырнул перо.

— Это же свадьба! Ты где-нибудь видел свадьбу без трепежа про бессмертную любовь? А о чём мне тогда говорить свой тост? — Гарри прищурился. — О! Джинни!..

— Че-го? А она тут каким боком? Собираешься приплести её в свою речь?

— Нет, — отозвался Гарри тоном, недвусмысленно дающим понять, что Драко сегодня на редкость торжественный, — она во-он там, у трибун.

Драко с несчастным видом вжался поглубже в траву.

— Как думаешь, зачем она здесь?

— Поди, тебя пришла прикончить, — Гарри снова взялся за перо.

— Нет в тебе сострадания, Поттер, — возмущённо взглянул на него Драко. — И жалости тоже нет. Это-то тебя и губит.

— Видишь ли, в чём дело, — вполне резонно возразил Гарри, — ежели б ты мне поведал, что там у вас с Джинни стряслось, я бы, может, и посочувствовал.

— Понятно. Хочешь сказать, все эти издёвки и прочая клевета — следствие информационного голода.

— О! В самую точку.

Драко уселся, вытряхнул из волос траву и прищурился, глядя в сторону маленькой ярко-рыжеволосой фигурки вдалеке. Гарри искоса следил за ним. Временами ему удавалось заметить, как, словно на фотографии с двойной экспозицией, сквозь этого Драко проступал другой — с бледным тонким лицом, будто вылепленным из заострённых теней, с сиреневыми кругами под глазами... Тот Драко был тонок настолько, что порыв ветра, несомненно, унёс бы его прочь, и держался на ногах одной лишь силой воли.

Ресницы дрогнули, и мираж исчез: перед Гарри сидел пышущий силой и здоровьем худощавый парень со светлыми волосами, чья кожа уже зазолотилась ранним летним загаром, а глаза, безо всяких теней вокруг, были серыми и яркими. Гарри не в первый раз подумал, не подсыпали ли чего дополнительного в противоядие — чего-то такого, что не просто вернуло Драко бывшее здоровье, но сделало его ещё крепче.

— Похоже, она меня избегает, — задумчиво покусывая травинку, изрёк Драко.

— Они нас пока просто не заметили. А с кем она?

— С Блэз, — уныло отозвался слизеринец.

— О, точно. Забыл, что она обстриглась. А раньше ей лучше было...

— Поттер, ты у нас практически уже женатик, тебе не положено обращать внимание на причёски всяких посторонних девиц.

Гарри возвёл очи горе.

— Малфой...

— Готов спорить, они говорят обо мне, — с жизнерадостностью французского аристократа, вершащего путь к гильотине, поделился Драко.

— Можешь мне не верить, Малфой, — чуть резковато заметил Гарри, — однако не все и не везде говорят о тебе.

* * *

— Это насчёт Драко, да? — скрестив руки на груди, Джинни развернулась к Блэз. Над квиддичным полем дул пронизывающий ветер, и Джинни, задрожав, обхватила себя за плечи.

— Э... Ну... — Блэз замаялась. — Ладно. О нём. Как ты догадалась?

— У тебя на лице написано, — угрюмо пояснила Джинни. — Вид под кодовым названием «Только Драко Малфой Способен Настолько Довести Меня До Ручки».

— Верю на слово, — Блэз в смятении поискала прядку, чтобы покрутить её в пальцах, не нашла и, сообразив, что нынче волосы у неё коротковаты для это-

го, опустила руку. — В общем, так: Драко спросил, не пойду ли я с ним на свадьбу в субботу.

Джинни опешила. Ветер разом стал ещё более пронизывающим.

— Я не... В качестве его девушки?..

После паузы Блэз ответила:

— Ну, я бы не стала утверждать наверняка, но, похоже, он, с одной стороны, ищет компанию, а с другой — не хочет никого приглашать, потому-то и остановился на мне. В конце концов, мы по-прежнему ладим и, риску предположить, понимаем друг друга.

Джинни сунула руки в карманы.

— В любом случае, это не моё дело. Я, разумеется, буду с Симусом.

— Разумеется, — Блэз не стала задавать вопросов об отношениях Джинни с Симусом, как не осмеливались задавать их остальные. Как будто если проблему игнорировать, она исчезнет сама собой. — Просто не хочу совершать поступок, который тебя расстроит.

— Какая предусмотрительность, — процедила Джинни.

Она так предвкушала свадебную церемонию... Для неё это была возможность в последний раз повеселиться с друзьями, прежде чем их всех разметаёт по белому свету, — ведь в следующем сентябре в школу она отправится уже одна. Одна... Теперь же перед глазами встал, как наяву, искрящийся Бальный Зал Имения Малфоев и хохочущая в руках Драко Блэз — они кружились под парящими в воздухе люстрами...

Джинни стало страшно.

— Дело не в предусмотрительности, — хмыкнула Блэз. — Зная твой характер, не желаю получить чашей с пуншем по физиономии в самый разгар произнесения клятв.

— Прекрати, я бы так не поступила. И вообще, у меня есть парень, так что факел неугасимой любви к Драко в моей душе не горит.

Блэз приподняла бровь.

— Спасая его жизнь, ты прошла через все круги ада. Это даже не факел, это форменное аутодафе.

— Было да бывшем поросло, — пожала плечами Джинни. — Если б нам что-то предстояло, всё бы давным-давно случилось. И вообще — у меня Симус, я уже говорила.

— Говорила. Но вот любишь ли ты его? В смысле — Симуса.

Незванные, всплыли в памяти слова Тома.

...Я исконный её враг, я — её возлюбленный, я — её радость и отвращение, её неразделённая страсть. Я — её вина, её воспоминание. Её сладкое отчаяние. Все её несбыточные мечтания и грёзы. Я создан из крови, слёз и чернил. Она — мой создатель. И я никогда не покину её...

...Он ошибался... Это я никогда его не покину.

— Конечно, люблю.

Уголки губ Блэз приподнялись.

— Ой, а ты помнишь — тогда, в Большом Зале, когда у Симуса ум за разум зашёл, а Драко...

— Нет, — отрезала Джинни.

— Как скажешь, — с сомнением кивнула Блэз.

* * *

Само собой, Джинни соврала. Она всё помнила. Ещё как помнила!

Едва она убедилась — убедилась целиком и полностью — что Драко выживет, как принялась изо всех сил его игнорировать. С началом учёбы старательно избегала встреч в коридорах и после кубковых игр, держалась подальше от Гарри и Гермионы, если те собирались с ним повидаться, и ныряла за колонны во дворе, едва заметив серебристый проблеск волос или слышав знакомый смех.

Слава тебе, Господи, столкнуться с ним один на один было практически невозможно — вокруг него вечно толпились другие слизеринцы. И если вокруг Гарри ходил на цыпочках весь Гриффиндор (по меткому

замечанию Рона, сложновато хвастаться зимней поездкой на Ибицу перед парнем, который провёл Рождество в смертельной схватке с Вольдемортом), то сокурсники Драко, будто бы решив перещеголять друг друга в искусстве лести, наперебой к нему подлизывались.

— Большинству кажется, что с Пожирателями Смерти они дали маху, — как-то вечером в библиотеке поделилась с Джинни Блэз. — И дело, само собой, не в том, что те олицетворяют зло, а исключительно в их поражении. А Драко чуть ли не единственный с нашего факультета, кто ухитрился сохранить хорошие отношения с нынешними ключевыми министерскими фигурами. Все, ясное дело, думают, что это просто блестящая игра, однако никто не желает попасть ему под горячую руку. А то, не ровен час, ещё Гарри на них науськает, — она усмехнулась.

— В гробу Гарри их видал, — холодно ответила Джинни.

И действительно: вопреки всем волнениям друзей, вопреки случившемуся и осадку, который остался у него в душе, Гарри отлично вписался в обычную школьную жизнь. Дамблдор преуспел и держал Министерство в стороне, наложив до окончания школы вето на церемонию вручения Ордена Мерлина, отменив несколько праздничных демонстраций в Хогсмиде и запретив репортёрам из «Пророка» и нос казать на хогвартские просторы под угрозой скормить их Клыку. Разумеется, Гарри по-прежнему ели глазами. Но Гарри всегда ели глазами. Тоже мне новость...

Новостью стал взгляд, которым он отвечал, — не провоцирующий и не защищающийся, не оскорблённый и не смущённый. «Я знаю, кто я, — вот что говорил этот взгляд, — смотрите на здоровье, мне всё равно».

Джинни помнила, каким был Гарри несколько лет назад, когда пригибался и закусывал губу в приступе болезненного возмущения при виде значков «Поттер — вонючка». Того Гарри больше не существовало.

— Вырос, — заметила Гермиона печально-счастливым голосом, допустимым только для той, кто знал Гарри с одиннадцатилетнего возраста.

...Ну, не знаю, не знаю... Он не выше меня.

Это сказал не Драко, но голос Драко в голове Джинни. Иногда она слышала этот шепоток, хотя его самого рядом не было. И пусть она знала, что это происки непослушного воображения, ей всё равно стало неловко смотреть Гермионе в глаза, а потому Джинни сбежала, так и не ответив.

Тем вечером за ужином Дамблдор объявил о проведении поминальной службы по Пенси Паркинсон и другим невинно убиенным в так называемом «Рождественском Кровопролитии». Джинни знала, что директор полностью в курсе роли, которую сыграла Пенси в похищении Рона и прочих прискорбных делах, равно как знала, что он ни словом об этом не обмолвится, — и да пусть в памяти всех Пенси упокоится с миром. Само собой, ответственность за все жертвы была возложена на Вольдеморта — и хотя сие не кривило против истины, однако же оставляло у Джинни болезненное ощущение вины.

Во время речи Дамблдора она сидела рядом с Симусом и видела, как напряглись его плечи при первом же упоминании Рождественского Кровопролития. Директор вещал: надо-де примириться со смертью, понять, что это — часть жизни, хотя и не отрицал вполне понятные ярость и внутренний протест, тем паче жертвы были столь юны, а убийства — бессмысленны.

— Как и три года назад, когда погиб Седрик Диггори, мы снова смотрим в уродливый лик крайнего фанатизма, редкостной нетерпимости, и даже лучшие из нас иногда способны дать приют... — тут у Джинни зазвенело в ушах, и она пропустила следующие слова, — ...злу. Злу, о котором, по мнению Министерства Магии, вам по молодости лет даже представления иметь не положено. Однако если мы не признаем существование зла, то никогда не сумеем его опознать, а значит, не сможем углядеть в наших душах...

Звон в ушах стал пронзительней, и Джинни наконец сообразила, что дело не в чувстве вины — это вилка Симуса, зажатая в его трясущейся руке, всё громче и громче колотилась о край тарелки. Джинни вилку отобрала.

— Симус...

Он отшатнулся, вскочил; покачиваясь, будто пьяный или слепой, побрёл к выходу. По Залу пробежал недоумённый ропоток, словно зажужжали летним днём пчёлы, и Джинни встретила взглядом с Драко: подперев рукой подбородок, тот смотрел на неё из-за слизеринского стола.

Она кинулась следом за Симусом, найдя его в одном из прилегающих коридоров. Привалившись к стене и уткнув лицо в ладони, он что-то лепетал. Джинни уловила нечто вроде «мои руки — не мои руки...» и отдёргнула его ладони от лица, сжала в своих, борясь с желанием встряхнуть Симуса как следует.

— Что происходит, Симус? Что не так?

Он сурово взглянул на неё сквозь соломенные волосы до странности тёмными для синего оттенка глазами.

— Внемлите же, ибо отмщение в руце Моей, и Аз воздам, аще кто преступит закон Мой.

Джинни попятилась.

— Это ещё откуда?

— Не знаю. Но я услышал эти слова, когда зажмурился.

— Почему ты сбежал из Зала?

— Потому что Дамблдор говорил обо мне. И я чувствовал, как все вокруг тарашатся! Зло во плоти, — он резко хохотнул.

— Никто на тебя не тарашился, — стараясь удерживать гнев, возразила Джинни. — И даже в мыслях ничего подобного не держал.

— Я держу.

— Вот и прекрати. Сколько ты собираешься пытаться себя, Симус? Сколько собираешься пытаться меня?! — она немедленно поняла — последняя фраза была лишней.

— Ты не обязана оставаться со мной, Джинни, — отрезал он. — Я пойму, если ты уйдёшь. Любой бы понял.

Она полуприкрыла глаза и вновь увидела Liber-Damnatis и чернильную кровь дневника, пятнающую пальцы, пока Джинни вытаскивала его из огня, и страстицы, что испуганными птицами бились в руках, когда она отдирала их от корешка.

Ненавижу тебя, Том.

— Но Симус! Я хочу, чтобы ты поправился! Мне нужно, чтобы ты поправился!

Он поднял на неё глаза:

— Зачем?

Мгновение колебания — и...

— Потому что я люблю тебя.

Его лицо сразу смягчилось.

— Джинни... — Симус убрал с её лица волосы, погладил по скуле, на миг превратившись в того веснушчатого мальчишку, который перед Рождеством целовал её за кладовкой с квиддичным инвентарём и приглашал к себе в Ирландию, чтобы познакомиться с роднёй...

Речь об этом с тех пор не заходила — то ли он больше не доверял Джинни, то ли сторонился своих обожающих сына и совершенно сбитых с толку родителей — тем только было очевидно, что с сыном неладно, но вот что именно?..

Само собой, никто этого толком не знал, даже сам Симус. Его терзали кошмары, странные голоса нашёптывали что-то ночи напролёт, обрывки слов и образов обращали жизнь в ад наяву. И лишь Джинни дарила ему утешение, лишь она стояла меж ним и тьмой.

Она прильнула щекой к его ладони:

— Наверное, тебе стоит отдохнуть. Давай вернёмся в гостиную...

— Я бы прогулялся. Может, сходим в розовый сад?..

— Нет! — перебила она так резко, что Симус

аж отдернул руку. Сад, полный льдистых лучинок-звёзд, розы в снегу... — Там холодно, — неуклюже заправдывалась она. — Мне тогда надо хотя бы мантию набросить...

Его глаза помрачнели, он отступил.

— Не стоит. Мне не мешало бы побыть одному, — Симус развернулся и зашагал прочь, напряжённо расправив плечи.

Вонзив зубы в нижнюю губу, Джинни смотрела ему вслед.

...Беги же, беги за ним, он так этого хочет! — твердил разум, но усталость связала её по рукам и ногам. Ей тоже захотелось одиночества — без беспрестанного контроля за каждым жестом или колебанием настроения, без постоянной готовности прийти по малейшему намёку на то, что он в ней нуждается, — просто рухнуть в гриффиндорской гостиной на какую-нибудь кушетку у камина, закрыть глаза и...

— Лично мне, — зазвучал за спиной протяжный голос, — спич Дамблдора показался скучным. Я вообще предпочитаю во время них дремать. Но закатить истерику в Большом Зале — это, конечно, впечатляюще, хотя, возможно, и не слишком практично...

— Не пори чушь, — буркнула Джинни, разворачиваясь навстречу приближающемуся по коридору Драко. Ей давно не доводилось смотреть на него в упор, и вид Драко её поразил. Она-то помнила его таким, каким он сидел у её кровати в ночь, когда она, едва не умерев, отыскала противоядие: худой юноша с запавшими глазами, вокруг которых залегли тёмные, словно чернильные, тени. Теперь ничего этого не было, измождённость исчезла. От того Драко остался лишь широкий шрам на левой руке да яркий серебристый блеск в глазах.

— А я и не порю, — возразил он.

— Порешь, порешь. Ты прекрасно понимаешь, почему я выбежала из зала — уж вовсе не от скуки.

Он приподнял брови:

— Какая внезапная откровенность!

— Симусу стало нехорошо, — объяснила Джинни, — нужно было проверить, как он.

Драко развёл руками, и Джинни увидела шрам, крестом рассекавший его левую ладонь.

— А ты ведь стала такой же, заметила?

— Какой — «такой»?

— Я слышал, как ты говоришь в коридорах, — с горечью пояснил Драко, — не со мной, конечно, со мной-то ты не разговариваешь, хотя, вроде, и не онемела. Каждое второе слово «Симус-Симус», а то и «Сим-Сим» — что, надо понимать, отвратная кличка нашего колхозного друга Финнигана.

Джинни прильнула щекой к прохладе каменной стены.

— Ревнуешь? — она тут же пожалела о сказанном. У неё и в мыслях не было поддевать Драко, ей хотелось, чтобы он оставил её в покое. Рядом с ним в нынешнем-то состоянии? Ох нет, её словно наизнанку выворачивало.

— А то! Я, понимаешь, сам рвался в сиделки к потенциально опасному шишику, но ты меня оставила.

— Симус не опасен. И он не шишик. Он...

— Сломался?.. — подсказал Драко.

Джинни почувствовала, как губ коснулся призрак улыбки.

— Я бы сказала «надломился».

Драко не засмеялся.

— Любишь ты возиться со сломанными игрушками. Меня вот тут заинтересовало, почему ты не разговариваешь со мной с тех самых пор, как я излечился...

— Совсе я не...

— ...и единственный напрашивающийся вывод — умирающий, я был тебе милее. Но теперь под рукой Финниган и, коль скоро можно чинить его, во мне больше надобности нет.

Джинни с усилием распрямилась. Кости просто-таки горели от усталости, особенно запястья и спина.

— Так нечестно...

— Какая разница, честно или нет. Я хочу знать, правда ли это.

Драко приблизился ещё на шаг, и полыхнувший факел швырнул пригоршню золотых бликов на его лицо и волосы. Изгиб чуть приподнятых губ был настолько ей знаком, что Джинни нарисовала бы его, даже разбудив её среди ночи.

— Неужто такой трудный вопрос?

— Какой же это вопрос — скорее, утверждение. А вот верное ли... — Джинни подняла глаза. Драко сейчас стоял так близко, что она даже увидела светящийся под глазом шрамик в виде полумесяца. — Какая тебе, собственно, разница?

— Ты обрекаешь себя на муки, поскольку считаешь, что случившееся с ним — на твоей совести. И в итоге превратилась в праведную бледную немочь. А зря — мне ты куда больше нравилась веснушчатая и порочная.

— Кто бы мог подумать, что тебе может нравиться нечто порочное, — огрызнулась Джинни, а сама уже лънула к нему, как лънёт виноградная лоза к решётчатой оgrade.

— Напротив, напротив — я просто-таки фанат не-совершенства. Безгрешность скучна, — рука Драко приподняла её лицо за подбородок, принуждая Джинни смотреть ему прямо в глаза. — Он не кровь, которую тебе надо смыть со своих рук, не столб для аутодафе — он просто парень. Как думаешь, каково ему будет узнать, что это не любовь, а наложенная на себя епитимья?

Джинни шарахнулась в сторону:

— Зачем?! Собираешься ему рассказать?!

Драко хохотнул.

— Даже и не думаю стоять на пути меж тобой и твоим терновым венцом, Святая Вирджиния.

— А сам-то, сам! — швырнула она в ответ. — Пришёл весь такой из себя страдалец — ах, больше я тебе не нужен... Ну а как бы ты поступил, скажи я, что нужен? Что я люблю и любила тебя всё это время? Что жить без тебя не могу?!

Драко опешил. Судя по всему, такой поворот разговора был им не предусмотрен.

— Мне не...

— Знаю-знаю, что ты скажешь! Дескать, тебе не нужно то, что валяется под ногами — а исключительно то, до чего нельзя дотянуться! — она попятилась. — Ну так ты до меня и не дотянешься. У тебя была возможность, Драко Малфой, но ты её проморгал.

Она ожидала боли, но испытала лишь величайшее удовлетворение — такое же, как давным-давно, когда её, пятилетнюю, Рон просто-таки смертельно достал, и она звезданула ему по голове чугунной сковородкой-саможаркой. Единственное различие — крови сейчас было не в пример меньше.

Брови Драко приподнялись ещё выше.

— Кто-то из нас её точно проморгал, — словно невпопад пробормотал он, — вот только не уверен, что именно я.

Джинни предполагала несколько вариантов ответа на своё заявление, но никак не ожидала насмешки. В груди вспыхнул гнев. Рука потянулась к воротнику, к золотой цепочке. Джинни сдернула её с головы и протянула Драко.

В свете факелов закачались, закрутились, поблёскивая, два Эпициклических Заклятья.

— Забирай.

Драко вытаращился на неё с несвойственным ему ошеломлением.

— Чего?!

— Забирай, говорю! — холодно повторила она. — Ты ведь никогда не спрашивал меня — да и всех остальных тоже — где они, что с ними, верно? И кто, по-твоему, хранил их всё это время?!

Малфой мотнул головой. Изумление поблекло, и лицо вновь обрело непроницаемость. Что сейчас тщательно прятал он — гнев? отвращение? горечь? насмешку? — Джинни не могла разобрать. Он протянул

руку и принял у неё золотую цепочку и созданные из стекла, золота и плоти заклатья, сжал их в кулаке.

— Уже во второй раз, — заметил он.

Джинни была взбешена до дрожи собственных пальцев.

— Что — во второй раз?

— Ты возвращаешь мне мою жизнь... Однако в лицо швыряешь впервые.

Глаза будто обожгло — Джинни поняла, что вот-вот разревётся и, не желая рыдать перед ним, кинулась прочь по коридору. Слёзы превращали факелы на стенах в смазанные золотистые круги. Остановись она на миг перед поворотом, обернись — увидела бы смотрящего ей вслед Драко на том же месте с по-прежнему вытянутыми руками и выражением иронической покорности на лице.

* * *

— Нет, — повторила Джинни. — Совершенно не помню.

— С тобой точно всё хорошо? — не сводя с неё взгляда, уточнила Блэз.

— Точно, точно.

Слизеринка потянулась и отвела с лица Джинни огненно-рыжую прядку.

— Плачешь?

Та в ответ лишь крепче обняла себя за плечи и снова содрогнулась.

— Это всё ветер. Говорю же — просто ветер.

Блэз убрала руку и пробурчала что-то вроде «упёртая гриффиндорская ослица».

— Мне пора обратно в башню, — заметила Джинни. — Там Симус, и мне бы не хотелось надолго бросать его в одиночестве.

— Ясное дело. Только богу известно, что может стрястись, когда он один: того и гляди, возродит очередного Тёмного Лорда и разнесёт в пух и прах долины со взгорьями.

Джинни прикусила губу.

— Не смешно!

— А вот Драко бы посмеялся, — заметила Блэз, а её глаза безмолвно добавили «...и ты бы тоже посмеялась каких-нибудь полгода назад»...

* * *

Совершенно раздавленная, Джинни свернулась калачиком в постели. Бархатный полог был задёрнут, её окружала кремешная тьма, в которой чёрными птицами реяли мрачные мысли. Под рукой больше нет «Брюк», чтобы это воронье разогнать, и кровь в ушах шумела неустанным биением их крыльев.

Итак, Блэз с Драко пойдут на свадьбу вместе. Ну и? Едва ли ей пристало жаловаться: с того вечернего разговора в коридоре у Большого Зала Джинни говорила с Драко только однажды, исключительно по причине вежливой необходимости. Она больше не играла никакой роли в его жизни, тем паче в любовной её составляющей. Впрочем, осознание этого ничего не меняло: Джинни ощущала себя тыквой, выпотрошенной к Хэллоуину.

Рука скользнула вверх к медальону, который она по-прежнему носила на шее, пряча под блузкой, чтобы никто-никто не увидел.

«Люблю и надеюсь».

Она вспомнила слова Драко — дескать, всего лишь год, как познал я разницу между ненавистью и любовью. Я ещё такое дитя, тебе нужен кто-то повзрослей... Тот же Финниган.

Тот же Финниган... Мысли перетекли к Симусу: его открытому лицу, синим глазам, его мягкости и заботливости. Драко считал — с Симусом Джинни будет куда спокойней, и в кои-то веки она, пожалуй, была с ним согласна. Что там она думала, чего отчаянно желала на самом деле — всё настолько спуталось, что выпутаться из этого клубка теперь представлялось не-

возможным.

Джинни осознала: в каком-то смысле она действительно стала «как все» — все те девушки, что без умолку трещат о своих парнях, нагоняя тоску на друзей, раздражая знакомых и возмущая родню. Она сама совсем недавно на дух таких не переносила: вот ведь триндят — да какой он потрясающий, да какой милашка, да каких шуточек вчера наговорил... а ежели, не ровен час, парень осмелится улыбнуться другой — заливаются слезами в три ручья и требуют, чтобы он всех девчонок от себя отогнал, да и прочих друзей тоже. И не дай бог такой девице напомнить, как в прошлом году её парень пошёл на Рождественский Бал с Орлой Квирке, упился до положения мантий и оную же — новую, шёлковую — уделал: устроит натуральную истерику, хотя сама в то время вовсю зажигала с тем же Эрни МакМилланом, а нынешнего ухажёра в упор не видела. А уж коли отыщется у него какое-нибудь чахлое романтическое прошлое — всё, пиши пропало. Нет — всё ей, лишь ей одной.

Джинни таких особей ненавидела: зачем врать? Зачем рваться в мир фантазий, если рано или поздно реальность от всей души приложит тебя лбом о землю?

Теперь она знала: иногда ложь нужна, иногда ложь — единственное, во что ты способен поверить. Заводя речь о Симусе, она замечала, как смотрят на неё Элизабет и Блэз, ловила на себе встревоженные взгляды Гермионы и шаг за шагом начинала сочувствовать тем девицам, которые, видать, трещали о своих отношениях отнюдь не по причине суперсовершенства своих романов и романчиков... Как раз наоборот.

...А может, любовь — это просто некая разновидность лжи? — подумала она, таращась во тьму. — И чтобы всё сработало, надо просто в неё поверить. Обоим. А если почему-либо не получается — не помогают ни сила воли, ни чувство вины, ни желание — то, наверное, надо просто зайти с другого бока...

* * *

Гермиона устроилась на подоконнике в гриффиндорской башне, взирая сверху вниз на отделанный серыми камнями зелёный весенний газон, пересечённый то тут, то там тропинками, которые протоптали спешащие на квиддичное поле студенты. По одной из тропинок шагали Гарри и Драко — хотя откуда они казались просто движущимися точками — светлую шевелюру Драко и красный свитер Гарри ни с чем не спутаешь. Погружённые в разговор, юноши шли в сторону замка.

Гермиона обхватила колени, подтянув их к груди. Учебник по Толкованию Снов и Защитным Чарам соскользнул на подоконник. Вечерело. По небу протянулись багряные полосы — первые вестники заката. Скоро Гарри поднимется по лестнице и появится в портретном проёме, распространяя аромат травы, весеннего дня и юности, и они свернутся на диванчике вдвоём, чтобы в чтении и разговорах скоротать время до ужина.

Мысль о Гарри осветила лицо Гермионы робкой улыбкой. Она так и не поняла, как и когда всё вернулось на круги своя — не враз, а постепенно, само собой; сложилось из мелочей: из рук, не расцепленных при входе в класс, из посиделок бок о бок вечером в гриффиндорской гостиной, из безмолвного понимания друг друга... Именно о последнем Гермиона отчаянно тосковала в начале года, когда всё пошло наперекосяк. Рядом с Гарри она была счастлива, и по тому, как, едва завидев подругу, сиял он, понимала, что он испытывает то же самое. Они стали частью друг друга — не в собственническом плане, но в том самом, описанном ещё в древней Песне Песней: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему»...

Подобные мысли вызывали у неё беспокойство — ведь в этой жизни бесплатных пирожных не бывает. Время от времени Гермиона доставала из шкастুলки на ночном столике синее стеклянное колечко, смотрела на трещину посередине, снова прятала и потом сидела

на кровати в раздумьях.

Гарри внизу вдруг остановился и замахал рукой: по парадной лестнице сбегал безошибочно узнаваемый по ярко-рыжей шевелюре и долговязой фигуре Рон. Он махнул рукой куда-то себе за спину, и Гарри, а следом Драко, прибавили шаг.

Кажется, спорят.

Рон. У него, по мнению Гермионы, тоже всё складывалось на редкость удачно, хотя она до смерти боялась пропасти, которая могла разверзнуться между ней, Гарри и Роном после всего случившегося. Однако ничего не произошло — напротив, в каком-то смысле они даже сблизились, будто, предав сожжению тайное недовольство и сокрытые от всеобщих глаз обиды, кои так долго подтачивали их дружбу, получили шанс начать всё заново.

Пожалуй, Рон изменился сильнее остальных. Когда-то такой же импульсивный и порывистый, как сестра, он стал рассудительнее и сдержаннее и теперь часенько сидел, о чём-то размышляя. Как-то раз Гермиона спросила, о чём же, и Рон ответил, что после Румынии понял одно: если постараться, он может заглянуть в будущее невыразимо далеко и увидеть конец света.

— Всего-всего света, — уточнил он, пожевывая кончик пера, — звёзд, планет, галактик. И даже магии. После этого начинаешь смотреть на вещи по-другому.

Кто бы сомневался...

Впрочем, спрашивать, действительно ли он заглядывал настолько далеко, Гермиона не собиралась, потому как попросту не хотела этого знать. Рон же держал новообретённые знания при себе, за что она была ему весьма признательна, хотя время от времени болью растревоженной старой раны и подкатывало желание подойти и спросить.

Меж ней и Гарри тоже существовала тема, которую они не обсуждали и которая не давала ей покоя: что же ждёт их потом, после школы? В день выпуска малфоевские коляски доставят их на церемонию бракосочетания: Гермиону и Гарри, Рона, Драко с Блэз, Джинни... с Симусом, само собой... Далее последуют несколько дней празднеств, а потом... А потом — неизвестность. Будущее простиралась перед ней белым пятном на карте. Если у Гарри и были какие-то планы, Гермиона об этом не знала. Равно не представляла она и как себя по этому поводу вести.

А ещё — она не знала, как он к ней относится.

Внизу, на лестнице, Гарри и Драко простились с Роном, а потом и друг с другом, разойдясь в разные стороны. Рон замер на ступенях — задумчиво? одиноко?.. Через мгновение к нему подошла девушка с рыжими же волосами.

Джинни?

Гермиона как раз собиралась высунуться из окна, когда портьера, за которой она сидела, отодвинулась. Перед оторопевшей девушкой стояла Джинни — явно на взводе. Впрочем, гриффиндорская староста не приняла это близко к сердцу: всё последнее время Джинни ходила с таким видом, будто вот-вот раскричится или разрыдается, и Гермиона была тут совершенно не при чём.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказала Джинни.

...Ага, значит, с Роном был кто-то другой... — озадаченно подумала Гермиона и подвинулась, приглашая подругу присесть.

— О чём?

Джинни помедлила, и во время паузы Гермиона успела отметить, что и жакет-то на девушке застёгнут сикось-накось, и косы, обычно тщательнейшим образом собранные, растрепались, а на правой руке невесты откуда появился подозрительный синяк. К горлу подступила волна сочувствия: в январе Джинни была отчаянно-смелой — такой смелой, что едва уцелела, а в итоге же эта самая отвага её и сломала.

Наконец Джинни открыла рот:

— Хочу, чтобы ты приготовила мне Любовное Зелье, — пряча глаза, сказала она.

Всё сочувствие как ветром сдуло.

— ЧТО я должна для тебя приготовить?!

— Любовное Зелье, — нахмурилась Джинни.

Выронив книгу, Гермиона за руку вздёрнула Джинни на подоконник рядом с собой. Портьера снова отгородила их от мира.

— Это какая-то шутка, да? Успокой меня — признайся, что ты добралась до вина, которое мы приготовили на свадьбу, и напилась.

— Я не пьяна. И отдаю отчёт, о чём прошу.

— Нет, не отдаёшь. Ты вообще соображаешь, насколько безнравственно это зелье? А уж насколько незаконно!..

— Вот только не надо говорить, будто тебя волнует законность, — отрезала Джинни. — Я в курсе насчёт Многосущного Зелья...

— Тогда имелась серьёзная причина!

— Сейчас тоже!

— Джинни, — прошипела Гермиона, изо всех сил стараясь не повысить голоса, — ты не имеешь права пить Драко Малфоя Любовным Зельем, ясно?

Джинни разинула рот, и именно в этот миг портьера вновь отодвинулась. Перед ними возник улыбающийся Гарри, пахнувший, как Гермиона и ожидала, свежей травой.

— А я-то думаю, куда ты подевалась, — обратился он Гермионе. — Что-то замышляете?

Гермиона мысленно взмолилась, чтобы Покровители Влюблённых на небесах посмотрели сквозь пальцы на ложь, которую она собралась произнести: сложно даже предсказать, как отреагирует Гарри на новость про Джинни, Драко и Любовное Зелье. А вдруг у него голова оторвётся и будет, что твой бладжер, летать туда-сюда по гостиной?

— Мы тут наряды обсуждаем. К свадьбе.

— Я буду в чём-нибудь простым и чёрном, — поделился Гарри. — Ну, может, ещё бархотку с жемчугом...

К вящему изумлению Гермионы, Джинни, побагровевшая до корней волос, рассмеялась:

— Какое скудное у тебя воображение. А как насчёт шпилек?.. В этом году актуально.

— Не понимаю, как девочки вообще могут ходить на этих... — охотно подхватил Гарри, но Гермиона его перебила:

— Гарри, — она улыбнулась с ощущением, что лицо предательски трещит по швам, — если можно, нам бы хотелось продолжить разговор с глазу на глаз.

— Да ну? — Гарри приподнял брови.

— Ну да. Не хочу, чтобы ты узнал о моём наряде до торжества.

— Вообще-то это не наша свадьба, так что...

— Такова традиция, — отрезала Гермиона.

— Чушь собачья... — пробурчала Джинни.

Гарри с любопытством посмотрел на неё, только-только разглядев взволнованное выражение лица и румянец.

— Уже слышали, что Драко будет с Блэз? — без всякой подначки поинтересовался он, обращаясь вроде как к обеим, хотя на деле вопрос адресовался именно Джинни.

Щёки той запунцовели сильнее. Но до того, как она успела подобрать слова, Гермиона вскочила и вытолкала Гарри за портьера, в гостиную.

— Честное слово, Гарри, поймей совесть, а? И оставь нас с Джинни, мы разговариваем.

— Как скажешь, — он наклонился, чмокнув её в макушку. — Тогда до ужина, да?

Раздражение Гермионы тут же улетучилось:

— Конечно.

— И если вырядишься на свадьбу в какие-нибудь кошмарные кружавчики — чур, на меня потом не пенять. Я честно пытался предупредить.

— Зато мой наряд будет как раз под стать твоему бирюзовому смокингу, — она отпустила его, и Гарри

отправился по лестнице вверх.

Гермиона перевела дух и вернулась к окну.

Джинни сгорбилась на краешке подоконника, теребя какую-то висящую на шее подвеску. Увидев Гермиону, она отдернула руку и вызывающе вскинула покрасневшее лицо.

— Значит, так: я ничего ему не рассказала. Но дай мне слово немедленно выбросить из головы эту idiotскую идею. Подумай сама: использовать Любовное Зелье — форменное насилие! Ведь тем самым ты лишаешь человека права на собственные желания, отнимаешь у него волю. Это же как Империи — нет, в каком-то смысле даже хуже, поскольку жертва даже не будет знать, что случилось!

— Любовное Зелье не относится к Непростительным, — сдавленно возразила Джинни. — Хотя я с тобой согласна.

— Что... Что значит «согласна»?.. — оторопела Гермиона. — Неужели ты настолько ненавидишь Драко?!

Джинни медленно покачала головой, и рыжие кудри дрогнули — их пронзительный цвет на фоне белизны лица смотрелся почти пугающе.

— А ты ведь и в самом деле подумала, что я опую Драко Любовным Зельем... — она прикусила губу. — Оно не для него.

— Не для Драко?! — окончательно растерялась Гермиона. — Так для кого же?

— Разве это не очевидно? Для меня, разумеется.

* * *

Гарри как раз добрался до двери в спальню, когда что-то пощекотало разум — словно свист или шепоток, только понастойчивей.

Его звал Драко.

Гарри опустил уже занесенную над дверной ручкой ладонь и постарался выкинуть всё из головы.

...Поттер?

...Ага, тут.

...Забыл, что сказал Уизли? Дамблдор хотел с нами поговорить.

...Помню, я просто...

...Слушай, давай-ка сюда, — мысленный голос Драко звучал до странности напряжённо.

Гарри похолодел:

...Всё в порядке?

...Дуй к директору.

Разом позабыв о желании сменить вывоженный в грязи свитер, Гарри прогромыхал вниз по лестнице, пролетел мимо по-прежнему задёрнутого портьерой окна, мимолётно подивившись, что же всё-таки замышляют Джинни с Гермионой — разумеется, он ни на секунду не поверил, будто они говорили о тряпках, — и выскочил за портрет.

— Шкворчащие блинчики, — буркнул он горгулье, и та любезно посторонилась. На полдороге по деревянной лестнице гриффиндорца снова прошиб озноб, в итоге обосновавшись где-то под ложечкой.

Драко давно не говорил в таком тоне. С января.

С января.

Иногда, зажмурившись, он вновь видел опалённые румынские просторы — серую землю за каменным фортом, горные края, уходящие обломанными чёрными зубами за горизонт. От этих воспоминаний тут же начинали ныть от холода и усталости кости, а перед глазами вставал будто залитый полуденным солнцем коридор, где на руках Гермионы лежал Драко, и серебристая кровь текла из уголка его рта. Иногда, во снах, являлись те, кого он убил — вольдемортовы стражи и люди, пришедшие в квартиру Виктора. Он помнил, как потом отмывал руки кипятком, но вот лица их память воспроизводить отказывалась. Однажды Гарри поделился этим с Драко — после обретения противоядия прошло несколько дней, но Малфой, хотя уже совершенно поправился, по настоянию Снейпа ещё находился в лазарете.

Слизеринец, встрепанный, в пижаме, взглянул

на него:

— В аду темно...

— Это ты к чему?

— К тому, что не стоит грузиться по поводу того, чего всё равно не изменишь, Поттер.

— Я убил людей, Малфой.

Глаза Драко вспыхнули.

— Ты — спаситель волшебного мира. Так что роль неугомонной совести оставь кому-нибудь другому.

Лестница застопорилась. Гарри стоял перед кабинетом Дамблдора.

Он толкнул дверь, и то, что недавно холодком сосало под ложечкой, превратилось в здоровенный кусок льда. Дамблдор в кабинете был не один — Люпин и Снейп, мрачнее туч, сидели в креслах по обе стороны от директорского стола. Напротив ссутулился Драко — как всегда, непроницаемый, разве что губы поджал.

— Гарри, — начал Дамблдор, и свет из окна отразился в очках, полностью скрыв глаза, — ты лучше присядь.

Гарри не шевельнулся.

— Что такое? — голос плохо повиновался из-за натившей паники. — Сириус? С ним что-то стряслось?!

— Нет, — выпрямился Драко, — ничего такого, Поттер. Никто не умер.

Гарри перевёл взгляд на Снейпа:

— Это ведь не противоядие, нет? Оно не перестало действовать или типа того?

— Подобное исключено, — сухо отрезал Снейп.

— Ладно тебе, Поттер, это же противоядие, а не экстази. Никто не умер и не при смерти. Даже не кашляет. Расслабься.

— Вот-вот, — мягко подтвердил Люпин. — Давай-ка присядь и послушай директора.

* * *

— Для тебя?! — ахнула Гермиона. — А тебе-то зачем Любовное Зелье?

Джинни вызывающе вздернула подбородок:

— Чтобы влюбиться в Симуса.

— О, — Гермиона почувствовала, как праведное негодование уносится в заоблачные дали. — О.

— Так что никакой это не Империи, — продолжила Джинни, — потому что заколдовать я хочу саму себя и нахожусь при этом в здравом уме, так что никакого выбора себя не лишаю. Это и есть мой выбор. Я и без того уже почти... почти влюблена в него, нужен последний лёгонький толчок...

Чувствуя, как голова идёт кругом, Гермиона откинула чёлку со лба.

— Джинни, — произнесла она наконец насколько могла мягко, — а что, если вы с Симусом не предназначены друг для друга? Ты только задумайся: ведь Любовное Зелье — это навсегда. Потом обратно не отыграешь.

— А я и не хочу ничего отыгрывать.

— Честное слово, Симус бы подобного не одобрил.

Джинни стиснула зубы.

— Ну так и не рассказывай ему.

— Я и не собиралась, просто... Пойми же: задуманное тобой — совершеннейшее безумие. Это незаконно, аморально, опасно...

— Знаешь, почему я пришла к тебе? — перебила Джинни срывающимся голосом. — Знаешь, нет?

— Потому что у меня ладится с зельеварением? — не без язвительности предположила Гермиона и получила в ответ взгляд, безо всяких слов говоривший: она сейчас сморозила отчаянную глупость.

— Нет. Потому что ты одна из немногих, кто знает правду. Знает, что произошло с Симусом и насколько я в этом — во всём — виновата: и Liber-Damnatis в прошлом забыла, и Тома возродила... Том бы не вселился в Симуса, если б не я...

— ...и не освободился бы от него, — закончила

Гермиона. — Ты сделала всё, что могла. Ты его спасла. Вернула.

— Куда вернула-то? — горько огрызнулась Джинни. — К кошмарам, к ужасам, к истязавшей его вине?.. Он не убивал тех людей, однако чувствует себя так, будто это его рук дело! И я, я во всём виновата — но, тем не менее, не меня мучают воспоминания о том, как умирали они, истекая кровью...

— Они были негодяями, Джинни.

— Убийство остаётся убийством, — возразила Джинни, и Гермиона промолчала, потому что крыть было нечем. Джинни качнулась вперёд, и закатное солнце залило её розовым сиянием, подсветив бледное лицо и окропив золотом медные волосы. — Лишь мне известно, через что прошёл Симус. Лишь я способна ему помочь. Лишь я у него в таком долгу. Всё верно — он не захочет, чтобы я приносила себя в жертву. Но если я выпью Любовного Зелья, никакой жертвы не будет — я останусь с ним по собственной воле. Счастливая.

Гермиона прильнула щекой к прохладному стеклу.

— Меня волнует один момент, Джинни... Зелье понадобилось тебе только для того, чтобы влюбиться в Симуса? Не для того, чтобы разлюбить Драко Малфоя?

Джинни словно пощёчину получила — судя по виду, подобного вопроса она и ожидала.

— Я думала об этом, — в итоге ответила она. — Но, насколько мне известно, не существует магии, способной заставить разлюбить...

— Именно, — вспоминая собственный опыт, подтвердила Гермиона: Любовное Зелье истязало её, раздирая напополам, словно орудие средневекового палача. Вынуждая её любить Драко, оно никуда не девало любовь к Гарри. — Это вроде заклинания потери веса или повышения интеллекта: они ведь так толком и не работают.

— Да если б такое заклинание и существовало, я бы им всё равно не воспользовалась. Любовь к Драко — часть меня, которой я не хочу лишаться. Наверное, она поблекнет со временем, но хоть память останется...

Гермиона открыла рот и закрыла его, в очередной раз подумав, что Джинни живёт в мире, где правит её собственная логика, и спорить с ней бесполезно.

— А, ладно, — вдруг дёрнулась Джинни. — Вижу, ты помогать не собираешься. Если честно, я так и думала.

— Но это же полный бред. Сама ведь понимаешь.

— То же самое ты первым делом заявила, когда я собралась в прошлое за противоядием для Драко. И всё получилось.

На миг Гермиона опешила.

...Но тогда была отчаянная ситуация, — хотелось сказать ей.

Драко бы умер, не отправься Джинни тогда в прошлое. Однако теперешняя ситуация в глазах Джинни тоже была отчаянной. Но даже эта мысль не смягчала боль, рождающуюся в груди при виде несчастного лица подруги и синих кругов под её глазами.

— Я подумаю.

— Ну-ну, — отозвалась Джинни. — В любом случае — спасибо, что выслушала, — она помедлила. — Если я добуду Зелье в другом месте, пообещай не вмешиваться.

— Джинни...

— Ладно! — стиснув кулаки, та соскочила с подоконника. — Забудь о моей просьбе.

Гермиона провела рукой по лицу.

— Ты хоть осознаешь, что если преуспеешь в своём сумасшедшем деле, это положит конец всему между тобой и Драко — навсегда?

Джинни вскинула на неё тлеющие глаза:

— Кому как не тебе знать — невозможно лишиться того, что ты никогда не имел, — и нырнула меж портьер.

Гермиона услышала какой-то невнятный возглас —

ушибла ногу? — потом топот и поднимающиеся по лестнице шаги...

Она уткнулась в ладони, покачиваясь на волнах охватившей её темноты.

...Я не ради тебя спросила, — мысленно призналась Гермиона, — а ради Драко. «Навсегда» — это слишком долго даже для Малфоев.

Когда она с тяжеленным фолиантом вышла из-за портьеры, то поняла причину заполошного возгласа Джинни: посреди гостиной невеста откуда взявшимся плнём торчал Гарри, безмолвный и совершенно неподвижный. Гермиона сама с трудом удержалась от вскрика.

— Гарри?! Я думала, ты... — он повернулся, и она осеклась: лицо Гарри было пустым, а зелёные глаза — куда темнее, чем обычно. — Гарри... — уже настоящему встревоженно повторила она и шагнула к нему. — Что с тобой?..

Он смотрел куда-то сквозь неё, в никуда:

— Я только от Дамблдора. Он...

— Что — он? Что он сказал? Всё нормально? Что-то с Сириусом?..

Гарри неожиданно фыркнул.

— Вот-вот, я тоже первым делом об этом спросил. Нет, не угадала. Все живы, — он взъерошил упавшие на лоб волосы. — Да нет, я зря так гружусь. Ерунда.

— Какая ерунда?

— Потом расскажу. Сейчас надо написать Сириусу, уточнить, во сколько нас завтра заберут. Он пришлёт кареты, — Гарри протянул руку и быстрым жестом погладил её по щеке. — Мне нужно немного подумать, ага?

— Ладно, — Гермиона не хотела тянуть его за язык и хотя чувствовала смутное беспокойство в груди, без звука проводила взглядом его нырнувшую в портретный проём фигуру.

Теперь Гарри научился хранить молчание, однако по-прежнему старался улизнуть, когда чувствовал себя несчастным: точь-в-точь прячущийся под крыльцом раненый кот.

...И потом, у меня же не отвалится голова, если я сама подумаю, — Гермиона прикинула, не прогуляться ли напоследок к озеру. Почему бы не сейчас? Ей наверняка никто не помешает... В кресле лежала шаль — подарок Драко на Рождество; Гермиона оставила книгу, укутала плечи и пошла следом за Гарри — из башни и вниз по лестнице.

Сияние заката превратило озеро в рубиновое зеркало, пронзённое отблесками молочно-розового и кроваво-алого. Гермиона шла по узкой тропинке вдоль озера. Под ногами шушукалась о чём-то трава, воздух дышал прохладой: в горах, где был расположен Хогвартс, зима подолгу не желала уступать место весне, дотягиваясь своими холодными лапами до мая и даже начала июня.

Гермиона помнила, как совсем недавно озеро было ледяным полотнищем, окружённым ободранными догола деревьями — садом скелетов... И как стояла она на ступенях присыпанной снегом — будто засахаренной — школьной лестницы, вместе с Джинни дожидаясь возвращения мальчишек из Хогсмиды. И как поднимался на холм Драко, неся Гарри, в припадке жалости к самому себе упившегося до бесчувствия... Какими же несчастными все они были тогда — пусть по разным причинам, — и каждый забился в свою собственную конурку отчаяния.

Теперь всё утряслось.

Правда?..

Она поднырнула под нависшую над тропинкой ветку, задела её плечом, засыпав всё вокруг источающими яблочный аромат лепестками, и стала нетерпеливо вы-

тряхивать их из волос.

— А вот это ты зря, — протяжно заметил кто-то за её спиной. Не будь голос таким выверенным, слова бы прозвучали нечленораздельно. Гермиона резко развернулась — на самом берегу, практически обмакнув ботинки в воду, в траве разлёгся Драко. Закинув правую руку за голову, он задумчиво разглядывал блекнущие небеса из-под полуопущенных век. Левая рука описала ленивый круг. — Было вполне так симпатичненько... ну, розовые лепестки в твоих локонах, которые... как этот цвет, бишь...

— ...каштановый? — подсказала Гермиона. — Ты пьян, Драко?

Он перевернулся на живот. В волосах запутались листья.

— Может, и пьян. Самую чуточку.

— Добрался до Архенского вина, да? Оно же в подарок Сириусу!

— Ну, глотнул разок, — признался Драко. — Будь спок — мой будущий отчим не станет возражать. Подзреваю, он даже не заметит.

Гермиона подбоченилась:

— Ты его откупорил, да? — Драко задумался, после чего вынужден был признать, что — да, скорее всего, именно это он и сделал. — Отлично. С тебя десять галлеонов — это мой взнос в подарок, — она присела на траву рядом и уставилась на озеро. — Пьёшь перед ужином... Ну-ну. Дурной знак.

— Если честно, предпочитаю пить *во время* ужина, однако Дамблдор считает — не стоит учить плохому невинных первогодков.

— Честное слово, Драко, что за глупости!

— Вот-вот, полностью с тобой согласен — какая, к чёрту, невинность в первом-то классе! Захожу я, понимаешь, на днях в гостиную — и что вижу? Эрментруда Брэддок с толпой мальчишек-первокурсников натрескались Лимонных Шипелок-Взлеталок! Пришлось цеплять их зонтиками, и всё равно — следующие шесть часов они у нас реяли воздушными змеями. В общем, ты меня понимаешь.

— Сомневаюсь... — Гермиона погрузила пальцы в травяную прохладу, нашла и сорвала опушившийся одуванчик. — Говоря о глупостях, я имела в виду совершенно другое: глупо напиваться и страдать у озера. Рассказывай, что происходит?

— В общем-то, — Драко взглянул на неё из-под ресниц, — ничего.

— Прекрати, — потребовала Гермиона. — И перестань на меня так смотреть.

— Как — так?

— Сам знаешь, — буркнула она. — Итак, это связано с Джинни?

Драко сел, вытряхнул травинки из волос. Глаза превратились в серебристые полумесяцы.

— Нет. Не связано.

— Знаешь, она на свадьбе будет с Симу...

— Разумеется, знаю. Она, похоже, считает, что с него нельзя спускать глаз — а ну как прозеваешь Возрождение Великого Зла!..

Гермиона хихикнула.

— Чего?

— Нет-нет, ничего, просто подумала: вот ты так старался встать на путь истинный... А Джинни дала тебе полную отставку — и почему, спрашивается? Да потому, что сам ты и не зло вовсе. По сравнению с Симусом. Хотя потенциал у тебя имеется, — добавила она, чувствуя укол совести: как ни крути, Симус тоже считался её другом, и то, что с ним случилось, — просто ужасно.

— О, как смешно, — мрачно кивнул Драко. — Кстати, никто не отправлял меня в отставку: она всегда была с Картонным Капитаном — за исключением краткого мига, когда он пытался выкосить всю Англию под корень.

— Не пытался.

— Ладно, не всю. Но пытался. Короче, если ей вместо меня по душе тупоголовые парнокопытные

пудинги, напигованные тестостероном, то это уже проблемы её дурного вкуса.

— Признаться, я-то полагала, — задумчиво заметила Гермиона, — что она искала как раз полную твою противоположность.

— Значит, преуспела. Я — гений, а у него мозгов не больше, чем у бурых водорослей. Я — красавец, а он — уродливый громила...

— А вот это уже нечестно, Драко.

— Договорились — он не виноват, что рожей не вышел. Тут все вопросы к его матушке, троллю и бармену, который им наливал.

— Нечестно оскорблять его, вот что! Никто Джинни против воли не умыкал. И вообще — ты, насколько мне известно, собрался на свадьбу с Блэз.

Драко пожал плечами:

— Почему, собственно, нет? Какие-то возражения? Мне Блэз нравится, мы с ней хорошие друзья.

Гермиона бросила на него косой взгляд:

— Значит, и Блэз, и Джинни, и всё-что-там-есть-остальное — не то, из-за чего ты напился?

— Нет, — твёрдо отозвался он.

— Отлично. Прости, что поторопилась с умозаключениями, — она протянула Драко одуванчик. — Загадаешь желание?

— Не верю я в желания, — пожал он плечами, но всё же дунул, взметнув в пространство меж ними облако белых парашютиков, зашекотавших Гермионе нос.

— Сбудется, — заверила она, взглянув на голый зелёный стебелёк, и отшвырнула его в сторону.

— Говорю же, — Драко поднялся, — я не верю в эту вашу сбычу мечт, — он протянул ей руку. — Пройдёмся?

— А что не так в мечтах? — Гермиона позволила поднять себя на ноги и тут же спрятала ладони в карманы: пальцы замёрзли. Над узкой тропкой, петлявшей меж деревьев вокруг озера, сгустился вечер, пронизанный то тут, то там отблесками закатного солнца, которое подсвечивало розовым загорелую кожу Драко, вспыхивало яркими — будто металлическими — прядями в волосах.

— Вот какое у тебя желание? — спросил он, смотря не на Гермиону, а куда-то за деревья, на озеро.

...Моё желание... — подумала она. — Хочу знать, что нас с Гарри ждёт после школы. Хочу узнать, что с нами станется. Хочу узнать, как сказать ему то, что должна... Ах, если б только я не любила его так сильно... Временами даже хочется, чтобы мы и вовсе не встретились.

— Хочу научиться танцевать, — вместо этого сказала Гермиона. — Я тут почитала про всякие замороженные танцы, положенные на грандиозных волшебных свадьбах, и выяснила, что совершенно невежественна. Наверняка оттопчу Гарри все ноги.

Драко рассмеялся:

— Так это ж просто! — они как раз добрались до небольшой полянки, и он, развернувшись, предложил Гермионе руку. — Могу помочь.

Она не вытасила кулаки из карманов:

— А я думала, ты не любишь танцевать...

— Не люблю. Но умею.

— И насколько хорошо? — поддразнила Гермиона. Дунул холодный ветер, и её пробила дрожь.

— Коль скоро отец лупил меня до тех пор, пока я не отточил своё мастерство, могу заверить, что хорошо.

Гермиона ахнула.

— Драко, я... — начала она и осеклась при виде его ухмылки. — Честное слово, ты такой негодяй!..

— Ну же!

В этот раз она подала ему ладонь. Пальцы Драко были тёплыми, особенно по контрасту с её, ледяными — Гермиону до сих пор трясло от холода.

— Ноги вот так... Ага, верно... Теперь внимательно повторй за мной.

Малфой оказался отличным танцором, что отнюдь

не удивляло: не будь он в чём-то действительно хорош, Драко никогда бы так не заявил. Следовать за ним было легко. Трава шелестела под её ногами, ветер бросал волосы в лицо, шептались над головами деревья на своём, только им понятном языке. Однако Гермионе показалось, что их шёпот звучит удивлённо. И, пожалуй, неодобрительно.

Как приятно тепло его рук...

Её щёки вспыхнули, и холодный ветер остудил их своим поцелуем.

— Теперь — самое сложное, — сообщил Драко, разворачивая Гермиону спиной к себе, руки на её плечах. Она чувствовала его пальцы сквозь тонкий свитерок. Вот левая рука коснулась её шеи. — Вытяни руку назад...

Гермиона резко развернулась.

— Довольно. Теперь признавайся, почему ты напился. Или больше никаких танцев.

Свет заискрился в серых глубинах глаз Малфоя.

— Почему тебе так хочется это узнать?

— Потому что перед прогулкой я видела Гарри — его словно поленом по голове огрели. А ну, отвечай: у вас с ним одно полено на двоих?

Сияние в его глазах поблекло.

— Он... Но у Дамблдора он держал себя в руках... Кто бы мог подумать, что...

— Ты можешь просто сказать? — её голос прозвучал резче, чем ей хотелось бы. — Я имею в виду — что с ним.

Драко то ли застонал, то ли вздохнул и выпустил Гермиону. Сел на валун и невидяще уставился на озеро.

— О нет, только не начинай снова, — она устроилась рядом, глядя на него со смесью раздражения и сочувствия. — Ну? Что вам Дамблдор наговорил?

Драко смотрел на неё искоса понимающим взглядом: он прекрасно знал, что она не отстанет, пока не выяснит правду, и часть его этому радовалась, хотя другую часть это раздражало.

— Помнишь, как мы с Гарри выпили Многогусьного Зелья и превратились друг в друга?

— Думаю, смогу напрячься и припомнить дела столь давно минувших дней, — сухо кивнула Гермиона.

— Значит, помнишь, что это продлилось намного дольше, чем было запланировано?

— Ну да. Вроде бы Дамблдор объяснил это вашими способностями магидов.

Драко не ответил прямо:

— И, если ты помнишь, мы выяснили один из побочных эффектов — умение разговаривать друг с другом без слов... ну вроде как чувствовать друг друга.

— Да-да, телепатические узы.

— Вот. Они самые, — он подобрал веточку, с которой начал методично обдирать листья. — Словом, выяснилось, что Дамблдор сказал тогда не всю правду.

— Как понять — не всю? Он солгал?

Драко тихо хмыкнул.

— Блин, я вообще временами сомневаюсь, что этот старпёр когда-нибудь говорит всё как есть, — ещё несколько листьев упали на землю, древесный сок, будто кровь, выступил на коре. — В общем, похоже, Дамблдор со Снейпом не слишком-то верили в наши магидские силы, так что слегка им, так сказать, поспособствовали, чтобы уж наверняка. И вот — вуаля! — перед вами телепатически сплочённая, непобедимая команда борцов с Вольдемортом.

— Но... зачем?! — ахнула Гермиона. — Почему ты?! Зачем им это понадобилось?!

— Кто ж ещё! Нужен был именно магид — сама понимаешь, вы с Уизли отпали сразу. Может, они и к Флёр примеривались, но потом отказались — у неё семь пятниц на неделе. А единственным, кроме Гарри, магидом в школе оказался именно я.

— Я всё ещё не понимаю...

— Думаю, им требовался человек, который пошёл бы за Гарри куда угодно и был бы готов умереть, за-

щищая до самого конца. Он-то у нас ведь на вес золота. Был. Пророчество, опять же: никто другой не может убить Вольдеморта. И потом — кто не знает Гарри? Он же перед финальной битвой сам кинется вперёд в одиночку, лишь бы не подставлять друзей... Так что пришлось подсовывать того, от кого бы он не сбежал.

— Но ведь вы... вы же ненавидели друг друга! Презирали! Ты же последний человек, с которым Гарри бы...

— Да какая разница, — странным, неживым голосом откликнулся Драко. — После сделанного с нами мы уже не могли друг друга ненавидеть... Думаю, перед нами встала непростая дилемма, когда они обнаружили отсутствие в школе других магидов, кроме меня. С одной стороны, весьма кстати пришлось мои навыки в области Тёмных Искусств и оружия, но с другой — а где гарантия моей лояльности? — Драко кинул облысевшую веточку, и та с тихим плеском упала в воду. — Не хватало уверенности, что для меня безопасность Гарри окажется столь же важна, как и собственная. Им нужно было связать нас. Намертво.

— ...и они создали вам одну душу, — вспоминая кое-что, пробормотала Гермиона. — В двух телах.

— Но осталось недолго.

— В смысле?

— Эксперимент превзошёл все ожидания, однако оставался экспериментом. И на всякий случай под рукой был Снейп с противоядием, при помощи которого мы бы снова стали прежними.

— Прежними? Погоди, но ведь и так всё неплохо вышло: если им нужна была неразделимая команда, они её получили. А то, что узы между вами создала магия, не делает их менее реальными.

— Пока да. Но сделает, когда на следующей неделе Снейп даст нам противоядие.

Гермиона вытаращила глаза. Её лицо онемело, и не только от холода.

— Ч...что?!

— Противоядие. Зелье, отменяющее эффект предыдущего. Так-то вот. И всё — завязываем с этой мысленной болтовнёй. Снова станем нормальными.

— Но я... Ты действительно этого хочешь?

— А кого интересуют мои желания? Судя по налётам Дамблдора, они вообще не предвидели настолько сильный эффект. А если нельзя предсказать исход опыта, то самое безопасное — прервать его. И вообще, старый хрыч тянул так долго лишь для того, чтобы не портить нам конец учёбы.

— А что Гарри?

— Гарри-то? «Отлично, — говорит, — и когда?»

— Он даже не разозлился?! — не поверила Гермиона.

Драко дотянулся до очередной веточки и начал её обдирать.

— Может, и разозлился. Но, кажется, уже привык, что благо волшебного мира нужно ставить вперёд собственной жизни. Хех. Чёрт, да и я тоже.

— Драко, они тебя не заставят, ты можешь сказать, что...

Малфой повернулся и посмотрел на неё с прохладным презрением:

— Ты действительно думаешь, будто я откажусь от противоядия, тогда как Гарри хочет его принять?

— Да не хочет он, не хочет!

— А ты? — задумчиво спросил Драко. Гермиона не ответила. — Я не могу винить его за такое решение. Он наверняка здорово устал.

— От чего устал?

Драко поднялся. Солнце уже село, но озеро собрало все остатки дневного света и мерцало отполированным зеркалом.

— От всех нас.

...Вовсе он не устал, — запротестовал её внутренний голосок, но Гермиона не стала возражать вслух, поскольку Драко, при всех его заморочках и выкрутасах, имел потрясающее чутьё на неприятную правду, зрил в корень, когда дело касалось других лю-

дей. Гермиона подумала о вопросах, так и не прояснённых между ней и Гарри, и снова содрогнулась.

— Ты знаешь, что он собирается делать после окончания школы? — в лоб спросила она.

Драко повернулся, и она заметила его недоумение по чуть изменившейся линии рта, хотя голос ничем не выдал хозяина:

— Нет. Не знаю.

— А ты?

— Собираюсь отправиться в путешествие, — легко, как-то слишком легко отозвался он. Выверенный, отполированный, голос звучал фальшиво. — Я тут чуть не помер, так что вдруг задумался о вещах, которые никогда не делал. Вот и решил посмотреть мир. Может, с годик или типа того.

— Ясно... — у неё кольнуло сердце. — А поближе к дому ничего подходящего для просмотра нашлось?

Улыбка Драко стала отчётливой и заметно глумливой.

— О! Есть предложения?

— Ладно, забудь, — Гермиона стрельнула в него сердитым взглядом и, чтобы согреться, обняла себя за плечи.

Теперь Драко был само раскаяние.

— Ты дрожишь. Возвращаемся?

Гермиона полузакрывает глаза. Поблёскивало серебристым полумесяцем озеро, сплетались, вздымаясь ярусами церковных хоров, ветви — влажные, чёрно-зелёные, расцвеченные розовыми осколками свежераспустившихся цветов; над головой разлился насыщенный кобальт неба... И вдруг Гермиона отчётливо осознала: больше ей так никогда не сидеть и не провожать заходящее за Запретный Лес солнце, воспламеняющее своим прикосновением верхушки деревьев. Она-то полагала, что разделит это мгновение с Гарри... однако вещи не всегда идут так, как хотелось бы.

— Нам никогда не вернуться, — пробормотала она. — Никогда.

Драко приподнял бровь. С озера дунул ветер, отбросив с его лица серебристую завесу волос.

— Что ты сказала?

Она поднялась, стряхнула с юбки листья и влажные лепестки.

— Нет-нет, ничего...

* * *

У Джинни заурчало в животе. Она лежала на кровати за задёрнутым пологом, коря себя за непредусмотрительность: стоило захватить хотя бы бисквитиков, ну или же, на худой конец, чипсов, коль скоро она решила не спускаться на ужин. Этот вечер был последним в стенах Хогвартса, и, как водится, в Большом Зале царила предпраздничная атмосфера, к которой Джинни не желала иметь никакого отношения. Будто её волнует, какой из факультетов выиграл Кубок по квиддичу или набрал максимальное количество баллов!

Она обняла себя поперёк живота и вздохнула. Вечно она от расстройства поест забываешь — так и до своих январских размеров усохнуть недолго. Разумеется, в бочку превращаться тоже не хотелось, но Джинни куда больше нравился собственный вид, когда и грудь не проваливалась, и торчащие рёбра не навевали ассоциаций с ксилофоном.

Мысли потекли в сторону платья, лежащего поверх прочих вещей в сундуке в ожидании мига, когда она наденет его на свадьбу. С выбором помогла Блэз: шёлк, алый-алый шёлк — пылающий, как раскалённый кончик кочерги. Джинни всегда считала, будто рыжим красный не к лицу, и сказала об этом, а Блэз ответила — не стоит-де верить всему, что печатается в «Юной Ведьме». Слизеринка хотела её развеселить, но «Юная Ведьма» лишь напомнила Джинни о Драко — как, сидя на камне у драконьего лагеря Чарли, расска-

зал он ей о своих снах. Правда, рассказал в вечной своей манере — так, что она решила, будто он шутит.

...Интересно, почему мысль о нём, как огонь, испепеляет все прочие?.. И почему я так долго не уставала от этих вопросов и криков, на которые никто никогда не отвечал и не откликался?..

Полог вокруг кровати зашуршал, и Джинни рывком села, зачем-то выставив перед собой подушку:

— Кто тут? Элизабет?

— Нет, — решительная рука раздёрнула занавеси. Гермиона. С листьями в волосах. Румяная. — Это я.

— Угу, — Джинни прижала подушку к себе. — Явилась читать лекции о моей предвзятости и непотребных идеях?

— Опять нет, — гриффиндорская староста протянула вторую руку, в которой держала серебряную фляжку с рисунком из змей по горлышку. — Пришла отдать тебе это.

Джинни почувствовала, как её глаза натурально лезут на лоб:

— Что это?

Гермиона нахмурилась.

— Тут, правда, осталось всего на глоток, но тебе хватит. Однако помни: эффект длится в течение получаса, так что постарайся уж, чтобы первым, кого ты увидела, был твой чёртов Симус... Только смерть может прекратить действие зелья, и что до меня, я чертовски не хочу повторить свой былой опыт, — Гермиона ткнула фляжку ей в руки: — Бери.

Дважды повторять не потребовалось. Джиннихватила сосуд из пальцев Гермионы.

— Это точно Любовное Зелье?

— Точно.

— Надо же, как быстро ты его сделала...

Глаза Гермионы блеснули.

— Просто знала, где его добыть. И фляжку я взяла без ведома хозяина, поэтому припрятать подальше.

— Не думала, что ты...

— Я тоже, — отрезала Гермиона. — Вот и не заставляй меня сожалеть о моём поступке.

Рывок — и она задёрнула полог, оставив онемевшую от удивления Джинни в темноте и одиночестве.

* * *

И вот Джинни сидела в обитой бархатом малфоевской коляске напротив Симуса. На коленях — серебряная фляжка с Любовным Зельем. Если выглянуть в окно, будет видно толпу студентов, стекающую по лестнице на газон, а у дверей — Дамблдора, Макгонагалл и других профессоров. Учителя махали и улыбались.

Гарри, Гермиона, Рон и даже Драко толкались среди остальных — провожались. Джинни, конечно, могла к ним присоединиться, но ей не хотелось — как ни крути, она-то на следующий год вернётся. Гарри, Рон и Гермиона всё утро болтались по замку, прощаясь со знакомыми и любимыми уголками, или — как в случае со снежповскими подземельями — с местами знакомыми и ненавистными.

Джинни понимала их чувства, но в душе её сейчас доминировало усталое нетерпение: сколько ж можно-то?.. И вообще, вернуться в школу, где больше нет лучших друзей, куда хуже, чем вовсе не возвращаться. Но кто её сейчас послушает, в этом-то приступе псевдоностальгии по месту, о котором, на деле, пока ещё не скучаешь... Продавайся в Хогвартсе сувениры — хоть чайные полотенца! — выпускники бы, само собой, сейчас размахивали ими, как флагами.

Симус чувств однокурсников не разделял. Он, устало опустив ресницы, съёжился на противоположной скамье коляски. Тень легла на его лицо, но, почувствовав взгляд Джинни, он посмотрел на неё тёмно-синими, почти фиалковыми глазами.

— Тебе лучше? — спросил он.

Джинни чуть было не забыла, что накануне вечером послала ему сову с запиской — мол, она неважно

себя чувствует и на ужин не придёт.

— Да-да, гораздо лучше.

Симус улыбнулся и — как всегда, когда улыбался, — снова стал самим собой. Он качнулся вперёд:

— Ждешь-не дождешься свадьбы?

— Ага, — Джинни с немалым удивлением поняла, что говорит чистую правду. — Повеселимся.

— А потом...

— ...поедем в Ирландию к твоим родителям. Я помню, — она старательно прятала раздражение.

Эпилог. Часть вторая. И той любви конца и края нет...

— Ну-с, — Драко подался вперёд и облокотился на колени, — у нас имеются три часа дороги, скука и очень плотные занавески на окнах. Как насчёт...

Блэз, поглядывающая в окно на экипаж позади, в котором ехали Гарри, Гермиона и Рон, задёрнула штору и устремила на него строгий взгляд:

— И не надейся, я тут с тобой кувыркаться не собираюсь. И не важно, чем закончится вечеринка, я всё равно с тобой спать не стану. Мы друзья — и только.

Драко улыбнулся, чуть заметно приподняв уголки губ:

— Полагаю, не стоит козырять, что я чуть не умер?

— Да сколько угодно, только тогда не обессудь, если и я козырну, напомнив, как чуть не залетела.

Драко откинулся на спинку и забросил длинные ноги на противоположное сиденье, рядом с Блэз.

— Давно ли ты такая скромница? — поинтересовался он. — А помнишь — тогда, в раздевалке, после победы над Хаффлпаффом?..

— Какой именно победы над Хаффлпаффом? — рассеяно уточнила она.

— После всех трёх, если память мне не изменяет, — пояснил Драко. — Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось...

Блэз всплеснула руками:

— Слушай, может, хватит? Право слово, Драко, знай я, что ты будешь так себя вести, вообще бы не пошла с тобой на свадьбу.

— Пошла бы. Знаешь, что ты любишь больше, чем крутые вечеринки? Являться на эти вечеринки с самым красивым парнем из всех присутствующих. Я смог обеспечить тебе и то, и другое. А что скажешь насчёт платья?

Она не сумела удержать улыбку:

— Потрясающее. Никогда не видела такого алого оттенка, — она поглядывала на него в полумраке — сейчас, кабы не длина волос, её запросто можно было бы спутать с Джинни. Может, затем она и подстриглась?.. — Знаешь, мне вот любопытно...

— Что именно?

— ...а не связано ли всё это с Джинни?.. И то, что ты пошёл на свадьбу именно со мной, и платье...

Он приподнял брови.

— Если пытаешься заставить её поревновать, — продолжила Блэз, — то ничего не выйдет.

— Значит, когда я общаюсь с тобой по-людски, ты сразу начинаешь воображать себя зубчиком в шестерёнке моих великих и коварных замыслов? Пожалуй, тебе не мешает поработать над самооценкой, дражайшая Блэз.

Она даже не моргнула:

— Ты не нуждался во мне, когда я была рядом. Не нужна я тебе и теперь.

— Я...

— Ты меня не любишь, — отрезала она.

— Эта лазероподобная пронизательность начинает действовать мне на нервы, — убирая ноги с подушек, сообщил Драко. — Ну-с, и чем предлагаешь заняться в ближайшие часы? Несомненно, у нас богатый выбор полезных для здоровья увеселений.

— Можем побеседовать. Это нам всегда особенно

— Я не видел... не видел их с тех самых пор, как всё случилось... — он глубоко вздохнул. — Ты нужна мне там.

— Я там буду.

— Если, конечно... — он потянулся и сжал её пальцы. — Если, конечно, тебя это не расстроит. Я хочу, чтобы ты была счастлива — только и всего...

Джинни оставила свою ладонь в его. Вторая рука крепко стиснула горлышко серебряной фляжки.

— Не беспокойся. Буду.

удавалось. Байки, шутки...

— Сколько же нужно хаффлпафцев, чтобы завернуть одну лампочку? — изучая свои безупречные ногти, подхватил Драко.

— Что-что завернуть?

— Лампочку. Такая маггловская штукавина для освещения. Чтобы она заработала, нужно её вернуть. Да ладно — признавайся, что не знаешь.

— Не знаю.

— Весь факультет, — сказал он. — Один будет вворачивать, остальные обеспечат моральную поддержку. А сколько для этого же нужно гриффиндорцев?

Блэз снова отодвинула штору и выглянула в окно:

— Понятия не имею.

— Три. Лампочкой займётся Гарри, а Гермиона с Роном будут стоять рядом и твердить, чтобы он был осторожен. Ну-с, а сколько же для этого потребуется слизеринцев?

— Господи, эк тебя... Не знаю.

— Нисколько, — он дотянулся и задёрнул занавеску. Она почувствовала прикосновение пальцев, сначала крепко сжавших запястье, потом очертивших его нежным прикосновением. Пряный запах одеколона пощекотал нос. — Нам нравится в темноте...

* * *

Когда кареты прибыли в Имение, солнце уже садилось. К бракосочетанию Нарцисса украсила дом тысячами парящих в воздухе осветительных чар, превративших его в сказочный замок — от сада, перевитого лентами света, до возносящихся в поднебесье башен. Джинни почувствовала легкую дрожь, сделав шаг из экипажа и подняв взгляд, — сразу нахлынули воспоминания, как на одной из этих самых башен Люциус заточил Драко с Гарри — горькой-горькой зимней ночью, когда морозным сахаром хрустит-похрустывает снег.

— О чём задумалась? — поинтересовался рядом с ней Симус.

От ответа её избавил треск гравия — подкатили другие коляски. Из первой вывалились Гарри, Рон и Гермиона, из второй — Блэз и слегка взъерошенный Драко, который подал своей спутнице руку. Блэз помощь проигнорировала и — вся красная — прошла мимо него напрямик к Джинни.

— Какая там духота... — обмахиваясь унизанной кольцами рукой, сообщила она. — В вашей тоже было жарко?

— Да нет, — ответила Джинни.

Симус молча ел слизеринку глазами, и Блэз это не понравилось:

— Знаешь, этот твой пронзающий миры и расстояния Взгляд Зла действует мне на нервы. Полагаю, тебе стоит быть в курсе.

— А может, у тебя охлаждающие чары поломались? — всё так же пялясь на неё, предположил он.

— Господи ты боже мой... Теперь-то ты специально тарашься, верно?

— Может, и так, — признался Симус.

Уголок рта Джинни дернулся. Она невольно порадовалась: надо же, в кои-то веки Симус заставил её

улыбнуться!

— Наконец-то! — ликующе донеслось с верхней площадки лестницы — там стояла Нарцисса в роскошной весенней мантии какого-то игристого оттенка розового, который вызвал у Джинни жгучую зависть. Ей всю жизнь хотелось носить розовый, но увы — в нём у неё был вид ошпаренного поросёнка. Позади Нарциссы появились Сириус с Ремусом — оба улыбающиеся; начались объятия-приветствия-«не хотите ли освежиться?»... Багаж уплыл в соответствующие комнаты.

Предоставленные Джинни апартаменты были, видимо, тщательно обставлены Нарциссой уже после Люциуса: жёлтые стены и бледно-зелёное пуховое одеяло заставляли ощутить себя словно в цветке — как-то очень не по-малфоевски. Она стянула дорожную мантию, переодевшись в лёгкое платье и босоножки, миномходом глянула на себя в зеркало и сразу отвернулась: господи, до чего усталый вид! Из кармана валяющейся на кровати дорожной одежды она вытащила фляжку с Любовным Зельем и осторожно пристроила на прикроватный столик. Свет, льющийся в окно, тут же превратил её в искрящуюся драгоценность — яркую, как все пустые обещания...

* * *

Сириус решил, что без мальчишника никак нельзя, — ничего грандиозного, просто несколько друзей в «Холодном Рождестве», — а потому пригласил Ремуса, Гарри с Драко, само собой, Рона со всем остальным уизливским выводком мужского пола. Рон, однако, явился в одиночестве: прочие собирались прибыть в Имение только завтра. Симуса тоже позвали — скорее, из сострадания; к облегчению Драко, приглашение было отклонено.

Они сидели за длинным деревянным столом и пили эль вперемешку с вязовым вином, слушая неприличные истории о прошлом Сириуса в исполнении Люпина. Как тот по ошибке одновременно назначил свидание в ванной старосте двум барышням — приглашая вторую, просто позабыл про первую. Девушки были настолько возмущены, что связали его — голым — зубочистными Нитями и оставили на милость домашних эльфов.

— Я не был голым, — поправил Сириус, когда стол взорвался хохотом, — на мне оставались носки.

— Три штуки, если я всё правильно помню, — заметил Люпин.

— Не понимаю, о чём ты, — сказал Сириус. — Абсолютно.

— Должно быть, те девушки на тебя крепко разозлились, — впечатлился Гарри, сам побаивавшийся бушующих женщин: что Гермиона, что Джинни в запале гнева могли напугать кого угодно.

— И меркнет ад пред женщинами, коим предложили сообразить на троих в ванной старосте... Только не думайте, будто я сужу по личному опыту, — тут же добавил Драко. — Мои соболезнования по поводу небрежного планирования.

— Знакомая песня, — заявил Рон, взмахнув опустевшей кружкой, словно знаменем. — Нечто подобное я уже слышал.

— Не «Подводное Волшебство»? — поинтересовался Драко.

Рон пропустил реплику мимо ушей.

— Женщины, — возгласил он. — Женщины сбивают нас с пути истинного.

— Так-так... — протянул Драко. — Похоже, пришло время долгожданной проповеди о женоненавистничестве.

Он подозвал официанта и заказал кряду несколько картин с водкой, после чего повернулся к столу и величественно махнул рукой:

— Прошу вас, продолжайте.

— Женщины, — по новой завёл Рон. Его бровь слегка подрагивала — верный признак того, что он набрался. — Женщины. Они используют тебя. Они лгут тебе. Они вонзают кинжал тебе в грудь —

и исчезают, а ты корчишься в темноте — один, захлёбываясь собственной кровью...

— Ох ты, страсти какие, — покачал головой Люпин. — Право, самое ужасное, что женщина сделала со мной, — стала звать меня «Волчок-Серый Бочок», когда узнала, что я оборотень.

— От женщин одни неприятности, — глубокомысленно согласился Сириус, высматривая что-то на дне опустевшей кружки.

— Кто бы говорил, — откликнулся Гарри. — Уж не ты ли завтра женишься.

— И да будет позволено напомнить — на моей матери, — уточнил Драко, прикончив очередной martini и потянувшись за следующим.

...Всё ещё держится, — подумал Гарри, — хотя, судя по блеску глаз, ждать осталось недолго.

— От всех женщин, кроме моей невесты, — поправился Сириус. — Она — бриллиант чистой воды.

— Обожди чуток, — заявил Рон, тыча в Сириуса пальцем, — и она обратится в демона или сбежит к профессору Люпину...

— Эй, меня-то не впутывай! — запротестовал Ремус.

— ...или выяснится, что она с помощью Многосущного Зелья приняла облик женщины твоей мечты, чтобы творить зло твоими руками. Или же она бросит тебя ради...

— Знаешь, Узли, — перебил Драко, — думаю, ты — единственный, кто ухитрился вляпаться в подобную историю.

— Бог мой, — проговорил Сириус, глядя на Рона, — похоже, несладко тебе пришлось в последнее время... Помнится, в вашем возрасте я думал лишь о том, как бы имена не перепутать.

Рон ничего не ответил. Он уронил голову на стол и захрапел.

— Один готов, — подытожил Гарри, пристраивая свою опустевшую кружку другу на голову. Посудина закачалась в неустойчивом равновесии.

— Очень мило, — звучно раскатилось над их головами. — Определённо придаёт всей картине *je ne sais quoi* *некоторую изюминку*.

Гарри поднял голову и заморгал от неожиданности — перед ними стоял Снейп, как всегда напоминающий летучую мышь в своих развевающихся чёрных одеждах. Сальные чёрные волосы свисали ему на плечи.

— Я бы сказал, *sourçon de gentillesse* *щепотку изысканности*, — мягко поправил Драко, пригубивая уже пятый martini. — Впрочем, не мне судить.

— Приветствую, Северус. Пришли поздравить Мягколапа? — вежливо осведомился Люпин.

— Ремус спрашивает, — пояснил Сириус, заглатывая очередную порцию огневиски, — за каким... ты сюда припёрся, Снейп? Разумеется, помимо очевидной цели — реять вокруг, предвещающая беду. Надеюсь, не собираешься завтра изображать пресловутого свадебного гостя, перебежавшего дорогу и принёсшего несчастье? К тому же, ты и не гость вовсе, поскольку не припоминаю, чтобы тебя приглашали.

(*СириусимеевдупозмуКолриджа «The Rime of the Ancient Mariner». Старый моряк останавливает трёх друзей, спешащих на свадьбу, и рассказывает им свою историю. В общем, все умерли.*)

— Вообще-то я хотел сказать совсем другое, — возразил Люпин. — Честное слово.

— Моё присутствие здесь — чистое совпадение, — успокоил Снейп. — Вчера вечером я заказал комнату в гостинице и, согласно распоряжению Дамблдора, намерен остаться до послезавтра. А пока суд да дело, думал порыбачить.

— Распоряжение Дамблдора? — оторвался от бокала Драко.

— Именно, — подтвердил Снейп, переводя взгляд на любимого ученика. — Я должен находиться рядом, когда он нейтрализует эффект Многосущного Зелья меж тобой и Поттером.

— Ах, да, — подчёркнуто равнодушно отозвался Драко. — Тот самый эффект.

— Вот именно — тот самый, — с нажимом повторил Снейп и повернулся к Сириусу: — А пока позвольте принести мои поздравления в преддверии счастливого события.

Сириус поперхнулся виски:

— Ты серьёзно?

— Конечно, — невозмутимо отозвался Снейп. — Я всегда любил Нарциссу. Если брак с тобой сделает её счастливой, моя радость будет безгранична.

— Да уж — вижу, насколько она безгранична, — скривился Сириус.

— Каждый выражает радость как может, Мягко-лап, — урезонил Люпин.

— По меньшей мере, добрых девяносто процентов из ста выразили бы её улыбкой, — возразил Сириус. — Я же не прошу его петь песенки.

— Могу спеть, если пожелаешь, — предложил Снейп.

— Чего? — обалдело вытаращился Сириус.

— Напекаешь, будто я не умею петь? — спросил Снейп.

— Не думаю, что это намёк, — возразил Гарри. — По-моему, именно это он и хочет сказать.

— Говорят, у меня приятный голос, — задумчиво заметил Снейп.

— Правда-правда, — подтвердил Драко. — Особенно с квартетом домашних эльфов на подпевке.

Зельевар едва заметно улыбнулся и, развернувшись, зашагал прочь. Сириус провожал его взглядом из-под задранных на недосягаемую высоту бровей.

— Свихнулся, — произнёс он в пространство. — Безумен, как шляпник.

— Не думаю, — отозвался Люпин. — По-моему, просто хочет «зарыть топор войны».

— А что такого безумного в шляпниках? — встрял Драко. Пять мартини и бутылка вина наконец-то его догнали. — Знавал я в Лондоне одного шляпника. Милейший был человек. И никогда не казался мне ненормальным, по крайней мере, не более чем прочие взрослые.

Рон неожиданно сел. Кружка, балансировавшая на его голове, грохнулась об пол и разлетелась вдребезги. Остатки масляного эля выплеснулись Гарри на туфли.

Рон, похоже, ничего не заметил.

— Шляпники использовали соединения ртути для обработки меховой оторочки шляп. Поскольку они работали в плохо вентилируемых помещениях, ртуть проникала в кровь и накапливалась. Со временем шляпники начинали выказывать признаки отравления ртутью, в том числе мозговые расстройства, приводящие к психозам. Отсюда и фраза «безумен, как шляпник».

Все остолбенело вытаращили глаза.

Рон пожал плечами:

— У папы была какая-то маггловская книжка по истории. Оттуда и вычитал. А что?

Гарри подтолкнул к нему наполовину полную кружку с масляным элем:

— Пей, Рон. Умоляю, ты лучше просто пей.

Рон потянулся за кружкой, но рука замерла на полпути, когда звуки знакомого голоса эхом раскатились по залу. Вся компания, и он в том числе, медленно обернулась.

Снейп стоял на подиуме в окружении музыкантов — той самой группы, что недавно наяривала «Зелёные Рукава».

— Леди и джентльмены, — обратился Снейп. Гарри подумал, что тут не обошлось без заклатья Sonorus, поскольку голос, казалось, взлетал прямоком к потолочным балкам. — Я хочу спеть песню в честь моего друга, чья свадьба состоится завтра. Говоря «друг», я имею в виду не этого типа, — Снейп указал на Сириуса, — он-то как раз мне вовсе не друг и, по правде говоря, тот ещё паршивец. Однако он женит-

ся на женщине, которой я симпатизирую, и по такому поводу мне хотелось бы исполнить классическую балладу холостяцких вечеринок «Хотя я ростом маловат, зато метёлкой не обижен».

— Вот это да! — удивился Драко. — Никогда бы не подумал, что такая песня взаправду существует.

— О да, — мрачно откликнулся Люпин. — Ещё как существует.

Сириус ничего не сказал. Он неотрывно смотрел на Снейпа, забыв закрыть рот.

Вступил оркестр, и Снейп запел мощным баритоном.

У миссис МакФрай были в саже каминь,

Не лучше они и у Молли О'Клю.

*Сказал трубочист, подмигнув: «Для тебя я
Достану любимую щётку свою.»*

Пускай я чумазый и ростом не вышел,

Метёлка моя, как мощнейший рычаг,

Слезу выжимает у стойкой девчонки.

Нельзя ли залезть к вам в очаг?»

Камин прочищать — так себе работёнка,

На ней невозможно звёзд с неба добыть,

Но коль запылилась труба у девчонки —

Хоть мэра жены — можно ей угодить.

Мать сыну пеняла: «Язык твой — что бритва,

Но стать адвокатом не светит тебе.

Отец не упустит ни юбки, ни литра —

Шуршать по каминам фамильный удел».

Как в Южном Уэйне я встретил девицу:

«Где ваши трубочист? Трубы сажеей чадят!»

Смеётся красотка: «Он важная птица!

Есть разные трубы для ушлых ребят!»

Парнишке юница твердит, замирая:

«Забита труба — сразу телу теплей».

Хохочет в ответ он, улыбкой сверкая:

«Не сажеей забита — метёлкой моей».

Пускай я чумазый и ростом не вышел,

Метёлка моя, как мощнейший рычаг,

Слезу выжимает у стойкой девчонки.

Нельзя ли залезть к вам в очаг?»

К венцу они с девой отправились вскоре —

Душевнее свадьбы не видывал свет.

Но дети едва не утопили — вот горе! —

Подружки так рьяно ловили букет.

Уж годы не те, и мозги закоптились,

Не помню, где я, а где младший мой брат...

Зато для жены как отмазки сгодились:

„Я сослепу лез во все койки подряд!“.

Рыдают селянки, ступая за гробом —

Процаняя час с трубочистом настал,

Но тут сорванец заступил им дорогу

И, кланяясь низко, скорбящим сказал:

„Достоинств его перечесть я не в силах,

Однако утешьтесь, подруги-друзья:

Ведь дело своё не забрал он в могилу —

Наследство его — и метла — у меня!“

Пускай я чумазый и ростом не вышел,

Метёлка моя, как мощнейший рычаг,

Слезу выжимает у стойкой девчонки.

Нельзя ли залезть к вам в очаг?»

Поднимем бокалы, содвинем их, други —

Я вас угощаю, так выпьем до дна!

Чтоб выюшки — открыты, метёлки — упруги,

И пусть наша жизнь будет столь же полна!

Снейп закончил петь, холодно поклонился и удалился со сцены. Так и не закрыв рот, Сириус смотрел ему в спину.

— Когда ты сказал, что Снейп хочет «зарыть топор войны», — очнувшись, пробормотал он, — я и подумать не мог, что этот топор засунут мне прямо в уши.

— А что — вовсе даже и неплохо, — возразил Гарри.

Сириус всё тряс головой:

— Никогда не знал...

— Теперь знаешь, — фыркнул Люпин в кружку с пивом.

* * *

Гарри всегда поражало, что даже летом в стенах Имения было холодно, как на Северном Полюсе. Он свернулся клубком под толстым одеялом — кстати, об одеялах: к этой комнате прилагалось чёрное, расшитое серебряными змеями. В итоге Гарри не мог отделаться от кошмаров, в которых змеи оживали и начинали по нему ползать... В общем, Гермиона отдала ему своё запасное — жёлтое в голубенький цветок. Гарри предположил, что, в конце концов, змеи — это всё-таки не его.

Словом, он ёжился под толстым одеялом, когда в дверь забарабанили. Пришлось, чертыхаясь, вылезти из кровати и, едва ноги коснулись ледяного пола, зачертыхаться цветистее. Подскакивая на цыпочках и бормоча проклятья, Гарри перебежал огромную комнату и распахнул дверь: кто бы там ни стоял, решил он, мало ему сейчас не покажется.

А стоял там Драко: чёрные джинсы, чёрный свитер — ну вылитый Том Круз из «Миссия невыполнима», разве что только блондин и с удивлённой физиономией.

— Поттер, это ты изливался? Где ты этого нахватался?! И не знал, что, оказывается, можно засунуть...

— Третий час ночи, Малфой, — перебил Гарри. — Какого чёрта тебе надо?

— ...хотя шестифутовая клизма — это впечатляет. Стоит у тебя поучиться, — он прошёл в спальню и содрогнулся. — Господи прости. Где ты нашёл это одеяло, на какой распродаже в преисподней?

— Гермиона дала, — коротко пояснил Гарри. — Кстати, если тебя принесло, чтобы снова поскулить за любовь, то знай — я устал от разговоров про девушек. Толку никакого, и в итоге сам себя жалеть начинаешь.

— Наверное, пора оказывать тебе моральную поддержку, — отметил Драко.

— Помнится, в последний раз ты обозвал меня тупорылым нытиком и напомнил, что именно нытиков девушки терпеть не могут...

— Что делать — так оно и есть.

— Если ты такой эксперт, почему ж в твоей жизни полный бардак? — весьма резонно поинтересовался Гарри.

Драко вопрос проигнорировал.

— Итак, ты идёшь или нет?

Гарри аккуратно тюкнулся головой о косяк.

— Нет. Я с тобой, Малфой, никуда не пойду. Завтра свадьба, и мне нужно выспаться: меня ждут тосты, которые придётся провозглашать, реплики, на которые придётся отвечать, церемониальное барахло, которое придётся напяливать...

Вопреки всем намерениям уже через десять минут Гарри стоял в коридоре, причём в полном облачении и с очками на носу. Рядом был Драко и две метлы, прислонённые к стене. Драко мялся — явный признак, что ему есть что сказать, хотя говорить об этом и не слыш-

ком-то хочется. В Гарри начали зреть подозрения.

— Ну, — спросил он, — и к чему это всё?

— В общем...

— Услышу что-нибудь про любовь — камнем прибую.

— ...не любовь это, четырёхглазый, не любовь. Мои Эпициклические Заклятья.

Гарри настолько не ожидал услышать именно эти слова, что даже покачнулся:

— Что?..

Драко оттянул ворот свитера, продемонстрировав поблёскивающие на бледной коже цепочки.

— Вот. Не представляешь, как они меня достали, — снять нельзя, вечно таскаешь на шее...

— Могу одно взять, — тихо предложил Гарри.

— Нет, — без колебаний отверг Драко. — Не хочу.

— Тогда... — Гарри почувствовал укол чего-то, сильно напомнившего ревность, и поборол его. — Хочешь передать их кому-то другому? И чтобы я тебя проводил?

— Хочу, чтобы ты меня проводил, — кивнул Драко и, взяв одну из метел, протянул гриффиндорцу.

— Но ведь первому встречному его отдавать нельзя, — принимая её, напомнил Гарри. — Только тому, кому действительно доверяешь.

— Знаю.

Драко взял собственную метлу, направился к открытому окну в конце холла — нежный весенний ветерок колыхал занавески — и выглянул. Гарри последовал его примеру.

— Только тому, кто...

— ...любит меня? — чуть насмешливо взглянул на него Драко. — Ты, прям, как девчонка, Поттер. Давай же погоняемся, — готовый к поединку, он стоял на самом краю подоконника с метлой в руке.

Гарри, заводясь на глазах, вскарабкался следом:

— Я, конечно, мог бы тебя погонять, если...

— Погонять меня?.. Восхитительно звучит.

— ...если бы знал, куда мы направляемся. Кому ты собрался передать Заклятья?

Глаза Драко таинственно блеснули из-под ресниц:

— Тому, кому доверяю. Бесконечно, — сказал он и кувыркнулся с подоконника, рассекая ночь с беззаботностью ангела, коему не терпится низринуться с небес на грешную землю.

* * *

Преследование Драко сквозь сплетение ветвей и деревьев вокруг Имения Малфоев для любого другого, не такого талантливого летуна, как Гарри, оказалось бы и вовсе невозможной задачей, если даже ему сейчас приходилось туговато. Драко знал тут каждую тропку, каждое деревце и сучок, и нёсся меж ними серебристой искрой в ночи. Гарри понимал: на самом деле Драко вовсе не собирался воспользоваться своим преимуществом и ускользнуть — он просто любил летать, и сейчас, наконец-то, мог лететь так, как хотел, в полное своё удовольствие. Из леса их вынесло на какую-то уходящую на восток бесплодную равнину. Драко сделал несколько кульбитов. Далеко на западе поблёскивало сказочным замком Имение, восток, куда глаз хватало, был объят безжизненной тьмой. Наконец Драко направил метлу к земле, Гарри повторил его манёвр, и только тут до него дошло, что эта за тьма.

Бездонная Пропась.

— Малфой! — заорал он, хватая друга за руку и дёргая к себе. — Ты чего творишь?!

— А ты сам-то как думаешь? — Драко жмурился от ветра, и по его превратившимся в узенькие щёлочки глазам Гарри не мог сказать, что сейчас чувствует слезеринец — счастье, ликование, отчаяние, безысходность, скуку?.. Он потянулся было к его разуму, но в преддверии встречи с Дамблдором в ближайшие два дня, это лишь сыпало обоим соль на раны. — Хочу сбросить мои Заклятья в Пропась.

— Но...

— Что «но»? Это просто идеальное решение: они будут падать в вечность — не ударятся о дно, не разобьются. И никто и никогда их не найдёт.

— Не понимаю... Почему именно сейчас?

— Да просто не хочу их больше носить, — даже ресницы не скрывали блеска серых глаз.

— Говорю же — я бы мог...

Ветер стих, и Драко смог открыть глаза. В них не было ни капли сарказма.

— Я бы вручил тебе свою жизнь, не задумываясь, если б речь шла только обо мне.

— Я не против риска. И ответственности.

Малфой отвернулся, обратив взгляд в бесконечный мрак Пропasti.

— Гарри, — сказал он, — ты никогда не отказывался ни от риска, ни от ответственности — тебе вообще не позволялось принимать их во внимание. Ты жил ими, как дышал. Но, скажи, каким бы я оказался другом, если б сейчас, когда ты наконец-то можешь освободиться, взвалил тебе на плечи очередное бремя?

— Дружба не есть бремя.

— Большинство людей не держит в руках жизни друг друга.

— А мы — исключение, — нашёлся Гарри, однако по глазам Драко он уже знал — тот принял решение, и отпустил его руку. — Ладно, если тебе действительно этого хочется...

— Действительно хочется, — сказал Драко и лёгкими шагами подошёл к краю Пропasti. Заглянул в неё. Гарри присоединился к нему на обрыве, и они вместе воззрились в разверстый зев пустоты. Она — будто море, подумалось Гарри. — Млечный свет луны проникает лишь через верхний слой, а ниже — плотная чернота.

Ему вспомнилось падение — как выскользнула рука из пальцев Гермионы, как понесло его в небытие...

Стоящий рядом Драко глубоко вздохнул и поднял руку. Эпициклические Заклятья болтались на пальцах, блестя, будто слёзы. Созданное из страха и горечи одно, рождённое из страха и любви другое — оба они предназначались для того, чтобы контролировать Драко — сломать его, убить его, — и, просто держа их на ладони, Гарри чувствовал, как тем самым оберегает и охраняет его...

Но возможно, это был чистой воды эгоизм.

Драко отвёл руку назад и со всей силы швырнул Заклятья. Сплетаясь цепочками, они на какое-то мгновение напоследок зависли над Пропастью, а потом, вращаясь и поблёскивая, дали мраку беззвучно поглотить себя.

Драко отступил от обрыва. Светлые волосы сияли под луной, а дышал он так, словно только что откуда-то примчался.

— Вот и всё.

— Всё, — согласился Гарри.

— Сердишься на меня? — покосился слизеринец.

— Нет, — сам себе удивляясь, ответил Гарри. — Если подумать, ты совершенно правильно поступил. Так и надо.

— И почему же?

— Да потому что теперь часть тебя всегда будет лететь.

* * *

Джинни почивала дурно, снедаемая странными видениями. В них она танцевала, кружась, как сумасшедшая, в центре огромного бального зала, окружённая несущимися из теней издевательскими смехочками. Когда она проснулась, солнце вовсе хлестало сквозь оконные стёкла, голова болела, а глаза опухли.

...Сегодня, — сказала она себе, глядя в потолок. — Сегодня приму зелье. После церемонии, но перед торжеством. Сегодня буду танцевать в объятиях Симуса. Счастливая.

Она представила себя — сияющую, улыбающуюся, счастливую и радостную, — и глаза медленно наполнились слезами.

* * *

Само бракосочетание прошло как по маслу. Скромное — куда скромнее грядущего вечернего празднования, — оно состоялось в розарии, над которым Нарцисса хлопотала со времени, как Люциус покинул Имение. Белые розы были повсюду: нависали плетёной стеной над алтарём, охапками вращались в воздухе благодаря Парящим Чарам, опоясывали ряды кресел, с которых приглашённые должны были лицезреть церемонию. Белые лепестки вымостили дорожку, по которой Нарциссе предстояло шествовать к Сириусу — тот красовался меж Драко и Люпином. Нарциссу никто не провожал — прекрасная, ликующая, она сама спустилась к будущему супругу.

От розового амбре Джинни уже начало мутить.

— Ну не чудо ли... — выдохнула миссис Уизли. На ней была накрахмаленная розовая мантия и розовая же шляпа с брызгами жёлтых цветов, в одной руке — платочек, в другой — рука мистера Уизли. — Я просто обожаю свадьбы. А ты? — обратилась она к Симусу. С золотистыми волосами, в тёмно-синем костюме, он сегодня был особенно пригож и; к тому же, как-то сделал комплимент и её свитерам, и ей самой.

— Не слишком, — с пустым взглядом отозвался он.

Миссис Уизли растерянно умолкла, мистер Уизли едва не фыркнул, а Джинни снова вернулась к церемонии.

Нарцисса уже добралась до алтаря и теперь стояла рядом с Сириусом. Ремус что-то говорил согласно кивающему Драко.

...Надо же, как у него быстро волосы отрасли, — подумала Джинни, — ещё неделю назад были совсем короткими, а теперь выются над ушами и на глаза падают. Сразу хочется поправить. Будь у него нормальная подружка вместо Блэз с их загадочными игрищами, та бы взялась за его причёску всерьёз...

Джинни тут же почувствовала укол совести: в конце-концов, они с Блэз дружили, и слизеринка в бело-розовом платье с высоким воротом сегодня выглядела яблонькой в цвету. К вечеру же было приготовлено совсем другое платье. Тот подарок Драко — платье с глубоким декольте — сшили из такого облегающего дорогого материала, что, коснувшись его, казалось, будто по руке проскользнула змея. Блэз продемонстрировала наряд Джинни, и та чуть не умерла от зависти. С другой стороны, такой цвет не каждой пойдёт, и Джинни сомневалась, что ей бы он оказался к лицу. Вернее, почти не сомневалась, что не оказался бы.

Добродушный волшебник, которого Нарцисса пригласила скрепить брачные узы, начал речь. Джинни слышала, что он, вроде бы, дальний нарциссин дядюшка, хотя внешне больше напоминал брата Дамблдора — того, что имел печальное пристрастие к мелкому рога-тому скоту. В данный момент он, похоже, декламировал стихи:

— Любовь правит миром. Как говорил апостол Павел: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает...»

Тут раздался резкий грохот — обернувшись, Джинни, к своему ужасу, увидела, что Симус вскочил, уронив стул. Он задышался, на белое, как мел, лицо налипли склеившиеся от пота волосы. Резкий поворот — и Финниган начал торопливо пробираться сквозь сидящих гостей, чуть не сшибая их на землю. Взыл Рон,

которому оттоптали ногу. Симус пробормотал какие-то извинения и кинулся из сада так, словно у него на пятках висели адские гончие Люциуса.

Обернулись даже Сириус с Нарциссой. Джинни слышала шепотки, чувствовала устремлённый на неё цинично-прищуренный взгляд Драко. Она начала пробираться следом, когда кто-то схватил её за запястье.

Гермиона.

— Даже не вздумай, — прошептала гриффиндорская староста.

Гарри рядом с ней оторопел:

— Но, Гермиона...

— Кто-то же должен, — шепнула в ответ Джинни, чувствуя буравящие её взгляды окружающих. — А не то покалечится или ещё что...

Гермиона встала:

— Я пойду.

Даже раздражённые протесты Гарри не произвели на неё впечатления: она покинула церемонию и бегом бросилась к Имению.

Щёки горели, будто ошпаренные. Джинни вернулась на своё место подле матери, мечтая превратиться во что-нибудь маленькое-премаленькое, чтобы исчезнуть с глаз долой. Волшебник, похожий на Аберфорса, но не Аберфорс, прокашлялся и продолжил речь.

— Не волнуйся, детка, — утешающе похлопала её по руке миссис Уизли. — Это же свадьба. На свадьбах мужчины вечно сами не свои.

Джордж за их спинами громко фыркнул. Они с Фредом портключнулись за пару секунд перед началом бракосочетания — усыпанные новообретёнными под белизским солнцем веснушками, распространяющие вокруг запах кокосового рома.

— Да уж, Финниган — это что-то. Я бы даже сказал — нечто, — не вменяя суровому взгляду матери, продолжил Джордж.

— Раньше, вроде, за ним такого не водилось, — заметил Фред. — Впечатлительный он какой-то стал.

— Знаешь, Малфой в качестве её кавалера нравился мне больше, — сообщил Джордж.

Миссис Уизли замотала головой так, что цветы на шляпе поникли, как под порывом ветра:

— Пресвятая Мерлин, — простонала она, — типун тебе на язык!..

* * *

Джинни сидела на подоконнике в холле на втором этаже — в руке перо, на коленях — чистая тетрадь. В окно было видно, как внизу, в саду, хлопотали домашние эльфы: собирали стулья, уносили цветочные гирлянды — прибирались после бракосочетания.

За дальние деревья закатывалось в багряный пожар солнце.

Джинни вернулась к раскрытой на коленях тетради. Когда исчез Том — исчез окончательно и бесповоротно — она подумала, а не начать ли новый дневник. После того, чем дело закончилось в прошлый раз, на первом курсе, она до ужаса этого боялась. Однако, в принципе, в дневниках нет ничего дурного — тем паче, в дневнике, приобретённом в тихом-мирном маггловском магазинчике. Раз не с кем поделиться своими мыслями, то уж самой-то себе можно довериться.

Правда, всё, что Джинни пока написала, было слово «сегодня».

Она почесала пером лоб, как если б после этого её должно было немедленно осенить, но мозги жужжали и думать отказывались. После церемонии она отправилась в комнату к Симусу, постучала, но ответом стала тишина. Часть её понадеялась, что всё в порядке. Другая часть — поменьше, красная от стыда, — понадеялась, что нет.

— Холст, масло, — удивлённо-насмешливо прозвучало рядом. — «Гений творящий». Что творим?

Драко. Чёрно-белый, как портреты Бердслея, он стоял рядом в парадной мантии и смотрел

на Джинни с напускной беспечностью.

— Ничего, — она захлопнула тетрадь.

— Боже. Делала мои наброски в непристойном виде и позах, угадал? Не могу тебя в том винить.

— Ты тут вообще ни при чём, Драко.

— Свежо предание, а верится с трудом, — молниеносное движение руки, и дневник вылетел из пальцев Джинни раньше, чем она успела дёрнуться. Драко мельком глянул на страницу и снова на неё:

— «Сегодня»? Весьма лаконично. Это дневник или симфоническая поэма?

— Придурок, — Джинни потянулась, чтобы отобрать тетрадь. Последовало краткое перетягивание каната, в итоге Драко отпустил её именно тогда, когда Джинни дёрнула: тетрадь выпорхнула в окно, после чего снаружи донёсся звон бьющегося стекла и вскрик.

Драко перегнулся через подоконник:

— Ну и ну. Ты грохнула одну из хрустальных ваз... Ложись!

Он пригнулся и замер под подоконником, дёрнув Джинни к себе.

— Боже... — она задохнулась виной. — А твоя мать не расстроится? Надеюсь, я не сорвала приём?..

— Да не бойся, у нас их дюжины, матери уж точно до этого дела нет: если кто и должен расстраиваться, так это домашние эльфы — вот уж вечно всё в свой адрес принимают... Не поверишь — уже скучаю по дням, когда они, трепеща перед моим отцом, по струнке ходили. А мать начала и оплачивать всякие прожиточные минимумы, и права в придачу дала... И что ты думаешь — тут же от рук отбились: нынче утром один отказался отполировать языком мои ботинки — прикинь?

Джинни завела глаза к небу.

— Я прекрасно знаю — на самом деле ты так не считаешь, — сказала она. — Ума не приложу — зачем тебе нужно постоянно кривляться?

Драко ухмыльнулся:

— А мне нравится, когда ты начинаешь анализировать моё поведение.

Сейчас они стояли на коленях лицом друг к другу, так близко, что Джинни видела светлый полумесяц шрама на его щеке и каждую ресничку — будто металлическую, будто нарисованную серебряным карандашом. Потянулась она вперёд — смогла бы его поцеловать. Проще некуда. Отличный способ проститься.

Джинни поднялась, выдернув свои руки из его ладоней.

— Мне нет дела до того, что тебе нравится, — холодно сообщила она и, повернувшись, зашагала по коридору. Она чувствовала спиной его взгляд — этого хватило, дабы заволноваться так, что даже рука чуть дрожала, когда она поворачивала ручку двери своей спальни...

Не своей спальни.

Впопыхах она открыла дверь соседней комнаты — комнаты Блэз, что можно было заключить по ярко-розовому чемодану, переполненному нарядами, алому платью, небрежно брошенному поперёк кровати и по тому, что Блэз собственной персоной сейчас лежала рядом с кроватью на полу, сплетаясь в страстном объятии с братом Джинни, Роном.

Рука Джинни сама собой вспорхнула к губам:

— Рон!..

— Уизли?.. — раздался не менее потрясённый возглас за спиной.

Блэз взвизгнула и села. Платье, волосы — всё находилось в беспорядке. Рон побагровел, однако даже этот густой оттенок не сумел скрыть следы помады на его лице.

Первый дар речи вернулся к Блэз:

— Вы когда-нибудь слышали, что по правилам вежливости полагается стучать? — негодующе спросила она, вставая и поправляя одежду.

— А ты когда-нибудь слышала, что по правилам вежливости не полагается сливаться в экстазе со слабоумным троглодитом за каких-то пару часов пе-

ред тем, как выходить в люди со мной?! — той же монетой оплатил Драко.

Рон робко поднялся на ноги позади Блэз и начал застёгивать рубашку. Блэз даже не повернулась к нему:

— Это случайность, — заявила она.

— Ясно. Споткнулась — упала, а там — гляди-ка! — рот.

Слизеринка всплеснула руками:

— Слушай, что ты хочешь от меня услышать?! Так получилось — и всё! — она раздражённо развернулась к Рону: — Ну же, скажи! Скажи, что это просто случайность!

Рон посмотрел на неё, потом на Джинни и, наконец, на Драко. Это был спокойный, оценивающий взгляд безо всякой ожидаемой там Джинни ненависти — словно, глядя на Драко, он смотрел не на соперника, не на врага, словно видел в нём просто человека.

— Это не случайность. Мы вместе уже несколько месяцев.

Блэз была готова вот-вот разрыдаться:

— РОН, ТЫ ЖЕ ОБЕЩАЛ!

— Обещал. Но ещё я пообещал самому себе больше не делать тайны из отношений. И, что бы там я ни думал о Малфое, он не заслужил подобной лжи.

Блэз зажала рот рукой, но не произнесла ни слова. Драко холодно взглянул в её широко раскрытые глаза:

— Надо же, какой оригинальный способ согрешить, Блэз...

— Да хватит же! — сорвалась, внезапно взъерывшись, Джинни. — Ты и не то выделывал. Только не понимаю, зачем вы прятались, — она развернулась к Блэз. — Из-за Драко?

— Нет! — отдернула руку от лица слизеринка. — Из-за тебя.

— Меня?! — опешила Джинни.

— Ты моя подруга, и я не хотела, чтобы ты подумала, будто наша дружба — только для того, чтобы стать ближе к Рону.

Драко фыркнул:

— Стать ближе к Рону?! Если станешь с ним ближе, у тебя...

— Захлопнись, Драко, — хором сказали Джинни с Блэз. — Тьфу, — для убедительности добавила Джинни. — Не забывай, речь идёт о моём брате, Драко.

Слизеринец снова фыркнул и прислонился к косяку с таким видом, словно всё происходящее его развлекает, в то же самое время вызывая скуку смертную.

— Кругом одни рыжие, — сообщил он, обращаясь к Блэз. — Уже глаза режет.

Блэз послала в ответ возмущённый взгляд, но сдержалась.

— Прости, что причинила тебе боль, Драко.

— Вот уж точно — боль так боль. Образ Уизли, облизывающего твоё ухо, теперь будет вечно жечь сетчатку моих несчастных глаз.

— Я имела в виду — эмоционально, — с напускным терпением уточнила она.

— Пустяки, меня это не заботит, — Драко улыбнулся.

Блэз с заметным облегчением повернулась к Джинни:

— Мне ужасно неловко, что я утаила это именно от тебя... Ты мне действительно... нравишься.

Джинни знала, что для сдержанной слизеринки подобное признание более чем серьёзно.

— Ты мне тоже, — с этими словами она подбежала к Блэз и заключила её в объятия, и та со вздохом облегчения обняла Джинни в ответ.

— Наконец-то хоть что-то интересенькое, — с удовольствием прокомментировал Драко и получил от Рона негодующий взгляд и негодующее же:

— Нечего пялиться на мою сестру! И мою девушку!

— Была б тут ещё твоя матушка, ты б, наверное, собственным возмущением захлебнулся.

— Матушка? — отлипла от Блэз Джинни и осеклась,

увидев на пороге Гарри с ошеломлённой Гермионой.

— Что тут происходит? — спросила она. — Что за крики? И про какую-то твою девушку ты говорил, Рон?

— У Рона девушка? — обнимающий Гермиону за талию Гарри был явно поражён. — Никто мне не рассказывал... И кто же она? — с любопытством повернулся он к другу, у которого был вид пробежавшего дистанцию марафонца.

— Я, — холодно сообщила Блэз.

Брови Гарри взлетели на лоб:

— Я думал, ты встречаешься с Малфоем... Ты ведь с ним встречаешься, правда? Или ты его уже послала?

— Гарри! — зашипела Гермиона. — Вспомни о такте!

— Такт — удел лживых взрослых, — не задумавшись, выпалила Джинни и увидела, как Драко с удивлением покосился в её сторону.

— Мы с Блэз не встречаемся, — заявил Драко. — Мы планировали вместе выйти к празднеству — как друзья, — но коль скоро она обрела любовь... пусть даже находящуюся в пищевой пирамиде чуть ниже, чем я рассчитывал, я уже не могу себе позволить стоять у неё на пути.

— Ценю твою сдержанность, — очень по-слизерински ответила Блэз. И усмехнулась: — Правда, то, что мы собирались пойти туда именно как друзья, не помешало тебе попытаться залезть мне в штаны по дороге в Имение.

— Исключительно ради того, чтобы выяснить, по-прежнему ли ты откликаешься на мои чары, — надменно отрезал Драко. — Ни о каком причинении вреда и речи не было.

— Боюсь, со своей стороны обещать этого не могу, — сказал Рон, меряя Драко таким взглядом, будто собирался спустить его кубарем с лестницы.

— Мне нравится, когда ты такой собственник... — руки Блэз обвились вокруг Рона, к немалому того удовольствию и, хотя и в меньшей степени, — смущению. Глаза слизеринки обратились к остальным, губы изогнулись в улыбке: — Сейчас тут станет немножко жарко, — проинформировала она. — Если не хотите оказаться зрителями, предлагаю очистить помещение.

Гарри, Гермиона, Драко и Джинни рванули из комнаты единым порывом, чуть не застряв в дверях — Гарри пришлось упереться слизеринцу в спину и пропихивать его вперёд. На полной скорости они выскочили в коридор, и Гарри захлопнул дверь.

— Честное слово! — ахнула изумлённая Гермиона. — Блэз Забини и Рон! Кто бы мог подумать?! В смысле, честное слово...

— А почему бы и не Блэз? — возразила Джинни. — Она очень милая.

— Она же слизеринка, — с сомнением произнёс Гарри и, поймав взгляд Драко, торопливо добавил: — Собственно, в этом ничего страшного нет... — он улыбнулся. — Кое-кто из моих лучших друзей — слизеринцы.

— Смотри у меня, Поттер, — кивнул Драко. Его взгляд перепорхнул Гарри за спину: — Не твоя ли это комната, Джинни?

Она повернулась.

— Моя... Мы с Блэз соседки...

— Похоже, тебе кто-то записку оставил, — он указал, и Джинни убедилась, что так оно и есть: в дверь всуху вложенный кусочек пергамента.

— Странно... — она вытащила записку, которая не была подписана, даже имени получателя не указано. Развернула: «Дорогая Джинни...» — Это от Симуса, — сообщила Джинни, поднимаясь на ноги и читая. Потом перечела, чтобы убедиться. Подняла взгляд и обвела им друзей: — Это прощальная записка, — медленно произнесла она. — Он уезжает.

* * *

— Полагаю, под «уезжает» подразумевается, что

он уже уехал, — сухо сказал Драко.

Вся четвёрка, стоя в дверях, обозревала отведённую Симусу гостевую комнату — опрятную до скрежета зубного: кровать застелена, полотенца аккуратной стопочкой сложены на кресле. Вещи Симуса исчезли.

— Но почему? — никак не мог взять в толк Гарри. — Почему он вдруг сорвался и уехал?! — рука привычно продралась сквозь взъерошенную шевелюру. — Может... Может, сову ему послать, а?..

— Не надо, — отрезала Джинни, не сразу сообразив, что в унисон ей прозвучал ещё один голос.

Гермионы.

— Не надо, — повторила гриффиндорская староста, на этот раз потише. — Если хочет уйти, пусть идёт.

Джинни внимательно взглянула на подругу:

— Ты убежала с венчания следом за ним. Что ты ему наговорила?

— Ничего, — пряча глаза и краснея, ответила Гермиона.

— Лгунья из тебя никудышная, Гермиона, — холодно отметила Джинни и, развернувшись, ушла, унося с собой записку Симуса — точнее, сжимая в кулаке оставшийся от неё комок бумаги. Пинок — дверь в спальню распахнулась, она вошла и развернулась, собираясь шандарахнуть ею так, чтобы никому мало не показалось.

Но ничего не вышло. Кто-то придержал дверь снаружи. Джинни угрюмо убрала руку, и дверь открылась.

— Что тебе надобно, Драко? — устало спросила она.

Драко посмотрел на Джинни, потом перевёл взгляд на руку с запиской.

— Может, только к лучшему, что он ушёл? — без обиняков спросил он.

— Не понимаю, тебя-то это каким боком касается, — огрызнулась она. В горле поселилось какое-то странное чувство — его будто резало, будто жгло. То ли слёзы, то ли непонятно что...

Джинни вдруг отчётливо представила комнату за своей спиной, в частности, стоящую на самом виду, у кровати, фляжку с Любовным Зельем.

— Дай-ка догадаюсь... — протянул Драко. — Ему требуется время, чтобы всё переосмыслить.

— Как многословно, — буркнула она.

Ужасно хотелось свалить вину на него, но перед глазами стояла строка из письма: «Я люблю тебя, но так не могу поступить. Что-то неправильно, и мы оба это понимаем. Не знаю, надолго ли уезжаю, но я вернусь».

...Вот так всегда, — устало подумала Джинни. — Всегда эти четыре слова: «Я люблю тебя, но...»

— Если он отбыл, чтобы подумать, это займёт немало времени, — светлые глаза Драко блеснули. — Мозги у Финнигана — что Хогвартс-экспресс: медленные, но верные.

— Не то, что твои, — выдавила Джинни. — Если тебе так по душе язык метафор, они напоминают мне Уэльскую просёлочную ветку.

— В смысле?

— Узкую и грязную одноколейку, — она почувствовала, что, как ни силится, не может сдержать улыбку. — Уверена, ты слышал эту шуточку раньше.

— Насчёт ужины не согласен, но прочее...

Кулак с запиской уже начало ломить, и, опустив к нему взгляд, Джинни подумала о Томе — как он сдавливал и сдавливал её руку, пока на глазах не выступили слёзы.

— Итак, чего же тебе надобно, Драко? Просто пришёл позлорадствовать по поводу отъезда Симуса?

— Без сомнения, пред нами теперь прелюбопытнейшая и презагочнейшая ситуация: у меня нет пары для приёма, а ведь даже с моим сногшибательным обаянием найти даму в течение каких-то трёх часов крайне затруднительно, не говоря уже о том, что сейчас среди друзей я как в пустыне.

— Уверена, какая-нибудь одинокая домашняя эльфа будет просто счастлива оставить тебе компанию.

— Ага, что б она мне коленки покусала? Нет уж, спасибо, — он подался к ней и мягко добавил: — Ты ведь знаешь, о чём я прошу, правда?

Джинни подняла голову. Она могла разглядеть себя в его зрачках — окружённую свинцово-серой радужкой.

— А ты скажи.

— Пойдём на приём со мной.

Она почувствовала, как приподнялись в улыбке уголки губ.

— Ты забыл «пожалуйста».

Он помолчал — Джинни даже подумала, не оскорбился ли. А может, и действительно не в состоянии переступить через свою гордость?.. И тут Драко ласково зацепил прядь её волос левой — со шрамом — рукой, провёл ладонью вниз — костяшки чуть задели её скулы... шею... плечо... ключицу... Сердце заколотилось прямо в горле — оставалось надеяться, что Драко этого не почувствовал.

— Пожалуйста...

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы отстраниться.

— Договорились, — кивнула Джинни. — Выйди, мне нужно переодеться.

* * *

Джинни сидела на краешке кровати, глядя на себя через всю комнату в зеркало. В животе словно рой бабочек порхал — точно такой же, какой нежным рисунком усеял её светло-серое платье. В магазине ткань выглядела очень миленько, сейчас же она осознала — цвет был тусклым и словно смыл краску с неё самой. Даже волосы потускнели до оттенка тёмной меди. Не говоря уж про чернильные брызги веснушек.

В дверь постучали. Джинни взяла себя в руки и поднялась, чтобы открыть. Оставалось лишь уповать на то, что Драко уродливого платья не заметит. Господи, да кого она надуть пытается? Конечно же, заметит — ещё и пройдёт по его поводу, да так, что мало не покажется. Зачем только она согласилась идти с ним на торжество — вот ведь глупость! Ведь он, как ни крути, пригласил её лишь потому, что больше в самом буквальном смысле приглашать было некогда. Может..

Дверь распахнулась. В чёрном роскошном замысловатом платье и на каблуках, с подведёнными глазами и накрашенными розовой помадой губами в комнату впорхнула Блэз. Она что-то держала в руках, что-то тяжёлое, атласное, кроваво-красное...

— Это твоё платье? — озадаченно спросила Джинни. — То самое, что купил Драко?

Блэз протянула его ей:

— Нет, это твоё платье.

— Не понимаю, о чём ты, — оторопела Джинни.

Слизеринка криво усмехнулась.

— Может, Драко и говорил, будто оно для меня, но на деле платье с самого начала предназначалось для тебя, Джинни. Оно на мне даже не сидит — размер не тот, да и оттенок тоже — сюда нужны более рыжие волосы. Конечно же, покупая его, Драко думал о совершенно конкретной девушке, только эта девушка — не я. А ты.

— Я не могу...

— Можешь, — перебила Блэз. — Бери.

Она снова протянула платье, и свет плеснул на ткань, воспламенив её рубиновым золотом. Джинни неосознанно протянула руки... ощутила тяжесть, гладкость, прохладную мягкость... Живую мягкость.

— И надевай, — скомандовала Блэз, плюхаясь на кровать. — Хочу удостовериться в своей правоте.

Джинни скорчила рожу и исчезла в ванной комнате. По одному только прикосновению, по одному лишь скольжению от макушки и до пят, она почувствовала его запретельную — вопреки простому крою — цену.

Джинни вернулась в комнату.

Блэз только выпрямилась и присвистнула:

— Глянь-ка на себя.

Почти трепеща от страха, Джинни развернулась к зеркалу. Посмотрела... и не смогла отвести взгляд. Гладкое, без единой морщинки, платье льнуло к телу, делая талию до невозможности тонкой, а ноги — до невозможности длинными. Волосы, подобранные вверх золотыми заколками в виде бабочек, каскадом спадали на спину, и платье обернуло их тёмным золотом.

Она прикусила губу.

Блэз подскочила.

— Малфой сам себя позабудет, — прошептала она. — Если, конечно, ты не дашь ему по физиономии за то, что он пялится на тебя, а пялиться он будет как пить дать, — слизеринка наклонила голову, прислушиваясь. — О, кто-то ко мне в комнату ломится. Наверняка твой братец, — даже не закрыв за собой дверь, Блэз вылетела в коридор.

Джинни вытащила из-под кровати туфли — те самые, в которых была в Имении в прошлом году, что когда-то были носками в развесёлых уточках. Когда, обувшись, она вышла в коридор, Блэз и Рон стояли, подозрительно сдвинув головы. Стоило дать знать о себе до того, как они успели бы заняться какой-нибудь гадостью — например, начали бы целоваться, — и Джинни кашлянула.

Рон отпрянул и повернулся.

— О, а вот и Джинни... — и осёкся, мигом обретя самый угрожающий вид. — Ты что на себя надела?! Вернее — зачем ты разделась?! Если мамуля тебя увидит, она рехнётся на месте!

— Рон, не веди себя, как тролль, — уняла его Блэз. — Она выглядит восхитительно.

— Восхитительно?! — Рон чуть не подавился. — Я б сказал, как она выглядит, только вот младших сестёр такими словами называть не положено!

— А мне нравится, как я выгляжу, — разглаживая ладонью юбку, сообщила Джинни. — Правда, Рон...

— Слава богу, что ты идёшь не с Малфоем, — заметил он. — Уж Симусу-то можно доверять — он не будет тебя лапать...

...О боже... Ему никто не сказал, — дошло до Джинни.

— Вообще-то...

— Она хочет сказать, что именно со мной и идёт, — материализовавшись у Рона за спиной, закончил Драко. — Вообще-то.

Рон уставился на слизеринца, который старательно расправлял манжеты. Драко был просто неотразим — правда, Джинни никак не могла взять в толк, в чём причина: простой и изящный, на первый взгляд, чёрный смокинг, простая белая рубашка — ах, ну, конечно же, изумрудные запонки! Волосы, спадающие на лоб почти до самых глаз, немного утомлённый вид... Джинни захотелось сказать ему, что он выглядит очень мило, но, наверное, мальчишкам таких слов не говорят.

— Но... Но... — начал заикаться Рон. — А что случилось с Симусом?

— Вот именно — что с ним стряслось?! Загадка тысячелетия.

— Они же должны были идти с Джинни на торжество... — точно такой же вид у Рона был в далёком детстве, когда шоколадка, предложенная ему Фредом и Джорджем, в момент укуса превратилась в кусок мыла. — С Симусом, а не с тобой!..

— А меня должна была сопровождать Блэз. Меня, а не тебя.

— Это разные вещи! — запротестовал Рон. — Разве это честно по отношению к Блэз, если её сердце в действительности отдано мне?..

Теперь даже Блэз закатила глаза, но Драко лишь улыбнулся.

— Разве это честно по отношению к Джинни, если он слинял невесту куда, а?

— Но... — снова начал Рон.

— Никаких «но», — отрезал Драко. — Не ищи под ногами землю, чтобы корчить из себя высокоморально-

го — не найдёшь. И вообще, если начистоту — ты ведь и сам пал с сияющих вершин морали, и настолько, что вот-вот врежешься в земное ядро.

Блэз зевнула.

— Мальчики, вы начнёте уже драться или как? Мы с Джинни тогда пойдём вперёд, а вы, как устанете махать кулаками... ну, или ещё чего буйного эге-гей-эротичного изобретёте... — словом, как закончите, можете присоединиться.

— Что?! — Рон выглядел так, словно получил удар в самое сердце. — На чьей ты стороне, Блэз?

— Ни на чьей, — ответила та. — С вас обоих со смеху помрётся. Так что я пошла.

И она зашуршала юбкой по коридору.

Рон помялся и наконец ткнул в Драко пальцем:

— Чтоб не совал лап к моей сестре, — мрачно велел он. — Я способен видеть будущее, Малфой, так вот: если хоть пальцем её тронешь, твоё окажется кратким и охренительно неприятным.

— В былые времена я бы воспользовался возможностью вернуть тут что-нибудь по поводу твоей ма-тушки, — отозвался Драко. — Но всё течёт, всё изменяется, так что ограничусь напоминанием, что не надо быть Прорицателем, дабы предсказать, что, если ты заставишь Блэз ждать тебя ещё хотя бы минуту, о сексе можешь позабыть. Навек. Поразмысли над этим.

Рон хрюкнул, хрустнул зубами и, напоследок покосившись на сестру, метнулся по коридору следом за Блэз.

— Бе, — прокомментировала Джинни. — Я, конечно, восхищаюсь тем, как ты это провернул, но неужели действительно надо было употреблять в одном предложении слово «секс» и моего брата?.. Потому что я бы...

Она умолкла, встретив его взгляд — Драко изучал её с головы до ног и с ног до головы. Мучительно медленно и крайне придирчиво. Их глаза вновь встретились, и он улыбнулся.

— Именно так, как я и представлял.

Сердце Джинни торкнулось в грудную клетку.

— Это хорошо?

— Очень хорошо, — Драко взял её за руку и привлёк к себе — не настолько близко, чтобы поцеловать, — лишь для того, чтобы очутиться рядом. — И носки с утятами я люблю, — сплетая свои пальцы с её, добавил он. — Они вносят нотку шарма.

Джинни глянула вниз на поблёскивающие из-под подола носочки туфель:

— Ты их помнишь?

Она не видела — просто почувствовала его улыбку:

— Я всё помню.

* * *

— Уже лучше, — рассмеялась Гермиона, которую Гарри вёл по бальному залу с целеустремлённостью, скорее бесстрастной, нежели изящной, однако от этого не менее трогательной.

Гарри улыбнулся, откинул волосы с глаз — всё это не отрывая взгляда от их ног.

— Лучше в смысле танца или в общеморальном смысле?

— Танца. Про твой моральный стержень я уже знаю — кажется, именно благодаря ему ты выиграл кое-какой турнир?

И тут он, всё продолжая улыбаться, поднял голову, а ещё через секунду наступил ей на ногу, хотя Гермиона, в общем, не возражала. Вопреки недавней нервозности, она таки смогла расслабиться в преддверии вечернего торжества — более строгого по сравнению с разудалой вечеринкой по поводу дня рождения Драко и Гарри в прошлом году. Нынче во всём чувствовалась рука Нарциссы, особенно в декоре: чёрные и белые шёлковые стяги свешивались с потолка, плавали зажжённые свечи — Гермиона поморщилась, по-

гда одна проплыла точнёхонько перед ней, однако жара не ощущалось; а ещё — и шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на горшок с чёрными или белыми розами, причём стоило цветку упасть, он становился шёлковым. Их вставляли в петлицы и прикалывали в честь праздника — Гермiona и сама, попутно уколовшись, подоткнула одну под синюю ленту в волосах.

Вдоль стены тянулся огромный стол, уставленный серебряными чашами с горами шербета на все вкусы, земляникой в шоколаде и прочими лакомствами. На сцене играли музыканты — такие хрупкие и сказочные на вид, ну чистые феи! Зато теперь Снейп едва ли вздумает петь караоке. У сцены, полностью погрузившись в свой приватный мир, качались в танце Сириус с Нарциссой.

...Вот и славно, — задумчиво отметила Гермiona, — люди получили второй шанс обрести счастье, причём именно те, которые страдали всю свою жизнь...

А вот насчёт профессора Люпина она волновалась — хоть бы, женившись, Сириус не забыл своего друга! Люпин иногда выглядел таким одиноким... И жил в маленьком домике где-то вдали от Хогвартса...

— О чём задумалась? — выдернул её из размышлений Гарри. — У тебя было такое серьёзное лицо...

— Да так... О людях, которые пропустили свою возможность найти счастье в жизни и остались одинокими... Просто... в голову пришло.

Он потянул её к себе:

— Гермiona, я...

За его плечом мелькнуло что-то алое, и она отстранилась.

— Сматри — Блэз и Рон, а за ними — Драко с Джинни. А я всё гадала, пойдут ли они вместе?..

Гарри повернулся, хотя без ожидаемого его энтузиазма:

— Блэз и Рон. Рехнуться можно.

Она засмеялась:

— А как насчёт Драко и Джинни?

Те как раз спускались по лестнице: Драко весь чёрно-белый, в тон цветовому решению зала, и обаятая алым пламенем — алым платьем, которое Гермiona раньше не видела, — Джинни, прекрасная и излучающая энергию.

— Это давно витало в воздухе, — сказал Гарри. — Вопрос, чем всё закончится, — они сделали поворот и теперь она смотрела на ряд стеклянных дверей в противоположном конце зала, что вели на мраморные балконы. Рядом танцевали Флёр Делакур и Виктор Крум — она отрывисто выговаривала ему по-французски, а он терпеливо кивал, хотя (Гермiona об этом знала) не понимал по-французски ни слова. Но, может, оно и к лучшему.

— Разумеется, — кивнула Гермiona. — Никогда нельзя сказать, к чему придут — или не придут — отношения между людьми. Особенно если смотреть снаружи, — толпа расступилась, и она увидела мистера и миссис Уизли. Совершенно довольные миром и друг другом, они, обнявшись, тоже танцевали. — Но ведь так здорово, когда всё получается, правда?

— Правда, — кивнул Гарри, — вот потому-то...

— Боже, — не дала ему договорить Гермiona, — Снейп. Каждый раз не устаю поражаться, встречая его на чём-то мало-мальски напоминающем праздник, — она кивком указала туда, где с дымящейся кружкой в руке Снейп беседовал с Чарли Уизли и Люпином. — А кто-то, — она усмехнулась, — женится на собственной работе...

— Гермiona, — уже раздражаясь, снова начал Гарри, — я целых пять минут пытаюсь кое-что тебе сказать, а ты меня всё перебиваешь и перебиваешь. Можешь хотя бы секунду просто послушать?

— Ой! — очнулась она. — Прости, что-то я разболталась... Ну так?..

— В общем... — начал Гарри и умолк. Гермiona взглянула на него и впервые за этот вечер увидела

и лихорадочный румянец на щеках, и острый проблеск глаз, и отчаянно колотящуюся жилку на горле.

— Гарри, что-то случилось? — тут же перепугалась она.

— Н-нет... Ничего не случилось... — крепко взяв её за руки, он увлёк Гермionу к нише, подальше от остальных. — Просто это личное...

— Но с тобой точно всё в порядке? — она судорожно всматривалась ему в лицо, пытаясь понять, в чём дело. — Точно?

Он отпустил её руку и притянул к себе лицо, ласково, словно целуя, прикоснувшись к щекам кончиками пальцев. Это ощущение было таким знакомым — знакомым, как весь Гарри, любимым, как весь Гарри, — любимым, как лучшая часть её самой. Он смотрел на неё сверху вниз широко открытыми глазами, часто-часто дыша; инстинкт подсказал ей, что нужно обнять его и утешить, — ведь только неимоверная боль могла заставить его смотреть на неё с таким напряжением.

— Гермiona, — раньше чем она успела двинуться, заговорил он, — я хочу кое о чём попросить тебя, Гермiona...

— Так попроси же, Гарри, — удивлённо ответила она. — Проси меня о чём хочешь, о чём угодно.

Его руки съехали ей на плечи, и Гарри сжал их так, что стало больно.

— Гермiona, — всё в том же тоне продолжил он, — выходи за меня замуж...

Она почувствовала, как распахиваются её глаза и останавливается сердце — того и гляди, уснёт на годы, будто уколовшаяся иголкой Спящая Красавица. Интересно, а уснёт ли вместе с ней и весь мир?.. Но нет — она же Гермiona Грейнджер, а не сказочная принцесса, а потому не упадёт с бухты-барахты ни в какой обморок, как бы ей ни хотелось это сделать сейчас, когда она смотрела Гарри в глаза. В его прекрасные, любимые, такие знакомые зелёные глаза, полные надежды...

— Нет, Гарри. Нет. Это невозможно. Прости, но я не могу.

* * *

— Тебе не кажется, что самое время представить меня родителям? — поинтересовалась Блэз, когда они двигались — вполне грациозно, как не сомневался Рон, делая поправку на отсутствие у него танцевальной практики, — по мраморному полу бального зала Именина. — Раз уж мы, так сказать, официально известили твоих друзей.

— Пожалуй, — неуверенно согласился Рон, который всё никак не мог перестать думать о том, как же отнесётся Блэз к его весьма приземлённому и потрепанному семейству. Попытка представить её помогающей маме с генеральной уборкой закончилась полным провалом.

— Стидишься меня, да? — резко спросила она, пронзая его зелёным взглядом. — Пока просто бегал налево, я, значит, годилась, а как дошло до знакомства с роднёй...

— Да никогда я не считал, будто бегаю налево! — запротестовал Рон, подозревая, что эту битву, как и все прочие, тоже проиграет.

Может, потому, что она не играла по правилам. Это всё равно, что встречаться с Малфоем, если бы, — тут же поправился он, — если бы Малфой вдруг оказался девушкой. Очаровательной девушкой. Влекущей к себе.

...И придёт же в голову такая жуть...

— Да что с тобой, Рон? — не унималась Блэз, выпонная сложный разворот и на буксире таща его следом. — Ты прямо позеленел. Не бойся, знакомство с родителями — это ещё не конец света.

— Да нет, — слабо проблеял Рон, — дело не в этом...

Блэз улыбнулась так, что у него подогнулись колени.

— Ты ж у нас Прорицатель. Загляни в будущее и узнаешь, как они примут новость.

— А что ты скажешь, если узнаешь, что именно это запустит Апокалипсис, и в итоге вся земля рухнет во мглу, а континенты похоронит под собой kloкочущая магла?

— Скажу, что ты уклоняешься от ответа.

— Я так и думал, — Рон вздохнул. — Знаешь, пусть лучше Джинни это сделает за меня.

Блэз хмыкнула.

— Похоже, она сейчас немножко занята.

Рон проследил направление её взгляда и увидел сестрицу в наводящем ужас красном платье. В обнимку с Драко Малфоем. Они даже не танцевали — скорее, висели друг на друге.

— Но с чего вдруг? — печально спросил Рона. — Я думал, она пережила свою малфоезависимость...

И тут он застыл, прервавшись на полуслове. Прямо позади Драко с Джинни меж танцующих пар с молниеносной стремительностью тени двигалась до боли знакомая темноволосая фигура. Он бы узнал её где угодно — и по походке, и потому, как окутывали её, будто шаль, чёрные волосы, и по бледному лицу, напоминающему светлый мазок во внезапно наполнившейся сумраком комнате...

Рисенн.

Она знала, что замечена — подняла руку, тонкую и бледную, — и поманила его к себе. И отвернулась с улыбкой, чтобы проскользнуть меж танцоров к низкой дверце на восточной стороне зала.

— Рон, в чём дело? — теперь Блэз взаправду волновалась. — Ты не...

— Я мигом.

Рон кинулся следом за Рисенн, оставив Блэз посреди зала озадаченно смотреть ему вслед.

* * *

В помещении было полно народа, и все танцевали. Джинни отстранённо осознала, что это балльный зал малфоевского Имения, задрапированный белыми и чёрными шелками, что призраками реяли в воздухе, пересыпаемые потоком лепестков роз... Поблёскивала ледяная скульптура, меняющая форму по мере таяния — вот стала цветком... а вот — лебедем с распростёртыми крыльями... Да, она всё это видела и не видела в то же самое время, полностью сосредоточившись на Драко.

Спускаясь с лестницы, они ещё пересмеивались, но едва закружились в танце, всё разом изменилось: угас разговор, растворившийся в чувствах, которые всколыхнулись, едва они коснулись друг друга. И Джинни знала, что не одинока в этом — она видела, как кривится его лицо в удивлённой гримасе, а значит, Драко и сам обескуражен собственной реакцией.

Неровная от шрама ладонь лежала на её голой спине, пальцы другой руки невесомо удерживали запястье. Во рту у Джинни пересохло, а сердце будто утратило всякий вес, став при всей этой переполненности лёгким, как пушинка, — ничего подобного она с Симусом не испытывала ни разу. Даже когда он целовал её, это и близко не походило на то, что творило с ней одно лишь прикосновение рук Драко. Она ощущала себя открытой раной — свежей и уязвимой, но, в то же самое время, едва ли могла припомнить, когда ещё испытывала такой подъём. И на ум пришло слово — почти забытое, почти вычеркнутое из её жизни.

Надежда.

«Люблю и надеюсь».

Они миновали стол с ледяной скульптурой — та как раз преобразилась из сердца в мерцающую звезду.

— Что-что ты сказала? — переспросил Драко, наклоняясь, чтобы лучше слышать. Его волосы пощекотали ей щёку.

Джинни даже не осознала, что, оказывается, говорила вслух. Она залилась румянцем.

— А я и не замечала этого изваяния!.. Красиво до жути.

— Ага. Мать сама себя превзошла, — равнодушно отозвался Драко. — Наверное, потому что раньше отец её и близко к внутреннему дизайну не подпускал.

— На неё это не очень похоже... Такое тёмное дерево и... Что?.. Да ты надо мной смеёшься! — заметив улыбку, воскликнула она.

— Каждый раз, когда мы протанцовываем мимо твоего братца и Блэз, он ест меня взглядом, — сообщил Драко. — Похоже, ничуть не сомневается, что я намерен, говоря его языком, «совать к тебе лапы».

— А разве нет?

Драко засмеялся.

— Вечно я забываю о твоей прямолинейности. Нет, Джинни, я не собираюсь распускать руки. Разве что ты сама об этом попросишь.

Она замотала головой так, что золотые заколки-бабочки застучали в волосах:

— Думаю, по этому поводу ты вполне можешь расслабиться.

— Научилась плевать в душу, да, Уизли? — развесялился он. — Знаешь, мне потребовался не один год, чтобы догадаться, кто есть кто на самом деле.

— Что?.. — захлопала глазами она.

— Мне было двенадцать, — начал Драко, — и я прибыл домой на летние каникулы. И забрёл в поисках отца в библиотеку. Отца там не обнаружилось, зато обнаружился кое-кто другой: самая прекрасная на свете девушка: чуть повыше меня, с волосами цвета раскалённого пламени свечи...

— Ты знал, что это я?! — ошолбенела Джинни. — Ты запомнил?!

— Говорю же, мне потребовалась куча времени, чтобы догадаться, что это ты. Тебе ведь тогда было одиннадцать — торчащие коленки, огромные глаза плюс влюблённость в Гарри Поттера по самые уши. Я б ни в жизнь не соотнёс тебя с потрясающей красавицей в библиотеке, которая сказала, что будет моей гувернанткой, и через миг исчезла, будто её и не было.

Джинни рассмеялась.

— Кажется, я назвала тебя крошкой.

— Именно. И ущемила мою мужскую гордость.

— Мужскую гордость?! Господи, какая мужская гордость в двенадцать лет!

— И, кстати, я был страшно разочарован, узнав, что на самом деле ты не будешь моей гувернанткой. А я было размялся, как напроказничаю, и ты накажешь меня...

— Счастлива слышать, что уже в таком возрасте ты был законченным извращенцем.

— Уверю тебя, всякие фантазии о гувернантках — это совершенно нормально, особенно в высших слоях общества, — и Драко ловко выполнил сложное па.

— Поэтому ты мне и рассказываешь? — поинтересовалась Джинни. — Имей в виду — я не собираюсь рядиться в...

— Т-ш! — Драко приложил палец к её губам, и Джинни почувствовала пряный аромат одеколона. — Я рассказал эту историю лишь затем, чтобы ты знала — год за годом я мечтал о тебе в образе той девушки... Девушки, по которой я оценивал прочих, — пусть не знал тебя, даже имени не ведал. А потом вдруг понял — а ведь мне всё было известно с самого начала, просто я не осознал, что ты...

— Малфой, — перепугав их обоих, прервал его знакомый голос. Драко остановился и, обернувшись, они с Джинни уставились на Гарри, причём не они одни, а весь танцзал — судя по всему, подумала Джинни, он шёл сквозь толпу напролом. Сбившийся ворот рубашки, растерянный, словно только что получил чем-то тяжёлым по голове, взгляд. — Малфой, — повторил Гарри, — надо поговорить.

Джинни потянула руки от Драко, ожидая, что тот вот-вот отступит, но он смотрел на Гарри с совершенно ошеломлённым выражением лица.

— Сейчас?..

— Мне нужно с тобой поговорить, — повторил Гарри. Вид у него при этом был такой, что Джинни испугалась, как бы ему вот-вот не стало дурно.

Она попятилась, но Драко удерживал её за руки, да так крепко, что косточки пальцев уже начинали слипаться.

— Гарри, сейчас не самое подходящее время.

— Но... — Гарри посмотрел на Драко, потом на Джинни, потом снова на Драко, и на его бледных щеках проступил румянец. — Ты прав. Прошу прощения за грубость, — он развернулся и пошёл прочь, продираясь сквозь танцующих, словно силаясь меж них затеряться.

Джинни взглянула на Драко:

— Я, в общем-то, не против... — не успела она закончить, слизеринец притянул её к себе и снова повёл в танце.

— Всё хорошо, — шепнул он. — О чём бишь мы говорили? О губернёрстве?

— И о сливках общества, — как можно легкомысленней добавила она, уже видя по его лицу, что всё как раз таки не хорошо: танцующий шаловливый огонёк покинул его взор, и глаза стали серыми, как сланец. А ещё он отстранялся вместо того, чтобы льнуть к ней, как раньше.

— Итак, — произнёс он, — я говорил, что...

Джинни отступила тогда, когда он совсем этого не ожидал, — высвободилась и попятилась.

В его глазах вспыхнуло понимание.

— Драко, ступай.

— Я...

— Ступай, говорю.

Мгновение взгляда в упор — Драко чертыхнулся под нос и развернулся. Джинни видела его светлые волосы, пока толпа не поглотила их вместе с прочими частями его тела. Она забыла спросить, знает ли он, куда понесло Гарри... Хотя, собственно, зачем спрашивать? Он ведь всегда знал...

Рука потянулась к цепочке на шее. А стоило изготвить кулончик со словами из письма Симуса.

«Я люблю тебя, но...»

Как ни крути, всегда существует какое-нибудь «но».

* * *

Он нашёл её на балконе, бесстрашно сидящей на мраморных перилах над садом далеко внизу: распущенные чёрные волосы до пят колыхались в едва заметном ветерке, платье в цвет волосам — такое чёрное, будто сама ночь наплатила его. На заострённом лице ни намёка на цвет за исключением красного мазка губ, растянутых в гротескно-широкой, словно комедийная маска, улыбке.

И босые ноги.

— Прорицатель, — сказала она, — рада снова повидать тебя.

Рон перешагнул через порог и плотно прикрыл за собой дверь. Огляделся. Балконы рядом тянулись вдоль этой стены Имения, заполненные жаждущими уединения парочками. На самом дальнем виднелась одинокая девичья фигурка, чьё лицо ему не удалось рассмотреть из-за расстояния. В любом случае, их никто не подслушает.

— Не надеялся, что ты придёшь, — заметил он.

Её улыбка стала ещё шире.

— Вообще-то я уже не отвечаю на призывы... Но ты мне нравишься, потому я всё же пришла. Хотя и не льщу себе, считая, будто ты по мне соскучился.

— Да уж, как гляну на тебя, так сразу вспоминаю, как сидел заперти у Вольдеморта, — признался Рон, — тут уж ничего не поделаешь. Но ты хотя бы сделала заточение сносным.

— Я, знаешь ли, к пленникам равнодушна. Особенно к настолько очаровательно-человечным — ты выглядел удивительно обычным вопреки своему дару.

— Я и есть самый обычный, — ответил Рон, — и мне это нравится.

— И как, по-прежнему зришь в будущее? — спросила Рисенн и босой ногой ловко погладила его по груди, поддевая пуговицы рубашки кончиками пальцев.

— Не надо, — без обиняков сказал он. — Теперь у меня есть девушка.

— Видела-видела. Та рыженькая. Прямо «не влезай-убьёт». Любишь её?

— Да, — ответил Рон.

Рисенн вздохнула.

— Какое печальное известие. Только не говори, будто позвал меня, чтобы сообщить это и только, не то я жутко рассержусь.

— По правде, хотел попросить тебя кое о какой услуге.

Правдой это было лишь отчасти. Вообще, придумала всё Джинни, Рон согласился на этот план с большой неохотой, старательно не прислушиваясь к внутреннему голосу, нащёптывающему, что лишь половина сестрицыных идей увенчивалась грандиозными победами. Вторая половина заканчивалась не менее громкими провалами. Оставалось только уповать, что этот план относится к первой половине.

— Ты ведь можешь путешествовать во времени, верно?

Она с любопытством прищурилась.

— Я могу перемещаться в измерениях, одним из которых и является время. Но я этим не злоупотребляю — прошлое изменить нельзя, да и особого смысла заявляться в будущее тоже нет: всё равно однажды там окажешься.

— Не нужно менять прошлое. Нужно просто поспособствовать, чтобы кое-что произошло, — сказал Рон.

Рисенн нахмурилась.

— То есть?

Он вытащил из кармана алый браслет, словно отлитый из стекла, всю поверхность которого покрывали странные руны.

— Ты когда-нибудь это видела?

— Нет.

У него разом ослабли колени: похоже, катастрофы не предвидится...

— Нужно, чтобы ты отправилась в прошлое и кое-кому его передала, — попросил он.

— От видений будущего у тебя, похоже, ум за разом зашёл, — покачала головой демонесса. — Зачем это нужно?

— Потому что ты это уже сделала... Короче, я знаю — действительно сделала, ведь ты отдала этот браслет Чарли, чтобы он передал его Гарри... А потом предупредила насчёт него самого Гарри... Просто пока этого ещё не произошло, вот ты и не помнишь.

Рисенн смотрела на него серыми, по-змеиному немигающими глазами.

— А кто такой Чарли?

Рон ткнул пальцем в окно:

— Вон, смотри. Это мой брат. Вон тот.

— Симпатичный, — с удовольствием отметила Рисенн, — он мне нравится. Похож на тебя, только пожестче. И постарше.

— Значит, молодые тебе не по вкусу?

— Когда тебе шесть веков, все мужчины молоды. Но иногда приятно, когда разница в возрасте поменьше, — она взяла из рук Рона браслет и принялась его разглядывать. — Здесь сильные защитные руны.

— Знаю, — нервно поглядывая в окошко, кивнул Рон: ещё чуть-чуть, и Блэз его прибьёт. — Потому-то и нужно, чтобы он попал к Гарри.

— Сколько хлопот...

— Никуда не денешься, — вскинулся Рон, — если не передашь, то у Гарри его не будет, а если его не будет, то они с Драко не победят Вольдеморта в Румынии, а если они не победят Вольдеморта в Румынии, то Люциус никогда не умрёт. И ты не освободишься.

Она явно колебалась.

— Люциус... Как он умер?

— Я его убил, — без обиняков заявил Рон. Это было правдой: пусть он не держал рукоять пронзающего Малфоя-старшего меча, и, тем не менее, именно он и стал причиной его смерти.

Пальцы Рисенн стиснули браслет так, что костяшки побелели и заострились.

— Убил его? — выдохнула она сквозь зубы. Рон кивнул. — Что ж, тогда я действительно тебе обязана. Говори в подробностях, что делать.

Рон слово в слово повторил то, что сказала ему Джинни, хотя пара деталей выскользнула из памяти.

— Короче, плети что угодно, лишь бы Чарли взял у тебя браслет. И пусть прихватит его с собой на вечеринку и передаст Гарри. Главное — чтобы он не видел твоего лица и не сумел тебя описать. На вечеринке можешь и Гарри навешать лапши на уши — нужно, чтобы он не швырнул эту хреновину в чемодан, а таскал при себе.

— Запросто, — надевая браслет на руку, в тон ему кивнула Рисенн. Потом качнулась к нему, откидывая волосы за спину: — Как насчёт прощального поцелуя?..

— Увы, — с напускным сожалением сказал Рон. — Не могу: девушка.

— Тогда пообещай, что мы ещё увидимся, Прорицатель.

— Нет, — на этот раз сожаление было искренним. — Мы больше не увидимся, однако тебе предстоит долгая жизнь — не одно тысячелетие: ты позабудешь и меня, и даже имя моё... Но, надеюсь, ты запомнишь...

Рисенн попятилась — сейчас она выглядела странно и сказочно: лунный свет выбелил ее лишённое возраста лицо, и зубы под улыбкой по-котёночьи заострились:

— Запомню?..

— ...что даже самые обычные из нас тоже кое-что стоят. И что любви на свете куда больше, чем боли. И иногда она даже может сделать тебя счастливым.

— Счастливой? Никогда такой не была.

— Не была, — согласился он. — Но станешь.

Она улыбалась. И эта улыбка, самая настоящая, ничуть не походила на маску. Рисенн встала, легкомысленно балансируя на самом краю перил — Рон даже протянул было руку, но тут она сделала шаг назад, прочь от его руки, и исчезла.

Рон подбежал к перилам, перегнулся — под ним был сад.

Демонесса пропала, осталось лишь эхо её серебряного смеха.

* * *

В библиотеке царила темнота. Гарри сидел в оконном проёме, обхватив колени, и обозревал залитые сиянием просторы Имения. Это дежа-вю едва не сшибло Драко с ног — он даже замер в дверях: неужели?.. Неужели так оно и будет всегда?..

Он взял со стола незажжённую лампу и шепнул «Люмос».

Гарри обернулся на свет и замигал:

— Малфой?.. А я думал...

— Что именно?..

— Что ты занят, — сомканно закончил Гарри.

— Был занят. Теперь свободен.

Он подошёл к окну, и Гарри свесил с подоконника ноги, чтобы можно было присесть рядом. На противоположной стене располагалось ещё два витражных окна, и смотрящая сквозь них луна разукрашивала лица юношей ядовито-зелёными, льдистосиними и кроваво-красными узорами.

— Ну-с, и что это у тебя с физиономией? Не иначе, ты обнаружил, что вы с профессором Трелани остались единственными людьми на планете и теперь только от вас зависит выживание человечества?

Гарри нахмурился:

— Профессор Трелани?.. С какого перепуга ты вдруг...

— А, значит, дело не в этом.

— Конечно не в этом! — негодуя буркнул Гарри, но спохватился и взял себя в руки: — Это из-за Гермионы.

— Не поверишь — сейчас свалюсь с подоконника от изумления, — он поднёс лампу к лицу Гарри. — Слушай, краше в гроб кладут, — заметил он. — Что ж такого она натворила-то?

— Не она, а я. Я сделал ей предложение.

Вот теперь Драко действительно был поражён — чуть лампу не выронил, так дрогнула рука. Он едва-едва успел поймать её за петлю, и она закачалась, выстрелив пригоршней безумно мечущихся по стенам теней.

— На кой ляд ты сделал это, тупица?!

Гарри мрачно уставился на него:

— А что не так, если делаешь людям предложение?!

— Много чего. Например, ты сейчас дал мне понять, что сделал предложение не одному человеку, а целой толпе — представляешь, как они разозлятся, повстречавшись в церкви? А что до Гермионы — то, в общем, всё в порядке, за исключением того, что ни ты, ни она пока не достигли брачного возраста. Или ты собираешься вести к венцу несовершеннолетнюю?

— Семнадцать лет для магического мира вполне взрослый возраст, — пробурчал Гарри.

— Верно. То есть ты можешь жениться. Но не обязан. Не всё, что законно, гениально. Кстати, обратное тоже верно.

— Но я хочу жениться! И хочу жениться на Гермионе. Я вообще не представляю рядом с собой кого-то другого, а мысль о том, что я могу её потерять, мне и вовсе невыносима!

— Потерять? — Драко осторожно поставил лампу. — А кто говорит про «потерять»? Не надо думать, будто... хм... либо женитьба, либо ничего. И потом, — уже мягче добавил он, — нельзя жениться лишь для того, чтобы привязать человека к себе. Люди остаются рядом потому, что им этого хочется, не силком же их заставляют, верно?

— Мои родители поженились совсем молодыми.

— Тогда была война, и они знали, что, возможно, погибнут.

...и погибли, — несказанные, повисли меж ними слова.

— У меня чувство, будто я могу погибнуть, — угрюмо ответил Гарри. — И мне не за что уцепиться.

...Есть же я, — чуть не сказал Драко.

Но останется ли всё по-прежнему, когда снимут заклятье?

Он знал, что Гарри подумал о том же, — хватило одного взгляда на его лицо (а будет ли кто другой в жизни Драко, чьи мысли он сможет читать с такой же лёгкостью?), а потому сказал:

— Не надо мелодраматизма, Поттер. Она сказала, что больше не хочет тебя видеть?

— Нет, — признал Гарри.

— Она сказала, что её тошнит от одного твоего вида?

— Нет.

— Так что же она сказала?

— Она сказала «нет», — ответил Гарри. — Сказала, что это невозможно.

— А ты?

— Ушёл, — словно само собой разумеющееся, ответил Гарри. — Отправился искать тебя или Рона. Но Рон куда-то делся, а ты был это... того... Занят.

— Ты у нас сама тактичность. Ты хоть додумался спросить её, почему она отказала?

— Разумеется, нет! Тебя б на моё место! В смысле — у меня и гордость имеется, — натянуто добавил Гарри, сразу превратившись в мальчишку в своём парадном одеянии, съехавших на кончик носа очках и полуразвязанном галстуке.

— Гордость лишь помеха во всём, что касается дел сердечных, — задумчиво отметил Драко. — Я бы вот поинтересовался. Это же Гермиона — у неё наверняка имеются причины.

— А я, может, не желаю их знать.

— Знание — сила, — наставительно сообщил Драко. — В противном случае порвёшься на части от догадок. И меня умаешь до смерти своими бесконечными стенаниями, — многозначительно добавил он.

Гарри уткнулся головой в ладони, а когда убрал их, боевого задора как не бывало:

— Ладно... Но если добром дело не кончится, Малфой, спрос будет с тебя.

Он съехал с подоконника, и Драко следом за ним — вернул лампу обратно на стол, и вместе юноши вышли из библиотеки, заморгав глазами, едва сделали шаг в ярко освещённый коридор.

Драко искоса глянул на Гарри:

— Не хочешь хлебнуть для храбрости, Поттер?

— Нет. Я когда выпью, тупею, — Гарри расправил плечи. — Всё будет как надо.

— Хорошо б ты ещё выглядел как надо, — заметил Драко, когда они шли в сторону бального зала. — А то ты какой-то розовато-зелёный. Кстати, под цвет глаз, в каком-то смысле. Хотя с другой стороны, похож на устрицу.

— Ничем не могу помочь, — они как раз добрались до двустворчатых дверей, и Гарри, развернувшись, скорбно воззрился на Драко. — У тебя такого никогда не случалось — будто в груди поселилось какое-то страшное чудовище, и оно решило вдруг вырваться на свободу? Неужели так себя чувствуют все, кто влюблён?

— Сомневаюсь, — распахнув двери элегантно пинком, Драко жестом пригласил Гарри следовать за ним. — Наверное, ты просто съел что-то. К колдомедику на досуге загляни.

* * *

Джинни, — решил Драко, — легче лёгкого найти по огнеопасному платью и не менее огнеопасным волосам.

Однако, она, судя по всему, исчезла из бального зала. Он поймал рыжий всполох у серебряной чаши с пуншем, но тот на поверку оказался Чарли Уизли, который вёл в танце Блэз Забини. Блэз выглядела вполне собой довольной, и Драко подумал, уж не решила ли она послать одного Уизли ради другого... Чарли всяко выигрывал — и внешне, и за счёт интеллекта, да вот только Блэз на свой собственный лад была девушкой на удивление верной. И она сохранит верность Рону, путь тот даже и пальцем не пошевелил, чтобы её заслужить.

Драко было направился к французским дверям — проверить, не вышла ли Джинни на один из балконов, но тут его плеча коснулась чья-то рука. Развернувшись, он увидел за спиной Дамблдора — с серебряной пивной кружкой в руке директор загадочно лучился, взирая на слизеринца с высоты своего роста:

— Дай-ка, думаю, гляну, как там наш новорожденный...

Драко моргнул:

— Это не мой день рождения, сэр — он был в прошлый раз. Сегодня — свадьба моей матери.

— Экий я старый дурак... — махнул рукой Дамблдор, но Драко поймал смешинку в глазах директора и не в первый раз подивился, что ж у того на уме. — И как ты — веселишься?

— Вроде того.

— Не слишком боишься завтрашнего дня? — всё тем же легкомысленным тоном продолжил директор, но взгляд разом стал пронзительным.

— Завтрашнего? — медленно повторил Драко. — Вы про... про снятие заклинания, о котором мы говорили? Разве оно уже завтра?

— Ожидаю вас обоих в кабинете в полдень, верно-

верно.

Драко ничего не сказал.

— Не надо думать, будто я в восторге от той жестокой роли, что мне выпала, — уже мягче добавил Дамблдор. — Я бы так не поступил, если б не считал, что всё делается для твоего же блага.

— Моего, значит, блага, — повторил Драко без всяких эмоций.

— Не согласны, мистер Малфой?

Драко посмотрел на свою левую руку. Широкий шрам крест-накрест пересёк ладонь и, казалось, источал свой собственный свет в мерцании огней зала.

— Знаете, часть меня не перестаёт гадать, кто же выйдет завтра из этого кабинета, когда вы с нами закончите. Гарри останется тем же. Я не изменил его в той степени, в какой он изменил меня. А вот узнаю ли я себя... То ли завтрашний я буду состоять целиком из лжи... То ли я сегодняшний — одна лишь ложь... А ведь уже год, как я такой...

— Не уверен в твоей правоте насчёт Гарри и того, насколько ты на него повлиял, но давай-ка отложим ненужные споры на потом, — с суховатой озабоченностью предложил Дамблдор. — Если ты не против темы, которой я сейчас коснусь... Скажи-ка, Драко, правда или нет, что в последний миг жизни твоего отца наложенное на него Вольдемортом проклятие исчезло?

Как всегда, когда речь заходила об отце, Драко ощутил, что из лёгких куда-то исчез весь воздух.

— Дело не в проклятье, — сдавленным голосом ответил он. — К нему просто вернулось то, что Вольдемортом когда-то забрал.

— Отцовская любовь.

Драко кивнул.

...Воздуха, — подумал он, мечтая выбраться на балкон и надышаться досыта.

— Должно быть, тебе было непросто.

— Тогда я ничего не ощутил. Он смотрел на меня и говорил, говорил — слова, которых я от него никогда не слышал... и не услышал бы... И я подумал тогда — и снова ложь...

— Но на деле он говорил правду, — сказал Дамблдор. — А ложью были семнадцать прошедших лет.

Драко отвернулся, не в силах выдерживать пристальный взгляд школьного директора.

— Какая теперь разница. Слишком мало правды. И слишком поздно.

— Согласен, — к его удивлению, кивнул Дамблдор. — Именно этого я для тебя и не желаю: слишком поздно обнаружить, что ты есть на самом деле. И прожить жизнь во лжи.

— А если я возненавижу «истинного» меня? А если стану подонком, каким себя помню? Что тогда?

— Выбор существует всегда, — заметил Дамблдор. — Уродливая правда против прекрасной лжи.

— Я думал, лишь правда и прекрасна... — мрачно усмехнулся Драко.

— Разве что в поэзии. Но не в жизни.

— Наверное, потому я и люблю поэзию, — сказал Драко. Он поднял глаза на Дамблдора. — Знаете... — идея, периодически крутившаяся у него в голове, но так и не получившая окончательного осмысления, внезапно шагнула в жизнь, — я хочу кое о чём вас спросить. Если б вообще было возможно...

— Ты чего-то желаешь? — блеснув глазами за стёклами очков, встрепенулся Дамблдор. — Если насчёт кубка по квиддичу...

— Нет, я не о нём — это вообще со школой не связано... Ну, может быть — отдалённо, косвенно, не слишком... В смысле...

— Думаю, тебе стоит начать сначала, — с улыбкой посоветовал директор, — и объяснить, чего ты хочешь. Как знать? Возможно, я смогу тебе помочь...

* * *

Каждая стеклянная дверь на дальнем конце бального зала открывалась на крохотный смотрящий в сад

балкончик. Место так и дышало романтикой, и Гарри спугнул несколько милующихся парочек — включая Эйдана Линча с неопознанной грудастой красоткой в тугом розовом корсаже, — прежде чем нашёл Гермину.

Двери были нараспашку, потому-то она и не заметила его появления: стояла, прислонившись к балюстраде и теребя кулон. На ней было простое синее-белое платье в стиле ампира, без всяких рюшей или кружев, отвлекающих внимание от чистых линий; буйные кудри собраны на затылке, хотя большинству уже удалось вырваться на свободу, и теперь они обрамляли лицо; а из-под стянувшей их синей ленты торчала подоткнутая ещё в зале чёрная шёлковая роза. Гарри всегда думал, что Гермину выглядит вне времени и могла бы жить в любом веке — пусть не красавица в общепринятом смысле, зато все черты её точёного лица свидетельствовали о духовной силе и изяществе. Он любил её всю — с головы до ног, до самой последней косточки — и собирался любить всегда, собирался смотреть, как с годами зреет на его глазах её красота...

Выходит, этому не бывать...

Над рёбрами заломило, словно он долго и быстро бежал и вот — задохнулся.

Он позвал её по имени, Гермину повернулась. Её рука опустилась, и на щеке что-то синевато блеснуло.

— Гарри? — потрясённо выдохнула она.

Он закрыл двери, хлопнул ладонью по замку и шепнул заклятье — «клик», и двери заперлись. Гермину не сводила с него широко раскрытых глаз.

— Я... Я не думала, что ты захочешь...

— Чего захочу? — самым спокойным из всех возможных тонов уточнил Гарри.

— ...снова меня увидеть, — она прикусила губу.

— Снова? — он сам удивился ровности и лёгкости, с какими произнёс это слово — кто бы мог подумать, что удастся держать свои эмоции в узде и... — он вдруг осознал — ...и говорить прямо как он. Как Малфой. Нельзя не отметить, что способность Драко прятать всё, что у него на душе, крайне раздражала Гарри в прошлом, однако сейчас он с облегчением распахнул ей объятия. Накричи он на Гермину, это бы ничуть не помогло, разве что сделало их обоих ещё несчастней. Он испытал благодарность — какая-то часть Драко стала его собственной, и теперь он может разговаривать... — Я бы такого не допустил, — сказал Гарри, отходя от дверей, и Гермину напряглась при его приближении, но он просто прислонился к балюстраде неподалёку. Повернулся, посмотрел на неё: — Нельзя, чтобы это разрушило нашу дружбу.

— Нет, мне... — он-то предполагал, что ей сразу станет легче, но вместо этого Гермину совсем расстроилась. — Мне этого тоже не хотелось.

— Рад слышать.

На соседних балконах Гарри видел фигурки других людей — в основном парочки, и это заставило его испытать приступ жгучей зависти. Что делать — может, эмоции-то он и научился держать в кулаке, вот только начинать надо с того, чтобы их и вовсе не существовало.

— Итак, чего же ты хочешь? Быть просто друзьями? — Гермину быстро отвернулась, словно пытаясь скрыть выражение лица. — Если да, только скажи — и я больше никогда не подниму этот вопрос.

— Не ваяя дурака, Гарри, — сдавленно попросила она.

— Дурака? — начал потихоньку заостряться такой спокойный совсем недавно голос — похоже, всё, что в Гарри было малфоевского, иссякло. — Я полагал, мы всю жизнь будем вместе, а ты заявила, что об этом и думать нельзя! Не приходит в голову, что я, по крайней мере, заслуживаю объяснения — почему? И вообще — чего ты от меня хочешь? Получается, я должен остаться рядом, и понятия не имея, что на самом деле ты обо мне...

— Ты и не обязан оставаться рядом, — по-прежнему сдавленно перебила Гермину. — Я принята

в Корнуэлльский Институт Колдомедицины. Хочу стать колдомедиком, Гарри. Не желаю сидеть сложа руки, когда дорогие мне люди мучаются от ран или умирают, — она глубоко вздохнула. — Начинаю через неделю. Годовой курс там, после чего собираюсь на стажировку в Лондон.

— Годовой курс? Так ты из-за этого?.. Гермину, год я запросто подожду — мы можем пожениться, когда ты закончишь, и переехать в Лондон...

— Да дело не в этом! — вспыхнула она и повернулась. Глаза сияли слезами. — Дело не во мне, а в тебе.

...Началось — «не виноватая я, это всё ты!» — шепнул Гарри внутренний голосок. — Пять баллов за оригинальность.

Значит, теперь он и думать начал, как Драко.

Гарри затолкал голосок поглубже.

— И что со мной не так? Решила, будто я тебя не отпускаю? Да — я буду скучать, но, разумеется, понимаю, как важна для тебя учёба и...

— Да нет же, нет, дело не в этом! — в отчаянии воскликнула Гермину. — Разве ты не...

— ...могу поехать с тобой. Мы снимем дом — ты посвятишь себя работе. Заодно и деньги на жильё сэкономишь, а я...

— Гарри, пожалуйста, постарайся понять...

Его гнев наконец-то вырвался на волю:

— По-моему, вполне очевидно, что я никак не могу это сделать!

— А я понятия не имею, как объяснить. Понимаешь, я... — она сделала судорожный вздох, — с того самого мига, как мы встретились, Гарри, всё то время, что я тебя знаю, твоя жизнь была подчинена одному. Убить Вольдеморта. Мне всегда это казалось ужасно печальным — как же так, ничего просто для себя, ничего, что тебе бы просто хотелось... Словно твоя жизнь такая узенькая-узенькая... Но потом я всё поняла. Для тебя это было вопросом жизни и смерти. Для тебя и для всех нас. Но беда в том, что по-другому ты жить не умеешь. С тех пор, как исчез Вольдеморт, я вижу, как ты пытаешься найти себе другую цель... И теперь смыслом своей жизни решил сделать меня... Нет, Гарри, я тебе не позволю. Люби я тебя меньше — возможно, не стала бы возражать, возможно, порадовалась бы, что мой парень так меня обожает. Но я слишком люблю тебя, чтобы лишиться шанса понять, кто же ты есть на самом деле и чего хочешь...

Он смотрел на неё, забыв закрыть рот:

— Неправда...

— Разве? — усмехнулась Гермину так устало, словно отдала рассказу все силы. — И чем бы ты занимался в Корнуэлле, Гарри, во время моей учёбы?

— Не знаю, — признался он после краткого раздумья. — Но уж нашёл бы что-нибудь.

— Похоже, это для тебя просто развлечение, — едко заметила она.

— Развлечение? — озадаченно переспросил Гарри.

— Именно-именно. Знаешь — такие краткие минуты просветления между твоими попытками убить кого-то или дать убить себя. Всякие жмурки-пряталки, снежки и всё такое...

— Гермину, я не собираюсь строить жизнь на жмурках-пряталках...

— А кто-то сказал, будто должен? — она тряхнула головой, и каштановые локоны подпрыгнули. — Тебе нужно обрести цельность, Гарри. Ты ведь даже не знаешь себя, не знаешь, чего на самом деле хочешь... Ты позволял другим строить твою жизнь — теперь вот решил, будто это должна делать я... Но я не стану. Как думаешь, что я буду испытывать, глядя на твои бесцельные блуждания по Корнуэллу, видя тебя скучающим и несчастным, застрявшим там лишь из-за меня? Гарри, ты можешь стать кем угодно. Делать то, что хочешь.

— А я не знаю, чего я хочу!.. Наверное, я уверен только в одном — хочу быть с тобой.

Она посмотрела на него с печалью в ещё поблёскивающих непролитыми слезами глазах.

— Пойми, одной меня на всю твою жизнь не хватит. Однажды ты поймёшь, чего-таки хочешь, и тогда возненавидишь меня за то, что не позволила найти себя раньше...

Гарри двинулся к ней, и на этот раз Гермиона не отстранилась — стояла, словно обмякнув, словно силы окончательно её оставили.

— Я никогда тебя не возненавижу.

— Однажды я заглянула в Зеркало Джедан... Я всё знала, и всё же... И увидела себя в одиночестве. Не представляешь, как мне стало страшно — я решила, что, получается, не люблю тебя... Или вовсе не способна любить... А потом случилась та история с Роном... «Я свихнулась, — подумала я. — И сама не понимаю, что творю». Мне тогда было тяжело, Гарри, но позже, в Румынии, увидев тебя, я поняла, что имело в виду Зеркало. Я хочу побыть одна, я должна побыть одна, чтобы понять, кто я. И чтобы ты мог понять, кто ты. Ведь лишь тогда мы действительно сможем решить, быть ли нам вместе.

Гарри смотрел на сад внизу. Ветер закручивал в траве маленькие торнадо из оставшихся после венчания лепестков белых роз.

— У тебя такой спокойный голос... Наверное, ты уже привыкла к этой мысли, пока обдумывала...

— Ничего подобного, — сдавленно возразила Гермиона. — Я просто в ужасе.

Её рука опять потянулась к горлу, и тут до Гарри дошло, что за кулон висит у неё на шее: стеклянное кольцо, его несостоявшийся подарок на Рождество. Он тогда швырнул его об стену, и кольцо, хоть и не раскололось, но треснуло — по нему словно серебряная ниточка пробежала.

— Я могу починить, если хочешь... — Гарри сделал ещё один шаг и осторожно коснулся его кончиками пальцев.

— Нет, — отпуская цепочку, ответила Гермиона. — Мне и так нравится.

— С изъязном?

Она полуиспуганно взглянула на него:

— Пусть с изъязном. Тем и совершенное.

Он провел ей ладонью по волосам.

— Значит, ты действительно хочешь, чтобы мы расстались?

— Не хочу, — её пробила лёгкая дрожь. — Но так надо. Думаешь, мне не страшно? Думаешь, я не боюсь, что отпущу тебя, а ты не вернёшься?

— Я всегда буду возвращаться к тебе...

Он вздрогнул от неожиданности, когда она кинулась ему на шею, уткнулась лицом в грудь, содрогаясь в беззвучных рыданиях.

— Я люблю тебя, — сказал Гарри. — Наверное, стоило признаться раньше, когда я делал тебе предложение... И всегда буду тебя любить.

— Знаю, — шепнула она ему в рубашку. — Я тоже тебя люблю — так люблю, что иногда мне бы хотелось любить тебя меньше, слишком уж это трудно. Невыносимо трудно. Невыносимо!.. — вскрикнула она, и Гарри сжал объятия, чувствуя, как впивается в грудь острый скол кольца.

— Перестань... Нет ничего на свете, с чем бы ты не справилась. Особенно если решила...

Гермиона приснула и отстранилась, взглянув на него неестественно сияющими глазами.

— Вот он, наш Гарри Поттер. Пытаешься утешить меня после моего же отказа выйти за тебя замуж?

Его ладони съехали к её талии, и мгновение спустя Гермиона, к собственному удивлению, уже сидела на перилах, глядя на Гарри сверху вниз.

— Никуда ты от меня не денешься, — сказал он. — В итоге.

Она наклонилась, и шёлковая роза задела его щеку.

— А ты пока не теряй времени даром, ага?

— Постараюсь, — он запрокинул голову, и всё, что

ей осталось, — наклониться ещё чуть-чуть. Их губы соприкоснулись, Гермиона соскользнула с балюстрады и замерла, балансируя на самых носочках.

Они стояли в льющемся сквозь стекло свете — их силуэты смазались, слились...

И даже тени сплывались воедино.

* * *

Вернувшись в зал, Джинни, как ни искала, Драко найти не могла. Он словно исчез. Сначала она подумала, что, наверное, он ещё с Гарри. Однако перетанцевав с несколькими кавалерами, включая Виктора Крума, малфоевского то ли кузена, то ли ещё какого родственника (слегка косенького), Эйдана Линча («загребущий, как осьминог», — предупредила Блэз и была права), она увидела возвращающихся с балкона Гарри и Гермиону. Они держались за руки, и недавнее отчаяние Гарри как ветром сдуло.

Сердце Джинни оборвалось. Она огляделась. Может, Драко подцепил себе другую и удрал миловаться в сад? В конце концов, с ней-то он никаким словом не связан, о том, что это свидание, и речи не было. Подходя к вопросу технически, она ведь и с Симусом не рассталась, да и — если уж совсем ничего не скрывать — что делать с Любовным Зельем, тоже ещё не решила...

— Что с тобой?

Джинни повернула голову — рядом стоял слегка встрепанный и взволнованный Чарли. Интересно, учителя все такие — на взводе, невесть кем мятые-пермятые, да так и не пришедшие толком в себя. Вот и брат не лучше — волосы торчком, галстук съехал, зато сияет, как медный кнат.

— Ты какая-то не такая. А куда твой парень девался?

Джинни не сразу поняла, что речь идёт о Симусе.

— Ой, ему в самую последнюю минуту пришлось уехать. Какие-то семейные дела, — уклончиво ответила она.

— Вот почему он убежал со свадьбы... А почему ты танцуешь с Драко?..

— Ты, кстати, его не видел? — перебила она. — Я имею в виду Драко.

— Он с Альбусом разговаривал, а потом, кажется, пошёл наверх... Вроде, попрощался с Сириусом и Нарциссой — наверное, уже не вернётся. — Чарли посмотрел на сестру и опешил: — Что-то стряслось?

Джинни, на миг лишившись дара речи, ещё раз обвела взглядом зал, как если б, вопреки словам Чарли, Драко мог материализоваться прямо в воздухе. Рон и Блэз, сдвинув головы, сидели в углу, Гарри танцевал с Гермионой, Сириус рука об руку с Нарциссой вместе с профессором Люпином хохотали у ледяной скульптуры.

Она подняла голову:

— Нет-нет, ничего не стряслось. Спасибо, что сказал.

— Эй, послушай, ты что... — озадаченно начал он, но закончить не успел: к тому времени, как слова нашлись, Джинни в зале уже не было.

* * *

— Прячешься, да?

— Едва ли это может быть названо именно так, — мягко возразил он, — коль скоро я нахожусь в своей собственной комнате: как ни крути, не самый эффективный способ скрыться.

— Я же не сказала, что ты прячешься от меня, — парировала она.

Брови Драко приподнялись:

— Тогда от кого? — губы дрогнули в улыбке. — Ясно... Имеешь в виду, я прячусь от себя, угадал? Какая прозорливость. Ты меня просто насквозь видишь, Джинни Уизли.

Она тряхнула головой:

— Что наговорил тебе Дамблдор? Ты сам на себя не похож.

— Откуда ты знаешь, что я разговаривал с... — не договорив, он умолк и пожал плечами. — Нет, дело не в старине Альбусе, похоже, я просто начал трезветь. Извини, если что не так — подшофе я вечно флиртую...

— Ты же не пил — даже не подходил к чаше с пуншем.

Драко смотрел на Джинни, словно ожидая ещё чего-то, на что действительно стоило бы отвечать. Джинни залилась румянцем.

— И ничего эдакого не было, разве что твоя дурацкая привычка изображать, будто нам обоим друг на друга глубоко наплевать.

— Я никогда так не говорил.

— Да и зачем?.. Ты можешь отогнать меня без слов — не этим ли занимался весь последний год: отталкивал, только вот недостаточно далеко, перепиливал связавший нас узелок, оставляя самую последнюю ниточку... Но ты не можешь заставить себя оборвать её, верно?

— Думаешь, не могу? — исподлобья взглянул Драко.

— Если бы хотел, — медленно произнесла Джинни, — давно бы это сделал. Ты не позволяешь себе никого любить потому, что считаешь, будто это уничтожит вас обоих. Именно потому влюблённость в Гермиону стала просто-таки воплощением твоего идеала, ведь ты бы никогда её не получил. Что до Блэз, ты её и вовсе не любил — жестоко, кстати говоря, хотя с твоей извращённой логикой ты, наверное, полагал, будто добр к ней. И я...

— И что ты? — Драко сейчас стоял прямо-прямо, всё напускное равнодушие разом исчезло. Лицо не отражало ни единой эмоции — Джинни пришло на ум сравнение с запертой шкапулкой, по крышке которой невозможно угадать, какие ящички-отделения прячутся внутри. За долгие месяцы она навоображала бог весть чего, но открой она шкапулку — и содержимое окажется совершенно другим. Возможно, всё разрешится именно сейчас. — Что ты хочешь услышать? — задумчиво и очень спокойно спросил он. — Уродливую правду или прекрасную ложь?

— Я хочу правду. И всегда хотела от тебя именно правды.

Драко резко хохотнул.

— Ой, ладно, прекрати! Ничего милого сердцу в правде нет, Джинни, особенно в моей правде: сплошные осколки, и какие острые — потянешь за один, да руки-то в кровь и изрежешь...

— Тогда давай я упрощу задачу. Скажи, что не любишь меня.

Впервые в жизни она поймала его врасплох:

— Что?..

— Скажи, что не любишь меня, — повторила Джинни. — Если это правда, так и скажи. Я знаю, ты не солжёшь.

Ей не доводилось видеть Драко в таком ошеломлении — словно его оторвали от дела и велели ни с того ни с сего решать труднейшую задачку по Нумерологии.

— Джинни...

— Правда меня не убьёт, — сказала она. — Честно слово, так милосерднее.

— А если у меня нет ответа?..

Рука Джинни потянулась к груди, она вытащила из лифа платья волшебную палочку и указала на Драко:

— Тогда я применю к тебе Заклятье Истины. Я возьму это в свои руки, Драко. Тебе так станет легче, верно?..

Он рефлекторно, словно собираясь отбиваться от заклятья, выдернул руки из карманов, но замер, глядя на палочку, а когда поднял голову, Джинни увидела кривую, полную облегчения улыбку. Так Драко улыбался обычно после особенно трудных квиддичных матчей — дескать, пришлось несладко, но слава богу, теперь всё позади.

— Я не хочу любить тебя... — сказал он.

Палочка в руке Джинни задрожала. Она слышала, как становится сбивчивым собственное дыхание. Закружилась голова.

— И? — подхлестнула она.

— Я помню миг, когда понял, что ты и есть та самая девушка из моих воспоминаний... — она никогда не слышала таких ноток в голосе Драко — поражение, но никакой горечи. — Мы были в замке Слизерина. Ты на меня накричала... И тут я всё понял. Наверное, дело в том, что ты, когда сердись, становишься другой. А может, огонь виноват... Тогда — когда мне было двенадцать, в библиотеке горел огонь в камине...

...Потому что Люциус сжёг дневник, — подумала Джинни, уже вспоминая и пламя за каминной решёткой, и Драко, смотрящего на неё сонными мёртвыми глазами, и их поцелуй, отдающий солью и бренди.

— Я помню, — сказала она.

— В моих мыслях ты навеки связана с огнём. Наверное, и красное платье из-за этого же. Или из-за того, что всегда считал — отдайся мы этому, сгорим без остатка.

Палочка в её руке дрожала всё сильнее.

— Не понимаю, о чём ты.

Кривая улыбочка исчезла, Драко задумчиво смотрел на неё:

— А может, ты и уцелеешь. Но то, что пусто, сгорит без следа. Я не мог дать того, чего тебе так хочется, не рискуя собой... А у меня так мало осталось себя... — он тряхнул головой, словно усилием воли возвращаясь из забытья. — Потому я и наставил шлагбаумов на нашем пути. Чтобы не разочаровать тебя. И пусть именно это-то тебя и разочаровывало — мне казалось, такое разочарование лучше, чем то, с каким бы ты столкнулась, любя я тебя.

— Но ты оставлял последнюю ниточку. Отталкивал меня и потом притягивал за неё обратно — зачем?.. — вскрикнула она, опуская палочку.

— Чистой воды эгоизм. Или ты меня не слушала? А ещё трусость. А чтобы это не выглядело ни эгоизмом, ни трусостью, я присыпал всё таинственностью, чтобы ты не... — он осёкся, когда Джинни отчаянно замотала головой, и вымучил из себя смех и мрачное: — Ты заслуживаешь лучшего.

— Ты говорил, что в умирающем сердце любовь не растёт, — пересохшими губами напомнила Джинни. — Сказал, что любил бы меня, если б мог.

— Всеми ошмётками своего сердца, — подхватил он. — Я помню, Джинни. Не утруждай себя цитатами.

— Ты больше не умираешь.

— Знаю. Смерть мне отлично удавалась — куда лучше, чем удаётся жизнь, — Драко помолчал, в упор изучая её серыми глазами. Она видела — он набирается смелости, его взгляд был одновременно и собранным, и беспокойным. — Умер бы — и упростил себе задачу: не пришлось бы отвечать ни на твой вопрос, ни на прочие... Если и есть в тебе что-то постоянное, Джинни, так это умение заставлять меня снова и снова вглядываться в себя — каждый раз убеждаясь, как же мало меня есть на свете, чтобы выдержать такой вопрос. Тебя, Джинни, я знаю куда лучше, чем себя — ты цельная, верная, честная и до идиотизма, до умиления упрямая. И красивая. А я — лишь тень, лишь призрак былой лжи, существующий только на благих намерениях и надежде...

Она выронила палочку. Клик — та упала на пол и закатилась под ночной столик у кровати.

— Скажи, что не любишь меня.

Драко сделал шаг к ней.

— Джинни...

— Сделай же мне одолжение — скажи. Я прошу...

— А тебе так нужен ответ? — он внезапно оказался прямо перед ней, захочешь — и коснёшься. На бледном, почти белом лице горели ярким, резким светом серые прозрачные кристаллы глаз.

— Да, — прошептала Джинни. — Да, нужен.

Драко взял её за руку — своей левой рукой, она

знала, почувствовала шероховатость шрама.

— Я не могу сказать, что не люблю тебя, — произнёс он сдержанно, — это стало бы ложью. Я люблю тебя. Думаю, люблю гораздо дольше, чем отдаю себе в том отчёт. Я пытался не любить. Хотел не любить. Делал всё, чтобы оттолкнуть тебя, но в один прекрасный день понял, что ты для меня важнее всего, ты для меня — суть.

У неё захватило дух.

В комнате внезапно стало очень тихо. Драко смотрел на неё. Губы его сжались в тонкую, резкую линию. Тиканье часов на прикроватном столике.

Стук ветвей в окно.

Сбивчивое дыхание Драко.

Он посмотрел на их соединённые руки, на свои пальцы, обхватившие её запястье, и так же внезапно, как взял, отпустил его.

— Вот она, правда. Судя по написанному на твоём лице потрясению, ты ждала чего-то иного?

Джинни молчала — пропал голос. Сколько раз рисовала она себе этот миг, сколько раз в фантазиях слышала произносящий эти слова его голос — вот только над собственным ответом ни разу не задумывалась. Грёзы обрывались раньше. Всегда.

Драко упёрся в стенку, словно для того, чтобы удержаться на ногах.

— Полагаю, я заслужил твоё молчание.

А Джинни действительно продолжала молчать. Не сказала ни слова и тогда, когда он отвернулся к окну, где за толстым стеклом светлыми мазками угадывались звёзды. Она видела своё отражение, как в зеркале, — бледное лицо, огненно-яркое платье, металлический блеск застёжек.

Застёжек.

Джинни подняла руки и расстегнула их одну за другой.

Платье с шёлковым шёпотом стекло на пол.

Она перешагнула через него, подошла к Драко и коснулась его руки. Он взглянул на неё — Джинни и предать не могла выражение такого удивления на его лице.

— Джинни...

— Снять его — проще простого... Ты и об этом подумал при покупке?..

— Возможно, — не отводя глаз от её лица, медленно согласился он. — Джинни, ты не обязана...

Она положила ладони ему на грудь. Под правой — там, под белой рубашкой, забило его сердце. Изумрудные запонки поблёскивали в манжетах — Драко так и не поднял рук.

— Я хочу, — сказала она.

Он потянулся к ней, но замер, на какой-то волосок не донеся кончиков пальцев до щеки — Джинни чувствовала идущее от них тепло, хотя они и не — практически не — соприкасались.

— Что-то не так? — прошептала она.

Выражение его лица не изменилось, разве что потемнели, став почти чёрными, светлые глаза. ...Потемнели от страсти, — подумала она и почувствовала странную вспышку — триумф, ликование с примесью собственного желания.

— Ты должна попросить меня. Я сказал, что не трону тебя, пока ты сама не попросишь.

Она подняла голову:

— Пожалуйста...

Его пальцы коснулись лица, ладони легли на щеки — Драко наклонился с поцелуем — в первое мгновение просто нежным и тут же полыхнувший свирепостью, разбивающим ей губы. Всё её тело, до последнего нерва, пело — он целовал её щеки, подбородок, шею... Она нашарила галстук... потом пуговицы на рубашке... Кажется, несколько отлетело, когда она нетерпеливо сдёрнула её прямо через голову, топясь почувствовать живое тепло его тела.

Шрам от стрелы на плече — серебристый полумесяц. Джинни прикоснулась к нему губами, услышала негромкий смешок, потом какое-то невнятное бормота-

ние...

Объятия.

Драко взял её на руки.

Ах, ну, конечно же — он прошептал «Nox», иначе почему в комнате вдруг стало так темно?.. Только лунный свет.

Драко опустил её на кровать.

Только лунный свет.

Да слабое, неверное сияние звёзд.

* * *

Любому, менее наблюдательному взгляду, изучившему сиявшую сейчас в небесах луну во всех её проявлениях, она показалась бы полной. Но не Ремусу Люпину. Что-то, а лунный цикл был у него в крови — он чувствовал его, как чувствует приливы и отливы старый моряк.

...Три дня, ещё три дня — и полнолуние...

Пока же он наслаждался — сидел на самой верхней площадке древней до раскошенности каменной лестницы, спускающейся к лоскуту густой травы и камней — не иначе как какому-то заброшенному садоводу. Травой пах и воздух. Травой и — немножко — розами.

— Изучаешь заклятого врага? — спросил подошедший с беззвучной грацией Сириус. Когда-то именно за это он и получил своё прозвище. Он присел рядом и покосился на небо. Узел галстука ослаб, манжеты расстегнулись. Темнота скрадывала седину.

— Мы достигли взаимопонимания, — отозвался Люпин. — Я и луна. Так что не могу назвать её заклятым врагом.

— Полнолуние, кажись, — присмотрелся Сириус.

— Нет.

— А, ну да, ну да, — взгляд Блэка оторвался от небес и вернулся к старому приятелю. — Ну, и какие планы на будущее, Лунатик? Опять всё лето будешь преподавать, как и в прошлом году?

— Едва ли. Уж точно не этим летом.

— Знаешь, — Сириус прочистил горло, — мы тут с Нарциссой поговорили...

— Поговорили? Это дело — вы ж теперь, как-никак, муж с женой.

— О тебе поговорили, — уточнил Сириус. — Знаешь, мы были бы счастливы — просто счастливы, — если б ты пожил здесь... Ну, в общем... Пожил здесь летом. Места полно, а в темницах есть камеры, на случай... в общем... если тебе захочется запереться.

— Смотрю, у вас всё схвачено.

— Шутки в сторону, Ремус. Помнишь, Джеймс и Лили всегда говорили, что их дом — наш дом. Я никогда не думал, что смогу предложить свой дом друзьям... Просто сомневался, что доживу до этих времён... А когда сидел в Азкабана, и вовсе помыслить не мог, что однажды окажусь на свободе. Но теперь... У меня есть дом, и я хочу, чтобы ты знал: он — твой. Всё, что есть у меня, — твоё.

Ремус устало потёр глаза и улыбнулся.

— Знаю. Помнится, в школе мы частенько мечтали, как однажды вырастем и поселимся все вместе... И вместе будем работать в Министерстве Магии... И всё-всё будем делать вместе. Но, понимаешь, Сириус, староват я теперь для таких разговоров. Мне нужен собственный дом. И собственная жизнь.

Блэк молчал, выковыривая ногой камешек из пыли.

— Тогда... Если тебе нужны деньги...

— Не нужны.

— Я думал, ты хочешь купить дом...

— Хочу.

— Учителям повысили ставку?

— Может быть.

— И книжки твои влёт расходятся.

— Вот именно, — начал Ремус и, сообразив, осёкся: — Мои... книжки?.. — медленно переспросил он.

Сириус ухмылялся во весь рот:

— Да знаю я, знаю. То же мне, нашёл дурака

за десять кнатов...

— Хочешь сказать, что знаешь...

— Что ты — Аврора Твилайт? Ясное дело.

— Но... как?! Я же не... я...

— А кто вечно подначивал Лили — мол, читаешь всякую лабуду, да я-де за неделю такое напишу и миллион галлеонов сколочу?

— Я говорил «миллион»? Похоже, я слегка переоценил...

— ...и всё, что нужно, — сочинить какой-нибудь дурацкий псевдоним типа Розамунда и неустанно плести всякий бред, от которого сойдут с ума все ведьмы — а они сойдут, ведь ты, как ни крути, мужчина, а значит, прекрасно знаешь, чего хотят женщины.

— ТАКОГО я точно не говорил.

— Говорил-говорил. Ах, эта свойственная лишь юности самоуверенность...

— Я бы назвал это оптимизмом. Да, думаю, в то время я действительно считал, будто знаю, чего именно хотят женщины... — Люпин облокотился на колено и задумчиво подпёр кулаком подбородок. — Вот только писательский труд оказался на поверку делом не таким и простым. И даже над «всяким бредом» приходится изрядно попотеть.

— Ну, бредом бы я это не назвал, Лунатик. Кое-что мне даже очень понравилось — например, та часть, где Тристан считает, будто вот-вот умрёт, и признаётся в любви до гробовой доски к как-бишь-её. Трогательно.

— Да, — сухо кивнул Ремус, — без сомнения, любовь Тристана и как-бишь-её войдёт в анналы истории.

— Ладно-ладно, — усмехнулся Сириус, — в общем, хорошо написано.

— Теперь я могу купить небольшой домик где-нибудь в тихом и уютном месте. Многого мне не нужно — чашка чая, место для книг да собачьи галеты на случай, если ты вдруг заглянешь в гости.

— И письменный стол.

Ремус задумчиво изучал руки, иссечённые шрамами от бесконечных превращений.

— Знаешь, а я, наверное, мог бы написать настоящую книгу... Историю о четырёх товарищах и о том, как по-разному повернулись их жизни... Совсем не так, как они мечтали в детстве... Только нужен другой псевдоним — скажем... Джоан Роулинг.

— Настоящую... Не больно будет писать, как считаешь? Не боишься всё вспоминать?..

— Теперь я боюсь уже не вспоминать, — тихо ответил Люпин. — Теперь я боюсь забыть.

* * *

Джинни медленно открыла глаза, проморгалась и в недоумении уставилась в потолок, полностью позабыв, где находится. Она могла бы поклясться, что потолок её комнаты украшали геральдические лилии, тогда как сейчас над ней свивались змеи.

Память рывком вернулась на место, и Джинни таким же рывком села. Она была в спальне Драко Малфоя — соответственно, потолок тоже оттуда — в конце концов, она не в первый раз его видит. Ахнув и прихлопнув ладонью рот, она обернулась: рядом на кровати мирно спал Драко, по пояс замотанный в простыню и очерченный лунным светом: тень и изморозь высеребрили и без того сияющие волосы, выгравировали мышцы на его спине. Она на миг залябовалась, потом выскользнула из кровати, подобрала платье, палочку, тихонько, чтобы не разбудить Драко, оделась, наколдовала себе низкий пучок — простенько и со вкусом. Заколки-бабочки исчезли — не иначе, упорхнули под кровать Драко или запутались в простынях, но не искать же — ещё, неровен час, разбудишь. Не говоря о том, что Джинни не собиралась ни на кого наталкиваться в коридорах. Равно как не хотела, чтобы на неё натолкнулись.

Как была, босая, она спустилась по лестнице, на секундочку заглянув кое за чем к себе, а потом

с нескольких попыток отыскала дверь, ведущую в розарий.

Воздух был дивным — не холодным, но прохладным, напоённым ароматом лаванды и розы. С Рождества Джинни розы ненавидела — и цвет их, и запах, но сейчас вдруг поймала себя на том, что неприязнь исчезла. Несколько белых лепестков со вчерашнего бракосочетания ещё реяли призраками в воздухе, щекоча щёки и путаясь в волосах.

Джинни по мощёной дорожке пошла вперёд, отходя от замка всё дальше и дальше. Наконец она остановилась и достала фляжку с Любовным Зельем, которое принесла ей Гермиона. Задумчиво воззрилась на неё. Вытащила пробку. Теперь к аромату свежих роз примешался новый запах — запах гниющих цветов, запах, оскверняющий всю нежность и сладость. Палец медленно очертил сосуд, согретый изнутри жидкостью и снаружи — её рукой, и Джинни решительно опустила его, выплеснув Любовное Зелье на ближайший розовый куст. Закапала с листьев и цветов серебристая капель, впитываясь в землю.

— Чем занимаешься? — спросил мужской голос прямо за спиной.

Джинни развернулась от неожиданности, наполовину уверенная, что это Драко (похоже, всё ж его разбудила...), но обращённые к ней глаза были синими, а не серыми, а волосы его — золотистыми, не серебристыми. Он был в джинсах и лёгком свитере, с веснушками, заметными даже в темноте.

— Симус?.. — прошептала она, чувствуя, как рука, сжимающая фляжку, начинает дрожать. — Что ты тут... То есть — я думала, ты уехал...

— Я же сказал, что вернусь, — ровным, лишённым всех интонаций голосом ответил он.

Её пальцы стиснули фляжку — тяжёлую, серебряную... Отличное оружие... — тут Джинни очнулась: это же Симус! Симус, не Том — Симус никогда не причинит ей зла.

— Мне и в голову не приходило, что ты вернёшься среди ночи и будешь шнырять вокруг Имения, — сказала она.

Слабая улыбка тронула его губы:

— Я, если честно, прилетел на метле и как раз собирался постучать в дверь, когда увидел, как ты шныряешь по саду — не смог удержаться, чтобы не узнать, что ты замыслила.

Джинни посмотрела на фляжку, потом снова на Симуса:

— Поливаю кустики? — предположила она.

— Поливаешь кустики Любовным Зельем, — уточнил Симус. — Считаешь, это хорошая идея?

Она разинула рот:

— Как ты дога...

— Гермиона мне всё рассказала.

...Вот как чувствовала, что она врёт, — Джинни мысленно присвоила к этому несколько крепких эпитетов. Вслух же спросила:

— Из-за этого ты и уехал?

— Вообще-то нет. Из-за этого тоже, конечно, — не могу сказать, будто обрадовался, услышав, что тебе придётся опохмелить себя, чтобы не быть ко мне равнодушной.

— Симус, — обречённо начала Джинни, — я к тебе равнодушна, честно! Потому-то и обратилась... ну, понимаешь, к Любовному Зелью: просто нужно было капельку себе помочь...

— Любопытно. Тем более любопытней, что, судя по всему, ты передумала.

— Я решила, что ты не вернёшься, — прошептала она.

— Но я вернулся, — в лунном свете его глаза стали чёрно-синими, как самый тёмный сорт анютиных глазок. — И что же будешь делать теперь?

Джинни понурилась. Вина и осознание крушения всех замыслов прострелили грудь.

— Всё, что ты пожелаешь, — сказала она. — Я могу добыть ещё зелья, но, если тебе не хочется, можно по-

пробовать по-другому. Можно убежать вдвоём — а вдруг, если будем лишь ты да я...

— Получается, ты никогда меня не любила? — перебил он. — Или же дело в том, что не можешь любить меня таким, каким я стал?

— Какая разница — этого тебя создала именно я.

— И если я велю тебе собраться и пойти со мной, ты пойдёшь?

— Прямо сейчас? Ночью? — опешила она.

— Да. Ночью.

— А куда?

— Это имеет значение?

— Нет, — оцепенело кивнула Джинни. — Думаю, нет, — она посмотрела на свои покрывшиеся гусиной кожей голые руки. — Мне нужно взять вещи и... и написать родителям.

Симус медленно покачал головой:

— И всё ради того, чтобы испугать вину, Джинни?

Она тут же вскинула голову:

— Я же сказала — ты мне безразличен.

— ...но ты не любишь меня... — он сделал к ней шаг, потом другой, и вот она уже прижата к розовому кусту, и шипы цепляются за платье. — И никогда не любила. Всегда был этот Малфой. Ты бы сделала всё, что бы он ни сказал. Потому что любила его. Мне же доставалась лишь жалость.

— Я не жалею тебя, Симус, — стараясь говорить спокойно, возразила Джинни.

— Да — сейчас не жалеешь. Сейчас ты меня боишься, — его губы горько искривились. — Думаю, мы никогда это не узнаем, правда?

— «Это»?

— Вышло бы что-нибудь у нас или нет. У тебя и меня — такого, какой уж есть, другим не стану. Во мне навсегда сохранится частичка его. Осадочек, как говорится. Душа его исчезла, но тень её осталась. Во мне.

— Симус...

— Нет, позволь закончить, — перебил он так резко, что она невольно сжала фляжку. — Я знаю его, Джинни, куда лучше, чем прочие, за исключением, разве что, тебя. И он любил тебя. На свой извращённый, искорёженный лад. Ты вернула его, смешала свои слёзы с его кровью, стала частью его, и он не мог от тебя освободиться. Как ни убивал твою тень, как ни выжигал тебя из разума — ничего не помогало. Он был одержим тобой.

— Но ведь ты — не он, мы с тобой были вместе и до того, как всё началось...

— Без разницы, — ответил Симус. — Он забрал мои чувства к тебе, вскормился ими и, коль скоро не мог от них сбежать, вывернул их наизнанку. Он не влюблён в тебя был, Джинни, — он был в тебя вненавижен. И мечтал убить тебя — как я когда-то мечтал тебя поцеловать. Когда-то.

— Когда-то? — слабо переспросила Джинни. — А теперь больше не хочешь? Совсем?

Он посмотрел на неё сверху вниз и покачал головой.

— Как думаешь, каково это — смотреть на человека, дороже которого для тебя никого на свете нет, и мечтать убить его? Не потому, что хочется, — потому что не можешь с собой справиться. Я раньше всегда думал, какие у тебя красивые шея и плечи. Том же думал лишь о том, как будет выглядеть эта шея, залитая кровью.

Джинни пискнула от ужаса и отвращения.

...Вот бы успеть размахнуться и ткнуть его в висок — тогда...

— Знаю-знаю — прикидываешь, как бы приложить меня фляжкой, — усмехнулся Симус. — Не стоит — у меня реакция лучше, чем у тебя.

— Я могу закричать. Прибегут люди.

— Возможно, — с внезапной усталостью согласился Симус. — Но я на твоём месте не стал бы так поступать. Я пришёл не для того, чтобы сделать тебе больно, Джинни. Я пришёл, чтобы тебя отпустить.

— Отпустить? — озадаченно переспросила она.

— Тебя удерживало только чувство вины. Не надо, не спорь — мне всё известно. Поначалу я даже испытывал благодарность. Да-да, благодарность, ведь мне было легче рядом с тобой. Но время шло, и я понял — пока ты рядом, та моя частичка, что была Томом Риддлом, продолжит жить, подкармливаясь твоей близостью. Мне нужно уехать от тебя, Джинни, чтобы эта моя часть умерла раз и навсегда. Ты считала, будто делаешь доброе дело, оставаясь со мной, но вместо этого только истязала меня. Прости, но нам нужно расстаться. Понимаешь?

— Симус... Почему ты раньше ничего не говорил?!

— Я сам себя не понимал. Спасибо Гермione — она сказала, что ей одного взгляда на меня хватило, чтобы понять, через что я прошёл; сказала, что тебе этого не понять, потому что ты не видишь, какой я без тебя... Не видишь, что я становлюсь совсем другим. А ещё сказала, что ты до полусмерти себя замучаешь, пытаясь мне помочь, хотя с самого начала нас спасло бы лишь одно — расставание. Понимаешь, я думал, что вообще никогда не избавлюсь от Риддла, но стоило с ней поговорить, как осознал: когда тебя нет, те мысли тоже исчезают.

— И если бы я приняла Любовное Зелье... — пронзённая ужасом от одной только мысли о последствиях, начала Джинни.

— ...мы оба были бы несчастны. Ты бы любила меня. А мне твоё присутствие было бы невыносимым. Полагаю, в список несчастных можно смело занести и Малфоя, хотя за него ручаться не могу. Он вообще странный малый.

Джинни могла только согласиться.

— Куда ты теперь, Симус?

Он отошёл, наконец-то дав ей возможность вырваться из розового куста и отцепиться от шипов.

— Не знаю. Но и знал бы, не сказал. В следующий раз мы увидимся тогда, когда ни частички его во мне не останется. Не раньше. Ты питаешь его, а значит, без тебя он умрёт от голода, — Симус мотнул головой и повернулся к ждущей его за деревом метле.

Джинни не могла понять, кажется ей или нет, но, похоже, разворот его плеч стал уверенней и даже расслабленней, чем был все последние месяцы.

— Какими же дубинами мы были... Считали, что самоотверженно жертвуем собой, а на деле таскали друг друга по всем кругам ада... — добавил он, осёдлывая Ливень с непринуждённостью умелого седока. — И всё исключительно ради того, чтобы молча пострадать...

Джинни снова оставалось лишь согласиться. Колени задрожали от облегчения — она даже испугалась, что вот-вот сядет в траву.

— Удачи, — уже мягче добавил Симус. — Надеюсь, Малфой сделает тебя счастливой.

...я тоже, — чуть не сказала Джинни, вовремя поймав себя за язык: она совсем не то имела в виду.

— Я счастлива. Но Малфой тут ни при чём.

— Вот и славно.

И до того, как она успела что-то сказать — или хотя бы попрощаться, — он оттолкнулся и взмыл яркой искоркой, моментально растворившейся в облаках. Джинни ещё долго стояла, запрокинув лицо в тёмное небо, а потом повернулась и решительно зашагала к Имению.

* * *

Гарри проснулся ни свет ни заря от сосущего под ложечкой страха, избавиться от которого не помог ни занимающийся великолепный денёк, ни солнце, бьющее в окно, ни доносящийся снаружи — честное слово! — птичий щебет. Что-то явно было не так.

...Дело не в Гермione, — спуская ноги с кровати, подумал он. Они разрешили все проблемы. Свадьба тоже удалась на славу. А Гарри разобрался, чем же он, в конце-то концов, хочет заниматься в ближайшие полгода. Главное — убедить Малфоя,

а вот тут придётся поработать.

...а может, просто кушать хочется?

Он натянул какие-то джинсы и падлмерскую майку и пошёл вниз на поиски завтрака.

Нарцисса полностью переделала огромную кухню: помнится, раньше там стояла здоровенная чугунная плита — такая, что тролля можно было бы запечь, и повсюду — закопчённые горшки-кастрюли. Размеры, конечно, остались прежними, а вот вид стал менее устаревшим, и сейчас на длинном деревянном столе ждал завтрак: мюсли и молоко, тосты и яйца, бекон и копчёности. Гарри подцепил сдобную булочку, йогурт и уселся. Над столом покачивался подогретый заклатьем кофейник, но он решил воздержаться: кофе делало его дёрганым.

Из обеденного зала доносились голоса — похоже, не он один ранняя пташка, может, стоит глянуть...

Аккурат на этой мысли в дверь ввалился Драко — чёрная пижама, волосы торчком, ни дать ни взять Призрак Прошедшего Рождества в школьном спектакле.

Гарри подавился булочкой.

— Мф-мфой, — выдавил он через кусок, когда понял, что уже не задохнётся, — ты фто, ф ума...

Драко обрушился в кресло напротив Гарри и воззрился на него огромными трагическими глазами.

— Случилось нечто ужасное, — объявил он.

Кусок мигом проскочил Гарри в горло.

— Что?! Что ужасное?! Ты как? Что-то с Гермионой?! Может, Рон...

Драко нетерпеливо отмахнулся:

— Я не о них, а о себе! Это со мной стряслось нечто ужасное. Меня, — сообщил он, — бросила Джинни.

Гарри почувствовал, как лезут на лоб брови.

— Бросила?..

Малфой кивнул.

Гарри потянулся к йогурту. Похоже, чтобы осилить эту беседу, потребуется усиленная протеиновая диета.

— Знаешь, — осторожно заметил он, — я всегда думал, что прежде чем кого-нибудь бросить, нужно в некотором смысле... — он сделал паузу, — ...с ним быть. Ну, ты понимаешь.

— Она была со мной! — взорвался Драко. — Где тебя носило?! Давай уже, врубайся, Поттер!

— Вообще-то, я думал, что врубаюсь, — возразил Гарри. — До вчерашнего полудня она встречалась с Симусом.

— Именно, — сказал Драко, хотя Гарри казалось, что его замечание требует не столько этого «именно», сколько дальнейших разъяснений. — А потом была со мной.

Гарри тупо захлопал глазами.

— И из чего же ты сделал заключение, что тебя бросили?

— Из того, что, когда я проснулся сегодня, она ушла!

Гарри подавился йогуртом, что оказалось так же неприятно, как давиться булочкой.

— Ты имеешь в виду — из твоей спальни? — наконец, отдышавшись, спросил он.

— А как ты думаешь, где мы ещё могли спать?! Поттер, будь логичен.

— Погоди... Ты имеешь в виду, что вы...

Драко выдавил тяжёлый вздох.

— Та-ак. Может, тебе стоит просто прочесть? Это всё объяснит, — он кинул сложенный клочок пергамента, который Гарри поймал с профессионализмом ловца. — Это записка, которую она оставила на подушке, когда БРОСИЛА меня, загодя подготовив ответы на твои вопросы.

— Ладно... — Гарри отставил йогурт на стол и развернул записку. Взгляд Драко с жадностью устремился на йогурт.

— Чёрномородиновый?

Гарри кивнул, и йогурт переключивал в руки Малфоя, который начал задумчиво его поедать.

...Ну, по крайней мере, на аппетите разбитое сердце не отразилось, — отметил Гарри.

Письмо, без сомнения, писалось впопыхах: обычно аккуратные, сейчас слова скакали по всей странице. Гарри начал было читать, но процесс продлился недолго.

— Слышь, Малфой, тут такое понаписано... Честно говоря, не уверен, что мне стоит это...

Драко помахал свободной от йогурта рукой:

— Ничего-ничего, у нас нет секретов друг от друга.

— Ну да, разве что... мнэ-э-э... Это я пропущу... Слушай, а как ты ухитрился ничего не разбить?.. Вот это слог, ну и ну... «Серебристые волосы»? Что за серебристые волосы?

— Мои. Как думаешь, какого они у меня цвета?

— Ну, не знаю, — пожал плечами Гарри, — блондинистые какие-то.

Драко фыркнул, словно услышал самую большую глупость в своей жизни.

Гарри издал полузадушенный всхлип:

— О боже, Малфой, да тут ещё... Похоже, ты у нас в ночи неутюжим, как сваябойный копр. Слушай, я точно обязан это знать? Мне вот так не кажется, — печально добавил он. — Теперь этот образ будет меня преследовать всю оставшуюся жизнь. Премного благодарен.

— А что такое «сваябойный копр»? — спросил, входя в кухню, Рон, у которого волосы торчали так, словно он всю ночь проспал на оголённых проводах.

Гарри моментально сунул письмо под майку.

— Это такая маггловская штукавина, которая...

— ...долбает всю ночь напролёт, — вежливо подхватил Драко. — Нечто сродни перпетуум мобиле.

— Чего-чего мобиле? — наливая чашку чая, без задней мысли переспросил Рон. — Тьфу, как ни придёшь, о всякой скучище трепитесь, — добавил он и прошёл в обеденный зал, миновав Малфоя, который тихо, практически неслышно буркнул:

— Да неужто? Ну так знай: я того-того твою сестру.

...МАЛФОЙ! — ахнул от ужаса Гарри. — Это смешно только тогда, когда действительно является шуткой!

...Не согласен, — возразил Драко, приканчивая чёрномородиновый йогурт.

— Короче, — добавил он уже вслух, — ты дочитал?

— К сожалению, да, — выуживая письмо из-под одежды, сказал Гарри. — И не могу понять, с чего ты так взбеленился.

— Она же меня бросила!.. — снова завёл своё Драко. — Или для тебя это пустяк?!

— Ну, не могу сказать, что я потрясён до глубины души, с учётом того, как ты с ней обращался весь последний год. Так или иначе, она тут дело пишет: ей ещё год учиться, а ты закончил, так что...

— Хрень, — отрезал Драко. — Она меня использовала и выбросила. Ничего подобного прежде с Малфоями не случалось.

— Может, это просто не вошло в ваши семейные хроники.

— Исключено, — с негодованием сообщил Драко в пустую коробочку из-под йогурта. — Это унижительно.

— Да почему же? — заметил Гарри. — Тебя использовала красивая девушка, исчезнув после ночи, полной жаркой страсти. Бьюсь об заклад, такое случается не со всяким. Тем более, в семнадцать лет.

— Логично, — просветлел Драко. — Хотя не могу поверить свои ушам, слыша от тебя выражение «полная жаркой страсти ночь».

— Сам не верю. И потом, она тебя вовсе не выбросила, а просто... отложила. На потом.

— Я — Драко Малфой, — поедая бисквит, сообщил Драко. — Меня не откладывают! — тем не менее, вид у него стал самодовольным. — Возможно, она решила, что если проведёт со мной лето, то, вернувшись в школу, иссохнет от тоски и страсти. Ну, или от какого-нибудь там отчаяния.

— От какого-нибудь, — сухо кивнул Гарри. Поскольку Драко слопал весь чёрномородиновый йогурт, пришлось удовлетвориться малиновым. — А разве

ты не собирался летом в кругосветное путешествие? Ты же не думаешь его отменить, правда?

— Разумеется, — встрепетнулся Драко. — Я как-то об этом не задумывался, но нет, конечно. Конечно, нет.

— Так, возможно, Джинни права, и ты ещё действительно не готов к брачным узам.

— Каким-каким узам? — в кухню вплыла Блэз. На ней был шёлковый зелёный халат, отчего огненные волосы сияли ещё ярче. — Ты про смирительную рубашку в клинике Святого Мунго?

Она тоже налила чашку чая.

— Сразу чувствуется горький жизненный опыт, — намазывая маслом булочку, парировал Драко. Гарри мимоходом подумал, не собирается ли тот уничтожить всё, до чего дотянется. — Малфоя просто так не укротишь!

Блэз закатила глаза и обошла Гарри слева, чтобы добраться до сахарницы, да так и замерла с протянутой рукой.

— Это почерк Джинни, — сообщила она, заглядывая Гарри через плечо. — Почему у тебя письмо Джинни, и почему оно начинается с обращения «Моему дорогому-любимому»?!

— Это не мне! В смысле, это не о том. В смысле... — комкая записку, зачистил Гарри.

— Как раз в том самом смысле, — отрезала Блэз. — Ну-ка объясни, почему вдруг Джинни пишет тебе любовные письма, Поттер?

Прозвучало это, на вкус Гарри, чересчур громко и именно тогда, когда в дверях с пустыми тарелками в руках появились болтающие Рон и Гермиона. Разговор, разумеется, мгновенно увял.

— Что ты сказала? — переспросила Гермиона, чьи глаза напоминали блюдца.

— Боже... — пробормотала Блэз.

— На кой ляд моей сестрице писать любовные записки Гарри? Я думал, это всё уже в прошлом...

— Это не любовная записка, — прижимая к груди кулак со скомканным пергаментом, повторил Гарри.

— Точно-точно, — неуклюже пришёл на помощь Драко, — скорее, поток сознания...

— Да, но...

— Но почему Джинни вообще пишет подобные письма Гарри? — со звоном опуская свою тарелку на стол, настойчиво поинтересовалась Гермиона.

— Эй, не надо говорить это так, словно я бесчувственный чурбан, в которого и влюбиться-то никто не может! — обиделся Гарри.

— Не увливай, — отрезала Гермиона и, прежде чем Гарри успел сообразить, выхватила письмо прямо из его руки.

— Обалденные рефлексy, — оценил Драко. — И почему только ты не играешь в квиддич?

— Потому что это до тошноты скучно, — ответила, пробега пергамент глазами, Гермиона. — Это, без всяких сомнений, любовная записка, — холодно оповестила она собравшихся, после чего, уже не так холодно, добавила: — Гарри, у тебя нет ни серебристых волос, ни глаз цвета лунного сияния, ни... о боже... — густо покраснев, закончила она. — Подозреваю, это письмо подразумевалось как личное, — она отшвырнула записку на стол с таким потрясением, словно её только что укусил Косолапсус.

— Цвета лунного сияния, — задумчиво повторил Драко. — Что верно, то верно...

Рон, который был, возможно, немного заторможен, однако же отнюдь не туп, посмотрел на письмо, потом на Драко, потом снова на письмо.

— Моя сестра написала любовное письмо МАЛФОЮ?! — ахнул он и потянулся к записке.

Чужа неизбежную катастрофу, Гарри вскинул руку:

— Immolatus! — пергамент дрогнул и рассыпался пеплом.

— Ты сжёг моё письмо! — возмутился Драко. — Оно дорого мне как память!

...А мне ты дорог как память, и если Рон сейчас догадается, что ты прошлой ночью вытворял с его сест-

рой, он тебя пополам порвёт, — указал Гарри.

Рон посмотрел на по-прежнему розовую от смущения Гермиону.

— Что там было? — спросил он.

Гермиона оглядела всех по очереди: сначала Драко, потом Рона и, наконец, Гарри, который пожелал, чтобы мог сейчас безмолвно общаться с ней, как с Драко. Он попытался телеграфировать ей глазами, и, похоже, она поняла, потому что повернулась к Рону и сказала:

— Просто записка, где она говорит, что прекрасно провела время на вчерашнем празднике.

— Хм, — неубеждённо фыркнул Рон. — Короче, Малфой, не думай, будто у тебя будет другой шанс поразвешивать на неё слюни. Она с Фредом и Джорджем уехала на побережье, а куда — не скажу.

Кажется, Драко собирался нагрубить в ответ, но тут дверь снова распахнулась, на этот раз от руки Нарциссы. Она была в сером платье и явно взволнована. Дверь захлопнулась за её спиной, когда она вошла в кухню.

— Мальчишки, — мягко сказала Нарцисса, переводя взгляд с Драко на Гарри, — Дамблдор ждёт. Они с Северусом приглашают вас в кабинет.

* * *

...Прости, я сжёг твою записку... — мысленно извинился Гарри, когда они с Драко вышли из кухни (Блэз и Рон остались недоумевать, а Гермиона проводила друзей полными сострадания глазами) и начали подниматься по лестнице на второй этаж. — Я здорово струхнул.

...Я заметил, — сухо и как-то отстранённо отозвался Драко. Он уже был за семью морями от пышущего драматизмом и скорбью тона, взятого несколько минут назад в кухне. — Да ладно, ерунда. Слушай, ты не против заглянуть на минутку ко мне? Как-то не горю желанием предстать перед Снейпом и директором в пижаме.

— По крайней мере, она шёлковая, — заметил Гарри и добавил, уже мысленно: — Знаешь, мне как-то не по себе говорить о Снейпе с Дамблдором вслух — всё время кажется, будто они слышат.

— Ну и не говори, — отрезал Драко. Они добрались до спальни, и слизеринец потянулся к ручке.

...Эй, необязательно же вслух...

— Обязательно, — перебил Драко. Его серые глаза наполнились холодной задумчивостью. — Думаю, пора привыкать — в ближайшее время придётся обходиться без этого, — и раньше чем Гарри успел что-то ответить, слизеринец исчез в спальне, оставив его болтаться в коридоре. Через несколько минут Драко вернулся — уже в джинсах и тёмно-синем свитере, на рукаве которого что-то сверкнуло, но что — Гарри увидеть не успел: Драко развернулся и пошёл вперёд. Пришлось прибавить шаг.

— Слушай, может, пока идём, переговорим об этом?

— Если б было что сказать, мы бы давно всё обсудили.

У Гарри перед носом как красной тряпкой махнули, но с ответом он не нашёлся. Тем временем, они уже добрались до кабинета. Дверь была чуть приоткрыта — Драко стукнул и вошёл, Гарри последовал за ним.

Он редко сюда заглядывал, это напоминало ему Люциуса и тот день, когда тот привёл его сюда и предложил сделку: противоядие для умирающего Драко за Чашу. С тех пор кабинет совсем не изменился — похоже, Нарцисса оставила тут всё, как было: громадный стол красного дерева, буфет с запывившимся графином бренди, коробка с табаком... Но теперь за столом сидел Дамблдор, и от падающего сквозь стрельчатые окна света на его очках плясали искорки, оставляя в тени лицо. Позади стоял Снейп, похожий сейчас на чёрного ворона даже больше обычного. Лоснящиеся разделённые на прямой пробор во-

лосы обрамляли узкое бледное лицо.

— Гарри, — тепло поприветствовал юношей Дамблдор, — и Драко. Рад видеть вас. Пожалуйста, присаживайтесь, — он указал на стоящие перед столом стулья с высокими спинками. Гарри сел, Драко остался стоять у второго — похоже, тоже припомнил встречи с отцом в этом самом кабинете. — Разумеется, — Дамблдор сложил руки и оперся на них подбородком, — вы знаете, по какому поводу вы здесь.

— По поводу противозелья, — сказал Гарри. Драко хранил молчание. — Противозелья к Многосушному Зелью.

— Именно так. Северус?

Зельевар шагнул вперёд, поставив на стол два флакона с решением всех проблем. Решение было бурого цвета.

— Оно, — сообщил Снейп, — сварено специально, чтобы снять эффект зелья, принятого вами год назад. Результат мы увидим практически сразу. Разумеется, я буду находиться рядом на случай каких-либо накладок, которые, вне всякого сомнения, исключены.

— Никаких побочных эффектов? — уточнил Дамблдор, приподняв белоснежные брови.

— Абсолютно. Зелье идеально, могу вас заверить, — одним взмахом Снейп снял обе крышки. — Я отмерил точное количество для каждого из вас. Лучше, если вы выпьете его одновременно. Или по возможности одновременней.

Гарри покосился на Драко, чтобы узнать его реакцию, но тот смотрел на флакон по-зимнему пустыми глазами: ни любопытства, ни покорности — лишь равнодушная готовность.

По лицу Дамблдора проскользнула тень озабоченности.

— Если хотите, можете чуть-чуть подумать и собраться. Кстати, мистер Малфой, я очень надеюсь, что вы передадите мои комплименты вашей матушке по поводу переделки дома. Мне доводилось бывать тут в юношеские годы, и тогда я, помнится, подумал, что он настолько огромный, настолько уродливый и неприспособленный для жизни. Надо сказать, теперь я готов отказаться от своих слов.

— Непременно передам, господин директор, — с великосветской вежливостью сказал Драко и потянулся к своему флакону. Потом медленно повернулся к Гарри — так медленно, словно какая-то сила разворачивала его и заставляла поднять взгляд. — Ну, давай, Поттер? — он махнул рукой на клубящуюся и дымящую жидкость перед Гарри, и тот снова вспомнил Люциуса, и другой флакон, и совсем другое выражение лица — непохожее на Драко, хотя голос — прекрасно отмодулированный, полный аристократизма — слизеринец несомненно унаследовал от отца.

Гарри потянулся к зелью. На ощупь оно было прохладным, хотя над поверхностью курился дымок. А ещё оно пахло, напоминая по запаху Многосушное Зелье с какой-то кислой ноткой — то ли лимона, то ли уксуса. Гарри посмотрел на Драко, почти ожидая издевательского тоста, но тот уставился себе на руки. Его лицо было таким же, как в румынском замке, когда со словами «Te morituri salutant» он поцеловал Гарри в щёку.

— Готовы, Поттер? — скользко-холодным, словно змеиная кожа, голосом спросил Снейп. — Мы с директором не можем ждать весь день.

— Ничего-ничего, Северус. Гарри, у тебя неважный вид. Волнуешься? Всё в порядке?

Гарри поднял голову:

— Да, — Драко стрельнул в него удивлённым взглядом. — Да, всё в порядке. Я просто собирался с мыслями.

— Вижу-вижу, и как — собрался?

— Да, — он поставил флакон с зельем обратно на стол. Встал. — Ужасно признателен вам за все хлопоты и за создание противозелья, вот только принимать я его не хочу. Простите, что занял ваше время.

— Но... — начал потрясённый Дамблдор, однако его

перебил не менее потрясённый Снейп:

— Вы не можете отказаться! Директор...

— Вообще-то, — заметил Гарри, — полагаю, что как раз могу отказаться. Судите сами: мне семнадцать, я совершеннолетний. И больше не являюсь студентом Хогвартса, профессор Снейп, а потому, видите ли, вы для меня больше не указ.

Снейп что-то мрачно пробурчал в ответ, слышное только Дамблдору. Тот вздохнул.

— Да, Гарри, формально ты прав: мы действительно больше не властны над тобой, однако, думаю, ты согласишься со мной — я всегда действовал исключительно в твоих интересах, верно?

— Да, сэр, — уже тише согласился Гарри: искренний тон директора было выдержать сложнее, чем гневные взрывы Снейпа.

— Исключительно в его интересах? — удивив всех присутствующих, включая Гарри, вдруг спросил Драко. — Вы подкинули ребёнка вскоре бездушных магглов, которые истязали его одиннадцать лет, вы швырнули его драконам, вы позволили одному встать против дементоров, целиком и полностью возложив на его плечи спасение из Азкабана его крёстного отца — в тринадцать-то лет! И после всего этого вы говорите, будто действуете в его интересах?!

Дамблдор поднял голову. Очки блеснули в полумраке смазанным золотом.

— Мне не приходило в голову, Гарри, — тихо сказал он, — что каждый повод для негодования ты берёшь на карандаш...

— Ничего подобного, — почти удивлённый таким поворотом разговора, возразил Гарри. — Я знаю: вы всегда в первую очередь думаете о безопасности магического мира, а во вторую — обо мне. И не возмущаюсь по этому поводу, так и должно быть, именно это меня всегда и восхищало в вас. И я хотел быть на вас похожим. Научиться принимать незгоистичные решения. Ведь всю свою жизнь я пытался быть тем, кем обязан быть, переплавляя себя под то, в чём имелаась необходимость. А нужно было сражаться с Вольдемортом. Но теперь его нет, да и я больше не ребёнок. И сейчас я принимаю решение относительно моей будущей жизни — какой ей быть, каким быть мне. Можете считать это моим первым самостоятельным решением, если желаете. Я отказываюсь от противозелья. Я его не приму. Теперь понятно?

— Что мне особенно понятно, — холодно заметил Снейп, — что вы, Поттер, в совершенстве овладели искусством неблагодарности.

Гарри мягко улыбнулся той самой, подмеченной у Драко улыбочкой, которая могла кого угодно привести в бешенство.

— Я уважаю вашу точку зрения, профессор, однако не разделяю её.

Снейп повернулся к Дамблдору:

— Директор, на карту поставлено куда больше, чем жалкие поттеровские потуги на самоопределение: если он не примет зелье, это повлияет на эффективность процедуры у Драко. Поттер, возможно, уже подросток достаточно, чтобы отвечать за себя, однако же сомневаюсь, что ему дозволено принимать решения за других студентов... — зельевар спохватился и напряжённо закончил: — Я имел в виду — за других людей. Верно?

— В каком-то смысле, Северус, — кивнул Дамблдор и взглянул на Гарри. — Ты осознаёшь, как твоё решение отразится на мистере Малфое?

Гарри прикусил губу и кивнул.

— Если Драко решит принять зелье, я тоже его приму, — уступил он. — Чтоб никто не ушёл обиженным.

Теперь все смотрели на Драко. Тот, держа флакон в руке, молчал. Из-за плохого освещения Гарри мог видеть лишь светлые волосы да очертания подбородка — он не осознавал, что слизеринец улыбается, до тех пор пока Драко не поднял голову и не взглянул на него в упор.

— Знаете, я что-то всякими противоядиями-

противозельями по горло сыт.

И с этими словами он поставил флакон на стол, рядом с флаконом Гарри.

* * *

Снейп, если так можно выразиться, остекленел от ужаса.

— Драко, это не серьёзно...

Однако выяснилось, что Драко был вполне серьёзен, равно как и Гарри. Оба стояли на своём, и пока бушевал Снейп — а выстоять оказалось непросто, — и пока Дамблдор смотрел на них с задумчивой озабоченностью, что оказалось непросто вдвойне. В конце концов, зельевар умолк в безмолвном негодовании, а Дамблдор поднялся, набросив на плечи дорожную мантию.

— Что ж, — сказал он, — вы приняли решение. Я его уважаю.

— Спасибо, директор, — с облегчением выдохнул Гарри.

Драко промолчал. Проходя мимо, Дамблдор легко коснулся его плеча и что-то тихо сказал. Гарри не услышал, а Драко слабо улыбнулся и кивнул в знак согласия. Минута Гарри, директор и ему положил руку на плечо и тихо, чтобы слышал только тот, кому это адресовалось, заметил:

— Пусть это станет первым мудрым решением из множества тех, которые ты ещё примешь, Гарри Поттер.

Снейп, собиравший свои вещи включая два флакона, без слов последовал за директором, но замер в дверях и вдруг развернулся, вперив пронзительный взгляд в Малфоя:

— Я буду держать зелье под рукой. На случай, если ты изменишь своё решение, Драко.

— Спасибо, — вежливо — как всегда со Снейпом, вежливо — поблагодарил тот. — Не думаю, что я захочу его принять, но всё равно спасибо, профессор.

Зельевар медленно покачал головой. Его узкие губы гневно подёргивались.

— Итак, — мрачно заметил он, — значит, отныне и навсегда ты готов стать тенью Гарри Поттера? Это все твои желания?

Драко повернулся к нему и сцепил руки за спиной. Сейчас, на фоне окна с величественным малфоевским гербом, он наверняка напоминал Снейпу Люциуса в молодости — напоминал бы, если б губ не касалась тень юмора, коим Люциус никогда не обладал, и если б глаза не наполняли тихое принятие себя, которое за всю жизнь так и не сумел обрести Люциус.

— Готов. Или этого недостаточно?

Снейп нахмурился и, больше не добавив ни слова, вышел, с грохотом захлопнув за собой дверь.

— Кажется, он тебя недолюбливает, — заметил Драко.

— Угу, вечно я подворачивался ему не под ту руку... Правда, потом мне показалось, будто дело пошло на лад... Но теперь всё опять испортилось.

— Иногда-то ты не умел грамотно подмазывать, оттого и страдаешь, — слизеринец поднял голову и передёрнул плечами. — Терпеть не могу это место. Позавтракать, опять же, не дали. Назад в кухню?

— Обожди секунду. Я кое о чём хотел тебя спросить, но нам помешали.

Драко, уже на полпути к выходу, с удивлением развернулся:

— Ну?

— Ты говорил, что собираешься отправиться в кругосветное путешествие. И планов менять не собираешься.

Драко медленно кивнул:

— Ну.

— Скажи, а ты не против, если я поеду с тобой? Я кроме Англии мира вообще не видел. Погоня за Тёмным Лордом, когда мы чуть не померли от голода

и холода, не в счёт.

Драко начал улыбаться:

— Хочешь пожить в местечках попрличней, чем холодные-голодные курятники на просторах занесённой снегом Восточной Европы?

— Хочу увидеть всё, что можно увидеть. И увидеть это вместе с тобой, — он помолчал и добавил: — Лучшего ничего и придумать нельзя.

Забрезжившая было улыбка Драко стала улыбкой самой настоящей — он просиял, словно в нём зажёгся свет.

— К твоему сведению, через неделю я уезжаю. Успеешь упаковаться, как думаешь?

— Да я к завтрашнему утру соберусь. На кой тебе неделя?! Что ты собираешься с собой везти?

— Шутить, что ли? Мне нужно встретиться с портным, подготовить одежду — дорожную одежду, разумеется. Потом продумать маршрут — а это, знаешь ли, не только булавки в карту втыкать. Надо ещё кое-чего подкупить — пойдёшь завтра со мной в Диагон-Аллею, там появилась новейшая колдокамера, которую я просто обязан иметь: она делает снимки, запоминает направление, так что ты никогда не потеряешься, и даже суп варит. Суп, правда, так себе, но, думаю, они над этим делом ещё поработают. И...

— Я так понимаю, это знак согласия. Значит, мне можно с тобой?

Драко не сдержал улыбки. Вернее, ухмылки во весь рот, если к нему вообще возможно применить подобное выражение.

— Ты спас мир. Так что можешь ознакомиться с тем, что, собственно говоря, спас.

* * *

В итоге Гарри даже порадовался, что между свадьбой и отъездом оказалась целая неделя. Гости медленно разъезжались из Имения: на следующий день отбыли в Нору Уизли, остался только Рон, захотевший побыть ещё немного с Гарри и Гермионой. Осталась и Блэз, и их с Роном частенько видели разгуливающими по просторам Имения. Она, вне всяких сомнений, обменивалась совами с Джинни, хотя по поводу ответных посланий держала язык за зубами. Драко получил одну-разъединственную неподписанную открытку с морским пейзажем. Он рассмеялся и, сложив, сунул её в карман.

Пока Гермиона в шезлонге готовилась к учёбе в Корнуэлле, Рон, Драко, Блэз, Гарри и частенько присоединявшиеся к ним Сириус и Ремус играли на поле за домом в квиддич. Как-то поутру Гарри с Драко отправились в Диагон-Аллею, где последний скупил всё, что попало ему на глаза, включая пробковый шлем, и Гарри поклялся, что любой ценой сделает фото, если хоть раз увидит его у Драко на голове. А как-то днём Драко взял Terminus Est и пошёл в отцовскую гробницу, где, завернув меч в ткань, его и оставил. Его сопровождал Сириус, и по возвращении Драко выглядел так, будто сбросил тяжкое бремя. К нему подошёл Рон, они поговорили — цивилизованно и вполне осмысленно, правда, никому не обмолвились, о чём таком разговаривали.

Дни текли, неспешные и золотые, заканчиваясь вечерними пикниками, фламинговым крокетом или же просто — лежанием на земле в ожидании зажигающихся одна за другой звёзд. Ночи Гарри проводил с Гермионой. Они больше не говорили о будущем. Разве что о прошлом, и то совсем немного, теперь оно казалось сказочным и практически совершенным — как практически совершенна жизнь, если в конце не ждут страдания. Как идеальна она, когда не гнетут воспоминания.

Время меж тем шло, приближалось, как обычно бывает, расставание. Сначала Гарри простился с Роном. Они крепко обнялись на верхней площадке парадной лестницы Имения. Экипаж унёс его в дом Блэз, где ему предстояло встретиться с её родителями,

после чего их наконец-то ждала Нора. Вид у Рона был странный — его то ли забавляло происходящее, то ли угнетало — «словно на собственные похороны идёт», — подметила Гермиона, обнимая его на прощание. Рон сел рядом с Блэз, и карета, сорвавшись с места, исчезла.

Следующей уехала Гермиона. Это оказалось куда больней. Они простились с Гарри без свидетелей, и когда она несла багаж в коляску, готовую доставить её к родителям в Чиппинг Содбэри, слёзы ещё не высохли на щеках. Сириус, Ремус, Нарцисса пожелали ей доброго пути, Драко с Гарри несли чемоданы с лестницы. Пришла пора расставаться.

— Мне писать? — вяло поинтересовался Драко, и Гермиона наконец-то рассмеялась.

— Если хочешь, — ответила она. — Скажи — те чёрные розы на приёме ты смастерил?

— Нет. Но идею подал именно я. Ты ведь знаешь, я люблю чёрный больше белого. Почему все восторги вечно достаются белому, тогда как мрак куда лучше успокаивает глаза?

Она ласково коснулась его лица:

— Помнишь — ты спросил, будет ли красиво там, куда ты отправляешься?

В памяти Драко всплыл длинный коридор, меркнувший свет и едва различимые голоса.

— Помню.

— Думаю, теперь я могу смело сказать «да». Будет, — она опустила руку. — Берегите друг друга.

Гермиона сбегала вниз, Гарри посадил её в карету, она наклонилась, чтобы поцеловать его на прощание. Солнце зацепилось за стеклянное колечко, висящее на цепочке, и оно вспыхнуло бело-синей звездой.

Гарри поднялся по лестнице.

— Следующая очередь наша, — сказал он. Драко опасался услышать страх или смтение, однако слова прозвучали просто задумчиво. — Пора собираться...

— Ты ещё не готов?! — махом потеряв всю невозмутимость, ахнул Драко. — Блин, да за нами через час приедут! И корабль ждать не станет...

— Уймись, Малфой, — засмеялся Гарри. — Я ночью всё упаковал. У меня же нет трёх чемоданов с гелями для волос.

Они поднялись за вещами, чтобы вернуться с сумками через плечо (при помощи какого-то магического прибабуса Драко ухитрился ужать три чемодана со средствами для волос до вполне разумного размера). Нарцисса, Сириус и профессор Люпин сидели на ступеньках, внизу — двери нараспашку — ждала карета.

— Что-то я от прощаний утомился, — поднимаясь, чтобы пожелать им доброго пути, мрачно заметил Сириус.

— В августе мы будем в Греции, — обнимая Гарри, сказала Нарцисса, — может, там и увидимся.

— Нечего приглашать кого ни попадя на наш медовый месяц! — запротестовал Сириус. Он посмотрел на Драко — видимо, примериваясь, как бы его половчей обнять, однако ограничился крепким мужским рукопожатием и обещанием при необходимости посылать деньги.

Драко удержался от замечания, что последнее едва ли потребуется. Даже если они с Гарри будут весь год пить вместо воды самое дорогое шампанское, закусывая исключительно икрой, это не отразится на многомиллионном малфоевском состоянии, не говоря уж о том, что и у Гарри кое-что за душой водилось.

Люпин протянул Гарри тоненькую книжку:

— Мне тоже довелось не один год путешествовать, вот я и описал свои любимые места... Если заинтересует...

— Заинтересует, — уверил, засовывая книжку в карман, Гарри. — Очень. Спасибо, — он улыбнулся присоединившемуся к ним Сириусу.

— Вот было бы здорово, будь тут... — крестный

сжал Гарри плечо и умолк, однако все поняли, что он собирался сказать: «Вот было бы здорово, будь тут Джеймс и Лили...»

— Да. Но теперь они обрели покой, — сказал Гарри. — И это самое главное.

— А ты? — тихо спросил Люпин, не сводя внимательного и задумчивого взгляда с Гарри.

Первая его мысль была о Драко с этим напугавшим Гарри «Готов».

— И я, — ответил он. — Я всегда буду тосковать по ним — по родителям. Но я помню, что ты сказал однажды, Сириус: «То, что мы делаем ради любви, не умрёт». Я всегда буду их помнить.

Глаза крестного потемнели, он снова обнял крестника за плечи — крепко, почти больно. Люпин, кажется, хотел что-то сказать, но его перебило озадаченное восклицание Нарциссы:

— Ну не странно ли! — в ряду роз, окаймлявших Имение, один куст за ночь изменил цвет с белоснежного на пылающий тёмно-красный. Она нахмурилась: — Не припомню, чтобы я разводила красные розы...

— Вот давай ещё из-за какой-то флоры переживать, мама, когда вокруг столько других, куда более весомых. Например, я. Я отправляюсь в путешествие один-одинёшенек...

— Эй! — оскорбился Гарри.

— ...и неизвестно, что ждёт впереди: меня могут похитить цыгане, я могу столкнуться с разбойниками — да мало ли что!

— О, уже сочувствую цыганам и разбойникам, — кончиками пальцев погладив сына по лицу, вздохнула Нарцисса. — Если я за кого и не волнуюсь, так это за тебя. Ты способен позаботиться о себе, — она с улыбкой опустила руку. — Равно как и Гарри.

Бормоча что-то о трагических последствиях недостатка материнской заботы, Драко чмокнул Нарциссу в щёку, подхватил сумки и начал спускаться. За ним зашагал Гарри. Они оставили окна кареты открытыми, чтобы выглядывать и махать на прощание, что и делали ещё долго после того, как Сириус, Ремус и Нарцисса, а следом и Имение исчезли из вида. Наконец, оставив Драко торчать из окна и беседовать с кучером, Гарри плюхнулся на сиденье. Драко составил ему компанию через секунду, сразу начав рыться в дорожном мешке:

— У нас шоколад есть? Я проголодался.

— Эй, это наши припасы в дорогу, не трожь! — отпихивая его руку, возмущился Гарри. — А что ты говорил кучеру?

— Мы едем в Париж, а не в пустыню Калахари. Затаришься шоколадом в Париже.

— Ладно, уговорил. Так что там насчёт кучера?

Улыбка Драко была слаще шоколадки, выуженной из дорожного мешка:

— Я попросил сделать остановку по дороге к побережью.

— Остановку? А где именно?

Драко откусил батончик:

— Увидишь.

* * *

Где-то в полдень карета вдруг остановилась, разбудив Гарри. Он зевнул и повернулся к окну, за которым расстилался знакомый пейзаж: зелёные поля, величественная серая лестница, ведущая к двусторчатым дубовым дверям, нагромождение башенок и крепостных стен, чистый и прозрачный горный воздух...

— Хогвартс? — недоверчиво спросил он. — Мы приехали в Хогвартс?

— Ага, — бодро кивнул Драко.

По дороге он, раскинувшись на своём сиденье, листал путевые записки Люпина. Записки отправились в дорожный мешок, а Драко выскочил из экипажа. Гарри, удивлённо оглядываясь, последовал его примеру:

— Ничего не понимаю. Зачем мы здесь? Тебя что —

уже ностальгия по школе замучила? Я думал, понадобится лет десять, не меньше.

Драко, как раз говорящий кучеру, сколько придёт-ся подождать, раздражённо покосился:

— У меня тут дело, ясно? Держи штаны крепче, Поттер.

— Мои штаны никуда не убегут, Малфой. Но вынужден тебе напомнить, что на летних каникулах в школе никого нет. Разве что Дамблдор. Но ему едва ли понравится, что мы нарушили его отпуск.

— А я с ним договорился, — поднимаясь к дверям, сказал Драко. — И он разрешил. Конечно, если не хочешь со мной идти, можешь остаться.

Гарри пожал плечами, но не притормозил.

— Думаю, что для исключения из школы уже поздно.

— О, обожаю твою способность во всём видеть положительные моменты.

И вот — верхняя площадка лестницы и двери. Гарри привык видеть их распахнутыми в закат — тем страннее было обнаружить их закрытыми. Ручка не поворачивалась.

— Видал? Закрыто. И что-то мне подсказывает, что Алохомора нам не поможет.

Драко пригвоздил его к месту долгим и мрачным взглядом, потом положил руку на дверь, и та беззвучно распахнулась.

— Тебе ж сказали: директор мне разрешил.

Слишком удивлённый, чтобы спорить, Гарри вошёл в выложенный каменными плитами холл. Огромные песочные часы, обычно отмеряющие количество очков того или иного факультета, стояли пустыми. Даже не взглянув на них, Драко направился к уходящей вверх мраморной лестнице. Он молчал, и Гарри не решился нарушить тишину, хотя ощущение, что в этом огромном замке они сейчас одни-одинёшеньки, действовало на нервы. Вот заскрипела половица у статуи Лаклана Ленивого на седьмом этаже. Раньше Гарри этого не замечал. Поворот — они оказались в длинном незнакомом коридоре с одной-единственной дверью на западной стене, которую Драко рывком и открыл. Открыл — и замер на пороге, словно не в силах ступить внутрь. Гарри приблизился, заглянул — пустое помещение, голые окна, танцующие в полосах света пылинки. Единственным предметом интереса было грандиозное зеркало на когтистых золотых лапах. Солнце падало на него под таким углом, что поверхность мерцала, будто вода, не давая прочесть надпись на раме. Впрочем, нужды в этом не было, Гарри и так её знал.

— «Я показываю не лицо твоё, — процитировал он, — но тайные желания твоего сердца».

Драко молчал, неотрывно глядя на Зеркало. На его щеке торопливо билась жилка.

— Ты сюда ради этого пришёл? — спросил Гарри. — Ради Зеркала Джедан?

— Чтобы взглянуть в него. Ради этого.

Гарри мотнул головой:

— Зеркало — не игрушка. И смотреть на тайные желания своего сердца не всегда приятно, особенно если они недостижимы...

— А ты думаешь, мои желания настолько недостижимы?

— Не знаю... — Гарри подумал о Люциусе и тут же — о том, что зря он о нём подумал. — Я не знаю, чего тебе хочется...

— Равно как и я, — отозвался Драко. Он стоял, привалившись к косяку, глядя в комнату, но не видя её. — Но хочу узнать. В своём замке Слизерин привёл меня к Зеркалу Правосудия, которое показывает то, чем ты был и чем мог бы стать. Теперь я хочу узнать, кто я сейчас. Хочу узнать, изменил ли меня прошедший год.

— Мне кажется, изменил, — заметил Гарри.

— Похоже, недостаточно, — отозвался Драко. — Желания наших сердец — это не просто то, чего мы хотим: скажи мне своё желание, и я скажу тебе, кто

ты... — он посмотрел на Гарри ясными и отстранёнными серыми глазами. — Подождёшь меня тут?

Гарри, не испытывая желания подходить к Зеркалу, кивнул:

— Если хочешь.

— Именно этого я и хочу, — сказал Драко, вошёл внутрь и захлопнул за собой дверь.

* * *

Едва закрылась дверь, комнату наполнила звенящая тишина. Пыль на полу не нарушала отпечатки ничьих следов. Драко вдруг задумался, сколько же тут стоит Зеркало? Хотя едва ли способ его транспортировки таков, что оставляет следы... Айсбергом среди замёрзшего океана вздымалось оно посреди комнаты. Окна пропускали свет, но не тепло — Драко дрожал, пока шёл к Зеркалу сквозь пыльную завесу, каждым шагом поднимая в воздух пушистые клубы.

...Прах ко праху, — подумал он, добравшись до цели. Гладкая поверхность была идеально чиста. Встав так, чтобы не видеть своего отражения, Драко всмотрелся в зеркальные глубины: пустое помещение, до последней трещинки на полу совпадающее с реальностью.

Он встал напротив и тут же опустил взгляд. Сердце отчаянно билось — он хотел и посмотреть, и не смотреть, хотел, чтобы всё было уже позади, чтобы от него наконец-то отвязалась мысль, не дававшая ему покоя, пока он не поговорил с Дамблдором.

Кто же я?

Кто же я на самом деле?

А может, он заблуждался, может, желание сердца — вовсе не путь познать себя, как обещал Оракул? А вдруг оно обречёт его на бессмысленную погоню за несбыточными мечтами?

«Зеркало — не игрушка», — сказал Гарри, однако же сам смотрел в него — и не раз. Именно благодаря ему Драко знал, что желания меняются вместе с их обладателем — из них можно вырасти, как вырастают из детских вещей.

...Теперь мы видим как сквозь тусклое стекло, тогда же — лицом к лицу. Нечего бояться, — сказал себе Драко, — ведь правда о себе останется таковой вне зависимости от того, примешь ты её или нет. И уж лучше знать, верно? И, наконец, — сурово напомнил он, — я — Малфой, а Малфои не боятся.

Драко поднял голову и, прежде чем успел остановиться, посмотрел в Зеркало — мельком. Перед глазами на миг поплыло, потом снова прояснилось — он смотрел на серебристое отражение, собственное отражение: бледное лицо, испуганное и до странности незащитное, светлая полоска шрама под глазом, яркая, как серебряная ниточка. Он стоял и смотрел, не шелохнувшись, пока не осознал, что лицо стало каким-то не таким... Оно начало мёрзнуть, и когда Драко поднял руку и прикоснулся тыльной стороной ладони к щеке, та стала влажной. И солёной на вкус, как море.

* * *

Открыв дверь, он обнаружил Гарри сидящим в коридоре на полу и развлекающим себя игрой с пером, залетевшим, должно быть, из совятни. Экс-гриффиндорец удивлённо поднял голову и вскочил.

— С тобой всё в порядке?! — ахнул он. Это прозвучало, скорее, вопросом, чем утверждением.

— У-у, Фома неверующий... — отозвался Драко. — Порядок, спасибо.

— У тебя лицо странное, — не сводил с него взгляд Гарри.

— Там страшная пылица, аж глаза слезятся.

Гарри приподнял бровь:

— И?

— И пора нам двигаться, — кося глазом в сторону коридора, сказал Драко, — нечего дневной свет попусту переводить, Поттер.

— Так и не скажешь, что там увидел? — Гарри выглядел настолько встревоженным, что Драко рассмеялся.

— Ой, да себя видел, — словно между прочим, отмахнулся он. — Такого, какой есть.

— Чёрт тебя задери! Шутишь, да? Просто себя?

— Ну, может, парой-другой дюймов повыше.

Гарри медленно покачал головой:

— Везунчик, — сказал он и ухмыльнулся. — Слушай, я давно хотел тебя спросить: уж не девчачью ли заколку ты на рукав прицепил?

Драко опустил взгляд к золотой бабочке. Той самой, что нашёл на полу после ухода Джинни.

— А что не так?

— Не кажется, что это чересчур?

— Нет, — сообщил он с видом человека с непробиваемым чувством юмора.

— Как скажешь. Главное — в волосы её не цепляй, — пожал плечами Гарри. — Знаешь, я, пожалуй, тоже загляну в Зеркало. Ну, если оно разобралось в тебе, то...

— Нет, — отрезал Драко. — Не думаю, что благосклонность Дамблдора простирается настолько далеко.

— Ладно-ладно... — с лёгким удивлением согласился Гарри. — Наверное, ты действительно сказал Снейпу правду...

— В смысле?

— Что, дескать, готов. Ты действительно должен быть готов...

— Полагаю, да, — согласился Драко таким тоном, будто ещё не сжился с этим открытием.

Гарри усмехнулся:

— И ты даже согласен быть моей тенью?

Он-то сказал это в шутку, но Драко ответил долгим взглядом в упор, лишённым как юмора, так и раздражения или гнева — в нём была только задумчивая сосредоточенность.

...Если я — тень, — наконец безмолвно ответил он, — то лишь потому, что ты — свет. А они не могут существовать друг без друга.

Драко сказал это без нажима, словно озвучивая простую истину, и Гарри подумал, что, наверное, так оно и есть.

— Хорошо, что мы не должны зависеть друг от друга настолько буквально, верно? — произнёс он и снова огляделся, словно в первый раз заметив гаснущий за окнами свет. — Если мы не поторопимся, то пропустим пароход, — и экс-гриффиндорец направился к лестнице.

— Можно подумать, это мне приспичило ещё раз посмотреть в Зеркало, — заметил за его спиной Драко. — Я тебе ещё десять минут назад сказал, что нужно идти.

— Так-таки и десять. Пять от силы. И потом, откуда ты знаешь? Ты ж часов не носишь.

— Я не допущу, чтобы меня связывали чьи-либо представления о времени, — встрепенулся Драко, на деле сейчас находящийся крайне далеко от их любимых споров ни о чём.

Они уже были на первом этаже, в холле, куда сквозь распахнутые двери врывалось солнце, торя сияющий путь по стёршимся от времени каменным плитам. И Драко ступил в его лучи, внезапно подумав, что вот она — жизнь: ведёт вдаль сияющей тропой... И впервые осознал: она стоит того, чтобы жить.

ⁱ The Knight, Death and the Devil — Рыцарь, Смерть и Дьявол — гравюра Альбрехта Дюрера; Knight — шахматный конь.

ⁱⁱ Кракен — в европейской мифологии морское чудовище со множеством щупалец, охраняющее сокровища потонувших кораблей.

ⁱⁱⁱ **Примечание автора:** Прежде чем приступить к чтению, обязательно убедитесь, что вы читали обе части Главы 15 — и первую, и вторую. Если это не так, вернитесь к предыдущей главе и прочитайте ее всю, целиком, а иначе вы ничего не поймете.

Подсказка: Если вам непонятно, почему эта глава начинается с похорон — значит вы, скорее всего, не прочитали полностью главу 15.

Примечание переводчика: прощальная речь на кладбище — из Первого Послания апостола Павла к Коринфянам